

11 Археология Подмосковья

Археология Подмосковья

Выпуск 11

Материалы научного семинара

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

The Archaeology of the Moscow region
Proceedings of scientific seminar

Issue 11

Moscow
2015

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Археология Подмосковья
Материалы научного семинара

Выпуск 11

Москва
2015

УДК 902/904
ББК 63.4
А87

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
А. В. Энговатова (отв. редактор), В. Ю. Коваль, И. Н. Кузина

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
д.и.н. Л. А. Беляев,
д.и.н. А. Н. Сорокин

А87 **Археология** Подмосковья: Материалы научного семинара.
Выпуск 11. – М.: Институт археологии РАН, 2015. 552 с., цв. вкл.
ISBN 978-5-94375-176-9

В одиннадцатый выпуск «Археологии Подмосковья» вошли материалы научного семинара, проводившегося Институтом археологии РАН в феврале 2014 г. Сборник содержит более 30 статей. Представленные результаты исследований археологических памятников охватывают широкий временной диапазон: от эпохи бронзы до Новейшего времени.

Для археологов, историков, краеведов.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-176-9

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2015
© Авторы статей (фамилии выделены
в содержании курсивом), 2015

Содержание

Древности эпохи бронзы и раннего железного века

<i>Сидоров В. В.</i> Заболотское озеро. Развитие озерной системы	9
<i>Кравцов А. Е., Азаров Е. С., Бабкина Е. В., Марьенкина Т. А., Модин Р. Н.</i> Поселение и могильник Щербинино – археологический памятник мезолита – бронзового века и Средневековья в Подмосковной Мещере (некоторые результаты исследования культурного слоя).....	20
<i>Кравцов А. Е., Азаров Е. С., Бабкина Е. В., Марьенкина Т. А., Модин Р. Н.</i> Могильник позднего бронзового века на археологическом памятнике Поселение и могильник Щербинино в Подмосковной Мещере	77
<i>Кренке Н. А., Войцук А. А., Лавриков М. В., Лазукин А. В., Раева В. А.</i> Могильник фатьяновской культуры Луцино-Газовик	89
<i>Столяров Е. В.</i> Городище Дуна: к характеристике горизонтов эпохи раннего железного века (по материалам работ 2011 года).....	98
<i>Тавлинцева Е. Ю.</i> Предмет с зооморфным навершием из Ростиславля	122
<i>Новоселова Т. Н., Вишневецкий В. И.</i> Раннесредневековый финно-угорский могильник на Ратьковском городище (результаты раскопок 2013 года).....	127
<i>Энговатова А. В., Добровольская М. В., Костылева Е. Л.</i> Изотопные характеристики индивидов из погребений неолитического могильника Сахтыш-2а: данные к реконструкции питания.....	138

Славяно-русские древности

<i>Сыроватко А. С., Клещенко Е. А., Свиркина Н. Г., Трошина А. А.</i> Грунтовые кремации Щурово: к вопросу о первоначальной форме погребений.....	147
<i>Гольева А. А., Турова И. В.</i> Фосфор в археологических объектах: формы, количество, устойчивость.....	155
<i>Шполянский С. В.</i> Древнерусский Осовец на Клязьме: археологический комментарий к истории крепости.....	164
<i>Завьялов В. И.</i> Цветовая гамма стеклянных браслетов Переяславля Рязанского (по материалам Житного раскопа).....	178
<i>Модин Р. Н.</i> Древнерусский горизонт городища Велегож (материалы раскопок 2012 года)	184
<i>Прошкин О. Л., Фролов А. С.</i> Поселение у с. Исканское (к вопросу о локализации древнерусской Исконы).....	198
<i>Столярова Е. К., Энговатова А. В.</i> Находки витражных стекол из Ярославля.....	210
<i>Жилина Н. В.</i> Застежки в костюме Московской Руси (предварительный очерк).....	227
<i>Коваль В. Ю.</i> Импортная керамика Московского Кремля по материалам раскопок на Подоле в 2007 году.....	254
<i>Зейфер В. А.</i> Предварительный анализ жилых и хозяйственных построек из раскопок южной части кремля г. Переславля-Залесского (по результатам исследований 2013 года).....	287
<i>Мазурок О. И., Зейфер В. А.</i> Отражение минувшего. Металлическое зеркало из раскопок в Переславле-Залесском.....	299
<i>Чернов С. З.</i> Ранняя волостная деревня в Радонеже по данным исследования культурного слоя, сохранившегося in situ: селище Лешково-4 (Белухинское).....	304

Археология Московского государства и Российской империи

<i>Богомолов В. В., Володин Е. О., <u>Заидов О. Н.</u>, Цыбин М. В., Шибанин Г. А., Шеков А. В.</i> Предварительные итоги археологических исследований селища Большое Саврасово 2	339
<i>Фатков А. М., Яганов А. В.</i> Находки заготовок белокаменных изделий из раскопок селища Большое Саврасово 2 в 2013 году	412
<i>Фатков А. М., Баранов Н. А.</i> Находка ангобированного кумгана с раскопа 2 на селище Большое Саврасово 2	422
<i>Высоцкий А. Л., Щербаков В. В.</i> Зооморфные рукомойки Троице-Сергиевой лавры	433
<i>Векслер А. Г., Гусаков М. Г., Патрик Г. К.</i> Московская красноглиняная (гладкая) и ангобированная керамика XV–XVI веков по материалам раскопок на Ильинке и Старом Гостином дворе	437
<i>Алексеев А. В.</i> Средневековый каменный крест из Звенигорода.....	449
<i>Хухарев В. В.</i> Кресты и иконки с сюжетом из жития «Никитино мучение».....	455
<i>Медведь А. Н.</i> Ростиславль в XVI веке: окраина Московского государства	467
<i>Елкина И. И., Зейфер В. А.</i> Волосник из Переславля-Залесского	474
<i>Малых С. В.</i> Усадьба Лопухиных в Москве: археологические исследования 2011 года	481
<i>Векслер А. Г., Меньшиков М. Ю.</i> Амулеты-топоры из раскопок на территории Москвы.....	497
<i>Лихтер Ю. А.</i> Новые находки стеклянных изделий в Москве (Замоскворечье).....	501
<i>Смирнов А. Н.</i> Печные изразцы из раскопок дворцового комплекса Б. Ф. Годунова в селе Вязёмы	526
<i>Янишевский Б. Е., Янишевский О. Б.</i> Костяные пуговицы из раскопок в селе Бородино	536
<i>Федорова Л. И., Ткаченко В. А., Федоров В. В.</i> Местные особенности бытования глиняных курильных трубок в Калуге и окрестностях.....	539
Список сокращений	547
Сведения об авторах	549

Contents

Materials of the Bronze Age and Iron Age

<i>Sidorov V. V.</i> Zabolotskoe Lake – the development of the lake system.....	9
<i>Kravtsov A. E., Azarov E. S., Babkina E. V., Marjenkina T. A., & Modin R. N.</i> «Scherbinino settlement and burial grounds» – an archaeological site of the Mesolithic – Bronze Age and Middle Ages in the Meschera area of Moscow Region (some results of a study of the cultural layer).....	20
<i>Kravtsov A. E., Azarov E. S., Babkina E. V., Marjenkina T. A., Modin R. N.</i> Burier grounds of the late Bronze Age at the archeological complex “Scherbinino settlement and burier grounds” in the Meschera area of Moscow Region.....	77
<i>Krenke N. A., Voitsik A. A., Lavrikov M. V., Lazukin A. V., & Raeva V. A.</i> A Fatjanovo-culture cemetery at Lutsino-Gazovik	89
<i>Stolyarov E. V.</i> The fortress settlement of Duna – characteristic features as it may have appeared in the period of the early Iron Age (based on finds during excavations carried out in 2011).....	98
<i>Tavlintseva E. Y.</i> An item with a zoomorphic fineal from Rostislavl	122
<i>Novoselova T. N. & Vishnevsky V. I.</i> An Early Medieval Finno-Ugrian Mound on the Rafcovo Hill Fort (based on the results of excavations made during 2013)	127
<i>Engovatova A. V., Dobrovolskaya M. V., Kostyleva E. L.</i> The isotope characteristics of individual human remains from a Neolithic burial site at Sakhtysh-2a – the data, and a conjectural reconstruction of their diet	138

Slavic-Russian monuments and artifacts

<i>Syrovatko A. S., Kleshenko E. A., Svirkina N. G., & Troshina A. A.</i> Earth burials at Shurovo – the issue of the original shape of the graves.....	147
<i>Goleva A. A. & Turova I. V.</i> Phosphorus at archaeological sites – the forms, amounts & stability	155
<i>Shpoliansky S. V.</i> The Old Russian town of Osovets on the Klyazma River – an archaeological commentary concerning the history of the fortress	164
<i>Zavyalov V. I.</i> The range of colours found in glass bracelets at Pereslavl Ryazansky (based on finds made at the Zhitny excavations).....	178
<i>Modin R. N.</i> The Old Russian settlement of Belegozh (archaeological finds during 2012).....	184
<i>Proshkin O. L. & Frolov A. S.</i> The settlement at Iskanskoe village (concerning the issue of establishing the location of the Old Russian settlement of Iskona)	198
<i>Stolyarova E. K. & Enhovatova A. V.</i> Stained glass finds from Yaroslavl	210
<i>Zhilina N. V.</i> Fasteners on clothes in Muscovian Rus’	227
<i>Koval V. Y.</i> Imported ceramics from the Moscow Kremlin, from an excavation in Podol (lower area) in 2007	254
<i>Zeifer V. A.</i> A preliminary analysis of residential and household buildings from the excavations of the Southern part of Pereslavl’ Zalesky Kremlin (from the results of excavations made in 2013)	287
<i>Mazurok O. I., Zeifer V. A.</i> A reflection of the past. A mirror of 13–14 c. from Pereslavl’ Zalesky	299
<i>Chernov S. Z.</i> An early settlement in Radonezh, as seen from the evidence of items excavated from the cultural layer preserved in situ at the village of Leshkovo-4 (Belukhinskoye)	304

Archaeology of the Muscovian Rus' and the Russian Empire

<i>Bogomolov V. V., Volodin E. O., <u>Zaidov O. N.</u>, Tsybin M. V., Shebanin G. A. & Shekov A. V.</i> Preliminary findings of the archaeological survey conducted at the village of Bolshoye Savrasovo 2	339
<i>Fatkov A. M. & Yaganov A. V.</i> Finds of pieces of treated white stone, from excavations at the Bolshoe Savrasovo village settlement carried out in 2013.	412
<i>Fatkov A. M. & Baranov N. A.</i> The find of a slip-cast jug from Excavation 2 at the Bolshoe Savrasova 2	422
<i>Vysotsky A. L. & Scherbakov V. V.</i> Drainspouts with animal motifs from the St Sergiev Trinity Lavra Monastery	433
<i>Veksler A. G., Gusakov M. G., & Patrik G. K.</i> Ceramic-ware made from smooth red Moscow clay, and slip-cast ceramics from the C15th & C16th, found during excavations at Ilyinka street and the Old Gostinny Dvor (Merchant's Hall)	437
<i>Alekseev A. V.</i> A Medieval Stone Cross from Zvenigorod	449
<i>Khukharev V. V.</i> Crosses and icons with scenes from the «Nikita's Crucifixion» hagiography	455
<i>Medved A. N.</i> Rostislav in the C16th – an outpost of the Principality of Muscovy	467
<i>Elkina I. I., Zeifer V. A.</i> Knitted caps of Pereslavl-Zalessky	474
<i>Malikh S. V.</i> The Lopukhinov Mansion in Moscow – an archaeological survey of 2011	481
<i>Veksler A. G., Menshikov M. Y.</i> Amulet axes from the excavations in Moscow	497
<i>Likhter Yu. A.</i> New glassware finds in the South Bank area of Moscow	501
<i>Smirnov A. N.</i> Stove tiles from excavations carried out at Boris Godunov's palace complex at the settlement of Vyazëmy	526
<i>Janishevski B. E., Janiszewski O. B.</i> Bone buttons from the Borodino village	536
<i>Fedorova L. I., Tkachenko V. A., & Fedorov V. V.</i> Regional specifics concerning clay tobacco-pipes in Kaluga and its surroundings	539
List of abbreviations	547
About authors	549

Древности эпохи бронзы и раннего железного века

В. В. Сидоров

Заболотское озеро. Развитие озерной системы

Торфяники р. Дубны – это остаток каскада озер, оставшихся от Тверского приледникового озера, имевшего в период максимума валдайского ледника сток в Клязьму по р. Нерли на высотной отметке 145 м по балтийской системе высот (рис. 1). Террасный уступ такой высоты четко читается на северном склоне Клинско-Дмитровской гряды. Волны озера срезали макушки большинства моренных холмов московского ледника, образовав пологие склоны, состоящие из переотложенных песков. Сейчас они заняты селами, окружающими озерные котловины, – Заболотье, Закубежье, Остров. Следующая терраса сформировалась на высоте 129–132 м – это уровень озер системы Пра – Волга, имевшей сток в Белое море. Он читается на берегах дубненского каскада. На левом берегу р. Дубны она простирается от стоянки Монино 1 до подножия холмов. Озерная терраса на уровне 110 м хорошо фиксируется в Костромской низине, на оз. Неро она заполняет большую часть озерной котловины, прослеживается на озерах верховий Мологи, но у озер Дубны этой террасы нет. Тверское озеро этого уровня оставалось базисом эрозии для Дубненского каскада, но падение их уровней от 130 до 110 м шло вне зависимости от уровня приледникового озера – в результате врезания русла дренирующей их реки.

Врез русел зависит от уклона и количества проходящей по руслу воды: чем больше осадков, тем быстрее идет врез русла, регулярно очищаемого от наносов паводками. Естественное развитие озер в зоне избыточного увлажнения однонаправлено: как показал Д. Д. Квасов, реки спускают озера. Заболачивание здесь наступает не при увеличении, а при уменьшении количества осадков: русла при этом зарастают, и начинается образование

вторичных озер с торфяными берегами. При наступившей в результате этого трансгрессии вода местами подходит к подножию холмов, делая эти участки пригодными для стоянок. Типичный образец поселения, к подножию которого подступила вода при заболачивании озера, – поселение с сетчатой керамикой Торговище, исследованное Д. А. Крайновым на оз. Сомино.

Падение уровня озера оставляет плоские берега, которые до того были прибрежными отмелями и пляжами. Они не обсыхают, так как грунтовые воды выходят выше по склону. Берега озер в состоянии регрессии малоприспособлены для жизни людей, требуют их специального оборудования. Берега рек, впадающих в озеро, по-прежнему остаются пригодными для жизни. Паводки оставляют на берегах нанос – глинистую взвесь, супесь, которая оседает на прибрежной растительности. В результате накапливается прирусловый вал, формируется гривистый рельеф поймы. Эти гривы обсыхают первыми и при дальнейшем падении уровня озера перестают затопляться, постепенно удлиняясь в сторону устья. Плоская поверхность озерной террасы позволяет реке меандрировать и прокладывать новые русла. Так формируется дельта при впадении реки в озеро. Прирусловые гривы в дельте оказываются наиболее удобными местами для стоянок. Именно это мы видим при впадении р. Дубны в Заболотское озеро.

Есть еще одна интересная особенность. При впадении реки в озеро течение гаснет, накапливается приустьевый бар, состоящий из топких кос. Состав оседающей взвеси зависит от скорости течения рек. Песчаные косы могут формироваться при быстром ее течении, а на равнинных реках косы илистые. При слабом течении они состоят из ила, растительного детрита, плавника (не всякое скопление древесины

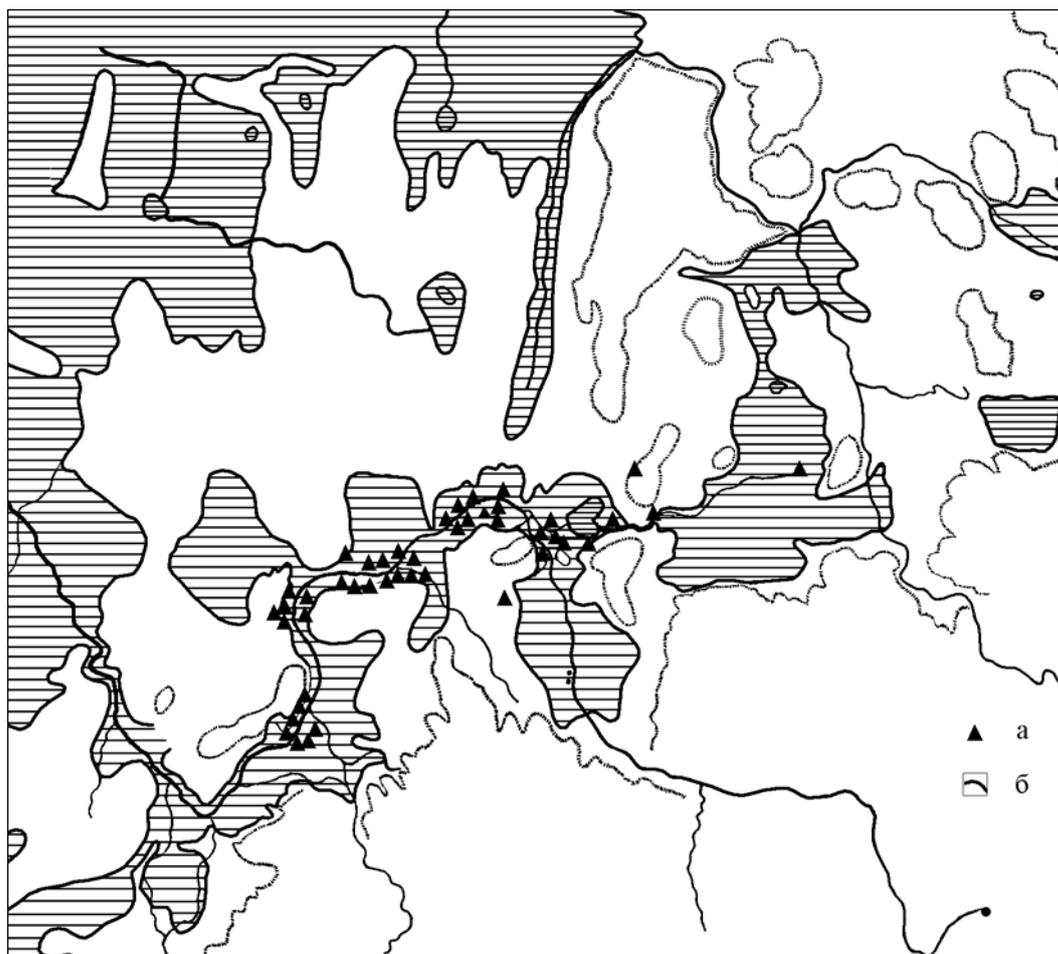

Рис. 1. Каскад палеозер на р. Дубне

а – археологические памятники; б – реконструируемые русла рек

в раскопе – след искусственной конструкции). В нем тонут попадающие в воду предметы, образуя шлейф культурного слоя, отлагавшегося одновременно со слоем приустьевой стоянки. Но стратиграфия шлейфа не столь надежна, как ожидалось бы. Предметы, в том числе из органических материалов, тонут во взвеси на разную глубину, в зависимости от удельного веса и формы, проецируясь на горизонты уплотнения в отложениях косы (они возникают при усилении течения как прослойки песка). Глубинные отметки в шлейфе еще не являются хронологическими показателями: важнее проследивать горизонты проекции материала.

Несколько иначе осваиваются участки при истоке реки из озера. Здесь паводок не несет минерального наноса, и в качестве мест для стоянок оказываются пригодными возможно более близкие к озеру участки террасы реки, особенно при устье малых притоков: площадка для поселения оказывается дренирована основной рекой, а приток обе-

спечивает формирование пологого берега – лодочной пристани.

Стоянки Замостьинской группы открыты в 1987 г. по берегам дренированного при строительстве Загорской гидроаккумуляционной электростанции участка русла р. Дубны. Всего тут выявлено до 23 памятников. Копаное русло пересекло несколько памятников. Многолетние работы вскрыли полосу до 200 кв. м на стоянке Замостье 2 (*Lozovski, 1996*) и около 300 кв. м на стоянке Замостье 5 (*Сидоров, 1997; Сидоров, Сорокин, 1998*). Исследованы сплошной площадью (535 кв. м) стоянка с могильником Миныно 2 (*Сорокин, 2011, 2013*). Все они многослойны, с материалами от мезолита до эпохи бронзы. Разведочные раскопки и шурфовка велись на стоянках Замостье 1, 4, 7, 13, Сулять 1, Миныно 1.

Природа этих памятников трактуется не одинаково. Весьма спорно построение В. М. Лозовского, основанное на понимании разреза стоянки Замостье 2 Ю. А. Лаврушиным (*Алешинская, Лаврушин,*

Спиридонова, 2001), который рассматривает илистую толщу, содержащую мезолитический материал, как почву, сформировавшуюся при осушении озерного берега. Поступление растительного детрита предполагается в результате селя, сошедшего со склонов Клинско-Дмитровской гряды (хотя выше по течению, у с. Мергусово, была котловина еще одного озера, которое не могло бы пропустить сель с весьма неблизких (12 км) склонов Клинско-Дмитровской гряды). Но состав детрита здесь тот же самый, какой накапливается на современной косе при устье р. Сулати. Это типичная коса, и представить ее жилой площадкой невозможно. Присутствие здесь верш, рыболовных ловушек, прослеженных в русле современной Дубны, однозначно говорит о водном происхождении слоев. Размыв хорошо читается на уровне верхневолжского и раннельяловского слоев – они оказались спроецированы в единый слой переотложения. И только для позднельяловского слоя тут можно говорить о гидроморфной почве – сыром луге, который тоже мало пригоден для площадки поселения и даже для летней стоянки. Раскопом на Замостье 2 исследован типичный прибрежный шлейф, но и многочисленные стоянки на палеоозерах у Окаеново, Соматовино и Нушпола представляли собой участки шлейфа, а не площадок поселений, как считает исследовавший их М. Г. Жилин (Спиридонова, Жилин, 1998). Ту же ошибку повторяет он при исследовании Станового 4 (Жилин, 2002; Сидоров, 2009).

В. М. Лозовский сделал инструментальную съемку левого берега реки, но берег был изменен строительством закрытого дренажа, и съемка проявляет следы именно этой работы, а не древний рельеф. А. Н. Сорокин исследовал формирование этого участка дельты регулярным бурением, что позволило выявить русла и прирусловые валы. Ширина валов около – 30 м, глубина погребенных русел разная, и формировались они в разное время – некоторые содержат средневековый материал.

Замостье 5 на правом берегу реки (рис. 2) показало, что льяловская и волосовская стоянки (последняя с могильником) приурочены к прирусловому валу и формировались в условиях высокой поймы. Слой эпохи бронзы сильно размыт, а развалы фатьяновских сосудов на склоне гривы залегали в нижнем слое озерной глины, перекрывшей неолитическую стоянку при образовании вторичного озера. Раннельяловский и верхневолжский слои отложились в торфянистом слое растительного детрита у подножия берега, а верхний мезолитический слой, синхронный мезолитическим

слоям Замостья 2, помещался в детритовом слое с ракушкой, прорезанном русловыми желобами. Слой ракушечно-детритовый (ракушка измельчена в песок – подобные слои формируются в русловых желобах) более древний, чем мезолитические слои Замостья 2, содержал помост – простой прибрежный настил, попавший в водные отложения при оползании с суши (Сорокин, 2011). Местами под настилом сохранились блоки сфагнового торфа, который мог формироваться только на заболоченном берегу. Под этим слоем в толще переотложенного алевролита сохранялись водные отложения с культурными остатками начала голоцена. Вероятны такие же отложения и на Замостье 2, но толща алевролита под слоем растительного детрита тут не вскрывалась.

Раскопы на Замостье 5 и 1 показали, что позднелестое озеро было спущено до отметки около 123 м. При этом обнажилось алевролитовое дно. Такая же врезка русла в алевролит прослежена на стоянке Замостье 7 в 700 м выше по течению. Все стоянки располагались не на берегах озера, а на гривах при руслах, врезавшихся в алевролитовое озерное дно. Жилые площадки мезолитических поселений, с которых в русло попадал археологический материал, не вскрывались ни на Замостье 5, ни на Замостье 2. Только раскоп на Монино 2 вскрыл площадку мезолитического поселения, но, возможно, она оказалась размыта в одно время с льяловско-верхневолжским слоем на Замостье 2. Специфика литологии разновременных мезолитических слоев отражает особенности водного режима и накопления наносов. Нижние слои, перекрытые перемытым алевролитом, формировались вскоре после падения уровня озера, когда шло обрушение берегов, состоявших из алевролита. Поверхность алевролита не горизонтальна: на участке севернее Замостья 7 он проявляется на 1,5 м выше уровня реки, а на Замостье 5 на 2,5–3,0 м ниже этой отметки. Верхние мезолитические слои отложены при формировании косы в приустьевой части протоки; льяловские – при формировании поймы Дубны в виде прирусловых валов. Волосовские слои соответствуют стадии начала формирования режима высокой поймы и заболоченного озера с торфяными берегами при минимальном уровне озера. Трансгрессия, приведшая к затоплению котловины, началась в эпоху бронзы, в конце III тысячелетия до н. э. – вот почему фатьяновские сосуды оказались в нижней части озерной глины, перекрывшей стоянку.

Последующий режим Заболотского озера определяется слабым уклоном озерной системы. Паводковые

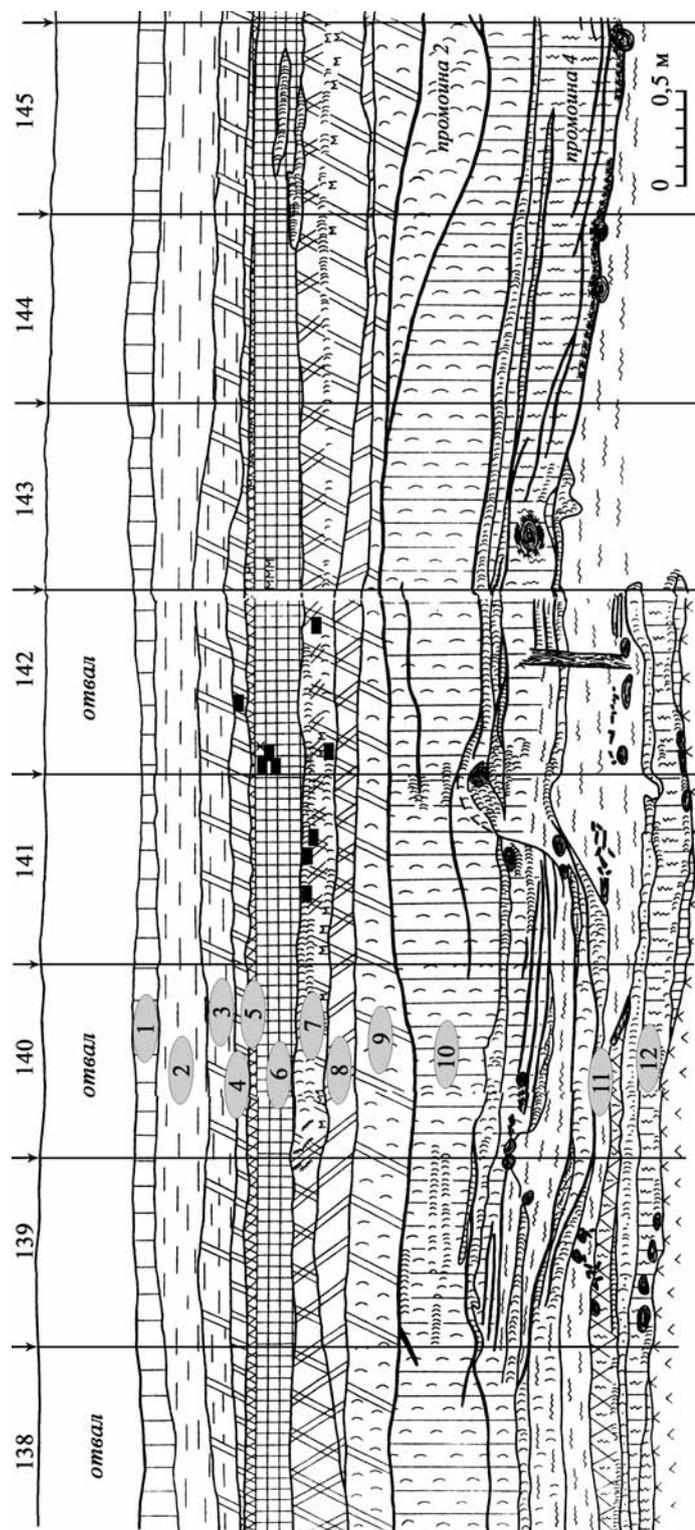

Рис. 2. Стратиграфия Замостья 5, 1996 г. Разрез по линии В–Г, секторы 3, 4

1 – торф; 2 – глина; 3 – глина с вивианитом; 4 – ожелезненная глина; 5 – гумусированная супесь (почва воловской культуры); 6 – желто-серый суглинок (кухонная куча с лизами ракушки); 7 – серый суглинок (гидроморфная почва с прослойками мергеля); 8 – ожелезненный суглинок; 9 – ожелезненный ракушечный детрит; 10 – ракушечный и растительный детрит; 11 – прослойки ракушечного и растительного детрита и сапропеля – уровень настила; 12 – сапропель с алевроитом

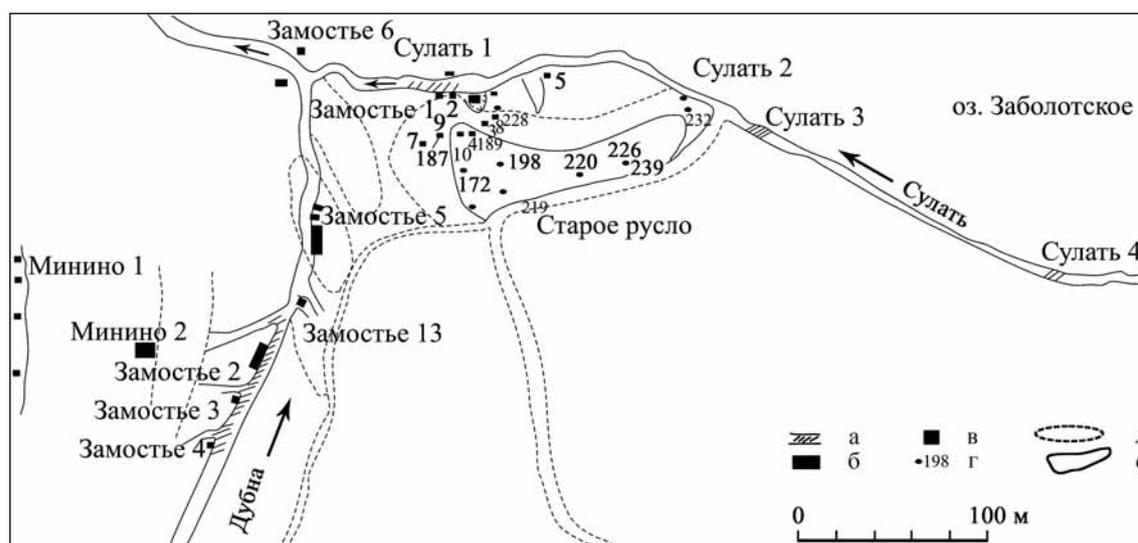

Рис. 3. Памятники дельты Дубны

а – сборы в руслах; б – раскопы и шурфы; в – скважины; г – высотные отметки над репером; д – прибрежный шлейф культурного слоя; е – жилая площадка поселения Сулять 1

воды надолго задерживались в озерной котловине, по которой меандрировали протоки. Русла их врезались в шлейфы более ранних памятников, перетлагая при этом ранние материалы в торфянистый слой поверх озерной глины. Их берега оставались пригодны для кратковременных рыбацких стоянок: на стоянках Замостье 4 и 13 материалы X–XI вв. оказываются спроецированными на один уровень с переотложенными мезолитическими и неолитическими находками (лепная керамика, железные изделия). Сами русловые желоба достоверно читаются в разрезах и кернах как толща однородного коричневого торфа. Шурф на прирусловой гриве позднего русла при впадении в торфяник р. Сулять прямо под торфянистым дерном открыл остатки такой рыбацкой стоянки с острогой эпохи неолита, оселком и горшком XVI в. при кострище.

Предполагалось, что правый берег р. Дубны имеет такое же, как левый, строение – систему дельтовых грив вдоль русел. Он не подвергался дренажу, но острова или прирусловые валы не проявляются по высотным отметкам – их сnivelировало позднее озеро. Только русло Дубны, существовавшее до 1973 г., проступает в рельефе. Промоина, принятая ранее за след русла (Сидоров, Сорокин, 1998), с ним не связана. Стратиграфия верхней части отложений одинакова. Тростниковый торфянистый дерн (толщиной до 35 см) подстилает толща озерной глины в нижней части, окрашенной вивианитом в синий цвет; на воздухе он становится зеленым, затем желтым. Участки, где нет этого глинистого пласта, а тофянистый дерн залегает на супеси с гравием

(размытой морене), можно узнать по изменению растительности: здесь вместо тростника, крапивы и «бешеного огурца» появляется невысокое разнотравье. Плоская равнина правого берега скрывает погребенный остров.

Севернее Замостья 5, ближе к озеру, раскоп 1990 г. длиной 21 м обнажил береговой обрыв Дубны и его подножие, вскрыл русловые отложения с разновременным материалом – стоянку Замостье 1. От шлейфа Замостья 5 он отделен руслом поздней протоки, в котором находок не было. На правом мысу и в русле Суляти встречен переотложенный материал, содержащий помимо неолитической керамики эпохи бронзы, которой почти не было выше по течению (если не считать окатанных фрагментов из слоев размыва площадок – они присутствуют на Замостье 2 и 5). Скопление материала в русле узкое (около 30 м) и воспринято как окончание шлейфа культурного слоя еще не полностью выявленной стоянки, западный край которой ограничен руслом, открытым в раскопе; южный – вскрытым зачисткой руслом, пересекающим продольные русловые желоба; восточный – водными отложениями в шурфах, очерчивающих стоянку Сулять 1, выявленную восточнее.

На левом берегу Дубны, напротив устья р. Суляти, в раскопе А. В. Энговатовой 1989 г. встречен участок концентрации ранневолосовского материала, отложившегося как шлейф культурного слоя, возможно, с еще не выявленного крупного волосовского поселения, дальше всех выдвинутого в сторону озера. Как и в других озерных системах,

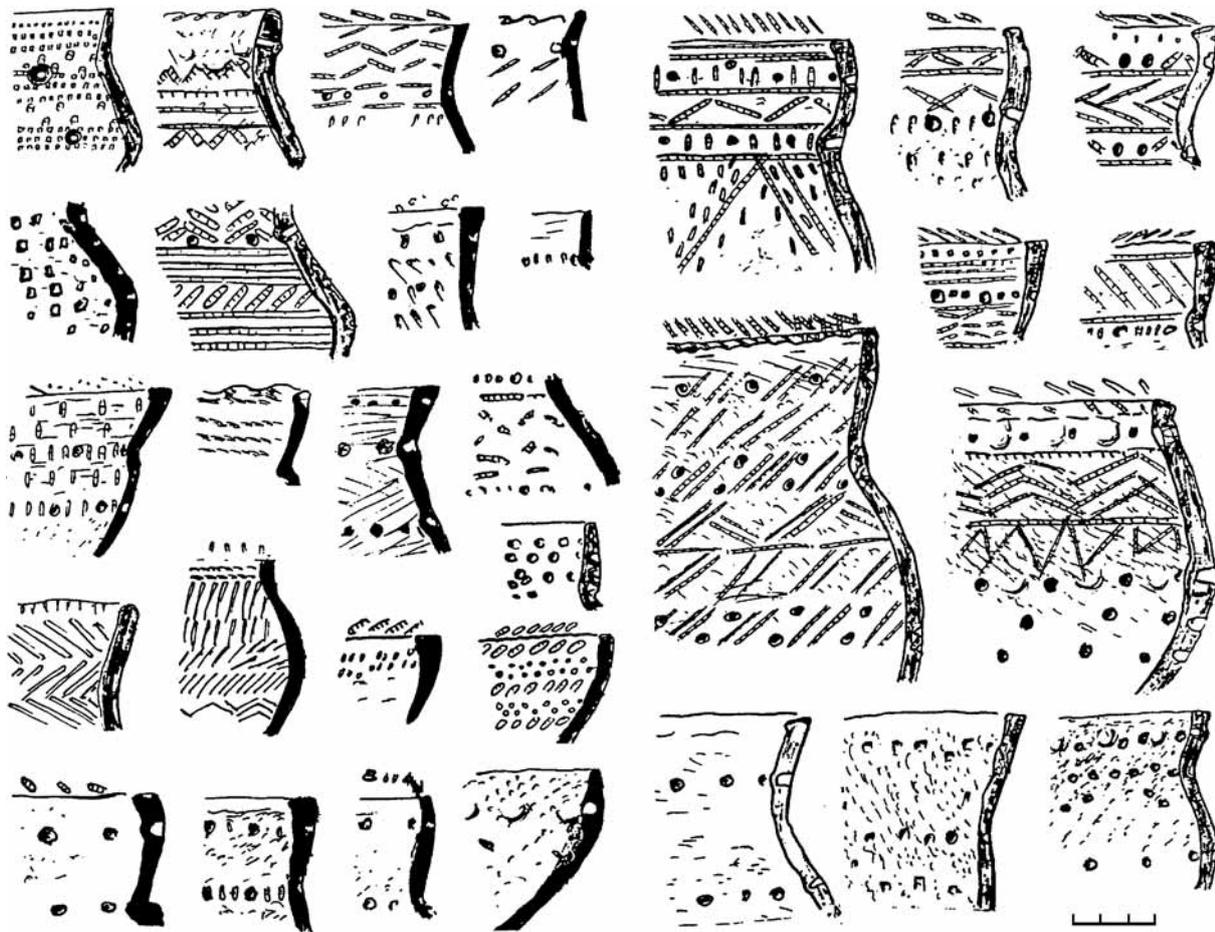

Рис. 4. Сетчатая керамика с признаками фатьяноидной, катакомбной, поздняяковской. Сулять 1

волосовские комплексы появляются в момент максимальной регрессии.

Искусственное русло р. Сулять проложено по краю торфяника (рис. 3), сформировавшегося в котловине Заболотского озера. Прилегающий к руслу участок содержит слои озерной глины, лежащие на толще сапропеля и ракушечника. В этих слоях встречается археологический материал, но концентрация его небольшая, его можно рассматривать как переотложенный. Однако в новом копаном русле встречены плотные скопления материала, состав которых вполне соответствует отложениям шлейфа культурного слоя.

Особенно богато скопление Сулять 1, приуроченное к перекату в 80–130 м от устья Суляти и выявленное в 1990 г. Состав материала отличается от того, что дали исследованные памятники. Здесь почти нет находок, которые можно было бы отнести к мезолиту и раннему неолиту. Льяловская керамика окатана, волосовская немногочисленна, но без окатанности. Четверть коллекции составля-

ет фатьяноидная керамика (рис. 4) (есть и немного фатьяновской), почти половину коллекции – ранняя сетчатая керамика (рис. 5). В наносе на перекате много кремня, отлично сохранилась кость с единичными орудиями. Поселения эпохи бронзы с костяным инвентарем единичны. Необычный состав материала заставил уделить особое внимание поиску сохранившихся частей памятника и попытке понять условия попадания его в русло.

Сбор материала по искусственному руслу Суляти показал, что он приурочен именно к перекату, основу которого составили современные колья и поваленные деревья. При этом за 20 лет концентрация материала сдвинулась вниз по течению на 15–20 м, а окатанность значительно увеличилась. Черепки утратили нагар, отлично сохранившийся при сборах в 1990-е годы. Археологический материал встречается только в свежих наносах (вместе с гильзами, стеклом, монетами и т. п.). Его нет в слое плотного сапропеля на дне и в бортах русла. Если на левом берегу встречаются окатанная неолитическая керамика

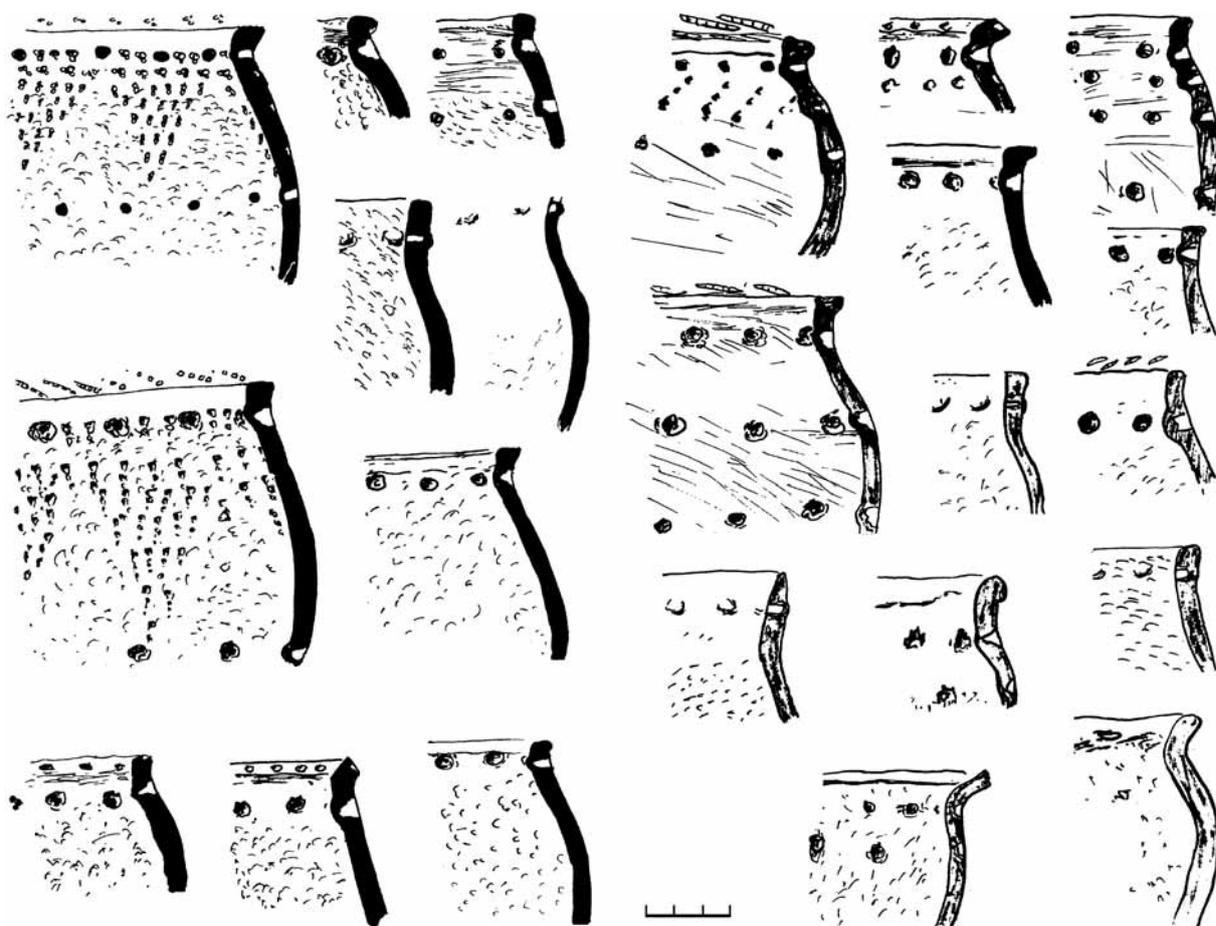

Рис. 5. Сетчатая керамика. Сулать 1 и 2

и мелкие кости, то со стороны озера в сапропеле совершенно нет находок (ширина русла здесь 9 м). Ниже по течению на протяжении 70 м до Замостья 1 находок не встречено. Следовательно, скопление полностью переотложено. Но откуда? Восточнее идет широкий бульдозерный срез – попытка строительства плотины в 1983 г. На срезе встречалась лепная керамика конца I тысячелетия н.э. Шурф на берегу у нынешнего переката дал два фрагмента ранней сетчатой керамики в нижней части озерной глины, перекрывшей сапропель (стратиграфическая аналогия – фатьяновские сосуды в этой же глине на стоянке Замостье 5), но никаких признаков шлейфа тут не найдено. Раскоп площадью 48 кв. м на бульдозерном срезе вскрыл пласт плавника, заполнившего излучину берега. Единственные находки – фрагмент керамики эпохи бронзы и отщеп. То есть слой эпохи бронзы может проецироваться на момент наступления позднего вторичного озера, затопившего стоянку. Шурф 1 в северо-западном углу раскопа, пробивший до глубины 2,6 м слой сапропеля, никаких находок не дал. Видимо, материал,

попавший в рассматриваемое скопление, происходит из бульдозерного среза, уничтоженного шлейфа культурного слоя, но срез имеет ширину не более 20 м, и, вероятно, часть слоя тут сохранилась.

Получив из шурфов характеристику литологии культурного слоя, далее слои можно было определять почвенным буром. Скважины делались с шагом 20–30 м – этого оказалось достаточно для определения границ памятника, который не распался на отдельные гривы.

Шурф 7 (1994 г.) показал, что здесь материал шлейфа с льяловской окатанной керамикой и протоволосовским развалом сосуда залегал в ракушечно-детритовом слое на глубине 200–205 см. Здесь могла проходить протока между предполагаемой стоянкой Замостье 1 и стоянкой Сулать 1.

Шурф 8 располагался в 15 м к юго-востоку от раскопа с завалом плавника и вскрыл толщу озерной глины. На глубине 200 см в ней появляется органика, с 230 см – раковины, с глубины 250 см начинается сапропель. В нем встречены крупные ранневолосовские черепки – это прибрежный шлейф

Рис. 6. Шурф 9

волосовского поселения. На глубине 268–300 см вскрыт ракушечный детрит с органикой – слой, формировавшийся слабым течением реки; ниже – алевроит. На глубине 260 см лежала линзовидная в плане лопасть весла. От этого уровня и до алевроита (гл. 300 см) встречаются отщепы и кости. Таким образом, здесь мы встретились с водными отложениями (в которые попал неолитический материал), но достаточно далеко от суши. Две скважины в сторону берега Сулаты дали ту же картину.

Еще одна прибрежная скважина была заложена у переката. Здесь алевроит залегал выше – на отметке -223 см. Над ним – 28 см ракушечного детрита, перекрытого слоем глинистого сапропеля, который начался на глубине 180 см. В слое озерной глины на глубине 160 см найден уголек, который может соотноситься с поселением эпохи бронзы.

Шурф 9 размещался в 40 м к югу от этой скважины (рис. 6). Здесь тоже в озерной глине встречены угольки (в том числе кусок обрубленной древесины на глубине 116–120 см). Возможно, слой площадки этого времени полностью размыт вторичным озером, как оказалась размыта площадка стоянки Замостье 7.

На глубине 170 см глина постепенно переходит в иловатый суглинок переувлажненной почвы или болота. В нем вертикально торчал игловидный наконечник – явно след охоты. Но в этом же слое встречен и фрагмент фатьяноидного сосуда. На глубине 190–215 см прослеживался слой ракушечного детрита той же степени измельченности, что и в современном русле Дубны. В этом слое встречаются кость, костяная заготовка, окатанная позднеल्याловская керамика, а неокатанная протоволосовская встречена в верхней части слоя ракушечника. Видимо, этот шурф попал на прибрежную часть, где

накапливался переотложенный льяловский материал, но протоволосовский и волосовский был отложен в воду без течения. Таким образом, скважина 4 и шурф 9 попали в русловые отложения протоки, разделявшей стоянки Замостье 1 и Сулать 1. Полагаю, вся протока окажется заполненной находками шлейфа, и разграничивать стоянки можно будет только по материалам раскопок.

Шурф 10, размещавшийся на 25 м восточнее, вскрыл фрагмент культурного слоя (площадки поселения). Он тоже был перекрыт озерной глиной до глубины 138 см. Далее начинался слой переувлажненной почвы – суглинок с растительными остатками (таков же характер льяловского слоя на поселении Замостье 2; несколько иной – на Замостье 5, где участок более дренированный). Сразу под глиной начинает встречаться крупными кусками протоволосовская и ранневолосовская керамика с плотно поставленным рамчатым штампом, с ней вместе на одном уровне присутствует и льяловская. Это и есть культурный слой неолитической стоянки: отложения луга резко контрастируют с поверхностью алевроита. Гидроморфная почва начала формироваться непосредственно на алевроите, слоя ракушечника тут нет. Общая мощность культурного слоя – всего 12–15 см. Керамика, отщепы, фрагменты кости залегают на глубинах 137–145 см. Этот слой формировался на поверхности луговой почвы. При этом льяловская керамика попала сюда переотложенной, следовательно, площадка льяловского поселения размещалась немного выше по течению (не далее 15 м к югу). В протоволосовское время уровень озера падал, и летняя жилая площадка ранневолосовского поселения сместилась к озеру. Волосовские черепки не окатаны, но уже в начале III тысячелетия до н.э. начинается наступление вторичного озера. Стоянка эпохи бронзы, вероятно, располагалась где-то на гребне суходола, она оставила следы в виде углей в нижней части желтой глины.

В юго-западном углу шурфа 10, в основании культурного слоя фиксируется небольшой фрагмент слоя водных отложений – тут шурф затронул подлинный берег озера. Поверхность алевроита по западной стенке падает с глубины 145 до 150 см.

Зафиксировав слой жилой площадки, мы начали выявлять его бурением. Скважина 5 была поставлена в 30 м к югу от шурфа 10. Глина здесь более запесочена (за счет размыва острова, где располагалось поселение) и идет до глубины 84 см. Далее начался почвенный луговой слой, где на глубине 100 см встречена льяловская керамика. Ниже идет пойменный суглинок, подстилаемый на глубине 115–118 см

крупнозернистым песком. Ниже – слой ракушечника. Значит, русловые отложения здесь формировались до льяловского времени. Алеврит, как и в шурфе, открыт на глубине 134 см.

Скважина 6 была заложена в 60 м к югу от шурфа 10. В 20 м к югу от скважины фиксируется берег старого русла, хорошо прослеживаемого восточнее Замостья 5. Здесь озерная глина продолжается до отметки -102 см, она перекрывает черный ожелезненный суглинок льяловского культурного слоя с сохранившейся древесиной мощностью до 30 см. Этот суглинок лежит на слое ракушечного песка (детрита) мощностью 8 см, в котором найден верхневолжский черепок. Ниже, до глубины 198 см, идет сапропель с ракушкой, в котором вполне может оказаться верхневолжский и мезолитический шлейф. Значительная мощность водных отложений и глубокое залегание алеврита показывает, что грива, к которой приурочено поселение, заканчивается южнее. Значит, по шурфу 10 и скважинам 4 и 6 мы можем очертить западный край площадки поселения, к которому примыкает подводный шлейф. В 20 м севернее начинается берег старого русла, где слой не мог сохраниться. Протяженность площадки на юг составляет около 90 м от шурфа 10 до старого русла.

Предполагая, что грива не шире 30 м, закладываем скважину 7 в 20 м к востоку от 5-й. Характер растительности в районе скважин 8 и 9 меняется: вместо крапивы и тростника появляются разнотравье и даже полынь – здесь оказалась вершина острова. Вместо озерной глины под торфянистым слоем идет супесь с гравием, в которой на глубинах 60–90 см встречена льяловская керамика. Ниже слой суглинистый, ожелезненный, но керамическая крошка встречается. С глубины 112 см иловатый суглинок соответствует погребенной луговой почве, гумусный горизонт которой составляет 6 см, далее суглинки имеют пойменный характер, а на глубине 154 см выявлен алеврит. Видимо, остров сформировался как прирусловые отложения, но с размывом небольшого моренного останца, поставившего в слой гравий, который при размыве лег на алеврит.

Скважина 8, в 20 м к востоку от скважины 7, показала продолжение суходольных отложений и культурный слой с льяловской керамикой. Серо-желтую глину под дерном можно трактовать как пойменный нанос, перекрывший на глубине 47–78 см черную рыхлую супесь с керамической крошкой, кремнями и костью. Глиняный пласт не зафиксирован – здесь памятник не был затоплен поздним озером. Песок рыхлый коричневый, содержит льяловскую керамику, кости и кремни идут до глубины

102 см. Ниже – иловатый суглинок, который лежит на алеврите, проступившем с глубины 115 см.

Скважина 9 поставлена в 20 м к востоку от скважины 6, в юго-восточной части площадки. Старое русло прослеживается в 20 м к югу от скважины и в 45 м к востоку. Здесь коричневая супесь с ожелезнением лежит прямо под дерном на глубине 10–24 см, под ней – супесчаный культурный слой, тоже с ожелезнением, на глубине 58 см становящийся суглинистым, с льяловской керамикой и костью. На глубине 108–133 см он сменяется ракушечным детритом, тоже с культурными остатками, однако под ним продолжается луговая почва и гумусированная толща пойменных отложений с культурными остатками. Эта толща имеет мощность 112 см. Алеврит выявлен только на глубине 245 см, значит, здесь прослеживается одна из протоков, но в неолите она оказалась перекрыта прирусловыми отложениями, на которых сформировался культурный слой площадки поселения.

В 45 м восточнее русло реки поворачивает к северу и обходит высокий участок прирусловой гривы. Шурфы показали присутствие острова с мощным культурным слоем. Минеральная составляющая слоя может указывать на присутствие где-то рядом моренного останца. Шурф на гребне прируслового вала позднего русла размерами 1×2 м выявил слой рыбацкой стоянки XVI в. Высокая грива (левый берег позднего русла) для нее – идеальное место. Зондажи буром показали, что другого культурного слоя тут нет. Прирусловый вал позднего русла сложен ожелезненным суглинком большой мощности и перекрывает сапропель с немногочисленными находками сетчатой и гладкостенной керамики, кремнем, костью. В русле Сулати компактным пятном диаметром менее 8 м залегал однородный раннесетчатый материал: керамика крупными кусками, костяной наконечник стрелы, кремни, кость хорошей сохранности (немного). Здесь же компактно залегало скопление очажных камней. Сборы 1994 г. дали в этом месте такой же материал: почти исключительно сетчатую пышно орнаментированную керамику. Зачистка берега от уровня воды показала, что материал мог происходить из слоя серого сапропеля с древесиной (лежащие жерди до 10 см диаметром) мощностью до 70 см, лежащего непосредственно на алеврите. Встречаются кости, кремни, единично – сетчатая и гладкостенная керамика. Это типичный прибрежный шлейф культурного слоя.

Разрыва площадки между скважинами у старого русла и пунктом сбора в русле (Сулать 2) не найдено – единая площадка протянулась между старым руслом и древним берегом озера, а шлейф

культурного слоя доходит до современного русла Сулати. Между пунктами Сулать 1 и 2 археологический материал встречен еще на двух перекатах.

Шурфовкой и бурением очерчено крупнейшее поселение Заболотского озера с хорошо сохранившимся слоем. Оно располагалось на острове в дельте Дубны – размытом в древности останце. С юга оно охвачено старым руслом и может быть частично размыто. Северный край обрзан копаным руслом Сулати, затронувшим периферию шлейфа культурного слоя. Скопления материала в русле – результат техногенного переотложения с насыщенных участков этого шлейфа. Если в западном скоплении концентрируется материал эпохи бронзы – фатьяноидная и ранняя сетчатая с примесью льяловской и волосовской, то в восточном (Сулать 2) – почти исключительно с признаками влияния поздняковской культуры. Разделить эти памятники можно только при раскопках.

Северная часть до 40 м шириной включает слой, в который отложился материал шлейфа волосовского поселения и поступал переотложенный льяловский. Площадка льяловского поселения в районе шурфа 10 показала тонкую гидроморфную почву поверх алевролита, но к югу мощность слоя возрастала и достигала максимума в 30 м от старого русла. Ширина жилой площадки здесь достигает 70 м. С запада от старого русла до берега Сулати протянулось русло шириной около 40 м, в его водных отложениях фиксируется материал, который может относиться как к этой стоянке, так

и к соседним – Замостье 5 и 1. Дуга площадки составляет около 250 м при ширине 70 м. Шлейф культурного слоя (насыщенная часть его) бывает около 20 м и охватывает памятник со всех сторон. Площадь памятника оказалась не менее 3 га.

Остров этой стоянки был пригоден в качестве поселения на всех этапах. Это самый большой памятник в группе Заболотского озера. В шурфах фиксируется льяловский, протоволосовский и волосовский материал. В скважине в слое промытого песка под культурным слоем найден верхневожский фрагмент. Во всех шурфах и скважинах есть признаки сохранившейся кости.

Выше по руслу Сулати встречены еще три выхода отложений шлейфов культурных слоев. На правом мысу старого русла – преимущественно сетчатая керамика, как и на Сулати 2. Два других пункта – с неолитическим материалом. Вероятно, они приурочены к устьям протоков, которые веером расходятся от створа озерной котловины у д. Замостье. Здесь на песчаных холмах есть еще три стоянки (мезолит, льяловская культура, сетчатая керамика), но органические материалы тут не сохраняются. Материал эпохи бронзы не встречен. Вероятно, эти пункты связаны с другими рукавами дельты, и сохраняется вероятность, что под озерной глиной здесь скрыты и другие острова. Подобный скрытый рельеф можно ожидать и на других озерных котловинах Дубненского каскада и торфяниках Верхне-Волжской низменности.

Литература

Алешинская А. С., Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., 2001. Геолого-палеоэкологические события и среда обитания древнего человека в районе археологического памятника Замостье 2 // Каменный век европейских равнин. Сергиев Посад. С. 248–254.

Жилин М. Г., 2002. Стратиграфия и планиграфия многослойного поселения Становое 4 в Верхнем Поволжье // ТАС. Вып. 5. Тверь. С. 106–116.

Квасов Д. Д., 1975. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л.

Сидоров В. В., 1996. Озерные системы бассейна р. Дубны в неолите // ТАС. Вып. 2. Тверь. С. 249–258.

Сидоров В. В., 1997. Стоянки Заболотского озера // Древности Залесского края. Материалы к международной конференции. Сергиев Посад. С. 104–163.

Сидоров В. В., 2001. Прибрежные участки неолитических поселений // Каменный век Европейских равнин. Сергиев Посад. С. 224–226.

Сидоров В. В., 2009. К вопросу о палеогеографической ситуации стоянки Становое 4 // ТАС. Вып. 7. Тверь. С. 49–51.

Сидоров В. В., Сорокин А. Н., 1998. Раскопки многослойного поселения Замостье 5 // Древности Залесского края. Сергиев Посад. С. 226–237.

Сорокин А. Н., 2011. Стоянка и могильник Мишино 2 в Подмосковье. М.

Сорокин А. Н., 2013. Стоянка и могильник Мишино 2 в Подмосковье: костяной и роговой инвентарь. М.: ИА РАН. 448 с.

Lozovski V. M., 1996. Zamostje 2. Treigbes. 97 p.

Спиридонова Е. А., Жилин М. Г., 1998. История развития окружающей среды и заселение стоянок Озерки 5 и 17 // ТАС. Вып. 3. Тверь.

V. V. Sidorov

Zabolotskoe Lake – the development of the lake system

Summary

Zamostie levels 2 and 5 aren't residential areas, but underwater embankment deposits where the river-mouth meets the lake. The riverbed of the Sulat River has amassed a quantity of material from the Bronze Age – but it didn't gather there due to any modern

developments of the embankment of the settlement. Pits and drilling have been identified in the largest multi-layer section of the Sulat 1 settlement, which occupies the island where the Dubna River flows into Zabolotskoe Lake.

**А. Е. Кравцов, Е. С. Азаров, Е. В. Бабкина,
Т. А. Марьенкина, Р. Н. Модин**

Поселение и могильник Щербинино – археологический памятник мезолита – бронзового века и Средневековья в Подмосковной Мещере (некоторые результаты исследования культурного слоя)¹

Обстоятельства выявления памятника.

Общие сведения о памятнике и выполненных полевых исследованиях

В 2012 г. отрядом Подмосковной экспедиции отдела охранных раскопок ИА РАН проводились спасательные археологические исследования на р. Клязьме на территории Орехово-Зуевского р-на Московской обл. вблизи от южной окраины г. Орехово-Зуево и южной окраины д. Щербинино, направленные на обеспечение сохранности объектов археологического наследия в зоне начинавшегося строительства участка автодороги А-108 МБК в обход г. Орехово-Зуево (Кравцов, 2014). Согласно договору, объектами исследований являлись стоянки Щербинино 1 и 6 (неолит), Щербинино 2 (мезолит), производственный комплекс Щербинино 3 (позднее Средневековье), выявленные Д. В. Крутько в 2005 и 2006 гг. при разведке в районе проектировавшегося строительства (Сапрыкина, 2005; 2008). По результатам разведки эти памятники были локализованы на участке краевой полосы левобережной первой надпойменной террасы Клязьмы общей протяженностью до 260 м, площадью 0,75 га, где образовали компактную группу. Пло-

щади Щербинино 1, 2, 3, 6 оценены, соответственно, как не превышающие 300, 280, 1500 и 375 кв. м, Щербинино 3 – до 1500 кв. м (рис. 1).

Задачи исследований 2012 г.: 1) уточнение границ территорий вышеуказанных памятников; 2) уточнение территориального соотношения памятников с полосой отвода под дорожное строительство, проектные границы которой изменились в период после проведения разведочных работ; 3) раскопки памятников в части, попадающей в границы полосы отвода. Данные об утвержденном прохождении полосы отвода были предоставлены исполнителю исследований только в период ведения полевых работ.

Согласно архивным данным о позиции памятников, исследования проводились на участке площадки первой надпойменной террасы, приуроченном к ее фронтальному уступу (рис. 1). В ходе работ по уточнению границ территорий памятников, по мере поступления новых данных о распространении археологического материала, фактическая площадь охваченного исследованиями участка превысила 4 га. Он был вытянут с запада на восток на 700 м, имел неправильные очертания, ширину 30–90 м от края площадки террасы. В средней части этот участок пересекался полосой отвода

¹ Выражаем признательность коллегам – сотрудникам ИА РАН А. В. Энговатовой и Д. С. Богачук, оказавшим важнейшую помощь в организации исследований, В. В. Сидорову, консультировавшему авторов в поле, при последующей обработке материала и подготовке публикации, М. Хамакаве, выполнившего значительную часть фотографий и рисунков находок, Е. А. Киселеву, проявившему терпение и упорство при неоднократной пересъемке расширяющейся территории памятника, Т. Ю. Ивановой-Дятловой, выполнившей большую работу по камеральной обработке коллекции; А. Г. Теплицкой (Центр психологического сопровождения образования «Точка ПСИ»), обеспечившей компьютерную статистическую обработку коллекции; Д. М. Фрейтору (Оракл К°, США) и Е. В. Леоновой (ИА РАН), выполнившим перевод на английский язык резюме к публикуемым в сборнике статьям о ПМ Щербинино; а также М. Н. Мещерину (ИА РАН), С. А. Стефутину (ГИМ), М. В. Чиркову (ИА РАН), С. А. Демину, И. Н. Рыжаеву, активным участникам полевых исследований.

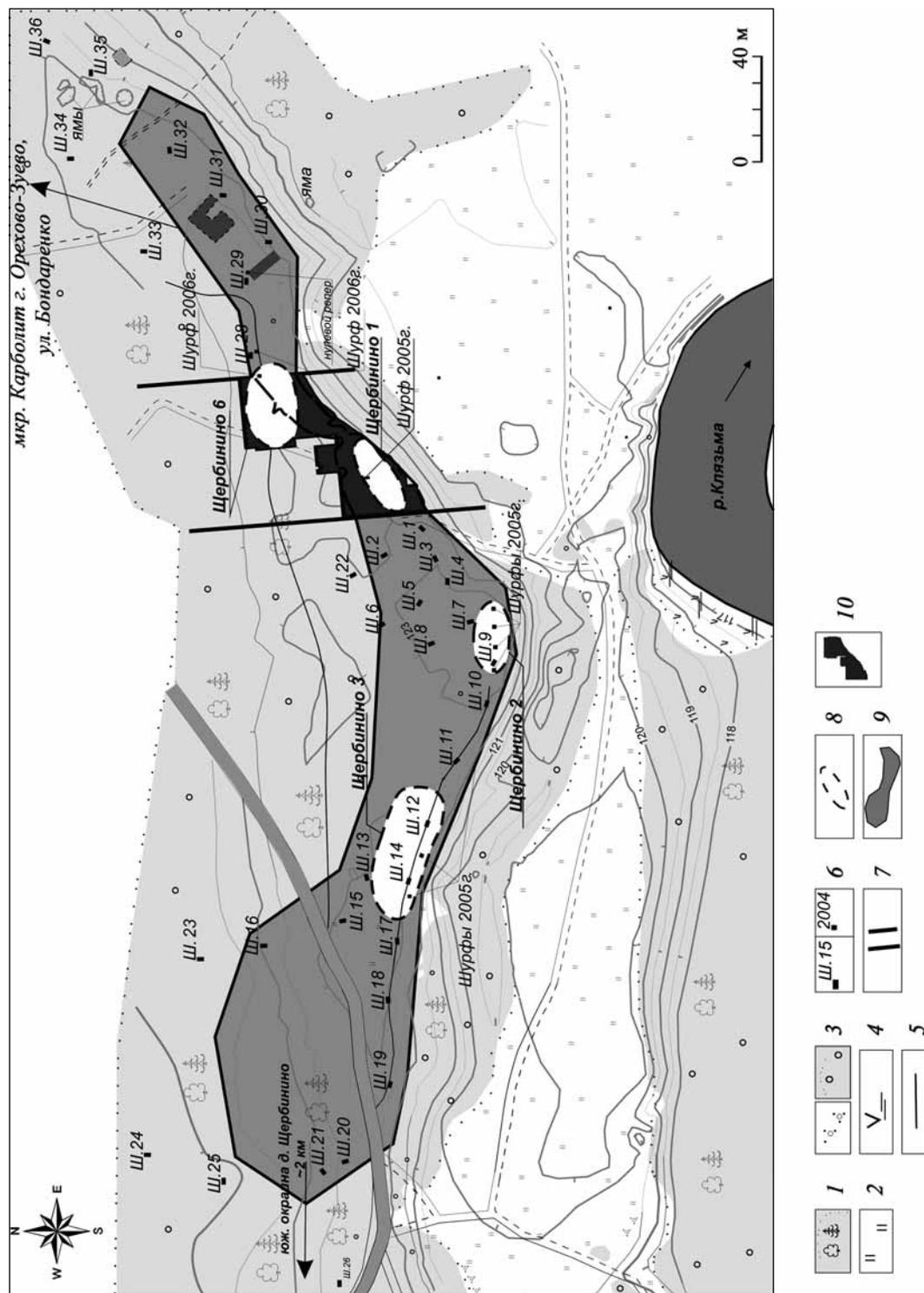

Рис. 1. Топографический план

1 – лес; 2 – луг; 3 – кусты; стоящие отдельно и в зарослях; 4 – болото; 5 – прогнитопожарная борозда; 6 – шурфы; 2012 г. с указанием номеров и 2005, 2006 гг. с указанием года раскопок; 7 – границы полосы земельного отвода; 8 – границы стоянок Щербино 1, 2, 6 и производственного комплекса Щербино 3, по результатам разведки 2005, 2006 гг.; 9 – границы территории объекта археологического наследия «Поселение и могильник Щербино»; 10 – раскоп 2012 г.

под дорожное строительство, ориентированной по линии 177–357°. Ширина полосы постоянного отвода – 55 м, временный отвод проектом строительства не предусматривался. Полоса отвода пролегла по подлежащим уточнению территориям стоянок Щербинино 1 и 6. Стоянка Щербинино 2 и производственный комплекс Щербинино 3, территории которых также подлежали уточнению, находились соответственно в 40–65 и 110–155 м к западу от западного края отвода.

Раскопки в полосе отвода производились единой площадью, что было обусловлено необходимостью следовать техническому заданию, предусматривавшему раскопки на всей находившейся в полосе отвода ранее определенной территории памятников; а также необходимостью полного исследования имевшегося в полосе отвода культурного слоя по его фактическому распространению, выяснявшемуся в ходе раскопок. В соответствии с этим раскоп развивался последовательной прирезкой участков, постепенно приобрел сложную конфигурацию и, достигнув площади 1532 кв. м, охватил всю ширину полосы отвода (рис. 1–3).

К западу и востоку от полосы отвода проведен поиск археологического материала на почвенных обнажениях, заложены 36 шурфов размерами 2×1 м каждый и фоновый разрез для натурального изучения почвы (рис. 1).

В рамках археологических работ выполнены геолого-геоморфологические и почвенные натурные исследования, которые включали наблюдения на участке работ, в том числе в шурфах и раскопе; заложение и описание геологического и почвенных разрезов; отбор образцов для лабораторного определения гранулометрического состава отложений; изучение видового состава фитолитов в заполнении сосудов, обнаруженных при раскопках в некоторых антропогенных объектах, содержания и распределения валового фосфора на участке локализации выявленных в раскопе следов жилища эпохи бронзы².

В ходе работ установлено, что культурный слой, в качестве какового на полевом этапе исследований рассматривалась стратиграфически единая часть³ геологической толщи, включающая представленные

археологическим материалом остатки и следы хозяйственной деятельности⁴, распространен на участке проведения работ на обширной территории без переывов, значимых для разграничения археологических памятников. Во вскрытой толще данный горизонт не различался в целом по оценочно определявшимся цветности, механическому составу, структуре, сложению, текстуре. Его основным отличительным признаком было наличие более или менее многочисленных на разных участках памятника включений предметного (вещевого) археологического материала, только местами дополнявшихся доступными наблюдениям антропогенными структурами.

По морфологии находок в этом культурном слое установлено наличие археологического материала периода мезолита, разных культур развитого неолита, позднего неолита – энеолита, эпохи бронзы, средневекового и, единично, более позднего. Планиграфически и микростратиграфически выявлено совместное залегание предметов, относимых к разным хронологическим группам материала (рис. 4). Частично локализованы территории, на которых материал какой-либо одной хронологической группы количественно доминировал или был представлен без явных инородных примесей.

Из 37 шурфов, включая выемку под фоновый разрез, 27 дали находки.

На расстоянии 90–260 м к западу от полосы отвода, в подлежащих уточнению границах средневекового производственного комплекса Щербинино 3 и на обширной территории к западу, северо-западу и северу от них, в шурфах 11–21, отмечено наличие железного шлака и гончарной керамики (рис. 5, 18–21, 23, 27–30). Последняя была представлена обломками горшков (всего 86 обломков) из слабожелезненных и ожелезненных глин с примесью, как правило, крупного песка (изредка дресвы), в основном неполного окислительного обжига. Найденные венчики относились только к типам 1 и 8, единичное донце – к типу 3 по В. Ю. Ковалю (2004); орнамент (встречен на 18 фрагментах) линейный (на 8 экземплярах) разреженный и плотный, линейно-волнистый (1), зубчатый или прокатанный (9). По этим признакам материал датирован XII–XIII вв.

² Лабораторные анализы находятся на стадии исполнения. Авторы выражают признательность кандидату географических наук Е. К. Воскресенской (ИГ РАН), доктору географических наук А. А. Гольевой (ИГ РАН), кандидату биологических наук В. О. Попутникову (ОАО «Гипротрубопровод») за проделанную работу, консультации и продолжающееся участие в исследованиях.

³ Вывод о стратиграфическом единстве данной части толщи основан на сравнении результатов натурных геолого-почвенных и археологических исследований.

⁴ В понятие «археологический материал» мы включаем все предметы, имеющие явные признаки преобразования человеческой деятельностью, и все выявленные в толще антропогенные структуры.

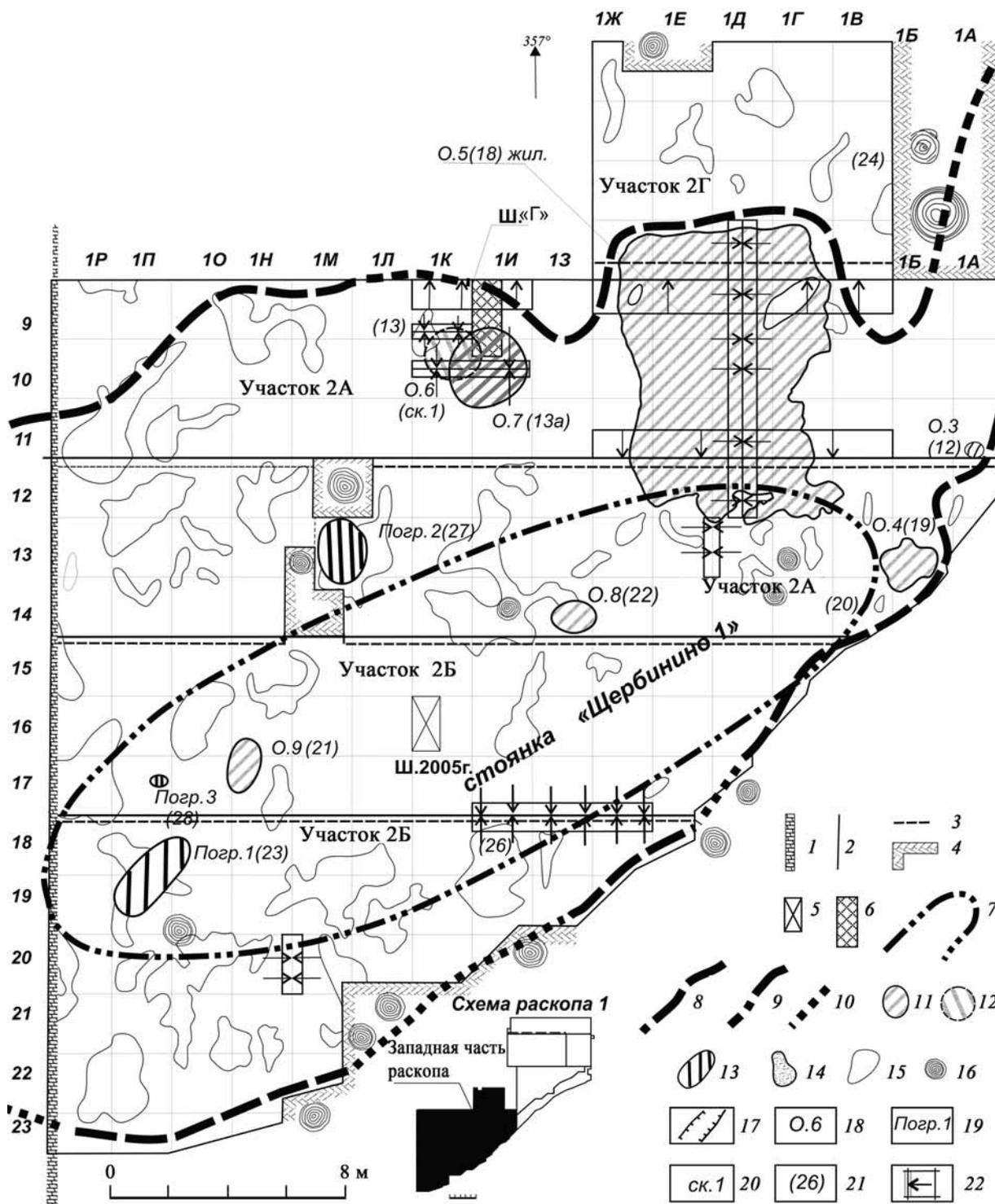

Рис. 2. Раскоп 1, западная половина (группа участков 2, 2А–2Г)

1 – граница полосы отвода; 2 – граница раскопа, участка раскопа; 3 – бровка; 4 – техническая бровка; 5 – шурф (2005, 2006 гг.); 6 – геологический (Г) и почвенные (1П, 2П) шурфы 2012 г.; 7 – границы стоянок Щербинино 1 и 6; 8 – границы распространения культурного слоя; 9 – то же, участки низкой четкости; 10 – то же, реконструированные участки; 11 – объект культурного слоя, выраженный как визуально различимая структура; 12 – объект культурного слоя, выраженный как область концентрации находок; 13 – объект могильника; 14 – структура неясного происхождения; 15 – структура биогенная; 16 – дерево, пень; 17 – траншея канализации; 18 – обозначение номера объекта культурного слоя; 19 – обозначение номера объекта могильника; 20 – скопление находок 1; 21 – обозначение номера структуры; 22 – область выноски находок на микропрофиль

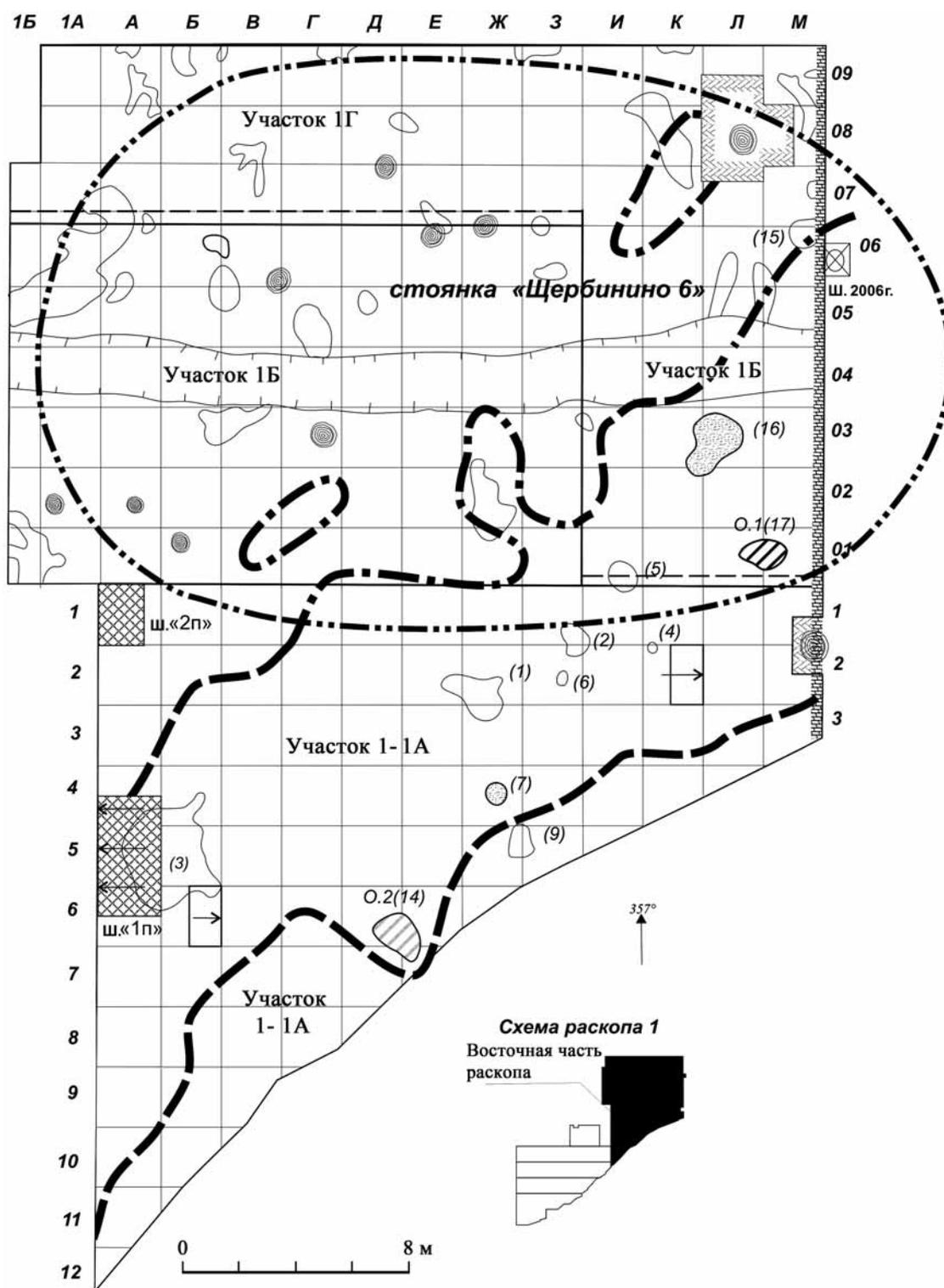

Рис. 3. Раскоп 1, восточная половина (группа участков 1-1А, 1Б-1Г). (Усл. обозн. см. на рис. 2)

Вместе с древнерусским материалом в шурфах 18 и 19 на юго-западе данного участка обнаружены расщепленные кремни мезолитического облика (рис. 4, 1; рис. 5, 22, 25, 26); в шурфе 11 на юго-

востоке – отщеп. В шурфе 25, заложенном в 245 м к западу от полосы отвода, в 70 м к северо-северо-западу от шурфа 19, на слабо пониженном участке площадки террасы археологический материал

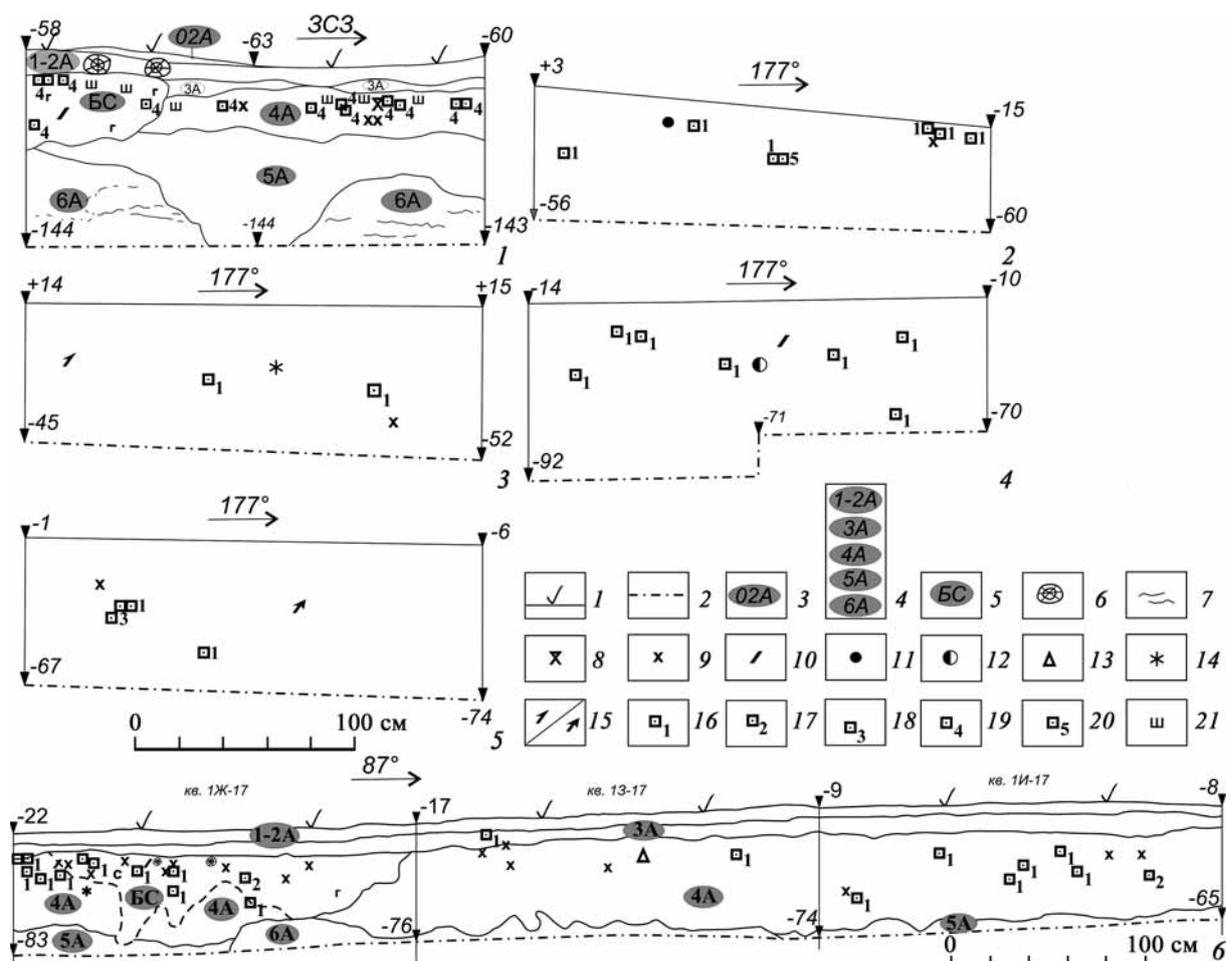

Рис. 4. Шурф 19 (1); раскоп 1 (2–6)

Микропрофили (1, 6 – с проекциями находок, вынесенными на разрезы). Выноски находок: 1 – на разрез по южному борту шурфа; область выноски – 1 м с севера; 2 – на плоскость по разграничительной линии кв. К-2 и Л-2; область выноски – восточная половина кв. К-2; 3 – то же, по разграничительной линии кв. Б-6 и В-6; область выноски – кв. Б-6; 4 – то же, по разграничительной линии кв. 1Е-13 и 1Д-13; область выноски – 0,5 м с запада (с кв. 1Е-13) и 0,5 м с востока (с кв. 1Д-13); 5 – то же, по разграничительной линии кв. 1Л-20 и 1К-20; область выноски – 0,5 м с запада (с кв. 1Л-20) и 0,5 м с востока (с кв. 1К-20); 6 – выноска находок на разрез по бровке на кв. 1Ж, 13, 1И-17; область выноски – 0,5 м с севера (с кв. 1Ж, 13, 1И-17), 0,5 м с юга (с кв. 1Ж, 13, 1И-18). 1 – дневная поверхность; 2 – дно шурфа, раскопа; 3 – отвал раскопа 2012 г.; 4 – структурные компоненты профиля, различавшиеся при археологической фиксации (описание см. в тексте: «Стратиграфия памятника»); 5 – биогенная структура; 6 – корень; 7 – оргзанды; 8 – технический скол с нуклеуса; 9 – отщеп, осколок; 10 – пластина; 11 – обломок глиняной поделки (шарика?); 12 – пряслице шиферное, XII–XIII вв.; 13 – наконечник стрелы кремневый с обработкой двухсторонней покрывающей ретушью; 14 – орудие кремневое; 15 – наконечники стрел кремневые мезолитического облика, симметричный/с боковой выемкой; 16–20 – керамика: 16 – эпохи бронзы; 17 – позднего неолита – энеолита; 18 – среднего неолита; 19 – XII–XIII вв.; 20 – XVIII–XIX вв.; 21 – шлак железный

не обнаружен, но выявлена залежь болотной руды в виде ортштейна.

На расстоянии до 90 м к западу от полосы отвода гончарная керамика и/или шлаки встречены в шурфах 2–4, 7, 9, 10. В шурфах 7 и 9 немногочисленная древнерусская керамика дополнялась единичными мелкими обломками мореной и белоглиняной, вероятно, относящейся к XVII–XVIII и XVIII–XIX вв. Во всех шурфах этой группы древнерусский и более поздний материал сопро-

вождался малочисленными фрагментами гладкостенной (в шурфе 5 – единично подлощенной) керамики эпохи бронзы и/или расщепленными кремнями. В той же 90-метровой зоне в шурфах 1, 5, 6, 8 и в выемке под фоновый разрез найдены только керамика эпохи бронзы и/или кремни.

К востоку от полосы отвода археологический материал дали шурфы 28–32. В каждом из них обнаружены расщепленные кремни, по морфологическим признакам неолитические и/или эпохи

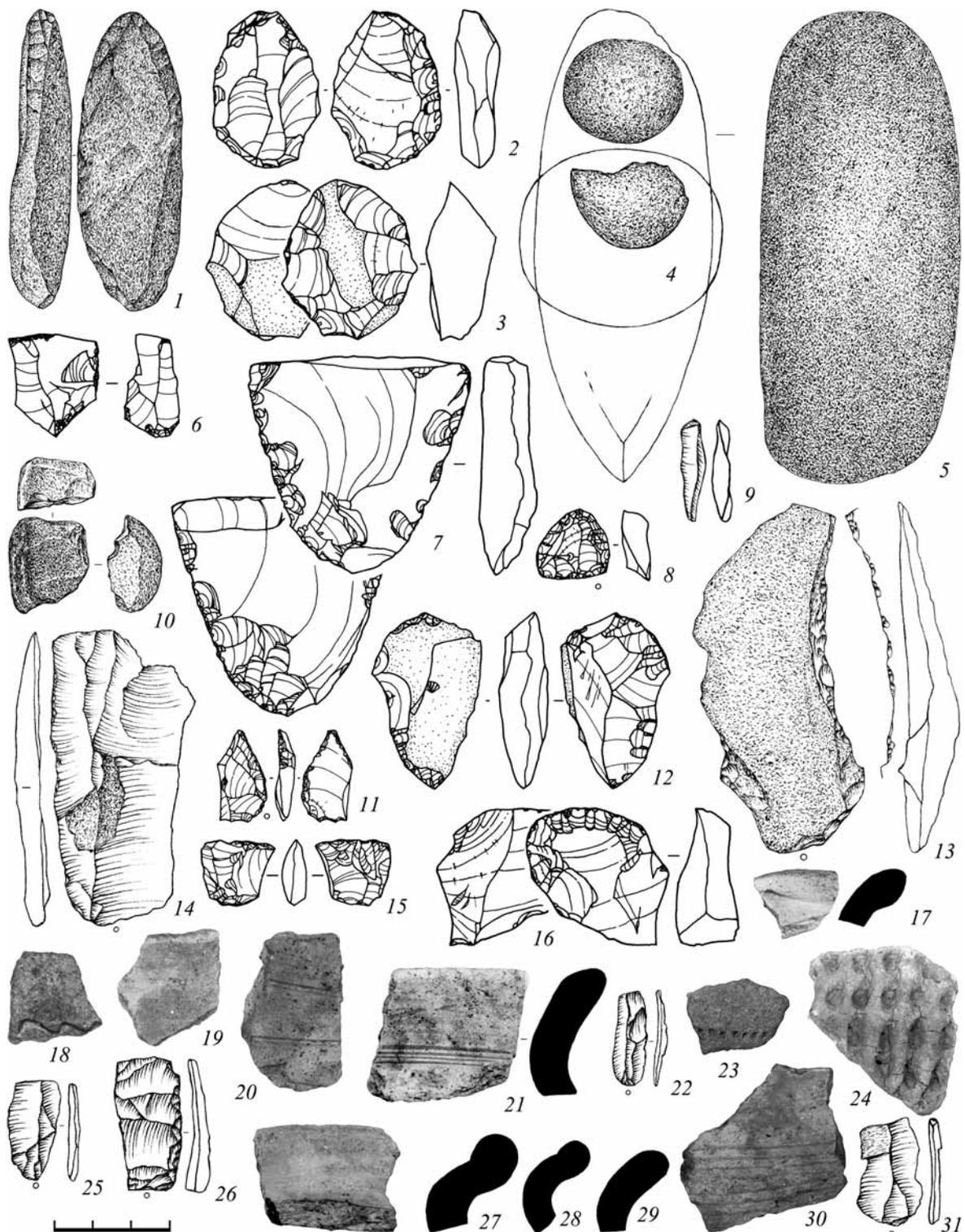

Рис. 5. Изделия из кремня (2, 3; 6-16; 22; 25, 26, 31), диорита (5), глины (4, 10), фрагменты лепной (24) и гончарной (17-21, 23, 27-30) посуды

1-4; 6-8; 10-16 – поздняковская культура; 5, 31 – неясной культурной принадлежности; 24 – деснинская культура; 9, 22, 25, 26 – мезолит; 18-21, 27-29 – XII-XIII вв.; 17 – XVII-XVII вв. 1-16 – находки из раскопа 1 (1-5 – из культурного слоя; 6-16 – из объекта 5 (жилища)). 17-31 – находки из шурфов (17, 24, 31 – № 30; 18-21 – № 15; 22, 23 – № 18; 25, 26 – № 19; 27-30 – № 21)

бронзы. Кремни и кварцитовый отщеп в шурфе 30 сопровождалась керамикой деснинской культуры (Смирнов, 1991) (рис. 5, 24) позднего неолита – энеолита (III – начала II тыс. до н. э.); кремни в шурфе 31 – керамикой льяловской культуры (Гурина, Крайнов, 1996; Энговатова, 1998) среднего неолита (IV тыс. до н. э.); в шурфе 32 – фрагментами гладкостенной керамики эпохи бронзы. В шурфах 30 и 32 вместе с материалом позднего неолита – энеолита и эпохи бронзы встречены малочисленные мелкие обломки гончарной белоглиняной (рис. 5, 17) посуды XVII–XVIII вв. и позднейшей поливной керамики.

На участке распространения культурного слоя в полосе отвода, исследованной раскопками полностью, выявлено полное преобладание археологического материала эпохи бронзы, а в общем составе последнего – материала с признаками поздняяковской культуры (Бадер, 1970. С. 59–64; Попова, 1987) и культуры «текстильной» («сетчатой») керамики (Бадер, 1970. С. 74–79; Никитин, 1976). Установлено наличие малочисленного материала фатьяновской культуры (Бадер, 1970. С. 43–49; Крайнов, 1987. С. 58–76), группировавшегося в юго-восточной части раскопа, на участках 1–1А и 1Б. Зафиксирован ряд антропогенных структур поселенческого характера, среди которых следы упомянутого выше жилища позднего бронзового века. В примеси к материалу эпохи бронзы найдены малочисленные изделия других периодов: расщепленные кремни, отнесенные по морфологическим признакам к мезолиту; обломки сосудов льяловской культуры развитого неолита и деснинской культуры позднего неолита – энеолита; каменные, металлические, стеклянные предметы, единичные обломки гончарных сосудов Средневековья и Нового времени. В распространении этого материала отмечена обособленная группировка части находок кремней мезолитического облика, льяловской, деснинской и древнерусской керамики; часть изделий данных хронологических и культурных групп и изделия нового времени залегали разрозненно.

В юго-западной части раскопа выявлен грунтовый могильник позднего бронзового века (Кравцов и др., 2014). Объекты могильника находились вблизи от западной границы раскопа, совпадавшей с границей полосы отвода. Это позволяет предполагать, что могильник исследован частично и рас-

пространяется на территорию к западу от раскопа. Выявленная в результате исследований 2012 г. территория распространения культурного слоя полностью включила участки местности, определявшиеся ранее в качестве территорий объектов «Стоянка Щербинино 1», «Стоянка Щербинино 2» и «Позднесредневековый производственный комплекс Щербинино 3», юго-восточную часть участка, определявшегося ранее в качестве территории объекта «Стоянка Щербинино 6» (в остальной части которого, как показали раскопки, культурный слой отсутствовал). Полученные данные о характере и распространении археологического материала представляются достаточными для того, чтобы признать эти объекты мнимыми. На основании результатов исследований культурный слой в установленных границах распространения и выявленный на одном из участков его распространения могильник определены в качестве единого археологического памятника (комплекса, ансамбля), который наименован «Поселение и могильник Щербинино»⁵. В Министерство культуры Московской области направлена документация для постановки на учет этого вновь выявленного объекта археологического наследия. Коллекции переданы на хранение в Орехово-Зуевский историко-краеведческий музей⁶.

Местонахождение ПМ Щербинино (по ближайшему и наиболее удаленному отрезкам границы распространения культурного слоя) (рис. 1): 2,0–2,4 км к востоку от южной окраины д. Щербинино; 0,95–1,2 км к юго-юго-западу от западной оконечности ул. Бондаренко на южной окраине микрорайона Карболит г. Орехово-Зуево. Данная территория приходится на участок краевой полосы площадки левобережной первой надпойменной террасы р. Клязьмы, высота которого 2,5–3,5 м над прилегающей к уступу террасы поймой, 6–7 м над уровнем воды в реке в августе 2012 г., 121–122 м по Балтийской системе высот (БСВ). Протяженность территории вдоль края, имеющей мысовидный выступ террасы, – до 470 м (по линии 3–В – до 420 м). Ширина: от 5 м (в средней части, на одном из участков раскопа 2012 г.) до 70 м (в западной части). Площадь – около 1,7 га.

Субстрат культурного слоя песчаный. Исключая локальные структуры, по цветности культурный слой в толще не различается. Его мощность вне углубленных объектов – до 40 см,

⁵ Далее – ПМ Щербинино.

⁶ Номера коллекций в фондах музея: КП 2918/1-189; НВФ-12/А-709/1-2634; НВФ-12/А-710/1-173.

в основном – 15–30 см. Мощность перекрывающей толщи без находок – до 25 см, в основном – 10–20 см.

С юга памятник ограничен фронтальным уступом надпойменной террасы. Остальные границы к границам элементов современного рельефа не приурочены, определены по распространению археологического материала в шурфах и раскопе. Площадь памятника – около 1,7 га. Объекты могильника находились в юго-западной части раскопа на высоте 3,5 м над поймой (122 м по БСВ). Поверхность покрыта хвойным опадом, местами слабо задернована; поросла старым редким сосновым лесом, на отдельных участках – молодыми елью, березой и кустарниками.

В южной части территории памятника (вдоль уступа террасы), а также на северо-западной и северо-восточной его периферии почвенные горизонты до глубины 0,25 м прорезаны противопожарными бороздами. Западная и средняя часть территории пересекаются дорогами, из которых первая – с остатками асфальтового покрытия, вторая – грунтовая, с колеями глубиной до 0,2 м. В восточной части имеются следы заброшенной грунтовой дороги, траншей подземных коммуникаций, асфальтированных дорожек и площадок, развалы кирпичных сооружений, связанных с существовавшим до второй половины 1990-х гг. пионерским лагерем.

Методический подход к исследованию, основные материалы и результаты которого приводятся ниже, основан на ряде работ в области палеолитоведения – Х. А. Амирханова (2000); М. В. Александровой (1990; 1998); Н. Б. Леоновой (1990); Е. В. Минькова (1990), археологического источниковедения – Л. С. Клейна (1978), Е. М. Колпакова (1987), почвоведения – И. И. Васенева, В. О. Таргульянца (1995), археологического почвоведения – А. Л. Александровского (2003).

Стратиграфия памятника

Геологическое строение первой надпойменной террасы на участке расположения памятника охарактеризовано по разрезу Г (геологическому) в одноименном шурфе, заложенном от дна раскопа на кв. 1И-9, 10 и приблизительно совпавшем с северной границей распространения культурного

слоя⁷. В этом разрезе Е. К. Воскресенской (2014) сверху вниз различались (рис. 6, 1):

– слой 1Г (1-й геологический): дерн, подстилаемый горизонтом супеси серовато-палевой легкой пылеватой – рудиментарным гумусовым горизонтом современной почвы. Нижняя граница – на глубине 6–9 см от дневной поверхности (далее – д. п.);

– слой 2Г – пески оглеенные палевые, с грязно-белыми пятнами диаметром 1,5–2,0 см по червеходам. Слой эоловый, образованный перевеянным материалом аллювия террасы. Проработан почвенными процессами, в том числе биотурбацией. С единичными включениями археологического материала (расщепленными кремнями). Переход к нижележащему слою плавный, на глубине 19–23 см от д. п.; мощность слоя – 10–14 см;

– слой 3Г – супесь желтовато-палевая, однородная, с обильными включениями среднезернистого песка. При высыхании слой приобретает белесовато-желтый оттенок; как и вышележащий, представляет собой перевеянный аллювий, проработанный почвенными процессами. Нижняя граница слоя нечеткая, по цвету; по разрезу Г (и сходным разрезам, наблюдавшимся в раскопе и шурфах) с западинами, вне которых проходит на глубине 45–48 см от д. п.; мощность – 23–26 см, на участках западин до 50–80 см и более. В верхней половине слоя во взвешенном состоянии сосредоточен археологический материал, представленный фрагментами керамики позднего бронзового века, отщепами и осколками. Западина, зафиксированная по разрезу Г, по-видимому, природного происхождения (по отмершей корневой системе?); заполнена белесой сцементированной супесью; археологического материала в заполнении не содержала;

– слой 4Г – пески темно-желтые, равномерно прокрашенные ожелезнением, с пятнами слабогумусированной супеси по червеходам; с тонкими субгоризонтальными разорванными темно-ржавыми прослоями ортзандов. Перевеянный аллювий, проработанный почвенными процессами. Нижняя граница четкая, по цветовому переходу, вне западин на глубине 101–103 см при мощности слоя 53–57 см;

– слой 5Г – пески желтовато-палевые, скрыто- и тонкослоистые, с волнистыми прослоями ортзандов. Нижняя граница удовлетворительной чет-

⁷ Для оформления разреза от дна отработанного участка 2 в восточной половине раскопа с глубины 63–64 см от д. п. заложен шурф 2,7×1 м, вытянутый по линии С – Ю, расположенный вплотную к северному борту раскопа. Глубина разреза, полученного по северному борту шурфа и раскопа от д. п., – 232 см. Раскопки шурфа производились зачисткой с сокращением площади вскрытия ступенями до размера 1,3×1 м. Археологический материал ниже уровня заложения шурфа не обнаружен.

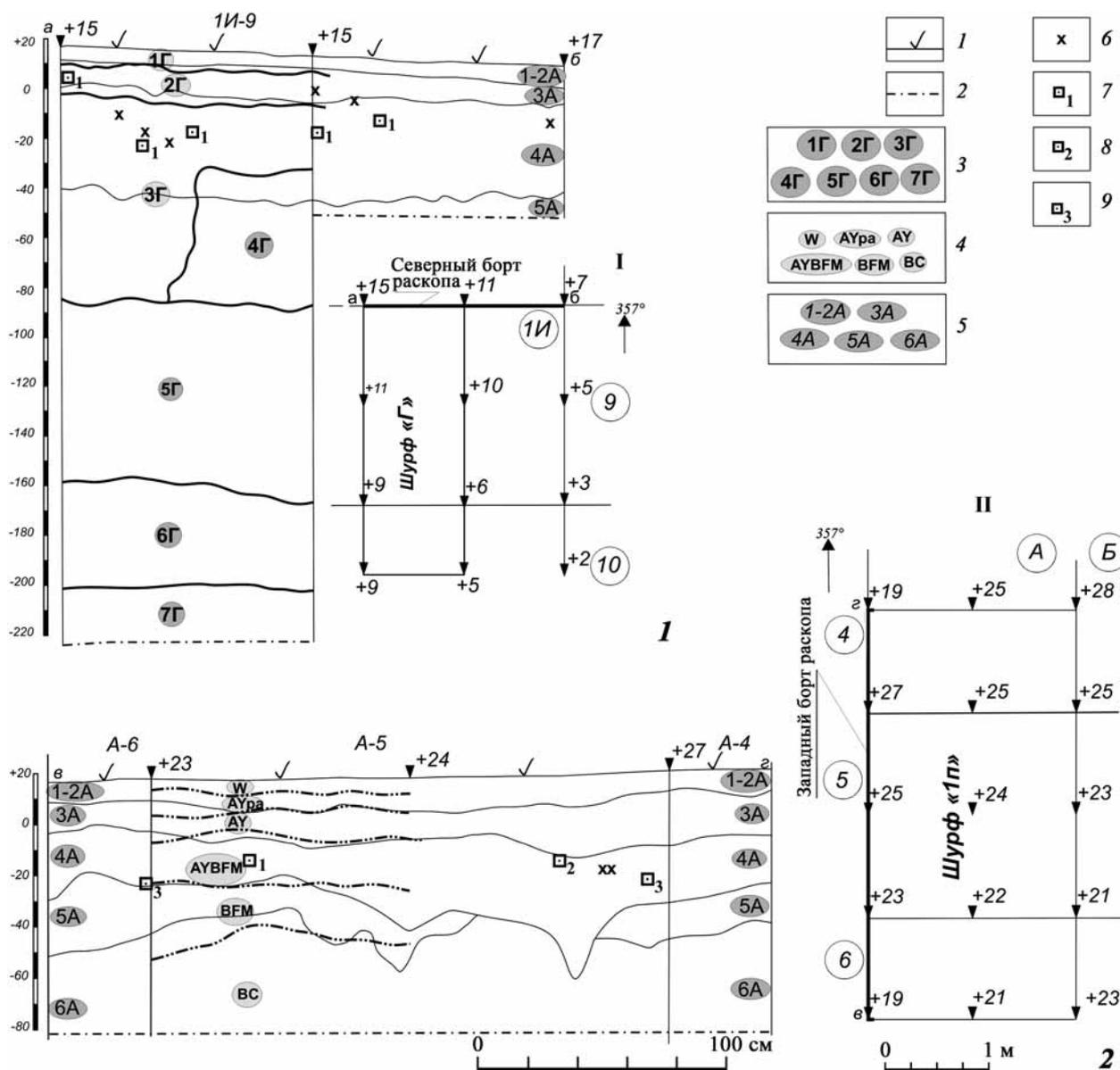

Рис. 6. Раскоп 1

1 – геологический шурф Г на участке 2, квадрат 1И-9. Схема шурфа с нивелировкой поверхности; разрез по северному борту шурфа и раскопа с выносной находкой на разрез (микроразрез). Область выноски – 2,7 м с юга. 2 – почвенный шурф Г на участке 1-1А, квадраты А-6, 5. 4. Схема шурфа с нивелировкой поверхности; разрез по западному борту шурфа и раскопа с выносной находкой на разрез (микроразрез). Область выноски – 2 м с востока. 1 – дневная поверхность; 2 – дно шурфа, раскопа; 3 – границы и обозначения структурных элементов геологического разреза (описание см. в тексте: «Стратиграфия памятника»); 4 – границы и обозначения структурных элементов почвенного профиля (описание см. в тексте: «Стратиграфия памятника»); 5 – границы и обозначения структурных компонентов профиля, различившихся при археологической фиксации (описание см. в тексте: «Стратиграфия памятника»); 6-9 – проекции находок на разрезы: 6 – отщеп, осколок; 7 – керамика поздняяковской культуры; 8 – керамика деснинской культуры; 9 – керамика льяловской культуры

кости, по изменению цвета и механического состава породы, на глубине 175–181 см; мощность слоя – 70–80 см. Падение слоя – около 10° к югу по западной стенке шурфа. Аллювий;

– слой 6Г – пески разнозернистые, в основном среднезернистые, с линзами и прослоями грубозернистого и мелкозернистого песка; желтовато-бурые,

желтые и палевые, в нижней части слоя с сероватым оттенком. Слоистость субгоризонтальная, в восточной стенке шурфа отмечены линзы песка с признаками кривой слоистости. Отмечены нарушения слоя корнями деревьев. Падение по северной стенке – 6–9° к западу. Нижняя граница слабоволнистая, четкая по цвету и механическому составу, на глубине

214–218 см; мощность слоя 35–44 см. Аллювий иной фации в сравнении со слоем 5Г;

– слой 7Г – суглинки огленные серые и голубовато-серые с изоморфными пятнами, с прослоями ярко-бурого ожелезнения и мелкими железистыми стяжениями (бобовинами), рассеянными по слою. Оглеение нарастает вниз по слою, пройденному на 22–24 см от кровли до глубины 236–241 см. Флювиогляциальные отложения.

Почвы на территории выполнявшихся археологических исследований охарактеризованы В. О. Попутниковым (2014), по заключению которого исходно-фоновыми почвами здесь являются ржавоземы типичные (Шишов и др., 2004), или, по принятой ранее классификации, почвы дерново-подзолистые слабодифференцированные (Егоров и др., 1977). Строение почвы описано по разрезам П1, П2 (1-й, 2-й почвенные) в одноименных шурфах, заложенных от дна раскопа на уч. 1–1А на кв. 1А-4,5,6 (1-й) и кв. 1А-1 (2-й), а также по разрезу, оформленному в качестве фонового в соразмерной шурфу выемке в 85 м к западу от полосы отвода, вне границ территорий каких-либо ранее выявленных памятников.

По разрезу П1, зафиксированному по западному борту шурфа и раскопа, оформленному, как и другие почвенные разрезы, до глубины ~ 1 м от д.п. (~ 40 см от дна отработанного участка), не имевшему заметных различий по морфологии толщи до указанной глубины с вышеописанным разрезом Г, сверху вниз различались горизонты (рис. 6, 2):

– W, дернина мощность 2–5 см;

– АУра, старопашотный – бывший пахотный на стадии постепенного возвращения к состоянию своего субстрата – природного гумусового горизонта почвы; мелкопесчаный, пылеватый. Утратил характерные для пахотных горизонтов монотонность, выраженную угловатую структуру и некоторые другие признаки, что может быть связано с его уплотнением (при обустройстве территории пионерского лагеря). Мощность – 6–10 см;

– АУ, естественный серогумусовый, не вовлекавшийся в распашку, уплотненный (сначала как плужная подошва, затем, вероятно, как верхняя часть почвы, подвергавшейся утрамбовке); песчаный, с преобладанием в песке мелких зерен. Мощность – 6–12 см. Верхняя граница – на глубине 8–11 см, нижняя – 18–25 см от д.п., что мало различается с глубиной прохождения границ слоя 2Г в геологическом разрезе (6–9 и 19–23 см);

– АУВФМ – горизонт постепенного перехода серогумусового горизонта почвы в железомета-

морфический. Песчаный, с преобладанием мелких зерен; пылеватый, близкий к супесчаному. Охристо-серовато-бурый, при высыхании белесоватый. Комковатый, рыхлый; слабоструктурный; с единичными угольками, тонкими корнями и порами, прямыми и обратными червороинами, отмытыми минеральными зернами.

Плотнее вышележащего. Мощность – 16–23 см. В данном горизонте протекает внутрисочвенное выветривание минералов с образованием преимущественно железистых соединений. Наличием этих соединений и гумуса определяется характерная окраска горизонта;

– ВФМ, железометаморфический. Песчаный, песок разнотельный. Окраска от светло-буро-охристый до ярко-охристой, что определяется протеканием в данном горизонте, как и в вышележащем, внутрисочвенного выветривания минералов с образованием железистых соединений. Бесструктурный; с единичными червороинами из вышележащих горизонтов, содержащими обугленную органику. Мощность – 17–20 см, в отмеченных в основании западинах – до 30 см и более;

– ВС – горизонт постепенного перехода в почвообразующую породу; пройден до дна шурфа максимально на 42 см. Песчаный разнотельный; охристо-светло-бурый с темно-бурыми пятнами на участках образования псевдофибров; бесструктурный.

Археологический материал в границах шурфа П1 найден в горизонте АУВФМ, представлен малочисленными отщепами, единичными фрагментами керамики развитого неолита, позднего неолита – энеолита, позднего бронзового века. По морфологическим признакам и глубине прохождения границ (верхней – 18–25, нижней – 40–43 см) этот горизонт обнаруживает явное сходство с основным культуросодержащим слоем 3Г, вышеописанным по геологическому разрезу.

Профили, зафиксированные по разрезам П2 и фоновому, в основном аналогичны описанному по разрезу П1. Различия по цветности, механическому составу, глубине прохождения границ горизонтов между всеми разрезами незначительны. Особенностью разреза П2 является отсутствие в структуре профиля между горизонтами АУра (старопашотным) и АУВФМ (гумусово-железометаморфического) горизонта АУ (не вовлекавшегося в распашку естественного гумусового), а также выделение вниз от горизонта ВФМ двух горизонтов перехода в почвообразующую породу – ВС1 и ВС2. Особенностью фонового разреза, при рекультивации места заложения которого в бортах

выемки и в отвале найдены мелкие фрагменты керамики позднего бронзового века, является выделение в структуре профиля между горизонтами W и AYBFM трех, а не двух гумусовых горизонтов, сверху вниз: AY' – серогумусового, вновь образованного из материала бывшего пахотного горизонта под действием естественной растительности, землероев и др. природных факторов; AYа – старопахотного в стадии возвращения к состоянию природного гумусового; AY – естественного серогумусового, не вовлекавшегося в распашку. Археологический материал, найденный в бортах выемки, происходит с глубин, соответствующих горизонтам AY и AYBFM. Ориентировочный возраст старой пахоты – не менее 150 лет.

Множество разрезов по бортам раскопа и шурфов, бровкам, разграничивавшим участки раскопа, зафиксировано и описано авторами. Как большинство археологов, при структурировании профилей мы руководствовались субъективной, приблизительной, в определенной мере интуитивной оценкой изменений по толще механического состава и структуры слагающих ее отложений, цветности, включений, то есть в основном тех же морфологических признаков, которые с аналогичными целями анализируются при геологических и почвенных исследованиях. Результаты «археологической» фиксации части разрезов обсуждались с В. О. Попутниковым, однако корректировки этих результатов по результатам почвенных и геологических исследований не производилось.

Согласно «археологическому» членению профилей, на разных участках раскопа и в подавляющем большинстве шурфов вне зависимости от наличия/отсутствия и хронологической принадлежности археологического материала до глубины 55–70 см от д. п.⁸ сверху вниз по разрезам различались горизонты 1–2А; 3А–6А («археологические») (рис. 2; 10):

– 1–2А – подстилка лесная и/или дерн (верхняя часть горизонта), сформировавшиеся на песке (нижняя часть горизонта), местами порошистом, близком к супеси, местами несортированном мелко-, среднезернистом. Песок серый, по простиранию горизонта меняющий оттенки, в разной степени гумусированный. Много корней разного

размера. Нижняя граница четкая. Нормальные (близкие к средним) глубина ее прохождения и мощность горизонта – 7–15 см;

– 3А – песок несортированный мелко-, среднезернистый; бесструктурный; относительно выше- и нижележащих горизонтов уплотненный. Пестроватый, коричнево-, коричневатый и буровато-серый. По простиранию интенсивность окраски плавная. Много корней разного размера. Включения: мельчайшие угольки; единично – гравий и археологические предметы. Четкость границы с нижележащим горизонтом удовлетворительная. Нормальная глубина прохождения нижней границы – 15–22 см; мощность горизонта – 8–15 см (в западинах глубина до 30 см, мощность до 20 см);

– 4А – песок пылеватый палевый; по механическому составу и бесструктурности аналогичен горизонту 3А. Пестроватый и пестрый, плавно изменчивой окраски: охристо-серо-бурый; палево-серо-бурый; белесо-серо-палевой и т. п. Как указанные оттенки воспринимается сочетание мелких хаотично расположенных пятен – коричневатых, буроватых, рыжеватых, палевых, сероватых, белесоватых, представляющих собой следы ходов землероев и корней. При высыхании горизонт в целом белесоватый. Много корней, имеются свежие ходы землероев. Включения: мельчайшие угольки; гравий; археологические предметы. Последние концентрируются в верхней – средней частях горизонта, в нижней встречаются на участках локализации некоторых углубленных структур. Граница с нижележащим горизонтом нечеткая. Нормальная глубина прохождения нижней границы – 38–55 см (в западинах – до 80 см), мощность – 18–40 см (в западинах – до 50 см и более);

– 5А – песок светлых охристых и серовато-охристых оттенков, желтоватых, рыжеватых, коричневатых; хаотично чередующихся, с плавными переходами. По механическому составу и бесструктурности аналогичен горизонтам 3А и 4А. Местами – с точечными железистыми бурами вкраплениями. Включения: гравий. Во вскрытой части представлен протяженными линзами, обособленными друг от друга участками поднятия верхней границы нижележащего горизонта. На участках, где горизонт 5А вскрыт до основания, его

⁸ 55–70 см – нормальная (средняя) глубина раскопа и шурфов, обусловленная глубиной залегания археологического материала (вне углубленных структур): в основном до 40–45 см; на отдельных участках незначительной площади – до 50–55 см от д. п.; в полосе перехода площадки надпойменной террасы во фронтальный уступ, ширина которой до 2–3 м – как правило, не более 20–25 см. В той же полосе, где дневная поверхность имела наклон к пойме 10° и более, границы между горизонтами, кроме нижней границы горизонта 1–2А, нечеткие; между горизонтами 4А и 5А местами почти не различимая (по-степенный контакт).

Таблица 1. Соответствие основных структурных элементов профиля, различавшихся с позиций литологии (1), почвоведения (2) и традиционной практики полевых археологических исследований (* – на разных участках исследовавшейся территории).

Структурные элементы профиля		
литологические (1)	почвоведческие (2)	археологические (3)
1Г	W в совокупности с АУра либо АУ’*	1–2А
2Г	АУра либо АУ*	3А
3Г	АУВФМ	4А
4Г	ВФМ либо ВФМ в совокупности с ВС1*	5А
5Г	Горизонт ВС либо ВС2*	6А

мощность – 12–40 см, нижняя граница, как правило, четкая, на глубине 50–70 см от д. п.;

– 6А – песок коричневатого и рыжеватого-серого, с буро-ржавыми псевдофибрами, ортзандами и отдельными комковатыми железистыми образованиями. По механическому составу и бесструктурности аналогичен горизонтам 3А–5А. Включения: гравий; единично – мелкая галька. Выявлен только на отдельных участках разрезов, где вскрыт не до основания. На максимальную от верхней границы глубину – 58 см – пройден по разрезу П1 (по разрезу Г «археологическое» членение толщи глубже дна отработанного участка раскопа не производилось).

Сравнительный анализ геологического, почвенного и археологического описания разрезов позволило прийти к ряду выводов, отчасти предварительного характера, которыми определяется наше понимание стратиграфии ПМ Щербинино.

1. Археологический материал культурного слоя залегают в верхней части голоценовой покровной толщи первой надпойменной террасы. Покровная толща в целом эоловая, сложенная переветренным материалом аллювия террасы – песками мелко-, среднезернистыми (или, по Е. К. Воскресенской, песками; песками оглиненными; супесями с обильными включениями среднезернистого песка), проработанная почвенными процессами, которыми, по нашему мнению, главным образом определяется строение ее профиля.

2. По морфологическим признакам, глубине и мощности устанавливается приблизительное соответствие друг другу следующих основных структурных элементов профиля, различавшихся с позиций литологии (1), почвоведения (2) и традиционной практики полевых археологических исследований (3) (табл. 1).

3. Корректность вычленения в толще по разрезу Г структурных элементов 2Г, 3Г, 4Г в качестве

слоев сомнительна. Вероятно, различия, отмеченные между ними по механическому составу, цветности, плотности, наличию/отсутствию ортзандов обусловлены не столько характером осадконакопления, сколько комплексом биологических, химических, физических почвенных факторов, а между элементами 1Г–3Г также факторами агрогенными и позднейшими техногенными. Это подтверждается бесструктурностью слоев 2Г–4Г и наличием в них явных следов биотурбации. Более корректным представляется интерпретировать данные структурные элементы профиля аналогично вычлененному по тому же разрезу слою 1Г в качестве горизонтов почвы, а всю покровную толщу – в качестве единого осадочного слоя, сформировавшегося в результате переветривания аллювия террасы.

4. Корректность включения западины, зафиксированной по разрезу Г в основании слоя 3Г, в этот слой также сомнительна. В приведенном выше описании разреза между основной частью слоя и заполнением западины отмечены различия по цветности и механическому составу, не резкие, но достаточные для того, чтобы рассматривать западину в качестве особого структурного элемента профиля. По положению в толще она аналогична ряду биогенных и антропогенных структур, выявленных в раскопе и шурфах от основания горизонта 4А, что приблизительно совпадает с основанием слоя 3Г и горизонта АУВФМ – самого нижнего горизонта, явно проработанного биотурбацией. Представляется, что контакт слоя 3Г, горизонтов АУВФМ и 4А с заполнением данных структур соответствует, как правило, не глубине заложения (верхнему краю) объектов, следами которых являются те или иные структуры, а глубине, с которой эти следы различались по цветности и/или механическому составу, строению, текстуре и другим признакам, стертые почвенными процессами в вышележащей части толщи.

5. В соответствии с этим предположением структуры, различавшиеся по данным признакам в горизонте АУВФМ (4А) и вышележащих, мы относим к числу новообразований, которые сравнительно слабо проработаны почвенными процессами именно по причине «молодости». Следы более древних объектов в горизонте АУВФМ (горизонт 4А) могут быть выражены только как аномальные группировки вещевого археологического материала. Однако включение такого материала в структуры само по себе не является признаком их древности и антропогенного характера и свидетельствует только о возникновении соответствующих объектов не ранее, чем отложились культурные остатки.

6. Геологическим субстратом культурного слоя являются пески определенного горизонта покровной толщи, совпадающего, судя по концентрации вещевого археологического материала, на всей территории памятника, с верхней половиной горизонта 4А (что, вероятно, соответствует аналогичной части слоя 3Г), а на некоторых участках – и с нижней половиной горизонта 3А (слоя 2Г). Из этого проработанного почвенными процессами «культуросодержащего горизонта» происходит масса находок, относящихся без различий по глубине залегания к периодам от мезолита до позднего бронзового века, от древнерусского до Нового времени.

7. В профилях почвы (ржавозема) на исследованной территории зафиксированы локальные различия: W–АУра–АУ–АУВФМ–ВФМ–ВС; W–АУра–АУВФМ–ВФМ–ВС1–ВС2; W–АУ²–АУра–АУ–АУВФМ–ВФМ–ВС. Концентрация включений вещевого археологического материала приходится на всей территории памятника на верхнюю половину горизонта АУВФМ, а в западной части памятника (возможно, местами) – и на перекрывающий горизонт – АУ или, возможно, АУра.

8. Включения вещевого археологического материала в вышеуказанных горизонтах является главным и на значительных площадях единственным атрибутом культурного слоя ПМ Щербинино. В соответствии с этим границы культурного слоя, исключая небольшие участки нижней границы, определяются только приблизительно, по глубине находок⁹. Верхняя граница может быть проведена в средней – нижней части горизонта 3А (слоя 2Г), где отмече-

ны находки археологических предметов, вмещенных в горизонт почвы, перекрывающий горизонт АУВФМ, то есть на разных участках территории памятника, в горизонт АУра или АУ. Нижняя граница маркируется повсеместным, кроме участков локализации некоторых углубленных объектов, резким уменьшением количества находок в средней части горизонта 4А, согласно чему проводится, за исключением участков локализации углубленных антропогенных объектов, посередине или несколько ниже середины этого горизонта (в аналогичной части слоя 3Г и горизонта АУВФМ).

9. На участках локализации углубленных объектов включения вещевого археологического материала отмечаются и в нижней, вплоть до основания, части горизонта 4А, а местами еще ниже, в составе структур, которые нарушают горизонты 5А или/и 6А, ясно различаются по цветности, а иногда и другим признакам. Такие структуры представляют собой следы наиболее углубленной части объектов, которая достигла горизонтов почвы, где действие биотурбации и других факторов, разрушительно влияющих на эти признаки, ослаблено. На данных участках нижняя граница культурного слоя в горизонте 4А может быть проведена по находкам, а в подстилающих горизонтах – по границам структур, включающих вещевой археологический материал, если не установлено, что эти структуры имеют природное происхождение.

10. Согласно определению границ культурного слоя граница археологического материка определяется также приблизительно. Вне участков локализации углубленных объектов к верхней части материка уверенно может быть отнесена нижняя часть «слоя» 3Г, до 30–50% его мощности, что примерно совпадает с аналогичной частью горизонтов АУВФМ и 4А. Вышеизложенное позволяет отнести ПМ Щербинино в части культурного слоя к наиболее массовой категории археологических памятников лесной зоны Восточной Европы – категории остатков поселений голоценового возраста, расположенных на внепойменных территориях, залегающих в рыхлых «покровных» толщах, в горизонтах, проработанных почвенными процессами.

По причине этой турбирующей отложения проработки подавляющее большинство памятников (стоянок, селищ, многих городищ) на всей своей территории или больших ее участках

⁹ Без учета находок в заполнении структур, различавшихся в горизонте 4А (слое 3Г, горизонте АУВФМ) и вышележащих по цветности, механическому составу, строению, текстуре, а также единичных находок, заметно отстоявших вверх или вниз по толще от основной массы. Соответствующие предметы рассматривались в качестве предположительно перемещенных корнями или землероями.

обладает нечеткой стратиграфией¹⁰. Среди них культурный слой ПМ Щербинино занимает место в группе памятников, обычно называемых многослойными, фактически содержащих перемешанный хронологически разнородный материал, сколько-нибудь полное стратиграфическое вычленение из которого комплексов, соответствующих остаткам конкретных поселений и периодов обитания, невозможно. Наиболее убедительное из известных нам объяснений природы и механизмов формирования памятников такого рода дано А. Л. Александровским (2003). Их материалы многократно описаны в археологических изданиях, а ряд волго-окских стоянок анализировались и обсуждались специально в связи с проблемами стратиграфической нечеткости и выявления структуры памятников (культурного слоя на памятниках) (Сорокин, 1987; 2006а; 2006б и др.; Кравцов, Леонова, 2001; Кравцов, 2002; 2004; 2009 и др.).

Структуры, выявленные во вскрытой толще. Объекты культурного слоя

Вскрытие отложений террасы на всю глубину раскопа и шурфов производилось зачисткой. находки, кроме керамической крошки размером менее 2 кв. см, выявленные в толще структуры, кроме явных следов не крупных корней, фиксировались в системе трех координат. На фоне вмещающих горизонтов на зачищенных грунтовых поверхностях структуры различались как преимущественно темноцветные пятна, окраска которых объясняется концентрацией гумуса, частиц древесного угля, солей железа. Характер ряда структур удавалось установить уже в ходе раскопок. Некоторые из них, например, включавшие развалы сосудов, уверенно распознавались как антропогенные. Некоторые, например, включавшие остатки крупных отмерших, но не полностью истлевших корней, – как биогенные. Характер значительного числа структур представлялся неясным.

С целью его уточнения при обработке полевых материалов была выполнена группировка структур по признаку соотношения с горизонтами 1–2А, 3А–6А и находками. В результате каждая структура отнесена к одной из четырех описываемых ниже групп.

Структуры *группы 1* различались от нижней части горизонта 1–2А или от горизонта 3А, как правило, с глубины менее 20–25 см; могли включать или не включать вещевой археологический материал. Структуры *группы 4* различались в горизонтах 5А и/или 6А, как правило, с глубины 60–70 см и более (не учитываются глубины выявления структур, локализованных на склоне, в полосе перехода площадки надпойменной террасы во фронтальный уступ). Включения вещевого археологического материала в них и в нижней части горизонта 4А над структурами отсутствовали. Структуры групп 1 и 4, зафиксированные в раскопе, уверенно отделялись от культурного слоя по положению в толще. Кроме следов траншеи канализации пионерского лагеря и выявленных под дерном туристских кострищ, к деятельности человека они отношения не имели. Характер единичных структур группы 1, зафиксированных в западной половине территории памятника, в шурфах, давших находки средневековой керамики и шлаков, выяснить не удалось в связи с малой площадью шурфов.

Остальные структуры, всего более 100, зафиксированы в горизонте 4А либо в верхней части подстилающего горизонта (как правило, 5А; местами 6А), с глубины от 25–30 до 60–70 см. Из этой выборки вычленены группы 2 и 3.

К *группе 2* отнесены структуры, выявленные на глубине концентрации основной массы вещевого археологического материала, от контакта между горизонтами 3А и 4А до приблизительно середины – 3/4 мощности горизонта 4А, включавшие, за редким исключением, вещевого материал. Несмотря на наличие находок, по признаку различимости в проработанном биотурбацией горизонте 4А предполагалось, что структуры группы 2 возникли в сравнительно недавнем прошлом, после отложения культурных остатков позднего бронзового века и, вероятно, даже древнерусских, вследствие чего не успели утратить четкости под воздействием почвенных факторов.

С учетом скорости стирания почвенными процессами грунтовых маркеров, отмеченной на мезолитической стоянке Ладыжино 3 на Верхней Оке в Калужской обл. (Кравцов, 2000; 2001),

¹⁰ К числу памятников с нечеткой стратиграфией могут не принадлежать те объекты (или части объектов), на которых осадконакопление, антропогенное (например, на участках строительства и разрушения более-менее капитальных сооружений, концентрации массы бытовых и производственных отходов и т. п.) и/или природное (например, на участках делювиально-пролювиального наноса при основании склонов и в устьях оврагов, дюнообразования и т. п.), интенсивность которого превышала интенсивность проработки толщи различными турбирующими ее процессами – геологическими, почвенными, деятельностью человека.

представлялось вероятным, что возраст структур, выявленных на ПМ Щербинино в горизонте 4А, не превышает 100–300 лет¹¹. Исходя из этого, вероятность связи с культурным слоем структур этой группы рассматривалась как крайне низкая. Тем не менее они полностью вскрывались и детально фиксировались. Фиксация структур в плане выполнялась неоднократно на разных глубинах, в сомнительных случаях дополнялась фиксацией в разрезах. В результате у структур группы 2, кроме структуры № 18, установлено наличие признаков, позволяющих уверенно интерпретировать их как следы отмерших (иногда выгоревших) корневых систем или отдельных корней деревьев либо следы воронок на месте вывала деревьев («выворотней»). Часть воронок, по предположению А. А. Гольевой¹², могла возникнуть при корчевке, хронологически близкой к старой пахоте, прослеженной в почвенных разрезах в виде горизонта АУра. Каких-либо признаков созданных человеком объектов у структур этой группы, кроме структуры № 18, не отмечено. Структура № 18, подробно характеризующаясь несколько ниже, уверенно определялась как следы и остатки жилища эпохи бронзы (объект 5). По цветности, правильным очертаниям, строению, постепенному увеличению числа находок она начала различаться в горизонте 4А: в плане с глубины ~ 40 см; в разрезах – от верхней границы горизонта, с глубины ~ 20 см от д. п. Однако элементы структуры, различавшиеся на глубине горизонта 4А, прямого отношения к сооружению, бытованию и разрушению жилища не имели. Они фиксировались в той части толщи, которая перекрывала собственно остатки жилища, включенные в горизонты 5А и 6А, и представляли собой следы жилища, сформировавшиеся в результате долговременной проработки почвенными процессами и той части

толщи, которая включала остатки жилища, и той, которая их перекрывала.

К группе 3 отнесены структуры, выявленные явно глубже концентрации основной массы вещевого археологического материала, возможно, в нижней части горизонта 4А, возможно, в верхней части горизонта 5А. Уточнение горизонта, в котором начинает различаться структура, рассматривалось как ключевое для ее интерпретации, но из-за нечеткости границы между горизонтами 4А и 5А было затруднительным даже в части случаев, когда структура оказывалась на линии разреза по борту раскопа, шурфа или по бровке между участками раскопа. В плане граница между этими горизонтами прослеживалась еще слабее¹³, а глубина раскопа не могла служить достаточно надежным ориентиром из-за колебаний мощности горизонтов. По этой причине предполагалось, что каждая из структур группы 3 кроме явных следов корней может оказаться следами древнего антропогенного объекта. В качестве признаков, подтверждающих в сочетании предположение об искусственном происхождении структуры, рассматривались:

– нахождение в общих границах территории распространения находок; хотя бы незначительное увеличение плотности находок на месте структуры в перекрывающем ее горизонте и в том же горизонте на небольшом расстоянии от структуры; наличие находок, включенных в структуру, в том числе в нижнюю ее часть;

– наличие у структуры такого признака искусственного сооружения, как более или менее правильная форма (в плане – прямоугольная, овальная, округлая или близких очертаний; в сечениях – линзовидная, чашевидная, котловидная и т. п.);

– отсутствие среди элементов структуры, определяющих ее форму, явных следов отмерших корневых систем и корней.

¹¹ На стоянке Ладыжино 3 раскоп 1 (1999, 2000 гг.) частично совпал в плане с двумя смежными рекогносцировочными раскопами площадью 8 и 7 кв. м, заложенными А. С. Фроловым в 1976 и 1977 гг. (Фролов, Жилин, 1978; Жилин, Фролов, 1981). Раскоп 1976 г. имел глубину до 0,7 м и был полностью засыпан перемешанным грунтом из отвала, который включал плотный бурый средний суглинок археологического материка, резко отличавшийся от рыхлых светлоокрашенных легких суглинков вышележащих горизонтов. Раскоп 1977 г. глубиной до 0,4 м также был засыпан грунтом из отвала. В раскопе 1999–2000 гг. граница засыпанных старых раскопов (то есть между их заполнением и ненарушенной почвой) по механическому составу, структуре и цветности начинала прослеживаться только с глубины 25–30 см, от верха горизонта В1 (иллювиального) ненарушенной серой лесной почвы, в котором в сравнении с вышележащими горизонтами А0–А1, АЕ, ЕВ наблюдалось резкое уменьшение количества землероев и мелких корней. Таким образом, в этих горизонтах вышеуказанные морфологические признаки крупной углубленной структуры, каковой являлись засыпанные раскопы общей площадью 15 кв. м, глубиной 0,4–0,7 м, оказались полностью уничтоженными почвенными процессами всего за 25 лет. Основным фактором уничтожения этих признаков, по-видимому, была биотурбация.

¹² Устное сообщение.

¹³ В связи с невозможностью значительного снижения скорости раскопок при спасательных исследованиях зачищенные поверхности редко успевали просохнуть до состояния, оптимального для различения горизонтов 4А и 5А, а при жаркой солнечной погоде, напротив, быстро пересыхали до полного исчезновения цветных границ.

По этим признакам семь структур группы 4 (№ 17, 9, 12, 19, 13а, 22, 21) определены как визуально различавшиеся части объектов культурного слоя, получивших номера: 1–4; 7–9. Упомянутой выше структуре № 18, соответствующей следам и остаткам жилища эпохи бронзы, присвоен № 5; небольшой по площади области высокой концентрации находок в горизонте 4А вблизи от жилища, скоплению 1, – № 6. В плане это скопление находок отчасти совпадало со структурой № 13а, выявленной благодаря удачно заложённой бровке от кровли горизонта 5. Структура представляет собой следы нижней части ямы, до дна которой продолжались находки керамики бронзового века и обожжённых расщепленных кремней, аналогичных образовавшим скопление. Таким образом, скоплением находок маркировалась верхняя часть той же ямы, по другим признакам не различавшаяся, а объекты № 6 и 7 оказались частями одного объекта культурного слоя, обозначенного как объект 6–7.

Предположение об антропогенном характере 18 из 25 структур группы 4, получивших полевые номера как вероятные объекты культурного слоя, в результате анализа материала¹⁴ не подтвердилось: 17 определены как биогенные; одна, с полевым № 16, – как имеющая неясное происхождение. Краткие характеристики этой структуры и выявленных в раскопе объектов культурного слоя приводятся ниже.

Структура № 16 (рис. 3). Уч. 1Б, кв. К, Л-02, 03. Зафиксирована как пятно темноцветного песка на фоне более светло окрашенного переслоенного ортзандами песка горизонта 6А на глубине 45–50 см от д.п.; ее первые следы отмечены на 10 см выше, вероятно, в горизонте 5А. В границах пятна песок в основном коричневатосерый, гумусированный, с включениями угольков. Вытянуто по линии ЮЮЗ–ССВ; размеры до 210×140 см. По контуру расширенной части прослеживается кольцевидно изогнутая полоса песка серого и черно-серого гумусированного углистого шириной 8–14 см; края полосы неровные, внешний – с выступами. Во внутренней части кольца коричнево-серый песок сравнительно светлого оттенка. С глубины фиксации пятна юго-восточнее его центра выполнен продольный разрез, по которому зафиксирована западина резко асимметричного профиля, вдающаяся в песок горизонта 6А на глубину до 65 см от уровня заложения

разреза. В ее заполнении переслаиваются линзы песка разной цветности. Наиболее интенсивно он прокрашен гумусом и углем в узких извилистых линзах, субгоризонтально пересекающих заполнение западины, выстилающих ее борта и дно. Выше такой выстилающей дно линзы, над участке максимального углубления западины зафиксирована аморфная линза светло-серого песка, обедненно органикой, без включений угля. Подобные ей не раз отмечались в сходном расположении в составе других структур, определявшихся как следы корневых систем. Не исключено, эти линзы маркируют место прохождения отмершего стержневого корня. В верхней части заполнения структуры найден единичный фрагмент гладкостенной керамики эпохи бронзы без орнамента. В перекрывающей структуру части толщи и на расстоянии до 1 м в стороны найдено до 40 фрагментов (включая крошку) аналогичной керамики, среди которых два обломка венчиков, вертикального и слабо отогнутого наружу; обломок лепного сосуда со следами лощения; кремневые концевой скребок на отщепе и обломок орудия из отщепы (рис. 7, 18). Гладкостенная керамика в целом или большая ее часть относится к поздняяковской культуре (далее – ПК); лощеная для поздняяковского комплекса памятника нехарактерна, в связи с чем найденный обломок лощеного сосуда может быть предположительно отнесен к немногочисленному на памятнике материалу фатьяновской культуры. Здесь же встречен обломок вертикального края лепного гладкостенного сосуда с орнаментом из прочерченных горизонтальных линий, дополненных мелкими круглыми тычковыми вдавлениями (рис. 8, 3). Кроме нехарактерного орнамента среди керамики эпохи бронзы ПМ Щербинино он отличается по крупному размеру зерен песка в примеси к глине, цвету черепка и толщине стенки, значительной для небольшого сосуда. Культурная принадлежность этого и имеющихся в коллекции подобных фрагментов керамики неясна. *Интерпретация.* Структура, скорее всего, является следами отмершей в древности корневой системы. Все же нельзя исключить, что это следы какого-то антропогенного объекта эпохи бронзы, сильно видоизмененные биотурбацией.

Объект 1 (рис. 3). Уч. 1Б, кв. Л, М-01. Зафиксирована его визуально различавшаяся нижняя часть, которой соответствует структура № 17. Последняя выявлена как пятно песка коричнево-серого пестроватого гумусированного с отдельными

¹⁴ В отчете (Кравцов, 2014) отражены результаты камеральной обработки.

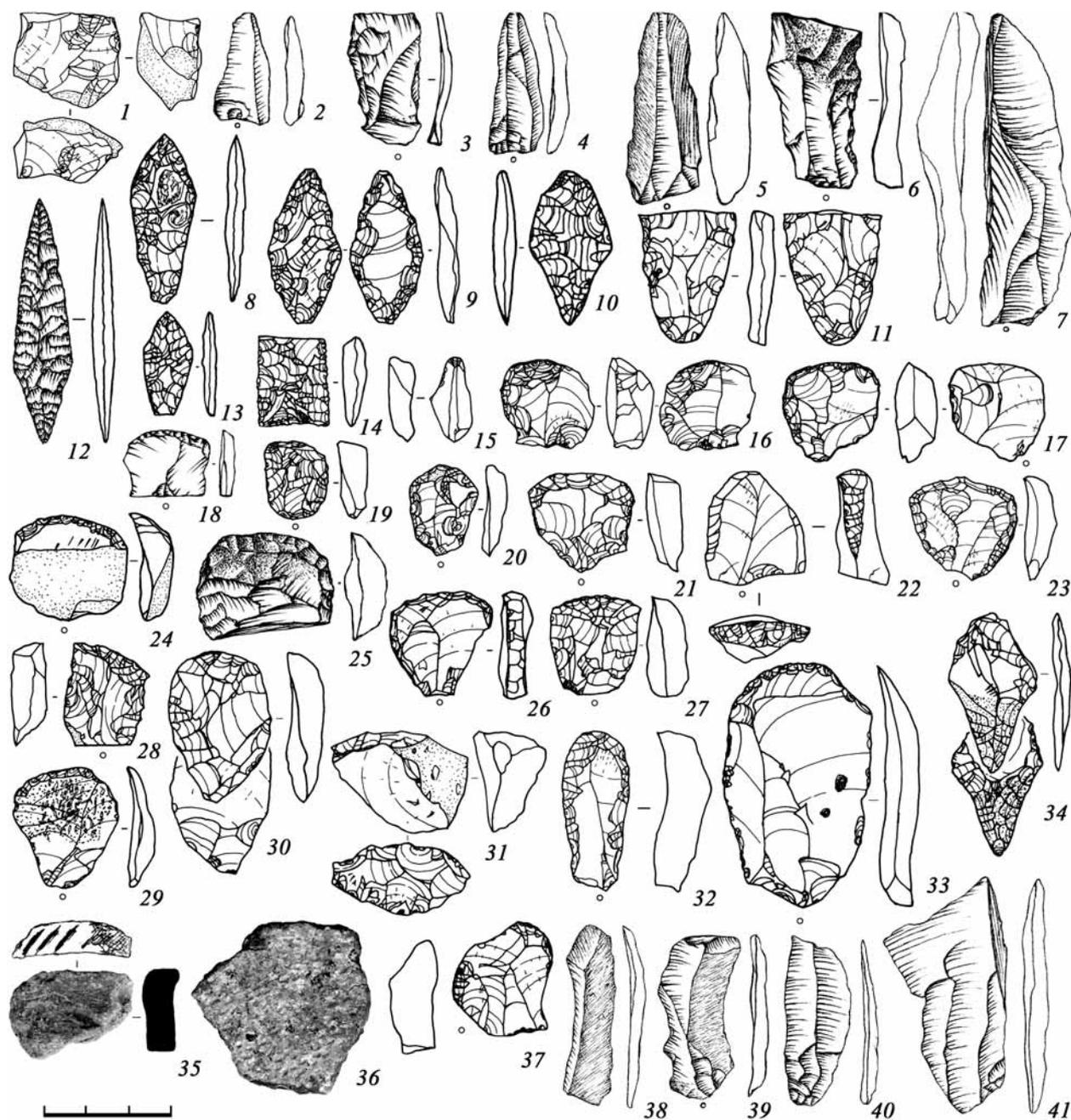

Рис. 7. Раскоп 1. Находки из слоя и объектов

1–34, 37–41 – расщепленные кремни; 35, 36 – обломки сосудов эпохи бронзы (36 – с «текстильными» отпечатками на внешней поверхности). Поздняковская культура. 1–14, 16–33 – из культурного слоя; 15 – из объекта 5 (жилища); 34–41 – из объекта 6–7

включениями угольков и археологических предметов на фоне рыжеватого археологически стерильного песка горизонта 5А на глубине ~50 см. Верхняя часть объекта может быть реконструирована приблизительно по незначительной концентрации находок в перекрывающей структуре части горизонта 4А. Пятно подовальное, вытянутое по линии ВЮВ–ЗСЗ, с небольшим выступом

в западной части; размеры до 125×92 см. С глубины выявления по той же линии через центр пятна выполнен разрез, который показал наличие западины чашевидного симметричного профиля. Заполнение: песок, аналогичный отмеченному в границах пятна. Углублена в горизонт 5А максимально на 35 см от уровня заложения разреза, без учета небольшой линзы интенсивно углистого

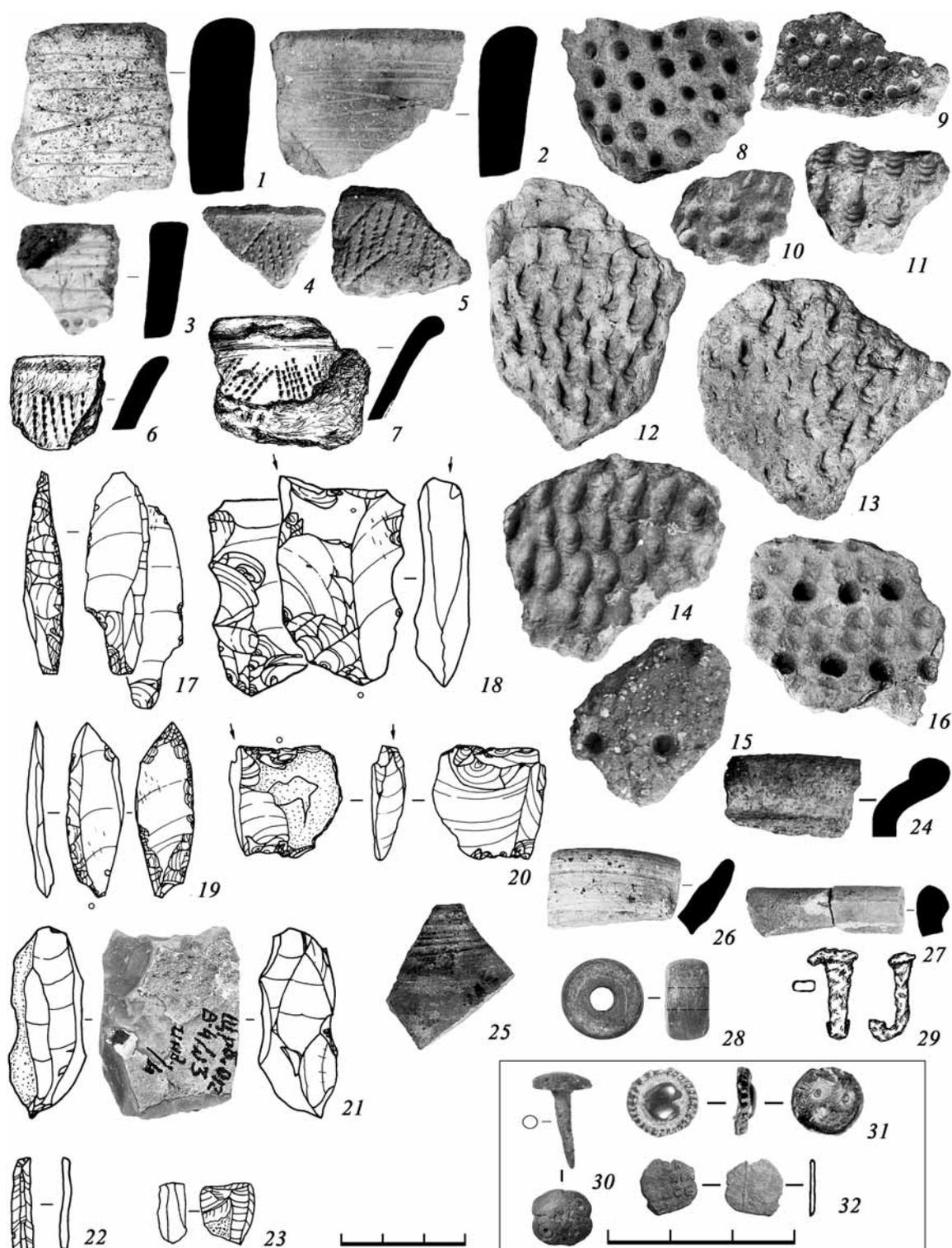

Рис. 8. Раскоп 1. Примесь к комплексу материала поздняяковской культуры

1–16 – обломки лепных сосудов; 17–23 – расщепленные кремни; 24–27 – обломки гончарных сосудов; 28 – пряслице шиферное; 29 – гвоздь железный кованый; 30 – гвоздь медный (мебельный); 31 – пуговица (стекло, цветной металл); 32 – монета медная копейка или подражание монете. 1–3 – эпоха бронзы, культурная принадлежность неясна; 4–7 – эпоха бронзы, фатьяновская культура; 8–10, 15, 16 – средний неолит, льяловская культура; 12–14 – поздний неолит – энеолит, деснинская культура; 17–23 – мезолит; 24, 28 – XII–XIII вв.; 25–27, 30–32 – XVII в. – Новое время; 29 – Средневековье – Новое время. 1–22, 24–32 – находки из культурного слоя; 23 – из объекта 5 (жилища)

гумусированного песка на контакте заполнения с горизонтом 5А на оси симметрии западины. В заполнении – более 25 обломков гладкостенных сосудов эпохи бронзы, включая крошку, и осколок кремня; в перекрывающем горизонте 4А, над структурой и на расстоянии до 1 м от границ пятна найдено до 35 фрагментов аналогичной керамики, кремневые обломок орудия и отщеп. Два мелких фрагмента с отпечатками мелкозубчатого штампа; узор не прослеживается, но по характеру отпечатков представляется вероятным, что эти черепки и часть черепков без орнамента относятся к фатьяновской культуре. Предположение подкрепляется находкой обломка сосуда со следами лощения, а на несколько большем расстоянии от объекта, на кв. К, Л-01; Л, М-02; И-03 – 8 из 12 встреченных в раскопе фрагментов с фатьяновским мелкозубчатым орнаментом, в том числе характерных венчиков двух сосудов (рис. 8, 4–7).

Интерпретация. Судя по включениям углей в структуру № 17, объект соответствует следам ямы эпохи бронзы, рядом с которой непродолжительное время горел огонь, то есть кострищу, либо ямы, находившейся около костра. В совокупности с находками керамики объект представляет собой следы кратковременного поселения («лагеря») группы носителей фатьяновской культуры.

Объект 2 (рис. 3). Уч. 1–1А, кв. Д, Е–6, 7. Зафиксирована его визуально различавшаяся нижняя часть, которой соответствует структура № 14. Последняя выявлена как пятно серо-коричневого пестроватого гумусированного песка с отдельными включениями археологических предметов на фоне песка рыжеватого-коричневого археологически стерильного горизонта 5А на глубине ~35 см. Верхняя часть объекта может быть реконструирована только с невысокой точностью по незначительной концентрации находок в перекрывавшей структуру части горизонта 4А. Пятно неправильных трапециевидных очертаний с округленными углами, вытянутое по линии СЗ–ЮВ; размеры – до 172×122 см. С глубины выявления по линии С–Ю через центр пятна выполнен разрез, показавший наличие западины котловидного слабо асимметричного профиля глубиной до 74 см от уровня заложения разреза. Линии бортов круто наклонные (60–65°), линия дна субгоризонтальная, без значительных западин. В верхней и средней частях заполнения западины песок, аналогичный зафиксированному в границах пятна. В придонной части – линза песка темно-серого гумусированного углистого мощностью до 20 см. На контакте верхней, средней и при-

донной частей заполнения, а также на контакте структуры с горизонтом 5А отмечены линзы серо-коричневого песка белесоватого оттенка (оподзоленного). Линза оподзоленного песка мощностью до 33 см имеется и в средней части заполнения. В заполнении найдены осколок кремня и фрагмент гладкостенной керамики эпохи бронзы; в горизонте 4А, над структурой и на расстоянии до 1 м от границ пятна – еще 10 фрагментов (4 – крошка) такой же керамики, из которых один с отпечатками мелкозубчатого штампа, и осколок треугольных очертаний из плитки песчаника. Материал поздняяковский, возможно, с примесью фатьяновского.

Интерпретация. Объект соответствует следам ямы позднего периода эпохи бронзы, в которой или около которой непродолжительное время горел костер. Связан с эпизодом хозяйственной деятельности вне территории какого-либо поселения, возможно, в непосредственной близости от поселения ПК.

Объект 3 (рис. 2). Уч. 2; кв. 1А–11. Располагался в полосе перехода площадки надпойменной террасы во фронтальный уступ. Зафиксирована визуально различавшаяся нижняя часть объекта, которой соответствует структура № 12. Последняя выявлена как пятно песка темно-серого гумусированного углистого на фоне песка пестроватого рыжеватого-палевого, на контакте горизонтов 4А и 5А, на глубине ~25–30 см от д. п., понижавшейся к пойме. Пятно подокруглое, 56×52 см. С глубины выявления через центр пятна выполнен разрез по линии В–З, по которому зафиксирована западина неправильно чашевидного слабо асимметричного профиля, вдающаяся в горизонт 5А на 22 см. Линии стенок и дна плавно переходят друг в друга, без глубоких западин. В заполнении песок, аналогичный зафиксированному в границах пятна. Включения: два кремневых отщепа и осколок, два мелких фрагмента гладкостенной керамики эпохи бронзы, осколок кальцинированной кости. Структура находится на границе распространения культурного слоя. Археологические предметы, обнаруженные в перекрывающей ее части горизонта 4А и поблизости, единичны. В связи с малочисленностью находок верхняя часть объекта не реконструируется.

Интерпретация. Объект соответствует кострищу позднего периода эпохи бронзы. Связан с эпизодом хозяйственной деятельности вне территории какого-либо поселения, возможно, в непосредственной близости от поселения ПК.

Объект 4 (рис. 2). Уч. 2А; кв. 1Б, 1А–13; 1Б–14. Располагался в полосе перехода площадки надпойменной террасы во фронтальный уступ. Визуально различавшаяся нижней части объекта соответствует

структура № 19, которая выявлена как пятно на контакте горизонтов 4А и 5А на глубине ~25–30 см от д. п., понижавшейся к пойме. В границах пятна песок серо-коричневый гумусированный, с обильными включениями частиц угля; фон – песок серовато-рыжевато-коричневый на контакте горизонтов 4А и 5А. На участке выявления структуры контакт этих горизонтов постепенный, что в целом характерно для почвенных профилей, зафиксированных на склонах. Пятно аморфное, без значительных выступов; 178×190 см. С глубины его выявления через центр выполнен разрез, по которому зафиксирована западина глубиной до 29 см слабо асимметричного чашевидного профиля. В заполнении песок, аналогичный распространенному в границах пятна. Включения: кремневые гравий и мелкая галька, многочисленные, в большинстве обожженные; обожженные кремневые чешуйка и семь осколков; маловыразительный фрагмент гладкостенного сосуда эпохи бронзы с прочерченным орнаментом. Структура находится на участке с высокой плотностью находок. В горизонте 4А над ней и до 1,5 м в стороны найдены: кремневые скребок боковой на отщепе (рис. 7, 31), 4 отщепы и 14 осколков; 17 обломков гладкостенных сосудов эпохи бронзы, включая крошку размером более 2 кв. см; около 20 экземпляров мельчайшей керамической крошки; 2 обломка кальцинированной кости; гравий и галька (много). Среди керамики два фрагмента венчиков. Первый – маловыразительный, наклонный наружу с накольчатый орнаментом, обычный для поздняяковской культуры. Второй (рис. 8, 1) – вертикальный, плавно утолщающийся к краю, толстостенного (до 13 мм) баночного сосуда. Примеси в глине – крупный песок и, возможно, незначительное количество дресвы. С прочерченным орнаментом под краем, представляющим собой два пояса из трех прямых горизонтальных линий каждый, разделенных пояском одинарных пересекающихся линий, образовывавших, вероятно, ромбы. Отнесен к группе керамики эпохи бронзы неясной культурной принадлежности. Среди фрагментов стенок, включенных в структуру № 19 и найденных в ее окружении, других обломков этого сосуда не отмечено. Остальная керамика поздняяковская. Вероятна принадлежность ПК и прочего археологического материала.

Интерпретация. Объект соответствует кострищу на поселении ПК.

Объект 5. Уч. 2Г, 2, 2А; кв. 1Ж, 1Е, 1Д, 1Г, 1В–8, 9, 10, 11, 12 (рис. 9–11). Его следам и остаткам соответствует структура № 18. Северная часть пятна структуры прослежена на глубине ~40 см; пятно в целом на глубине 50 см от д. п. В границах пятна

песок неравномерно гумусированный, неравномерно углистый. В северной и северо-восточной части пятна – пестроватый серо-коричневый с вкраплениями рыжевато-бежевого, палевого, при высыхании белесоватый (обозначение на чертежах – 5–2); в центральной и южной частях, откуда происходит подавляющее большинство находок, более темный, более однородный, коричневатого-серый (обозначение 5–3); в полосах вдоль западного края структуры и северного участка восточного края – почти без находок, пестрый буровато-серо-рыжий (обозначение 5–1б) и светло-коричнево-бежевый (обозначение 5–1в). Фон пятна: более светло окрашенный песок палевых, сероватых, рыжеватых, коричневатых оттенков на контакте горизонтов 4А и 5А. Пятно подпрямоугольное, вытянутое по линии С–Ю, границы неровные нечеткие, северные углы округленные, южные – с аморфными выступами и прогибами. Размеры – до 10,05×7,25 м. По мере углубления раскопа до 70 см пятно плавно уменьшалось, доля в нем области распространения темноокрашенного коричневатого-серого песка (обозначение 5–3), в которой концентрировались находки, увеличивалась. На глубине 60 см размеры сохранявшего подпрямоугольную форму пятна – 8,9×5,9–6,5 м, без учета выступов в южной части. В этих выступах – подокруглое и подовальные углисто-гумусовые пятна (до 0,95×0,85 и 0,95×0,65 м), которым соответствовали линзы мощностью не более 3 см, исчерпанные в дальнейшем зачисткой. Глубже 60 см вокруг пятна в «стерильном» песке горизонта 5А начали появляться гумусово-углистые запльвы (обозначение 5–6), из-за чего четкость границ пятна ухудшилась. К глубине 70 см прослеживавшиеся ранее подпрямоугольные очертания структуры различались в основном по распространению запльвов. Размеры оставшегося темноцветного аморфного пятна с находками – до 6,35–6,75×5,8 м. В его центральной со смещением к ЮЗ части на фоне коричневатого-серого песка (обозначение 5–3) появилась первые признаки очага – аморфная область концентрации включений угля. На глубине 80 см структура еще прослеживалась в общих границах аморфного коричневатого-серого пятна, сократившегося до 5,8×3,7 м и вытянутого по линии ВЮВ–ЗСЗ, что связано с микро-рельефом пола жилища. На этом фоне на месте отмеченной выше концентрации угля теперь ясно различалось аморфное очажное пятно 245×238 см черного-серого интенсивно углистого песка (обозначение 5–4) с пятнами прокаленного оранжевого песка (обозначение 5–5) с включениями угольков

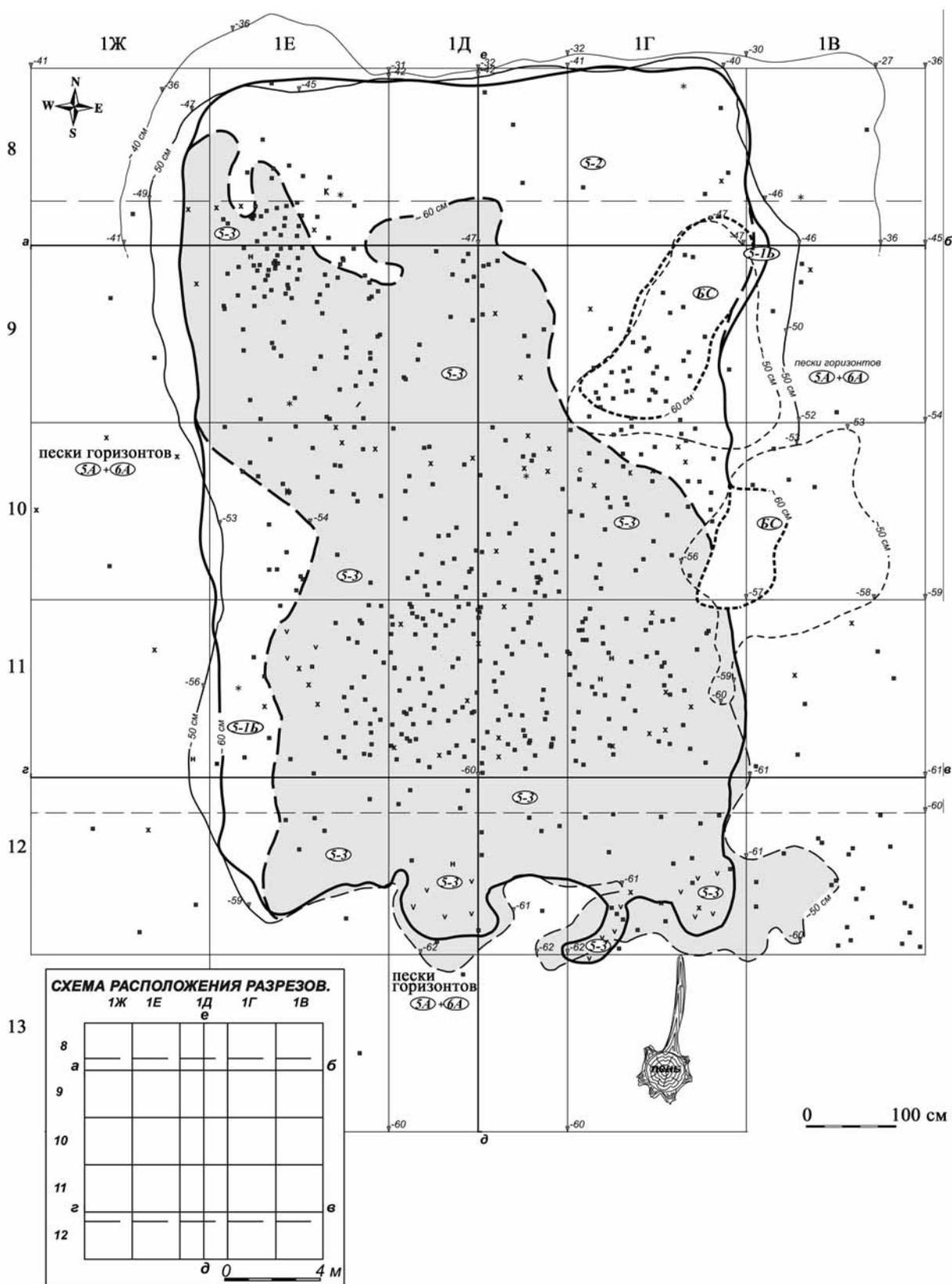
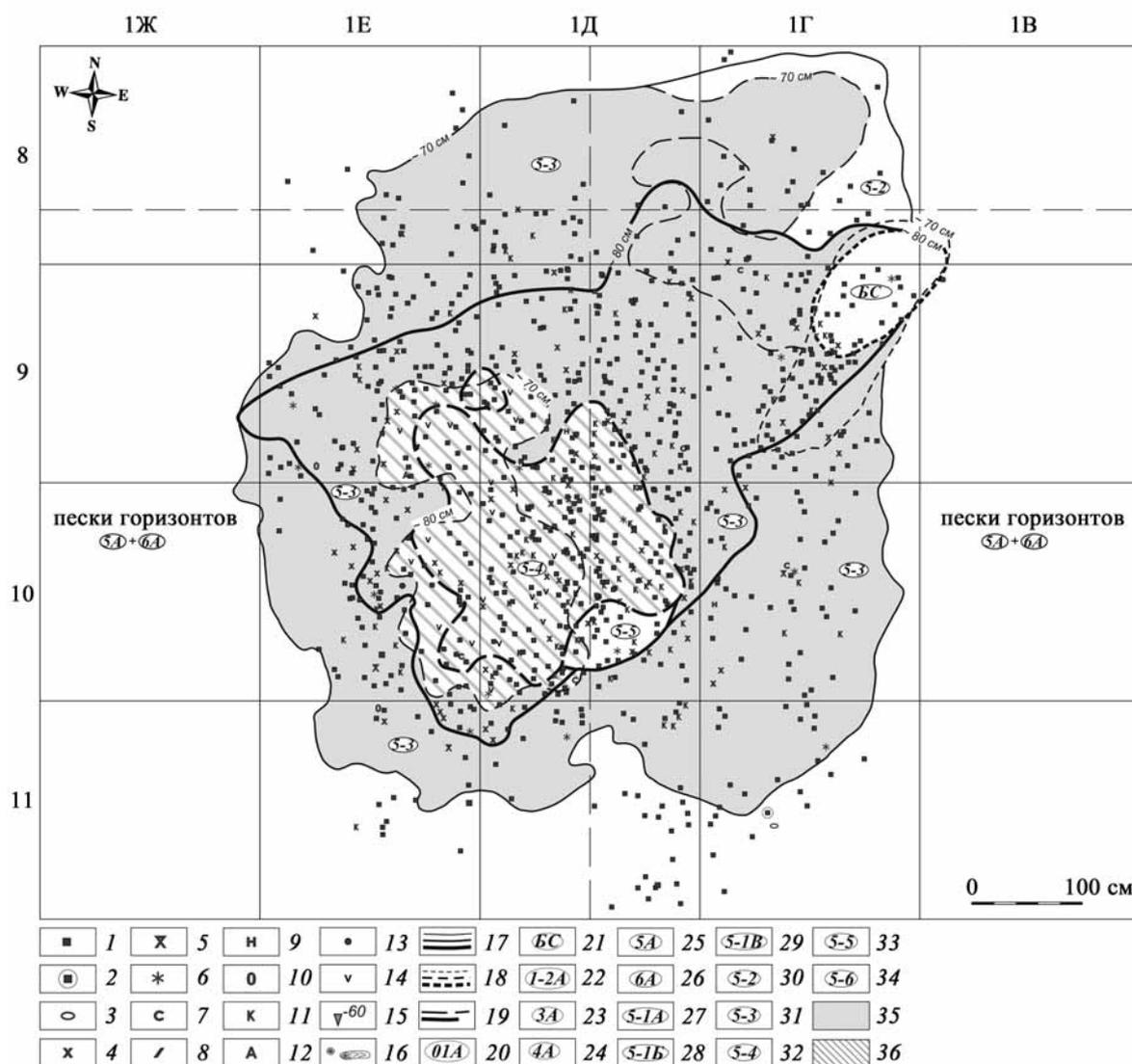

Рис. 9. Раскоп 1. Объект 5 (структура № 18) – следы и остатки жилища поздняковской культуры эпохи бронзы. План на глубинах ~40, ~50, ~60 см от дневной поверхности. Заливкой показан слой пола жилища (5–3) в максимальных границах распространения на глубинах ~50 и ~60 см от дневной поверхности. Схема расположения разрезов объекта. Усл. обозн. см. на рис. 7

Рис. 10. Раскоп 1. Объект 5 (структура № 18) – следы и остатки жилища позднеяковской культуры. План на глубинах ~70, ~80 см от дневной поверхности. Заливками показаны слой пола жилища (5-3) и линза очага в максимальных границах распространения на глубинах ~70 и ~80 см от дневной поверхности

1 – фрагмент керамики, позднеяковская культура; 2 – то же, эпохи бронзы неясной культурной принадлежности; 3 – охра; 4 – отщеп, осколок; 5 – технический скол; 6 – орудие кремневое, морфологически не выраженное, или обломок орудия неясной формы, отщеп с ретушью; 7 – скребок; 8 – скол пластинчатый, пластина, микропластина; 9 – нуклеус, нуклеидный кусок; 10 – терочник, обломок отбойника; 11 – кость кальцинированная; 12 – обломок кварцевой плиты со следами использования; 13 – обломок керамического грузика; 14 – уголь; 15 – нивелировочная отметка; 16 – корни; 17 – внешняя граница структуры № 18 на разных глубинах (указаны на планах); 18 – границы биогенных структур на разных глубинах; 19 – границы очажного пятна на разных глубинах; 20 – линза современного кострища; 21 – биогенная структура; 22–26 – обозначения структурных компонентов профиля, различавшиеся при археологической фиксации (описание см. в тексте: «Стратиграфия памятника»); 27–34 – обозначения линз, различавшихся в строении структуры № 18 (описание см. в тексте: «Структуры, выявленные во вскрытой толще. Объекты культурного слоя». Объект 5); 35 – линза пола жилища; 36 – очажная линза

на юго-восточной периферии. К глубине 90 см сохранились только остатки очажного пятна с находками, сопровождавшие его пятна прокаленного песка, которые различались до глубины около 100 см, а также пятна нескольких биогенных структур и заплывов, которые прослеживались

до глубины около 115 см и включали единичные мелкие обломки обожженной кости, кремни и керамическую крошку.

В поперечных сечениях (рис. 11), полученных по бровкам между участками раскопа, структура зафиксирована в полных, от д. п. до дна раскопа,

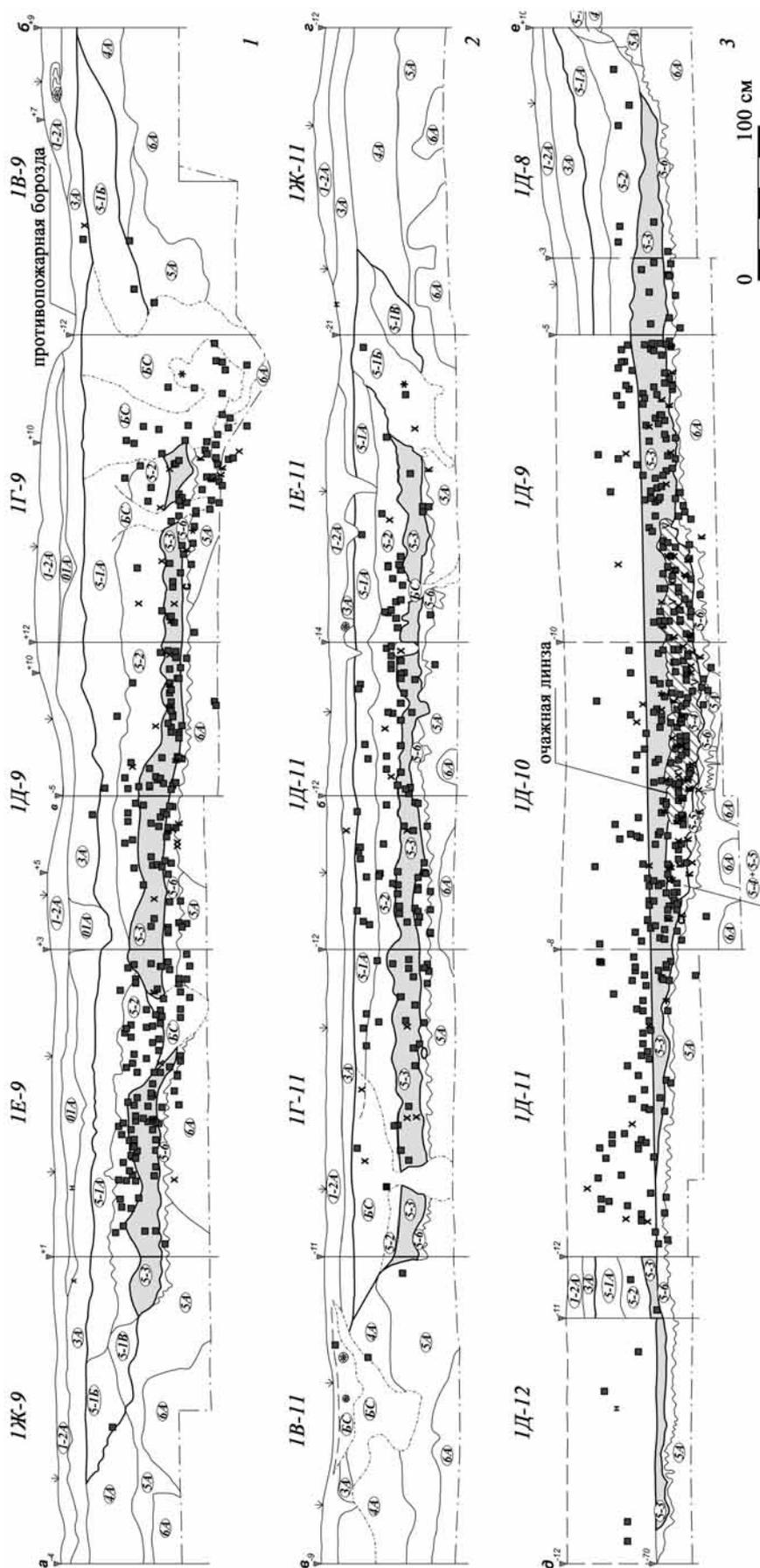

Рис. 11. Раскоп 1. Объект 5 (структура № 18) – следы и остатки жилища поздняковской культуры. Разрезы с проекциями находок. Жирной линией выделены общие границы структуры № 18 и линией пола жилища

1 – поперечный северный разрез а–б; область выноски находок – 1,0 м с юга; 2 – поперечный южный разрез в–г; область выноски находок – 1,0 м с севера; 3 – продольный разрез д–е; область выноски находок – 0,5 м с запада и 0,5 м с востока. Условные обозначения см. на рис. 7

профилях толщи. В продольном сечении через центр аналогично зафиксированы ее краевая северная часть и небольшой фрагмент южной части; центральная и краевая южная части зафиксированы только с глубины выявления пятна на участках 2 и 2А (~50 см от д. п.). В сечениях структура имела вид выпуклой вниз линзы. Ее частично реконструируемая максимальная протяженность по линии продольного разреза – до 10,5 м; максимальная протяженность по поперечным разрезам – 9,35 м на севере, 6,95 м на юге.

Границы структуры, кроме верхней, нечеткие неровные; верхняя субпараллельна д. п.; боковые неравномерно понижаются под углами 5–60°. Нижняя граница местами слабо различается из-за гумусово-углистых заплывов в материковом песке горизонтов 5А и 6А. В средней и северной частях она субгоризонтальная, кроме участка локализации очажной линзы, на котором имеется западина протяженностью до 120, глубиной до 10 см. Общая мощность линзы – до 23 см. В южной части структуры в 1,4–3,0 м от ее края нижняя граница дугообразно повышается на 10–12 см.

Линза структуры четко прослеживалась от основания горизонта 3А, прорезала горизонт 4А и вдавалась в горизонт 5А на 20 см (на участке локализации очага – до 30 см). Ее максимальная мощность – 56–48 см на севере, 40–36 см на юге; уменьшается в основном за счет наклона д. п. к пойме. Мощность на участке локализации очага, вероятно, до 65–70 см. В сложении структуры сверху вниз по разрезам различались следующие компоненты (все – с нечеткими нижними и боковыми границами и со следами нарушения биогенными структурами):

– группа песчаных линз 5–1А, Б, В, занимающих аналогичное положение в профилях, четко граничащих сверху с горизонтом 3А, аналогичных друг другу по малочисленности находок.

Линза 5–1А – пестровая буро-серая слабо гумусированная, возможно, слабо углистая, с включениями мелких, до 1–2 мм, минеральных образований черного цвета. По разрезам зафиксирована по простиранию структуры, кроме полосы в ее краевых западной и восточной частях; в плане не зафиксирована. Полная протяженность по продольному разрезу не зафиксирована, возможно, до 10 м; по поперечным разрезам – 6,6 м на севере, 5,8 м на юге. Максимальная мощность – от 30–35 см на севере до 15–20 см на юге.

Линзы 5–1Б и 5–1В в краевых западной и восточной частях структуры; прослежены по поперечным разрезам, обычно сопровождают друг

друга. Аморфные пестроцветные; примыкают по бокам к линзе 5–1А и, как правило, к прослеживавшимся ниже нее линзам 5–2 и 5–3. Линза 5–1Б – буровато-серо-рыжая, слабо гумусированная, местами со слабо различимыми наклонными к центру структуры микропрослойками песка серого гумусированного слабо углистого; при высыхании белесоватая; в разных разрезах протяженность от 80 до 180 см; средняя мощность – 20 см, максимальная – 38 см. Линза 5–1В – светло-коричнево-бежевая; протяженность до 80 см; максимальная мощность в разных разрезах от 14 до 25 см. В плане линзы 5–1Б и 5–1В прослеживались как полосы на западной и восточной периферии пятна структуры на глубине 50 и 60 см, а линза 5–1Б – фрагментарно и на глубине ~70 см.

Линза 5–2 состоит из песка пестроватого серо-коричневого слабогумусированного, местами слабоуглистого с вкраплениями рыжеватого, бежевого, палевого; при высыхании белесоватая; светлее вышележащей линзы 5–1А и нижележащей 5–3. Соответствует средней по глубине части структуры. Границы неровные, нечеткие. Верхняя граница в боковых частях местами приподнята, огибает края линзы 5–1А до контакта с горизонтом 3А. Нижняя проходит (без учета западин) на глубине до 65–70 см на севере, до 45–50 см на юге. Полная протяженность по продольному разрезу не зафиксирована, вероятно, около 10 м; по поперечным разрезам: 6,7 м на севере, 5,8 м на юге. Мощность до 15–30 см на севере, до 15–20 см на юге. Количество находок увеличивается только в основании линзы. В плане фиксировалась на глубине до 70 см от д. п. как сравнительно светлоокрашенная часть пятна.

Линза 5–3 – песок темный коричневатого серого оттенка гумусированный слабо углистый и углистый; окрашена более интенсивно и однородно, чем линзы 5–1А и 5–2. Соответствует нижней части структуры. Протяженность по продольному разрезу – 9,3 м; по поперечным – 5,9–6,2 м на севере, 5,3 м на юге. Мощность в основном до 10–15 см, местами до 20 см. В средней части продольного разреза в основании линзы 5–3 зафиксирована очажная линза 5–4, состоящая из песка черно-серого интенсивно углистого протяженностью до 1,0 м, мощность до 23 см. С юга к ней примыкает и отчасти подстилает ее линза 5–5 из песка оранжевого прокаленного с включениями угольков, протяженность которой до 30 см, мощность до 22 см. Линзы 5–4 и 5–5 отчасти залегают в заполнении западины протяженностью до 2,55 м, глубиной до 10 см, отчасти возвышаются над ее краями. Общая нижняя

граница линз 5–3, 5–4, 5–5 совпадает с описанной ранее нижней границей структуры. Из линз 5–3 и 5–4 происходит более 90% находок, зафиксированных в границах структуры № 18.

Вещевой материал включает кроме керамической крошки 1035 предметов: 838 обломков сосудов эпохи бронзы; обломок керамического грузика (пряслица); 136 целых и фрагментированных изделий из камня, среди которых 101 – кремневые отщепы, осколки и единичные чешуйки; 3 каменных предмета без признаков обработки, но со следами использования; небольшой кусок минеральной краски красноватого оттенка; 93 мелких обломка кальцинированной кости; 2 обугленных желудка, найденных, как и большинство обломков кости, в очажной линзе. Керамика, кроме единичного фрагмента неясной принадлежности, отнесена к ПК (рис. 12, 1–26; рис. 13, 1–20; рис. 14, 2–25). На одном фрагменте нижней части тулова крупного сосуда с штрихованной внешней поверхностью имеется проколотое до обжига отверстие. В этом керамическом комплексе обломки с «текстильными» отпечатками составляют 7,6%; среди отпечатков доминируют «рябчатые». Единичный обломок сосуда (рис. 14, 1) неясной культурной принадлежности с прочерченно-тычково-мелкозубчатым орнаментом по примесям в глине, толщине черепка и орнаменту сходен с венчиками, описанными в контекстах структуры № 16 и объекта 4.

Так называемых индивидуальных находок – 38. Среди них уже упоминавшийся обломок глиняного грузика-пряслица (рис. 5, 10); кремневый валунчик с участками заполированной поверхности, предположительно терочник; 2 обломка предметов со следами использования – валунчика со звездчатыми выбоинами (отбойника) и кварцитовой плиты со стертой поверхностью (возможно, зернотерки). Остальные 34 – расщепленные кремни: нуклеус или пренуклеус с негативом снятия пластинчатого скола на торце (рис. 5, 6); 2 остаточных одноплощадочных нуклеуса и 2 обломка нуклеусов от отщепов; сломанный нуклеус от микропластин (рис. 8, 23) (мезолитическая примесь); нуклевидный кусок; ребристый и 2 краевых скола; обломок нерегулярной пластины или пластинчатого отщепа; резцовый отщепок (мезолитическая примесь) (рис. 5, 9); 6 отщепов с ретушью, среди которых предположительно нож (рис. 5, 13) и заготовка скребка; кусок с участком краевой ретуши; 8 обломков обработанных ретушью орудий (шесть из отщепов, два, вероятно, из нуклеусов); 10 целых и сломанных орудий (включая заготовку) выраженных форм, из отщепов. Среди этих орудий: 2 доло-

товидных (рис. 5, 15; рис. 7, 16); 2 целых (рис. 5, 8, 16) и 3 сломанных скребка (четыре концевые укороченных и средних пропорций, с полной или частичной ретушью одного-двух краев, в том числе суженный к лезвию; один подокруглый или округлый); проколка с выделенным жалцем; сверло, рабочая часть которого симметричная не выделенная (рис. 5, 11, 12). Заготовка листовидного наколенника дротика сломанная, с частичной двухсторонней обработкой.

Интерпретация. Объект 5 представляет собой остатки и другие следы жилища ПК. Из ряда вышеописанных линз, слагающих структуру № 18, как собственно остатки жилища могут рассматриваться линзы 5–3 и 5–4. Основным фактором их формирования было накопление на полу жилища (линза 5–3), в очаге и вокруг очага (линза 5–4 с массовыми включениями древесного угля) в период его бытования органических и других остатков человеческой деятельности. Линза прокаленного песка 5–5 – следы функционирования очага, оставшиеся в подстилавшем его песке. Формирование линз 5–2, 5–1А, 5–1Б, 5–1В происходило в течение длительного периода после того, как жилище было заброшено. Их субстратом является переветренный песок, которым постепенно затянулось углубление на месте оставленного жилища. Этим объясняется крайняя малочисленность находок в линзах 5–2, 5–1А, 5–1Б, 5–1В. В силу почвенных факторов песок в заполнении углубления постепенно обогащался гумусом и углем из линз 5–3 и 5–4. Такое обогащение, по-видимому, сопровождавшееся химическими и другими внутрпочвенными процессами, обеспечило относительную темнокветность линз 5–2, 5–1А, 5–1Б, 5–1В.

Выявленное жилище реконструируется как прямоугольное, с земляным полом, лежавшим значительно ниже (возможно, на 20–30 см) древней д.п. Является ли углубление пола элементом сооружения или следствием утаптывания в период бытования жилища, неясно. Площадь пола, определяемая по простиранию линзы 5–3, приблизительно 54 кв. м (9,3×5,3 м); его часть, 8–10 кв. м (до 2×5,3 м), приходится на тамбур перед выходом, который распознается по повышению пола в южной части жилища. Выход обращен к пойме; распознается по наименее четкому отрезку границы. Ни одна из структур, зафиксированных в пределах объекта и его ближайшем окружении, не имеет признаков связи с конструкцией сооружения. В частности, несмотря на детальность фиксации, не выявлено следов столбовых ям, что, по-видимому, объясняется каркасным двухскатным

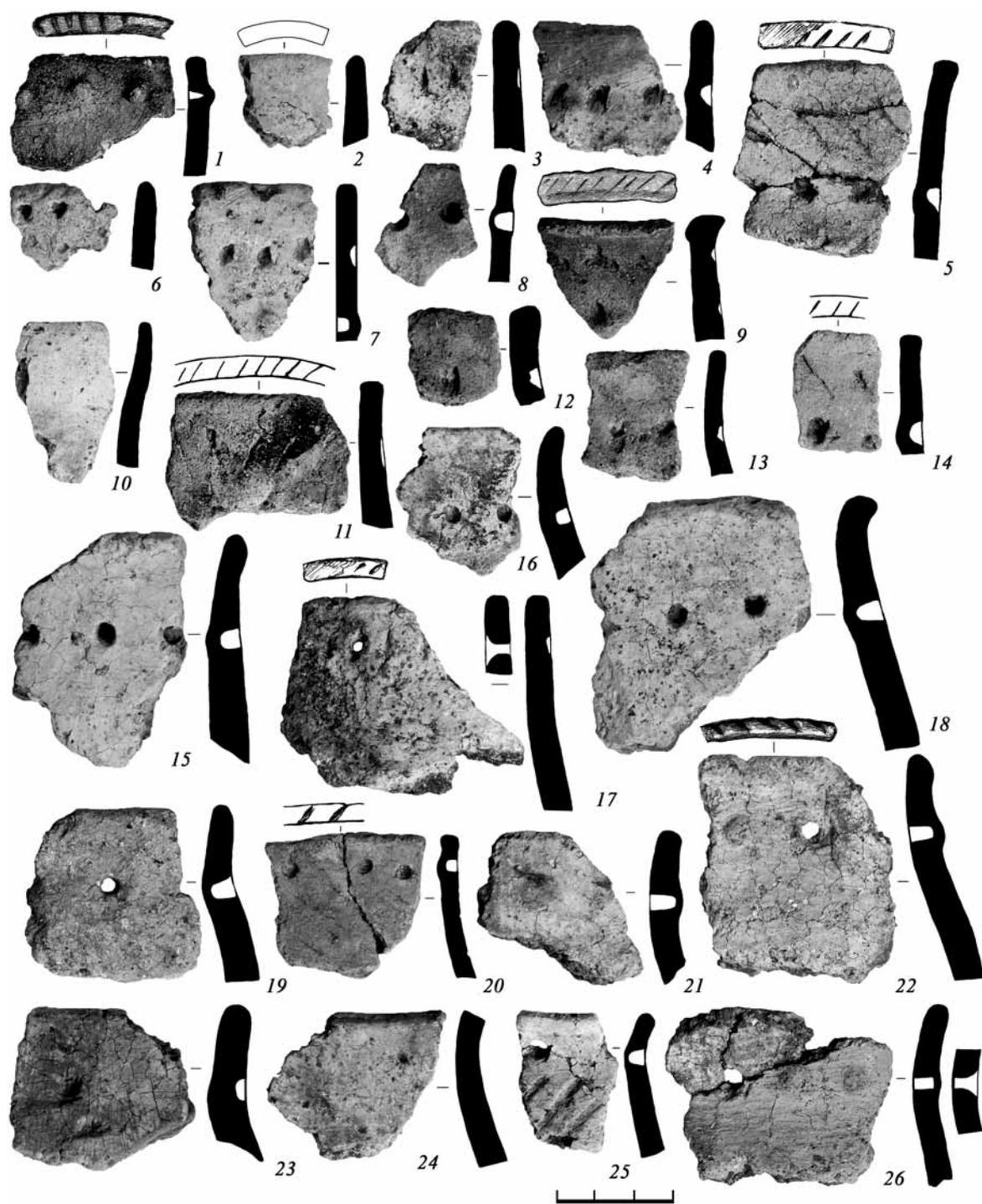

Рис. 12. Раскоп 1. Обломки сосудов эпохи бронзы; поздняя культура.
Находки из объекта 5 (жилища)

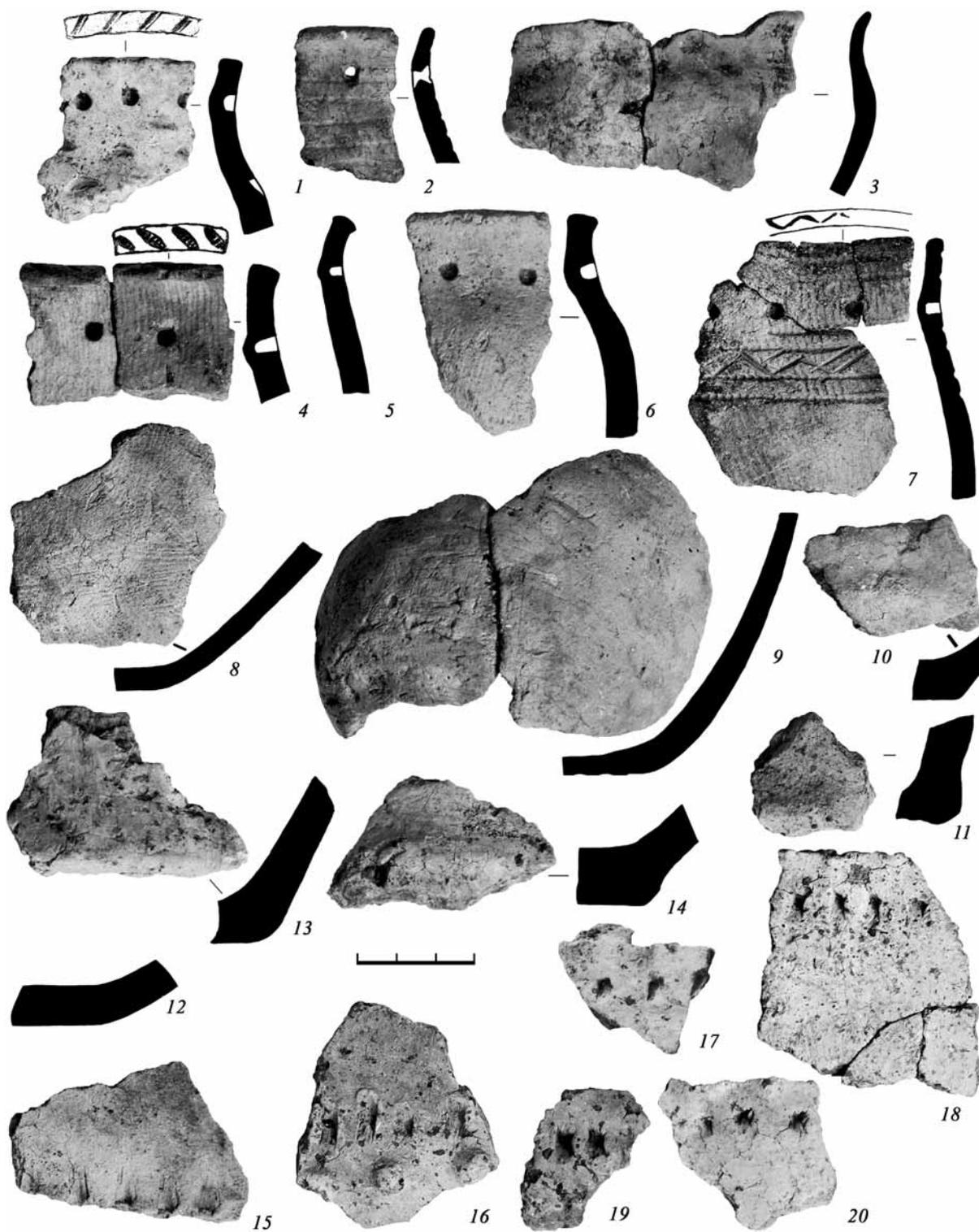

Рис. 13. Раскоп 1. Обломки сосудов эпохи бронзы; поздняковская культура. Находки из объекта 5 (жилища)

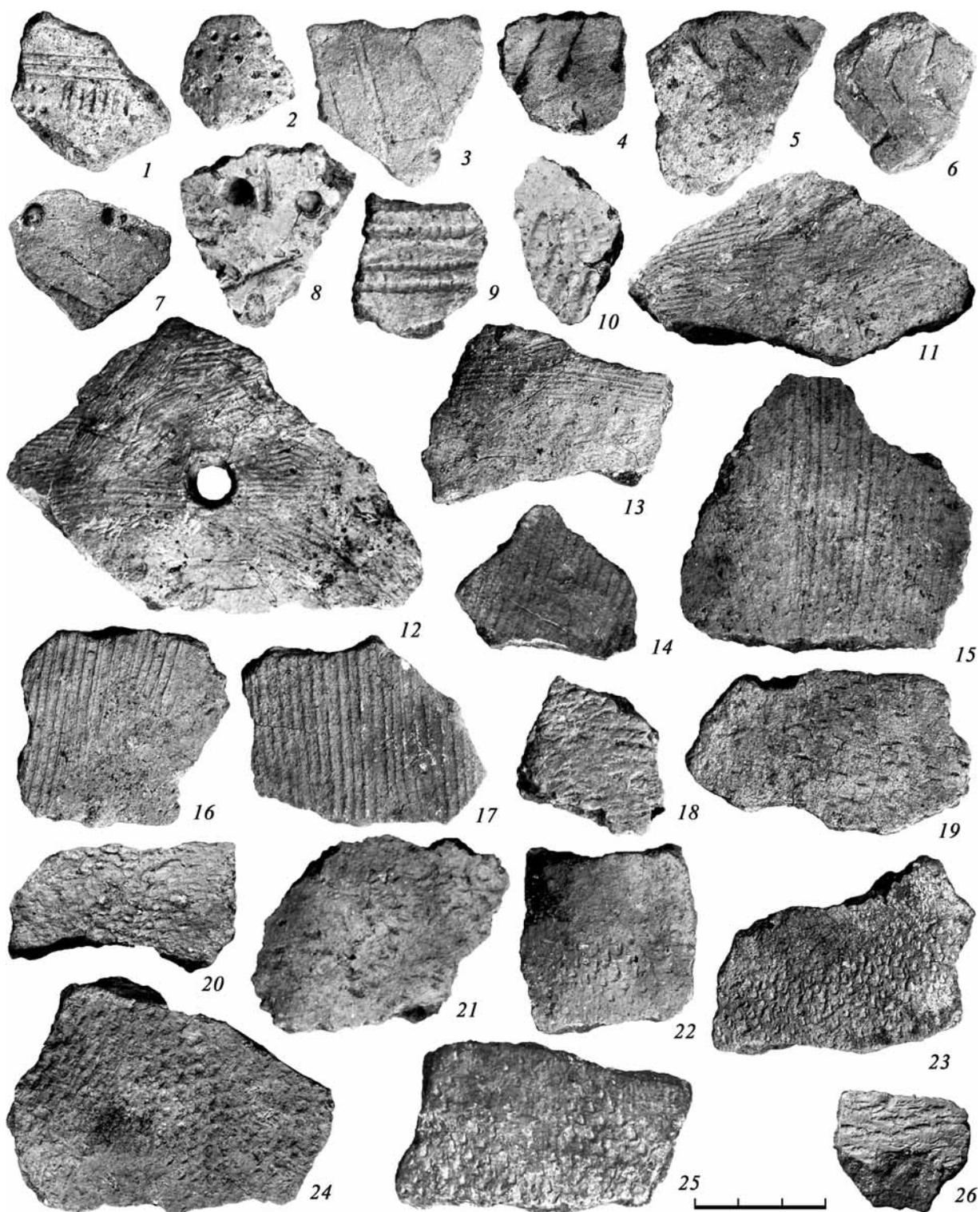

Рис. 14. Раскоп 1. Обломки сосудов эпохи бронзы

1 – неясной культурной принадлежности; 2–26 – поздняя культура. Находки из объекта 5 (жилища)

типом конструкции (Жульников, 2003. С. 82–86), при котором постройка имела вид шалаша.

Судя по находкам на полу жилища фрагмента нижней части тулова крупного сосуда с проколтым до обжига отверстием¹⁵; предметов, которые по визуально различимым следам использования предположительно определены как терочник и обломок плиты зернотерки; а также по приуроченной к очагу концентрации костных остатков, обычными видами деятельности в жилище были приготовление и прием пищи. С этими занятиями, по видимому, связана и часть находок отщепов с ретушью, аналогичные которым при трасологическом анализе часто определяются в качестве мясных ножей. Другие домашние занятия обитателей жилища ясно обозначаются находками обломка грузика-пряслица, проколки, сверла. Судя по количеству и общему составу изделий из камня, его обработка в жилище была эпизодической. Жилище не погибло в пожаре и, судя по отсутствию развалов и единичности находок целых орудий, оставлено вообще не в силу каких-либо катастрофических обстоятельств. Судя по общему количеству находок, продолжительность периода его существования невелика, скорее всего, ограничивается одним сезоном.

Объект 6–7 (рис. 2; рис. 15; рис. 16). Уч. 2. Объект 6 – на кв. 1К, 1И–9, 10. Объект 7 – на кв. 1К, 1И–9, 10, 11. Объект 6 – скопление обожженных расщепленных кремней, среди которых встречались обломки сосудов ПК. Аномальная концентрация находок наметилась в верхней половине горизонта 4А, на участке его нарушения биогенной структурой № 13, на глубине 20–22 см от д.п. на границе кв. 1К–9 и 1К–10. Первоначальные размеры – 60×70 см. При углублении раскопа до 25 см расширилось до 115×100 см, приобрело подокруглые очертания. К глубине 30 см сократилось до 110×60 см, стало овальным, удлинненным по линии 3–В. Глубже оно утрачивает компактность, постепенно смещается к ЮВ и Ю, распространяется на часть площади кв. 1И, 1К–10. Доля расщепленных кремней среди находок уменьшается, фрагментов керамики увеличивается. С глубины около 35 см в области контакта между горизонтами 4А и 5А в нечетких границах скопления отмечается нарастающее потемнение песка за счет увеличения содержания в нем гумуса и включений угольков. На глубине 45 см на фоне рыжеватого

песка горизонта 5 на большей части площади кв. 1И–10, в примыкающих частях кв. 1К–10, 1К, И–9, 1И, К–11 фиксируется темноцветное пятно структуры № 13а – нижней части объекта 7. В его границах песок гумусированный слабо углистый, преимущественно коричневато-серый белесоватый пестрый, с вкраплениями бежевого, местами слабо ожелезненный буроватый. Пятно подокруглое, с неглубокими плавными прогибами и выступами края; 2,3×2,3 м. Находки, аналогичные фиксированным выше в горизонте 4А, продолжают в составе структуры; кремни тяготеют к северо-западной ее границе, а керамика – к центру. По бровке, заложеной на кв. 1К–10 с глубины около 25 см от д.п., продолженной на кв. 1И–10 с глубины 45 см, получен разрез через центр структуры по линии 3–В. По разрезу структура зафиксирована с глубины ~35 см от д.п., от достаточно четкой на кв. 1К–10 верхней границы горизонта 5А. Эта западина, простирающаяся по разрезу на 2,37 м, прорезавшая на кв. 1И, 1К–10 горизонт 5А, вдающаяся в нижележащий горизонт 6А (соответствует аллювиальному слою 5Г). Глубина западины – около 80 см от верхней границы горизонта 5А, или 110 см от д.п. Реконструируемая протяженность западины по линии 3–В на контакте горизонтов 4А и 5А – до 2,5 м. Профиль слабо асимметричный, близкий к чашевидному; линии стенок плавно волнистые (западной – с двумя сглаженными уступами), постепенно переходящие в субгоризонтальную линию дна. В заполнении в основном песок, аналогичный зафиксированному в границах пятна. К западной стенке и дну приурочены линзы темно-серого, насыщенного гумусом и углем песка, местами слабо ожелезненного. В заполнении многочисленные находки. В объекте 6–7 (в скоплении 1 и во включении в структуру 13а) обнаружено 282 археологических предмета: 259 кремней и 23 обломка лепных сосудов, не считая 51 экземпляра керамической крошки. Крошка, насколько позволяют судить размеры, принадлежит гладкостенным сосудам; на двух экземплярах отмечены частично сохранившиеся отпечатки зубчатого штампа, еще на двух – единичные ямочные вдавления. Из числа более крупных обломков два с «текстильными» «рябчатыми» отпечатками (рис. 7, 36). Среди прочих, принадлежащих гладкостенным сосудам, один фрагмент вертикального венчика с Г-образно отогнутым краем; по срезу – насечка;

¹⁵ Сосуды с подобными отверстиями, расположенными на тулове немного выше днища, известны по разным этнологическим и археологическим источникам, определяются как использовавшиеся для приготовления кисломолочных продуктов (Худяков, 1989. С. 138).

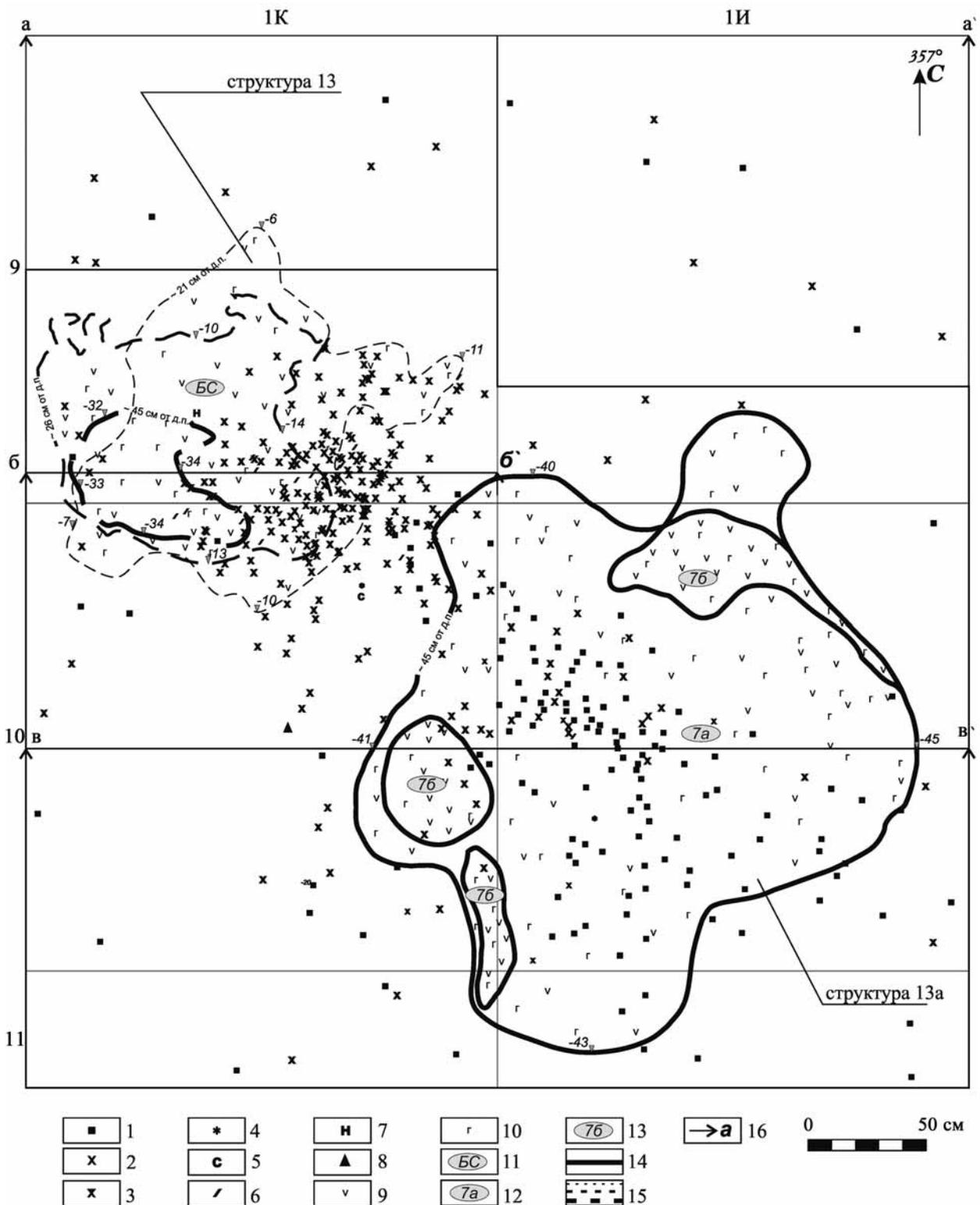

Рис. 15. Раскоп 1. Объект 6–7 (скопление находок 1, антропогенная структура № 13а) и биогенная структура № 13. План

1 – фрагмент керамики поздняяковской культуры; 2–8 – расщепленные кремни: 2 – отщеп, осколок; 3 – технический скол; 4 – морфологически не выраженное орудие, отщеп с ретушью; 5 – скребок; 6 – пластинчатый скол; 7 – нуклеус, нуклеидный кусок; 8 – наконечник стрелы с двухсторонней покрывающей ретушью; 9 – уголь; 10 – гумус; 11 – биогенная структура; 12 – песок гумусированный слабо углистый коричневато-серый белесоватый пестрый, с вкраплениями бежевого; 13 – песок гумусированный углистый темно-серый; 14 – границы антропогенной структуры 13а и ее элементов; 15 – границы биогенной структуры 13 на разных глубинах; 16 – крайние точки разрезов

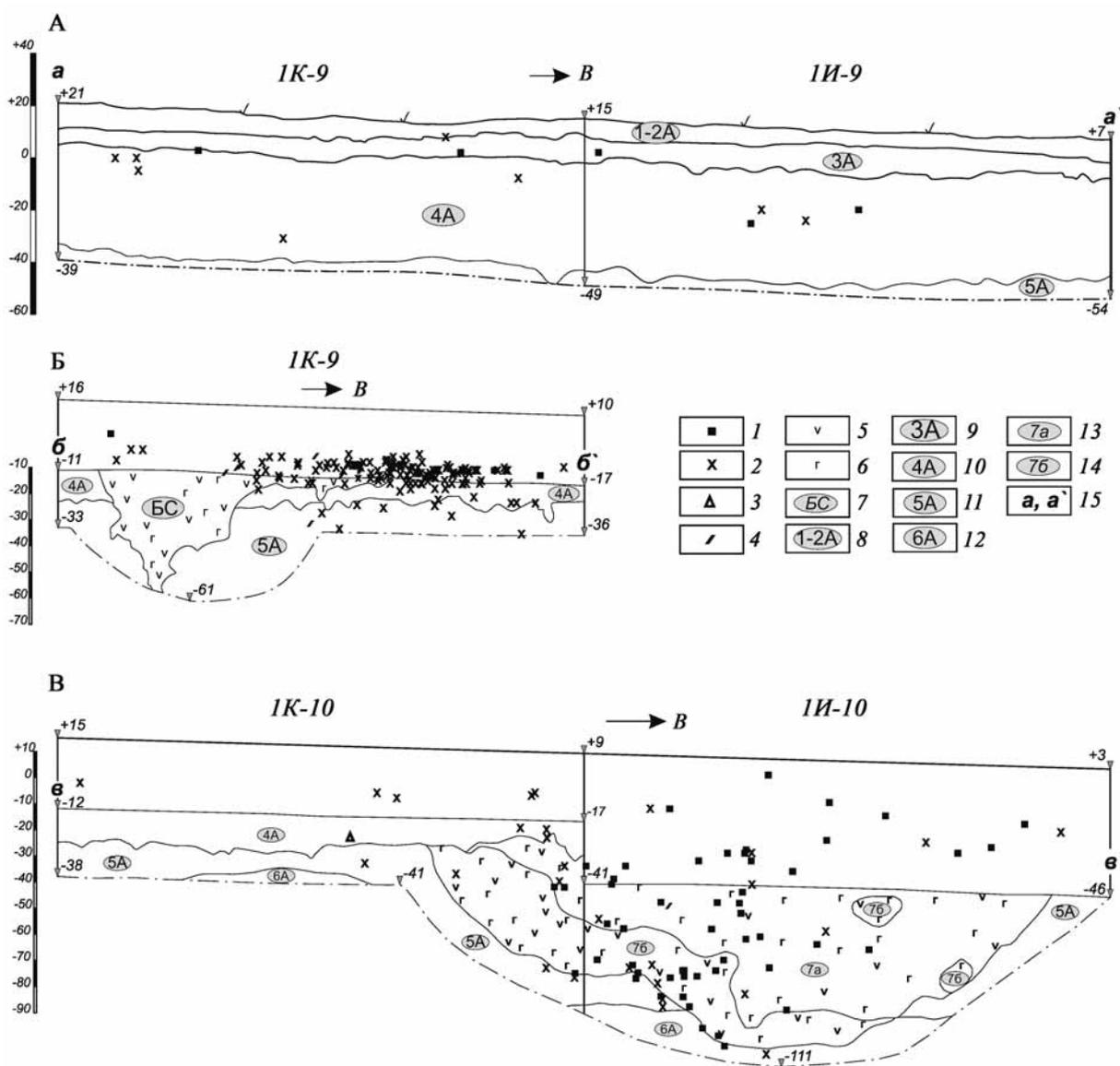

Рис. 16. Раскоп 1. Объект 6–7 (скопление находок 1, антропогенная структура № 13а) и биогенная структура № 13. Разрезы

1 – фрагмент керамики поздняяковской культуры; 2–4 – расщепленные кремни: 2 – отщеп, осколок; 3 – наконечник стрелы; 4 – пластинчатый скол; 5 – уголь; 6 – гумус; 7 – биогенная структура; 8–12 – обозначения структурных компонентов профиля, различавшиеся при археологической фиксации (описание см. в тексте: «Стратиграфия памятника»); 13 – песок гумусированный слабо углистый коричнево-серый белесоватый пестрый, с вкраплениями бежевого; 14 – песок гумусированный углистый темно-серый; 15 – крайние точки разрезов

ниже края – накол нечетких очертаний (рис. 7, 35). На одном фрагменте стенки – отпечаток среднезубчатого штампа; остальные без орнамента. Общий состав кремней: 63 отщепа; 175 осколков; ребристый отщеп; краевой скол; 15 целых и фрагментированных нерегулярных пластин (рис. 7, 38–41) (в основном отличаются от отщепов только пропорциями); осколок с ретушью; концевой скребок (рис. 7, 37); обломки черешкового наконечника стрелы, обработанного с двух сторон плоской

покрывающей ретушью (рис. 7, 34), и остроконечного орудия из отщепа, обработанного подобной ретушью с одной стороны (ножа?). Более 80% кремней обожжено. Материал полностью относится к ПК.

Интерпретация. Объект 6–7 представляет собой следы углубленного сооружения на поселении ПК, в непосредственной близости от жилища, вероятно, ему синхронного. В плане сооружение было округлым или подокруглым. На некоторой

глубине от древней д. п. его диаметр, определенный на уровне современного контакта между горизонтами 4А и 5А, достигал 2,5 м; диаметр по верхнему краю, реконструируемый по границам скопления находок, – до 2,75 м. Глубина от древней д. п., вероятно, около 1 м. Следы конструкции не выявлены. В сооружении или около края сооружения производилась обработка кремня; судя по концентрации угля и многочисленности обожженных кремней, применялся огонь. Возможно, эпизодически использовалась глиняная посуда, хотя не исключено, что ее обломки оказались в заполнении ямы при ее заплывании после того, как сооружение было оставлено.

Объект 8 (рис. 17, 2А, Б, В, Г; рис. 18, 2А, Б, В). Уч. 2А. Кв. 13, 1Ж–13, 14. Визуально различавшейся нижней части объекта соответствует структура № 22, которая впервые зафиксирована на глубине около 60 см от д. п. как пятно на фоне рыжеватого песка горизонта 5 и светло-бежевого песка на месте биогенной структуры, прослеженной выше по толще в горизонте 4А. В границах пятна песок, сходный с песком горизонта 4А: в основной части – слабо гумусированный слабо оподзоленный серо-палевый белесоватый, в сравнении с горизонтом 4А более пестрый, с более выраженной мелкопятнистой текстурой; вдоль западной и южной границ – более темный (гумусированный), без белесоватого оттенка. Пятно подовальное с плавными прогибами края и выступами; вытянуто по линии 3–В; размеры до 153×110 см. При углублении раскопа структура в плане постепенно уменьшалась, с глубины 70 см приобрела правильные овальные очертания. С уровня выявления пятна через его центр выполнен разрез по линии В–3. По разрезу зафиксирована западина слабо асимметричного чашевидного профиля глубиной до 29 см от уровня выявления (южнее разреза – до 34 см), или до 107 см (112 см) от д. п. В заполнении песок, аналогичный распространенному в границах пятна: в основном серо-палевый белесоватый; западную стенку и дно западины выстилает линза мощностью до 22 см, насыщенная органикой и углем, имеющая более темный оттенок. Рядом со структурой, немного выше уровня ее выявления, в разрезе по борту участка 2А, отмечено плавное изменение текстуры средней – нижней части горизонта 4А. Оно выразилось в увеличении числа мелких пятен в песке горизонта 4А, а среди них – доли более-

менее темноцветных, что, по-видимому, является первым, еще слабым проявлением следов объекта и маркирует его верхнюю часть. Вероятно, эти слабо различимые следы формировались подобно линзам 5–2, 5–1а–в, описанным выше в составе структуры № 18 (см. выше объект 5). Во включении в структуру № 22 обнаружены: кремневые отщеп с ретушью, отщеп, осколок; 11 фрагментов, включая крошку, гладкостенной лепной керамики; в юго-западной части на глубине 64/111 см от д. п. – неполный развал слабопрофилированного горшковидного сосуда эпохи бронзы (235 фрагментов) крупных для ПМ Щербинино размеров. Ему принадлежит и большая часть черепков, обнаруженных вне развала. Песок между черепками в развале темноцветный, насыщенный органикой (отобран образец для радиоуглеродного анализа). Описание развала приводится несколько ниже, при характеристике керамического комплекса поздняяковской культуры.

Интерпретация. Объект 8 соответствует следам углубленного сооружения (ямы) на поздняяковском поселении. Рядом с ямой или в ней непродолжительное время горел костер. Следы кострища в сочетании с находкой крупного разбитого сосуда позволяют предположить, что яма использовалась для приготовления пищи. По альтернативному предположению В. В. Сидорова¹⁶, объект функционально связан с расположенным поблизости могильником, материалы которого публикуются в настоящем сборнике (Кравцов и др. В печати), то есть назначение ямы не хозяйственное, а ритуальное.

Объект 9. Уч. 2Б. Кв. 1Н–16, 17 (рис. 17, 1А, Б, В; рис. 18, 1). Визуально различавшейся нижней части объекта соответствует структура № 21, выявленная как пятно на глубине около 60 см от дневной поверхности на фоне рыжеватого песка горизонта 5 на месте исчерпанной зачистками биогенной структуры, прослеживавшейся выше, в горизонте 4А. В границах пятна песок слабо гумусированный пестроватый коричневато-серый с немногочисленными включениями угольков. Пятно овальное, вытянутое по оси ЮЮЗ–ССВ, 160×93 см. С глубины выявления по осям симметрии пятна выполнены два разреза, по которым зафиксирована западина слабо асимметричного чашевидного профиля глубиной до 27–30 см уровня выявления, или до 92–95 см от дневной поверхности. В заполнении в основном песок, аналогичный распространенному в границах пятна;

¹⁶ Устное сообщение.

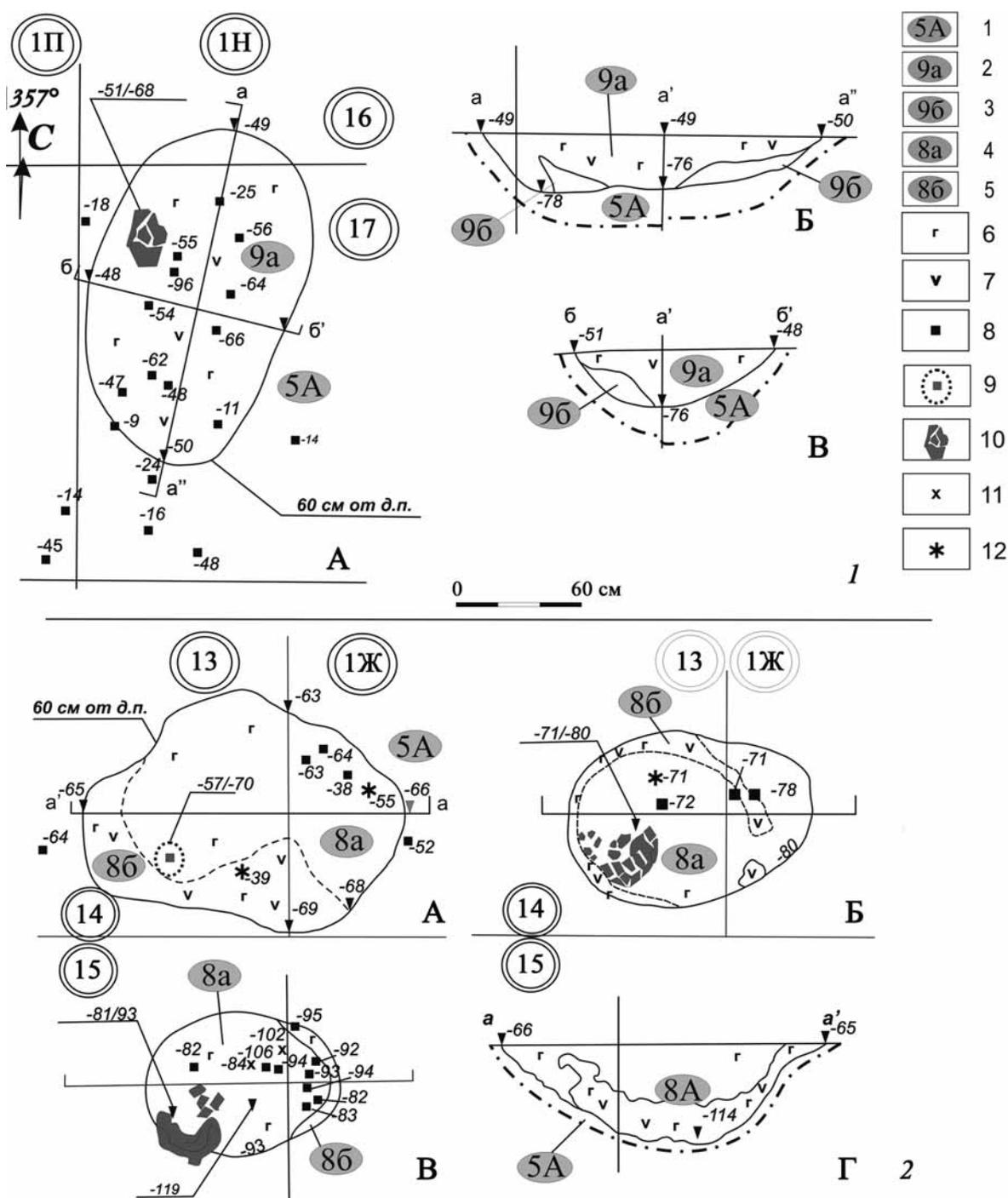
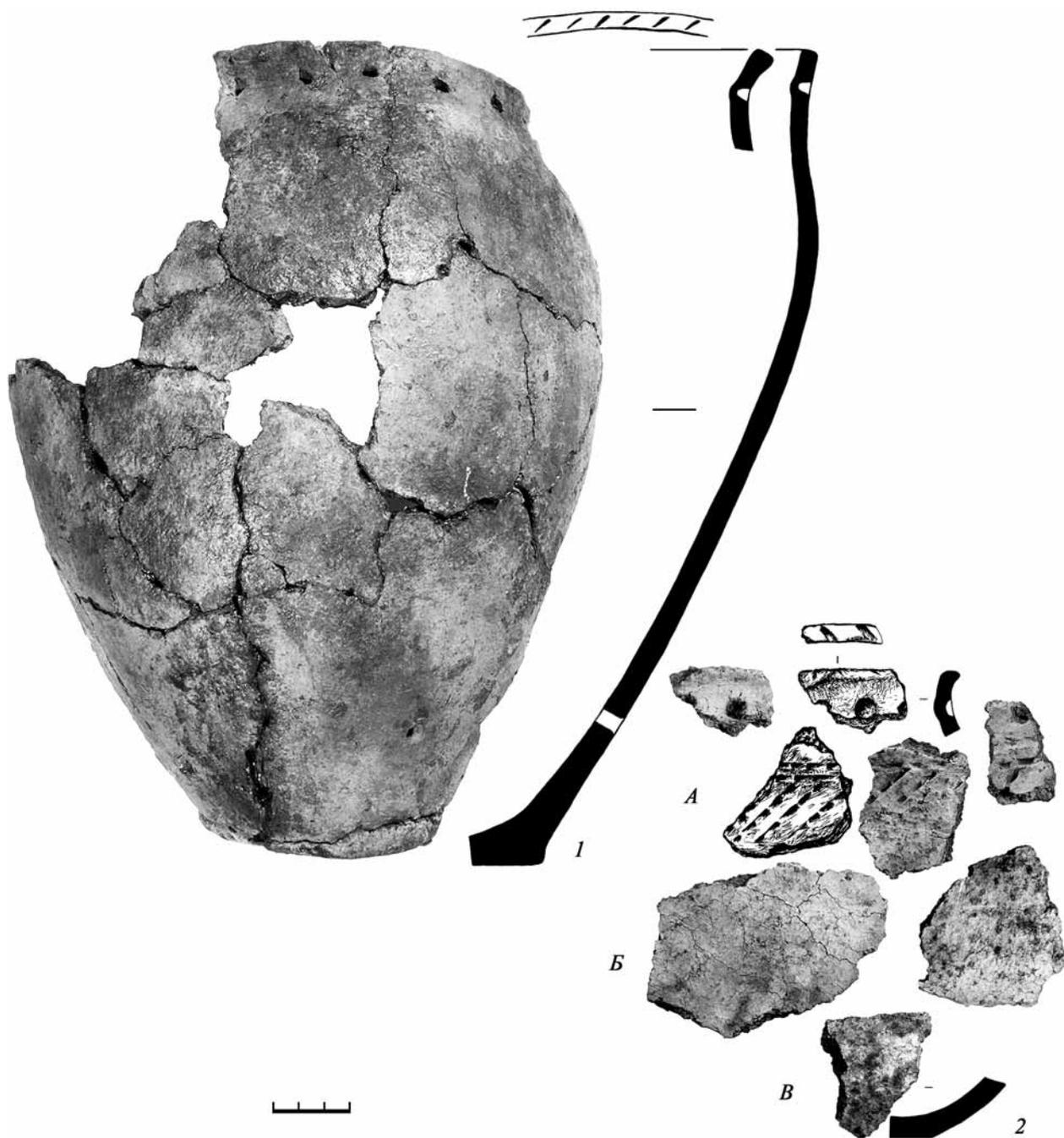

Рис. 17. Раскоп 1. Объекты культурного слоя

1 – объект 9 (структура № 22): А – план; Б – продольный разрез; В – поперечный разрез. 2 – объект 8 (структура № 21): А–В – планы на разных глубинах; Г – разрез. 1 – песок рыжеватоый горизонта 5А; 2 – песок гумусированный коричневатого-серый; 3 – то же, более светлого оттенка; 4 – песок слабо гумусированный слабо оподзоленный серо-палевый белесоватый; 5 – то же, более темного оттенка, гумусированный углистый; 6 – гумус; 7 – уголь; 8–10: керамика поздняяковской культуры эпохи бронзы: 8 – фрагмент сосуда; 9 – скопление мелких фрагментов; развал сосуда. 11, 12 – расщепленные кремни: 11 – отщеп, осколок; 12 – орудие

Рис. 18. Раскоп 1. Керамика поздняяковской культуры

1 – неполный развал сосуда из объекта 9 (структуры № 21); 2 – фрагменты нереставрируемого развала из объекта 8 (структуры № 22); А – верхней части сосуда, Б – средней части тулова; В – тулова при переходе в донце

к нижней части стенок и дну приурочены линзы мощностью до 12 см сравнительно слабо насыщенного гумусом рыжевато-серого песка. В северо-западном секторе объекта на глубине 68/85 см от д. п. обнаружен развал приблизительно половины крупного горшковидного сосуда поздняяковской культуры. В остальной части заполнения встречено несколько мелких фрагментов того же сосуда.

Сосуд находился в положении «на боку», внешней стороной вниз. Его описание приводится несколько ниже, при характеристике керамического комплекса ПК. Здесь отметим, что в придонной части сосуда имеется проколотое до обжига отверстие.

Интерпретация. Хозяйственная яма на поселении ПК. Альтернативная интерпретация предложена В. В. Сидоровым, считающим, что объект,

как и предыдущий, связан с могильником (*Кравцов и др.*, 2014) и, скорее всего, является следами погребения¹⁷.

Вещевой археологический материал из культурного слоя¹⁸

В анализировавшейся выборке находок из раскопа по морфологическим признакам различаются семь групп материала, соответствующих более или менее полно вычлененным хронологическим и культурно-хронологическим комплексам. Первая группа, количественно доминирующая и обладающая высокой, с некоторыми оговорками¹⁹, степенью единства, соответствует основному вещевому комплексу памятника, отнесенному к ПК с признаками влияния культуры «текстильной» керамики (далее – КТК) позднего бронзового века. Комплекс включает предметы и остатки предметов, отложившихся в процессе функционирования поселения ПК, на территории поселения и в его ближайшей округе. К другим группам отнесен материал, состоящий из остатков, отложившихся на той же территории в разные периоды в результате эпизодов хозяйственной деятельности разных коллективов вне мест их более-менее постоянного обитания (поселений). Этот материал по группам: 2 – фатьяновской культуры эпохи бронзы; 3 – эпохи бронзы неясной и сомнительной культурной принадлежности (отчасти, вероятно, поздняяковской и фатьяновской); 4 – деснинской культуры позднего неолита – энеолита; 5 – льяловской культуры развитого неолита; 6 – периода мезолита; 3 – периода Средневековья и Нового – Новейшего времени. Общая характеристика всей выборки по перечисленным культурно-хронологическим группам приводится в таблице 2. Числами перед знаком «/» и без него в таблице и далее в тексте обозначается общее количество находок в раскопе; числами после «/» знака – количество находок в объекте 5 (жилище), включенное в общее.

Кроме предметов, включенных в таблицу, в культурном слое ПМ Щербинино в раскопе найдено около 2180/1150 малоинформативных фраг-

ментов керамики, имеющих размер менее 4 кв. см, из статистических подсчетов исключенных (полностью преобладает керамика эпохи бронзы – поздняяковская и неясной культурной принадлежности; крайне малочисленна керамика деснинской и льяловской культур, а также гончарная, позднесредневековая и позднейшая). Примерно половина такой керамики – крупная крошка размером 4–2 кв. см, которая наряду с перечисленными в таблице 2 находками фиксировалась в системе трех координат и учитывалась при определении границ территории распространения культурного слоя. Более мелкая крошка только подсчитывалась по квадратам (результаты подсчетов использовались для проверки выводов о распространении культурного слоя).

Не включен в таблицу инвентарь обнаруженных при раскопках погребений эпохи бронзы – всего три сосуда и два кремневых наконечника стрел (*Кравцов и др.*, 2014).

Группа ПК – комплекс поздняяковской культуры

К нему отнесено всего 2693/1073 предмета, в том числе 2585/976 целых и фрагментированных изделий.

Керамика. Количественно доминирующую часть керамического комплекса образуют 1596/837 фрагментов сосудов²⁰ (94,2%/99,9% общего числа обломков лепной посуды, обнаруженных в раскопе/в объекте 5 – жилище) (рис. 19; 20; 12). Керамика из ожелезненных глин, обжиг костровой, неравномерный, разной силы, иногда совсем слабый. Цвет поверхностей черепка разный – охристых и серых оттенков, иногда плавно сменяющихся на одном предмете. Толщина стенок сосудов – 0,5–1,1 см, наиболее распространенная – 0,6–0,8 см.

Примеси в глине (определялись визуально) различные. По их составу выделены семь групп керамики.

Группа 1 – 482 обломка. В глине заметны многочисленные коричнево-бурые железистые образования в виде зерен размером до 2×1,5×1,5 мм, напоминающие шамот, но не имеющие граней.

¹⁷ Устное сообщение.

¹⁸ Включает находки в заполнении объектов могильника, не являющиеся частью инвентаря погребений.

¹⁹ В группе ПК среди изделий группы IV, несомненно, имеется примесь материала фатьяновской, деснинской, льяловской культур и мезолитического. Нельзя полностью исключить присутствия такой примеси в группе ПК и среди предметов групп IX–XI, XV. Однако в связи с крайней малочисленностью находок, надежно определяемых фатьяновской, деснинской, льяловской керамики, и мезолитических изделий из камня групп V–XI эту гипотетическую примесь следует считать также крайне незначительной. Случаи сомнительного или условного отнесения предметов к ПК отмечены в тексте специально.

²⁰ В комплексе ПК и других каждая подобранная «в склейку» группа фрагментов учитывалась в статистике как одна единица.

Таблица 2. Распределение вещевых находок из разных культурно-хронологических групп по материалу, категориальной принадлежности и характеру преобразования предмета человеческой деятельностью (ПК – поздняя культура; ФК – фатьяновская культура; БН – эпоха бронзы, культурная принадлежность не ясна; ДК – деснинская культура; ЛК – льяловская культура; М – мезолит; СН – Средневековье, Новое, Новейшее время).

№ группы	Группы по материалу и категориальной принадлежности и характеру преобразования предмета человеческой деятельностью	Культурно-хронологические группы, количественный состав						
		ПК	ФК	БН	ДК	ЛК	М	СН
<i>Изделия керамические</i>								
I	Сосудов фрагменты	1596/837	12	35/1	26	14		11
II	Сосудов развалы	4	–	–		–	–	–
III	Изделия другие (обломки)	2/1	–	–		–	–	–
<i>Всего в группах I–III</i>		<i>1602/838</i>	<i>12</i>	<i>35/1</i>	<i>26</i>	<i>14</i>		<i>11</i>
<i>Изделия из камня: кремьень – 924/127; окремелая порода – 1/1; кварцит – 67/12; диорит – 1; сланец – 1; шифер – 1</i>								
IV	Отщепы, чешуйки, осколки (суммарно)	827/101	–	–	–	–	–	–
V	Отщепок резцовый (фрагмент)	–	–	–	–	–	1/1	–
VI	Сколы пластинчатые	28/1	–	–	–	–	2	–
VII	Нуклеусы, нуклеидные куски	12/6	–	–	–	–	1/1	–
VIII	Технические сколы	9/2	–	–	–	–	1	–
IX	Орудия и заготовки с признаками формообразующей обработки	52/11	–	1	–	–	5	1
X	Орудия, обломки орудий и заготовок с признаками обработки; форма изделия не выражена или (по обломкам) не реконструируется	38/14	–	–	–	–	–	–
XI	Орудия без признаков обработки со следами использования (предметы приспособленные)	17/3	–	–	–	–	–	–
Итого в группах IV–XI		<i>983/138</i>	–	–	–	–	<i>10/2</i>	<i>1</i>
Итого в группах I–XI		<i>2585/976</i>	<i>12</i>	<i>36/1</i>	<i>26</i>	<i>14</i>	<i>10/2</i>	<i>12</i>
<i>Изделия из металла и составные</i>								
XII	Железо	–	–	–	–	–	–	2
XIII	Цветной металл	–	–	–	–	–	–	5
XIV	Цветной металл + стекло	–	–	–	–	–	–	1
Итого в группах XII–XIV		–	–	–	–	–	–	8
<i>Предметы без следов обработки, направленной на изменение формы, и следов использования в качестве орудий</i>								
XV	Кремьень, куски и обломки	7/1	–	–	–	–	–	–
XVI	Краска минеральная, куски	2/1	–	–	–	–	–	–
XVII	Шлак железный	–	–	–	–	–	–	1
XVIII	Кость кальцинированная (обломки неопределимые)	97/93	–	–	–	–	–	–
XIX	Желуди обугленные	2/2	–	–	–	–	–	1
Итого в группах XV–XIX		<i>108/97</i>	–	–	–	–	–	2
Всего		<i>2693/1073</i>	<i>12</i>	<i>36/1</i>	<i>26</i>	<i>14</i>	<i>10/2</i>	<i>22</i>

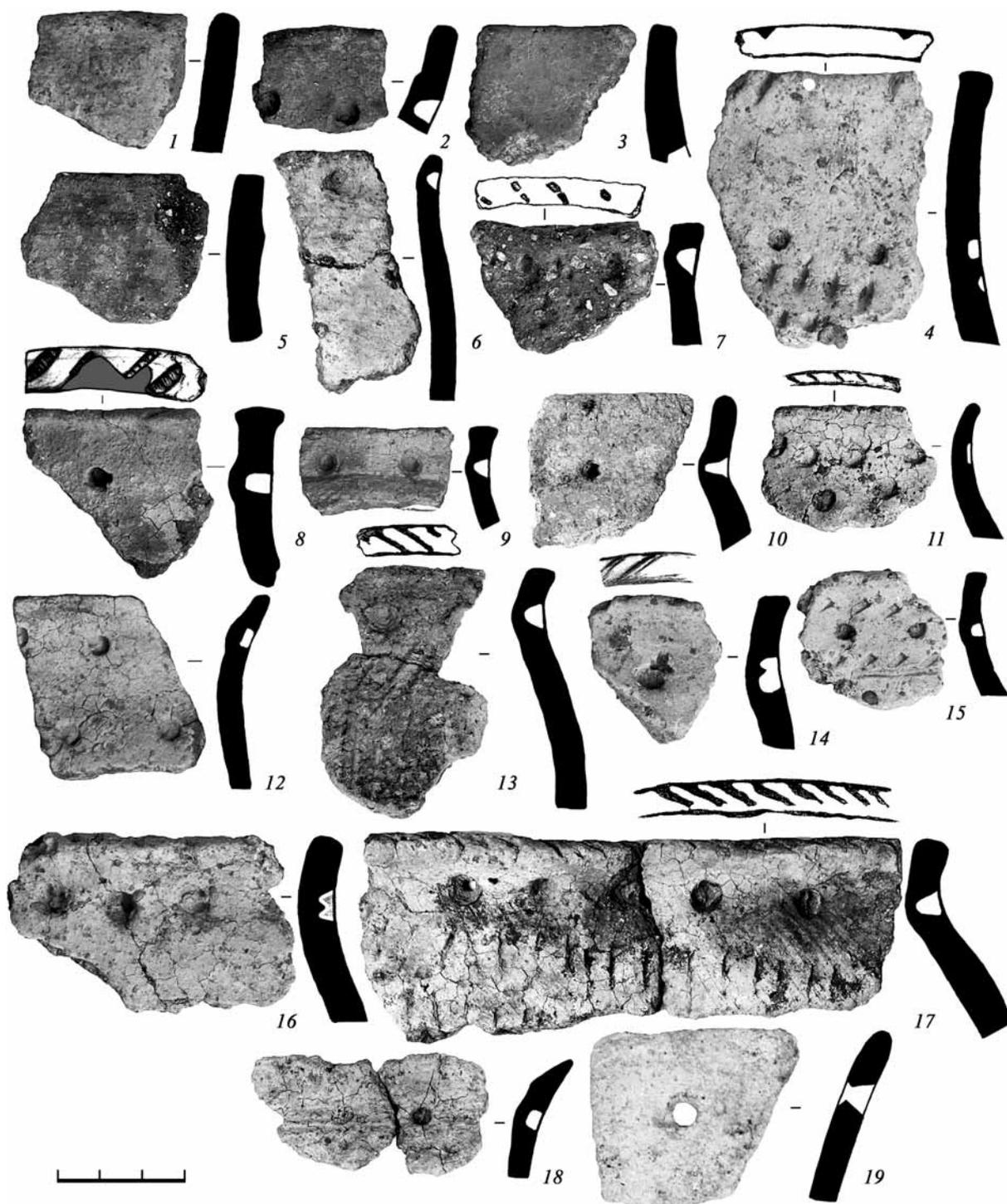

Рис. 19. Раскоп 1. Обломки сосудов эпохи бронзы; поздняковская культура. Находки из культурного слоя

По-видимому, это естественные включения в составе местных суглинков, использовавшихся для изготовления значительной части посуды. Распространенность на памятниках ПК керамики из глины с подобными включениями отмечалась ранее Т.Б. Поповой (1985. С. 134), наличие на окских

памятниках КТК – Б.А. Фоломеевым, определявшим эти включения как бурый железняк, часто встречающийся в пойменных суглинках (Фоломеев, 1975. С. 157; 1974. С. 247; 1988. С. 179, 181).

Группа 2–448 фрагментов; глина с вышеописанными включениями (далее – глина группы 1)

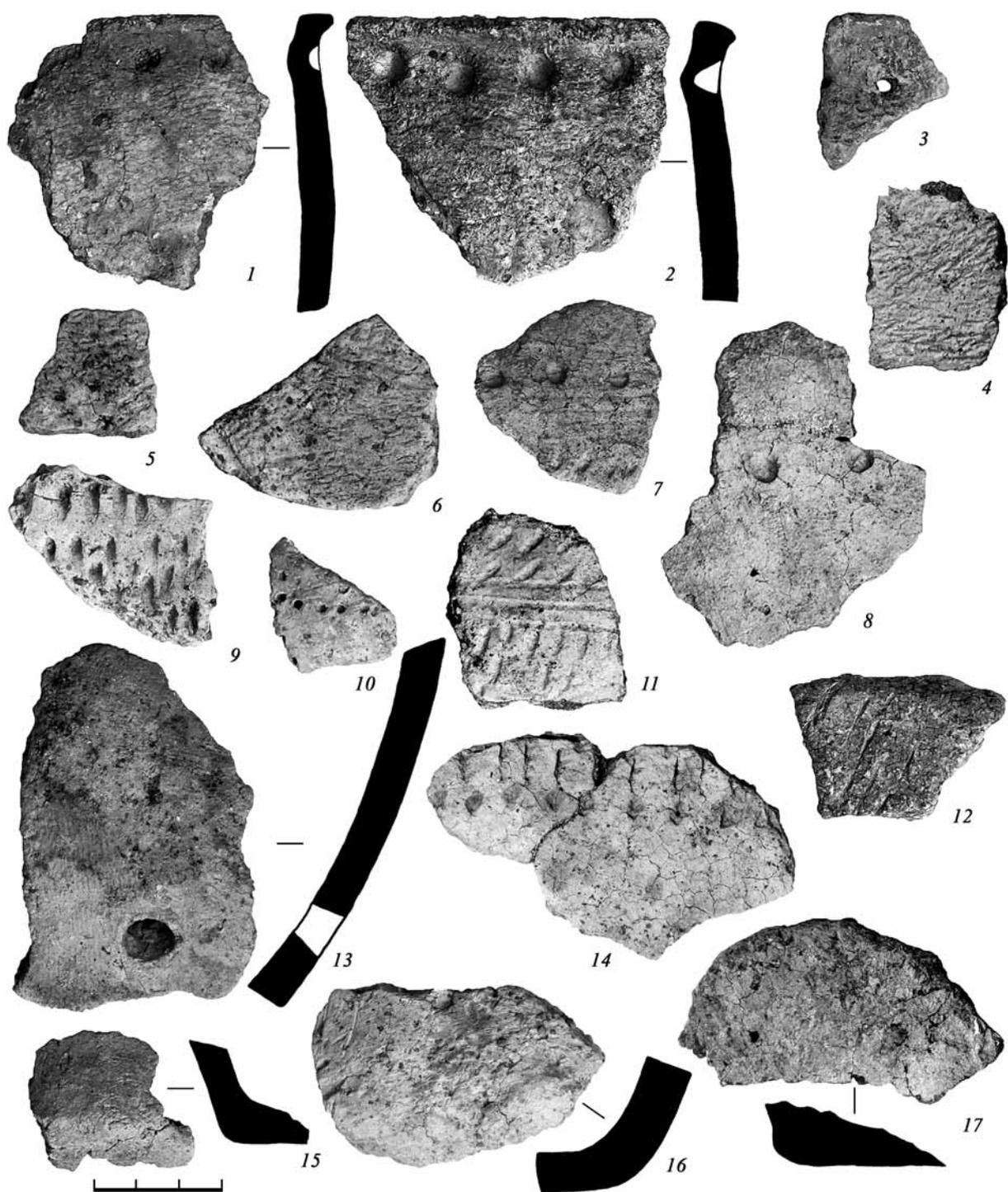

Рис. 20. Раскоп 1. Обломки сосудов эпохи бронзы; поздняковская культура
1–12, 14–17 – из культурного слоя; 13 – из объекта 5 (жилища)

и примесью среднезернистого и/или крупного, часто не сортированного песка.

Группа 3–4 обломка; глина группы 1 + дресва.

Группа 4–61 фрагмент; глина группы 1 + дресва + песок.

Керамика групп 5–7 – из глин без железистых включений. Группа 5–306 обломков; примесь в глине – песок.

Группа 6–15 фрагментов; дресва.

Группа 7–280 обломков; дресва + песок.

По характеру обработки внешней поверхности сосуда в комплексе различаются три группы.

Группа 1: обломки сосудов с «текстильными» («сетчатыми») отпечатками на внешней поверхности (рис. 14, 18–26; рис. 20, 1–6) – 116/64 фрагментов – 7,3%/7,6% в комплексе керамики ПК. В том числе с «рябчатыми» отпечатками – 106/59, с грубыми «нитчатыми» – 5/5 (рис. 14, 26), с отпечатками неясной морфологии – 4. «Рябчатые» отпечатки двух основных разновидностей: а) образованные мелкими элементами укороченных пропорций подтреугольных или подпрямоугольных очертаний (~60%); б) образованные элементами удлиненных пропорций «скобковидных» («ногтевидных») очертаний (~40%). Фактура малочисленных «нитчатых» отпечатков может характеризоваться по ширине «нитей» как «нитчато-шнуровая». Из-за незначительных размеров большинства фрагментов система в нанесении таких отпечатков не прослеживается. Около половины фрагментов – со следами заглаживания «текстильных» отпечатков.

Группа 2: обломки сосудов с хорошо различимой в рельефе штриховкой (неясные поверхностные следы имеются и на некоторых других черепках) (рис. 12, 26; рис. 13, 4–8; рис. 14, 12–17; рис. 19, 17; рис. 20, 7) – 127/74 (8%/8,8% керамики ПК). Примерно на 30% фрагментов этой группы штриховка двухсторонняя. На одном обнаруженном в объекте 5 фрагменте нижней части тулова крупного сосуда имеется проколотое до обжига круглое отверстие, диаметр которого с внешней стороны сосуда – 11 мм, с внутренней – 8 мм.

Группа 3: без дополнительной обработки поверхности, более или менее грубой (обломки гладкостенных сосудов), – 1354/699 экземпляров.

При изготовлении гладкостенной керамики массово использовалась глина с природными железистыми включениями без искусственных примесей (группа 1); несколько реже – такая же глина с примесью песка (группа 2); а также глина без железистых включений с примесями песка, группа 5, и песка + дресвы (группа 7). Иное соотношение групп глиняного «полуфабриката» отмечено для «текстильной» керамики, около 40% которой изготовлено из глины без железистых включений с примесью дресвы и песка, примерно по 15% из глины групп 2; 4 (глина группы 1 + дресва + песок); 5. Подобные различия между гладкостенной и «текстильной» керамикой, обнаруженными на каком-либо одном памятнике, неоднократно отмечались ранее и гипотетически объяснялись тем, что люди, изготавливавшие керамику этих групп, придерживались разных технологических тради-

ций, изначально существовавших у носителей ПК, с одной стороны, и КТК – с другой (Попова, 1985. С. 181; Челябинов, Иванов, 1998. С. 70–71; Азаров, 2013. С. 186–187).

В качестве примесей в глинах, использовавшихся для изготовления керамики ПК, обычно указываются песок и шамот (Бадер, 1970. С. 71). Для изготовления керамики КТК: в Верхнем и Среднем Поволжье – песок; реже – дресва (Гурина, 1963. С. 202; Патрушев, 1993. С. 5; Соловьев, 2000. С. 84); в Поочье – песок, дресва, шамот; упоминаются характеризовавшиеся выше железистые включения (бурый железняк) (Фоломеев, 1975. С. 157; 1974. С. 247; 1988. С. 179, 181). Таким образом, для керамики как ПК, так и КТК в целом характерно отсутствие какой-либо одной постоянно доминирующей в глине примеси, что, как было показано выше, ясно прослеживается на материалах ПМ Щербинино и связывается исследователями со сложным генезисом этих культур (Бадер, Попова, 1987. С. 132).

Фрагментов венчиков сосудов 165/97 (рис. 12; рис. 13, 1–7; рис. 19; рис. 20, 1, 2), в том числе сосудов с «текстильными» отпечатками, – 7/3. Вертикальных – 101/65, в том числе сосудов с «текстильными» отпечатками – 6/3. Слабо изогнутых внутрь – 7/3; наклонных наружу – 8/1; отогнутых наружу – 24/11 (на венчиках этих форм «текстильные» отпечатки отсутствуют). Отогнутых наружу коротких – 15/6, в том числе с «текстильными» отпечатками – 2/0. Неопределимых – 10/8.

Фрагментов днищ – 41/21 (рис. 13, 8–14; рис. 20, 14–16). Все днища плоские; доминируют (35/18) не имеющие закраины. Преобладание суммы вертикальных и слабо изогнутых внутрь венчиков над суммой наклонных и отогнутых наружу указывает на преобладание среди сосудов – как гладкостенных, так и с «текстильными» отпечатками – баночных форм, слабо открытых и цилиндрических. Меньшая часть сосудов – слабопрофилированные горшковидные. Те же формы фиксируются и реконструируются по четырем обнаруженным в культурном слое развалам, а также по сосудам из объектов могильника (Кравцов и др., 2014). На придонном фрагменте сосуда из объекта 9 и аналогичном фрагменте крупного сосуда из объекта 5 (жилища) имеется круглое отверстие диаметром около 1 см, проколотое до обжига (рис. 18, 1; рис. 20, 13). Отверстия, по-видимому, связаны со специфической функцией сосудов, которые по данному признаку аналогичны известной по этнологическим и археологическим материалам посуде, использовавшейся для приготовления кисломолочных продуктов (Худяков, 1989. С. 138).

Фрагментов с орнаментом – 316/190 (сосудов с «текстильными» отпечатками – 10/0) (рис. 12, 1, 3–9, 11–23, 25, 26; рис. 13, 1, 2, 4–6, 15–20; рис. 14, 2–10; рис. 19, 2–18; рис. 20, 1, 2, 7–12, 14), в том числе 144 венчика. Наиболее распространены орнаменты, выполненные: круглыми глубокими ямочными вдавлениями – 115/54; наколами и тычками разных очертаний – 45/31; ямчатыми вдавлениями – 37/27; прочерченными линиями – 36/24; зубчатыми отпечатками – 33/21 (мелкими – 11/6, средними и крупными – 22/15); «жемчужинами» – 21/18. Встречаются нарезки или насечки – 8/4; сочетания наколов/тычков и прочерченных линий – 11/8; изредка – оттиски гладкого штампа, сочетания зубчатых отпечатков и прочерченных линий; ямчатых/ямочных вдавлений с наколами и прочерченными линиями. На шести фрагментах с «текстильными» отпечатками встречены круглые ямчатые, на двух – круглые ямочные вдавления, на одном – жемчужины. Во всех случаях ясной локализации орнамент располагался в верхней четверти – трети сосуда.

Венчиков с декорированными срезами – 82/48 (с «текстильными» отпечатками – 1/0) (рис. 12, 1, 5, 6, 9, 11, 14, 17, 20, 22; рис. 13, 1, 4, 7; рис. 19, 4, 7, 8, 11, 13, 14, 17). Косо поставленными нарезками или насечкой декорировано 56; оттисками зубчатого штампа (чаще – косо поставленными, реже – образующими зигзаг) – 21; наколами и тычками – 5.

Среди прослеженных орнаментальных мотивов преобладают горизонтальные пояски; единично отмечены горизонтальный зигзаг и горизонтальная линия треугольников, выполненных наклонными ямками. Заслуживает упоминания единичная находка венчика с небольшим налипным (?) валиком под краем.

Встречены черепки с просверленными отверстиями, интерпретируемыми обычно как следы починки треснувших сосудов.

Развалов сосудов – 4/0, все неполные.

Первый, из объекта 8, – сосуда гладкостенного грубого (рис. 18, 2, А, Б, В). Сохранность керамики плохая, сосуд не реставрируется. Изготовлен из глины с включениями напоминающих шамот коричнево-бурых железистых зерен, без визуально определяемых искусственных примесей. Судя по фрагментам, плоскодонный горшковидный слабопрофилированный, по размеру близкий к размерам сосуда из объекта 9 (см. ниже). Толщина стенок – 6–8 мм. Венчик слабо отогнутый, с небольшой Г-образной закраиной; по срезу косые насечки. Под краем ямчатые подокруглые вдавления с неровным дном. Ниже (в верхней части сосуда,

точнее расположение не устанавливается) – пояс крупнозубчатого орнамента, возможно, горизонтальной «елочки со стеблем».

Второй (рис. 18, 1) – из объекта 9, сходного с объектом 8. Приблизительно половина сосуда гладкостенного грубого горшковидного слабопрофилированного плоскодонного. Из глины с примесью дресвы и песка. Толщина стенок – до 8,5 мм. Венчик нестабильной формы: местами плавно отогнутый, местами прямой наклонный. По срезу косые насечки («нарезы»). По горлу – пояс ямчатых округлых вдавлений. В придонной части сосуда – проколотое до обжига отверстие диаметром 9 мм. Высота сосуда – 31–32 см; диаметр устья внешний – 16–17 см; по плечикам на высоте 3/4 сосуда – 23–24 см, днища с небольшой закраиной – 9–9,5 см.

Третий развал (рис. 21, 1) найден в области нарушения корнями горизонта 4А, над погребением 2. Сосуд из глины с железистыми включениями, без искусственных примесей; гладкостенный с толщиной стенок до 8,5 мм. Днище плоское, без закраины. Венчик слабонаклонный внутрь, край приостренно-закругленный, не декорирован. Значительные части венчика, тулова, днища отсутствуют. Реконструируется баночная форма. Орнамент: а) в верхней четверти – трети сосуда: под краем – пояс удлинённых неравномерной глубины подпрямоугольно-подтреугольных косо поставленных наколов (нанесённых, вероятно, углом щепки); ниже – пояс жемчужин; ниже – горизонтальная зона таких же вертикально поставленных наколов, завершающаяся остроугольными фестонами; б) при переходе тулова в днище: пояс неглубоких наискось поставленных «нарезков». Размеры сосуда, приблизительно: высота – 26,5–27 см; диаметр устья внешний – 29–31 см; днища – около 13–14 см.

Четвёртый развал – сосуда (рис. 21, 2) с «текстильными» «рябчатыми» «ногтевидными» отпечатками на внешней поверхности, в верхней четверти сосуда заглаженными. Представлен частично подобранными в склейку фрагментами (всего 15 экз.), которые найдены на кв. 10–22 участка 2В на глубинах приблизительно от 18 до 66 см от д.п. (-16/-64 см) почти по всей толще горизонта 4А и, единично, во включении в биогенную структуру без номера (следы отмершей корневой системы или воронки вывала), прослеживавшуюся в этом горизонте на кв. 10, 1Н–21, 22. Возможно, сосуд происходит из полностью разрушенного погребения. Из глины с железистыми включениями, без примесей. Толщина стенок – 6 мм. Венчик слабоотогнутый, с уплощенным

Рис. 21. Раскоп 1. Керамика поздняковской культуры. Неполные развалы из культурного слоя
1 – находка на участке 2А, кв. Л-13; над погребением 2; 2 – находка на участке 2В, на кв. 10–22

срезом и небольшой Г-образной закраиной. Срез декорирован поверхностными («тычковыми») удлиненно-овальными наискось поставленными углублениями. Днище плоское без закраины. Орнамент в верхней четверти сосуда: под краем – поясок горизонтальных нанесенных вплотную друг к другу (слившихся) оттисков гладкого (?) штампа; ниже – поясок округлых ямочных вдавлений; ниже – три пояска аналогичных вышеописанным оттисков штампа; ниже – горизонтальный зигзаг, выполненный таким же штампом. Реконструируемая форма – горшковидная слабопрофилированная, близкая к баночной. Реконструируемые размеры: высота – 13,0–13,5 см; диаметр устья внешний – ~14–15 см; горла – 12,5–13,5 см; плечиков – 13–14 см; днища – 9–10 см. На черепках нижней половины сосуда с внутренней стороны черно-серые следы нагара.

Керамических изделий, не относящихся к классу посуды, – 2/1, представлены обломками. Первый (рис. 5, 4) – близкий к полусфере фрагмент поделки, возможно, шарика из глины без видимых примесей и включений, 28×25×20 мм. Второй (рис. 5, 10) – фрагмент грузика, возможно, пряслица из глины с железистыми включениями, без видимых искусственных примесей. Сохранилась примерно 1/3 часть изделия. Реконструируется форма, близкая к цилиндрической; толщина изделия незначительно уменьшается к одной из площадок «цилиндра». Большая площадка слабо-выпуклая; меньшая – плоская. На сломе по оси симметрии изделия – следы проколотого отверстия. Ширина сохранившейся части этого канала – до 2,5 мм. Реконструируемые размеры изделия: диаметры площадок – 36–38 и 33–35 мм; высота – 26 мм. Найден в объекте 5, на полу жилища около очага. Подобные глиняные грузики, цилиндрические и усеченно-конические, широко распространены на памятниках как ПК, так и КТК (Бадер, Попова, 1987. С. 133; Рис. 70, 4, 6, 7, 9, 11; Азаров, 2013. Рис. 5, 24, 25, 26; Воронин, 2013. Рис. 11).

Сравнение керамики, обнаруженной в объектах 5, 6, 7, 8, 9, между собой и с керамикой, обнаруженной в культурном слое ПМ Щербинино вне объектов, не оставляет сомнения в высокой степени хронологического единства вышеописанного керамического комплекса, состоящего из обломков (включая развалы) сосудов, которые были изготовлены, использовались и разбиты обитателями одного поселения. По преобладающим морфологическим признакам найденных обломков посуды он отнесен нами к ПК; по наличию немногочисленной органичной в комплексе «текстильной» керамики охарактеризован как поздняяковский с признаками влияния КТК.

По ряду признаков, которым в ПК обычно придается значение хронологических маркеров, поздняяковский керамический комплекс ПМ Щербинино должен быть отнесен к позднему этапу развития этой культуры. Такими признаками являются: 1) наличие в составе комплекса до 7% черепков с «текстильными» отпечатками (в ПМ Щербинино – около 7,5%); 2) отсутствие фрагментов остро-реберных и, вообще, хорошо профилированных сосудов; 3) разреженность («бедность») и простота орнаментации; 4) отсутствие шнурового орнамента; 5) немногочисленность керамики с зубчатым орнаментом и с «жемчужинами»; 6) значительная роль в орнаментации круглых ямочных элементов (Попова, 1985). Еще один поздний для ПК признак, выраженный в материалах ПМ Щербинино, – заметная роль в орнаментации керамики накольчатых и тычковых небрежно нанесенных вдавлений (Иванов, 2010. С. 168).

В качестве аналогий поздняяковскому керамическому комплексу «ПМ Щербинино» прежде всего должны быть указаны керамические комплексы из культурного слоя таких поздних поздняяковских памятников, как Кораблино (Азаров, 2013) и Авдотьянка I (Иванов, 2010. С. 164–168). Примечательно, что в комплексе Авдотьянки I имеется венчик сосуда с налипным валиком под краем, сходный с найденным в ПМ Щербинино (Иванов, 2010. Рис. 4, 9). Подобные венчики известны и на некоторых других памятниках ПК, например, Коренец II и Фелелов Бор I (Иванов, 2010. С. 168; Фоломеев, 1974. Рис. 4, 14; Попова, 1985. С. 166), что, возможно, указывает на хронологическую близость этих памятников к финальным памятникам срубной культуры (ориентировочно XII–IX вв. до н. э.), для керамических комплексов которых венчики с валиками характерны (Бессуднов, Мельников, 2001. С. 213). По формам и орнаментации сосудов аналогии комплексу из ПМ Щербинино обнаруживаются также в материалах из культурного слоя на памятниках Свиридоново I, соотношенном с бондарихинской культурой в поздней ее стадии (Коваль, 2007); Октябрьское-5, охарактеризованном как финально поздняяковский, также сближаемом с бондарихинской культурой (Екимов, 1992); Подол I, охарактеризованном как «переходно» поздняяковский, датированном, по данным радиоуглеродного анализа, X–IX вв. до н. э. Заметим, что днища с закраинами, являющиеся, по Т. Б. Поповой (1985), маркером позднего периода ПК, в материалах Авдотьянки I и Подола I практически отсутствуют, а в комплексе ПМ Щербинино немногочисленны.

По преобладанию в орнаменте ямок и наличию жемчужин поздняяковский керамический комплекс из культурного слоя ПМ Щербинино, как и упоминавшегося выше комплекс Октябрьское-5, находит параллели в материалах уже постпоздняяковских памятников с ямчато-жемчужной орнаментацией, отнесенных их исследователями к культурному кругу «раннесетчатой» керамики (Ставицкий, Челябинов, 1997. С. 95, 101, 102).

К признакам, указывающим в поздняяковском керамическом комплексе ПМ Щербинино на влияние КТК, по нашему мнению, должны быть отнесены: упрощенная, как правило, орнаментация; значительная роль в ней округлых ямок; преобладание сосудов с днищами без закраины. В этом же контексте следует также упомянуть находки единственного в культурном слое ПМ Щербинино сосуда (развал) с «текстильными» отпечатками, орнаментированного пояском ямочных вдавлений в сочетании с поясками слившихся горизонтальных оттисков гладкого (?) штампа и с пояском выполненного тем же штампом зигзага, а также немногочисленных черепков со сходным по мотивам орнаментом, выполненным средне- и мелкозубчатым штампом. Такие выполненные зубчатым штампом орнаменты находят аналогии в памятниках КТК в Верхнем Поволжье, например, в материалах могильника позднего бронзового века Дикариха (Никитин, 1963. Рис. 5, 1, 4), поселений Борань (Гурина, 1963. Рис. 12, 10; 13, 2, 13), Шуньга (Гурина, 1963. Рис. 41, 12, 17), Минского городища (Гурина, 1963. Рис. 71, 8), отнесенных при публикации к раннему железному веку, однако ныне представляющихся более древними (поздний бронзовый век, ориентировочно – вторая половина II тыс. до н.э.) (Воронин, 1998б. С. 39).

Изделия из камня, целых и фрагментированных, 989/139, в том числе из кремня – 919/128, кремнево-кварцевой породы – 1/1; кварцита – 67/2; диорита – 1, сланца – 1.

Отщепов 313/40, в том числе кремневых – 299/39, кварцитовых – 14/1. Чешуек – 28/13, в том числе кремневых – 27/12, кварцитовая – 1/1. Осколков 486/48, в том числе кремневых – 449/43, кварцитовых – 37/5. На включенных в соответствующие группы материала крупном сломанном отщепе и на осколке имеется по одному негативу скола, напоминающему резцовый. Негативы сколов узкие; площадки на сломках признаков обработки не имеют; кромки и углы без видимых следов использования. По этим признакам представляется вероятным случайный характер сколов. В неолитических и мезолитических комплексах подобные изделия рас-

сматривались бы как атипичные резцы или отщепы со случайными сколами. Для памятников ПК и КТС резцы нехарактерны.

Пластинчатых сколов – 28/1; все кремневые (рис. 5, 14; рис. 7, 2–7, 38–41). К данной группе относились сколы, кроме ребристых, с соотношениями: длина: ширина $\geq 2:1$; ширина: толщина $\geq 1:1$. Имеются ли на спинке скола грани и до какой степени параллельны края, не учитывалось. Все нерегулярные (не имеющие параллельной огранки спинки). Пластин шириной больше 15 мм – 27/1, более узкая пластинка одна. Большая часть сколов этой группы близка к пластинчатым отщепам, отличаясь от них только более удлиненными пропорциями. У восьми на спинке вовсе отсутствуют грани. Края пластинчатых сколов субпараллельные, примерно у половины плавно сходящиеся к дистальному концу; часто с миниатюрными обособленными фасетками сколов – псевдоретушью, являющейся, вероятно, следами использования. 15 нерегулярных пластин (рис. 7, 38–41) найдены в объекте 6–7. Самая крупная в коллекции (рис. 5, 14) происходит из объекта 5 (жилища).

Нуклеусов 11/5, все из кремня. Из них 4/3 представлены маловыразительными обломками с негативами скалывания от отщепов. Целых и сломанных, реконструируемых по обломкам, 7/2 (рис. 5, 6; рис. 7, 1). Среди них различаются следующие. Нуклеусы от отщепов – 6/1, в том числе 5/1 одноплощадочные, включая 3/1 односторонних (один уплощенный с односторонне ретушированным ребром при основании), один односторонний и торцевой, один подпризматический с фронтом скалывания, охватывающим до 80% тела нуклеуса. Шестой нуклеус от отщепов двухплощадочный односторонний (скалывание с разных площадок производилось по фронтам, лежащим в одной плоскости). Нуклеус (или пренуклеус) с негативом единичного грубого пластинчатого снятия на торце 1/1, одноплощадочный с двусторонне ретушированным ребром на контрфронте; испорчен неудачной попыткой скола по боковой стороне. Все целые и реконструируемые нуклеусы мелкие, истощенные; не позволяющие, кроме одного, получить сколы, соответствующие по размерам орудиям, найденным на памятнике. Несмотря на это, количество негативов на фронтах скалывания невелико. Ребра, за единичным исключением, не оформлены; площадки не ретушированы или только незначительно подправлены ретушью. Устойчивые формы отсутствуют. Нуклеусы от отщепов близки к нуклеидным кускам.

Нуклеидный кусок – 1/1, кремнь.

Технических сколов с нуклеусов – 9/2, включая обломки; кремнь. Ребристых отщепов – 3. Обломок ребристого скола неясных пропорций – 1/1. Массивных удлиненных краевых сколов – 5/1, в том числе один миниатюрный. Ребристый отщеп и фрагмент краевого скола происходят из объекта 6–7.

Орудий и заготовок каменных орудий (целых и обломков) с признаками формообразующей обработки – 52/11, в том числе: кремнь – 51/11, диорит – 1.

Скребков 28/6, все кремневые; 26/6 на отщепках, по одному – на краевом сколе и на осколке.

Концевых скребков 21/4 (рис. 5, 8, 16; рис. 7, 16–24, 26–30, 32), в том числе: один удлиненный, 15 средних, четыре укороченных и один (обломок) неясных пропорций. Удлиненный сделан из массивного краевого скола. Все с дистальным расположением рабочего края. У 13, включая скребок из краевого скола, ретушь распространяется на один или оба боковых края заготовки, охватывая иногда большую часть периметра. Возможно, у одного или двух скребков ретушированный боковой край также был рабочим. Скребкам средних и укороченных пропорций ретушь в ряде случаев придает геометризованные очертания: одному – трапезиевидные; двум – подовальные; одному – подпрямоугольные; четырем – подтреугольные (из них три сужены к основанию заготовки, один – к концевому рабочему краю. Ретушь дорсальная крутая, как правило, среднефасеточная; на рабочих краях двух скребков мелкая; на боковых краях пяти более крупная, заходящая на спинку. У одного из подовальных концевых скребков плоскими сколами снят ударный бугорок (рис. 7, 30). Рабочий край 18 дугообразный, в том числе одного – скошенный, двух – суженный схождением боковых ретушированных краев, одного – на узком выступе, одного орудия – прямой. По одному из обломков очертания рабочего края неясны. Два целых (рис. 5, 8, 16) и 2 сломанных концевых скребка из отщепов найдены в объекте 5, на полу жилища; скребок с рабочим краем на выступе (рис. 7, 37) – в объекте 6–7.

Боковых скребков – 2/0, с дугообразным рабочим краем; один представлен обломком изделия из отщепа; другой – упомянутый выше скребок «высокой формы» из осколка (рис. 7, 31), найденный в объекте 4. Сломанный округлый или подокруглый скребок на отщепе 1/0 (рис. 7, 25); отнесен к комплексу ПК условно, так как для памятников этой культуры в целом подобные скребки нехарактерны. Можно предположить, что в культурном

слое ПМ Щербинино он связан с неолитической или мезолитической примесью.

Овальный скребок на отщепе – 1/0 (рис. 5, 2), с вентральной подработкой уплощающими сколами. Обломков скребков из отщепов, включающих фрагменты дугообразного рабочего края, – 3/2.

«Перфораторов» – *сверл и проколов* – 4/2. Сверла – 3/1, в том числе 2/1 – кремневые на отщепках. Одно из сверл на отщепках целое симметричное, с невыделенным рабочим концом (рис. 5, 12) найдено в объекте 5, на полу жилища; по боковому краю обработано полукрутой вентральной заходящей ретушью, на конце сменяющейся крутой и полукрутой двусторонней (рис. 5, 12). Второе сломано, представлено рабочим концом, асимметрично выделенным крутой и вертикальной дорсальной ретушью (рис. 7, 15). Третье сверло кварцитовое, из куска или скола неясных пропорций. Это орудие симметричное иволистное массивное с невыделенным рабочим концом (рис. 5, 1); обработано с одной стороны по периметру грубыми краевыми сколами и полукрутой ретушью, на невыделенном рабочем конце – грубой полукрутой и крутой ретушью; на участке другой стороны следы незначительной подправки абразивом. Проколка из кремневого отщепа 1/1 (рис. 5, 11), как и одно из сверл, найдена в объекте 5 на полу. В целом она слабо асимметричная, с жальцем, выделенным в плане неглубокими симметричными ретушированными выемками; ретушь мелкая, на конце краевая крутая и отвесная дорсальная и противоположащая, по правому краю крутая чередующаяся.

Долотовидных орудий – 3/2 (рис. 5, 15; рис. 7, 16, 17), кремневые, на отщепках. В этом качестве изделия подквадратно-подокруглых очертаний с лезвиями на дистальном конце заготовки; в плане лезвие одного орудия – прямое; другого – неровное, близкое к прямому; третьего – дугообразное. Обработаны уплощающими сколами («подтеской») в сочетании с нерегулярной ретушью: крутой или полукрутой; дорсальной, вентральной или двусторонней; среднефасеточной и/или мелкой.

Наконечников стрел – 8/0, кремневые, из-за характера обработки тип заготовки не прослеживается. Обе стороны 6 наконечников полностью (сломанных – в сохранившейся части) покрыты плоской и пологой средней и крупной длиннофасеточной ретушью. Один, возможно, законченный не полностью, черешковый, обработан такой ретушью, за исключением небольшого участка поверхности с одной стороны. Еще один, возможно,

заготовка, с одной стороны обработан сравнительно грубой покрывающей плоской и пологой ретушью, с другой – заходящей пологой и полукрутой по периметру. Обработка насадов большинства наконечников дополняется мелкой крутой и полукрутой краевой ретушью. В сечениях орудия линзовидные.

Черешковых наконечников – 2 (рис. 7, 10, 34); конец пера утрачен. Соотношение длины и ширины немного больше 2:1; длины пера и черешка – примерно 1:1. Шипы тупоугольные, на явном законченной форме дугообразно очерченные. Наконечник сравнительно худшей сохранности обожжен; найден в объекте 6–7.

Подромбических наконечников – 3 (рис. 7, 8, 12, 13); конец пера двух утрачен. Наименование данной разновидности формы условно: им обозначены изделия, в плане выглядящие как два соединенных основания равнобедренных треугольника, которые обращены вершинами при схождении равных сторон в противоположных направлениях. Целый наконечник резко удлиненных пропорций – 4:1; с соотношением длины пера и насада 2:1. Пропорции сломанных, вероятно, близки к вышеуказанным.

Листовидный – 1 (рис. 7, 9), с неполной обработкой одного из фасов; возможно, заготовка; возможно, подромбического наконечника; пропорции – 2:1 и 1:1.

Треугольный – 1 (рис. 7, 14), сломанный; представлен частью пера и насадом, оформленным в виде поперечной неглубокой дугообразной выемки. Еще один сломанный наконечник представлен только концом пера; форма орудия не ясна.

К поздняковскому комплексу памятника безоговорочно относятся два сломанных наконечника: треугольный (с поперечной базой), тип которого является различительным для ПК; обожженный черешковый, который найден в поздняковском контексте объекта 6–7. Остальные наконечники относятся к данному комплексу с высокой степенью вероятности. Конечно, присутствия среди них изделий развитого – позднего неолита и энеолита нельзя исключать полностью. Но по признаку крайней малочисленности в раскопе керамики этих периодов соответствующие ей наконечники, если таковые имеются в материалах раскопок, могут быть только единичными.

Рубящее орудие одно – диоритовый шлифованный «валиковвый» топор (рис. 5, 5). Подобные топоры (возможно, из менее твердой породы) на памятниках ПК и КТС известны (Попова, 1987; Воронин, 1998; 2013). Однако к поздняковскому комплексу ПМ Щербинино это орудие может быть

отнесено только предположительно, так как найдено во включении в биогенную структуру № 3, где вместе с мелкими фрагментами гладкостенной керамики эпохи бронзы, возможно поздняковской, встречен фрагмент керамики деснинской культуры и два фрагмента керамики льяловской культуры.

Обломков кремневых орудий, форма которых частично реконструируется, – 5/0. Тип заготовки четырех не ясен, одного (отмеченного ниже) – отщеп. Первый обломок – орудия с заостренным концом, ножа, кинжала или наконечника дротика, часть клинка или насада; обожжен; одна сторона полностью покрыта плоской ретушью; на другой, поврежденной термической раковинкой, сохранились участки краевой полукрутой ретуши; найден в объекте 6–7. Второй обломок (рис. 7, 11) – орудия с плавно сходящимися боковыми краями и закругленным основанием, в сечении линзовидного; насад наконечника дротика, вероятно, листовидного; покрыт двусторонней плоской ретушью. Третий и четвертый обломки – также наконечников дротиков или копий. Третий в основном аналогичен второму, но худшей сохранности, с продольным и поперечным сломами. Четвертый – медиальный фрагмент изделия; с двухсторонней покрывающей плоской ретушью; края параллельные; профиль линзовидный. Пятый обломок (рис. 5, 7) – тыльная концевая часть ножа или заготовки ножа из крупного отщепца; ретушь вне слома по периметру, краевая, местами заходящая; чередующаяся; среднефасеточная и мелкая; пологая и полукрутая; края от слома плавно сходятся, конец закруглен; профиль линзовидный. Вероятно, орудие сломано при ретушировании: на одном из фасов вдоль слома имеется негатив крупного направленного от края скола.

Заготовок кремневых орудий с признаками формообразующей обработки – 3/1. Из отщепов – 2/0. Первая (рис. 5, 2) овальная (возможно, является законченным скребком); обработана среднефасеточной ретушью на концах и по одному краю; ретушь на концах дорсальная крутая; по краю вентральная грубая крутая и полукрутая. Вторая – крупная подовальная, к одному концу расширенная, возможно, заготовка рубящего орудия в начальной стадии формирования; в сечениях неправильно линзовидная; обработана с двух сторон частично: грубыми крупными плоскими сколами и грубой чередующейся краевой ретушью. Третья из первичной пластины или отщепца; обожжена; частичной сохранности: с большими термическими раковинами. Форма реконструируется: в плане – листовидная; в сечениях – неправильно линзовидная. Вероятно,

заготовка небольшого наконечника дротика. Обработана с двух сторон частичной грубой плоской ретушью; сохранились участки поверхности с неудаленной меловой коркой. Найдена в объекте 5, на полу жилища.

Орудий и заготовок орудий из кремня, имеющих явные признаки обработки, но не обладающих выраженной или реконструируемой по обломкам формы, – 38/14. В эту группу включен 21/7 обломок орудий, при обработке которых форма заготовки подверглась существенному преобразованию ретушью. Заготовками орудий были: отщепы – 14/4; обломок – 1/1; нуклеусы и/или обломки нуклеусов – 3/2; нерегулярная пластина – 1/0. В двух случаях тип заготовки не ясен. Один из обломков, найденных в объекте 5, с участками скребковой ретуши.

К той же группе отнесены: 15/6 отщепов и 1/1 кусок, ретушированные без существенного преобразования формы, а также поперечный скол с ретушированного лезвия орудия из отщепа, снятый в технике, напоминающей резцовую. На большинстве изделий ретушь краевая миниатюрная и мелкая; характерна частичная; углы наклона ретуши разные; встречаются группы фасеток среднего размера; фасетки на краях ряда изделий могут быть следами использования, то есть не ретушью, а псевдоретушью. Среди этих изделий – 3/1 отщепа, на краях которых имеются ретушированные дугообразные выемки, по признаку наличия которых орудия часто определяются в качестве скребелей. Шесть отщепов и кусок с краевой ретушью найдены в объекте 5, на полу жилища. Среди них – отщеп со следами абразивной обработки на сохранившемся участке меловой корки и с ретушированной выемкой; крупный пластинчатый отщеп серповидных очертаний (рис. 5, 13), вероятно, использовавшийся в качестве ножа; отщеп с грубой ретушью дистального конца и прилежащего участка края, напоминающий очертаниями заготовку скребка. Один отщеп с ретушью найден в объекте 6–7.

Предметов без признаков обработки, но с ясно различимыми следами использования («приспособленных орудий») – 17/3. В этой группе преобладают обломки кварцитовых плит со следами использования – зернотерок или абразивов, которых найдено 13 (1). Пять залежали в группе среди скопления камней без следов обработки и использования, преимущественно подобных плит. Один происходит из объекта 5, найден на полу жилища. Еще 4/2 предмета – небольшие валунчики, использованные в качестве орудий. Среди них 2/1 кремневые, 1/1 окремнелой породы, 1 кварцитовый.

В объекте 5 на полу жилища обнаружен дисковидный кремневый валунчик со следами использования в виде участков заполированной поверхности на одном из фасов и на торце; по характеру следов он определен в качестве терочника. Остальные 3/1 по наличию участков поверхности со звездчатыми выбоинами определены как отбойники; происходящий из объекта 5 (с пола жилища) представлен обломком.

Наконец, к комплексу ПК отнесено 108 предметов, не имеющих ни следов обработки, направленной на изготовление орудий, ни следов использования в качестве орудий. Это 7/1 обломков и кусков низкокачественного кремня, возможно, принесенного на поселение в качестве сырья; 2/1 небольших кусков минеральной краски красного цвета; 97/93 мелких неопределимых обломков кальцинированной кости, которые концентрировались в объекте 5 на полу жилища, в основном на месте очага и вокруг него; 2/2 обугленных желудя, найденных в очаге.

Комплекс материала ПК из культурного слоя ПМ Щербинино типичен для позднего этапа этой культуры, к которому О. Н. Бадером и Т. Б. Поповой (Бадер, 1970; Попова, 1971; Бадер, Попова, 1987) и другими исследователями отнесены памятники, характеризующиеся присутствием «текстильной» керамики. В качестве его выразительных черт кроме наличия такой керамики могут быть названы: 1) разнообразный состав примесей к глине, использованной для изготовления посуды; 2) массовое использование для изготовления сосудов глины с обильными природными включениями железистых образований в сочетании с разными минеральными искусственными примесями и без таковых; 3) отсутствие хорошо профилированных сосудов, преобладание сосудов баночных форм; 4) бедность орнамента посуды и небрежность нанесения орнамента; 5) наличие немногочисленных крупных горшковидных сосудов с отверстиями, проколотыми в нижней части тулова; 6) полное преобладание днищ сосудов без закраины; отсутствие округлых днищ; 7) наличие керамического грузика (пряслица); 8) в приемах обработки кремня отсутствие техники пластинчатого скалывания и техники резцового скола; высокий уровень развития техники ретуши, в том числе плоской и пологой (отжимной); систематическое использование покрывающей двусторонней ретуши для изготовления предметов оснащения метательного вооружения; 9) отсутствие устойчивых форм нуклеусов; 10) наличие небольшой серии специфических орудий, названных нами «долотовидными»;

11) наличие серии скребков с заходящей на спинку ретушью; 12) полное преобладание в подгруппе скребков: а) концевых, включая сюда скребки с ретушированными краями; б) имеющих средние и укороченные пропорции; 13) значительная ограниченность общего состава морфологически выраженных орудий, включающего наконечники метательного вооружения (и, возможно, сходные с ними кинжалы); скребки; долотовидные орудия; перфораторы.

Ориентировочная датировка комплекса, с учетом естественнонаучных дат для ряда памятников ПК и КТК (*Сулержицкий, Фоломеев, 1993а; 1993б. Табл. I*), включая полученные в последние годы для поселения Песочное 1 (*Александровский и др., 2013; Воронин, 2013*), – середина – вторая половина II тыс. до н.э. Согласно имевшимся к 1992 г. датировкам было выдвинуто предположение о начале распространения КТК в Поочье в XIV–XIII вв. до н.э. и об исчезновении ПК в XIII в. до н.э. (*Воронин, 2013. С. 45*). Если это предположение верно, то датировка керамического комплекса может быть сужена до XIV–XIII вв. до н.э.

К группе ФК, материала фатьяновской культуры, отнесено 12/0 обломков не менее чем двух сосудов, в том числе 2 венчика характерной формы. В глине примесь песка; все черепки с мелкозубчатым орнаментом. Прослеженные орнаментальные мотивы: полоса горизонтального зигзага, заполненная вертикальными отпечатками короткого штампа; группы параллельных наклонных отскоков, расположенные в горизонтальном поясе под углом друг к другу (рис. 8, 4–7). Часть фрагментов без орнамента, несомненно, оказалась включенной в состав группы керамики эпохи бронзы неясной культурной принадлежности с примесью песка в глине; наиболее вероятно именно фатьяновская принадлежность имеющихся в этой группе малочисленных черепков со следами лощения. Часть могла ошибочно оказаться в группе гладкостенной керамики ПК. Несмотря на это, количество фатьяновского материала на памятнике может оцениваться в целом только как совершенно незначительное. Четыре черепка с орнаментом были найдены на участке 1–1А. Восемь группировались в непосредственной близости от объекта 1 в южной половине участка 1Б, рядом с восточной границей раскопа.

Группа БН включает весь материал эпохи бронзы, культурная принадлежность которого не была определена или вызывала сомнение. К ней отнесено 36/1 предметов, в том числе 35/1 обломков сосудов. В керамическом материале различаются че-

тыре подгруппы. В первой – 2/0 фрагмента стенок сосудов с выгоревшей органической примесью в глине, из которых один с примесью органика + песок. Оба без орнамента, найдены на участках 1В и 1Г, где обнаружены лишь крайне малочисленные археологические предметы (на участке 1В площадью 228 кв. м – 11; на участке 1Г площадью 149 кв. м – 6), уже вне установленных границ распространения культурного слоя ПМ Щербинино (рис. 3). Во второй – единичный фрагмент короткого резко отогнутого у края венчика, форма которого для поздняяковского и других комплексов памятника нехарактерна; примесь в глине – песок; по срезу – наколы нечетких очертаний; без орнамента.

В третью подгруппу объединены 24/0 фрагмента стенок сосудов с примесью в глине песка, как правило мелкозернистого, для поздняяковского комплекса ПМ Щербинино малохарактерного, иногда сочетающегося с упоминавшимися выше природными железистыми включениями. Толщина стенок – не более 6 мм; 21 без орнамента, 3 с мало-выразительными, поврежденными слонами отпечатками мелкозубчатого штампа. Внешняя поверхность черепков хорошо заглажена, в некоторых случаях подлощена. Они напоминают керамику фатьяновской культуры и, возможно, действительно являются фатьяновскими, что подтверждается обнаружением большинства фрагментов данной подгруппы на участках 1–1А и 1Б, где найдена вся керамика, отнесенная к фатьяновской культуре по группе сопряженных признаков (примеси; орнамент; форма венчиков).

В четвертой подгруппе – 7/1 обломков сосудов с примесью средне-, крупнозернистого песка. Все слабого обжига; толстостенные (до 11 мм); судя по вертикальным венчикам, принадлежат баночным сосудам. Все с орнаментом из прочерченных линий, которые образуют композиции в виде горизонтальных поясков, в большинстве случаев включающих ромбы (рис. 8, 1–3). На двух черепках прочерченный орнамент дополняют группы мелких округлых тычковых вдавлений, а на одном из них, найденном в объекте 5 (в жилище), и вертикальные отпечатками короткого мелкозубчатого штампа (рис. 14, 1). Остальные найдены на участках 1–1А (1 экз.), 2А (3), 2Б (2). Обломки принадлежат не менее чем 3–4 сосудам, другие орнаментированные части которых в раскопе не встречены. Скорее всего, часть относящихся к тем же сосудам фрагментов без орнамента не определена и попала в комплекс ПК.

К группе БН также отнесен единичный среди находок оселок из тонкой сланцевой плитки,

имеющий треугольные очертания. Форма оселка, скорее всего, определяется обработкой, хотя не исключено, что могла сложиться и в результате его использования. Найден на участке 1–1А в совместном залегании с керамикой эпохи бронзы неясной культурной принадлежности, возможно фатьяновской; был включен в часть горизонта 4А, перекрывающую объект 2.

К группе ДК, материала деснинской культуры периода позднего неолита, энеолита эпохи бронзы, отнесено 26/0 фрагментов стенок сосудов из глины с примесями песка и дресвы + песка, в некоторых случаях сочетающимися с природными железистыми включениями (рис. 8, 11–14). Один фрагмент принадлежит нижней части тулова остроили круглодонного сосуда. Внешняя поверхность черепков покрыта поставленными вплотную друг к другу глубокими ямками овально-подромбических очертаний с отпечатками веревочки на дне или, в единичных случаях, глубокими отпечатками короткого среднезубчатого штампа удлиненно-овальных очертаний. Несколько фрагментов обнаружено на участке 1–1А, в его восточной и (единично) западной части; один – на участке 2А; остальные – на участках 2Б и 2В, где большая часть находок группировалась в полосе перехода площадки надпойменной террасы в уступ к пойме.

К группе ЛК, материала льяловской культуры, отнесены 14/0 фрагментов стенок сосудов (рис. 8, 8–10, 15). В глине различаются примеси: песок и дресва плюс песок. Восемь черепков со сплошным заполнением поля круглой конической ямкой; один с ямочно-гребенчатым орнаментом. Еще пять с ямочно-тычковым или ямочно-накольчатым орнаментом, в котором глубокие ямки дополняются рядами сравнительно поверхностных вдавлений, либо сдвоенных, нанесенных, возможно, эпифизом небольшой трубчатой кости, либо полулунных. Керамика этой группы может быть в основном отнесена к среднему этапу культуры; два или три мелких фрагмента, возможно, к раннему. Группировка нескольких фрагментов льяловской керамики отмечена на крайних западных квадратах участка 2Б, с местами находок каких-либо орудий выраженных форм не совпадает. Остальные черепки встречены на участках 1–1А (4 экз.), 2А (3), 2В (1), залегали разрозненно.

К группе М, материала периода мезолита, отнесено 10/2 изделий из кремня.

Сколы мезолитического облика представлены 1/0 грубой пластиной и 1/0 фрагментом правильной регулярной (отжимной) микропластины (рис. 8, 20) с трехгранными спинами. Обломок ми-

ниатюрного нуклеуса (рис. 8, 23) от микропластин одноплощадочного торцевого и одностороннего уплощенного – 1/1; найден в объекте 5 на полу жилища. Ребристая пластина – 1/0, обработанная по одной грани.

Резцов – 3/0. Первый нуклеидный, переоформленный из нуклеуса, двойной, с вогнутой ретушированной площадкой и негативами широких резцовых сколов на торцах (вариант интерпретации: нуклеус от неправильных пластин и отщепов одноплощадочный торцевой двойной и односторонний) (рис. 8, 21). Второй двугранный с широкой резцовой кромкой, смещенной на угол заготовки, изготовленный из обломка нуклеуса (рис. 5, 25). Третий также двойной, с площадками на сломках отщепа, незначительно подправленными ретушью; кромки средней ширины, приурочены к диагонально расположенным углам заготовки (рис. 8, 20). Резцовый отщепок – 1/1 (рис. 5, 9); представлен дистальным фрагментом; широкий, что согласуется с шириной кромок на двух вышеописанных резцах; найден в объекте 5 на полу жилища.

Наконечников стрел (черешковых острий) – 2/0. Первый (рис. 8, 17) массивный, из нерегулярной пластины или отщепа, асимметричный. Острый конец имеет дистальное расположение, образован схождением полностью обработанного края орудия с необработанным участком бокового края заготовки. Полностью обработанный край сформирован отвесной дорсальной ретушью, крупной и среднефасеточной, местами дополненной мелкой. На прилежащем к основанию заготовки участке второго края на 1/3 его длины аналогичной ретушью выбрана выделяющая черешок боковая выемка. На черешке сохранилась фасетка скола, снявшего ударный бугорок. Орудие к деснинскому типу острий, одному из различительных для культур финала позднего палеолита – раннего мезолита круга Лингби и Арнсбург (*Taute*, 1968), в Волго-Окском бассейне – для иеневской культуры (*Жилин*, 2004; *Сорокин*, 2004).

Второй наконечник (рис. 8, 19) из пластины с субпараллельными боковыми краями и ребрами огранки спинки, почти симметричный, заострен на дистальном конце; с черешком, намеченным в контуре плавным схождением ретушированных участков боковых краев. Обработан в основном вентральной ретушью, на конце – пологой мелкой краевой с элементами более крупной заходящей. На черешке, конец которого утрачен, – плоской, пологой и полукрутой, среднефасеточной заходящей ретушью, вероятно, снявшей ударный бугорок, дополненной мелкой краевой, в том числе

по одному краю дорсальной. На одном боковом краю – фасетки мелкой и миниатюрной пологой ретуши или псевдоретуши, возникшей в результате использования орудия в какой-то дополнительной к наконечнику стрелы функции. Находки подобных наконечников, часто называемых поствидерскими, на территории Волго-Окского бассейна чаще всего ассоциируются с бутовской культурой (Жилин, 2004; Сорокин, 2004).

Находки наконечника с боковой выемкой, двух резцов (рис. 8, 17, 18, 20) и грубой пластины группируются на юго-восточных и южных квадратах уч. 2В, в полосе перехода площадки надпойменной террасы в уступ к пойме. Симметричный наконечник из пластины и нуклеидный резец (рис. 8, 19, 21) встречены неподалеку друг от друга на кв. В-4, 6 уч. 1–1А. Находка микропластины обособлена в западной части уч. 2. Нуклеус от микропластин и резцовый отщепок, встреченные в объекте 5, переотложены. Найденные изделия мезолитического облика связаны с эпизодами хозяйственной деятельности на исследованной территории различных в культурном отношении групп населения (условно, иеневской и бутовской культур) на рубеже плейстоцена и голоцена и в раннем голоцене.

В группу СН, материала периода Средневековья и более позднего времени, отнесена 21/0 находка. Несмотря на малочисленность, этот материал включает несколько выразительных изделий.

К XII–XIII вв. относится пряслице розового шифера (рис. 8, 28), цилиндрическое с округленными ребрами, и пять обломков горшков из слабо ожеженных и ожеженных глин с примесью крупного песка или дресвы, неполного окислительного обжига. Среди них один венчик типа 8 (Коваль, 2004) (рис. 8, 24); три черепка с линейным орнаментом.

Ко второй половине XVII в. отнесена чеканенная из медной проволоки русская монета или подражание таковой (рис. 8, 32), плохой сохранности: неровный кружок 9,5×9×0,7 мм. На аверсе ясно различается только выпуклая прямая линия, делящая его на неравные части. На реверсе – легенда в четыре строки. Верхняя стерта, нижняя вышла в основном за монетное поле и также не читается. Во второй сверху строке одна за другой различаются буквы К или Х, I, Л; в третьей – В, С, Е. К тому же или несколько более позднему времени, возможно, относится мебельный (?) медный гвоздь со шляпкой в виде цветка с четырьмя подокруглыми лепестками, украшенными циркульным орнаментом (рис. 8, 30).

К XVIII–XIX вв. отнесены шесть фрагментов гончарной посуды (рис. 8, 25–27) из слабожелез-

ненных и нежелезных глин с примесью мелко-го песка и без примесей (4 экз.); обжиг восстановительный и окислительный; единичны фрагмент края белоглиняной миски или венчика горшка типа 4 (по В. Ю. Ковалю) и обломок «мореного» сосуда; на последнем и одном белоглиняном черепке – линейный орнамент. Вероятно, того же времени круглая пуговица черного стекла с пластиной цветного металла на внутренней стороне (рис. 8, 31); на пластине – отверстия с остатками сломанной проволочной петли; центральная часть лицевой стороны выпуклая; по краю ободок меньшей высоты, с насечкой.

От Средневековья до начала XX в. могут датироваться обломок железного подковного гвоздя (рис. 8, 29) и кусок железного шлака.

К числу позднейших находок отнесены: железный кухонный нож (длина – 47,1 см; максимальная ширина – 6,2 см; толщина – до 0,6 см; клинок треугольного сечения с прямым приспущенным к концу обушком, переходящим в плоский широкий черен с двумя заклепками и отверстием от третьей); свинцовая шарообразная пуля (диаметр 9 мм; по окружности литейный шов; на одном полюсе – след перекусывания клещами); обломок латунной детали сложной конфигурации. Кроме того, встречена монета 5 копеек 1956 г.

Древнерусская керамика группировалась на крайнем юго-западе раскопа у кромки площадки террасы, что, видимо, является следами эпизода хозяйственной деятельности в Средневековье. Находка пряслица обособлена. Более-менее компактную группу в средней и южной части участка 2А образовывали находки медных монеты-чешуйки и гвоздя, стеклянно-металлической пуговицы, мелких фрагментов белоглиняной керамики XVII–XVIII вв. Такая группировка этого материала может объясняться его транспортировкой со стороны вместе с удобрениями. Это предположение согласуется с выявленными при почвенных исследованиях на памятнике следами старой пашни.

Обобщая вышеизложенное, считаем возможным реконструировать следующую канву истории хозяйственного освоения участка местности в определенных исследованиях 2012 г. границах территории ПМ Щербинино.

На рубеже голоцена, ориентировочно 10,5–9,5 тыс. лет назад, данный участок начинают посещать группы охотников, соотносимые с иеневской (финал позднего палеолита – ранний мезолит) и бутовской (мезолит) культурами. Исходя из крайней малочисленности находок этого периода, общего их состава, локализации, отсутствия

выявленных соответствующих им объектов, следует предположить, что приходившие сюда группы были немногочисленными, посещения были редкими и имели характер кратковременных остановок (дневок, ночевок) на территории промысла, совершавшихся в краевой полосе площадки первой надпойменной террасы. Аналогично расположенные следы немного более длительного пребывания человека в мезолите (вероятно, раннем или среднем) зафиксированы находками расщепленных кремней в шурфах 18 и 19 в западной части территории памятника. Некоторое увеличение плотности таких находок в шурфе 19 при отсутствии лепной керамики в этом и соседних шурфах указывает на существование здесь не полностью разведанной мезолитической стоянки.

Следов поселений и хозяйственной деятельности периода раннего неолита на территории памятника не обнаружено. В среднем неолите (IV тыс. до н. э.), а затем в позднем неолите – энеолите (III – начало II тыс. до н. э.), этот участок местности оказывается на территории хозяйственных угодий общин, соотносимых с льяловской (средний неолит) и деснинской (поздний неолит – энеолит) культурами. В эти периоды на исследованном участке местности вновь от случая к случаю появляются небольшие группы людей, совершавших кратковременные остановки в краевой полосе площадки надпойменной террасы. Для определения вида их деятельности недостаточно фактического материала, полученного в ПМ Щербинино. Обобщающая реконструкция, разработанная ранее на материалах неолита Подмосковья (Сидоров, 1975), позволяет предположить, что это были группы собирателей (находки обломков горшков не согласуются со стереотипными представлениями о привалах охотников). Только на территории к востоку от раскопа, на участке заложения шурфа 31, в котором найдены маловыразительные фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, нуклеус от отщепов, отщепы и краевой скол, существовало небольшое по площади (судя по отсутствию подобной керамики в соседних шурфах), по-видимому, кратковременное льяловское поселение – лагерь. Следы аналогичного деснинского поселения выявлены на участке заложения соседнего шурфа 30, в котором обнаружены обломки не менее двух характерных сосудов, расщепленные кремни и кварцит.

В раннем бронзовом веке, вероятно, в конце III – начале II тысячелетия до н. э., на территории памятника, по крайней мере однажды, существовало кратковременное поселение носителей фатьяновской культуры. Его следы выявлены в юго-

восточной части раскопа на участках 1–1А, 1Б по находкам обломков не менее двух фатьяновских сосудов, сопряженным с кострищем (объектом 1). Как и следы более ранних эпизодов обитания, эта стоянка приурочена к краю площадки надпойменной террасы. Выявление вблизи от восточной границы раскопа кострища (объект 1) и группировка рядом с ним большей части надежно определенной фатьяновской керамики указывают на то, что поселение охватывало и какую-то территорию к востоку от раскопа, не доходившую, однако, до шурфов 28, 29, 30, которыми признаки наличия фатьяновского материала не зафиксированы. Нет данных для реконструкции вида деятельности человека на этом поселении. Такие следы обитания могли быть оставлены и группой кочевавших скотоводов, и собирателями, и охотниками.

В позднем бронзовом веке, в середине – второй половине II тысячелетия до н. э., значительную часть территории ПМ Щербинино обживает группа (группы?) носителей ПК. Основами их хозяйства были земледелие и пастушеское скотоводство при сохранении некоторой роли охоты и, возможно, рыболовства (Бадер, 1970. С. 62; Попова, 1971. С. 230; Сидоров, 2013. С. 9). Расположение территории в краевой части площадки невысокой первой надпойменной террасы рядом с пойменным расширением Клязьмы создавало приемлемые условия для деятельности всех вышеуказанных видов. Вероятно, поэтому именно носителями ПК здесь впервые устраивается поселение, более долговременное, чем эпизодически возникавшие ранее лагеря. Остатки этого поселения частично исследованы раскопками, что позволяет детализировать реконструкцию.

Его восточная часть совпала с западной половиной раскопа, за исключением небольших участков, на которых культурный слой отсутствовал (линии кв. 5, 6 и в основном линия кв. 7 участка 2Г; часть площади кв. 1Ж–8 и 1В–8 того же участка раскопа; незначительные площади на северо-западе, севере, северо-востоке уч. 2 и на востоке уч. 2А). В остальном западная половина раскопа пришлась, судя по распространению находок, на площадку поселения, которая простиралась вдоль края площадки надпойменной террасы, включая какую-то не определимую посредством заложения шурфов территорию к западу от раскопа. Прослеженная ширина площадки поселения от фронтального уступа террасы – 7–17 м, протяженность – более 21 м. Следует отметить четкость северной границы площадки поселения, за которой на большинстве квадратов находки отсутствовали полностью, что

позволяет предположить ограждение площадки поселения, по крайней мере с напольной стороны. Восточная граница, выраженная несколько менее четко, прослежена на крайних восточных линиях кв. 1Б и 1А уч. 2 и 2А раскопа.

В северо-восточном углу площадки поселения, в 6,5 м от фронтального уступа террасы, существовало жилище (см. выше объект 5) – подпрямоугольное, наземное или слабо углубленное, вероятно, каркасной конструкции, однокамерное, 9,3×5,3–6,2 м, площадью около 54 кв. м. Жилище было вытянуто по линии С–Ю; перед выходом, обращенным на юг, к пойме, имелся тамбур 2×5,3 м, площадью 8–10 кв. м. В центральной со смещением к ЮЗ части жилой камеры находился очаг площадью 4–5 кв. м. За вычетом площади очага и тамбура, площадь жилого помещения составляла 39–41 кв. м. Из этой площади не менее 6 кв. м приходилось на полосы вдоль наклонных (что предполагается каркасной конструкцией) боковых стен, где высота помещения была незначительной. Таким образом, пригодная для пребывания людей площадь не превышала 33–35 кв. м. Исходя из этого, по аналогии с расчетами, выполненными на материалах саргатской культуры раннего железного века Зауралья (Корякова, 1988; Матвеева, 1993), число обитателей исследованного жилища может быть оценено в 7–12, что позволяет определить их как семью. Основные хозяйственные занятия в жилище, реконструируемые по археологическому материалу: приготовление и прием пищи; прядение; какие-то виды работ со шкурами и/или кожей, вероятно, с костью и, возможно, с деревом (см. выше в описании объекта 5).

У северной границы площадки всего в 4 м к западу от боковой стенки жилища находилось сооружение, в котором обрабатывался кремь (объект 6–7). Сооружение подокруглое, углубленное, диаметром до 2,75 м, глубиной до 1 м. Судя по общему составу обнаруженных в объекте изделий из кремня, его обработка в сооружении была в основном первичной, направленной на получение сколов, необходимых для изготовления орудий. В сооружении использовался огонь, возможно, с целью отжига кремневого сырья (почти все найденные здесь кремни обожжены) и освещения. Вероятно, эпизодически использовалась глиняная посуда.

На аналогичном расстоянии к юго-западу от выхода из жилища, в срединной части площадки поселения, в 8,5 м от кромки площадки террасы находи-

лась еще одно углубленное сооружение – овальная вытянутая по линии З–В яма (объект 8), в прослеженной части 153×110 см, глубиной до 34 см. Судя по зафиксированным в заполнении ямы следам горения и находке неполного развала крупного горшковидного сосуда, сооружение, как и очаг в жилище, служило местом приготовления пищи. Предположение о его функциональной связи с существовавшим поблизости могильником (см. выше в описании объекта 8) представляется менее вероятным и обсуждается в контексте публикации материалов могильника (Кравцов и др., 2014).

В том же направлении от выхода из жилища, на расстоянии 17 м от него и 10,5 м от кромки площадки террасы, на участке площадки поселения, где выявлен могильник (Кравцов и др., 2014), находилась подобная яма (объект 9): овальная, 160×93 см, глубиной до 30 см, с неполным развалом крупного горшковидного сосуда, в нижней части тулова которого имелось по крайней мере одно проколотое отверстие. От предыдущей она отличалась ориентировкой по линии ЮЮЗ–ССВ и отсутствием следов кострища, в соответствии с чем интерпретирована как хозяйственная. Альтернативная интерпретация В. В. Сидорова, считающего яму объектом могильника²¹, обсуждается в контексте публикации последнего (Кравцов и др., 2014).

В 2,5–3,5 м к ЮВ от выхода из жилища на юго-восточном краю площадки поселения, у края площадки террасы находилось кострище (объект 4). Около него, судя по единичным находкам обломков кальцинированной кости, от случая к случаю готовили и/или ели. С какой-то специализированной, неясной авторам трудовой деятельностью около кострища связана зафиксированная вокруг него и в его заполнении концентрация обожженных гравия и мелкой гальки.

На площадке поселения, на расстоянии 11–21 м к ЗЮЗ и ЮЗ от юго-западного угла жилища были совершены три погребения в ямах. Материалы этого могильника подробно публикуются в настоящем сборнике (Кравцов и др., 2014). Здесь отметим, что изделия, находившиеся в инвентаре погребений, глиняные сосуды и кремневые наконечники стрел (Кравцов и др., 2014. Рис. 3) в основном аналогичны изделиям соответствующих групп, обнаруженным в культурном слое позднэнеолитического поселения. Это дает основания полагать, что погребенные здесь люди были обитателями исследованного раскопками поселения.

²¹ Устное сообщение.

С востока и северо-востока к площадке поселения примыкала ближайшая зона хозяйственной деятельности его обитателей, или, условно, хозяйственная территория, которая, как и площадка поселения, была приурочена к фронтальному уступу террасы. Судя по немногочисленным находкам в восточной половине раскопа на участках 1–1А, 1Б керамики ПК, продуктов расщепления камня и каменных орудий, эта хозяйственная территория простиралась более чем на 130 м к северо-востоку от восточной границы площадки поселения (95 м от восточной границы раскопа), включая территории упоминавшихся выше кратковременных стоянок фатьяновской, деснинской, льяловской культур. В исследованной раскопками части этой территории кроме находок зафиксированы два строения: одно (объект 3) – около юго-восточной границы площадки поселения; другое (объект 2) – в 15 м северо-восточнее.

Данные о западной части реконструируемого поздняяковского поселения отсутствуют. Можно лишь констатировать, что в шурфах 1–11 и в выемке под фоновый разрез материал ПК или относящийся к ней с высокой степенью вероятности обнаружен на расстоянии до 95 м к западу от раскопа. Однако как далеко в этом направлении простиралось поселение, исследовавшееся раскопками, существовала ли к западу от него хозяйственная территория, связаны ли находки во всех вышеуказанных шурфах только с данным поселением или на этом участке местности имеются остатки и других поселений ПК, неясно.

Таким образом, площадь исследованной раскопками части площадки поселения – около 650 кв. м; прилегающей к площадке поселения с северо-востока хозяйственной территории – 325 кв. м. Общая площадь распространения почвенных горизонтов с включениями изделий и объектов ПК (культурного слоя, включая слабо насыщенный материалом слой в хозяйственных зонах) – 5750–6000 кв. м. По низкой плотности находок, характеру объектов культурного слоя, планиграфической четкости поселенческой структуры и ряду других признаков исследовавшееся раскопками поселение может интерпретироваться только как сезонное.

В XII–XIII вв. в западной части территории ПМ Щербинино существовало русское сельское по-

селение, остатки которого выявлены шурфами 7, 9–21. Судя по присутствию железных шлаков почти во всех шурфах этой группы, одним из основных занятий его обитателей была выплавка железа из болотной руды, залежь которой находится в верхнем болоте около северной границы селища. Вероятно, именно эта залежь, зафиксированная в шурфе 25, явилась причиной устройства древнерусского поселения на данном участке местности. Концентрация угля, отмеченная в сочетании со шлаками только в шурфах 12 и 14, позволяет с высокой степенью вероятности предположить, что вблизи от места заложения этих шурфов находились металлургические горны. Это предположение подкрепляется тем, что участок заложения данных шурфов находится у самого края площадки надпойменной террасы, в основании уступа которой здесь ясно различаются следы старого русла. С бытованием данного поселения, скорее всего, связаны немногочисленные находки в раскопе древнерусской керамики и шиферного пряслица.

В последующий период поселений на территории ПМ Щербинино, по-видимому, не существовало. По данным натуральных почвенных исследований, в XVIII или XIX в. на этом участке местности в течение некоторого времени находилась пашня, в просмотренных нами картографических материалах не отраженная. Возможно, при вывозе удобрений на эту пашню с территории одной из близлежащих деревень на исследованный раскопками участок попали немногочисленные обнаруженные в раскопе изделия периода позднего Средневековья – Нового времени.

Наиболее перспективной для продолжения полевых исследований является территория ПМ Щербинино к западу от полосы отвода под строительство БМК и раскопа 2012 г. В этой части территории памятника сохраняются остатки поселения ПК, изучение которого начато в 2012 г.; вероятно обнаружение новых погребений, относящихся к выявленному в западной части раскопа поздняяковскому могильнику; значительный интерес представляют не полностью разведанная, выявленная шурфами 18 и 19, мезолитическая стоянка и, несомненно, раннее для Мещеры древнерусское селище с остатками металлургического производства.

Литература

- Азаров Е. С.* Поселение и грунтовый могильник эпохи бронзы Кораблино//КСИА. Вып. 230. С. 182–195.
- Александровский А. Л.*, 2003. Зоотурбация и эволюция почв//Проблемы эволюции почв. Материалы IV Всеросс. конф. Пущино. С. 77–82.
- Александрова М. В.*, 1990. Некоторые замечания по теории палеолитического культурного слоя//КСИА. Вып. 202. С. 4–8.
- Александрова М. В.*, 1998. «Идеология» раскопок и приоритеты археологического исследования (у истоков советской методики раскопок палеолитических поселений)//Восточный гравитт. М.
- Амирханов Х. А.*, 2000. Зарайская стоянка. М. 240 с.
- Бадер О. Н.*, 1966. Культура с «текстильной» керамикой в Северо-Восточной Европе//СА. № 3. С. 32–37.
- Бадер О. Н.*, 1970. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.
- Бадер О. Н., Попова Т. Б.*, 1987. Поздняковская культура//Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука. С. 131–135.
- Васенев И. И., Таргульянц В. О.*, 1995. Ветровал и таежное почвообразование. М. 245 с.
- Воронин К. В.*, 1998а. От социальной адаптации к культурной интеграции (к вопросу о взаимодействии культурных традиций бронзового века в Волго-Окском бассейне)//ТАС. Вып. 3. Тверь.
- Воронин К. В.*, 1998б. К вопросу о происхождении и развитии культуры с сетчатой керамикой бронзового века//ТАС. Вып. 3. Тверь.
- Воронин К. В.*, 2013. Комплексы бронзового века поселений Песочное-1 и Дмитриевская Слобода II//ТАС. Вып. 9. Тверь.
- Воскресенская Е. К.*, 2014. Краткая геолого-геоморфологическая и физико-географическая характеристика района работ//Кравцов, 2014. С. 11–22.
- Гак Е. И., Гоняный М. И.*, 2007. Многослойное поселение Подол I в исторической части города Подольска: результаты исследований и интерпретация материалов//АП. Вып. 3/Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 9–19.
- Гурина Н. Н., Крайнов Д. А.*, 1996. Льяловская культура//Археология. Неолит Северной Евразии. М. С. 173–182.
- Егоров В. В., Фридланд В. М., Иванова Е. Н., Розов Н. П. и др.*, 1977. Классификация и диагностика почв России. М.: Колос. 225 с.
- Екимов Ю. Г.*, 1992. Поселение поздняковской культуры под Тулой//Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань. С. 62–76.
- Жилин, Фролов*, 1981. Мезолитическая стоянка Ладыжино 3 (по материалам раскопок 1976–1977 гг.)//СА. № 2. С. 255–259.
- Жилин М. Г.*, 2004. Мезолит Волго-Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы//Проблемы каменного века Русской равнины. М. С. 92–139.
- Жульников А. М.*, 2003. Древние жилища Карелии. Петрозаводск. 199 с.
- Иванов Д. А.*, 2010. Поселение эпохи бронзы Авдотьянка I в нижнем течении р. Пара//Материалы по истории и археологии России. Т. 1. М.: Александррия. С. 164–175.
- Клейн Л. С.*, 1978. Археологические источники. Л. 119 с.
- Колтаков Е. М.*, 1987. Почему «археологические источники»//Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе. С. 108–119.
- Коваль В. Ю.*, 2004. Исследование керамического материала//Энговатова А. В., Двуреченский О. В., Зайцев В. В., Коваль В. Ю. и др. Средневековое поселение Настасьино/Тр. Подмосковной экспедиции ИА РАН. Т. 2. М.: ИА РАН. С. 21–39.
- Коваль*, 2007. Памятники эпохи поздней бронзы в Коломенском Поочье//АП. Вып. 3/Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 20–22.
- Корякова Л. Н.*, 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск. 239 с.
- Косменко М. Г.*, 1993. Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. СПб.
- Кравцов А. Е.*, 2000. Отчет о полевых исследованиях Мезолитической экспедиции ГИМ в Тарусском районе Калужской области в 1999 г.//Архив ИА РАН. Р-1. № 24148–24150.
- Кравцов А. Е.*, 2001. Отчет о полевых исследованиях Мезолитической экспедиции ГИМ в Тарусском районе Калужской области в 2000 г.//Архив ИА РАН. Р-1. №№ 23670, 23671.
- Кравцов А. Е.*, 2002. О подходах к изучению мезолитических стоянок с нечеткой стратиграфией (по материалам памятников иеневской культуры)//ТАС. Вып. 5. Тверь. С. 60–69.
- Кравцов А. Е.*, 2004. Об источниках для изучения волго-окского мезолита и некоторых принципах их анализа//Проблемы каменного века Русской равнины. М. С. 29–48
- Кравцов А. Е.*, 2009. Исследования на памятниках иеневской культуры (финальный палеолит – мезолит Волго-Окского бассейна)//Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия. М. С. 60–72.

Кравцов А. Е., 2014. Отчет об охранных археологических исследованиях на стоянках Щербинино 1, 2, 6, Карболит и на средневековом производственном комплексе Щербинино 3 (на вновь выявленном объекте археологического наследия «Поселение и могильник Щербинино» и на стоянке Карболит) на территории Орехово-Зуевского района Московской области в 2012 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Кравцов А. Е., Азаров Е. С., Бабкина Е. В., Марьенкина Т. А., Модин Р. Н., 2014. Могильник позднего бронзового века на археологическом памятнике «Поселение и могильник Щербинино» в Подмошковой Мещере // АП. Вып. 11 / Отв. ред. А. В. Энгелова. М.: ИА РАН.

Кравцов А. Е., Леонова Е. В., 2001. Структура памятников и вопрос о периодизации мезолитической иеневской культуры // Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры. Сергиев Посад. С. 133–141.

Крайнов Д. А., 1972. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура II тысячелетия до н. э. М.

Крайнов Д. А., 1987. Фатьяновская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М. С. 58–76.

Леонова Н. Б., 1990. Возможности планиграфии и микростратиграфии при современных полевых исследованиях // КСИА. Вып. 202. С. 13–17.

Матвеева Н. П., 1993. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск. 172 с.

Минькова Е. В., 1990. Методика полевых исследований на верхнепалеолитических памятниках Каменная Балка I и II // КСИА. Вып. 202. С. 17–20.

Никитин А. Л., 1963. Дикариха // МИА. № 110. М.; Л.: АН СССР.

Никитин А. Л. Эпоха бронзы на Плещеевом озере // СА. 1976. № 1.

Патрушев В. С., 1993. Ниточно-рябчатая керамика финноязычных племен России // Финно-угры России. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Вып. 1. Йошкар-Ола. С. 3–20.

Попова Т. Б., 1971. Племена поздняяковской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы / Тр. ГИМ. Вып. 44. С. 154–230.

Попова Т. Б., 1985. Значение орнаментальных мотивов и керамических форм для датировки памятников поздняяковской культуры на Средней Оке // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы / Тр. ГИМ. Вып. 60. С. 119–132.

Попутников В. О., 2014. Описание почвенных разностей на территории и в округе стоянок

группы «Щербинино» (объекта археологического наследия «Поселение и могильник Щербинино») на р. Клязьма в Орехово-Зуевском районе Московской области // Кравцов А. Е., 2014. С. 67–77.

Сапрыкина И. А., 2005. Отчет о результатах поведения археологических разведок в 2005 г. в Орехово-Зуевском районе Московской области (левый берег р. Клязьма) // Архив ИА РАН. Р-1. № 26195.

Сапрыкина И. А., 2008. Отчет об археологических разведках на территории Волоколамского, Солнечногорского, Ступинского, Ленинского, Балашихинского, Орехово-Зуевского районов Московской области в 2006 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Сидоров В. В., 1975. География неолита Подмошковой // Памятники древнейшей истории Евразии. М.

Сидоров В. В., 2013. Взаимодействие культур позднего бронзового века в лесной зоне Восточной Европы // История и культура Ростовской земли. Ростов. С. 5–20.

Смирнов А. С., 1991. Неолит Верхней и Средней Десны. М. 144 с.

Соловьёв Б. С., 2000. Бронзовый век Марийского Поволжья. Тр. Марийской археологической экспедиции. Т. VI. Йошкар-Ола.

Сорокин А. Н., 1987. Опыт исследования мезолитических стоянок с неокрашенным культурным слоем // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. М. С. 238, 239.

Сорокин А. Н., 2004. Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины. М. С. 69–91.

Сорокин А. Н., 2006а. Мезолит Оки. Проблема культурных различий. М. С. 77–95.

Сорокин А. Н., 2006б. Проблемы мезолитоведения. М. С. 7–26.

Ставицкий В. В., Челяпов В. П., 1997. Керамика с ямчато-жемчужной орнаментацией на Верхней Суре и Мокше // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань. С. 94–103.

Сулержицкий Л. Д., Фоломеев Б. А., 1993а. Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна средней Оки // Финно-угры России. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Вып. 1. Йошкар-Ола. С. 20–34.

Сулержицкий Л. Д., Фоломеев Б. А., 1993б. Радиоуглеродные даты археологических памятников бассейна Средней Оки // Древние памятники Окского бассейна. Рязань. С. 42–55.

Фоломеев Б. А., 1974. Жилища стоянки Фелов Бор I // Археология Рязанской земли. М.: Наука. С. 236–252.

Фоломеев Б. А., 1975. Тюков городок // СА. № 1. С. 154–170.

Фоломеев Б. А., 1998. Фактура текстильной керамики бассейна Средней Оки // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7. Рязань. С. 79–105.

Фролов А. С., Жилин М. Г., 1978. Новый памятник мезолита на Верхней Оке // СА. № 1. С. 229–233.

Челяпов В. П., Иванов Д. А., 1998. Поселение поздняяковской культуры Ерахтур V // Археологи-

ческие памятники Среднего Поочья: Сб. науч. тр. Вып. 7. Рязань. С. 59–78.

Шишов Л. Л., Тонконогов В. Д., Лебедева И. И., Герасимова М. И., 2004. Классификация почв России. Смоленск. 341 с.

Худяков Ю. С., 1989. К истории гончарной керамики в Южной Сибири и Центральной Азии // Керамика как исторический источник. Новосибирск. С. 134–152.

Энговатова А. В., 1998. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // ТАС. Вып. 3. Тверь. С. 238–246.

Taute W., 1968. Die Stielspitzen – Gruppen in Nordlichen Mitteleuropa. Köln. 516 p.

A. E. Kravtsov, E. S. Azarov, E. V. Babkina, T. A. Marjenkina, & R. N. Modin

«Scherbinino settlement and burial grounds» – an archaeological site of the Mesolithic – Bronze Age and Middle Ages in the Meschera area of Moscow Region (some results of a study of the cultural layer)

Summary

The archaeological complex “Scherbinino settlement and burial grounds” is located in the Eastern part of Moscow Region, near the town of Orekhovo-Zuevo. It is situated on the first terrace above a floodplain on the left bank of the Klyazma river, at an elevation of 6–7 m above the river. It was found in 2012 during a rescue archaeological study in an area of proposed road construction. Boundaries of the complex were determined based on the analysis of results from some 37 test pits, 26 of which displayed signs of the presence of a cultural layer. The cultural layer is a band of strata of Holocene sand covering the area of the terrace. It is contained in a band of between 5 and 70 m in width, and up to 470 m in length, at the edge of the terrace. The area of the territory containing the cultural layer is about 17000 m². The depth of the cultural layer is from 15 to 40 cm. The cultural layer contains remains of human activity from the Mesolithic, Middle Neolithic, Late Neolithic – Eneolithic, Early and Late Bronze Age, Ancient Russian (XII – XIII century) and Late Middle Ages – Modern period (XVII – XIX century).

The entire territory containing the cultural layer that is situated within the boundaries of the proposed construction was studied by excavation with an area of 1532 m². The dominant material within the boundaries of the excavation dates from the late Bronze Age of the second half of the second millennium BC, and is attributed to the late period of development of the Pozdnyakovskaya culture (PC). In ceramics one can

trace signs of the effect of the culture of “textile” ceramics on the PC. Remains of seasonal settlement of the Pozdnyakovskaya culture were investigated in the Western half of the excavation (sectors 2, 2A – 2G): in the North-East corner of the area of the settlement there was a dwelling (object 5) – rectangular, above ground or slightly immersed, of a framed construction, in a single unit, with a hearth in the middle, and a vestibule by the exit – with dimensions of 9.3x5.3–6.2 m and an area of about 54 m². The probable number of residents of the dwelling was 7–12 (a family?). The main types of activities in the dwelling included – preparation and eating of food, spinning, and some type of work with animal skins and or leather, probably with bone, possibly with wood. By the Northern boundary of the area of the settlement in 4 m to the West of the dwelling there was a structure where flint was worked (objects 6–7): round, immersed, with diameter of up to 2.75 m and depth of up to 1 m. Fire was used in this structure, and clay pottery was likely used episodically. To the South-West of the dwelling in a similar distance there was an oval pit (object 8) with traces of burning and remains of a large pot-like vessel. In 2.5–3.5 m to the SE of the exit from the dwelling by the South-West edge of the area of the settlement and close to the edge of the terrace there was a fire pit (object 4). Inside the area of the settlement in a distance of 11–21 m to the West-South-West and South-West of the dwelling there were found burier grounds pertaining to the same culture. Its materials

are published elsewhere in this book (Kravtsov, et al., 2015). Very probably the people buried here were residents of the settlement studied by the excavation.

The central area of the settlement was adjoined on the North and North-East by the zone of household activity. It stretched 130 m to the North-East of the East boundary of the area of the settlement. There were found two fire pits of the Pozdnyakovskaya culture (objects 2 and 3) and a pit with traces of burning (object 1) probably connected to a short-term settlement of the Fatyanovo culture of the Bronze Age.

Test pits 18 and 19 in the North-East part of the area of the archaeological site revealed a short-term Mesolithic camp. In the excavation area materials

of this period were rendered by only few findings, grouped in the edge strip of the terrace, which are connected with episodic visits of the studied territory by the various hunting groups.

Test pit 31 revealed a short-term camp of the Middle Neolithic; test pit 30 revealed one of the late Neolithic – Eneolithic. Test pits 7 and 9 – 21 in the Western part of the territory of the archaeological complex revealed remains of a rural Russian settlement of the XII – XIII cent. One of the main activities of the dwellers of this settlement was iron smelting using the marsh ore. Its presence in the small lowering of the relief near the North boundary of the settlement was confirmed by test pit 25.

**А. Е. Кравцов, Е. С. Азаров, Е. В. Бабкина,
Т. А. Марьенкина, Р. Н. Модин**

Могильник позднего бронзового века на археологическом памятнике Поселение и могильник Щербинино в Подмосковной Мещере

Могильник позднего бронзового века в составе археологического комплекса «Поселение и могильник Щербинино»¹ находится на левом берегу р. Клязьмы, на территории Орехово-Зуевского района Московской области, в 2,25 км к востоку от южной окраины д. Щербинино и в 1,00–1,05 км к ЮЮЗ от западной оконечности ул. Бондаренко на южной окраине микрорайона Карболит г. Орехово-Зуево. Могильник выявлен в 2012 г. при спасательных археологических раскопках Подмосковной экспедиции ИА РАН, задачей которых являлось исследование культурного слоя в полосе отвода под строительство участка автодороги А-108 (Кравцов и др., 2015). В качестве погребений определены три объекта, обнаруженные глубже основания культурного слоя. Они располагались в краевой полосе площадки первой надпойменной террасы на расстоянии 9,0–15,5 м от ее перехода во фронтальный уступ террасы, на высоте 3,0–3,5 м над прилегающей к уступу поймой или 6,5 м над уровнем воды в Клязьме по состоянию на август 2012 г. (121,5 м по балтийской системе высот) (Кравцов и др., 2015. Рис. 1).

Погребения находились на участках 2А, 2Б, 2В раскопа, в юго-западной его части (Кравцов и др., 2015. Рис. 1), на расстоянии от 1,7 до 9,5 м друг от друга. Погребение 1 находилось всего в 2,4 м от западной границы раскопа. Это дает основание предположить, что могильник исследован раскопками не полностью и распространяется на территорию к западу от раскопа и полосы отвода под дорожное строительство.

Погребения группировались на территории, совпадающей с частью площадки поселения поздней стадии поздняяковской культуры позднего бронзового века (Кравцов и др., 2015), в 9–18 м к ЗЮЗ и ЮЗ от юго-западного, прилежащего к стороне с выходом, угла жилища (объекта 5), которое находилось в северо-восточной части площадки. В 4 м к западу от западной боковой стороны жилища, у северной границы поселения, находилось углубленное сооружение, в котором обрабатывался кремень (объект 6–7). В 4 м к ЮЗ от выхода из жилища, в срединной части площадки поселения – яма со следами горения (объект 8), с неполным развалом крупного горшковидного сосуда – возможно, место приготовления пищи. В 2,5–3,5 м к ЮВ от выхода из жилища, на юго-восточном краю площадки поселения, у края площадки террасы – кострище (объект 4). В 17 м к ЮЗ от выхода из жилища, на том участке площадки поселения, где выявлен могильник, находилась еще одна яма (объект 9) с неполным развалом крупного слабопрофилированного сосуда, в нижней части тулова которого имелось проколотое отверстие. Последний из перечисленных объектов культурного слоя находился среди погребений 1–3.

Обнаружение могильника оказалось неожиданным. До выявления первого погребения, получившего впоследствии номер 3, завершённые раскопки на площади более 1000 кв. м (участки 1–1А; 1Б–1Г; 2; 2А) не выявили погребений, за исключением выборки заполнения нескольких биогенных структур.

¹ Далее – ПМ Щербинино.

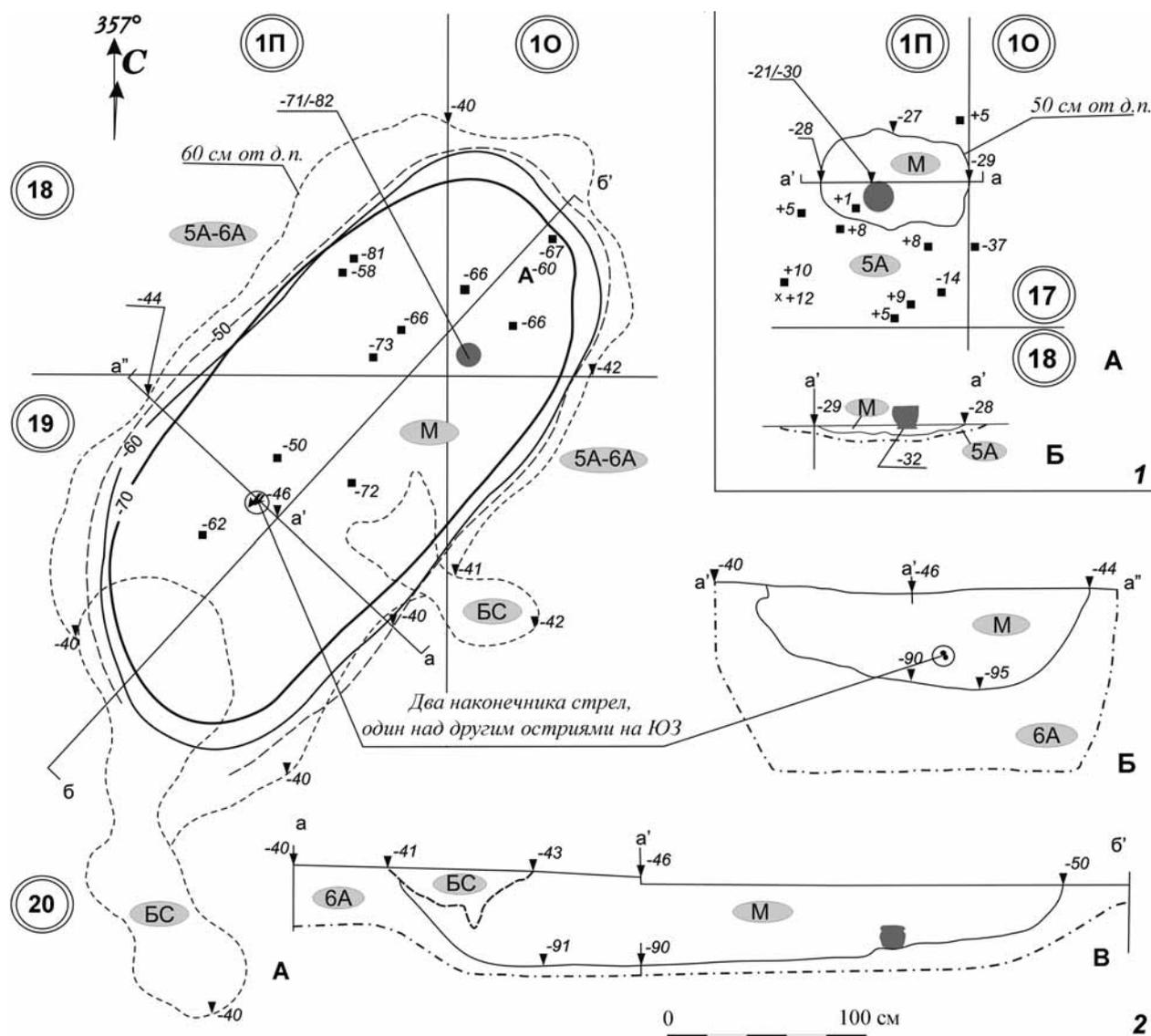

Рис. 1. «Поселение и могильник Щербинино». Раскоп 1. Погребения 3 и 1 (усл. обозн. см. рис. 3)

1 – погребение 3: А – план; Б – продольный разрез.

2 – погребение 1: А – план; Б – поперечный разрез; В – продольный разрез

Ниже приводится описание исследованных погребений в порядке их обнаружения: погребение 3; погребение 1; погребение 2.

Погребение 3 (структура № 28) (рис. 1, 1; рис. 2, 5). Находилось на участке 2Б в восточной части кв. 1П-17. Здесь, в 60–70 см к северу от южной и в 40–50 см к западу от восточной границы квадрата, на глубине около 40 см от дневной поверхности, к которой горизонт залегания вещевого археологического материала культурного слоя был уже пройден, начали вновь отмечаться кон-

центрировавшиеся находки крошки и мелких обломков лепной керамики. Эти предметы залегали в пестровато-палевом песке нижней половины горизонта 4А²; признаков наличия какой-либо структуры (пятна) по месту находок не наблюдалось.

Предполагая, что глубже залегают более крупные черепки, которые режутся при зачистке лопатой, рабочие попытались расчистить их совком. При этом образовалась выемка размером до 30×30 см, глубиной 5–6 см, в центре которой оказался раскрытым на половину высоты развал небольшого

² Развернутая характеристика горизонтов 4А, 5А, 6А дана в отдельной публикации в настоящем сборнике (Кравцов и др., 2015) в рубрике «Стратиграфия памятника».

вертикально стоявшего сосуда. При последующем углублении раскопа выемка была срезана зачистками, а вокруг сосуда на глубине минус 27 – минус 30 см (50 см от дневной поверхности) обозначилось пятно буровато-серо-коричневого песка. Фон пятна – песок рыжеватый на контакте горизонтов 4А и 5А. Пятно неправильно-прямоугольное, вытянуто по линии ЗСЗ – ВЮВ, 74×50 см.

По выполненному через центр пятна продольному разрезу зафиксирована западина блюдцевидного профиля, заполненная песком, аналогичным распространенному в границах пятна. Она вдаётся в горизонт 5А на 4 см от глубины фиксации пятна до отметки –32 см, приблизительно на 57 см от дневной поверхности. Западина соответствует наиболее углубленной части не прослеживавшейся в горизонте 4А могильной ямы, вблизи от центра которой, со смещением к ЮЗ, и был поставлен сосуд. Кроме нарушенной зачисткой верхней части, сосуд сохранился *in situ* на глубине минус 21 – минус 30 см. Его в основном удалось реставрировать (рис. 2, 5). Сосуд изготовлен из глины с бурыми железистыми включениями, без видимых искусственных примесей; гладкостенный; с плоским без закраины днищем; баночной формы. Лепка небрежная (в связи с чем параметры сосуда изменчивые), обжиг слабый. Венчик прямой вертикальный. Под краем – поясок круглых ямчатых вдавлений. Высота сосуда – 8,1–8,6 см; диаметр устья внешний – 12–13 см; толщина стенок 0,5–0,6 см, плоского днища – 0,7–0,8 см.

Интерпретация структуры № 28 в качестве остатков погребения основывается на полной (до повреждения зачисткой) сохранности сосуда, его небольших размерах, вертикальном положении в яме; аналогиями в материалах могильников поздняяковской культуры и культуры ранней сетчатой керамики, а также нахождением в компактной группе объектов могильника, которые, однако, ко времени выявления погребения 3 еще не были обнаружены. Как остатки погребения структура № 28 определена только после выявления погребения 1 – следующего за ней по порядку обнаружения.

Погребение 1 (структура № 23) (рис. 1, 2, А, Б, В; рис. 2, 1–3). Находилось на участке 2В на квадратах 1Р, 1П, 1О-18, 19. Впервые зафиксировано как пятно структуры № 23 на глубине ~55–60 см от дневной поверхности с отметками от -39 до -46 см на месте отмечавшейся на кв. 1О-18, 19; 1О, 1Н-19; 1О-20; 1П-19, 20 в средней – нижней части горизонта 4А с глубины ~40 см группы аморфных гумусированных пятен биогенных структур без

номера. В границах пятна структуры № 23 песок слабо гумусированный пестроватый белесоватый, в краевой части рыжевато-бежевый, в срединной – коричневато-серо-палевого оттенка. Фон – рыжеватый песок горизонта 5А с проступающими пятнами песка коричневато-серого с ортзандами горизонта 6А.

Пятно структуры № 23 аморфное, вытянутое по линии ЮЗ – СВ, с аморфными выступами в юго-западной и юго-восточной части, соответственно, серо-коричневым и бежевым. Как и прослеживавшиеся выше пятна биогенных структур, оно было приурочено к корневой системе старой сосны, оставшейся не вырубленной на границе кв. 1О-19 и 1О-20. В связи с этим первоначально предполагалось, что структура № 23, как и различавшиеся выше по толще, биогенная – связана с процессами почвенного питания дерева и/или жизнедеятельностью микроорганизмов вокруг его корневой системы. Во включении в структуру продолжали встречаться единичные находки, однако это было обычным для ПМ Щербинино явлением и не давало повода для предположения об ее антропогенном характере.

Однако уже при незначительном последующем углублении раскопа пятно структуры № 23 на фоне песка горизонта 6А начало быстро приобретать все более четкие удлиненно-овальные очертания, зафиксированные на уровне -50 см (4–11 см ниже глубины первой фиксации структуры № 23). По форме пятно определено как следы могильной ямы, вытянутой по линии ЮЗ – СВ. Оно имело размытую юго-западную границу, размеры 335–337×164–165 см.

Вскрытие структуры производилось по частям, что позволило зафиксировать ее продольный разрез через центр пятна и поперечный, оказавшийся из-за низкой четкости юго-западной границы смещенным от центра пятна к юго-западной его трети. В плане пятно фиксировалось на уровнях -60 и -70 см; границы были четкими; очертания, в целом, прежними – удлиненно-овальными с параллельными друг другу срединными участками боковых краев. Размеры пятна плавно уменьшались, сократившись к глубине -70 см до 308×136 см. Профиль могильной ямы близкий к корытообразному; дно не вполне ровное, в северо-восточной части с уступом высотой до 5 см; северо-западная половина ямы на 12–13 см глубже юго-восточной. Северо-восточная и юго-западная стенки ямы ровные, с наклоном примерно 45°; северо-западная и юго-восточная – неровные, с наклоном 50–60°. Максимальная глубина

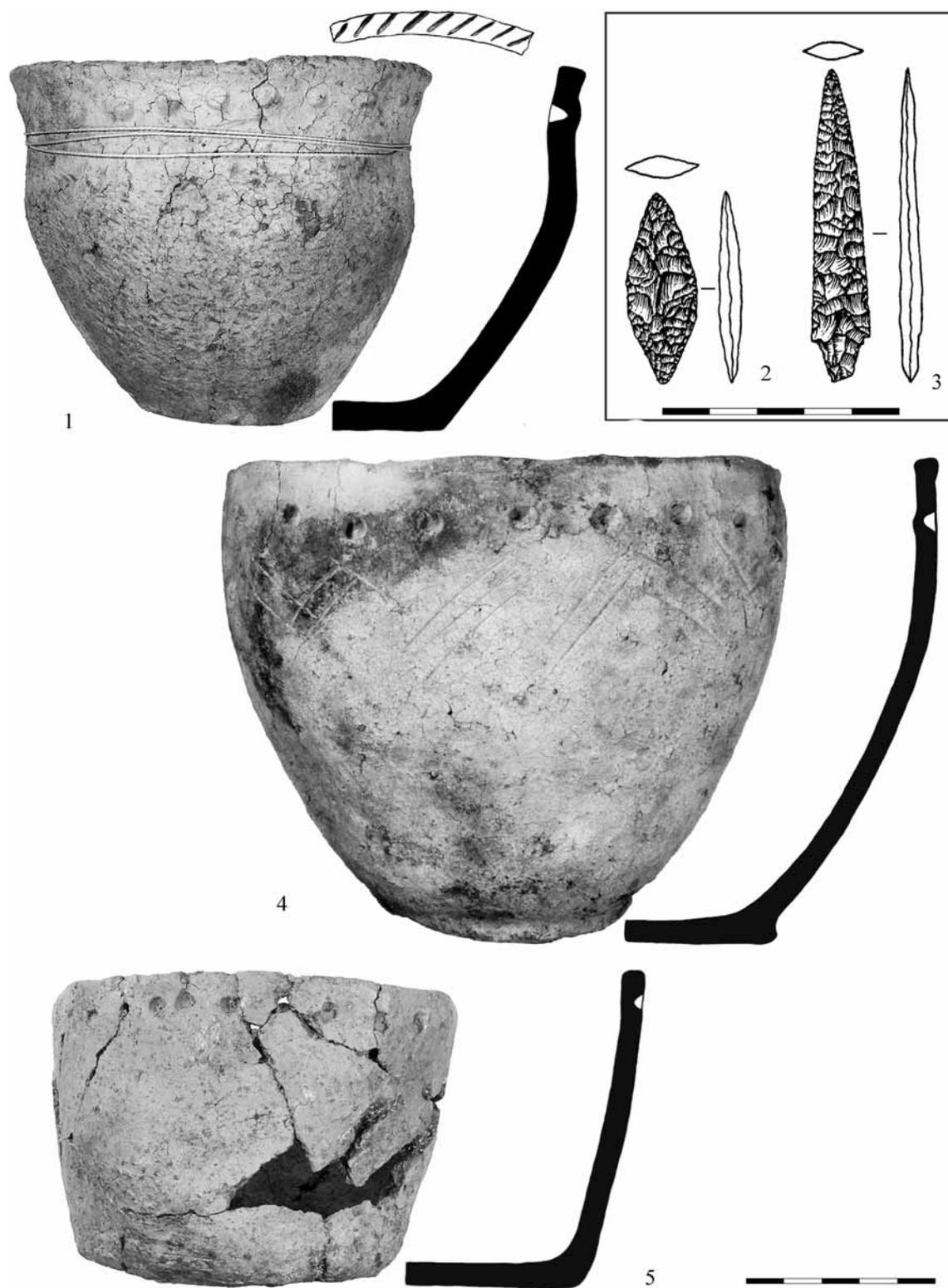

Рис. 2. Поселение и могильник Щербинино. Раскоп 1. Инвентарь погребений

1–3 – сосуд и кремневые наконечники стрел из погребения 1; 4 – сосуды из погребения 2; 5 – сосуд из погребения 3

могильной ямы от уровня первой фиксации в плане – 54 см (-41/-95 см); от дневной поверхности – 115–116 см. В северо-восточной четверти ямы, в 48 см от ее юго-восточной границы, в 76 см от северо-восточной, на дне, на площадке уступа на глубине -71/-82 см обнаружен плоскодонный сосуд в вертикальном положении. На линии поперечного разреза в 56 см от северо-западной границы ямы, в 104 см от юго-западной, на глубине -78 см найдены два кремневых наконечника стрел, лежавшие друг на друге остриями на юго-запад. В заполнении могильной ямы на разных глубинах встречено 11 археологических предметов, не являющихся частью погребального инвентаря: 10 мелких обломков (включая крошку) гладкостенных сосудов эпохи бронзы, в том числе, фрагмент отогнутого венчика с «жемчужинами» под краем (остальные без орнамента), и обломок кварцевой абразивной плиты. Не вызывает сомнения, что они попали в заполнение ямы при ее засыпке грунтом, включившим хозяйственные остатки, отложившиеся на территории поселения.

Инвентарь погребения. Сосуд из глины без видимых примесей и включений; большая часть внешней поверхности (примерно на три четверти высоты) покрыта «текстильными» «рябчатými» отпечатками, образованными средними по размеру для культуры текстильной (сетчатой) керамики (далее – КТК) и поздняяковской культуры (далее – ПК) элементами вытянутых пропорций. Сосуд горшковидный, слабо профилированный. Наиболее широкая часть тулова на высоте чуть ниже двух третей общей высоты сосуда, немного меньшего диаметра, чем его устье. Венчик слабо отогнут наружу, по срезу косые насечки; под краем поясок «жемчужин». Лепка небрежная, размеры изменчивые: высота – 9,4–9,8 см; диаметр устья внешний – 12,7 см; максимальное расширение тулова – 12 см; диаметр дна – 5,5–6,0 см; толщина стенок – 0,6 см.

Наконечники стрел черно-серого и черного кремня хорошего качества, возможно, из одной отдельности сырья. Изделия из такого кремня в культурном слое памятника малочисленны (не более 3–5%). Оба наконечника обработаны полной двухсторонней покрывающей среднефасеточной ретушью, плоской и пологой, на краях насадов дополненной миниатюрной полукрутой (притупляющей). Один – листовидный; соотношение длины и ширины – 2,7:1. Второй – с коротким

четко выделенным черешком и остроугольными короткими шипами; соотношение длины и ширины наконечника – 5:1; длины пера и длины черешка – 6,3:1.

Оба находят многочисленные аналогии в материалах памятников эпохи бронзы в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы (Черных, Кузьминых, 1989. Рис. 106, 44, 47; Большов, 2003. Рис. 18, 12; Соловьев, 2000. Рис. 62, 37, 38). Иногда наконечники обеих разновидностей формы встречаются на каком-либо одном памятнике. Известны они, например, в материалах курганного могильника ПК Коренец (Попова, 1965. Рис. 4, 9, 10, 11), но происходят из разных погребений.

Погребение 2 (структура № 27) (рис. 3, А, Б, В, Г; рис. 2, 4). Находилось на участке 2А на квадратах 1М, 1Л-13, 14. Выявлено при вскрытии темноцветной аморфной биогенной структуры без номера, прослеживавшейся на вышеуказанных квадратах и кв. 1Л-12 от середины – нижней половины горизонта 4А с глубины 60–70 см от дневной поверхности (минус 52 – минус 65 см). Выше по толще, от основания горизонта 3А, фиксировалась еще одна биогенная структура без номера, отделенная от первой песками верхней – средней части горизонта 4А. Во включении в эту нарушающую верхнюю часть горизонта 4А структуру на границе квадратов 1М-13 и 1Л-13 на глубине около 25–38 см от дневной поверхности (-5/-18 см) обнаружено скопление фрагментов крупного гладкостенного баночного сосуда, впоследствии частично реставрированного, выделяющегося в комплексе керамики ПК из культурного слоя памятника сравнительно богатой орнаментацией (в верхней четверти – трети сосуда – пояски из «жемчужин» и наколов; горизонтальная зона наколов, завершающаяся фестонами; при переходе тулова в днище – поясок косо поставленных нарезков) (Кравцов и др., 2015. См.: «Вещевой археологический материал из культурного слоя», третий развал. Рис. 18, 1). Обе структуры были приурочены к корневым системам сосен, оставленных не вырубленными на технической бровке на квадратах 1М, 1Л-12; 1М-13, 14³, и, возможно, представляли собой части единой структуры, возникшей в связи с биологическими и химическими процессами вокруг корней.

Биогенный характер структур представлялся очевидным. Поэтому вскрытие структуры с глубины 60–70 см производилась не зачисткой, а посредством выемки заполнения совком. При выборке

³ После выявления погребения 2 и фиксации разреза по восточной стенке техническая бровка была разобрана в восточной половине кв. 1М-13 и северо-восточной части кв. 1М-14 и разделилась, таким образом, на две.

северной части структуры на кв. 1Л-13 на глубине около 100 см от дневной поверхности (-85 см) был раскрыт край целого сосуда, находившегося почти точно под местом обнаружения вышеупомянутого скопления фрагментов богато орнаментированного баночного сосуда. Выяснилось, что биогенная структура маскирует следы нарушенной корнями могильной ямы (структуры № 27), которую удалось различить по слабо заметным цветовым переходам в разрезе а – а' – а'' по восточной стенке технической бровки. С опорой на зафиксированный профиль после разбора части технической бровки на глубине -60 и -70 см прослежена западная половина пятна могильной ямы, в границах которой находился песок белесоватый палевый и серо-палевый. Восточная часть пятна для этих глубин реконструирована. На глубине -80 и -90 см оно зафиксировано уже в полных границах. Фон пятна – рыжеватый песок горизонта 5А с постепенно проступающими и расширяющимися по мере углубления раскопа пятнами коричнево-серого с ортзандами песка горизонта 6А. Пятно ямы вытянуто по линии ЮЮЗ – ССВ; на глубине первой фиксации (70–80 см от дневной поверхности) овальное, приблизительно до 244×158 см. По мере приближения к дну ямы его длинные боковые края и короткие торцевые постепенно выпрямляются и становятся попарно субпараллельными. В придонной части яма приобретает подпрямоугольные с закругленными углами очертания; размеры пятна на уровне -90 см – до 228×120 см. В сечениях яма корытообразная, слабо асимметричная. Глубина от нижней границы горизонта 4А (мощность заполнения прослеживавшейся части ямы) – 48 см, от дневной поверхности – около 115 см. Угол понижения бортов ямы к дну – 40–60°. Дно на отметках минус 95 – минус 101 см, ровное, субгоризонтальное. Погребальный инвентарь представлен сосудом, благодаря обнаружению которого выявлено погребение. Он находился на дне ямы, в 30 см от северо-северо-восточного, в 24 см от западно-северо-западного края пятна, в вертикальном положении, на глубине -85/-98 см.

Сосуд из глины с примесью песка, гладкостенный, плоскодонный, баночной формы (рис. 2, 4). Лепка небрежная, размеры изменчивые: высота – 12,6–12,9 см; диаметр устья внеш-

ний – 15,8–16,1 см; диаметр донца – 7,8–8,1 см; толщина стенок – 0,6 см. Венчик прямой вертикальный с небольшим наплывом на внешней стороне. По срезу косые насечки. Донце с небольшой асимметричной закраиной. Орнамент – в верхней трети тулова. Под краем – поясок круглых ямчатых вдавлений; чуть ниже – поясок горизонтального зигзага, нанесенного прочерченными линиями, местами сдвоенными и строенными. Местами зигзаг пересекается под углами, близкими к прямым, парами или группами из трех-четырёх аналогичных линий, в результате чего в него включены участки ромбической решетки.

В заполнении могильной ямы, во включении в структуру № 27, встречен единичный мелкий фрагмент гладкостенной керамики эпохи бронзы. Еще несколько подобных фрагментов и единичный обломок кальцинированной кости найдены в перекрывающей структуру проработанной почвенными процессами части толщи. Некоторые из этих находок, вероятно, происходят из заполнения верхней, не прослеживавшейся по каким-либо морфологическим признакам части могильной ямы. Близ юго-восточного края ямы в кв. 1Л-14 в культурном слое в совместном залегании с керамикой эпохи бронзы и расщепленными кремнями найдена стеклянно-металлическая пуговица XVIII–XIX вв. (Кравцов и др., 2015. Рис. 8, 31).

Сосуд из погребения 3 относится к разновидности простых баночных сосудов, широко распространенных в Восточной Европе в культурах лесной, лесостепной, севера степной зон во II тысячелетии до н. э., в том числе на памятниках позднего этапа ПК. Ближайшие аналогии по сочетанию признаков простой баночной формы и наличия пояса круглых ямчатых или ямчатых вдавлений под краем отмечаются в материалах могильника Феллов Бор II, в частности, в инвентаре погребений 11, 19, 30 (Попова, 1988. Рис. 3, 12; 5, 4; Азаров, в печати. Рис. 12, 3)⁴, где небольшие «банки» встречены вместе с более крупными орнаментированными профилированными сосудами.

Сосуд из погребения 2 по форме и орнаменту находит многочисленные аналогии не только в погребальных (Попова, 1965. Рис. 3, 3, 6; Челяпов, 1992а. Рис. 9, 4; 17, 5; 18, 1; Челяпов, 1996. Рис. 8, 2, 3) и поселенческих (Челяпов, 1992б, Рис. 1, 16;

⁴ Сосуд из погребения 19 не опубликован; изображение в полевом отчете (Попова, 1973) отсутствует. Следует отметить, что между публикацией материалов могильника Феллов Бор I (Попова, 1988) и отчетной документацией 1970 и 1972 гг. существуют противоречия. Взяв за основу отчетную документацию (Попова, 1971; 1973), приведем установленные данные о фактическом соотношении рисунков в публикации: погребение № 7 – рис. 3, 10; № 9 – рис. 3, 9; № 19 – рис. 5, 1; № 20 – рис. 4, 10 (?); № 21 – рис. 4, 11; № 24 – рис. 4, 9; № 27 – рис. 5, 10; № 30 – рис. 5, 4; № 33 – рис. 5, 8, 9.

Попова, 1985. Рис. 4) комплексах ПК, в керамике обширного «срубного мира» («История самарского...», 2000. Рис. 12, 13; 15, 6; 18, 9; 20; 22). Подобные высокие миски с прямым венчиком, часто с зигзагообразным орнаментом, широко распространены в середине – второй половине II тысячелетия до н. э. на тех же территориях Восточной Европы, где отмечены аналогии сосуду из погребения 3. Более или менее сложные орнаменты на основе зигзага, сходные с орнаментом на сосуде из погребения 2, встречаются на керамике из погребений в курганных и грунтовых могильниках ПК Лебяжий Бор, Засеченский, Фефелов Бор и других (Беседин, Сафронов, 1996а), в материалах срубной и абашевской культур (Беседин, Сафронов, 1996б); исследователи связывают их с календарными представлениями носителей этих культур.

Сосуд из погребения 1 отличается от двух предыдущих как по форме, так и по наличию на внешней поверхности тулова «текстильных» отпечатков, являющихся в позднем бронзовом веке Волго-Окского бассейна различительным признаком КТК. Погребальные памятники этой культуры исследованы гораздо слабее поздняяковских, что сужает круг поиска аналогий. Обломки венчиков слабо профилированных сосудов КТК, по А. Л. Никитину, «ложнотекстильных», декорированных под краем пояском «жемчужин», найдены в культурном слое на территории могильника Дикариха в Ярославской области (Никитин, 1973, Рис. 5, 3), однако в погребениях этого могильника и в сопровождавших погребения ямах горшковидные сосуды с «текстильными» отпечатками и «жемчужинами» под краем, подобные щербинскому, судя по публикации (Никитин, 1973), не встречены.

Более-менее сходные с этим сосудом по форме слабо профилированные горшки с расширенным относительно тулова устьем найдены в жилище 2 на поселении КТК Фефелов Бор I (Фоломеев, 1974. Рис. 3, 2) и в погребении 4 грунтового могильника ПК Дмитриевская слобода I (Зеленцова, 2007. Илл. 139, 1). Однако в обоих случаях эти сосуды более крупные, с округленным дном; без текстильных отпечатков на поверхности.

Отметим, что находки в погребальном инвентаре волго-окских могильников, кроме Дикарихи, сосудов с «текстильными» отпечатками, единичны. В частности, такой сосуд обнаружен в погребении 65 могильника Фефелов Бор II⁵ (Азаров, в печати).

Рис. 10, 1). Сосуд крупный (высотой около 45 см), с яйцевидным удлинённым туловом, округло-приостренным дном, с довольно сложным многорядным орнаментом, образованным нанесенными зубчатым штампом горизонтальными прямыми линиями и горизонтальным зигзагом, круглыми ямочными вдавлениями. Эта находка интерпретируется как свидетельство контактов носителей КТК и ПК в ранний период их сосуществования, во второй четверти II тысячелетия до н. э. (Азаров, в печати. С. 358).

Кроме этой находки должен быть упомянут не опубликованный крупный фрагмент верхней и средней части слабо профилированного горшковидного сосуда из погребения эпохи бронзы на стоянке Ловцы I в Ростовском районе Ярославской области. Под краем сосуда – поясок ямок; ниже – зона зубчатого орнамента. Ниже нее тулово сосуда до слома покрыто «текстильными» «рябчатými» (по В. В. Сидорову, штампованными) отпечатками (Сидоров, 1990).

Сосуд из погребения 1 ПМ Щербинино является третьей (без учета материалов Дикарихи) находкой такого рода, отражающей, как и предыдущие, взаимодействие ПК и КТК, которое отчетливо прослеживающееся и по керамическому материалу из культурного слоя памятника, в частности, по полузамкнутому комплексу из жилища (Кравцов и др., 2015).

В связи с единичностью находок «текстильной» керамики в погребальных комплексах Волго-Окского бассейна обращает на себя внимание отсутствие сосудов с «текстильными» отпечатками и в погребальном инвентаре средневолжской (акозинской) культуры раннего железного века (генетически связанной с КТК Волго-Окского бассейна – Чижевский, 2008. С. 34), на поселениях которой обломки сосудов с «текстильными» отпечатками преобладают (Соловьев, 1995. С. 80; Кузьминых, 1983. С. 157).

Представляется, что погребения ПМ Щербинино, в целом, могут быть синхронизированы с наиболее поздними памятниками поздняяковской культуры. По-видимому, оставившая могильник группа людей являлась носителем смешанных культурных традиций: более выраженных поздняяковских и традиций культуры «текстильной» керамики, что соответствует определению комплекса могильника как относящегося к ПК с признаками влияния КТК.

⁵ Изображение двух сосудов из погребения 65 также отсутствует как в публикации Т. Б. Поповой (1988), так и в полевом отчете (Попова, 1975).

Планиграфия исследованной раскопками части ПМ Щербинино требует вернуться к анализу некоторых находок и объектов, рассматривавшихся в контексте культурного слоя памятника (*Кравцов и др.*, 2015), но, возможно, связанных не с хозяйственной деятельностью на поселении, а с совершением обрядовых действий, которыми сопровождалось погребение умерших и/или поминки. Наличие объектов такого рода, представленных кострищами с обломками кальцинированной кости и развалами сосудов, характерно для могильников ПК (*Попова*, 1988. С. 117), и щербининский могильник, по-видимому, не является отклонением от этой культурной нормы.

Так, почти полностью исключается случайность точного совпадения в плане (рис. 3) сосуда, находившегося в погребении 2, и обнаруженного на 80 см выше по толще неполного развала (скопления обломков) крупного баночного богато орнаментированного сосуда (рис. 3, А, Б; 2, 4) (*Кравцов и др.*, 2015. Рис. 21, 1. Описание см. там же: «Вещевой археологический материал из культурного слоя»; третий развал). Основываясь на таком совпадении, мы должны предположить, что между погребением 2 и появлением на его месте фрагментированного баночного сосуда существует причинно-следственная связь. В соответствии с этим представляется возможным интерпретировать развал как следы тризны, совершенной на месте погребения. Скорее всего, следами этой тризны является и единичный обломок кальцинированной кости, найденный чуть глубже развала над южной частью погребения (остальные обнаруженные в раскопе кальцинированные кости происходят, в основном, из объекта 5, с «пола жилища», из области очага; незначительная часть – из объекта 4 (кострища)).

Возможно с могильником связан и еще один сосуд, который удалось частично восстановить из обломков, найденных на квадрате 10-22 участка 2В (*Кравцов и др.*, 2015. Рис. 2; 21, 2. Описание см. там же: «Вещевой археологический материал»; четвертый развал). Обломки сосуда (всего 15 экз.) обнаружены на глубинах, приблизительно, от 18 до 66 см от дневной поверхности (-16/-64 см) почти по всей толще горизонта 4А и единично во включении в биогенную структуру без номера, прослеженную в этом горизонте на кв. 10, 1Н-21, 22. Они залежали в небольших группах и разрозненно на расстоянии до 1,6 м друг от друга, в 4,6–6,1 м к ЮЮВ от южного края могильной ямы погребения 1.

Сосуд слабо профилированный; форма горшковидная, близкая к баночной; на три четверти вы-

соты с внешней стороны покрыт хорошо различимыми «текстильными» «рябчатыми» отпечатками из удлинённых «ногтевидных» элементов. В верхней четверти, где «текстильные» отпечатки заглажены, сосуд орнаментирован (горизонтальные линии и зигзаг, выполненные гладким (?) штампом; поясок ямок). На внутренней стороне в нижней половине сосуда – следы нагара. По форме, пропорциям, наличию, характеру, локализации «текстильных» отпечатков он близок к сосуду из погребения 1; имеет немного больше в сравнении с ним размеры. Сосуд может происходить из полностью разрушенного погребения в неглубокой яме, следы которой остались не выявленными (и не могли быть выявленными в горизонте 4А – см.: *Кравцов и др.*, 2015. «Стратиграфия памятника»), либо, как сосуд, найденный над погребением 2, может представлять собой следы тризны.

Вполне вероятно принадлежность к комплексу могильника одной из структур, описанных среди объектов культурного слоя памятника – объекта 9 (структуры № 21) (*Кравцов и др.*, 2015. См.: «Структуры, выявленные во вскрытой толще ...» и «Вещевой археологический материал», второй развал. Рис. 17, 1А, Б, В; 18, 1) на квадратах 1Н-16, 17 участка 2В (рис. 3). Этот объект представлял собой следы выявленной от верхней границы горизонта 5А ямы асимметрично-чашевидного профиля, овальной, вытянутой по линии ЮЮЗ – ССВ, 160×93 см, глубиной до 30 см от уровня выявления (до 95 см от дневной поверхности), заполненной слабо гумусированным пестроватым коричневато-серым песком с редкими включениями угольков. На дне ямы находился неполный развал лежавшего на боку сосуда – приблизительно одна вторая его часть, полный профиль. Сосуд из глины с примесью дресвы и песка, гладкостенный грубый слабопрофилированный горшковидный плоскодонный. Крупный: высота около 32 см; диаметр устья до 17 см; диаметр днища с закраиной до 9,5 см. По срезу косые насечки; по горлу поясок ямчатых вдавлений. В нижней части тулова проколотое отверстие диаметром 9 мм.

Предложенная авторами статьи интерпретация объекта: хозяйственная яма на поселении ПК. Альтернативная интерпретация была предложена консультировавшим авторов В. В. Сидоровым. По его мнению, структура с включенным развалом является объектом не культурного слоя, а могильника и, скорее всего, представляет собой следы погребения⁶. С выводом В. В. Сидорова о принадлежности объекта к могильнику, по-видимому, следует согласиться: он подтверждается находением

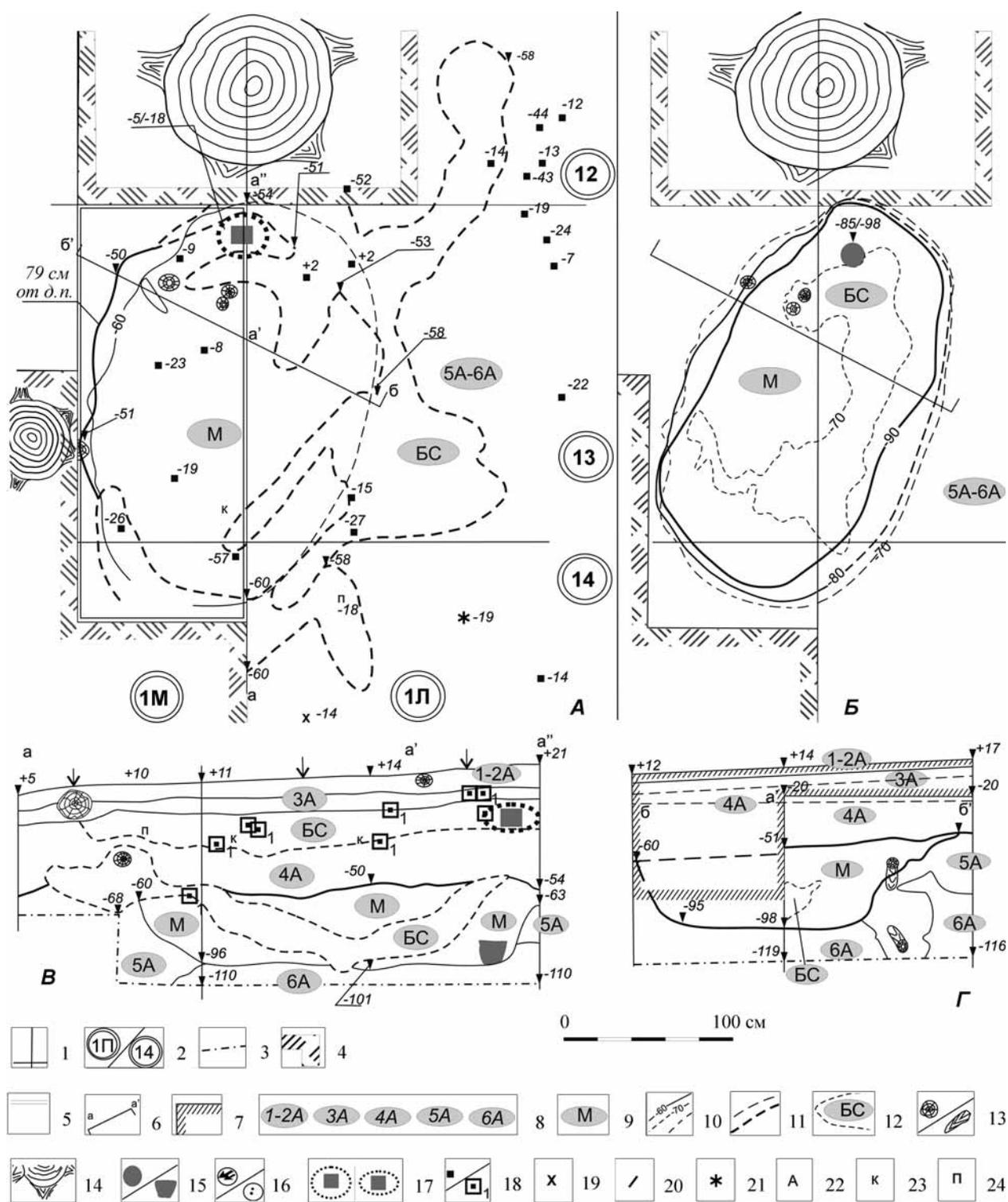

Рис. 3. «Поселение и могильник Щербино». Раскоп 1. Погребение 1

А – план на глубине выявления и на глубине -60 см; *Б* – план на глубинах -70, -80, -90 см; *В* – разрез по линии *а – а' – а''*; *Г* – разрез по линии *б – а' – б'*. 1 – сетка раскопа; 2 – линии квадратов; 3 – дно раскопа; 4 – техническая бровка; 5 – линии разрезов; 6 – реконструированная часть профиля; 7 – структурные компоненты профиля, различавшиеся при археологической фиксации (описание см. в настоящем сборнике: *Кравцов и др.*, 2015, в рубрике «Стратиграфия памятника»); 8 – заполнение могильной ямы; 10 – границы могильной ямы на разных глубинах; 12 – биогенная структура; 13 – корни; 14 – деревья; 15 – сосуд в плане/в профиле; 16 – наконечники стрел в плане/в выноске на микропрофиль; 17–24 – находки «в слое», в том числе, в заполнении могильных ям: 17 – скопление обломков сосуда (неполный развал), план/микропрофиль; 18 – обломок сосуда эпохи бронзы, план/микропрофиль; 19 – отщеп, осколок; 20 – пластинчатый скол; 21 – кремневое орудие, отщеп с ретушью; 22 – обломок абразивной плиты; 23 – кость кальцинированная; 24 – пуговица (стекло, металл; XVIII–XIX вв.)

объекта между погребениями 2 и 1, образующими вместе с объектом 9 ясно выраженный, хотя и короткий, ряд, что характерно для структуры грунтовых могильников ПК; а также имеет ориентировку, близкую к ориентировке этих погребений. Определение объекта в качестве погребения звучит не убедительно, так как с погребениями 1–3 он различается по ряду существенных признаков: по сравнительно более темноцветному гумусированному заполнению ямы; по ее чашевидной профилировке; по гораздо большему, чем в указанных погребениях, размерам сосуда; по положению сосуда в яме «на боку»; по наличию в яме только части сосуда (при вполне удовлетворительной сохранности керамики). Представляется, что объект соответствует остаткам тризны на территории могильника. Такой интерпретации соответствует явная принадлежность сосуда к группе кухонных, использовавшихся для приготовления пищи (в данном случае, судя по отверстию в придонной части, какого-то кисломолочного продукта) и, возможно, для коллективной трапезы.

Наконец, следует указать, что, по мнению В. В. Сидорова, с могильником функционально связана еще одна структура, в которой найден развал сосуда – объект 8 (структура № 22) на квадратах 13, 1Ж-14 участка 2А⁷ (Кравцов и др., 2015. См.: «Структуры, выявленные во вскрытой толще ...» и «Вещевой археологический материал», первый развал. Рис. 17, 1; 18, 2А, Б, В). Авторами этот объект интерпретируется как хозяйственная яма на поселении ПК, использовавшаяся для приготовления пищи, в которой или рядом с которой непродолжительное время горел костер (Кравцов и др., 2015. См.: «Структуры, выявленные во вскрытой толще ...»). Яма слабо асимметричного чашевидного профиля, овальная, вытянутая по линии 3–В, в прослеженной части до 153×110 см, глубиной до 34 см от уровня выявления (до 112 см от дневной поверхности). В заполнении ямы песок пестрый серо-палевый белесоватый; одну из стенок и дно выстилает темноцветная гумусово-углистая линза. На дне – неполный развал крупного слабопрофилированного горшковидного сосуда с пояском ямок под краем и крупнозубчатым орнаментом в верхней части тулова. Между верхним и нижним слоями черепков темноцветный гумусированный песок.

Несмотря на определенное сходство ямы с вышеописанным объектом 9, предположение о ее

функциональной связи с могильником не представляется достаточно обоснованным. Несмотря на территориальную близость к могильнику, объект 8 все же планиграфически от него обособлен, не попадает в наметившийся ряд объектов могильника, в заполнении содержит кострищную линзу, в отличие от других объектов Щербининского могильника. Кроме того, нельзя не обратить внимания на видимую логичность взаимного расположения хозяйственных объектов на площадке поселения: жилища (объекта 5), место обработки кремня (объекта 6–7), дополнительного к находившемуся в жилище места приготовления пищи под открытым небом (объекта 8), кострища на краю площадки поселения, у края площадки надпойменной террасы (объекта 4). В совокупности они образуют организованный на ограниченной территории комплекс, вероятно, создававший необходимые условия для жизнеобеспечения небольшой группы людей.

По нашему мнению, Щербининские поселение и могильник ПК представляют собой органично связанные части единого комплекса. Могильник сформировался в период бытования поселения и, судя по находкам археологических предметов в заполнении могильных ям, появился не в первые дни его существования. Надо полагать, что в могилах находились останки жителей данного поселения. Единственным предметом погребального инвентаря, не находящим прямых аналогий в материалах культурного слоя памятника, является черешковый наконечник стрелы из погребения 1, что, скорее всего, объясняется небольшой величиной выборки наконечников, происходящих из культурного слоя. Предлагаемая нами интерпретация поздняковских материалов ПМ Щербинино хорошо согласуется с планиграфией исследованной раскопками части памятника: охарактеризованный выше могильник находится на площадке поселения, но на ее периферии, в некотором удалении от хозяйственных объектов.

Конечно, реальность бытования в прошлом именно таким образом устроенного поселения с существовавшим при нем могильником трудно доказуема, и предлагаемая нами реконструкция во многом определяется субъективным восприятием авторами памятника. Не вызывает сомнения, что она может быть подвергнута критике и корректироваться, однако в настоящее время не обнаруживает явных противоречий полученному при раскопках фактическому материалу.

⁶ Устное сообщение.

⁷ Устное сообщение.

Литература

- Азаров Е. С.*, в печати. Погребальные памятники культуры текстильной керамики Окского бассейна // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. Казань.
- Азаров Е. С.* Поселение и грунтовый могильник эпохи бронзы Кораблино // КСИА. Вып. 230. М. С. 182–195.
- Беседин В. И., Сафонов И. Е.*, 1996а. Сосуды с календарной символикой из могильника поздняяковской культуры Лебяжий Бор // Археологические памятники среднего Поочья. Вып. 5. Рязань. С. 73–81.
- Беседин В. И., Сафонов И. Е.*, 1996б. Числа в орнаментации керамики срубной культуры // РА. № 2.
- Большов С. В.*, 2003. Средневожская абашевская культура (по материалам могильников) // Тр. МарАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола.
- Зеленцова О. В.*, 2007. Дмитровский могильник // КСИА. Вып.
- История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней (Бронзовый век). Самара, 2000.
- Кравцов А. Е.*, 2014. Отчет об охранных археологических исследованиях на стоянках Щербинино 1, 2, 6, Карболит и на средневековом производственном комплексе Щербинино 3 (на вновь выявленном объекте археологического наследия «Поселение и могильник Щербинино» и на стоянке Карболит) на территории Орехово-Зуевского района Московской области в 2012 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Кравцов А. Е., Азаров Е. С., Бабкина Е. В., Марьенкина Т. А., Модин Р. Н.*, 2015. «Поселение и могильник Щербинино» – археологический памятник мезолита – бронзового века и средневековья в Подмосковной Мещере (некоторые результаты исследования культурного слоя) // АП. Вып. 11. М. С. ...
- Кузьминых С. В.*, 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.
- Никитин А. Л.*, 1963. Дикариха // МИА. № 110. С. 204–226.
- Никитин А. Л.*, 1973. Могильник Дикариха на Плещеевом озере // СА. № 2. С. 158–177.
- Ольховский В. С.*, 1986. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. № 1. С. 65–76.
- Попова Т. Б.*, 1965. Коренецкие стоянка и могильник // СА. № 1. С. 154–167.
- Попова Т. Б.*, 1971. Отчет о работе Окской археологической экспедиции 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4374.
- Попова Т. Б.*, 1973. Отчет о работе Окской археологической экспедиции 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4973.
- Попова Т. Б.*, 1975. Отчет о проведении Рязанской археологической экспедиции в районе с. Канищево Рязанской области и р-на // Архив ИА РАН. Р-1. № 6330.
- Попова Т. Б.*, 1985. Значение орнаментальных мотивов и керамических форм для датировки памятников поздняяковской культуры на Средней Оке // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы. М. Тр. ГИМ. Вып. 60. С. 119–132.
- Попова Т. Б.*, 1988. Грунтовый могильник поздняяковской культуры под Рязанью // Тр. ГИМ. Вып. 68. М. С. 101–137.
- Сидоров В. В.*, 1990. Отчет Подмосковной экспедиции. Лужковско-Ловецкий отряд в сезоне 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15133.
- Соловьев Б. С.*, 1995. О появлении «текстильной» керамики в Среднем Поволжье // Новый материал по археологии Среднего Поволжья. Археология и этнография Марийского края. Вып. 24. Йошкар-Ола. С. 73–88.
- Соловьев Б. С.*, 2000. Бронзовый век Марийского Поволжья // Тр. МарАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола.
- Фоломеев Б. А.*, 1974. Жилища стоянки Фелов Бор I // Археология рязанской земли. М. С. 236–251.
- Челяпов В. П.*, 1992а. Засеченский курганный могильник. Рязань.
- Челяпов В. П.*, 1992б. Керамика Подборновского поселения // Археологические памятники среднего Поочья. Рязань. С. 29–34.
- Челяпов В. П.*, 1996. Новые исследования могильника Лебяжий Бор // Археологические памятники среднего Поочья. Вып. 5. Рязань. С. 51–72.
- Чернай И. Л.*, 2010. Научное наследие В. П. Челябинова в проблематике поздняяковской культуры в свете данных о сакральных знаках // Материалы по истории и археологии России. Т. 1. Рязань. С. 151–163.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В.*, 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.
- Чижевский А. А.*, 2008. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках. Казань.

A.E. Kravtsov, E.S. Azarov, E.V. Babkina, T.A. Marjenkina, R.N. Modin
Burier grounds of the late Bronze Age at the archeological complex
“Scherbinino settlement and burier grounds” in the Meschera area
of Moscow Region

Summary

The ditch burier grounds on the territory of the archeological complex “Scherbinino settlement and burier grounds” is located in the Eastern part of Moscow Region near the town of Orekhovo-Zuevo. It is situated on the first terrace above floodplain on the left bank of the Klyazma river at an elevation of 6.5 m above the river (+121.5 m). It was found in 2012 during salvage archeological study in a zone of proposed road construction in the South-Western part of the excavation (Kravtsov, et.al., 2015. Fig. 1, 2). Three objects (Fig. 1, 2) found beneath the floor of the cultural layer were identified as graves. They were situated in the edge strip of the area of the terrace and were grouped in a territory matching a part of the area of a settlement of the late Pozdnyakovskaya culture (late Bronze Age) in 11 to 21 m to the West-South-West of a dwelling, that was part of the settlement (Kravtsov, et.al., 2015. Fig. 1, 2, 3). No bone remains were preserved at the site. The grave pits are extended-oval in the outline; graves 2 and 3 are rectangular near the bottom with rounded corners. Profile of the grave pits 1 and 2 is trough-like. The orientation, dimensions of the pits (length x width x depth from the paleosurface) and grave goods (Fig. 1 – 3) are as follows. Grave 1: SW – NE, 337×165×116 cm, a pot-like vessel with “textile” prints, 2 flint arrowheads. Grave 2: SSW-NNE, 244×158×115 cm, a jar-like plain-walled vessel. Grave 3: WNW-ESE, found just 4 – 5 cm above the

floor, 74×50×55 cm, a jar-like plain-walled vessel. Artifacts of the cultural layer was found in the filling of the grave pits 1 and 2.

Additionally, object 9 located in the same spatial group with the graves and analyzed in the context of the cultural layer of the complex (Kravtsov et.al., 2015. Fig. 2;11:1 A, B, C; 17:1) likely also belongs to the burier grounds. This is an oval pit of a bowl-like profile, extended SSW-NNE, 160×93×95 cm. The pit contained partial breakdown of a large vessel. This object is interpreted as a trace of a funeral feast. Partial breakdowns of two other vessels (Kravtsov, et.al., 2015. Fig. 18:1,2) are likely also traces of feasts. One plain-walled jar-like was found above (by 80 cm) of the vessel found in the grave. The other was found near the graves outside of the structures (square 10-22). It is pot-like with “textile” “nail-like” prints on the outer surface, which are smoothed out in the upper part of the vessel. The graves and the pit with traces of a feast form a file extended along the SSW – NNE line, which is characteristic of the ditch burier grounds of the Pozdnyakovskaya culture. It is possible that the burier grounds extend into the territory to the East of the excavation, which was not part of this study. The grave goods find analogies in the object material from the cultural layer of the archeological complex, including the complex of the dwelling. In totality with the spatial data this allows to assume the burier grounds as being synchronous to the settlement.

**Н. А. Кренке, А. А. Войцик, М. В. Лавриков,
А. В. Лазукин, В. А. Раева**

Могильник фатьяновской культуры Луцино-Газовик

На археологической карте России в Московской области под номером 377 числится памятник Луцино¹, местонахождение 2, где были обнаружены предметы фатьяновской культуры бронзового века (АКР, 1994. С. 159). Текст описания памятника составлен по материалам сводки, подготовленной Р.Л. Розенфельдтом в 1988 г., которая так и осталась неопубликованной².

Более подробное и точное описание приведено в составленных в 1963 г. братьями Н. А. и Ю. А. Красновыми дополнениях к «Указателю к археологической карте Звенигородского района», хранящихся в архиве Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея. Приведем текст полностью: «В 1960 г. при рытье траншеи для осушения Луцинского болота в 400 метрах к западу от села Луцино на склоне холма у шоссе были найдены 4 кремневых топора-клина, 2 лепных круглодонных сосуда, фрагменты нескольких других сосудов и кремневые орудия. В 1963 г. у жителей дачного поселка АН СССР были собраны сохранившиеся находки. Это два полированных кремневых клина, фрагмент венчика женского сосуда балановского типа и ряд неорнаментированных фрагментов лепных сосудов. В указанном месте авторами обнаружены пятна угля в слое речного песка на глубине около 1,5 м и найдено некоторое количество кальцинированных костей. Эти обстоятельства позволяют предположить наличие на холме фатьяновско-балановского могильника». Судя по воспоминаниям А.К. Станюковича (он участвовал в работах, будучи школьником),

Ю. А. Краснов приезжал на место находок, делал зачистки.

Уточняющую информацию удалось получить в 2010 г. от жителя дачного поселка Луцино Михаила Евгеньевича Веселовского, внука академика Степана Борисовича Веселовского. М. Е. Веселовский с большой точностью указал место находок, которое сейчас сильно изменилось, заросло со снами. По его словам, они с братом Владимиром и другими ребятами играли на песчаном дорожном откосе, вдоль которого была вырыта дренажная канава. На дне этой канавы постоянно находили кремневые орудия, в сборе которых соревновались мальчишки. Протяженность участка находок была около 25 м. В откосе прослеживались углистые линзы. Однажды М. Е. Веселовский, чтобы удобнее было стоять на горе, выкопал саперной лопаткой ступеньку. При этом были найдены целый горшок с круглым дном и кремневый клин. Случилось это примерно в 1960 г. Находки передали в школьный музей в с. Каринское, затем они пропали.

В Звенигородский музей поступило четыре предмета, предположительно относящихся к данному памятнику. В 1963 г. Владимир Веселовский передал в музей кремневый нож (пластина с ретушью), который значится в инвентарной книге под № 1924. В 1965 г. А.К. Станюкович передал два кремневых клиновидных топора линзовидного сечения и кремневую пластину, «найденные на территории села Луцино и Луцинском торфянике школьниками села Луцино» (№ 2011 и 2012 по инвентарной книге музея).

¹ В издании АКР приводится ошибочная версия написания названия «Луцино».

² Рукопись этого свода хранится в отделе сводов ИА РАН.

Рис. 1. Луцинское шоссе в процессе строительства, 1957 г.

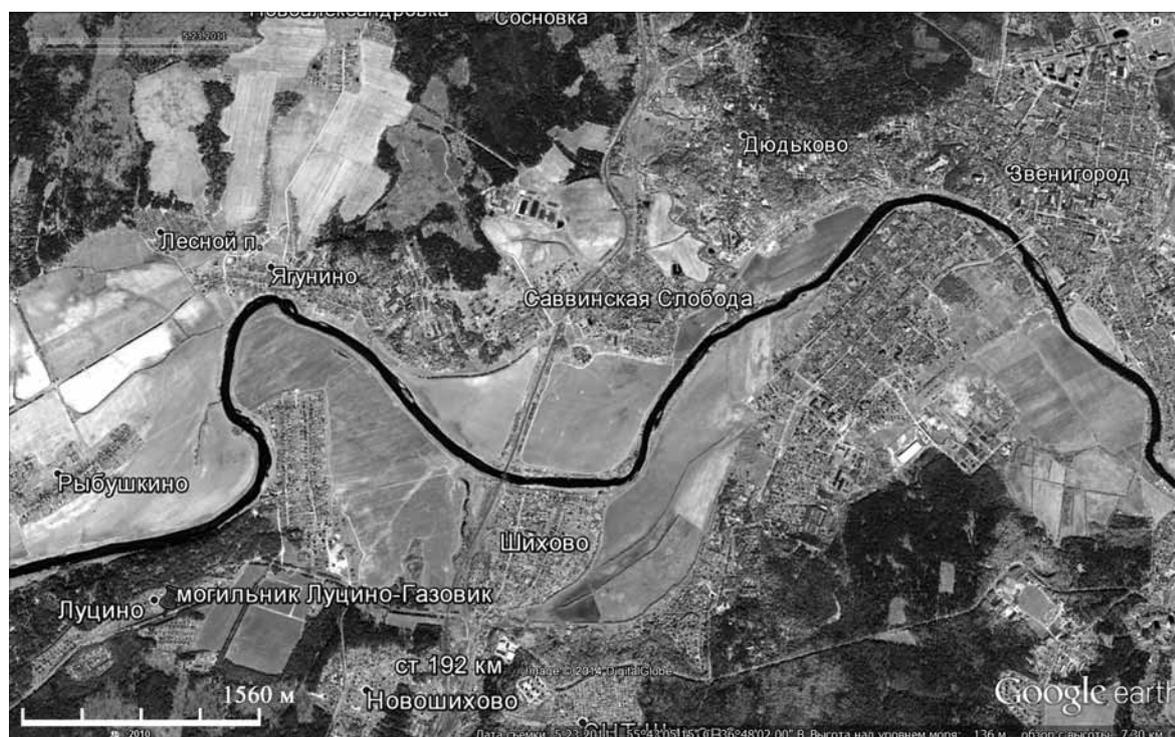

Рис. 2. Космический снимок с указанием моги́льника Луцино-Газовик

Место, о котором идет речь, находится на южной обочине Луцинского шоссе, построенного в 1957 г. (рис. 1) напротив дач поселка Газовик в 160 м к востоку от съезда с шоссе в дачный поселок (координаты: N 55° 42' 08,19" E 36° 45' 15,89"). От центра г. Звенигорода это 5 км по прямой на юго-запад (рис. 2).

В геоморфологическом отношении это плосковершинное пологосклонное моренно-камовое всхолмление, сложенное сверху песчаными и супесчаными отложениями, подстилаемыми мореной. Это всхолмление формирует борт долины Москвы-реки. Оно продолговатой формы, протянулось по оси СЗ–ЮВ (рис. 2–4). Вершина холма, по которому проходит полотно дороги, имеет отметку 181,6 м. Превышение над руслом Москвы-реки – 46 м, расстояние до реки – 500 м. С юго-запада к гребню холма примыкает заторфованная котловина (Луцинское болото), в прошлом – небольшой водоем атмосферного питания. В северо-восточном направлении идет понижение рельефа в сторону Москвы-реки, склон расчленен серией оврагов, ориентированных на северо-восток.

При осмотре места старых находок в 2010 г. казалось, что новые поиски здесь неперспективны. Дорожный откос сильно изрыт и густо порос молодыми соснами, ширина полосы между полотном асфальтированной дороги и склоном дренажной канавы не более 3–5 м. Осмотр поверхности склона не дал никаких результатов. Дно дренажной канавы запылено.

В июне 2013 г. вдоль южной обочины дороги была откопана траншея для прокладки кабеля Интернета. Ширина траншеи равнялась 35 см, глубина – 80–100 см. Земляные работы велись без каких-либо согласований с органами охраны памятников. Осмотр отвалов траншеи позволил обнаружить скопление фрагментов горшка фатьяновской культуры. На этом месте был заложен раскоп

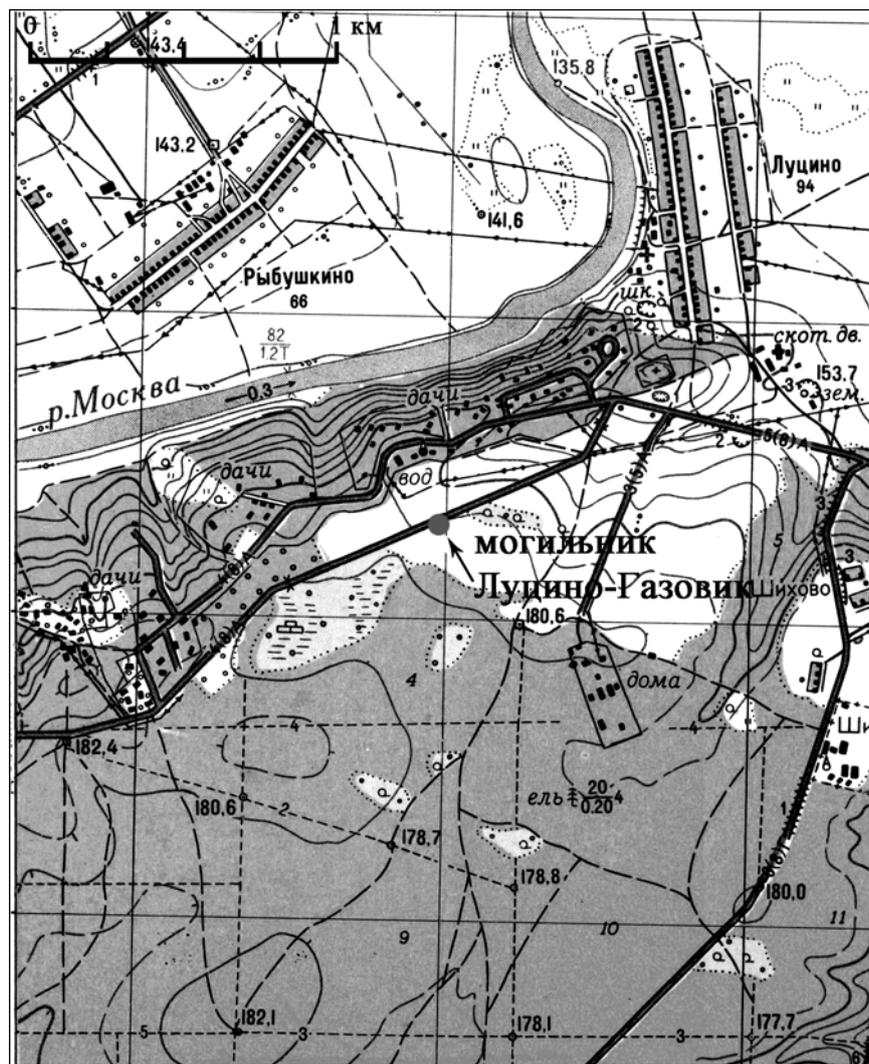

Рис. 3. Карта масштаба 1:25000 (съемка 1963 г.) с указанием могильника Луцино-Газовик

площадью 16,5 м² (рис. 5). Раскоп исследовался в два этапа. На первом этапе был изучен участок размером 3,0×2,5 м между траншеей и асфальтированной дорогой. На втором этапе была заложена траншея размером 6×1 м, примыкавшая с юга к траншее, вырытой под кабель, а затем еще сделана прирезка к этой траншее. Таким образом, был изучен почти весь доступный для раскопок участок (рис. 6). По профилю траншеи были сделаны зачистки и детально осмотрены отвалы. Нужно отметить, что археологические раскопки проходили непосредственно в процессе прокладки кабеля, что сказалось на качестве полевых работ.

Прослежена ситуация, очень сходная с той, что была описана Ю. А. Красновым и М. Е. Веселовским. В борте траншеи прослеживались на протяжении нескольких метров на глубине около

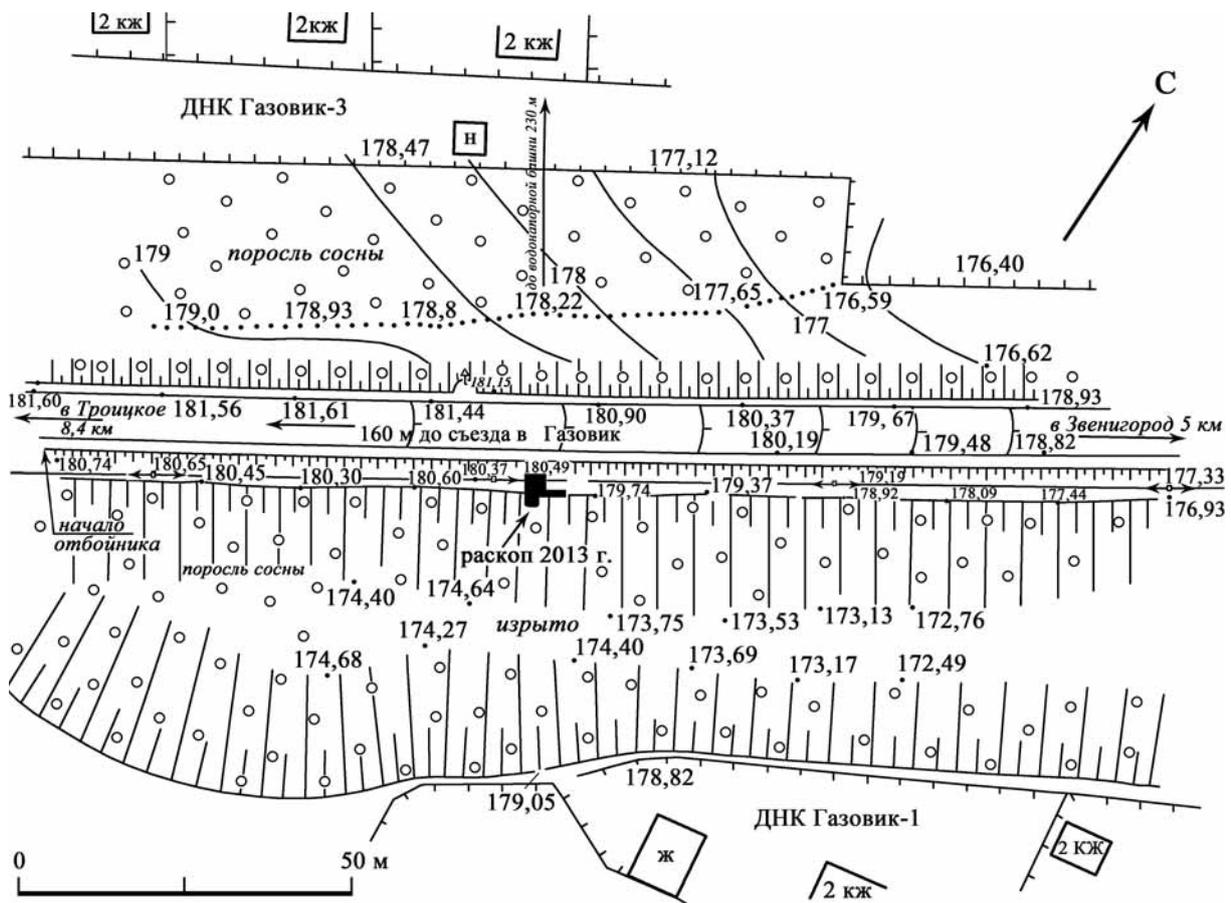

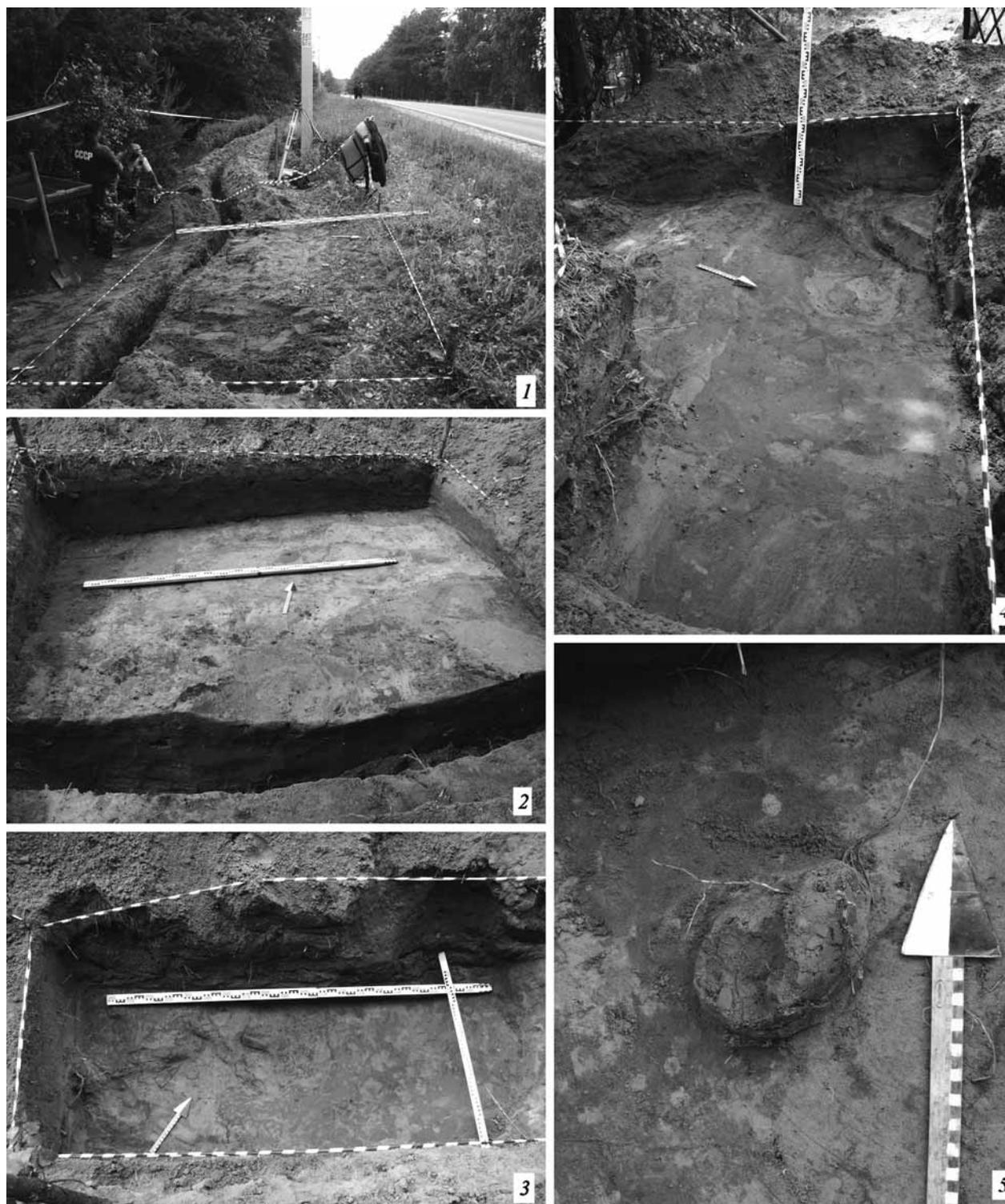
Рис. 4. Топографический план с указанием места раскопа 2013 г. на могильнике Луцино-Газовик

20–50 см нитевидные углистые прослойки, иногда линзы темно-серого песка. На расстоянии 4 м к востоку от места, где в отвале были найдены фрагменты горшка, в профиле зафиксированы единичные фрагменты венчика горшка фатьяновской культуры, не образующие развала (горшок № 3). Эти фрагменты были приурочены к углистым прослойкам.

В раскопе, заложенном сначала на участке между строительной траншеей и дорогой, на глубине 30 см от поверхности были прослежены линзы углистой поверхности (рис. 5, 2). Обобщенный контур этих линз имел форму, схожую с прямоугольником размером 2,5×1 м. Южный край линз уничтожен строительной траншеей. Контур углистого пятна были нечеткими. Дальнейшие раскопки здесь не привели к каким-либо находкам. Раскоп был доведен до глубины 1 м от поверхности. Никаких следов погребальной ямы не прослеживалось. Дно раскопа находилось на уровне слоистого песка с железистыми псевдофибрами. Более плодотворным оказалось изучение полосы вдоль борта дренажной канавы с юга от строительной

траншеи. Здесь на глубине 50 см от поверхности был обнаружен раздавленный второй горшок (рис. 5, 5). Рядом с ним – еще несколько фрагментов керамики. Эти находки залежали недалеко (в пределах 1 м) от места находки горшка № 1, выброшенного строителями. Несколько фрагментов фатьяновской керамики было обнаружено на удалении 3–5 м к востоку от горшка № 2. На уровне залегания горшка № 2 в песчаном грунте стали прослеживаться различия в окраске – возможно, контуры ямы, вытянутой по линии С–Ю, шириной около 1,6 м. При выборке песчаного заполнения ямы на глубине 30 см ниже залегания горшка № 2 были обнаружены лежавшие рядом клиновидный заполированный топор линзовидного поперечного сечения из окремненной породы ржаво-бурого цвета и крупная кремневая пластина бурого цвета (длина 13 см) со следами износа кромки лезвия (рис. 7).

Следов костей не было обнаружено. Наблюдалось лишь некое округлое пятно на песке рядом с топором, чуть более темного цвета. Возможно, это след погребенного. Дно ямы читалось как плотная

Рис. 5. Фотографии процесса раскопок 2013 г. на могильнике Луцино-Газовик

1 – вид строительной траншеи и размеченного раскопа с востока; 2 – угловое пятно с северной части раскопа; 3 – дно могильной ямы; 4 – южный участок раскопа – материк, дно могильной ямы; 5 – горшок № 2 в заполнении погребения

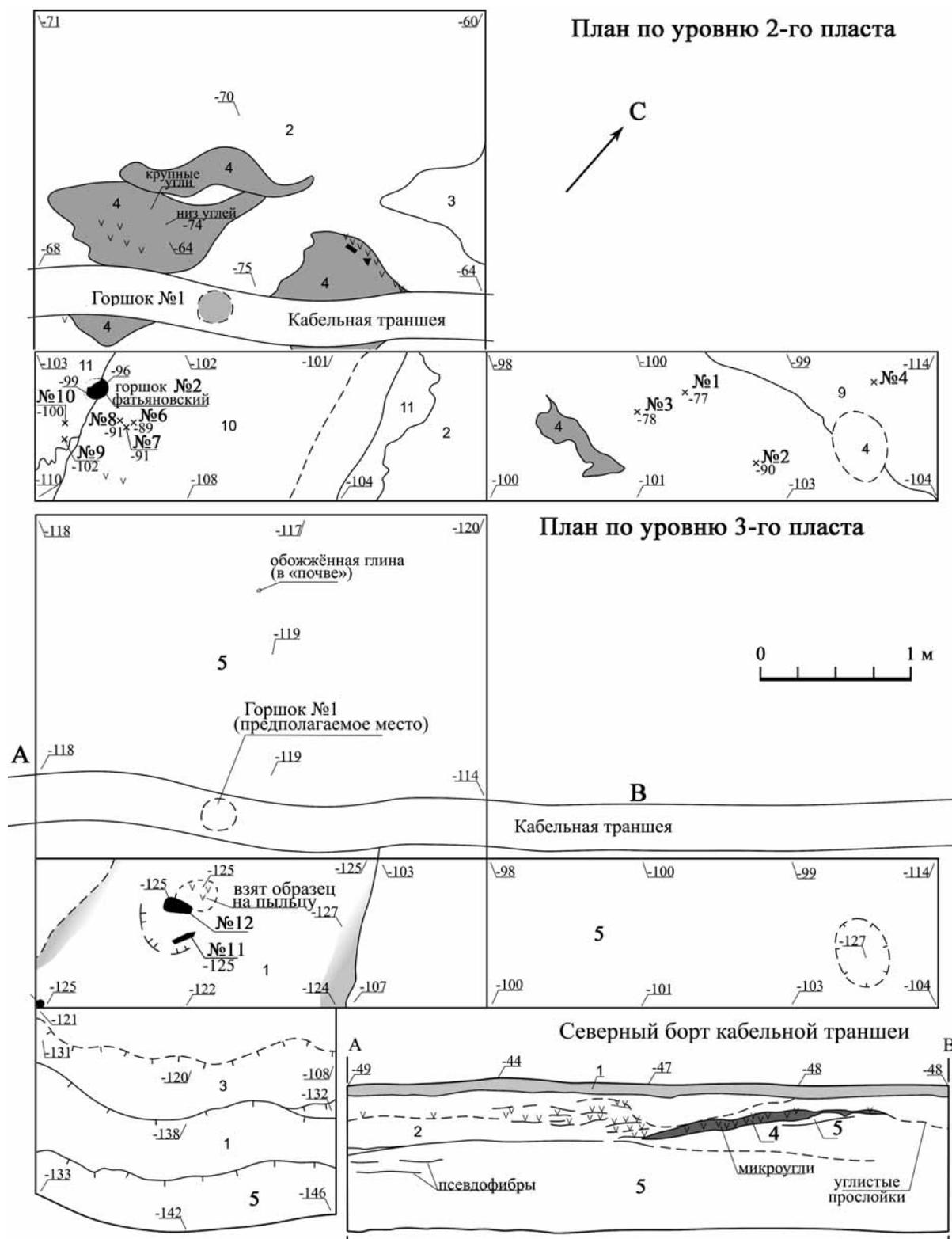

Рис. 6. Чертежи раскопа 2013 г. на могильнике Луцино-Газовик

1 – рыже-бурый песок; 2 – желтый песок; 3 – бурая супесь (поздний перекоп); 4 – серый песок; 5 – буро-желтый песок (слоистый); 6 – мешаный песок с включением сажистых линз; 7 – песок с линзами бурого суглинка; 8 – бурая супесь; 9 – светло-серо-бурая супесь; 10 – мешаный желто-светло-бурый песок; 11 – ожелезненный песок. № 1 стенка фатьяновского сосуда (-77); № 2 – фр-т керамического сосуда (?) (-90); № 3 стенка фатьяновского сосуда (-78); № 4 – стенка фатьяновского сосуда; № 5 – стенка фатьяновского сосуда; № 6 – стенка фатьяновского сосуда (-89); № 7 – донце фатьяновского сосуда (-91); № 8 – донце фатьяновского сосуда (-91); № 9 – стека фатьяновского сосуда (-102); № 10 – венчик фатьяновского сосуда (-100); № 11 – пластина кремневая (нож) (-125); № 12 – топор клиновидный (-125)

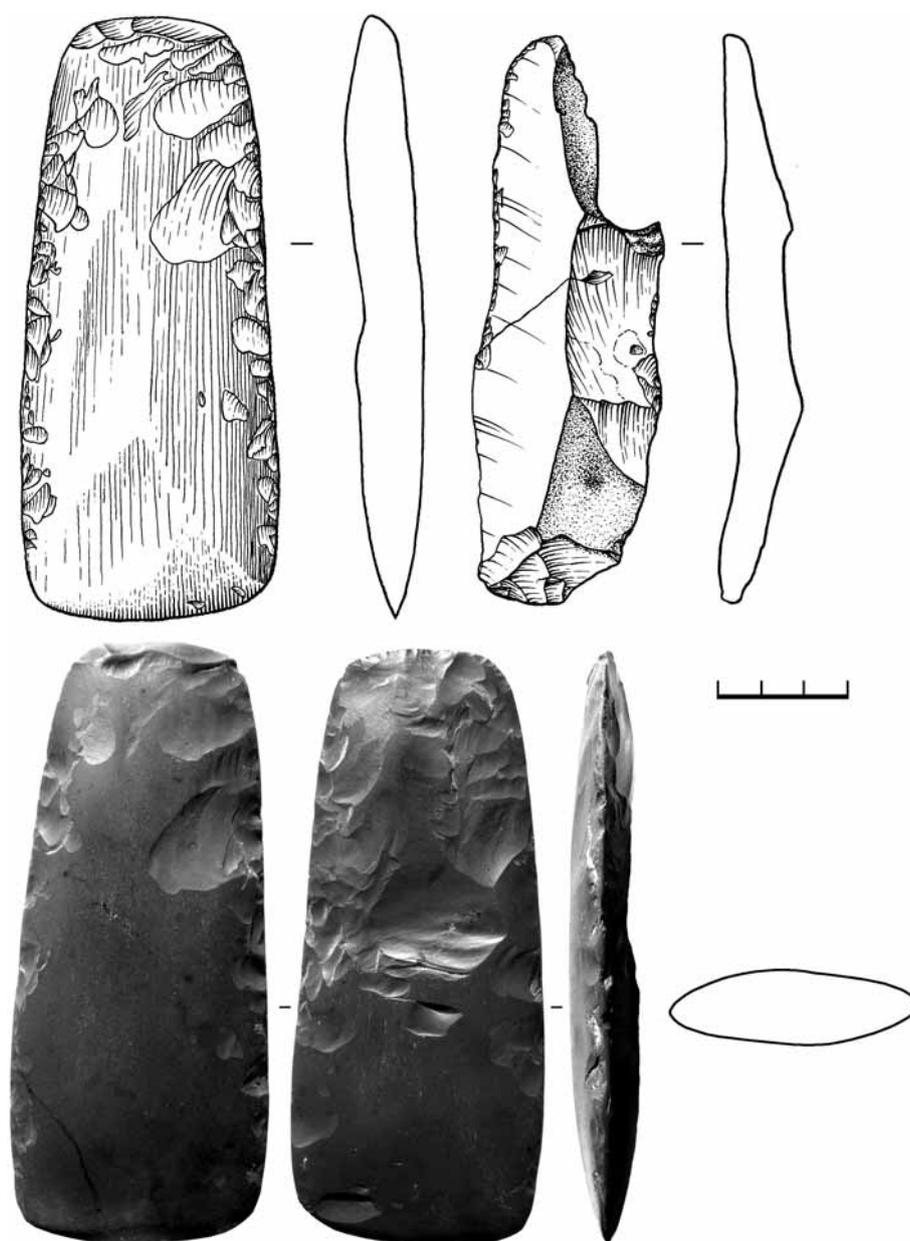

Рис. 7. Орудия из погребения на могильнике Луцино-Газовик (рисунок А. В. Трусова)

поверхность ожелезненного песка. Это дно находилось на глубине 80 см от современной поверхности.

Таким образом, предположение, что было раскопано именно погребение, основано на компактном расположении находок, типичных именно для погребального инвентаря, а также на наличии углисто-го пятна над ними. То, что горшок № 2 располагался чуть выше остальных находок, вполне согласуется с описаниями погребального обряда фатьяновской культуры (Виноградов, 1934. С. 75).

Горшок № 1, собранный в отвале строителей (рис. 8, 1–3), имеет шаровидную форму, средней

высоты шейки с отогнутым наружу бортиком. На дне горшка имеется чуть заметный кольцевой налп. Орнаментирован горшок следующим образом: бортик на венчике рассечен вертикальными насечками, на шейке орнамент в виде «стопочек» слегка наклонных линий (№ 31 по О. С. Гадзяцкой). На плечиках расположены группы вертикальных линий в два ряда. Орнамент этого типа локализуется довольно узко, преимущественно в ареале Ярославского Поволжья.

Ближайшей аналогией орнаментации горшка № 1 из могильника Луцино-Газовик является

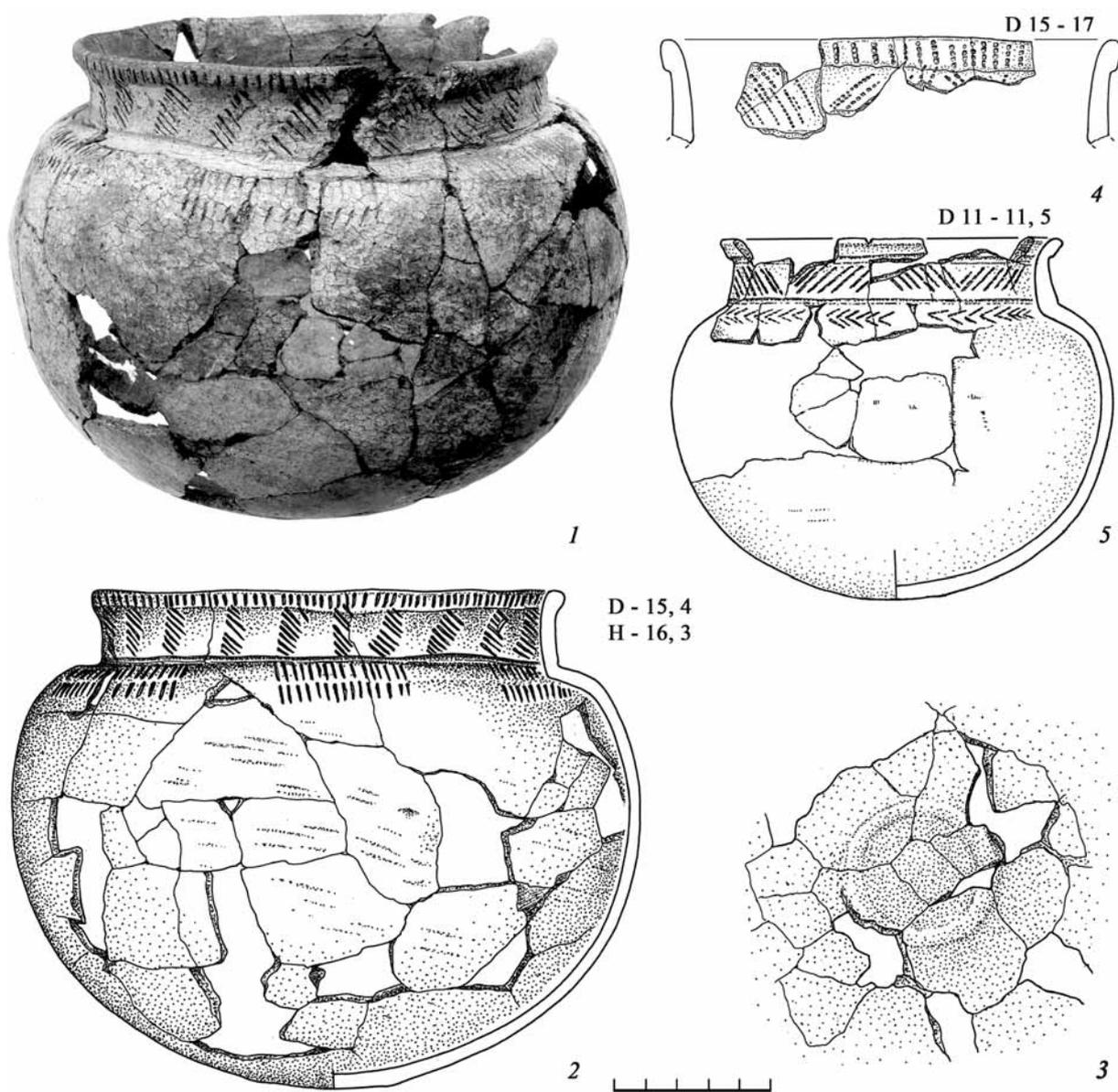

Рис. 8. Горшки из могильника Луцино-Газовик

1, 2 – горшок № 1; 3 – дно горшка № 1; 4 – горшок № 3; 5 – горшок № 2

горшок из погребения 3 Мытищенского могильника в Ивановской области (Гадзяцкая, 1976. С. 115). Расстояние между этими двумя памятниками – около 300 км.

Другим важным аналогом горшку с орнаментом № 31 из могильника Луцино-Газовик является горшок из Волосово-Даниловского могильника, погребение 58 (Крайнов, Гадзяцкая, 1987. Табл. 29), по которому была получена радиоуглеродная датировка

3650±80 (Ле-1044)³. Сходство орнаментов на сосуде из могильника Луцино-Газовик с горшком из Волосово-Даниловского могильника не такое полное, как с горшком из Мытищенского могильника.

Горшок № 2 (рис. 8, 5) по форме почти не отличается от горшка № 1, но меньших размеров. Орнамент горшка № 2 – это горизонтальная елочка по плечу и попеременно-наклонные линии по шейке (№ 15 и 19 по О.С. Гадзяцкой). Эта

³ Автор благодарен Г.И. Зайцевой (ИИМК РАН) за уточняющую информацию о месте отбора образца для датирования.

орнаментация широко представлена в том числе на памятниках в бассейне Москвы-реки.

Венчик горшка № 3 (рис. 8, 4) аналогичен по форме двум предыдущим, орнаментирован оттисками мелкозубчатого штампа. Вертикальные оттиски по краю бортика и группы попеременно наклонных линий на шейке.

Судя по орнаментации и форме, горшки из могильника Луцино-Газовик можно отнести к развитой (средней) стадии фатьяновской культуры (Кренке, 2014).

Приблизительная датировка этой стадии – середина III тыс. до н. э. (с учетом калибровок радио-

углеродных дат). Не исключен и несколько более поздний возраст (вторая половина III тыс. до н. э.). Нужно заметить, что поздняя датировка Волосово-Даниловского могильника (финал III тыс. до н. э.) может оказаться омоложенной на несколько столетий. Результаты радиоуглеродного датирования углистой прослойки из погребения Луцино-Газовик еще не получены.

Можно предположить, что люди, оставившие могильник Луцино-Газовик, имели тесные связи с Ярославским Поволжьем или даже происходили из этого региона.

Литература

- АКР. Московская область. Т. 1. М., 1994.
- Виноградов К. Я., 1934. Новые данные о памятниках фатьяновского типа // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 11–12. Л. С. 71–76.
- Гадзяцкая О. С., 1976. Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-Горьковская группа // САИ. Вып. В1–21. М.: Наука. 136 с.
- Крайнов Д. А., Гадзяцкая О. С., 1987. Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье // САИ. Вып. В1–22. М.: Наука. 145 с.
- Краснов Ю. А., Краснов Н. А. Указатель к археологической карте Звенигородского района Московской области // ЗИАиХМ. Научный архив. № 14/11.
- Кренке Н. А., 2014. Москворецкие памятники фатьяновской культуры // РА. № 4. С. 29–42.

N.A. Krenke, A.A. Voitsik, M. V. Lavrikov, A. V. Lazukin, & V.A. Raeva

A Fatjanovo-culture cemetery at Lutsino-Gazovik

Summary

A Bronze Age cemetery, containing typical items from Fatjanovo culture was investigated at a hill close to the bank of the Moskva River near the town of Zvenigorod. Remains of a grave were found nearby the modern

road. The forms and decorations of pottery are typical for the middle period of Fatjanovo culture, close to sites in the region of upper Volga. The probable date of the cemetery is the middle or second half of 3rd millennium BC.

Е. В. Столяров

**Городище Дуна: к характеристике горизонтов
эпохи раннего железного века (по материалам работ 2011 года)**

Городище Дуна расположено на мысу левого берега р. Ока при устье безымянного ручья, в 1,2 км к северо-востоку от северо-восточной окраины г. Чекалин Суворовского р-на Тульской области (рис. 1, А). Площадка, бывшая первоначально подтреугольной в плане, ныне практически полностью разрушена рекой. Сохранилась только ее северо-западная часть размерами около 10×3 м с остатками вала высотой до 2 м (рис. 1, Б; рис. 2, А–Б)¹. Материалы, собранные за всю историю исследований городища, относятся к верхнеокской, мощинской, роменской культурам и древнерусскому времени.

Впервые археологические исследования на городище Дуна были проведены летом 1897 г. членом Калужской ученой архивной комиссии (КУАК) Н. В. Тепловым по поручению и на средства Московского археологического общества (Изв. КУАК, 1898. С. 28). Материалы, аналогичные вещам, найденным на городище Дуна, Н. В. Теплов усматривал как в находках Дьякова городища, так и в материалах костеносных городищ Вятской губернии (Теплов, 1899. С. 19). Изучение городища Дуна было продолжено И. Д. Четыркиным (Изв. КУАК, 1899. С. 7; 1900. С. 10) и Ю. Г. Гендуне в 1898–1899 гг. Своими исследованиями Ю. Г. Гендуне практически по всем аспектам изучения материала подтвердила выводы, сделанные ранее Н. В. Тепловым (Гендуне, 1903).

В течение последующих лет, вплоть до раскопок 2011 г., никаких археологических работ на городище не предпринималось, а само оно активно

разрушалось под действием как природных, так и антропогенных факторов (грабительских раскопок). В ходе работ 2011 г. под руководством А. М. Воронцова² были полностью изучены сохранившиеся культурные напластования на площади около 80 кв. м (Воронцов, 2013). Раскопом 1 площадью около 50 кв. м была исследована сохранившаяся часть вала и рва городища. Раскопами 2 и 3, общая площадь которых составила 29 кв. м, на неразрушенной части площадки городища были изучены культурные напластования верхнеокской культуры эпохи раннего железного века. Культурных слоев, относящихся к мощинской или роменской культурам, выявлено не было. Данная работа посвящена характеристике материалов эпохи раннего железного века, полученных из раскопов 2 и 3.

Раскоп 2 был заложен на самом краю северо-западной части площадки городища, ближе к валу, где наблюдалась наилучшая сохранность культурного слоя (исходя из состояния поверхности площадки – отсутствия грабительских ям и древесной растительности). Поверхность раскопа неровная, с покато́м к юго-западу. Площадь раскопа составила 21 кв. м (рис. 1, Б). Мощность культурного слоя местами достигала 3,2 м, благодаря чему впервые был получен опорный стратиграфический разрез горизонтов эпохи раннего железного века (рис. 3).

Типология керамики. Весь анализируемый керамический материал с городища Дуна оставлен населением верхнеокской культуры. Он отличается своей однородностью и представлен непрофи-

¹ Выражаю благодарность О. Л. Прошкину за предоставленные из фондов Калужского областного краеведческого музея ранее не публиковавшиеся фотографии конца XIX – начала XX в. городища Дуна и находок с него.

² Выражаю благодарность А. М. Воронцову за возможность работы с неопубликованными материалами.

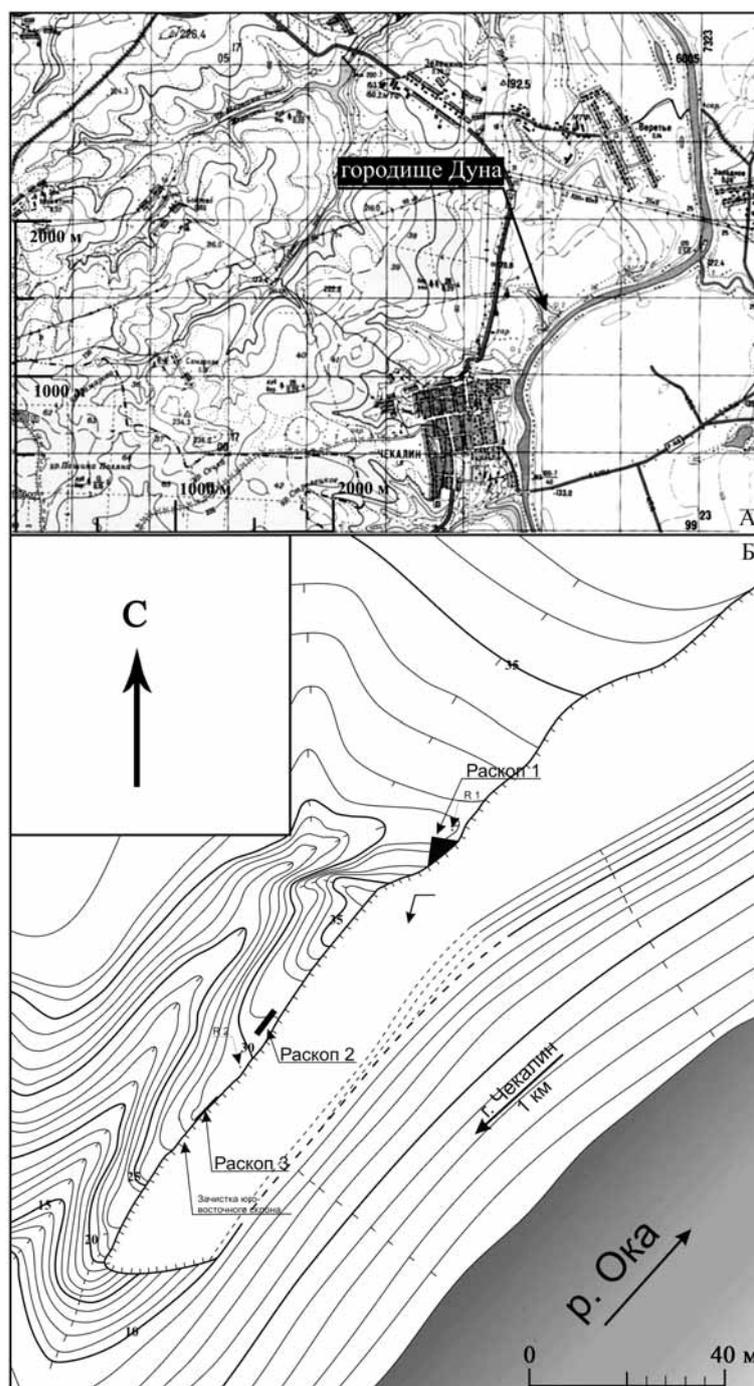

Рис. 1. Тульская область, Суворовский район: место расположения (А) и топографический план (Б) городища Дуна

лированной, слабопрофилированной и профилированной груболепной гладкостенной керамикой с примесью в тесте мелкой или крупной дресвы либо шамота и песка. Поверхность сосудов как заглаженная, так и шероховатая. Толщина стенок – в среднем 5–7 мм.

С раскопа 2 происходят единичные фрагменты сетчатой керамики, которая известна на верхнеокских поселениях, но встречается крайне редко. Донца некоторых сосудов имеют закраины, встречены также экземпляры с закругленным переходом от дна к тулову. В днепровско-двинской

Рис. 2. Городище Дуна. Фото рубежа XIX–XX веков (А) и 2011 г. (Б). Вид с правого берега р. Оки

культуре, по мнению Е. А. Шмидта, сосуды с таким оформлением перехода от дна к тулову являются более древними, чем горшки, у которых донца имеют закраины (бортики) (Шмидт, 1992. С. 95). В отношении же исследуемого материала, к сожалению, недостаточно данных, чтобы делать подобный вывод.

На основе исследуемого материала можно сделать выводы о том, что ведущими формами кухонной посуды, характерными для целого ряда культур эпохи раннего железного века лесной полосы Восточной Европы, были горшки (при дальнейшем изучении, возможно, круг форм будет расширен). Исходя из особенностей оформления верхней трети сосуда, выделя-

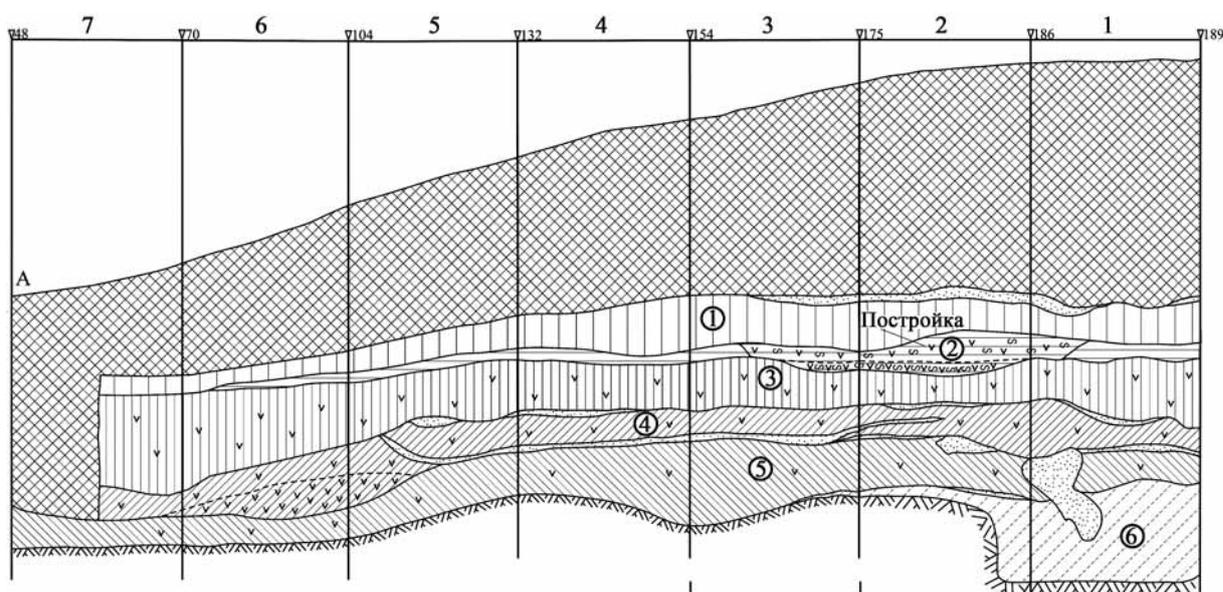

Рис. 3. Городище Дуна. Стратиграфический план северного борта раскопа 2, слой заполнения

1 – бурая супесь; 2 – серая (золевая) супесь с включением угольков; 3 – светло-бурая супесь с включением угольков; 4 – темно-бурый суглинок с включением угольков; 5 – бурый суглинок; 6 – предматериковый светло-бурый суглинок

ются семь основных типов горшков (рис. 4, А) и три типа мисок или мисковидных сосудов (рис. 4, Б):

I) непрофилированные горшки, которые характеризуются прямыми стенками и отсутствием выделенного венчика (баночные формы);

II) слабопрофилированные горшки с прямым, почти вертикальным или несколько отогнутым наружу коротким венчиком и слабо выраженным плечиком;

III) слабопрофилированные горшки с прямым, почти вертикальным или несколько отогнутым наружу коротким венчиком, плавно переходящим в расширенное тулова;

IV) слабопрофилированные горшки с прямым, почти вертикальным венчиком и выраженным плечиком;

V) округлобокие открытые (так называемые тюльпановидные) горшки (диаметр венчика больше или равен диаметру наибольшего расширения тулова). Низкий венчик сосудов выражен слабо, отогнут наружу;

VI) округлобокие открытые (так называемые тюльпановидные) горшки с хорошо выраженным высоким раструбообразным венчиком;

VII) округлобокие горшки с изогнутым хорошо выраженным венчиком и выраженными плечиками.

Столовая посуда представлена мисками или мисковидными сосудами, среди которых можно выделить три типа (рис. 4, Б):

I) с уплощенным и слегка загнутым вовнутрь краем, соответствующие варианту 2 мисок по А.И. Пузиковой (1997. С. 40), которые известны в материалах городищ раннего железного века Посеймья;

II) с выпуклыми стенками и закругленными краями;

III) со слабо выпуклыми стенками и вертикальным краем (диаметр по краю меньше или равен диаметру тулова).

Другой, менее распространенной, категорией являются миниатюрные сосудики (рис. 5, 4–6;

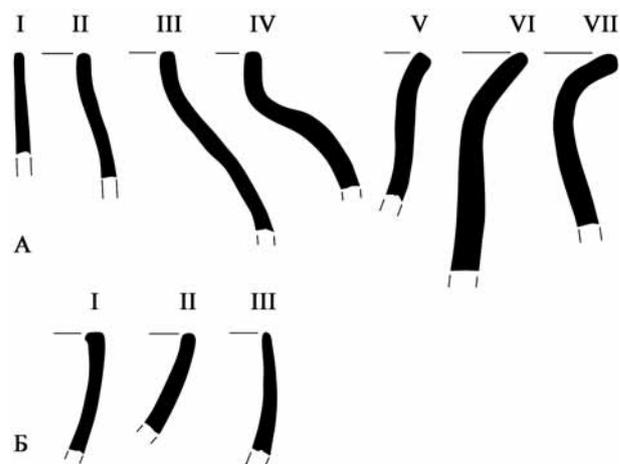

Рис. 4. Городище Дуна. Типология лепной керамики: горшки (А) и миски (Б)

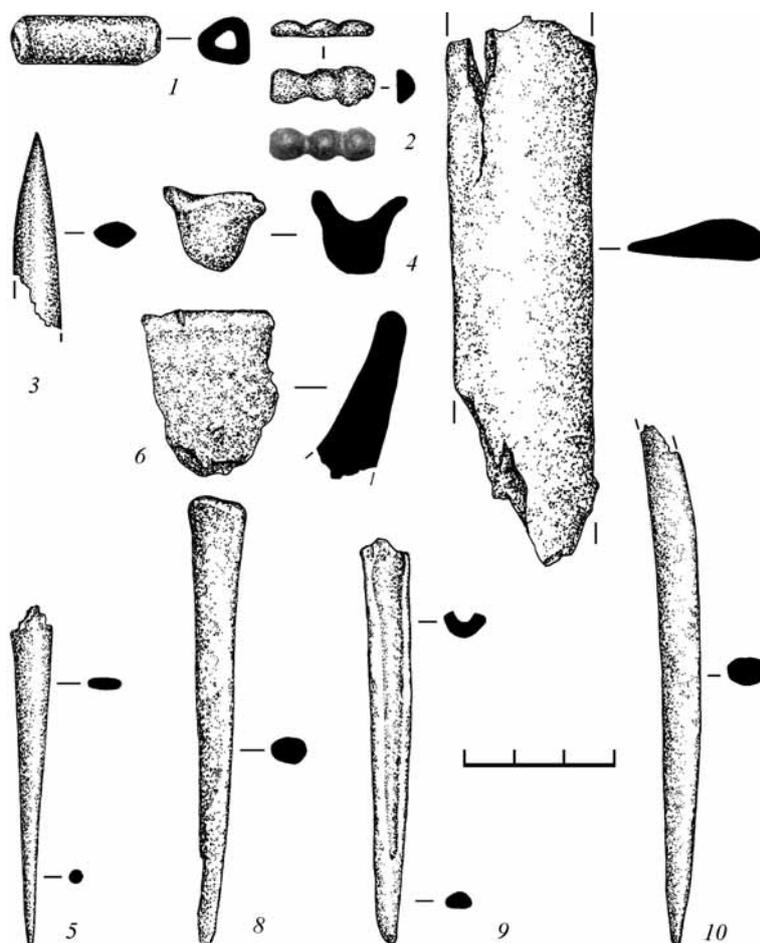

Рис. 5. Городище Дуна. Раскоп 2. Находки из слоя 3

1 – пронизка; 2 – накладка; 3 – фрагмент наконечника стрелы; 4 – миниатюрный сосудик; 5, 8–10 – проколка; 6 – фрагмент миниатюрного сосудика; 7 – струг. 1, 3, 5, 7–10 – кость; 2 – цветной металл; 4, 6 – керамика

рис. 6, 5), которые обычно широко распространены на памятниках раннего железного века лесной полосы Восточной Европы. Они могли служить игрушками, в них могли хранить соль, жир и т. п. или даже использовать в каких-то ритуальных целях (Розенфельдт, 1974. С. 134). Единичные их экземпляры известны с городищ Певкин Бугор и Свинухово, две находки – с городища Николо-Ленивец (Столяров, 2013. Рис. 27, 6–9).

Характеристика слоев: вещевого и керамического комплексов

Слой 1 представлен бурой супесью (рис. 3). Вещевых находок не обнаружено. Керамический материал содержал 310 фрагментов лепной керамики, в т. ч. от горшков типов II (рис. 7, 13; рис. 8, 2, 10), III (рис. 8, 3), VI (рис. 7, 1, 2, 5, 6; рис. 8, 6; рис. 9, 1, 2), VII (рис. 8, 5; рис. 9, 6–7, 9–10). Два последних типа горшков являлись преобладающими (в совокупности 80%). Как правило, горш-

ки типов VI и VII имеют орнаментацию в виде пальцевых (рис. 7, 1, 2, 10–11; рис. 9, 1, 6, 9–10), пальцево-ногтевых вдавлений (рис. 7, 19), насечек по срезу венчика (рис. 7, 5–6) и проколы по шейке (рис. 8, 5; рис. 9, 5). Венчики горшков типа III и IV лишены какой-либо орнаментации.

Слой 2 представлен серой (зольной) супесью с включением угольков (рис. 3). При разборке слоя обнаружены три предмета: кремневый наконечник копья (рис. 10, 1), костяной нож (рис. 10, 2) и костяная проколка (рис. 10, 3).

Костяной нож имеет хорошо заполированное лезвие и выделенный черешок, что, по-видимому, предполагает наличие рукояти. Длина ножа составляет 6,5 см. Наш экземпляр имеет дуговидную (серповидную) форму спинки (рис. 10, 2). Аналогичный нож найден в нижнем слое Дьякова городища (Кренке, 2011. Рис. 86, 1089/84).

Керамический материал из слоя представлен 257 фрагментами лепной керамики. В керамиче-

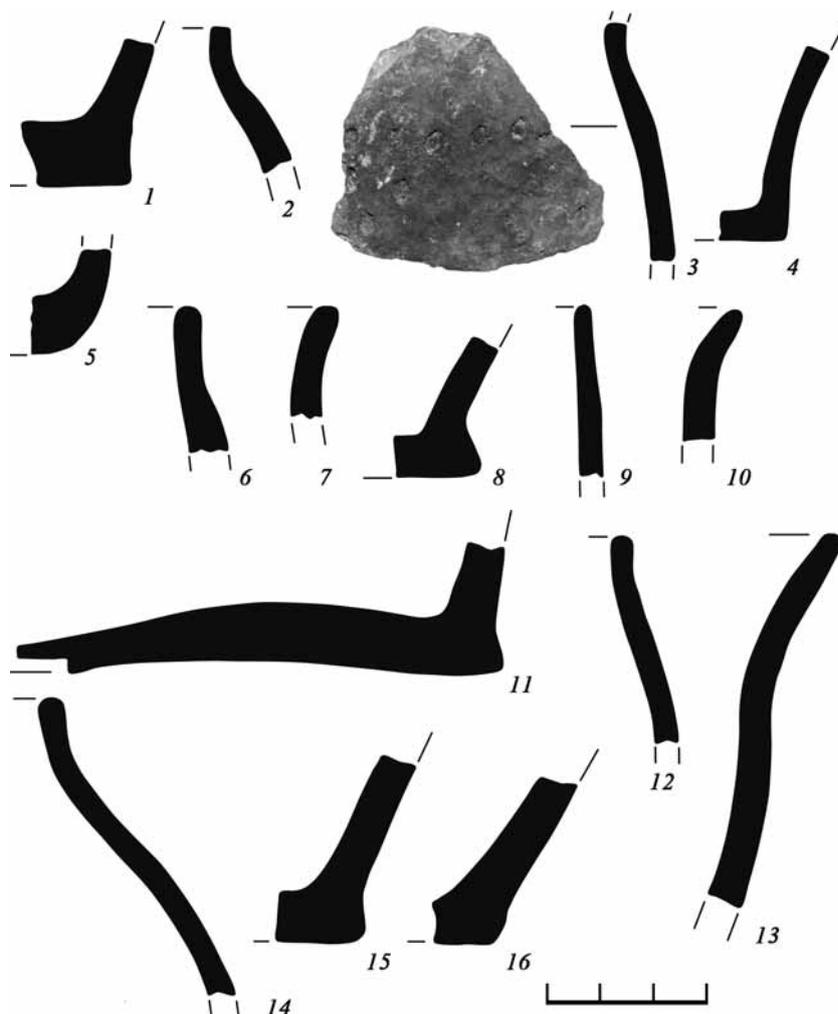

Рис. 6. Городище Дуна. Раскоп 2. Лепная керамика из слоя 5 (1–14) и слоя 6 (15–16), фрагмент донца миниатюрного сосудика (5)

ский набор из этого слоя входят горшки типов I–III (рис. 11, 2–4, 9–10), в совокупности составляющие 54%, и типа VI (рис. 11, 1), венчики которых по срезу орнаментированы пальцевыми, пальцево-ногтевыми вдавлениями (рис. 12, 1–3, 7, 10–11). Венчики горшков типов I–III лишены какой-либо орнаментации.

При разборке слоя 2 была выявлена часть наземной постройки, заглубленной в слой 2 в среднем на 0,2 м. Размеры изученной части постройки – 1,73×1,26 м. В ее заполнении найдены фрагмент керамического грузила (рис. 13, 1), заготовка ножа из кости и костяной скобель (рис. 13, 2). Керамическая коллекция из объекта составила 145 фрагментов лепной посуды, среди которой доминируют горшки типа VI (рис. 12).

Слой 3 представлен светло-бурой супесью с включениями угольков (рис. 3). Вещевой комплекс слоя 3 представлен находками пронизки из трубчатой кости (рис. 5, 1), накладки из цветного металла (рис. 5, 2), фрагментом костяного наконечника стрелы (рис. 5, 3); двумя миниатюрными сосудиками (рис. 5, 4, 6), четырьмя костяными проколками (рис. 5, 5, 8–10), костяным стругом (рис. 5, 7) и фрагментом каменного грузика.

Керамический материал из слоя представлен 503 обломками лепной посуды (горшки и миски). В керамический набор входят горшки типов I (рис. 14, 15), II (рис. 14, 1, 7, 16; рис. 15, 2–3, 11, 16–17, 18–22), III (рис. 14, 3; рис. 15, 9–10, 24), которые совокупности составляет 75%, и типов V (рис. 14, 20, 23–24) и VI (рис. 14, 10–12; рис. 15, 1).

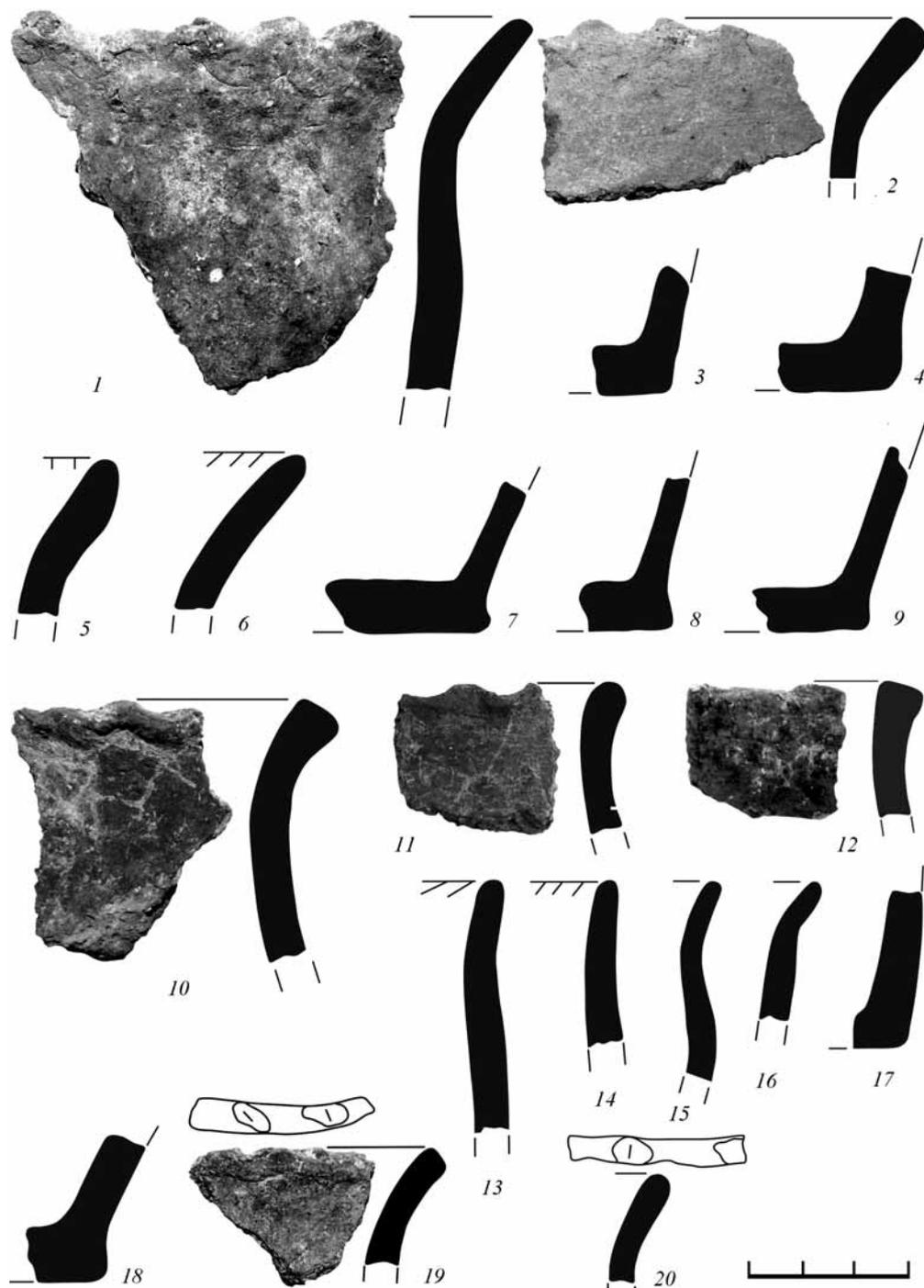

Рис. 7. Городище Дуна. Раскоп 2. Лепная керамика из слоя 1.
Рисунки Е. В. Столярова

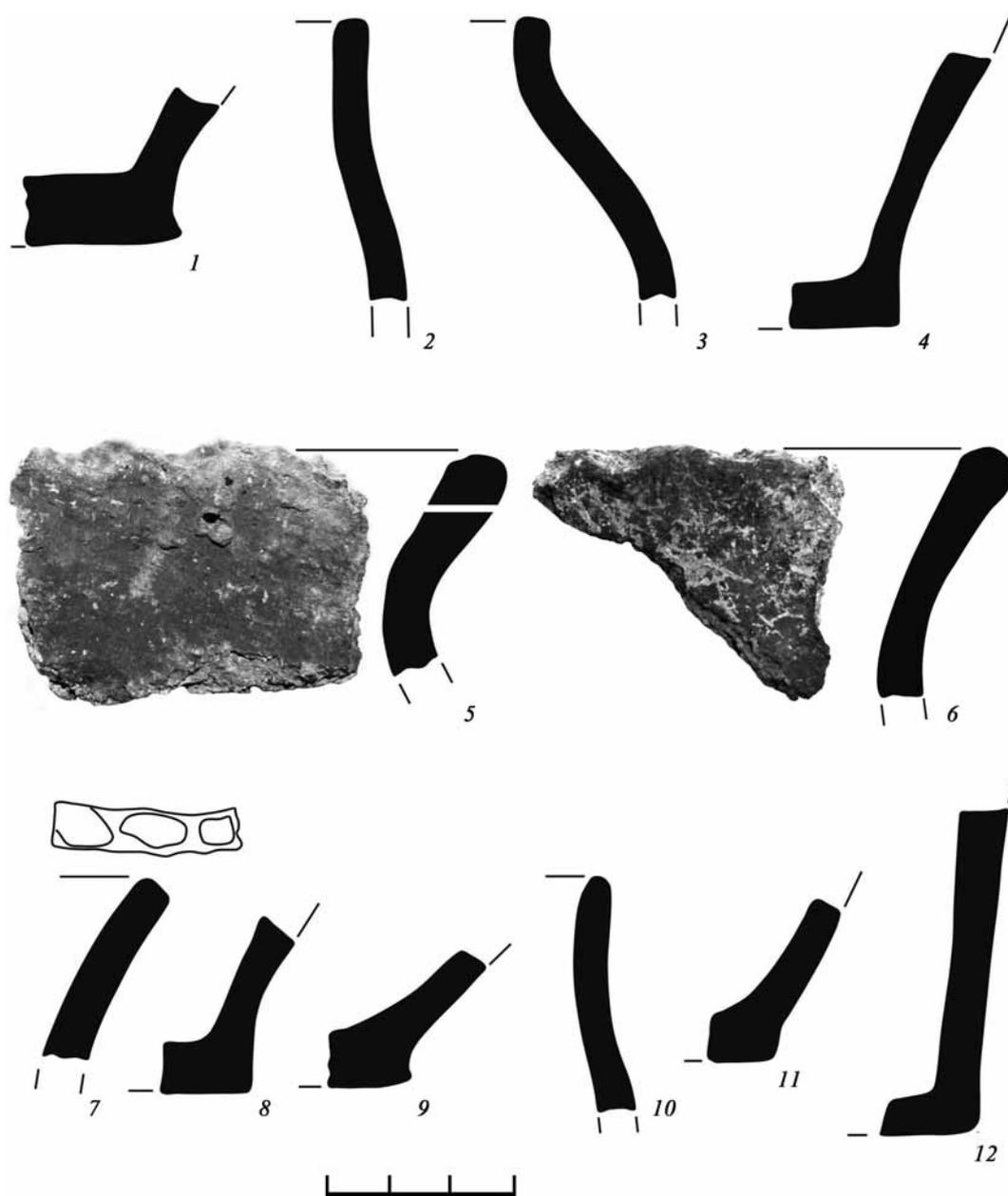

Рис. 8. Городище Дуна. Раскоп 2. Лепная керамика из слоя 1

Венчики горшков всех типов в большинстве своем не орнаментированы. Лишь один венчик горшка типа VI имел орнаментацию в виде пальцевых вдавлений по срезу венчика (рис. 15, 1), а другой – насечки (рис. 14, 10). Одна стенка имела орнамент в виде ямочных вдавлений (рис. 15, 14). Дополняют керамический набор миски типа III (рис. 14, 22, 25–27).

Хронологическим маркером данного слоя является находка накладки из трех блюшек (рис. 5, 2). По Б.Б. Агееву, ременные накладки, соединенные из трех-четырёх одинарных блюшек (тип 6), аналогичные украшениям Шиловского могильника,

датируются III–I вв. до н.э. (Агеев, 1992. С. 44. Табл. 30, 8).

Слой 4 сложен темно-бурым суглинком с включениями угольков (рис. 3). Вещевой комплекс слоя 4 включал фрагмент заготовки костяного наконечника стрелы (рис. 16, 1), обломок костяной иглы (рис. 16, 2), четыре подвески из створок раковин моллюска (рис. 16, 3–6), кость со следами рубящих ударов (рис. 16, 7), костяной струг и костяную проколку.

Подвески из створок раковин моллюска (рис. 16, 3–6) найдены недалеко друг от друга,

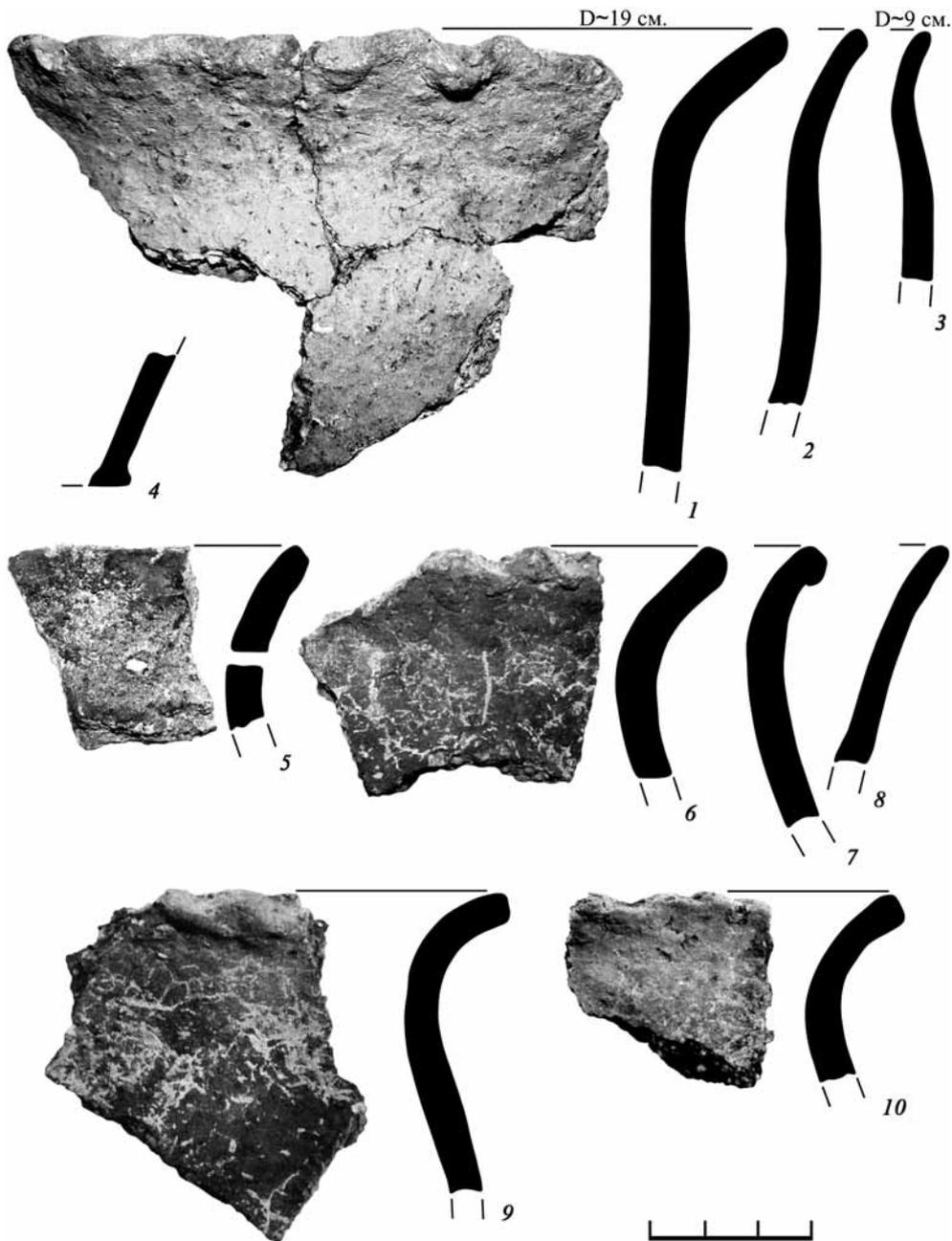

Рис. 9. Городище Дуна. Раскоп 2. Лепная керамика из слоя 1

следовательно, они могли входить в состав ожерелья. Аналогичные находки с территории культур раннего железного века лесной и лесостепной зон Восточной Европы нам неизвестны.

Керамический материал из слоя представлен 274 фрагментами лепной посуды. В керамический набор входят горшки типов I (рис. 17, 5, 19), II (рис. 18, 8; рис. 17, 1-2, 14, 17-18, 20, 25), III (рис. 18, 13-14), в совокупности составляя 85%, и типа V (рис. 17, 4; рис. 18, 12). Лишь один

венчик горшка типа V имел орнаментацию в виде пальцевых вдавлений по краю (рис. 17, 4). Одна стенка имела орнамент в виде ямочных вдавлений (рис. 18, 6), другая – насколы щепой (рис. 18, 7). Дополняют керамический набор миски типов II (рис. 17, 2) и III (рис. 17, 15).

Слой 5 сложен бурым суглинком (рис. 3). Вещевой комплекс слоя представлен фрагментом донца миниатюрного керамического сосуда или погремушки (рис. 19, 1), костяной

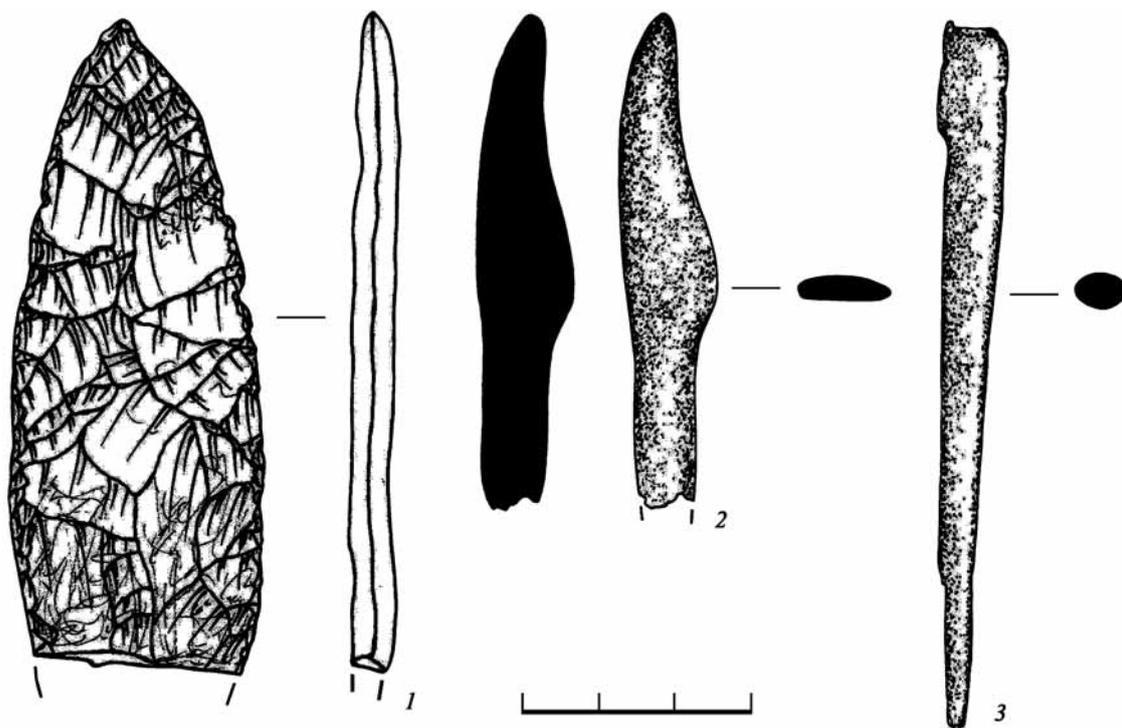

Рис. 10. Городище Дуна. Раскоп 2. Находки из слоя 2
1 – наконечник копья; 2 – нож; 3 – проколка. 1 – кремь, 2–3 – кость

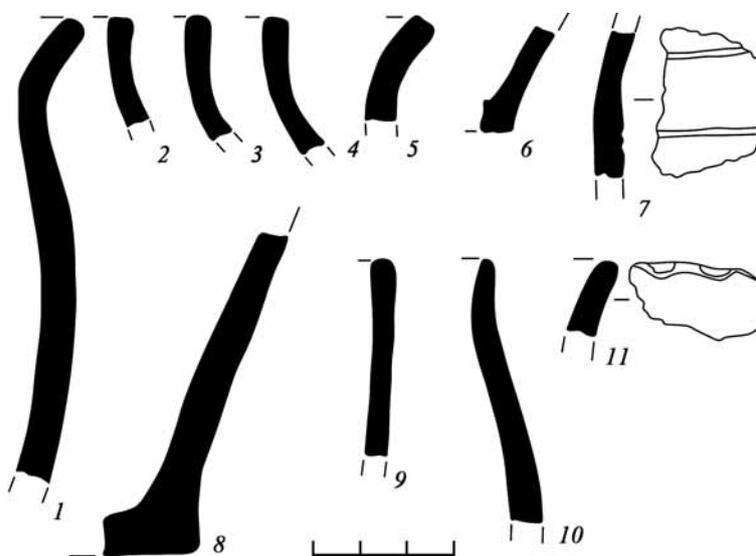

Рис. 11. Городище Дуна. Раскоп 2. Лепная керамика из слоя 2

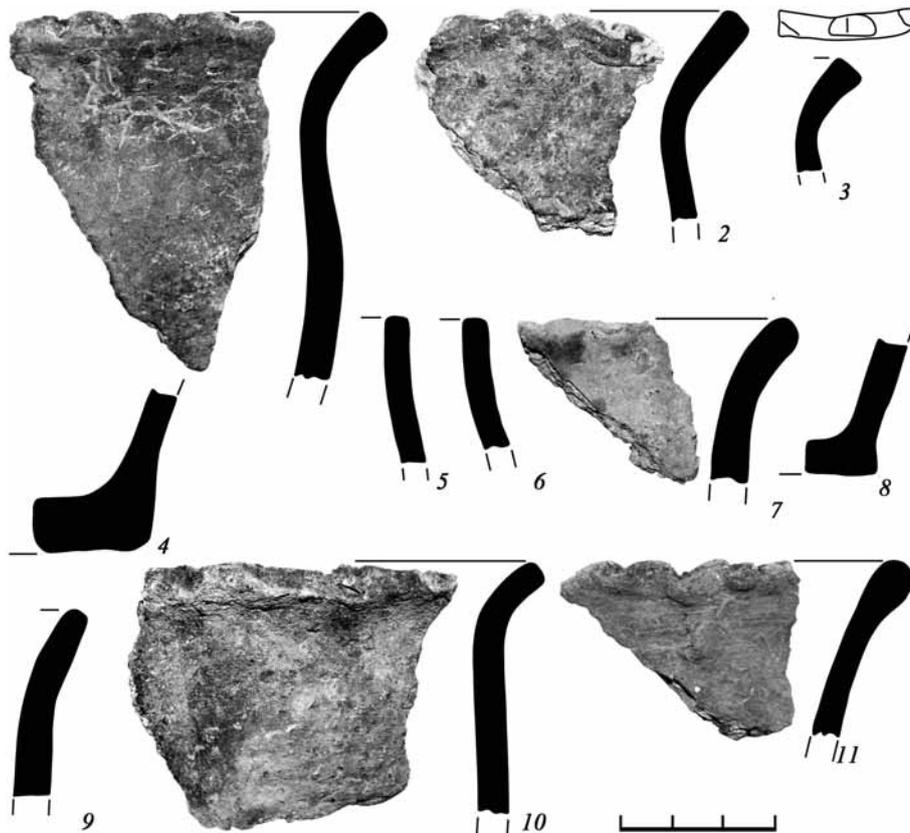

Рис. 12. Городище Дуна. Раскоп 2. Слой 2. Лепная керамика из заполнения постройки

булавкой (рис. 19, 4), обломком керамического изделия (рис. 19, 2), частью миниатюрного сосуда (рис. 19, 3), фрагментом керамической зооморфной фигурки (рис. 19, 8), костяным стругом (рис. 19, 5) и двумя костяными проколками (рис. 19, 6–7).

Фигурки животных являются редкой находкой на памятниках раннего железного века лесной и лесостепной зон Восточной Европы. На городище Кузина Гора в Посеймье найдены всего две неполные фигурки лошади, датирующиеся VI–V вв. до н.э. (Алихова, 1962. С. 104. Рис. 7, 21). Зооморфные фигурки, в частности, известны по материалам нижнего слоя Дьякова городища, который датируется V–II вв. до н.э. (Кренке, 2011. С. 45).

Керамический материал из слоя представлен 462 фрагментами лепной керамики. Керамический набор состоит из горшков типов I (рис. 20, 1, 3, 17; рис. 21, 14; рис. 6, 9), II (рис. 6, 3, 12; рис. 20, 8, 14, 19–20; рис. 21, 2, 9–12, 21–22), III (рис. 6, 2, 14), IV (рис. 21, 20), которые в совокупности составляют 87%. Также встречены горшки типов V (рис. 20, 16) и VI (рис. 20, 9–10). Ряд венчиков горшков типа II имеют насечки по краю (рис. 20,

6, 19; рис. 21, 2), а также ямочные вдавления (рис. 6, 3; рис. 20, 8) или наколы щепой (рис. 21, 22) по плечикам. Встречены единичные фрагменты текстильной керамики (рис. 21, 8). Дополняют керамический набор миски типов I (рис. 21, 3) и III (рис. 20, 18).

Слой 6 сложен светло-бурым суглинком (рис. 3), вещевых находок в нем обнаружено не было. Керамический материал представлен всего 12 мало-выразительными фрагментами лепной посуды (рис. 6, 15–16). Материк раскопа 2 был сложен бежевым песком.

При переборке отвала раскопов конца XIX в. (рис. 22; работы Н. В. Теплова 1897 г., И. Д. Четыркина 1898 г. и Ю. Г. Гендуне 1898–1899 гг.), которые перекрывали культурные напластования раскопа 2 и, по сути, законсервировали их, были найдены четыре костяных наконечника стрел (рис. 23, 1–3, 8), кость со следами обработки (рис. 23, 4); костяная булавка (рис. 23, 5); костяной наконечник гарпуна (рис. 23, 6); костяная проколка (рис. 23, 7), кость рыбы (рис. 23, 9), а также раковина каури, керамический шар, несколько фрагментов керамических изделий и одна створка раковины моллю-

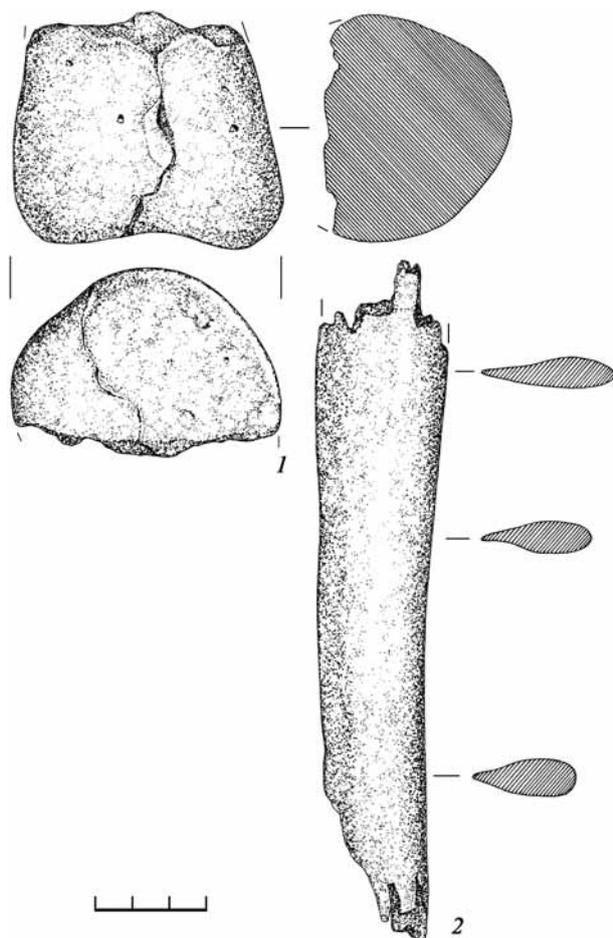

Рис. 13. Городище Дуна. Раскоп 2. Слой 2.
Находки из постройки

1 – фрагмент керамического грузила; 2 – костяной струг

ска с отверстием, аналогичная находкам раковин из слоя 4.

Наконечники стрел, найденные при переборке отвалов, относятся к отделу черешковых, среди которых выделяются следующие три типа.

Конические (шиловидные) без упора (рис. 23, 1, 2) имеют круглое в сечении перо в виде заостренного стержня и плоский черешок. Два аналогичных наконечника происходят из материалов раскопок городища Дуна конца XIX в. (Никольская, 1959. Рис. 6, 12–13). Среди материалов верхнеокской культуры известна еще одна находка подобного наконечника стрелы с городища Никола-Ленивец (Столяров, 2013. Рис. 34, 5). Аналогии этому типу наконечников известны с городищ дьяковской культуры – Троицкое, Щербинское, Кузнечики, Графская Гора и Каширское (Смирнов, 1974. С. 31. Табл. I, 18). У экземпляра под № 2 (рис. 23, 2) черешок, видимо, заканчивался раздвоенным расширением – серповидным вырезом

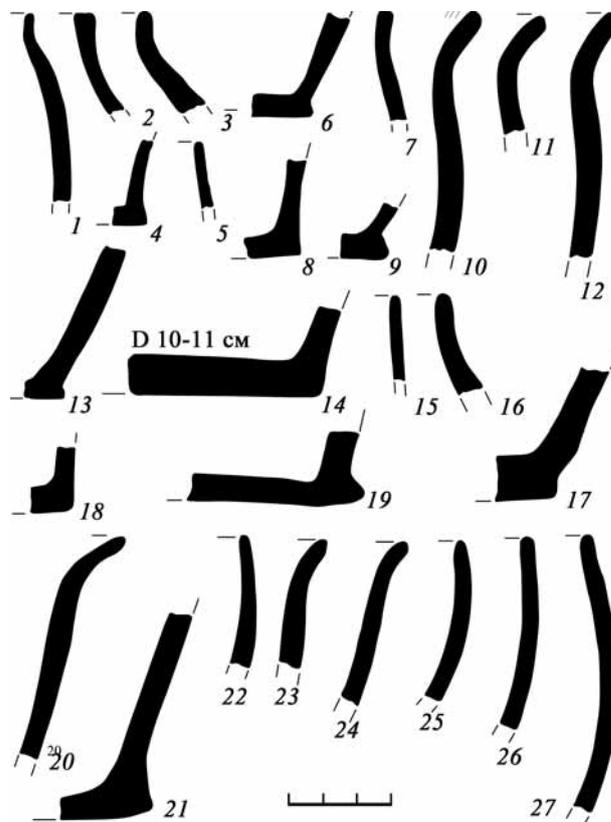

Рис. 14. Городище Дуна. Раскоп 2.
Лепная керамика из слоя 3

или вырезом в виде ласточкина хвоста. Подобный наконечник стрелы, только с треугольной формой пера и овально-уплощенным сечением, известен из раскопок Н. В. Теплова на городище Дуна (Никольская, 1959. Рис. 36, 10). Близкие по типу наконечники происходят также с городищ дьяковской культуры – Щербинского, Троицкого, Кузнечики, Сегунского, а также с городищ Кузина Гора и Моисеевского в Посеймье (Дубынин, 1974. Табл. 1, 1). Листовидные наконечники стрел с раздвоенным черешком являются наиболее характерными для днепродвинской культуры (Шмидт, 1992. С. 86. Табл. 18, 2–7, 9, 11–12). Данный тип – подражание костяным и железным наконечникам стрел IV–III вв. до н.э., известным в Поволжье, на Среднем Дону и Сейме (Дубынин, 1974. С. 220).

Одношипные наконечники (рис. 23, 3) имеют овальное, подпрямоугольное или подтреугольное (более или менее уплощенное) сечение, иногда намечается грань. Одна сторона стрелы прямая,

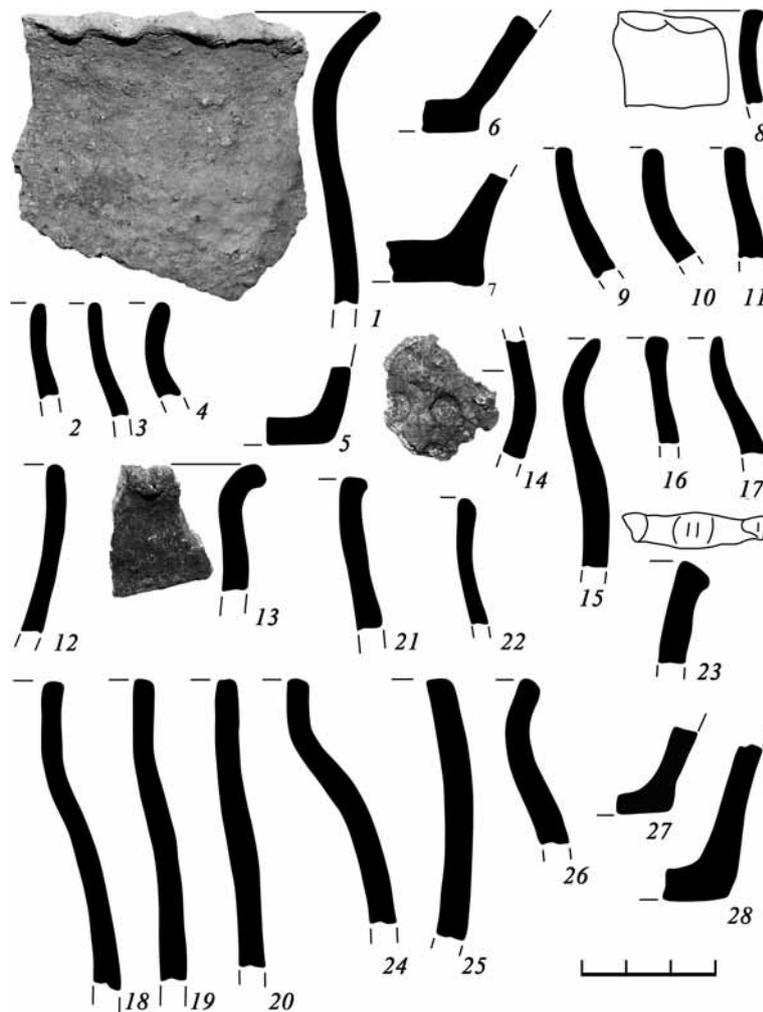

Рис. 15. Городище Дуна. Раскоп 2. Лепная керамика из слоя 3

на другой – шип. Аналогичный наконечник стрелы происходит из раскопок на городище Дуна конца XIX в. Также находки этих наконечников известны на городищах верхнеокской культуры Свинухово и Николо-Ленивец. Один экземпляр происходит с городища Мужитино (Булычев, 1903. Табл. XIII, 12). На дяковских городищах, там, где фиксированы условия залегания одношипных стрел, они залегали в нижней части слоя (Смирнов, 1974. С. 31). Найдены на Щербинском, Каширском, Борисоглебском, Подмоклово, Графская Гора, Мамоновом городищах дяковской культуры (Смирнов, 1974. Табл. I, 21), а также на ряде городищ днепро-двинской культуры (Шмидт, 1992. Табл. 1, 3–8);

Двушипные наконечники (рис. 23, 8). Экземпляр, происходящий с городища Дуна, имеет плоское перо с двумя шипами по сторонам и плоский черешок. По положению находок в культурном

слое городищ Троицкого, Щербинского и Кузнечики этот тип наконечников относили ко времени до рубежа новой эры (Смирнов, 1974. С. 32. Табл. I, 26).

Гарпунный наконечник (рис. 23, 6). Следуя классификации К. А. Смирнова, находку наконечника следует отнести к отделу отделяющихся, типу 1 – однозубые с муфтой. Гарпун такого типа не был частью остроги, а применялся самостоятельно. Черешок наконечника вставлялся в гнездо на древке, а муфта служила для удержания ремня или веревки. Гарпун, вероятно, использовался при охоте на крупную рыбу или зверя, живущего в воде (бобр, выдра). Если удар не был смертелен, то наконечник выскакивал из древка, и добыча уходила вместе с ним, однако охотник удерживал ее за ремень (Смирнов, 1974. С. 34–35). К типу гарпунных наконечников относится половина всех известных завершённых наконечников гарпунов с городищ Свинухово

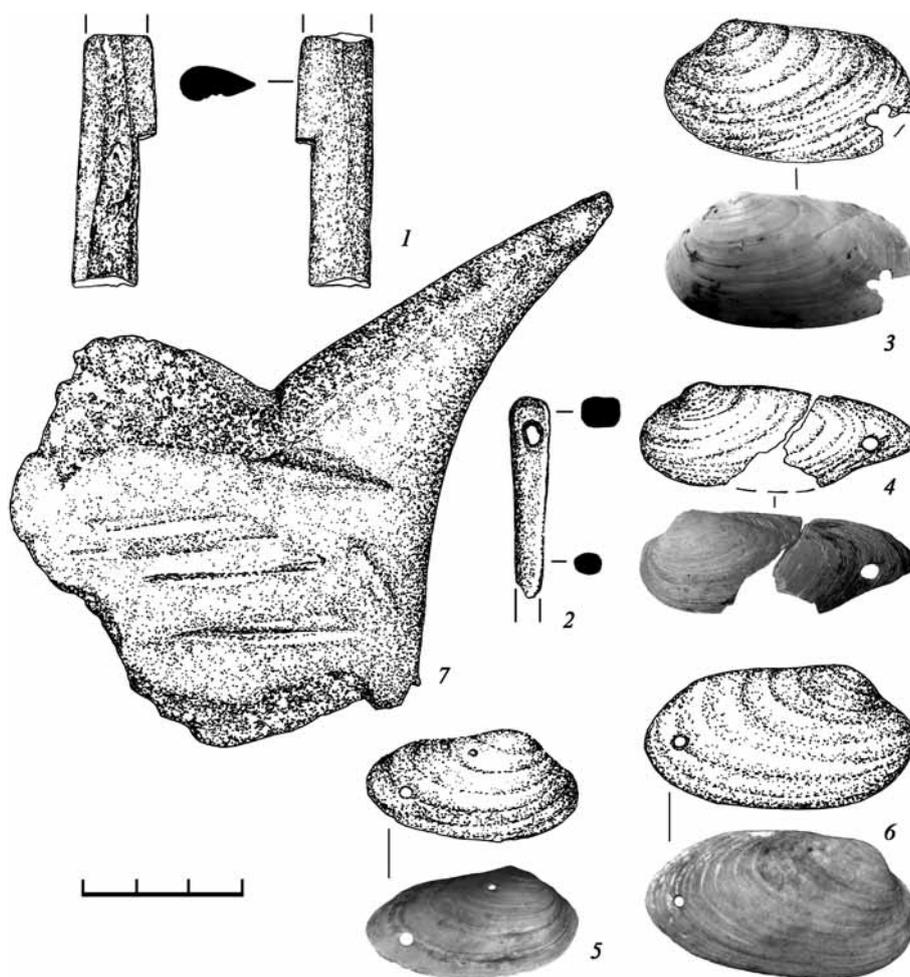

Рис. 16. Городище Дуна. Раскоп 2. Находки из слоя 4

и Николо-Ленивец (восемь экземпляров) и одна заготовка, а также находки «рыболовных крючков» по Н. В. Теплому с городища Дуна (Изв. КУАК, 1899. С. 16) и два экземпляра из коллекции с селища Певкин Бугор (Розенфельдт, 1963. С. 225. Рис. 1, 9–10). Самая многочисленная группа таких гарпунов была обнаружена на Щербинском городище в нижнем и среднем слоях (Дубынин, 1974. С. 257. Табл. III). На Троицком городище, которое поражает обилием костяного инвентаря, таких гарпунов только два, причем один – на материке, с датировкой IV–III вв. до н.э. Большая часть гарпунов культуры ранней штрихованной керамики (Егорейченко, 2006. С. 35. Табл. 23) и днепродвинской (Шмидт, 1992. С. 78. Табл. 2, 1–7) также относится к данному отделу и типу. В Прикамье подобные гарпуны встречаются в слое со скифскими стрелами V–III вв. до н.э. Общая датировка гарпунных наконечников этого типа – не позднее IV–III вв. до н.э. (Смирнов, 1974.

С. 35), что хорошо согласуется с вещевым комплексом исследуемого нами городища.

Костяные булавки (рис. 19, 4; рис. 23, 5). Все экземпляры булавок, происходящие с памятников раннего железного века лесной полосы Восточной Европы, можно разделить на две группы: 1) булавки, у которых головка сохраняет естественную форму кости, и 2) булавки с искусственно оформленной головкой. Первые схожи с проколками, но их отличает более тонкая игла и плоская расширяющаяся головка подтреугольной, трапециевидной или почти округлой формы. Среди них традиционно выделяются булавки с отверстием в головке для крепления к одежде при помощи шнура. К данному типу относятся и наши экземпляры. На городище Дуна, по материалам работ конца XIX в., были встречены булавки и без отверстия. Н. В. Теплов отнес их к орудиям для нанесения орнамента на сосуды (Изв. КУАК, 1899.

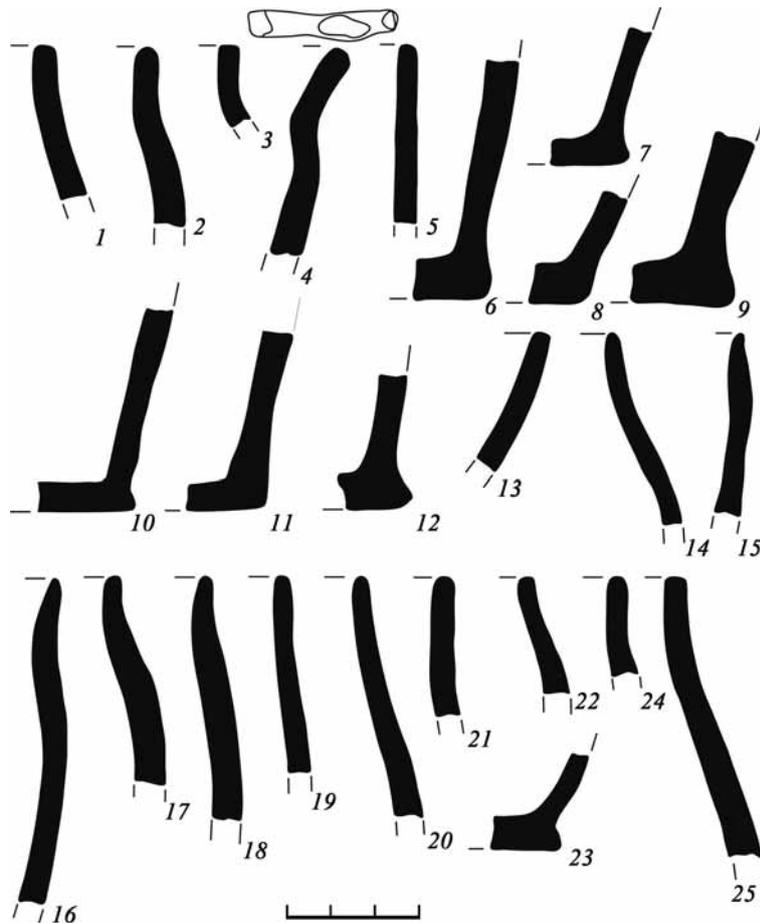

Рис. 17. Городище Дуна. Раскоп 2. Лепная керамика из слоя 4

С. 16. Рис. 5). Булавки, аналогичные нашей, найдены на городищах верхнеокской культуры Свиногово и Николо-Ленивец. Близкие им по типу экземпляры встречены среди древностей культуры ранней штрихованной керамики (Егорейченко, 2006. Табл. 27), раннего железа белорусского Пономанья (Медведев, 1996. С. 38, 1–5), днепродвинской культуры северной Беларуси (Шадыро, 1985. С. 44. Рис. 21, 27) и Смоленщины (Шмидт, 1992. Табл. 8, 1–19), а также среди материалов каширской группы городищ (Сидоров, 2006. Рис. 9).

К самой многочисленной группе костяных изделий относятся проколки (рис. 5, 5, 8–10; рис. 10, 3; рис. 19, 6–7; рис. 23, 7; рис. 24, 4–6; рис. 25, 1). В настоящее время нет классификации подобного рода изделий ввиду того, что они имели многофункциональный характер. В. А. Городцов первым попытался разработать их классификацию (Смирнов, 1974. С. 43), которая была в общих чертах воспринята Я. Я. Граудонисом, затем В. И. Шадыро (1985. С. 43), А. А. Егорейченко (2006. С. 31–36)

и значительно переработана К. А. Смирновым (1974. С. 44–46).

Большинство проколов делалось из метакарпальных костей, имевших с одной стороны естественное сужение, а рукояткой служило естественное завершение кости. В этом случае, исходя из принципа целесообразности, операция по их изготовлению сводилась к подрезке и заточке окончания кости или к стачиванию одной из сторон (Егорейченко, 2006. С. 30). Данный вид хозяйственного инвентаря широко представлен в различных культурах всех времен и народов.

Дополняют вещевой комплекс верхнеокской культуры с городища Дуна находки, происходящие с раскопа 3. Раскоп 3 был разбит на самом краю северо-западной части площадки городища (по существу уже на переходе к склону), после зачистки юго-восточного склона, которая выявила сохранившейся участок культурного слоя, пригодного для исследования. Площадь раскопа составила 8 кв. м (рис. 1, Б). Материалы раннего

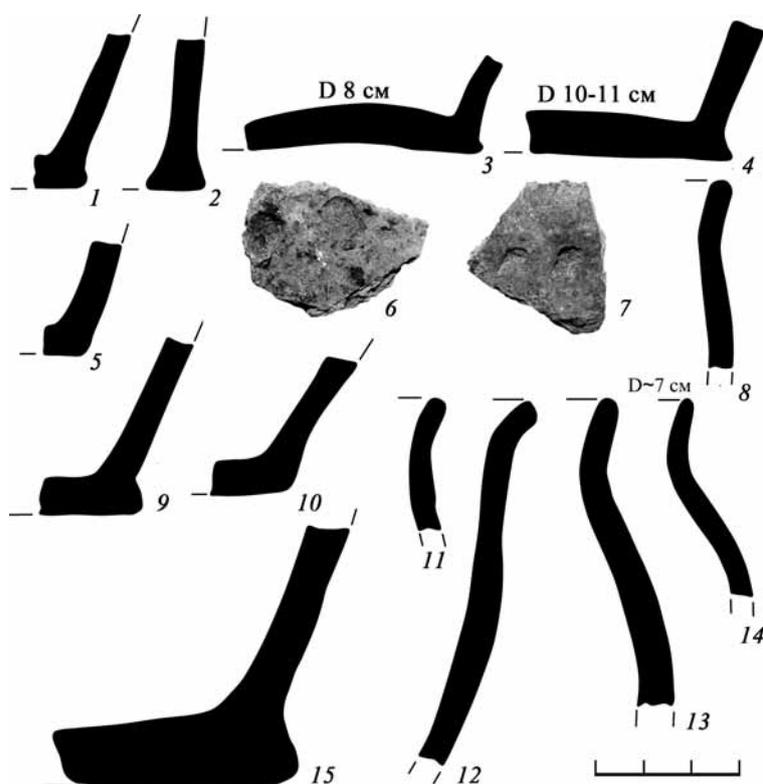

Рис. 18. Городище Дуна. Раскоп 2. Лепная керамика из слоя 4

железного века были найдены в переотложенном состоянии.

При переборке дерна был найден фрагмент керамической литейной формы (рис. 24, 1), а при разборке слоя 2 – два предмета: костяное грибовидное навершие рукояти и фрагмент керамической литейной формы (рис. 24, 2). При разборке слоя 4, который, видимо, представляет остатки снивелированного позднейшей хозяйственной деятельностью слоя эпохи раннего железного века, найдены три костяные проколки (рис. 24, 4–6).

Костяная рукоять относится к группе грибовидных с конусовидным окончанием (рис. 24, 3). Аналогичные рукояти происходят с верхнеокского городища Гремячево (Булычев, 1899. С. 20. Табл. 3, 25–28, 34) и упомянуты среди находок вещевого комплекса городища Вороново (Никольская, 1962. Л. 26). На территории соседних синхронных культур они также известны среди находок юхновского горизонта городища Кузина Гора и городищ Прислон, Пекуновское и Тушемля (Дубынин, 1974. С. 224). Такие рукояти в некотором количестве известны в древностях дьяковской и каргопольской культур середины I тыс. до н.э. (Смирнов, 1974. С. 39), а также в материалах каширской группы

городищ раннего железного века (Сидоров, 2006. Рис. 14, 6, 9–10).

Первая керамическая литейная форма (рис. 24, 1) служила, видимо, для отливки привесок, близких треугольным привескам с прорезями (Столяров, 2014. С. 36–41). Вторая керамическая литейная форма (рис. 24, 2) предназначалась, видимо, для отливки ажурных листовидных наверший булавок, широко представленных на памятниках верхнеокской культуры. Это первая находка такого плана, известная автору, поскольку ажурные навершия отливались по восковой модели, с утратой литейных форм.

Помимо раскопочных работ на городище Дуна был осуществлен сбор подъемного материала из грабительских разрытий и с разрушающихся склонов городища. При обследовании грабительских ям обнаружен ряд индивидуальных находок: на площадке городища – костяная проколка (рис. 25, 1), два костяных изделия неясного предназначения (рис. 25, 2–3) и подвеска из цветного металла (рис. 25, 4). При обследовании юго-восточного склона городища, во время его зачистки, была найдена парная плоская бляха из цветного металла из слоя, соотносимого со слоем 5 раскопа 2.

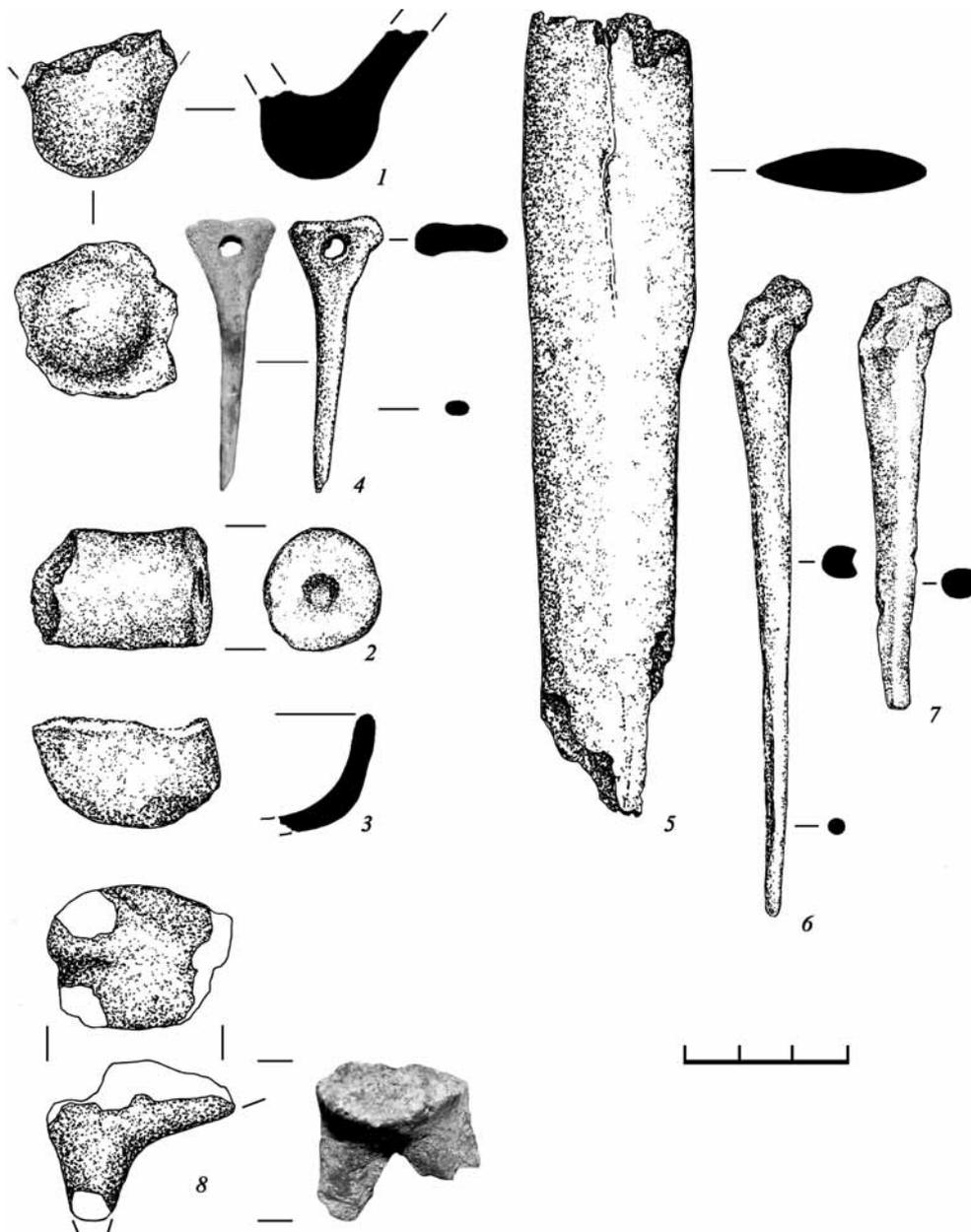

Рис. 19. Городище Дуна. Раскоп 2. Находки из слоя 5

1-2 – фрагмент изделия керамического; 3 – профиль миниатюрного сосудика; 4 – булавка; 5 – струг; 6-7 – проколка; 8 – фрагмент зооморфной фигурки. 1-3, 8 – керамика; 4-7 – кость

Находка парной плоской бляхи важна в качестве хронологического маркера.

Совершенно аналогичные плоские парные бляхи без орнамента (остатки поясных украшений) встречены в Акозинском могильнике ананьинской культуры в погребении 52, датированном VI в. до н.э. (Халиков, 1977. Рис. 10, В-2). По мнению В.С. Патрушева, парные бляхи с дуговидной петлей, гладкой и, реже, орнаментированной

поверхностью (тип I, разновидность 10), датируются по материалам Старшего Ахмыловского могильника VII–VI вв. до н.э. (Патрушев, 1984. С. 24–27. Рис. 11). С.Н. Коренюк считает, что парные бляхи характерны для инвентаря погребений третьего этапа ананьинской культуры. Датируются они VII в. до н.э. – первой половиной VI в. до н.э. Диагностирующие комплексы содержат предметы раннескифского (2–3-й этапы раннескифской

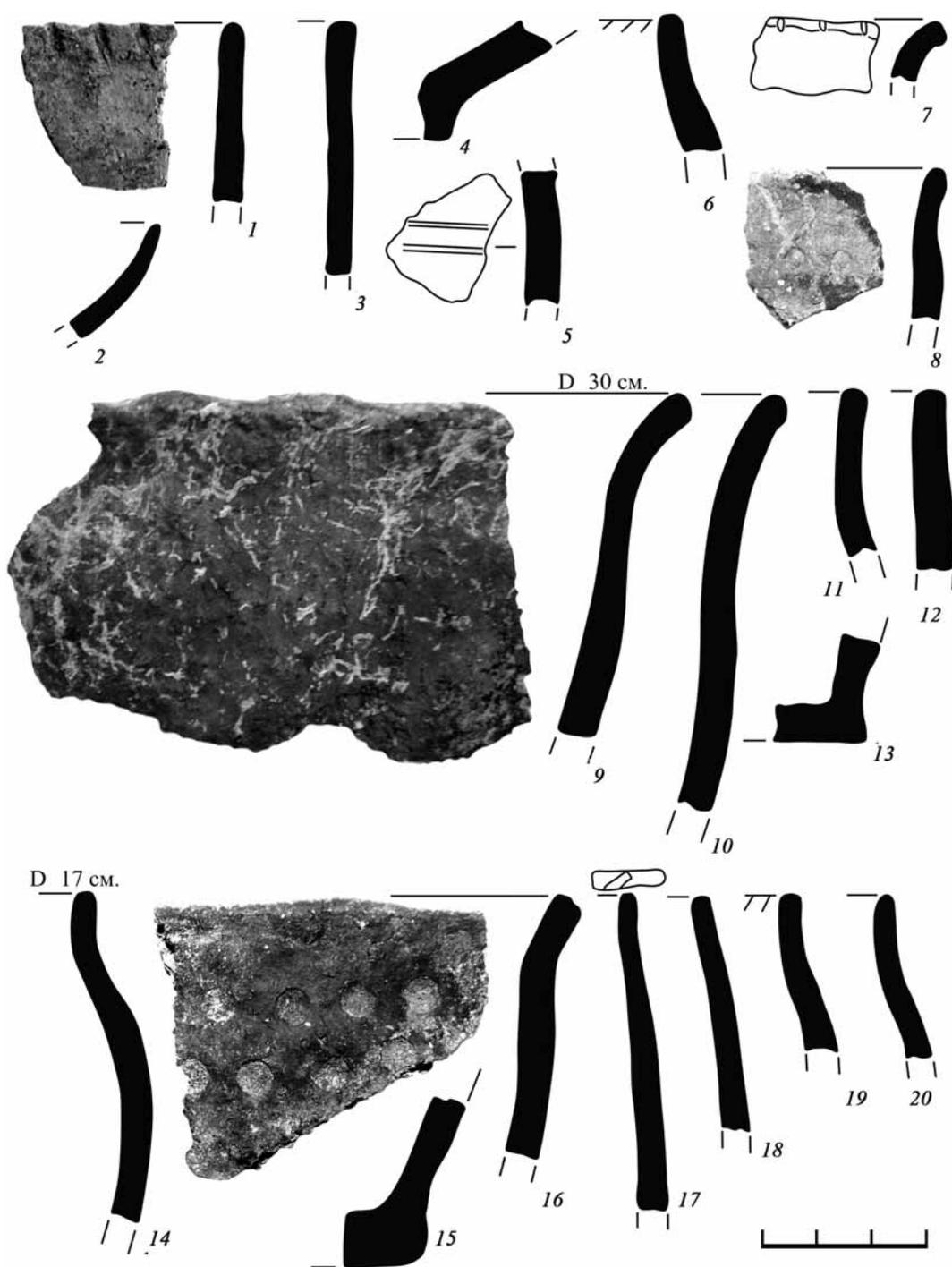

Рис. 20. Городище Дуна. Раскоп 2. Лепная керамика из слоя 5

культуры по Медведской) и сакского облика (*Коренюк*, 2000. С. 75–76. Рис. 3). В. Ф. Генинг датировал сдвоенные бляшки как без орнамента, так и со спиральным орнаментом по материалам ананьинской культуры (Зуевский и Каракулинский могильники) VII–III вв. до н.э. (*Генинг*, 1988. Рис. 4). Аналогичные парные бляшки с плоской поверхностью

встречены в погребении 18 Мольбищенского могильника VII–VI вв. до н.э. (Могильник на острове Мольбищенский, 1988. С. 21, 22. Рис. 11, 1). Таким образом, наиболее вероятная датировка нашей бляхи – VI в. до н.э.

Выводы. В ходе раскопок на городище Дуна (по материалам раскопа 2) впервые за всю

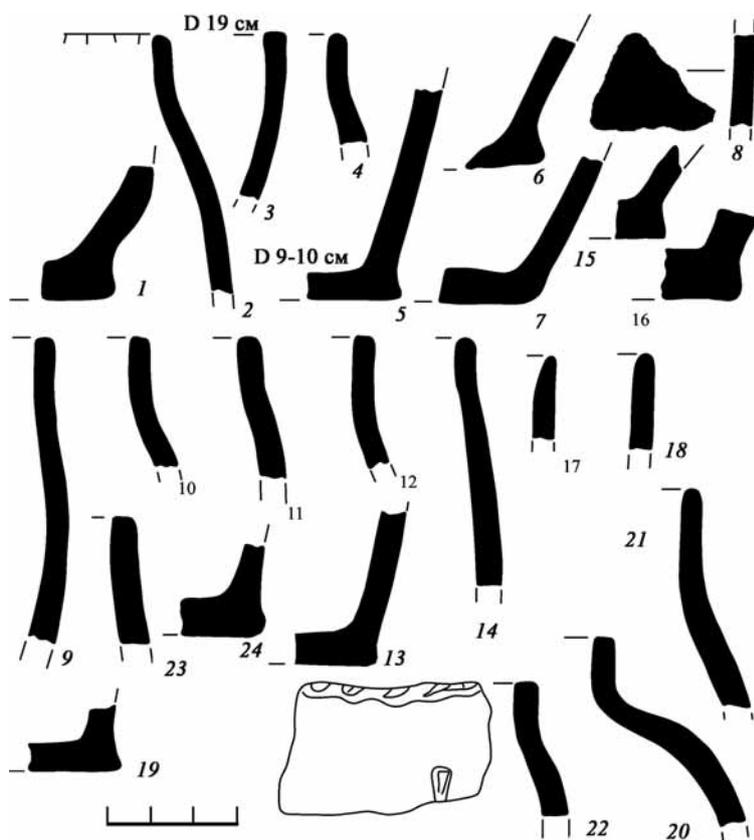

Рис. 21. Городище Дуна. Раскоп 2. Лепная керамика из слоя 5

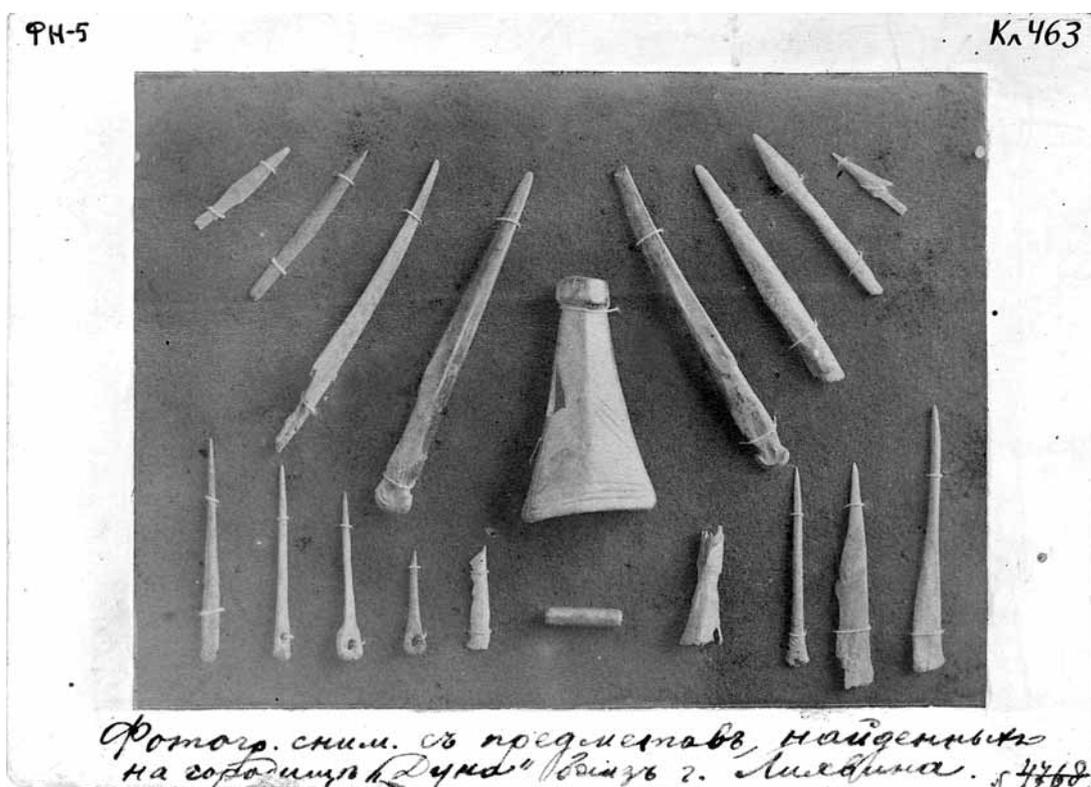

Рис. 22. Находки с городища Дуна. Фото кон. XIX в.

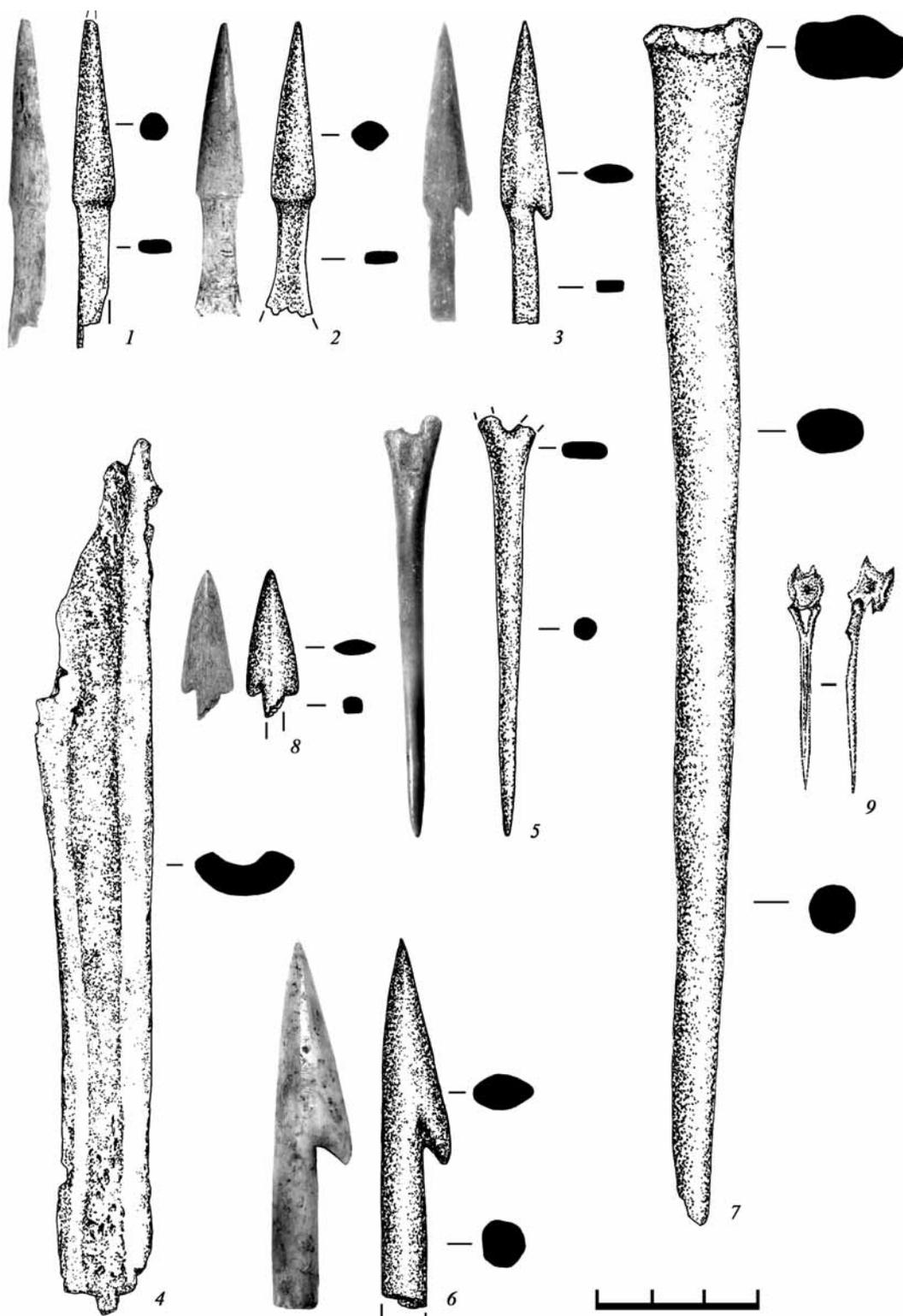
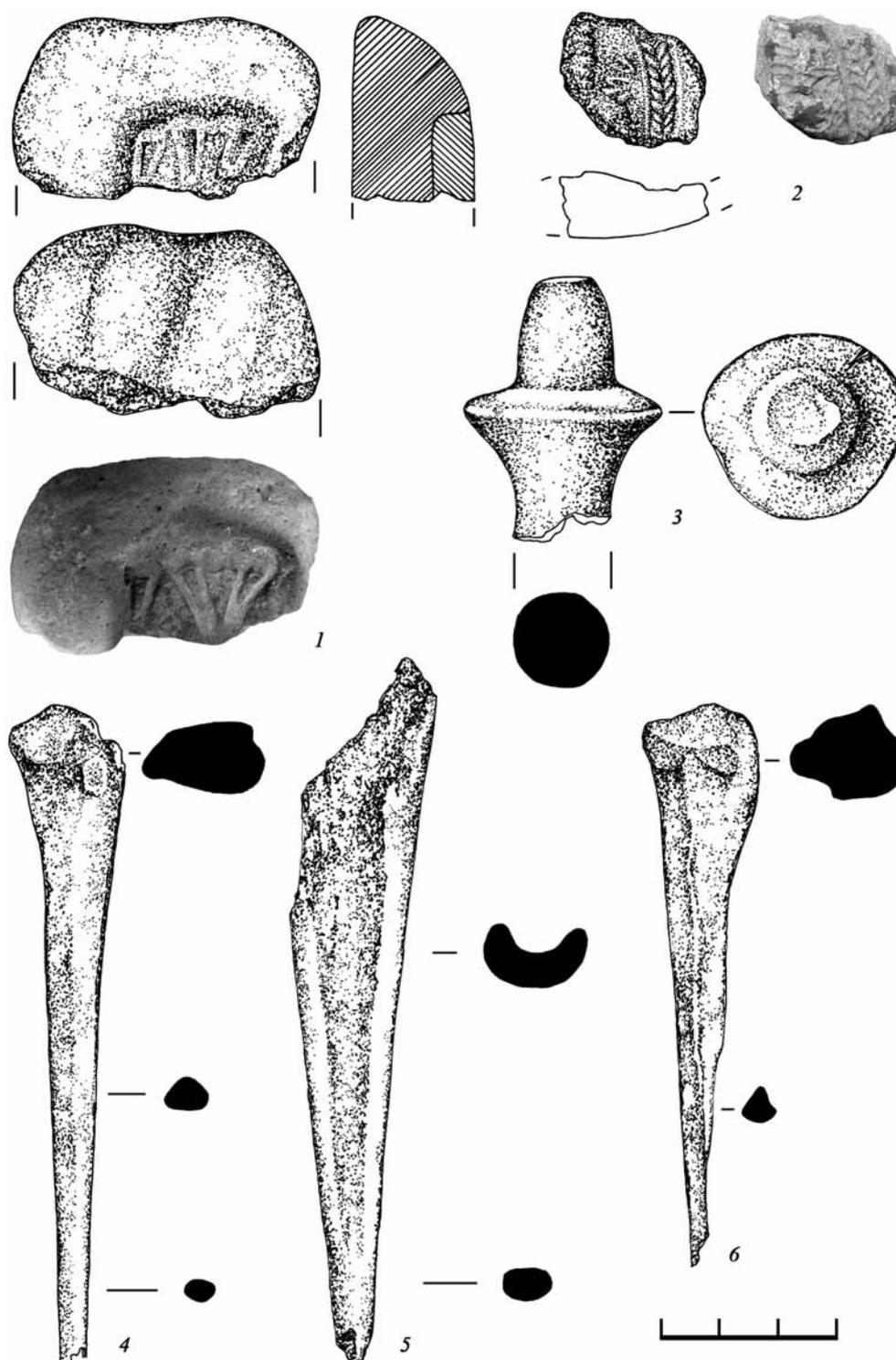

Рис. 23. Городище Дуна. Раскоп 2. Находки из отвалов раскопов конца XIX в. Рисунки С.Ю. Харченко
 1-3, 8 - наконечники стрел; 4 - кость со следами обработки; 5 - булавка; 6 - наконечник гарпуна;
 7 - проколка; 9 - кость рыбы. 1-8 - кость

Рис. 24. Городище Дуна. Раскоп 3. Находки

1–2 – фрагменты литейных форм; 3 – грибовидное навершие рукояти;
4–6 – проколки. 1–2 – керамика; 3–6 – кость

историю изучения верхнеокской культуры была выявлена стратиграфическая колонка из шести слоев (рис. 3). Многочисленный керамический

и вещевой материал, полученный из раскопов 2–3 на городище Дуна, имеет прямые аналогии в материалах эпохи раннего железного века других

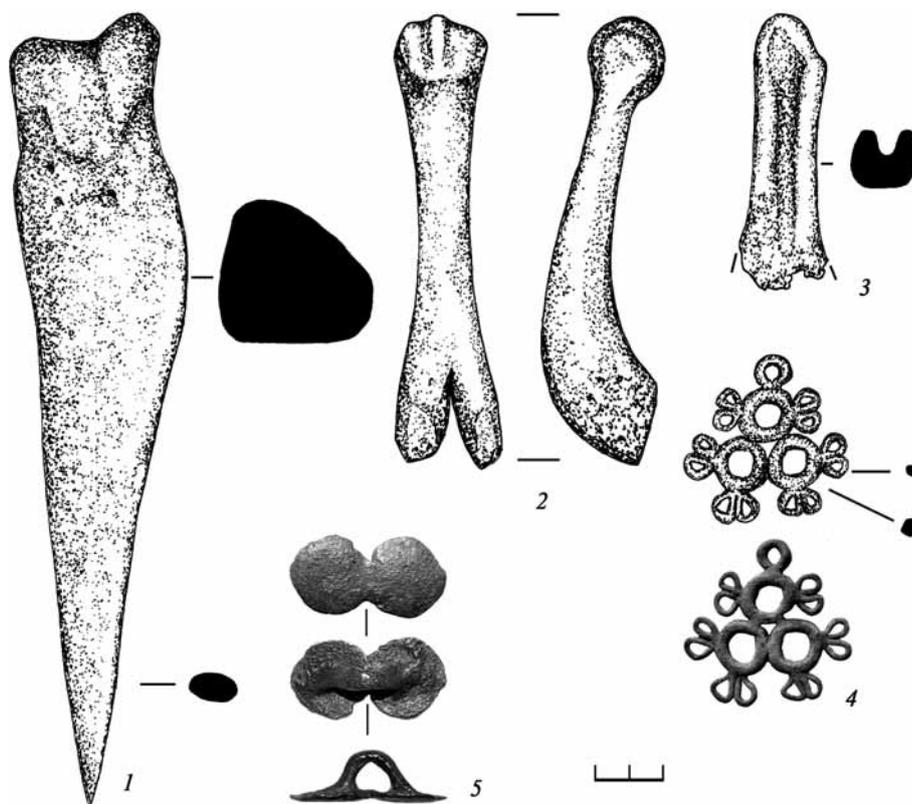

Рис. 25. Городище Дуна. Находки, собранные из грабительских ям (1–4) и с разрушающихся склонов городища (зачистка юго-восточного склона (5))

1 – проколка; 2–3 – изделия непонятного предназначения; 4 – подвеска; 5 – парная плоская бляшка. 1–3 – кость; 4–5 – цветной металл

городищ верхнеокской культуры – Свинухово, Николо-Ленивец, Ромоданово, Вороново и т. д. Это позволяет сделать вывод о том, что городище было основано носителями культурных традиций верхнеокской культуры. Ввиду того, что в нашем распоряжении нет ярких датирующих находок, материалы раннего железного века могут быть датированы в пределах VI – последних веков I тыс. до н. э., то есть в широких границах существования верхнеокской культуры.

По нашим наблюдениям стратиграфии и исходя из анализа всего вещевого и керамического комплекса, можно условно обозначить основные этапы существования городища. Находка парной плоской бляшки и фрагмента керамической зооморфной фигурки позволяют отнести время формирования слоев 5–6 к VI–V вв. до н. э. К этому времени относятся и находки фрагментов керамических литейных форм, а также грибовидное навершие рукояти. Наличие отдельных фрагментов керамики, характерной для скифоидной лесостепной культуры (VI тип горшков и I тип миски в слое 5) и сетчатой (дьяковская культура), позволяет сде-

лать выводы о культурном влиянии последних на верхнеокскую культуру.

Исходя из анализа керамического комплекса и находки накладки из трех бляшек, время формирования слоев 3–4 может быть обозначено в рамках IV–III вв. до н. э.

Керамический материал слоев 1–2 имеет прямые аналогии в древностях последних веков до н. э. – первых веков н. э., типа среднего слоя Тушемли, верхнего горизонта Полужья и Упы 2. Вероятно, мы имеем дело с ранее неизвестным, финальным этапом существования верхнеокской культуры на рубеже эр, который и представлен материалами слоев 1–2 раскопа 2 городища Дуна. Анализ керамического материала из четко стратифицированного слоя позволил достаточно ярко выявить тенденцию развития керамического комплекса верхнеокской культуры (рис. 4; 26) – развитие форм сосудов шло от простых баночных форм (типы I–III) к постепенному усложнению профилировки (типы IV–V) и появлению хорошо профилированных сосудов (типы VI–VII).

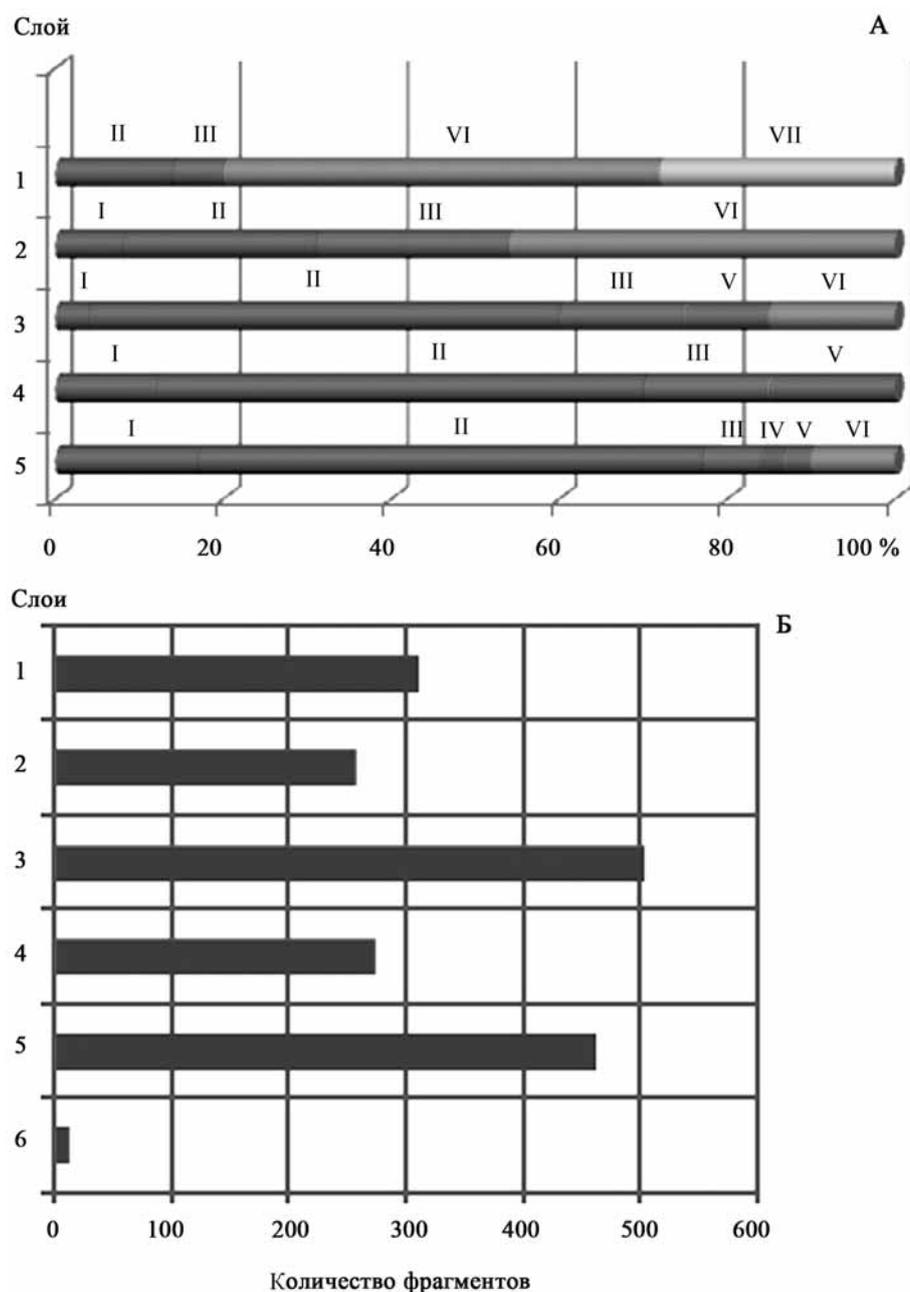

Рис. 26. Городище Дуна. Раскоп 2. Процентное соотношение типов лепной посуды (А) и количество фрагментов лепной керамики (Б) по слоям

Трудно сказать, являются ли горшки типов VI–VII самостоятельной линией развития керамического комплекса верхнеокской культуры, или же их появление связано с культурным влиянием извне. Общая тенденция изменения керамического комплекса (рис. 26, А) говорит, вероятно,

в пользу первой точки зрения. Тем не менее соотношение вышеперечисленных древностей рубежа эр с более ранними культурами (днепро-двинской, юхновской и верхнеокской) до конца непонятно и является темой отдельных специальных полевых исследований.

Литература

- Агеев Б. Б.*, 1992. Пьяноборская культура. Уфа.
- Алихова А. Е.*, 1962. Древние городища Курского Посеймья//МИА. № 113.
- Булычев Н. И.*, 1899. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М.
- Булычев Н. И.*, 1903. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М.
- Воронцов А. М.* Отчет об археологических исследованиях в Суворовском и Кимовском районах Тульской области в 2011 г. Ч. 1.// Архив ИА РАН.
- Гендуне Ю. Г.* 1903. Городище Дуна Лихвинского уезда Калужской губернии. СПб.
- Генинг В. Ф.*, 1988. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н. э. – II в. н. э.). М.
- Дубынин А. Ф.*, 1974. Щербинское городище// Дьяковская культура. М.
- Егорейченко А. А.*, 2006. Культуры штрихованной керамики. Минск.
- Изв. КУАК. Вып. 3. Калуга, 1898.
- Изв. КУАК. Вып. 1. Калуга, 1899.
- Изв. КУАК. Калуга, 1900.
- Коренюк С. Н.*, 2000. Ананьинская культура в трудах А. П. Смирнова и новые данные в ее изучении//Тр. ГИМ. Вып. 122. М.
- Кренке Н. А.*, 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.
- Медведев А. М.*, 1996. Белорусское Понеманье в раннем железном веке (I тысячелетие до н. э. – 5 в. н. э.). Минск.
- Могильник на острове Мольбищенский. Каталог археологической коллекции. Йошкар-Ола, 1988.
- Никольская Т. Н.*, 1959. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. М.
- Никольская Т. Н.*, 1962. Отчет об археологических раскопках в Калужской области в 1962 г.// Архив ИА РАН. Р-1. № 2521.
- Патрушев В. С.*, 1984. Марийский край в VII–VI вв. до н. э. (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола.
- Пузикова А. И.*, 1997. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). М.
- Розенфельдт И. Г.*, 1974. Керамика дьяковской культуры//Дьяковская культура. М.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1963. Селище Певкин Бугор//СА. № 3.
- Сидоров В. В.*, 2006. Каширская культура в железном веке бассейна Оки//Обнинский краеведческий сборник. Обнинск.
- Смирнов К. А.*, 1974. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги)//Дьяковская культура. М.
- Столяров Е. В.*, 2013. Культурные традиции населения бассейна Верхней Оки в эпоху раннего железного века. Дисс. ... на соискание ученой степени канд. истор. наук. М.
- Столяров Е. В.*, 2014. Об одном типе треугольных привесок на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы//АП. Вып. 10.
- Теплов Н. В.* 1899. Городище «Дуна» близ г. Лихвина Калужской губернии//Изв. КУАК. Вып. 1. Калуга.
- Халиков А. Х.*, 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа VIII–VI вв. до н. э. М.
- Шадыро В. И.*, 1985. Ранний железный век Северной Белоруссии. М.
- Шмидт Е. А.*, 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепродзвинские племена (VIII в. до н. э. – III в. н. э.). М.

E. V. Stolyarov

The fortress settlement of Duna – characteristic features as it may have appeared in the period of the early Iron Age (based on finds during excavations carried out in 2011)

Summary

The first studies in history of Upper Oka River culture were made during excavations at the hill fortress of Duna (based on finds from digs during 2011), uncovering a stratigraphic column composed of six layers. A large amount of material – ceramics and

household items – from this stratigraphic column enabled a study of the pace of evolution of this ceramics centre in the Upper Oka, and establish the different periods of the settlement's existence in the period of the 6th–1st centuries BC.

Е. Ю. Тавлинцева

Предмет с зооморфным навершием из Ростиславля

Летом 2010 г. на Ростиславльском городище раннего железного века (Озерский район Московской области) была сделана редкая находка – предмет с зооморфным навершием в виде головы животного с двумя вертикально поставленными ушами и вытянутой мордой (рис. 1; 2). Предмет представлял собой слегка изогнутый стержень подтреугольного сечения, изготовленный из рога лося или оленя (определение Е. Е. Антипиной). В древности он был сломан, разлом прошел по центру рабочей части, в месте ее наибольшего изгиба. Общая длина находки составила 154 мм, длина рабочей части – 120 мм, максимальная ширина – 19 мм, длина навершия – 34 мм. В зооморфном навершии были сделаны два сквозных отверстия. Одно из них круглое (диаметром 6–8 мм), шло горизонтально через всю голову зверя, от морды до затылка. Перпендикулярно ему было сделано второе отверстие, прямоугольное, размером 8–9×5 мм. Круглое отверстие получено с помощью сверления, прямоугольное – сверлением и прорезкой. На конце рабочей части стержня заметны следы интенсивного лощения (Антипина, 2011).

Видовую принадлежность изображенного животного определить сложно. Круглая в сечении морда не заострена, а срезана почти под прямым углом. Глаза, ноздри, пасть не выделены. Хорошо проработаны овальные вертикально поставленные уши, рельефно подчеркнута нижняя челюсть. По мнению Е. Е. Антипиной, основные черты и пропорции головы животного «однозначно не соответствуют ни одному из известных видов млекопитающих. Однако даже в таком виде соотношение между мозговой и лицевой частями головы, абрис и размеры скуловой дуги, а также ширина морды – все это характерно для копытных

животных, в частности, таких, как лошадь и лось» (Антипина, 2011).

Оба обломка предмета были найдены неподалеку друг от друга на участке Н раскопа V, заложенного практически вплотную к склону городища в сторону р. Оки. Мощность культурного слоя в этом месте составляла 80–90 см. Исследования Ростиславльского городища в предыдущие годы показали достаточно устойчивую стратиграфию культурных напластований на этом памятнике. Верхняя их часть представляла собой слой 1, в основном откладывавшийся в I–V вв. н.э. и частично переработанный в эпоху русского Средневековья. Под слоем 1 залегал нижний слой городища – слой 2, связанный с заполнением построек второй половины I тыс. до н.э.

Слой 1 делился на несколько горизонтов, и в разных частях городища количество и мощность этих горизонтов сильно варьировались. В южной части площадки, там, где она примыкала к валу, слой 1 имел максимальную мощность и разделялся на два, а в некоторых местах на три горизонта. Ближе к северной оконечности площадки он становился тоньше, и горизонты читались уже не так отчетливо. На большей части площади раскопа V в слое 1 выделялись два горизонта. Верхний горизонт А – аморфный темно-серый суглинок, нарушенный многочисленными перекопками и насыщенный керамикой разного времени. Под ним залегал горизонт Б, состоявший из коричневого суглинка с включениями темно-серого суглинка. На участке Н, где был найден предмет с зооморфным навершием, слой 1 имел мощность от 20 до 60 см. Горизонты в нем выделялись во многом условно. В северной части кв. 81, на месте находки, сразу под дерном залегал слой 1-Б, а горизонт А отсутствовал.

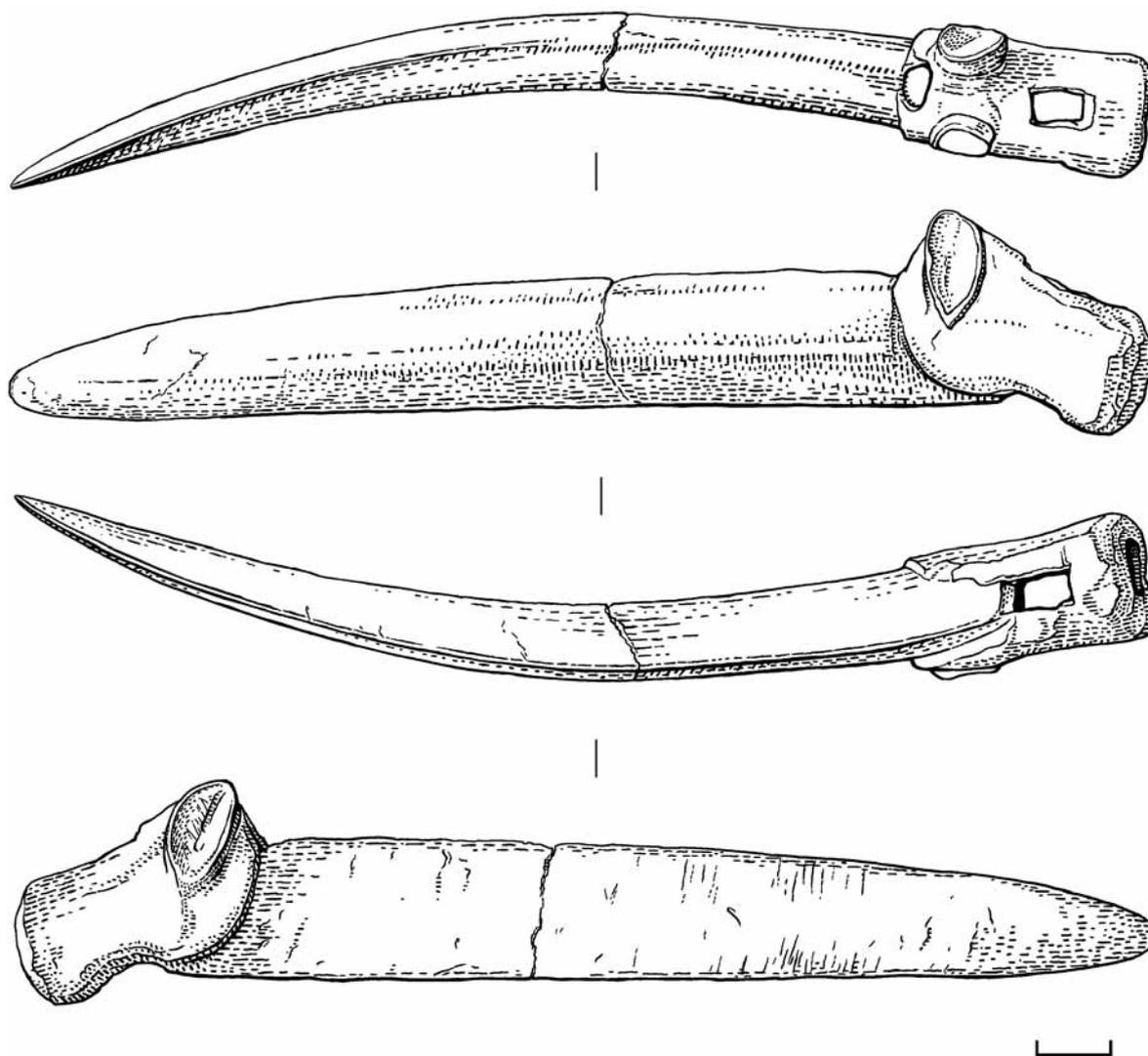

Рис. 1. Кочедык с зооморфным навершием с Ростиславльского городища.
Рисунок Н. А. Сафроновой

Предмет был найден в самой нижней части слоя 1-Б, на контакте со слоем 2, и, по всей видимости, его следует связывать именно с нижним слоем памятника, в данном месте включавшим заполнения двух построек (№ 5 и 9). Постройка 9 перекрывала заполнение более ранней постройки 5. Отсутствие каких-либо разделяющих их прослоек позволяет думать, что между ними не было большого хронологического разрыва. Предварительная дата постройки может быть определена в пределах второй половины (последней трети?) I тыс. до н. э.

Постройка 5 (исследуется с 1998 г.) представляла собой «длинный дом», следы которого фиксировались вдоль всего западного края площадки городища. Дом делился перегородками на несколько отсеков, внутри которых расчищены остатки ото-

пительных сооружений (очагов) и фрагменты полов в виде прослоек светло-серого суглинка.

Сведения о постройке 9, обнаруженной в 2010 г., носят пока предварительный характер, поскольку она оказалась сильно повреждена перекопами и норами животных-землероев. До сих пор не ясны размеры этого сооружения и большинство деталей его конструкции. Предварительный анализ керамики показал, что этот открытый комплекс содержал разнородный материал: помимо сетчатой и гладкостенной в нем была встречена штрихованная керамика, а также обломки профилированных сетчатых сосудов первых веков нашей эры. Наличие последних свидетельствует о том, что, по крайней мере, ее верхняя часть была нарушена перекопами более позднего времени.

Рис. 2. Кочедык с зооморфным навершием с Ростиславльского городища. Фото

Индивидуальные находки из заполнения постройки также были невыразительны и не дали надежных хронологических ориентиров.

Учитывая незначительную мощность заполнения постройки 9 (10–30 см), можно предположить сильную турбированность слоя и соответственно допустить, что обнаруженные в этом месте находки перемещались в разных направлениях. В случае с зооморфным предметом это перемещение вряд ли было велико, так как обе его части найдены в непосредственной близости друг от друга. Теоретически он мог относиться и к постройке 5, верхнюю часть которой нарушила постройка 9, однако связь находки с постройкой 9 представляется более вероятной.

Найденный предмет предварительно был атрибутирован как кочедык. Полной аналогии ему на сегодняшний день неизвестно, хотя подобные предметы встречались при раскопках дьяковских памятников неоднократно. Среди них известны и кочедыки или похожие на них инструменты с зооморфными навершиями. В качестве аналогии в первую очередь можно привести находку с городища Круглица – похожий на кочедык стержень

с навершием в виде объемной фигурки медведя с двумя перпендикулярными отверстиями, как и в нашем случае (Кренке, Чаукин, 2013). Два близких по форме предмета с объемными зооморфными изображениями происходят с городищ Щербинское и Соколова Гора (Розенфельдт, 1967. Рис. 31, 2, 3). Кроме того, два бронзовых кочедыка с зооморфными рукоятями, со сквозным отверстием в одной из них, известны в материалах Старшего Ахмыловского могильника (Васильев, 2002. С. 74, 208. Кат II-147, 243)¹. Необходимо также упомянуть костяной кочедык из коллекции Н. А. Самгина, верхняя часть которого украшена стилизованным изображением животного (хранится в ГИМ). К сожалению, точное место находки этого предмета неизвестно (Смирнов, 1947. С. 168. Рис. 61).

Кочедык с городища Ростиславль является произведением декоративно-прикладного искусства, и его происхождение требует особого исследования. Образцы художественного творчества раннедьяковского периода хорошо известны, но их количество невелико.

По мнению исследователей, для местной художественной традиции этого времени характерны

¹ Автор выражает искреннюю благодарность С. А. Васильеву за консультацию и предоставленную возможность ознакомиться с текстом диссертации.

Рис. 3. Зооморфные рукояти со Старшего Каширского городища

1 – из раскопок 1997 г. (по: Сидоров, Смирнов, 1999); 2 – из раскопок 1925–1926 гг. (по: Розенфельдт, 1967)

скорее плоскостные графические изображения, в том числе зооморфные, и мелкая глиняная пластика (Крис, 1995. С. 60, 62; Кренке, 2011. С. 222). В то же время из раннедьяковских слоев городищ происходит ряд костяных и роговых предметов с объемными зооморфными изображениями, среди которых есть вещи, выполненные в традициях скифского звериного стиля. Наиболее полная их сводка приведена в работе Х. И. Крис, посвященной изобразительному творчеству населения дьяковских городищ (Крис, 1995). Высокий художественный уровень исполнения ростиславльской находки (при некоторой схематичности образа его тем не менее отличает четкая и реалистичная проработка некоторых деталей: ушей, контура морды, щек) сближает ее именно с этой группой памятников.

Наиболее близкими аналогиями нашей находке следует считать рукояти ножей с зооморфными изображениями, найденные на Старшем Каширском городище. Одна из них происходит из раскопок В. А. Городцова 1925–1926 гг. Это небольшая костяная рукоять с продольным пазом, в верхней части которой помещено изображение хищного зверя с зубастой пастью. Глаза животного сделаны с помощью маленьких железных гвоздиков (рис. 3, 2). На сегодняшний день в археологической литературе нет единого мнения относительно происхождения этой рукояти. Одни исследователи считали ее импортом, другие высказывались в пользу местного происхождения (Розенфельдт, 1967. С. 95; Крис, 1995. С. 60; Смирнов, 1991. С. 57). В. И. Гуляев считал, что рукоять ножа со Старшего Каширского городища изготовлена под влиянием камско-уральского стиля и связана по происхождению с памятниками ананьинской культуры. В качестве аналогий он привел ряд находок с Аргыжского и Пижемского

городищ, а также с других ананьинских памятников (Гуляев, 1963). К этому списку можно добавить Буйское, Свиногорское и Зуевключевское городища, где найдены близкие по стилю костяные рукояти. (Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006; Васильев, 2002. С. 74, 208. Кат II-147, 243).

В 1997 г. на Старшем Каширском городище обнаружена еще одна роговая рукоять с зооморфным изображением. В отличие от первой находки, она оказалась рукоятью черешкового ножа с изображением головы животного в верхней ее части и сплошным резным орнаментальным поясом из прочерченных линий в нижней (рис. 3, 1). Авторы публикации датировали рукоять V–IV вв. до н. э. и определили, что она по своему «устройству, характеру изготовления, содержанию и стилистике изображения вписывается в число находок лесной зоны» (Сидоров, Смирнов, 1999. С. 167). На сегодняшний день это, по-видимому, наиболее близкая аналогия находке из Ростиславля. Оба изделия отличает некоторая схематичность, даже примитивность в исполнении, прослеживается сходство отдельных деталей: тщательно проработаны уши, абрис щеки и морда зверя.

Оба городища расположены в Поочье, на южной периферии дьяковской культуры: Старшее Каширское городище находится приблизительно в 30 км от Ростиславля. Ряд находок с Ростиславля, Старшего Каширского городища и памятников, расположенных в непосредственной близости от них, а также в этом регионе в целом, указывает на устойчивые связи в южном направлении. По мнению К. А. Смирнова, именно Ока играла главную роль в торговых и культурных контактах москворецкого населения с югом, откуда в лесную зону проникали различные импорты (Смирнов,

1991. С. 59). Среди них вполне могли быть рукояти ножей с зооморфными изображениями. В то же время нельзя исключать, что эти предметы изготавливали местные мастера в подражание импортным образцам звериного стиля. На сегодняшний день

обе версии имеют равное право на существование, и вопрос о происхождении этих находок остается дискуссионным. Однако вне зависимости от места изготовления подобных предметов их связь с искусством степного мира является бесспорной.

Литература

Антипина Е. Е., 2011. Результаты определения таксономической принадлежности сырья для костяных изделий из раскопок 2010 г. на городище Ростиславль. Приложение 2 // Коваль В. Ю. Отчет о работах Ростиславльской археологической экспедиции в 2010 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 33138.

Ашихмина Л. И., Черных Е. М., Шаталов В. А., 2006. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. до н. э.) // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 12. Ижевск.

Васильев С. А., 2002. Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб.

Гуляев В. И., 1963. Зооморфная рукоять ножа со Старшего Каширского городища // КСИА. Вып. 94.

Кренке Н. А., 2011. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.

Кренке Н. А., Чаукин С. Н., 2013. Городище дьякова типа Круглица на Москве-реке // РА. № 1.

Крис Х. И., 1995. Изобразительное творчество обитателей дьяковских городищ // РА. № 4.

Розенфельдт И. Г., 1967. Итоги раскопок Щербинского городища // КСИА. Вып. 112.

Сидоров В. В., Смирнов К. А., 1999. Зооморфная рукоять со Старшего Каширского городища // РА. № 1.

Смирнов А. П., 1947. Новые памятники дьяковской культуры // КСИИМК. Вып. XVI.

Смирнов К. А., 1991. К вопросу о связи племен городищевой и дьяковской культур с населением степи и лесостепи // СА. № 4.

E. Y. Tavlintseva

An item with a zoomorphic fineal from Rostislavl

Summary

Excavations in 2010 at the fortified settlement of Rostislavl (Ozery region, Moscow Region) yielded a horn item with its top shaped as an animal's head - with two perpendicular channels going from front to back, and from top to bottom. The object is made of

a elk or deer horn, and was believed to be a tool for weaving. Stratigraphic data indicates that it is linked to one of the lower-layer dwellings - which approximately date to the second half (or last third ?) of the 1st millennium B.C.

Т. Н. Новоселова, В. И. Вишневский

Раннесредневековый финно-угорский могильник на Ратьковском городище (результаты раскопок 2013 года)

Сергиево-Посадский историко-художественный музей-заповедник продолжил археологические работы на Ратьковском могильнике позднеяковской культуры, расположенном в 0,6 км к ЮЗ от д. Ратьково у пос. Искра в Александровском р-не Владимирской обл. и в 1,8 км к СВ от пос. Муханово Сергиево-Посадского р-на Московской обл.

Могильник находится на вытянутом, длиной 150 м, сильно разрушенном мысу, омываемым реками: с запада – Дубной, востока – Рассоловкой. Площадка задернована, склоны залесены. Открыт памятник был в 1996 г. В. И. Вишневским и исследовался в 1999, 2000, 2002, 2006 и 2007 гг. (рис. 1). Было вскрыто 487 кв. м и обнаружено 1220 индивидуальных находок, а также массовый материал – фрагменты лепной керамики (9022 шт.), фрагменты кремнированных костей (40 047 шт.), обугленных зерен (16 116 шт.) (*Вишневский*, 2003; *Вишневский и др.*, 2004; *Вишневский и др.*, 2007; *Вишневский, Новоселова*, 2010).

В 2013 г. было исследовано 44 кв. м в широкой, юго-восточной части городища. Шурфами (6 кв. м) исследовалось подножие северо-западного склона северной части могильника, где слоя обнаружено не было (рис. 2).

Раскоп на краю городища (44 кв. м) прирезан к юго-восточному углу шурфа 2007 г. Культурный слой представляет собой рыхлую темно-коричневую супесь мощностью 0,3–0,5 м и содержит остатки погребений: погребальный инвентарь, измельченные обожженные кремнированные кости людей, фрагменты керамики, обугленные зерна. Слой про-

сеивался с помощью сетки с ячейкой 2×2 мм, сканировался металлодетектором.

Среди находок (68 экз.) присутствуют бронзовые украшения: шумящие подвески с лапчатыми привесками – с щитком из полуспирали и двумя привесками-лапками (рис. 3, 1, 2; рис. 4, 1), с прямоугольным щитком из двойного плетеного в косу жгута с шестью лапками (рис. 5, 1); шумящие подвески с щитком из сомкнутых розеток с колокольчатыми привесками (рис. 4, 21; рис. 5, 2–5); большая ажурная подвеска с прямоугольным плоским щитком-рамкой из тройной витой проволоки, в центре которой по горизонтали расположены три пары литых розеток-полусфер, к щитку крепятся пять колец для пяти привесок (рис. 4, 2); трапециевидные (рис. 3, 3; рис. 5, 10–12) и колокольчатые (рис. 4, 3–6; рис. 5, 6–8) привески; спиральные пронизки (рис. 5, 13–19; рис. 4, 7, 8). Железные предметы представлены ножами (рис. 3, 7; рис. 6, 13), шилом крученым (рис. 4, 19), наконечником стрелы, рыболовными крючками (рис. 6, 10–12), иглами с ушком (рис. 4, 18; рис. 6, 14). Имеются также керамические пряслица (рис. 4, 14–16; рис. 6, 2, 5–7), каменные литейные формы (рис. 3, 6; рис. 4, 17; рис. 6, 1), костяные резные поделки (возможно, рукояти небольших шильев) (рис. 6, 3–4)¹. В отличие от северного края могильника, здесь отмечено небольшое количество обожженных и оплавленных вещей (11 из 68), а кремнированные кости не имеют определенной концентрации – рассеяны по всему раскопу на разной глубине, их находки не связаны с ямами. Основная концентрация находок, костей и керамики приходится, как и на других участках могильника, на 2-й и 3-й пласты (табл. 1).

¹ Рисунки выполнены Д. Н. Червко.

Таблица 1. Ратьковский могильник. 2013 г. Стратиграфическое распределение археологического материала.

Пласты	Фрагменты керамики	Находки	Фрагменты костей	Обугленные зерна
1	44	3	137	–
2	667	36	1638	3
3	651	22	1236	327
4	243	5	637	169
5	29	–	59	589
Ямы	3	–	5	–
Всего	1653	67	3712	1088

Таблица 2. Распределение находок по погребальным комплексам.

№ комплекса	Квадраты	№ ям (год)	Вещи	Фр-ты керамики	Фр-ты кремирован. костей	Фр-ты обугленных зерен
21	Ж2, Ж3, 32, 33	–	34	300	200	3
22	Д3, Г2-Г3, Д2-Д3	3 (2014)	8	116 (в яме – 27)	860 (в яме – 27)	15
23	А1-А2, Б1-Б2	1 (2014)	19	236	740	974

Кремированные кости, обугленные зерна, фрагменты керамики и находки образуют три скопления, разные по площади и объему материала, которые могут быть соотнесены с погребальными комплексами (рис. 7).

Комплекс № 21² (рис. 5; 6; 8) – в южной части раскопа, на стыке кв. Ж2, Ж3 и 32, 33 – округлой формы (1,0×0,9 м), в виде слабовыраженного пятна коричневой супеси. На материке он не прослеживался в виде ямы. Слой имел толщину не более 0,4 м и был насыщен фрагментами керамики (300 шт.) (рис. 8), кремированных костей (200 шт.), обугленными зернами (3) и находками (34) из бронзы, железа, камня и кости (табл. 2).

Из бронзовых украшений это колокольчатые подвески из трех литых полых внутри колокольчиков, которые с помощью колец крепятся к прямоугольному щитку виде двух или трех сомкнутых круглых розеток (рис. 5, 2–5), цилиндрические пронизки-спирали (рис. 5, 13–19), трапециевидные плоские привески с отверстием в узкой части и кольцом крепления (рис. 5, 10, 11, 12), колокольчатые привески (рис. 5, 6–8).

Железных находок немного, но есть вещи, встреченные впервые, – рыболовные крючки (рис. 6, 10–12), все они найдены во 2-м пласте. Два из них – традиционной полукруглой формы с шипом на острие (аналогичные найдены на Кикинском городище (Вишневский, 1998; 2009. С. 33. Рис. 1, 14) (рис. 6, 10–11), один – с прямым основанием и жалом, согнутым под острым углом (рис. 6, 12). Во 2-м пласте найдена длинная тонкая игла с ушком (рис. 6, 14), в 3-м пласте – фрагмент ножа (рис. 6, 13), в предматериковом пласте 4 – железный четырехгранный наконечник, возможно, от стрелы (но похожий на шило), с утолщенной средней частью и заостренными концами (рис. 6, 15). Здесь же найдены четыре пряслица (два из них во фрагментах): биконические и цилиндрическое (рис. 6, 2, 5–7) – и литейная форма из мягкого камня, на которой прослеживается конусовидная выемка для залива металла. На внешней стороне – две поперечные узкие канавки, соединенные четырьмя поперечными – для отливки маленьких бусин. По ребрам формы видны многочисленные мелкие насечки – возможно, от шнура, стягивав-

² Нумерация комплексов продолжает начатую в публикациях 2007 и 2010 гг. (Вишневский и др., 2007; Вишневский, Новоселова, 2010).

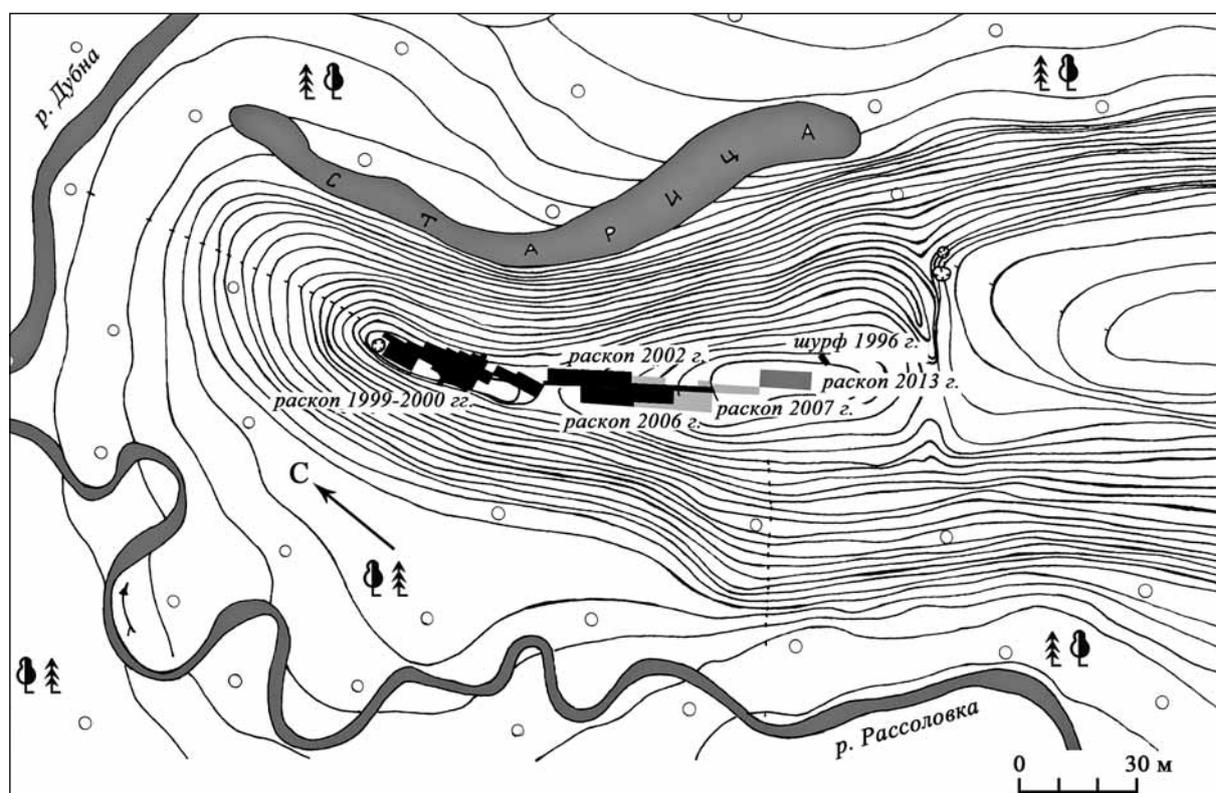

Рис. 1. План Ратьковского городища (раскопы 1999, 2000, 2002, 2006, 2007, 2013 гг.)

шего две половинки литой формы (рис. 6, 1). Впервые найдены костяные поделки конусовидной и цилиндрической формы с поперечными нарезками в виде колец, обожженные в огне; их можно трактовать как рукоятки мелких шильев (рис. 6, 3, 4). Три шила с костяными рукоятками этой эпохи происходят с Кикинского городища (Вишневский, 2009. С. 33. Рис. 1, 14), Попадьянского селища (Третьяков, 1941. С. 71. Рис. 39, 7) и селища Городище I (Клещин) на Плещеевом озере (Вишневский, 2012. С. 38. Рис. 3, 7).

Комплекс № 22 (рис. 3; 7) – пятно распространения находок имеет овальную форму (2,2×1,1 м), расположено в кв. ДЗ, Г2–Г3, Д2–Д3. Темно-коричневый слой имел тут мощность не более 0,5 м и содержал фрагменты керамики (116 шт.) (рис. 7), кремированных костей (860 шт.), обугленных зерен (15) и находки (8) из бронзы, железа и камня (табл. 2).

Бронзовые украшения комплекса представлены лапчатыми подвесками (рис. 3, 1, 2), состоящими из полуцилиндрического горизонтального щитка из витой проволоки, двух колец, к которым крепятся две трапециевидные привески-лапки, в нижней части лапки припаян небольшой валик

из круглой проволоки и одной трапециевидной привеской (рис. 3, 3), фрагментом спирального перстня (рис. 3, 4). Здесь же найдены железный черешковый нож (рис. 3, 7), фрагмент прямоугольной литой формы из мягкого камня (рис. 3, 6), обработанный камень в форме усеченной пирамиды, напоминающий отбойник для обработки камня (возможно, пестик) (рис. 3, 8), и бронзовый слиток (рис. 3, 5).

Комплекс № 23 (рис. 4; 9), в северной части раскопа, в кв. А1–А2, Б1–Б2, в глубокой (1,3 м) яме подовальной формы (2,1×1,1 м). В слое темно-коричневой рыхлой супеси тут обнаружены фрагменты керамики (236 шт.) (рис. 9), кремированных костей (740 шт.), обугленных зерен (974) и находки (19) (табл. 2). Все находки, фрагменты сосудов и кремированные кости содержались в темном слое на глубине не более 0,5 м от дневной поверхности (далее – д.п.), глубже залегал темный слой лишь с вкраплением мелких камней и угольков. Дно ямы плоское.

Бронзовые предметы: трапециевидная лапчатая подвеска из двух лапок с валиком на полуцилиндрическом щитке (рис. 4, 1), обнаруженная в пласте 3; большая ажурная подвеска, которая

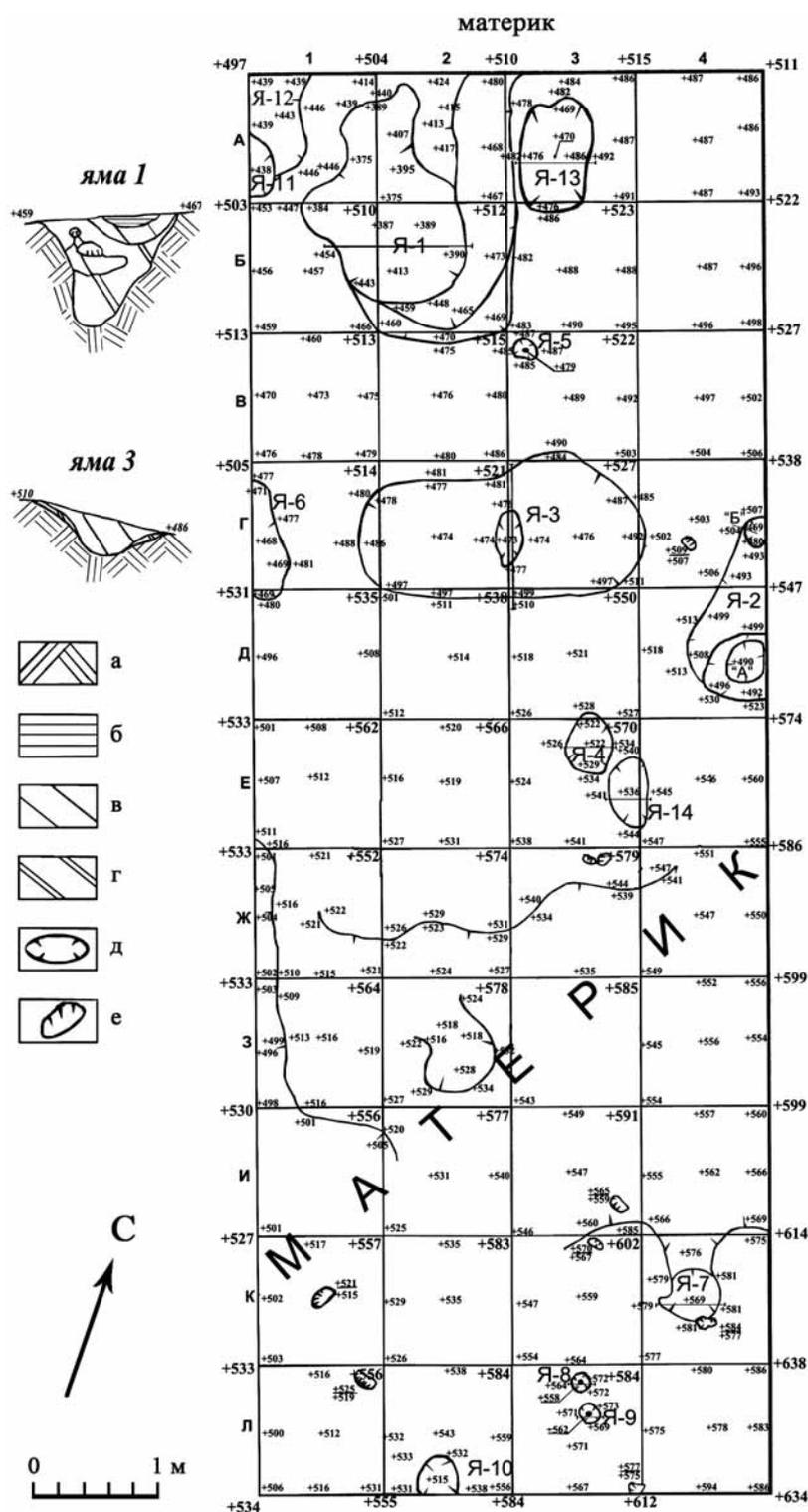

Рис. 2. План раскопа 2013 г. на раннесредневековом могильнике Ратковского городища. Планы и разрезы ям в материке

а – материк; б – черная супесь; в – темно-коричневая супесь; г – коричневая супесь; д – яма, е – камни

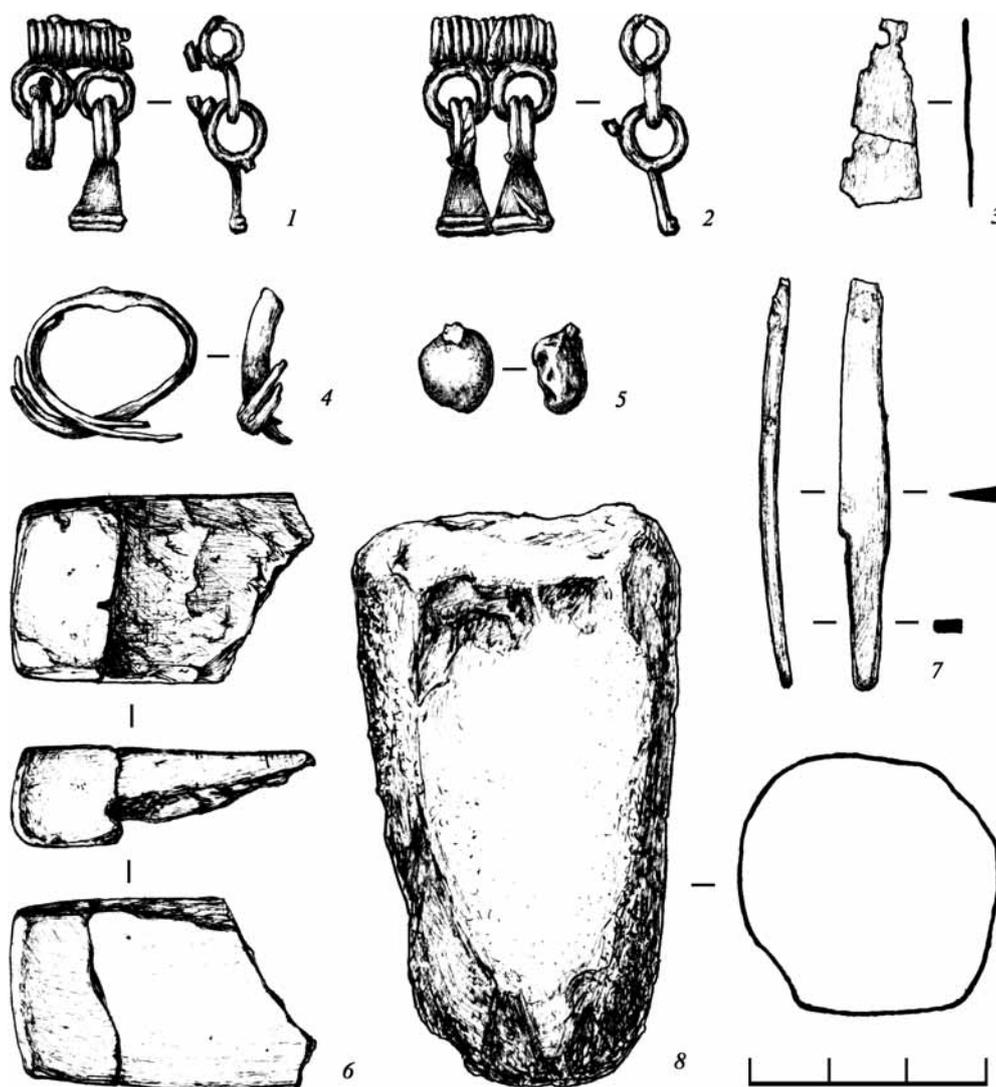

Рис. 3. Инвентарь погребального комплекса 22

1–2 – подвески шумящие; 3 – привеска трапециевидная; 4 – фрагмент перстня; 5 – оплавленный предмет, 6 – фрагмент формы литейной; 7 – нож; 8 – предмет. 1–5 – бронза, 6–8 – камень, 7 – железо

представляет собой прямоугольный плоский щиток-рамку из тройной витой проволоки, в центре которой по горизонтали расположены три пары литых розеток-полусфер (рис. 4, 2). К щитку крепятся пять колец для привесок. Две части щитка подвески и два крупных колокольчика от нее были обнаружены на различных квадратах 2-го и 3-го пластов комплекса. Здесь же, в пластах 2 и 4, найдены два больших колокольчика без петель – вероятно, детали наконечников (рис. 4, 5, 6; *Краснов*, 1982. С. 48, 203. Рис. 29). Кроме того, найдены две колокольчатые привески (рис. 4, 3–4), две пронизки-спирали (рис. 4, 7, 8), два фрагмента колокольчиков, склепанных из тонких бронзовых пластин (рис. 4, 12, 13), обломки ушек от привесок-колокольчиков

(рис. 4, 10, 11), бронзовое колечко для нанизывания на горизонтальный шнур (рис. 4, 9).

Железные предметы представлены крученым шилом (рис. 4, 19) и тонкой иглой с ушком (рис. 4, 18). Здесь же найдены керамические цилиндрические пряслица (рис. 4, 14–16) и фрагмент литейной формы плоской прямоугольной формы из мягкого камня с полукруглой выемкой для залива металла (рис. 4, 17).

Керамический комплекс составил 1653 фрагмента. Керамика лепная, неорнаментированная, с примесью крупного песка и дресвы, по большей части слабого и среднего обжига, поэтому непрочная и, как следствие, сильно измельченная. Встречено восемь ошлакованных фрагментов. Основной массив (80%) керамики залегал в пластах 2 и 3 (табл. 1).

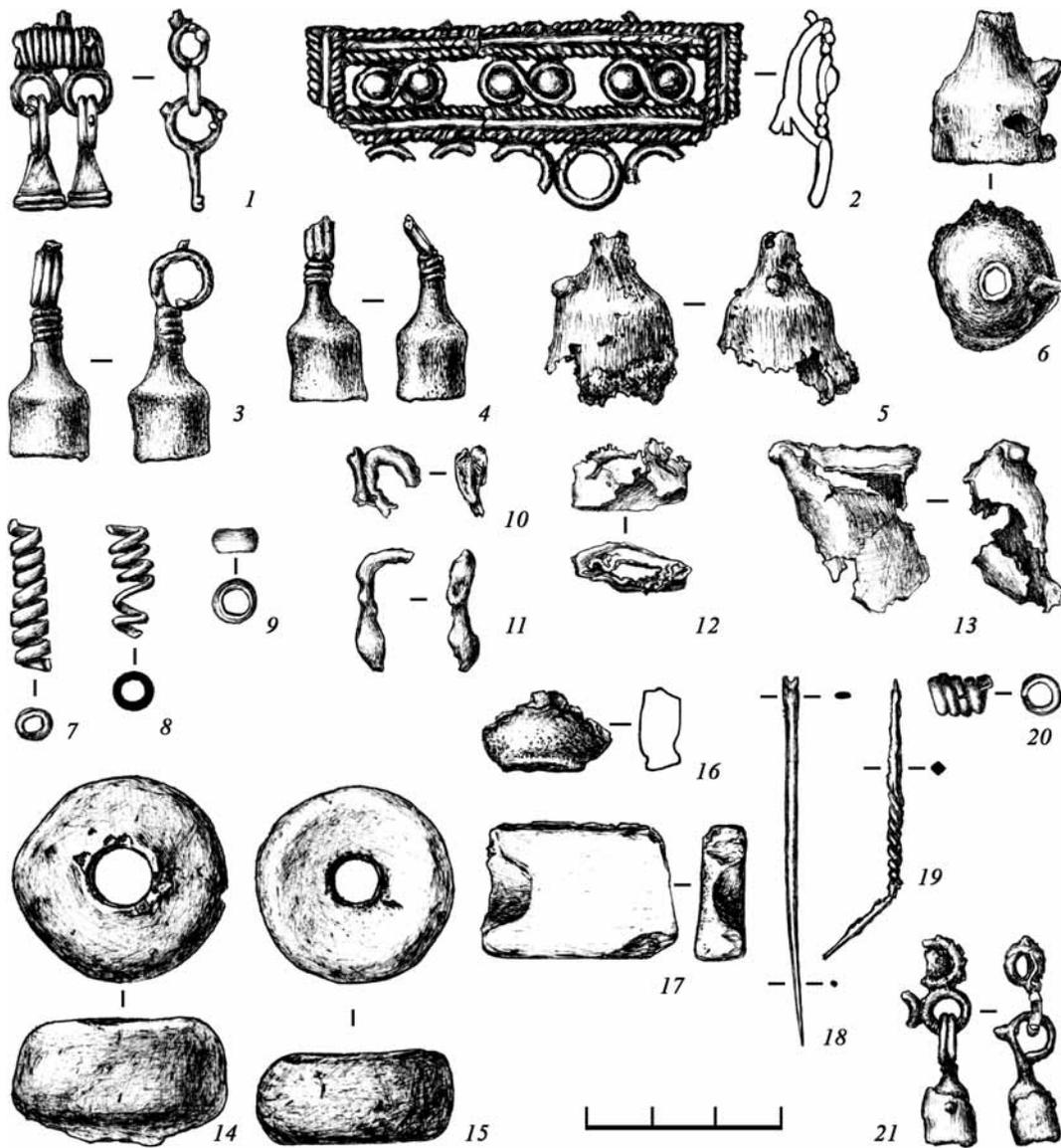

Рис. 4. Инвентарь погребального комплекса 23 (яма 1, 2013 г.)

1, 2 – шумящие подвески; 3–6 – привески колокольчатые; 7, 8 – пронизки-спирали; 9 – кольцо-бусина, 10, 11 – фрагменты привесок; 12, 13 – фрагменты бронзовых предметов; 14, 15 – пряслица; 16 – фрагмент пряслица (?); 17 – форма литейная; 18 – игла; 19 – шило. Находки вне комплексов: 20 – пронизка-спираль; 21 – подвеска шумящая. 1–13, 20, 21 – бронза; 14–16 – керамика; 17 – камень; 18, 19 – железо

Весь массив керамики по качеству можно разделить на: 1) плохо выделанную (грубую) – 15%; 2) хорошо выделанную (гладкую) – 69%; 3) заглаженную (близкую к подлощенной) – 16%.

По наблюдениям А. Е. Леонтьева, на муромских селищах у оз. Неро преобладает гладкостенная посуда (группа 3 по Леонтьеву), ее доля – от 33 до 52%, тогда как доли грубой (группа 4 по Леонтьеву, от 4 до 43%) и лощеной (группа 1 по Леонтьеву) керамики (от 3,7 до 19%) значительно колеблются и явно уступают гладкостенной (Леонтьев, 1996. С. 52–53. Табл. 3).

Керамика муромского Безводнинского могильника имела поверхность, в большинстве случаев грубо заглаженную. Лишь небольшое число сосудов имеет тщательно заглаженную поверхность, а в единичных случаях – следы слабого лощения (Краснов, 1980. С. 78).

Целых форм не восстановлено, фрагменты венчиков (143 шт., 8,7% всего керамического комплекса) относятся к небольшим горшкам с диаметром по краю от 10 до 25 см (отдельные до 30 см), диаметры днищ – от 10 до 20 см. По венчикам выделяется пять видов сосудов.

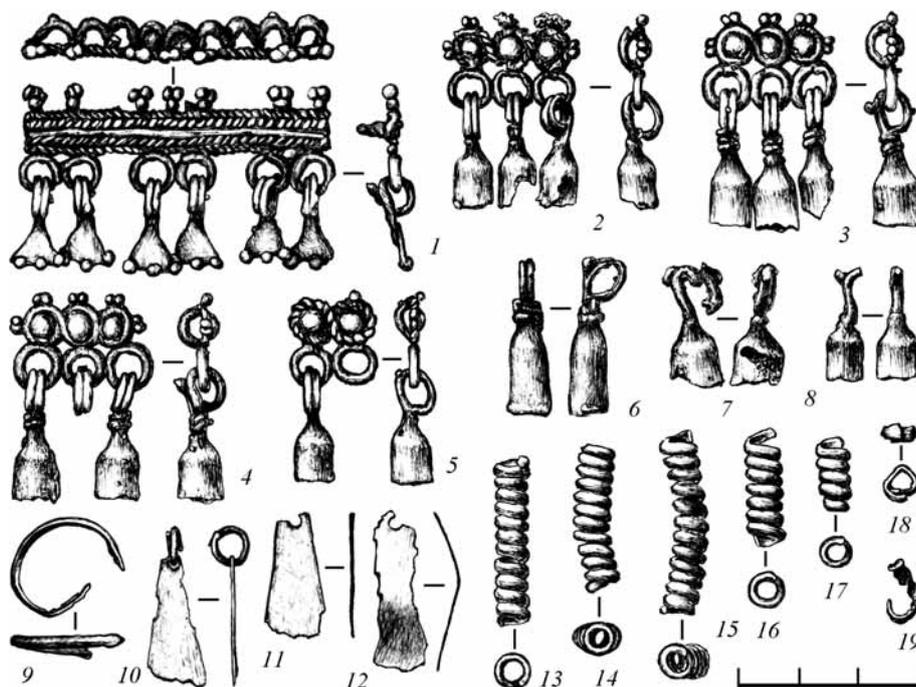

Рис. 5. Инвентарь погребального комплекса 21

1-5 – шумящие подвески; 6-8 – привески колокольчатые; 9 – фрагмент перстня; 10-12 – привески трапециевидные; 13-19 – пронизки-спирали. 1-19 – бронза

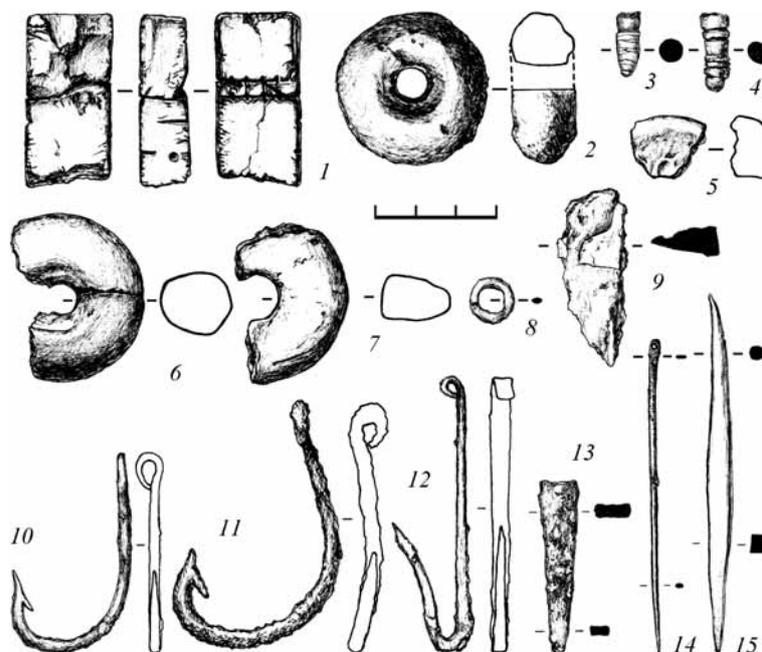

Рис. 6. Инвентарь погребального комплекса 21

1 – литейная форма; 2, 5-7 – пряслица; 3-4 – костяные поделки; 8 – кольцо; 9 – фрагмент лезвия топора; 10-12 – рыболовные крючки; 13 – фрагмент ножа; 14 – игла; 15 – шило (?). 1 – камень; 2, 5-7 – керамика; 3, 4 – кость; 8-15 – железо

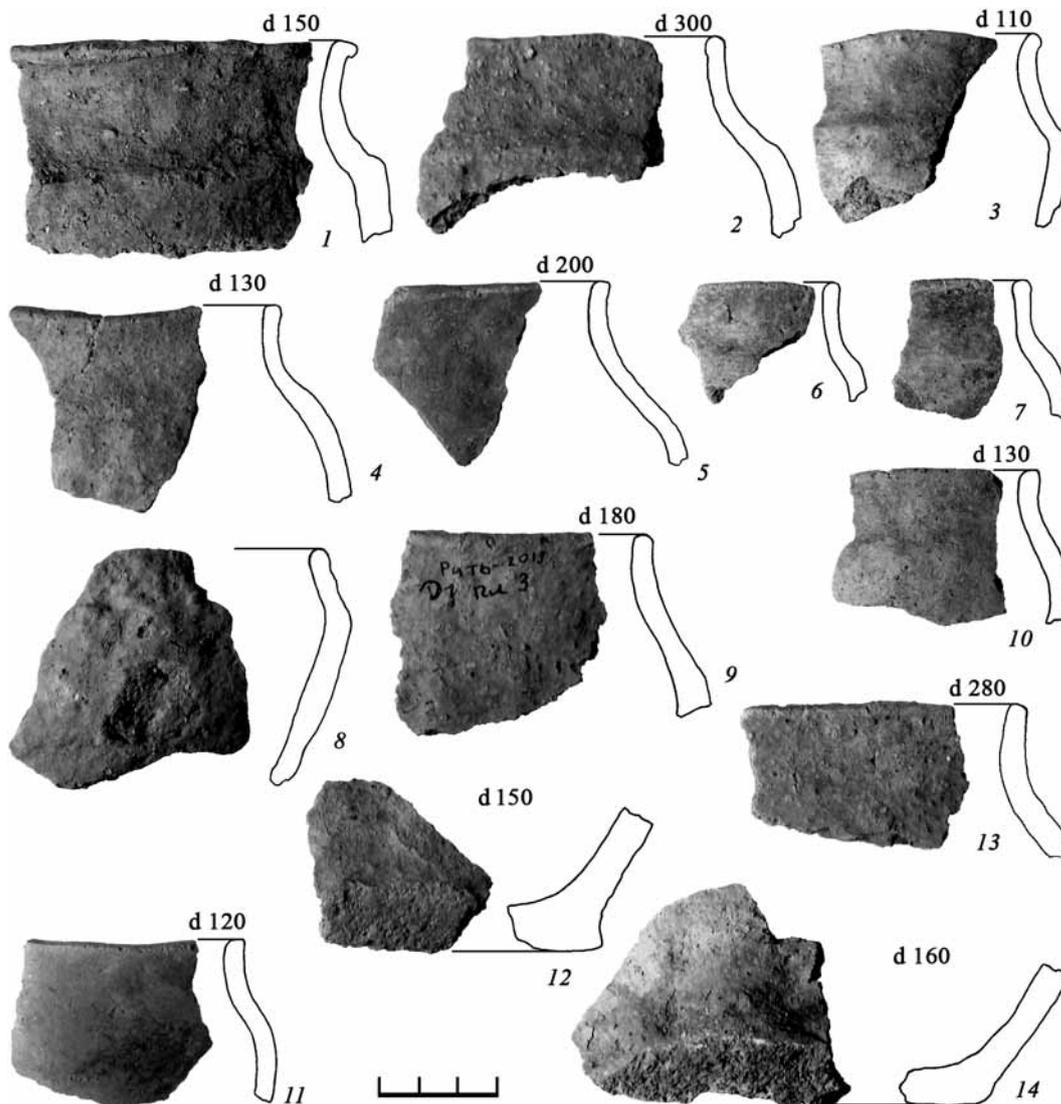

Рис. 7. Инвентарь погребального комплекса 22. Фрагменты керамики (см. цв. вкл.)

1 – кв. В2, пл. 2; 2, 4, 5 – кв. Г1, пл. 3; 3, 6, 7, 10, 11, 13 – кв. Г1, пл. 4; 8, 9 – кв. Д1, пл. 3; 12 – А1, пл. 5; 14 – А1, пл. 4

Вид 1 (108 экз., 75%). Сосуды с прямым, вертикально поставленным или чуть отогнутым венчиком, плавно переходящим к плечу (рис. 8, 1–4, 8, 9; рис. 9, 1, 3–8).

Вид 2 (5 экз., 3,5%). Сосуды с коротким, прямым, резко отогнутым наружу венчиком (рис. 8, 6).

Вид 3 (25 экз., 17,5%). Сосуды с изогнутым, чуть отогнутым наружу венчиком (с небольшим наплывом наружу) и резким ребром по плечу (рис. 7, 1, 3). Сходны с сосудами рязанско-окских могильников типов А5н и А5м V–VII вв. по типологии В. В. Гришакова (*Воронина и др.*, 2005. С. 78. Рис. 26, 9).

Вид 4 (2 фр., 1,4%). Сосуды с прямым, чуть отогнутым венчиком, плавно переходящим к пле-

чику, поверхность заглаженная (замытая) – группа 3 по Леонтьеву (*Леонтьев*, 1996. С. 52. Табл. 3) (рис. 8, 7; рис. 9, 10).

Вид 5 (3 фр., 2%). Сосуды «банковидные», без плечиков, венчик чуть загнут внутрь, поверхность заглаженная (замытая) (тип 5 по Леонтьеву (1996. С. 54. Рис. 16, 17–19)) (рис. 7, 8; рис. 8, 5).

Донца (65 шт.) составляют 4% всего керамического комплекса. Из них донца без закраин составляют 83% (рис. 8, 11–13; рис. 9, 11), с закраинами – 17% (рис. 7, 12; рис. 9, 12).

При отсутствии на данный момент результатов анализа костных остатков по находкам литейных форм, пряслиц, иглы, рукояток шильев, наконечника стрелы и рыболовных крючков можно

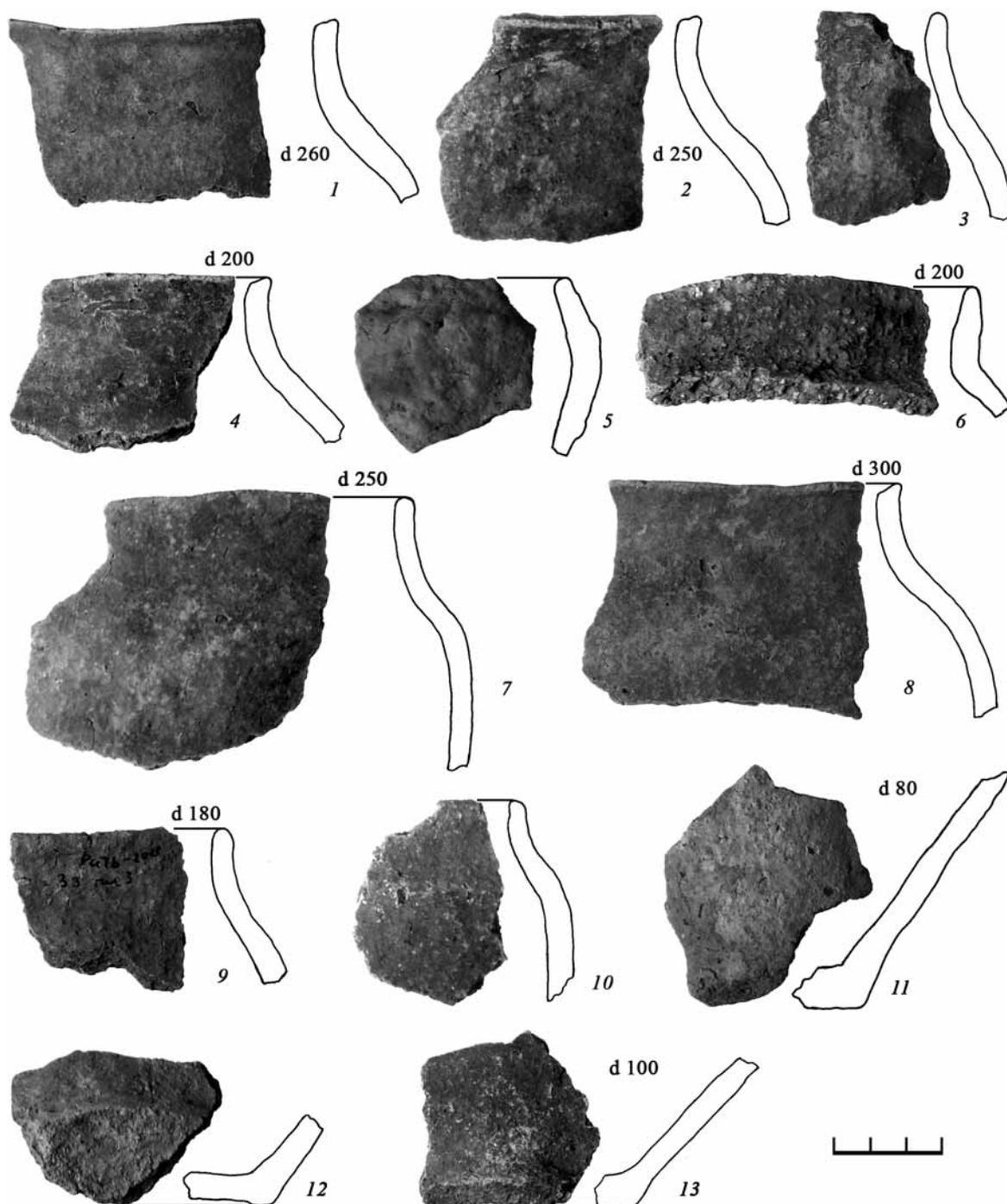

Рис. 8. Инвентарь погребального комплекса 21. Фрагменты керамики (см. цв. вкл.)

1–5, 8, 9 – кв. 32, пл. 2; 6 – кв. 33, пл. 2; 7, 14 – кв. 32, пл. 3; 10–11 – кв. 33, пл. 3; 12 – А1, пл. 2; 13 – А2, пл. 3

предполагать в комплексе № 21 женское и мужское погребения. В комплексах № 22 и 23 инвентарь свидетельствует о женских погребениях: украшения, литейные формы, пряслица, шило, иглы.

Новые находки подтверждают ранее определенную дату могильника – с VI–VII до IX–X вв.

Фрагменты каменных литейных формочек, типичные как для позднедьяковских и мерянских городищ, так и могильников поволжских финнов, датируются VII–X вв. (Вишневский, 1996. С. 48–55). Железные рыболовные крючки, аналогичные находкам с Кикинского позднедьяковского городища,

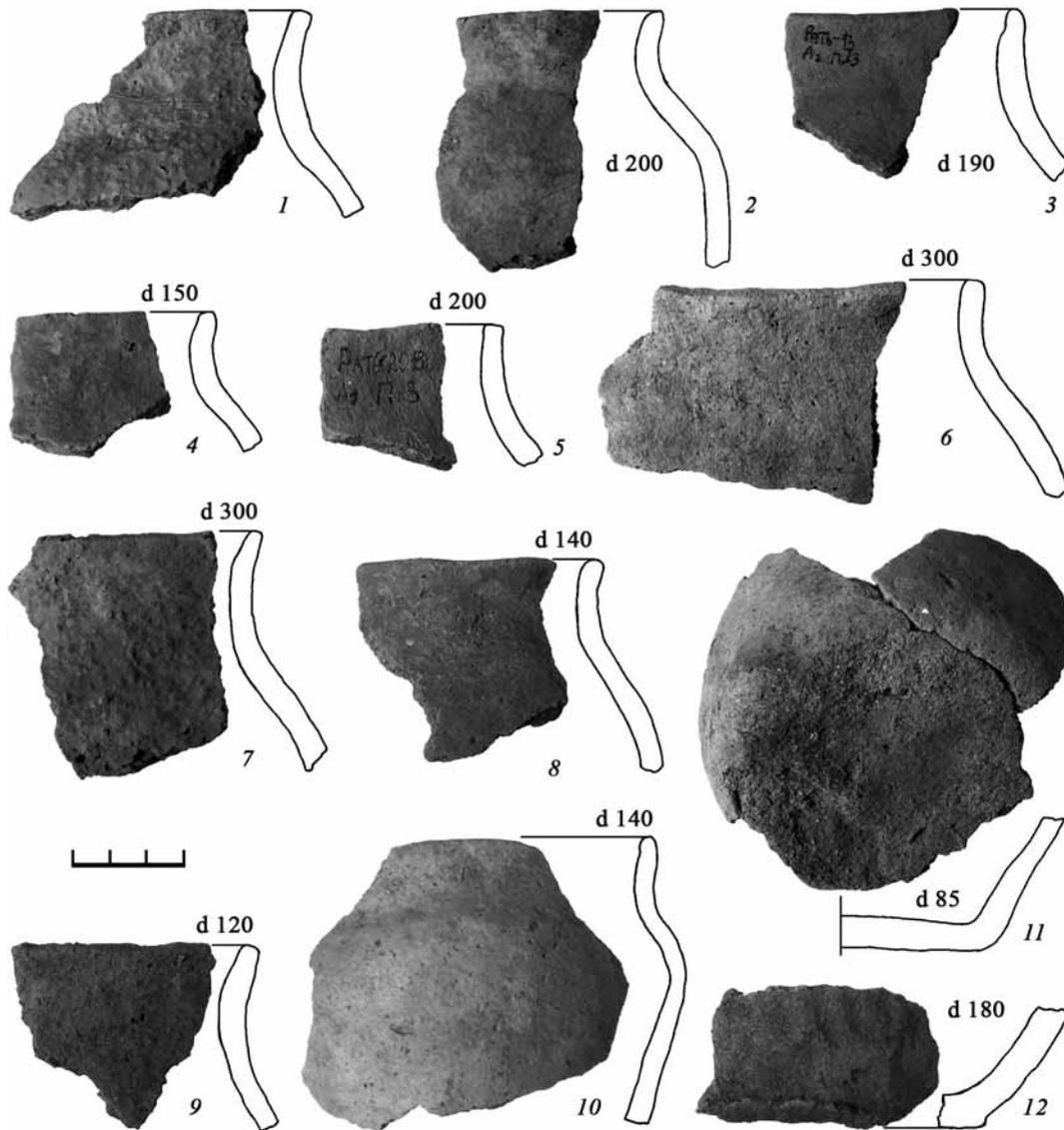

Рис. 9. Инвентарь погребального комплекса 23. Фрагменты керамики (см. цв. вкл.)

1, 7–11 – кв. Б1, пл. 3; 2 – кв. А1, пл. 2; 3 – кв. А2, пл. 3; 4–6, 12 – кв. А1, пл. 3

могут быть отнесены к V–VIII вв. (Вишневский, 1998. С. 359–367). Трапециевидные привески (вид 3 по И.Г. Розенфельдт) вытянутых пропорций по аналогиям из рязанско-окских и мордовских могильников датируются IX–XI вв. (Розенфельдт, 1982. С. 26, 27, 29. Рис. 5, 11, 12). Крупные колокольчатые привески, вероятно детали наконечников, в Безводнинском могильнике относятся к IV стадии (VII–VIII вв.) (Краснов, 1982. С. 48, 203. Рис. 29).

Раскопки 2013 г. показали, что и на широкой части площадки городища, а не только на его узком северном мысу (гребне) были расположены

погребальные комплексы и отсутствуют признаки выраженного поселенческого слоя (кости животных, насыщенность углем, каменные очаги). В отличие от той части могильника, что размещалась на гребне, здесь отмечается меньшая насыщенность слоя обугленными зернами. Наблюдения еще раз подтвердили, что топография могильника имела следующую структуру: участки, заполненные погребальными комплексами, отделены друг от друга пространствами, практически не содержащими вещей, а лишь единичные обугленные зерна и фрагменты кремированных костей.

Литература

- Вишневский В. И.*, 1996. О бронзолитейном деле на Кикинском городище // Проблемы изучения эпохи первобытности и средневековья лесной полосы Восточной Европы. Вып. 3. Иваново.
- Вишневский В. И.*, 1998. Кикинское городище // ТАС. Вып. 3. Тверь.
- Вишневский В. И.*, 2003. Финно-угорский раннесредневековый могильник на Ратьковском городище в верховьях р. Дубны // ТАС. Вып. 5. Тверь.
- Вишневский В. И., Кирьянова Н. А., Козловская М. В.*, 2004. О погребальном обряде финно-угорского раннесредневекового могильника на Ратьковском городище в верховьях р. Дубна // ОПУС: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М.
- Вишневский В. И., Кирьянова Н. А., Добровольская М. В.*, 2007. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: хронология, культура, обряд // РА. № 2.
- Вишневский В. И.*, 2009. Финно-угры и балты Северного Подмосковья в раннем средневековье (Кикинское городище и Ратьковский могильник) // Научная конференция «Древности земли Радонежской» (к 25-летию археологической экспедиции музея). Тез. докл. Сергиев Посад.
- Вишневский В. И., Новоселова Т. Н.*, 2010. Раннесредневековый финно-угорский могильник на Ратьковском городище (результаты раскопок 2006–2007 годов) // АП. Вып. 6. М.
- Вишневский В. И.*, 2012. Позднелужицкие и мерианские находки с поселений побережья Плещеева озера // Археология: история и перспективы. V межрегион. конф. Ярославль.
- Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энговатова А. В.* 2005. Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. // Тр. отдела Охранных раскопок ИА РАН. Т. 3. М.
- Краснов Ю. А.*, 1980. Безводнинский могильник. М.
- Леонтьев А. Е.*, 1996. Археология мери. М.
- Розенфельдт И. Г.*, 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.
- Третьяков П. Н.*, 1941. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. // МИА. № 5. М.–Л.

T. N. Novoselova & V. I. Vishnevsky

**An Early Medieval Finno-Ugrian Mound on the Rafcovo Hill Fort
(based on the results of excavations made during 2013)**

Summary

In 2013 an expedition at the Sergiev-Posad Open-Air Museum explored 44 sq. m of the Rat'covo Mound (the area in question was excavated in 1999, 2000, 2002, 2006, 2007). The excavations revealed three funeral complexes, containing fragments of funeral clothes, implements, ceramic vessels, cremated bones and burnt grain. Based upon archaeological evidences the funeral complexes are dated between the 6th-7th and the 9th-10th. Excavations of 2013 showed that funerary complexes were located on a wide part of

the site of the settlement, and not only on its narrow northern side – and there are no signs of a pronounced settlement layer (animal bones, saturation, coal, stone hearths). In contrast to the landfill facility at the northern extremity has a lower saturation layer of charred grains. Observations confirmed that the topography of the cemetery had the following structure: land, filled with funerary complexes are separated from each other by spaces not containing items, and only a few charred grains and fragments of cremated bones.

А. В. Энговатова, М. В. Добровольская, Е. Л. Костылева

Изотопные характеристики индивидов из погребений неолитического могильника Сахтыш-2а: данные к реконструкции питания¹

Введение

Вопросы реконструкции образа жизни неолитического населения лесной полосы Восточной Европы занимают центральное место в разработке проблемы неолитизации этой обширной области. Наряду с изучением планировки и ландшафтной приуроченности крупных поселений и временных стоянок, керамических инноваций, особенностей технологии обработки кремня реконструированные особенности питания могут рассматриваться с целью выявления устойчивых традиций и изучения процесса адаптации населения.

Представление о начале перехода к производящему хозяйству как о сложном, целостном процессе, включающем не только технологические компоненты, но и экономический в целом, и социальный, и идеологический, заставляет нас очень внимательно относиться к достоверности методик реконструкции образа жизни. В последние годы обсуждение вопросов начала зарождения производящей экономики (земледелия) весьма актуально. На основании результатов спорово-пыльцевых исследований некоторые авторы сформулировали гипотезы относительно возможности проявления ранних форм сельскохозяйственной деятельности в эпоху неолита в лесной полосе европейской части России, в частности в Подмосковье (*Кренке*, 2008, С. 26; *Кренке*, 2015, С. 15). На фоне подобных выводов особенно остро встает вопрос о получении новых достоверных результатов комплексных естественнонаучных исследований материалов археологических памятников периода перехода

к производящему хозяйству. Особенно важны данные о доле зерновой пищи в рационе их населения.

В связи с этим представляется актуальным введение в научный оборот новых данных, характеризующих питание и особенности ландшафтной приуроченности трофических цепей, используемых неолитическим населением лесной полосы Восточной Европы.

Изотопные исследования в реконструкции типов питания начали применяться в археологии достаточно давно, с 70-х гг. прошлого века. Изучение процесса перехода к формам производящей экономики (земледелию) – одно из этих направлений. В нем изотопные исследования применяются наиболее часто и, возможно, наиболее эффективно (например, *Lösch, Grupe, Peters*, 2006; *Kaiser, et al.*, 2012; *Schulting*, 2014). Поэтому лучше всего к настоящему времени представлены материалы неолитических памятников Ближнего Востока, Балкан, Южной и Центральной Европы. Еще в середине 1990-х гг. была опубликована обещающая работа шведской исследовательницы К. Лиден (*Liden*, 1995), в которой сведены данные об изотопном составе коллагеновых образцов костной ткани индивидов из неолитических погребений с территории материковой и островной Швеции. Последние годы стали временем масштабного поступления новых данных об изотопном составе скелетных останков людей и животных из культурных слоев памятников, что обеспечило возможность проведения крупных обобщений в масштабах неолитической Европы (*Schulting*, 2014). Нужно отметить, что под неолитом в европейской

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13–06–12030 «Естественнонаучные методы в реконструкции системы питания и социальной стратификации населения средневекового европейского города»).

Таблица 1. Скелетные материалы из погребений нео-, энеолитических могильников Сахтыш-2а, Ивановское-6, Ивановское-7.

Шифр	Пол	Возраст	Культурная принадлежность (по: Костылева, Уткин, 2010)
Сахтыш-2а, п. 1	муж.	35–44	Волосово, ранний этап
Сахтыш-2а, п. 5 (№ 82)	подросток	10–14	Волосово, ранний этап
Сахтыш-2а, п. 7	муж.	25–34	Волосово, развитый этап
Сахтыш-2а, п. 13	муж.	30–39	Волосово, развитый этап
Сахтыш-2а, п. 14	муж.	35–44	Волосово, ранний этап
Сахтыш-2а, п. 16	подросток	около 10	Льяловская
Сахтыш-2а, п. 21	муж.	20–24	Волосово, развитый этап
Сахтыш-2а, п. 24	подросток	10–12	Волосово, развитый этап
Сахтыш-2а, п. 25	жен	20–25	Волосово, развитый этап
Сахтыш-2а, п. 27	муж.	25–34	Волосово, развитый этап
Сахтыш-2а, п. 29	ребенок	5–9	Льяловская
Сахтыш-2а, п. 31	муж.	30–39	Волосово, развитый этап
Сахтыш-2а, п. 33	муж.	30–39	Волосово, развитый этап
Сахтыш-2а, п. 34	муж.	30–39	Волосово, ранний этап
Сахтыш-2а, п. 38	муж.	30–39	Волосово, развитый этап
Сахтыш-2а, п. 40	муж.	40–49	Льяловская
Сахтыш-2а, п. 42	муж.	30–39	Льяловская
Сахтыш-2а, п. 47	муж.	30–39	Волосово, развитый этап
Сахтыш-2а, п. 50	ребенок	5–6	Волосово, развитый этап
Сахтыш-2а, п. 61	подросток	около 10	Льяловская
Сахтыш-2а, № 57	муж.	взрослый	?
Сахтыш-2а, № 57	животное	–	?
Сахтыш-2а, № 53	муж.	30–39	?
Ивановское-6 п. 5	муж.(?)	взрослый	?
Ивановское-7 п. 2	муж. (?)	взрослый	Волосово, развитый этап (?)

историографии всегда понимается производящая экономика. В отечественной же (советской и российской) науке процесс перехода к производящему хозяйству и неолитизация не всегда интерпретируются как совпадающие.

Изучение хозяйственных изменений, проходивших в рамках сохранения присваивающей экономики, развития вариантов уклада охотников, рыболовов, собирателей, – задача гораздо более сложная.

К сожалению, в настоящий момент мы не имеем собранных баз данных об изотопном составе костей людей и животных из культурных слоев памятников эпох мезолита, неолита и бронзы с территории лесной зоны европейской части России. Пока исследованы лишь несколько погребальных памятников: Оленеостровский могильник эпохи мезолита – неолита в Карелии и мезолитический некрополь Минино-1 в Вологодской обл.

(Wood, et al., 2013). Фрагментарные данные опубликованы о могильнике Сахтыш-2а в Ивановской обл. немецкой исследовательницей в зарубежной литературе (Piezonka, et al., 2013. P. 60).

Материалы и методы

В настоящей публикации мы представляем новые результаты изотопных исследований материалов из неолитического могильника Сахтыш-2а, расположенного в Тейковском р-не Ивановской обл., где обнаружены захоронения льяловской и волосовской культур (средний и поздний неолит) (Крайнов, Костылева, Уткин, 1994), исследовавшиеся в 1987–1994 гг. и впоследствии достаточно подробно описанные (Костылева, Уткин, 2000; Костылева, Уткин, 2010). В основе культурного разделения погребений лежат особенности погребального обряда, состав и типология сопровождающих

Таблица 2. Значения дельты для образцов коллагена костной ткани индивидов из погребений эпох нео-, энеолита и местных животных.

Шифр	$\delta^{15}\text{N}$, ‰	$\delta^{13}\text{C}$, ‰
Сахтыш-2а, п. 1	11,3	-22,2
Сахтыш-2а, п. 5 (№ 82)	11,4	-21
Сахтыш-2а, п. 7	12,3	-21,2
Сахтыш-2а, п. 13	11,2	-23,6
Сахтыш-2а, п. 14	12,2	-21,9
Сахтыш-2а, п. 16	12,6	-20,2
Сахтыш-2а, п. 21	12,1	-21,3
Сахтыш-2а, п. 24	12	-20,7
Сахтыш-2а, п. 25	11,5	-23
Сахтыш-2а, п. 27	11,9	-21,3
Сахтыш-2а, п. 29	12,1	-17,7
Сахтыш-2а, п. 31	12,2	-20,6
Сахтыш-2а, п. 33	11,3	-22,1
Сахтыш-2а, п. 34	11,7	-23,6
Сахтыш-2а, п. 38	13,1	-24,1
Сахтыш-2а, п. 40	13,4	-20,9
Сахтыш-2а, п. 42	13,1	-21
Сахтыш-2а, п. 47	11	-20,5
Сахтыш-2а, п. 50	12,3	-22,6
Сахтыш-2а, п. 61	14	-20,6
Сахтыш-2а, № 57	12,7	-22,9
Сахтыш-2а, № 57 (жив.)	6,8	-21,6
Сахтыш-2а, № 53	11,4	-21,9
Ивановское-6, п. 5	12,5	-21,3
Ивановское-7, п. 2	12,9	-21,4
Большое Давыдовское-2 (КРС)	9,9	-21,9
Большое Давыдовское-2 (водоплавающая птица)	5,2	-23,3
Большое Давыдовское-2 (рыба)	9,7	-26

захоронение артефактов, данные стратиграфии и результаты радиоуглеродного датирования.

На основе результатов изотопного анализа образцов костных останков представителей льяловской и волосовской культур сформировались задачи нашего исследования:

1) определение доли углеводной пищи в рационе питания населения обеих культур (нужно отметить, что высокое содержание углеводов в пище неолитического населения может быть обусловлено потреблением продуктов собирательства

и лишь косвенно свидетельствовать о наличии земледелия);

2) сравнение рационов и выделение особенностей питания населения льяловской и волосовской культур.

Нами получены образцы коллагена из костных фрагментов 23 погребений льяловской и волосовской культур из могильника. Также привлечены два определения изотопных соотношений для останков взрослых людей со стоянок Ивановское 3 и 7 в Ярославской области, предположительно относящихся к волосовской культуре (Костылева, Уткин, 1997. С. 53). Краткая характеристика биоархеологических материалов приведена в таблице 1.

Исследование изотопного состава коллагена костной ткани человека и животных проводилось согласно многократно апробированной и опубликованной методике (Энговатова и др., 2013; Добровольская, Решетова, 2014) в лабораториях ИИМК (Санкт-Петербург) и ИПЭЭ им. А. Н. Северцова (Москва).

В настоящий момент мы не располагаем достаточными данными об изотопном составе местной наземной и водной фауны, что усложняет наши реконструкции. Получено лишь одно определение костей крупного травоядного животного (олень или лось) с территории могильника Сахтыш-2а. Однако в нашем распоряжении есть данные о некоторых животных, скелетные останки которых обнаружены в культурных слоях средневекового поселения Давыдовское-2 (Федорина, Красникова, 2011), расположенного примерно в 30 км от исследуемого памятника (Макаров и др., 2015. В печати). В дальнейшем будут также использованы результаты определения соотношения изотопов в костной ткани травоядного (корова), водоплавающей птицы и рыбы для реконструктивных построений. Результаты приведены в таблице 2.

Результаты и обсуждения

Итак, полученные нами данные позволяют составить мнение о примерных границах изменчивости индивидуальных значений соотношений $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ и $^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$ в коллагене костной ткани людей из погребений могильника Сахтыш-2а (рис. 1). Значения дельты углерода варьируются примерно от -24 до -18, а значения дельты азота – от 11 до 14. Если принять во внимание, что дельта углерода для наземных травоядных животных составляет от -21,6 до -21,95, то можно предположить, что определенная часть людей была связана с употреблением пресноводной пищи. Значение дельты углерода для водоплавающей птицы составляет -23,3 промил-

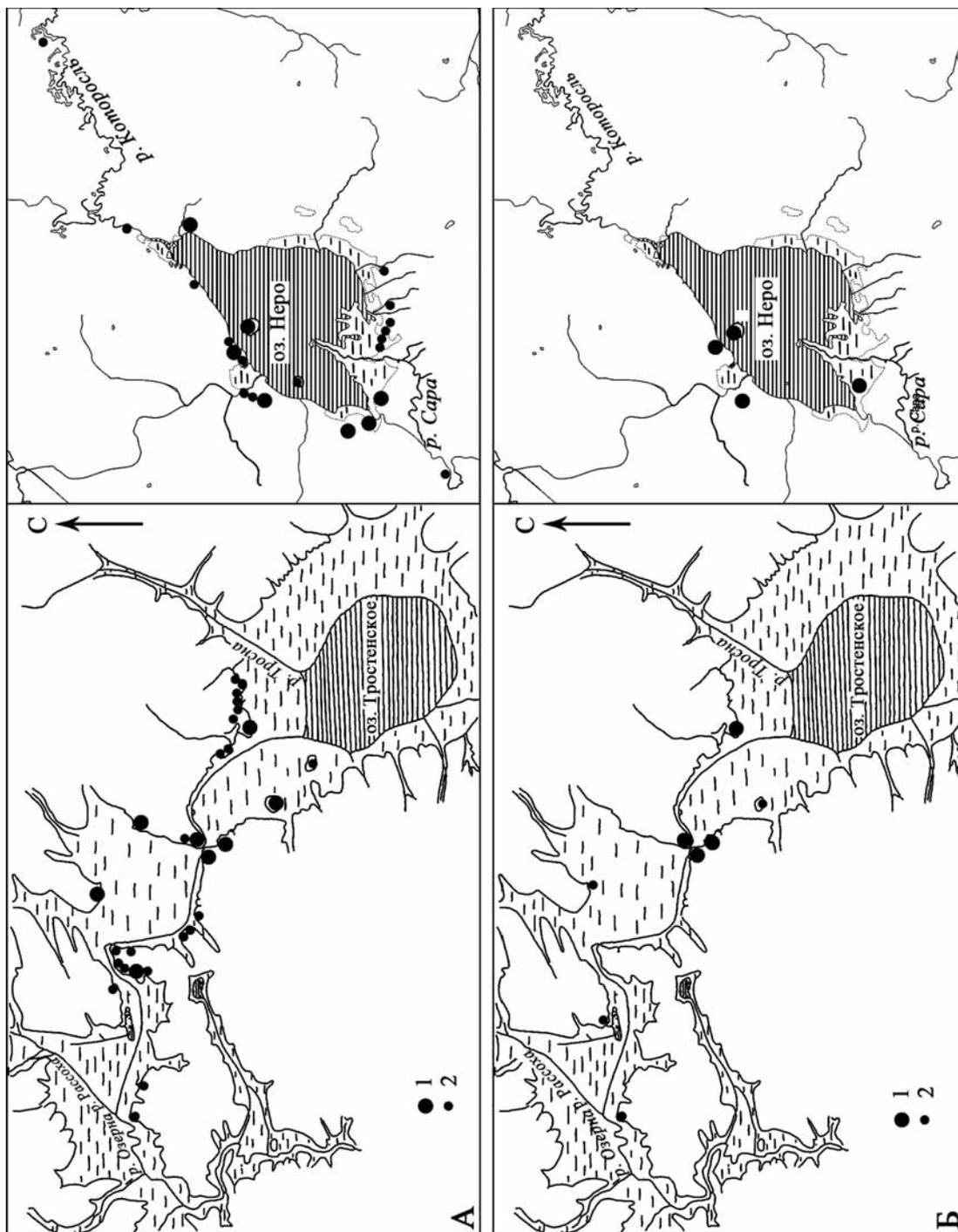

Рис.2. Схема пространственного расположения памятников льяловской (А) и волосовской (Б) культур котловины озер Тростенское и Неро
 1 – долговременные поселения; 2 – кратковременные стоянки

культуры приурочены к местам, наиболее удобным для рыболовства, и, в отличие от льяловских, существенно превосходят их по площади и более стационарны (имеют более мощный культурный слой). О значительно бóльшей роли рыболовства в жизни волосовских племен свидетельствуют и бóльшее разнообразие орудий рыбной ловли, и наличие отпечатков рыболовной сети, а также своеобразного орнамента в виде сети на керамике, и скульптурные костяные изображения рыб (*Крайнов*, 1991).

Интересно отметить, что один индивид из льяловского погребения (ребенок из захоронения № 29²) характеризуется резко отличными значениями дельты по углероду и азоту. Сам по себе возраст не может быть причиной такого своеобразия, так как выходит за рубеж «грудничкового». Также отметим, что образцы этого скелета проходили параллельное независимое определение в двух лабораториях (ИИМК РАН, Санкт-Петербург, и ИПЭЭ им. А. Н. Северцова, Москва), значения получились практически идентичные, поэтому у нас есть все основания считать, что методической ошибки нет. Индивид характеризуется гораздо более высокими показателями по углероду, в то время как дельта азота остается в рамках умеренных значений. Возможно, такое своеобразие свидетельствует о пребывании ребенка в условиях с иной флорой, вероятно, более засушливых. Является ли он недавним выходцем из более южных районов, или причина своеобразия его изотопного состава в ином, можно будет судить после дополнительных исследований (в частности, на содержание изотопов стронция).

Обсуждая динамику изотопных показателей у представителей льяловской и волосовской культур, необходимо помнить о том, что их представители жили в несколько отличных климатических условиях (*Хотинский*, 1977, 1989; *Жилин и др.*, 2014. С. 44–45; *Сидоров, Энговатова*, 1996; *Энговатова*, 1998). Ранее было показано, что величина годовых осадков и средние значения дельты углерода и азота демонстрируют определенную коррелятивную связь (например, *Hollund, et al.*, 2010. С. 2971). В том случае, если бы существенное влияние на изотопные показатели оказывали именно климатические факторы, облако индивидуальных значений имело бы вполне определенную форму, ориентированную по линии регрессии, описывающей прямые значительные корреляции. Наш график показывает отсутствие единого направления

в распределении индивидуальных значений дельты углерода и азота. Для того чтобы вынести более обоснованное суждение о влиянии климатических факторов на изотопные показатели местных трофических систем в «льяловское» и «волосовское» время, необходимо дополнительно исследовать археозоологические материалы с памятников этих культур. Таким образом, будут получены новые данные для интерпретации. Отметим лишь, что проведенные ранее палинологические исследования не дают нам основания ожидать серьезные изменения базовых параметров местной трофической цепи, в которую был включен человек (*Жилин и др.*, 2014. С. 45).

Два индивида из погребений на памятниках Ивановское-3 и Ивановское-7 характеризуются близкими друг к другу показателями. Если их сравнивать с данными, полученными для культурных групп могильника Сахтыш-2а, то оказывается, что они занимают положение среди индивидов из волосовских погребений.

Искать непосредственные связи между особенностями питания древних охотников, рыболовов, собирателей и культурными традициями обществ, отразившихся в условных дефинициях археологических культур, означает упрощать историческую ситуацию. Возвращаясь к начальным тезисам о сложности процесса освоения производящего хозяйства, отметим, что современная биоархеология все более отходит от ясной и четко сформулированной концепции Гордона Чайльда. Так, изотопные исследования, выполненные на материалах мезо-неолитических погребений из всемирно известных памятников Власац и Лепенский Вир (Железные Ворота, Нижний Дунай), позволили выявить сложную динамику пищевых стратегий обществ периода раннего неолита, на основании чего была сформулирована гипотеза о дихотомическом развитии, предполагавшем параллельное развитие производящего и присваивающего хозяйства на близких территориях (*Borič*, 2004). Полученные нами результаты дополнили новыми данными общую сводку изотопных подписей, характеризующих экологическое своеобразие и особенности питания первобытных охотников, рыболовов, собирателей, и вновь подтвердили мнение о значительном влиянии традиций на формирование структуры питания в древних обществах. Полученные результаты позволяют с уверенностью считать, что растительный компонент в обыденном питании неолитического населения,

² Нумерация погребений дана согласно коллекционной описи ИА РАН.

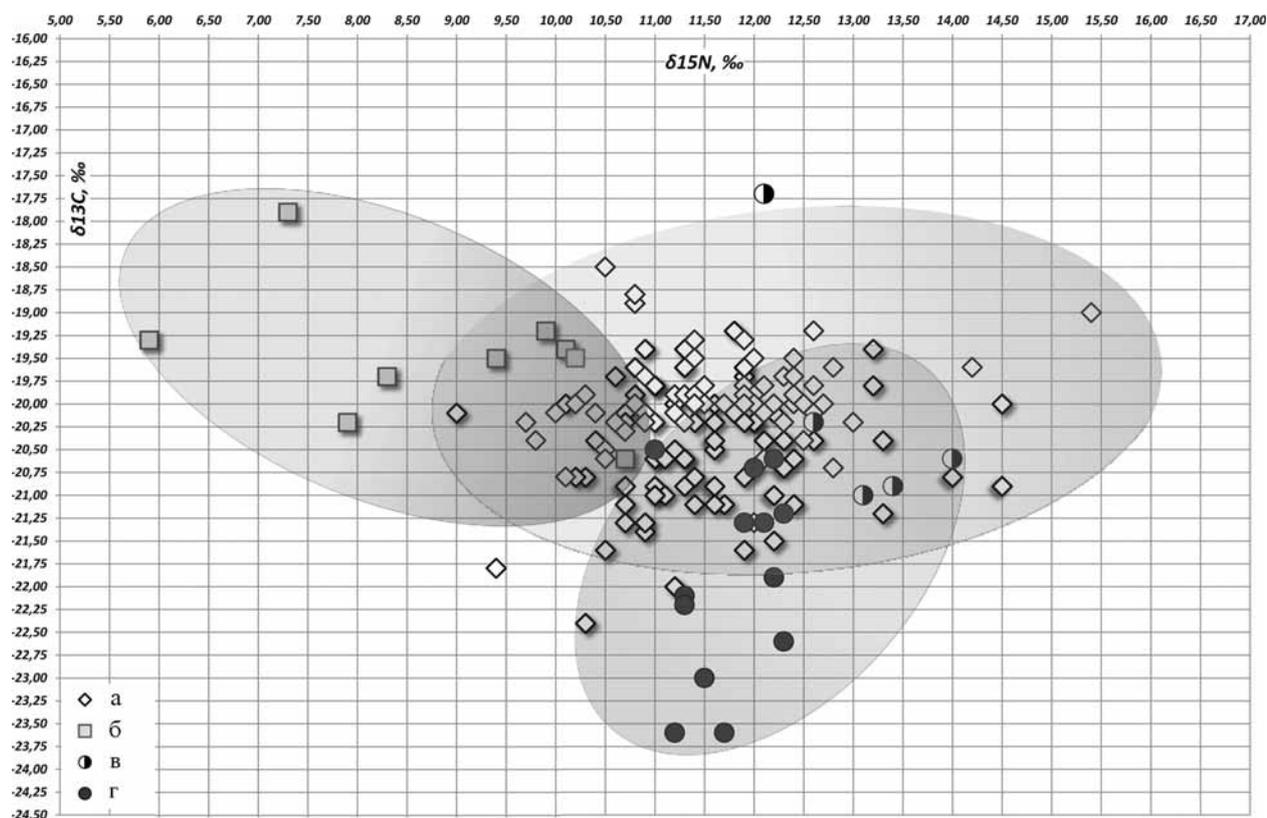

Рис. 3. Значения дельты азота и углерода для индивидов из некрополей на территории средневековых городов, курганных могильников и погребений льяловской и волосовской культур могильника Сахтыш-2а
 а – средневековые города европейской части России; б – курганные могильники европейской части России;
 в – Сахтыш-2а, льяловская культура; г – Сахтыш 2а, волосовская культура

оставившего могильника Сахтыш-2а, был невелик. Использование продукции земледелия на основании полученных нами данных не подтверждается.

Данные об изотопном составе костных останков неолитического населения лесной зоны европейской части России были сопоставлены с ранее полученными авторами данными по изотопному

составу костных останков индивидов из некрополей средневековых городов и курганных могильников того же региона (Энговатова и др., 2013; Энговатова и др., в печати, и пр.). Наглядно видно, что системы питания неолитического населения и средневековых аграрных обществ отличаются (рис. 3).

Литература

Алексеева Т. И., Денисова Р. Я., Козловская М. В., Костылева Е. Л., Крайнов Д. А., Лебединская Г. В., Уткин А. В., Федосова В. Н., 1997. Неолит лесной полосы Восточной Европы: Антропология Сахтышских стоянок. М.: Научный Мир. 191 с.

Добровольская М. В., Решетова И. К., 2014. Питание носителей традиций салтово-маяцкой культуры Доно-Донецкого междуречья по данным изотопного анализа // РА. № 2. С. 71–84.

Древние охотники и рыболовы Подмосквья: по материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы – Воймежное, 1997 / Ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. 274 с.

Жилин М. Г., Костылева Е. Л., Зарецкая Н. Е., Спиридонова Е. А., 2014. Природное окружение и история заселения памятника Сахтыш-2а // Природная среда и модели адаптации озерных поселений в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы. Мат. науч. конф. Санкт-Петербург, 19–21 мая 2014 г. СПб.: ИИМК. С. 41–45.

Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита-неолита в бассейне Верхней Волги, 2013 / Под ред. Лозовского В. М., Лозовской О. В., Клементе-Конте И. СПб.: ИИМК. 121 с.

Козловская М. В., 1996. Экология древних племен лесной полосы Восточной Европы. М.: ИА РАН. 243 с.

- Козловская М. В., 1997. Палеоэкологические аспекты исследования антропологических материалов могильника Сахтыш-Па//Неолит лесной полосы Восточной Европы: Антропология Сахтышских стоянок. М.: Научный Мир. С. 93–114.
- Костылева Е. Л., А. В. Уткин, 1997. Волосовские погребения на стоянке Ивановское VII в Центральной России//Историко-археологические изыскания. Самара. Вып. 2. С. 41–54.
- Крайнов Д. А., 1991. Рыболовство у неолитических племен Верхнего Поволжья//Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла/Под ред. Н. Н. Гуриной. Л.: Наука. С. 129–152.
- Крайнов Д. А., Костылева Е. Л., Уткин А. В., 1994. Могильник и «святилище» на стоянке Сахтыш-2а//РА, № 2. С. 118–130.
- Макаров Н. А., Зайцева И. Е., Красникова А. М., Федорина А. Н., Добровольская М. В. Финские древности. Могильник Большое Давыдовское-2 (в печати).
- Неолит – энеолит юга и неолит севера Восточной Европы, 2003./Ред. В. И. Тимофеев. СПб.: ИИМК. 316 с.
- Ошибкина С. В., 1996. От редактора//Неолит Северной Евразии./Отв. ред. С. В. Ошибкина. М.: Наука. С. 5–17.
- Сидоров В. В., Энговатова А. В., 1996. Основания палеоэкономических реконструкций присваивающего хозяйства//Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь. С. 15–26.
- Федорина А. Н., Красникова А. М., 2011. Средневековое поселение Большое Давыдовское 2 под Суздалем: хронология и планиграфия//Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда/отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. Т. II. СПб. – М. – Великий Новгород: ИИМК. С. 105–107.
- Хотинский Н. А., 1977. Голоцен Северной Евразии: Опыт трансконтинентальной корреляции этапов развития растительности и климата. М.: Наука. 200 с.
- Хотинский Н. А., 1989. Дискуссионные проблемы реконструкции и корреляции палеоклиматов голоцена/Н. А. Хотинский//Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М.: Наука. С. 12–16.
- Энговатова А. В., 1998. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья//ТАС. Вып. 3. Тверь. С. 238–246.
- Энговатова А. В., Добровольская М. В., Антипина Е. Е., Зайцева Г. И., 2013. Коллективные захоронения в Ярославле. Реконструкция системы питания на основе результатов изотопного анализа//КСИА. Вып. 228. С. 96–115.
- Энговатова А. В., Добровольская М. В., Зайцева Г. И. «Кремлевская диета» древнерусского города (по изотопным данным). (В печати.)
- Back to the Origin: New Research in the Mesolithic-neolithic Zvejnieki Cemetery & Environment, Northern Latvia. 2006. Editors L. Larsson, I. Zagorska/Acta Archaeologica Lundensia Series in 8, 336 p.
- Borić D., Gruppe G., Peters J., Mikić Z., 2004. In the Mesolithic-Neolithic subsistence dichotomy real&/New stable isotope evidence from the Donube gorges//European Journal of Archaeology, 7 (3). P. 221–248.
- Hollund H. I., Higham T., Belinskij A., Korenevskiy S., 2010. Investigation of paleodiet in the North Caucasus (South Russia) Bronze Age using stable isotope analysis and AMS dating of human and animal bones//Journal of Archaeological Sciences. Vol. 37. P. 2971–2983.
- Liden K., 1995. Prehistoric diet transition. Stockholm. 137 p.
- Lösch S, Grupe G., Peters J. Stable isotopes and dietary adaptations in humans and animals at prepottery Neolithic Nevali Cori, southeast Anatolia//American Journal of Physical Anthropology, 131 (2). P. 181–193.
- Piezonka H., Kostyleva E., Zhilin M., Dobrovolskaya M., Terberger T., 2013. Flesh or fish First results of archaeometric research of prehistoric burials from Sakhtysh Ila, Upper Volga region, Russia//Documenta Praehistorica, XL. P. 57–73.
- Richards M. P., 2003. Explaining the dietary isotope evidence for the rapid adoption of the Neolithic in Britain, in M. Parker Pearson (ed.), Food, Culture and Identity in the Neolithic and Early Bronze Age: pp. 31–36. Oxford: British Archaeological Reports (International Series 117).
- Richards M. P., Schulting R. J. and Hedges R. E. M., 2003. Sharp shift in diet at onset of Neolithic. Nature, 425:366.
- Schulting R., 2014. Stable isotopes and Neolithic subsistence: pattern and variation//The Oxford Handbook of Neolithic Europe (Forthcoming) Edited by Chris Fowler, Jan Harding, and Daniela Hofmann DOI:10.1093/oxfordhb/9780199545841.013.019.
- Wood R. E., Higham T. F. G., Buzilova A., Suvarov A., Heinemeier J. and Olsen J., 2013. Freshwater radiocarbon reservoir effects at the burial ground of Minino, Northwest Russia. Radiocarbon 55 (1): 163–177.

A. V. Engovatova, M. V. Dobrovolskaya, E. L. Kostyleva

The isotope characteristics of individual human remains from a Neolithic burial site at Saktysh-2a – the data, and a conjectural reconstruction of their diet

Summary

The issue of conjectural reconstruction of the lifestyle of the paleolithic population of the woodland zones of Eastern Europe is currently being successfully studied with the aid of isotope analysis. A number of authors have formulated hypotheses suggesting the possibility of the advent of early kinds of agricultural activity in the Neolithic era, in the woodlands of the European zone of Russia – specifically in the area which is today the area surrounding Moscow. (See Krenke 2008, p26, and Krenke, 2015, p15). In this publication we present new data from the isotopic analysis of human material from a neo-Chalcolithic burial site at Saktysh-2a, located in the Teikovsky District of Ivanovo Region. Examples of collagen

from the bones of 23 individuals, from the Lyalovo and Volosovo cultures were analysed, from the sites at Ivanovskoye 3 6 and Ivanovskoye 7, which are believed to be connected Volosovo culture. The results of these analyses suggest that people in the Volosovo culture had a lifestyle which was more closely focussed on fish supplies. This differs from the less-specific lifestyle which is typical of the earlier Lyalovo culture population. It can be confidently suggested from the results of the analysis that the population of the neolithic people who were buried at the Saktysh-2a burial did not greatly subsist on vegetable or plant life. The results obtained from this analysis do not suggest that this population was involved in cultivating crops.

Славяно-русские древности

А. С. Сыроватко, Е. А. Клещенко, Н. Г. Свиркина, А. А. Трошина

Грунтовые кремации Щурово: к вопросу о первоначальной форме погребений¹

Материалы из раскопок Щуровского могильника неоднократно публиковались (*Сыроватко и др.*, 2008; 2012; 2014). В настоящей работе нам бы хотелось коснуться только одного сюжета – первоначального облика грунтовых кремаций, поскольку результаты раскопок 2013 г., как нам кажется, помогли выявить некоторые важные новые детали. Напомним, что формы грунтовых кремаций этого памятника довольно разнообразны. Это линзы костей в слое, распределенные по плоскости; некие концентрированные скопления, распределенные не только по площади, но и по глубине; скопления в ямках или над ямками; наконец, все эти детали сочетаются. В ходе работ 2013 г. на раскопах, сосредоточенных в северной, пойменной части могильника, среди прочих были исследованы два погребения, отличавшихся хорошей сохранностью скоплений. Охарактеризуем каждое из них.

Первое располагалось в кв. 309 участка 10 раскопа VI. Изначально оно выглядело как разреженное скопление очень мелких фрагментов костей, рассеянных на площади около 4 кв. м. Однако по мере расчистки (всего выполнено 11 уровней фиксации) было выявлено очень компактное, размерами 15×15 см, скопление довольно крупных костей, лежащих практически вплотную друг к другу. На нижних уровнях расчистки скопление представляло собой фактически «цилиндр» из костей (рис. 1). Под костями было прослежено углубление, впущенное на 5 см в нижележащий слой позднедьяковского времени, – это нижняя часть ямки без костей. Сочетание «рассеянный верх – концентрированное ядро под ним» встречалось и раньше, но,

пожалуй, впервые благодаря хорошей сохранности под аллювиальным балластом удалось проследить его столь отчетливо. Наличие ядра в скоплении костей является главным сюжетом публикации, тем не менее опишем также состав костей и находки. Общий вес костей из погребения составляет 2124,42 г, из них 4 фрагмента (9,24 г) – кости человека, 31 фрагмент (179,3 г) – кости животного, подавляющее большинство (1935,88 г) отнесено к категории неопределимых (рис. 2). Кремированные костные останки имеют светло-серый цвет, средний размер фрагментов – 0,5–1,5 см, на поверхности многих из них зафиксированы деформационные трещины. Все это говорит о высокой температуре горения костра – около 800°C (*Wahl*, 1996. С. 339–359; *Walker, Miller*, 2005).

Большинство определимых обломков костей человека относится к длинным трубчатым костям (костям конечностей). Имеется также часть черепа с почти полной облитерацией шва, следами порозности (возможно, вследствие возрастных изменений). Возраст погребенного – предположительно около или старше 40 лет, пол неопределим. В погребении обнаружены фрагменты костей животного, среди которых три – из хвостового отдела позвоночника, однако вид животного пока не определен.

Находок в скоплении костей было совсем немного (рис. 3): это пять мелких обломков тонкой пластины из медного сплава, орнаментированной «жемчужинами» и тисненной «елочкой» (часть налобного венчика?), и слиток бесцветного стекла. Для такого крупного погребения это необычно

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14–06–00423а «Реконструкция природного окружения поселений раннего железного века – раннего средневековья в бассейне средней р. Оки».

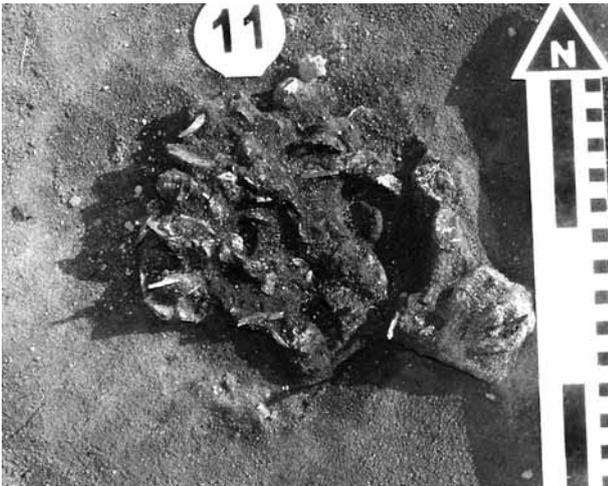

Рис. 1. Общий вид нижней части ядра погребения на участке 10 раскопа VI, в квадрате 309

мало, но в 4 м к востоку от него было выявлено скопление оплавленных находок (рис. 4) – капли металла (34 шт.), слитки стекла – остатки бус и пронизей из бесцветного и желтого стекла (6 шт., капли металла и стекло иногда спекались вместе), обломки прута из медного сплава (3 шт.); двух-, трех- и четырехчастные пронизы, двуслойные, с желтым покровным стеклом; весовая гиричка (рис. 4, 15). Атрибуция этого изделия предположительна. Предмет залегал на 8–10 см выше капель металла, в черном слое, при этом настораживает планиграфическое совпадение гирички и капель-выплесков. В отличие от большинства гирек эпохи викингов, имеющих кубическую форму, этот

экземпляр – с плоским основанием, с оплавленными, расширяющимися ко дну гранями. На верхней грани – круглое углубление. Вес находки – 8,58 г. Оплавленное основание позволяет допускать, что предмет мог быть навершием сьюльгамы или гривны. Но и гирички такой формы изредка встречаются (в качестве примера приведем гиричку, находящуюся в основной экспозиции музея «Тульские древности», г. Тула).

Упомянем также яркую находку, которая, по нашему мнению, попала в скопление случайно из позднедьяковского слоя, к тому же часть ее найдена в другой части раскопа. Глиняное изделие, изображающее согнутую в колене ногу, представляет собой часть антропоморфной (?) статуэтки. Удалось склеить нижнюю часть фигурки с согнутыми ногами, один мысок ноги сильно закручен вверх, второй обломлен, но, вероятно, был таким же (рис. 4, 17). Полные аналоги нам неизвестны. Дьяковские антропоморфные статуэтки выполнены в совершенно другой манере и, судя по крупной серии однотипных изображений, являются неким стандартным образом. Наш экземпляр отличают согнутые в коленях ноги и мысок ноги, изображающий то ли обувь, то ли сползшие чулки. Внешне это изображение производит впечатление лежащего на спине младенца, хотя строить предположения по столь фрагментированному предмету, конечно, не стоит. Близкий по стилю фрагмент антропоморфного изображения известен на городище Борисово, постройка 3 (Воронцов, 2013. Рис. 40, 3), причем от него сохранились те же фрагменты тела и одна нога, слегка

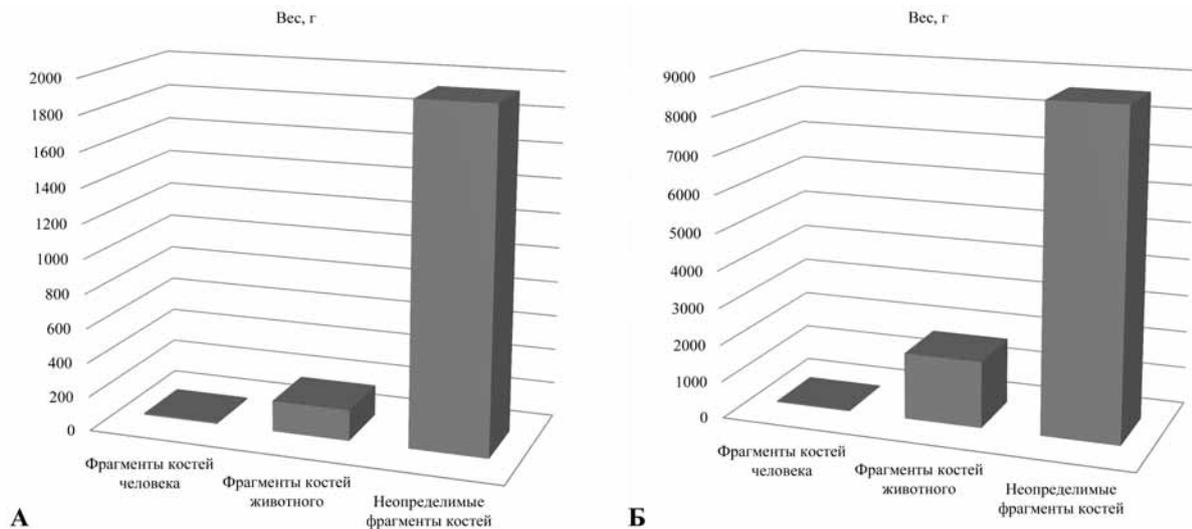

Рис. 2. Состав костей в погребениях Щуровского могильника, 2013 г.

А – погребение в кв. 309, участок 10, раскоп VI; Б – погребение в центре участка 12, раскоп VI

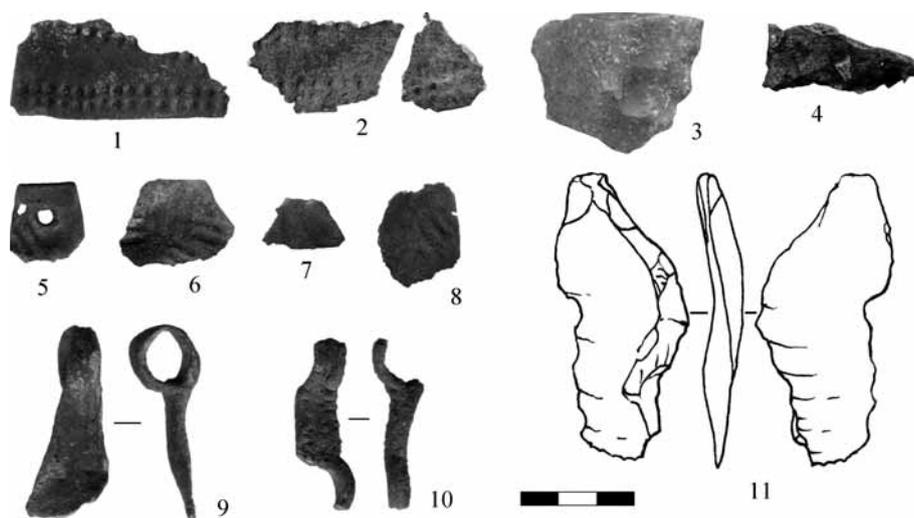

Рис. 3. Состав находок из погребения в квадрате 309 и из слоя под ним
1, 2, 4–8 – из скопления костей; 9–10 – из позднедьяковского слоя под погребением
(1, 2, 5–10 – медный сплав; 3, 11 – кремь; 4 – стекло)

согнутая в колене. Автор раскопок датировал ее второй половиной IV в. (Воронцов, 2013. С. 33–36).

Подобные скопления находок без костей мы находили на памятнике ранее (Сыроватко и др., 2014), это очередной объект, и не исключено, что небольшое число находок в кремации объясняется перемещением их в процессе погребения в отдельное скопление – это или другое, не попавшее в наш раскоп.

Весьма схожим с описанным погребением оказалось второе, открытое в центре участка 12 раскопа VI. Общий вес костей из погребения составляет 10470,98 г. Это погребение, пожалуй, «рекордсмен» по весу (в сравнении с остальными грунтовыми погребениями могильника). Кремированные костные останки имеют светло-серый цвет,

средний размер фрагментов – 1–3 см, на поверхности многих из них зафиксированы деформационные трещины. Все это говорит о высокой температуре горения костра – около 800°C (Wahl, 1996. С. 339–359; Walker, Miller, 2005).

Большая часть костей из погребения (8675,98 г) отнесена к категории неопределимых. Также удалось зафиксировать 273 обломка костей животных (1762,55 г) и всего 8 фрагментов костей человека (32,45 г) (рис. 2). Среди определимых костей удалось идентифицировать кости взрослого индивида 20–40 лет: обломки костей черепа, корней зубов, шейных позвонков, стенки длинных трубчатых костей (конечностей), фрагмент фаланги пальца. Пол определить не удалось. В погребении обнаружены

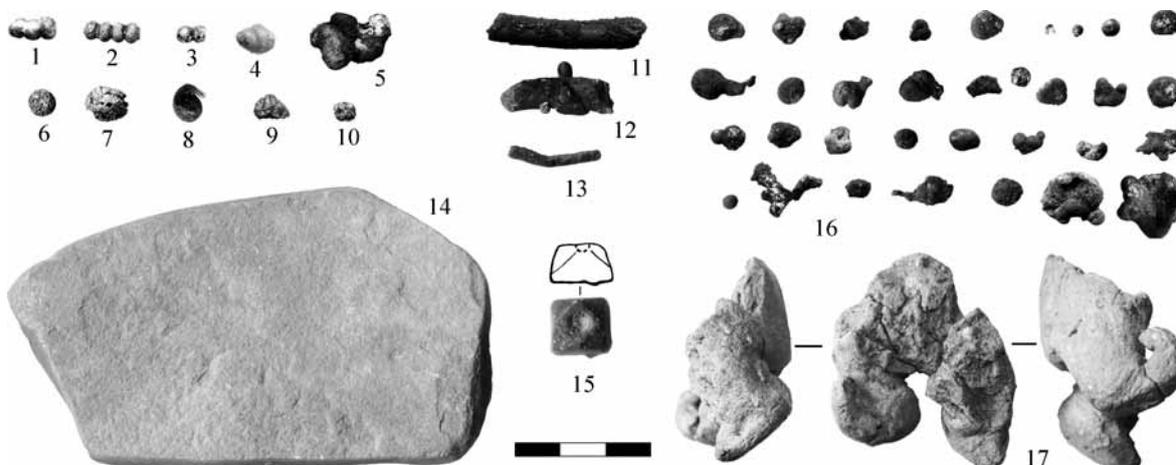

Рис. 4. Состав находок в скоплении к востоку от погребения в квадрате 309
1–10 – стекло (5 – стекло с каплей металла); 11–13, 15, 16 – медный сплав; 14 – камень; 17 – керамика

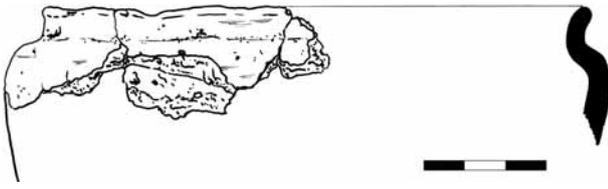

Рис. 5. Части сосуда из погребения на участке 12 раскопа VI

обломки костей животного, подавляющее большинство их принадлежит крупной особи, видовой принадлежность которой пока не определена специалистом. Находок в этом погребении было больше, это типичный для щуровских грунтовых кремаций набор бесформенных слитков стекла и капель металла. Единственной яркой вещью, связь которой с костями весьма вероятна, но не бесспорна, является крупное разомкнутое железное кольцо со слегка расширенными концами (вероятнее всего, браслет), с видимыми признаками прокаливания в огне. Кроме того, из массива позднедьяковской керамики выделена серия обломков сосуда с примесью шамота в тесте, с профилировкой, схожей с урнами и сосудами-приставками грунтового могильника (рис. 5). Выделить его удалось изначально в камеральных условиях по составу теста, затем – при построении трехмерной модели погребения (рис. 6–8, обозначен зеленым цветом). Сосуд-приставка – это почти стандартная деталь грунтового погребения.

Изначально скопление костей в этом погребении также выглядело как линза, занимавшая 6 кв. м, причем в процессе расчистки практически невозможно было предположить, где будет выявлено открытое впоследствии ядро этого скопления. Само ядро скопления выглядело почти так же, как у предыдущего объекта: размерами 20×20 см, в котором крупные осколки располагались с минимальным зазором.

На рис. 6–8 показано облако костей из этого скопления, снятое лазерным тахеометром. Отчетливо видно, что шлейф костей распространялся вниз по склону от ядра, с юго-востока на северо-запад, и это, вероятнее всего, результат механического перемещения обломков в ходе длительной археологизации изначально довольно компактного объекта.

Таким образом, обе рассмотренные кремации обладали следующими особенностями: слегка заглубленное в слой ядро скопления и рассеянный на более или менее значительной площади верхний шлейф. Похожее погребения исследовались на памятнике и ранее. Достоверных ямок прослежено тогда не было, только у погребения 2009 г. ямка читалась довольно отчетливо. Но в погребениях

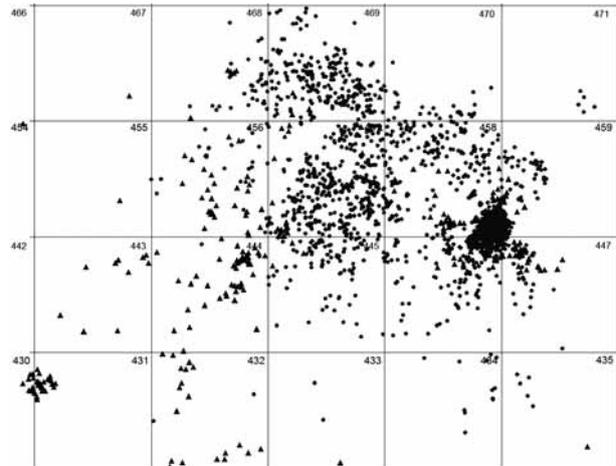

Рис. 6. Облако костей и керамики погребения на участке 12 раскопа VI. Вид сверху (см. цв. вкл.)

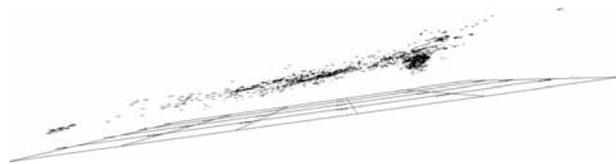

Рис. 7. Облако костей и керамики погребения на участке 12 раскопа VI. Вид с юга (см. цв. вкл.)

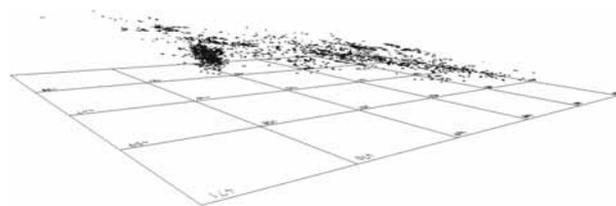

Рис. 8. Облако костей и керамики погребения на участке 12 раскопа VI. Вид с северо-востока (см. цв. вкл.)

2013 г. наблюдалась важная деталь: зазора между стенками ямки и костями практически не было. Все перечисленное позволяет предположить, что кости были уложены в ямки в неких тонкостенных емкостях из органических материалов. Это предполагалось и ранее, тем более что на могильнике открыты и урновые кремации (пока всего две), и логично допустить, что урна могла быть не только керамической. Не менее важна вторая составляющая – рассеянный на значительной площади верх погребения. Поскольку на данном участке могильника распахки не было, пока мы видим только одно объяснение разрушения верхней части

Рис. 9. Реконструкция археологизации погребальной емкости из органического материала

погребения: они изначально не были вкопаны в грунт полностью, верхняя часть этих емкостей с костями располагалась открыто (см. рис. 9). Это косвенно подтверждается наличием довольно правильных рядов погребений при отсутствии следов надмогильных конструкций² – вместилища костей (берестяные, деревянные или кожаные), выступающие над поверхностью, служили ориентирами для совершения последующих погребений. Впоследствии верхняя часть этих емкостей разрушалась, и кости рассеивались. Нижняя же часть, прикопанная в грунт, сохранялась компактным ядром.

Первоначальный вид, таким образом, состоял из некоей емкости из органических материалов,

прикопанной, заполненной костями человека и животных, а также обгоревшими вещами; в большинстве случаев эта емкость сопровождалась небольшим керамическим сосудом-приставкой, который также располагался открыто или скорее слегка прикопанным. У такой реконструкции есть варианты (рис. 10): так, если животное не сжигали вместе с человеком, кости человека помещались внутрь керамического сосуда, и в органической емкости не было необходимости³. Еще одна, также необязательная деталь – расположение обгорелых находок отдельно от костей, на расстоянии нескольких метров, видимо, также в отдельной емкости (на рис. 10 это кожаный мешочек-ки-

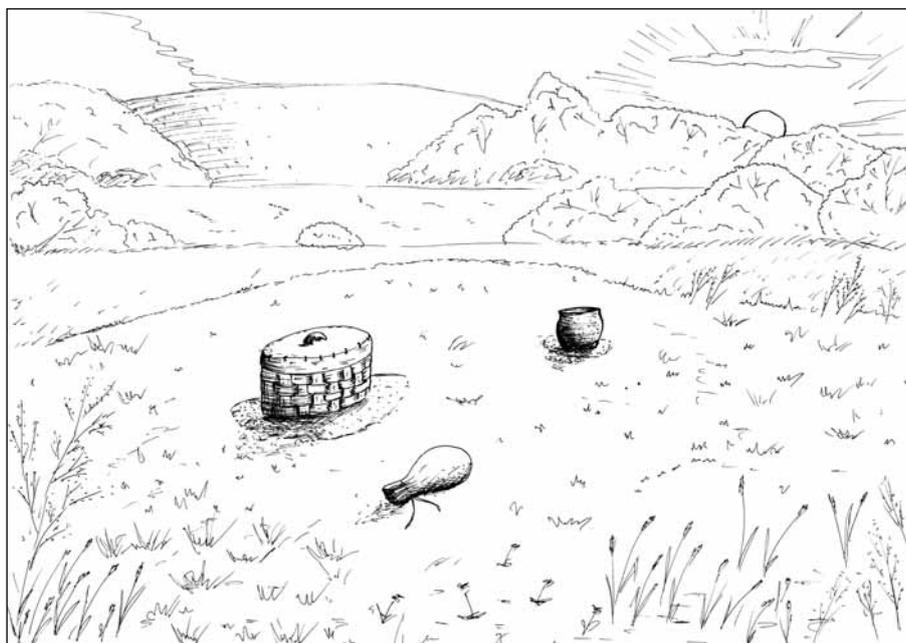

Рис. 10. Общий вид погребения-кремации (реконструкция)

² Хотя, конечно, «не найдено» не означает «не было».

³ Из этого наблюдения, правда, следует еще один вывод: сосуд изначально ставился в ямку пустым, раз в него без особых проблем можно было сыпать кости, лишь бы помещались. Т.е. сосуд не являлся вместилищем чего-то, например, ритуальной пищи, а символизировал что-то еще.

Рис. 11. Экспериментальные модели погребений

сет). Считать ли скопление находок частью погребального ансамбля, состоящего из двух основных деталей (емкость для костей и сосуд-приставка), или отделенные находки были, условно говоря, «удаленным мусором», непонятно. Четвертая, наименее достоверная часть «погребальной сервировки» – это уголь, взятый с погребального костра отдельно и тоже только в единичных случаях.

Безусловно, это лишь одна из возможных реконструкций, и мы никогда не будем утверждать, что подобным образом выглядели все грунтовые погребения. Плотные ядра обнаружены далеко не во всех скоплениях костей, и изначально, с момента их обнаружения, мы считали их просто рассыпанными на древней поверхности. Однако в таком случае непонятно, почему кости от таких рассыпанных погребений не смешались еще в древности и как из таких погребений умудрялись формировать ряды. Конечно, возможно, существовали и другие формы надмогильных маркеров, но следов от них пока не обнаружено.

Эти выводы озвучены нами в ходе работы Подмосковского семинара в феврале 2014 г., и пока готовилась публикация, возникла идея моделирования погребений, в основном с целью наблюдения за процессом их разрушения. Идея моделирования древних объектов не нова, достаточно вспомнить эксперименты по археологизации рвов, проводимые в Великобритании (Hutchinson, 1998; Ashbee, Jewell, 1998; Hutchinson, Stuart, 2003). Нами были смоделированы следующие варианты (рис. 11).

1. Погребение в органической емкости; в качестве берестяного тусека использован картонный

футляр от коньячной бутылки диаметром 8,5 и высотой 30 см.

2. Погребение в ямке (ямка размером около 20×20×20 см, в которую был высыпан остеологический материал с «находками»).

3. Россыпь костей на поверхности почвы.

4. Захоронение в тканевом мешочке, также на поверхности.

5. Погребение в органической емкости на вершине кургана (рис. 12). Туеском опять выступил бутылочный футляр размерами 10×33 см.

В экспериментальных погребениях кости сопровождался инвентарем: монетами достоинством от 10 копеек до 10 рублей, железными гвоздями, а также фрагментами пластмассовых шпажек.

Костным материалом для моделей мы располагали в изобилии, он был взят из наших же экспериментов по кремированию частей свиных туш и туши кабана, а также человеческого черепа. Четыре погребения были помещены на залесенном склоне (рис. 11), сформированном рекультивацией Щуровского карьера, пятое – на курганообразном отвале, также в зоне рекультивации (рис. 12), что должно исключить ошибку при случайном обнаружении этих объектов археологами. От Щуровского могильника наши реконструкции отличала большая плотность грунта: слой памятника образован крупнозернистым песком, в то время как обратная засыпка карьера гораздо плотнее, суглинистая, с обломками известняка. Мы рассчитывали на многолетние наблюдения за процессом разрушения, предполагая, что когда-нибудь их придется заново фиксировать археологическими методами. Однако процесс пошел гораздо быстрее – уже через шесть недель

Рис. 12. Тубус с костями на кургане; его состояние пять месяцев спустя

погребение № 4, в тканевом мешке, было унесено с «могильника» с неясной целью и в неизвестном направлении. Погребение № 1 (в картонном футляре) разрушено, кости разбросаны вокруг ямки, порванный футляр лежал неподалеку (почти как развал урны или «приставки»). Погребение № 5 избежало мародеров, но уже через пять месяцев его верхняя часть была серьезно повреждена дождями, кости стали высыпаться на поверхность кургана (рис. 12). Как ни парадоксально, вмешательство мародеров изменило ход эксперимента, но не помешало ему: если наша реконструкция верна, то погребения

располагались открыто довольно длительное время, аллювиальный балласт стал затягивать их только в первой половине XVII в. Не исключено, что унести что-нибудь с могильника мог любой желающий в течение длительного времени, нескольких столетий, и масштаб таких «постпогребальных» утрат неизвестен, в то время как примеры использования урн в быту спустя годы после совершения захоронений зафиксированы письменными источниками (Клейн, 2011. С. 58–60). Наш эксперимент, едва успев начаться, выявил этот фактор археологизации сразу же.

Литература

- Клейн Л. С., 2011. История археологической мысли. Т. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ. 2011. 687 с.
- Сыроватко А. С., Добровольская М. В., Ключко А. А., Шишков Д. Л., 2008. Опыт междисциплинарных исследований погребального комплекса Щурово//АП. Вып. 8. Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 99–104.
- Сыроватко А. С., Клеценко Е. А., Добровольская М. В., 2012. Урновое погребение Щуровского могильника//АП. Вып. 8. Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 86–94.
- Сыроватко А. С., Трошина А. А., Гольева А. А., Шишков В. А., 2014. Скопления «кремированных» находок на Щуровском могильнике: деталь обряда или случайность?//АП. Вып. 10. Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН.
- Ashbee P., Jewell P., 1998. The experimental earthworks revisited//Antiquity. Vol. 72. P. 485–504.
- Hutchinson J. N., 1998. A small-scale field check on the fisher-lehmann and bakker-le heux cliff degradation models//Earth Surface Processes and Landforms. Vol. 23. Issue 10. P. 913–926.
- Hutchinson J. N., Stuart J. T., 2003. Analyses of the morphological changes with time, through denudation and siltation, in ditches of trapezoidal and triangular section//Journal of Archaeological Science. Vol. 30. P. 797–808.
- Wahl J., 1996. Erfahrungen zur metrischen Geschlechtsdiagnose bei Leichenbränden//Homo. Vol. 47. Issues 1–3. Stuttgart.
- Walker P. L., Miller K. R., 2005. Time, temperature and oxygen availability: an experimental study of the effect of environmental condition on color and organic content of cremated bone//American Journal of Physical Anthropology. Vol. 40.

A. S. Syrovatko, E. A. Kleshchenko, N. G. Svirkina, & A. A. Troshina

Earth burials at Shurovo – the issue of the original shape of the graves*

Summary

This article analyses the results of excavations undertaken at two earth burials at the Shurovo burial site (in the outskirts of Kolomna, in the southern part of Moscow Region). The preliminary appearance of this burial suggested a chamber containing organic material – with bones and personal objects – but not fully

dug into the ground. During the archaeological work it became clear that an upper, above-ground section of the burial had fallen down, and the bones and items within it scattered in the surrounding area. The lower core of the burial remained intact, with its contents heavily compacted.

---

* These works were undertaken with financial support from the RFFI, project № 14-06-00423a, entitled “The Reconstruction of the natural environment of a settlement from the Early Iron Age and Early Middle Ages, in the Central Basin of the River Oka”

А. А. Гольева, И. В. Турова

Фосфор в археологических объектах: формы, количество, устойчивость

Введение

Использование различных методов естественных наук при проведении археологических работ давно стало нормой. Среди этих методов одно из важных мест занимает определение количества фосфора в культурных слоях (Гольева, 2008. С. 78–82; 2009. С. 56–59; Гольева, Мальшев, 2003. С. 124–129). Подобное внимание именно к этому химическому элементу обусловлено его достаточно жесткой привязкой к объемам органического вещества, находящегося в культурном слое. Если почвы обогащаются органическими соединениями за счет опада, разложения корневой и микробной биомасс, то культурные слои поселений дополнительно получают органические соединения за счет продуктов обитания и жизнедеятельности людей и животных: отходы, навоз, разнообразные перекрытия, подстилки и пр. (рис. 1). В результате культурные слои содержат значительно больше фосфора, чем естественные почвы.

Еще одним существенным отличием между почвами и культурными слоями является характер распределения фосфора в вертикальных колонках. Для почв наблюдаются максимальное количество в самом верхнем слое (гумусовом горизонте) с постепенным убыванием с глубиной и последующими ровными низкими величинами в нижних минеральных горизонтах почвы – аккумулятивный тренд. Культурные слои имеют абсолютно иной рисунок распределения фосфора с глубиной. Важно, что для культурных слоев нет единого образа, как должна выглядеть кривая по фосфору, поскольку каждый археологический объект уникален. Наблюдается прямая корреляция между максимумом по содержанию фосфора и наибольшей

интенсивностью обживания территории, то есть максимальные значения по фосфору могут быть на какой угодно глубине. И подобных пиков может быть несколько, если памятник многослойный.

Именно эта совокупность признаков (количество и тип распределения по профилю) сделала фосфор одним из самых надежных диагностических признаков культурного слоя среди остальных естественнонаучных подходов.

В связи с этим возникает ряд вопросов: насколько соединения фосфора устойчивы во времени; есть ли какие-нибудь ограничения по использованию метода в зависимости от природно-географической среды (степень увлажнения; кислотность, щелочность вмещающей массы; рыхлость, плотность пород)? Точнее, основной вопрос – насколько данный метод универсален для использования его на археологических объектах, есть ли какие-то ограничения?

На ряд вопросов ответы есть: поскольку фосфор является одним из «китов» агрохимии наравне с азотом и калием, ему всегда уделяется особое внимание исследователей. Поэтому разнообразие форм фосфора в почвах (и культурных слоях) разных природных зон, устойчивость солей фосфора изучены (Геммерлинг, 1941; Гинзбург, 1981; Глазунова, 1991; Глазунова, Похлебкина, 1989; Касицкий, 1979; Кудярова, 1995; Чириков, 1956; и др.), а методы определения фосфора разработаны довольно подробно (Орлов, 1985; «Практикум по агрохимии», 2001).

Одним из недостатков всех работ, посвященных формам и соединениям фосфора в почвах, является отсутствие длительных временных наблюдений – динамика элемента в течение сотен и даже тысяч лет. Это не нужно в агрономии,

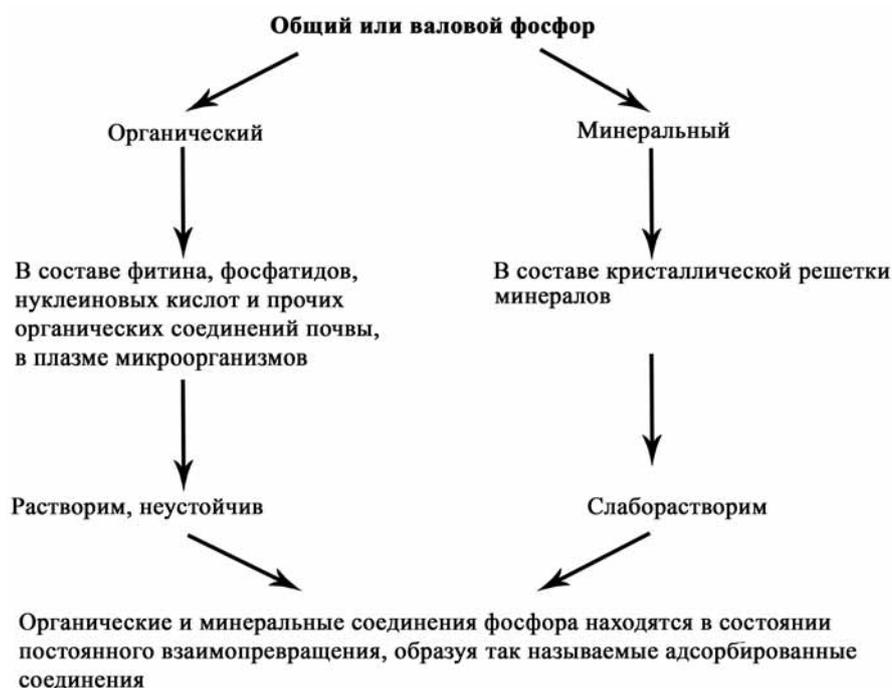

Рис. 1. Вклад фосфорсодержащих компонентов в природные и искусственные ландшафты

но абсолютно необходимо в археологии. Исследования в этом направлении проводятся (Гольева, 2012), но их пока мало, не охвачены все природные зоны, не рассмотрены вопросы информативности различных методов определения фосфора. Например, мы в своих исследованиях используем данные по валовому фосфору, в то время как другие исследователи ориентируются на показатели подвижного фосфора (Валдайских, Матвеева, Махонина, 2006; Махонина, Коркина, 2002). Есть статьи, где приведены данные обоих методов, но без сравнительного анализа (Сулейманов, Овсянников, 2011). Работ, где бы сравнивались результаты разных методов определения фосфора на одних объектах, в нашей стране нет, хотя в мире подобный сравнительный анализ уже проведен (Holliday, Gartner, 2007).

Цель нашего исследования – определить информационные возможности различных методов определения фосфора при работе на археологических объектах. Для достижения этой цели были исследованы образцы из культурных слоев двух поселений, расположенных в одной природной зоне, но на различных по гранулометрическому составу породах: песках и суглинках. Для более корректного сравнения полученных результатов в обоих случаях рассматривались культурные слои близкого исторического возраста – XII–XIV вв. Прежде

чем перейти непосредственно к объектам исследований и полученным результатам, представляется важным объяснить методологические подходы к изучению фосфора.

Методология исследования

Совокупное количество фосфора в образце (горизонте, слое) называется валовым фосфором (рис. 2). Валовой фосфор почвы состоит из органических и минеральных соединений, последние включают в себя подвижные формы и труднорастворимые фосфаты, входящие в состав минералов. Подвижный фосфор включает в себя различные формы почвенных фосфатов, находящихся в динамическом равновесии «твердая фаза почвы ↔ почвенный раствор». Переход подвижного фосфора из твердых фаз почвы в раствор и обратно определяется сезонной динамикой ее водного, воздушного и теплового режимов, биологической активности почв и др.

Соединения фосфора в почве подвергаются различным превращениям, наибольшее значение из которых имеют минерализация (превращение органических соединений в минеральные), мобилизация (превращение труднорастворимых соединений в легкорастворимые), иммобилизация (превращение неорганических соединений

Рис. 2. Разнообразие форм фосфора в почвах и грунтах

в органические формы), фиксация (потеря растворимости фосфорсодержащих соединений) (Орлов, 1985).

Эти положения справедливы и для культурных слоев поселений, то есть там могут быть в наличии все эти формы фосфора и протекать такие же процессы.

Устойчивость соединений фосфора различна. Минеральные соединения (например, фосфаты железа, алюминия) слаборастворимы вплоть до практически нерастворимых (фосфаты кальция). Подвижные формы легко мигрируют с почвенными водами, поглощаются микробной массой и корнями растений. Со временем происходит фиксация фосфора минеральными компонентами почвы и перевод его в нерастворимые формы. Эти нерастворимые соли осаждаются на поверхностях минеральных частиц (минеральных зерен, фитоцитов и пр.) в виде хлопьевидных сгустков, которые прочно удерживаются на поверхности частицы органоминеральным «клеем» (рис. 3).

В России для фракционирования почвенных фосфатов наиболее часто используют методы Кирсанова, Мачигина, Чирикова, Чанга – Джексона,

Гинзбург – Лебедевой. Их подробное описание приведено К. Е. Гинзбург в книге «Агрохимические методы исследования почв» (1975. С. 106–190). Определение подвижного фосфора проводится различными методами в зависимости от свойств почв, прежде всего величины рН. Выбор метода зависит от химических свойств (кислые – щелочные, карбонатные – выщелоченные и т.п.) почв или культурных слоев. На кислых и слабокислых почвах применяют кислотные вытяжки (метод Кирсанова), на карбонатных – щелочные вытяжки (метод Мачигина) («Практикум по агрохимии», 2001).

В настоящее время валовое содержание фосфора и его подвижные соединения определяют фотометрическим методом, который основан на оценке количества ортофосфатов. В основе этих методов лежит образование гетерополикислот («Практикум по агрохимии», 2001).

Объекты исследования

Исследования проводились на памятниках Ростиславль Рязанский и Сосновка IV¹, где ведутся археологические работы под руководством В. Ю. Коваля (2000; 2004). На селище Сосновка IV

¹ Озерский район Московской области, правый берег р. Оки. Среднегодовая температура +3°C, количество осадков 550–600 мм в год, природная зона – южная тайга, зональная растительность – смешанный лес.

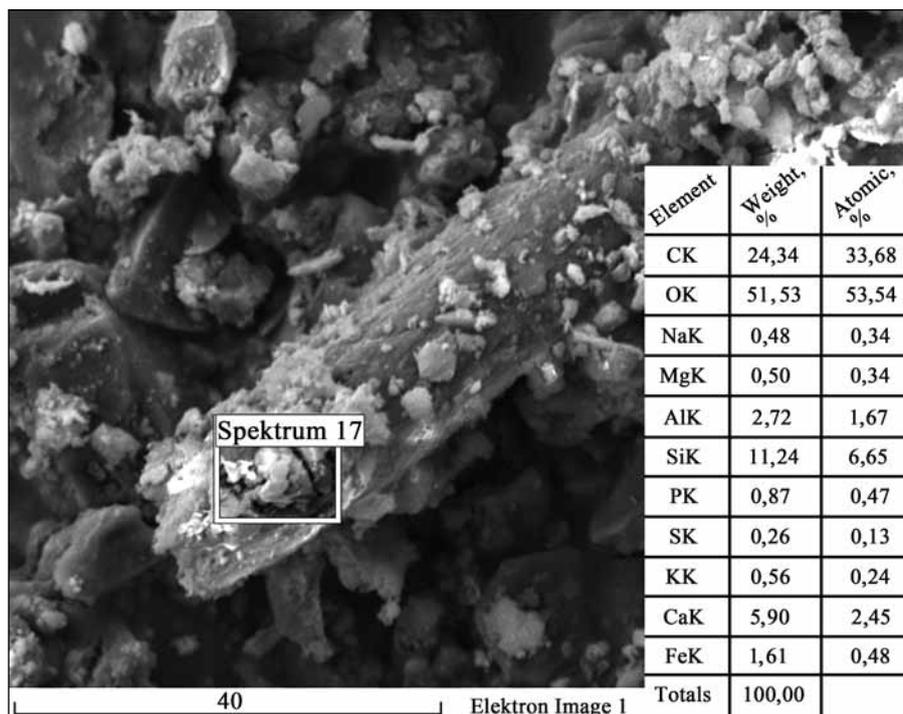

Рис. 3. Хлопьевидные сгустки соединений фосфора на поверхности фитолита. Культурный слой городища Ростиславль Рязанский

изучены образцы из раскопа I (кв. 76, восточная стенка) (раннее Средневековье) (рис. 4), а также фоновый разрез. Эти разрезы и их основные свойства были показаны ранее (Гольева, 2014) и здесь не приводятся. В настоящей работе даются результаты дополнительных, более детальных, исследований по динамике форм фосфора.

В Ростиславле изучена колонка образцов из раскопа IX на примыкающем к городищу селище Ростиславльское V (кв. 6, южная стенка; раскопки 2011 г.). Раскоп располагался на первой террасе правого берега р. Оки, непосредственно у подножия крутого склона высокого мыса, образованного известковыми породами. За счет интенсивных склоновых процессов верхние 70 см отложений на раскопе состояли из серии щебнистых и суглинистых наносов. Ниже (70–80 см) зафиксирован горизонт из крупных камней, перекрывший культурный слой XII в. (80–110 см) (рис. 5).

Горизонт из крупных камней отражает природную катастрофу, вызвавшую сильнейшую склоновую эрозию верхнего минерального чехла. Наиболее вероятно, это следы сильного землетрясения. На нашей территории землетрясения – большая редкость. В основном до нас могут доходить сейсмические волны сильных землетрясений в Карпатах или на Кавказе. То есть землетрясения редки, но возможны.

Изучая большое количество древних рукописей начиная с IX в., Борисенков Е. П. и Пасецкий В. М. отметили, что землетрясения отмечены для каждого столетия, но особенно много в Центральной России их приходится на XII в. (1107, 1109, 1124, 1130 гг.). Сильное землетрясение во Владимире и Новгороде описано для 1230 г. Согласно летописям, сила удара была настолько большой, что ломались церкви (Борисенков, Пасецкий, 1988. С. 173–175, 248, 501). Таким образом, наше предположение о том, что снос крупных валунов, похоронивших культурный слой XII в., был вызван сильным землетрясением, является весьма вероятным.

Под этим слоем залегал культурный слой XII в. (до 110 см), ниже (110–140 см) наблюдалось перемешивание средневековых культурных слоев и материала раннего железного века. Толща 100–110 см представляла собой белесую уплотненную массу, образованную из мелких обломков известняка. Генезис слоя неясен. Не исключено, что он имеет искусственную природу: люди принесли измельченную известковую крошку для каких-то хозяйственных целей. Под этим слоем карбонатных включений практически нет. Учитывая переотложенный характер верхних 70 см отложений на раскопе, образцы отбирались начиная с 72 см и вниз до материка (глубина 140 см).

Рис. 4. Сосновка IV. Восточная стенка раскопа I, кв. 76 (см. цв. вкл.)

Методы исследования

В образцах из культурных слоев было выполнено определение валового и подвижного фосфора. А в Ростиславле дополнительно определено содержание фосфора в вытяжке Тамма – предполагаемые аморфные соединения. В фоновом разрезе (объект Сосновка) сделан только анализ валового фосфора. Это связано с тем, что крупнопесчаные почвы содержат мало фосфора и количественные значения по подвижным соединениям элемента практически совпадают с ошибкой метода. Но в случае культурных слоев, где фосфора много, данный анализ уместен и информативен. Определение валового фосфора проводилось модифицированным методом К. Е. Гинзбург («Практикум по агрохимии», 2001. С. 249–315) – сжиганием почвы в 0,4 н растворе K_2CrO_4 в серной кислоте при нагревании и определением содержания фосфора фотометрическим методом. Определение подвижных форм фосфора, поскольку почвы карбонатные, было проведено методом Мачигина, основанным на извлечении подвижных форм фосфора однопроцентным раствором углекислого аммония с рН 9 («Практикум по агрохимии», 2001. С. 315–318).

Помимо вышеперечисленных анализов определено содержание различных форм железа, алюминия и кальция, поскольку именно с этими элементами фосфор образует слабо растворимые или практически нерастворимые соединения. Для железа сделано два определения: по методу Тамма и методом Джексона. Считается, что в первом случае определяются аморфные (подвижные, активные) соединения железа, во втором – минеральные слабо подвижные (инертные) формы. Алюминий определялся методом Тамма, то есть

Рис. 5. Ростиславль. Южная стенка раскопа IX, кв. 6 (см. цв. вкл.)

это так называемые аморфные (подвижные) формы. Кальций – методом Козловского, при котором происходит максимальная экстракция соединений кальция из почв или культурных слоев.

Результаты и обсуждения

Результаты исследования представлены на рисунках 6, 7 и 8.

Сосновка IV.

Фоновый разрез (рис. 6). Распределение элемента нормально для песчаных почв региона: максимальное количество в верхнем горизонте, убывание вниз по профилю с некоторым накоплением в нижней части. Одновременное увеличение количества

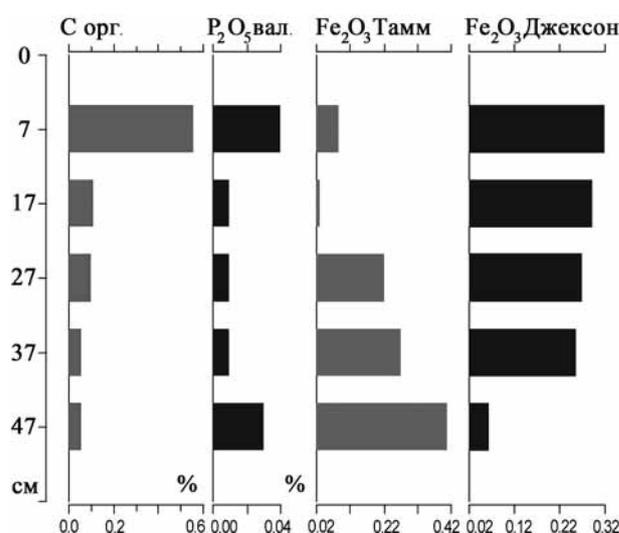

Рис. 6. Сосновка IV. Фоновый разрез. Распределение основных химических свойств. Образцы отобраны через 10 см сверху вниз

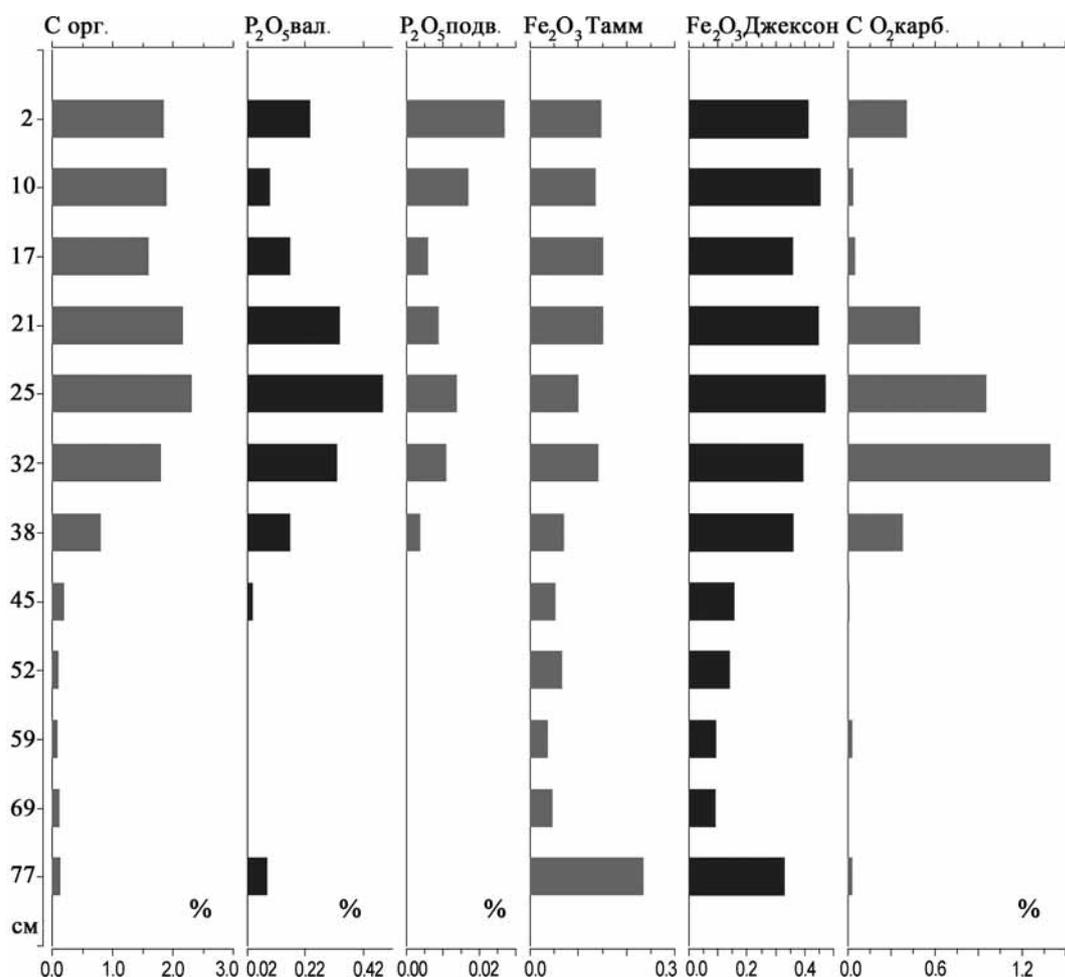

Рис. 7. Сосновка IV. Раскоп I, кв. 76, восточная стенка. Распределение основных химических свойств

аморфного железа (по Тамму) в нижнем горизонте почвы объясняет повышенное количество фосфора в нем: мигрирующий вниз подвижный фосфор, соединяясь с подвижным железом, осаждается, образуя труднорастворимые соединения. В итоге в нижнем из рассмотренных горизонтов происходит накопление солей фосфата железа. Это почвенный процесс, который никак не соотносится с наличием или отсутствием культурных слоев.

Раскоп I, кв. 76, восточная стенка (рис. 7). В стенке раскопа была хорошо видна белесоватая прослойка из крупных обломков известняка на глубине 22–25 см. Она являлась надежным маркером погребенной поверхности и уровня залегания слоя раннего Средневековья. Этот уровень погребенного культурного слоя четко виден по максимуму валового фосфора и органического углерода. На графике распределения подвижного фосфора также заметно увеличение значений, но оно выражено слабее. Интересно, что максимум карбонатов

отмечается не в толще мелкозема карбонатной прослойки, а гораздо ниже, на глубине 32 см. Это связано с растворимостью карбонатов в нашей природной зоне и постепенным выносом их в нижние горизонты почвы.

На обоих графиках распределения соединений фосфора четко видно увеличение количества элемента в верхнем горизонте – это биологическое накопление за счет опада, то есть типичный почвенный процесс. Здесь подвижного фосфора значительно больше, чем в горизонте культурного слоя, то есть при разложении опада образуются и преобладают подвижные формы фосфора, но со временем происходит минерализация – переход подвижных форм в нерастворимые соединения. Как и в фоновом разрезе, наблюдается небольшое увеличение количества фосфора в минеральном горизонте (77 см), что абсолютно коррелирует с накоплением различных соединений железа на этой же глубине.

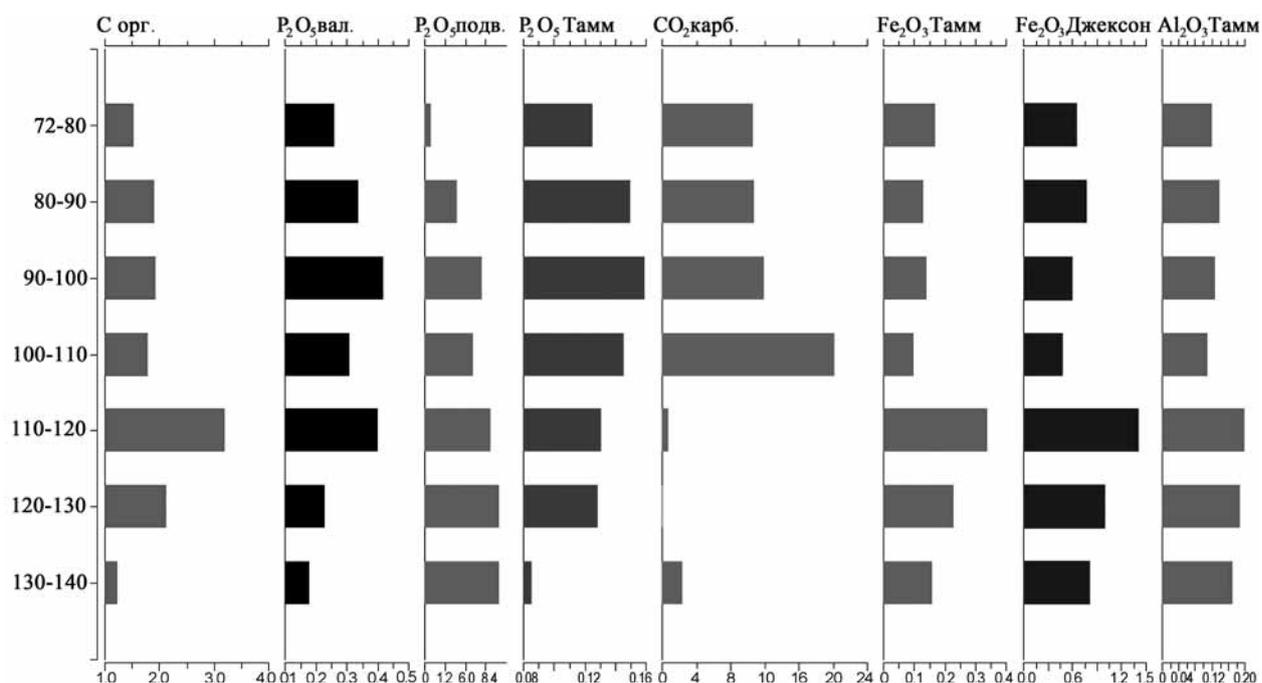

Рис. 8. Ростиславль. Раскоп IX, кв. 6, южная стенка. Распределение основных химических свойств

Ростиславльское V селище.

Раскоп I, кв. 6, южная стенка (рис. 8). Крупные валуны лежат на глубине 80 см. Согласно археологическим данным, именно с этой глубины начинается культурный слой XII в. Да, во всех определениях фосфора количество элемента выше, чем в почве, то есть этот слой можно охарактеризовать как культурный слой. Но ниже, в слое 90–100 см, фосфора больше. Можно предположить, что верхняя часть (89–90 см) – это не чистый культурный слой, а перемешанный с осыпавшейся сверху почвой, поскольку вряд ли массивные камни до перемещения сюда лежали непосредственно на дневной поверхности. Скорее всего, они были перекрыты какой-то гумусированной почвой, которая при толчке осыпалась первой, перекрыв культурный слой.

Согласно данным по валовому фосфору, наблюдается два максимума освоения участка – слои 90–100 и 110–120 см. Ниже интенсивность обживания падает. По данным подвижного фосфора, наибольшая интенсивность освоения участка была на самом раннем этапе (слои 120–140 см). Далее она постепенно уменьшается. Согласно данным, полученным из вытяжки Тамма, наибольшая антропогенная активность была при формировании слоя 90–100 см. Второй максимум, заметный по другим анализам, не выявлен. Обнаруженная противоречивость данных различных анализов показывает различия между общим (суммарным)

количеством фосфора (валовой анализ) и его подвижными и аморфными формами.

Количество карбонатов велико в верхней части, максимально в белесом горизонте 100–110 см, что естественно, поскольку при анализе определяются растворенные и очень мелкие частицы. Чем более раздроблен известняк, тем больше этих частиц. При огромных валунах растворение идет не так быстро, и химическими вытяжками определяется меньшее количество минерального углерода.

Распределение обоих видов железа и алюминия имеет сходный облик: максимум в слое 110–120 см с постепенным уменьшением с глубиной.

Заключение

Очевидно, что именно соединения фосфора с железом и алюминием создали второй максимум по валовому фосфору (Ростиславль), поскольку эти соли практически нерастворимы. Верхний максимум образован за счет соединений фосфора с карбонатами, также нерастворимыми. Именно эти два типа соединений фосфора и позволяют использовать данный элемент в качестве диагноста культурных слоев даже спустя длительный промежуток времени. Иными словами, при любых формах поступления фосфора в культурные слои поселений основная их часть со временем переходит в адсорбированные нерастворимые формы, поскольку в любой почве есть кальций, железо, алюминий.

Наиболее информативным видом анализа является определение валового фосфора. Использование в археологических раскопках значений подвижного фосфора возможно, но необходимо иметь в виду его высокую мобильность и возможность биогенного переотложения. Наши выводы полностью совпадают с выводами, полученными в работе Holliday V. T. и Gartner W. G. (2007).

При любых видах анализа необходимо учитывать возможность биогенной трансформации фосфора из культурных слоев, а также хемогенных соединений мигрирующих форм с железом, алюминием в нижние минеральные горизонты почв. При использовании валовых данных эти величины будут ниже, чем в культурном слое, что позволит четко отделять культурные слои от почвенных горизонтов.

Литература

Борисенков Е. П., Пасецкий В. М., 1988. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.: Мысль. 522 с.

Валдайских В. В., Матвеева Н. П., Махонина Г. И., 2006. Исследование антропогенно нарушенных почв Коловского городища и Коловского-4 селища//Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 6. Тюмень. С. 1–3.

Геммерлинг В. В., 1941. К характеристике соединений фосфора в почвах разного типа//Почвоведение. № 6. М. С. 59–64.

Гинзбург К. Е., 1975. Методы определения фосфора в почве//Агрохимические методы исследования почв. М.: Наука. С. 106–190.

Гинзбург К. Е., 1981. Фосфор основных типов почв СССР. М.: Наука. 244 с.

Глазунова Н. М., 1991. Фосфатный режим дерново-подзолистых почв разного механического состава//Бюллетень Всесоюзного института удобрений и агропочвоведения. № 103. М. С. 32–36.

Глазунова Н. М., Похлебкина Л. П., 1989. Показатели доступности почвенных фосфатов//Агрохимия. № 10. М. С. 118–127.

Гольева А. А., 2008. Процесс фосфатизации поселенческих ландшафтов за исторический период//Современное состояние, антропогенная трансформация и эволюция ландшафтов Востока Русской равнины и Урала в позднем кайнозое. Материалы научной конференции. Киров.

Гольева А. А., 2009. Валовый фосфор как индикатор хозяйственной деятельности древних и средневековых обществ//Роль естественных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Алтайский гос. ун-т.

Гольева А. А., 2012. Скорости преобразования культурных слоев почвенными процессами//АП 8. М.: ИА РАН. С. 70–78.

Гольева А. А., 2014. Почвенные исследования поселения Сосновка IV (Московская область)//АП 10. М.: ИА РАН. С. 64–75.

Гольева А. А., Малышев А. А., 2003. Изменение содержания валового фосфора и органического углерода в почвах древнепоселенческих ландшафтов//Роль почвы в формировании ландшафтов. Казань.

Касицкий Н. И., 1979. Об оптимальном уровне обеспеченности почв СССР подвижным фосфором//Агрохимия. № 3. М. С. 135–154.

Коваль В. Ю., 2000. Новые данные о Ростиславльском городище эпохи раннего железного века//Тр. МИГМ. Вып. 10. М. С. 26–31.

Коваль В. Ю., 2004. Сосновское селище (о керамике Среднего Поочья в XI в.)//РА. № 1. С. 154–166.

Кудеярова А. Ю., 1995. Фосфатогенная трансформация почв. М.: Наука. 288 с.

Махонина Г. И., Коркина И. Н., 2002. Развитие подзолистых почв на археологических памятниках в подзоне средней тайги Западной Сибири//Почвоведение. № 8. М. С. 917–927.

Орлов Д. С., 1985. Химия почв. М.: Изд-во МГУ. 376 с.

Практикум по агрохимии. М.: Изд-во МГУ, 2001. 688 с.

Сулейманов Р. Р., Овсянников В. В., 2011. Почвенно-экологическая характеристика археологического памятника «Биктимировское городище»//Вестник Оренбургского государственного университета. № 12 (131). Оренбург. С. 151–153.

Чириков Ф. В., 1956. Агрохимия калия и фосфора. М.: Изд. сельскохозяйственной литературы. 464 с.

Holliday, V. T., Gartner, W. G., 2007. Methods of soil P analysis in archaeology//JAS. Vol. 34. P. 301–333.

A.A. Goleva & I.V. Turova

Phosphorus at archaeological sites – the forms, amounts & stability

Summary

This article describes two different sites from the same period (the early Middle Ages), which were built on granulometric rock (sand or loam). It shows the distribution of different types of phosphorus, and

offers a comparative analysis of the results. We can see that the most valuable kind of analysis shows the overall values of phosphorus.

С. В. Шполянский

**Древнерусский Осовец на Клязьме:
археологический комментарий к истории крепости**

Среди древнерусских крепостей, расположенных на берегах Клязьмы, городище у с. Осовец Собинского р-на Владимирской обл. оставалось до последнего времени одним из наименее исследованных. Находясь примерно в 50 км выше по течению относительно столичного Владимира, средневековое городище представляет собой остатки единственной сравнительно крупной крепости в верхнем течении р. Клязьмы, по-видимому, упоминающейся в летописном сообщении о военном конфликте между рязанскими и владимирскими князьями в 1209 г. (рис. 1). Основное содержание этих событий – быстротечная пограничная стычка между дружинами рязанских князей Изяслава и Кира Михаила и владимирского князя Юрия Всеволодовича. Попытка грабежа рязанскими князьями владимирских пограничных земель («волость Всеволожю великого князя близ Москвы») (ПСРЛ, 1962. Стб. 434) была пресечена неожиданно вернувшимся из похода против новгородцев Юрием.

Эти события, неоднократно становившиеся предметом исследований, еще раз были сравнительно недавно изучены А. Б. Мазуровым (2001. С. 423–435). обстоятельно разбирая ход событий и всю географическую номенклатуру, содержащуюся в трех независимых летописных источниках, автор подробно рассматривает вопрос о возможном расположении Осового, названного в Летописце Переяславля Суздальского местом, у которого был разбит Изяслав. Обратив внимание на этимологию слова (по В. И. Далю и И. И. Срезневскому: осов, осовец – осыпающаяся земля по берегу реки, косогору, овраг) и привлекая данные актового материала XV–XVI столетий, А. Б. Мазуров делает интересный вывод о том, что летописный топоним обозначал не место, а дорогу – путь, проходящий по воз-

вышенному левому берегу Клязьмы. Важнейшее для исторической географии региона заключение, позволяющее, похоже, совместить все наиболее вероятные варианты локализаций летописных топонимов, учитывает и существование древнерусского городища на этом пути – Осовецкой дороги большой, как она названа в одном из двух приведенных автором документов, относящемся к началу XVI в. (АФЗХ, 1951. № 183. С. 166). Тем не менее за рамками проведенного исследования было оставлено значение крепости, располагавшейся, очевидно, на реконструируемой средневековой дороге, и той возможной роли, которую могла она сыграть в событиях ранней весны 1209 г.

Описание конца XIX столетия представляет остатки крепости следующим образом. «На гладкой возвышенности, на которой расположено с. Осовец и у подножья которой протекает р. Клязьма, находится городок, обнесенный со всех сторон земляными валами на пространстве четверти версты, вокруг валов идет глубокий ров. Народное предание приписывает основание этого городка великому князю Владимиру; на этом месте будто бы он думал основать город Владимир, но намерение его не состоялось, город был впоследствии основан в другом месте» (*Добронравов*, 1897. С. 484).

Не менее легендарное, чем возможное размещение здесь княжеской столицы, сообщение о том, что «в Осовецком городище бывал монастырь», приведенное в патриарших окладных книгах под 1628 г. (*Добронравов*, 1897. С. 485, 486), указывает лишний раз на утрату уже в первой трети XVII столетия реальных сведений об истории крепости. Помещение на территорию городища в этом же сообщении и деревянной церкви Николы Чудотворца, простоявшей в Осовце по крайней мере до 1754 г.,

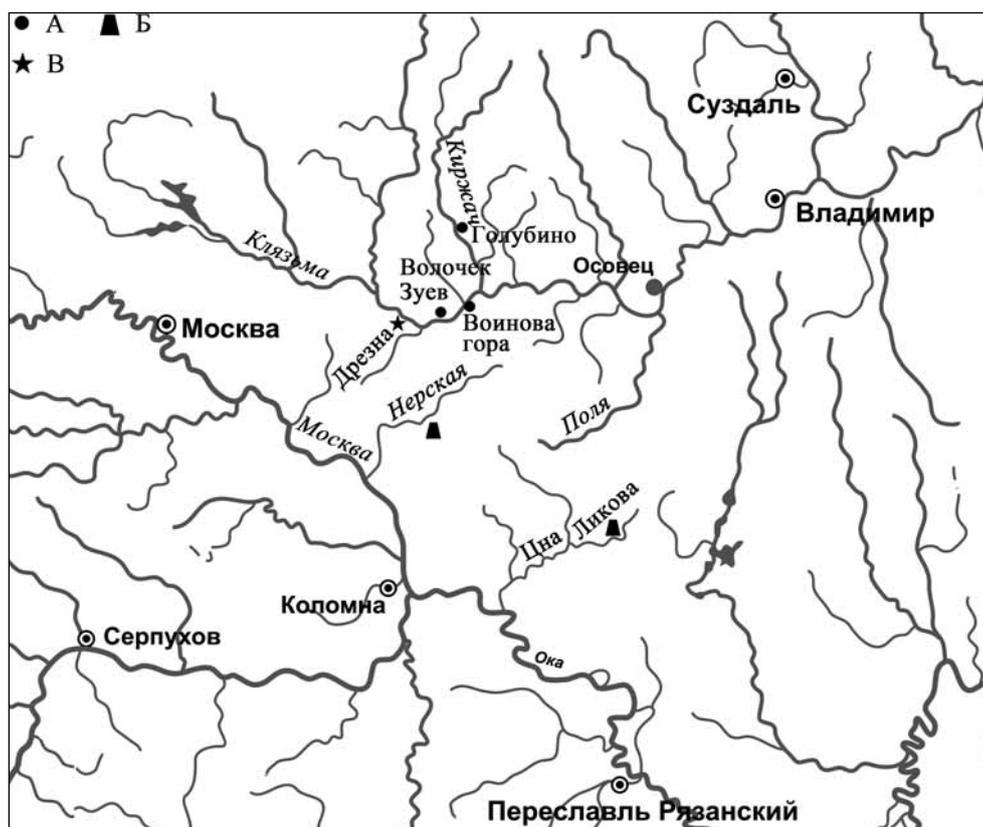

Рис. 1. Схема расположения городища Осовец с указанием мест локализации летописных топонимов (по А. А. Юшко, А. К. Зайцеву, А. Б. Мазурову)

А – места локализации топонимов, упоминаемых в письменных источниках; Б – предполагаемые места станов рязанских князей; В – место сражения в низовьях р. Дрезны

свидетельствует об очевидных неточностях документа, путающего село Осовец с расположенным почти в полукilометре от него городищем.

В «Списках населенных мест» Владимирской губернии, составленных в 1859 г., Осовец назван погостом с тремя ежегодными ярмарками (рис. 2). Его размещение «по левую сторону» от проселочного тракта, ведущего от Московско-Нижегородского шоссе через Егорьевск в г. Коломну («Списки...», 1863. С. 161), позволило А. Б. Мазурову, подкрепившему свои предположения данными картографии XVIII в., вслед за Н. Н. Ворониным отметить вероятность возведения рядом с местом расположения позднейшего погоста крепости для контроля за важнейшими путями региона (Мазуров, 2001. С. 427). Добавим к этому, что в таком случае путь из Владимира в Коломну по перевозу через Клязьму у Осовца по левому берегу р. Поли (правого притока Клязьмы) на верховья Цны оказывается заметно более коротким, чем хорошо известный путь по р. Нерской (Юшко, 1987. С. 88–90; Мазуров, 2001. С. 426. Табл. 26).

Первое собственно археологическое описание городища было составлено Н. Н. Ворониным (1937). Полученные тогда сведения легли в основу представлений о нем как о довольно серьезном фортификационном сооружении, относящемся к так называемым полукруглым городищам (*Rampoport*, 1959. С. 122; 1961. С. 14, 17). Сооружение Осовецкой крепости на Клязьме было значительным событием начала XIII в., отмечает А. Л. Монгайт, и стало ответом на возведение укреплений Переяславля Рязанского (Монгайт, 1961. С. 356). Итогом такой оценки памятника оказалось прочное утверждение его в списках городищ в сводных работах, посвященных древнерусским крепостям (Успенская, Фехнер, 1956. С. 141; Куза, 1996. С. 147). После работ Н. Н. Воронина осмотр памятника производился в 1960 г. М. П. Шахматовой. Городище и открытое рядом с ним селище обследовались в 1976 г. А. Е. Леонтьевым, в 1979 г. В. П. Глазовым. В результате объективные данные о памятнике, а точнее, об археологическом комплексе у села Осовец, включавшем городище и примыка-

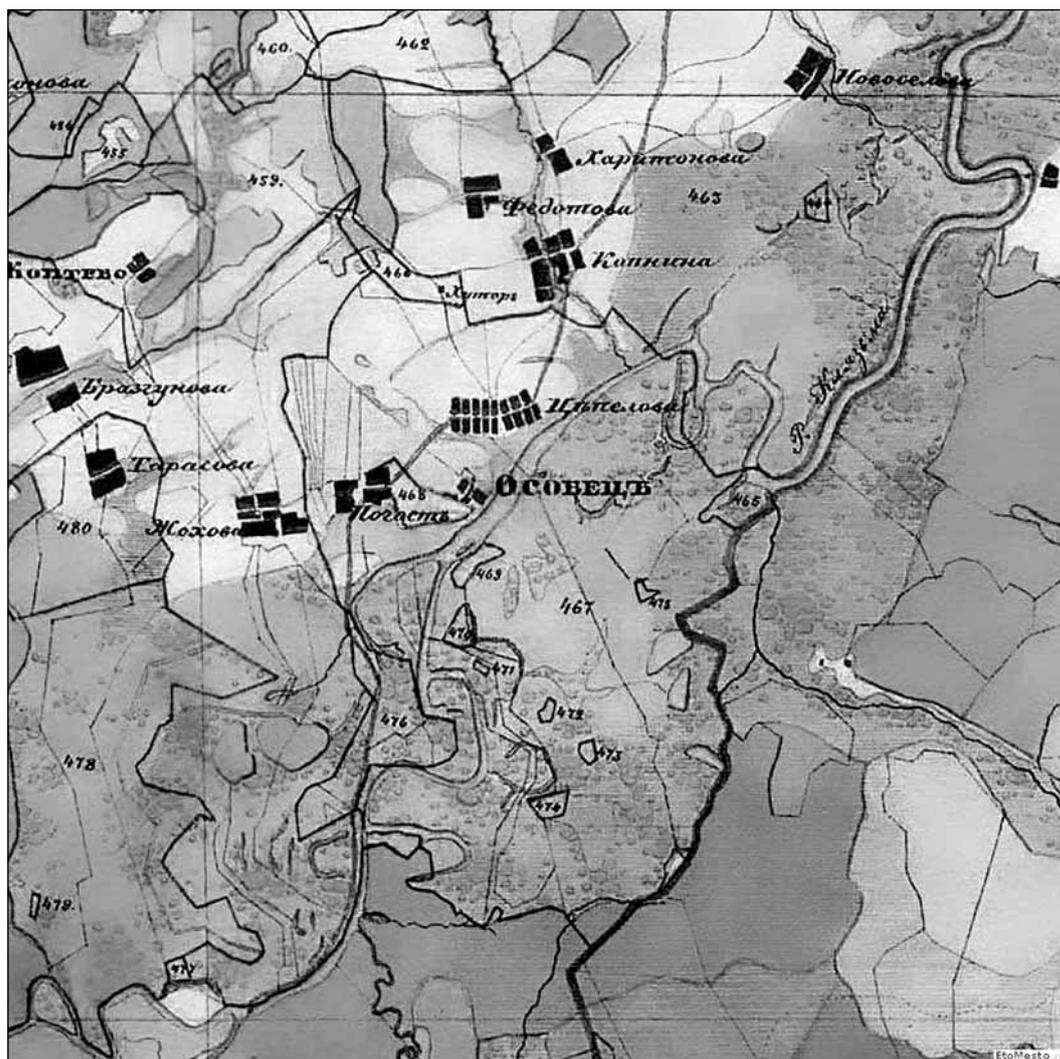

Рис. 2. Погост Осовец на карте А.А. Менде Владимирской губернии 1850 г.

ющее к его валам с севера неукрепленное поселение, собранные к началу 90-х годов XX в., были отражены в Археологической карте Владимирской области (АКР, 1995. С. 228, 229).

В 2013 г. археологический комплекс у с. Осовец был обследован Суздальской археологической экспедицией ИА РАН под руководством Н. А. Макарова¹. В ходе проведения работ было установлено, что селище, прилегающее с напольной стороны к валам городища, делится слабо выраженной ложбиной, подтопленной весенними тальми водами, на две зоны распространения подъемного материала. Каждая из частей ранее выявленного селища имела довольно четкие границы, вследствие чего они были

определены как отдельные части посада. В результате в составе осовецкого комплекса было зафиксировано три археологических памятника: городище Осовец 1 и два селища, Осовец 2 (к С–СВ от городища) и Осовец 3 (к З–СЗ от него) (рис. 3).

Памятники располагаются между двумя населенными пунктами Собинского р-на Владимирской обл. – с. Осовец и д. Погост, на равном удалении от обоих. Местность, занимаемая археологическим комплексом, представляет собой довольно ровное плато коренного левого берега р. Клязьмы, плавно понижающееся к Ю, к берегу реки, расчлененное в прибрежной части оврагами небольшой протяженности. Береговое плато

¹ Исследования производились в рамках работ по госконтракту № 764–01–41/05–13 от 06.05.2013 по определению границ комплекса объектов археологического наследия Осовец.

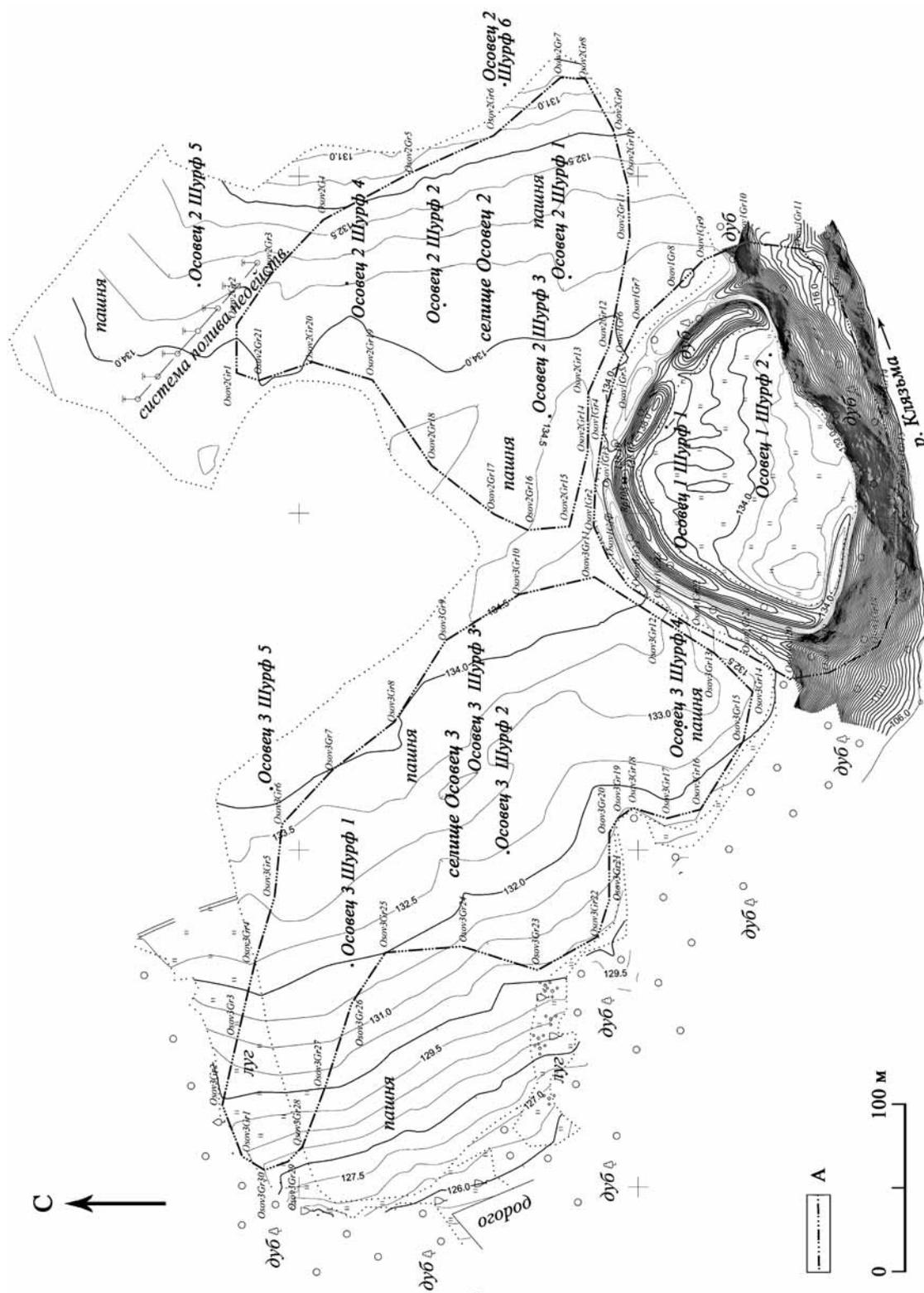

Рис. 3. Инструментальный план Осовецкого археологического комплекса. Съёмка М.Ю. Люляева 2013 г.

А — граница распространения подъемного материала

возвышается над неширокой (до 200 м) поймой реки на 30–35 м, превышение уровня поймы над урезом воды составляет 3–5 м. В весеннее половодье пойма практически полностью заливается. В Балтийской системе высот уровень плато коренного берега находится на высоте 132–140 м, уровень поймы – 100–105 м.

Городище Осовец 1 располагается непосредственно на берегу реки, в 0,35 км к ЮВ от окраины д. Погост и в 0,45 км к ЮЗ от церкви с. Осовец, имеет форму неправильного ромба, вытянутого вдоль берега реки с ЮЗ на СВ. Вал и ров городища хорошо сохранились; по гребню вала и с его внешней стороны, а также во рву и по склону берега реки растут дубы, их минимальный возраст – несколько десятков лет. Площадка городища полностью свободна от деревьев, плотно задернована, через центр городища в направлении с С на Ю проходит грунтовая дорога (рис. 4).

Высота вала городища от уровня его площадки составляет от 2,5 до почти 4 м. Максимальная высота вала наблюдается в восточной и северной частях периметра городища, минимальная – в юго-западной части. Ширина основания вала составляет от 16 до 20 м. В валу есть два разрыва, располагающиеся в северной и северо-восточной частях его периметра, через северный разрыв проходит грунтовая дорога, ведущая на площадку городища. Ширина северного разрыва составляет 5–5,5 м, северо-восточного – 8,3–9 м.

Ширина окружающего городище рва варьируется от 9 до 15 м, достигая максимальных значений у западной и восточной оконечностей рва, где он смыкается с береговым склоном. Глубина рва относительно напольного плато колеблется от 1,1 до 2,5 м. Таким образом, перепад высот от уровня дна рва до гребня вала составляет от 4 до почти 7 м.

Внутренняя площадка городища довольно ровная, перепад высот в ее пределах составляет менее 1,5 м при максимальных размерах городища внутри валов 170 м (с ЮЗ на СВ) на 130 м (с С на Ю). Площадь территории, ограниченной валами, составляет 1,5 га, а общая площадь, занимаемая городищем с учетом вала, рва и берегового склона реки, достигает примерно 3,5 га (рис. 5).

Селище Осовец 2 примыкает вплотную ко рву городища с С и СВ, его площадка с С и СЗ ограничена естественным понижением рельефа, имеет в плане форму неправильного треугольника размерами 270×265×210 м и общей площадью 3,5 га.

Селище Осовец 3 располагается к СЗ от городища, отделено от площадки селища 2 слабо выра-

Рис. 4. Общий вид на городище Осовец с северо-запада

женной ложбиной шириной 30–50 м, протянулось вдоль берега Клязьмы на 340 м полосой переменной ширины (от 70 до 170 м) на расстоянии от 5 до 50 м от берегового склона. Общая площадь селища была определена при обследовании в 4,7 га.

В целом наиболее насыщенные подъемным материалом и обширные по размерам участки площади селищ располагаются у вала городища. По мере удаления от вала количество найденных на пашне артефактов падает, зоны распространения подъемного материала сужаются. В результате обследования было установлено, что край селища Осовец 3 располагается в 20–40 м юго-западнее окраины д. Погост, а северная граница селища Осовец 2 располагается в 100 м от церкви с. Осовец. Территория селищ в настоящий момент полностью распахивается. Пространство внутри валов городища тоже, по всей видимости, распахивалось в прошлом, не потревоженный пахотой культурный слой сохранился только по периметру городища, где он перекрыт слоем сползшего с внутренней части валов грунта.

Для определения размеров селищ, примыкающих к городищу, кроме сбора подъемного материала была проведена их шурфовка как в местах концентрации подъемного материала, так и за пределами визуально фиксируемых границ его распространения. Всего на селищах и вблизи их границ было заложено 11 шурфов площадью 1 кв. м. Еще два шурфа площадью 1 и 4 кв. м размещались на площадке городища.

Культурный слой селищ, мощностью от 0,3 до 0,65 м, по цвету практически не отличается от цвета пахотного горизонта, представленного темно-серой гумусированной супесью, образующей общий почвенный фон, поэтому основным критерием для определения зоны распространения

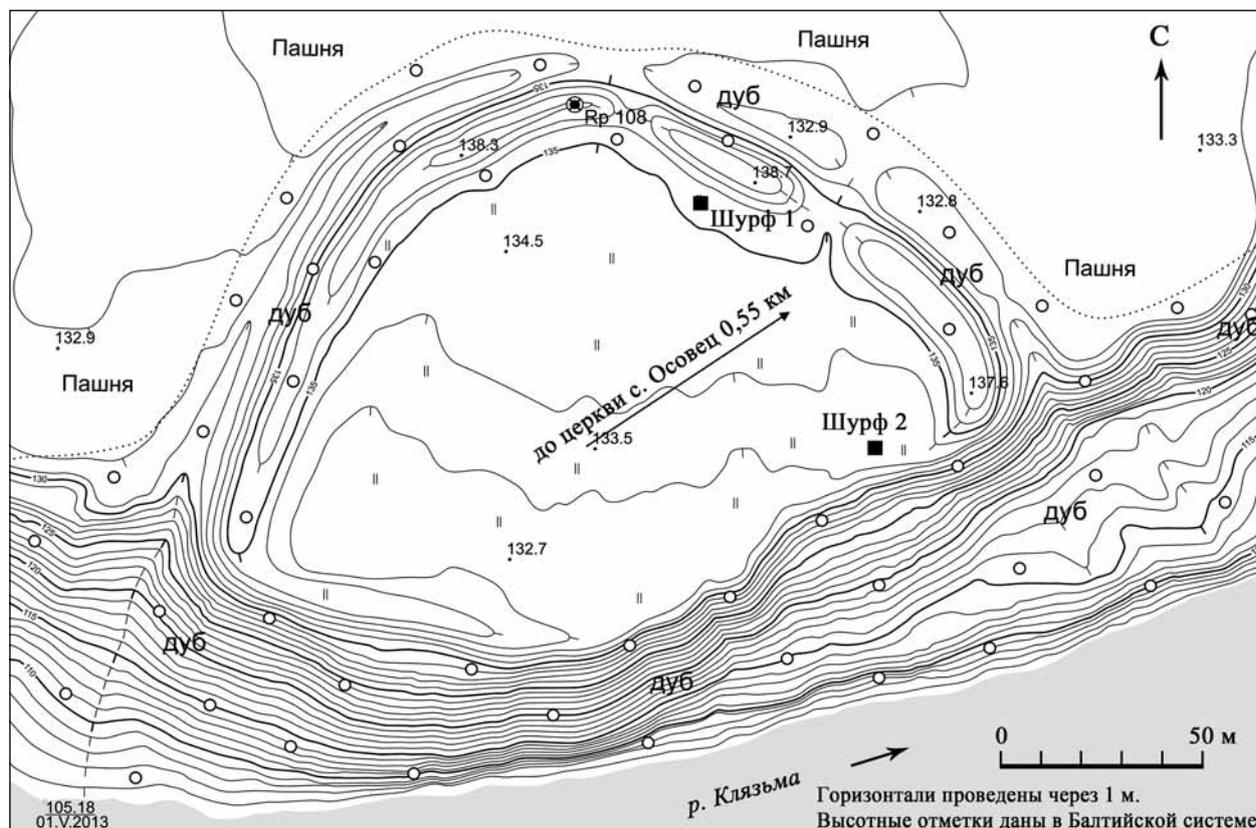

Рис. 5. Городище Осовец. Инструментальный план.
План выполнен А. А. Карпухиным по материалам съемки М. Ю. Люляева в 2013 г.

культурного слоя являются находки средневековой керамики, вещей, камней с термическими сколами, фрагментов печной обмазки, костей животных.

Толщина пахоты внутри валов городища, переработавшей большую часть культурных напластований памятника, составляет 0,3–0,45 м и содержит, за одним существенным исключением, гораздо меньше средневековых находок, чем распаханый культурный слой селищ. Поскольку площадка городища полностью задернована, сбор подъемного материала на его территории затруднен и был возможен только по колеям грунтовой дороги. Поэтому на городище в качестве подъемного материала было найдено только 22 фрагмента керамики.

На распаханной поверхности селищ собрано более 500 фрагментов средневековой керамики, в т. ч. 244 – на селище Осовец 2, 265 – на селище Осовец 3. Чуть более 300 керамических обломков найдено в шурфах, заложенных на селищах. Кроме того, на селищах собрано 53 средневековых предмета, в т. ч. 29 – на селище Осовец 2 (рис. 6) и 24 – на селище Осовец 3 (рис. 7), а из шурфов, заложенных на площадке городища, происходит еще восемь находок.

Хронологические рамки существования археологического комплекса определяются по собранным на памятниках вещам и керамическому материалу достаточно уверенно концом XII – первой половиной XIII в. В числе вещей, позволяющих уточнить время существования комплекса (хроноиндикаторов), можно назвать находки стеклянных мелкокрученых браслетов, стеклянной зонной бусины темно-оливкового цвета, шиферного битрапециодного пряслица, свинцовой пломбы дрогичинского типа, фрагмента стенки амфоры. Изделия из цветных металлов представлены бутылковидной и лапчатой привеской, круглой нашивной бляшкой и бочонковидной бусиной со следами позолоты из свинцово-оловянного сплава, коническим свинцовым грузиком, фрагментом золоченой накладки, крепившейся на основу с помощью шпенька, и фрагментом плоско-выпуклого литого орнаментированного браслета.

Вещи хозяйственного и бытового назначения, имеющие довольно широкие временные рамки бытования, использовавшиеся в повседневной жизни, представлены обломками черешковых железных ножей, корпусов цилиндрических замков

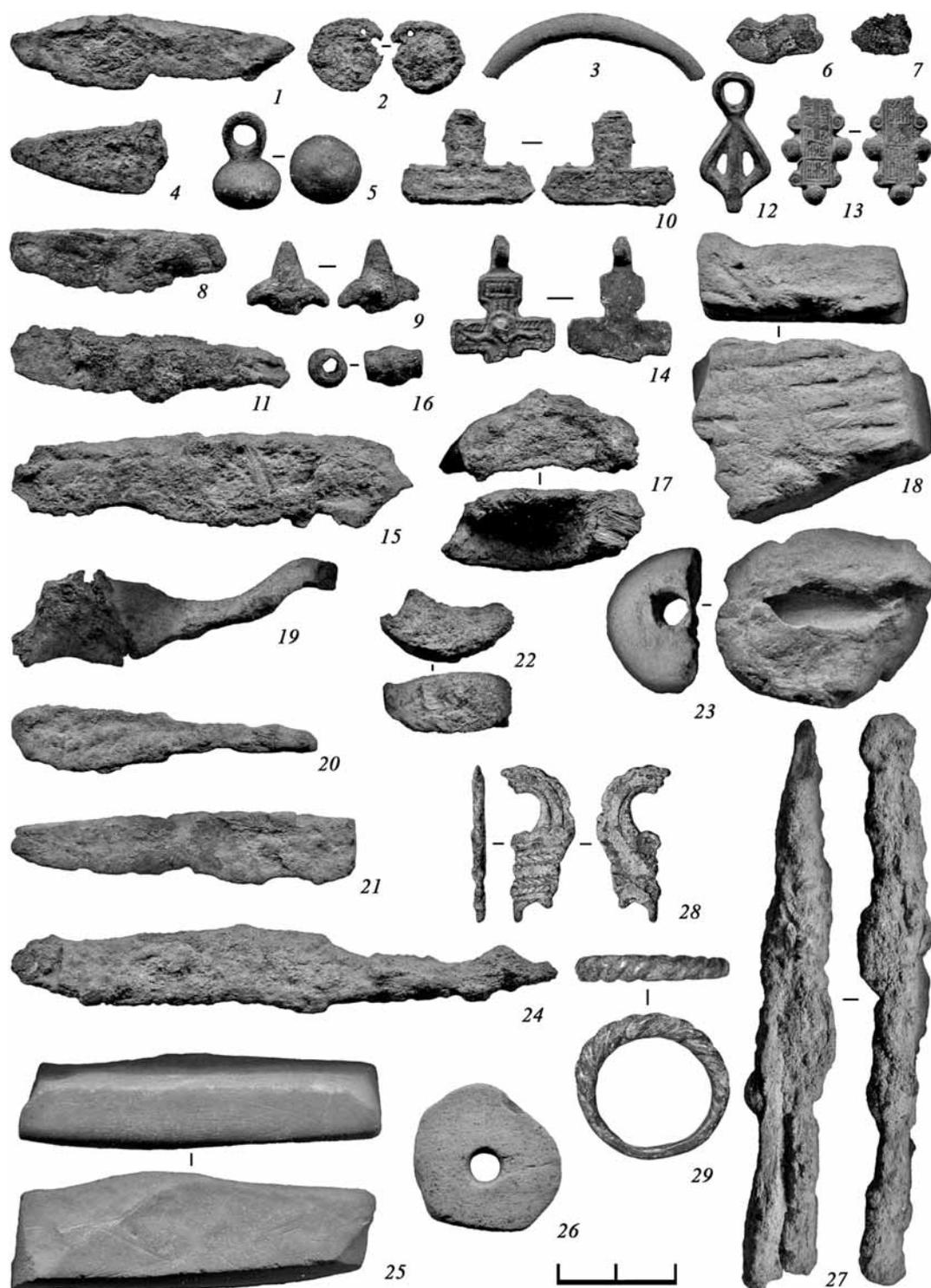

Рис. 6. Селище Осовец 2. Вещи, найденные при проведении поверхностных сборов

1, 4, 8, 11, 15, 19, 20, 21, 24 – фрагменты черешковых железных ножей; 2 – нашивная бляшка из свинцово-оловянного сплава; 3 – фрагменты бронзового браслета круглого сечения; 5 – пуговица; 6, 7 – пластинки из цветного металла; 9 – фрагмент накладки; 10, 13, 14 – обломки крестов-тельников; 12 – лапчатая привеска; 16 – бронзовая бочонковидная бусина; 17 – фрагменты корпуса цилиндрического замка; 22 – фрагмент амфоры; 23 – обломок глиняного грузила; 25 – сланцевый оселок; 26 – пряслице из стенки сосуда; 27 – ключ от цилиндрического замка (тип Б); 28 – фрагмент бронзовой литой накладки с ложноплетеным орнаментом на лицевой стороне; 29 – рубчатый перстень

Рис. 7. Селище Осовец 3. Вещи, найденные при проведении поверхностных сборов

1 – дверной пробой с кольцом круглого сечения; 2–5 – пуговицы; 6 – фрагмент сланцевого оселка; 7 – ножевидная кремневая пластина; 8 – свинцовый конический грузик; 9 – фрагмент свинцового слитка; 10, 11, 17 – бронзовые пластины; 12–14 – фрагменты черешковых железных ножей; 15 – бронзовый выплеск; 16 – колоколовидная привеска; 18 – фрагмент нижней лопасти креста-тельника; 19 – обрывок железной цепочки из звеньев S-видной формы; 20 – фрагмент плоско-выпуклого браслета; 21 – пломба свинцовая дрогичинского типа; 22 – стеклянная зонная бусина темно-зеленого стекла; 23 – шиферное бочонковидное пряслице; 24 – пятиугольная наременная орнаментированная накладка

и ключей к ним (типа Б), фрагментом кольчатых удил, оселком, керамическим пряслицем из стенки сосуда и рыболовными грузилами. Особо стоит отметить находки на городище в составе не потревоженного распашкой культурного слоя трех грузил, два из которых орнаментированы. Одно из грузил украшено полосами штампованного орнамента, другое несло изображение двузубца.

К числу вещей с широкой датировкой относятся также бронзовые грибовидные пуговицы, некоторые из них могут быть однозначно датированы временем более поздним, чем период существова-

ния археологического комплекса (пуговица с эмалью). К числу предметов, не связанных с основным периодом существования городища, относятся также небольшая серия обломков крестов, собранных на селищах. Наличие этих находок документирует процесс сельскохозяйственного использования территории селищ и городища после их запустения.

Очевидно, временем существенно более ранним, чем конец XII – первая половина XIII в., могут быть датированы бронзовые пятиугольная наременная бляшка (рис. 7, 24) и фрагмент накладки

с ложноплетеным орнаментом (рис. 6, 28). Эти предметы относятся к X–XI вв., находка свидетельствует о существовании здесь, на возвышенном берегу Клязьмы, памятника этого времени. Поскольку никаких других материалов (вещей, керамики, костей), синхронных им, обнаружено не было, можно лишь констатировать, что речь может идти о каком-то сравнительно небольшом объекте.

Керамический комплекс как городища, так и селищ в целом также позволяет датировать памятники в рамках конца XII–XIII в. В составе керамической коллекции – около 100 фрагментов профилированных частей сосудов, находящих аналогии как в керамических материалах округа Суздаля и Владимира, так и среди комплексов домонгольской эпохи памятников московского региона. Яркой особенностью керамической коллекции, собранной на селищах, оказалось выраженное доминирование в орнаментации сосудов разных типов штампованного орнамента, что представляется крайне редким явлением для керамического производства Северо-Восточной Руси этого времени. Общее количество керамики с селищ, собранной при проведении поверхностных сборов и в шурфах, составляет 813 фрагментов. В составе коллекции – 96 венчиков средневековых сосудов, 110 орнаментированных стенок, из них: на 45 – линейный орнамент (40,9%); на 6 – волнистый орнамент (5,45%); на 59 – штампованный орнамент (53,6%).

Преобладание многорядного штампа в декоре посуды еще заметнее в материалах, происходящих из культурного слоя городища. Не нарушенный позднейшими перекопами культурный слой (темно-коричневая углистая супесь) выявлен в шурфе 1 у северного вала крепости. Шурф был заложен в 25 м к ЮВ от северного разрыва в валах, по которому проходит грунтовая дорога, в 5–7 м южнее внутреннего склона вала. Под слоем плотной дернины мощностью 0,02–0,4 м по всей площади шурфа залегала однородная темно-серая гумусированная супесь, представлявшая собой слой напаша, образовавшейся при распашке полей вала. На глубине 0,37–0,4 м от поверхности в северной и северо-восточной частях шурфа зафиксировано обширное пятно темно-коричневой гумусированной углистой супеси с включениями значительного количества керамики и камней с термическими сколами. Мощность сохраненного культурного слоя составляла от 0,02 до 0,15 м и увеличивалась к северу – к валам городища.

Всего из шурфа происходит 211 керамических фрагментов, 189 из которых – средневековая керамика (рис. 8, 9). Из 97 орнаментированных фраг-

ментов только 11 украшены линейным или волнистым орнаментом, тогда как остальные – штампованным. В составе углистой супеси обнаружено 133 фрагмента керамики (в том числе 91 орнаментированный фрагмент, 82 из которых декорированы многорядным штампом), семь индивидуальных находок. Среди найденных в культурном слое вещей два фрагмента стеклянных мелкокрученых браслетов прозрачного и глухого стекла зеленого цвета, три рыболовных грузила, на двух из которых нанесен орнамент (двузубец и полосы зубчатого штампа), и два фрагмента рамок прямоугольных пряжек разного размера (рис. 10).

Доминирование штампованной орнаментации позволяет констатировать не только уникальность состава керамического комплекса осовецких памятников, но и, по-видимому, кратковременность их существования. В условиях подавляющего преобладания традиции использования линейного орнамента на территории всей средневековой Руси XII–XIII вв. (Коваль, 2000) сохранение столь значительного отличия в декоре бытовой посуды возможно только при отсутствии значительных внешних воздействий. Но исходя из характера археологического комплекса, такое представить довольно трудно.

В соответствии с современными представлениями районом наибольшего распространения традиции украшения посуды орнаментом в виде многорядного штампа обычно называется Верхневолжье (Коваль, Хижняков, 2005. С. 165–166). Но и там количество сосудов со штампом во второй половине XII – первой трети XIII в. составляло 20–14% всего количества орнаментированной керамики с тенденцией к уменьшению (Кобозева, 1997. С. 118). По наблюдениям В. А. Лапшина, в Твери штампованный орнамент на керамике полностью исчезает к 30-м годам XIV в. (Лапшин, 2009. С. 129). Довольно большое количество (около 40%) керамики, украшенной многорядным штампом, собрано при раскопках селища Аносина на Истре. Такой высокий процент штампа в орнаментации авторы работ связывают с хронологической позицией памятника, на котором присутствуют материалы первой половины XII в. (Коваль, Хижняков, 2005. С. 166).

Однако датировка материалов, происходящих из культурного слоя Осовецкого городища, временем не ранее второй половины XII в. уверенно определяется наличием в нем двух фрагментов стеклянных браслетов, а довольно представительный объем керамической коллекции, собранной на всех трех памятниках (совокупно более

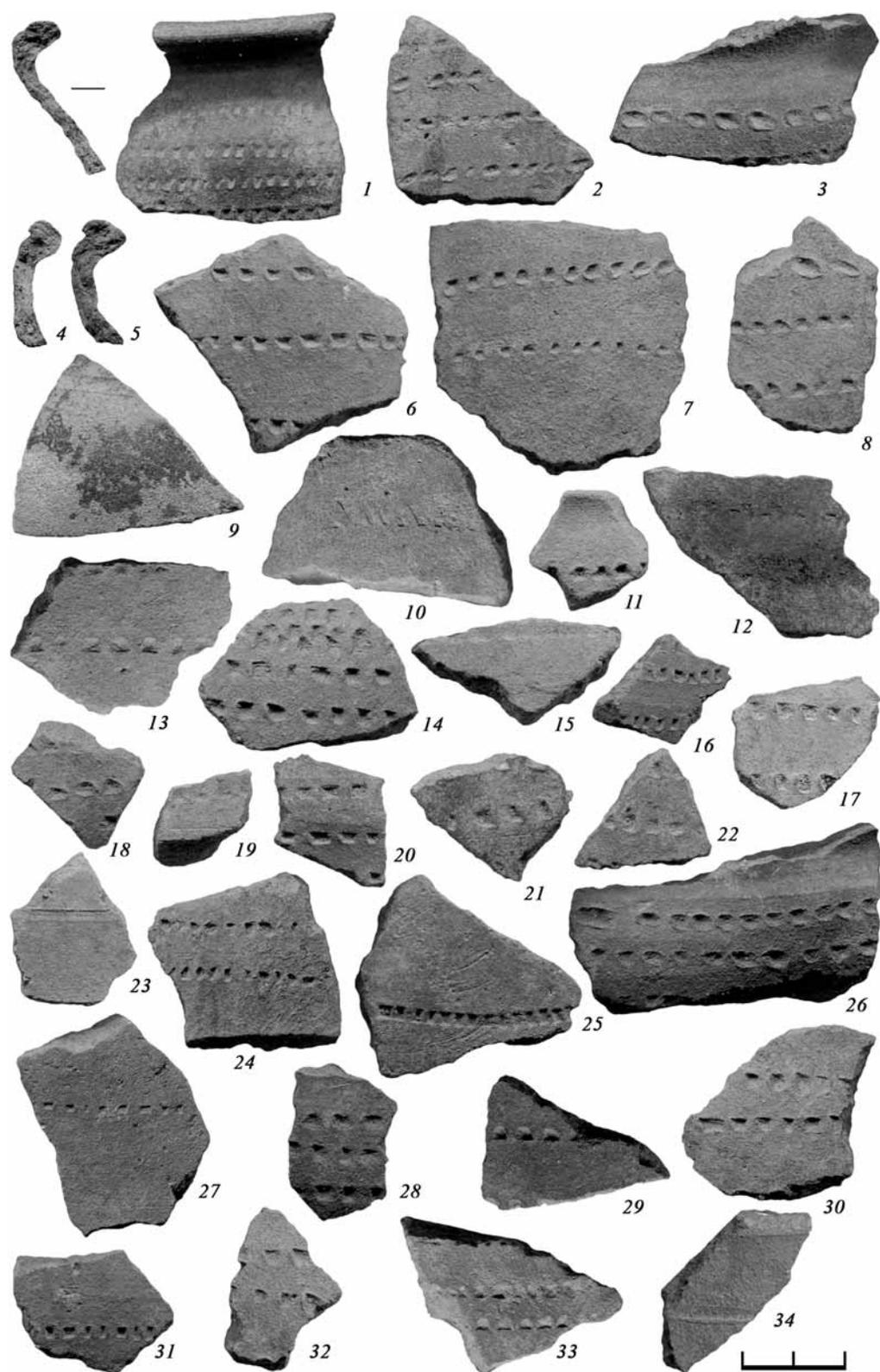

Рис. 8. Керамика из культурного слоя городища, не потревоженного распашкой (см. цв. вкл.)

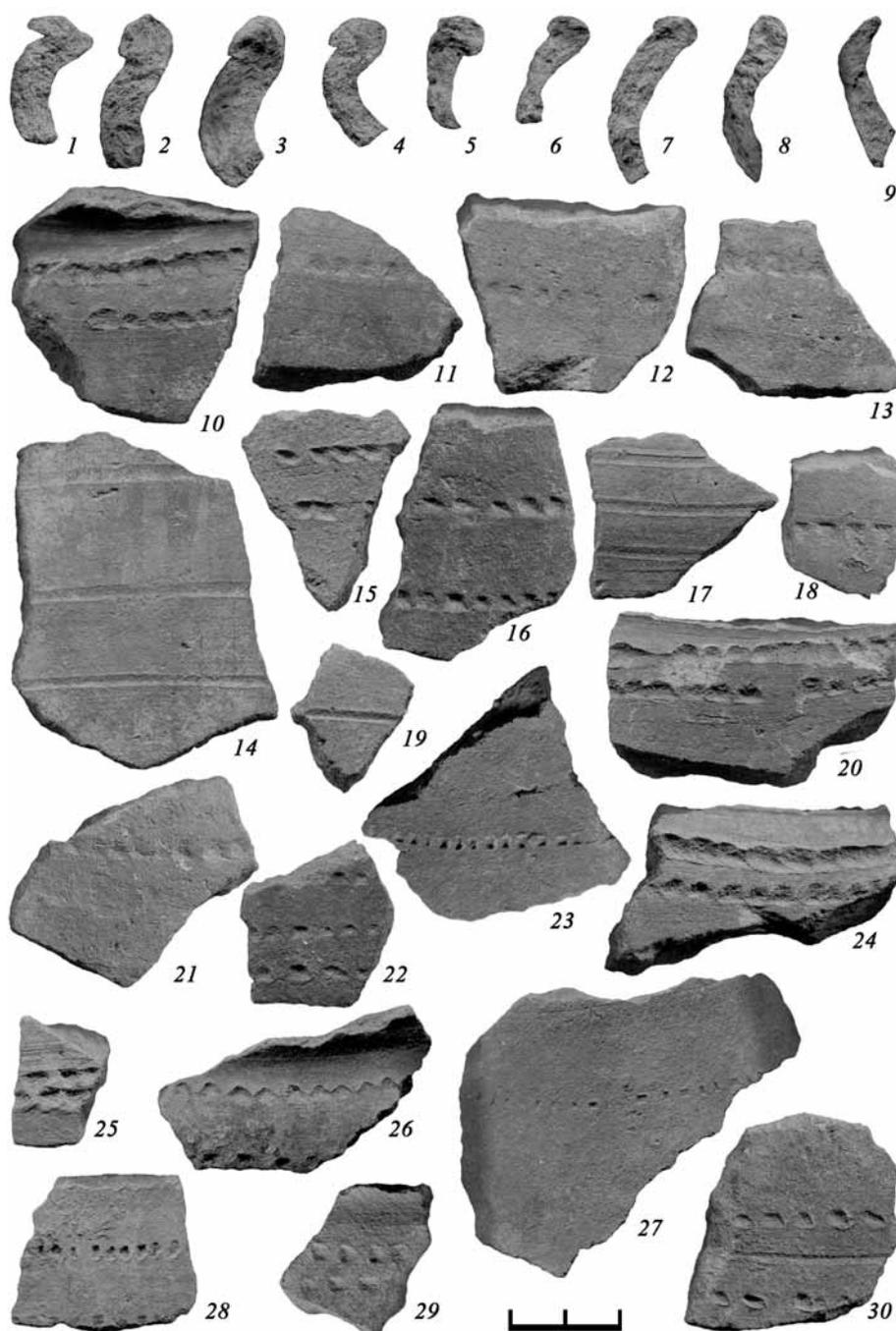

Рис. 9. Керамика из культурного слоя городища, не потревоженного распашкой

1000 фрагментов), позволяет считать полученные результаты вполне репрезентативными.

Подводя итог рассмотрению результатов обследования осовецкого археологического комплекса, следует заключить, что, вероятнее всего, он функционировал в течение небольшого отрезка времени в конце XII – первой половине XIII в.

Мощная крепость с окружавшим ее посадом, разместившись на высоком берегу Клязьмы, слу-

жила владимирским князьям для защиты пограничных территорий Владимиро-Суздальской земли и утверждения княжеской власти в лесных землях северной Мещеры, на границе с рязанскими владениями.

Возвращаясь к событиям 1209 г. и упоминанию Осового в Летописце Переяславля Суздальского, надо отметить, что предложенная интерпретация топонима как названия дороги представляется,

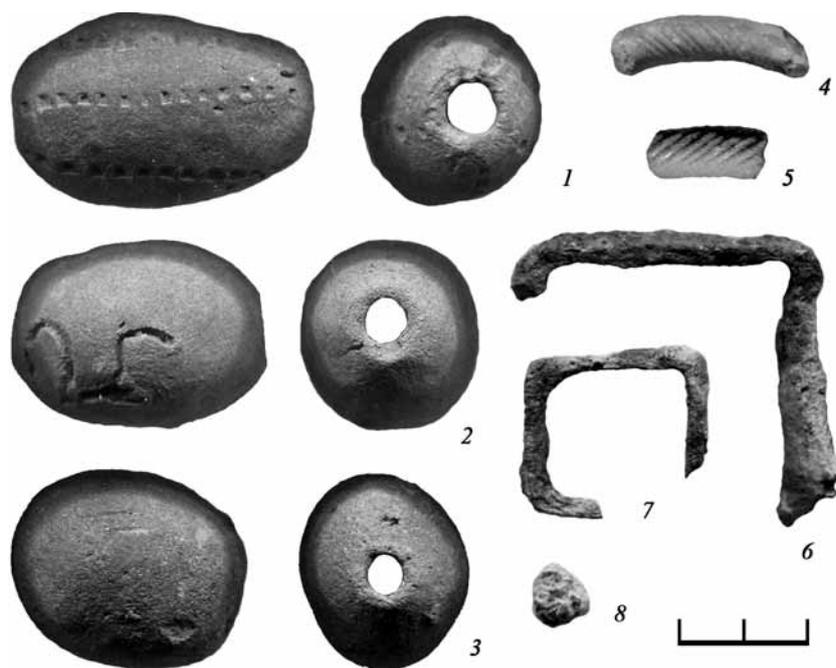

Рис. 10. Городище Осовец 1. Находки из шурфов

1–7 – шурф 1; 8 – шурф 2. 1–3 – глиняные грузила; 4, 5 – фрагменты стеклянных мелкокрученых браслетов зеленого цвета; 6, 7 – фрагменты рамок железных пряжек; 8 – бронзовый слиток

по крайней мере, не единственно возможной. Во-первых, А. В. Мазуров вполне справедливо замечает, что любое географическое определение должно обладать хотя бы минимальной конкретностью, одновременно предположив, что выражение переяславль-залесского летописца подразумевает «отрезок Осового пути между двумя дорогами из Переяславля». Таким образом, продолжает автор, «место сражения здесь обозначено очень приблизительно», предполагая далее, что это был единственный ориентир, понятный преславльскому летописцу (Мазуров, 2001. С. 428).

Между тем выражение летописца выглядит довольно определенно: «Гюрги же у Осового устрете ихъ», т. е. у какого-то места, носящего название Осовой (ПСРЛ, 1995. С. 128). Возможно, действительно автор летописного текста был не слишком знаком с географией мест, где разворачивались события, но об Осовом он определенно знал. И крепость, недавно поставленная княжеской властью на Клязьме, вполне могла быть тем пунктом, о котором летописец был осведомлен. Расположение Осового на стратегически важном (кратчайшем) пути, ведущем на Коломну, делало такую позицию войск Юрия Всеволодовича весьма оправданной, особенно если следовать предложенной локализации Литовы, на которой стоял Кир Михаил, в верховьях Цны (Мазуров, 2001. С. 424. Табл. 26).

Таким образом, князь Юрий контролировал обе дороги, ведущие из Коломны во внутренние районы Владимиро-Суздальской земли, что представляется немаловажным моментом, особенно если вспомнить события зимы 1178 г. Тогда Всеволод, отправившись войной на рязанцев в ответ на осенний поход князя Глеба под Москву и подойдя уже к Коломне, узнал, что рязанцы с половцами отправились иным путем и находятся у Владимира (Монгайт, 1961. С. 349).

К тому же при внимательном прочтении текста жалованной грамоты Василия II игумену Троице-Сергиева монастыря Савве, датированной 1428–1432 гг., которая, по мнению А. Б. Мазурова, доказывает существование у Воиновой горы Большой Осовецкой дороги, термин «осовец» упомянут таким образом, что возникают серьезные сомнения в том, что речь идет именно о названии дороги, а не использован в своем исходном значении, как и было записано у И. И. Срезневского и В. И. Даля – «осыпающаяся земля по берегу реки, косогору, овраг», и представляет собой качественную характеристику места, по которому проходит «пошлая дорога» (АСЭИ, 1952. С. 55, 56). Вряд ли левый берег Клязьмы в районе Воиновой горы, Волочка Зуева и близ устья Дрезны (пунктов, у которых и происходят основные события марта 1209 г.) (Мазуров, 2001. С. 426; Зайцев, 2009. С. 201, 202)

(рис. 1) может быть определен как высокий по отношению к правому, и поэтому путь, проложенный по нему (действительно существовавший в первой трети XV столетия), мог бы получить имя Осовой.

Даже при взгляде на современную карту хорошо заметно, что извилистое русло Клязьмы здесь петляет, образуя то справа, то слева пойменные расширения разных размеров и протяженности, так же поочередно меняющиеся береговыми возвышениями. Такую ситуацию хорошо иллюстрируют названия сел и деревень, в которых часто употребляется слово «гора». Так на правом берегу (вроде бы низком, если принять, что левобережная дорога – это Осовой путь), как раз между устьем Дрезны и Волочком Зуевым, располагается Кабановская гора, выше Волочка Зуева – Воинова гора. Южнее Орехова (правобережной части позднейшего Орехово-Зуева), лежащего напротив Волочка Зуева, на берегах небольшого притока Клязьмы – речки Лютихи, стояли деревни, названия которых можно назвать знаменитыми: Кудькино – на левом берегу, Гора – на правом (*Добронравов*, 1897.

С. 353–355). На левом же берегу Клязьмы топоним, содержащий в названии слово «гора», обнаруживается только при впадении в Клязьму р. Киржач, ниже по течению от Воиновой горы, там располагается гора Барская.

Тем не менее подвергать сомнению существование Осовецкой дороги большой, как она названа в уже цитированной здесь грамоте митрополитского владимирского наместника Мануйлова (1517–1518 гг.), невозможно (*АФЗХ*, 1951. № 183. С. 166). По мнению А. Б. Мазурова, название Осовецкого пути домонгольской эпохи, совпадающего на этом своем отрезке с трассой дороги XVIII в., генетически связано с его участками, непосредственно примыкающими к реке (*Мазуров*, 2001. С. 427). Продолжив эту мысль, надо заметить, что название дороги так же часто бывает связано с названием конечного пункта, к которому она ведет, либо важного промежуточного пункта. Возможно, именно Осовецкая крепость могла дать свое название и этому пути, и селу, расположившемуся рядом с ней на берегу Клязьмы.

Литература

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, 1952. Т. 1. М.

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв., 1951. Ч. 1. М.

Археологическая карта России. Владимирская область. М., 1995.

Владимирская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1863.

Воронин Н. Н., 1937. Отчет о разведке во Владимирской области в 1937 г. // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. № 244.

Добронравов В., 1897. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 4. Владимир.

Зайцев А. К., 2009. О малоизвестных поселениях Подмосковья первой трети XIII в. (Голубино, Волочок и Уполозы) // Черниговское княжество X–XIII в. Избр. тр. М.

Латишин В. А., 2009. Тверь в XIII–XV в. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.

Кобозева Е. В., 1997. Керамическая коллекция древнейших отложений раскопа № 9 в Тверском кремле // ТТЗ. Вып. 2. Тверь.

Коваль В. Ю., 2000. К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Тр. МИГМ. Вып. 9. М.

Коваль В. Ю., Хижняков О. И., 2005. Средневековое поселение в селе Аносино на Истре (к вопросу о керамике верхнего Москворечья в XII веке) // АП. Вып. 2. М.

Куза А. В., 1996. Древнерусские городища X–XIII вв. М.

Мазуров А. Б., 2001. Владимиро-рязанский конфликт 1209 г.: историко-географический комментарий // Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI в. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого русского государства. М.

Монгайт А. Л., 1961. Рязанская земля. М.

ПСРЛ, 1962. Т. I. Лаврентьевская и Троицкая летописи. М.

ПСРЛ, 1995. Т. XXXXI. Летописец Переяславля Суздальского. М.

Раппопорт П. А., 1959. Круглые и полукруглые городища Северо-Восточной Руси // СА. № 1.

Раппопорт П. А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси // МИА. № 105. М.

Юшко А. А., 1987. О междукняжеских границах бассейна р. Москвы в середине XII – начале XIII в. // СА. № 3.

Успенская А. В., Фехнер М. В., 1956. Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. // Тр. ГИМ. № 32. М.

S. V. Shpoliansky

The Old Russian town of Osovets on the Klyazma River – an archaeological commentary concerning the history of the fortress

Summary

This paper presents an archaeological survey of the town of Osovets (a fortress town, and its two villages) – the remains of the largest of the Old Russian fortresses of the Upper Klyazma River of the C12th and C13th. There is a unique assembly of ceramic artefacts, the majority of which are adorned

with a device stamped with a multi-sided stamp. The strategic importance of the fortress's location suggests that this town of Osovets is the one mentioned in the manuscript accounts of the border wars between the principalities of Vladimir and Ryazan of 1209 AD.

В. И. Завьялов

Цветовая гамма стеклянных браслетов Переяславля Рязанского (по материалам Житного раскопа)

Стеклянные браслеты – одно из наиболее часто встречаемых украшений в слоях древнерусских памятников домонгольского времени. В силу своей многочисленности эти находки являются хорошим материалом для статистического анализа. Распространение стеклянных браслетов во времени подчиняется некоторым закономерностям, главная из которых заключается в их отсутствии в слоях позднее второй половины XIII в. в городах, разоренных татаро-монгольским нашествием (*Щапова*, 1997. С. 88).

Стеклянные браслеты, пожалуй, единственная категория археологических находок (за исключением бус), сохранившая широкий спектр цвета. Это обстоятельство позволяет говорить о цветовых пристрастиях средневекового населения, поскольку в украшениях, как ни в одной другой категории находок, проявляются мода, с одной стороны, и индивидуальные предпочтения субъекта – с другой.

Долгое время бытовало мнение, что стеклянные браслеты являются исключительно украшением горожанок (*Арциховский*, 1948. С. 241; *Щапова*, 1969. С. 102; 1972. С. 104). Однако широкомащтабные раскопки древнерусских селищ, проведенные в последние годы, показали, что браслеты из стекла нередко численно преобладают над другими категориями украшений и на сельских памятниках (*Веремейчик*, 1996. С. 69; *Макаров, Леонтьев, Шполянский*, 2004. С. 29, 32; *Веремейчик, Шекун*, 1997. С. 82).

Появление стеклянных браслетов на территории Древней Руси относят ко второй половине X в. (*Рыбаков*, 1949. С. 44). Но мода на этот вид украшений приходит лишь в первой четверти XII в., когда получает развитие их собственное производство (*Щапова*, 1997. С. 89).

Полноценное исследование древних изделий из стекла предполагает анализ целого ряда взаимосвязанных признаков – химического состава, технологии изготовления, формы, цвета, декоративных деталей. Разумеется, только комплексное изучение всех этих составляющих позволяет получить объективную информацию об артефактах из стекла. Между тем рассмотрение даже одного признака в отдельности может представлять определенный интерес и послужить основой для дальнейших исследований.

Настоящая статья посвящена цветовой гамме стеклянных браслетов из Переяславля Рязанского. Основой исследования послужила коллекция из Житного раскопа (раскопки 2012–2013 гг.). Раскоп площадью 160 кв. м расположен в северо-восточной части кремля на территории Архиерейского двора между Певческим корпусом и амбарами («Гостиница черни») (рис. 1). Культурный слой (кроме первых пяти пластов, сильно нарушенных в ходе хозяйственной деятельности последних десятилетий) имеет четкую стратиграфию. За десять лет исследований вскрыто более пяти с половиной метров культурных напластований конца XII – первой половины XVII в.

Следует подчеркнуть, что предлагаемые выводы по цветовой гамме стеклянных браслетов, найденных на раскопе, носят предварительный характер, поскольку, с одной стороны, они основываются лишь на одной из составляющих артефакта – цвете, а с другой, в силу продолжения работ, формирование вещевой коллекции нельзя считать законченным, и не исключена возможность коррекции полученных выводов в связи с ее увеличением. Тем не менее значительное число стеклянных браслетов – более 600 фрагментов, найденных

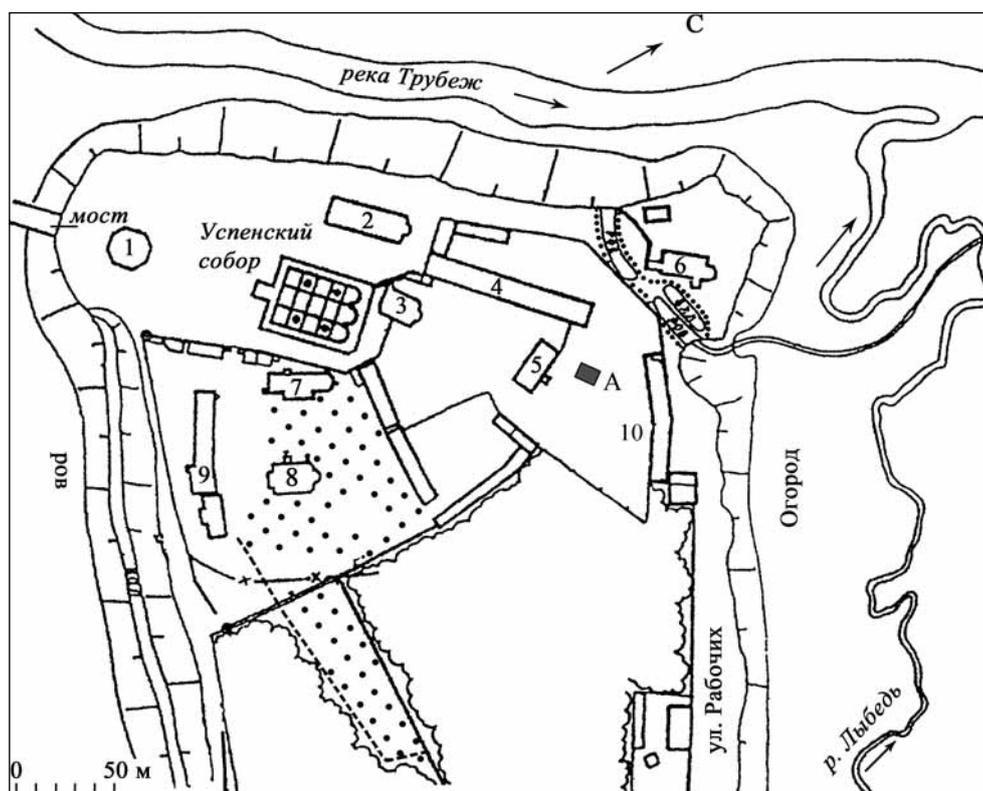

Рис. 1. Житный раскоп (А) на плане кремля Переяславля Рязанского

1 – колокольня Успенского собора; 2 – Христорождественский собор; 3 – Архангельский собор; 4 – «Дворец Олега»; 5 – Певческий корпус; 6 – ц. Святого Духа; 7 – ц. Благовещения; 8 – Спасо-Преображенский собор; 9 – «Гостиница знати»; 10 – амбары («Гостиница черни»)

в сезонах 2012–2013 гг. (пласты 24–28) позволяют провести предварительный анализ этой категории находок. По территории раскопа браслеты распределяются неравномерно: заметна их концентрация в юго-западной части раскопа – из смежных квадратов 9, 10, 14 происходит более трети всех найденных браслетов. Цвет удалось определить у 468 фрагментов.

Кроме того, в этой работе учитываются находки, сделанные в 80-е XX в. при раскопках в юго-восточной части кремля, у вала. В частности, здесь, в яме № 6, в предматериковых слоях было обнаружено скопление стеклянных браслетов, вытянутое с севера на юг на 140 см при ширине от 5 до 60 см (Судаков, 1988. С. 30). Всего из скопления собрано около 600 фрагментов (часть из них имели плохую сохранность и рассыпались при изъятии из слоя). В этой же яме было собрано еще 66 стеклянных браслетов (что составляет около половины индивидуальных находок, происходящих из ямы). По мнению автора раскопок В.В. Судакова, яма являлась углубленной частью ремесленной мастерской, на что указывает находка

целых тигля и льячки, а также 13 фрагментов тиглей (Судаков, 1988. С. 31). На основании керамического комплекса и нескольких фрагментов стеклянных сосудов в стиле «Алеппо» яма датируется концом XIII – началом XIV в. Однако замечу, что в той же яме найдены ручки от амфор, фрагменты плинф, шиферное пряслице – предметы, редко встречающиеся в слоях позднее середины XIII в. Значительное количество стеклянных браслетов (около 700 фрагментов) найдено и в других раскопах этой части кремля.

На Житном раскопе в кремле Переяславля Рязанского стеклянные браслеты в единичном числе встречаются в самых верхних пластах, датируемых XVI – первой половиной XVII в., куда они, несомненно, попадали в силу различных перекопов и перенесения грунта с других территорий. О хронологическом соответствии браслетов культурным напластованиям можно говорить начиная с пластов 24 – 25, где было найдено 66 и 134 фрагмента соответственно. В следующих пластах количество браслетов резко возрастает, достигая своего пика в пласте 26 – более 250 фрагментов. Ниже

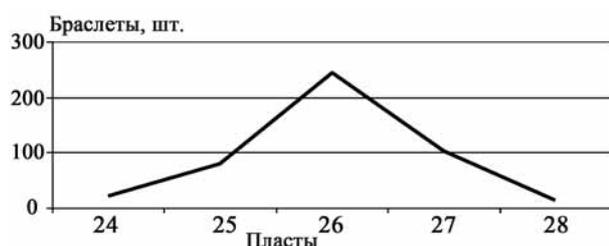

Рис. 2. Количественное распределение стеклянных браслетов по пластам

наблюдается сокращение этой категории находок: 27-й пласт — немногим более 100, 28-й — около 20. На рисунке 2 показано распределение стеклянных браслетов по пластам. Нетрудно заметить, что распределение носит правильный характер с пиком на 26-м пласте. Датировка пласта второй половиной XIII в. подтверждает сделанный ранее вывод о хронологическом распределении стеклянных браслетов в Переяславле Рязанском (Милованов, 2013. С. 150).

Статистико-типологический анализ керамики позволяет датировать пласт 24 второй половиной XIV — началом XV в., пласт 25 — первой половиной XIV в., 26-й — второй половиной XIII в., а пласты 27–28 — концом XII — первой половиной XIII в. (Судаков, 2013. С. 108; 2014. С. 108). Индивидуальные находки не противоречат этим датировкам. Из 24-го пласта происходит поливная ордынская чаша с полихромной росписью ангобом (24-38-36)¹. Датировается такая керамика 30-ми годами XIV — началом XV в. (Коваль, 2010. С. 72). Ключ типа Б (25-25-433) по новгородской хронологии относится к началу XII — первой половине XIV в. (Колчин, 1982. С. 162); квадратнощитковый замкнутый перстень с прорезями в щитке (25-6-591): по новгородским находкам М.В. Седова датирует их серединой XIII в. (Седова, 1981. С. 136); костяные гребни типа Л (28-13-747) и Н (27-20-728): по новгородской хронологии гребни типа Л датируются XI — началом XIII в., а тип Н распространяется с начала XII в. (Колчин, 1982. С. 164–166); ложновитой замкнутый перстень (27-11-662), по М.В. Седовой, датируется XI–XIII вв. (Седова, 1981. С. 125); фрагмент двузигзагового решетчатого перстня (27-16-542) — 60–70 гг. XII в. по новгородским аналогиям (Седова, 1981. С. 130); фрагмент бубенчика с тройным пояском (26/27-357), какие бытовали в Новгороде с середины XII по вторую

половину XIII в. (Поветкин, 2009. С. 81); двусторонний крест-тельник с тремя шариками на концах и пятью в средокрестии (26-19-301) XII–XIII вв. (Седова, 1981. С. 52); втульчатый ключ от нутряного замка (26-7-128) — в Новгороде такие ключи бытовали до середины XIII в. (Колчин, 1982. С. 161).

При анализе цвета археологического предмета необходимо учитывать, что, даже пользуясь специальными тестерами, исследователь в некоторой степени будет субъективен в его определении. Так, например, при анализе стеклянных браслетов из Московского Кремля Е.К. Столярова выделяет 13 цветовых тонов (Столярова, 1997. С. 226). Не менее десяти цветов и оттенков приводится для браслетов из Владимира (Кузина, 2007. С. 129). И.А. Сафарова к цветовым характеристикам тверских браслетов добавляет показатели прозрачности (прозрачные, полупрозрачные, непрозрачные) (Сафарова, 1997. С. 223). Однако традиционно принято считать, что стеклянные браслеты Древней Руси имеют шесть основных цветов: зеленый, бирюзовый, коричневый, синий, желтый и фиолетовый (Щапова, 1972. С. 106). Именно по этим основным цветам и распределены браслеты из Переяславля Рязанского.

Коллекция стеклянных браслетов, найденных в 24–28-м пластах, по цвету распределяется следующим образом. Примерно равными долями представлены зеленые (144 фрагмента) и коричневые (109 фрагментов) браслеты. Немного меньше фиолетовых (86 фрагментов) и бирюзовых (82 фрагмента). Существенно меньше желтых (32 фрагмента) и синих (15 фрагментов) браслетов (рис. 3).

В раскопах юго-западной части кремля также отмечалось преобладание коричневых (около трети) и зеленых (от 20 до 40%). Доля желтых и синих не превышает 5% за исключением раскопа 1986 г., где синих насчитывается более 15% (Судаков, 1986. С. 30; 1990. С. 47).

Прежде чем перейти к анализу цветовой гаммы стеклянных браслетов из Переяславля Рязанского, уместно сделать одно отступление. Известно, что разные человеческие коллективы, разные народы в разные эпохи различным образом воспринимали окружающий их цветовой мир. При этом цветовая гамма со временем расширялась. Например, в «Изборнике Святослава» 1073 г. цвета радуги ограничивались всего четырьмя: «В радуге свойства суть червенное, и синее, и зеленое, и багряное». Слово «багряное» могло означать и красный, и черный (в данном случае — фиолетовый(?)).

¹ В скобках приведен паспорт находки: пласт — квадрат — полевой номер.

В «красном» соединились красный и оранжевый, в «зеленом» – желтый, зеленый и голубой (Колесов, 2005. С. 35). В «Слове о полку Игореве» еще нет слов для обозначения оранжевого, алого, малинового, желтого цветов. Известна фраза из «Капитанской дочки» А.С. Пушкина: «Старый инвалид, сидя на столе, клал *синюю* заплату на *зеленое* сукно» (курсив мой. – В. З.). Для человека конца XVIII – начала XIX в. синий – это темный оттенок зеленого (Колесов, 2005. С. 34). Различается также количество «основных» цветов в разных культурах. Так, на Древнем Востоке предполагалось наличие пятицветного мира, в средневековой Европе фиксировали три «основных» цвета (сначала – красный, желтый, синий, позже – красный, зеленый и синий), а со времен Ньютона говорят о семи основных цветах (помимо ахроматических черного и белого цвета, фактически являющихся крайними полюсами серого цвета)². Таким образом, некоторые термины, принятые в настоящее время для обозначения цвета, в древнерусскую эпоху могли не употребляться в современном значении или даже были вовсе неизвестны.

С другой стороны, цвет стекла во многом зависит от его состава. Известно, что некоторые красители, используемые в стеклоделии, могут придавать стеклу различные цвета в зависимости от концентрации в шихте и сочетания с другими элементами. По мнению Ю.Л. Щаповой, железо постоянно присутствует в стекле, придавая ему зеленый, зелено-желтый, сине-зеленый оттенки, весьма нежелательные с точки зрения современного производства. В древности окраску стекла, возникающую естественно, независимо от воли человека, использовали в декоративных целях, и она не мешала на практике (Щапова, 1983. С. 35). Известно, что для получения интенсивно окрашенного зеленовато-коричневого стекла использовали сильно ожелезненное сырье, что являлось наиболее дешевым способом окрашивания (Галибин, 2001. С. 49). Характерно, что именно зеленые и коричневые браслеты составляли значительную часть из найденных в Переяславле Рязанском.

Таким образом, обращаясь к цветовой гамме древних изделий, необходимо понимать, что наше восприятие цвета может отличаться (и даже существенно) от восприятия пользователей этих вещей. Эти отличия могут заключаться как в выделении

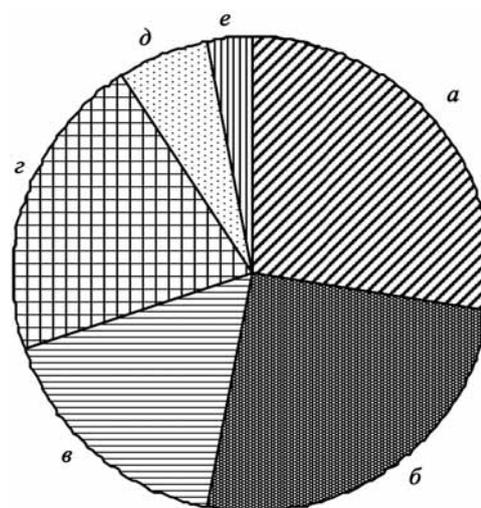

Рис. 3. Цветовая гамма браслетов Житного раскопа

a – зеленый; б – коричневый; в – бирюзовый; z – фиолетовый; д – желтый; е – синий

большого количества цветов, чем это имело место в древности, так и в разделении цветов в настоящее время, которые в древности воспринимались как один (см. выше пример с синей заплатой). Что же касается рассматриваемой темы, то следует отметить отсутствие в древнерусском языке термина для обозначения фиолетового цвета, в то время как фиолетовые браслеты составляют значительную долю во всех коллекциях. С другой стороны, не исключено, что, скажем, желтый и светло-зеленый цвета могли восприниматься как один цвет. Все это лишний раз подчеркивает необходимость проведения комплексного исследования археологических артефактов.

Анализ цветовой гаммы стеклянных браслетов из Переяславля Рязанского следует предварить высказыванием Ю.Л. Щаповой, отметившей, что особенности каждого памятника состоят в процентном преобладании того или иного тона (Щапова, 1972. С. 106). Например, к цветовым особенностям комплекса браслетов из Старой Рязани относится значительное преобладание бирюзовых браслетов: в столице Рязанского княжества их вдвое больше, чем в Киеве. На этом основании Ю.Л. Щапова определила Старую Рязань как один из центров производства стеклянных браслетов. По ее мнению, появление производства браслетов в Рязани может датироваться концом XII в. (Щапова, 1974. С. 79, 80).

Что касается Переяславля Рязанского, то здесь преобладают зеленые (27,4%) и коричневые

² См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Основные_цвета.

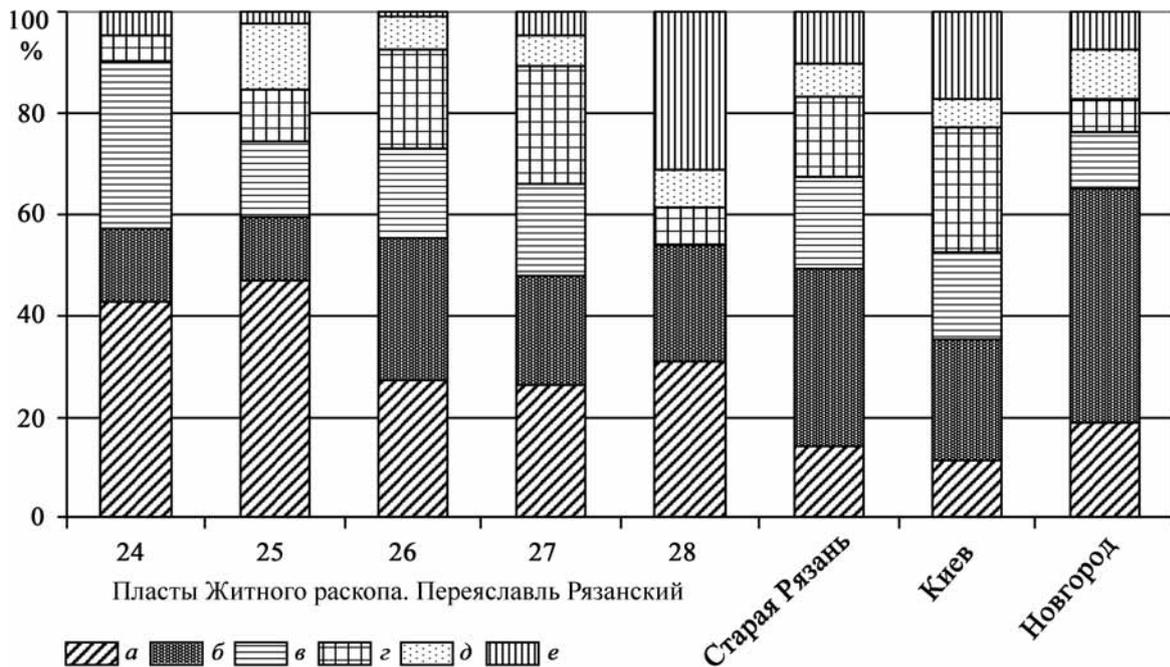

Рис. 4. Распределение цветовой гаммы стеклянных браслетов по пластам Житного раскопа и коллекциям из Старой Рязани, Киева и Великого Новгорода

а – зеленый; б – коричневый; в – бирюзовый; г – фиолетовый; д – желтый; е – синий

браслеты (25,7%). При этом отмечается возрастание доли зеленых с 26–27% в 26-м и 27-м пластах до 46,8% в 25-м пласте (рис. 3). Доля коричневых браслетов, в свою очередь, уменьшается от пластов 26–27, где они составляют более четверти, к 25-му пласту, откуда происходят 12,7% браслетов коричневого цвета (рис. 4).

Интересная особенность связана с бирюзовыми и синими браслетами. В пласте 28 бирюзовые браслеты отсутствуют, что можно было бы объяснить незначительностью находок в этих слоях. Но в пласте 24, где количество браслетов примерно такое же, бирюзовые составляют около трети. Этот факт, возможно, объясняется тем, что основной приток бирюзовых браслетов связан со временем позднее 28-го пласта (конец XII – первая половина XIII в.). Другой особенностью цветовой гаммы браслетов 28-го пласта является значительная доля синих браслетов – 4 из 13, в то время как в других пластах синие браслеты не превышают нескольких процентов (в «кладе 1988 г.» обнаружено всего 0,6% синих браслетов). Вполне вероятно, что до конца XII в. основным центром, откуда поступали стеклянные браслеты в Переяславль Рязанский, был Киев, где синих брасле-

тов найдено более 17%, а доля бирюзовых минимальна. Позднее, с возникновением стекольного производства в Рязани (Старой Рязани), браслеты стали поступать оттуда. Напомню, что именно бирюзовые и зеленые браслеты составляли, по мнению Ю. Л. Шаповой, особенность рязанского производства (рис. 4).

Другим центром поступления стеклянных браслетов мог быть Великий Новгород, где зеленые и коричневые браслеты составляли основную часть этих украшений.

Таким образом, цветовая гамма стеклянных браслетов Житного раскопа позволяет предполагать, что во второй половине XII в. в город поступали украшения из ведущих стеклоделательных центров Древней Руси (Киев? Новгород?). С налаживанием производства стеклянных браслетов в столице княжества – Старой Рязани – с конца XII в. происходит переориентация именно на этот центр (увеличение доли бирюзовых браслетов и сокращение синих). После разгрома Рязани в 1237 г. поступление этих украшений в Переяславль Рязанский из Рязани и Киева прекращается, и при сокращении их общего количества основным поставщиком стеклянных браслетов остается Новгород.

Литература

- Арциховский А. В.*, 1948. Одежда//История культуры Древней Руси: Материальная культура. Т. 1. М.; Л.
- Веремейчик О. М.*, 1996. Матеріальна культура сільського населення IX – першої половини XIII ст. межиріччя нижньої течії Десни та Дніпра//Тези доповідей української делегації на VI Міжнародному конгресі слов'янської археології (Новгород, Росія, 1996 р.). Київ.
- Веремейчик Е. М., Шекун А. В.*, 2007. Стеклянные браслеты поселения Лесковое//КСИА. Вып. 221.
- Галибин В. А.*, 2001. Состав стекла как исторический источник. СПб.
- Коваль В. Ю.*, 2010. Керамика Востока на Руси. IX–XVII века. М.: Наука, 2010. 269 с.
- Колесов В. В.*, 2005. История русского языка в рассказах. СПб.
- Колчин Б. А.*, 1982. Хронология новгородских древностей//Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Кузина И. Н.*, 2007. Стеклянные изделия из раскопок в квартале 13 города Владимира в 2006 г.//АВСЗ. Вып. 1. М.
- Макаров Н. А., Леонтьев А. Е., Шполянский С. В.*, 2004. Средневековое расселение в Суздальском Ополье//РА. № 1.
- Милованов С. И.*, 2013. Предметы торгового инвентаря и импортного происхождения второй половины XII – XV в. из раскопок Переяславля Рязанского//Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Рязань. Вып. 2.
- Поветкин В. И.*, 2009. Бубенчики-звонцы в древнем Новгороде (применение, способы производства, типология и хронология)//РА. № 2.
- Сафарова И. А.*, 1997. Стеклянные браслеты древней Твери (вопросы хронологии и происхождения)//ТТЗ. Вып. 2. Тверь: Старый город.
- Седова М. В.*, 1981. Ювелирные украшения Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Столярова Е. К.*, 1997. Стеклянные браслеты Московского Кремля//ТТЗ. Вып. 2. Тверь: Старый город.
- Судаков В. В.*, 1988. Отчет об археологических раскопках в Кремле г. Рязани в 1986 г.//Архив ИА РАН. Р-1. № 12119.
- Судаков В. В.*, 1990. Отчет об археологических раскопках в Кремле г. Рязани в 1988 г.//Архив ИА РАН. Р-1. № 14169.
- Судаков В. В.*, 2013. Статистико-типологический анализ керамики//В.И. Завьялов. Отчет об археологических исследованиях в кремле Переяславля Рязанского и на поселении Истье 2 Старожиловского района Рязанской области в 2012 г. Т. 1.
- Судаков В. В.*, 2014. Статистико-типологический анализ керамики//В.И. Завьялов. Отчет об археологических исследованиях в кремле Переяславля Рязанского и на поселении Истье 2 Старожиловского района Рязанской области в 2013 г. Т. 1.
- Щанова Ю. Л.*, 1969. Стеклянные браслеты и датирование городского культурного слоя//СА. № 4.
- Щанова Ю. Л.*, 1972. Стекло Киевской Руси. М.
- Щанова Ю. Л.*, 1974. Стеклянные изделия из Старой Рязани (по материалам раскопок 1966–1968 гг.)//Археология Рязанской земли. М.
- Щанова Ю. Л.*, 1983. Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М.
- Щанова Ю. Л.*, 1997. Украшения из стекла//Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М.

V. I. Zavyalov

The range of colours found in glass bracelets at Pereslavl Ryazansky (based on finds made at the Zhitny excavations)

Summary

Glass bracelets are one of the most commonly found kinds of jewellery found at excavations of ancient Russian sites from the period before the Mongolian conquest. More than 600 fragments of such glass bracelets were found during digs at the Zhitny excavations in the Kremlin at Pereslavl Ryazansky, in cultural layers dating from the late C12th to C14th.

The range of colours in these bracelets enables us to surmise that glass decorative jewellery came to late C12th Pereslavl from most of the major glass-making centres of Medieval Russia. When a glassworks making such bracelets was set up at the main town of the principality (Staraya Ryazan), production became centred on locally-manufactured glass.

Р. Н. Модин

Древнерусский горизонт городища Велегож (материалы раскопок 2012 года)

В 2012 г. Тульской археологической экспедицией Государственного музея-заповедника «Куликово поле» были проведены раскопки на городище Велегож. Изучены культурные напластования трех археологических эпох: раннего железного века (памятники типа Упа 2), мощинской археологической культуры (второй половины IV – первой половины V в. н. э.), эпохи Средневековья (Столяров, 2013). Настоящая работа посвящена публикации средневековых материалов из этих раскопок.

Памятник был выявлен сотрудником Центра по охране и использованию памятников истории и культуры Тульской области О. Н. Заидовым в 2012 г. в Заокском р-не Тульской обл., в 1 км к СВ от одноименного села. Городище расположено в залесенной местности, на мысу при слиянии двух оврагов, по одному из которых протекает безымянный ручей (левый приток р. Скнижка, правый приток р. Ока). Площадка городища вытянута по линии С–Ю на 70 м, по линии З–В на 40 м, с южной стороны защищена валом (рис. 1).

Летом 2012 г. на площадке городища заложено три раскопа общей площадью 150 кв. м (раскоп 1–76 кв. м, раскоп 2–48 кв. м, раскоп 3–26 кв. м) (рис. 1). Раскопы имели сложную конфигурацию, что связано с сильной залесенностью площадки городища.

Культурный слой всех раскопов представлен почвенным горизонтом светло-серой гумусированной супеси. Основу заполнения выявленных углубленных объектов, как правило, составляет темно-серая гумусированная супесь с включением угольков. Материк – красно-коричневый суглинок. Максимальная мощность культурного слоя прослежена на раскопе 1 – до 0,6 м, на местах углубленных объектов – до 1,6 м. На раскопах 2 и 3 мощность куль-

турного слоя доходит до 0,28 м, на местах углубленных объектов – до 0,54 и 0,56 м соответственно.

Несмотря на то что вещевой материал эпохи Средневековья встречается на всех трех раскопах, объекты этого времени выявлены только на раскопе 1. Это остатки трех построек и одна хозяйственная яма (рис. 2).

Остатки постройки 1 исследованы в центральной части раскопа (рис. 2; 3). Постройка впервые выявлена на глубине 30 см от поверхности. На этом уровне фиксации она представляла собой темно-серое пятно трапециевидной формы размерами 3,6×3 м. На уровне материка постройка имела подпрямоугольную форму размерами 4,5×2,8 м, длинными сторонами ориентирована по линии С–Ю. Видимо, конструктивно связаны с постройкой четыре столбовые ямы. Две из них выявлены на уровне горизонта материка около юго-западного и юго-восточного углов пятна постройки. Две другие прослежены на этом же уровне внутри границ пятна, у северо-западного и северо-восточного его углов. Котлован постройки заглублен в материк на 0,56 м, в разрезе имеет чашевидную форму. Верхняя часть заполнения представляет собой слой темно-серой гумусированной супеси с редкими угольками, кусочками обожженной глины и мелкими камнями, мощностью до 0,4 м. Под ним залегал слой темно-серой гумусированной супеси, насыщенный углем и обожженной глиной мощностью до 0,2 м. Вероятно, исследованный объект представляет собой углубленную часть наземной постройки со столбовой конструкцией. Массовый археологический материал из заполнения постройки 1 представлен 342 фрагментами круговой (в т. ч. 18 венчиков, 23 донца) и 12 – лепной романской керамики. Кроме того, на дне котлована,

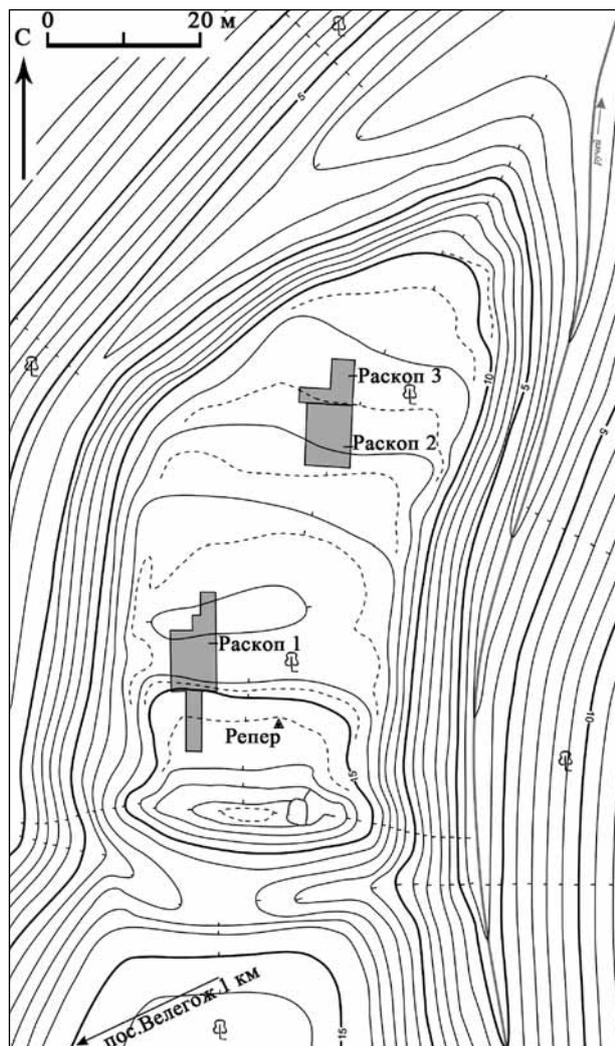

Рис. 1. Тульская область. Заокский район. Городище Велегож. Топографический план с раскопами 2012 г.

возле восточной стенки, зафиксировано скопление лепной роменской керамики из 210 фрагментов от не менее чем четырех сосудов.

Гончарную керамику можно разделить на две хронологические группы. К первой группе относятся 50 фрагментов (в т.ч. 3 венчика, 6 донец) керамики с примесью мелкозернистого песка в тесте, среди которых встречаются довольно крупные образцы (рис. 4, 14–17). Незначительно в этой группе преобладает красноглиняная керамика (28 фр.), из них на 22 обломках имеется линейный орнамент, на 1 – волнистый. В основном эта керамика происходила из верхней и средней частей заполнения постройки 1. Эта группа керамики датируется XIV–XV вв.

Ко второй группе принадлежит большая часть гончарной керамики из заполнения постройки 1–292 фрагмента (в том числе 15 венчиков,

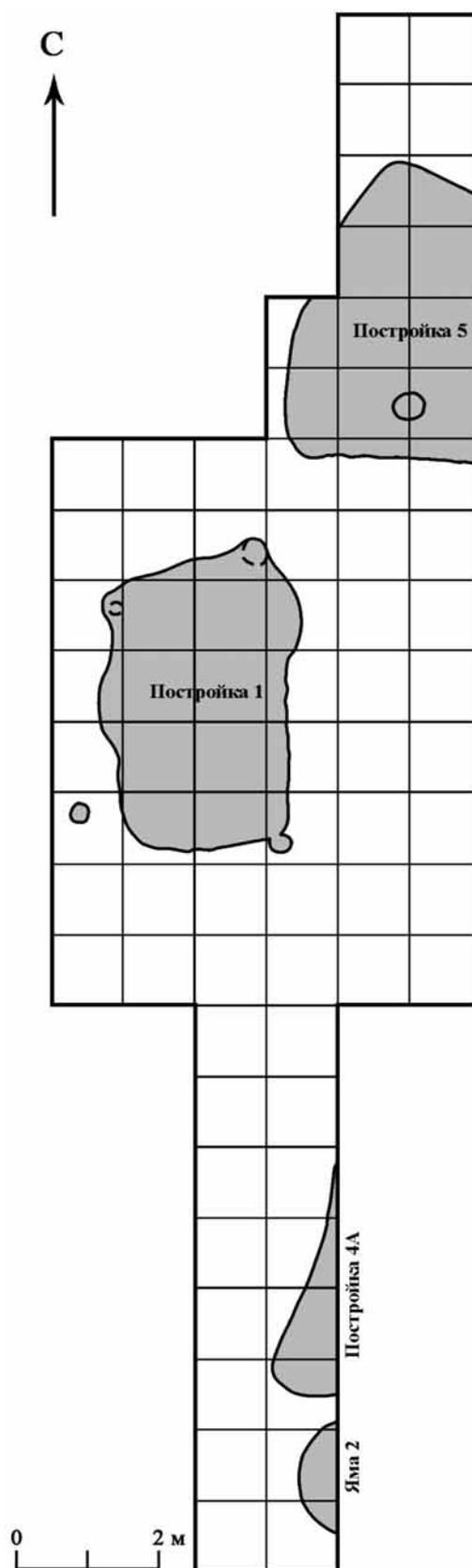

Рис. 2. Городище Велегож. Раскоп 1 2012 г. Сводный план с обозначением средневековых объектов

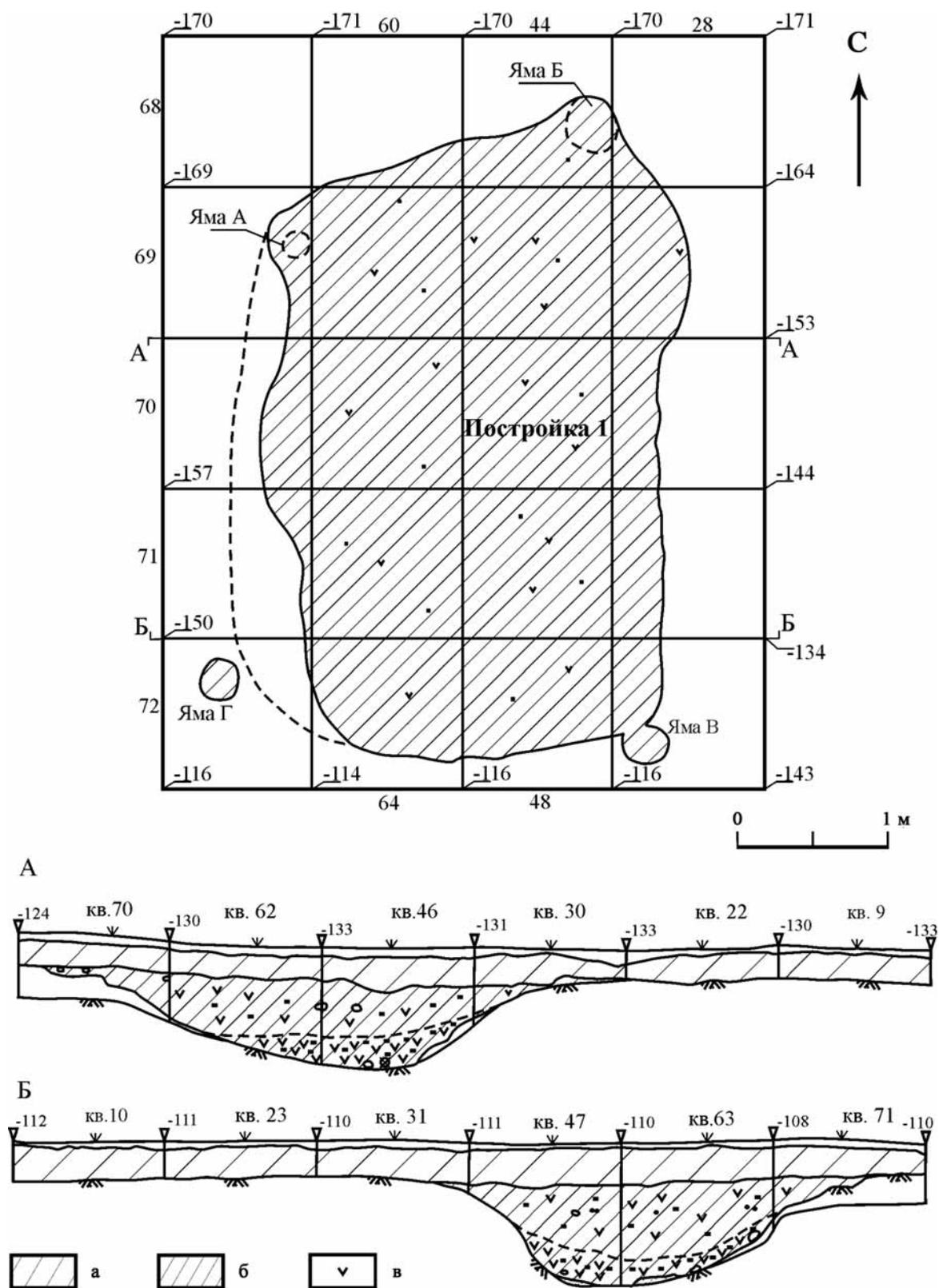

Рис. 3. Раскоп 1. Постройка 1. План на уровне материка. Разрезы а – супесь светло-серая; б – супесь темно-серая; в – уголь

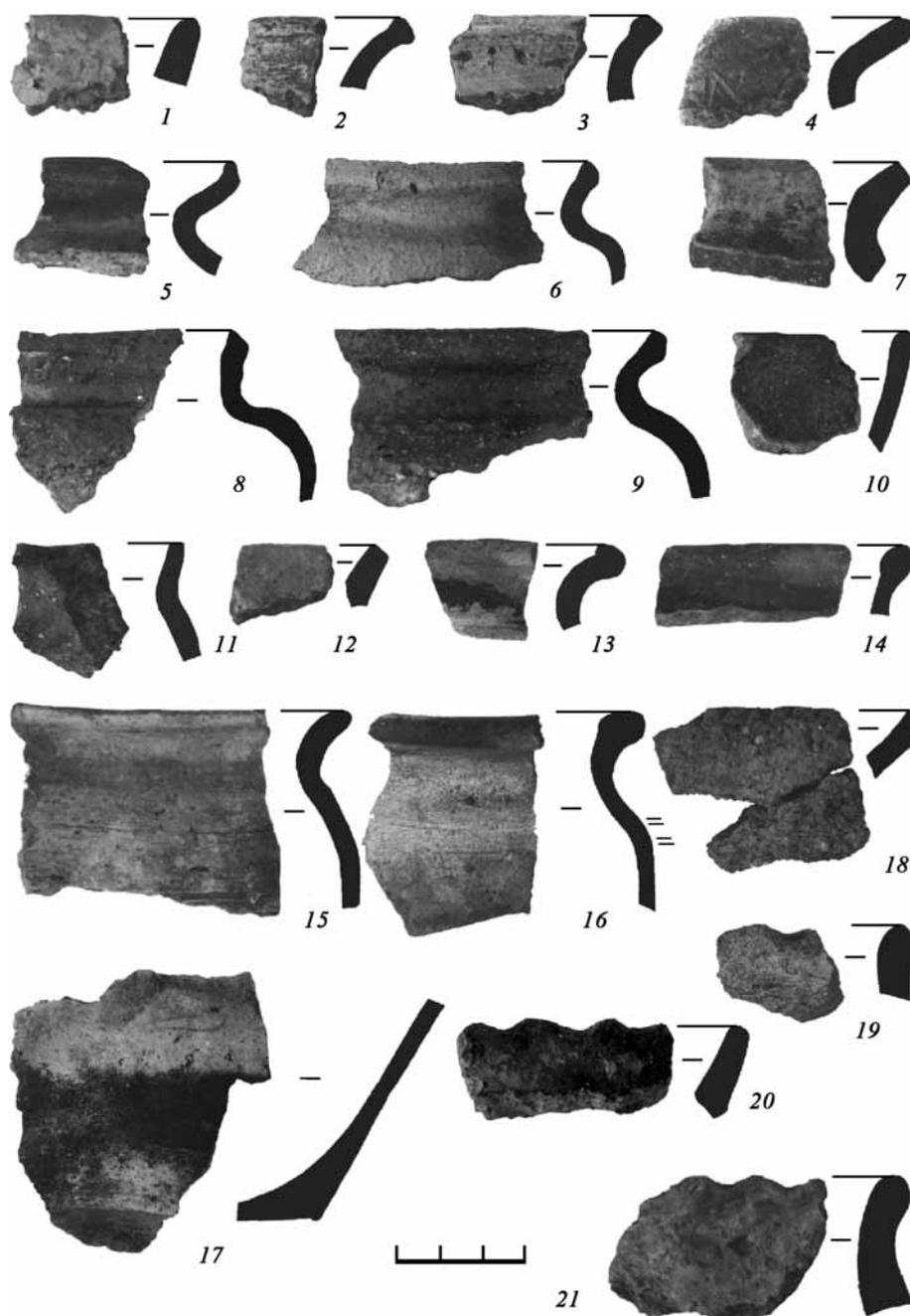

Рис. 4. Раскоп 1. Круговая (1–17) и лепная роменская (18–21) керамика из заполнения постройки 1
 1–9, 12 – с примесью дровесы; 10, 11, 13 – с примесью крупнозернистого песка;
 15–17 – с примесью мелкозернистого песка

17 донец) (рис. 4, 1–13). В основном это керамика с примесью дровесы в глине (285 обломков), единичны образцы с примесью крупнозернистого песка. Преобладает красноглиняная керамика – 227 фрагментов, из них 35 экз. украшено линейным орнаментом, 8 – волнистым, на одном фрагменте отмечено сочетание линейного и волнистого орнамента. Зубчатый штамп встречен

на одном обломке. Подобная керамика типична для древнерусских памятников Верхнего Поочья и Подмосковья (Воронцов, Модин, 2014. С. 257, 259; Гоняный, 1999. С. 137; Воронцов, Григорьев, 2005. С. 95; Модин, 2014. С. 502–504; Равдина, 1991). Аналогичная керамика встречается на поселениях этого периода и на других территориях. Наибольшее сходство она находит с древнерусской

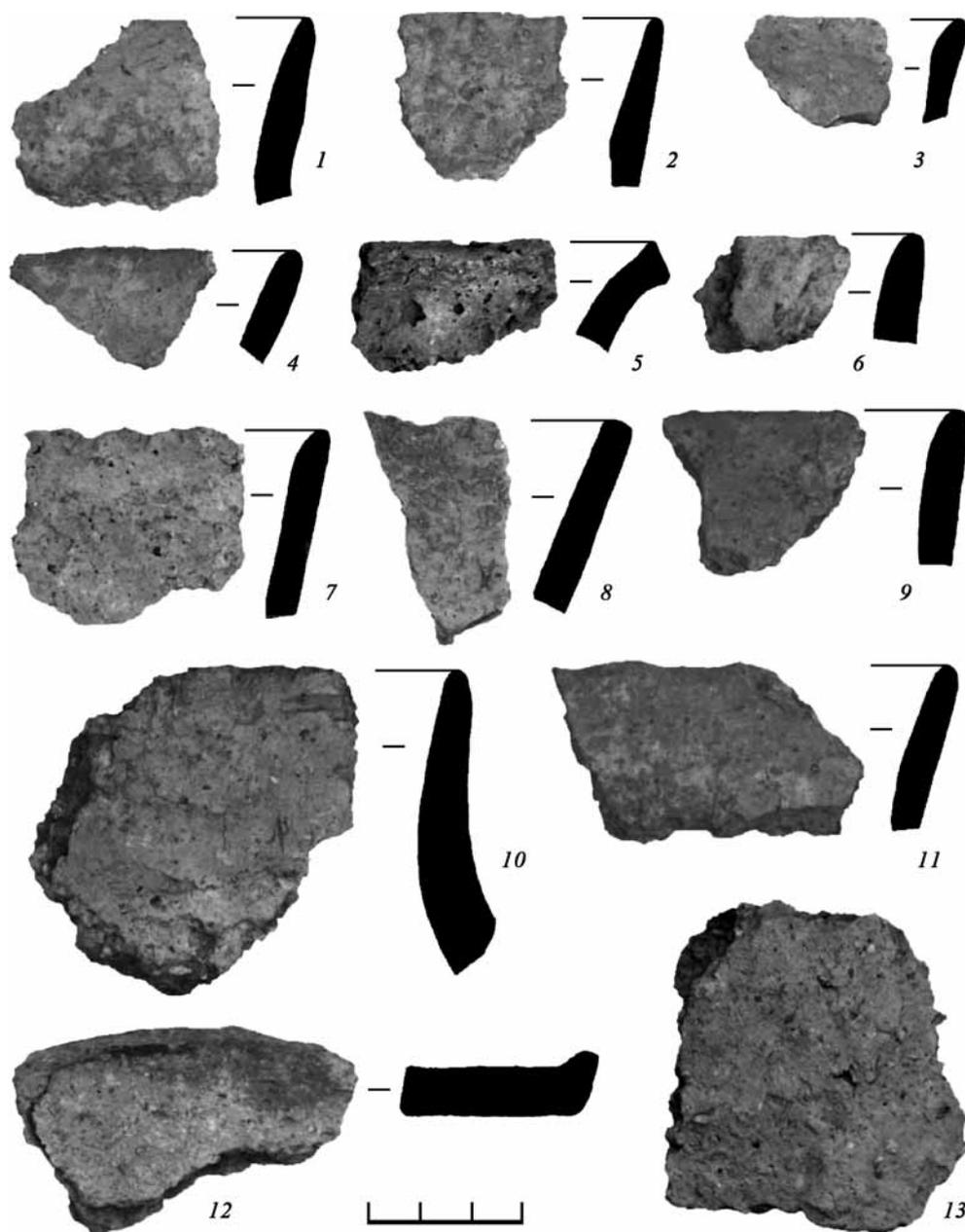

Рис. 5. Раскоп 1. Лепная роменская керамика из скопления на дне постройки 1

керамикой Суздальского ополья (Латишин, 1992. С. 100; Федорина, 2008. С. 301, 302). По указанным аналогиям датировка керамики этой группы возможна в пределах XI–XIII вв.

Лепная керамика представлена в основном фрагментами слабопрофилированных грубых неорнаментированных горшков с примесью крупной дресвы, изготовленных из красножгущейся глины (рис. 4, 18–21; 5). Единичны фрагменты сковородок (рис. 5, 12). Иногда по краям венчиков встречаются косые нарезки и защипы.

Индивидуальные находки древнерусского времени из постройки 1 представлены нательным крестом из цветного металла (рис. 6, 16) и двумя железными наконечниками стрел. Три конца нательного креста оканчиваются пирамидкой из трех шариков, подражающих зерни, верхний конец – двумя шариками. В средокрестии также помещены четыре шарика. Подобные крестики широко распространены на древнерусских памятниках XII–XIII вв. (Булычев, 1899. Табл. XVIII, 9; Голубева, 1962. С. 71. Рис. 12, 18; Спицын, 1896.

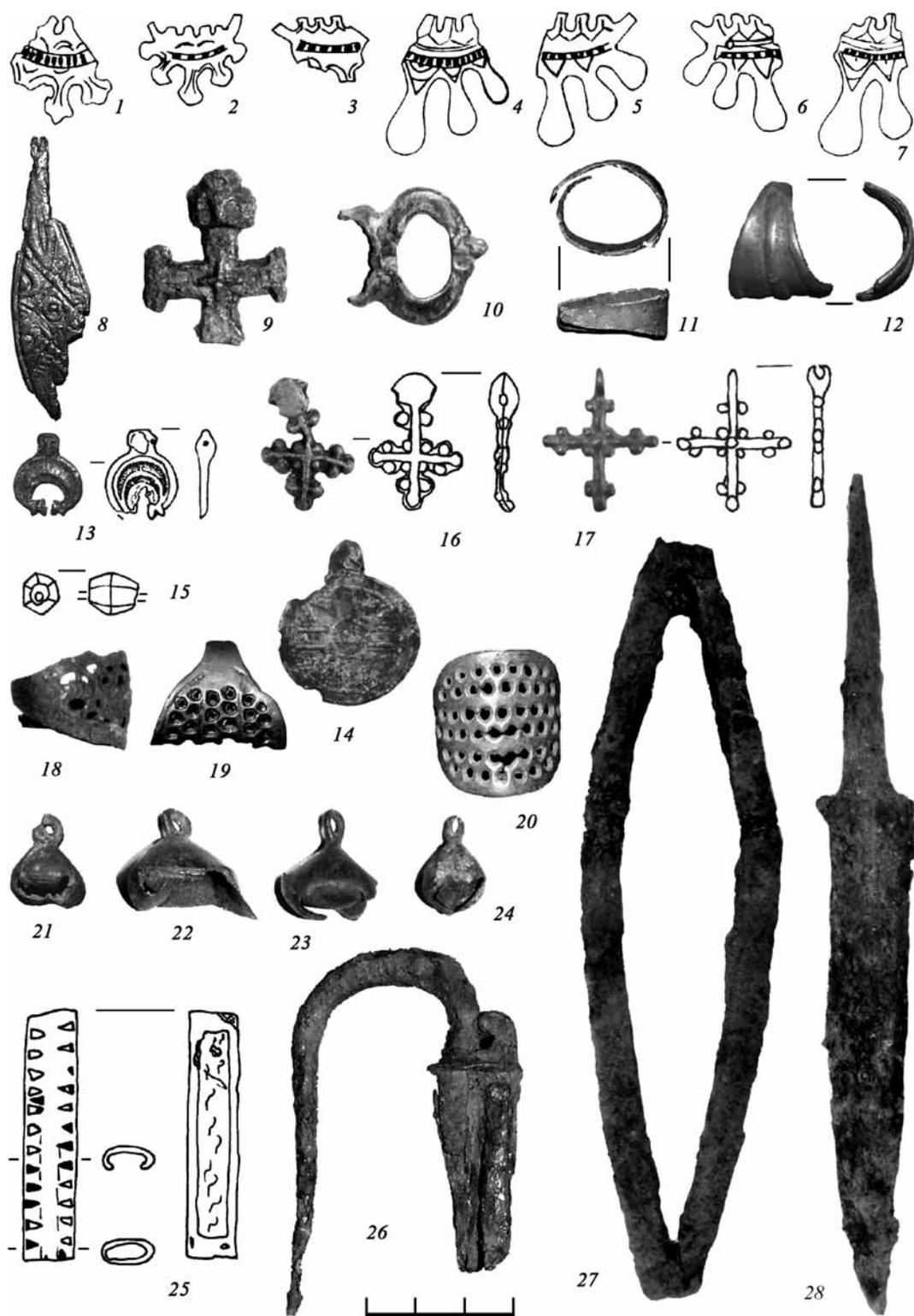

Рис. 6. Украшения и предметы быта

1-7 – височные кольца, 8, 11, 12 – пластинчатые перстни; 9, 16, 17 – нагельные крестики; 10 – фрагмент литейной пряжки; 13 – лунница; 14 – монетовидная подвеска; 15-14-гранная бусина; 18-20 – решетчатые перстни; 21-24 – грушевидные бубенчики; 25 – обоймица с орнаментом «волчий зуб»; 26 – фрагмент замка; 27 – кресало; 28 – нож (1-8, 10-12, 14, 18-25 – бронза; 9 – цветной металл; 15 – хрусталь; 15, 16, 17 – свинцово-оловянистый сплав; 26-28 – железо). 2, 5, 10, 12, 14-16, 20 – раскоп 1 (16 – постройка 1); 7, 11, 13, 17, 21, 25, 28 – раскоп 2; 6, 18, 23 – раскоп 3; 1, 3, 4, 8, 9, 20, 22, 24, 26, 27 – подъемный материал

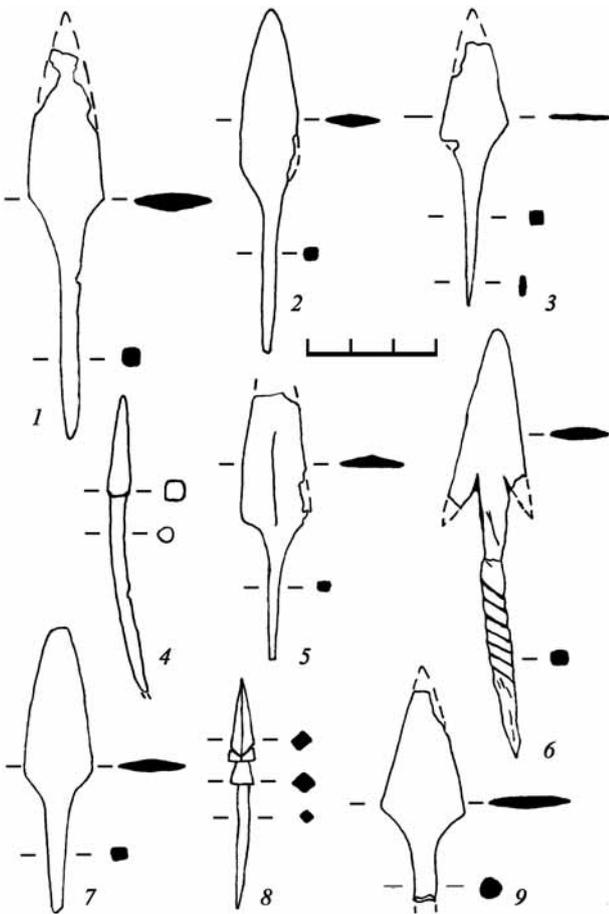

Рис. 7. Железные наконечники стрел

1, 4, 6 – раскоп 1 (4, 6 – постройка 1); 2 – раскоп 3;
9 – раскоп 2; 3, 5, 7, 8 – подъемный материал

табл. XII, 32; *Полубояринова*, 1972. С. 183. Рис. 18, 2). В Новгороде они встречаются в слоях начала XII – середины XIII в. (*Седова*, 1981. С. 52. Рис. 17, 4). Каменные литейные формы, в которых изготавливались подобные крестики, найдены в Серенске (*Зайцева, Сарачева*, 2011. Рис. 138, 3; 139, 5; цв. вкл.). Подобный крестик найден также на раскопе 2 (рис. 6, 17).

Первый наконечник стрелы (рис. 7, 4), шиловидный, близок к наконечникам типа 90 по А. Ф. Медведеву (1966. С. 83), имеющих широкую датировку от начала I тыс. н. э. до XIV в. Второй наконечник (рис. 7, 6) – двушипный без упора с тордированным в средней части черешком – относится к типу 29, который также был широко распространен с I в. н. э. до XIV в. (*Медведев*, 1966. С. 62).

Небольшое количество лепной керамики и индивидуальных находок предшествующих периодов (типа Упа 2, мощинской культуры) (*Столяров*, 2013. С. 16), скорее всего, попали в заполнение

постройки случайно. Дата возникновения постройки 1 может быть определена по скоплению лепной роменской керамики на дне котлована не позднее середины – второй половины XI в. Верхнюю дату существования постройки 1 определить затруднительно, вряд ли она выходит за пределы первой половины XII в.

Сочетание лепной и гончарной керамики в культурном слое типично для памятников XI в. на территории Поочья и Москворечья (*Григорьев*, 2005. С. 128–132). Так, на поселении Жданово I, датированном автором раскопок серединой – второй половиной XI в., соотношение лепной и круговой керамики составляло 48,4 и 51,6% соответственно (*Гоняный*, 1999. С. 134, 144). Сочетание лепной и круговой керамики в разных пропорциях отмечено на селище Заозерье 2 (*Тавлинцева*, 1996. С. 45–52), Новое Съяново 3 (*Шполянский*, 1999. С. 142–153), Покров 5 (*Юшко*, 1998. С. 327–334), селище Кривское 3 (*Лопатина*, 2005. С. 46), Соновка IV (*Коваль*, 2004. С. 154–165).

Остатки другой постройки (постройки 4а по полевой документации) исследованы в южной части раскопа 1 (рис. 2; рис. 8, А). Постройка вошла в раскоп частично, она зафиксирована на уровне материка как пятно темно-серого гумусированного суглинка. При этом котлован постройки 4а пробивал более раннюю постройку 4 и канаву неясного происхождения (ров 2 по полевой документации) (рис. 8, А). Как и постройка 1, постройка 4а представляет собой остатки углубленной части наземного сооружения, ориентированного по линии ЮЗ–СВ. Размеры изученной раскопом части составляют 3,24×0,90 м, в материк котлован заглублен на 0,44 м. В разрезе котлован имеет чашевидную форму с наклонными стенками. Заполнение – темно-серая гумусированная супесь с включениями угольков. Массовый археологический материал представлен 125 (в том числе 13 венчиков, 7 донец) фрагментами круговой (рис. 9, 1–11) и 15 – лепной роменской керамики (рис. 9, 12, 13). Керамика из постройки 4а аналогична керамике из постройки 1. Преобладают фрагменты гончарных керамических сосудов XI–XIII вв. с примесью дресвы в тесте (84 экз.) и крупнозернистого песка (3 экз.). Чаще всего встречается линейный орнамент (на 13 фрагментах), реже – волнистый (на 7 экз.), сочетание линейного и волнистого орнаментов – на двух обломках, на одном фрагменте – отпечатки зубчатого штампа. Помимо керамики древнерусского времени в заполнении постройки 4а встречается более поздняя гончарная керамика XIV–XV вв.

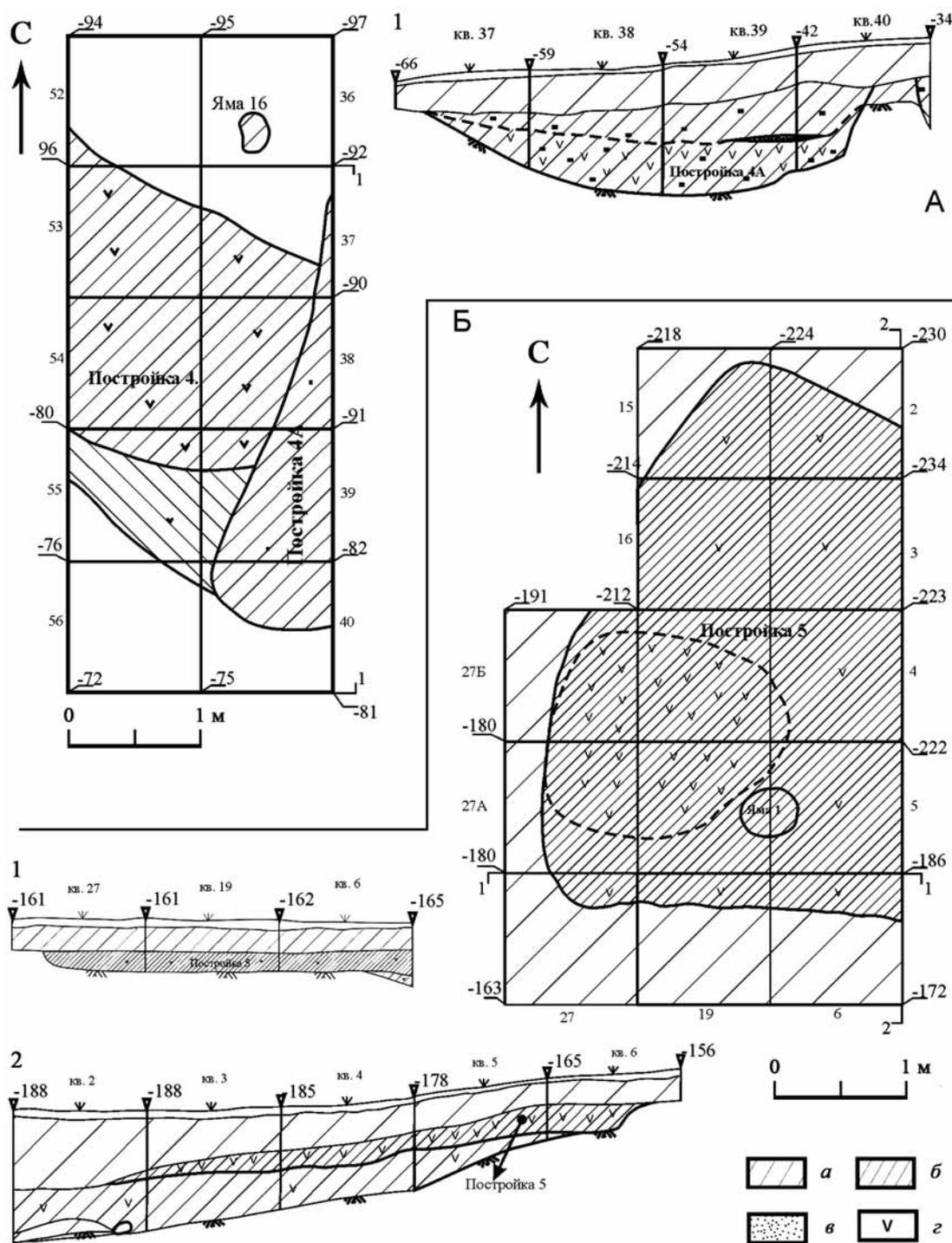

Рис. 8. Раскоп 1. Планы и разрезы средневековых объектов

А – постройка 4а; Б – постройка 5; а – супесь светло-серая; б – супесь темно-серая; в – песок; з – уголь

Это 28 фрагментов из формовочной массы с примесью мелкозернистого песка, изготовленных как из красножущейся (17 шт.), так и из беложущейся глины (11 шт.). Лепная керамика представлена только стенками сосудов. Индивидуальные находки в заполнении постройки 4а не обнаружены.

В 0,5 м к югу от постройки 4а частично исследована яма 2, имевшая, вероятно, округлую форму (рис. 2; рис. 10) диаметром около 1,6 м. Яма заглублена в материк на 0,54 м. В разрезе имеет чашевидную форму. Основная часть заполнения ямы – темно-серая гумусированная супесь с включением

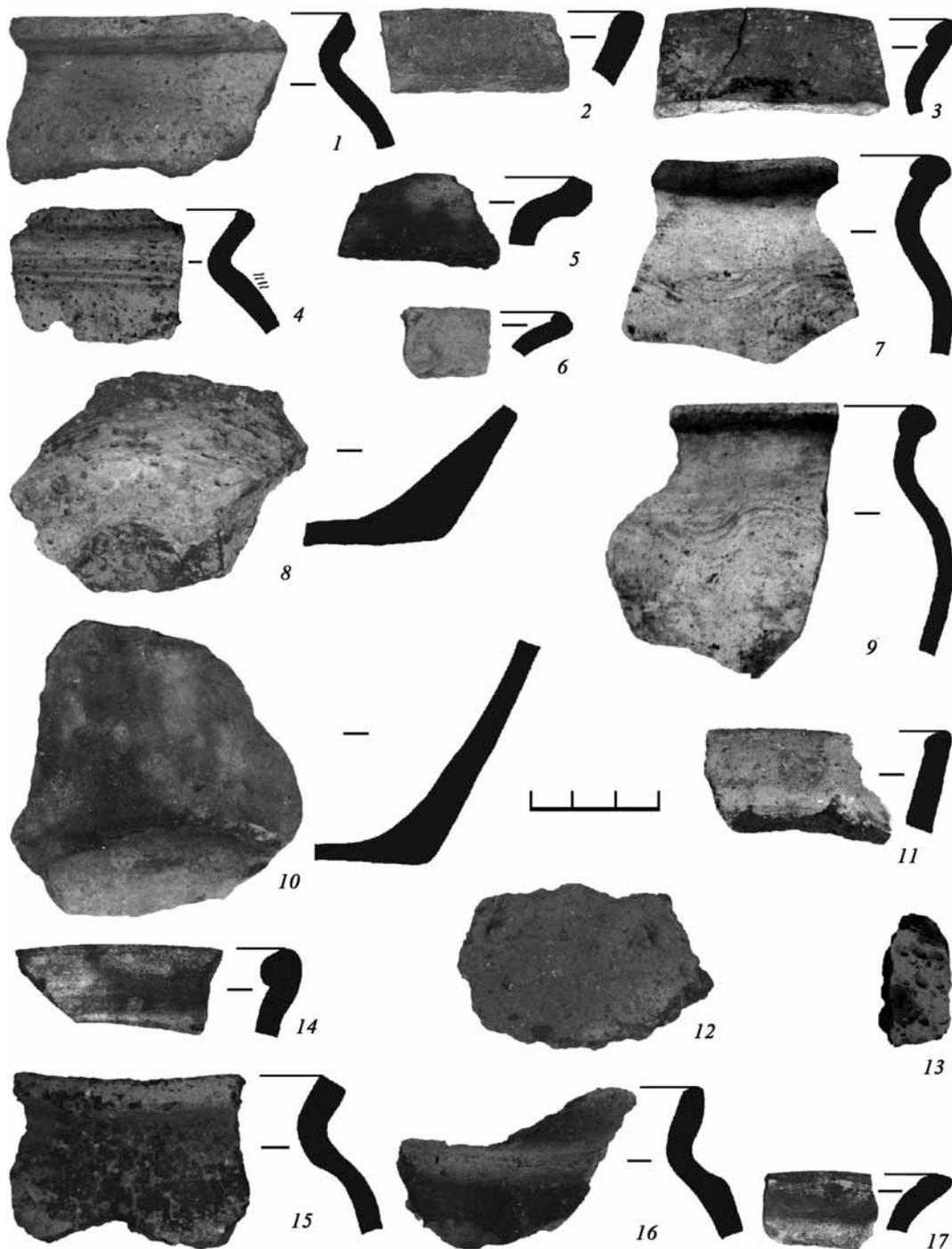

Рис. 9. Раскоп 1. Керамика из постройки 4а (1–13) и постройки 5 (14–17) (см. цв. вкл.)

1–11, 14–17 – круговая; 12–13 – лепная. 1–3, 5, 6, 8, 15, 16 – с примесью дресвы; 4 – с примесью крупнозернистого песка и мелкой дресвы; 7, 9, 10, 11, 14, 17 – с примесью мелкозернистого песка

кусочков обожженной глины. На дне – прослойка красно-коричневой супеси. В заполнении обнаружены 28 фрагментов круговой и 2 – лепной роменской керамики (рис. 10). 24 образца круговой керамики – из формовочной массы с примесью дресвы (22 экз. – красноглиняная, два экз. – белоглиняная),

еще четыре фрагмента – из массы с примесью мелкозернистого песка.

В северной части раскопа 1 выявлены остатки третьей постройки (полевое наименование – постройка 5) (рис. 2; рис. 8, Б). Как и предыдущая, постройка 5 вошла в раскоп частично. Впервые

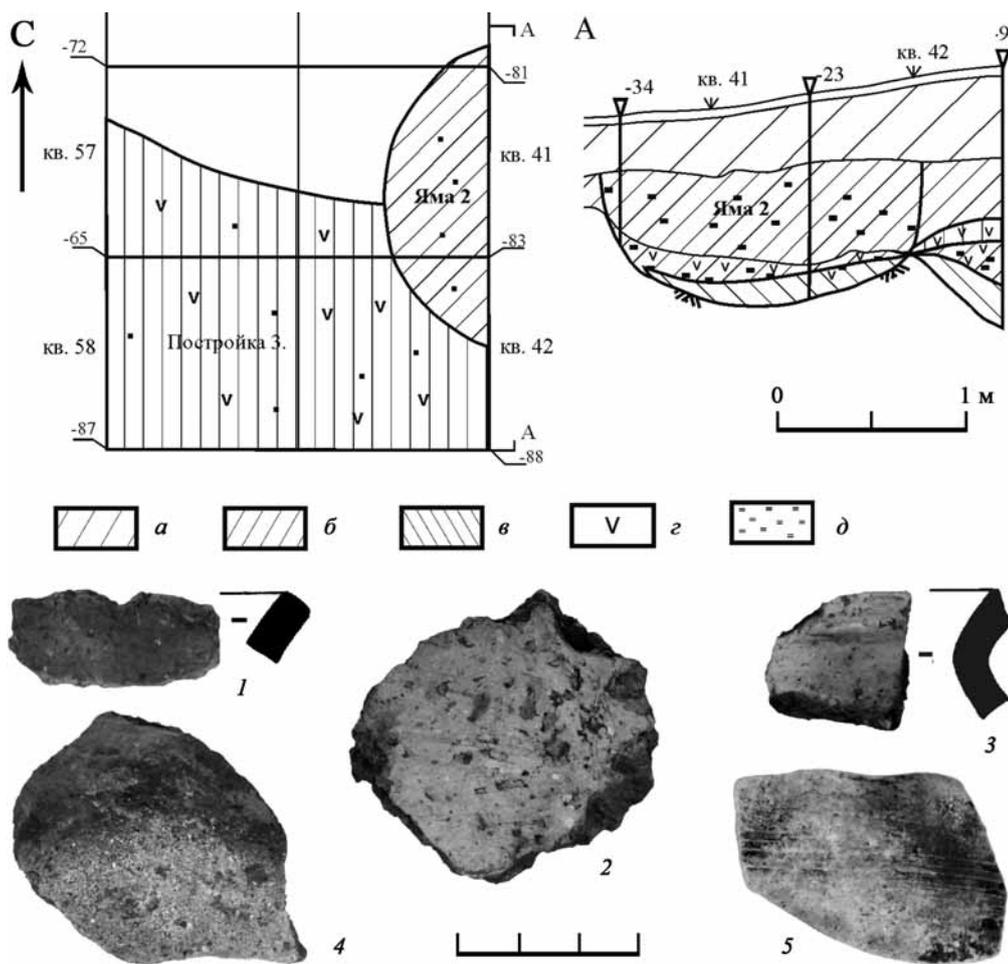

Рис. 10. Раскоп 1. Яма № 2. План, разрез. Керамика из заполнения

1, 2 – лепная роменская; 3–5 – круговая (1–4 – с примесью дровсы; 5 – с примесью мелкозернистого песка). а – супесь светло-серая; б – супесь темно-серая; в – красно-коричневая супесь; з – уголь; д – кусочки обожженной глины

она зафиксирована на уровне -40 см от дневной поверхности как подпрямоугольное пятно темно-серой супеси с включениями угольков, размерами 3,7×2,4 м, ориентированное по линии С–Ю. В его юго-западной части отмечена углистая область размерами 2×2 м. Внутри пятна зафиксирована столбовая яма. Постройка 5 перекрывала углубленную в материк структуру неясного происхождения (ров 3 по полевой документации) (рис. 8, Б). Котлован постройки незначительно (на 0,18 м) заглублен в ров 3 и в материк. Заполнение постройки – темно-серая гумусированная супесь с включениями угля. Массовый археологический материал эпохи Средневековья из ее заполнения представлен 84 фрагментами круговой керамики (в том числе пять венчиков) (рис. 9, 14–17). Как и в других постройках, основная часть керамики – это фрагменты красноглиняных (64 экз.) и белоглиняных (12 экз.) сосудов XII–XIII вв. с примесью дровсы

(72 экз.) и крупнозернистого песка (4 экз.) в тесте. Орнаментированных фрагментов 24. Преобладает линейный орнамент (17 экз.), волнистый орнамент имеется на пяти фрагментах, линейно-волнистый – на одном, на двух обломках – отпечатки зубчатого штампа (рис. 10).

Массовый археологический материал эпохи Средневековья из культурного слоя в раскопах 2012 г. (вне описанных выше построек) представлен фрагментами лепной и круговой керамической посуды. Большая часть керамического материала происходит из раскопа 1. Это 586 фрагментов круговой (в том числе 54 венчика, 27 донца) (рис. 11, 1–32) и 16 обломков лепной роменской керамики (рис. 11, 33–35). Как и в объектах, гончарную керамику из культурного слоя можно разделить на две хронологические группы. 81% гончарной керамики – это керамика XI–XIII вв. с примесью дровсы (454 экз.) и крупнозернистого песка (22 экз.) в тесте

Рис. 11. Раскоп 1. Круговая (1–32) и лепная роменская (33–35) керамика из культурного слоя
 1–9, 11, 13–16, 17–21 – с примесью дресвы; 10, 12 – с примесью крупнозернистого песка;
 22–32 – с примесью мелкозернистого песка

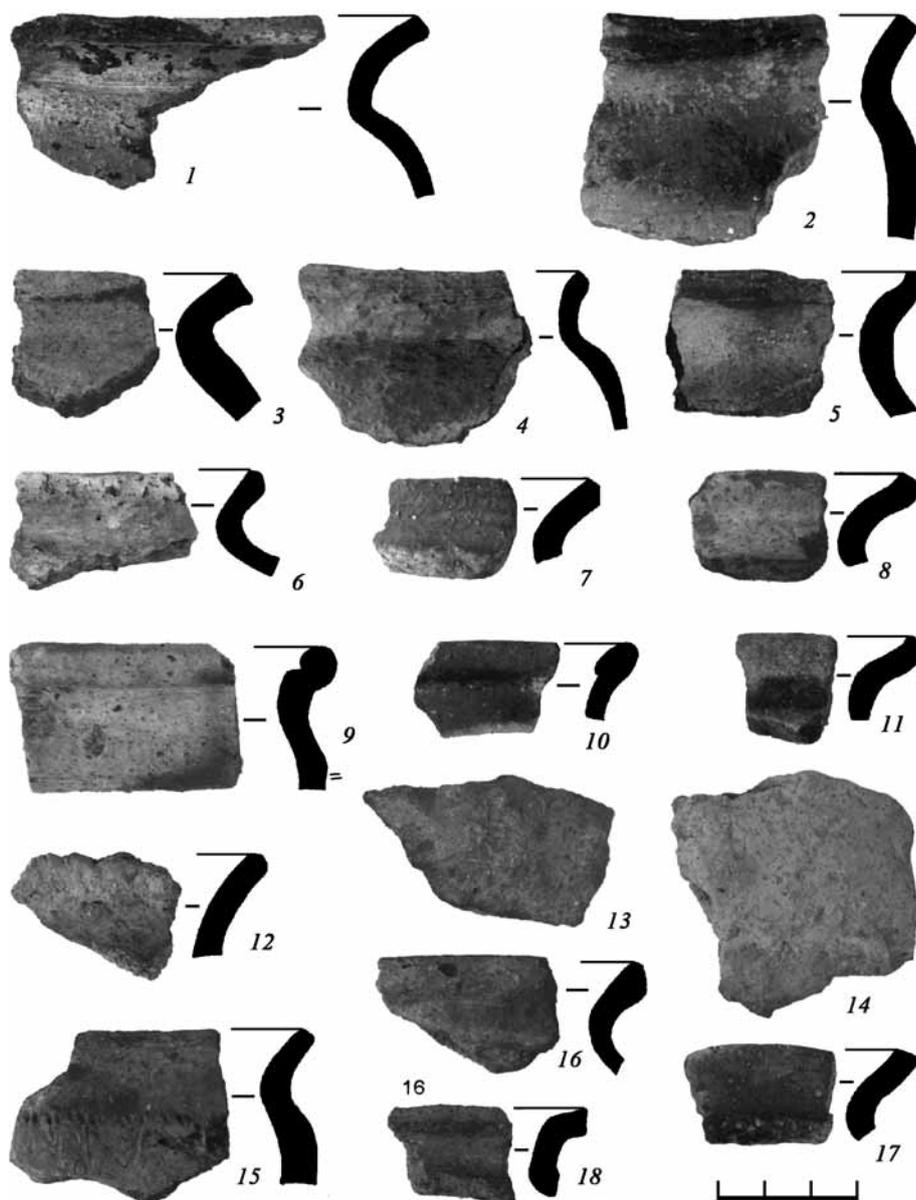

Рис. 12. Раскопы 2 и 3. Круговая (1–11, 15–18) и лепная роменская (12–14) керамика из культурного слоя (см. цв. вкл.)
 1–14 – раскоп 2; 15–18 – раскоп 3. 1–8, 15–17 – с примесью дресвы; 9 – с примесью крупнозернистого песка;
 10, 11, 18 – с примесью мелкозернистого песка

(рис. 11, 1–23). 80% керамики этой группы изготовлено из красножгущейся глины, остальные – из беложгущейся. Орнаментировано всего 104 фрагмента (21%). Преобладает линейный орнамент (на 58 фрагментах), на 33 обломках отмечен волнистый орнамент, сочетание линейного и волнистого орнаментов – на 8 фрагментах, отпечатки зубчатого штампа – на 4 фрагментах, и один обломок нес орнамент из овальных вдавлений. Небольшая часть гончарной керамики (110 экз.) с примесью мелкозернистого песка в тесте относится к XIV–XV вв. (рис. 11, 24–32). 66% (73 фр.) керамики этой группы

изготовлено из беложгущейся глины, остальные из красножгущейся. Доля орнаментированной керамики в этой группе чуть больше – 33% (37 фр.). Преобладающим также является линейный орнамент (на 23 экз.), волнистый орнамент – на 12 фрагментах, сочетание линейного и волнистого орнамента отмечено всего на 2 фрагментах.

Лепная роменская керамика из культурного слоя раскопа 1 представлена 13 стенками горшков и 3 обломками сковородок (рис. 11, 33–35). Керамика грубая, толстостенная, с примесью крупной дресвы в тесте. Венчики горшков слабоотогнутые

наружу, изредка орнаментированные косой нарезкой и зашипами по верхнему краю.

На раскопах 2 и 3 встречено всего лишь 89 фрагментов средневековой гончарной керамики (в том числе 15 венчиков, четыре донца) (рис. 12, 1–11, 15–18) и три фрагмента лепной роменской (рис. 12, 12–14) (раскоп 2 – 65 фр. гончарной, 3 – лепной; раскоп 3 – 23 фр.). Эта керамика аналогична той, которая представлена на раскопе 1. Среди гончарной керамики преобладают фрагменты посуды XI–XIII вв. с примесью дресвы в тесте (раскоп 2 – 47 фр., раскоп 3 – 12 фр.) или крупнозернистого песка (раскоп 2 – 7 фр., раскоп 3 – 4 фр.). Остальная гончарная керамика из раскопов 2 и 3 – это фрагменты посуды XIV–XV вв. с примесью мелкозернистого песка в тесте (раскоп 2 – 11 фр., раскоп 3 – 7 фр.).

Индивидуальные находки эпохи Средневековья из раскопок 2012 г. представлены украшениями из цветного металла, предметами вооружения (наконечники стрел), предметами быта.

Украшения из цветного металла, найденные на городище, включают в себя типичные для домонгольского периода изделия: височные кольца, решетчатые перстни, пластинчатые перстни, бубенчики, монетовидную привеску, лунницу и др. (рис. 6, 1–25). На раннюю дату прежде всего указывают височные кольца типа «сельцо» (рис. 6, 1, 2). Эти кольца имеют весьма узкую датировку, не выходящую за пределы XI в. Одни авторы определяют время их бытования серединой – третьей четвертью XI в. (Равдина, 1975а. С. 223; Недошвина, 1980. С. 109), другие указывают несколько более широкую дату: вторая – четвертая четверти XI в. (Григорьев, 2005а. С. 22). На 2012 г. известно всего 92 находки колец этого типа, происходящих из 42 пунктов (Попов, 2013. С. 21). Большинство происходит с территории севера Верхнего Поочья и Москворечья (54 экз. на 23 памятниках)

(Попов, 2013. С. 23. Рис. 2). В этом регионе они являются одним из наиболее часто встречающихся видов украшений. Помимо Велегожа они найдены на городище Акиньюшино (Воронцов, Модин, 2014. Рис. 7), селище Новое Сьяново 3 (Шполянский, 1999. Рис. 3), поселении Заозерье 2 (Тавлинцева, 1996. Рис. 7), поселении Жданово I (Гоняный, 1999. Рис. 7), городищах Таруса и Лысая Гора, селище Романовка (Фролов, Прошкин, 2011. Рис. 10. Цв. илл. 7), могильнике и селище Хотяжи 2 (Алексеев, 2004. Рис. 2, 7), селище Кривское 3 (Лопатина, 2005. Рис. 4) и др.

Помимо колец деснинского типа к наиболее ранним находкам XI в. может быть отнесена обоймица с орнаментом «волчий зуб» (рис. 6, 25).

Предметы вооружения представлены железными наконечниками стрел нескольких типов (рис. 7). Как и наконечники из постройки 1, все они были распространены в широком хронологическом диапазоне (Медведев, 1966. С. 62, 67, 68, 73, 83, 84).

К предметам быта относятся железные кресало типа II по Т.В. Равдиной (1975. С. 111), нож и фрагмент замка (рис. 7, 26–28). Фрагмент железного замка близок к замкам типов В и VI, распространенным во второй половине XII – начале XV в. («Древняя Русь. Быт и культура», 1997. С. 252. Табл. 6).

Таким образом, полученный вещевой материал позволяет определять основное время бытования древнерусского поселения на городище Велегож в рамках середины XI – середины XII в. К этому времени относятся исследованные на городище средневековые объекты. Вместе с тем в керамическом комплексе присутствует материал более поздних периодов (второй половины XII–XIII и XIV–XV вв.). Однако объектов, которые могут быть отнесены к этому времени, на изученных площадях не обнаружено.

Литература

Алексеев А. В., 2004. Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи // АП: Материалы научного семинара. М.

Булычев Н. И., 1899. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М.

Воронцов А. М., Григорьев А. В., 2005. Древнерусский слой городища Картавцево // Куликово Поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула.

Воронцов А. М., Модин Р. Н., 2014. Древнерусский горизонт городища Акиньюшино // АП: Материалы научного семинара. Вып. 10. М.

Голубева Л. А., 1962. Археологические памятники веси на Белом озере // СА. № 3.

Гоняный М. И., 1999. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмоскowie // Тр. ГИМ. Арх. сборник. Вып. 111. М.

- Григорьев А. В., 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона. Тула.
- Древняя Русь. Быт и культура, 1997// Археология. М.
- Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г., 2011. Ювелирное дело «земли вятичей» второй половины XI–XIII в. М.
- Коваль В. Ю., 2004. Сосновское селище (о керамике Среднего Поочья в XI в.)//РА. № 1.
- Лапишин В. А., 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля//Древнерусская керамика. М.
- Лопатина О. А., 2005. Новые данные о раскопках селища Кривское 3//Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Мат. XI Всерос. науч. конф. Калуга.
- Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие (Лук и стрелы. Самострел) VIII–XIV вв.//САИ. Вып. Е1–36. М.
- Модин Р. Н., 2014. Древнерусское селище у д. Щукино (материалы раскопок 2009 г.)//Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. Липецк.
- Полубояринова М. Д., 1972. Русские вещи на территории Золотой Орды//СА. № 3.
- Попов А. А., 2013. Анализ плотности распространения височных колец типа «сельцо» в ARCGIS 9.3.1 DESKTOP//Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Мат. XV Всерос. науч. конф. Калуга.
- Равдина Т. В., 1975. Хронология «вятических» древностей. Дис... к. и. н. М.//Архив ИА РАН. Р-2. № 2154.
- Равдина Т. В., 1991. Керамика из датированных погребений Подмосковья//Московская керамика: новые данные по хронологии. М.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Спицын А. А., 1896. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского//Мат. по археологии России. № 20. СПб.
- Столяров Е. В., 2013. Отчет об археологических исследованиях в Заокском и Кимовском районах Тульской области в 2012 г. Ч. 1. Раскопки на городище Велегож Заокского района. Тула//Архив ИА РАН.
- Тавлинцева Е. Ю., 1996. Результаты раскопок селища Заозерье 2 1993–1995 гг.//Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Тр. МИГМ. Вып. 9. М.
- Федорина А. Н., 2008. Керамический комплекс селища Вишенки 3 под Суздалем//Сельская Русь в IX–XVI веках. М.
- Фролов А. С., Прошкин О. Л., 2011. Таруса в X–XV вв. (по данным археологии). Калуга.
- Шполянский С. В., 1999. Новые данные по хронологии памятников начального этапа славянской колонизации Москворечья//Тр. ГИМ. Вып. 103. М.
- Юшко А. А., 1998. Ранние славяне в Подмосковье//Историческая археология: Традиции и перспективы. М.

R. N. Modin

The Old Russian settlement of Belegozh (archaeological finds during 2012)

Summary

The finds covered by this article date from excavations of the medieval settlement of Belegozh undertaken during 2012. The excavations revealed the remains of buildings, and a domestic waste-pit. The finds include fragments of ceramic platters and

vessels, jewellery made from non-ferrous metals, along with some weaponry and domestic items. The majority of these items can be dated to the period of the C11th-C13th, with some dating from the C14th and C15th.

О.Л. Прошкин, А.С. Фролов

**Поселение у с. Исканское
(к вопросу о локализации древнерусской Исконы)**

Крупное поселение у с. Исканское (Тарусский р-н Калужской обл.) было открыто Калужской экспедицией ИА РАН в ходе разведочных работ по составлению Свода памятников в 1986 г. (АКР, 2006. С. 216, № 641).

Расположено на высоком левом берегу безымянного ручья, правого притока р. Туловня, против села, находящегося на правом берегу (рис. 1). Ручей в настоящее время перегорожен рядом насыпных плотин, образующих каскад прудов, один из которых находится непосредственно под селищем (рис. 2).

До начала 1990-х годов большая часть территории памятника подвергалась ежегодной распашке, часть поросла лесом. Границы памятника не определены. Сборы подъемного материала производились на пашне на площади около 2 га.

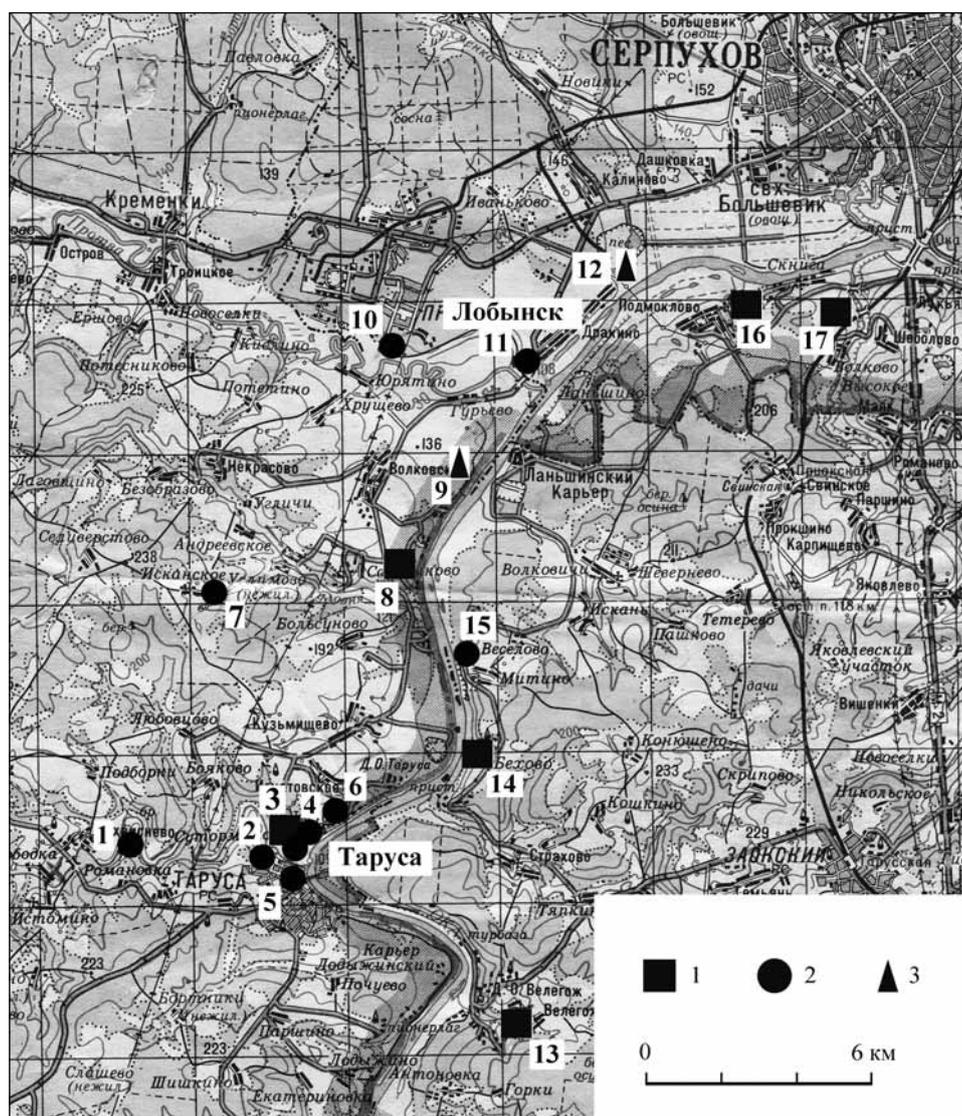
В середине 1990-х вся площадь памятника попала под частную застройку, к настоящему времени завершенную. Территория коттеджного поселка обнесена сплошным забором, подъездные пути и проезды внутри периметра заасфальтированы. Культурный слой, прослеженный при рытье колодца на приусадебном участке в центральной части селища в 2003 г., темно-серый и черный суглинков, достигал мощности 70 см.

На селище была собрана небольшая, но весьма представительная коллекция индивидуальных находок древнерусского периода, состоящая из 48 предметов, а также около 150 фрагментов круговых глиняных сосудов домонгольского времени. Следует также отметить, что в числе подъемного материала с приусадебных участков имеются находки железных шлаков, кусочков глиняной обмазки и костей животных. Все публикуемые в данной статье предметы в настоящее

время хранятся в фондах Калужского областного краеведческого музея и его Тарусского филиала (коллекции Кл 11797, Кп 11425, Нв 4256, ТФКП 2441, ТФНВ 1684). Все они представляют большой научный интерес для постановки вопроса о месте локализации одного из древнерусских населенных пунктов – погоста Искона, упоминаемого в Уставной грамоте Ростислава Смоленского. «Во Исконе дани 40 грив (ен)» («Древнерусские княжеские уставы...», 1976. С. 143). Л.В. Алексееву удалось установить, что погост Искона начал выплачивать дань смоленскому князю между 1116 и 1134 г. (Алексеев, 1976. С. 55).

В хронологическом отношении подъемный материал делится на две основные группы: находки, характерные непосредственно для периода Древней Руси (XI–XIII вв.) и те, которые появились в XIII в., продолжая бытовать до XV в. включительно. Поселение функционировало и в период позднего Средневековья, о чем свидетельствуют находки фрагмента меднолитого нательного креста XVI в. (определение В.Г. Пуцко), обломки печных изразцов XVII в. и многочисленных фрагментов круговых сосудов.

Коллекция находок древнерусского времени состоит как из целых предметов, так и их отдельных фрагментов. По своему назначению и использованию они относятся к предметам вооружения, снаряжения коня, деталям поясного набора и костюма. Значительную часть коллекции представляют украшения и предметы быта. К последней группе следует отнести и фрагменты круговых сосудов. Отнесение ряда находок к одной из функциональных групп достаточно условно. Например, такие предметы, как наконечники стрел, – это и предметы вооружения, и в то же время охотничий инвентарь,

Рис. 1. Памятники археологии и местонахождения древнерусского периода в тарусско-серпуховском течении р. Оки

1 – городище, 2 – селище, 3 – местонахождение. 1 – Романовка; 2 – Сутормино 2; 3 – Таруса 1; 4 – Таруса, «Комсомольское»; 5 – Таруса 2; 6 – Тарусский 1; 7 – Исканское 1; 8 – Салтыково; 9 – Волковское; 10 – Протвино; 11, 12 – Дракино; 13 – Велегож; 14 – Бехово; 15 – Митино; 16 – Подмоклово; 17 – Леоново

а некоторые типы накладок встречаются в составе как поясной, так и уздечной гарнитуры и т. д.

К предметам вооружения следует отнести два железных наконечника стрел и железный топор. Оба наконечника по классификации А. Ф. Медведева относятся к черешковым плоским с упором для древка. Первый близок лавролистным наконечникам типа 63 (рис. 3, 1), пропорции пера – около 1:3. В целом группа наконечников этого типа датируется в очень широких хронологических рамках IX–XIII вв. (Медведев, 1966. С. 74, 75). Другой близок килевидным наконечникам типа 81 (килевидные сплюсненные; рис. 3, 2). Пропорции пера – 1:4. В Восточной Европе датируются также

достаточно широко – X–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 80, табл. 30, 85).

Широколезвийный проушный топор сохранился только в своей рабочей части (рис. 3, 3). Длина лезвия – 10,3 см, ширина – 9,5 см. Судя по форме и размерам рабочей части, аналогичен боевым топорам типов IV (X–XI вв.) и IVa (XII – первая половина XIII в.) по А. Н. Кирпичникову, по мнению которого эти боевые топоры были наиболее распространенными в Древней Руси, но в то же время могли служить и орудиями труда (Кирпичников, 1966. С. 36–37). По Б. А. Колчину, это топоры первого типа в Новгороде, наиболее ранние происходят из слоев X – первой половины XII в. (Колчин,

Рис. 2. Селище Исканское 1 (фото 2013 г.)

1959. С. 24, 25). Отсутствие обуха не позволяет отнести исканскую находку к более определенному типу данных изделий.

К предметам конского снаряжения относятся такие железные изделия, как псалий, удила и подкова. Псалий сохранился не полностью (около половины предмета) – дугообразно изогнутый с двухпетельчатым щитком (рис. 3, 5). Обрез края с насечками. Псалии подобной формы относятся к удилам типа III по А. Н. Кирпичникову, которые он датирует в пределах X–XII вв. и считает достаточно редкими (Кирпичников, 1973. С. 16–17). Удила представлены одним звеном грызла с кольцом (рис. 3, 6). Опять же, если придерживаться типологии А. Н. Кирпичникова, это часть удил типа IV из двух подвижных звеньев и двух колец, которые появились в IX в. и широко использовались вплоть до позднего Средневековья, претерпевая детальные изменения во времени (Кирпичников, 1973. С. 16, 17). В отличие от основной массы кольчатых древнерусских удил этого типа, здесь отсутствует трубковидность петли грызла, а само грызло слегка изогнуто.

Подкова сохранилась весьма фрагментарно (рис. 3, 4), что только лишь предположительно позволяет отнести ее к подковам второй разновидности, которые имели два концевых шипа и волнистый внешний край, основное число находок которых относится к древнерусскому периоду (Кирпичников, 1973. С. 84. Рис. 49, 2). Возможно также, что это фрагмент подковы европейского (I) типа IX–XIV вв. (Двуреченский, 2004. Рис. 1, 1, 2).

К деталям поясного набора относятся две накладки, два поясных крючка и три пряжки. Одна из накладок могла входить в состав как поясной, так и уздечной гарнитуры – плоская пятиугольная железная, крепившаяся тремя гвоздиками (рис. 4, 1).

Близкая аналогия имеется в числе изделий аскизского круга с территории Татарстана, где датируется XI–XIII вв. (Руденко, 2001. С. 148. № 477). Другая накладка достаточно редкая, это ременная овальная бляшка из цветного металла с петлей-рамкой в основании с углубленным растительным орнаментом (рис. 4, 2). Аналогичные накладки, но прямоугольной формы и с различным декором, отнесенные В. В. Мурашевой к особым видам (в данном случае вид O16), достаточно редки (Мурашева, 2000. С. 53. Рис. 77). Примеры: Ростиславльское III селище, комплекс ямы № 8 (первой половины XIII в. – Коваль, 2004. С. 64. Рис. 6, XXI), курганный могильник Ступенки 2 XI–XII вв. в Поугорье, курган 23 (Булычев, 1913. С. 56. Табл. IV, 6, 13; IX, 2, 10).

Большой интерес представляют поясные пластинчатые крючки с геометрическим орнаментом (цветной металл). Поверхность одного крючка украшена двумя зигзагообразными остроугольными линиями (рис. 4, 3), у другого края орнаментированы «волчьим зубом» (рис. 4, 4). Следует сразу отметить, что аналогов данному крючку неизвестно. А вот у первого имеется ряд близких аналогов, происходящих с разных памятников Восточной Европы. Часть (около трети) такого же поясного крючка, но из белого металла найдена на городище 1 в г. Тарусе (Фролов, Прошкин, 2011. Рис. 8, 4). Другая аналогия происходит из предматерикового слоя детинца Друцка, который датируется концом X–XI в. и отличается от исканской находки расположением крючка на одной стороне с держателем (Алексеев, 2002. Рис. 4, 5).

По орнаментике исканский крючок сближается с находкой с селища Монастырек из заполнения жилища № 1, которое по составу опубликованных находок может датироваться в рамках IX–X вв. Авторы исследования называют его «бронзовая

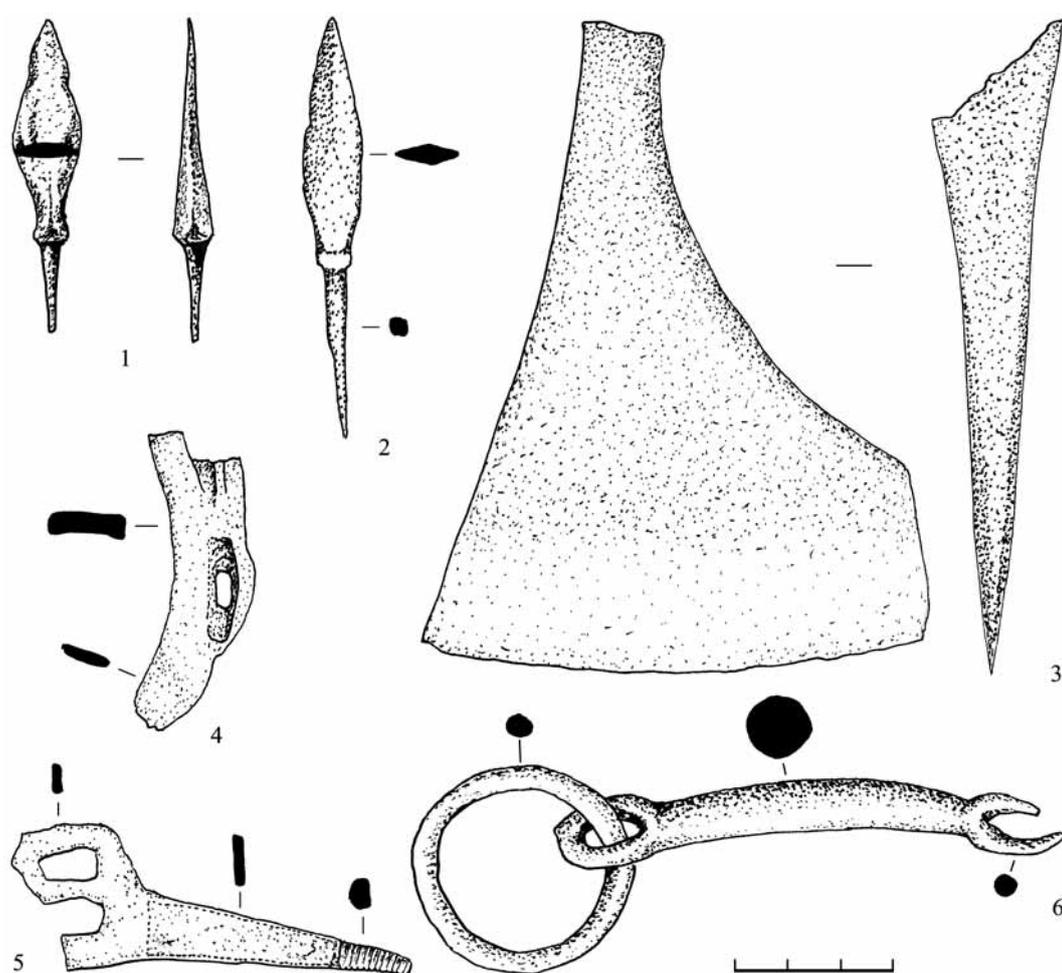

Рис. 3. Селище Исканское 1. Предметы вооружения и конского снаряжения

орнаментированная пластина листовидной формы» или же «деталью перстня» (Максимов, Петрашенко, 1988. С. 64, 90, 91. Рис. 54, 3). Схожий орнамент имеется на украшении, которое А.З. Винников связывает с кругом древностей донских славян, найденным на Архангельском городище (Винников, 1995. Рис. 20, 14). Следует отметить, что находки поясных крючков на территории верхнего Поочья, в том числе и в Подмосковье, достаточно редки и в известных случаях датируются IX–X вв. На северо-западе Руси, вероятно, использовались и позже, о чем свидетельствуют их находки в погребениях с монетами XI в. (Избрижье, Удрай – Равдина, 1988. С. 63, 64, 119, 120).

К рассматриваемому периоду можно отнести три ременные пряжки двух типов из цветного и белого металлов. К первому типу относится одна одночастная арочная пряжка (сохранилась половина предмета – рис. 4, 7). Округлое завершение украшено параллельными литыми насечками. По Ю. М. Лесма-

ну, находки таких пряжек в Новгороде укладываются в рамки XI–XII вв. (Лесман, 1990. С. 79). Кроме поселений найдены в погребениях этого же периода (Белая Вежа, погребение 46 с византийским фоллисом 1055 г., Старая Рязань, раскоп 13, погребение 5 и др.; Равдина, 1988. Табл. 1, 14, с. 24; Даркевич, Борисевич, 1995. Табл. 111, В, 1, с. 342).

Второй тип включает две лировидные пряжки с овальной рамкой (рис. 4, 5, 6). Пряжки различаются размерами и формами приемников для ремня – трапециевидной (рис. 4, 5) и треугольной (рис. 4, 6) формы. Данный тип пряжек был широко распространен на территории Древней Руси в XI–XII вв. Например, аналог пряжки с трапециевидным приемником имеется в Старой Рязани (раскоп 20, погребение 2 – Даркевич, Борисевич, 1995. Рис. 150. С. 357). Список подобных примеров можно продолжить.

Наиболее многочисленная группа находок – детали костюма и украшения – включает 23 предмета, многие из которых сохранились фрагментарно:

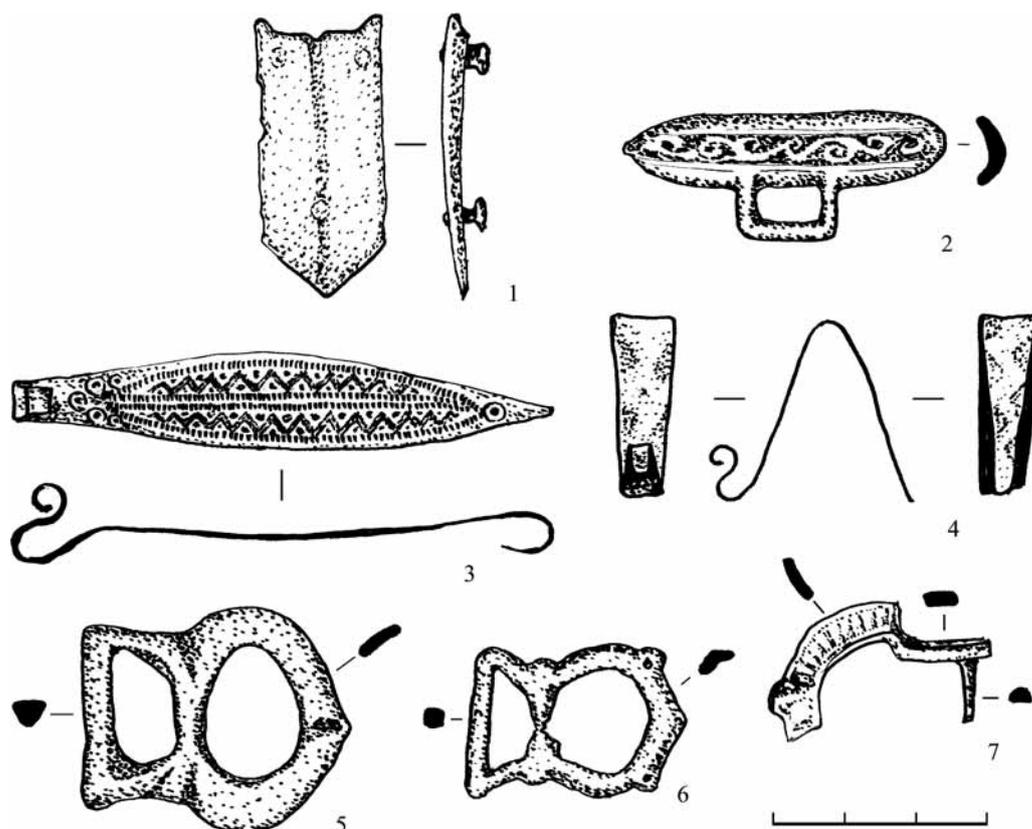

Рис. 4. Селище Исканское 1. Детали поясного набора

фибула, различные привески, височные кольца (серьги), браслеты и перстни.

К деталям костюма следует отнести фрагмент подковообразной фибулы (цветной металл) с выпукло-вогнутым поперечным сечением и конусовидной головкой квадратной формы с ромбовидным орнаментом, полый внутри (рис. 5, 1). Фрагменты аналогичных изделий имеются в числе подъемного материала (вместе с находками колец типа «сельцо»), собранного на селище Бутиково (верхняя Ока) и относящегося к построменскому времени (Григорьев, 2005. Рис. 44, 11, 12). Близкие аналоги также есть в Новгороде – из слоев конца X – третьей четверти XII в. (Седова, 1981. С. 89. Рис. 30, 5).

В числе привесок, представленных в исканской коллекции, – бубенчики, которые являлись и украшениями, и деталями костюма. Все выполнены из цветного металла и имеют различную степень сохранности. Один из них – грушевидный гладкий с крестовидной прорезью и крупным ушком (рис. 5, 2). Другой – шаровидный с линейной прорезью и рельефным пояском (рис. 5, 4). Форма третьего неопределима (сохранилось менее трети предмета – рис. 5, 3).

Грушевидные гладкие крестопорезные бубенчики были широко распространены в древнерусский период, где большинство известных находок происходит из погребений X–XI вв. ярославских и владимирских курганов (Мальм, Фехнер, 1967. Рис. 20, 8. С. 134–135). В Новгороде они найдены в слоях X – середины XII в. (Седова, 1981. С. 156). В Старой Рязани такой бубенчик найден в погребении 23 (раскоп 17), где в составе погребального инвентаря находилась монета Кнута Великого чекана между 1017 и 1023 г. (Даркевич, Борисевич, 1995. Табл. 137, 5. С. 354). Другой бубенчик, шаровидный, может датироваться в очень широких хронологических рамках – XI–XIV вв. Относится к наиболее распространенным древнерусским украшениям. Например, в «Земле вятичей» учтено 86 экземпляров подобных изделий (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 204). По Ю. М. Лесману, дата новгородских находок укладывается в период от последней четверти XI в. и до самого конца XIII в. (Лесман, 1990. С. 60–61).

Из группы привесок выделяется фрагмент широкой лунницы среднего размера (по А. В. Успенской) с полем, покрытым рельефными линиями

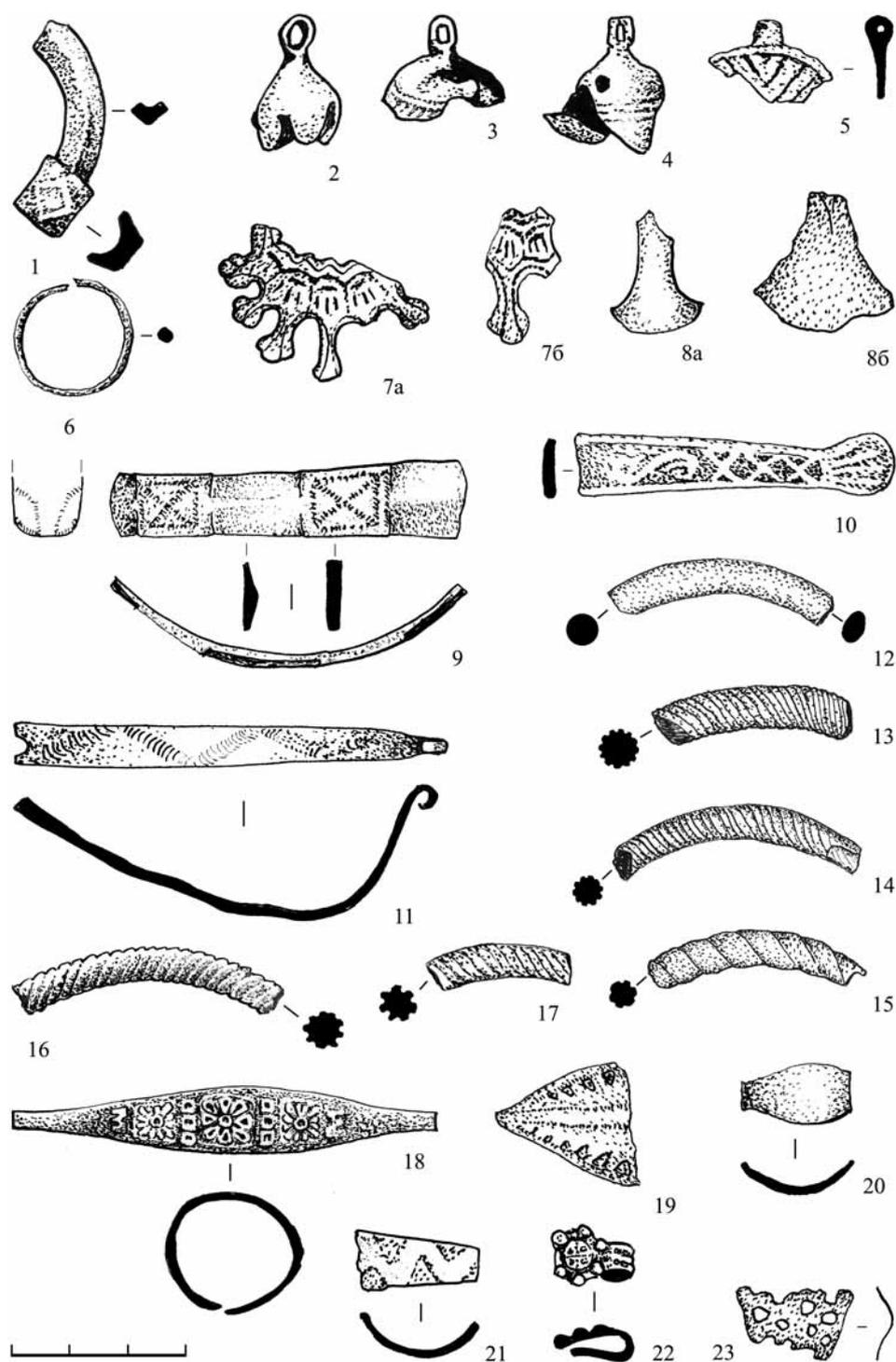

Рис. 5. Селище Исканское 1. Детали костюма и украшения

в виде треугольников, из оловянисто-свинцового сплава, которые датируются XI – серединой XII в. (рис. 5, 5; Успенская, 1967. Рис. 16, 4). Обратная сторона гладкая. Аналогичная целая лунница имеется в коллекции украшений из могильника Хотяжи в Подмосковье (Алексеев, 2004. Рис. 5, 17).

Височные кольца представлены двумя видами – проволочным и лопастными, которые могли использоваться и как серьги. Проволочное кольцо перстнеобразное разомкнутое, диаметром 2,1 см (рис. 5, 6). Относится к категории самых распространенных славянских и древнерусских височных

колец на территории Восточной Европы, в том числе и в «Земле вятичей», в IX–XIII вв. (Седова, 1981. С. 13; Изюмова, 1989. С. 210–211; Зайцева, Сарачева, 2011. С. 164, 166–167, 169 и др.).

Лопастные височные кольца представлены по типологии Т. В. Равдиной разными типами. К первому типу относятся два семилопастных кольца типа «сельцо». Одно из них практически целое, выполнено из белого металла (рис. 5, 7а); от другого, из цветного металла, сохранилась лишь лопасть с частью щитка (рис. 5, 7б). Лопастные кольца трехчастные, на щитке имеется пояс с поперечными штрихами и зубчатым краем сверху. Т. В. Равдина выделила такие кольца в тип 1 – ранних вятических лопастных колец, появившихся, по ее мнению, в середине XI в. (Равдина, 1975. С. 45–46, 68–69. Рис. 4, 1).

На карту находок таких колец, составленную А. В. Григорьевым по данным 2005 г., нанесено 24 пункта, откуда происходит не менее 64 предметов. Основное число их сосредоточено в бассейне верхнего течения р. Оки и в бассейне Москвы-реки. Исследователь считает их более характерными для вятичей второй четверти – конца XI в. (Григорьев, 2005а. С. 22–23). В результате анализа плотности распространения данных предметов по состоянию знаний на 2012 г. (42 пункта с не менее 92 находками), сделанного в программе ArcGIS 9.3.1 Desktop, А. А. Попов выделил четыре основных условных ареала: север Верхнего Поочья и Москворечье (наиболее крупный), междуречье рек Сожа и Десна, бассейн верхнего Днепра и верховья Западной Двины. По мнению исследователя, окско-москворецкий ареал четко укладывается в территориальные рамки северо-восточной части области расселения вятичей в древнерусский период (Попов, 2013. С. 23. Рис. 1, 2).

На территории Верхнего Поочья и в Подмоскovie находки таких колец, как правило, встречаются на поселениях с лепной керамикой роменского облика и раннекруговой керамикой (Нижние Прыски 2, Кривское 3, Хотяжи 2, Жданово 1 и др.). Следует указать, что в таком же сочетании они найдены и на ряде поселений в тарусском течении р. Оки – на городище Лысая Гора, селище Романовка, городище 1 в Тарусе (Фролов, Прошкин, 2011. Илл. 7, 10, 16, 17).

Фрагменты еще двух колец (рис. 5, 8), судя по форме лопастей, принадлежат украшениям разного типа. Одну из лопастей (рис. 5, 8б) можно связать с кольцом типа 5 (развитых простых) по Т. В. Равдиной (1975. С. 47–48. Рис. 4, 20, 21).

Найденные на селище браслеты сохранились фрагментарно. Три из них выполнены из цветного металла, шесть – стеклянные. Фрагмент дротового

с треугольным поперечным сечением, тупоконечного браслета с геометрическим орнаментом (рис. 5, 9) имеет единичные аналогии среди подобных, в том числе целых форм, украшений древнерусского времени из Серенска и Слободки (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 235). Часть узкопластинчатого загнутоконечного с орнаментом в виде зигзагообразной линии браслета (рис. 5, 11) схож с найденным в Новгороде (Нутный раскоп) в слое конца XI – начала XII в. (Гайдуков, 1992. С. 97. Рис. 68, 4). Фрагмент пластинчатого браслета с расширенными закругленными концами и рельефным орнаментом (рис. 5, 10) относится к типу овальноконечных по В. П. Левашевой (1967. С. 238–239). В Новгороде овальнощитковые браслеты происходят из слов XII–XIII вв. (Седова, 1981. С. 112–113).

Стеклянные украшения включают фрагменты одного гладкого и пяти крученых браслетов. Делятся по форме на три группы. В первую группу входит фрагмент гладкого черного непрозрачного браслета (рис. 5, 12). Вторая группа включает фрагмент крученого зеленого прозрачного браслета (рис. 5, 15). Третья группа – четыре фрагмента: зеленого (рис. 5, 16), лилового (рис. 5, 14), голубого (рис. 5, 13) (прозрачных) и неопределимого цвета (непрозрачного) мелкокрученых браслетов. По мнению исследователей, браслеты второй и третьей групп наиболее широко бытовали во второй половине XII – XIII в., а гладкие – до XIV в. включительно (Скрипченко, 1987. С. 70–71; Мاستыкова, 2005. С. 166–167 и др.).

На селище в числе подъемного материала имеются шесть перстней из цветного металла. Пять из них являются пластинчатыми, широкосредними. Большой интерес представляет единственный целый перстень с орнаментом в виде трех многолепестковых розеток (рис. 5, 18). По мнению исследователей, такие перстни с аналогичным построением орнамента (трех- или пятичастной) характерны для «вятической земли» XII–XIII вв. (Недошивина, 1967. С. 260–261; Равдина, 1968). Точная аналогия нашему перстню происходит из курганного могильника Салтыково (Монгайт, 1947. С. 85. Рис. 2, 6).

Остальные пластинчатые перстни представлены во фрагментах. Два из них имеют орнамент «волчий зуб» (рис. 5, 19, 21). Фрагмент перстня с продольным выпуклым (но слабовыраженным) ребром (рис. 5, 19) относится к группе украшений, более характерных для Северо-Восточной Руси и финноугров и датирующихся XI – началом XII в. (Недошивина, 1967. С. 257–258; Седова, 1997. С. 77). Известны находки таких перстней на селище Хотяжи 2,

в грунтовом могильнике Старой Рязани и других пунктах (Алексеев, 2004. Рис. 3, 6; Даркевич, Борисевич, 1995. Табл. 138, 4). Еще две находки представлены фрагментами широкосрединных гладкого (рис. 5, 20) и решетчатого (рис. 5, 23) перстней, имеющих многочисленные аналогии как на территории «Земли вятичей», так и за ее пределами.

К другому типу относится фрагмент щитково-срединного, с узкопластинчатой дужкой, перстня (рис. 5, 22). На круглом щитке композиция из шести выпуклых полушариев и креста в круг. По стилистике изображения он близок перстню с круглым щитком из Новгорода из слоя первой половины XIV в. (Седова, 1981. Рис. 50, 5). Близкие аналогии, но более раннего времени (вторая половина XI – XII в.) имеются на селище Жданово 1 и на городище Старая Рязань (Гоняный, 1999. Рис. 7, 6; Даркевич, Борисевич, 1995. Табл. 6, 2).

Довольно многочисленна по числу находок группа *предметов быта* (12 экз.) из железа – части замков, ключ, ножи и камня – пряслица из пиррофиллитового сланца (шифера). Замки представлены корпусом навесного пружинного замка типа Д и дужкой навесного замка типа Г или Д (рис. 6, 1, 2). Обе находки, по типологии Б. А. Колчина, а также по ряду других аналогий, укладываются в рамки конца XIII–XV в. (Колчин, 1959. С. 82–84). К навесному пружинному замку типа В (вариант 2) относится ключ с орнаментацией в виде насечек (рис. 6, 3). Орнаментированные ключи этого типа найдены на Нутном раскопе в Новгороде (ярус 8/7–1364–1377 гг. и ярус 9/8–1356–1364 гг. – Гайдюков, 1992. С. 93. Рис. 59, 10, 11).

Все найденные ножи черешковые (рис. 6, 7–10), они характерны для довольно широкого хронологического периода, в том числе и древнерусского. Шиферные пряслица в разрезе имеют битрапецеоидную форму и диаметр внутреннего канала 6–7 мм (рис. 6, 4–6). Бытование шиферных пряслиц на Руси длилось с X по XIV в. (Розенфельдт, 1964).

Неотъемлемой принадлежностью быта является круговая глиняная посуда. На селище собрана небольшая коллекция фрагментов древнерусских сосудов (114 экз.). В основном это обломки серо-, коричнево- и красно-глиняных горшков с орнаментом в виде волны, прямых линий и штампа (рис. 7). Венчики круговых сосудов по их морфологическим признакам на основании имеющихся аналогий также укладываются в хронологические рамки периода Древней Руси. К наиболее ранним формам следует отнести фрагмент манжетовидного венчика (рис. 7, 4). В Новгороде они встречены в слоях последней четверти X – начала XII в. (Олейников, Смирнова.

1992. Рис. 10, подтип 55). В Суздале это тип IV круговой керамики из напластований XI в. (Латишин, 1992. С. 96. Рис. 1). Аналогичные манжетовидные венчики на поселениях поречья Сулы хронологически маркируют первый период создания посульской границы в последней четверти X – начале XI в. (Морзунов, 1998. С. 38, 40. Рис. 8).

На основании анализа имеющихся материалов можно пока лишь предположительно отнести появление этого поселения к XI столетию. Наибольшее же число находок датируется в пределах XII–XIII вв. и свидетельствует о его не совсем обычном социально-экономическом статусе, что также отчасти подтверждается и достаточно большими размерами поселения в древнерусский период (около 2 га).

В сложившейся в XI–XIII вв. поселенческой системе на данном участке тарусско-серпуховского течения р. Оки селище занимает промежуточное положение между двумя крупными древнерусскими населенными пунктами, о которых имеются упоминания в письменных источниках, – Лобынском и Тарусой (рис. 1). Местом летописного Лобынска считается крупное (около 5 га) селище в с. Дракино в устье р. Протвы. Культурный слой достигает здесь мощности 0,5 м и содержит фрагменты лепных сосудов роменского типа и раннекруговых сосудов, как указывала Т. Н. Никольская, близких «по своему облику к посуде гнездовского поселения X – нач. XI в.», а также круговых древнерусских сосудов XII–XIII вв. (Никольская, 1975. С. 27). Лобынск упоминается в Ипатьевской летописи под 1146 и 1147 гг. «на оусть Поротве» («Ипатьевская летопись», 1962. Стб. 339), в летописи по Воскресенскому списку под 1146 г. «на усть Поротвы» («Летопись по Воскресенскому списку», 1856. С. 38) и в др. источниках.

Первое упоминание о Тарусе относится к 1245 г. и связано с именем сына Михаила Черниговского, князя Юрия – «четвертой сынъ Юрій Брянской и Торуской» («Ермолинский летописец», 1910. С. 81). Местом древнерусского города являются городище 1 (площадь около 1 га) и примыкающее к нему селище-посад (площадь не менее 10 га), расположенные в северной части города, на правом берегу р. Тарусы. На городище выявлен культурный слой мощностью до 120 см, содержащий многочисленные материалы славянского и древнерусского периодов (Фролов, Прошкин, 2011).

В ближайшей округе Исканского, в долине р. Оки и на ее притоках, известно 17 синхронных по времени памятников – городищ, селищ и отдельных местонахождений (рис. 1). Семь из них содержат материалы, позволяющие связать появление этих поселений с поздним этапом славянского освое-

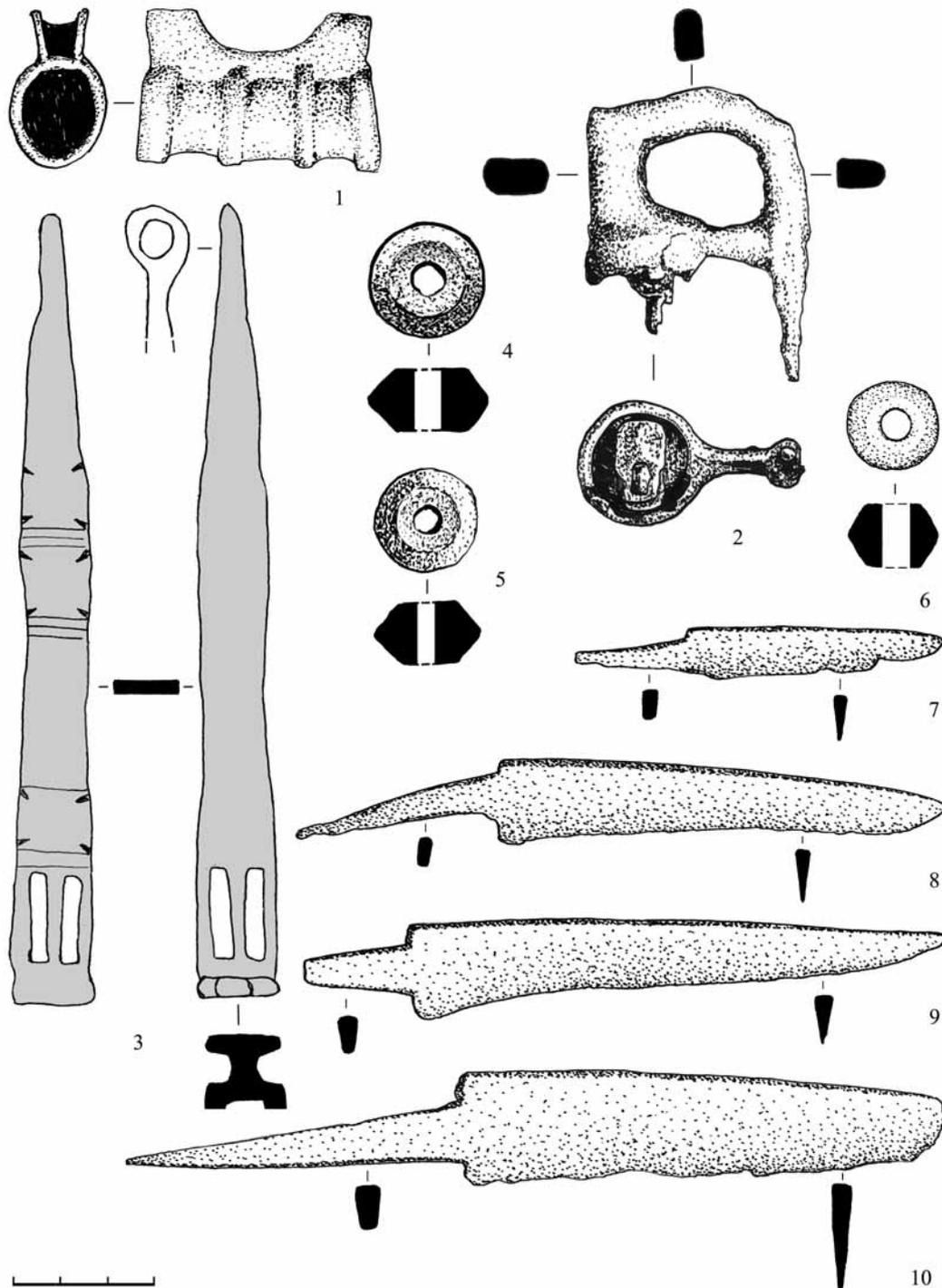

Рис. 6. Селище Исканское 1. Предметы быта

ния территории Верхнего Поочья: височные кольца (серьги) типа «сельцо» и раннекруговая керамика, а также присутствие в небольшом количестве фрагментов лепных роменских сосудов (городища Таруса 1 и Велегож, селища Романовка, Таруса «Комсомольское», Таруса 2, Протвино, Дракино).

Более 100 лет многие историки и археологи в своих интерпретациях границ Смоленского княжества в XII–XIII вв. локализовали погост (волость) Искон на одноименной реке (левый приток р. Москвы) в пределах современного Можайского района Московской области (Кучкин, 1984. С. 83 и др.).

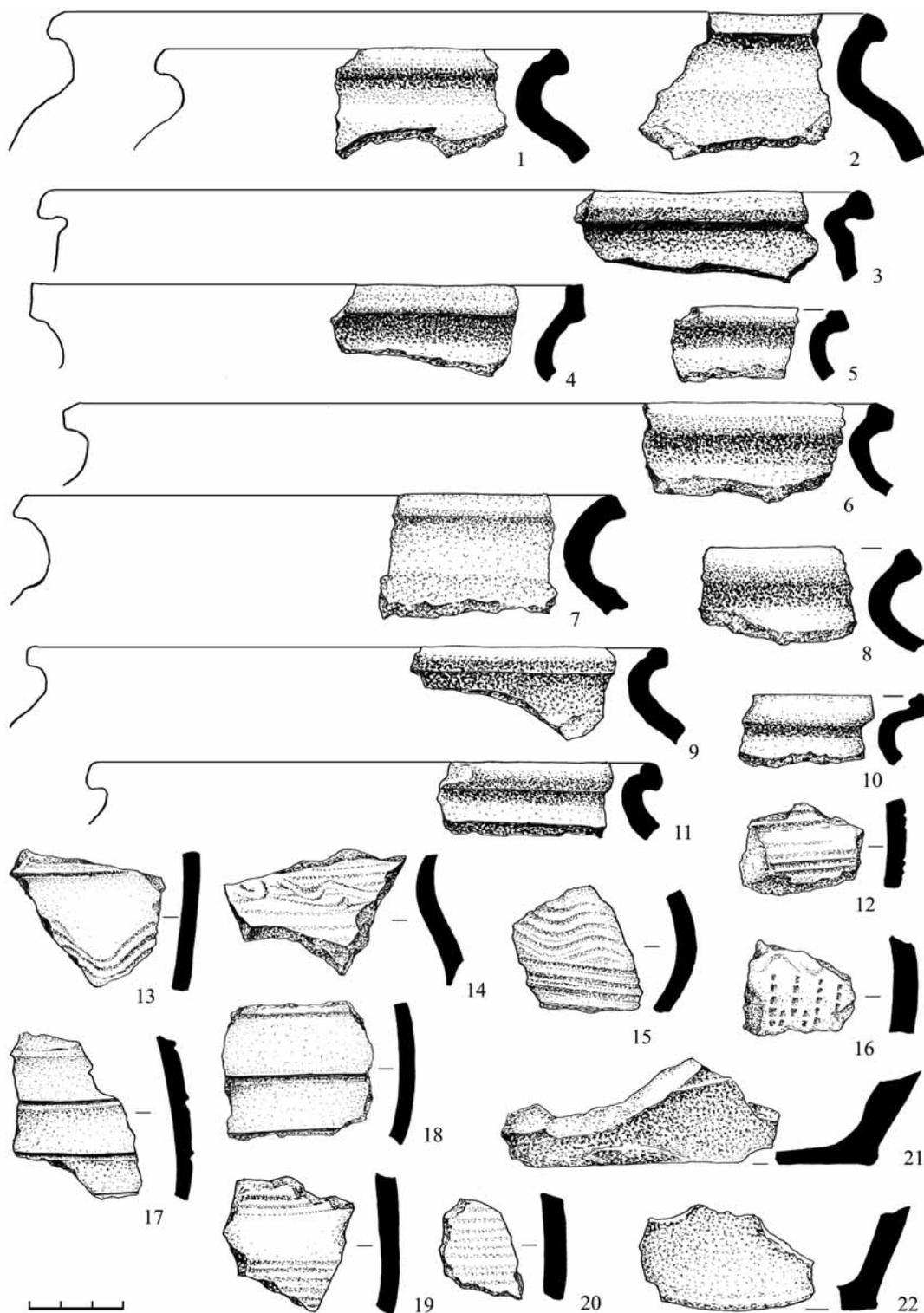

Рис. 7. Селище Исканское 1. Фрагменты круговых сосудов

Однако, как показали неоднократные археологические обследования долины р. Исконы, на ее берегах не зафиксировано ни одного сколько-нибудь заметного памятника археологии времен Древней Руси, кото-

рый можно было бы сопоставить с крупным населенным пунктом того времени (АКР, 1995. С. 79–96).

Видимо, главенствующую роль здесь сыграло полное сходство названий: Искона из Уставной

грамоты Ростислава Смоленского и гидронима Искона.

Заметим, что в монографическом исследовании древнерусского Можайска и его округа Б. Ю. Янишевским локализованы все центры волостей относительно современных населенных пунктов. Безоговорочно размещая волость Искона в долине р. Искона, он все же отмечает, что «... в верховьях р. Исконы до сих пор не найдены археологические памятники старше 16 в.» (Янишевский, 2010. С. 88). Лишь о волости Искона довольно расплывчато сказано: «... только группа памятников в устье Исконы может претендовать на то, чтобы составить ядро волости» (Янишевский, 2010. С. 88). В то же время селища и курганные могильники XII–XIII вв. вблизи устья р. Исконы, несомненно, тяготеют к долине р. Москвы (АКР, 1995).

Исследователем Уставной грамоты князя Ростислава Л. В. Алексеевым отмечалось, что «Княжеские земли чересполосно располагались среди местных феодалов, что и отразилось в Уставе Ростислава» (Алексеев, 1976. С. 54). Он же наряду с некоторыми исследователями проводит северо-восточную границу Смоленского княжества в бассейне среднего течения р. Протвы (Алексеев, 1976. С. 55).

Трансформация топонима Искона (XII в.) в Искань/Ыскань (XV в.), а затем в Исканское (не позднее XVIII в.), по устному замечанию академика

А. А. Зализняка, вполне характерно для изменения грамматических норм в древнерусском языке.

В письменных источниках, в которых упоминается Искона, отмечается определенная закономерность. Все или почти все населенные пункты и реки, встречаемые в контексте с Исконой/Исканью, находятся в пределах одного региона: реки Протва и Ока. Это помимо Бениц Боровск, Городец, Серпухов, Хатунь, Алексин. В своей Духовной грамоте (1504) Иван III отписал сыну Василию «... город Серпухов, да Хотунь, и с волостями, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, город Торусу з Городцом и с Ысканью, и с Мышегою... с волостями, и з селы и со всеми пошлинами, со всемь, что к нему потягло» (ДДГ. № 89. С. 354–355). Подобные формулировки, как правило, подразумевают несомненную территориальную близость указанных населенных пунктов.

Площадь поселения у с. Исканское, мощность культурных напластований, обилие и характер находок говорят о его достаточно высоком социально-экономическом положении и позволяют нам, пока еще предположительно, локализовать на этом месте древнюю Искону из Уставной грамоты Ростислава Смоленского. Мы надеемся, что публикуемые материалы поселения Исканское послужат новым толчком к более углубленному изучению предложенной гипотезы.

Литература

Алексеев Л. В., 1976. Домен Ростислава Велико-го // Древняя Русь. М.

Алексеев Л. В., 1980. Смоленская земля IX–XIII вв. М.

Алексеев Л. В., 2002. Древний Друцк (письменные источники, топография, время возникновения). К празднованию тысячелетия Друцка 1001–2001 гг. // РА. № 1.

Алексеев А. В., 2004. Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи // АП. М.

АКР. Московская область. Ч. 2. М., 1995.

АКР. Калужская область. М., 2006.

Булычев Н. И., 1913. Раскопки по среднему течению р. Угры. М.

Винников А. З., 1995. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). Воронеж.

Гайдуков П. Г., 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.

Гоняный М. И., 1999. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмоскowie // Тр. ГИМ. Вып. 111.

Григорьев А. В., 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула.

Григорьев А. В., 2005а. Об этнической принадлежности височных колец «Деснинского типа» // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Матер. XI Всерос. науч. конфер. 5–7 апреля 2005, г. Калуга.

Даркевич В. П., Борисевич Г. А., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.

Двуреченский О. В., 2004. Средства и приемыковки лошадей в Москве и Московской земле (в XIII–XIX вв.) // АП. М.

ДДГ. М.–Л., 1950.

Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв., 1976. М.

Ермолинский летописец. М., 1910. (ПСРЛ. Т. XXIII).

Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г., 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI – XIII в. М.

- Изюмова С. А.*, 1989. Супрутский денежно-вещевой клад//История и культура древнерусского города. М.
- Ипатьевская летопись*. М., 1962. (ПСРЛ. Т. 2).
- Кирпичников А. Н.*, 1966. Древнерусское оружие. Выпуск второй. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв.//САИ. Вып. Е1–36.
- Кирпичников А. Н.*, 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв.//САИ. Вып. Е1–36. М.
- Коваль В. Ю.*, 2004. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии//АП. М.
- Колчин Б. А.*, 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого//МИА. № 65.
- Кучкин В. А.*, 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.
- Латишин В. А.*, 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля//Древнерусская керамика. М.
- Левашева В. П.*, 1967. Браслеты//Тр. ГИМ. Вып. 43.
- Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. (ПСРЛ. Т. 7. VII).
- Лесман Ю. М.*, 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.)//Материалы по археологии Новгорода. М.
- Максимов Е. В.*, *Петрашенко В. А.*, 1988. Славянские памятники у с. Монастырек на среднем Днепре. Киев.
- Мальм В. А.*, *Фехнер М. В.*, 1967. Привески-бубенчики//Тр. ГИМ. Вып. 43.
- Мастыкова А. В.*, 2005. Стекланные изделия из раскопок в Козельске//Древний Козельск и его округа. М.
- Медведев А. Ф.*, 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII–XIV вв.//САИ. Вып. Е1–36. М.
- Монгайт А. Л.*, 1947. Салтыковские курганы//МИА. № 7. М.–Л.
- Моргунов Ю. Ю.*, 1998. Посульская граница: этапы формирования и развития. Курск.
- Мурашева В. В.*, 2000. Древнерусские ременные наборные украшения. (X–XIII вв.). М.
- Недошивина Н. Г.*, 1967. Перстни//Тр. ГИМ. Вып. 43.
- Никольская Т. Н.*, 1975. Отчет о работе Верхнеокской экспедиции в 1975 году//Архив ИА РАН. Р-1. № 5661.
- Олейников О. М.*, *Смирнова Г. П.*, 1992. Хронология некоторых типов новгородской керамики X–XIII вв.//Древнерусская керамика. М.
- Попов А. А.*, 2013. Анализ плотности распространения височных колец типа «Сельцо» в ArcGIS 9.3.1 Desktop//Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Матер. XV Всерос. науч. конфер. Калуга.
- Равдина Т. В.*, 1968. Древнерусские литые перстни с геометрическим орнаментом//Славяне и Русь. М.
- Равдина Т. В.*, 1975. Хронология «вятических» древностей. Дисс. ... канд. истор. наук. М.
- Равдина Т. В.*, 1988. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. М.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1964. О производстве и датировке овручских пряслиц//СА. № 4.
- Руденко К. А.*, 2001. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Казань.
- Седов В. В.*, 1975. Смоленская земля//Древнерусские княжества X–XIII вв. М.
- Седова М. В.*, 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Седова М. В.*, 1997. Украшения из меди и сплавов//Древняя Русь. Быт и культура. М.
- Скрипченко Т. С.*, 1987. Обмен и местное производство в средневековых городах Белоруссии (по материалам стекланных браслетов)//Тр. V Междунар. конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 16. М.
- Успенская А. В.*, 1967. Нагрудные и поясные привески//Тр. ГИМ. Вып. 43.
- Фролов А. С.*, *Прошкин О. Л.*, 2011. Таруса в X–XIV веках (по данным археологии). Калуга.

O. L. Proshkin & A. S. Frolov

The settlement at Iskanskoe village (concerning the issue of establishing the location of the Old Russian settlement of Iskona)

Summary

This article presents information about the extensive Old Russian settlement near the village of Iskanskoe (in the Tarussky District of Kaluga Region). The data enables the authors to surmise that this settlement was the centre of the Smolensk-

region town of Iskona. All previous research work had placed the location of Iskona in the Iskona River Valley (a tributary of the Upper-Left section of the Moskva River) – although no Old Russian settlement has been found there.

Е. К. Столярова, А. В. Энговатова

Находки витражных стекол из Ярославля

В ходе археологических исследований, проводимых Отделом охранных раскопок Института археологии РАН (2004–2013 гг.)¹ на территории кремля (Стрелка, Рубленный город) г. Ярославля в слоях первой половины XIII в. были обнаружены три витражных стекла (рис. 1; 2). Во всех трех случаях они найдены целыми. Одно из них прямоугольное, два других имеют форму сектора с вогнутыми сторонами. Края витражей обработаны ретушью. Толщина стекол составляет 0,35 см. Высота прямоугольного стекла – 3–3,4 см, ширина – 4,2–4,3 см. Диаметр круга, частью которого являются стекла в форме сектора, – 27 см. Изготовлены витражи из стекла желто-зеленого цвета и расписаны темно-коричневой краской, по-видимому, шварцлотом².

Прямоугольный витраж был обнаружен в 2005 г. в юго-восточной части кремля, где во второй половине XVII в. был построен Успенский собор (рис. 3). Здесь витражное стекло было найдено в заглубленной постройке (№ 9)³, представлявшей собой подклет или отдельно стоящее сооружение, о хозяйственном назначении которой свидетельствуют находки двух жерновов, железного ключа и железного цилиндрического замка со сломанным ключом, шиферного пряслица, а также большого количества сгоревшего зерна (рожь, овес, пшеница, ячмень) (рис. 4) (Осипов и др., 2006а. С. 198; Энговатова и др., 2009. С. 68, 69). Керамическая коллекция, полученная при разборке данного комплекса, представлена главным образом древнерусской круговой керамикой начала XIII в. (93%), а набор ве-

щей в целом датируется в пределах домонгольского периода. Постройка погибла от пожара, после чего она была использована в качестве места для коллективного захоронения (97 человек), явившегося результатом трагических событий февраля 1238 г., когда Ярославль захватили монголы. При разборе костяков были найдены бронзовые перстнеобразные проволочные височные кольца, железное кресало и пряжка, каменный четырехконечный крестельник, желтые и коричневые стеклянные бусы, три обломка стеклянных браслетов. При разборке грунта, которым в мае – начале июня 1238 г. были засыпаны погребенные, и был обнаружен фрагмент витражного стекла (рис. 5, 6) (Осипов и др., 2006а. С. 201; Энговатова и др., 2009. С. 68–69, 71. Рис. 3, 1). Это говорит о том, что витраж мог попасть в культурный слой в 1238 г. или раньше. Кроме него в составе засыпки найдены обломки амфоры, железный широколезвийный рабочий топор, железный ключ и фрагменты железного замка, часть железной конской упряжи, костяная шахматная фигурка, обломок стеклянного браслета, бронзовые височные кольца, бракованные фигурные керамические плитки без поливы для наборных полов.

Два других витражных стекла в форме сектора были найдены в 2008 г. в западной, наиболее древней части кремля (рис. 3). В XI в. здесь располагались вал с внутривальными деревянными конструкциями и ров. В конце XII в. ров потерял свое оборонительное значение, и его территорию начали использовать для жилой застройки. Витражные стекла были найдены в слое, в котором

¹ Руководитель работ – А. В. Энговатова.

² Шварцлот (от нем. Schwartzloth) – коричневая краска из легкоплавкого свинцовосодержащего стекла, окрашенная оксидами железа и меди.

³ Руководство полевыми работами осуществлял Д. О. Осипов.

преобладала (97,7%) древнерусская керамика начала XIII в. (Энговатова, 2009. С. 240).

На прямоугольном витраже помещено выполненное в технике негативной росписи⁴ изображение равноконечного креста с круглым средокрестием и круглыми завершениями ветвей, между которыми наклонно размещены четыре овала с заостренными концами (стилизованные листья?). Вдоль двух коротких сторон прямоугольника размещены линии, имевшие, вероятно, продолжение на соседних витражных стеклах и образовывавшие рамку. На двух других ярославских витражных стеклах в центре помещены выполненные темно-коричневой краской ряды параллельных линий, а края отделаны такого же цвета бордюрами из растительных элементов.

Характер изображений на стеклах, а также наличие рамки на прямоугольном стекле позволяет предположить, что все три витражных стекла, возможно, предназначались для орнаментальных обрамлений каких-то изображений прямоугольной и круглой формы соответственно (рис. 7). Однако на витражных стеклах отсутствуют следы крепления в свинцовый переплет. Этот факт в совокупности с их полной сохранностью указывает, на наш взгляд, на то, что витражные стекла не были использованы по своему прямому назначению. В противном случае стекла, входившие в состав витража и имевшие следы переплета, могли бы попасть в культурный слой, только если он был поврежден или разбит. Вероятно, найденные в Ярославле стекла были запасными или, может быть, оказались лишними при сборке витражей в определенные оконные проемы, имевшие меньшие размеры или иные формы, чем предполагали изготовители витражных композиций.

Присутствие витражных стекол в домонгольских городских слоях необычно, если принять во внимание, что с середины прошлого века в отечественной историографии была принята точка зрения о том, что окна древнерусских храмов не украшались витражами. Основой этого положения, несомненно, является отсутствие витражных композиций в сохранившихся до наших дней культовых сооружениях того периода. Причинами, препятствовавшими развитию этого вида искусства на Руси, А. В. Арциховский называл внутреннее церковное пространство, не нуждавшееся в цветных окнах с фигуративной росписью, которые уменьшали бы выразительную силу настенной живописи. По его мнению, свет, проходящий

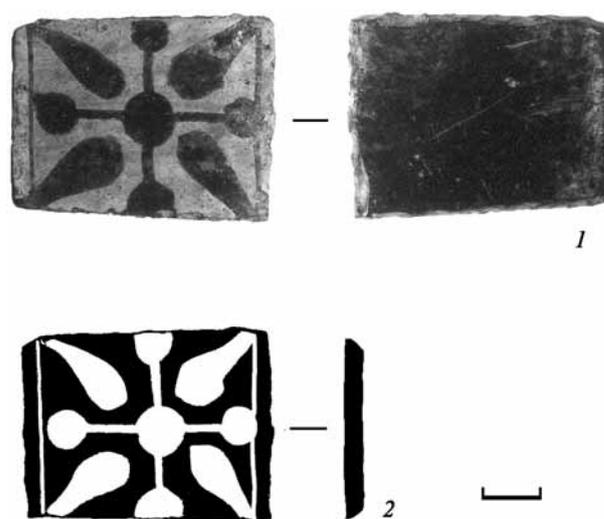

Рис. 1. Прямоугольное витражное стекло из Ярославля (см. цв. вкл.)

через цветные окна, мешал бы восприятию фресок, украшавших стены храмов. А. В. Арциховский указывал, что узкие окна древнерусских церквей в витражных стеклах не нуждались, этого не требовал и художественный стиль (Арциховский, 1958. С. 231). Не повлияло на это мнение и известное исследователю сведение Ипатьевской летописи об украшенных витражами трех окнах в церкви Иоанна Златоуста, построенной Даниилом Галицким в 1259 г. в г. Холме (ныне г. Хелм, Польша) (Арциховский, 1958. С. 231). Этот факт применения витражных стекол в храме отдаленного западного города рассматривался как нехарактерный для основной территории Древней Руси.

Следует учесть и редкость известных в то время находок витражных стекол в древнерусских городских слоях. К 1958 г., времени публикации статьи, А. В. Арциховскому была известна всего одна находка витражного стекла. Оно имело почти квадратную форму (ширина – 2,5 см, высота – 2,8 см) и толщину 0,45 см. На стекло в технике негативной росписи нанесено изображение четырехлепестковой розетки синего цвета на черном фоне (Арциховский, 1958. Рис. 2, 2). Оно происходило из новгородских слоев середины XIV в. (раскопки 1957 г.). Но его А. В. Арциховский считал принадлежностью не культовой постройки, а боярского дома (Арциховский, 1958. С. 231).

Изучение вопроса показало, что кроме Новгорода витражные стекла были найдены еще в нескольких городах Древней Руси. Например,

⁴ Негативная роспись – это силуэтное изображение на фоне, покрытом краской.

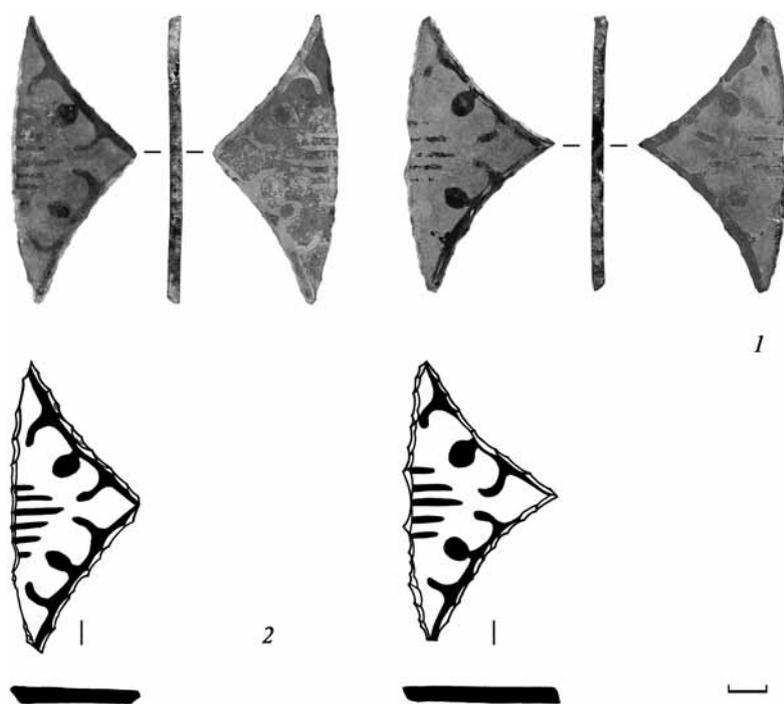

Рис. 2. Витражные стекла в форме сектора с вогнутыми сторонами из Ярославля

в 1937 г. в ходе раскопок Н. Н. Ворониным фундаментов ворот Владимирского детинца, построенных вместе с надвратной церковью Иоакима и Анны в конце XII в., был найден фрагмент витражного стекла (сведения о нем впервые опубликованы в 2004 г.) (Родина, 2004. С. 129. Рис. 80, 2; Лядова, 2005. С. 150. Рис. 1, 3). На стекло⁵ толщиной 0,3 см в технике негативной росписи серой краской нанесено изображение четырехконечного креста с круглым средокрестием и круглыми же завершениями ветвей, между которыми помещены четырехконечные розетки⁶. Сохранившиеся края обработаны ретушью. Химический состав витража исследовали дважды: в Лаборатории методов физического анализа Государственного Эрмитажа (аналитики В. А. Галибин и М. Б. Днепровская) (Родина, 2004. С. 147. Прил. 2. № 12: 20; Лядова, 2005. С. 151. № 12: 20) и в Лаборатории спектрального анализа кафедры археологии МГУ (аналитик И. И. Кондратьев) (Родина, 2004. С. 147. Прил. 2. № 613: 15). Результаты оказались диаметрально противоположными. В первом случае стекло следует отнести к классу натриево-кальциевых стекол ($\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$), сваренных на золе растений

пустынной зоны (галофитов), во втором – к классу калиево-кальциевых ($\text{K}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$), сваренных на золе растений умеренной зоны.

В те же годы (1937–1938 гг.) при раскопках З. Дурчевским Нижней церкви XII в. в Гродно были найдены четыре фрагмента витражных стекол (Лавыш, 2008. С. 70. Рис. 93, 95). Прорисовка одного из них была опубликована Ф. Д. Гуревич (1951. С. 91. Рис. 8, 7) без указаний, что этот предмет представляет собой часть витража (остальные опубликованы только в 2008 г.). Стекла имеют желто-зеленый цвет⁷ и роспись серой краской в виде кругов, точек, линий и завитков. У трех фрагментов силуэты серого цвета расположены на желто-зеленом фоне, четвертый выполнен в технике негативной росписи.

В 1951 г. при исследованиях на Подоле древнего Галича, в урочище Церковиска был обнаружен набор фрагментов цветных витражных стекол с росписью. Находки были сделаны в заполнении постройки вместе с бытовыми вещами XII в. и атрибутированы как украшение окон жилого, предположительно боярского, дома. Стекла имели растительный декор, выполненный росписью в желтых,

⁵ В монографии М. Е. Родиной указан желтый цвет витража (2004. С. 129), в статье А. В. Лядовой – оливковый (2005. С. 151).

⁶ Похожее изображение креста присутствует на ярославском прямоугольном витражном стекле (см. выше).

⁷ Такой же желто-зеленый цвет имеют витражные стекла из Ярославля (см. выше).

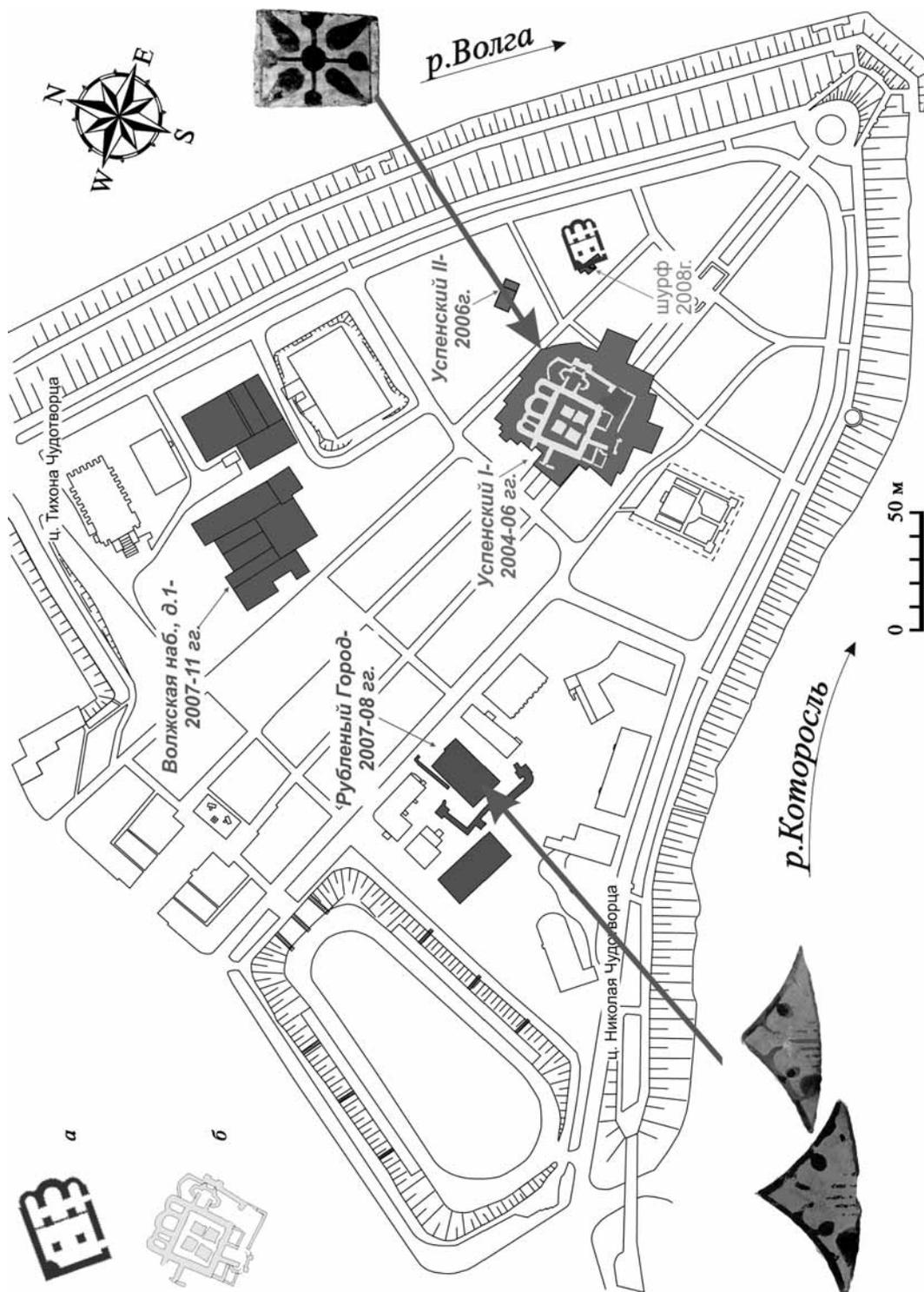

Рис. 3. Схема кремля г. Ярославля с раскопами ИА РАН (2004–2011 гг.) и местами находок витражных стекол. а – предполагаемое местоположение Успенского собора XVI в.; б – фундаменты Успенского собора XVII в.

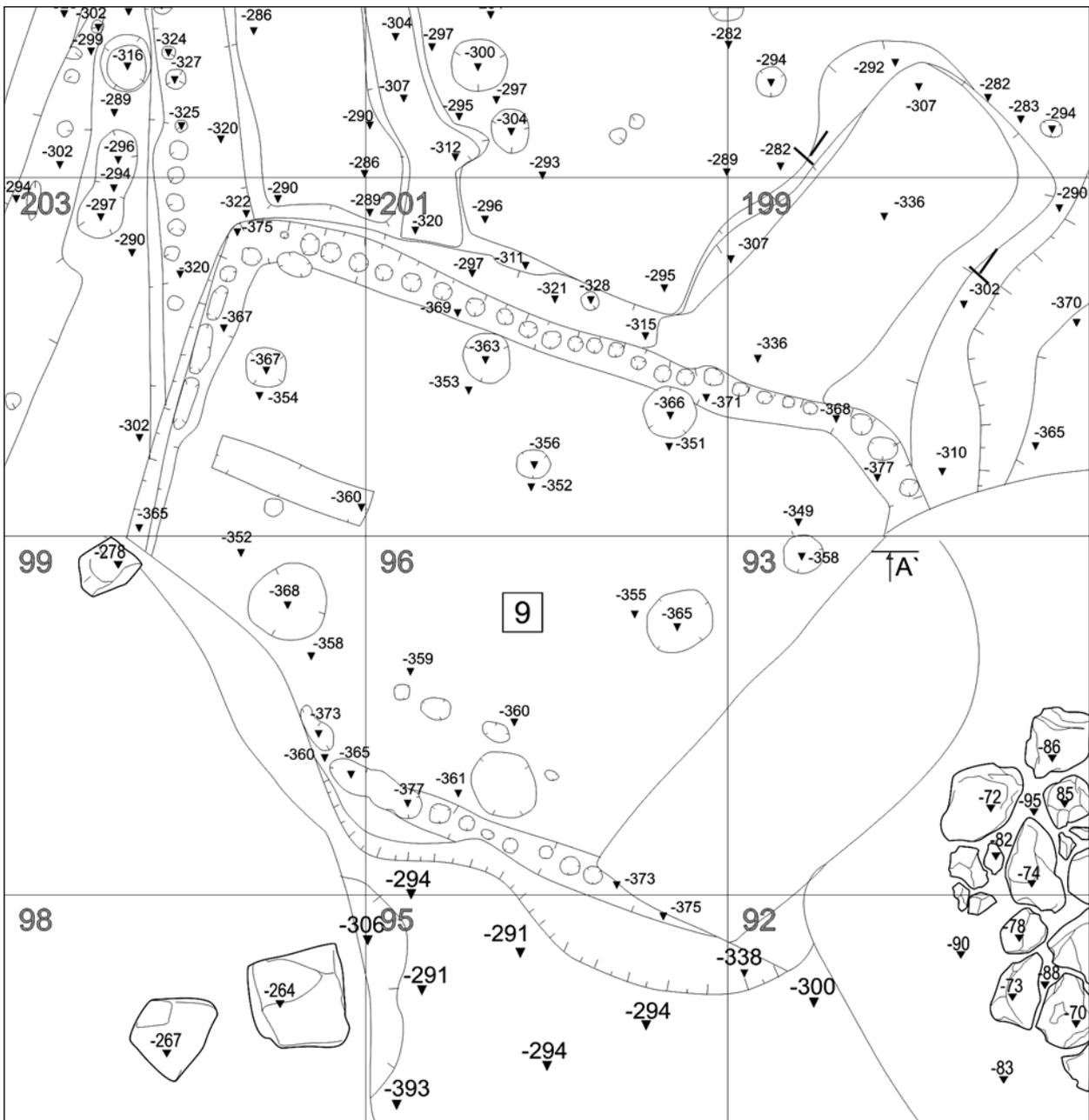

Рис. 4. Постройка 9. План на уровне материка (по: Осипов и др., 2006б. Рис. 320)

зеленых и коричневых тонах (Гончаров, 1955. С. 25, 29). Заметим, однако, что на территории галичского Подола известны остатки двух каменных церквей, одна из которых, церковь Благовещения, находилась в том же урочище (Гончаров, 1955. С. 24).

Тогда же, в 1951 г., при раскопках В. А. Богусевичем стеклоделательной мастерской XI в. на территории Киево-Печерской лавры в Киеве был обнаружен фрагмент плоского фиолетового стекла. Он до сих пор не опубликован, хотя результаты

анализа его химического состава были представлены М. А. Безбородовым в специальной работе, посвященной стеклоделию Древней Руси (1956. С. 227–228. Табл. 29. № 138). Стекло относится к натриево-кальциевому химическому классу ($\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$) и изготовлено на золе растений пустынной зоны (галофитов).

В 1949–1954 гг. в ходе работ Н. В. Холостенко по исследованию Успенского собора (конец XI – начало XII в.) Елецкого монастыря в Чернигове

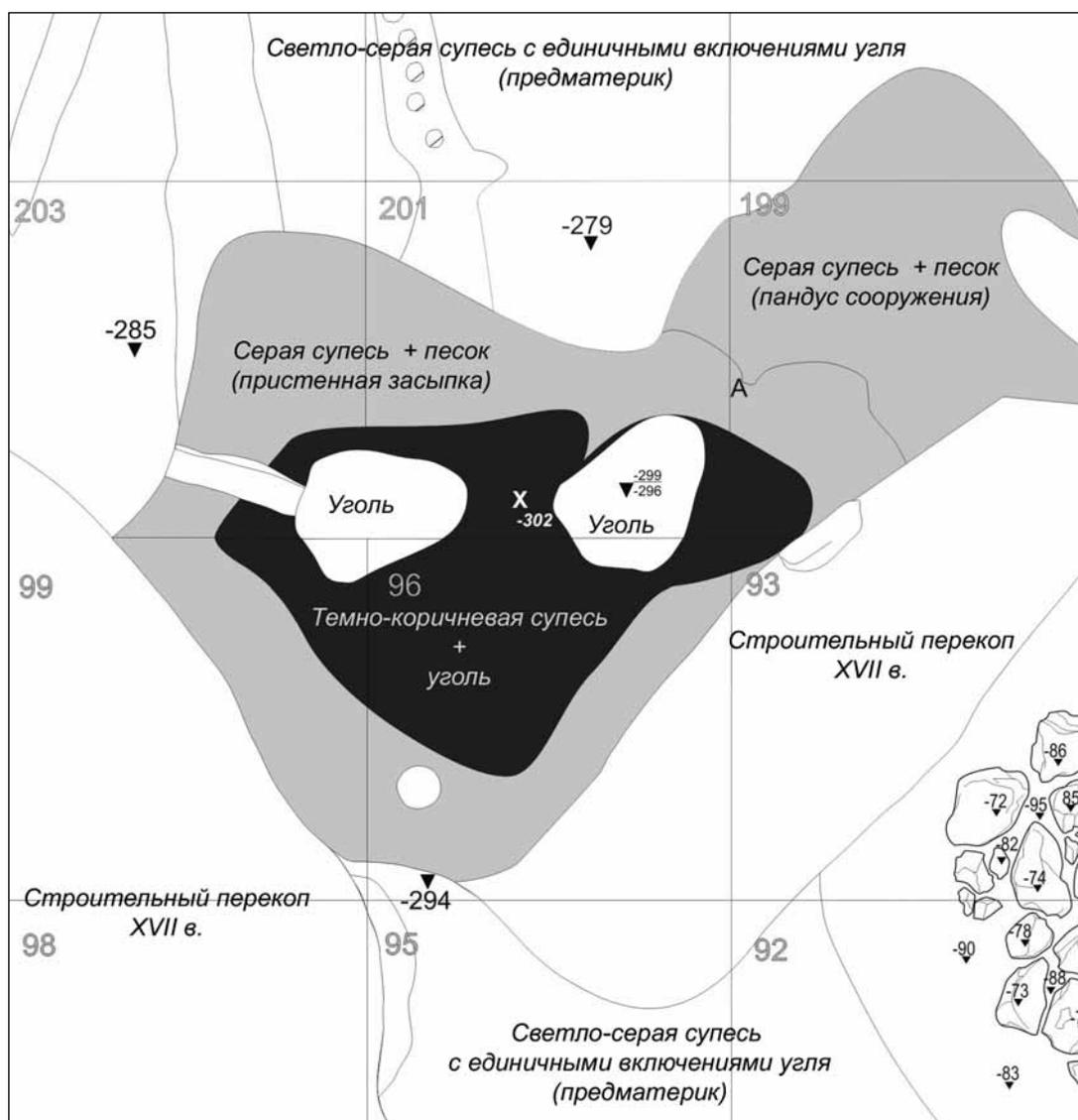

Рис. 5. Постройка 9. План на уровне предматерика (по: Осипов и др., 2006б. Рис. 284)

× – место находки прямоугольного витража (№ 1445, глубина -302)

в подкупольном пространстве храма, под остатками амвона XVII в., на уровне древнего (домонгольского) пола было обнаружено большое количество фрагментов витражного стекла (95 цветных кусков и 0,5 кг мелких фрагментов, утративших прозрачность) (Холостенко, 1961. С. 57; 1963. С. 36, 37). Там же были найдены фрагменты рамок из меди и кусочки сплавившегося свинца. Большинство найденных витражей имели круглую форму, остальные, меньшие по размеру, – прямоугольную, квадратную, треугольную, ромбическую, шестиугольную, сегментную и др. Часть находок выполнена из бледно окрашенного стекла желтоватого, розоватого и голубовато-зеленого цветов, а часть – из стекла, интенсивно окрашенного

в желтый, бутылочно-зеленый, синий, голубой, розовый, лиловый и красно-коричневый цвета. Н.В. Холостенко выделял два типа витражей. К первому относятся стекла круглой и других геометрических форм (треугольные, прямоугольные, шестиугольные, сегментные и др.) из интенсивно окрашенного стекла с крупной росписью в виде черных силуэтов на цветном фоне или цветных изображений на черном фоне (рис. 8, 9) (Холостенко, 1963. Табл. II). Второй тип – это витражи с изящно выполненными силуэтными растительными мотивами на черном фоне с тонкой проработкой рисунка и фонов, рассчитанные на близкое обозрение (рис. 10). Для сохранения впечатления прозрачности витража и выявления цвета стекла

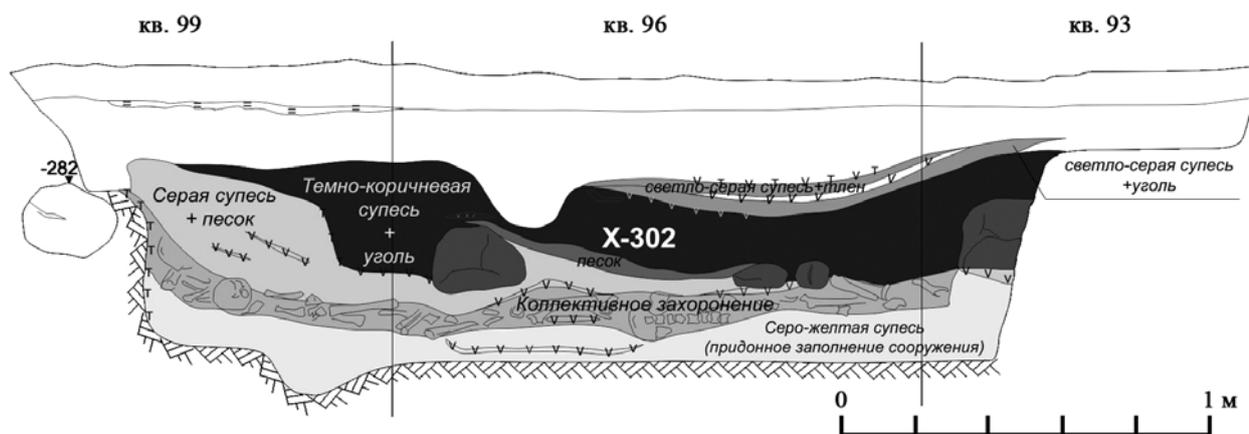

Рис. 6. Постройка 9. Северо-западный профиль (по: Осипов и др., 2006в. Рис. 581)

× – место находки прямоугольного витража (№ 1445, глубина -302)

черный фон покрыт гравированным мелким узором в виде S-видных элементов и тонкой диагональной штриховкой (Холостенко, 1963. Табл. I). Стекла первого типа найдены в слое ниже амвона XVII в. Их форма – круглая с дополнительными вставками – является обычной для древнерусских оконниц. Эти стекла, вероятно, заполняли окна барабана главы. Второй тип стекол найден в узкой горелой полосе на месте древней алтарной преграды, что позволило автору предположить, что их использовали для ее украшения. Схожий способ украшения алтарной преграды стеклом был выявлен при раскопках Нижней церкви в Гродно (раскопки И. Иодковского в 1932–1933 гг., З. Дурчевского в 1937–1938 гг.) (Воронин, 1954. С. 114–119). Найденные там небольшие плоско-выпуклые вставки круглой, овальной, прямоугольной и ромбической форм из непрозрачного стекла обрамлялись в медные обоймицы и вместе с гравированными медными пластинами крепились на алтарную преграду.

Три обломка витражных стекол были найдены в Полоцке. Два из них – треугольной и пятиугольной формы синего цвета без росписи – происходят из раскопок М. К. Каргера 1967 г. на Верхнем замке, открывших к северу от Софийского собора, на княжьем дворе руины храма XII в. (Каргер, 1972. С. 203; Лавыш, 2008. С. 70. Рис. 96). Третий фрагмент с нанесенными коричневой краской изогнутыми линиями и завитками на фоне желто-зеленого стекла⁸ был обнаружен в ходе работ Г. В. Штыхова в 1975–1980 гг. В соответствии с результатами анализа витраж изготовлен из калиево-кальциевого

стекла (класс $K_2O-CaO-SiO_2$), сваренного на золе растений умеренной зоны (Лавыш, в печати. Рис. 17. Прил. Анализ № 1).

В 1990-е годы увеличилось число владимирских находок. Раскопки М. Е. Родиной 1993 г. в Мономаховом городе на территории княжеского двора Всеволода дали девять экземпляров витражных стекол (Родина, 2004. С. 129–130. Рис. 80, 1; Лядова, 2005. С. 149. Рис. 1, 1, 2). Семь из них (три бесцветных, два желтых, один синий, у одного цвет не установлен), толщиной 0,35–0,45 см, имеют роспись серой краской. Два других стекла – зеленого цвета, более тонкие, толщиной 0,2–0,25 см, одно из которых украшено нанесенным такой же серой краской бордюром из кругов, обрамленных линиями. Проведенный для них анализ химического состава показал высокую концентрацию оксида свинца (42 и 55%), но при этом содержание щелочных и щелочноземельных компонентов очень низко (Родина, 2004. С. 147. Прил. 2. № 12: 18, 19; Лядова, 2005. С. 151. № 12: 18, 19). Возможно, эти витражи можно условно отнести к химическому классу бесщелочных свинцовых стекол ($PbO-SiO_2$). Сохранившиеся края у всех витражей обработаны ретушью. М. Е. Родина связывает все указанные находки с двумя деревянными постройками домонгольского времени, которые, судя по составу инвентаря, принадлежали людям состоятельным.

Еще два обломка найдены в ходе раскопок Ветчаного города Владимира, в слоях домонгольского времени одной из усадеб, поблизости от которой предположительно располагалась церковь (работы Ю. Э. Жарнова 1993 г., продолженные в 2007 г.)

⁸ Такой же желто-зеленый цвет имеют витражные стекла из Ярославля (см. выше).

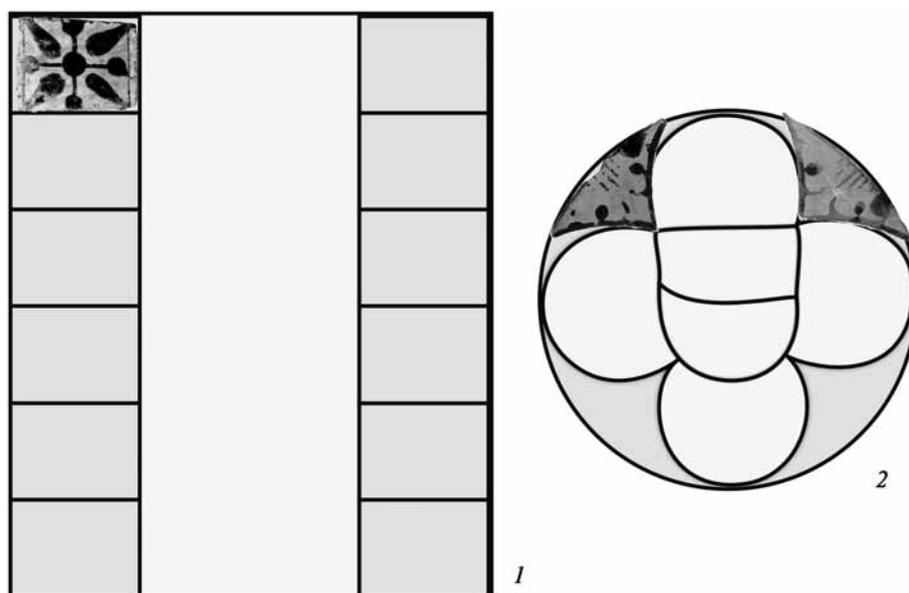

Рис. 7. Предполагаемое расположение стекол из Ярославля в витражных композициях

(Родина, 2004. С. 130; Грибов, 2008. С. 89). Есть находки цветных плоских стекол в Новом городе (работы Т. Ф. Мухиной и др.), одно из которых, найденное в отложениях второй половины XIII – первой половины XIV в., украшено разноцветными фестонами (Родина, 2004. С. 130; Кабаев, Гальчук, 2007. С. 73, 74. Рис. 6, 4). Кроме того, при раскопках собора Рождественского монастыря Владимира обнаружена часть свинцового переплета (Родина, 2004. С. 130).

Четыре витражных стекла были найдены в Суздале, в северо-западной части кремля (Родина, 2004. С. 129; Лядова, 2005. С. 149. Рис. 1, 4–6). Одно из них, толстое (0,4 см), треугольной формы, утратившее первоначальный цвет и прозрачность, отнесено к рубежу XIV–XV вв. Оно украшено выполненным серой краской бордюром из точек, заключенным в линейную рамку, и треугольником в технике негативной росписи. Остальные стекла обнаружены в переотложенном слое. Два из них тонкие (0,25 см), одно бесцветное, в виде половины полумесяца, другое – оливковое трапециевидное. Химический состав последнего известен: калиево-кальциевое стекло (класс $K_2O-CaO-SiO_2$), сваренное на золе растений умеренной зоны (Родина, 2004. С. 147. Прил. 2. № 609: 39; Лядова, 2005. С. 151. № 609: 39). Четвертое стекло толстое (0,4 см), зеленого цвета, по форме напоминает язычок пламени. Сохранившиеся края витражей обработаны ретушью. Единичность находок и их территориальная разбросанность не дали возмож-

ность автору публикации судить о месте применения суздальских витражных стекол.

Витражные стекла были найдены и при исследовании в 1999–2004 гг. Борисоглебской церкви XII в. в Старой Рязани (Беляев, 2005. С. 144. Рис. 26). Это темно-красные и темно-коричневые стекла с бордюрами из линий и растительным орнаментом. Одно из них имеет выполненную золотом надпись «*wa (гиос) коуз [ма]*», обрамленную линиями (Медынцева, 2005. С. 214, 215. Рис. 3).

Таким образом, на сегодняшний день собрана довольно представительная коллекция витражных стекол, основная масса которых относится к периоду XII – первой половины XIII в. Большинство находок обнаружено при исследовании культовых построек. Оказалось, что витражные стекла украшали архитектурные сооружения 11 городов Руси, большинство из которых являлись столицами земель, княжеств или уделов. Картирование витражных находок показывает их распределение: они встречаются в Южной, Западной, Северо-Западной и Северо-Восточной Руси (рис. 11). Не обнаружены пока витражные стекла в центральной части древнерусского государства, например, в Смоленском княжестве.

Все это позволяет высказать предположение, что украшение витражами древнерусских построек, главным образом храмов, было делом нередким, а возможно, и обычным. Справедливости ради заметим, что в 1963 г. Н. В. Холостенко, основываясь на летописном сведении о витражах в Холме и археологических находках витражей

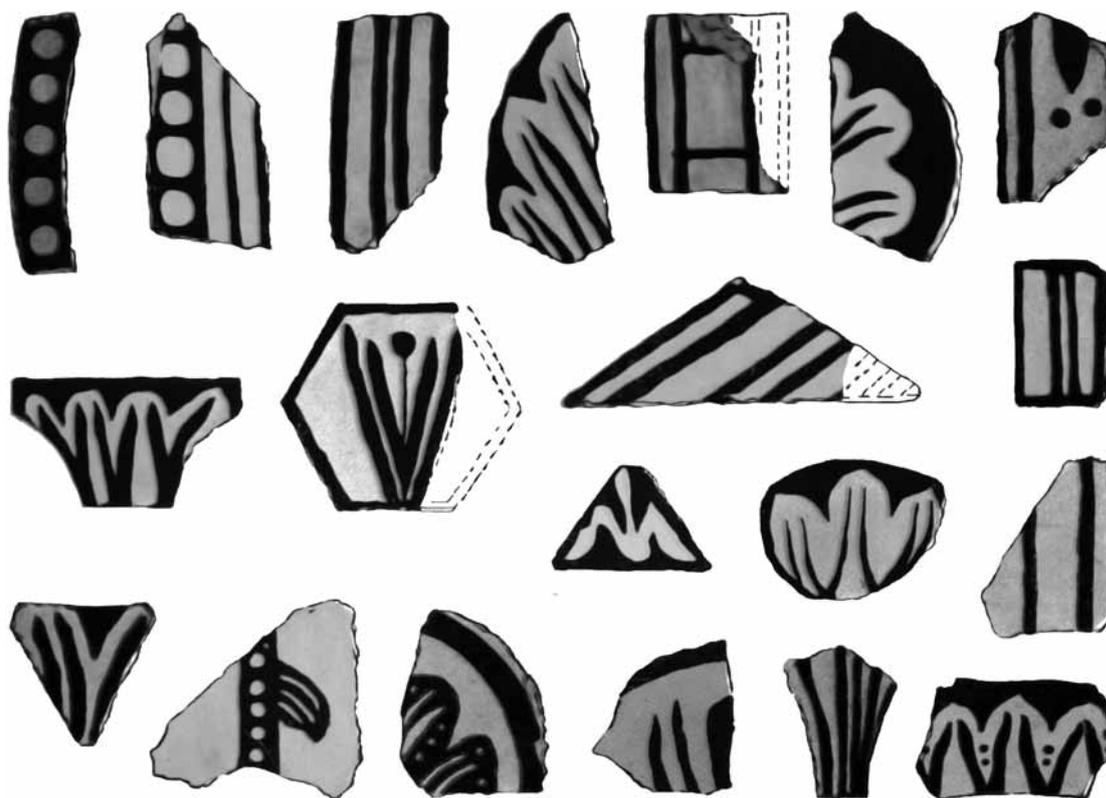

Рис. 8. Витражные стекла из Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове (по: Холостенко, 1963. Табл. II). (См. цв. вкл.)

в Чернигове, Гродно, Галиче и Новгороде, не сомневался в применении витражей в древнерусской архитектуре (Холостенко, 1963. С. 36).

Обратимся к химическому составу ярославских витражных стекол. Он был изучен с помощью оптико-эмиссионного спектрального анализа в Лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург) А. Н. Егорьковым (табл. 1). Результаты показали, что они изготовлены из стекла класса $K_2O-CaO-PbO-SiO_2$, сваренного на золе растений умеренной зоны. Причем для прямоугольного витража была использована калиево-натриевая зола ($C=90$, $K/Na=9$), а для витражей в форме сектора – чистая калиевая (ан. 839–34: $C=93$, $K/Na=13,3$; ан. 839–35: $C=91,7$, $K/Na=11$). Содержание щелочных земель составляет от 10,9 до 13,4%, что соответствует применению доломитовых известняков (ан. 791–36: $a=17,9$; ан. 839–34: $a=16,7$; ан. 839–35: $a=14,7$). Содержание свинца в стеклах – от 15 до 63%. Рецептурная норма (N) прямоугольного витража составляет 0,75, стекол в форме сектора – 0,33. Окрашены стекла окисью меди.

На корреляционном поле результат анализа прямоугольного стекла (ан. 791–36) лежит на про-

должении гиперболы с $b=16$, характеризующей западноевропейскую стекловаренную традицию (рис. 12). Результаты анализа витражных стекол в форме сектора (ан. 839–34, 35) расположились на продолжении гиперболы с $b=4$ и вблизи продолжения гиперболы, где $b=6$. В этой же области, но ниже, с содержанием щелочных земель не выше 14%, лежат средневековые стекла, сваренные по римско-византийским правилам (Щапнова, 1998. С. 97–98. Рис. 13–15). Вероятно, можно говорить о генетическом родстве рецепта этих ярославских стекол римско-византийским правилам соединения сырьевых компонентов и его отличии от тех традиций, согласно которым в состав стекла вводили более высокую концентрацию щелочных земель, что отражают стекла, близкие гиперболы с $b=16$.

Известные нам витражные стекла с территории Древней Руси – находки из Полоцка, Владимира, Суздаля и Киева – имеют другие составы. Стекла из Полоцка и Суздаля относятся к химическому классу $K_2O-CaO-SiO_2$ (Подина, 2004. С. 147. Прил. 2. № 609: 39; Лядова, 2005. С. 151. № 609: 39; Лавыш, в печати. Прил. Анализ № 1). Стекло из Киева относится к классу $Na_2O-CaO-SiO_2$ (Безбородов, 1956.

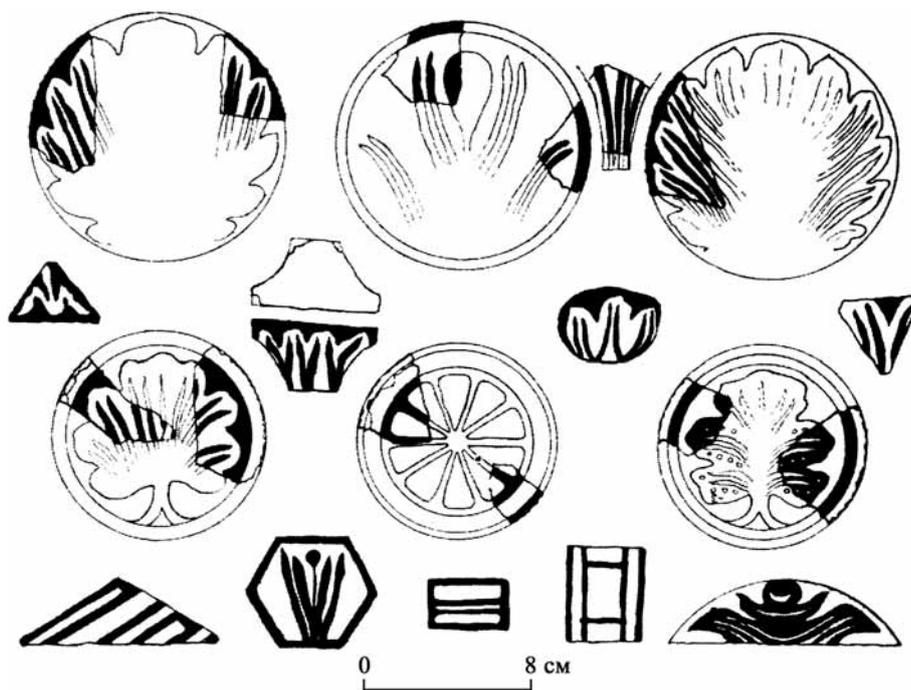

Рис. 9. Реконструкция витражных стекол из Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове по найденным фрагментам (по: Холостенко, 1963. Табл. III)

Рис. 10. Витражные стекла из Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове (по: Холостенко, 1963. Табл. I)

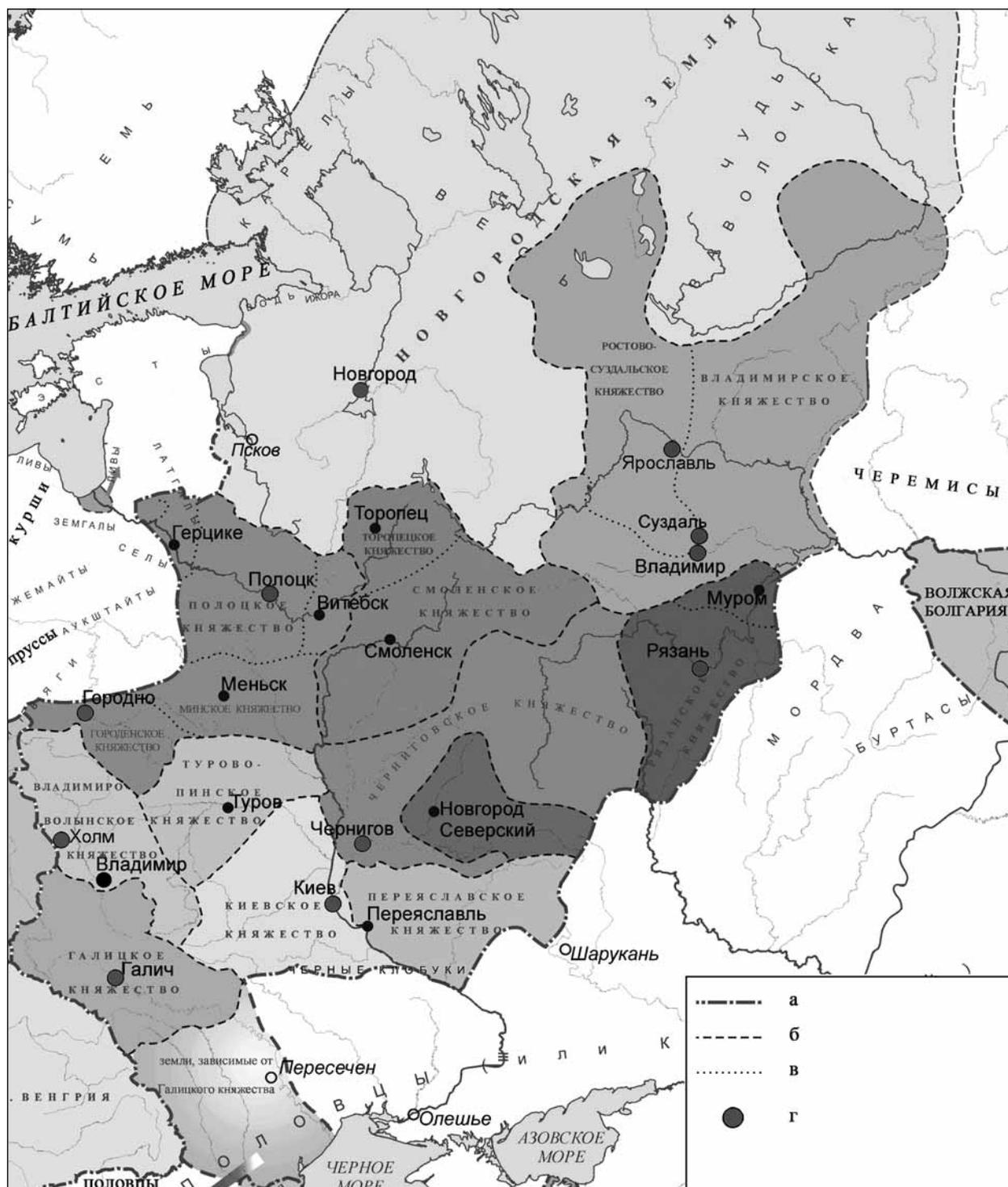

Рис. 11. Древнерусские города с находками витражных стекол и летописными сведениями о витражах
 а – границы государств к 1194 г.; б – границы главных княжеств; в – границы удельных или зависимых княжеств;
 г – города с находками витражных стекол и летописными свидетельствами о витражах

С. 227–228. Табл. 29. № 138). Исследования одного стекла из Владимира в разных лабораториях дало разные результаты (классы $\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$ и $\text{K}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$) (Родина, 2004. С. 147. Прил. 2. № 613;

15; 12: 20). Два других стекла из Владимира можно условно отнести к классу $\text{PbO}-\text{SiO}_2$ (Родина, 2004. С. 147. Прил. 2. № 12: 18, 19; Лядова, 2005. С. 151. № 12: 18, 19).

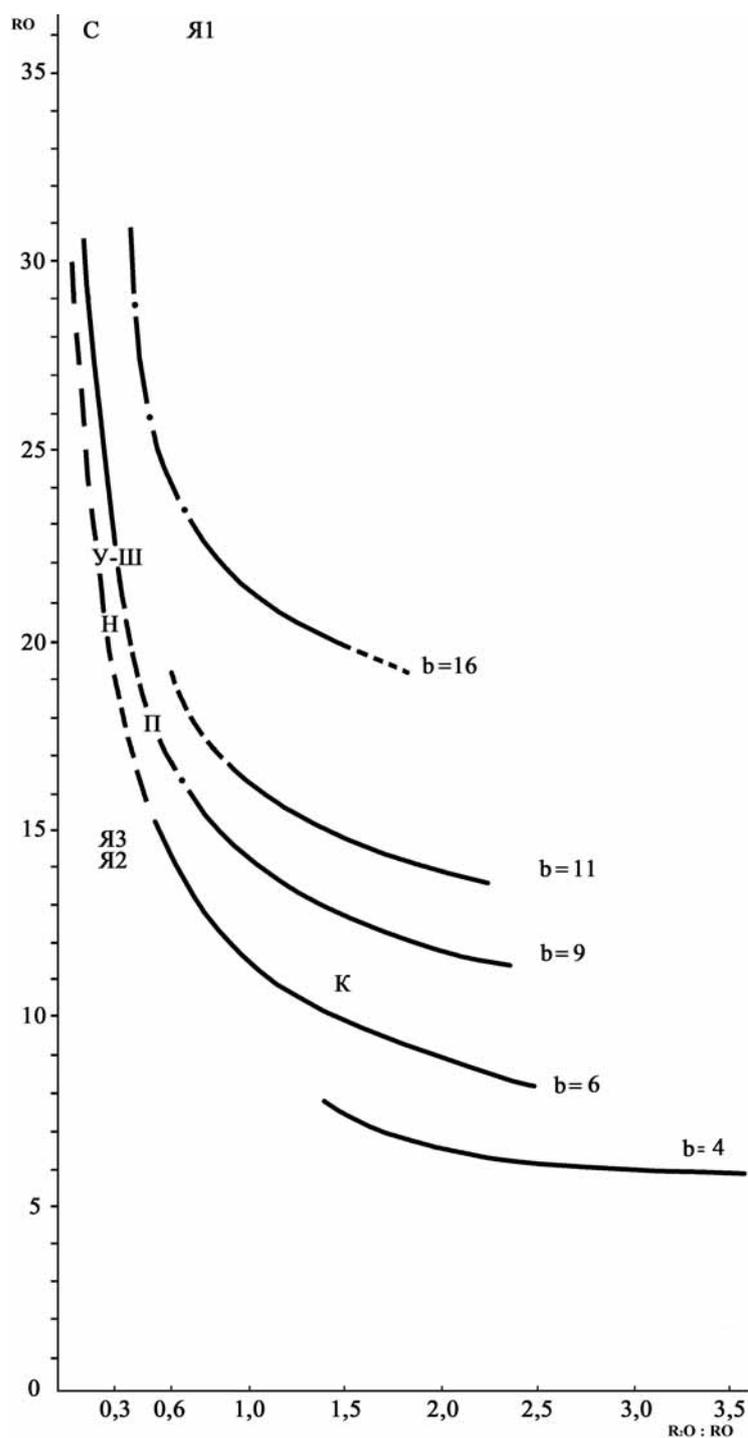

Рис. 12. Химический состав древнерусских витражных стекол

Я1 – витражное стекло из Ярославля, ан. № 791–36; **Я2** – витражное стекло из Ярославля, ан. № 839–34; **Я3** – витражное стекло из Ярославля, ан. № 839–35; **К** – витражное стекло из Киева (по: *Безбородов*, 1956. С. 227–228. Табл. 29. № 138); **П** – витражное стекло из Полоцка (по: *Лавыш*, в печати. Прил. Анализ № 1); **С** – витражное стекло из Суздаля (по: *Родина*, 2004. С. 147. Прил. 2. № 609: 39); **Н** – гладилка класса $K_2O-CaO-PbO-SiO_2$ из Новгорода (по: *Щанова*, 1989. С. 104); **У-Ш** – бусина класса $K_2O-CaO-PbO-SiO_2$ из поселения Усть-Шексна (по: *Столярова*, 2006. С. 318)

Таблица 1. Результаты оптико-эмиссионного спектрального анализа витражных стекол из Ярославля.

Шифр лаборатории	791-36	839-34	839-35
Форма	Прямоугольный	Сектор с вогнутыми сторонами	Сектор с вогнутыми сторонами
SiO ₂		осн.	осн.
Na ₂ O	1,0	0,3	0,3
K ₂ O	9,0	4,0	3,3
CaO	11,0	10	9,3
MgO	2,4	2,0	1,6
Al ₂ O ₃	2,2	2,0	1,8
Fe ₂ O ₃	0,4	0,2	0,2
MnO	0,6	0,3	0,3
TiO ₂	0,1	0,1	0,1
PbO	63	15	26
SnO ₂	–	–	0,01
CuO	1,7	1,8	2,2
CoO	–	–	–
Sb ₂ O ₅	–	–	–
Ag ₂ O	–	–	–
NiO	–	–	–

Размещение щелочных стекол из Полоцка, Суздаля и Киева⁹ на корреляционном поле показало отдельное расположение находок из Полоцка и Киева от стекол из Ярославля. Витражное же стекло из Суздальского кремля разместились рядом с ярославским (рис. 12). По мнению А. В. Лядовой, суздальское витражное стекло близко западноевропейским английским стеклам XII в. из кафедральных соборов Йорка, Кентерберри и Карлайла (Лядова, 2005. С. 152. Рис. 2).

Стекло химического класса, использованно для получения ярославских витражных стекол, на территории Руси встречается крайне редко. Нам известно лишь несколько средневековых предметов такого состава, среди которых нет ни оконных, ни витражных стекол. Например, это белая непрозрачная бусина, украшенная накладными пятнами из сине-зеленого прозрачного стекла, происходящая из депаспортизованных материалов средневекового поселения Усть-Шексна Ярославской области (Столярова, 2006. С. 318). Из такого же стекла изготовлена гладилка X в. из Новгорода (Щанова, 1989. С. 104). Кроме того, при исследовании Шайгинского городища XII–XIII вв. на Дальнем Востоке были обнаружены бусы, кольца и шпильки из стекла та-

кого же состава (Силантьев, 1982. С. 95, 96). Размещение результатов анализов этих стекол на корреляционном поле показало, что они лежат отдельно от ярославских находок (рис. 12).

На территории Древней Руси данный тип стекла, по-видимому, не производился. Здесь использовали иные рецепты варки стекла – калиево-свинцовое, сваренное на специально обработанной золе, то есть на поташе (класс K₂O-PbO-SiO₂), и бесщелочное свинцовое (класс PbO-SiO₂). Использование золы умеренной зоны, на которой сварено стекло ярославских витражей, является традиционным для средневековой западноевропейской школы с конца I тыс. н. э. Тем не менее новгородская гладилка и дальневосточные украшения были отнесены исследователями к ближневосточному импорту (Щанова, 1989. С. 110, 111; Силантьев, 1982. С. 98).

Некоторые витражные стекла с территории Европы, в частности из Германии и Австрии, имеют такой же состав, как и находки из Ярославля (класс K₂O-CaO-PbO-SiO₂) (18 анализов) (Brill, 1999a. P. 127. XI AJ. 2300. XI AK. 2095; P. 129–130. XI AQ; 1999b. P. 298. XI AJ. 2300; P. 299. XI AK. 2095; P. 307–308. XI AQ). Семь из них датированы в пределах XII в. (кафедральный собор Аугсбурга и церковь Св. Патрокла

⁹ Разные результаты анализов стекла из Владимира не позволяют использовать их для интерпретации.

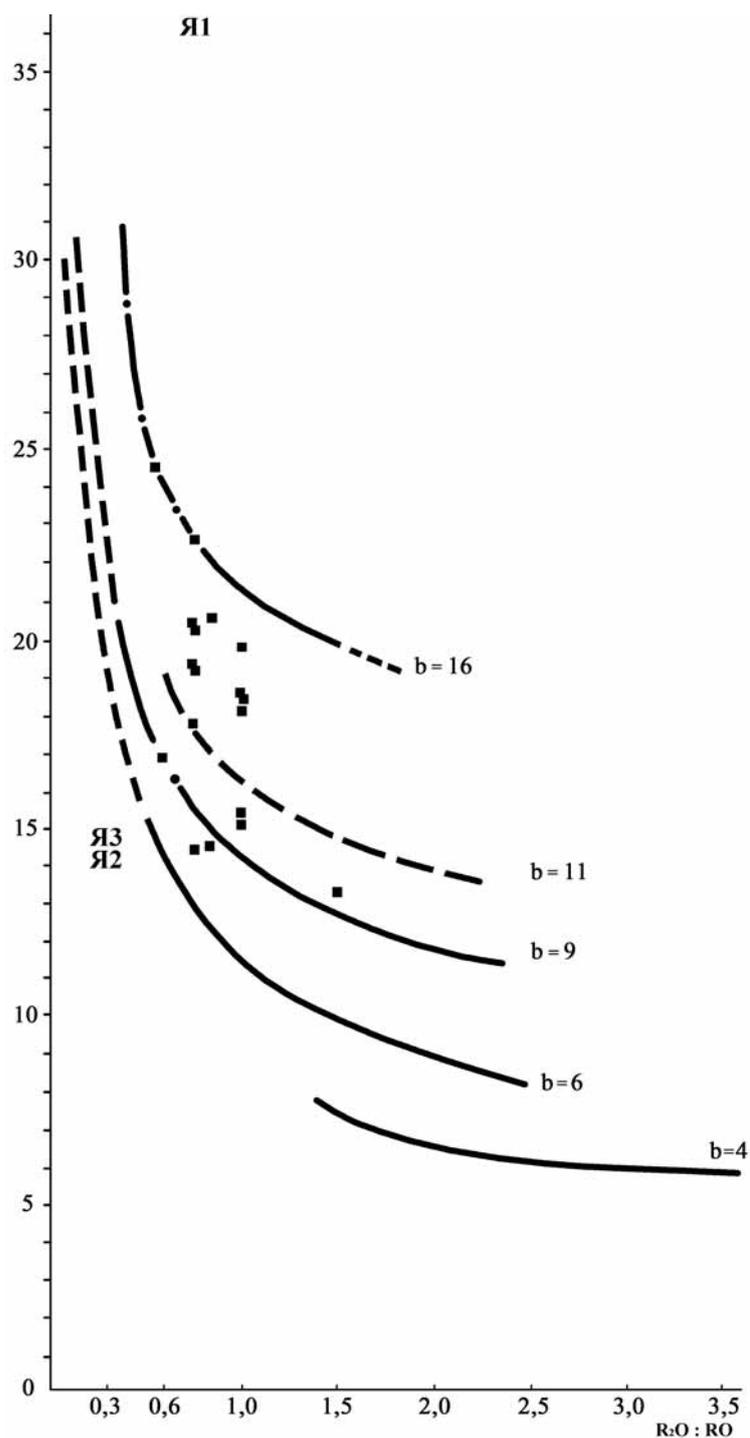

Рис. 13. Химический состав витражных стекол из Ярославля и Европы

Я1 – из Ярославля, ан. № 791–36; Я2 – из Ярославля, ан. № 839–34; Я3 – из Ярославля, ан. № 839–35; квадратами обозначены витражные стекла из Германии и Австрии (класс $K_2O-CaO-PbO-SiO_2$) (по: Brill, 1999а. Р. 127. XI AJ. 2300. XI АК. 2095; Р. 129–130. XI AQ; 1999б. Р. 298. XI AJ. 2300; Р. 299. XI АК. 2095; Р. 307–308. XI AQ)

в Зосте, Германия), один – концом XIII в. (Леобен, Австрия), семь – XIV в. (кафедральные соборы Аугсбурга, Эрфурга, Кельна, Германия); церковь Св. Михаила в Вахау, городская церковь в Штайре, Лихкирхе

в Граце, Санкт-Леонард (Австрия) и два – XV в. (кафедральный собор Хальберштадта, Германия; Гратвайн, Австрия). Большая их часть имеет рецептурную норму 0,75 и 1. Места расположения результатов

их анализов на корреляционном поле не совпадают с ярославскими (рис. 13). Но, как и в случае с находками из Ярославля, можно говорить об использовании разных традиций при получении этих европейских стекол. Часть из них близка области западноевропейских стекол (гипербола с $b=16$), другие располагаются вблизи кривых и их асимптот (продолжений), описывающих правила соединения сырьевых компонентов, принятых на Ближнем Востоке (в Египте (гипербола с $b=11$) и Месопотамии (гипербола с $b=9$)), и в Византии (гипербола с $b=9$).

На большинстве этих европейских витражей нанесена фигуративная роспись с изображением пророков, святых, аббатов, рыцарей и т. д. На наших же витражах (не только ярославских, но и древнерусских в целом) мы видим орнаментальные изображения, которые присутствуют, например, на витражах из константинопольских церквей: южной церкви монастыря Пантократора (мечеть Зейрек), построенной не позднее 1180 г., и церкви Спаса в монастыре Хора (мечеть Кахрие) конца XI в. или 20-х годов XII в. (*Megaw*, 1963. Р. 333–371; *Henderson, Mundell Mango*, 1995. Р. 346; *Якобсон*, 1985. С. 66, 69). Возможно, это указывает на то, что мастера, делавшие витражи, имели не только узкую специализацию (стекловары и стеклоделы варили стекломассу и изготавливали из нее плоские заготовки, а художники их расписывали), но и могли принадлежать разным стеклоделательным и художественным школам.

Витражи из Ярославля изготовлены, по-видимому, не выдуванием, традиционным способом получения оконных и витражных стекол в эпоху Средневековья, а литьем на плоскость, т. к. стекло, использованное для изготовления ярославских находок, имеет высокое содержание свинца и потому плохо поддается выдуванию¹⁰. Способ литья для получения оконных стекол использовали в более раннее время, в первые века нашей эры, на территории Римской империи (*Taylor, Hill*, 2008. Р. 249–270). В позднеримское время произошел переход к методу выдувания оконниц, видимо, уменьшившему, но не отменившему совсем использование литья при их изготовлении в последующие эпохи. Например, некоторые стекла, обнаруженные в англо-саксонской Британии в церкви Св. Вистана (VIII в.) в Рептоне (графство Дербишир) (*Cramp*, 1976. Р. 88–96), а также в Швейцарии во время раскопок церкви V–VII вв. в Сьоне (долина р. Роны) (*Wolf, Kessler, Stern, Gerber*, 2005. Р. 361–380), предположительно сделаны литьем.

Таким же способом, вероятно, изготовлены два витражных стекла из раскопок Билярского городища (Волжская Булгария), датированные второй четвертью X – первой половиной XI в. (*Валиулина*, 2005. С. 59, 60, 66).

Следующим этапом при использовании литья для получения оконных и витражных стекол была раскатка отливки, в результате чего заготовки из-за высокой вязкости стекломассы приобретали круглую форму. Прямоугольные заготовки изготавливали вытягиванием щипцами после повторного нагревания отливки (*Taylor, Hill*, 2008. Р. 249–270; *Wolf, Kessler, Stern, Gerber*, 2005. Р. 361–380).

Какую операцию – раскатку или вытягивание – применили к ярославским отливкам, сказать трудно, поскольку нам не известна форма заготовки, из которой были вырезаны ярославские находки. Однако высокое содержание свинца, обнаруженное в ярославских стеклах, снижало вязкость стекла и, возможно, облегчало раскатку стекла в прямоугольный лист. Затем из плоского стекла в соответствии с эскизом были в холодную вырезаны куски определенной формы. После этого на поверхность была нанесена роспись, закрепленная обжигом.

Древнерусские оконные стекла, известные к настоящему времени, выполняли лунным способом, в основе которого лежит выдувание. Прием литья в древнерусском стеклоделии практически не использовался, за исключением изготовления смальт и вставок в украшения. Таким образом, химический состав стекол и использованная технология позволяют отрицать местное древнерусское происхождение ярославских витражных стекол.

Одинаковый химический класс витражных стекол из Ярославля, возможно, указывает на их единое происхождение. Единство же морфологических и стилистических характеристик ярославских находок позволяет предполагать их принадлежность к комплекту витражей, предназначенных для одной постройки.

Какое же сооружение Ярославля могли украшать витражи? Единственным каменным строением первой половины XIII в. в Ярославле был Успенский собор, заложенный, согласно летописным сведениям, в 1215 г. князем Константином Ростовским. Точное его местонахождение неизвестно. При исследовании строительной площадки и фундаментов собора начала XVI в., проводимых ИА РАН в 2008 г., были обнаружены следы строительства и разборки собора начала XIII в. в виде фрагментов архитектурных деталей и строительных элементов

¹⁰ Благодарю Даниэль Калюве за высказанное соображение.

(рис. 3). Среди них большое количество домонгольской плинфы, в том числе бракованной и не использованной в кладке, крупные блоки плинфяной кладки с раствором, многочисленные фрагменты плинфы со следами отделки, фрагменты белокаменной резьбы с обмазкой и следами покраски, плитки пола с коричневой, желтой и зеленой поливкой со следами использования. Заметим, что витраж прямоугольной формы был найден в непосредственной близости от этой территории. Наличие крупных фрагментов плинфяной кладки свидетельствует о том, что

руины здания начала XIII в., с которыми они были связаны, располагались вблизи или на месте стройки начала XVI в., так как не могли быть перемещены издалека. Итак, было установлено, что домонгольский собор находился в пределах строительной площадки собора начала XVI в., располагавшегося в юго-восточной оконечности кремля, вблизи волжского берега (рис. 3) (Энговатова, Яганов, 2011. С. 143–148). По-видимому, найденные витражные стекла были связаны со строительством этого домонгольского храма.

Литература

- Арциховский А. В., 1958. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде // СА. № 2. С. 227–242.
- Безбородов М. А., 1956. Стеклоделие в Древней Руси. Минск: АН БССР. 306 с.
- Беляев Л. А., 2005. Борисоглебский храм: новые исследования (1999–2004 гг.) // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М.: Памятники исторической мысли. С. 105–153.
- Валулина С. И., 2005. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань: Казанский государственный университет. 280 с.
- Воронин Н. Н., 1954. Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.) // МИА. № 41.
- Гончаров В. К., 1955. Археологічні дослідження древнього Галича у 1951 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. V. Київ: АН УРСР. С. 22–31.
- Грибов Н. Н., 2008. Раскопки в 22 квартале г. Владимира // Археология Владимиро-Суздальской земли. М.: ИА РАН. Вып. 2. С. 84–91.
- Гуревич Ф. Д., 1951. Из истории раннего Гродно // СА. Вып. XV. С. 82–95.
- Кабаев Д. А., Гальчук Л. Л., 2007. Охранные исследования во Владимире на территории «Нового города» в 2005 г. (раскопки на ул. Гагарина, 2) // Археология Владимиро-Суздальской земли. М.: ИА РАН. Вып. 1. С. 68–74.
- Каргер М. К., 1972. К истории полоцкого зодчества XII в. (руины вновь открытого храма на Верхнем замке) // Новое в археологии. М: МГУ. С. 202–209.
- Лавыш К. А., 2008. Художественные традиции восточной и византийской культуры в искусстве средневековых городов Беларуси (X–XIV вв.). Минск: Белорусская наука. 208 с.
- Лавыш К. А., в печати. Находки восточного и византийского стекла на территории Беларуси: новые факты и интерпретации // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX в. М.
- Лядова А. В., 2005. Фрагменты витражных стекол из раскопок во Владимире и Суздале // РА. № 1. С. 149–154.
- Медынцева А. А., 2005. Грамотность в повседневной жизни столицы Рязанского княжества // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М.: Памятники исторической мысли. С. 211–221.
- Осинов Д. О., Яганов А. В., Рузаева Е. И., 2006а. Охранные архитектурно-археологические исследования на месте воссоздания Успенского собора в г. Ярославле в 2005 г. Т. 1 // Архив ИА РАН. Р-1. № 26946.
- Осинов Д. О., Яганов А. В., Рузаева Е. И., 2006б. Охранные архитектурно-археологические исследования на месте воссоздания Успенского собора в г. Ярославле в 2005 г. Альбом иллюстраций. Ч. 1 // Архив ИА РАН. Р-1. № 26948.
- Осинов Д. О., Яганов А. В., Рузаева Е. И., 2006в. Охранные архитектурно-археологические исследования на месте воссоздания Успенского собора в г. Ярославле в 2005 г. Альбом иллюстраций. Ч. 2 // Архив ИА РАН. Р-1. № 26949.
- Родина М. Е., 2004. Международные связи Северо-восточной Руси в X–XIV вв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи). Историко-археологические очерки. Владимир: Аркаим. 207 с.
- Силантьев Г. Л., 1982. Техника изготовления и химический состав стеклянных изделий чжурчженей // Естественные науки и археология в изучении древних производств. М.: Наука. С. 91–99.
- Столярова Е. К., 2006. Стеклянные украшения средневековой Усть-Шексны // Археология: история и перспективы: Вторая межрегиональная конференция. Ярославль: Ярославский музей-запо-

ведник, Музей-заповедник «Ростовский Кремль» С. 306–331.

Холостенко Н. В., 1961. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове//Памятники культуры. Исследования и реставрация. Вып. 3. М.: АН СССР. С. 51–67.

Холостенко Н. В., 1963. Древнерусские витражи//Декоративное искусство СССР. 1963. № 8. С. 36–37.

Щапова Ю. Л., 1989. Некоторые проблемы средневекового стеклоделия в свете новых данных («гладилка» из Новгорода)//РА. № 4. С. 103–114.

Энговатова А. В., 2009. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу: квартал, ограниченный площадью Челюскинцев и Которосльской набережной, 1 (на участке строительства) (Рубленый Город II–2008 г.)//Архив ИА РАН. Р-1.

Энговатова А. В., Осипов Д. О., Фараджева Н. Н., Гончарова Н. Н., Бужилова А. П., 2009. Массовое средневековое захоронение в Ярославле: анализ археологических и антропологических источников//РА. № 2. С. 68–78.

Энговатова А. В., Яганов А. В., 2011. Новые данные об Успенском соборе XIII–XVI вв. в Рубленом городе Ярославля//РА. № 3. С. 141–150.

Якобсон А. Л., 1985. Закономерности в развитии средневековой архитектуры (центральные области

Византии, Греция, Малая Азия, Сирия, Месопотамия, Югославянские страны, Древняя Русь, Закавказье, Средняя Азия). Л.: Наука. 152 с.

Brill R. H., 1999a. Chemical Analyses of Early Glasses. Vol. 1. Catalogue of Samples. Corning: The Corning Museum of Glass.

Brill R. H., 1999b. Chemical Analyses of Early Glasses. Vol. 2. Tables of Analyses. Corning: The Corning Museum of Glass.

Cramp R., 1976. Window glass from the monastic site of Jarrow. Problems of interpretation//JGS. Vol. 17. P. 88–96.

Henderson J., Mundell Mango M., 1995. Glass at Medieval Constantinople. Preliminary Scientific Evidence//Constantinople and its Hinterland/Ed. by C. Mango and G. Dagron. Hampshire: Variorum, Ashgate Publishing Ltd. P. 333–356.

Megaw A. H. S., 1963. Notes on recent works of the Byzantine Institute in Istanbul//Dumbarton Oaks Papers. № 17. P. 333–371.

Taylor M., Hill D., 2008. Experiments in the reconstruction of Roman Wood-Fired Glass-working Furnace//JGS. Vol. 50. P. 249–270.

Wolf S., Kessler C., Stern W., Gerber Y., 2005. The composition and manufacture of early medieval coloured window glass from Sion (Valais, Switzerland) – a roman glass-making tradition or innovative craftsmanship//Archaeometry. Vol. 47. № 2. P. 361–380.

E. K. Stolyarova & A. V. Enhovatova

Stained glass finds from Yaroslavl

Summary

This article is a study of three segments of stained glass, which were found during the RAS Institute of Archaeology research of the Yaroslavl Kremlin. The context of the finds enables them to be dated to the period prior to the Mongolian invasions, and to connect them to the construction of the stone Assumption Cathedral, which was dedicated in 1215. The glass is of a composition rarely found in Russia, with a chemical structure of $K_2O-CaO-PbO-SiO_2$. Such glass is found in stained glass in some sites in Germany and Austria. The way the glass was prepared for use at Yaroslavl (by being poured into molds) also suggests that it was not local Russian-made glass. Until recently it wasn't believed that Old Russian

churches were glazed with stained glass. Despite this, there is a representative collection of such glass fragments from Old Russian cities which were the capitals of principalities or bishoprics – Vladimir, Suzdal, Novgorod, Kiev, Chernigov, Galich, Polotsk, Grodno, and Stayara Ryazan. The vast majority of these glass fragments were excavated during research into ancient churches. In addition, there are manuscript references to the use of stained glass in the decoration of the Church of St John the Baptist at Holm (the modern town of Chelm, Poland). All this enables us to surmise that the use of stained glass in the windows of Old Russian churches was not an unusual occurrence, but in fact normal practice.

Н. В. Жилина

Застежки в костюме Московской Руси (предварительный очерк)

Анализ застежек перспективен для изучения конструкции всего костюма. Способ застегивания или скрепления указывает на вид одежды (драпированная или кроеная и шитая; накладная или распашная), а также на форму и соотношение пол (стык или запах). Для изучения застежек перспективно объединение данных изобразительных и археологических источников. Из археологических материалов второй половины XIII – XVII в. в данной работе учтены вещи из Москвы, Новгорода, Суздаля, Твери, Подмосковья¹.

Древний способ застегивания фибулами, сопутствующий одежде с элементами драпированности, продолжал существовать в домонгольской Древней Руси, хотя в парадной одежде уступал место застежке на пуговицы. Одна из последних фибул в кладах, зарытых перед монгольским нашествием, может относиться к середине – второй половине XI в. и происходит из старорязанского клада 1979 г. № 1 (*Жилина*, 2014. С. 333, 335. № 188, *II*²; *Стрикалов*, 2014. С. 169, 170).

Верхний драпированный плащ в период от древности до эпохи Средневековья застегивался, как правило, одной фибулой на плече или посередине груди. На произведениях монументальной живописи XII – первой трети XIII в. фибулы показаны на гиматиях святых в виде красивых, как правило, округлых брошей; в XIII в. плащи бывают скрепле-

ны или завязаны посередине (*Сарабьянов*, *Смирнова*, 2007. С. 71, 89, 94, 136, 153, 178, 199, 197, 208. Илл. № 64, 85, 90, 133, 154, 185, 199, 203, 211)³. К сожалению, пока неизвестны драгоценные фибулы-броши домонгольского периода, которые можно было бы сопоставить с этими изображениями. Красивая орнаментированная фибула найдена в составе погребального инвентаря X – начала XI в. кургана № 96 Суздальского некрополя (*Сабурова*, *Седова*, 1984. С. 118. Рис. 11, б).

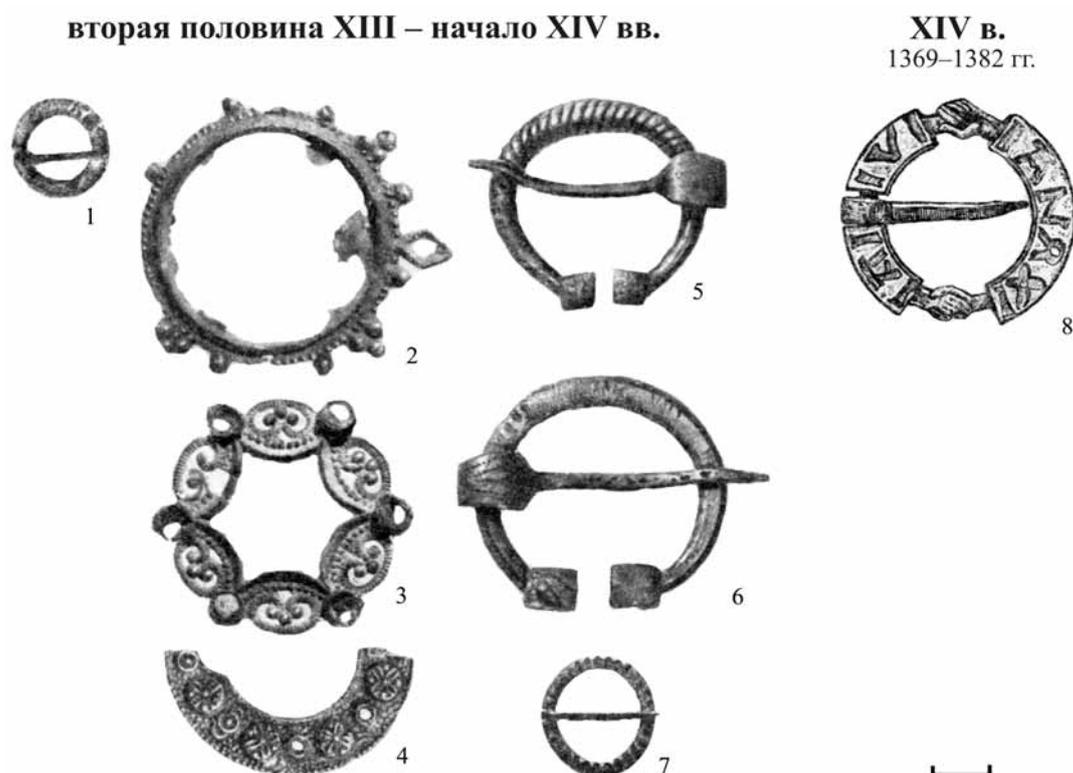
В XIII–XV вв. фибулы есть в культурном слое Новгорода. На многих фиксируется игла, они используются в традиционной роли скалывания пол одежды или разрезов (рис. 1, 1, 5–8). Для других отмечаются новые черты переходности: во-первых, к деталям застежек других конструкций, более тесно связанных с одеждой; во-вторых, к брошам. На одной из фибул присутствует петля, как у застежки-петли (рис. 1, 2). Оформление многих фибул становится более декоративным, нарядным (рис. 1, 2–4).

Изображения плащей и покрывал на произведениях прикладного искусства и летописных миниатюрах XV–XVI вв. довольно определенно показывают нам использование одной фибулы-застежки, соединяющей края одежды (плащей или покрывал): на плече или под подбородком. Как правило, эта застежка имеет округлую форму, иногда просматривается подпрямоугольная (рис. 2, 1,

¹ Благодарю Л. А. Беляева, А. Г. Векслера, Н. В. Нестерова за предоставленную возможность использования в научной работе и публикации материалов и находок из отчетов по раскопкам.

² Указана ссылка на номер клада по каталогу в книге и порядковый номер вещи по списку.

³ Наиболее роскошные фибулы показаны у свв. Флора и Лавра (фреска южного предалтарного столба собора Рождества Богородицы Антониевого монастыря в Новгороде, 1125 г.) и пророка Давида (фреска Георгиевской церкви в Старой Ладого, последняя четверть XII в.).

Рис. 1. Фibuлы второй половины XIII – XIV в. из Новгорода

1 – 14-15-310, 1238–1268 гг.; 2 – 13-20-135; 3 – 13-14-1806, 1268–1281 гг.; 4 – 13-18-1206, 1268–1281 гг.; 5 – 12/11-11-965, 6 – 12/11-12-1953, 1281–1313 гг.; 7 – 12-18-190, 1281–1299 гг.; 8 – 8-12-1285, 1369–1382 гг. (паспортные данные по Неревскому раскопу, здесь и далее без указания названия раскопа) (Седова, 1981. Рис. 31, 9, 13, 16, 14, 7, 10, 8; 33, 1)

2, 5, 6) (Радзивилловская летопись, 1994. Л. 13 об., 14 об., 47; Лицевой летописный свод XVI в., 2010а. С. 424).

На императорской или царской одежде фibuлы имеют форму крупной броши в виде драгоценной розетки цвета желтого металла (рис. 2, 4) (Лицевой летописный свод XVI века, 2010б. С. 647). В некоторых случаях показаны завязывающиеся плащи, видны длинные завязки (рис. 2, 3) (Радзивилловская летопись, 1994. Л. 221). Реже на месте фibuл, возможно, показаны узлы из ткани (рис. 2, 6, 7) (Лицевой летописный свод XVI века, 2009а. С. 32. Голицынский том. Л. 16об.; 2009б. С. 523. Лаптевский том. Л. 288).

Отсутствие драгоценных фibuл в кладах и других археологических материалах, казалось бы, может усилить сомнения, насколько официальные православные изобразительные источники способны отразить реально носимый костюм. Но реальность застегивания фibuлами и завязывания верхней одежды подтверждают живописные портреты XVII в.

На парсуне царевича (Петра Алексеевича или Алексея Алексеевича?) конца XVII – начала XVIII в. плащ застегнут фibuлой-брошью («Рус-

ский исторический портрет...», 2004. С. 274–276). Кстати, здесь показано и украшение типа пластинчатой гривны с подвесными медальонами, изображения которых встречаются на иконах (рис. 3, 1). Отчетливо изображены крупные, круглая и ромбическая, броши-фibuлы, скальвающие верхнюю одежду, на портретах царя Ивана Алексеевича и царевны Маргариты Алексеевны («Древности...», 2007. С. 480, 481. Рис. 9, А, Б). Интересно, что и пуговицы дорогих одежд рассматриваемого периода в память о фibuлах иногда сохраняют вид крупных розеток (Ровинский, 1882. С. 10. № 31, 32).

На портрете Г.П. Годунова 1686 г. видим застегивание фериази в районе талии с помощью удлиненной фibuлы, по форме похожей на поясной наконечник, а в районе шеи расположены драгоценные броши, верхняя имеет форму розетки (рис. 3, 2а, 2б).

Завязки и относящаяся к ним кисть, расположенная с одной стороны, вероятно, есть на одеждах Н.И. Одоевского (рис. 4, 1). Верхняя одежда П.И. Потемкина на портрете конца XVII в. также завязана в районе воротника крупными красивыми кистями (рис. 4, 2а; «Древняя одежда...», 1986.

Рис. 2. Фибулы и завязки плащей по изображениям XV–XVI вв.

Радзивилловская летопись XV в.: 1, 2 – округлая фибула-брошь в виде розетки по центру груди; 3 – завязки плаща (Радзивилловская летопись, 1994. Л. 13об., 14об., 221); Лицевой летописный свод XVI в.: 4 – Хронографический сборник, л. 910 (Лицевой летописный свод, 2010б. С. 647); Музейский сборник: 5 – фибулы подпрямоугольной формы, л. 1029об (Лицевой летописный свод, 2010а. С. 424); 6, 7 – завязывание (?) (Лицевой летописный свод, 2009а. С. 32. Голицынский том, Л. 16об; Лицевой летописный свод, 2009б. С. 523. Лаптевский том, Л. 288); 8 – Сигизмунд Герберштейн в русской шубе (Ровинский, 1882. № 32)

Рис. 3. Застежки фибульного облика на портретах конца XVII – начала XVIII в. (см. цв. вкл.)

1 – неизвестный художник, портрет царевича Петра Алексеевича или Алексея Алексеевича (?). ММК («Русский исторический портрет...», 2004. С. 274–276); 2 – неизвестный художник, портрет Г. П. Годунова, ГИМ («Русские ювелирные украшения...», 1987. С. 68)

Рис. 36). Красные текстильные завязки просматриваются и на шубе стольника И. И. Чемоданова (рис. 5, 1, 3), а вверху потайной застежки кафтана находится брошь в виде розетки, занимающая традиционное место фибулы (рис. 5, 2).

Броши-розетки на портретах XVII в. аналогичны тем, что изображены на миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в., а также отдельным фибулам из археологического материала (рис. 1, 2, 3; рис. 2, 4). Эти материалы помогают нам представить драгоценные фибулы драпированных плащей домонгольского периода.

Отделы застежек выделяются по конструкции застежек, типы – по формам деталей.

Для скрепления пол или краев одежды скалыванием с древности широко использовались незастегивающиеся булавки-иглы. Они не всегда пред-

назначались для прокалывания ткани, а были приспособлены для вхождения в подготовленные петли одежды.

Исследователи Т. Г. Сарачева, Н. Е. Персов и В. В. Солдатенкова указывают спектр возможного назначения стержней-булавок XII–XVI вв., в том числе и вхождение их в подготовленные петли, обращая внимание и на письменное сообщение А. Дженкинсона (*Солдатенкова и др.*, 2011. С. 76–78).

Англичанин, посетивший Москву в середине XVI в., характеризует в своем сообщении застежки для разных видов одежды русских: «...верхняя одежда состоит из парчи, шелка или сукна; она очень длинная, до земли, и застегивается большими серебряными пуговицами или же шелковыми шнурками, застегнутыми булавками... Под верхней одеждой – другое длинное одеяние, застегива-

Рис. 4. Застежки и кисти на портретах XVII в.

1 – неизвестный художник, портрет Н.И. Одоевского, копия, ГИМ («Русские ювелирные украшения...», 1987. С. 47);
2 – портрет П.И. Потемкина, 1680-е гг. («Древности...», 2007. С. 485. Рис. 11)

Рис. 5. Портрет стольника И.И. Чемоданова (неизвестный художник XVII в., копия, ГИМ)
 1 – фибула-брошь; 2 – общий вид; 3 – потайная застежка («Русские ювелирные украшения...», 1987. С. 43)

ющееся на шелковые пуговицы с высоким стоячим цветным воротником; это одеяние шьется узким... На голове он носит белый колпак с пуговицами из серебра, золота, жемчуга или драгоценных камней... («Иностранцы...», 1991. С. 42, 46, 47).

Пуговичная застежка не вызывает вопросов, так как пуговицы хорошо известны по археологическим материалам и отражены на изображениях рассматриваемого периода. Дорогие пуговицы на колпаках могли быть декоративными или использоваться в декоративной застежке на разрезе отворота колпака.

Конструкцию застежки для верхней одежды с помощью шнурков и булавок точно представить

пока невозможно. Но, по всей видимости, данная застежка была более ранней, известной с домонгольского периода (устойчивая традиция скальвания плащей). Она, очевидно, была более подходящей для плотной верхней одежды, а впоследствии сменилась застежкой с петлицами и пуговицами.

Представляет интерес упоминание в одном контексте пуговиц и булавок: то есть булавки, возможно, похожи на пуговицы. Это вызывает аналогию со способом прикрепления крупных овальных скандинавских фибул с помощью петель, отходящих от двух краев соединяемых полотнищ⁴. Такой способ является переходным к пуговичной

застежке: уже используются петли и округлая фигура, похожая на пуговицу.

Имеется два изображения, которые находят некоторую связь с сообщением А. Дженкинсона. На изображении российской делегации ко двору императора Максимилиана 1576 г. у одного человека в оригинальной полосатой одежде показана застежка без петлиц, состоящая из круглой детали в центре и длинных, свисающих с каждой стороны шнурков или лент (рис. 6, 3; *Ровинский*, 1882. С. 14, 15. № 43). Создается впечатление, что длинные текстильные детали, симметрично закрепленные на обеих полах, присоединены к круглой застегивающей детали или проходят через нее (дериват круглой фибулы – возможно, такие детали и названы булавками). Концы лент свисают с той же или противоположной стороны. Возможен вариант, что ленты или шнурки обматывают, обвязывают пуговицу, прикрепленную к одной из пол. Такая довольно архаичная застежка, возможно, послужила предпосылкой образования петлиц, сменивших свисающие по сторонам ленты.

На изображении боярского семейства в сочинении А. Олеария петличная застежка уже сформирована, но также имеет симметричные шнурки, опускающиеся вниз от центра застежки, от места стыковки пол. На свисающих концах слегка просматриваются утяжеляющие грузики: это либо кисти, либо металлические детали, возможно, незаостренные стержни, продетые в петли в месте застегивания (рис. 7, 1; *Олеарий*, 1906. С. 175).

Незаостренные стержни рассматриваются в составе застежки отдела 1, состоящей из прорезных подготовленных петель и вкладных стержней. При застегивании могли использоваться два стержня, соединенных цепью; один «заносится» на другой борт. К деталям такой застежки могут относиться термины письменных источников XVII в. «заноски», «костыльки» или «кляпыши», от слова «заносить» (*Рабинович*, 2011. С. 41, 42; *Солдатенкова и др.*, 2011. С. 71–78). Стержень с цепью «заносится» на другой борт или на середину одежды к стыковке пол.

К застежкам отдела 1 можно отнести стержни XII–XIV вв., известные археологически. С некоторыми из них сохранились фрагменты цепей или кольца. Навершия имеют небольшие отверстия, в которых, вероятно, закреплялись мелкие декоративные дета-

ли. Орнаментация наверший в целом продолжает традиции древнерусского зооморфного, растительного (кринообразного) орнамента (рис. 8).

Такая категория продолжает существовать и в XVI–XVII вв., но стержни становятся миниатюрнее, навершия выглядят более единообразно, но в целом сохраняется общая преемственность их формы и стилистики (рис. 9; Кат. I, № 1–5). Можно конкретно отметить сходство некоторых изделий (ср.: рис. 8, 1, 7 и рис. 9, 1, 2, 6; рис. 8, 6, 8 и рис. 9, 3, 5; рис. 8, 2, 9 и рис. 9, 2, 4).

Для XIII–XV вв. можно выделить застежки отдела 2 – из двух накладных пластин, в состав которых входят петли и длинные крючки. В археологическом материале имеется группа фигурных пластин с длинными крючками с одной стороны (рис. 10). Т.Н. Никольская с сомнением высказала догадку о том, что это застежки для парадной одежды из толстой ткани (*Никольская*, 1974. С. 42. Рис. 1, 3, 9). На наш взгляд, это правильная версия. Широкие пластины нашивались на одежду, на них наблюдаются небольшие отверстия или даже выступающие петли для пришивания (рис. 10, 1, 8, 9). Одна пластина из двух содержала крючок, другая – петлю для застегивания⁵. Есть пример застежки с двумя крючками для двух петель (рис. 10, 5).

Для застежек отдела 2 выделяются следующие типы накладных пластин: тип I – крестообразные (рис. 10, 1–3); тип II – подквадратные (подпрямоугольные) (рис. 10, 4); тип III – квадрифолийные (рис. 10, 5, 6); тип IV – зооморфные (рис. 10, 7–9).

В художественном оформлении этих застежек используются звериные образы эпохи XII–XIII вв. – грифоны, птицы (рис. 10, 5–9).

Возможно, застежка такой конструкции показана на портрете П.И. Потемкина начала 80-х гг. XVII в.: там просматривается круглая пластина с длинным стержнем, возможно, крючком (рис. 4, 2б; «Древности...». С. 484–486. Рис. 11).

К XV в. (а возможно, и ранее) сформировалась застежка отдела 3 – из небольших нашивных (проволочных) петли и крючка. Известен тип I округлых деталей-петель (рис. 11, 1, 2; Кат. II, 1 № 1; II, 2 № 1). Известна подтреугольная петля с завитково-спиральными окончаниями (рис. 11, 3; Кат. II, 2 № 2). Подобная застежка является скорее не лицевой, а потайной, подходит для более тонких тканей.

В археологическом материале представлены и застежки отдела 4: из нашивных пластин

⁴ Данная аналогия относится исключительно к конструкции.

⁵ Справедливости ради следует отметить, что отверстия просматриваются не на всех пластинках.

1а

1б

2а

2б

3а

3б

Рис. 6. Застежки XIV–XVI вв. без петлиц (см. цв. вкл.)

1 – икона Свв. Бориса и Глеба на конях, конец XIV в., из Успенского собора Московского Кремля, ГТГ (Сарабьянов, Смирнова, 2007. Рис. 362); 2 – князь Захарий Иванович Сугорский, глава российского посольства ко двору императора Максимилиана, 1576 г.; 3 – представитель менее знатной части посольства 1576 г. («Русская народная одежда...», 2011. Оборот обложки)

Рис. 7. Застежки с петлицами и застежки с запахом XVI–XVIII вв.

1 – представитель боярского семейства, рисунок к сочинению А. Олеария («Русская народная одежда...», 2011. С. 41); рисунки к путешествию А. Мейерберга: 2 – боярин, 3 – дворянка («Собрание рисунков...», 1827. Л. 38, 39); 4 – боярин (?), фрагмент миниатюры из книги «Об избрании на царство великого государя царя Михаила Федоровича», 1672, 1673 гг., литография 1856 г. («Регалии...», 1997. С. 27); 5 – фрагмент инициала Псалтыри XIV в. ГПБ («История древнерусской литературы...», 1980. С. 201); 6 – Святополк Окаянный перед смертью в простой рубахе (1019 г.), миниатюра Радзивилловской летописи XV в. (Радзивилловская летопись, 1994. Л. 131 об.); миниатюры Лицевого летописного свода XVI в.: 7 – застежка с запахом (?), Хронографический сборник, л. 611 об. (Лицевой летописный свод, 2010б. С. 50); 8 – отложной воротник, Голицынский том, л. 27 об. (Лицевой летописный свод, 2009а. С. 58); 9 – Сигизмунд Герберштейн в русской шубе (Ровинский, 1882. № 33); 10 – неизвестный художник, портрет неизвестного купца на фоне Адмиралтейства в Санкт-Петербурге, 1800-е гг. («Купеческий портрет...», 2013. № 9. С. 34, 35)

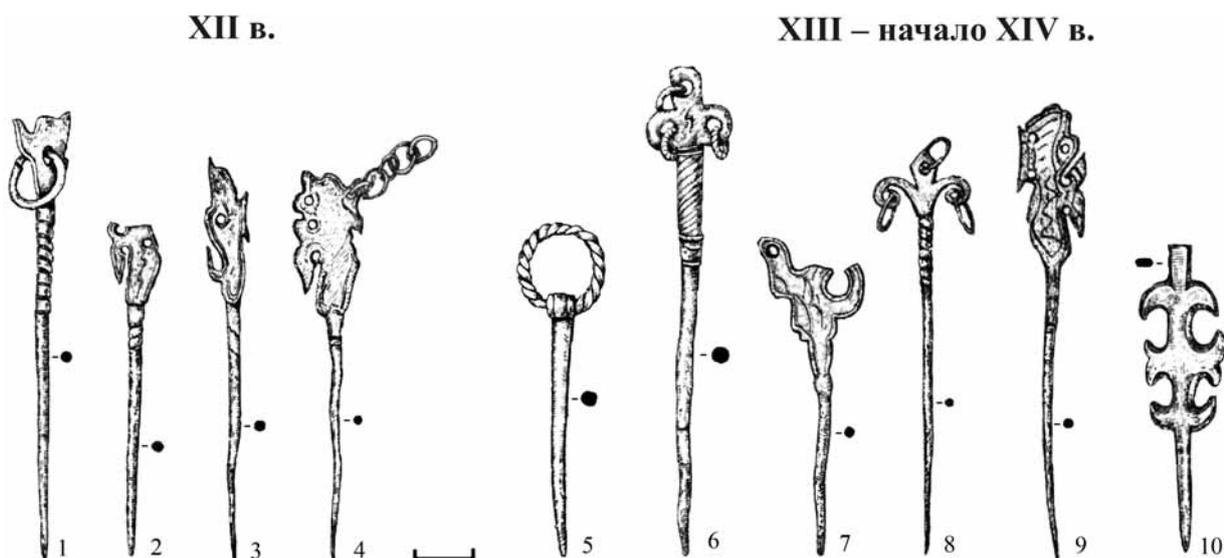

Рис. 8. Вкладные булавки или стержни XII–XIII вв. из Новгорода (детали застежек отдела 1)

1 – 17-22-140, 1177–1197 гг.; 2 – Ил22-342; 3 – 16-21-1281, 1197–1224 гг.; 4 – 15-23-1337, 5 – 15-22-2078 – 1224–1238 гг.; 6 – 14-14-1026, 7 – 14-21-785 – 1238–1268 гг.; 8 – 14/13-22-1397, 9 – 14/13-21-1331 – 1238–1281 гг.; 10 – 12/11-13-1037, 1281–1313 гг. (паспортные данные по Неревскому и Ильинскому раскопам – обозначен Ил) (Седова, 1981. С. 77.
Рис. 26, 7, 12, 4, 5, 10, 8, 11, 2, 3, 1 – масштаб условный, средняя длина 9–10 см).

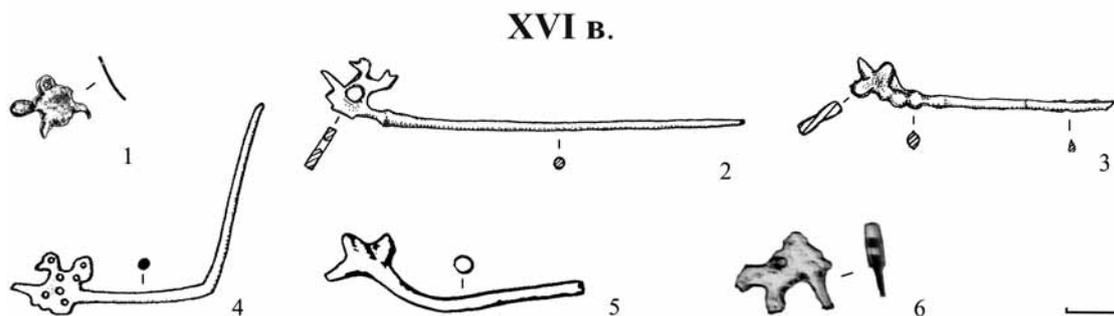

Рис. 9. Вкладные булавки или стержни XVI–XVII вв.

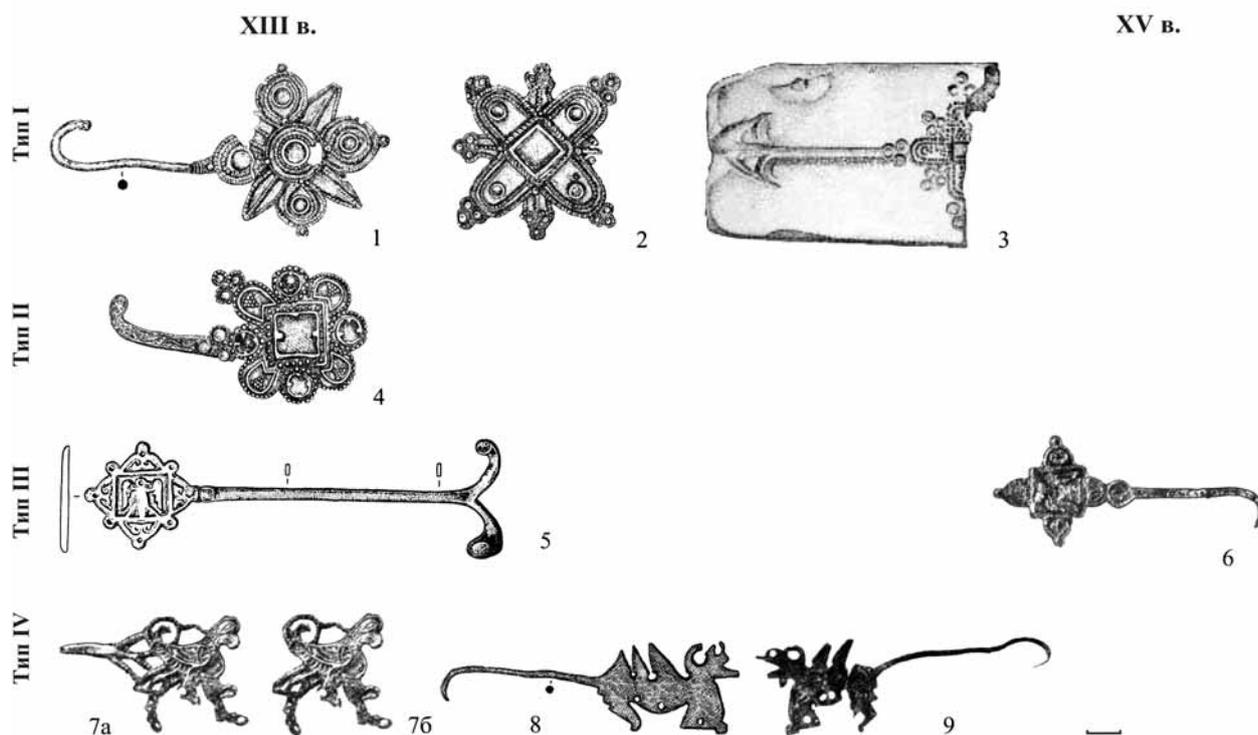
1 – с гранатом на штырьке, Москва, Гостиный Двор, начало XVI в. (Векслер, 1997. № 20411. С. 117. Илл. 125. Табл. 1, 2) (Кат. I, № 1); 2–4 – Тверь, Затымацкий посад (Персов и др., 2006. Рис. 1, 1, 2; Солдатенкова, 2008. Рис. 1, 4) (Кат. I, № 3, 4); 5 – Москва, Большой посад (Векслер, 1985. № 10975а. Рис. 32, 4. № 221) (Кат. I, № 5); 6 – Москва, Замоскворечье, Якиманка (Векслер, 2002ж. № 23368. С. 41. № 214) (Кат. I, № 2)

с петлями и пропорционально короткими крючками (рис. 11, 4–20). Один из них отнесен к промежуточному варианту между отделами 2 и 4, так как имеет крючок средней длины (рис. 11, 21)⁶.

Чаще в археологическом материале доходят пластины-петли, реже – крючки. Застежки отдела

4 подходят для застегивания стыкующихся пол одежды. Они подразделяются на следующие типы по форме пластин застежек. Тип I – подтреугольная форма пластин (рис. 11, 4, 5; Кат. II, 2, № 13, 11); тип II – подпрямоугольно-ромбические (рис. 11, 6; Кат. II, 2, № 17); тип III – округлые

⁶ Среди приведенных на рис. 9 примеров застежек, возможно, есть использовавшиеся не только для текстильной одежды, но и для застегивания ремней и переплетов книг. Некоторые могли служить нашивными пластинами. Включение их в данную таблицу оправдано тем, что эти вещи отражают типологические и стилистические закономерности развития категорий. Кроме того, формы некоторых накладных пластин для одежды наследуют форму застежек.

Рис. 10. Детали застежек с длинным крючком (отдел 2) XIII–XV вв. (1–3 – тип I, 4 – тип II, 5, 6 – тип III, 7–9 – тип IV)
 1 – 14-10-669 (1238–1268 гг.); 2 – 13-12-528 (1268–1281 гг.) (Седова, 1981. Рис. 27, 6, 4. С. 78–82); 3 – Серенск, конец XII – вторая четверть XIII в. (Никольская, 1974. Рис. 1, 9); 4 – Ил-11-21-23 (Седова, 1981. Рис. 27, 5); 5 – Серенск, конец XII – вторая четверть XIII в. (Никольская, 1974. Рис. 1, 3); 6 – 5-12-764, 1409–1422 г.; 7 – 16-20-1514 (1197–1224 гг.); 8 – 15/14-15-1772 (1224–1268 гг.); 9 – 14-15-1881 (1238–1268 гг.) (Седова, 1981. Рис. 27, 1; 28, 7, 3, 2) (паспортные данные по Неревскому и Ильинскому раскопам – обозначен Ил)

(рис. 11, 7, 8; Кат. II, 2, № 15, 16); тип IV – пластины в виде растительной фигуры (рис. 11, 9–12; Кат. II, 2, № 5, 7, 9, 10). Наиболее популярным и устоявшимся пока представляется тип V – с пластинами, оформленными в виде раковин (рис. 11, 13–17; Кат. II, 2, № 18, 19, 6, 8, 4). Такое художественное оформление можно связывать с распространением стиля рококо, что подтверждает среднюю археологическую датировку XVII – первой половиной XVIII в. Единично встречен тип VI – пальчатые (рис. 11, 18; Кат. II, 2, № 14). Эта интересная форма обращает на себя внимание сходством со значительно более ранними (раннеславянскими) формами фибул.

Одна из застежек типа III орнаментирована рифлением, что обнаруживает связь с застежками типа V в виде раковин (рис. 11, 7; Кат. II, 2, № 15). В таблице приведены интересные по форме и орнаментации накладные пластины с зооморфными изображениями, использование которых в качестве застежек отдела 4 не исключено (рис. 11, 19, 20; Кат. III, № 1, 2).

Застежка на петлю и крючок отдела 4 в районе пояса или под грудью изображена на портретах

крестьянки и купчихи 1830-х гг. в праздничных нарядах Тверской губернии (рис. 12, 2, 3). Форма накладных пластин петель и крючков находит наибольшее сходство с выделенным по археологическому материалу застежкам типом V. Следует также обратить внимание и на то, что крючок на застежках портрета крестьянки имеет среднюю, а не короткую длину (рис. 12, 2). Это подтверждает существование застежек отдела 2.

На наш взгляд, застежка на петлю и крючок, включающая в себя накладные пластины, происходит от фибул, которые также своими пластинами накладывались на края драпировок или полы одежды. Такие фибулы и сформировавшиеся на их основе застежки широко известны в эпоху Средневековья. Скандинавские трехчастные фибулы с ромбическими частями, вероятно, стали основой для формирования накладных ромбических застежек, примеры которых встречены в кургане Гульбище под Черниговом. Крайние части двух- или трехчастных фибул примыкают пластинами к разным краям соединяемых драпировок или пол одежды. В дальнейшем они как бы «раскладываются»

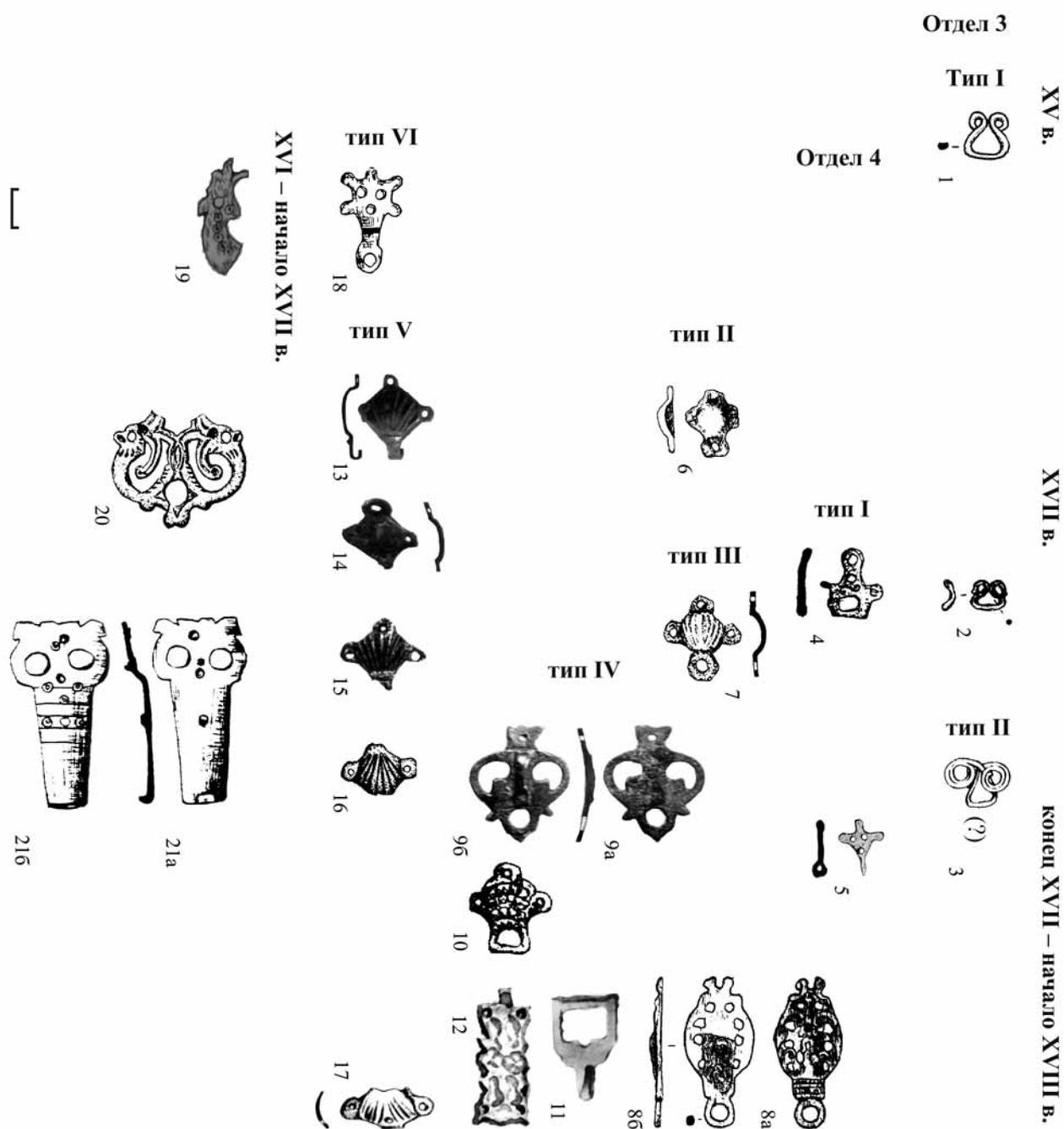

Рис. 11.

Отдел 3; тип I: 1 – петля, Тверь (Солдатенкова, 2008. Рис. 1, 5) (Кат. II, 1, № 1); 2 – петля, Троице-Сергиева лавра (Энговатова, Зеленцова, 2005. Рис. 5, 7) (Кат. II, 2, № 1); 3 – петля, тип II, Москва, Казанский собор (Беляев, 1990. № 14029. С. 77, № 66) (Кат. II, 2, № 2).

Отдел 4; тип I, Москва: 4 – петля (Векслер, 2002и. № 23378. С. 37. № 452) (Кат. II, 2, № 13); 5 – крючок (Векслер, 2002е. № 23366. С. 118. № 121) (Кат. II, 2 № 11); 6 – петля (?), тип II, Москва (Векслер, 2004а. № 23576. С. 82. Илл. 76, 54) (Кат. II, 2 № 17); тип III: 7 – петля, Москва, Коломенское (Векслер, 2002д. № 23555. С. 103. № 288) (Кат. II, 2 № 15); 8 – петля, Москва (Векслер, 2004а. № 23576. Илл. 32, 1; 32а. С. 35, 39) (Кат. II, 2 № 16); тип IV: 9 – петля, Москва (Векслер, 2004б. № 23584. С. 86. № 18) (Кат. II, 2 № 5); 10 – петля, Москва (Векслер, 2002б. № 23541. С. 88. № 11) (Кат. II, 2 № 7); 11, 12 – крючки, Подмосковье, Гжельское селище (Векслер, 1989. № 14410. С. 15. Илл. 27. Табл. 2, 3, 4) (Кат. II, 2 № 9, 10); тип V: 13, 14 – крючок и петля, Москва (Векслер, 2004б. № 23584. С. 101, 104. № 155, 188) (Кат. II, 2 № 18, 19); 15 – петля, Москва (Векслер, 2002а. № 23540. С. 36. № 67) (Кат. II, 2 № 6); 16 – деталь застежки с обломанной рабочей частью, Москва (Векслер, 2002в. № 23542. С. 137, № 54) (Кат. II, 2 № 8); 17 – деталь застежки, Москва (Векслер, 2000. № 22465. С. 224. № 16) (Кат. II, 2 № 4); 18 – петля, Москва, тип VI (Векслер, 2002г. № 23552. С. 4. № 16) (Кат. II, 2 № 14).

Отдел 2 пластин и бляшек, тип XXII: 19 – деталь застежки (?), Москва (Векслер, 2002з. № 23373. С. 84. Табл. VI, 10) (Кат. III, № 1); 20 – петля, Москва (Векслер, 2002и. № 23378. С. 73. № 832) (Кат. III, № 2); 21 – застежка ремня (?), отдел 2 или 4 застежек (Векслер, 2002и. № 23378. С. 37. № 441) (Кат. II, 2 № 12)

Рис. 12. Застежки на петлю и крючок в изображениях

1 – гравюрный портрет Ивана Грозного, XVI в. (Ровинский, 1882. С. 7. № 19); 2 – неизвестный художник, портрет крестьянки в праздничном наряде Тверской губернии, 1830-е гг., ГИМ («Русские ювелирные украшения...», 1987. С. 122); 3 – неизвестный художник, портрет купчихи в праздничной народной одежде Тверской губернии, 1830-е гг., ГИМ («Купеческий портрет...», 2013. № 37. С. 74, 75).

на пластины, которые пришиваются к краям, снабжаясь петлями и крючками.

Застежки отдела 4 рассматриваемого периода логически также следуют после фибул.

Застежки отдела 4 отражены и на изображениях XVI–XVII вв. На гравюре, представляющей российское посольство в Австрию 1576 г., у князя З.И. Сугорского отчетливо видны круглые симметричные фигуры на обеих полах расстегнутой шубы (рис. 6, 2; *Ровинский*, 1882. С. 14, 15. № 43). Здесь можно предполагать застежку отдела 4. Более четко застежка на петли и крючки показана на гравюрном портрете Ивана Грозного, относящемся с большой вероятностью к тому же времени, что и изображение посольства 1576 г. (*Ровинский*, 1882. С. 7. № 19) (рис. 12, 1).

Есть они и на портретах XVII в. На портрете князя Н.И. Одоевского застежка отдела 4 на петлю и крючок сохраняет внешнее сходство с фибулой (рис. 4, 1б). Ферязь Г.П. Годунова демонстрирует вариант застежки на петли и крючки с петлицами или пластинами, нашитыми на полы: усыпанные драгоценностями ажурные пластины с правой стороны, вероятно, являются крючками с шаровидным верхом, а с левой – несколько меньшими по диаметру петлями (рис. 3, 2б). Следует отметить, что в данном случае не исключен и вариант использования справа пуговиц.

С развитием застежки на пуговицы накладные пластины застежек становятся декоративными. Такие симметричные декоративные округлые детали, расположенные на обеих стыкующихся полах одежды, можно видеть на изображениях XVI–XVII вв. (рис. 4, 2; рис. 5, 1).

Застежка на пуговицы используется как при стыкующихся полах, так и при полах с запахом. При стыкующихся полах рационально использовать нашивные или накладные петлицы (металлические драгоценно украшенные пластины или текстильные полосы), выполняющие функцию распрямления (расправления) ткани в месте стыка и застежки. Иначе застежка морщит ткань одежды, на краях пол образуются некрасивые морщины или складки: например, распашная одежда (кафтан?) на князьях Борисе и Глебе на иконе конца XIV в. (рис. 6, 1).

Застежка с тканевыми петлицами сочетается как с петлями и крючками, так и с пуговицами на воздушных петлях. Постепенно начинают преобладать пуговицы. В настоящее время учтена серия из более чем 400 пуговиц, причем более

300 из них происходит из археологического материала и имеет стратиграфическую привязку⁷.

Большинство типов пуговиц, известных с домонгольских времен по XVII в., приспособлено для воздушных петель. Это грушевидные и овально-конические пуговицы, известные с домонгольского времени, а также шаровидные, популярные в XV–XVI вв.

Вероятно, фибулы создают и предпосылку образования петли для пуговицы: скандинавские черепашковидные фибулы застегивались с помощью иглы, продаваемой в петлю, шитую из тонкой плотной тесьмы.

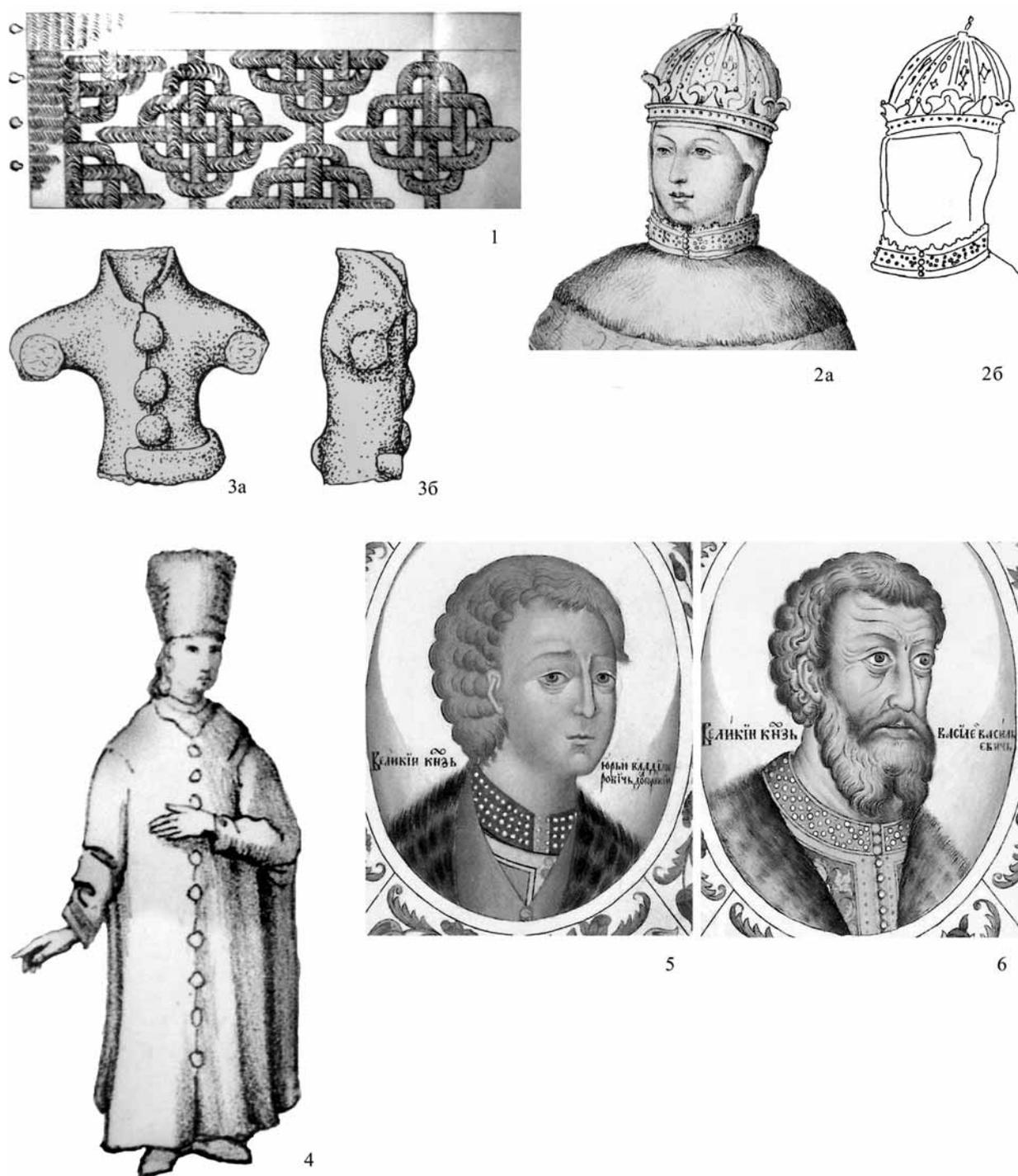
С домонгольского времени на Руси известна застежка на пуговицы на воротнике-стойке (*Сабурова, Седова*, 1984. Рис. 13, 14, 1, 3; С. 122–124; *Сабурова*, 2012. Рис. 1. Цв. вкл., рис. 1). Четыре грушевидные пуговицы на округлых петлях воротника-стойки XIII в. сохранились в виде следов на воротнике, найденном при раскопках Богоявленского монастыря в Москве (*Беляев*, 1989. С. 6–8, 10. Чертеж III) (рис. 13, 1).

Стоячие воротники-«ожерелья» в качестве отдельного предмета, пришивавшегося к одежде для конкретного ношения, а также подобный вид застежки и пуговиц сохранялись вплоть до XVII в., в том числе в княжеской и царской одежде (рис. 13, 2, 5, 6). Судя по письменным источникам, они назывались «ожерелье» или «пристежное ожерелье», упомянутое в Духовной грамоте Михаила Андреевича Верейского 1486 г. (*Срезневский*, 1895. Стб. 630, 631). Застегнутое на четыре пуговицы «ожерелье» хорошо видно на изображении царицы Марии Ильиничны к сочинению А. Мейерберга (рис. 13, 2). Такая деталь могла быть более узкой, застегивающейся на две или три пуговицы (рис. 13, 6).

Пуговицы на таких застежках располагались практически горизонтально, с лица воспринималась их сферическая часть, овальные удлиненные петли были удобны для того, чтобы пройти сквозь относительно толстые слои дорогой золотной ткани. На портрете князя Юрия Долгорукого в Царском титулярнике 1672 г. воротник-стойка показан в расстегнутом состоянии (рис. 13, 5) (*Царский титулярник*, 2007. С. 49, 51).

На застежках, состоящих из пуговиц и воздушных петель, крупные круглые пуговицы в застегнутом состоянии занимают положение посередине стыковки пол. Так они и изображаются в основном на верхней одежде. При раскопках

⁷ Подробное рассмотрение материала пуговиц и их датировки планируется сделать в отдельной работе. Сейчас этот материал изложен в рукописи по плановой теме, выполнявшейся в отделе славяно-русской археологии ИА РАН в 2010–2012 гг.

Рис. 13. Застежки на воздушные петли и пуговицы

1 – пристежное золотканое «ожерелье» из раскопок в Москве, в Богоявленском монастыре, погребение XIII в., до середины XIII в., Византия (?) (Беляев, 1989. № 12672. С. 10, чертеж III); рисунки к путешествию А. Мейерберга; 2 – царица Мария Ильинична, меховое круговое оплечье и пристежной воротник-«ожерелье»; 4 – дворянская дочь в зимнем одеянии («Собрание рисунков...», 1827. Л. 58); 3 – фигурка керамическая XVI в. (Векслер, 2002в. № 23371. Фото № 6. С. 216; № 23373. Табл. XV, 5); портреты русских великих князей и государей в Титулярнике 1672 г.: 5 – Юрий Долгорукий, л. 26; 6 – Василий II Темный, л. 35 («Царский титулярник...», 2007. С. 49, 51)

в Москве на Гончарной ул. в слое XVI в. найдена керамическая человеческая фигурка (*Векслер*, 2002з. № 23371. Фото № 6. С. 139, 140, 216; № 23373. С. 23. Табл. XV, 5). На ней показаны крупные полусферические пуговицы на воздушных петлях (рис. 13, 3).

Застежка на пуговицы и петли (воздушные?) присутствует на наиболее простых вариантах верхней женской одежды из Альбома Мейерберга (рис. 13, 4). В одежде священников она сохраняется до XVIII в. Фрагменты застежки на шарообразные бронзовые пуговицы и воздушные металлические кольцевидные петли сохранились в погребении епископа Геннадия XVIII в. в Суздале около Рождественского собора (*Нестерова*, 2001. С. 16–18, 27–29. Рис. 13–16).

На изображениях XV–XVII вв. хорошо отражена застежка с петлицами. Верхние одежды с такой застежкой показаны на миниатюрах XV в. Радзивилловской летописи и Лицевого летописного свода XVI в., петлицы изображены простыми горизонтальными линиями (рис. 14, 1, 2, 6; Радзивилловская летопись, Л. 106, 181, 196, 199 об., 200; 201, 204, 212, 212 об., 217; Лицевой летописный свод XVI в., 2010б. С. 421). Иногда просматривается и сама застежка: петли и, возможно, пуговицы (рис. 14, 2, 6б). Довольно понятно показана застежка на петлицы на мужских плащах-охабнях, женском летнике и детских верхних рубашках на иконе 1467 г. «Деисусный чин и молящиеся новгородцы», где отражен коллективный ктиторийский портрет умерших членов семьи боярина Антипа Кузьмина (*Сарабьянов, Смирнова*, 2007. С. 530, 533, 534. Ил. 504) (рис. 14, 3; рис. 15, 4).

На одной из верхних женских одежд, отраженных на пелене «Церковная процессия» 1498 г., также показаны горизонтальные полосы (рис. 14, 4). У дипломатов и членов посольства в Австрию 1576 г. также показаны длинные петлицы с небольшими кистями на концах (рис. 14, 5; рис. 15, 5).

Замечательно, что от XVI столетия сохранились реальные предметы одежды с петлицами. Петлицы выглядели действительно иногда очень просто (линейно), как, например, на сохранившейся шубе митрополита Филиппа XVI в. (рис. 15, 1). Здесь использована застежка на пуговицы, которые пришиты справа, а петли слева (*Рабинович*, 1986. С. 79, 80). Сохранились и мужские рубахи XVI в. со стыкующимися полами прямого разреза с петличной, красиво вышитой застежкой (рис. 15, 2, 3). Это также очень хорошо соответствует изображениям (рис. 15, 4). Петличный способ оформления застежки вызвал и декоративное использование мотива петлиц на боковых разрезах и нашивках (рис. 15, 2, 3).

Петличная застежка хорошо отражена и иллюстрациями XVII в. при изображении и женских и мужских одежд (рис. 7, 1–4). На женских верхних одеждах присутствует петличная застежка с крупными пуговицами (рис. 7, 3). Создается впечатление, что вплоть до XVII в. она оставалась преобладающей.

На великолепном живописном полотне – групповом портрете российского посольства в Англию представлены разные виды застежек. На фезях пожилого и молодого дипломатов застежка с петлицами соответствует сферо-коническим отвисающим пуговицам, широко распространенным в XVII в. (рис. 16, 1, 2). Отвисание тяжелых пуговиц нужно для того, чтобы они не выскочили из петель, так как застежка располагается врасяг. Закреплению пуговицы в петле способствует и графичность ее формы, которая развивается на разных типах пуговиц на протяжении XV–XVII вв. Эти формы пуговиц всегда имеют отстоящую от основного корпуса петлю, за которую пришивались.

По изображениям XIV–XV вв. наблюдается косой ворот рубахи, создающий предпосылки для возникновения запаха на одеждах (рис. 7, 5, 6). На основании археологических материалов исследователи считают возможным существование воротника-стойки и рубахи-косоворотки с домонгольского времени (*Сабурова, Седова*, 1984. С. 122; *Степанова*, 2008; *Сабурова*, 2012. С. 155–158).

В XVI–XVII вв. стыкующиеся полы преобладают. Предпосылку для развития запаха создает, вероятно, и отложной воротник, при этом полы иногда показаны заходящими друг на друга (рис. 7, 7–9). В XVII в. известны петлицы, переходящие на противоположную полу, что также является переходной формой к запаху пол. Такая застежка сохраняется и в более позднее время (рис. 7, 2, 10).

Во второй половине XVII в. распространяется тип грибовидных пуговиц с полусферической шляпкой и петлей. Эти пуговицы не должны отвисать, их петля располагается горизонтально. Распространение такой формы пуговиц свидетельствует об использовании запахной одежды и застежки на прорезные петли. Петлицы здесь не являются необходимыми, поскольку запах достаточно расправляет и уплотняет края пол. Прорезные петли и, возможно, грибовидные пуговицы показаны на кафтане одного из дипломатов, членов английского посольства (справа), они соответствуют одежде с запахом (рис. 16, 3).

В середине – второй половине XVII в. тисненые сферо-конические пуговицы остаются основным типом. Но больше становится грибовидных пуговиц с полусферическими и более плоскими шляпками.

Рис. 14. Застежки с петлицами XV–XVI вв.

1, 2 – Радзивилловская летопись XV в., л. 204, 90 (Радзивилловская летопись, 1994); 3 – член боярской семьи Антипа Кузьмина, фрагмент иконы «Деисусный чин и молящиеся новгородцы», 1467 г., Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник (Мурашов, 2005. Илл. на цветной вклейке); 4 – знатная женщина на крестном ходе, фрагмент пелены «Церковная процессия», 1498 г., ГИМ (Маясова, 2004. Илл. 8. С. 27); 5 – представитель менее знатной части российского посольства к австрийскому двору императора Максимилиана, 1576 г. («Русская народная одежда...», 2011. Оборот обложки); 6 – миниатюра Лицевого летописного свода XVI в., Хронографический сборник, л. 797 (Лицевой летописный свод, 2010б. С. 421)

На рубеже XVII–XVIII вв. и в XVIII в. преобладают низкие по пропорциям пуговицы и плоскостные формы. На рубеже XVII–XVIII вв. распространяются дисковидные пуговицы с принципиально другим способом прикрепления: накладное пришивание

через сквозные отверстия. Это соответствует распространению застежки с запахом на прорезных петлях.

Высказанные здесь предварительные выводы по развитию застежек желательнее проверить по большему количеству материала.

Рис. 15. Застежки с петлицами XV – начала XVII в. на предметах одежды и изображениях

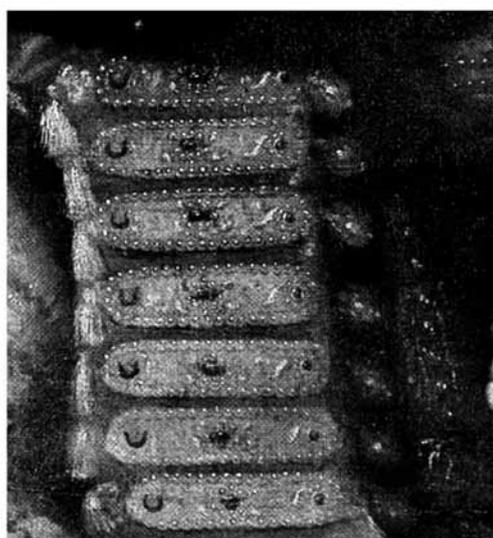
1 – шуба митрополита Филиппа, XVI в.; 2 – рубаха князя М.В. Скопина-Шуйского; 3 – вышивка на рубахе царя Федора Ивановича; 4 – детские рубашки, фрагмент иконы «Деисусный чин и молящиеся новгородцы», 1467 г. («Древняя одежда...», 1986. Рис. 27, 98, 96, 196); 5 – Третьян Дмитриевич Зубатый старший, боярин (?), участник российского посольства ко двору императора Максимилиана, 1576 г. («Русская народная одежда...», 2011, оборот обложки)

1

3

2

Рис. 16. Групповой портрет участников русского посольства в Англию 1662 г., ГРМ («Русские ювелирные украшения...», 1987. С. 33) (см. цв. вкл.)

1 – общий вид; 2 – застежка на петлицах и сферо-конических пуговицах; 3 – застежка на петлицы, петли и крючки (?) верхнего кафтана, застежка на петли и пуговицы нижней одежды

В целом проанализированный материал показал, что застежки преодолевают связь с фибульным и петельно-крючковым способом застегивания, переходят к пуговичному, сначала на петлицах и с воздушными петлями на стыкующихся полах, затем

на прорезных петлях и полах с запахом. В итоге застежки проходят путь от отдельных снимающихся и накладных деталей (фибулы, броши, пластины, петлицы) к деталям, более тесно связанным с предметами одежды и с ее краем (пуговицы, петли).

Приложение. Каталог украшений и деталей одежды XIII–XVII вв.

Каталог составлен для тех основных категорий украшений и деталей одежды, которые отражены в статье. Разделы (I, II, III) соответствуют категориям вещей. Внутри раздела вещи объединены в рамках хронологических периодов в соответствии с датировкой.

Схема карты каталога

Наименование и краткое типологическое описание.
 Материал, количество экз.
 Размер.
 Сведения о происхождении.
 Ссылка на публикацию или отчет об археологических исследованиях.
 Полевой паспорт.
 Датировка.
 Типологическое определение (для застежек).

I. Булавки или вкладные стержни

XVI в.

1. Булавки фрагмент с фигурным навершием с петлей и гранатом на штырьке (рис. 9, 1).
 Металл, 1 экз.
 15×10 мм
 Москва, Гостиный Двор.
Векслер, 1997. № 20410 С. 39–41; № 20411. С. 117. Илл. 125. Табл. 1, 2.
 Секция 7, помещение 2, шурф 1, сооружение 1 (зона наблюдения), глубина -180, № 1.
 Вероятна дата XVI в. (возможно, попал в слой вместе с красноглиняной керамикой XVI в.).
 Отдел 1 застежек (отдел 2, тип 1, группа 3 – булавок или стержней)⁸.
2. Булавки фрагмент с фигурным навершием с отверстием (рис. 9, б).
 Медный сплав, 1 экз.
 17×17 мм; диаметр отверстия 1 мм.
 Москва, Замоскворечье.
Векслер, 2002ж. № 23367. С. 123, 124; № 23368. № 214. С. 41.
 Раскоп 1, участок 2, горизонт 2, пласт 6, кв. Е7, глубина -134, яма 19, № 214.
 XV–XVI вв. (возможная датировка).
 Отдел 1 застежек (отдел 2, тип 1, группа 3 – булавок или стержней).
3. Булавки с фигурным зооморфным навершием (рис. 9, 2, 4).
 Свинцовая латунь с высоким содержанием цинка, 6 экз.
 70–80×15 мм; диаметр отверстия 3 мм.
 Тверь, Затьмацкий посад.
Персов Н. Е. и др., 2006. С. 363–365. Рис. 1, 1, 3–5; *Солдатенкова*, 2008. С. 154, 160. Рис. 1, 4.
 XVI в.
 Отдел 1 застежек (отдел 2, тип 1, группа 3 – булавок или стержней).
4. Булавки с фигурным навершием в виде трилистника (рис. 9, 3).
 Свинцовая латунь с высоким содержанием цинка, 2 экз.
 70–80×15 мм.

⁸ Стержни и булавки разделены на отделы по конструкции: отдел 1 – острые для прокалывания; отдел 2 – вкладные, незаостренные для вкладывания. Тип выделен по общей форме: I – стержень с навершием. Группы выделены по форме навершия: 1 – шаровидное; 2 – цилиндрическое; 3 – фигурное зооморфное; 4 – фигурное растительное.

Тверь, Затьмацкий посад.

Персов Н. Е. и др., 2006. С. 363–365. Рис. 1, 2.

XVI в.

Отдел 1 застежек (отдел 2, тип 1, группа 4 – булавок или стержней).

5. Булавка с фигурным навершием в виде трилистника (рис. 9, 5).

Железо (?), 1 экз.

60×12 мм.

Москва, участок филиала ГИМ «Палаты в Зарядье».

Векслер, 1985. № 10975. С. 17, 22-24. № 10975а. Рис. 32, 4. № 221

Раскоп II, пласт 10, кв. 5, № 221, глубина -235 (в отчете определена как гвоздь).

Ориентировочная дата от XV до XVII в. (возможна связь со слоем производственных комплексов конца XV – начала XVI в.).

Отдел 1 застежек (отдел 2, тип 1, группа 4 – булавок или стержней).

II. Застежки

1. XV в.

1. Застежка-петля округлой формы (рис. 11, 1).

Металл, 1 экз.

12×12 мм.

Тверь, Затьмацкий посад, раскоп 56.

Солдатенкова, 2008. Рис. 1, 5. С. 154, 160.

XV в.

Отдел 3, тип I.

2. XVI–XVII (начало XVIII) вв.

1. Застежка-петля округлой формы (рис. 11, 2).

Металл, 1 экз.

8,5×8,5 мм.

Троице-Сергиева лавра, кладбище XVI–XVII вв.

Энговатова, Зеленцова, 2005. С. 82, 87. Рис. 5, 3.

Погребение 1.

Середина – вторая половина XVII в.

Отдел 3, тип I.

2. Застежка-петля подтреугольной формы со спиральными окончаниями (рис. 11, 3).

Металл, 1 экз.

18×13 мм.

Москва, Казанский собор на Красной площади.

Беляев, 1990. № 14029. С. 15, 16, 77. № 66.

Раскоп КС 89, помещение 1б, № 66 (строительный перекоп). Может предполагаться датировка от XVI до XVIII в.

Отдел 3, тип II.

3. Застежка-петля в виде пластины, оформленной под раковину, с тремя петлями для пришивания.

Металл, 1 экз.

20×25 мм.

Москва, Манежная площадь.

Векслер, 1994. № 17708. С. 459–466; № 17713. С. 16. Илл. 431. Табл. 2, 5.

Раскоп 7, кв. 38, пласт 14, глубина -262, № 16 (20).

Слой с материалом и сооружениями XVII–XIX вв.

Отдел 4, тип V.

4. Застежка в виде пластины, оформленной под раковину, с петлями для пришивания, рабочее окончание и одна петля обломаны (рис. 11, 17).

Белый металл, 1 экз.

25 (ширина)×11 мм.

Москва, Земляной город.

Векслер, 2000. № 22465. С. 26–29, 224. № 16.

Раскоп 1, пласт 8, кв. 12, глубина -144, № 16.

Первая половина XVIII вв. (датировка по аналогиям и дате пласта 8 данного раскопа).

Отдел 4, тип V.

5. Застежка-петля в виде ажурной пластины подтреугольной формы с тремя округлыми лопастями и подпрямоугольно-растительной фигурой в центре (деталь ременного набора?) (рис. 11, 9).

Цветной металл, 1 экз.

30×28 мм.

Москва, Трехсвятительский пер. (церковь Трех Святителей, что на Кулишках).

Векслер, 2004б. № 23583. С. 15–20; № 23584. С. 86. № 18.

Раскоп 1, участок 1, зачистка на уровень -200, кв. 6, глубина -193, № 18.

Вторая половина XVII–XVIII в. (по сопутствующим находкам).

Отдел 4, тип IV.

6. Застежка-петля из подтреугольной пластины в виде раковины с тремя петлями для пришивания, петля для застегивания обломана (рис. 11, 15).

Медь, 1 экз.

23×18 мм.

Москва, Белый город.

Векслер, 2002а. № 23539. С. 15–17; № 23540. С. 36. № 67.

Раскоп 1, кв. 14, пласт 2, глубина -170, слой плотной темно-серой супеси, № 67.

От XVII в. (60-е гг. XVII – начало XVIII в. – изразцы).

Отдел 4, тип V.

7. Застежка-петля из подтреугольной пластины с криволинейно-растительными очертаниями с тремя выступающими петлями для пришивания (рис. 11, 10).

Бронза, 1 экз.

24×20 мм.

Москва, Земляной город.

Зона экспресс-раскопок 1, сооружение 2, профиль 5, глубина -315, слой темно-коричневой супеси, № 11.

Векслер, 2002б. № 23541. С. 24–28, 88. № 11.

Первая половина XVIII в. – стратиграфическая датировка слоя темно-коричневой супеси.

Отдел 4, тип IV.

8. Застежка из подтреугольной пластины в виде раковины с двумя петлями для пришивания и обломанной рабочей деталью (рис. 11, 16).

Белый металл, 1 экз.

20×14 мм.

Москва, Белый город.

Векслер, 2002в. № 23542. С. 32–38, 137. № 54.

Пласт 12, кв. 22, глубина -236, № 54.

Вторая половина XVII – начало XVIII в. (по сопутствующим находкам).

Отдел 4, тип V.

9. Застежка-крючок (книжная?) подпрямоугольной формы с фигурно-кринообразным окончанием и аналогичной прорезью (рис. 11, 11).

Металл, 1 экз.

18×25 мм.

Подмосковье, Гжельское селище (с. Гжель, Раменского р-на Московской обл.).

Векслер, 1989. № 14409. С. 27–29; № 14410. С. 15. Илл. 27. Табл. 2, 3⁹.

Раскоп II, пласт 8–9, слой светло-серой супеси, кв. 1, глубина -117, № 4.

Не ранее XVIII в.

Отдел 4, тип IV.

10. Застежка-крючок (накладка?) подпрямоугольной формы растительно-фигурных очертаний с четырьмя отверстиями для нашивания (рис. 11, 12).

Металл, 1 экз.

30×12 мм.

Подмосковье, Гжельское селище (с. Гжель, Раменского р-на Московской обл.).

Векслер, 1989. № 14409. С. 25, 26, 29; № 14410. С. 15. Илл. 27. Табл. 2, 4.

Раскоп II, пласт 5–6, слой плотной светло-серой глины, кв. 8, глубина -48, № 5

Не ранее XVIII в.

Отдел 4, тип IV.

11. Застежка-крючок в виде подтреугольной пластины с отростками и тремя отверстиями для пришивания (рис. 11, 5).

Белый металл, 1 экз.

15×12 мм.

Москва. Земляной город.

Векслер, 2002е. № 23365. С. 33, 37, 38; № 23366. С. 118. № 121.

Раскоп 1, горизонт балласта, кв. 16, глубина -295, № 121.

В горизонте балласта встречены материалы XVIII–XX вв., пласт 15 (соответствует по глубине уровню находки) датируется второй половиной – концом XVII в.

Отдел 4, тип I.

12. Застежка трапециевидной формы с круглыми отверстиями для застегивания и крепления (рис. 11, 21).

Медь, 1 экз.

48×24 мм.

Москва, Белый город.

Векслер, 2002и. № 23375. С. 57, 65; № 23378. С. 37. № 441.

Раскоп 1, участок 2, пласт 15, кв. 52, глубина -298, № 441.

XVII в. – стратиграфическая датировка пласта.

Отдел 2, тип 4.

13. Застежка-петля подтреугольной формы с круглыми отверстиями для крепления и прямоугольным отверстием для застегивания (рис. 11, 4).

Медь, 1 экз.

17×19 мм.

Москва, Белый город.

Векслер, 2002и. № 23375. С. 58, 65; № 23378. С. 37. № 452.

Раскоп 1, участок 2, пласт 15, кв. 52, глубина -287, № 452.

XVII в. – стратиграфическая датировка пласта.

Отдел 4, тип I.

14. Застежка-петля в виде подтреугольной пластины с тремя отверстиями для пришивания и пятью пальчатыми выступами по контуру (рис. 11, 18).

⁹ В тексте отчета на обе находки с Гжельского селища сделана ссылка: илл. 27, 4. Находки предположительно удалось различить по описанию.

Бронза, 1 экз.

16×28 мм.

Москва, Белый город.

Векслер, 2002г. № 23549. С. 54–58, 99; № 23552. С. 4. № 16.

Участок I, пласт 2, кв. Б4, яма 2, глубина -177, № 16.

Первая половина XVII в. – стратиграфическая дата ямы 2.

Отдел 4, тип VI.

15. Застежка-петля в виде округлой полусферической фигуры с продольным рифлением и тремя петельками для пришивания в виде лопастей (рис. 11, 7).

Медный сплав, 1 экз.

23×20 мм; диаметр отверстий 2,0 и 3,0 мм.

Москва, Коломенское, Старый государев двор.

Векслер, 2002д. № 23553. С. 74, 75, 84, 85; № 23555. С. 103. № 288.

Раскоп 5, участок 1, внутренний двор (Кормового двора), горизонт строительства, кв. 274, глубина -466, № 288 (149).

Вторая половина XVII – начало XVIII в. (по сопутствующему материалу).

Отдел 4, тип III.

16. Застежка-петля удлиненно-овальной формы, с завитковым орнаментом; с каждой стороны – по четыре круглых отверстия для пришивания (рис. 11, 8).

Цветной металл, 1 экз.

19×40 мм.

Москва, Климентовский острожек, Татарская слобода.

Векслер, 2004а. № 23575. С. 4, 26–28; № 23576. Илл. 32, 1; 32а. С. 35, 39.

Раскоп 1, яма 4, кв. 4, глубина -302, № 1.

XVIII в. (стратиграфическая датировка ямы 4), сопутствующие находки черепицы XVII–XVIII вв.

Отдел 4, тип III.

17. Застежка-петля (?) в виде пластины округло-ромбической формы, выпуклая, с тремя подпрямоугольными выступами (без отверстий) и одним – с петлей для застегивания (рис. 11, 6).

Цветной металл, 1 экз.

14×17 мм.

Москва, Климентовский острожек, Татарская слобода.

Векслер, 2004а. № 23575. С. 4, 44–46; № 23576. С. 82. Илл. 76, 54.

Экспресс-работы, наблюдения (в зонах с нарушенным культурным слоем), подъемный материал, юго-восточная часть котлована, № 54.

Ориентировочно XVI–XVIII вв. по сопутствующему материалу.

Отдел 4, тип II.

18. Застежка-крючок из треугольной пластины в виде раковины, орнаментированной рифлением, с тремя петлями для пришивания (одна отломана) (рис. 11, 13).

Медный сплав, 1 экз.

22×22 мм.

Москва, Трехсвятительский пер. (церковь Трех Святителей, что на Кулишках).

Векслер, 2004б. № 23583. С. 51–54; № 23584. С. 101. № 155.

Раскоп 1, яма 16, кв. 14, глубина -267, № 155.

XVII в. (по сопутствующим находкам, преобладающей керамике: белоглиняной и мореной).

Отдел 4, тип V.

19. Застежка-петля из треугольной пластины в виде раковины, орнаментированной рифлением, с тремя петлями для пришивания (одна отломана) (рис. 11, 14).

Медный сплав, 1 экз.

20×18 мм.

Москва, Трехсвятительский пер. (церковь Трех Святителей, что на Кулишках).

Векслер, 2004б. № 23583. С 51–54; № 23584. С. 104. № 188.

Раскоп 1, яма 16, кв. 13, глубина -313, № 188.

XVII в. (по сопутствующим находкам).

Отдел 4, тип V.

III. Нашивные и накладные детали¹⁰

XVI–XVII вв.

1. Фрагмент накладной пластины с изображением головы коня или дракона, покрытый кольцевым с точкой (глазковым) орнаментом (рис. 11, 19).

Медный сплав, 1 экз.

30×15 мм.

Москва, Земляной город, Заяузье.

Векслер, 2002з. № 23371. С. 114–118; № 23373. С. 84. Табл. VI, 10.

Раскоп II, участок 2, пласт 16, кв. 41, глубина -313, № 92.

XVI – начало XVII в. (по сопутствующим находкам).

Отдел 2, тип XXII (по типологии накладных пластин и бляшек¹¹).

2. Накладка сердцевидной формы, ажурная, с зооморфным орнаментом (завитки оформлены как головы драконов или коней), с выделенным круглым отверстием (рис. 11, 20).

Медь, 2 экз.

35×30 мм.

Москва, Белый город.

Векслер, 2002и. № 23375. С. 19, 26; № 23377. Илл. 8; № 23378. С. 73. № 832.

Раскоп 1, участок 2, пласт 12, кв. 44, глубина -231, № 832.

Первая половина XVII в. – стратиграфическая дата, сопутствующие находки.

Отдел 2, тип XXII.

Литература

Беляев Л. А., 1989. Отчет о результатах археологических исследований в ходе реставрации памятника истории и культуры собора Богоявленского монастыря в г. Москве за 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12672.

Беляев Л. А. 1990. Отчет об археологических исследованиях на участке памятника архитектуры XVII века Казанского собора на Красной площади в Москве в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14029.

Векслер А. Г., 1985. Отчет об археологических работах в г. Москве в 1984 г.; Иллюстрации к отчету... // Архив ИА РАН. Р-1. № 10975, 10975а.

Векслер А. Г., 1989. Отчет об археологических работах в Москве и Московской обл. в 1988 г.;

Иллюстрации к отчету // Архив ИА РАН. Р-1. № 14409, 14410.

Векслер А. Г. 1994. Отчет об охранно-археологических раскопках на Манежной площади в Москве в 1993 г. Т. 3. Альбом иллюстраций к отчету... Т. 4. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17708, 17713.

Векслер А. Г., 1997. Отчет об охранных археологических работах в Москве в 1996 г. Книга VII. Охранные археологические работы, связанные с реконструкцией Гостиного Двора; Альбом к отчету... // Архив ИА РАН. Р-1. № 20410, 20411.

Векслер А. Г., 2000. Исследования в Земляном городе в 1999 г. Т. 1. Отчет об охранных археологических работах, связанных со строительством офисного комплекса зданий по адресу:

¹⁰ Можно предположить использование пластин подобной формы в качестве застежек либо развитие пластин на основе застежек.

¹¹ Отделы выделены по конструкции: 1 – сплошные накладные пластины или бляшки, 2 – ажурные; типы выделены по форме: тип XXII – зооморфные.

Кадашевская наб. 16/18//Архив ИА РАН. Р-1. № 22465.

Векслер А. Г., 2002а. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Москве в 2001 г. Т. 1. Ч. 2. Отчет об охранных археологических исследованиях в режиме наблюдений, связанных со строительством здания по адресу: ул. Рождественка, 17–19//Архив ИА РАН. Р-1. № 23539, 23540.

Векслер А. Г., 2002б. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Москве в 2001 г. Т. 2. Ч. 3. Отчет об охранных археологических исследованиях в режиме наблюдений, связанных со строительством жилого дома с двухъярусным подземным гаражом по адресу: М. Левшинский пер., вл. 5//Архив ИА РАН. Р-1. № 23541.

Векслер А. Г., 2002в. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Москве. 2001. Т. I. Ч. 4. Отчет об охранных археологических исследованиях, связанных с реконструкцией здания музыкального театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко по адресу: ул. Большая Дмитровка, 17//Архив ИА РАН. Р-1. № 23542.

Векслер А. Г., 2002г. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Москве, 2001 г. Т. 1. Ч. 3. Отчет об охранных археологических исследованиях, связанных с реконструкцией жилого дома по адресу: Вознесенский пер., вл. 7//Архив ИА РАН. Р-1. № 23549, 23552.

Векслер А. Г., 2002д. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Москве в 2001 г. Т. 3. Ч. 1. Отчет об охранных археологических раскопках Кормового двора на Старом государственном дворе в Коломенском//Архив ИА РАН. Р-1. № 23553, 23555.

Векслер А. Г., 2002е. Отчет об охранных археологических исследованиях, связанных со строительством административного здания по адресу: г. Москва, Кадашевская наб., д. 30 в 2002 г.//Архив ИА РАН. Р-1. № 23365, 23366.

Векслер А. Г., 2002ж. Отчет о натуральных охранно-археологических исследованиях, связанных со строительством жилищно-коммерческого комплекса по адресу: ул. Б. Якиманка., вл. 22 в 2002 г.//Архив ИА РАН. Р-1. № 23367, 23368.

Векслер А. Г., 2002з. Отчет о натуральных охранных археологических исследованиях, связанных со строительством здания с подземной автостоянкой по адресу: Гончарная ул., 13–17 в 2002 г.//Архив ИА РАН. Р-1. № 23371, 23373.

Векслер А. Г., 2002и. Отчет об археологических исследованиях, связанных с реконструкцией здания Московского академического музыкального

театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко по ул. Б. Дмитровка, 17 в 2002 г.//Архив ИА РАН. Р-1. № 23375, 23377, 23378.

Векслер А. Г., 2004а. Отчет об охранных археологических исследованиях в связи со строительством здания по адресу: г. Москва, Климентовский пер. вл. 2–4 – Б. Татарская ул. вл. 16/2 в 2003 г. Т. 1, 2//Архив ИА РАН. Р-1. № 23575, 23576.

Векслер А. Г., 2004б. Отчет о предпроектных охранных археологических исследованиях, связанных с реконструкцией и капитальным ремонтом здания с устройством подземной стоянки по адресу: г. Москва, Б. Трехсвятительский пер., 1–3, стр. 1 в 2003 г.//Архив ИА РАН. Р-1. № 23583, 23584.

Древности Российского государства. М., 2007.

Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986.

Жилина Н. В., 2014. Древнерусские клады. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.

Иностранцы о древней Москве. М., 1991.

История древнерусской литературы X–XVII веков/Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980.

Купеческий портрет XVIII – начала XX из собрания Исторического музея. Живопись. Дагеротипия. Фотография. М., 2013.

Лицевой летописный свод XVI века. Всемирная история. Кн. 2. М., 2010а.

Лицевой летописный свод XVI века. Всемирная история. Кн. 3. М., 2010б.

Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Кн. 1. М., 2009а.

Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Кн. 2. М., 2009б.

Маясова Н. А., 2004. Древнерусское лицевое шитье. Каталог. М.

Муратов П. П., 2005. Древнерусская живопись. История открытия и исследований. М.

Нестерова Н. В., 2001. Отчет об археологических наблюдениях за земляными работами в кремле г. Суздаля в 2001 г.//Архив ИА РАН. Р-1. № 25598.

Никольская Т. Н., 1974. Литейные формочки древнерусского Серенска//Культура средневековой Руси. Л.

Олеарий А., 1906. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.

Персов Н. Е., Сарачева Т. Г., Солдатенкова В. В., 2006. Одежные булавки или височные кольца? Украшения XVI века из Твери//Археологическое изучение центральной России. Липецк.

- Рабинович М. Г.*, 1986. Одежда русских XIII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М.
- Рабинович М. Г.*, 2011. Одежда русских XIII–XVII вв. // Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки. М.
- Радзивилловская летопись. Т. 1. СПб.; М., 1994.
- Регалии российских государей / [И. А. Бобровницкая]. М., 1997.
- Ровинский Д.*, 1882. Достоверные портреты московских государей Ивана III, Василия Ивановича и Ивана IV Грозного, и посольства их времени. СПб.
- Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки. М., 2011.
- Русские ювелирные украшения 16–20 веков из собрания Государственного ордена Ленина Исторического музея. М., 1987.
- Русский исторический портрет. Эпоха парсуны. М., 2004.
- Сабурова М. А.*, 2012. Находки деталей одежды в Суздальской земле и их значение для изучения русского национального костюма // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время. М.; СПб.
- Сабурова М. А., Седова М. В.*, 1984. Некрополь Суздаля // Культура и искусство средневекового города. М.
- Сарабьянов Д. В., Смирнова Э. С.*, 2007. История древнерусской живописи. М.
- Седова М. В.*, 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв. М.
- Собрание рисунков к путешествию Мейерберга. СПб., 1827.
- Солдатенкова В. В.*, 2008. Металлические детали одежды и украшения в городском костюме XV–XVI вв. (по материалам раскопа 56 на территории Затямацкого посада Твери // КСИА. № 222. М.
- Солдатенкова В. В., Сарачева Т. Г., Персов Н. Е.*, 2011. К истории женского городского ювелирного убора XVI в. // Женская традиционная культура и костюм в эпоху средневековья и Новое время. Матер. междунауч.-образов. семинара 25–26 ноября 2011 г. М.; СПб.
- Срезневский И. И.*, 1895. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. СПб.
- Степанова Ю. В.*, 2008. Локальные варианты древнерусского женского погребального костюма Верхневолжья // КСИА. Вып. 222. М.
- Стрикалов И. Ю.*, 2014. Новые данные по ранней истории посада Старой Рязани в XI в. // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III. Казань.
- Царский титулярник. Книга 2. Тексты, исследования, комментарии / Под ред. Ю. М. Эскина. М.: Фонд Столярова, 2007.
- Энговатова А. В., Зеленцова О. В.*, 2005. Исследование участка кладбища XVI–XVII вв. на территории Троице-Сергиевой Лавры // АП. Вып. 2. М.

N. V. Zhilina

Fasteners on clothes in Muscovian Rus'

Summary

The analysis of fasteners is important in the study of costume design. The integration of data of archaeological and pictorial sources is perspective (items from Moscow and Moscow Region, Novgorod, Suzdal,

Tver were taken into account). The fasteners developed from removable detail (pins, brooches, plates, buttonholes) to items closely connected with suit and its construction (buttons, loops).

В. Ю. Коваль

Импортная керамика Московского Кремля по материалам раскопок на Подоле в 2007 году¹

В ходе археологических исследований 2007 г. в Тайницком саду Московского Кремля, занимающего значительную часть Подола (приречной части средневековой Москвы), собрана обширная коллекция находок. Та ее часть, которая была передана на постоянное хранение в Музеи Московского Кремля, насчитывала 2280 экз. (раскоп 1–1694 экз.; раскоп 2–586 экз.). В составе этой коллекции имеется 169 образцов импортной керамики (или 7% от общего числа находок). Больше половины из этих находок (93 шт., или 55%) были получены в ходе работ Института археологии РАН в мае–сентябре 2007 г., эти экземпляры в подавляющем большинстве имеют четко зафиксированные контексты. К сожалению, другая часть находок (76 шт., или 45%) поступила в фонды Музеев Московского Кремля из раскопок АОЗТ «ФРОМ», проводившихся в январе–апреле 2007 г., и эти находки являются фактически беспаспортными, поскольку отчет о работах АОЗТ «ФРОМ» не был подготовлен. Коммерческой организацией были проведены в основном подготовительные работы со вскрытием верхних горизонтов культурного слоя XVII–XX вв., однако на раскопе 1 ею были выбраны до материка культурные отложения на почти половине площади раскопа². Хотя находки из раскопок коммерческой организации имели шифры или этикетки с адресами, отсутствие пол-

ных описей и большинства чертежей не позволяло установить контексты находок. К счастью, почти все упомянутые находки могли быть легко определены до типа и вида, а значит, датированы по аналогиям. Кроме того, контексты иногда удавалось установить исходя из глубин залегания находок в сравнении с расположенными рядом участками, исследованными позднее экспедицией ИА РАН.

Из 169 рассматриваемых ниже образцов 157 были найдены на раскопе 1 (располагавшемся западнее местоположения несохранившейся церкви Св. Константина и Елены), а 12 – на раскопе 2 (восточнее той же церкви). Поэтому при дальнейшем изложении материала указание на раскоп будет делаться только в случае происхождения находки с раскопа 2, в остальных случаях речь будет идти о находках из раскопа 1.

При систематизации данного материала на первом этапе проводилось его разделение по формальным основаниям на классы и группы, различающиеся самыми общими характеристикам материала, из которого была изготовлена керамика, и способам нанесения декора. Основные принципы такого деления успешно использовались при обработке импортной керамики, поступавшей в средневековую Русь (Коваль, 2010. С. 14–25). Подобный подход позволяет проводить общее сравнение импортов по технологическим признакам керамики

¹ Исследование выполнено благодаря финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-01-00062а «Подол Московского Кремля по материалам археологических исследований»).

² АОЗТ «ФРОМ» проводило подготовительное вскрытие котлованов будущих раскопок и финансировало археологические исследования, проводившиеся по Открытому листу сотрудника Музеев Московского Кремля Д. О. Осипова. Все полевые чертежи и фотоматериалы были изъяты руководством АОЗТ «ФРОМ» у автора раскопок без его согласия, и в настоящее время место их хранения неизвестно. Вещевые находки и керамика из раскопок Д. О. Осипова, находившиеся в помещениях, принадлежавших Музеям Московского Кремля, сохранились и могли быть изучены непосредственно.

и абстрагироваться от их конкретных атрибуций, поскольку происхождение и датировка отдельных образцов бывает весьма спорной и неоднозначной в зависимости от того, насколько хорошо изучена та или иная разновидность импортов, установлены места производства изделий или они только предполагаются на основании различных логических построений. Только после проведения такой систематизации с соответствующими выводами об атрибциях импортов может и должна быть проведена их группировка по регионам-экспортерам, что позволит составить представление о спектре внешних связей. В современной российской науке существует и иной подход, предусматривающий уже на первом этапе систематизации материала разделение импортов на группы в зависимости от места производства керамики. Представляется, однако, что формально-типологический подход, используемый нами, обладает преимуществом, поскольку он меньше зависит от авторских атрибуций.

Все собранные при раскопках образцы импортной керамики относились к разделу бытовой емкостной керамики, внутри которой выделяются категории *посудной* и *тарной* керамики. К последней относились обломки неполированных сосудов (19 экз.), принадлежавших к классам амфор византийского культурного круга (11 экз.), крупным тарным кувшинам (5 находок) и сфероконусам (3 обломка).

Из 11 обломков византийской **амфорной керамики** 10 относились к группе I («трапезундской» по И. В. Волкову) (рис. 1, 1–3, 5) и один – к группе II («трилийской» по И. В. Волкову) (Коваль, 2010. С. 152–159). Большинство обломков принадлежали стенкам с характерным волнообразным рифлением на внешней поверхности. Хотя имеющиеся обломки не имеют каких-либо особых отличительных особенностей, позволивших бы датировать их более точно (стыковочных швов, отпечатков мерной рейки, клейм и т. п.), можно с высокой степенью уверенности предполагать их привоз в Москву во второй половине XII – первой половине XIII в., то есть в то же самое время, к которому относятся все другие известные сегодня образцы амфорной керамики из Москвы – 48 обломков

и один развал амфоры (Коваль, 1997б. С. 105; 2010. Рис. 53, 4; 54; 56, 8, 9; Прил. 2; Векслер, Коваль, 1998. С. 163–166). Интересен обломок ручки амфоры группы I с граффио (рис. 1, 3). Подобные знаки часто встречаются на амфорах «трапезундской» группы (Коваль, 2010. С. 156, 157. Рис. 55. Ил. 65, 3а, 4; 67, 1), но для Москвы это первая находка такого рода. Амфоры группы II, производившиеся, вероятно, в окрестностях византийской Никеи, представлены единственным обломком ручки из характерной массы с большой примесью органики (рис. 1, 4). Весьма велика вероятность, что подобные амфоры перестали ввозиться на Русь после падения Константинополя в 1204 г. (Волков, 1996. С. 94, 95), следовательно, данный образец может быть датирован не позже второй половины XII в. При этом импорт амфор «трапезундской»³ группы продолжался и позже, в первой половине XIII в.

Новые находки амфорной керамики, обнаруженные в переотложенном состоянии, вероятно, попали на Подол вместе с грунтом, перемещенным с верхней площадки, где размещались наиболее богатые усадьбы Москвы второй половины XII – первой половины XIII в. Нельзя исключать и того, что усадьбы, на которые поступали византийские амфоры, размещались в то время и на Подоле, однако пока такие усадьбы не выявлены.

К числу **тарных кувшинов** относились обломки пяти сосудов. Один из них изготовлен из слабожелезненной (розовой) глины без видимых минеральных примесей, но с добавкой органики, которая после выгорания оставила крупные округлые поры⁴ (рис. 1, 7)⁵. Обломок относился к придонной части сосуда, диаметр которого, судя по изгибу черепка, составлял около 20 см, следовательно, в верхней части сосуд имел гораздо больший диаметр. Сосуд изготовлен ленточным налепом, о чем свидетельствуют хорошо заметные места спайки лент; его внешняя поверхность, судя по следам срезов глины, обработана ножом. Аналогии формовочной массы этого сосуда среди тарных кувшинов Северного Причерноморья и Византии нам неизвестны. Находка происходит из фрагмента слоя первой

³ Атрибуция производству Трапезунда касается того типа амфор, который в современных исследованиях европейских коллег связывается с окрестностями Константинополя (районом Ганоса близ Текирдага) – амфоры типа IV по Н. Гюнсенин (Gunsenin, 1989, 1990).

⁴ Такие поры могли остаться и после выгорания карбонатной примеси, однако полное отсутствие даже малейших остатков карбонатных пород в черепке заставляет склоняться к мысли о присутствии в нем именно органической примеси.

⁵ № 744. Здесь и далее по тексту указываются номера по описи раскопа I. Для полевых номеров находок из раскопок АОЗТ «ФРОМ» к номеру находки добавляется литера «ф».

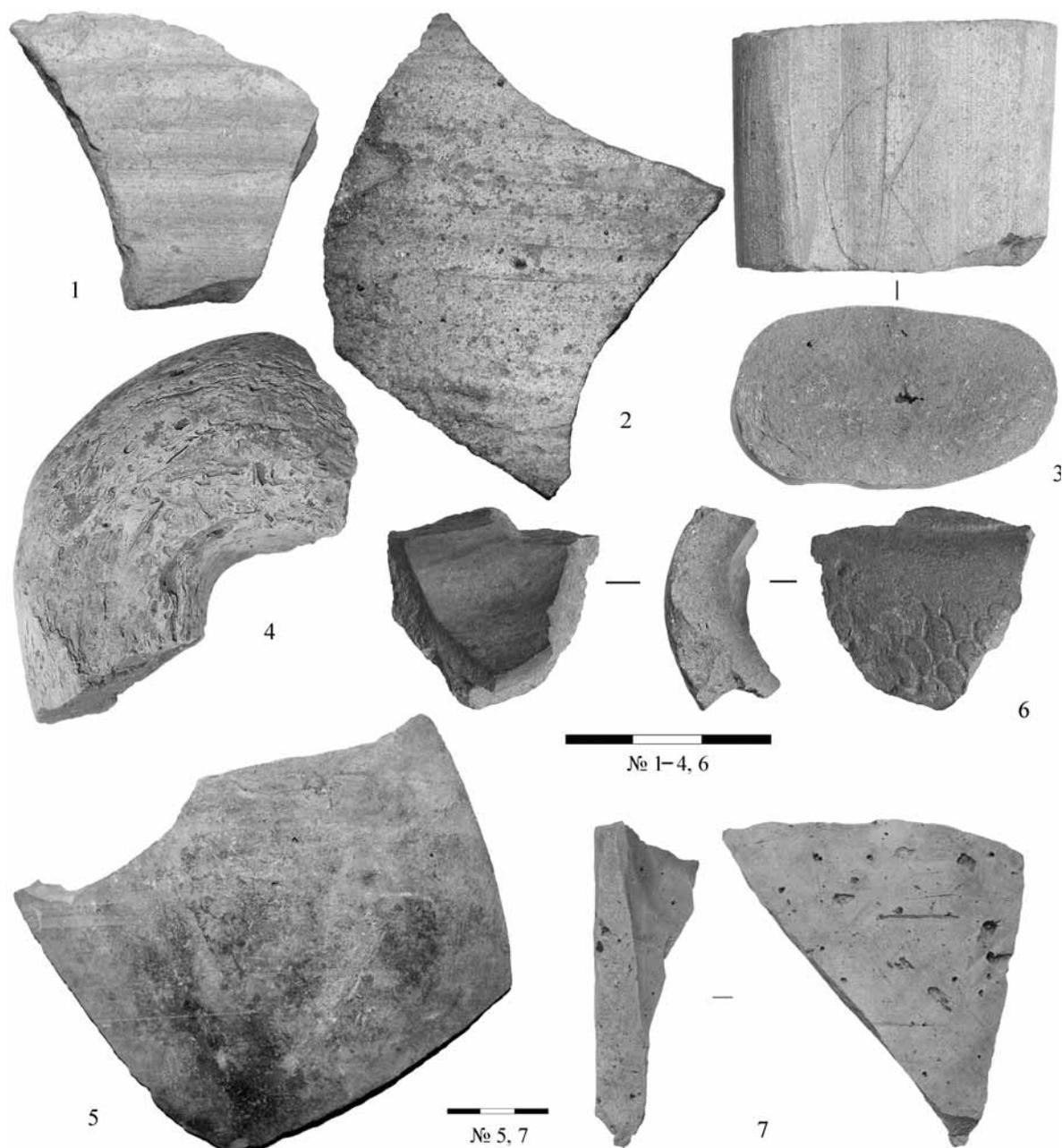

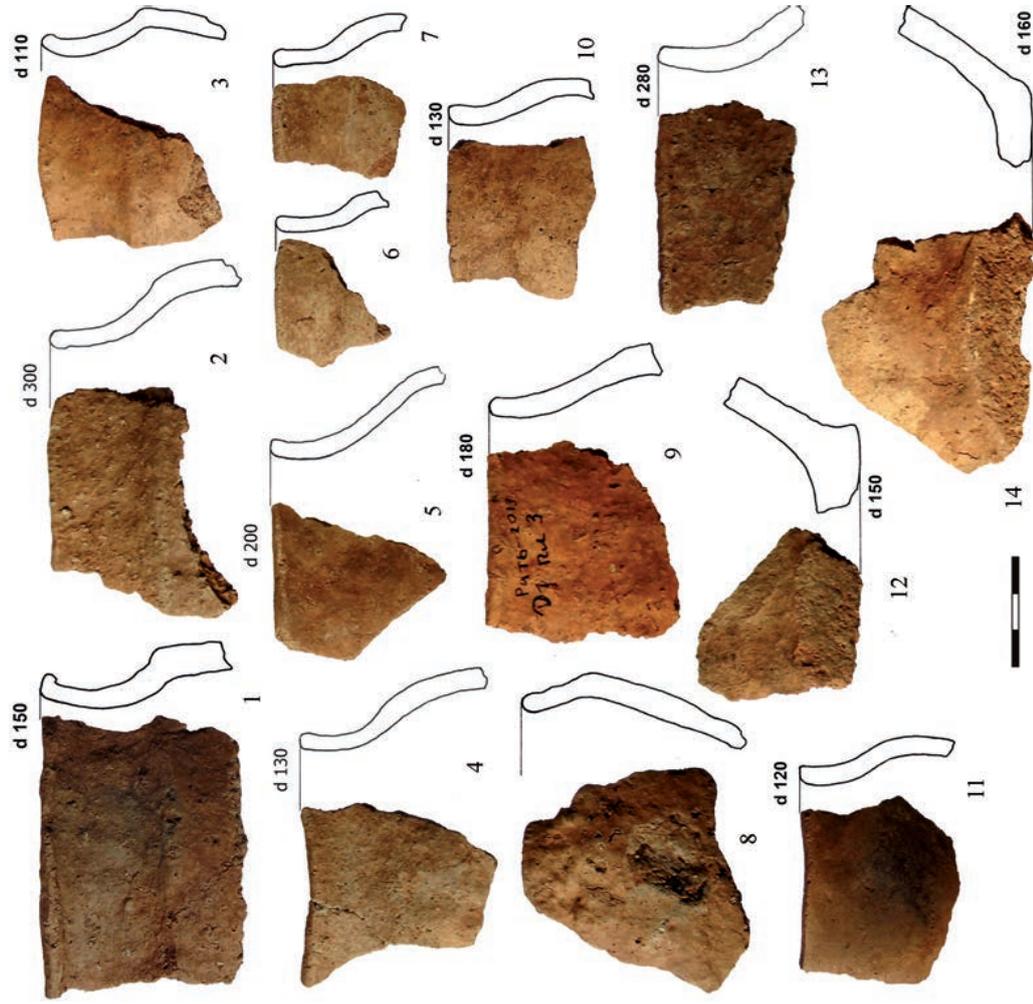
Рис. 1. Обломки амфор группы 1 (1–5), в том числе с граффито (3), обломок сфероконауса (6) и стенка тарного кувшина (7)

половины XIII в., однако весьма вероятно, что рассматриваемый обломок попал в этот контекст случайно, в более позднее время (XIV–XV вв.). Во всяком случае, кувшин с аналогичной фактурой поверхности и пористым тестом опубликован среди находок из Сарайчика (*Самашев и др.*, 2008. С. 83), датирующихся в основном XIV в.

Небольшой обломок придонной части стенки второго кувшина (?) найден в слое первой половины XIV в. Сосуд изготовлен из ожелезненной

(бежевого цвета) глины с естественной примесью мелкодисперсного песка ленточным налепом, прошел полный окислительный обжиг. Отсутствие морфологических характеристик этого образца (№ 172) не позволяет уточнить место его производства, однако наиболее вероятно, что оно находилось в Северном Причерноморье.

Обломки еще трех тарных кувшинов найдены в постройках первой трети XVI в. (сооружения 10/92, 102 и 108). От одного сосуда

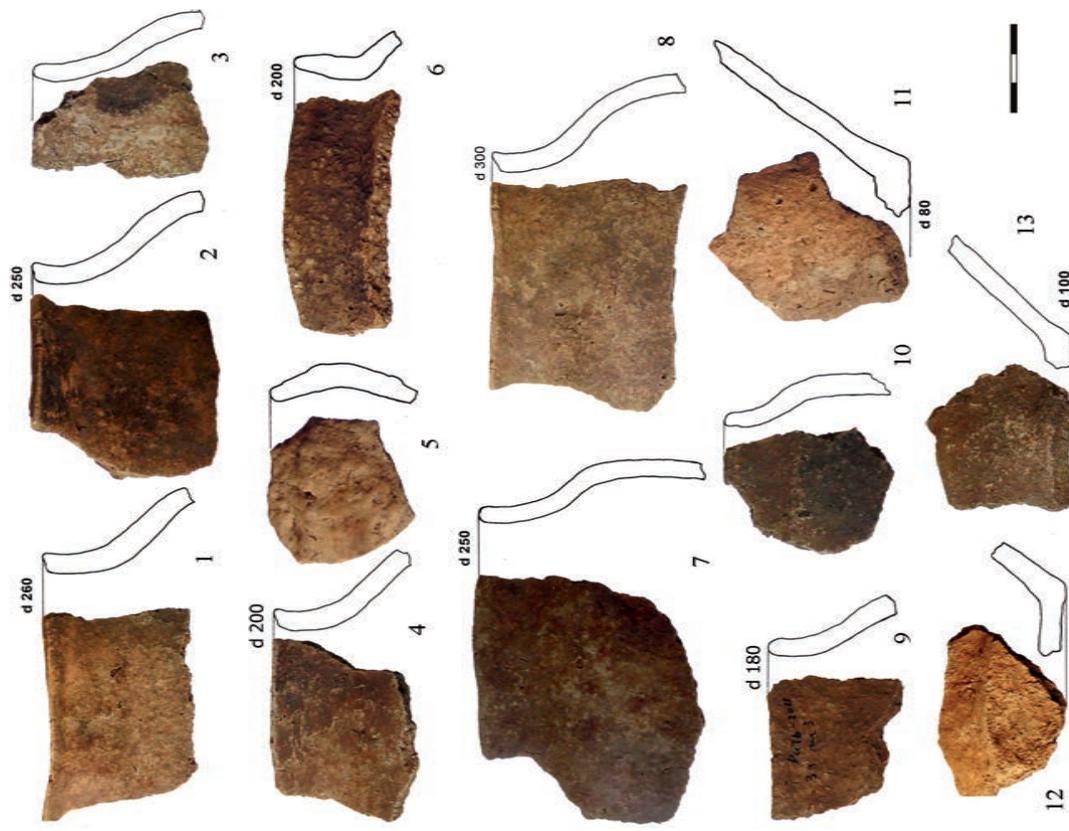

К статье Т.Н. Новоселовой и В.И. Вишневого
 «Раннесредневековый финно-угорский могильник на Ратковском городище...».

Рис. 7. Инвентарь погребального комплекса 22.

Фрагменты керамики

1 – кв. В2, пл. 2; 2, 4, 5 – кв. Г1, пл. 3; 3, 6, 7, 10, 11, 13 – кв. Г1, пл. 4;
 8, 9 – кв. Д1, пл. 3; 12 – А1, пл. 5; 14 – А1, пл. 4

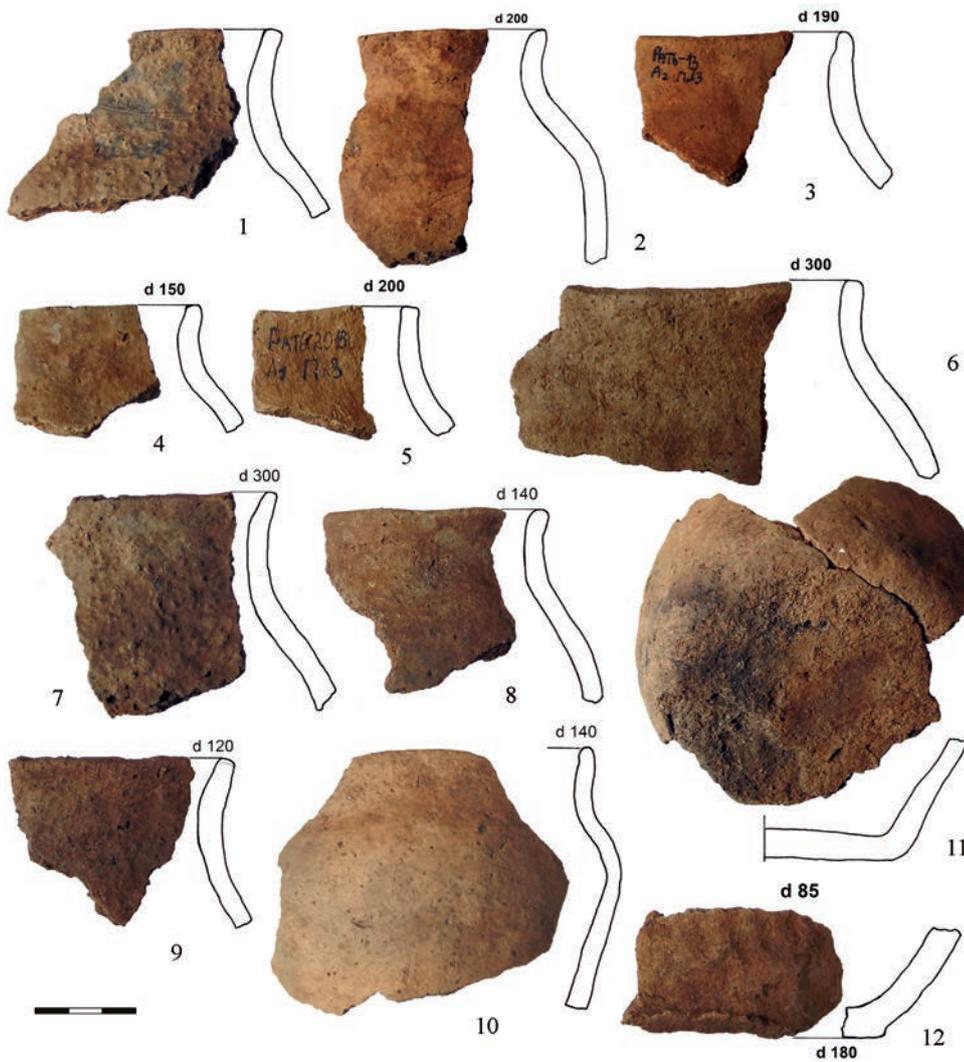

К статье Т.Н. Новоселовой и В.И. Вишневого
 «Раннесредневековый финно-угорский могильник на Ратковском городище...».

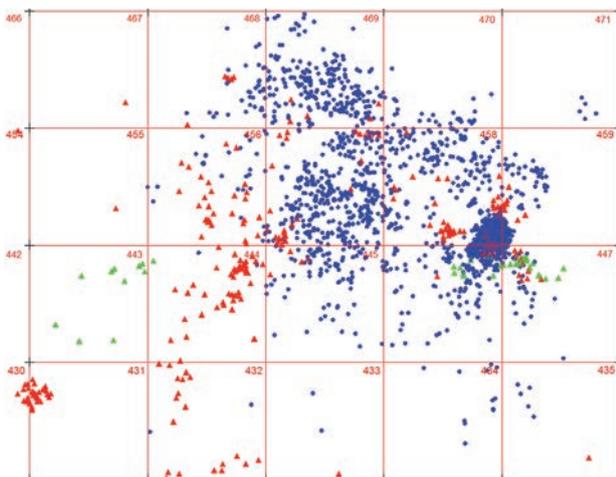
Рис. 8. Инвентарь погребального комплекса 21.

Фрагменты керамики

1–5, 8, 9 – кв. 32, пл. 2; 6 – кв. 33, пл. 2; 7, 14 – кв. 32, пл. 3; 10–11 – кв.
 33, пл. 3; 12 – А1, пл. 2; 13 – А2, пл. 3

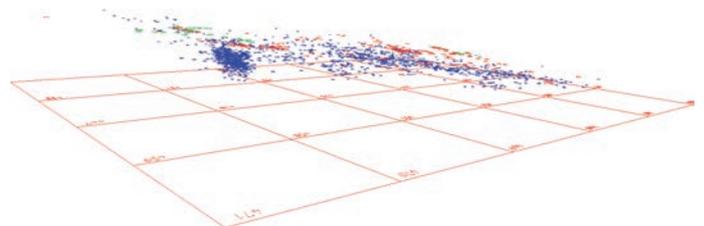

К статье
Т.Н. Новоселовой
и В.И. Вишневого
«Раннесредневековый
финно-угорский
могильник на
Ратьковском
городище...».
Рис. 9. Инвентарь
погребального
комплекса 23.
Фрагменты керамики
1, 7–11 – кв. Б1, пл. 3;
2 – кв. А1, пл. 2;
3 – кв. А2, пл. 3;
4–6, 12 – кв. А1, пл. 3

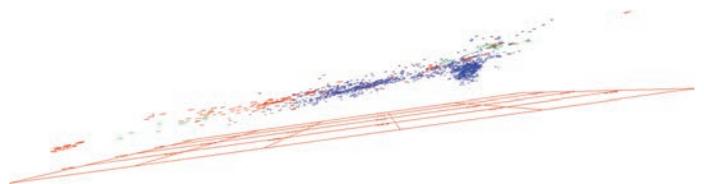

К статье А.С. Сыроватко, Е.А. Клещенко,
Н.Г. Свиркиной, А.А. Трошиной «Грунтовые
кремации Щурово...». Рис. 6. Облако костей и
керамики погребения на участке 12 раскопа VI.
Вид сверху

синий цвет – кости; зеленый – керамика с
примесью шамота в тесте; красный – керамика
позднешьяковского (?) типа

К статье А.С. Сыроватко, Е.А. Клещенко,
Н.Г. Свиркиной, А.А. Трошиной «Грунтовые кремации
Щурово...». Рис. 7. Облако костей и керамики
погребения на участке 12 раскопа VI.
Вид с юга (см. рис. 6)

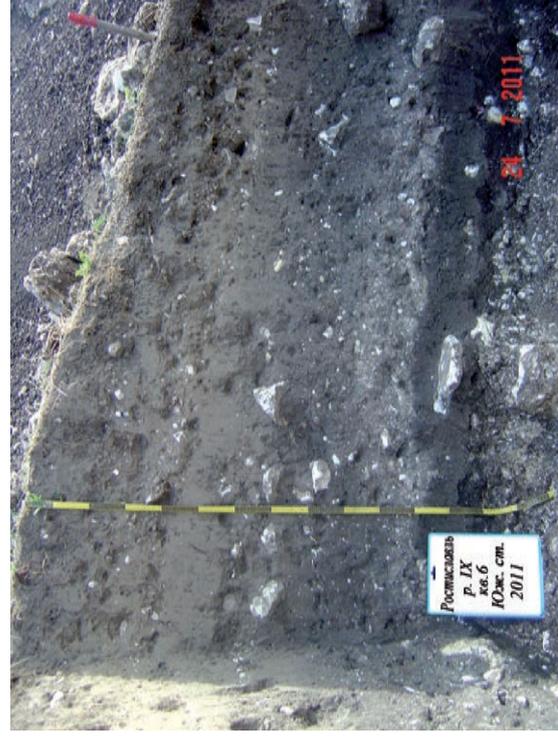

К статье А.С. Сыроватко, Е.А. Клещенко,
Н.Г. Свиркиной, А.А. Трошиной «Грунтовые кремации
Щурово...». Рис. 8. Облако костей и керамики
погребения на участке 12 раскопа VI.
Вид с северо-востока (см. рис. 6)

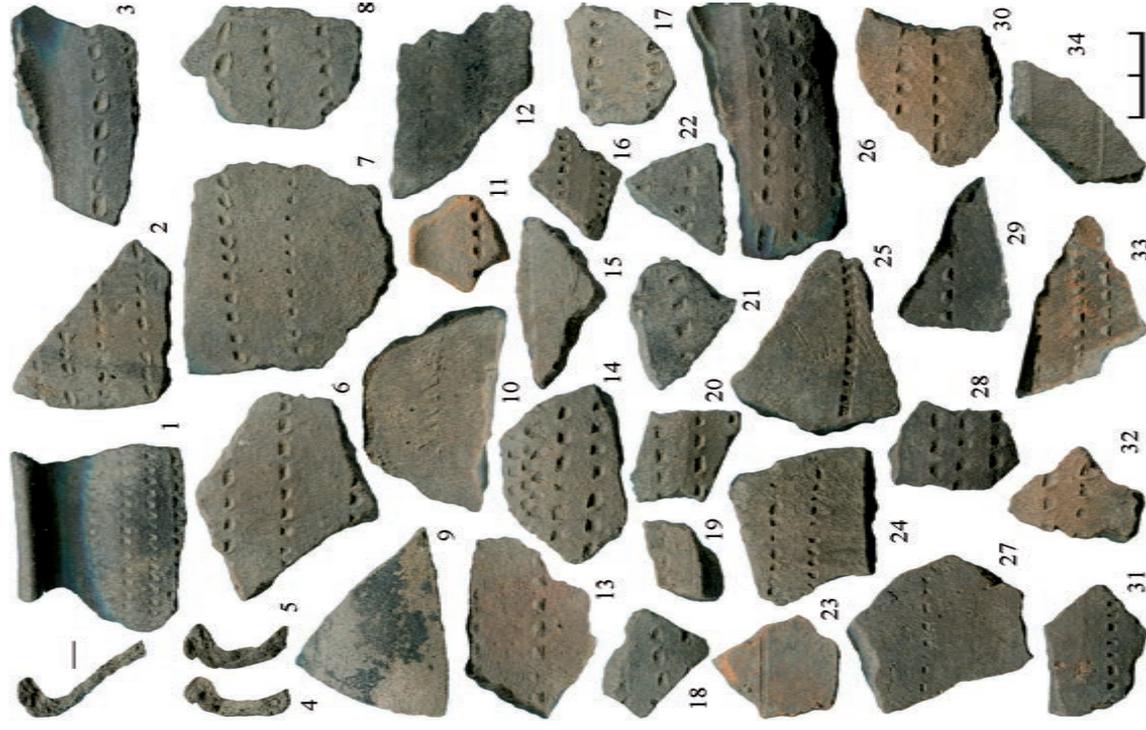
Сосновка I
Раскоп I
кв. 76
Вост. ст.
2011

К статье А.А. Гольевой
и И.В. Туровой «Фосфор
в археологических
объектах...». Рис. 4.
Сосновка IV.
Восточная стенка раскопа I,
кв. 76

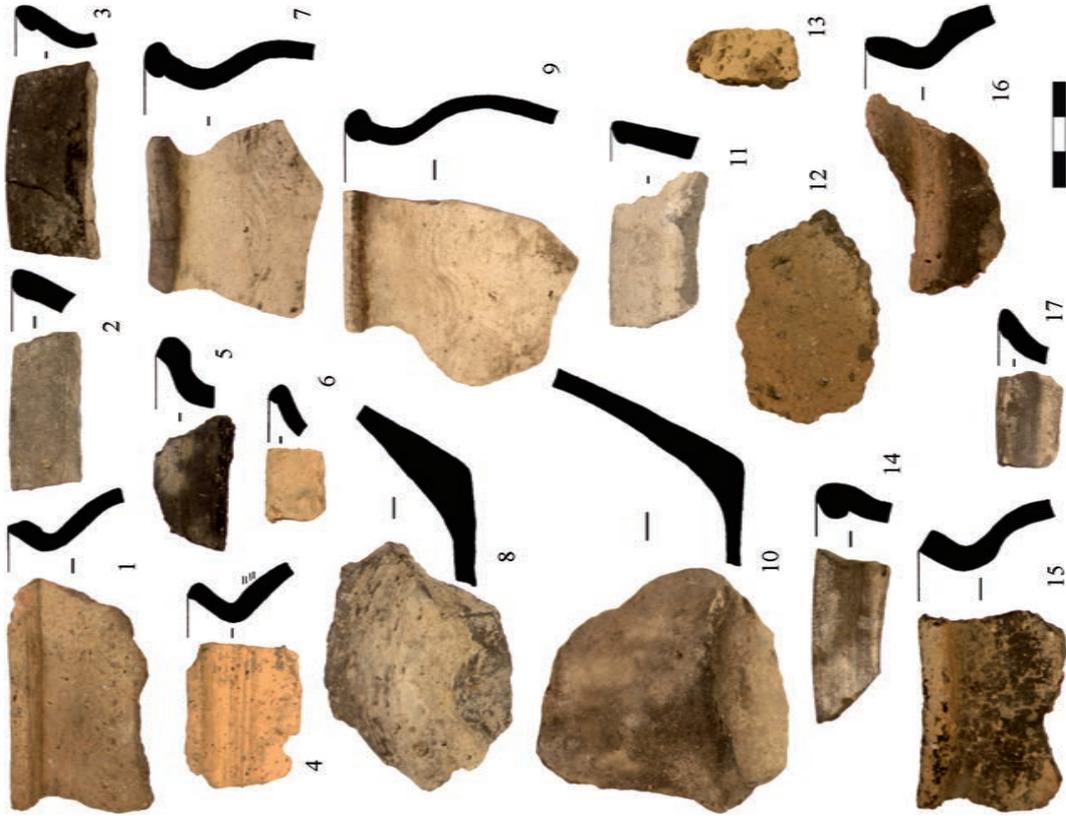

Ростиславль
р. IX
кв. 6
Юж. ст.
2011

К статье А.А. Гольевой
и И.В. Туровой «Фосфор
в археологических
объектах...». Рис. 5.
Ростиславль.
Южная стенка раскопа IX,
кв. 6

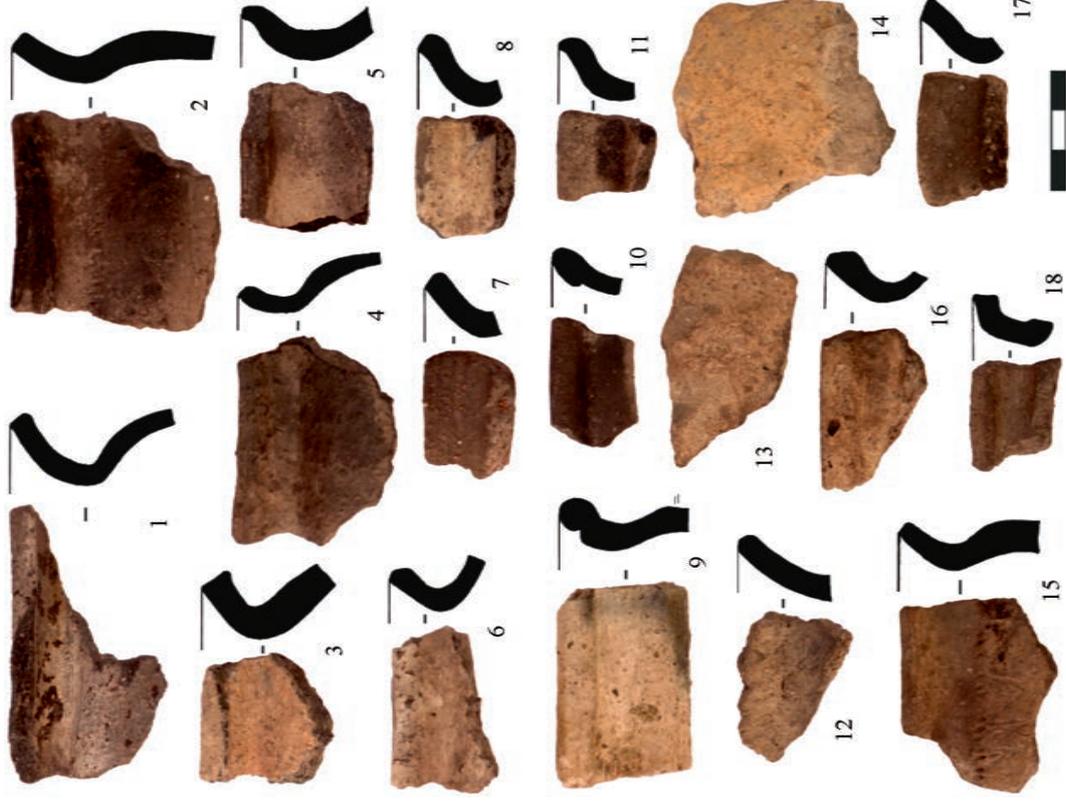
К статье С.В. Шполянского «Древнерусский Осовец
на Клязьме...». Рис. 8. Керамика из культурного слоя
городища, не потревоженного распашкой

К статье Р.Н. Молина «Древнерусский горизонт городища Велегож...».

Рис. 9. Раскоп 1. Керамика из постройки 4а (1–13) и постройки 5 (14–17)
1–11, 14–17 – круговая; 12–13 – лепная. 1–3, 5, 6, 8, 15, 16 – с примесью дресвы;
4 – с примесью крупнозернистого песка и мелкой дресвы;

7, 9, 10, 11, 14, 17 – с примесью мелкозернистого песка

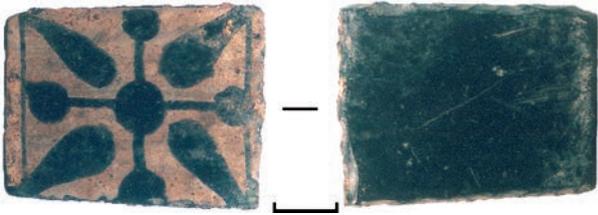
К статье Р.Н. Молина «Древнерусский горизонт

городища Велегож...». Рис. 12. Раскопы 2 и 3. Круговая (1–11, 15–18)
и лепная ромбовая (12–14) керамика из культурного слоя

1–14 – раскоп 2; 15–18 – раскоп 3. 1–8, 15–17 – с примесью дресвы;

9 – с примесью крупнозернистого песка;

10, 11, 18 – с примесью мелкозернистого песка

К статье Е.К. Столяровой
и А.В. Энговатовой «Находки
витражных стекол из Ярославля».
Рис. 1. Прямоугольное витражное
стекло из Ярославля

К статье Е.К. Столяровой и А.В. Энговатовой
«Находки витражных стекол из Ярославля».
Рис. 8. Витражные стекла из Успенского собора
Елецкого монастыря в Чернигове
(по: Холостенко, 1963. Табл. II)

1

26

2a

К статье Н.В. Жилиной «Застежки в costume Московской Руси...». Рис. 3.
Застежки фибульного облика на портретах конца XVII – начала XVIII в.
(пояснение к рис. см. на с. 230)

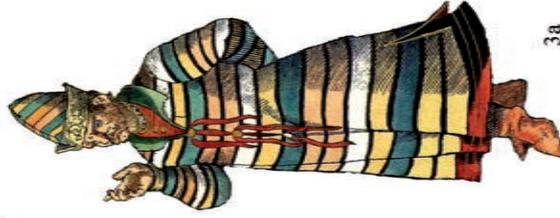
16

1а

26

2а

3а

36

1

3

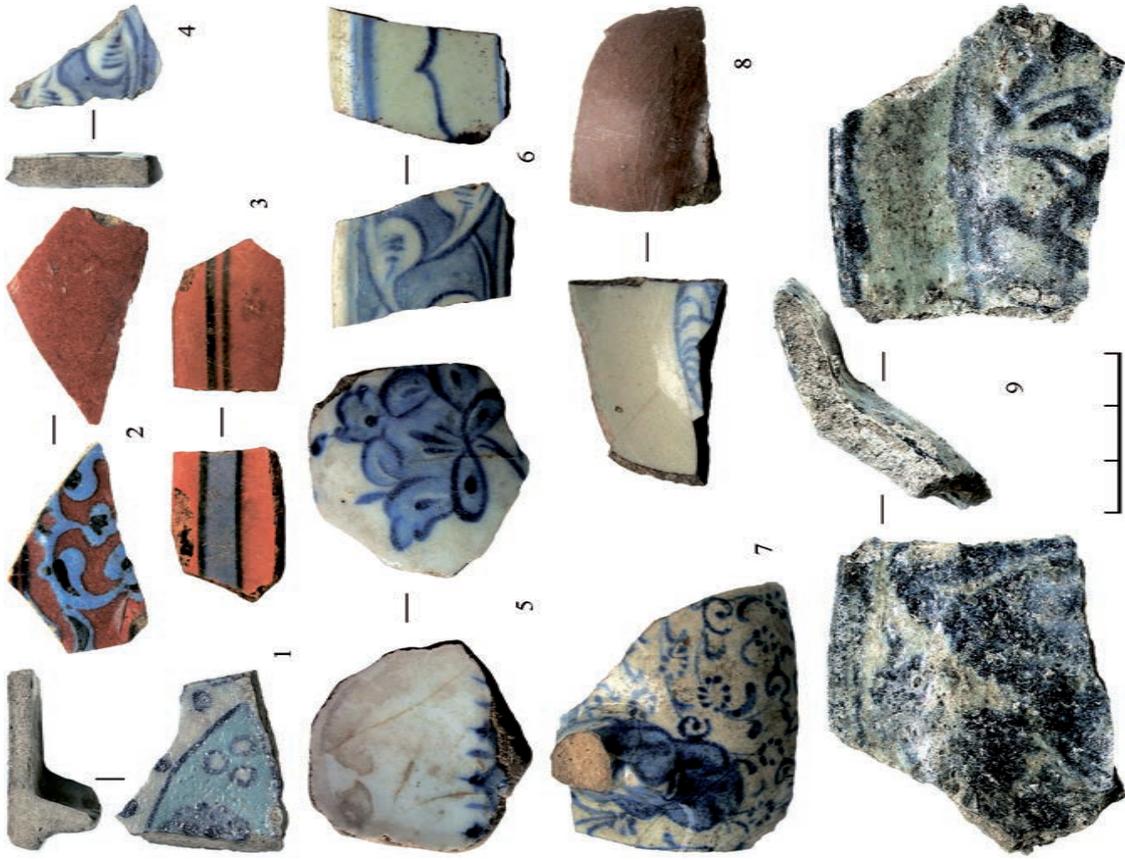

2

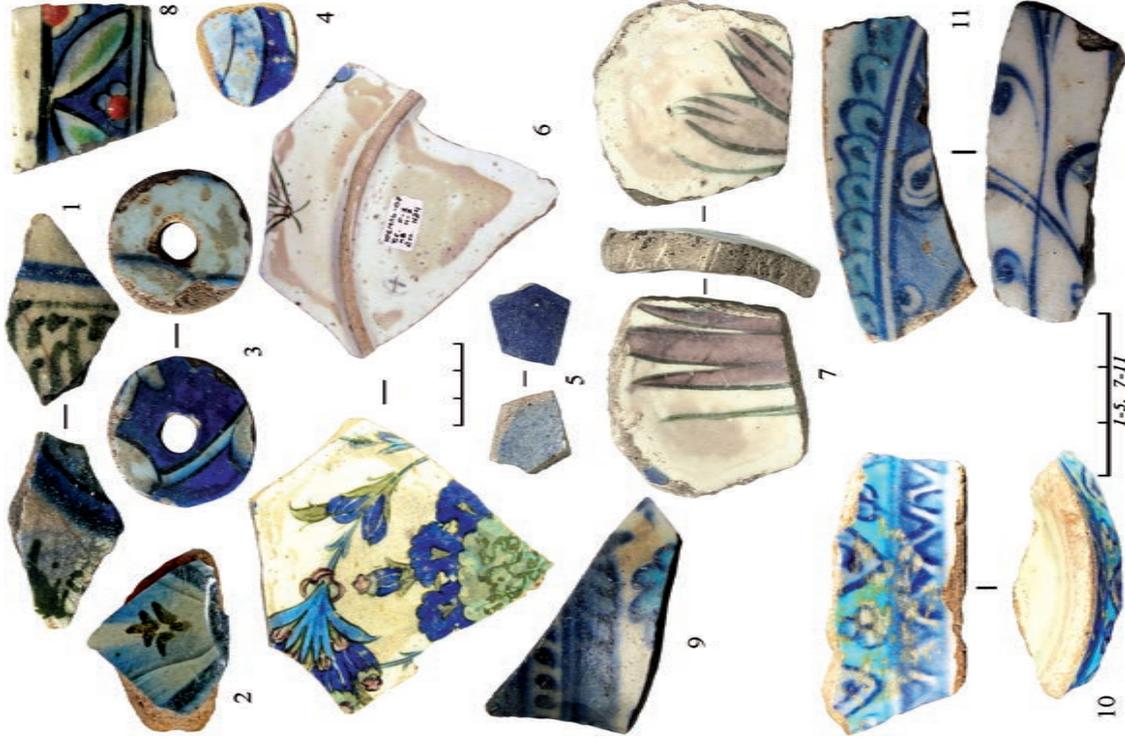
К статье Н.В. Жилиной «Застежки в костюме Московской Руси...».

Рис. 16. Групповой портрет участников русского посольства в Англии 1662 г. ГРМ («Русские ювелирные украшения...», 1987. С. 33). (Пояснение к рис. см. на с. 245)

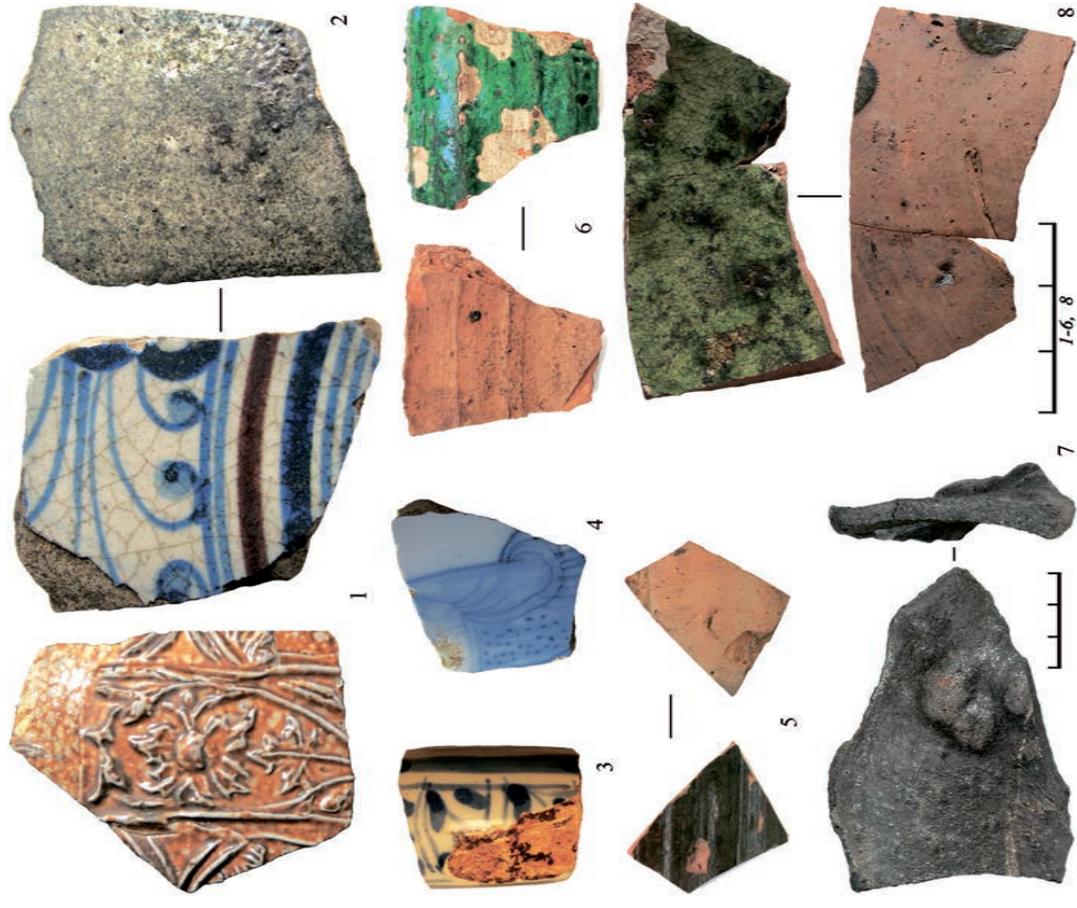
К статье Н.В. Жилиной «Застежки в костюме Московской Руси...». Рис. 6. Застежки XIV–XVI вв. без петлиц (пояснения к рис. см. на с. 234)

К статье В.Ю. Коваля «Импортная керамика Московского Кремля...».
 Рис. 5. Полуфаянсы турецкого (1-7) и иранского (8, 9) происхождения
 1-7 - XVI в.; 8 - XVIII в.; 9 - XV в.

К статье В.Ю. Коваля «Импортная керамика Московского Кремля...».
 Рис. 7. Обломки полуфаянсовых сосудов с полихромной подглазурной
 росписью из золотоордынского Поволжья XIV в. (1, 2)
 и Турции XVI в. (3-11)

К статье В.Ю. Ковалева «Импортная керамика Московского Кремля...».
 Рис. 8. Европейская майолика XVII–XVIII вв. (1–4) и причерноморская полумайолика XIV в. с зеленой глазурью (5–8)

К статье В.Ю. Ковалева «Импортная керамика Московского Кремля...».
 Рис. 9. Обломки красноглиняной чаши без дополнительного декора и с бесцветной глазурью и с бесцветной глазурью и с бесцветной глазурью
 а – фактура поверхности глазури; б, в – изломы черепка

К статье В.Ю. Коваля
«Импортная керамика
Московского Кремля...».

Рис. 15. Китайский

сине-белый фарфор

1 – тарелка стиля «кгаак»
(2-я пол. XVI – 1-я пол.
XVII в.);

2 – обломок тарелки с
надглазурной росписью
зеленой глазурью
(XV–XVI вв.)

1

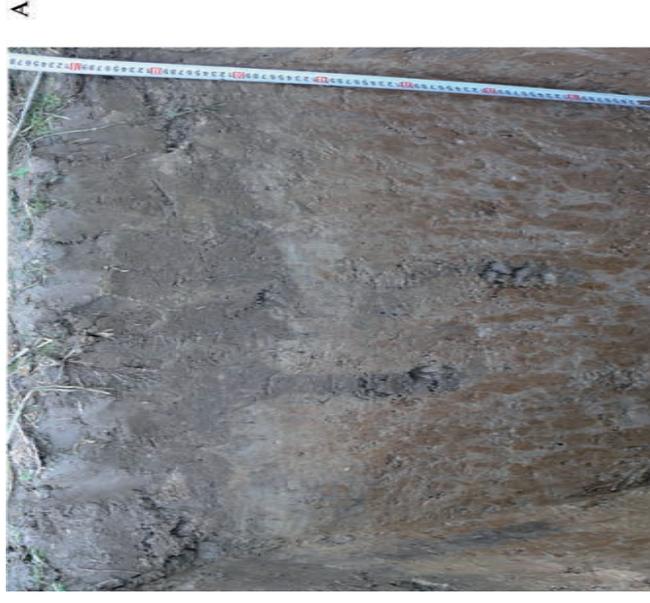
2

К статье В.А. Зейфера «Предварительный анализ жилых и хозяйственных построек...». Рис. 10. Раскоп на ул. Советская, 37. Уч. 10, кв. Д-Ж-14-15.

Сооружение 10. Зачистка развала печи и древесного тлена (опечка?).

Вид с востока

А

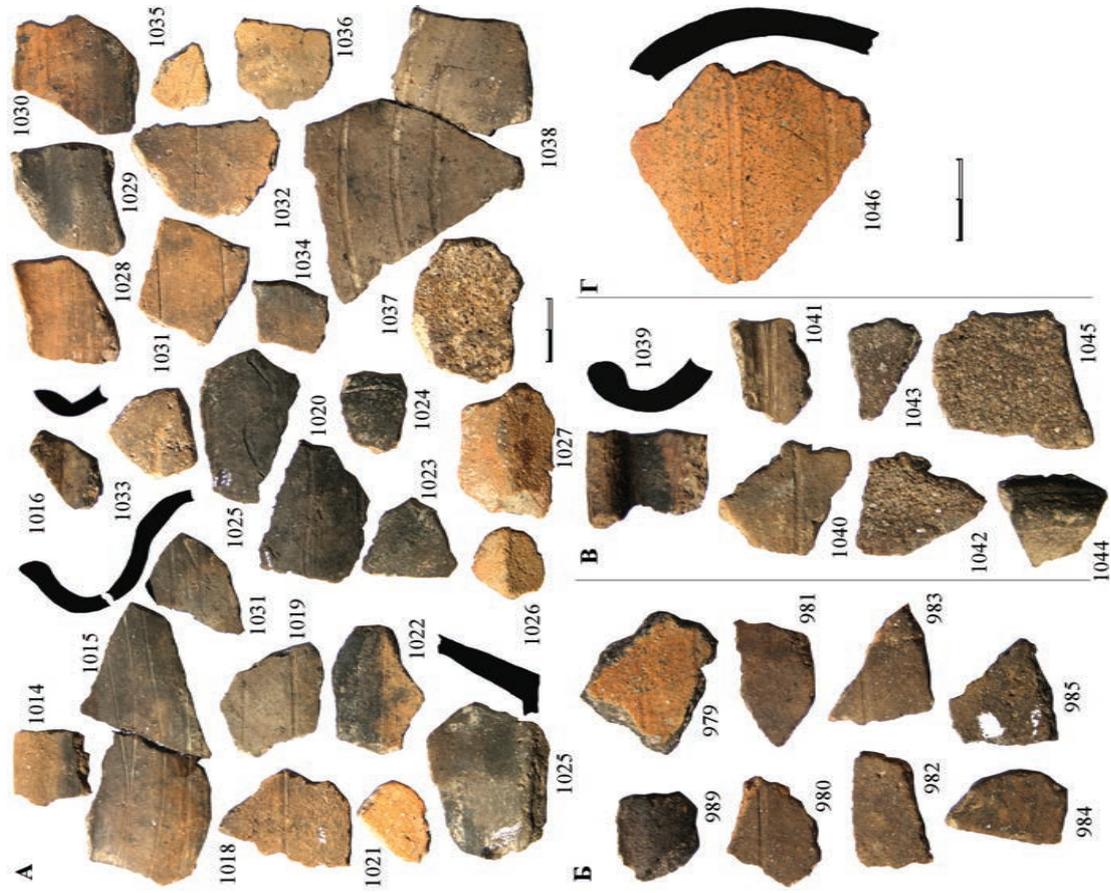

Б

К статье С.З. Чернова «Ранняя вологостная древесина в Радонеже...». Рис. 5. Селище Лешково-4

А – почвенный профиль (того-западный угол раскопа);

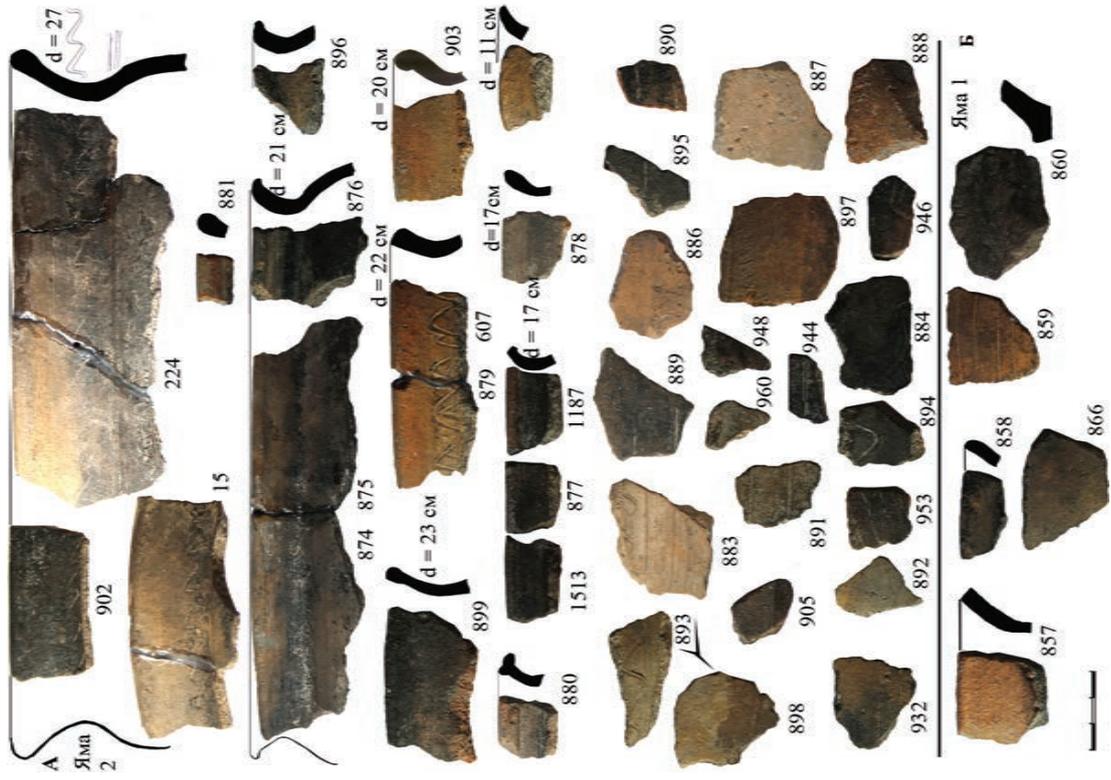
Б – мерзлотная структура палеопочвы овальной формы в зачистке материка. Вид с юга на участки 1 и 2

К статье С.З. Чернова «Ранняя вологостная керамика в Радонеже...». Рис. 17. Лешково-4. Комплексы керамики из заполнения ям (исследования 2009 г.).

Керамика курганная (979), серая и красноглинная грубая (982, 983)

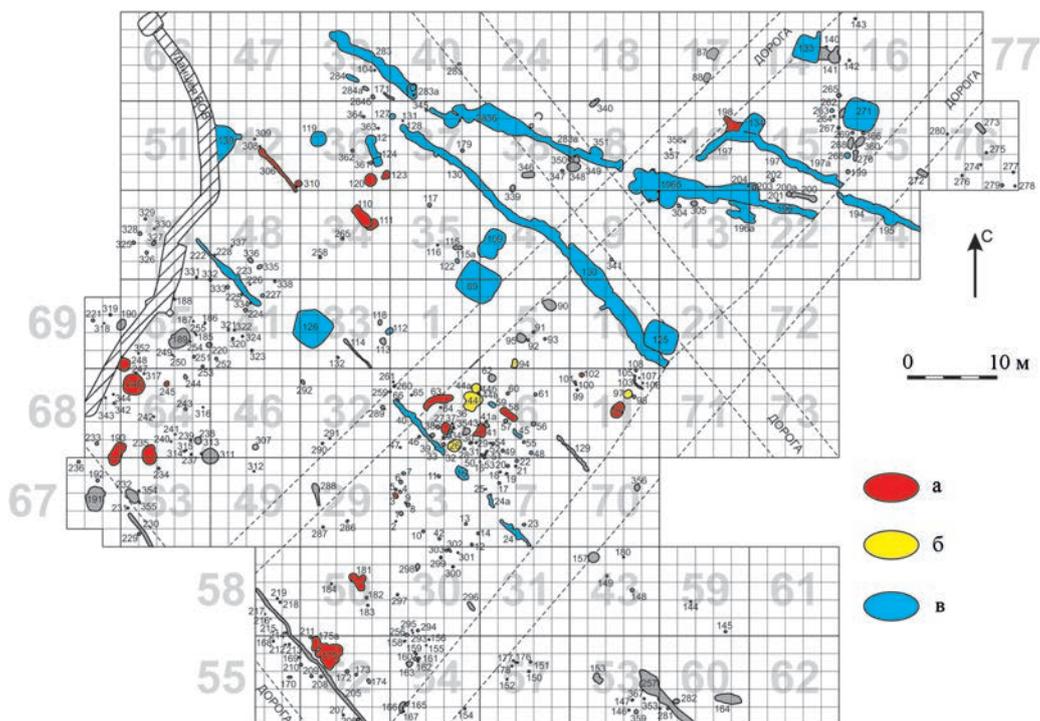
А – яма 5; Б – яма 1; В – яма 6; Г – яма 7

К статье С.З. Чернова «Ранняя вологостная керамика в Радонеже...».

Рис. 18. Лешково-4

А – комплекс керамики из ямы 2 (исследования 1984 г.); Б – комплекс керамики из ямы 1 (следы ограды; исследования 1984 г.). Номера в рамке обозначают фрагменты, найденные в верхнем слое, но подклеивающиеся к сосудам из комплекса

К статье В.В. Богомолова, Е.О. Володина, О.Н. Зайдова, М.В. Цыбина, Г.А. Шебанина, А.В. Шекова
 «Предварительные итоги археологических исследований селища Большое Саврасово 2».

Рис. 2. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. План раскопа 1
 а – объекты с материалами XI – нач. XII в.; б – объекты с материалами XII в.;
 в – объекты с материалами 2-й пол. XVI – нач. XVII в.

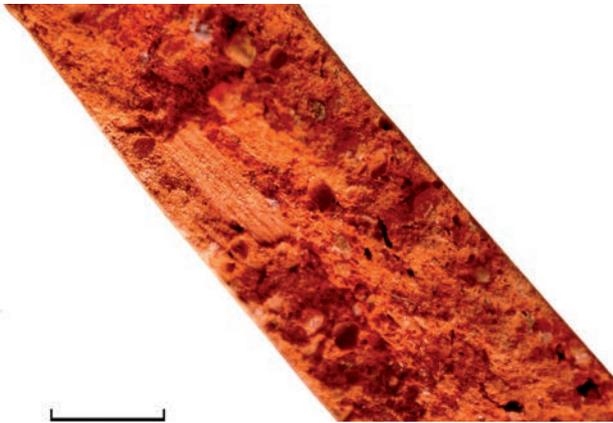
К статье Н.А. Баранова и А.М. Фатькова «Находка ангобированного кумгана...».
 Рис. 4. Общий вид ангобированного кумгана из объекта № 54. Селище Большое Саврасово 2

К статье Н.А. Баранова и А.М. Фатькова «Находка ангобированного кумгана...». Рис. 6. Селище «Большое Саврасово 2». Естественные включения песка в формовочной массе сосуда (масштаб 2 мм)

К статье Н.А. Баранова и А.М. Фатькова «Находка ангобированного кумгана...». Рис. 7. Селище «Большое Саврасово 2». Естественные включения известняка («дутика») в формовочной массе кумгана (масштаб 2 мм)

К статье Н.А. Баранова и А.М. Фатькова «Находка ангобированного кумгана...». Рис. 8. Селище «Большое Саврасово 2». Микроскопические включения органики (масштаб 2 мм)

К статье Н.А. Баранова и А.М. Фатькова «Находка ангобированного кумгана...». Рис. 9. Селище «Большое Саврасово 2». Следы кольцевого налепа на внутренней поверхности кумгана (масштаб 2 см)

К статье Н.А. Баранова и А.М. Фатькова «Находка ангобированного кумгана...». Рис. 10. Селище «Большое Саврасово 2». Следы примазывания носика на внешней стороне сосуда (масштаб 2 см)

К статье Н.А. Баранова и А.М. Фатькова «Находка ангобированного кумгана...». Рис. 12. Селище «Большое Саврасово 2». Следы от кисти на ручке сосуда (масштаб 5 мм)

К статье
А.Г. Векслера, М.Г. Гусакова,
Г.К. Патрик «Московская
красноглиняная (гладкая)
и ангобированная
керамика...». Рис. 7.
Расписной кумган из
раскопок 1989 г. на Волхонке
(раскопки А.Г. Векслера)

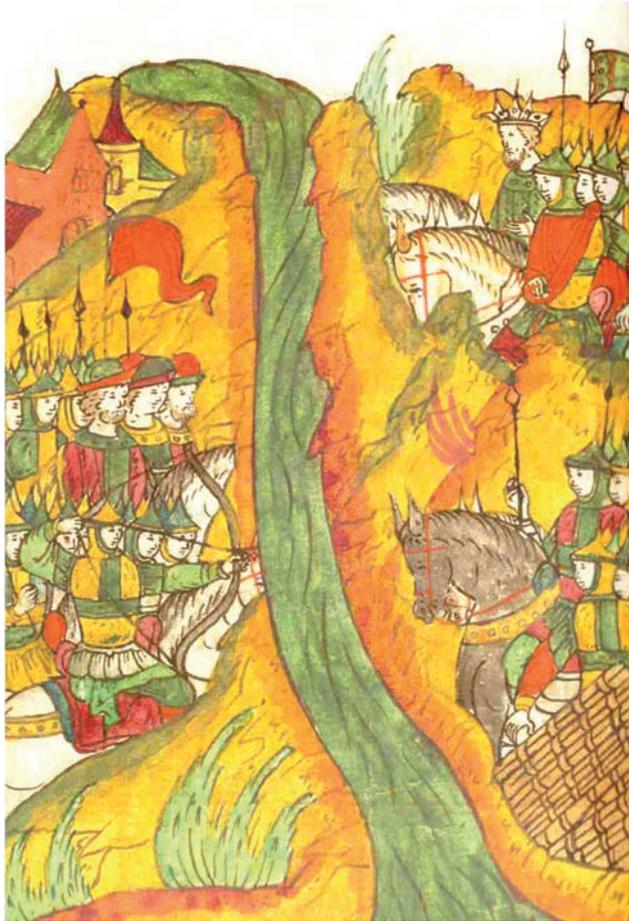
К статье А.Г. Векслера, М.Г. Гусакова,
Г.К. Патрик «Московская красноглиняная
(гладкая) и ангобированная керамика...».
Рис. 8. Ангобированный расписной кувшин
из раскопок 2014 г. на Рождественском
бульваре (раскопки А.Г. Векслера)

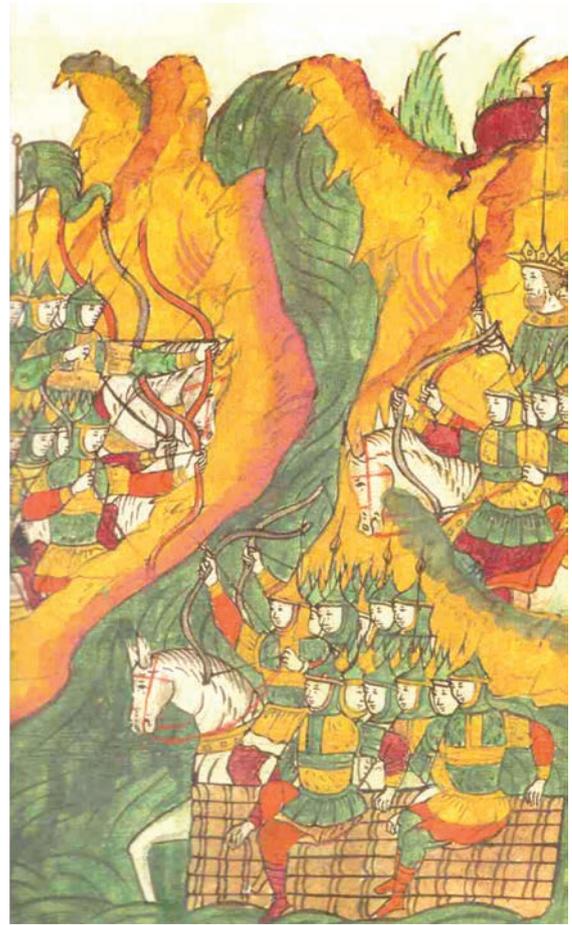
К статье В.В. Хухарева «Кресты и иконки...».
Рис. 2. Нижняя часть каменной литейной
формы XVI в. Тверь

К статье В.В. Хухарева «Кресты и иконки...».
Рис. 8. Иконка-привеска арочной формы
«Вмч. Никита, побивающий беса»,
XVI в., медный сплав (Тверская обл.)

К статье А.Н. Медведя «Ростиславль в XVI веке...».
Рис. 1. Выход татар на берег Оки (слева – русское войско, справа – татарское) (ЛС, 2011. С. 148)

К статье А.Н. Медведя «Ростиславль в XVI веке...».
Рис. 2. Попытка татар переправиться через Оку на тарах (ЛС, 2011. С. 149)

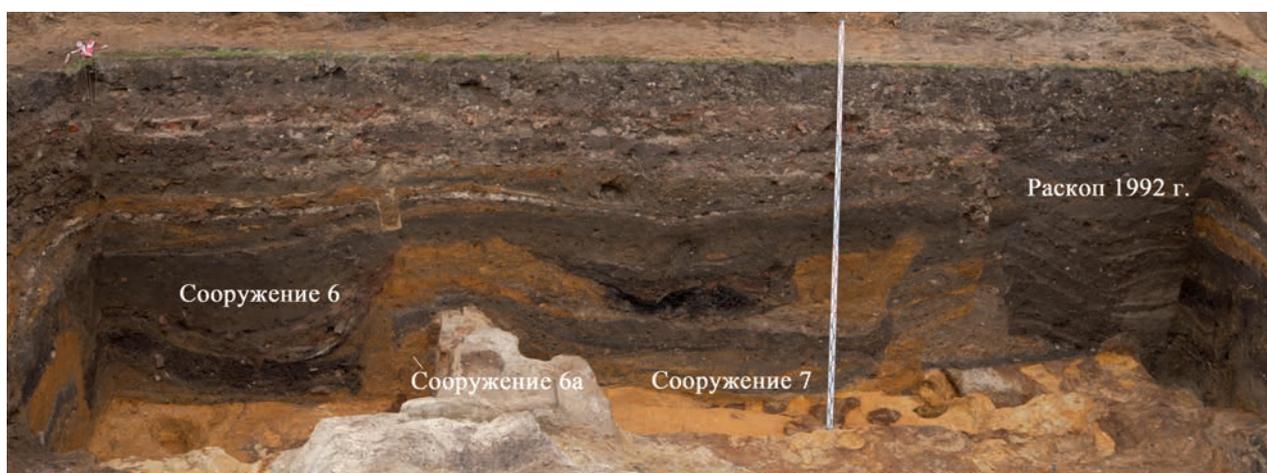
К статье А.Н. Медведя «Ростиславль в XVI веке...».
Рис. 3. Начало артиллерийского обстрела русских войск татарами (ЛС, 2011. С. 150)

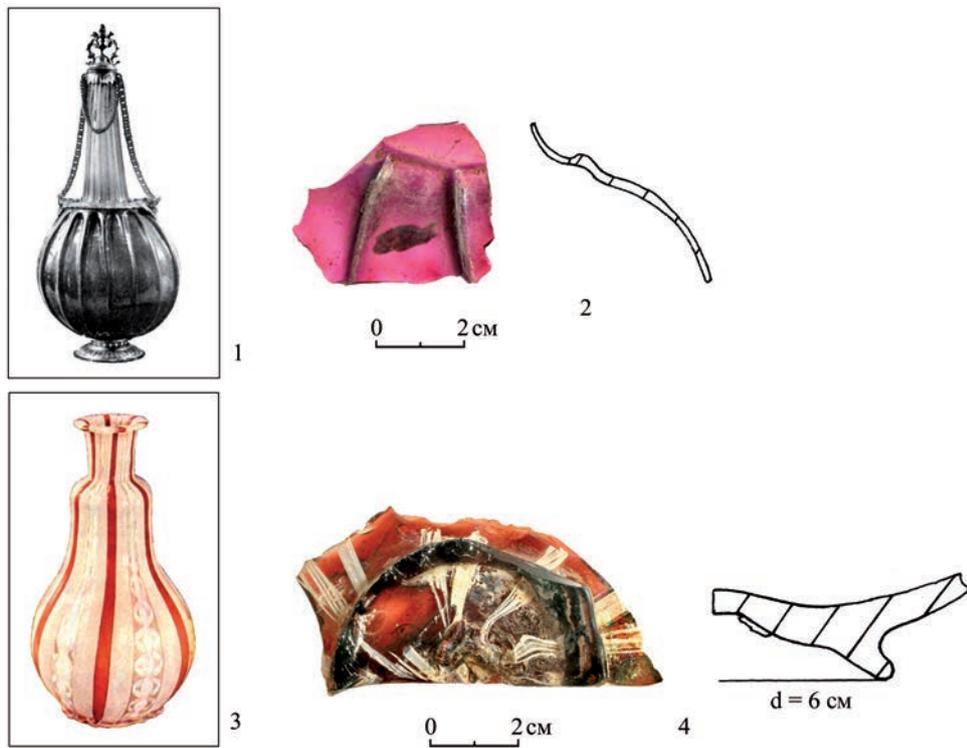
К статье А.Н. Медведя «Ростиславль в XVI веке...».
Рис. 4. Подход к Оке русской артиллерии крупного калибра (ЛС, 2011. С. 175)

К статье И.И. Елкиной и В.А. Зейфера «Волосник из Переславля-Залесского». Рис. 4. Фрагмент волосника: ажурный верх и очелье. Золотная вышивка, плетение на деревянной рамке (*sprang*)

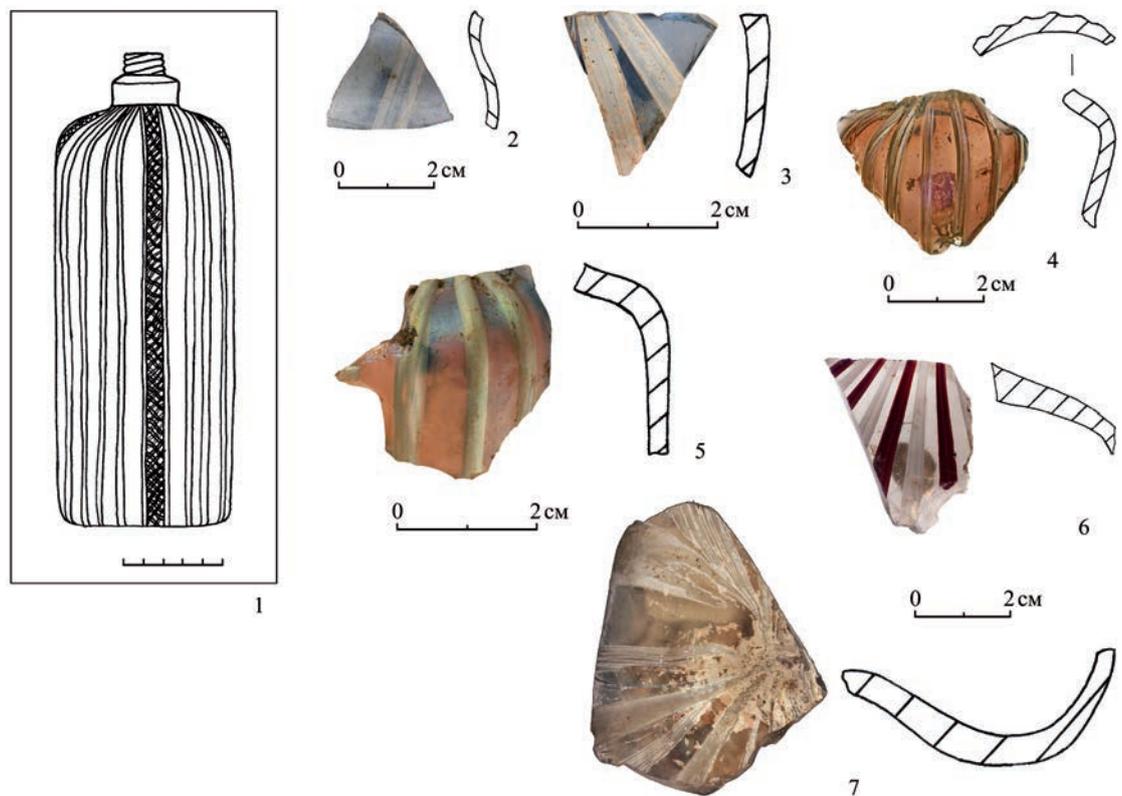

К статье С.В. Малыха «Усадьба Лопухиных в Москве...». Рис. 9. Северо-восточный борт раскопа

К статье Ю.А. Лихтер «Новые находки стеклянных изделий в Москве (Замоскворечье)». Рис. 8. Вазы

1 – ваза (“Glas aus...”, 1977. № 11); 2 – № 6; 3 – ваза (Hettesh, 1960. № 59); 4 – № 51

К статье Ю.А. Лихтер «Новые находки стеклянных изделий в Москве (Замоскворечье)». Рис. 9. Штофы с цветными полосами

1 – реконструкция; 2 – № 16; 3 – № 44; 4 – № 50; 5 – № 62; 6 – № 63; 7 – № 129

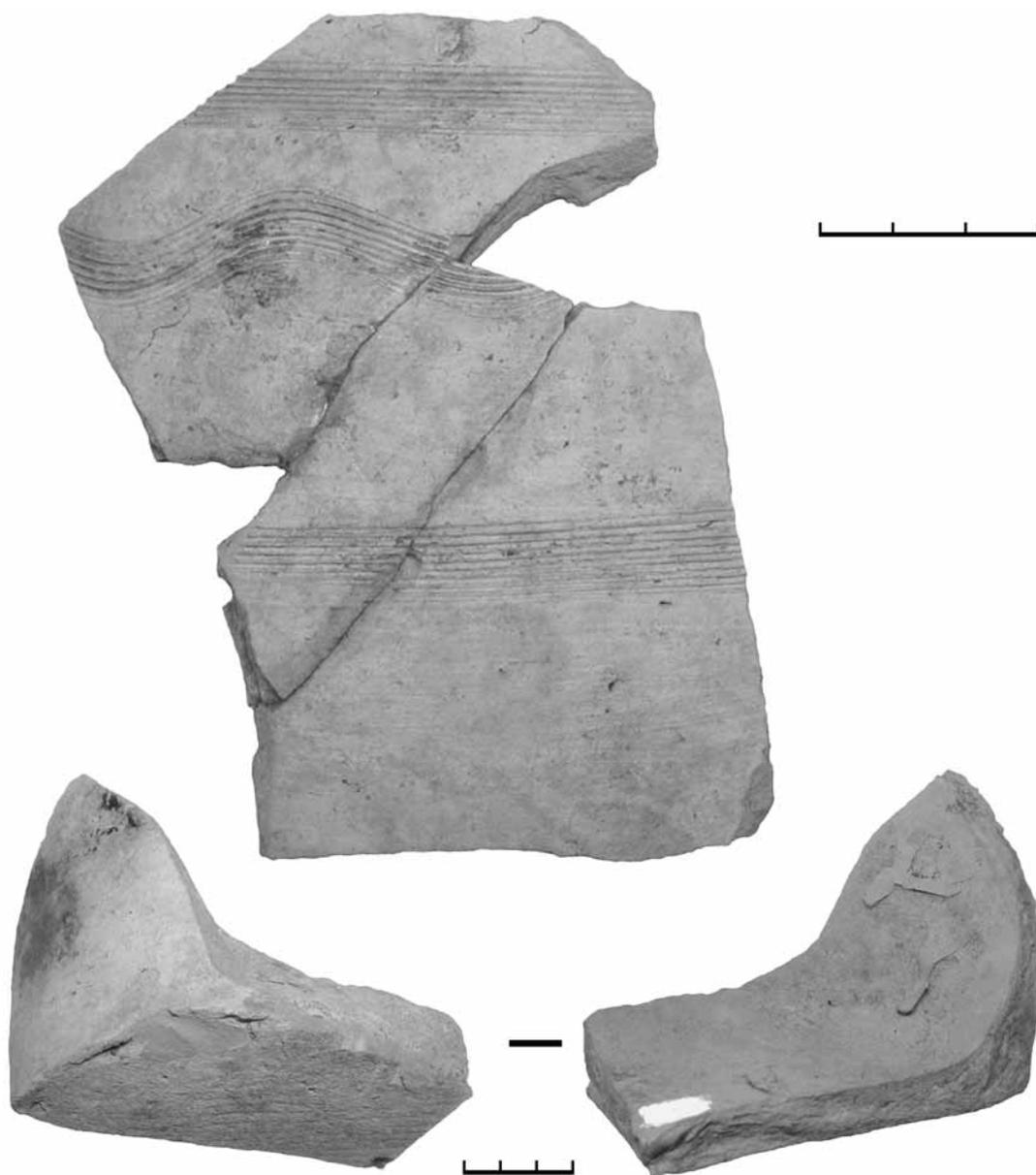

Рис. 2. Обломки гарного кувшина из сооружения Т1-10/92

сохранилось несколько обломков (рис. 2): он изготовлен из сильноожеженной (красной) глины с примесью большого количества очень мелкого песка ленточным налепом. Дно плоское, с остатками подсыпки мелкого песка. Внешняя поверхность покрыта тонким слоем белого ангоба. Обжиг окислительный полный (серая полоска на изломе черепка видна только на дне). Декор состоял из горизонтальных и волнистых линий, нанесенных гребенкой с очень тонкими зубьями (число которых не превышало 11). Точно такой же декор имел обломок и второго кувшина, не имевшего ангобного покрытия (№ 661). От третьего кувшина

сохранилась неорнаментированная стенка с тонким слоем белого ангоба по внешней поверхности (№ 1640). Отличие этого образца – присутствие в формовочной массе красного и темного шамота. Обломки этих сосудов попали в поздние комплексы, несомненно, по случайным причинам, наиболее вероятно их связь с изделиями XIV в. По декору эти кувшины близки изделиям нижневолжских мастерских Золотой Орды (Федоров-Давыдов, 2001. Табл. 19, 1), однако для золотоордынской керамики в целом не характерно покрытие стенок сосудов белым ангобом. Вероятно, центр производства таких кувшинов находился где-то

на территории Золотой Орды в Северном Причерноморье или Поволжье.

Сфероконусы, сосуды для транспортировки дорогостоящих жидкостей, прежде всего ртути, представлены в исследуемой коллекции тремя обломками от разных изделий (№ 1655, 569ф, 747ф), два из которых зафиксированы в контекстах, синхронных времени бытования таких сосудов, – рубежа XIII–XIV вв. (рис. 1, б) и первой половины XV в., а один – в переотложенном состоянии (в заполнении сооружения первой половины XVI в.). Все три обломка принадлежали «серым» сфероконусам, имевшим зеленовато-серый цвет внешней поверхности и излома. Такой цвет характерен для подавляющего большинства сфероконусов, изготовленных в странах Ближнего и Среднего Востока в IX–XV вв. Два обломка стенок украшены штампованным чешуйчатым орнаментом, один сосуд имеет вертикальные рельефные налесты на тулове. Чешуйчатый декор является одним из самых распространенных на сфероконусах Ближнего и Среднего Востока, в т. ч. известных на территории Золотой Орды в XIV в. (Михальченко, 1974. Рис. 1, б; Кравченко, 1986. С. 61. Рис. 24, 105; Масловский, 2006. С. 417, 418. Рис. 44, 1–3), но такой декор не характерен для среднеазиатских изделий (Галиева, 2000. Рис. 4). Напротив, вертикальные налесты на тулове свойственны прежде всего сфероконусам, изготовленным в Средней Азии (Согде, Чаче и Хорезме), причем такой декор стал особенно распространенным в XIII–XIV вв. (Галиева, 2000. С. 56. Рис. 3). При этом подобный налестный декор известен и на сфероконусах Азербайджана (Ахмедов, 1983. С. 11–14), однако там он не получил особенно широкого распространения.

Сфероконусы очень редко встречаются в культурном слое Москвы, и до раскопок 2007 г. были известны только три подобные находки (из них две в Кремле), в т. ч. целый сосуд, обнаруженный в 1843 г. при земляных работах в этом же районе, близ церкви Св. Константина и Елены (Коваль, 2010. С. 176, 177. Рис. 64, 25, 26. Ил. 74, б, 7)⁶.

В отличие от других городов Руси, где сфероконусы известны как в домонгольских, так и золотоордынских слоях, на территории Москвы все находки сфероконусов надежно связываются с контекстами исключительно золотоордынской эпохи. Так, упомянутый целый сфероконус найден в 1843 г. вместе с медным сосудом, вмещавшим

письменные документы эпохи Дмитрия Донского (Кользин, 2001. С. 103, 127).

Посудная керамика среди рассматриваемых импортов в раскопках 2007 г. включала 155 образцов, среди которых абсолютно преобладала *поливная посуда* (146 находки); к числу *неполивной столовой посуды* относились 9 находок. Рассмотрим вначале этот блок изделий, включающий две группы: лощеную посуду и тисненую керамику.

1. Лощеная посуда.

Из шести находок три (№ 709, 1483, 1484) являлись частями одного сосуда – кувшина высотой около 40 см, который удалось частично реконструировать (рис. 3, 1). Обломки кувшина собраны в двух разных, но синхронно заполнявшихся в первой половине XV в. заглубленных постройках (сооружениях Т1–117 и Т1–128). Формовочная масса этого кувшина из ожелезненной (бежево-красной) глины с примесью очень мелкого песка (обжиг полный, внутренняя поверхность высветленная) существенно отличалась от основной массы болгарской керамики XIII–XIV вв. (по крайней мере, она отличалась от основных разновидностей масс, типичных для керамики Великого Болгара). В то же время все остальные признаки этого кувшина (линии лощения, доведенные до самого дна; нанесение лощения после орнаментации гравировкой, сама эта орнаментация, состоявшая из волнистых линий по тулову, рифленая горловина) типичны для керамики Волжской Булгарии золотоордынской эпохи. Можно привести и близкие аналоги формы реконструированного кувшина среди сосудов, найденных в Болгаре в слоях золотоордынской эпохи (Хлебникова, 1988. Рис. 35, б; 36, 4; Кокорина, 2002. Рис. 71, 7; 76, 4–6). Вероятно, этот кувшин изготовлен на территории Волжской Булгарии, но не в Болгаре, а в каком-то ином центре.

Очень близок по своей морфологии керамике Болгара обломок горловины другого кувшина (№ 1076) с подчеркнутым рифлением, выполненным прочерченными линиями (рис. 4, 2); аналогии такому оформлению горловин кувшинов там хорошо известны (Хлебникова, 1988. Рис. 38, 4, 8). Хотя по визуальным характеристикам формовочной массы (ожелезненная глина светло-коричневого цвета без видимых примесей) этот кувшин заметно отличался от продукции Болгара, не исключено сходство рецептов приготовления таких масс, поскольку технико-технологическое исследование болгарской керамики показало присутствие

⁶ В этой публикации было ошибочно указано на две находки обломков сфероконусов из раскопок 2007 г. В действительности, как отмечено выше, таких находок было три.

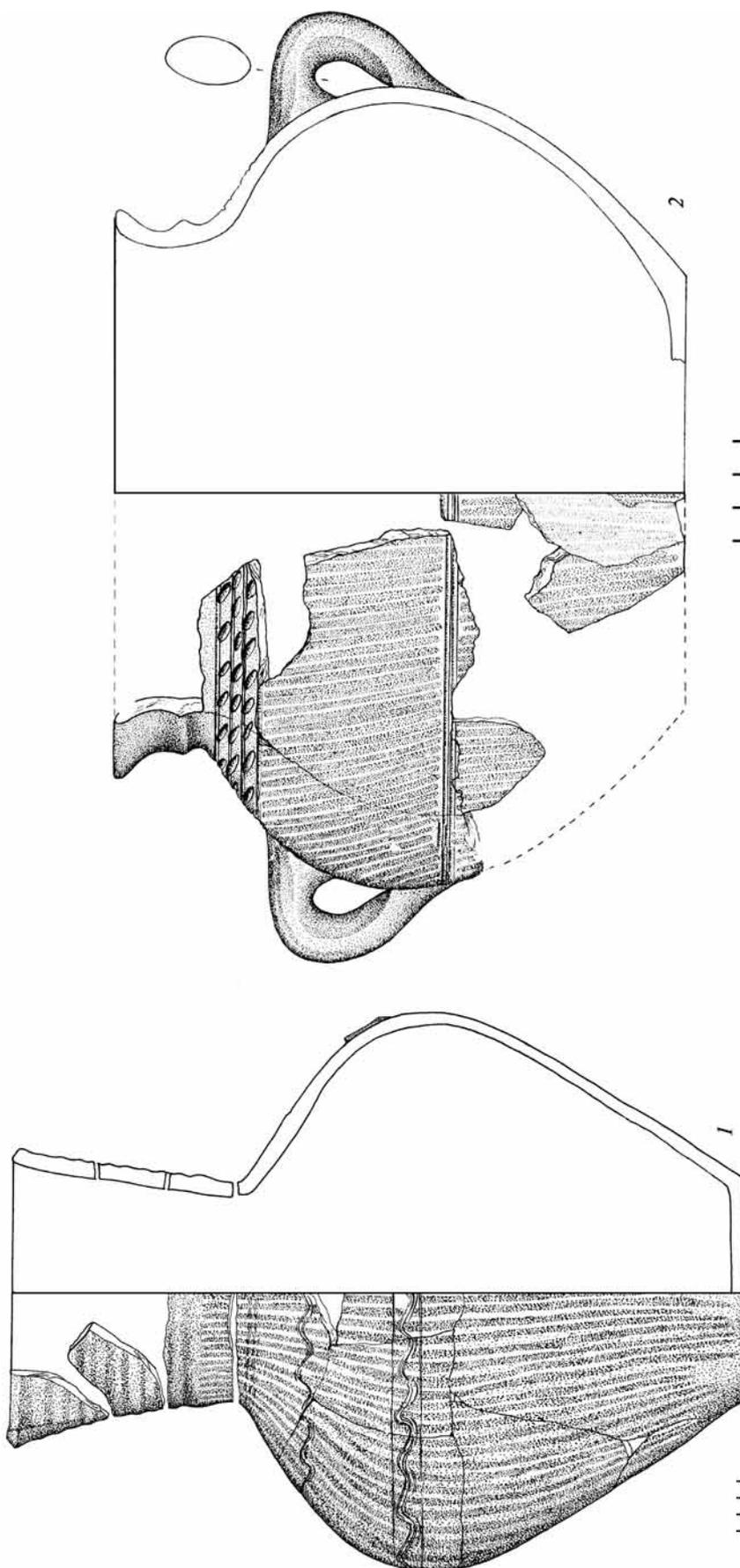

Рис. 3. Краснолощенная болгарская керамика: кувшин и корчажка

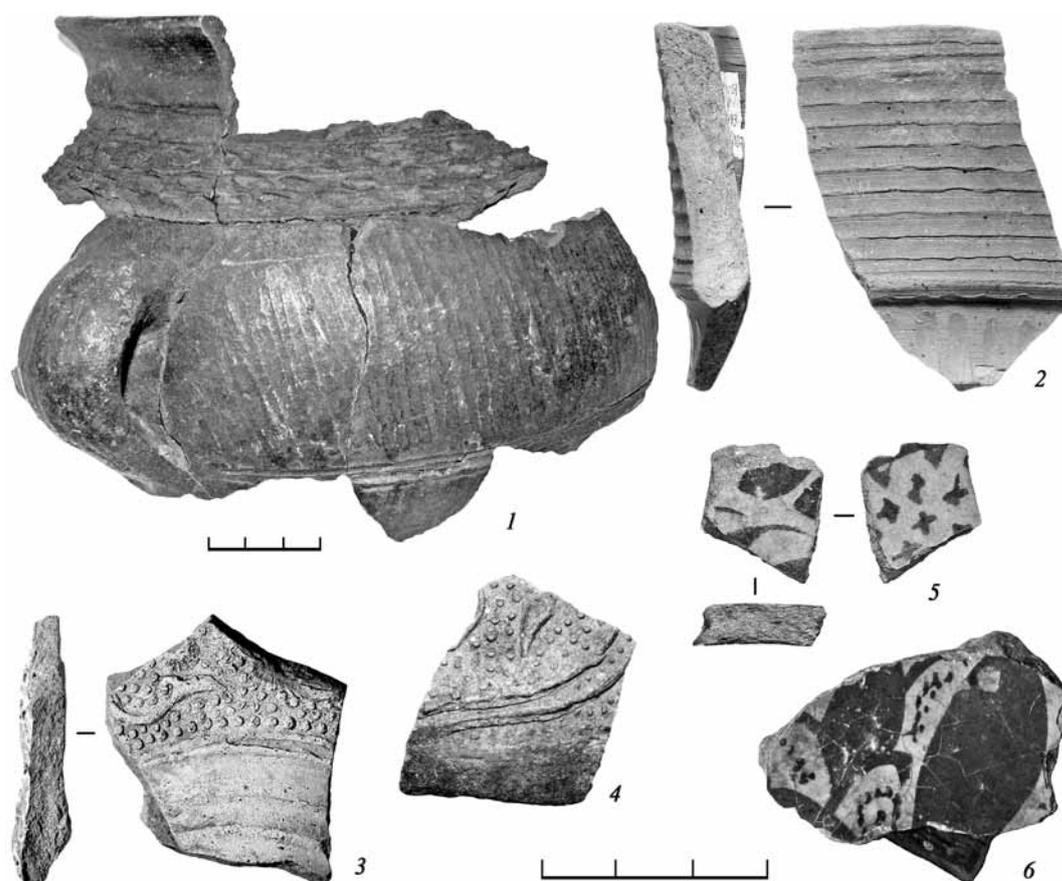

Рис. 4. Краснолощенная болгарская керамика (1, 2), хорезмская тисненая керамика (3, 4), золотоордынские бирюзовые полуфаянсы с черной подглазурной росписью (5, 6)

в большинстве образцов добавок навоза или наличие смеси разных глин (Васильева, 1988. Табл. 8, 9; Бахматова, Куклина, 2014. С. 237, 242), что не всегда можно заметить без применения специальной оптической техники. Таким образом, очевидно, что рассматриваемый кувшин изготовлен в болгарской традиции (в широком смысле), т.е. на территории Волжской Булгарии. Здесь же нужно упомянуть обломок ручки кувшина (№ 1686), атрибуция которой не вполне ясна.

Непосредственно из мастерских Болгара мог происходить только один краснолощенный сосуд (№ 1676), который хотя и имел закопченные до черноты поверхности, но по фактуре черепка (формовочная масса из глины коричневого цвета с примесью небольшого количества мелкого песка), оформлению венчика и декору несомненно относился именно к продукции Болгара. находка происходит из сооружения 89, датированного первой половиной XV в. Это небольшая приземистая корчажка (высотой 17 см при максимальном диаметре 24 см) с двумя петлевидными ручками на плечиках

(рис. 3, 2; рис. 4, 1), покрытая тонкими линиями лощения, доведенными до самого дна. В материалах Болгара полную аналогию этому сосуду назвать нельзя, но имеется целая серия аналогичных по пропорциям сосудов, названных Т.А. Хлебниковой горшками, которые имели такие же парные ручки и венчик (Хлебникова, 1988. Рис. 52, 7, 8), профилировка которого идентична венчикам больших корчаг (Хлебникова, 1988. Рис. 57). Сосуды такой профилировки бытовали в Болгаре только в позднеордынский период (в середине XIV – начале XV в.).

Булгарская керамика ввозилась на Русь в золотоордынский период в заметном количестве, известна она и по раскопкам в Москве (Полубояринова, 1993; Коваль, 2010. С. 148).

2. Тисненая керамика.

Тисненая керамика (неточно называемая также штампованной) изготавливалась на гончарном круге в виде заготовок отдельных частей сосудов (верхней и нижней половин, горловины), которые затем помещались внутрь матрицы с углубленным

декором, в результате чего поверхности тисненых деталей получали рельефный орнамент, а затем детали соединялись в целый сосуд. В подавляющем большинстве случаев такая керамика обжигалась в восстановительной среде и имела светло-серый цвет поверхности и изломов. Именно так выглядели три обломка разных сосудов (№ 1551, 1665, 414ф), первые два из которых найдены в слоях первой половины XV в. (рис. 4, 3, 4). Подобная керамика производилась в XIV в. в Хорезме, была широко распространена в золотоордынских городах Поволжья (Панина, Волков, 2000) и поступала во многие города Руси. В Москве до недавних пор были известны только восемь обломков подобной керамики (Коваль, 2010. С. 144. Рис. 49, 3. Ил. 60, 4, 5).

Поливная керамика

Поливная посуда (146 находок) разделялась на несколько классов: восточных фаянсов (2 экз., или 1,5%) и полуфаянсов⁷ (73 экз., или 50%), западноевропейской майолики (5 экз., или 3,5%), восточной и византийской полумайолики (29 экз., или 20%), китайских фарфора и селадона (37 экз., или 25%).

Класс **фаянсов** представлен только одной разновидностью изделий с полихромной (черной, синей, белой и красной) росписью по красному фону. Сосуды этого типа изготовлены из твердого или мягкого белого кашина, они изготавливались только в одном месте – Османской Турции (предположительно в г. Изник) в середине – второй половине XVI в. Технология изготовления такой керамики очень сложная: на слой красной непрозрачной поливы наносилась роспись, выполнявшаяся ангобами голубого, белого и красного цвета, а также черной глазурью, после чего все изделие покрывалось бесцветной прозрачной глазурью (Soustiel, 1985. P. 334. Fig. 25). В музейных собраниях мира известно лишь несколько целиком сохранившихся сосудов данного типа (Soustiel, 1985. № 347, 358; Atasoy, Raby, 1989. № 372, 684, 711; Pasinli, Balaman, 1991. P. 74, 76). Среди опубликованных материалов архе-

ологических раскопок в Северном Причерноморье (Крым, Азов и др.) такая керамика не фигурирует, на территории позднесредневековой Руси она также ранее не была известна. Поэтому два обломка чаш, найденных на Подоле Московского Кремля (рис. 5, 2, 3), являются первыми подобными находками на территории Московской Руси. На этих небольших обломках сохранилась только бихромная роспись черной глазурью и голубым ангобом. К сожалению, обе находки (№ 177ф, 986ф) не имеют четко установленных контекстов, однако, судя по глубинам их залегания, эти контексты не могли относиться ранее чем к XVII в., то есть они в целом соответствуют времени бытования и археологизации турецкой керамики рассматриваемого типа.

В классе **полуфаянсов** имеется только один образец сосуда, принадлежавшего серии изделий с надглазурным декором. Это крошечный обломок чаши с остатками люстровой росписи на внутренней поверхности, покрытой бесцветной глазурью (№ 382). Внешняя поверхность сосуда покрыта синей глазурью, и хотя следов люстра на ней не сохранилось, трудно сомневаться, что на целом сосуде такой декор присутствовал. Основа изделия – твердый белый кашин. Все перечисленные признаки характерны для изделий Ирана XVII – начала XVIII в. В Москве подобные импорты до сих пор были известны лишь за пределами Кремля, кроме того, поздний иранский люстр найден в Коломне и Нижнем Новгороде (Коваль, 1997а. Рис. 2, 3; 2010. С. 56, 60, 61). В раскопе 2007 г. эта находка зафиксирована в поздних отложениях XVIII–XIX вв. Нельзя исключать того, что этому же сосуду принадлежал небольшой обломок, найденный в том же контексте и не несший никакого декора (№ 376). Но идентичный черепок и бихромное глазурное покрытие позволяют считать это сходство не случайным, тем более что обе находки сделаны в одном и том же слое на соседних квадратах.

Еще один обломок донца сосуда из твердого белого кашина с двусторонней бесцветной (чуть

⁷ **Фаянсами** называются изделия из силикатных масс (*stonepaste*), покрытые непрозрачной поливой, **полуфаянсами** – из таких же масс, но с крошечной прозрачной глазурью, **майоликой** – из цветных глин (*earthenware*), покрытые непрозрачной поливой, **полумайоликой** – такая же керамика, покрытая прозрачными глазурями (Коваль, 2010. С. 20). Применяемая здесь терминология не претендует на универсальность, это всего лишь инструмент для систематизации и краткого именованья больших групп поливной посуды. Некоторые из применяемых здесь терминов подвергались критике со стороны коллег (Волков, 2006. С. 413, 414, 421; Столярова и др., 2012. С. 248, 249), пытающихся провести жесткую кодификацию терминов, избрав из спектра их значений только одно. Не возражая в принципе против такой кодификации (установить которую все же достаточно трудно), должен принципиально согласиться и со многими замечаниями в адрес используемой здесь терминологии. Разумеется, названия «полуфаянс» и «полумайолика» звучат несколько двусмысленно, однако эти таксоны были введены в научный оборот довольно давно и вполне пригодны для емкого обозначения классов керамики. Поскольку иных терминов для рассматриваемых классов керамики пока не придумано, единственной альтернативой им стали бы многословные описательные наименования, которых как раз и хотелось бы избежать. Поэтому, отдавая дань уважения глубокой эрудиции критиков, мне представляется вполне допустимым придерживаться прежней терминологической схемы.

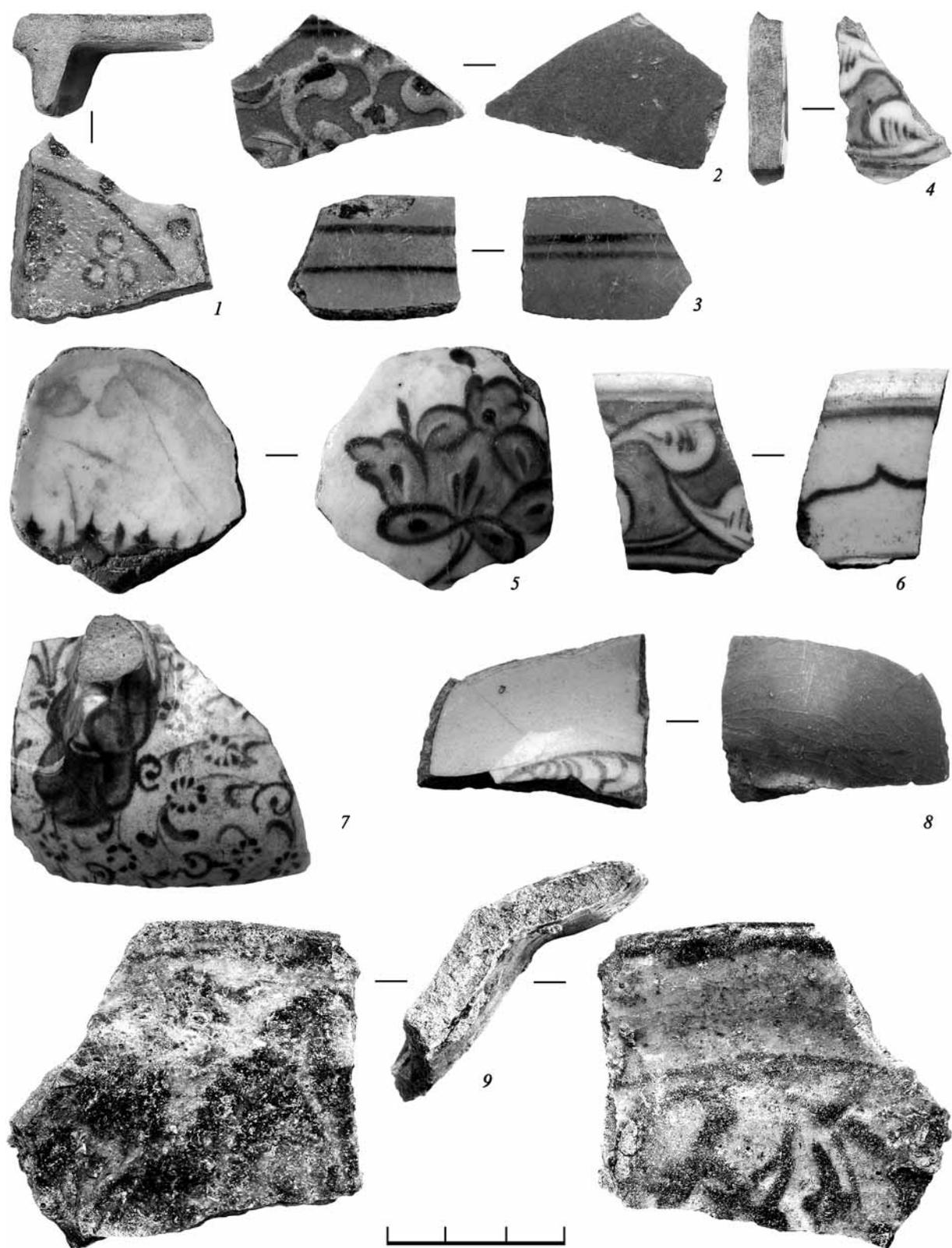

Рис. 5. Полуфаянсы турецкого (1-7) и иранского (8, 9) происхождения (см. цв. вкл.)
1-7 - XVI в.; 8 - XVIII в.; 9 - XV в.

голубоватой) глазурью, без всяких следов декора (№ 233ф), также мог принадлежать иранскому люстровому сосуду XVII–XVIII вв. Во всяком случае, кашин столь высокого качества в Новое время изготавливался только в Иране.

Все остальные импортные полуфаянсы, о которых речь пойдет ниже, принадлежали к серии изделий из рыхлого белого кашина с подглазурным декором (а внутри нее к одной группе – изделиям, украшенным подглазурной росписью). Они разделялись на две подгруппы – с бесцветной и бирюзовой кроющими глазурями.

Бирюзовые полуфаянсы включали только один тип изделий – с монохромной черной росписью (7 экз.). Четыре обломка принадлежали различным чашам, еще три – вазам гюльабдан (№ 368, 544, 1187, 1406, 132ф, 337ф, 999ф). Большинство обломков столь малы, что реконструировать их декор не представляется возможным. Лишь два фрагмента чаш сохранили орнаментацию в виде «крестиков-соцветий» и растительных мотивов (рис. 4, 5, 6). Судя по основам из рыхлого белого кашина, все эти сосуды изготовлены в золотоордынских центрах Нижнего Поволжья во второй и последней третях XIV в. Золотоордынские бирюзовые полуфаянсы были широко распространены в русских городах XIV в., но в Москве они до сих пор были представлены лишь небольшой серией из девяти мелких обломков и одной вазы гюльабдан из состава клада под полом Благовещенского собора Кремля (Коваль, 2010. С. 92, 93. Ил. 31, 1, 6, 8; 32, 4).

Полуфаянсы, крытые бесцветной прозрачной глазурью, разделяются в изученной коллекции на шесть типов, различающихся набором использовавшихся красок и приемов росписи.

Тип 1. Полуфаянсы с полихромной подглазурной росписью красками и росписью белым ангобом.

Элементы декора, выполненные густым белым ангобом, своей легкой рельефностью создавали основу орнаментальной композиции, которая дополнялась полихромной (черной/зеленой, синей и бирюзовой) красочной росписью. Все встреченные обломки (24 экз.) принадлежали только чашам,

причем наиболее крупные образцы (9 шт.) – чашам, внутренняя поверхность которых украшена рядами каплевидных фигур – стилизованных ныряющих рыбок (рис. 6, 1–3, 5, 6). Интересно, что встречены разные варианты оформления этого мотива: с выделенной головой и двумя синими точками, одна из которых выглядит как глаз рыбки (рис. 6, 1, 2, 6), а также в виде предельно схематизированной фигуры с одной точкой посередине (рис. 6, 5) – именно такие фигуры породили интерпретацию этого мотива в качестве «павлиньего глаза» (Скоробогатова, 1983. С. 97; Лисова, 2012. С. 84, 85. Табл. 20, 13–15)⁸. Мотив стилизованных ныряющих рыбок был чрезвычайно популярен на золотоордынских полихромных полуфаянсах второй половины XIV в., перейдя сюда с сирийских люстровых полуфаянсов (вероятно, через бирюзовые полуфаянсы с черной росписью), и известен на множестве чаш и блюд, изготовленных в золотоордынском Поволжье (Коваль, 2005. С. 83, 84; 2010. С. 90, 91, 95). Именно оттуда доставлялись на Русь сосуды такого типа.

Наряду с мотивом ныряющих рыбок среди обломков чаш встречены такие элементы, как круглые цветочные розетки (ранее называвшиеся колесовидным орнаментом) (рис. 6, 4)⁹, изображения цветка лотоса, прочие растительные мотивы, также широко распространенные на золотоордынской посуде. К сожалению, на мелких обломках чаш установить мотив росписи не представлялось возможным, а именно такие обломки преобладали в коллекции. Внешняя сторона всех крупных обломков чаш покрыта разными вариантами стилизованных лепестков лотоса – как с закругленными краями (рис. 6, 3), так и предельно схематизированных, в виде вертикальных полос, упиравшихся в край чаши (рис. 6, 1, 2). Подобные стилизации являются относительно поздним признаком, характерным для изделий второй половины XIV в.

Самые крупные из обломков найдены в заполнениях построек первой половины XV в.¹⁰ (рис. 6, 1, 6) и XVI в.¹¹ (рис. 6, 2), причем в первой из них обнаружены четыре обломка одной чаши,

⁸ Н. Ф. Лисова ссылается на неопубликованное мнение Т. Х. Стародуб (из текста ее кандидатской диссертации), заметившей в росписи одной (!) сирийской вазы листья, трактованные в виде каплеобразных фигур. Этому единичному включению противостоят многочисленные люстровые сосуды с рядами каплеобразных фигур, никак не связанными с какими-либо растительными побегами и составляющими самостоятельный мотив росписи. Заметим, что при систематизации орнаментов на золотоордынской керамике Н. Ф. Лисова не смогла найти ни одного примера, когда каплеобразные фигуры входили бы в состав растительных композиций, и отнесла этот элемент к «абстрактным орнаментам» (Лисова, 2012. С. 85).

⁹ Отмечены на двух обломках чаш (№ 699, 1322).

¹⁰ Сооружение Т1–32. № 643, 646, 675 и 753ф.

¹¹ Сооружение Т1–10/92. № 687, 692.

залегавшие в слое пожара, уничтожившего эту постройку (заглубленный в материк погреб). В слоях второй половины XIV в., то есть того времени, когда подобная керамика производилась в Орде и поступала на Русь, найден только один обломок такой керамики (раскоп 2, № 84), большинство же находок происходило из комплексов XV в. (11 шт.), остальные (мелкие) обломки встречены в более поздних комплексах переотложенными. Вероятно, сосуды этого типа, попав на Русь в конце XIV или начале XV в., выпадали в культурный слой преимущественно в первой половине и середине XV в.

Тун 2. Полуфаянсы с полихромной (черной/зеленой, синей и бирюзовой) или бихромной (черно-синей) росписью (без росписи ангобом).

Зафиксировано всего пять небольших обломков такой керамики, что само по себе вызывает удивление, поскольку эти разновидности кашинной керамики были на Руси одними из самых широко распространенных. В Москве до раскопок 2007 г. было известно 37 обломков такой керамики, лишь немногим меньше, чем образцов предыдущего типа (Коваль, 2010. С. 75, 76, 82, 84). На Подоле такая керамика представлена мелкими обломками чаш с не слишком ясно реконструируемым декором. Следует выделить два обломка чаш наилучшей сохранности, принадлежавших бихромной (черно-синей) разновидности, изготовленных из рыхлого кашина. Один из них принадлежал чаше (№ 529ф), внешняя поверхность которой украшена вертикальными панелями с эпиграфическим орнаментом (рис. 7, 1). Читаемые надписи, выполненные почерком «насах», часто встречаются на иранской керамике XIV в., однако они размещаются на ней обычно по внутренней поверхности (Коваль, 2010. Ил. 20, 2; 27, 2, 3), в горизонтальных или вертикальных панелях. В данном случае невысокое качество рыхлого белого кашина указывает скорее на поволжское происхождение чаши, а использование псевдонадписей в декоре внешней поверхности можно рассматривать в качестве попытки творческого переосмысления декора персидских образцов. В этом смысле показателен обломок золотоордынской чаши из Великого Новгорода, внешняя поверхность которого также украшена вертикальной панелью с эпиграфическим орнаментом (Коваль, 2010. Ил. 33, 8). Возможно, такое переосмысление отчасти формировалось и под влиянием иранских люстровых чаш того же времени, на внешних поверхностях которых нередко присутствовали панели с эпиграфическим декором (Коваль, 2010. Ил. 6, 1).

Второй обломок принадлежал чаше из ярко-розового (почти красного) кашина (рис. 7, 2), он найден в слое XIV в. на раскопе 2 (№ 60). Декор этого образца не столь выразителен, однако тут играет роль цвет кашина. Розоватый кашин часто встречается в придонных частях иранских чаш XIV в., однако в данном случае оттенок столь интенсивен, а качество рыхлого рассыпающегося кашина столь невысоко, что не может возникать сомнений в том, что сосуд изготовлен в нижневолжских центрах Золотой Орды.

Тун 3. Полуфаянсы с синей росписью «в резерве» с добавлением бирюзово-зеленой и пурпурной красок.

У керамики этого типа рисунок выполнялся черными контурными линиями, а весь фон заливался синей кобальтовой краской. Бирюзово-зеленая и пурпурная (сиреневого оттенка) краски использовались для подцветки отдельных деталей изображений, остававшихся белыми. Таким образом, в декоре этого типа полуфаянсов присутствовало пять разных цветов, включая белый и черный. Подобная керамика производилась только в Османской Турции на протяжении XVI в. (ранее эту разновидность называли «стилем Дамаск»), и в Москве до сих пор были известны лишь три обломка подобных блюд (Коваль, 2010. С. 77–79. Ил. 25, 5).

В 2007 г. на Подоле Кремля обнаружены шесть мелких обломков разных сосудов этого типа – блюд и кувшинов (№ 327, 354, 23ф, 40ф, 133ф, 892ф). Все они происходили из контекстов XVI–XVII вв. или более позднего времени. При этом ни на одном из обломков не сохранилось полной цветовой гаммы, но четко видна заливка фона росписи густо-ультрамариновой кобальтовой краской (рис. 7, 3–5). Важно также то, что все образцы изготовлены из твердого белого кашина, характерного для турецких полуфаянсов. Наиболее интересны пряслице из стенки блюда и круглая фишка (или заготовка для совсем маленького пряслица) (рис. 7, 3, 4). Пряслица из красочной турецкой керамики разных типов уже бывали найдены в Москве и других городах Руси (Коваль, 2010. Ил. 25, 6).

Подобная керамика получила распространение в Турции в первой половине XVI в., вероятно, в то же самое время она доставлялась и в Москву, но в культурный слой обломки сосудов выпадали, конечно, позднее. Это тем более верно для изделий вторичного использования (пряслиц).

Тун 4. Полуфаянсы с синей, бирюзовой (или голубой), зеленой и красной (или пурпурной) росписью в черных контурах.

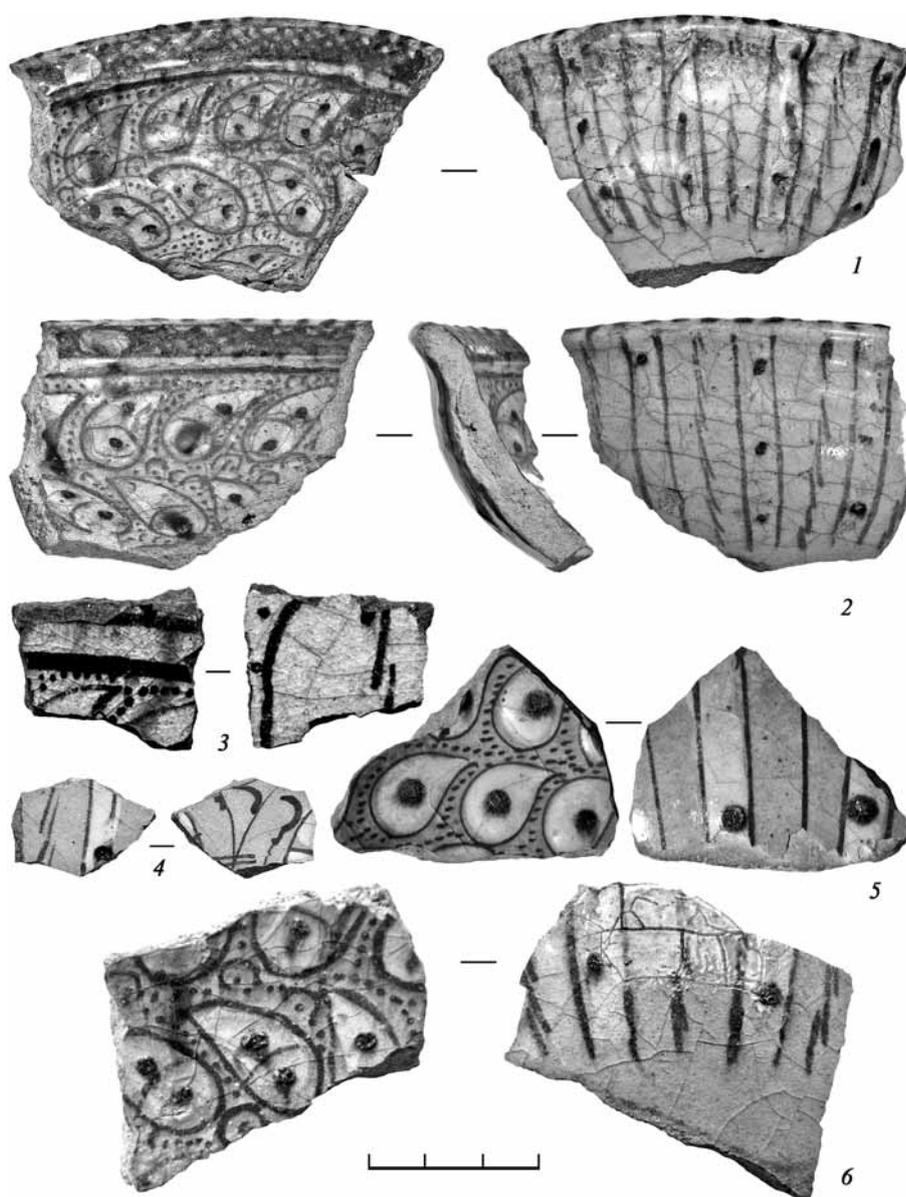

Рис. 6. Обломки золотоордынских кашинных чаш с подглазурной полихромной росписью и росписью белым ангобом

У керамики этого типа мотивы «в резерве» не встречаются. Кашинная основа могла быть твердой или мягкой. Подобные полуфаянсы начали производиться в Турции (в г. Изник) с середины XVI в. Вторая половина XVI и XVII в. – время их наиболее широкого распространения. При этом красный ангоб в декоре этих изделий стал применяться только в последней четверти XVI в. (Aslanapa, 1971. P. 217), именно эта разновидность ранее называлась у антикваров керамикой стиля Родос. В Москве к началу 2007 г. было известно 13 находок керамики этого типа; кроме того, она

встречалась в Коломне, Дмитрове, Рязани, Ярославле в виде единичных находок (Коваль, 2010. С. 80. Ил. 25, 1–4, 6).

При раскопках на Подоле найдены три обломка такой керамики. Два из них (№ 24ф, 387), принадлежавшие к ранней группе изделий, в декоре которых использовалась пурпурная (сиреневого оттенка) краска (рис. 7, 6, 7), могут быть уверенно датированы серединой – второй половиной XVI в. Находка обломка блюда (рис. 7, 7) происходила из слоя второй половины XVI в., то есть из синхронного контекста. Изображения тюльпанов с пурпурными

лепестками на этом обломке и сложная растительная композиция с центральной розеткой на другом обломке блюда (рис. 7, б) находят многочисленные аналогии среди турецкой керамики (*Atasoy, Raby, 1989. Fig. 50a, 351, 352, 368, 371; Denny, 2005. P. 220*).

Еще один обломок принадлежал краю кружки, в декоре его применен красный ангоб. К сожалению, контекст находки (раскоп 2. № 301ф) неизвестен, однако по аналогиям ее датировка укладывается в последнюю четверть XVI–XVII в. Мотив из чередующихся наклонных листочков с заостренными концами и трехлепестковых половинок соцветий характерен для оформления краев кружек (*Atasoy, Raby, 1989. Fig. 543; Denny, 2005. P. 122*), но встречается и на бордюрах краев тарелок (*Bilgi, 2009. № 239; Hitzel, Jacotin, 2005. Fig. 443*). В данном случае речь может идти только о кружке либо кувшине с широкой горловиной.

Tun 5. Полуфаянсы с бирюзовой (синей и бирюзовой/голубой) росписью.

Изделия этого типа изготавливались из твердого или мягкого белого кашина в Османской Турции на протяжении XVI в. (преимущественно в 1530–1550-х гг.). В декоре сосудов преобладал синий цвет: синей краской (кобальтом) выполнялась контурная роспись, тогда как бирюзовый краситель мог использоваться в разных объемах (зачастую очень локально, для подцветки всего нескольких деталей). Стилистика росписи сосудов сильно различалась. В частности, к этому типу принадлежали изделия, которые в прошлом именовались «керамикой Золотого Рога», главная отличительная черта которых – крупные спирали из стеблей с мелкими листочками и «пушистыми» соцветиями, за что такой стиль декора еще называют спиральным (*Atasoy, Raby, 1989. P. 108–114*). В Москве до 2007 г. были известны только семь обломков сосудов этого типа, причем все они происходили из раскопок в Зарядье, среди них пять принадлежали кувшину, декорированному в стиле Золотого Рога (*Коваль, 2010. С. 80, 81. Ил. 26, 1; рис. 25, 1; 29, 5, б*).

При исследованиях на Подоле Кремля найдены семь обломков от различных сосудов рассматриваемого типа, однако только один из них происходил из точно установленного контекста первой половины XVI в. (№ 444). Среди остальных находок контекст может быть установлен приблизительно (по глубинным отметкам) для четырех обломков: это слои XVI в. (раскоп 2. № 730ф), второй половины XVI в. (№ 263ф, 1001ф – рис. 7, II; рис. 5, 7) и XVII в. (б/№ – рис. 7, 9). Контексты еще двух

находок достоверно не установлены (№ 63ф, 812ф – рис. 7, I0; рис. 5, 1).

Один из обломков принадлежал кувшину с декором в стиле керамики Золотого Рога, традиционно датируемом 1530-ми годами (рис. 5, 7). Хотя бирюзовый краситель на этом образце отсутствует, принадлежность к декоративной группе не вызывает никаких сомнений (тем более что в ней известно множество сосудов с монохромной синей росписью). Все остальные сосуды этого типа орнаментированы в иной стилистике (рис. 7, 9–II; рис. 5, I), причем обломок одного сосуда украшен росписью, в которой бирюзовая краска доминировала, заполняя фон (рис. 7, I0), а у другого вместо бирюзовой для закрашки фона использована голубая краска (рис. 5, I).

Tun 6. Полуфаянсы с монохромной синей росписью.

Внутри этого типа можно выделить четыре вида изделий, различающихся как по качеству кашина, так и по декору.

Вид 1. Изделия из рыхлого кашина.

Место производства сосудов, изготовленных из рыхлого белого кашина, с относительно толстыми (около 0,5 см) стенками, установить довольно сложно: такая керамика изготавливалась в нижневолжских центрах Золотой Орды в конце XIV – начале XV в., однако близкая керамика производилась в XV в. в Иране и Средней Азии. До раскопок 2007 г. в Москве были известны восемь находок керамики этого вида, из них три – в Кремле (*Коваль, 2010. С. 88, 89*). В 2007 г. в Тайницком саду найдены семь обломков чаш и блюд, часть из которых сильно обгорела в пожаре (№ 270, 746, 1442, 1562, 1677). Обломок блюда с плоскоотогнутым краем (рис. 5, 9) мог относиться к дальним импортам (Иран? Средняя Азия?), поскольку в золотоордынской керамике такие формы встречаются исключительно редко (и, вероятно, сами были импортами). Другие образцы не пострадали от пожара (№ 839; раскоп 2. № 57ф), но их декор столь невыразителен, что по нему невозможно проводить какие-либо атрибуции. Необходимо заметить, что из семи находок одна происходила из постройки, засыпанной в первой половине XV в. (сооружение Т1–117), две – из слоя второй половины XV в., три – из контекстов XVI в., то есть были, вероятно, переотложены.

Вид 2. Изделия из твердого кашина.

Среди этой керамики необходимо выделять три варианта изделий, различающихся стилистикой росписи.

Вариант 1. Турецкие изделия.

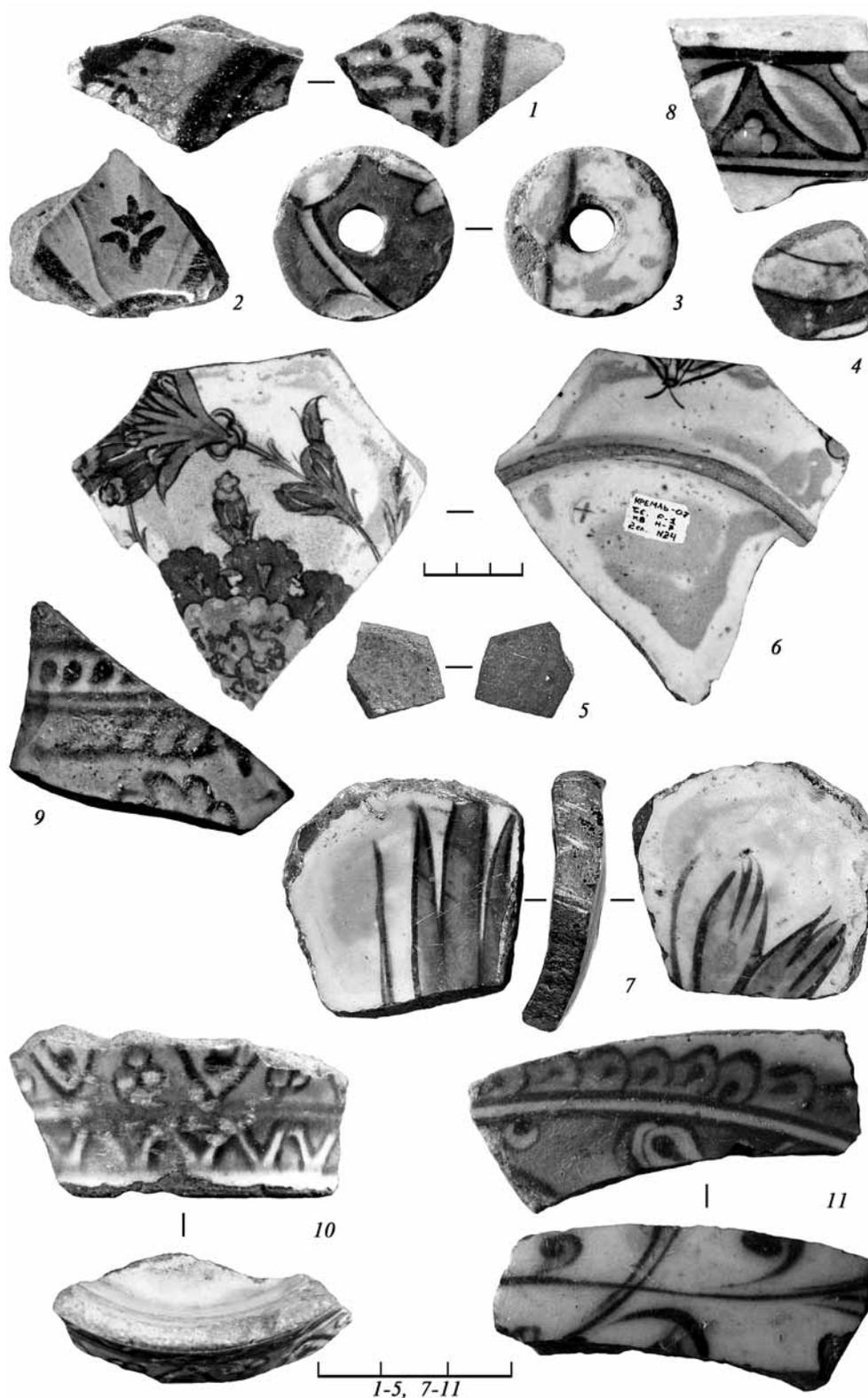

Рис. 7. Обломки полуфаянсовых сосудов с полихромной подглазурной росписью из золотоордынского Поволжья XIV в. (1, 2) и Турции XVI в. (3–11) (см. цв. вкл.)

Речь идет о четырех обломках от двух сосудов. Два из них принадлежали блюду или тарелке (№ 258, 915ф), край которой украшен бегунком-арабеской «в резерве» на светло-синем фоне (рис. 5, 4, б) в манере, известной по турецким полуфаянсам конца XV – первой половины XVI в. стилей Master of the Knots и Baba Naccas Ware (*Atasoy, Raby*, 1989. № 96; *Bilgi*, 2009. P. 82. № 19). Другие два обломка (№ 149ф, 905ф) относились к кувшину, украшенному в той же манере, но без следов использования «резерва», с изображением цветка лотоса (рис. 5, 5), аналоги которому известны на большой серии турецких изделий (*Atasoy, Raby*, 1989. № 83, 85, 90, 95, 96, 106, 18, 109, 112; *Bilgi*, 2009. № 8). Все фрагменты встречены в переотложенном состоянии в контекстах XVII и XVIII–XIX вв.

Вариант 2. Изделия неясного происхождения (Иран?).

В эту группу включены обломки сосудов из очень твердого (фарфоровидного) белого кашина и росписью расплывающимся кобальтом, с мотивами, не находящими прямых аналогов среди турецкой посуды, но имеющими некоторое сходство с иранскими изделиями XVI–XVIII вв., а также обломки с четко не атрибутируемыми изображениями, большинство из которых к тому же не имеют точно определенных контекстов (№ 302, 176ф, 373ф, 736ф, раскоп 2. 364ф). Текущий кобальт почти не встречается на турецкой керамике, но зато характерен для иранских изделий.

Не исключено иранское происхождение маленькой пиалы (раскоп 2. № 117ф), на дне которой имелся медальон с орнаментом, выполненным синей краской, а вся внешняя поверхность закрашена шоколадно-коричневой краской (рис. 5, 8). Подобные изделия копировали китайский фарфор позднего этапа эпохи Мин и начала эпохи Цин (XVI–XVIII вв.), в котором известны чашки с коричневой или красно-коричневой внешней поверхностью (*Carswell*, 1995. № 170, 171; *He Li*, 1996. № 456, 501, 547). Аналогичные по декору (синяя роспись внутри, коричневая окраска внешней поверхности) чашечки известны в материалах XVIII в. из Азака, где они атрибутированы производству малоазийской Кютахи (*Гусач*, 2005. С. 478, 479. Рис. 1, 13, 15), специализировавшейся на производстве кофейных чашечек. Однако кютахинские чашки отличаются хрупким черепком, тогда как московский образец изготовлен из очень прочного «камнеобразного» кашина.

Тун 7. Полуфаянсы с монохромной черной росписью.

Единственный небольшой обломок чашки из твердого белого кашина нес такую роспись на внешней поверхности (раскоп 2. № 245ф). Размеры обломка (2,0×1,5 см) не позволяют утверждать, что таков же декор всего сосуда. По той же причине атрибуция образца не может быть проведена с достаточной уверенностью. Монохромная, очень редко черная, роспись встречается среди турецких полуфаянсов XVI в., где она фактически замещала монохромный синий декор (*Bilgi*, 2009. № 31). Однако турецкие изделия отличаются изящно выполненным рисунком, тогда как на описываемом образце декор состоял из небрежно выполненных спиралей. Поэтому более вероятным кажется иранское происхождение этой чашки и датировка в пределах XVII–XVIII вв. (к сожалению, контекст этой находки не может быть надежно установлен, хотя можно не сомневаться, что он не мог относиться ко времени ранее XVI в.).

Импортная **майолика** представлена среди находок с Подола пятью образцами. Два из них принадлежат германской «каменной» керамике (нем. *Steinzeug*; англ. *Stoneware*), покрывавшихся непрозрачной соляной поливой, имевшей характерную бугристую фактуру. Один из сосудов (№ 214ф), с желто-коричневой поливой и декором, состоявшим из изображений цветов (рис. 8, 1), можно датировать XVII–XVIII вв. В частности, очень близкие цветки изображены на кувшине первой половины XVIII в. из раскопок в городе Хёкстере (земля Северный Рейн – Вестфалия) («Aus dem Pottland...», 2012. № 55). Второй обломок (№ 158ф) принадлежал кувшину с серо-синей гаммой поливного покрытия, явно относился к изделиям Вестервальда того же периода. Подобная керамика, называвшаяся на Руси в XVI–XVIII вв. «каменным рейнским товаром», хорошо известна по находкам в Москве (*Розенфельдт*, 1968. С. 71) и в других городах, однако московские находки никогда не публиковались.

Две другие находки относятся к числу северо-европейских изделий с монохромной синей росписью: это обломки ручки и стенки кувшинов (№ 464ф, 126ф) из желтоватой глины без видимых примесей, облицованных белой непрозрачной поливой (рис. 8, 3, 4). Роспись синей краской внутриглазурная (то есть нанесенная по сырой поливе, до ее обжига). Подобная керамика, подражавшая китайскому фарфору, широко распространена в Европе XVII–XVIII вв., наиболее известной ее разновидностью является знаменитый делфский фаянс XVII в., изготавливавшийся в Голландии, в г. Делфт. На Руси, в частности

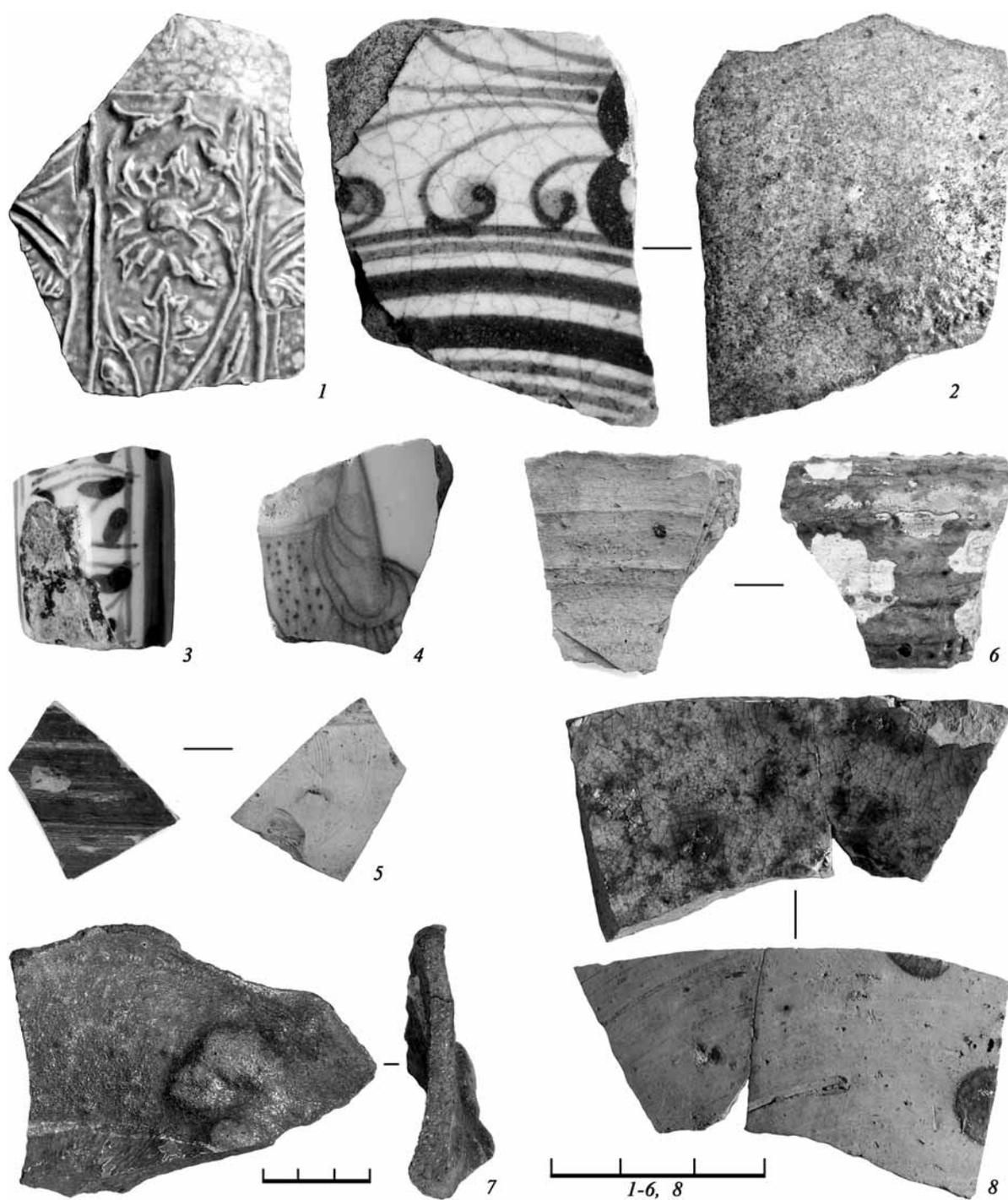

Рис. 8. Европейская майолика XVII–XVIII вв. (1–4)
и причерноморская полумайолика XIV в. с зеленой глазурью (5–8) (см. цв. вкл.)

в Москве, европейские изделия известны среди археологических находок, однако они никогда не публиковались.

Четвертый образец майолики (№ 189ф) также относится к северо-европейским (вероятно, нидерландским) изделиям XVI – первой поло-

вины XVII в. – это обломок блюда из желтоватой глины без видимых примесей, которое снаружи покрыто бесцветной прозрачной глазурью, а внутри – белой непрозрачной поливой, по ней нанесена внутриглазурная роспись синей (оксид кобальта) и пурпурно-коричневой (вероятно, оксид марганца)

красками (рис. 8, 2). По концентрической композиции орнаментации эта тарелка близка итальянским майоликам XVI–XVII вв., а использование пурпурно-коричневого цвета напоминает «каменную керамику» Вестервальда с двуцветной сине-коричневой гаммой декора. Производство майолики в Нидерландах было организовано итальянскими мастерами в XVI в. в городах Харлингген, Мидделбург, Берген-оп-Зум, Роттердам, а позже процветало в Харлеме и Делфте. В середине XVII в. непрозрачная полива стала наноситься уже и на внешнюю поверхность блюд, и такая керамика в североевропейской литературе называется фаянсом¹². Использование марганцевого красителя известно именно для нидерландской майолики. Такая керамика на территории Руси встречается исключительно редко, опубликованные образцы нам неизвестны.

В составе импортной **полумайолики** (29 экз.) выделяются две серии изделий – с дополнительным декором (росписью, гравировкой) и без него. Вторая серия достаточно обширна и включает несколько групп изделий, а также четыре обломка ангобированных чаш и блюд, очень сильно перегоревших в пожарах (№ 1443, 1482, 1660, 1657): их тесто почернело и приобрело пемзообразное состояние, глазурь также почернела, и хотя в ряде случаев она имеет буро-зеленоватый цвет (рис. 8, 7), невозможно утверждать, что до пожара, повредившего сосуд, эта глазурь также была зеленой. Среди них отметим обломок тарелки из формовочной массы, насыщенной песком (№ 1482), идентичной материалу чаши с плоским краем (рис. 9) и чаши с монохромной росписью (рис. 10), то есть, вероятно, происходившей из того же самого производящего центра. Три находки происходили из слоев XV в., одна – из слоя первой половины – середины XIV в.

Среди изделий без дополнительного декора особняком стоит обломок кувшина, не имевшего ангобной облицовки (№ 138). Тусклая зеленая глазурь нанесена на его внутреннюю поверхность (рис. 8, 5), а на внешней поверхности заметен край потека желтоватой глазури, которая, вероятно, покрывала горловину и верхнюю часть тулова. Кувшин изготовлен вытягиванием из формовочной массы с крупными включениями карбонатов. Кувшины из таких масс и подобным способом глазурования известны в средневековых отложениях на памятниках Северного Причерноморья, но на территории Руси они почти неизвестны (*Ко-*

валь, 2010. С. 106). Место их производства не установлено. находка происходит из слоя первой половины XV в., то есть из контекста, синхронного времени бытования таких сосудов.

Остальные образцы данной серии изделий (11 шт.) покрыты зеленой (виды 1–4) глазурью по слою белого ангоба. Среди них выделяется несколько видов.

Вид 1. Изделия из сильноожеженных (красноожужихся) глин с примесью мелкого песка. Такая рецептура формовочных масс характерна для нижеволжских керамических центров Золотой Орды. На Подоле встречен только один обломок кувшина подобного вида (№ 1545), зафиксированный в переотложенных слоях XVI в.

Вид 2. Изделия из сильноожеженных (красноожужихся) глин с включениями красного шамота и органики (иногда – карбонатных пород). Данная рецептура свойственна продукции городов Юго-Восточного Крыма XIV–XV вв. Подобная керамика широко импортировалась на Русь, она известна во многих городах, в т. ч. и в Москве (*Коваль*, 2010. С. 109, 110). В исследуемой коллекции такие образцы преобладали (№ 188, 211, 967, 1088, 1305, 1548), причем все они встречены в слоях XIV (2 экз.) и XV в., то есть контекстах, синхронных времени производства такой керамики. Пять обломков принадлежали кувшинам, причем только один имел глазурное покрытие на внутренней поверхности (оно перегорело в пожаре), а три остальных не имели такого покрытия, а на их внутренней поверхности хорошо заметно рифление вытягивания (рис. 8, б). Возможно, один из обломков (№ 211) относился к тисненому поливному кувшину, поскольку он имел стыковочный шов на уровне максимального диаметра. Шестой обломок был краем чаши (№ 188), которая могла иметь какой-то декор (например, сграффито).

Вид 3. Изделия из ожеженных (красноожужихся) глин с включениями крупных карбонатов. Такой состав имели некоторые сосуды Юго-Восточного Крыма. К этому виду принадлежал обломок блюда с желтовато-зеленой пятнистой глазурью (№ 1422), найденный в слое XIV в. (рис. 8, 8).

Вид 4. Изделия из слабоожеженной (розоватой) глины с включениями мелкого песка. Для этой редкой разновидности, представленной обломком края чаши (№ 928), обнаруженной в слое второй половины XV в., трудно назвать аналогию. Чаша

¹² Благодарю за консультацию Яна Тэйссона (J. R. A. M. Thijssen, Netherlands).

покрыта изнутри темно-зеленой глазурью, а снаружи – светлой желтовато-зеленой.

Вид 5. Изделия из сильноожеженной (красно-коричневого цвета) глины с искусственной примесью песка среднего размера (с зернами диаметром до 1,5 мм – рис. 9, б, в), отличающиеся недостаточно продолжительным обжигом, о чем свидетельствует черная полоса на изломах стенок (рис. 9, б). Кроме песка в составе формовочной массы замечены комочки рыхлого белого вещества (разложившиеся карбонаты?) и отдельные включения крупных обломков камня неизвестной породы. К этому виду принадлежали три находки, две из которых (№ 1038, 1458 – из четырех частично склеенных обломков) принадлежали одной чаше с плоскоотогнутым краем и собраны при разборке заполнения сооружения Т1–117 (датировано первой половиной XV в.) и слоя XV в., залежавшего над ним¹³. Чаша (рис. 9, 1, 2; рис. 11, 1) совершенно уникальна и требует подробного описания. Кроме отмеченных особенностей формовочной массы она отличалась полным отсутствием какого-либо дополнительного декора. Сосуд практически полностью (изнутри и снаружи) облицован слоем белого ангоба (включая внутреннюю полость поддона), а затем также почти полностью (за исключением поддона) покрыт бесцветной (чуть зеленоватой) глазурью с сеткой мелких цековых трещин (характерным признаком свинцовых глазурей) (рис. 9, в). К сожалению, глазурированные поверхности чаши покрыты черной пленкой (вероятно, органического происхождения), снять которую с глазури удалось лишь частично. Диаметр чаши – 22 см, плоскоотогнутый край имел ширину 2 см. В центре дна – крупная капля глазури с лопнувшими пузырьками (кавернами).

Вероятно, этой же самой чаше принадлежал обломок плоскоотогнутого края (№ 1652), найденный в переотложенном состоянии (в слое второй половины XVI в.) в 3 м к югу от сооружения Т1–117. В отличие от других частей этой чаши, он сохранил довольно чистую поверхность глазурного покрытия (рис. 9, 3).

Недекорированная керамика очень сложна для атрибуции, поскольку не обладает яркими художественными особенностями: такие сосуды не сохранялись в древности, не включались в коллекции музеев и не обращают на себя внимание при археологических раскопках. Форма чаши довольно редкая, но можно указать ее аналоги в разных странах.

Например, чаши с плоскоотогнутым краем и притом вовсе без декора изготавливались в Северной Италии и даже использовались там для украшения фасадов храмов в качестве так называемых «бачини» – блюд и чаш, вмуровывавшихся в кладку стен лицевой стороной наружу. В частности, такие чаши известны в стенах церкви Сан Мартино в Пизе, построенной в 1280–1330 гг. (*Berti*, 1997. Tav. VI; VII; 48–55). Однако все пизанские сосуды относятся к классу майолики и покрыты плотной непрозрачной глазурью различных оттенков. Кроме того, среди итальянской поливной керамики неизвестны сосуды из столь грубого теста, как в данном случае, нет среди них и недообожженных изделий. Поэтому при всем внешнем сходстве итальянские аналоги не помогают атрибуции московской находки.

Другим регионом, где производили монохромные чаши с плоскоотогнутым краем (причем относящиеся к классу полумайолики), является Малая Азия поздневизантийской и раннеосманской эпох (XIV–XV вв.). Правда, опубликованные образцы несут на себе декор (*Doger*, 2009. Res. 8, a, b), но, судя по его исключительной скупости, можно не сомневаться, что существовали и обширные серии недекорированных изделий, которые не попали в публикации. Наконец, плоскоотогнутые края можно наблюдать у многих чаш и блюд керамики «милетской группы» (*Тесленко*, 2005. Рис. 1; 2; 4, 2), среди которой, правда, неорнаментированные изделия неизвестны вовсе. Однако и византийская керамика, и «милетская» раннеосманская отличались высоким качеством глины и обжига, что не позволяет относить рассматриваемую чашу ни к византийским изделиям, ни к группе «Милет».

Вместе с тем одна черта сходства с «милетской» керамикой все же прослеживается: на многих чашах и блюдах этой группы изделий применялся своеобразный прием, состоявший в формовке сосуда из мелкодисперсной глины без примесей, с оставлением отверстия в центре дна, которое впоследствии заделывалось массой иного состава – насыщенной крупным песком (*Тесленко*, 2005. С. 386, 387), т. е. очень близкой той рецептуре, по которой изготовлена чаша из сооружения Т1–117. Само применение в высокотехнологичном производстве «милетской» керамики масс столь грубого состава заставляет думать, что на сложение данной керамической традиции повлияли какие-то очень архаичные керамические навыки.

¹³ Это сооружение знаменито тем, что в его основании находились остатки более раннего погребя (рубежа XIV–XV вв.), в заполнении которого найдена московская берестяная грамота № 3 с текстом, записанным чернилами.

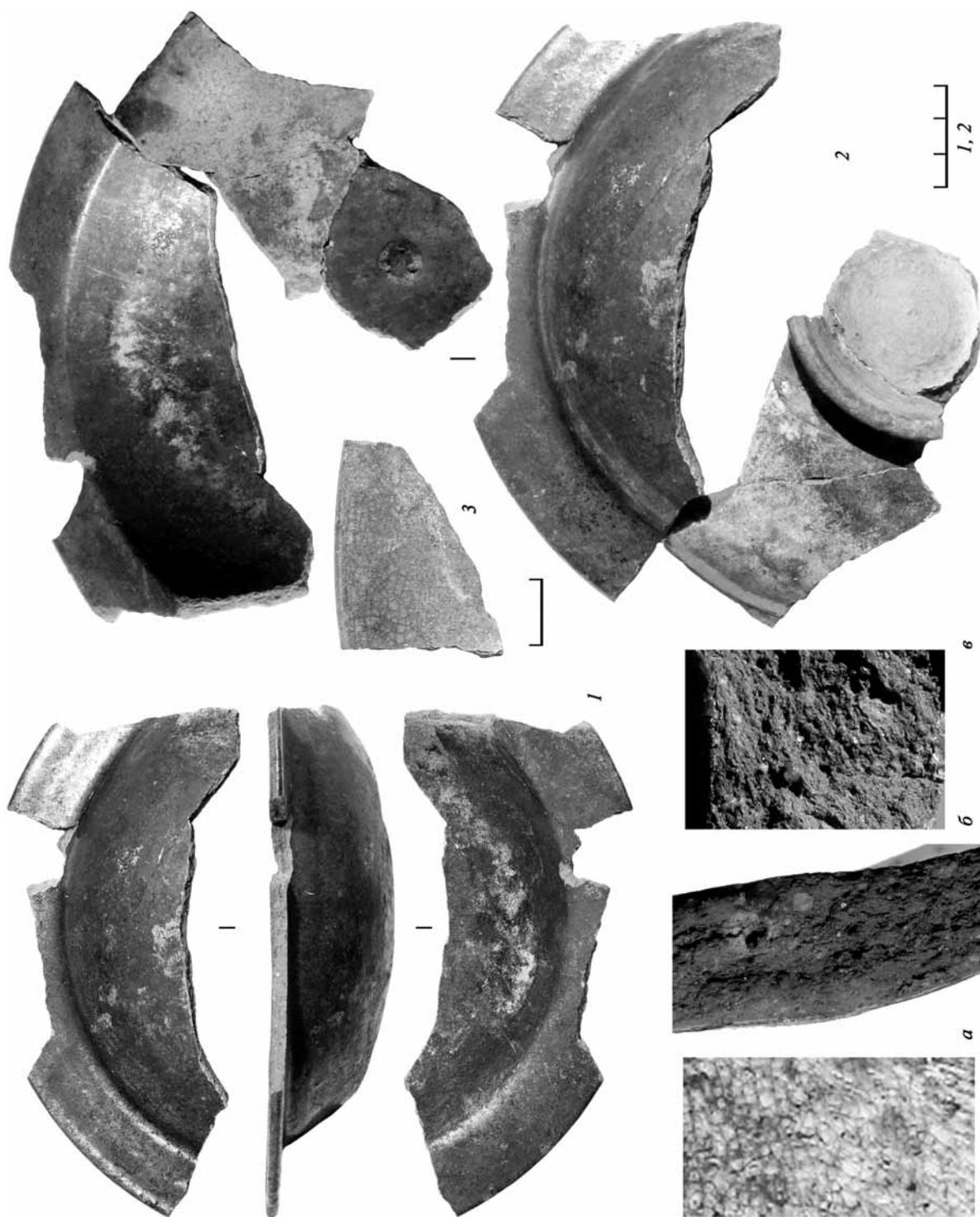

Рис. 9. Обломки красноглиняной чаши без дополнительного декора и с бесцветной глазурью (1–3) (см. цв. вкл.)

а – фактура поверхности глазури; б, в – изломы черепка

Аналогии формовочной массе рассматриваемой чаши представляют также три обломка от разных сосудов, найденных в Москве: с бихромной (зеленой и желто-коричневой) подглазурной росписью (Коваль, 2010. С. 119 (тип 11). Ил. 44, 2. Рис. 40, 4), с монохромной красно-коричневой росписью, имитировавшей гравированный декор (Коваль, 2010. С. 119, 120 (тип 12). Рис. 40, 9), и с монохромной коричнево-черной росписью (Коваль, 2010. С. 120 (тип 13). Рис. 40, 2), аналогии которым до сих пор неизвестны. При этом важно, что все эти образцы также найдены в слоях золотоордынской эпохи. Вместе с тем среди золотоордынской керамики, известной по раскопкам городов Среднего и Нижнего Поволжья, изделия из столь грубой формовочной массы не обнаружены (по крайней мере, они не описаны в литературе). Можно с высокой степенью уверенности допускать, что рассматриваемые сосуды изготовлены в одном производящем центре с хорошо укоренившейся традицией подготовки формовочных масс.

Обращают на себя внимание следующие обстоятельства: при схожем составе формовочной массы и близком по низкому качеству обжиге наблюдается большое разнообразие в формах и декоре изготавливавшейся керамики. В то же время ни один из четырех рассматриваемых московских образцов не копирует золотоордынские формы, а чаша явно демонстрирует следование поздневизантийским образцам. И только один из четырех сосудов включал декоративную схему, применяющуюся на Нижней Волге и в Иране, — стилизацию лепестков лотоса (Коваль, 2010. Рис. 40, 9). Таким образом, подобные изделия вряд ли могли появиться в центральных районах Золотой Орды, скорее, на роль их производителя может претендовать какой-то окраинный центр в Северном Причерноморье (но не в Крыму), активно функционировавший до начала XV в. Однако еще более вероятно размещение этого центра в одном из районов Малой Азии либо в Закавказье. Мастера этого центра восприняли как византийские керамические традиции, так и ближневосточные, но при этом сохранили архаичные навыки подготовки формовочных масс и не достигли высокого уровня в обжиге керамики (хотя выдерживали высокое качество второго обжига, необходимого для закрепления глазури на поверхности изделий). Вероятно, этот центр еще не исследован (или слабо исследован) археологически, а материал из него не опубликован. В этом смысле менее всего имеется информации о керамических центрах Грузии (в том числе и по причинам языкового барьера и современных политических проблем) и многих районах Малой

Азии. Армении и Азербайджан можно исключить из списка стран, на территории которых могло находиться такое производство, поскольку керамика этих территорий достаточно хорошо известна и публиковалась, пусть и не в самом полном объеме.

Полумайолика с подглазурным декором включала три группы изделий.

Группа 1. Керамика с росписью красками.

Относилась к единственному типу изделий с монохромной коричневой (или красно-коричневой) росписью под бесцветной (или слабо окрашенной в бледно-зеленоватый или желтоватый цвет) глазурью.

В составе этого типа выделяются два вида изделий.

Вид 1. Изделия из сильноожеженной глины с примесью песка среднего размера, то есть той же самой массы, из которой изготовлена описанная выше тарелка из сооружения Т1–117.

К этому виду относились пять обломков от трех или четырех чаш. Два из них, несомненно, принадлежали одной и той же чаше (№ 1457, 1486) и найдены в том же заполнении сооружения Т1–117, откуда происходила и описанная выше чаша без декора. Поверхность рассматриваемой чаши также частично загрязнена черным веществом, однако под бесцветной (чуть зеленоватой) глазурью тут имелся расписной декор, нанесенный густой темно-коричневой краской, рельефно выделявшейся под глазурью (судя по рельефности, этот краситель приготовлен на основе ангоба, а желтоватые края линий росписи указывали на присутствие оксида железа). Роспись довольно проста и представляет собой ряд круглых пятен-точек по краю чаши и вертикальные полосы на внутренней поверхности, состоящие из двух параллельных линий и ряда таких же точек между ними (рис. 10). Профилировка чаши (со слегка отогнутым краем) (рис. 11, 2) резко отличается от поздневизантийских чаш, но близка золотоордынским кашинным чашам и раннетурецким изделиям Изника (так называемой керамики группы «Милет»; Тесленко, 2005. Рис. 3, 6, 10).

Прямых аналогий декору этой чаши среди изделий Западной Азии неизвестно, но зато он находит стилистическое сходство с оформлением еще одной загадочной по происхождению тарелки, обломки которой найдены недавно при раскопках в Звенигороде (Коваль, Алексеев, 2013. С. 106–117). Речь идет о полосах из двух параллельных линий черно-коричневой краски, между которыми помещены в ряд жирные точки (Коваль, Алексеев, 2013. Рис. 1, 7). Для звенигородской тарелки

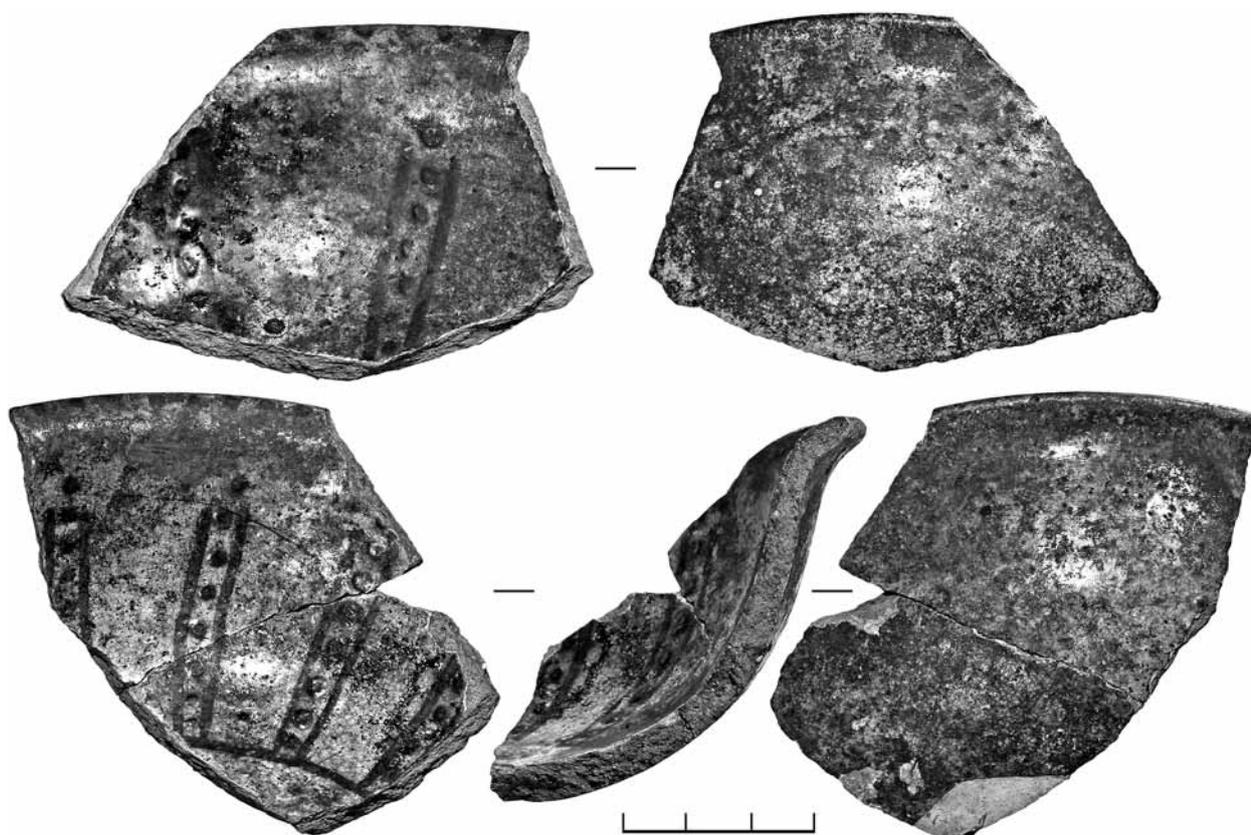

Рис. 10. Обломки чаши с подглазурной коричневой росписью

предполагались разные варианты происхождения, в том числе среднеазиатский и малоазийский. Правда, тарелка из Звенигорода изготовлена из очень плотного красного теста и прошла высококачественный обжиг, то есть ее формовочная масса резко отличалась от сосудов, собранных в заполнении сооружения Т1–117, однако названный орнаментальный мотив не является единственной чертой сходства между ними. Например, на тарелках из Звенигорода и Подола присутствует такая редкая технологическая деталь, как нанесение белого ангоба на внутреннюю поверхность поддона, практически неизвестная на всей остальной керамике Востока и Византии. Интересна также близость орнаментации краев звенигородской тарелки (точки со штрихами на наружную сторону) и чаши рассматриваемого вида (точки). Поэтому при всех (очень важных) различиях имеются и такие черты сходства, которые не стоит игнорировать.

Другой чаше, очень сильно перегоревшей в пожаре (глазурь почернела, подглазурная роспись скорее угадывается), но имевшей ту же самую профилировку, что и у описанной выше, принадлежал довольно крупный обломок (№ 1466), который

также найден в заполнении сооружения Т1–117. На внутренней поверхности сосуда когда-то имелась роспись из линий темной краски, рисунок которой достоверно не восстанавливается, однако можно утверждать, что он не был усложненным и состоял из геометрических мотивов (рис. 12, 1).

Третий крупный обломок чаши являлся дном с кольцевым поддоном (№ 1492), найденным в том же самом комплексе (сооружении Т1–117). Это дно не могло принадлежать развалу чаши № 1, но вполне могло составлять единое целое с краем чаши № 2, поскольку оно тоже перегорело в сильном пожаре (рис. 11, 3; рис. 12, 2). Следует обратить внимание на сходство профилировки этого поддона с дном рассматривавшейся выше недекорированной чаши (ср. рис. 11, 1 и 11, 3). Идентичен и способ нанесения ангоба на эти сосуды: он покрывал сосуды целиком, включая и внутреннюю поверхность поддона, т. е. создавал полную имитацию того, как будто сосуды сделаны из белой глины.

Последний, четвертый, обломок принадлежал чаше той же самой профилировки (с плавно отогнутым наружу краем), который найден над сооружением Т1–117 в слое второй половины XVI в.

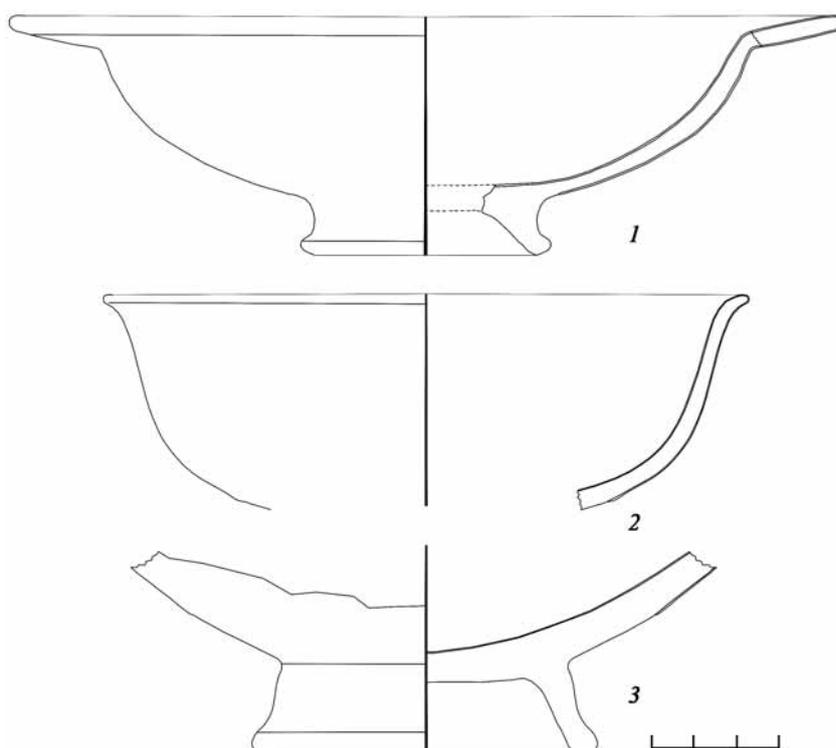

Рис. 11. Профили полумайоликовых чаш из заполнения сооружения Г1-117

(№ 397), однако очень вероятно его происхождение из того же комплекса, что и все остальные сосуды данного вида. В отличие от предыдущих образцов, этот небольшой обломок ничем не загрязнен, и цвет его поверхности и декора не искажен. Благодаря совершенно бесцветной глазури и слою ангоба, прикрывавшего коричневую глину, поверхность чаши выглядела чисто-белой. Глазурь свинцовая, с мелким цеком. Роспись имела только на внешней поверхности и состояла из вертикальных полос рыжей (красно-коричневой) краски (рис. 13, 2). В отличие от чаши № 1, здесь краска нанесена тонким слоем.

Вид 2. Изделия из нежелезненных (беложгущихся) глин без видимых примесей.

К этой разновидности относился обломок чаши с двусторонней бесцветной (чуть зеленоватой) глазурью и красновато-коричневой росписью (№ 332ф), состоявшей на внутренней поверхности из косоугольной ромбической сетки с мелкой точкой внутри каждого ромба (рис. 12, 3). Однако гораздо важнее остатки росписи внешней стороны этой чаши, состоявшей из небольших кругов, помещавшихся внутри крупных ромбов, образованных длинными тонкими штрихами. Такая композиция хорошо известна по многочисленным золотоордынским и хорезмским кашинным чашам, украшенным полихромной ро-

списью (Вишневецкая, 1958. Рис. 7, 1; Скоробогатова, 1983. Рис. 1, 3; Федоров-Давыдов, 1994. Рис. 13; 15; 16; 19, 2; 21, 2; Коваль, 2010. Ил. 24, 1).

Белоглиняная и светлоглиняная (из глины желтого цвета) керамика изготавливалась в монгольскую эпоху в Средней Азии – в Хорезме и Отраре. Вероятно, из одного из этих регионов происходила и та чаша, обломок которой здесь рассмотрен.

Группа 2. Керамика с декором сграффито.

В этой группе имеются только два образца, заметно различающиеся по декору и признакам формовочной массы.

Первый являлся краем чаши, изготовленной из сильноожеженной (темно-красной) глины с включениями мелкой дресвы (остроугольных частиц породы белого матового цвета) (№ 857). Обе поверхности чаши покрыты белым ангобом и украшены гравировкой по ангобу (сграффито) в сочетании с выемчатой техникой (с помощью которой оформлены лепестки на внешней поверхности чаши). Глазурь светло-зеленая, с мелким цеком (рис. 13, 1). находка происходила из слоя первой половины XVI в., то есть была переотложена.

Для атрибуции этой чаши важен декор ее внешней поверхности (в виде лепестков лотоса с округлыми завершениями), имеющий многочисленные аналогии на поздневизантийских изделиях, при-

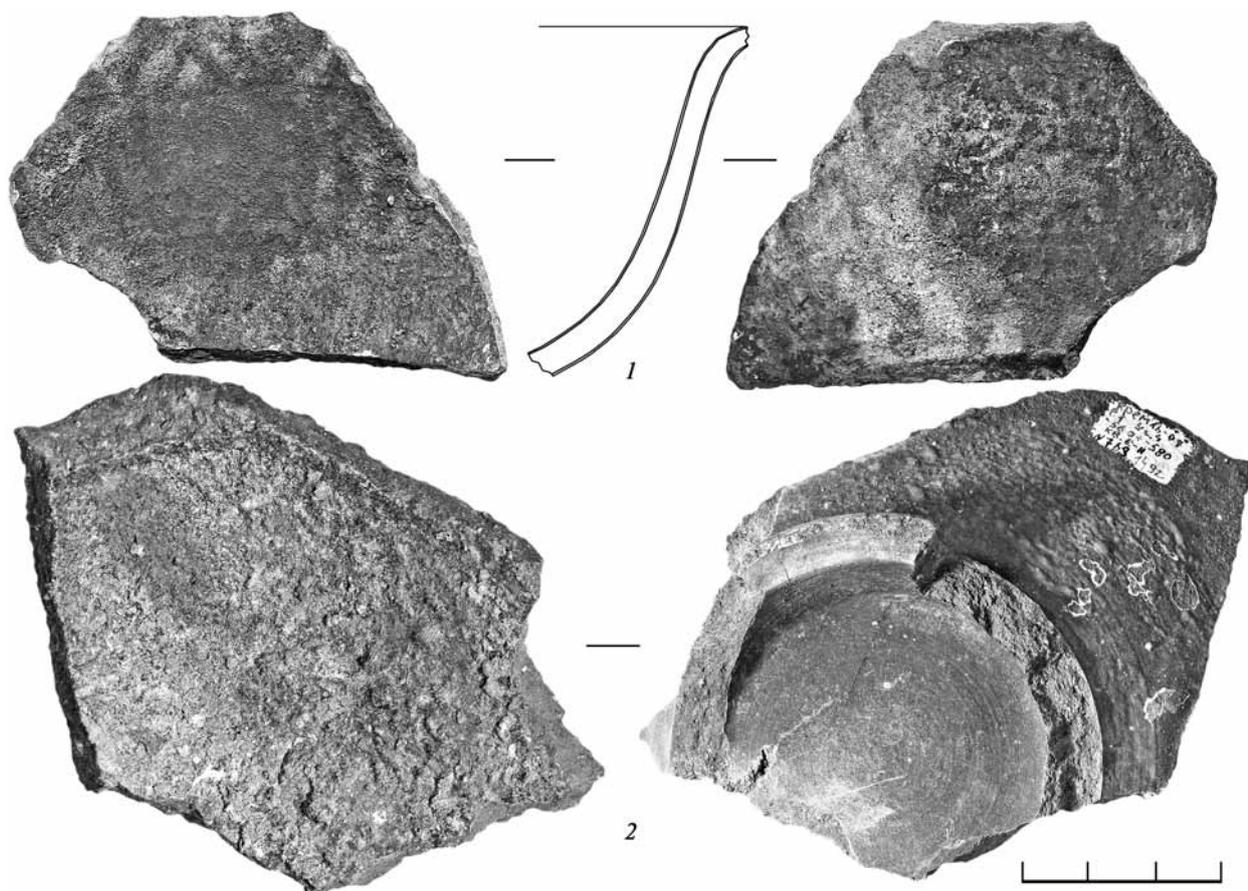

Рис. 12. Обломки чаш, перегоревших в пожаре

надлежащих к большой группе Elaborate Incised Ware, связываемой рядом исследователей с константинопольским производством XIV в. (Francois, 2005. Fig. 4, 1, 2, 8). Лепестковидный декор чаще всего встречается на колоколовидных чашечках с усеченно-конической нижней частью. Elaborate Incised Ware была широко распространена в Северном Причерноморье в XIV в. (Масловский, 2006. Рис. 35, 36), известна она и на территории Руси (Коваль, 2010. Рис. 42, 3–8).

Второй образец керамики сграффито – мелкий обломок чаши, найденный на раскопе 2 в слое XIV в. (№ 99). Сосуд изготовлен из красной глины без видимых примесей, то есть из формовочной массы, типичной для изделий Византии, сельджукской Малой Азии и ряда районов Причерноморья. Ангобно-глазурное покрытие и гравировка широкой линией размещались лишь на внутренней поверхности обломка, на внешней поверхности заметен лишь потек зеленой глазури.

Группа 3. Полумайолика с росписью ангобом.

К этой группе принадлежали обломки двух сосудов. Первому принадлежали три части (№ 815,

1656, 1675 – из пяти склеенных обломков), найденные в слоях первой и второй половины XV в., в том числе в заполнении сооружения Т1–117 и рядом с ним. Сосуд реконструируется в виде низкой (4,5 см) миски усеченно-конической формы, диаметром около 26 см, к дну которой примазаны вертикальные ножки высотой 4,5 см подтреугольного сечения. Сохранилась только одна ножка, но, вероятно, их было три. Сосуд изготовлен из ярко-красной глины с примесью мелкого песка (с зернами размером не более 0,5 мм), прошел полный окислительный обжиг. Весь сосуд, включая ножки, был полностью покрыт темно-зеленой глазурью, которая на внутренней поверхности почти не сохранилась (отслоилась), однако только благодаря этому стало видно, что его внутренняя поверхность украшена подглазурной росписью белым ангобом (рис. 13, 4). Рисунок этой росписи может быть реконструирован в виде геометризированной схемы, включавшей центральную розетку с чередующимися овальными лепестками и выходившими из ее центра прямыми линиями. Этот довольно примитивный мотив окружен концентрическими

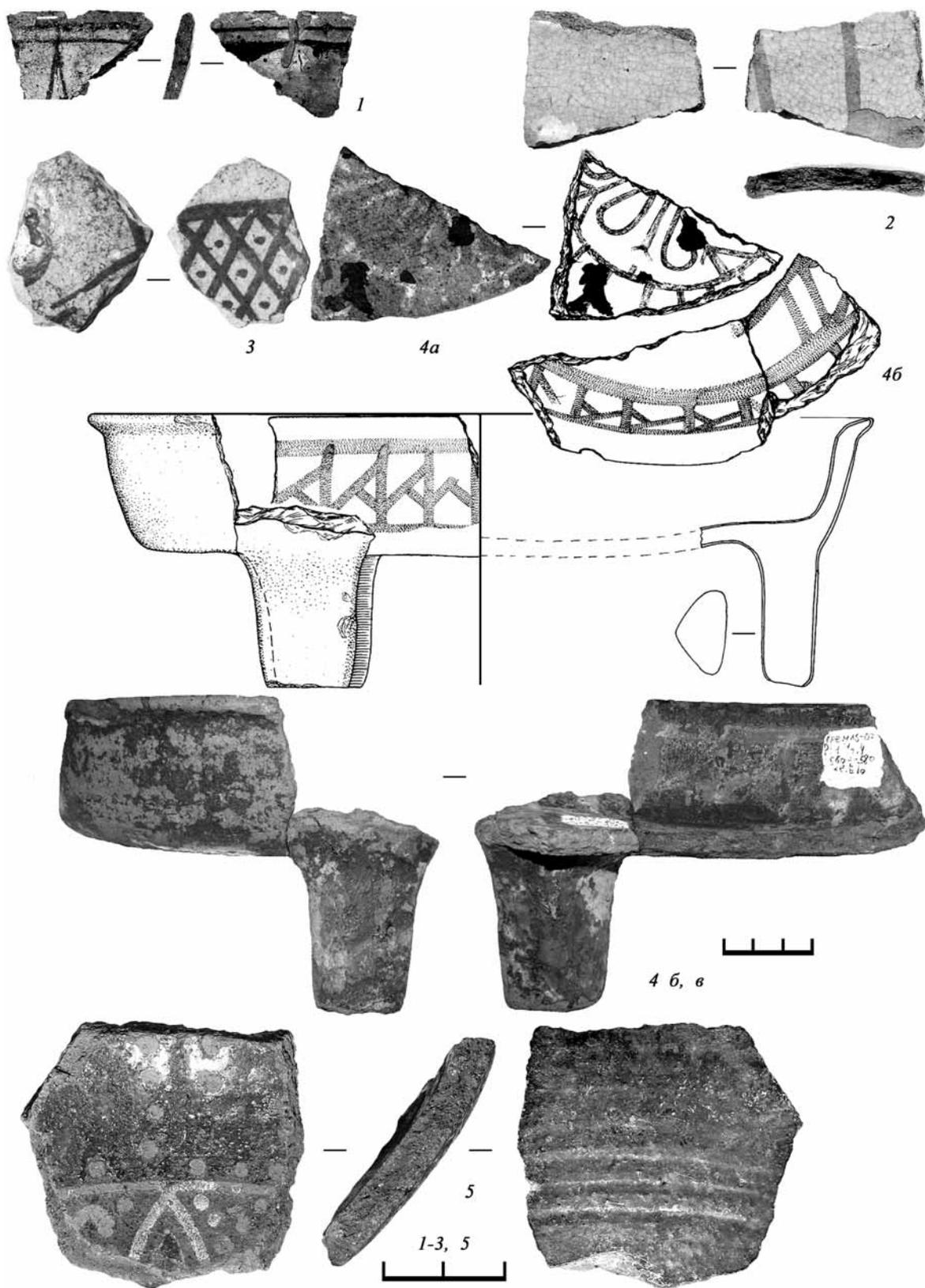

Рис. 13. Полумайолика с декором сграффито (1), росписью краской (2, 3) и белым ангобом (4, 5), XIV–XV вв. (см. цв. вкл.)

окружностями, соединенными радиальными штрихами. Стенки сосуда также украшены простым геометрическим рисунком (рис. 13, 4б).

Формовочная масса этого сосуда имеет отдаленное сходство с поволжскими изделиями золотоордынской эпохи, однако его форма (плоскодонная миска на трех ножках) не находит никаких аналогий ни в Золотой Орде, ни на Востоке или в Византии. Роспись белым ангобом была широко распространена в золотоордынской и причерноморской полумайолике XIV в., однако для нее не характерны примитивные геометрические схемы. Поэтому восточное или причерноморское происхождение этого сосуда представляется маловероятным. Зато сосуды на трех ножках известны среди керамики XIV–XV вв., бытовавшей в Германии, Голландии и Фландрии (*de Grootte*, 2014. Fig. 180, 201–206). Там же в Средневековье практиковалось и украшение различных глазурованных сосудов примитивной геометрической или растительно-геометризированной росписью белым ангобом (*Mellor*, 1997. Fig. 29, 32; *de Grootte*, 2014. Fig. 144, 145, 150, 225). Среди красноглиняной (поливной и неполивной) посуды Голландии и Фландрии XIV–XV вв. известны блюда на трех ножках и другие формы, украшенные простыми геометризированными рисунками, нанесенными белым ангобом, среди которых можно видеть мотивы, очень близкие тем, которые помещены на рассматриваемый сосуд (*Janssen, Hijhof*, 2010. Fig. 27, 5, 6; 31; 35; 36). Правда, более известны поздние разновидности треножных сосудов, распространившихся из Германии через Польшу в западнорусские области с XVI в. под названием «рынки». Однако в Германии и Голландии такие сосуды появились с XIV в. (*Mellor*, 1997. P. 40). Чаще всего изготавливались горшки на трех ножках, покрытые глазурью только изнутри (англ. *tripod pipkin*), однако известны и такие же сковородки (англ. *tripod skillet*) (*Janssen, Hijhof*, 2010. Fig. 19, 20). Те и другие предназначались для приготовления или подогрева пищи на открытом огне и снабжались керамическими боковыми втулками, в которые вставлялись деревянные ручки, чтобы сосуды можно было держать над огнем (*Mellor*, 1997. Fig. 45, 46).

Очень близкие по профилировке «миски» на трех ножках известны и в неполивной керамике Испании эпохи Альмохадов (XIII в.) (*Vera Reina, Lopez Torres*, 2009. P. 440), но нет никаких данных о том, что подобная посуда покрывалась глазурью или украшалась росписью ангобом. Поэтому на сегодняшнем уровне знаний более вероятным представляется североευропейское происхождение необычного сосуда с Подола Московского Кремля.

Не менее интересен и загадочен второй обломок мисковидного сосуда с росписью ангобом на внутренней поверхности (№ 1563), происшедший из слоя первой половины XV в. рядом с сооружением Т1–117. Его формовочная масса не отличалась от описанного выше треножного сосуда, но роспись ангобом была гораздо сложнее (рис. 13, 5). Соединение ангоба с основой очень слабое, многие элементы ангобной росписи отслоились вместе с глазурным покрытием. Кроме того, имелась подглазурная подцветка расплывчатыми пятнами светло-зеленой глазури. Внутренняя поверхность сосуда покрыта бесцветной (чуть желтоватой) глазурью. Цвет глазури на внешней поверхности установить невозможно, поскольку она покрыта пленкой черного органического вещества. Это вещество впиталось также в те места внутренней поверхности, где глазурь с ангобом отслоились (в результате белая ангобная роспись оказалась замещена черными загрязнениями, искажающими внешний вид сосуда).

Происхождение этого сосуда пока не может быть достоверно установлено, но он имеет значительное сходство (по фактуре формовочной массы, глазури с пятнистой зеленой подцветкой) с североευропейскими изделиями. В то же время найти аналогии ему среди таких изделий пока не удается.

Китайская керамика (селадоны и фарфор) настолько сильно отличается от остальных импортных сосудов, что требует отдельного рассмотрения.

Семейство *селадонов* обладает большим сходством по формовочной массе светло-серого цвета и глазурному покрытию нежно-зеленого цвета. В отечественной литературе прижилось терминологическое отождествление западноевропейского (с XVII в.) названия такой керамики «селадоны» и одной из самых распространенных в Китае ее разновидностей – Лунцюань-яо (продукции местности Лунцюань в провинции Чжэцзян). Поскольку фарфоровидная керамика с зеленоватой глазурью различных оттенков производилась не только в Лунцюане, но и в других районах Китая, такое отождествление весьма условно, недавно оно подверглось аргументированной критике (*Родионова, Френкель*, 2012. С. 21, 22). В то же время в тех случаях, когда проводится специальное исследование конкретных образцов, обнаруживается, что их признаки соответствуют именно Лунцюань-яо (*Родионова, Френкель*, 2012. С. 17, 18). Получается, что основная масса (если не все) импорта такой керамики на Русь является все же лунцюаньскими селадонами. Несколько сложнее с атрибуцией

селадонов, поступавших в золотоордынские города Поволжья, но и там, судя по известным находкам, абсолютно доминировала именно продукция Лунцюаня.

В связи с этим стоит обратить внимание на новую (для российской науки) тенденцию, состоящую в попытках атрибутировать некоторые находки селадонов в качестве продукции мастерских средневековой Кореи (Гаджиев, Лим Джихён, 2011. С. 133, 134; Губайдуллин, 2013. С. 193). В качестве аргументов высказываются соображения о сходстве китайских и корейских селадонов, которое позволяет допускать происхождение восточноевропейских находок из разных мест Дальнего Востока (Гаджиев, Лим Джихён, 2011. С. 133), а также присутствие на одном из блюд корейского иероглифа. Оба эти наблюдения не могут быть приняты в качестве серьезных аргументов в пользу корейской атрибуции названных находок. При всем сходстве селадонов из разных районов Китая и Кореи, они все же имеют определенные отличия в формах, цвете глазури и основы, декоре, которые позволяют различать продукцию разных центров. Лунцюань, несомненно, был крупнейшим производителем селадонов в юаньскую эпоху, т. е. именно в то время, когда такая керамика проникала на Русь. В то же время государство Корё с 1231 по 1258 г. (до момента подчинения империи Юань) подверглось шести опустошительным нашествиям монголов, серьезно разоривших страну, а в дальнейшем (конец XIII–XIV в.) отношения двух государств были крайне напряженными и конфликтными. В тех условиях допускать массовое производство корейских селадонов просто невозможно. Поэтому все наиболее известные шедевры корейских селадонов, в том числе имеющие сходство с лунцюаньскими, датируются преимущественно XII – первой половиной XIII в., а не последующим временем (Choi-Bae, 1984). Что касается иероглифа на блюде из Болгара, то он может быть как корейским, так и китайским (Губайдуллин, 2013. С. 193), причем китайское его происхождение более вероятно, поскольку по всем своим признакам найденное блюдо (Губайдуллин, 2013. Рис. 5–7) идентично Лунцюань-яо, тогда как черты сходства с корейскими изделиями не прослеживаются.

На территории Руси селадоны были распространены достаточно широко и известны более чем в 10 городах, однако повсюду они представлены единичными находками. В Москве до 2007 г. таких находок было известно только 21, причем половина из них – в Кремле (Коваль, 2010. С. 135, 136). Раскопки 2007 г. дали 30 обломков селадонных блю-

д и чаш (рис. 14, 1–4), принадлежавших нескольким сосудам, причем большинство из них сильно измельчено. Удалось установить, что 12 обломков относились к 5 блюдам (№ 259+306, 288+293, 308+311+319+320, 338+449, 215ф+430ф), что диагностировано в том числе и по склейкам обломков (рис. 14, 2). Однако весьма вероятно, что и среди остальных 18 обломков (№ 872, 1546, 147ф, 188ф, 192ф, 203ф, 257ф, 268ф, 362ф, 395ф, 499 ф, 614 ф, 720ф, 735ф, 875ф, 929ф, 932ф, 934 ф) имеются части тех же самых или других сосудов. Интересно, что хотя основные признаки найденных обломков соответствовали лунцюаньским селадонам эпохи Юань (светло-серое тесто, зеленоватый оттенок глазури, гравированный декор), подавляющее большинство находок, происходивших из точно зафиксированных контекстов (10 из 12), сделано в слоях XVII в., а остальные два обломка – в слоях XVI в. Но и 18 находок из тех контекстов, которые устанавливаются только приблизительно (по глубинам залегания), также в основном связаны с самыми поздними отложениями на раскопе 1. В то же время на раскопе 2 селадонов не найдено вовсе.

Эти наблюдения заставляют предполагать, что все находки с раскопа 1 являются переотложенными, причем попали они сюда в короткий промежуток времени и весьма кучно. Разумеется, обстоятельства такого перемещения могли быть самыми разными, однако наиболее вероятным представляется привнос порции культурного слоя XIV в. (то есть времени наибольшего распространения селадонов в Восточной Европе), уже содержавшего в себе измельченные обломки нескольких сосудов. Эта порция вполне могла происходить с верхней площадки Кремля или поступить с близлежащей усадьбы. Таким образом может объясняться появление селадонов XIV в. в слоях существенно более позднего времени. Менее вероятной (но также допустимой) представляется более поздняя датировка селадонов, поскольку в эпоху Мин производство этой керамики в Китае еще существовало и целенаправленно копировало ранние (юаньские) образцы. Установить по имеющимся обломкам точную датировку и однозначную атрибуцию сосудов не представляется возможным.

Китайский фарфор представлен в рассматриваемой коллекции шестью находками так называемых сине-белых изделий, имевших монохромную роспись синей краской (окисью кобальта) под бесцветной прозрачной глазурью. Такая керамика стала широко производиться в Китае в эпоху Мин (1368–1644 гг.), то есть уже с последней трети XIV в., в последующие столетия (XV–XVII вв.) это самая популярная в странах Европы и Азии

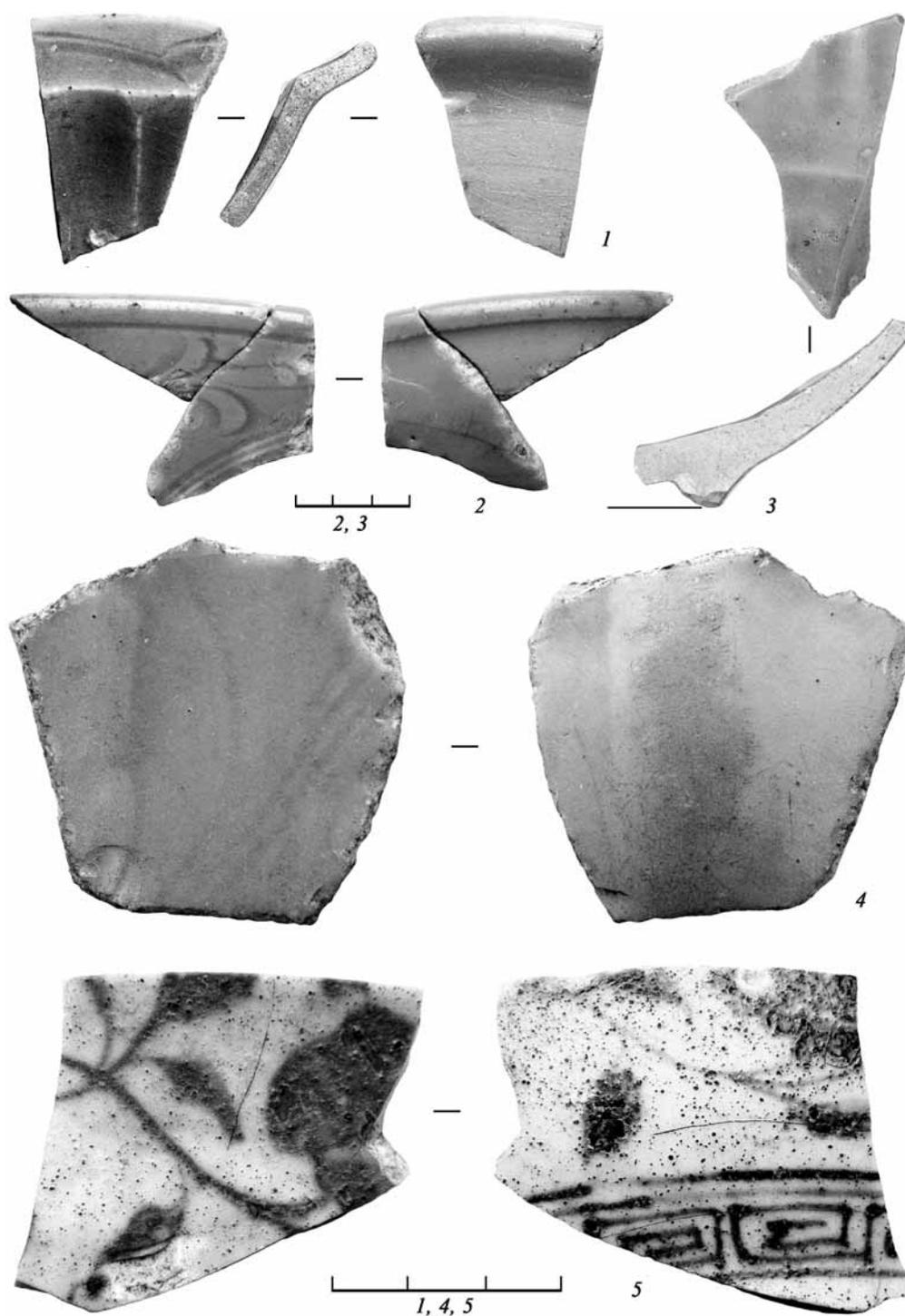

Рис. 14. Китайские селдоны (1–4) и бело-синий фарфор (5), XIV–XV вв.

разновидность китайской керамики, вывозившаяся из Китая в огромном количестве как по сухопутным путям, так и морем. На территории Руси эта разновидность китайских импортов почти неизвестна и до недавнего времени была зафиксирована только в Москве (вне Кремля) (Коваль, 2010. С. 136, 137).

Среди новых находок из Кремля один обломок (№ 630ф) принадлежал чаше с декором, включающим меандр («узор грома») и тонко выписанные растительные мотивы (рис. 14, 5), характерным для раннеминских изделий XV в. (He Li, 1996. № 395–398). Обломок побывал в пожаре,

повредившем глазурное покрытие (глазурь покрылась лопнувшими пузырьками и приобрела несвойственную фарфору матовость). Подобная посуда изготавливалась прежде всего в печах Цзиндэчжэня (в южнокитайской провинции Цзянси). Оттуда же происходил, вероятно, еще один мелкий обломок чаши (№ 769). Обе находки зафиксированы в слоях XVI в., однако могут быть датированы более ранним временем.

Исключительный интерес представляет еще один обломок тонкостенной тарелки с растительным орнаментом (№ 860), также найденный в слое XVI в., который нес на себе дополнительную надглазурную роспись зеленой прозрачной глазурью (рис. 15, 2). Полихромная роспись с использованием зеленой краски использовалась на целой серии изделий минского Китая, но они принципиально отличаются от данного образца. Это прекрасно выписанные высокохудожественные произведения, где разноцветные глазури применены для расцвечивания отдельных деталей, причем мастера заранее представляли, куда они будут наносить разные краски. На нашем образце картина совершенно иная: если подглазурная роспись кобальтом выполнена изящно, рукой настоящего художника, то зеленая глазурь нанесена грубыми мазками, ее края не совпадают с подглазурным рисунком. Сама раскраска заставляет думать о примитивном желании «разукрасить» монохромный рисунок тарелки. Такие варварские попытки «улучшить» полихромией китайские изделия предпринимались в Иране конца XIV–XVII в., где известны селадоны с надглазурным золочением и полихромными «дополнениями» (Булатов, 1979. С. 261–264)¹⁴. Вероятно, и рассматриваемая тарелка прошла цикл «улучшения» иранскими мастерами, владевшими навыками нанесения надглазурной росписи (такие навыки были у производителей фаянсов минаи и полуфаянсов ладжвардина), которые могли еще сохраняться в Иране в XV в.

Три обломка (№ 984ф, раскоп 2: № 292ф, б/№) принадлежали тарелкам позднеминской (эпохи Ванли, 1573–1620 гг.) разновидности южнокитайского (в том числе цзиндэчжэньского) фарфора, широко импортировавшейся в Европу и получившей у антикваров название «краак» (*Kraak*

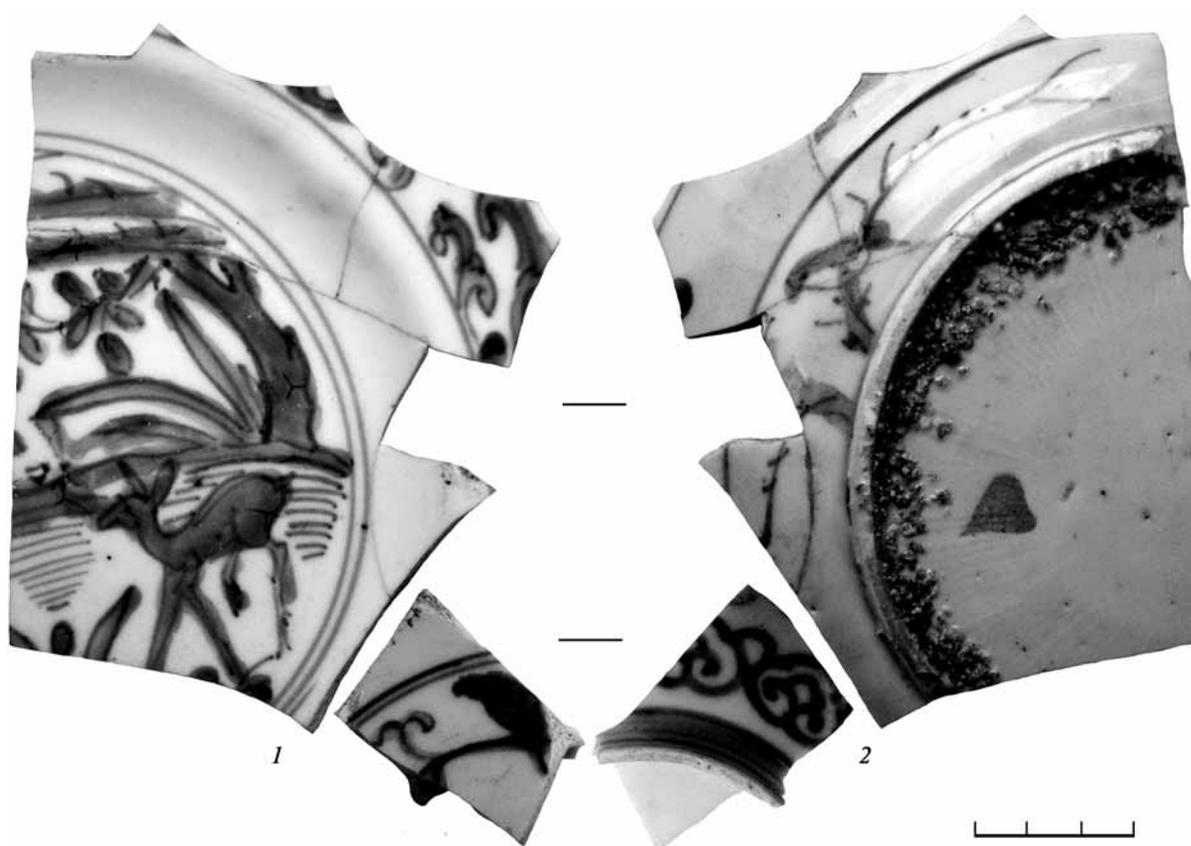
porcelain)¹⁵. Изделия стиля *kraak* отличаются беглой, несколько небрежной росписью, включающей центральный мотив с изображениями сосен, ланей, других пейзажных зарисовок, а по бордюру – растительные мотивы или панели с символическими фигурами («горящей жемчужины», свитков, ветки коралла и других подобных символов, популярных в китайской культуре) (Pearce, Martin, 2003. P. 101–104. Fig. 7). Из трех обломков, найденных на Подоле Кремля, только один (№ 292ф) достаточно крупный (это почти половина тарелки), чтобы провести его надежную атрибуцию (рис. 15, 1). Эта тарелка обладала всеми признаками, характерными для стиля *kraak*, в том числе технологическими, наблюдаемыми внутри поддона тарелки. К числу последних относятся зоны, не покрытые глазурью, радиальные линии на поверхности поддона и крупный песок (или мелкий гравий), налипший на поверхность глазури вдоль кольцевого поддона (на эту подсыпку устанавливались сосуды в ходе второго обжига, которым закреплялась глазурь) (Kiwayama, 1997. № 24). Песок состоял из мелкодробленого шамота, полученного из белого бисквита, то есть, вероятно, его получали, разбивая и размалывая сосуды, которые после первого обжига были расценены как брак.

Ближайшую аналогию рисунку росписи на дне тарелки из Кремля (с фигурами пасущихся ланей) можно видеть на целых тарелках из собрания музея Садберк-ханым в Стамбуле (Carswell, 1995. № 63) и коллекции Meiyintang в Цюрихе (Krahl, 1994. № 720). Это первые образцы археологических находок фарфора стиля *kraak* в Восточной Европе. И хотя все образцы такой керамики происходили не из точно датированных контекстов, глубины их залегания соответствуют слоям XVII–XVIII вв., то есть того времени, когда подобная керамика могла быть археологизирована.

Подведем некоторые итоги нашего исследования. Если исходить из датировок контекстов, в которых на раскопах 1 и 2 найдены обломки импортной керамики, то окажется, что подавляющее их большинство происходило из слоев и комплексов XV в. (56%), значительно меньше находок сделано в контекстах XIV в. (20%). Остальные находки (24%) обнаружены в слоях XVI–XVII вв. (рис. 16). Однако

¹⁴ Н. М. Булатов полагал, что опубликованный им обломок сосуда с надглазурным декором был изготовлен в Иране из необыкновенно твердого кашина, однако описание образца (его профилировка, цвет глазури) не оставляет сомнений в том, что в действительности речь шла скорее о разновидности китайского селадона, который был «улучшен» росписью золотом и полихромными глазурями.

¹⁵ Краак – голландское слово, которое связывают с названием португальских кораблей (каррака), которыми в XVI в. в Европу доставлялся китайский фарфор. Правда, сами португальцы так свои корабли не называли (Pijl-Ketel, 2003. P. 94).

Рис. 15. Китайский сине-белый фарфор (см. цв. вкл.)

1 – тарелка стиля «краак» (2-я пол. XVI – 1-я пол. XVII в.); 2 – обломок тарелки с надглазурной росписью зеленой глазурью (XV–XVI вв.)

это распределение не соответствует реальным датировкам керамики, поскольку большинство обломков найдены переотложенными, в более поздних по времени слоях, нежели время, когда такая керамика была изготовлена и бытовала. Например, из 11 находок импортов домонгольской поры четыре происходили из контекстов XIV в., пять – из контекстов XV в. и два – из контекстов XVI–XVII вв., то есть все эти находки переотложены еще в древности, причем многие обломки сосудов попали в слои, датировка которых на 300–400 лет позже, чем то время, когда эти сосуды были разбиты и выпали в культурный слой. Из 61 образца керамики XIV в. только 10 находок (шестая часть) зафиксированы в синхронных им контекстах, тогда как подавляющее большинство встречено в слоях более поздних периодов, прежде всего XV в. (34 экз.) и XVI–XVII вв. (17 экз.). Но при той интенсивности жизни и строительной деятельности (в ходе которой для сооружения погребов выкапывались обширные и глубокие ямы), наблюдавшейся в Кремле, нет ничего удивительного в таком перемещении предметов по хронологической верти-

кали. С другой стороны, практически ни одного случая проникновения поздней керамики в ранние слои не зафиксировано. Причина тому – плотность культурных слоев XIV–XV вв., препятствовавшая миграции небольших предметов вниз по профилю, а также качественная фиксация культурного слоя, позволявшая выявлять все поздние перекопы и отбирать материал из них, не смешивая его с более ранним.

В результате обрисованной ситуации датировка находок импортной керамики проводилась не только (и не столько) по контексту их обнаружения (хотя и с обязательным учетом этих данных), сколько по известным аналогиям. Лишь в тех случаях, когда таких аналогий не обнаруживалось или они были спорными, сосуды относились к категории точно не определенных (рис. 17). Итак, меньше всего керамических импортов относилось к домонгольской эпохе, они составляли 5% общего числа подобных находок. Подавляющее же большинство образцов импортной керамики на Подоле Кремля (более 43%) датируется серединой – второй половиной XIV в. Существенно

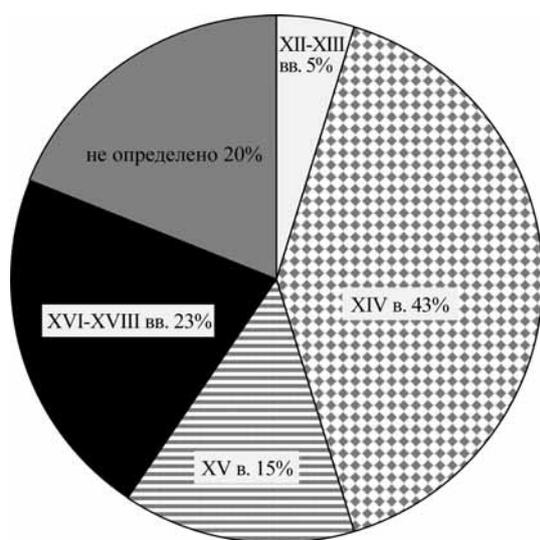

Рис. 16. Датировки контекстов, в которых обнаружены находки импортной керамики при раскопках ИА РАН

меньше найдено образцов керамики XV в., их доля составляет 15%. Доля керамики XVI–XVII вв. заметно выше – 23%, но, принимая во внимание, что здесь учтены импорты, поступавшие на протяжении двух столетий, видно, что в пересчете на века их количество постоянно снижалось. Правда, полученная картина не вполне точно отражает интенсивность импорта керамики, поскольку 20% находок оставлено в группе не определенных. Почти целиком эта группа состоит из китайских

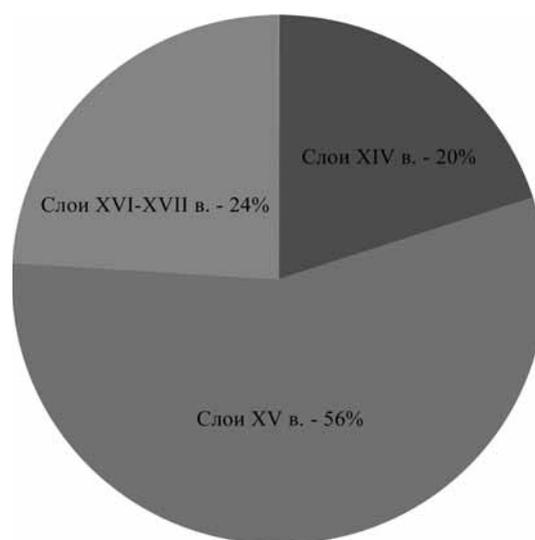

Рис. 17. Соотношение хронологических групп импортной керамики из раскопок 2007 г.

селадонов, которые, напомним, по своим характеристикам близки изделиям XIV в., но найдены все в контекстах XVI–XVII вв. И хотя наиболее вероятным объяснением этого расхождения является то, что эти обломки оказались переотложенны, некоторая доля вероятности их более поздней датировки все же остается. Если же наше предположение верно, то доля импортов XIV в. повысится до 63%. А если проводить учет не по столетиям, а по эпохам, то на долю золотоордынской эпохи

Рис. 18. Группы импортной керамики Подола по странам-производителям

(XIV–XV вв.) придется 78% всех керамических импортов в данной коллекции.

Остается рассмотреть структуру импортной керамики по странам-производителям. При суммарном анализе данных (рис. 18) видно, что больше всего импорта поступило сюда из поволжских центров золотоордынской эпохи, на втором месте оказывается Китай, на третьем – Османская Турция. Однако если учитывать, что китайская, причерноморская, ближневосточная и даже иранско-среднеазиатская керамика поступала в Москву через золотоордынские центры, то на долю этого направления придется зачислить более 60% импорта, причем почти весь этот объем поступил сюда во второй половине XIV – первой половине XV в. Южный импорт (из Византии, а позже – Турции) был весьма заметным (пятая часть импорта), но его объем все же в несколько раз меньше. Только в XVI в., когда турецкое керамическое производство процветало, это направление стало лидирующим для Москвы, но объем импорта был все же несравнимо меньше, чем в золотоордынскую

эпоху. Слабее всего выражен европейский керамический импорт, поскольку эта сфера материальной культуры (посуда) вплоть до XVIII в. не привлекала внимания русской элиты. Все же следует заметить, что количество европейской поливной посуды кажется слишком малым, не соответствующим даже тем данным, которые имеются по посадской территории Москвы. Объяснение этой особенности участка исследований следует искать в составе его населения на протяжении XVII–XVIII вв.

В целом импортная керамика, полученная при раскопках на Подоле Московского Кремля, представляется одной из самых интересных частей коллекции, поскольку знаний об этой категории вещественных памятников Москвы до сих пор крайне недостаточно. Новый материал с Подола по своему объему в полтора раза превышает массу импортов, известных по прежним исследованиям в Кремле (начиная с середины XIX в.). В результате теперь стало известно уже почти 300 находок импортной керамики на территории Кремля.

Литература

Ахмедов Г. М., 1983. Средневековая городская культура Азербайджана и Средней Азии. Алма-Ата.

Бахматова В. Н., Куклина А. А., 2014. О связи технологии изготовления общеболгарских керамических сосудов с их функциональным предназначением: характеристика формовочных масс (по материалам исследований Болгарского городища 2011–2012 гг.)//Поволжская археология. № 2 (8). Казань.

Булатов Н. М., 1979. Иранская ваза с Селитренного городища//СА. № 2.

Васильева И. Н., 1988. О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища//Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.

Векслер А. Г., Коваль В. Ю., 1998. Византийская амфора с дипинто из раскопок на Манежной площади в Москве//РА. № 3.

Вишневецкая О. А., 1958. Раскопки караван-сараяв Ак-Яйла и Талайхан-ата//Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М.

Волков И. В., 1996. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином//ННЗ. Вып. 10. Новгород.

Волков И. В., 2006. Об определении керамики и азовском сосуде в технике «минаи»//Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22. Азов.

Гаджиев М. С., Лим Джихён, 2011. Селадон из раскопок Дербента и некоторые вопросы его распространения на Кавказе и в Восточной Европе//Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. 2011 г. Т. II. СПб. – М. – Великий Новгород.

Губайдуллин А. М., 2013. Исследования в центральной части Болгарского городища («дом ремесленника»)//Поволжская археология. № 3. Казань.

Гусач И. Р., 2005. Турецкие полуфаянсы XVIII века из Азака//Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев: Стилос.

Коваль В. Ю., 1997 а. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации). Фаянсы и полуфаянсы//РА. № 2.

Коваль В. Ю., 1997 б. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации). Полумайолика, фарфор, неполированная посудная, техническая, декоративная и архитектурная керамика//РА. № 3.

Коваль В. Ю., 2005. Кашинная керамика в Золотой Орде//РА. № 2.

Коваль В. Ю., 2010. Керамика Востока на Руси IX–XVII века. М.: Наука.

Коваль В. Ю., Алексеев А. В., 2013. Чудовище на тарелке//АП. Вып. 9. М.: ИА РАН.

Кокорина Н. А., 2002. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Казань.

- Колызин А. М.*, 2001. Торговля Москвы (XII – середина XV в.). М.
- Кравченко А. А.*, 1986. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV в.). Киев.
- Лисова Н. Ф.*, 2012. Орнамент глазурованной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья // Археология евразийских степей. Вып. 15. Казань.
- Масловский А. Н.*, 2006. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Азов. Вып. 21.
- Михальченко С. Е.*, 1974. Сфероконусы Поволжья // КСИА. Вып. 140.
- Панина Э. Л., Волков И. В.*, 2000. Штампованная керамика золотоордынских городов // Средняя Азия: археология, история, культура. М.
- Полубояринова М. Д.*, 1993. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.
- Родионова М. А., Френкель Я. В.*, 2012. Китайский селадон из Новгородского Кремля // Тр. ГЭ. Т. LIX. СПб.
- Розенфельд Р. Л.*, 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. E1–39.
- Самашев З., Кузнецова О., Плахов В.*, 2008. Керамика Сарайчика. Алматы.
- Скоробогатова Т. В.*, 1983. Одна из групп золотоордынской поливной керамики // СА. № 4.
- Столярова Е. К., Лихтер Ю. А., Гусаков М. Г.*, 2012. Майолика – происхождение и смысл термина // Археология Москвы – линия жизни. М.
- Тесленко И. Б.*, 2005. Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму (проблемы хронологии) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев: СтилоС.
- Федоров-Давыдов Г. А.*, 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
- Федоров-Давыдов Г. А.*, 2001. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М.
- Хлебникова Т. А.*, 1988. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.
- Aslanapa O.*, 1971. Turkish Ceramic Art // Archaeology. New York. Vol. 24. № 3.
- Atasoy N., Raby J.*, 1989. Iznik. The pottery of Ottoman Turkey. L.
- Aus dem Pottland in die Welt / Ed. Ch. Leiber Holzminden, 2012.
- Berti G.*, 1997. Pisa. La «Maioliche Arcaiche». Secc. XIII–XV (Museo Nazionale di San Matteo) // Ricerche di archeologia altomedievale e medievale. Vol. 23–24. Firenze.
- Bilgi H.*, 2009. Dance of fire. Istanbul.
- Carswell J.*, 1995. Chinese ceramics in the Sadberk Hanim Museum. Istanbul.
- Choi-Bae S.*, 1984. Seladon-keramik der Koryo-dynastie 918–1392. Köln.
- Denny W. B.*, 2005. Osmanische keramik aus Iznik. Munchen.
- Doger L.*, 2009. Kadikalesi/Anaia Bizans sirli seramiklerinin kronolojisi ve tipolojisi // Türkiye arkeolojisi'nde seramik ve arkeometrik çalışmalar. Ankara.
- Francois V.*, 2005. Elaborate Incised Ware: un témoin du rayonnement de la culture Byzantine à l'époque Paleologue // Поливная керамика Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. Киев: СтилоС.
- De Groot K.*, 2014. Middeleeuws aardewerk in Vlaanderen. Brussel, 2014.
- Gunsenin N.*, 1989. Recherches sur les amphores Byzantines dans les Musees Turcs // Recherches sur la Ceramique Byzantine. Athens.
- Gunsenin N.*, 1993. Ganos, centre de production d'amphores à l'époque byzantine // Anatolia antiqua (Eski Anadolu). Paris. Vol. 2.
- He Li*, 1996. Chinese ceramics. The new standard guide. L.
- Hitzel F., Jacotin M.*, 2005. Iznik. Les ceramiques Ottomanes du muse national de la Renaissance Chateau d'Ecouen. Paris.
- Janssen H. L., Hijhof E.*, 2010. Fifteenth century pottery production in 's-Hertogenbosch. The excavations of two pottery workshops // Exchanging Medieval material culture. Brussel, 2010.
- Krahl R.*, 1994. Chinese Ceramics from the Meiyintang collection. Vol. 2. L.
- Kuwayama J.*, 1997. Chinese ceramics in colonial Mexica. Honolulu.
- Mellor M.*, 1997. Pots and people. Oxford.
- Pasinli A., Balaman S.*, 1991. Turkish tiles and ceramics. Çinili Köşk. Istanbul.
- Pearce J., Martin J.*, 2003. Oriental blue and white porcelain found in archaeological excavations in London: research in progress // Transactions of the Oriental Ceramic Society. Vol. 67.
- Pijl-Ketel van der C.*, 2003. Kraak type porcelain and other ceramic wares recovered from the Dutch East Indiaman the «Witte Leeuwe», sunk in 1613 // Transactions of the Oriental Ceramic Society. Vol. 67.
- Soustiel J.*, 1985. La Ceramique Islamique. Le guide du connaisseur. Fribourg.
- Vera Reina M., Lopez Torres P.*, 2009. La produccion trianera (Sevilla) de epoca almohade // Actas del VIII Congreso Internacional de ceramica medieval en el Mediterraneo. T. 1. Ciudad Real.

V.Y. Koval

Imported ceramics from the Moscow Kremlin, from an excavation in Podol (lower area) in 2007

Summary

At archaeological excavations in the Moscow Kremlin carried out in 2007, a collection of imported ceramics (171 examples) was received. This collection was the largest number of such ceramics finds in the Kremlin for the past 100 years of research. The earliest of these imports represent fragments of Byzantine amphorae (Gunsenin type IV), produced in the Byzantine centre of Trapezunt (today's Trabzon, Turkey).

Nearly half of this collection consists of fragments of vessels made in the middle and latter half of the C14th in cities of the Golden Horde, located on the Lower Volga. The vast majority of them are made from soft white kashi (quartz), decorated polychrome (black-and-blue, black/blue/turquoise or green/blue/turquoise) painting, which was often supplemented with painting of a dense white slip. A very small (about 5%) group of objects included fragments of red-clay ceramics with green transparent lead-glaze without no decor, manufactured in the cities of the Southeast Crimea.

There was an unusually high proportion of Chinese Celadon and blue-and-white porcelain (1/5 part of all finds), but these items were represented by only small fragments founded in 16-17th cc. layers.

The Turkish (Iznik) faïences of the C16th (which are seen only rarely in Russia) totalled 13% of the finds. Among these, fragments of dishes with a red background were found for the first time in Moscow, or in Russia as a whole. This kind of Iznik faïence was produced in the first half of the C16th.

The most mysterious group consists of fragments of imported plates without any décor, and bowls decorated with brown painting (no other such examples are known), produced probably in Asia Minor or the Caucasus region. Another kind of vessels was decorated by white-slip painting, probably coming from North-Eastern Europe - the Netherlands, or Germany (a tripod skillet).

В. А. Зейфер

**Предварительный анализ жилых и хозяйственных построек
из раскопок южной части кремля Переславля-Залесского
(по результатам исследований 2013 года)**

В истории археологических исследований кремля Переславля-Залесского можно выделить два основных этапа. Первый – небольшие по объемам исследования 1853 и 1939 гг., проводившиеся в районе Спасо-Преображенского собора и имевшие целью поиск княжеского дворца. Второй – охранные работы на территории кремля, которые с перерывами велись с 1971 г. небольшими по площади раскопами и шурфами и масштабный уровень приобрели только с 2011 г.

В Археологической карте России по Ярославской области (АКР, 2005. С. 154–156) К. И. Комаровым представлен краткий обзор археологических исследований Переславля, в том числе и территории кремля. В. И. Вишневецкий опубликовал новый материал по данным археологических разведок 2002–2003 гг. (*Вишневецкий*, 2006). В книге «История ярославской археологии» (*Агафонова и др.*, 2009) подробно изложена история археологического изучения Ярославского края. Раскопками П. С. Савельева в 1853 г. положено начало изучения кремля Переславля-Залесского. В историческом очерке М. И. Смирнова «Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее» указано, что «в неопубликованном дневнике раскопок П. С. Савельева, хранящемся в архиве Академии истории материальной культуры, под 14–17 мая 1854 г. записано, что в окружности собора в разных направлениях разрыто 13 траншей. Найдены белокаменные надгробные плиты (долго хранившиеся в ограде нового собора) и «деревянный столб, на котором, по преданию, был образ Спаса, столб этот грызут для исцеления себя от лихорадки» (*Смирнов*, 1996. С. 52). Следующим этапом в изучении кремля были работы Н. Н. Воронина, ко-

торый в 1939 г. заложил раскоп общей площадью 184 кв. м к северу от собора. Раскоп частично перекрыл траншеи П. С. Савельева. Поскольку предыдущими раскопками остатков каменных зданий не обнаружено, Н. Н. Воронин рассчитывал найти следы деревянных сооружений. Исследователь предположил, что собор был связан с постройками княжеского двора подобно тому, как это было в Боголюбове, и указал на наличие заложенной арки входа на хоры в западном делении северного фасада собора (*Воронин*, 1961. С. 84).

В 1971–1973 гг. Е. В. Каменецкая и И. Б. Пურიшев провели ряд наблюдений за культурным слоем, нарушенным в результате земляных работ, связанных с благоустройством города. При прокладке магистральной канализации по улицам Садовая, Проездная, Красноармейская был вскрыт слой мощностью 0,4–0,9 м XIII–XVIII вв.; у вала, близ Спасо-Преображенского собора, – слой мощностью 30–50 см; около дома 19 по ул. Советской – мощностью 2 м; у дома 1 и 67 по ул. Советской – 1,5 м (*Вишневецкий*, 2006. С. 217). В 1972 г. по территории кремля прокладывался коллектор. На расстоянии 150 м к 3 от южного проезда в материке под валом был сделан прокол. Котлованы у подножия вала частично срезали склоны, в результате чего были вскрыты фрагменты деревянных конструкций. С внешней стороны вала они были представлены тремя срубами. Бревна из дуба и осины (диаметром 12–16 см) уложены без тщательной подгонки. Средний сруб из трех венцов, рубка в обло, внутри разделен на две клетки. Изнутри срубы плотно забиты глиной на высоту 25–30 см. В срезе с внутренней стороны вала обнаружены семь близко лежащих плашек (размер

в сечении 7×10 см), расположенных поперек вала (*Каменецакая, Пуришев, 1974. С. 234–237*). Деревянные конструкции были интереснейшей находкой, однако сделать вывод о внутренней конструкции вала только на основании полученной информации нельзя. В 1986 г. архитектурно-археологической экспедицией Ленинградского отделения ИА АН СССР под руководством О. М. Иоаннисяна проводились раскопки в интерьере Спасо-Преображенского собора (*Агафонов и др., 2009. С. 197*).

В 2002 г. В. И. Вишневым заложено разведочный шурф (2×2 м) для выявления сохранности культурного слоя у северо-восточного угла собора. Был вскрыт перемешанный слой с фрагментами керамики. Уже на глубине 0,35 м от современной дневной поверхности обнаружено погребение. Столь неглубокое его расположение В. И. Вишневым объясняет результатом планировки территории вокруг собора, проведенной во время реставрации В. В. Сулова в начале XX в., когда при очистке цоколя собора был снят слой земли мощностью 0,4–0,5 м (*Вишневыский, 2006. С. 218, 219*). В течение 2002–2005 гг. экспедиция Переславского музея-заповедника под руководством В. И. Вишневого провела разведочные и охранные работы на территории Переславля-Залесского, в том числе и кремля, в результате которых были получены сведения, позволяющие наметить картину топографии культурного слоя средневекового города (*Агафонов и др., 2009. С. 233*). Два шурфа на участке дома 26 по ул. Советской (размерами 2×2 м) показали слой мощностью 1,5–2,0 м, причем стало ясно, что здесь существовал культурный слой XII–XIII вв. (встречены фрагменты курганный керамики, стеклянных браслетов, рыболовное грузило треугольной формы), но он полностью разрушен и переотложен перекопами XIX–XX вв. Два других шурфа на участке дома 38а по ул. Валовое Кольцо (тех же размеров), в северной части кремля, вскрыли культурный слой мощностью 0,8–0,9 м, который может быть датирован XVI–XVIII вв. (*Вишневыский, 2006. С. 219*). В 2004 г. экспедиция Сергиево-Посадского и Переславского музеев под руководством В. И. Вишневого проводила охранные раскопки в северо-восточной части кремля. Раскопом площадью 140 кв. м исследован культурный слой мощностью до 2,3 м. Обнаружены три разновременных комплекса: один связанный с красильным производством XVIII–XIX вв., другой – с жилыми домами XVIII в., третий – гончарный горн XVI–XVII вв., рухнувший в процессе обжига и наполненный фрагментами корчаг и рыболовных грузил (*Вишневыский, 2012. С. 389–395*).

В 2011 г. свою работу по археологическому изучению Переславля начала экспедиция ИА РАН под руководством Б. Е. Янишевского. Раскопом на ул. Садовая, 10 были исследованы два участка общей площадью около 800 кв. м. Зафиксирован культурный слой мощностью 1 м. Керамика XII–XIII вв. представлена единичными фрагментами и вне комплексов. На участке 1 помимо поздних сооружений выявлены четыре постройки средневекового времени, причем ранние датированы XIV–XV вв. На участке 2 выявлены два сооружения прямоугольной формы, одно из них с колодцем посередине. Также исследованы параллельные, идущие через весь раскоп с ЮЗ на СВ частокольные канавки, отделяющие участок с материковыми ямами (с Ю от канавок) от участка без сооружений со следами лопаты на материке (огород) (*Зейфер, Янишевский, 2014. С. 300–304*).

В 2013 г. в г. Переславле-Залесском велись охранные раскопки перед строительством здания под офисные помещения по ул. Советской, 37. Археологические исследования осуществлялись Переславским отрядом ИА РАН (начальник отряда кандидат исторических наук Б. Е. Янишевский) по Открытому листу и под руководством автора статьи. Площадка строительства располагалась в южной части кольца валов (укреплений XII–XVII вв.), в 600 м к Ю от левого берега р. Трубеж, в 60 м к северу от южной части валового кольца (рис. 1). Улица Советская проходит по территории исторического центра города, который в разных источниках именовался по-разному: Земляным городом, кремлем, крепостью.

Раскоп общей площадью 800 кв. м ориентирован по сторонам света и разделен на 16 участков размерами 8×6 м. Культурный слой – темно-серая супесь толщиной от 80 см в южной части раскопа до 120 см на С. Увеличение мощности культурного слоя к С объясняется расположением на этом участке жилых построек, начиная с XVIII в. и вплоть до наших дней, и концентрацией вокруг жилищ строительного и бытового мусора. На основании предварительного анализа керамического материала удалось выделить три хронологических горизонта с соответствующим для них материалом: верхний (толщиной 35–40 см), датирующийся второй половиной XIX – XX в., средний (мощностью 40–60 см) XVI–XVIII вв. и фрагментарно сохранившийся нижний предматериковый слой (10–15 см) середины XIII – XV в., по большей части нарушенный поздними перекопами.

Из общего количества ям и сооружений (22 сооружения и 300 ям) в результате предварительного

Рис. 1. Раскопы на ул. Советской, 37 (А) и 33 (Б). Ситуационный план

анализа стратиграфического положения, керамического материала и индивидуальных находок удалось выделить четыре периода застройки. Первоначальный период освоения исследованного участка городской территории относится к середине XIII – XIV в. (рис. 2), для которого локализовано около 50 ям хозяйственно-бытового назначения и одно сооружение (№ 22), располагавшееся, судя по частокольным канавкам, в северо-западном углу усадьбы.

Сооружение 22. Обнаружено на участках 13 и 15 на уровне материка. Представляло собой остатки постройки, включавшей три углубленные в материк ямы (46, 62 и 62А) (рис. 3). Печь внутри постройки не обнаружена, в связи с чем она может быть интерпретирована как хозяйственная (погреб). Своим краем сооружение 22 уходило в западный борт раскопа. Исследованная часть постройки подпрямоугольной формы вытянута с СЗ на ЮВ на 7,3 м, наибольшая ее ширина – 2,3 м,

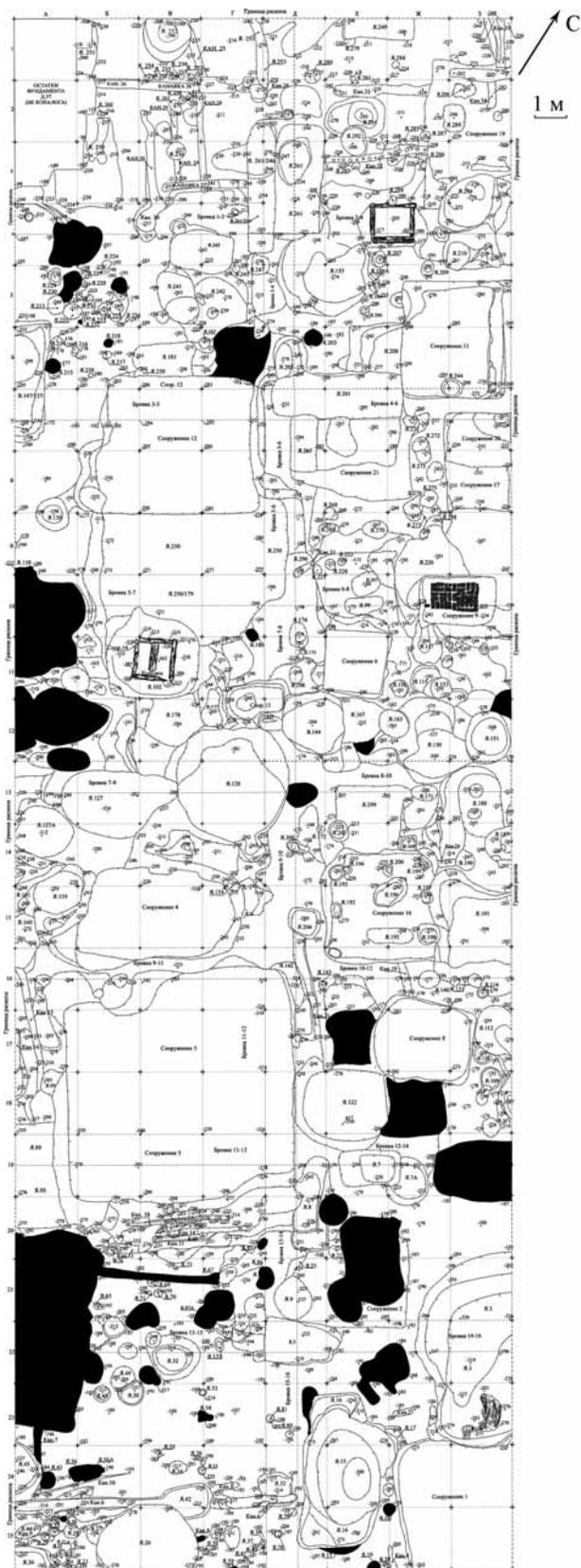

Рис. 2. Раскоп на ул. Советская, 37. Сводный план материка. Цветом выделены ямы и сооружения, предварительно датированные XIII–XIV вв.

глубина – 1 м. Подобные хозяйственные постройки, интерпретированные как погреб, с аналогичной формой и размерами котлована, известны в средневековой городской застройке. Конструкции стен не сохранились, однако отсутствие столбовых ям как внутри, так и по внешнему периметру постройки позволяет предположить ее срубную конструкцию. Сооружение состояло из двух помещений; на их границе, выраженной разным уровнем заглубления в материк, выявлены остатки древесного тлена. Южная пологая часть постройки, возможно, являлась входом в погреб, оформленным, вероятно, в виде трапа.

В заполнении постройки найдены железные предметы (наконечник стрелы, нож, топор рабочий, удила, шило, пряжка), пуговица из медного сплава, керамические рыболовные дисковидные грузила, два горшка (один красноглиняной грубой керамики XIII–XIV вв., второй – серой керамики XIII в.), пять стеклянных браслетов XIII–XIV вв. и случайно попавший в засыпку венчик сосуда ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита. Керамический комплекс из заполнения постройки состоит из серой (12%), курганной (2%), красноглиняной грубой (55%), красноглиняной гладкой керамики переславского типа (31%). В заполнении придонной части постройки обнаружено 35 фрагментов серой и 212 – красноглиняной грубой керамики.

На основании датировки индивидуальных находок и керамического комплекса из сооружения время бытования и гибели постройки ограничивается второй половиной XIII – серединой XIV в.

В северной части постройки, на границе двух ее помещений, обнаружены костяки двух индивидов – мужчины (№ 1) и ребенка (№ 2) со следами насильственной смерти (рис. 4): у индивида № 1 – повреждение височной доли костей черепа, у индивида № 2 – повреждение лобной доли костей черепа. Размер раневых отверстий, образованных вдавленными переломами во фронтальной и затылочной частях теменной кости индивида 1, равны 3×2,7 см и 3×3 см. Поверхность второго вдавленного перелома по всей площади ровная, без царапин и отдельных мелких сколов, у первого перелома края раневого отверстия имеют ровную округлую форму. Данные особенности допускают использование боевых гирек кистеня каплевидной формы диаметром до 3 см с ровной поверхностью, без шипов и иных ребер жесткости (Курпичников, 1966. С. 179). На момент гибели этих людей постройка уже не существовала, они были погребены в яме, оставшейся от разобранного погребя, и располагались на слое мешаного песка

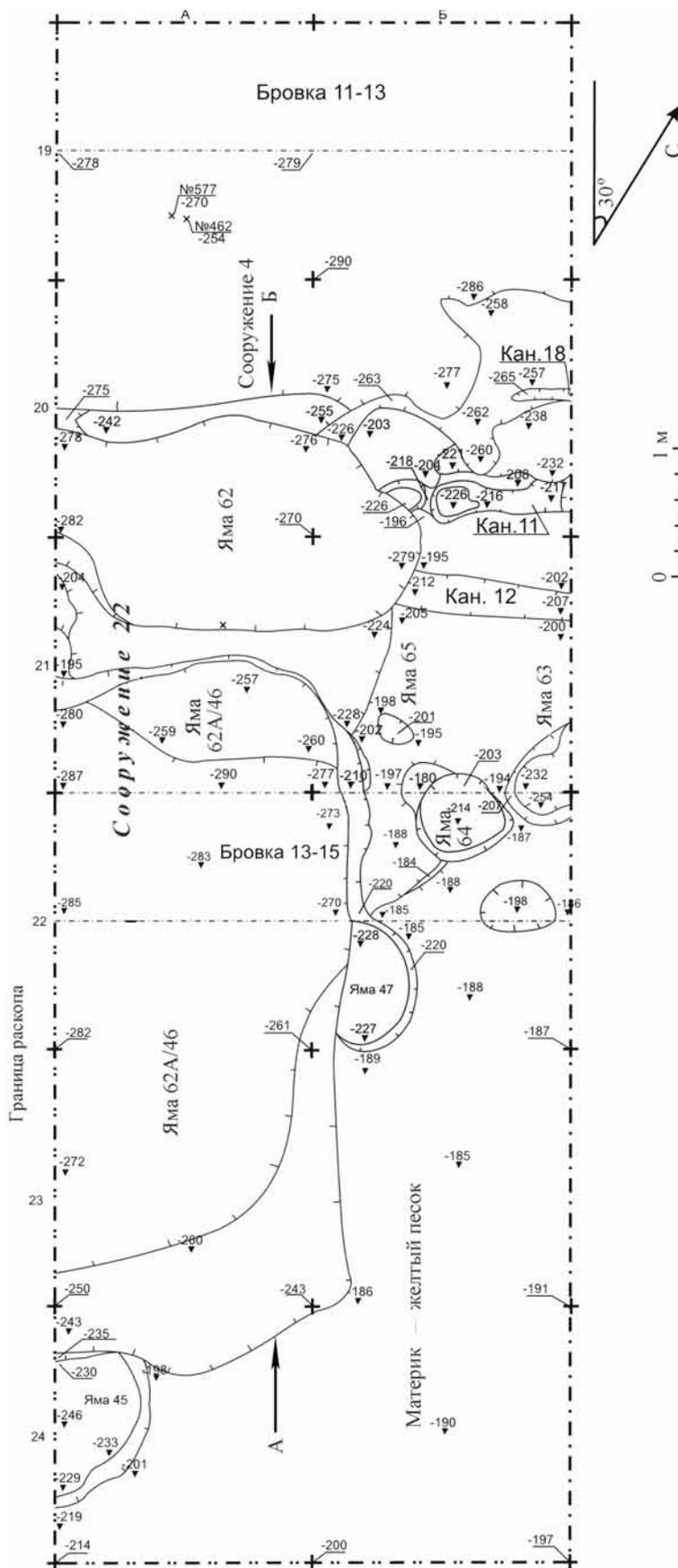

Рис. 3. Раскоп на ул. Советская, 37. Уч. 13, 15. Кв. А, Б-19-24. Занятка материка с выбранными ямами. Сооружение 22

Рис. 4. Раскоп на ул. Советская, 37. Зачистка сооружения 22 на уровне -230. Индивиды 1, 2

с включением серой супеси, которым был засыпан погреб (рис. 5).

Яма 61. Представляла собой котлован 3,0×1,90 м подпрямоугольной формы, перекрытый сооружением 2 (XVII–XVIII вв.). В северо-западном углу прослежены остатки пятна обожженной глины поврежденного при постройке сооружения 2.

В разрезе ямы на дне читается древесный тлен (от досок пола?), перекрытый золой, углем и прокаленной печиной. В яме обнаружено несколько фрагментов печной обмазки, два обломка стеклянных браслетов, три стеклянные бусины, железные нож и игла, осколок стеклянного сосуда, расписанного золотом и эмалями синего, красного, желтого

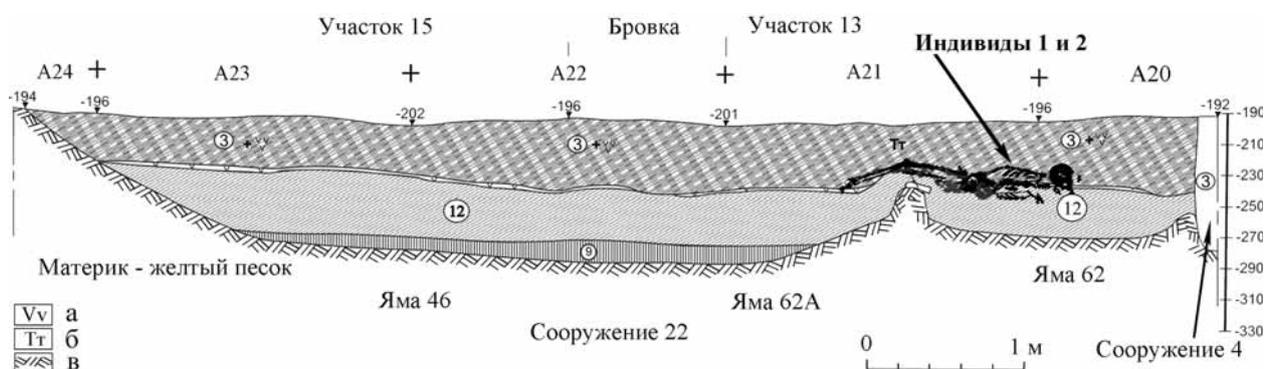

Рис. 5. Раскоп на ул. Советская, 37. Уч. 13–15, кв. А-24-20. Разрез сооружения 22 (индивиды 1 и 2 совмещены с разрезом)

3 – темно-серая супесь; 9 – глина; 12 – мешаный песок с включением серой супеси; а – уголь древесный; б – тлен; в – материк желтый песок

и зеленого цветов. Среди 100 обломков керамики – серая, красноглиняная грубая, красноглиняная гладкая ранняя и фрагменты импортной золотоордынской неполивной посуды.

На западной границе участка 7 интересно скопление ям (103, 104, 105) на площади $4,70 \times 3,0$ м. В ямах обнаружены многочисленные вещевые находки: 27 обломков стеклянных браслетов, половина стеклянной бусины, три керамических рыболовных грузила, железный нож, полный профиль красноглиняной миски и двух горшков. На дне ямы 103 вместе с обломками керамики отмечено большое количество железного шлака.

Следующий этап застройки изучаемого участка датируется XV – началом XVI в. (рис. 6). К этому периоду относятся более половины выявленных сооружений и иных объектов, принадлежавших наземным постройкам: хозяйственные и столбовые ямы, частокольные канавки, которые образуют четкие очертания усадеб.

Сооружение 1. Исследовано частично, располагалось на участке 16 (кв. Е-3-23–25). Определено по большому пятну, которое с С и Ю по периметру ограничивала линия песчаной отсыпки строительного котлована шириной 60–70 см. Размеры вскрытого сооружения в материке – $4,20 \times 4,0$ м, глубина до 0,75 м, от уровня выявления пятна – 1,20 м. С северной и западной сторон по внутренней границе сооружения прослежены деревянные конструкции стен, представляющие собой доски, закрепленные столбами диаметром 10–12 см. Углы конструкции не перевязаны, а уложены встык. Размеры помещения внутри стен – $3,0 \times 2,70$ м, пол сооружения выведен на один уровень. Сооружение 1, вероятно, представляло собой подвал жилого дома, который после обветшания был частично разобран и вскоре засыпан, что подтверждает слегка наклонное положение дощатой конструкции стен подвала (рис. 7). Песчаная засыпка пазух котлована подвала не попала внутрь сооружения. В засыпке сооружения и песчаной засыпке пазух котлована найдены три обломка тиглей, железный нож, два фрагмента кашинной керамики и обломок красноглиняной ангобированной пятнами игрушки.

Сооружение 5 представляло собой котлован квадратной формы (размеры в материке – $7,40 \times 7,30$ м), глубиной до 1,0 м. С южной и восточной сторон от сооружения проходили частокольные канавки 14 и 15, возможно, синхронные сооружению 5. Заполнение сооружения 5 включало прослойки (сверху вниз) коричневой супеси (мощностью 0,48 м), имеющий просадку в центре сооружения, светло-серой супеси

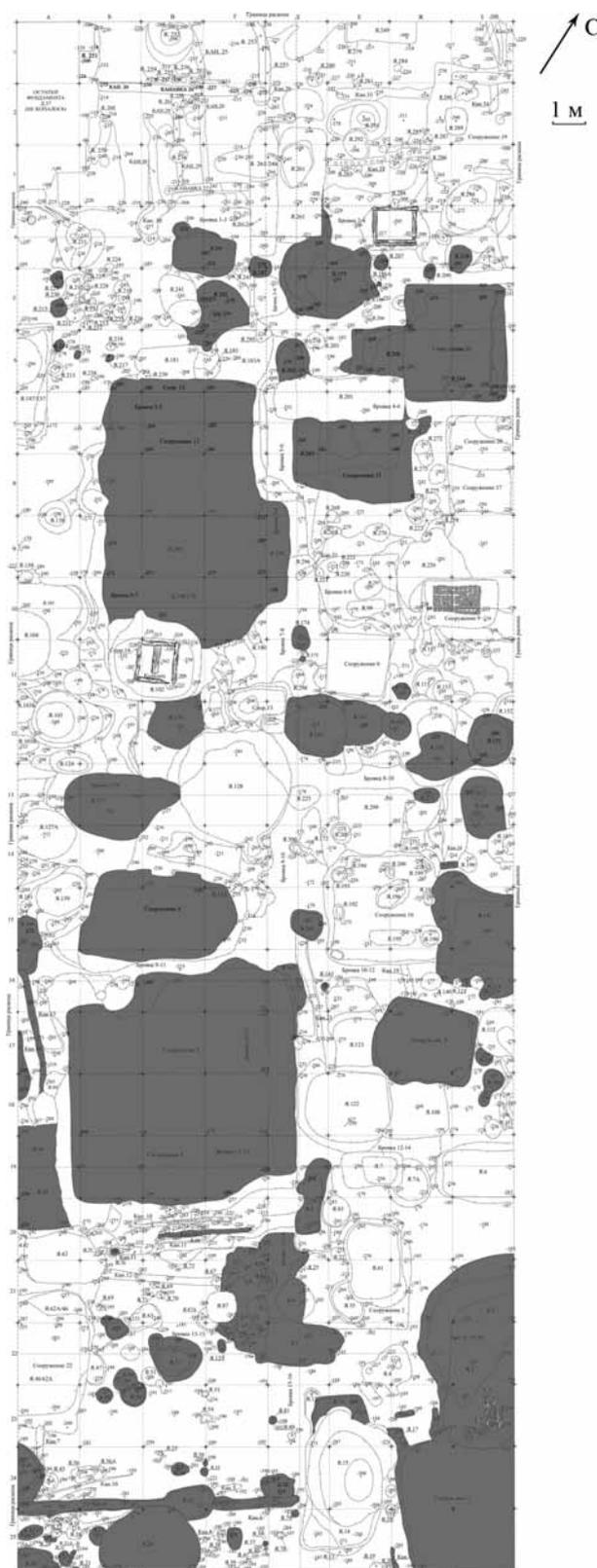

Рис. 6. Раскоп на ул. Советская, 37. Сводный план материка. Серым выделены ямы и сооружения, предварительно датируемые XV–XVI вв.

Рис. 7. Раскоп на ул. Советская, 37. Уч. 16. Кв. 3-Д-25. Южный профиль. Сооружение 1. Вид с севера

(до 0,2 м), слоистого песка (с восточной стороны), темно-коричневой супеси с древесным тленом (придонная прослойка толщиной до 0,12 м). Деревянные конструкции крепежа стенок сооружения 5 не сохранились. В заполнении канавки 15 обнаружены литейная форма и большое количество железного шлака. Скопление шлака также отмечено и между сооружениями 4 и 5, в непосредственной близости от канавки 15, что дает некоторые основания предполагать наличие железоплавильной мастерской где-то неподалеку. В сооружении обнаружены три обломка золотоордынской кашинной керамики, стеклянные браслеты, пять железных ножей, бронзовые крест-энколпион и пуговица, керамическое рыболовное грузило, фрагмент импортной неполивной посуды.

Возможно, сооружение 5 являлось остатками погреба под наземной постройкой.

Сооружение 12. Представляет собой срубную постройку размерами 2,80×2,80 м, заглубленную в материковый котлован размером 4,40×4,40 м глубиной 1,0–1,10 м. По центру сруба находился очаг размером 1,20×1,20 м. На дне сооружения залегал слой мешаной серой супеси с углем толщиной 0,30 м, поверх которого прослежена прослойка древесного тлена мощностью 0,05 м (рис. 8). Несколько выше (в 0,70 м от дна сооружения) в заполнении зафиксирована линза прокаленной глины. В постройке найдены три обломка стеклянных перстней, железные игла и ключ, обломок каменного оселка, донце сосуда с клеймом, фрагмент кашинной керамики золотоордынского происхождения.

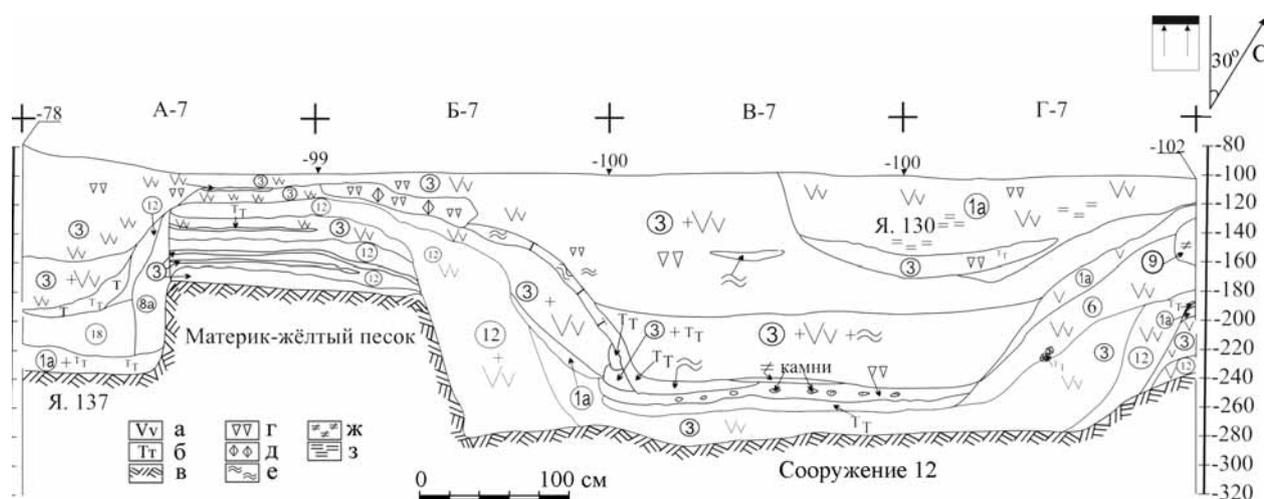

Рис. 8. Раскоп на ул. Советская, 37. Уч. 5. Кв. Б, В, Г-7. Разрез сооружения 12. Вид с юга

1а – серая супесь; 3 – темно-серая супесь; 6 – светло-коричневая супесь; 8а – песок белый; 9 – глина; 12 – мешаный песок с включением серой супеси; 18 – подзол; а – уголь древесный; б – тлен древесный; в – материк желтый песок; г – кирпичная крошка; д – битый кирпич; е – зола; ж – прокаленная глина; з – глина

Сооружение 21. Расположено в 2,0 м к В от сооружения 12 и ямы 250, составляя вместе с ними, вероятно, остатки единого усадебного комплекса. Размеры сооружения в материке – 3,8×2,7 м, глубина – от 0,3 до 0,7 м. По периметру котлована сооружения 21 располагались четыре столбовые ямы. В западном профиле участка, разделяющем сооружения 12 и 21, прослеживалось ступенчатые структуры, образовавшиеся, вероятно, при оползании песчаного материка в открытый котлован (после гибели постройки). У северной границы сооружения обнаружено пятно горелого зерна размерами 1,0×1,10 м, а рядом с ним – 17 шашек (целых и фрагментов), изготовленных из рога. Шашки были сверху накрыты куском обугленного дерева (игральная доска?). Также в сооружении 21 найден обломок кашинной керамики. Керамика представлена здесь всего двумя фрагментами красноглиняных сосудов.

В XVII–XVIII вв. внешний вид изучаемой территории резко изменился. В этот период центральная улица города сужается из-за переноса жилых домов, при этом площадь построек и их количество значительно сокращается (рис. 9). Наибольший интерес среди них представляют сооружения 10 и 16.

Сооружение 10 включало пятно прокаленной глины с мелкими камнями размером 3,80×2,30 м (толщина прослойки – 0,35–0,40 м), которое по периметру окаймляли остатки обуглившейся деревянной конструкции (опечка?) из трех венцов досок толщиной около 0,07 м, высота которой достигала 0,4 м (рис. 10). Такие же по толщине доски, но истлевшие, подстилали пятно прокаленной глины. Сооружение 10, возможно, являлось остатками летней дворовой печи. Под ним выявлено *сооружение 16* размерами 3,40×3,60 м, заглубленное в материк на 0,95 м, в котором по углам и серединам двух сторон выявлено шесть столбовых ям опорной деревянной конструкции (обшивка погребя?). Вероятно, летняя дворовая печь была построена на засыпанном ранее котловане погребя. В заполнении сооружения 16 найдены два обломка железных ножей, стеклянный браслет и накладка из цветного металла.

Застройка участка в XIX–XX вв. (рис. 11) соответствовала существующей до наших дней. Два кирпичных жилых дома XIX – начала XX в., располагавшихся на красной линии улицы, были снесены незадолго до начала работ. Из синхронных им сооружений, выявленных при проведении археологических раскопок, надо назвать сооружение 14 (колодец) и сооружение 9 (погреб).

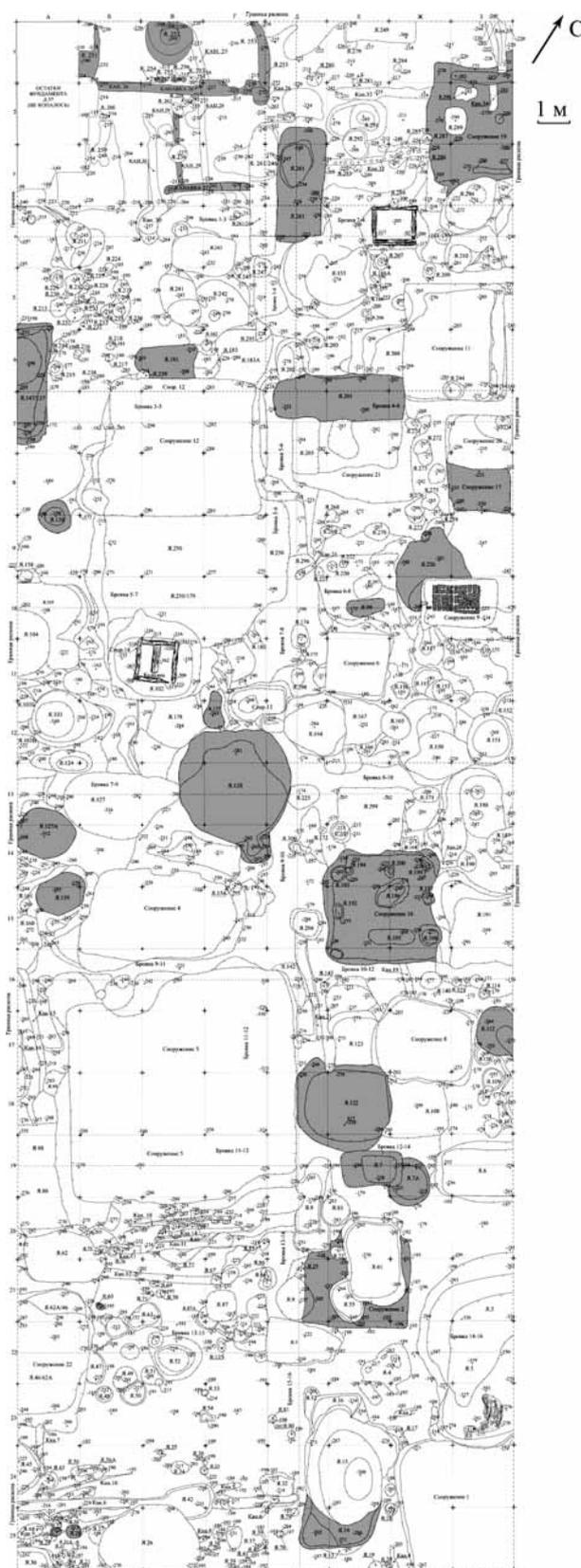

Рис. 9. Раскоп на ул. Советская, 37. Сводный план материка. Серым выделены ямы и сооружения, предварительно датированные XVII–XVIII вв.

Рис. 10. Раскоп на ул. Советская, 37. Уч. 10, кв. Д-Ж-14-15. Сооружение 10. Зачистка развала печи и древесного тлена (опечка?). Вид с востока (см. цв. вкл.)

Колодец представлял собой сруб из пяти венцов, размерами 1,40×1,40 м, из бревен диаметром около 0,16 м, располагавшийся в материковой яме размером 2,80×3,0 м и глубиной 1,80 м (рис. 12). На уровне третьего снизу колодезного венца в сруб были врезаны доски. В колодце обнаружены два целых поливных горшка, утерянных в период эксплуатации колодца. Использовался колодец, вероятно, для технических нужд (полив огорода, сада), в непосредственной близости от колодца размещалась вырытая до уровня материка помойная яма, того же времени (сооружение 13). Сооружение 9 представляло собой остатки погребца размерами 2,50×1,50 м и глубиной 1,20 м. Стены погребца были укреплены от осыпания досками, пол выложен целыми кирпичами. После ликвидации погребца он был превращен в мусорную яму (с бытовым и строительным мусором конца XIX – начала XX в.).

Выводы

Одним из малоизученных аспектов истории Переславского кремля является его историческая топография и связанные с ней вопросы объемно-пространственного развития города. Изучением развития планировки и объемно-пространственной структуры древнейших городов Владимирской земли с начала их основания в XI–XII вв. и до екатерининских времен включительно, отдельно

Переславля-Залесского в XVII в., занималась Л. Д. Мазур (2006; 2012). Исследователь отмечает, что планировочная структура средневекового Переславля зафиксирована более поздними документами. В частности, проектом регулярной планировки Переславля, который был утвержден 9 декабря 1788 г., а также межевыми планами 1770-х гг., но планировка укрепленной территории показана только на Планах уездного города Переславля-Залесского (РГАДА.Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед. хр. 289) (Мазур, 2012. С. 4). Однако на основании одних лишь письменных источников, без проведения археологических исследований с последующим критическим анализом полученных материалов решить вопрос планировочной структуры в раннем периоде истории Переславля невозможно.

Результаты исследований на раскопе по ул. Советской, 37 позволяют датировать начало освоения этого участка кремля серединой XIII–XIV в. В этот период тут не было сплошной застройки и заселенные участки чередовались с пустошами, возможно, огородами. Выявленное в юго-западной части раскопа хозяйственное сооружение с идущей от него к В и Ю оградой говорит о сложении уже в этот период усадебной планировки. Отсутствие в северной части исследованного участка жилых и хозяйственных сооружений подтверждает замечание Л. Д. Мазур о значительной ширине центральной

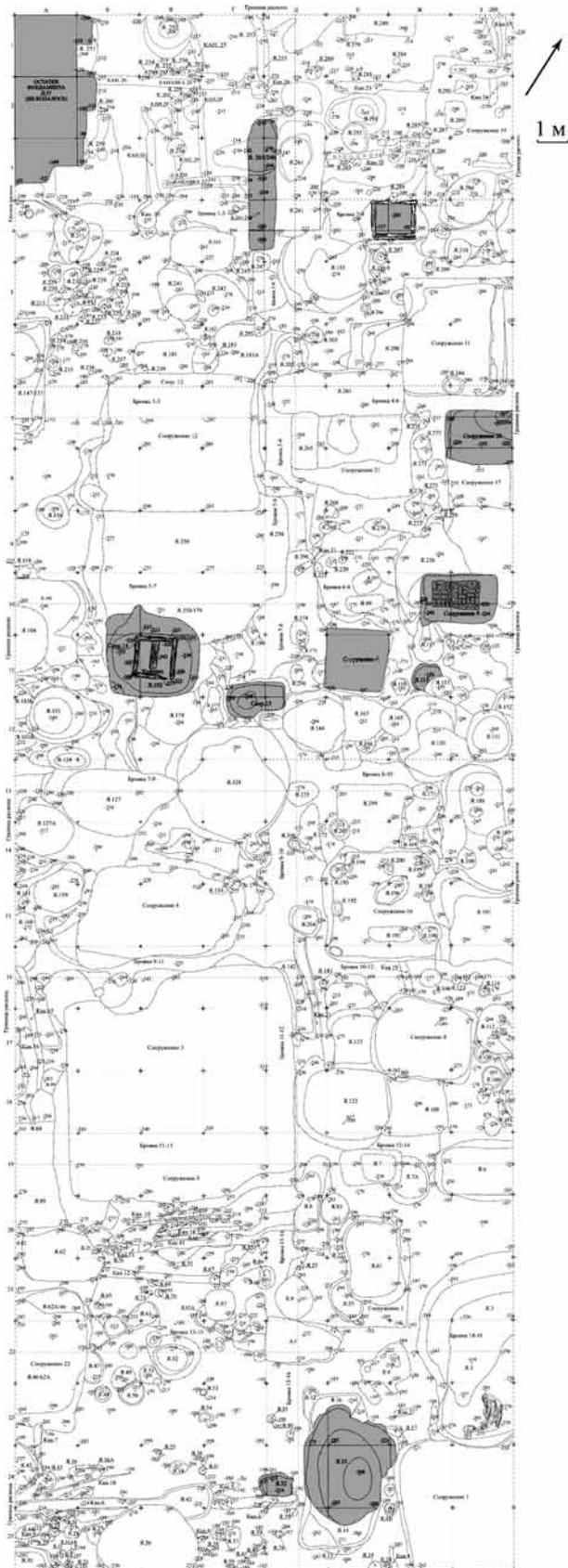

Рис. 11. Раскоп на ул. Советская, 37. Сводный план материка. Серым выделены ямы и сооружения, предварительно датированные XIX–XX вв.

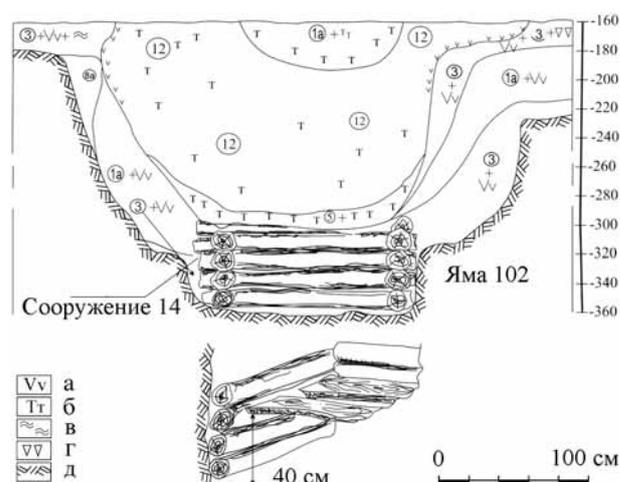

Рис. 12. Раскоп на ул. Советская, 37. Уч. 7. Кв. Б-В-11. Профиль ямы 102 и схема устройства придонной части колодца

1а – серая супесь; 3 – темно-серая супесь; 5 – коричневая супесь; 8а – песок белый; 9 – глина; 12 – мешанный песок с включением серой супеси; а – уголь древесный; б – глени древесный; в – зола; г – кирпичная крошка; д – материк желтый песок

улицы кремля в начальный период его застройки (Мазур, 2012. С. 11).

С XV по начало XVII в. происходило стабильное развитие города. Окончательно сформировалась красная линия застройки главной улицы кремля. На изучаемой территории она проходила на 10–12 м к ЮВ от современной границы улицы. Плотность застройки, отсутствие места для садов или огородов дает основание предположить, что выявленный комплекс жилых и хозяйственных построек, возможно, являлся осадным двором.

Начало XVII в. для Переславля – период упадка и разрухи в результате Смутного времени. В 1654 г. в Переславле эпидемия чумы выкосила почти весь город. В Переписной книге Переславля-Залесского 1677 г. указано всего 1342 жителя. Бедствия, постигшие город, иллюстрируются изменениями в планировке участка. Согласно археологическим данным, усадебных комплексов здесь уже нет. Часть хозяйственных сооружений выгорела, редкие из них стояли в запустении. Застраивалась преимущественно свободная от старых построек земля. Нет никаких сооружений на месте жилых построек XVI – начала XVII в. Вероятно, на момент возведения новых построек были еще видны развалины старых.

С середины 80-х годов XVII в. город начинает возрождаться, это связано с деятельностью Петра I. В связи с учреждением регулярной армии отпала необходимость в строительстве и содержании

осадных дворов, они стали достоянием истории. На смену им приходит рядовая усадебная застройка. В 1787 г. был утвержден регулярный план города, с этого момента красная линия застройки выдвигается вперед, к улице, и остается неизменной до настоящего времени. В XIX в. на участке впервые появляется каменное здание, жилой одноэтажный дом. К югу от него – постройки хозяйственного назначения. Их расположение в линию З–В, возможно, маркирует границу владения участка. Колодец, служащий для полива огорода, погреба

и мусорная яма логично расположены на окраине участка. Кирпичный дом доживает до настоящего времени. До 1990-х он оставался обычным жилым домом. В начале 1990-х в доме открылась первая в городе мастерская по изготовлению памятников и бюро ритуальных услуг, просуществовавшие до начала 2000-х, когда дом был заброшен, затем разобран перед началом новых строительных работ в 2012 г. С утратой его город потерял еще одну частицу своего неповторимого облика и притягательной силы духа минувшего.

Литература

- Агафонов П. Г., Праздников В. В., Спиридонова Е. В.*, 2009. История ярославской археологии. М.
- Вишневский В. И.*, 2006. Культурный слой Переславля-Залесского (по данным археологических разведок 2002–2003 гг.) // Археология: история и перспективы. II Межрег. конф. Ярославль.
- Вишневский В. И.*, 2012. Средневековый гончарный горн из Переславля-Залесского // АП. Вып. 8. М.
- Воронин Н. Н.*, 1948. Переславль-Залесский. М.
- Воронин Н. Н.*, 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 1. М.
- Зейфер В. А., Янишевский Б. Е.*, 2014. Археологические исследования в Переславле-Залесском

- в 2011–2012 гг. // Археология: история и перспективы. VI межрег. конф. Ярославль.
- Археологическая карта России. Ярославская область. М., 2005.
- Каменецакая Е. В., Пуришев И. Б.*, 1974. Деревянные конструкции вала Переславля-Залесского // СА. № 1.
- Мазур Л. Д.*, 2006. Русский город XI–XVIII вв. Владимирская земля. М.
- Мазур Л. Д.*, 2012. Переславль-Залесский в XVII столетии: опыт историко-градостроительного анализа. М.
- Смирнов М. И.*, 1996. Переславль-Залесский. Исторический очерк 1934 г. Переславль-Залесский.

V.A. Zeifer

A preliminary analysis of residential and household buildings from the excavations of the Southern part of Pereslavl' Zalessky Kremlin (from the results of excavations made in 2013)

Summary

As a result of excavations at 37 Sovetskaya Street the four periods of construction works in Pereslavl' Zalessky Kremlin have been preliminarily identified for the first time. The first stage of building on this area relates to the mid 13th – 14th centuries. Basing

upon analysis of the archaeological material the author obtained the first data regarding the formation and development of the planned structure of the Kremlin in its South-East part. More than 300 archaeological objects located in this area have been studied.

О. И. Мазурок, В. А. Зейфер

Отражение минувшего. Металлическое зеркало из раскопок в Переславле-Залесском

В 2013 г. проводились охранные археологические исследования на месте строительства офисного здания в Переславле-Залесском по адресу: ул. Советская, 33 (рис. 1). Исследуемый участок входил в границы памятника археологического наследия «Культурный слой г. Переславль-Залесский, XII–XVII вв.» и располагался в юго-восточной части Переславского кремля. Площадь раскопа составила 650 кв. м. Мощность культурного слоя – 1,0–1,20 м.

В массиве находок присутствовали предметы восточного происхождения – более 66 фрагментов кашинной керамики золотоордынского производства, обломки восточных стеклянных сосудов производства Сирии и Египта XIII–XIV вв., зооморфный замок с циркульным орнаментом (рис. 2; 3) и, наконец, фрагмент металлического орнаментированного зеркала (рис. 4).

Описание находки: круглое зеркало с высоким и узким вертикальным бортиком, в центре небольшое рельефное кольцо, поле занято рельефным изображением сложной плетенки с включением стилизованных голов животных. Внутренняя поверхность бортика украшена пояском из выпуклых точек («жемчужин»). Сохранилось в виде двух фрагментов размером 4,8×5,4 см и 1,8×2,5 см, толщина диска – 0,1 см; диаметр целого зеркала составлял примерно 8 см. Цвет находки – серебристо-серый, однако в местах слома и снятия окислов виден металл-основа – медный сплав характерного розоватого цвета.

Аналогии: *Виноградов*, 1987. С. 267–268. Рис. 2; *Полякова*, 1996. С. 230, 231. Рис. 73, 4; *Недашковский, Ракушин*, 1998. С. 33. Рис. 1, 7; 1998а. С. 87, 88. Рис. 3, 10; «Культура...», 2001. Кат. № 49. Табл. XXXI; *Пьянков, Раев*, 2004. Кат. № 18, 34, 42, 43, 46. Рис. 5, 2; 6, 11; 7, 2, 3, 6; *Руденко*, 2004.

С. 124. Рис. 5, 6–12; 16, 1–8; *Андреев*, 2013. С. 137. Рис. 55, 5.

Средневековым металлическим зеркалам из раскопок в Болгаре и в погребальных памятниках Поволжья, а также их типологии посвящены труды Г. А. Федорова-Давыдова, В. А. Иванова и В. А. Кригера, Г. Ф. Поляковой и др. (*Федоров-Давыдов*, 1966. С. 78–84; 1994. С. 202–203; *Иванов, Кригер*, 1988. С. 19; *Полякова*, 1996. С. 223–239). В последние десятилетия появились работы по систематизации крупных музейных коллекций средневековых металлических зеркал. В ряде публикаций рассмотрены коллекции Казанского и Саратовского музея, происходящие с Увекского городища, а также зеркала из кочевнических захоронений, хранящиеся в музеях Саратовской области (*Недашковский, Ракушин*, 1998. С. 32–51; 1998а. С. 87–108). К. А. Руденко изучил и опубликовала коллекцию Казанского музея, включающую находки XIX–XX вв. с Болгарского и Билярского городищ, ряда селищ и других мест Татарстана (*Руденко*, 2004. С. 111–153).

Авторы используют классификационные системы, позволяющие выделить типы зеркал. Так, Г. А. Федоров-Давыдов выделяет отделы по орнаментальным мотивам как характерной черте, определяющей происхождение зеркала или его прототипа (*Федоров-Давыдов*, 1966. С. 78). Эта типология была дополнена В. А. Ивановым и В. А. Кригером (*Иванов, Кригер*, 1988. С. 19). У Г. Ф. Поляковой главным признаком классификации является форма бортика, типы выделены по характеру орнаментации (*Полякова*, 1996. С. 223). Л. Ф. Недашковский, в свою очередь, каталогизирует музейную коллекцию, основываясь на принципах систематизации Г. Ф. Поляковой; К. А. Руденко – на принци-

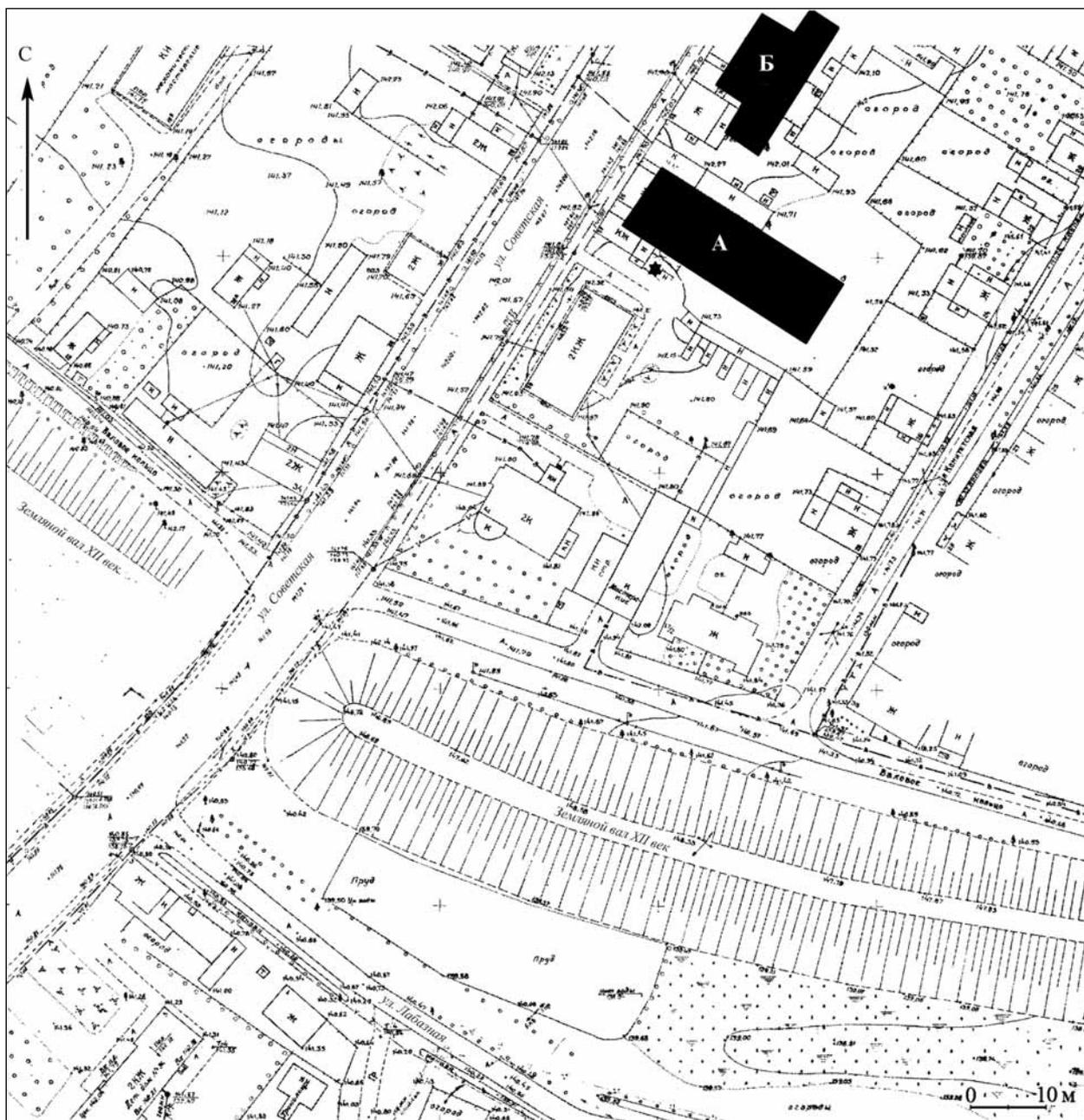

Рис. 1. Раскопы на ул. Советской, 37 (А) и 33 (Б). Ситуационный план

пах Г. Ф. Федорова-Давыдова с учетом дополнений В. А. Иванова и В. А. Каргера (*Недашковский, Ракушин*, 1998. С. 32; *Руденко*, 2004. С. 112).

Переславская находка относится к типу В-II-5 (по Г. Ф. Поляковой), А5 (по Л. Ф. Недашковскому) и Я-I (по К. А. Руденко). Орнамент данного типа представлен сложной плетенкой с головами животных и головой человека в короне. Согласно мнению исследователей, такой рисунок сложился в Золотой Орде под влиянием исламского искусства, шедшего из сиро-египетского и, возможно,

сельджукидского регионов (*Недашковский, Ракушин*, 1998. С. 39).

Согласно сводке, составленной М. Г. Крамаровским, на 1987 г. насчитывалось более 30 экз. аналогичных зеркал из 12 пунктов Восточной Европы, располагающихся в степной зоне или соседних с нею (*Виноградов*, 1987. С. 268). Л. Ф. Недашковский добавляет, что данный тип изделия хорошо представлен в материалах с Болгарского городища – 30 экз., два экземпляра есть в коллекции Волгоградского музея и по одному в Саратовском

и Энгельском музеях, один экземпляр найден в Калмыкии и один в окрестностях Билярска (Недашковский, Ракушин, 1998а. С. 88).

По М. Г. Крамаровскому, данный тип зеркал датируется второй половиной XIII – началом XIV в.; однако Л. Ф. Недашковский уточняет, что в могильнике Бахтияровка II (курган 46, погребение 1) зеркало данного типа было найдено вместе с гюлистанским дирхемом Бирдибека 759 г.х. (1357–1358 гг.), и относит прекращение изготовления и использования таких изделий ко времени не ранее начала второй половины XIV в. (Недашковский, Ракушин, 1998а. С. 88).

Центрами производства металлических зеркал были золотоордынские города. Зеркала отливались в специальных формах. Не исключено, что при производстве применялась особая техника обкладки литых бронзовых зеркал серебряной или посеребренной фольгой (Руденко, 2004. С. 125). Визуальный анализ переславского зеркала позволяет предположить при его изготовлении технику серебрения по меди.

Таким образом, металлическое зеркало из Переславля-Залесского датируется по аналогиям второй половиной XIII – первой половиной XIV в. и является характерным для культуры Золотой Орды.

Место обнаружения находки – участок 3 (индивидуальная находка № 157). Участок практически полностью занимали остатки впущенного в материк на 0,6 м фундамента сооружения 9 (6,7×6,0 м), выложенного из кирпича на глиняном растворе. Предварительная датировка сооружения 9 – конец XVII–XVIII в.¹ Сооружение 9 перерезало яму 128, которая по керамическому материалу и индивидуальным находкам (пять фрагментов стеклянных браслетов, железный нож, керамическое рыболовное грузило с крупными фракциями дресвы, обломки упомянутых выше восточных стеклянных сосудов) датируется серединой XIII – XIV в.

Зеркало не было связано с сооружением 9, а располагалось в переотложенном грунте, т.е. попало в сооружение вместе с засыпкой. Очевидно, таким же образом в сооружении оказался зооморфный замок, выполненный из цветного металла (индивидуальная находка № 132). Размеры замка – 3,5×3,5×1 см. Поверхность украшена циркульным орнаментом. Согласно классификации Г. Ф. Поляковой, предмет относится к типу В-Па-2 и является характерным для золотоордынского времени (Полякова, 1996. С. 249, 250).

Рис. 2. Зооморфный замок с циркульным орнаментом из раскопок в Переславле-Залесском. Фото В. А. Зейфера

На основании анализа стратиграфии, датировок индивидуальных находок и керамического материала первоначальное освоение исследованной городской территории относится к середине XIII в. В этот период и до 1302 г. Переяславль оставался центром удельного Переяславского княжества. В 1302 г. Переяславль присоединился к Москве, а в 1305 г. в результате военного конфликта с князем Михаилом Ярославичем Тверским слился с территорией великого княжества Владимирского и уже вместе с нею при Дмитрии Донском стал рассматриваться как отчинное владение московского великого князя (Кучкин, 1984. С. 139). Переяславль стоял на пересечении сухопутных дорог из Москвы, Твери и Владимира, крупнейших политических центров Северо-Восточной Руси, и являлся предметом владельческого интереса московского и тверского княжеских домов (Смирнов, 1996. С. 98–101).

Исходя из сказанного, логично предположить, что статусные предметы восточного происхождения могли попадать в Переяславль вместе с князьями, представителями русской аристократии или чиновниками золотоордынской администрации. По наблюдению В. Ю. Ковалю, находки восточной

¹ Консультация А. В. Яганова (ИА РАН).

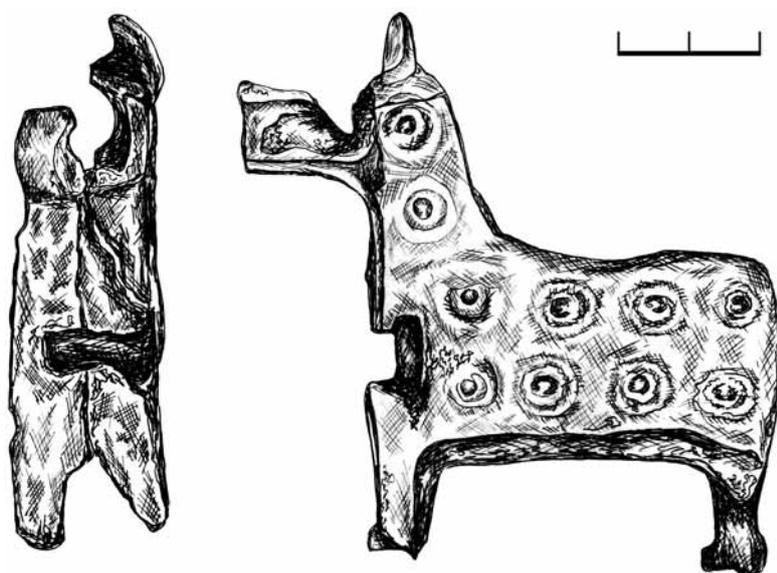

Рис. 3. Зооморфный замок с циркульным орнаментом из раскопок в Переславле-Залесском.
Рисунок В. А. Зейфера

Рис. 4. Металлическое зеркало из раскопок в Переславле-Залесском

керамики, известные для середины XIII – первой трети XIV в., в значительной своей части относятся к утвари, привезенной на Русь ордынцами как свое личное имущество. Последние, по мнению исследователя, прибывали на Русь вместе с семьями и подолгу проживали в русских городах. Не случайно вместе с восточной керамикой в ряде городских центров

(Владимире, Серенске, Ростиславле Рязанском, Чернигове) были найдены и зеркала, являющиеся чисто женским атрибутом (Коваль, 2010. С. 194).

Таким образом, металлическое зеркало в комплексе с другими находками восточного происхождения может указывать на присутствие в Переяславле представителей золотоордынской администрации.

Литература

Андреев С. И., 2013. Никольское городище. Тамбов.

Виноградов В. Б., 1987. Два зеркала золотоордынской эпохи из Чечено-Ингушетии // СА. № 1.

Коваль В. Ю., 2010. Керамика Востока на Руси IX–XVII века. М.

Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Волгоград, 2001.

Кучкин В. А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.

Недашковский Л. Ф., Ракушин А. И., 1998. Средневековые металлические зеркала с Увекского городища // Татарская археология. № 1 (2). Казань.

Недашковский Л. Ф., Ракушин А. И., 1998а. Бронзовые зеркала второй половины X–XIV в. из музеев Саратовской области // Татарская археология. № 2 (3). Казань.

Полякова Г. Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.

Пьянков А. В., Раев Б. А., 2004. Металлические зеркала из коллекции Донского музея (Новочеркасск) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 2. Волгоград.

Руденко К. А., 2004. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. № 1–2 (12–13). Казань.

Смирнов М. И., 1996. Переяславль-Залесский. Исторический очерк 1934 г. Переяславль-Залесский.

Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Федоров-Давыдов Г. А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.

O. I. Mazurok, V. A. Zeifer

A reflection of the past. A mirror of 13–14 c. from Pereslavl' Zalesky

Summary

During excavations at 33 Sovetskaya Street in Pereslavl' Zalesky a mirror manufactured by the Golden Horde was found for the first time. Together with other artifacts brought from Golden Horde, such as

animal-like lock, a bone button, Asian ceramics, this mirror confirms the extent of imports from the Golden Horde to Pereslavl'

С.З. Чернов

Ранняя волостная деревня в Радонеже по данным исследования культурного слоя, сохранившегося *in situ*: селище Лешково-4 (Белухинское)

В конце XIII – начале XIV в. на русском Северо-Востоке возник новый тип поселений. Исследованиями историков и археологов определены признаки этих поселений: небольшие размеры (обычно один-три двора), дисперсное расположение, концентрация вокруг крупных сел. По мере развития сплошных археологических обследований было установлено, что наиболее ранние из этих групп идентифицируются с волостями, известными по духовным грамотам великих московских и удельных князей начиная с 1336 г. (Чернов, 1991).

Причины формирования этого нового типа поселений остаются неясными, хотя не вызывает сомнений, что перестройка системы расселения была связана с закономерностями внутренней колонизации и с особенностями социальной организации общества. Проследить механизмы влияния этих процессов на интересующее нас явление невозможно без привлечения археологических материалов, характеризующих хозяйство, потребление и культуру сельских поселений XIII–XIV вв. (Макаров, 2001. С. 225).

В настоящее время в результате раскопок селищ, которые проводились в зонах строительства, собран значительный археологический материал. Тем не менее ощущается необходимость в систематическом накоплении данных по тем селищам, которые надежно идентифицируются с поселениями, известными по письменным источникам второй половины XIV – начала XV в. как волостные деревни. В связи с этим в 2007–2012 гг. сектором археологии Москвы Института археологии РАН был осуществлен проект «Первые деревни Московского княжества». Его цель – исследование

следов ранних деревень, располагавшихся на северо-востоке Московского княжества XIII–XIV вв.

На первом этапе этой работы был собран материал по традиционным темам сельской археологии: о характере застройки, видах жилых и хозяйственных построек, сельскохозяйственном, промысловом и бытовом инвентаре, комплексах керамики, предметах личного благочестия. Затем на основе сопоставления материала разных поселений были выделены общие археологически фиксируемые закономерности хозяйства и быта интересующих нас поселений.

На втором этапе на основании привлечения данных почвенных и палинологических исследований были изучены хозяйственные зоны поселений с тем, чтобы составить представление о технологиях земледелия и промыслов. Несмотря на известные трудности в интерпретации получаемых данных, есть основания полагать, что в перспективе междисциплинарные исследования позволят расширить наши знания о хозяйственно-культурных типах и экологических условиях обживания вновь осваивавшихся ландшафтов.

Имея в виду это направление исследований, в качестве объектов для раскопок были выбраны селища, расположенные в различных ландшафтах: Мещерской низменности (селище Горбово-3), у подножья Клинско-Дмитровской гряды (д. Кукарки – селище Протасово-3) и на ее вершине (д. Белухинская – селище Лешково-4) (рис. 1).

На третьем этапе проекта были затронуты темы экономических механизмов, запускавших процесс освоения новых земель. Это стало возможным благодаря материалам, полученным на селище Дунино-6 (д. Власьевская звенигородского села

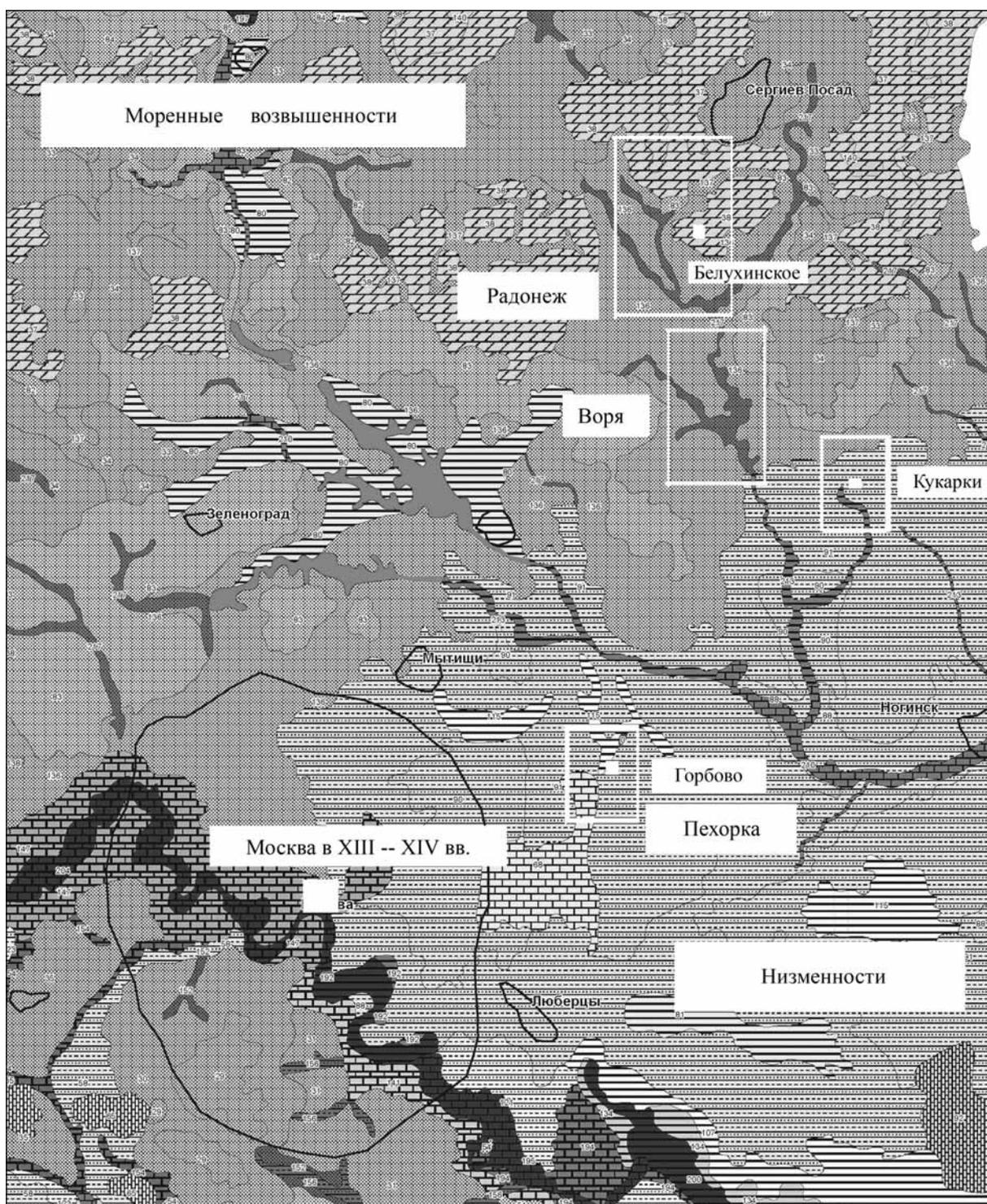

Рис. 1. Карта ландшафтов северо-восточной части Московской области (по В. А. Низовцеву) и памятники, исследованные по программе «Первые деревни Московского княжества»

Козина). Близ этого памятника удалось выявить (впервые в Московской обл.) деревенский грунтовый могильник, исследование которого позволило рассмотреть состояние здоровья населения и коснуться некоторых вопросов демографии.

Обрисовав цели проекта и предлагаемые автором подходы (подробнее о его результатах см.: Chernov, Erschova, 2013), следует ответить на вопрос: почему для первой публикации по данной теме было избрано селище Лешково-4? Этот па-

мятник интересен в целом ряде отношений. Прежде всего, это классическое поселение на водоразделе, причем одно из первых таких поселений, возникших на участке Клинско-Дмитровской гряды, принадлежавшем московским князьям в первой половине XIV в. С точки зрения его археологических характеристик это однослойный памятник, практически не затронутый хозяйственной деятельностью XV и XVI вв. (в конце XV в. поселение было возобновлено на холме, в 100 м к востоку, где сохранилось селище Лешково-6). И наконец, перед нами поселение на лесной поляне-«оселке», оставшееся вне зоны распашки XVI–XIX вв.

Верхний культурный слой селища сохранился *in situ* и представляет значительный археологический интерес как носитель информации о хозяйственной деятельности на территории средневековой усадьбы. В этом отношении Лешково-4 выгодно отличается от многих селищ, которые в последнее десятилетие были раскопаны целиком. Последние представлены главным образом остатками подземных частей построек, содержащими комплексы находок и керамики. Материалы, полученные из верхнего слоя таких селищ, в силу утрат, связанных с многолетней распашкой, и в связи с быстрыми темпами охранных археологических работ часто оказываются малоинформативными.

Ввиду хорошей сохранности слоя в Лешково-4 были применены некоторые приемы «медленных раскопок», такие как просеивание слоя, детальный сбор пачины и камней, в том числе очажных. Проанализированы возможности и ограничения, связанные с повышенной влажностью слоя, лежащего на глинах, дана оценка его химического состава, рассмотрено влияние многовекового существования луга на верхний горизонт культурного слоя. Думается, что все эти наблюдения методического свойства наиболее уместны на ранней стадии исследований, когда вырабатывается своего рода «вопросник» и налаживается «диалог» исследователя и памятника.

Ландшафтное положение памятника и его описание

В настоящее время в окрестностях с. Радонеж выявлено восемь поселений типа Лешково-2, которые содержат керамические комплексы конца XIII – первой половины XIV в. с небольшим процентом курганный посуды и доминированием серой керамики над красноглиняной грубой. Обращение к карте показывает, что они располагаются на берегах Пажи и Вори и на притоке Пажи – ручье Оржавец, у южного склона моренной возвышенности (Чернов, 2004). На водоразделе обнаружено лишь селище Лешково-4, которое и было избрано для исследования (рис. 2, А).

Селище находится в лесном массиве, в 2,4 км к СВ от с. Радонеж и в 1,8 км к С от д. Лешково. Оно приурочено к верховью оврага, по которому протекает ручей Коломино (правый приток р. Торгоши), и располагается в центре южного отрога моренной гряды, известной летописи как «гора над Радонезем»¹ (рис. 2, А). Селище было обнаружено в рамках работ по проектированию зон охраны древнего города Радонеж (Чернов, 1984). 01.10.1983 была сделана магнитофонная запись рассказа старожилки села Городок (ныне Радонеж) Матрены Павловны Масленцевой о Троицкой дороге, которая соединяла село с расположенной на Ярославском шоссе часовней Крест² и Сергиевым Посадом, именовавшимся в старину Троицей. По воспоминаниям Матрены Павловны, которые относились к 1922–1925 гг., справа от дороги располагалась старинная поляна.

В тот же день трасса Троицкой дороги была обследована. Пройдя на СВ от села по правому краю полей, мы вошли в лес и в 2,6 км от церкви пересекли Хотьковское ш. (построено во второй половине 1940-х годов). На аэрофотоснимке 1970 г., который был в распоряжении экспедиции, трасса Троицкой дороги читалась по лесу довольно отчетливо. После перехода шоссе путь пролегал по 13-му кварталу Воздвиженского лесничества³. На протяжении первых 200 м дорога сохранялась в виде свободной от леса полосы шириной 4 м с читающимися тележными колеями. Следующий

¹ 13 февраля 1446 г. великий князь Василий Васильевич, находившийся на богомолье в Троице, отправил вооруженный отряд («сторожу») к Радонежу. «Они же, – повествует летописец, – пришел сташа на горе над Радонезем стеречи». Двигавшийся из Москвы отряд князя Ивана Можайского с помощью хитрости «переимал» «сторожу» и неожиданно ворвался в Троицкий монастырь, где великий князь был пленен («Московский летописный свод...», 1949. С. 265).

² Близ места разрушенной в 1935 г. часовни с 1984 г. располагалась база Московского геологоразведочного института (ныне Сергиево-Посадского учебно-научно-исследовательского полигона Российского государственного геологоразведочного университета).

³ Топосъемка Троицкой дороги от Хотьковского ш. до МГРИ, выполненная в 1984 г. геодезистом треста «Мособлстрой-реставрация» В.И. Кротовым, опубликована (Чернов, 2014. С. 198, 212–215).

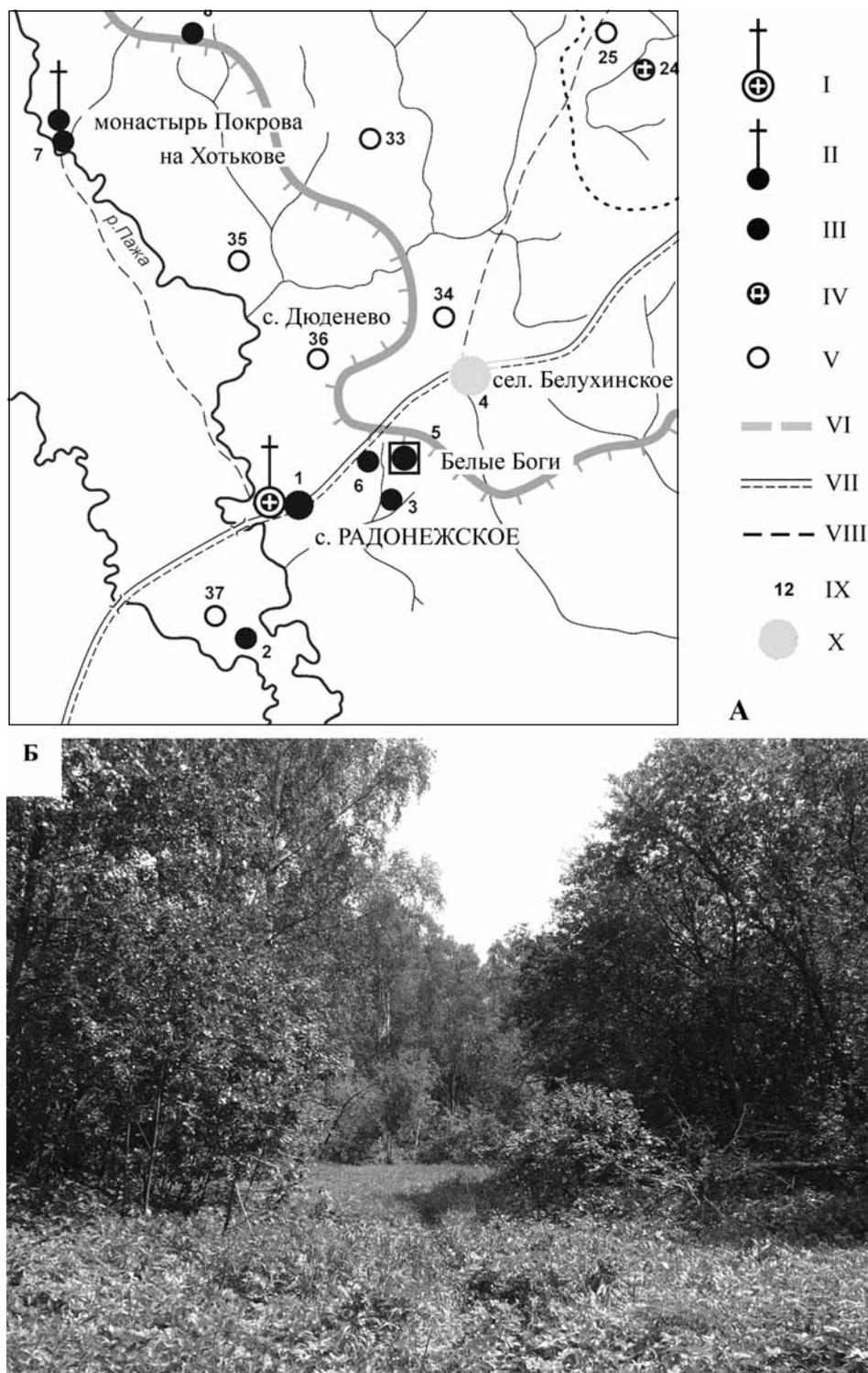

Рис. 2. Местоположение селища Лешково-4 на карте-реконструкции Радонежской волости XIV в. (А) и общий вид селища Лешково-4 от центра поляны на юго-восток. 05.06.2008. (Б)

I – центр волости; II – монастырь; III – поселения (селища) с керамическими комплексами типа Лешково-2 (первая половина XIV в.); IV – поселения (селища) с керамическими комплексами типа Семхоз-4 (третья четверть XIV в.); V – поселения (селища) с керамическими комплексами типа Шавыкин монастырь (четвертая четверть XIV в.); VI – границы летописной «горы над Радонежем» (моренная возвышенность); VII – древняя Переяславская дорога; VIII – прочие дороги; IX – номера археологических памятников; X – селище Лешково-4 (в 1456 г. пустошь Белухинская)

150-метровый участок дороги, ориентированный на восток, был реконструирован в XIX в. Проезжая часть имела ширину 5,5 м и была обрамлена по обе стороны «правильными», как сказали бы в XIX в., кюветами шириной 1,5 м. Трасса дороги тогда только начинала зарастать подлеском и была довольно хорошо проходима.

Как показало обращение к межевому плану 1853 г. (Геометрический специальный план...), реконструкция дороги была связана с появлением незадолго до этого времени, в 0,6 км от этого места, нового поселения, показанного на плане как село Лешково (вскоре оставленного и фиксируемого ныне как селище Лешково-5), в связи с хозяйственным обустройством северной части обширной Воздвиженской земельной дачи, перешедшей в 1800 г. из ведения дворцового ведомства к помещикам Грузиновым.

В районе пересечения Троицкой дорогой выложенного верховья оврага Коломино, справа от дороги, открылась поляна (выдел 23 квартала 13), на которой была найдена средневековая керамика (рис. 2, Б). 02.05.1984 был обнаружен пруд, а 20.06.1984 проведена археологическая разведка (заложены пробы слоя) и выявлено селище Лешково-4 (рис. 3).

Как показали проведенные позднее исследования, Троицкая дорога пролегла по трассе древней Переяславской дороги (в XVI в. ее именовали Стоговской по имени погоста на р. Молокче), которая была проложена в конце XIII – начале XIV в. в Переяславль через Радонеж и Великую слободу (в начале XVI в. рядом с Великой слободой возникла Александрова слобода) (Чернов, 2014). Для понимания ландшафтного положения исследуемого поселения следует указать некоторые геоморфологические характеристики этой дороги. От храма с. Радонеж (180 м в Балтийской системе высот) она проходит по моренной равнине. У восточной оконечности нынешнего села (190 м) начинается подъем на Радонежскую гору. Первая часть этого подъема (190–205 м) пролегает параллельно ручью Оржавец, в 350–400 м от упоминавшихся ранних селищ Лешково-2, 8 и 9. После входа в лес начинается резкий подъем: дорога пересекает водораздел (229 м) и выходит к верховью оврага Коломино на отметке 219 м (для сравнения: Троицкий собор лавры стоит на отметке 208 м).

Поляна (130×60 м) расположена вдоль оврага, на его северо-восточном, экранирующем на ЮЗ берегу, в 15–30 м от пересыхающего водотока. Разница уровней на ее северо-западной и юго-восточной оконечностях составляет около

2 м (217,75 и 215,40 м). Площадка селища имеет небольшой уклон к ЮЗ. Величина падения уровня площадки составляет 0,18 м на каждые 10 м по горизонтали. В пониженной и увлажненной лощине, представляющей собой верховье оврага, имеется пруд-копань подпрямоугольной формы (14×11 м) (рис. 3).

По северо-восточному контуру поляны в 1984 г. читались колеи старой дороги, которая продолжалась по лесу в юго-восточном направлении вплоть до второй, обширной поляны, на которой располагается селище Лешково-6 (Чернов, Волков, 2015). Вторая дорога вела на север от селища, пересекала Троицкую дорогу и терялась в лесу в сотне метров от нее. Третья дорога начиналась у южного угла поляны и вела на юг (рис. 3).

Лес, окружающий поляну, первоначально широколиственный (ольхово-дубовый), был вырублен в 1940-е годы. Следы деятельности лесорубов являются несколько груд глины; во время разборки одной из них, оказавшейся на территории раскопа 1984 г., был найден обрывок металлического троса, использовавшегося при трелевке бревен. В 1984 г. к северо-востоку от поляны произрастал вторичный осинник (40 лет) с вкраплениями 90-летнего дуба (выдел 20), а к юго-западу – ольховый лес (40 лет; выдел 23). Вокруг поляны сохранились старые березы – следы «крупного березника», который видела здесь М. И. Масленцева в 1922–1925 гг.

Границы памятника прослежены в 1984 г. по пробам слоя (зондажам) (табл. 1). Размеры селища – 147×63 м, площадь – 5,3 тыс. кв. м.

В северной части площадки культурный слой распространяется вплоть до границ поляны, а в юго-западной части – вокруг пруда до бровки оврага. На юго-востоке он достигает березы у станции 19 теодолитной съемки, а на северо-востоке включает опушку леса. Культурный слой сохранился *in situ*, так как поляна не подвергалась распашке. Пробами на всей территории селища зафиксирован серый гумусированный суглинок мощностью 0,2–0,3 м, включающий пещину. На большей части поляны, за вычетом ее северо-западного края (пробы 11–14), мощность слоя равняется 0,3 м. В центральной части поляны имеется участок более мощного культурного слоя (0,4–0,45 м). Он отмечен в пробах 8, 20 и 21. Этот участок расположен к ЮВ от пруда и имеет размеры примерно 35 м (с севера на юг) × 20 м (с запада на восток). Здесь отмечается более темный цвет культурного слоя, встречена серая и курганная керамика. Впрочем, серая керамика

Таблица 1. Мощность и характер культурного слоя селища Лешково-4.

Часть селища	№ зондажа	Мощность культурного слоя в метрах	Описание слоя	Серая керамика	Белоглиняная грубая керамика	Наличие печины
Юго-восточная	1	0,30	Серый гумусированный суглинок	№ 1, 2, 3		
Юго-восточная	2	0,30	Серый гумусированный суглинок	№ 4		+
Юго-восточная	3	0,30	Серый гумусированный суглинок			+
Юго-восточная	4	0,30	Серый гумусированный суглинок		№ 5, 6	
Юго-восточная	5	0,20	Серый гумусированный суглинок			
Юго-восточная	6–7	–	Культурный слой отсутствует			
Северо-западная	8 (кв. 1 раскопа)	0,45	Черный гумусированный суглинок, насыщенный фрагментами угля и крупными фрагментами печины	№ 15, венчик		+
Северо-западная	9	0,20	Серый гумусированный суглинок		№ 8	+
Северо-западная	10	0,40	Серый гумусированный суглинок			+
Северо-западная	11	0,20	Серый гумусированный суглинок с угольками		№ 9	+
Северо-западная	12	?	Проезжая часть дороги. Верхние 0,25 м – рассыпчатый пылеобразный слой с золой (следы пожара?). Ниже (до 0,4 м) залегает плотный слой угля (полотно дороги?). Его подстиляет материк			
Северо-западная	13	0,20	Серый гумусированный суглинок			
Северо-западная	14	0,20	Серый гумусированный суглинок		№ 11	
Северо-западная	15	–	Культурный слой отсутствует			
Северо-восточная	16	0,25	Серый гумусированный суглинок			
Северо-восточная	17	0,20	Серый гумусированный суглинок			
Северо-восточная	18	0,20 (?)	В верхнем слое материкового суглинка встречены редкие фрагменты печины			
Северо-восточная	19	–	Культурный слой отсутствует. Материк – светло-коричневый суглинок			

Таблица 1. Мощность и характер культурного слоя селища Лешково-4. (Окончание.)

Часть селища	№ зондажа	Мощность культурного слоя в метрах	Описание слоя	Серая керамика	Белоглиняная грубая керамика	Наличие печины
Юго-западная	20	0,50	Серо-черный гумусированный суглинок	№ 12 – курганная		+
Юго-западная	21	0,40	Серый гумусированный суглинок			
Юго-западная	22	0,45 (?)	До глубины 0,4 м залегал серый слой без каких-либо следов антропогенной деятельности. Под ним на глубине 0,4–0,45 м залегала черная прослойка, насыщенная углями. В ней встречены фрагменты серой керамики			
Юго-западная	23	–	Культурный слой отсутствует. Верхние 0,1 м представляют собой сильно увлажненный подзол. Ниже залегает материк (суглинок)			
Юго-западная	24–25	–	Культурный слой отсутствует			

встречается на более широкой площади (пробы 1 и 2). В северо-западной части селища встречена исключительно белоглиняная грубая посуда XVI в. (рис. 3).

Палеоландшафтная реконструкция

Поляны-«оселки», к числу которых принадлежит Лешково-4, представляют собой биоценозы особого рода – луговые сообщества, возникшие на месте средневековых поселений и устойчиво сохранявшиеся как разнотравные луга благодаря тому, что они выкашивались в XVII – первой половине XX в. Мощный дерн препятствовал зарастанию полян лесом. Характерно, что на месте раскопа 1984 г. где дерн был нарушен, к 2008 г. выросла миниатюрная роща осин, которая точно повторяла форму раскопа.

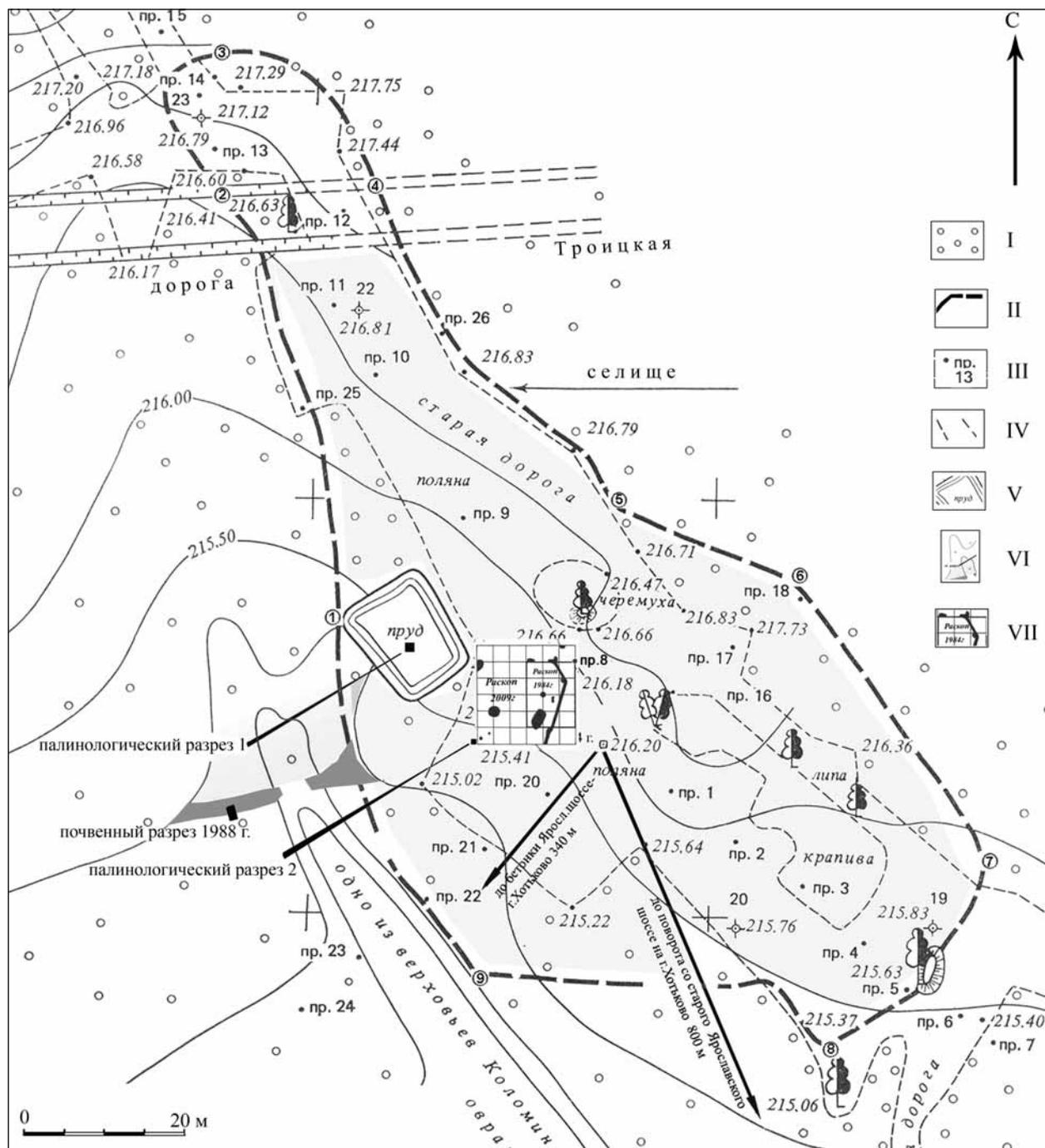
Первое палеоландшафтное исследование памятника было проведено 12.05.1988 А. Л. Александровским, Н. А. Кренке, Е. Г. Ершовой (Бызовой) и автором (*Александровский и др.*, 1990). К западу от пруда-копани были обнаружены следы раннего пруда

(рис. 3). Они представляли собой остатки дамбы. На правом берегу оврага сохранился ее участок длиной 25 м. По оси оврага (8 м) дамба была размыта, а на левом берегу оврага длина ее составляла 10 м. Ширина дамбы – 5 м, высота – 1 м. Шурф, заложенный в западной части дамбы, показал, что насыпь ее сложена из гумусового горизонта (видимо, извлеченного из ложа пруда) мощностью 30 см и более. Под насыпью залегал горизонт А2 пепельно-серого цвета, который имел резкую нижнюю границу на глубине -40 см. Ниже был прослежен мощный (от -40 до -75 см) подзолистый горизонт (А2) погребенной почвы, который подстилался переходным горизонтом А2в⁴. Судя по отметкам дамбы, пруд имел размеры не менее 20×20 м (рис. 3).

В 2009 г. на селище Е. Г. Ершовой были заложены два палинологических разреза: в центре пруда-копани и на территории поляны, в юго-западном углу раскопа (спорово-пыльцевые диаграммы см. на рис. 4). Полученные данные позволили прийти к следующим выводам⁵.

⁴ Профиль описан к. г. н. А. Л. Александровским.

⁵ Раздел написан по материалам Е. Г. Ершовой (2014. С. 291–293).

Рис. 3. Селище Лешково-4. План. Топографическая съемка проведена в июле–августе 1984 г. геодезистом треста «Мособлстройреставрация» В. И. Кротовым при участии студентов МГРИ

I – лес; II – граница распространения культурного слоя; III – проба культурного слоя; IV – лесная дорога; V – пруд позднего времени; VI – дамба средневекового пруда и его предполагаемое ложе; VII – раскоп 1984, 2009 г.

Судя по расположению ямы 5 раскопа 2009 г. в непосредственной близости от края пруда-копани (рис. 3), последний не синхронен раннему этапу поселения, но возник в XVI в., когда на поселении возобновилась хозяйственная деятельность, или несколько позднее. Поскольку пруд-копань,

окруженный зарослями серой ольхи, находится в нескольких метрах от края поляны-«оселка» (сенокоса), оставшейся на месте средневекового селища, в спорово-пыльцевых спектрах его отложений должны были отразиться изменения, происходившие на месте селища с XVI в. до нашего времени.

Спорово-пыльцевая диаграмма 29-сантиметрового слоя прудового ила показывает эти изменения достаточно четко (рис. 4, сверху): 20–40% трав в сумме *AP+NAP-Cyperaceae* отражают наличие открытого пространства рядом с прудом на протяжении всей его истории, причем в древности это пространство было несколько больше – до 40% *NAP* в самых нижних образцах. Кривая сорняков очень четко делится на две части: 10–13% в нижней части, соответствующей, по-видимому, времени существования поселения, и 1–5% в верхней, соответствующей лугу-«оселку». В спектрах древесных (как средневековых, так и современных) доминирует ольха; по-видимому, ольшаник, занимающий склоны и дно верховьев Коломинского оврага, существовал здесь и в Средние века. Доля широколиственных в спектре древесных невелика, но все же заметно уменьшается от нижних слоев (7–8%) к верхним (1–2%). Пыльца липы встречена единично. Пик пыльцы злаков культурного типа (12%) отмечается в нижней части колонки, соответствующей примерно XVI в.

Анализ образцов из сделанного рядом с прудом почвенного разреза (рис. 4, нижний; рис. 5, А) показал, что в нем можно выделить два слоя, богатых пылью, разделенных слоем прокаливания, обедненным пылью. Нижний слой – луговая дерново-подзолистая почва, современная, по-видимому, времени поселения, то есть XIV в., погребенная под слоем углей и золы. Верхний слой – современная луговая почва, сформировавшаяся под суходольным лугом на месте пожарища. Диаграмма почвенного разреза в целом совпадает с диаграммой прудовых отложений и по соотношению *AP/NAP*, и по динамике основных групп пыльцы и спор. В нижнем, средневековом слое почвы, как и в нижней части прудовых отложений, наблюдается несколько большая доля трав (30%), в том числе сорняков (10%) и культурных злаков (1%). Среди деревьев также доминирует ольха, а доля широколиственных уменьшается снизу вверх от 8 до 3%.

Таким образом, в диаграммах обоих разрезов ясно выделяются два периода. Первый период – это время существования малодворного поселения с относящимися к нему полями (по-видимому, небольшими по площади), окруженного с одной стороны ольховым, с другой – смешанным дубово-еловым лесом (XIV в). Второго пери-

од – время существования поляны-сенокоса в лесу на месте оставленного поселения (XVII–XX вв.).

Этапы и методика раскопок

Первые, рекогносцировочные раскопки (48 кв. м) на селище были проведены 3–11 августа и 9–22 сентября 1984 г. Были зафиксированы следы ограждения усадьбы (ровик длиной более 6 м – яма 1) и подпечная яма жилого сооружения (яма 2). Находки и керамика имели аналогии с исследованным в 1981 г. закрытым комплексом на селище Лешково-2 первой половины XIV в. (МК, 1991. Табл. 61–63). Мониторинг памятника проводился 02.10.1997 и в июне 2008 г.⁶

Новый раскоп (96 кв. м) был заложен к западу от раскопа 1984 г., вплотную к нему (Чернов, 2009) (рис. 6, А, В). Общая исследованная площадь составила 144 кв. м (12×12 м). Нивелировочный план раскопа (рис. 6, А)⁷ фиксирует понижение рельефа в юго-западном направлении, в сторону оврага. Северо-восточный угол раскопа находится на отметке -39, а юго-западный -123 см. Дополнительное понижение фиксируется в северо-западной части раскопа, наиболее близкой к пруду (отметки от -80 до -100 см).

Для удобства фиксации слоев и находок раскоп был разбит на шесть участков (рис. 6, Б). Участки 1–3, расположенные в западной части раскопа, были раскопаны в 2009 г., участки 4 и 6 включили площадь старого раскопа, а участок 5 целиком пришелся на него (рис. 6, Б). Представление о стратиграфии верхнего слоя дали профили стенок раскопа (рис. 7) и профиль меридиональной бровки, заложенной в 1984 г. (рис. 8, И). Вначале снимался слой дерна, который тщательно перебирался в 5 м от края раскопа. Далее проводилась разборка культурного слоя – с первичным просмотром на лопате и с ручной переборкой. Слой складировался на бортах раскопа, которые предварительно были покрыты плотной полиэтиленовой пленкой (рис. 6, Г).

Разборка слоя производилась пластами толщиной 20 см, снимающимися в плоскости, параллельной современной дневной поверхности. Для получения более полной картины хозяйственной жизни поселения материал первого пласта частично, а второго пласта и заполнения ям полностью просеивался на ситах с ячейками размером 0,5 см (рис. 6, Г). Гумусированный суглинок просеивался с большим трудом, тем не менее через сита

⁶ Тогда же Институтом археологии РАН в Минкультуры Московской области были направлены сведения о памятнике, на основании которых он был поставлен на охрану.

⁷ Нивелировка производилась от репера (металлической трубы), установленного в 6 м к северу от СВ угла раскопа 2009 г., на вершине искусственной насыпи (рис. 4, в).

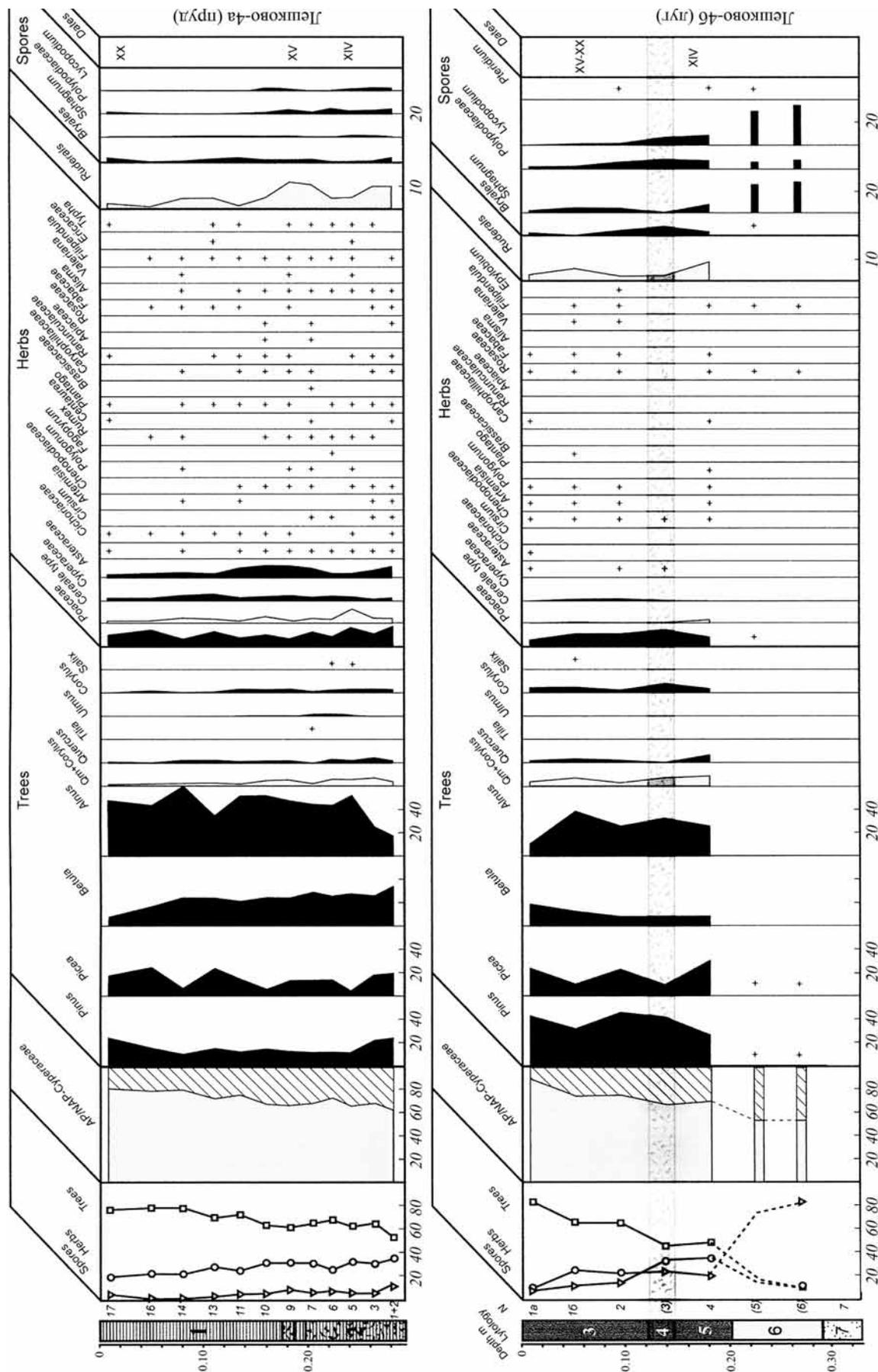

Рис. 4. Лешково-4. Споро-пыльцевые диаграммы разрезов
 1 – прудовые отложения; 2 – прудовые отложения, содержащие золу; 3 – гумусовый горизонт современной почвы; 4 – горизонт прокалывания;
 5 – гумусовый горизонт средневековой почвы; 6 – подзолистый горизонт средневековой почвы; 7 – бурый горизонт средневековой почвы

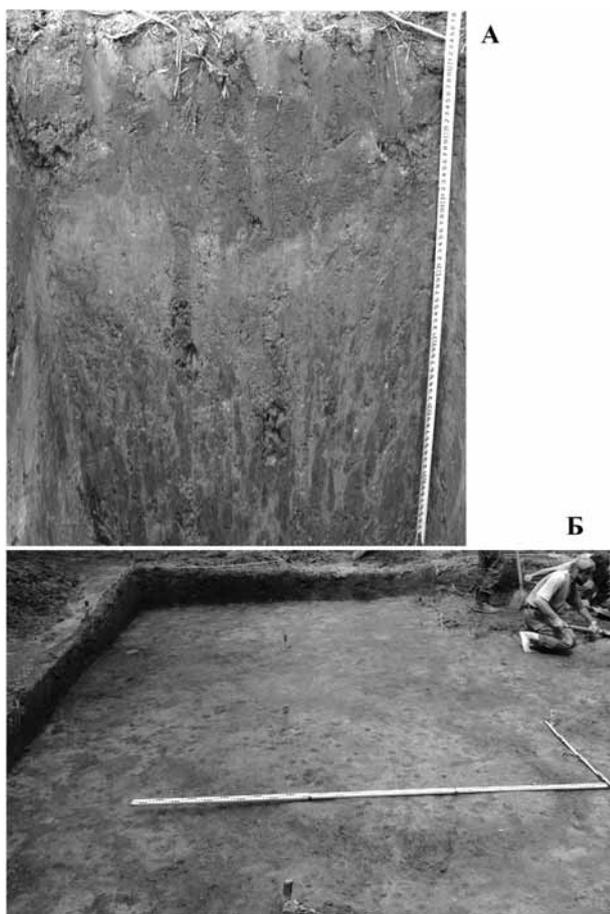

Рис. 5. Селище Лешково-4 (см. цв. вкл.)

А – почвенный профиль (юго-западный угол раскопа);
Б – мерзлотная структура палеопочвы овальной формы в зачистке материка. Вид с юга на участки 1 и 2

прошло более половины культурного слоя. Изучение полученных материалов показало, что каких-либо специфических мелких фракций находок (типа бисера или костей рыб) обнаружено не было. И все же благодаря просеиванию были получены мелкие обломки керамики, печины и камней (фракции размером менее 1×1 см). Особенностью культурного слоя Лешково-4, залегающего на глинах и перенасыщенного влагой, является то, что в нем практически не сохраняется кость. Поскольку камни могли использоваться жителями поселения при их хозяйственной деятельности, они взвешивались по квадратам.

А. В. Борисов провел химическое исследование культурного слоя и почв на предмет выявления маркеров хозяйственной деятельности в древно-

сти. Первый профиль (пробы по 5 см), заложенный в юго-западном углу раскопа (рис. 5, А), затронул культурный слой (пробы 1–4; от 0 до -20 см), переход к подзолу (проба 5 – от -20 до -25 см), подзол (проба 6 – от -25 до -30 см) и бурый горизонт почвы (пробы 7–12; от -30 до -60 см). Второго профиля, заложенного по границе кв. 12 и 34 (пробы по 2,5 см), отразил заполнение ямы 2 (пробы 13–17; от +2,5 до -10 см). Отмечено заметное обогащение культурного слоя на глубине 15–20 см биофильными элементами N и C и несколько большее содержание олова (Sn) в яме 2, чем в слое (рис. 9).

Значительные трудности возникли при интерпретации структур, выявленных в процессе зачистки материка. Наряду с надежно выделяемыми ямами, заполненными культурным слоем средневекового времени, в материке были прослежены куполообразные структуры (в зачистке они читались в виде овальных незамкнутых «канавок»), которые были интерпретированы А. Л. Александровским как палеопочвы – мерзлотные западины (рис. 5, Б). Контрольная прокопка западин не дала керамики или иных артефактов.

Ямы средневекового времени разбирались по пластам (крупные ямы выбирались по половинам). После завершения исследований культурных отложений материк вдоль стенок раскопа был прокопан на глубину одного контрольного штыка, что позволило на профилях отразить подстилающие культурный слой горизонты погребенной почвы (рис. 7). По окончании исследований участок был рекультивирован⁸.

Исследование верхнего слоя

Верхний культурный слой, залегающий под мощным слоем дерна (7 см), состоял из серого гумусированного суглинка, который на большей части раскопа имел мощность 30–40 см (рис. 7). Самая низкая мощность слоя была зафиксирована вдоль южного края раскопа (23–28 см). В центре раскопа (8×6 м) и вдоль его северной стенки мощность слоя достигала 40–48 см (рис. 10, А). Материк представлен подзолистым горизонтом погребенной почвы (5–15 см), пробитым норами грызунов. Его подстилал бурый суглинок или бурая глина (в западном профиле) (рис. 5, А).

Западная половина раскопа, которая копалась в 2009 г., включала участки 1, 2 и 3, расположенные с С на Ю. Под мощным слоем дерна (7 см) залегал

⁸ Фиксация С. З. Чернова с участием Е. Ю. Лебедевой. Геодезическое обеспечение – В. В. Петров. Земляные работы проведены учащимися московской школы «Интеллектуал» (директор школы Е. В. Маркелов, руководитель практики археолог П. А. Евдокимов) и студентами из г. Королев.

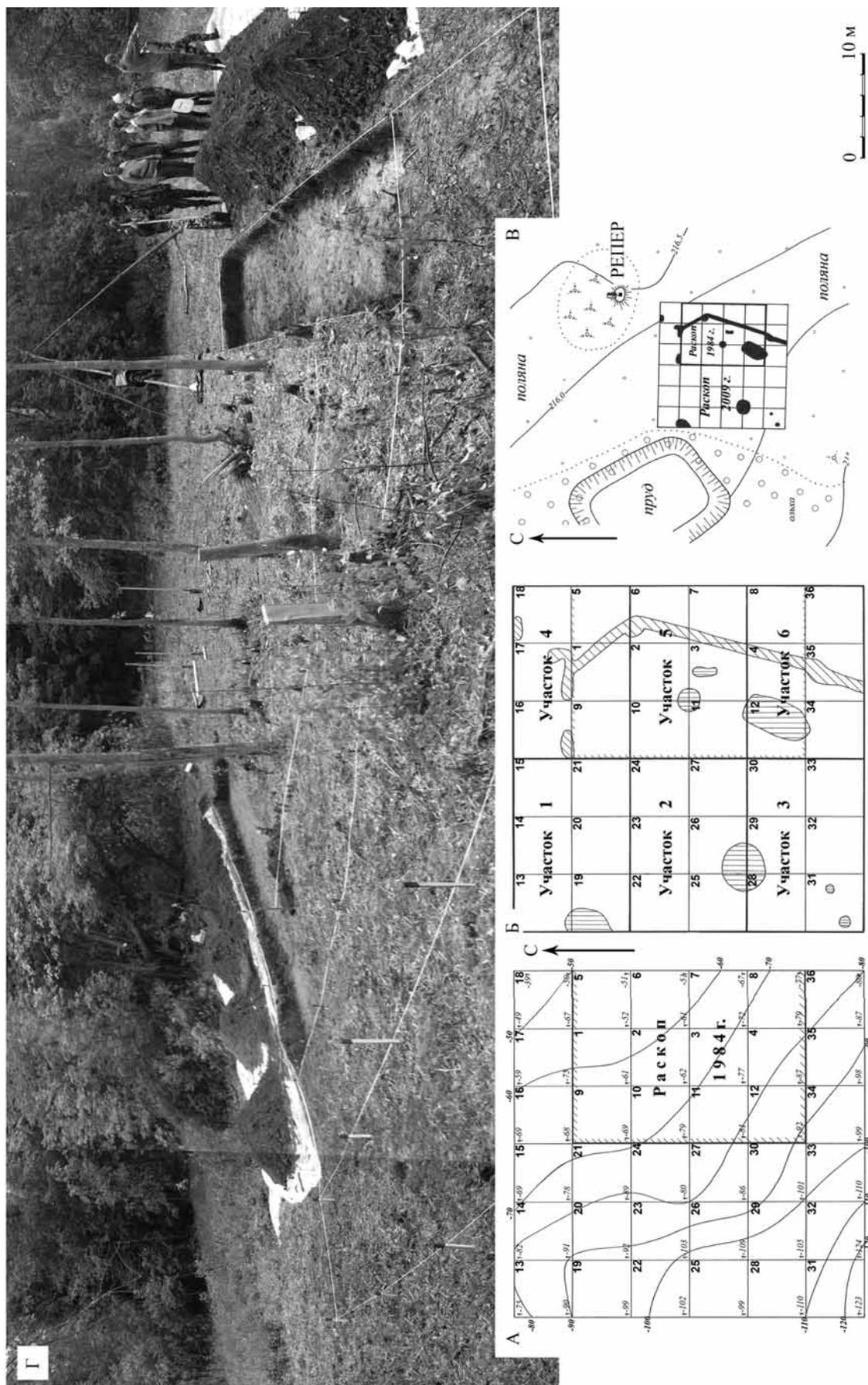
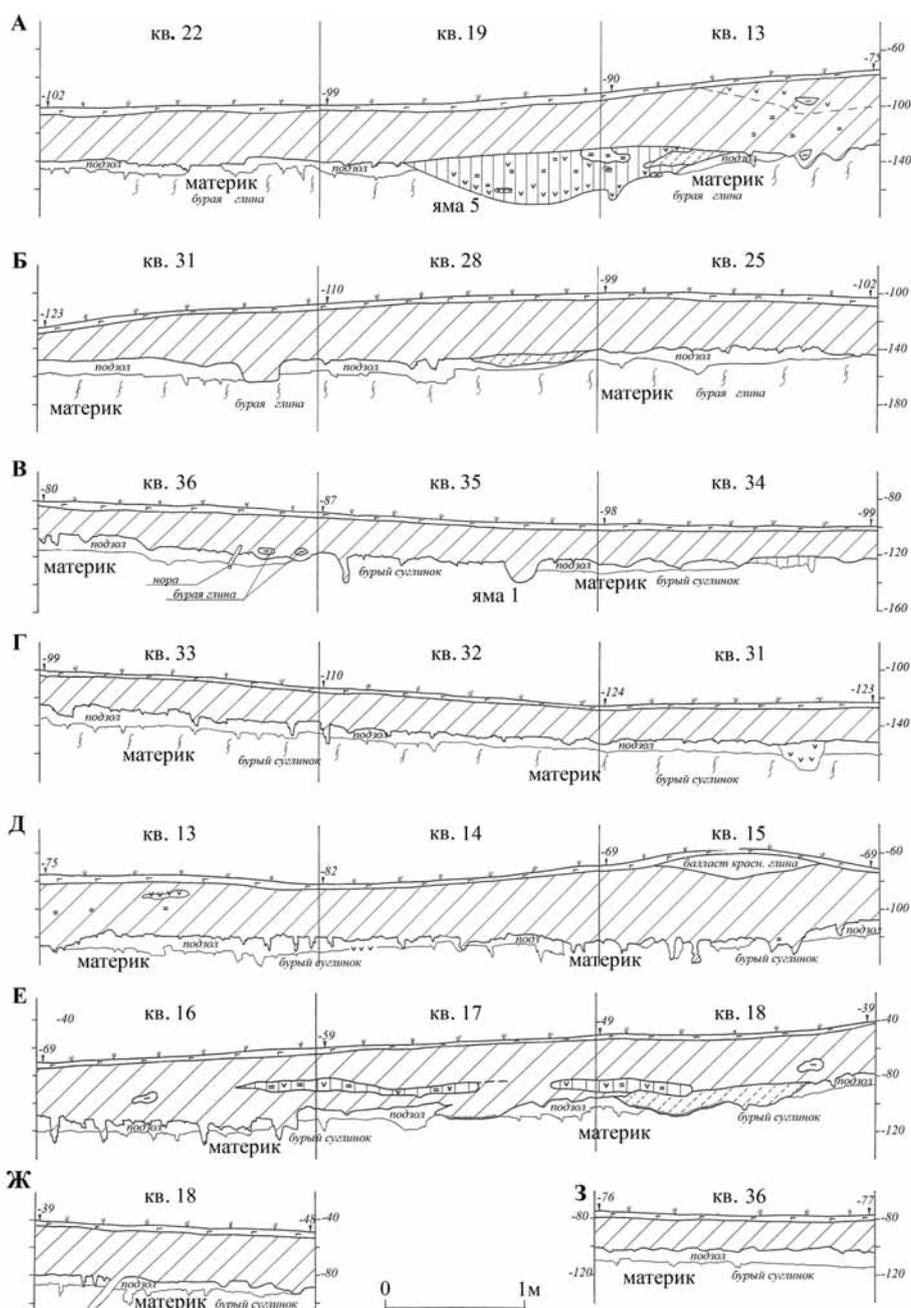

Рис. 6. Селище Лешково-4

А – нивелировочный план поверхности раскопа. Горизонтали проведены через 10 см; Б – схема разделения раскопа на участки (схематически показаны ямы в материке); В – ситуационный план раскопа относительно репера и пруда; Г – панорама раскопа с запада в начале разборки первого пласта

Рис. 7. Профиль западной стенки раскопа (А – северный участок; Б – южный участок). Профиль южной стенки раскопа (В – восточный участок; Г – западный участок). Профиль северной стенки раскопа (Д – западный участок; Е – восточный участок). Профиль восточной стенки раскопа (Ж – северный участок; З – южный участок)

серый гумусированный суглинок. *Участок 1* в северо-западной части раскопа (кв. 13–15, 19–21) отличалась высокая мощность слоя (30–48 см), причем максимальные значения (40–48 см) отмечались вдоль северной стенки раскопа и в юго-восточном углу участка, где вскрывалось два пласта (кв. 21, 15).

В пласте 1 встречена одна из наиболее интересных находок – серебряный нательный крестик с шариками на концах (рис. 11, А, 5 – кв. 21, гл. -80),

а также железные гвоздь (рис. 12а, В, 11, кв. 19, гл. -100) и поковка с заостренным концом (рис. 12а, В, 10, кв. 19, гл. -104). В пласте 2 найдены бытовые предметы из железа: сапожная подковка (рис. 12а, В, 20, кв. 19, гл. -117), крючок (рис. 12а, В, 21, кв. 21, гл. -105), гвоздь (рис. 12а, В, 27, кв. 13), подковный гвоздь (№ 31, кв. 20), игла (рис. 12а, В, 29, кв. 21, гл. -104) и фрагмент нутряного замка (рис. 12а, В, 30, кв. 21, гл. -130). Отсутствие изделий из ко-

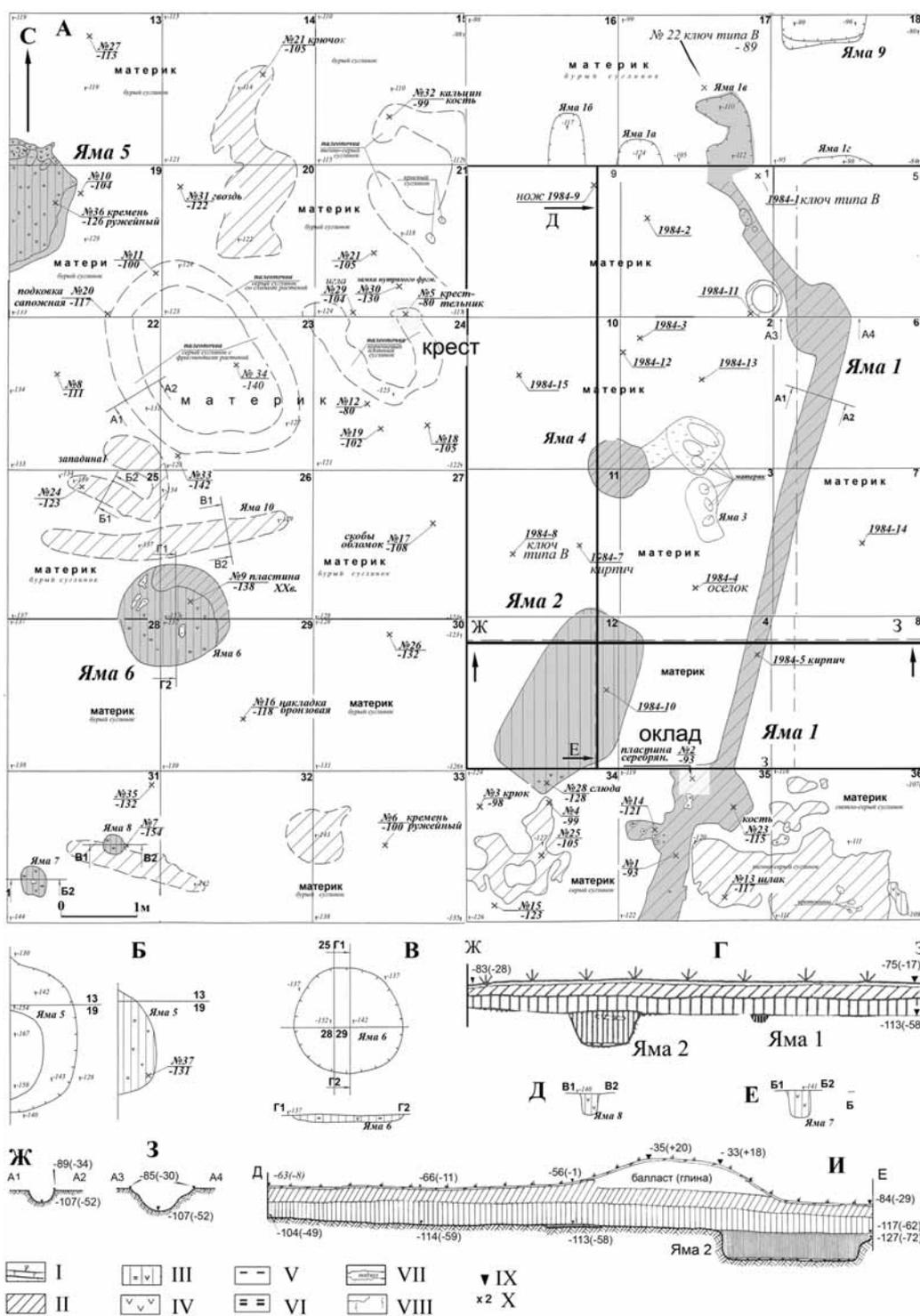

Рис. 8. Селище Лешково-4

А – план раскопа 1984 и 2009 гг. на уровне зачистки материка; Б – яма 5 в материке и на уровне зачистки второго пласта; В – яма 6 в материке и разрез по линии Г1–Г2 (вид с запада); Г – разрез ям 1 и 2 по линии Ж–З (вид с юга); Д – разрез столбовой ямки 8; Е – разрез столбовой ямки 7; Ж – разрез ямы 1 по линии А1–А2; З – разрез расширения ямы 1 по линии А3–А4; И – разрез ямы 2 по линии Д–Е (бровка, вид с запада, в скобках нивелировочные отметки 1984 г.).
 I – гумус; II – серый гумусированный суглинок (верхний слой); III – тесно-серый гумусированный суглинок с печиной и углем, заполнение ям в материке средневекового времени; IV – уголь; V – глина; VI – обожженная глина; VII – светлый суглинок – подзолистый горизонт погребенной почвы (материк); VIII – бурая глина – бурый горизонт погребенной почвы (материк); IX – нивелировочные отметки; X – находка и ее номер

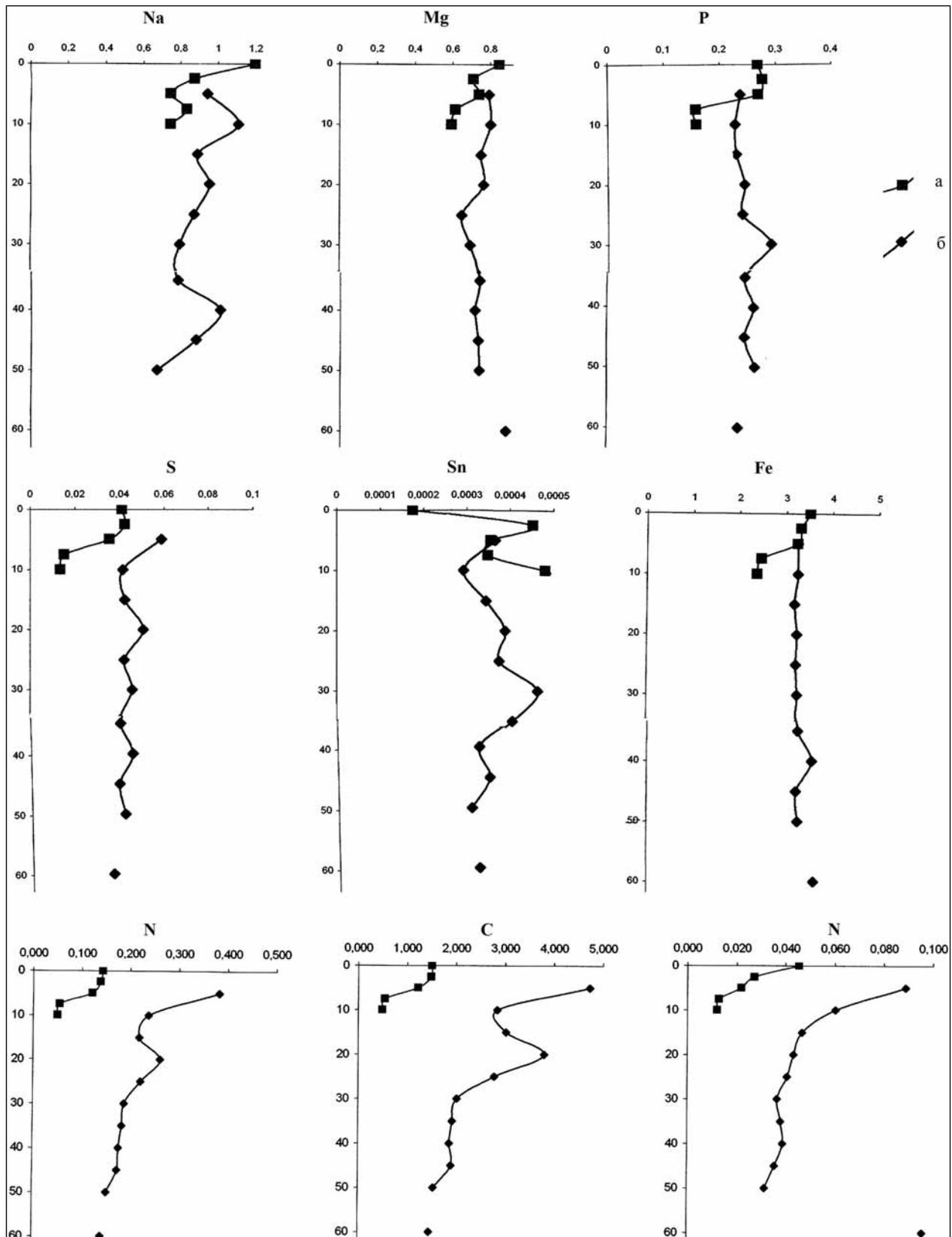

Рис. 9. Результаты химического анализа почв, проведенных А.В. Борисовым. Левая ось – глубины залегания пробы. Верхняя ось – количественный показатель химического элемента
а – яма 2; б – культурный слой и почва

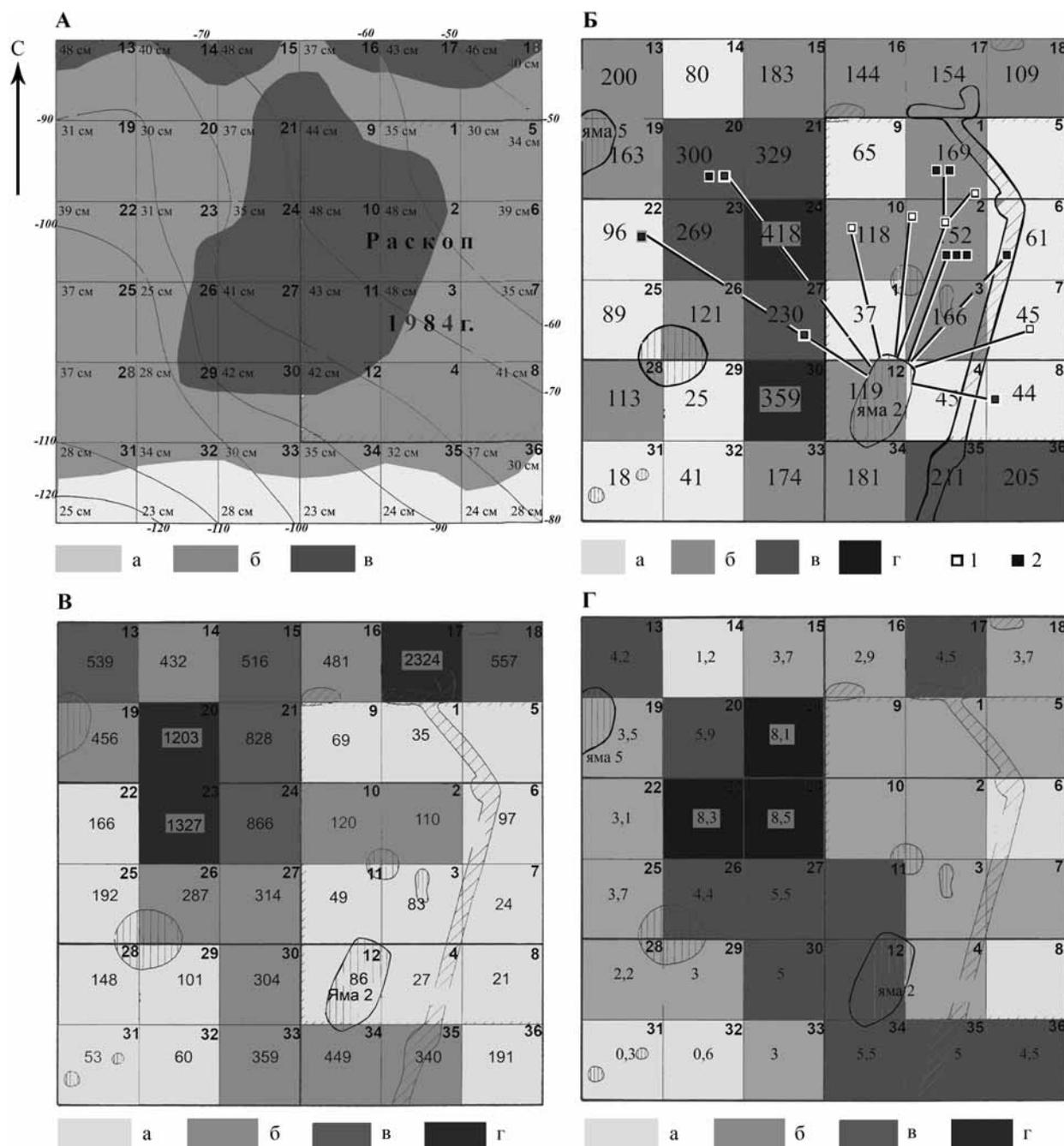

Рис. 10. Лешково-4. Раскоп 1

А – планиграфия мощности культурного слоя по данным нивелировочных отметок зачистки материка, откорректированных по профилям (мощность: а – 20–30 см; б – 30–40 см; в – 40–80 см); Б – планиграфия керамики с указанием количества фрагментов на квадрат 2×2 м – линиями указаны подклейки крупных фрагментов горшков (а – 0–100; б – 100–200; в – 200–300; г – 300–400). 1 – фр-т зафиксированный как находка; 2 – фр-т, происходящий из данного квадрата; В – планиграфия печины с указанием количества фрагментов на квадрат 2×2 м (для раскопа 1984 г. заливки удвоены с учетом того, что мелкие фракции не были извлечены; а – 1–200; б – 200–500 в – 500–1000; г – 1000–3000); Г – планиграфия камней, в том числе очажных, с указанием количества килограммов на квадрат 2×2 м (для раскопа 1984 г. вес камней рассчитан приблизительно с учетом того, что мелкие фракции не были извлечены; а – 0–1,9 кг; б – 2–4 кг; в – 4–6 кг; г – 6–10 кг)

сти компенсировалось кальцинированной костью (рис. 12а, Г, 32, кв. 15, пл. -99).

Слой насыщен керамикой, среди которой доминирует серая (рис. 10, Б). Число фрагментов кера-

мики составляет от 163 до 200 на квадрат, а в юго-восточной части участка достигает 300–329 фрагментов. Керамика и находки концентрировались в юго-восточной части участка и над ямой 5, что

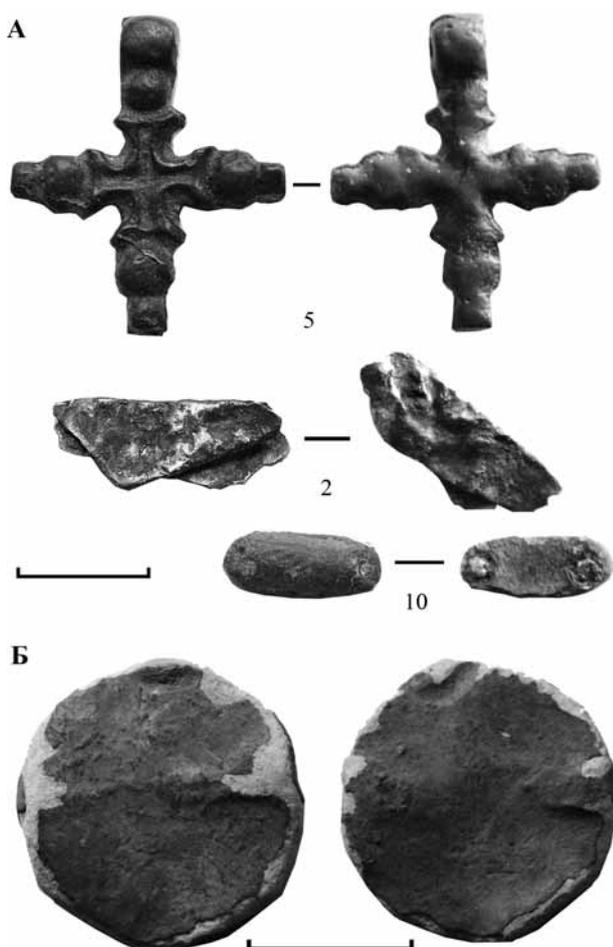

Рис. 11. Лешково-4. Раскоп 1. Находки

А – из серебра (2, 5) и бронзы (10). 2 – фр-т серебряного позолоченного оклада; 5 – крест-тельник серебряный с шариками на концах; 10 – накладка бронзовая с двумя штифтами для крепления; Б – свинцовая булла, предназначенная для скрепления грамот на пергамене, заготовка, найденная в 2000 г. к северу от раскопа 1984 г.

не противоречило их отнесению к раннему (основному) этапу жизни памятника. Исключение составляет ружейный кремь, который датируется XVII или XVIII в. (рис. 12а, Д, 36, кв. 19, -110). Распределение печины в целом повторяло распределение керамики (рис. 10, В). Ее много над ямой 5 (456–539) и еще больше – в кв. 20 и 21 (828–1203).

Зачистка материка (-98 в северо-восточном углу участка; -133 в юго-западном углу) показала, что материк понижается, как и дневная поверхность, с СВ на ЮЗ. При зачистке в кв. 13 и 19 открылась яма 5 округлой формы (рис. 13, Г). Длина ее с С на Ю равнялась 176 см, ширина – 90 см. Яма уходила в западную стенку раскопа. Заполнение ее состояло из темно-серого и черного гумусированного суглинка с вкраплениями печины и угля, главным образом в северной части ямы.

В кв. 11 и 21 на фоне бурого суглинка читалась структура овальной формы, заполненная темно-серым суглинком, имевшая вид незамкнутого кольца неправильной формы (2,7×1,3 м). Две близкие по форме структуры открылись в южной части участка (см. ниже). Аналогичные структуры, найденные на селищах Могутово-2, были интерпретированы А.Л. Александровским как мерзлотные западины.

На участке 2 (кв. 22–27) мощность культурного слоя составляла от 25 до 48 см, причем, как и на участке 1, нарастала в восточном направлении (более 40 см в кв. 24, 27) (рис. 10, А). В восточной части участка в нижнем горизонте слой имел более темный цвет за счет угля. Керамика многочисленна, как и на первом участке. От западных квадратов (89 и 96 фр.) и ямы 6 (в кв. 26 – 121 фр.) на восток ее концентрация растет, достигая 230–270 фрагментов в кв. 23 и 27, а в крайнем северо-восточном углу участка – 418 фрагментов – максимума по раскопу. Данная зона концентрации является продолжением зоны, описанной в 1-м участке. Общие ее размеры составляют примерно 4×4 м (рис. 10, Б). Она связана с зоной повышенной мощности культурного слоя (кв. 21, 24, 27), но несколько выступает за пределы последней на северо-запад (кв. 20, 23).

Примерно так же концентрируются и находки печины: от 166–192 фрагментов в западной части до 287–1322 в центральной и восточной частях. Однако пик печины фиксируется не в кв. 24 (как по керамике), а в кв. 23 (1322 фр.) (рис. 10, В). Аналогично распределяются и камни. Максимальное их количество зафиксировано в кв. 20, 21, 23 и 24 (более 8 кг) (рис. 10, Г).

В первом пласте встречено две находки XX в.: гильза от пистолета ТТ (№ 12, кв. 24, гл. -80) и пластина из цветного металла (№ 9, кв. 26, гл. -138), а также фрагмент железной поковки (рис. 12а, В, 8, кв. 22, гл. -11). Второй пласт дал фрагмент слюды (рис. 12а, Г, 34, кв. 23, гл. -140) и железные изделия периода Средневековья: обломок скобы (рис. 12а, В, 17, кв. 27, гл. -108), пластина (рис. 12а, В, 18, кв. 24, гл. -105), крючок, привешивавшийся к поясу (рис. 12а, В, 19, кв. 24, гл. -10), стержень (рис. 12а, В, 24, кв. 25, гл. -123) и полосу (рис. 12а, В, 33, кв. 23, гл. -142).

Таким образом, мы можем констатировать наличие зоны концентрации керамики, печины, камней и находок (кв. 20, 21, 23, 24), которая отражает эпицентр хозяйственной деятельности на раннем (основном) этапе жизни поселения.

В северной части участка были выявлены две кольцевые мерзлотные западины (3×2,1 и 1,9×1,3 м). Первая из них (в кв. 19, 20, 22, 23) (рис. 5Б) обра-

Рис. 12а. Лешково-4. Раскоп 1. Находки

В – находки из железа: ключ от цилиндрического замка типа В XIII – начала XV в. (22); крючки поясные для подвешивания (4, 19); ножа обломок (14); внутреннего замка (?) фрагмент (30); лезвия топора обломок (7); игла (29); скобы обломок (17); подковка сапожная (20), гвозди (11, 15, 27, 35), костыль (26), крючок (21), стержни (1, 24), полоса (33), поковки (3, 8, 10, 25, 37); *Г* – фрагменты слюды (28, 34) и кальцинированных костей (23, 32); находки позднего времени: ружейный кремь от мушкетов (6, 36); *Д* – керамика и находки из верхнего слоя раскопа 1984 г.

зована «канавками» (глубина 7 см), заполненными серым суглинком с фрагментами перегнивших растений. Вторая заполнена коричневым плотным суглинком, имеющим мощность несколько сантиметров. Третья структура (глубина до 20 см) заполнена серым суглинком.

В кв. 25, 26 при зачистке материка выявлено темное продолговатое пятно (3,10×0,35 м, глуби-

на 5 см), получившее название ямы 10 (рис. 8). В южной части участка, в кв. 25, 26, при зачистке четко проявилась яма б округлой формы диаметром 1,45 м.

Обращаясь к участку 3 (кв. 28–33), следует отметить, что зона высокой мощности слоя, которая описана выше, заканчивалась в северной части кв. 29, 30 (до 42 см). Далее в южном направлении наблюдалось

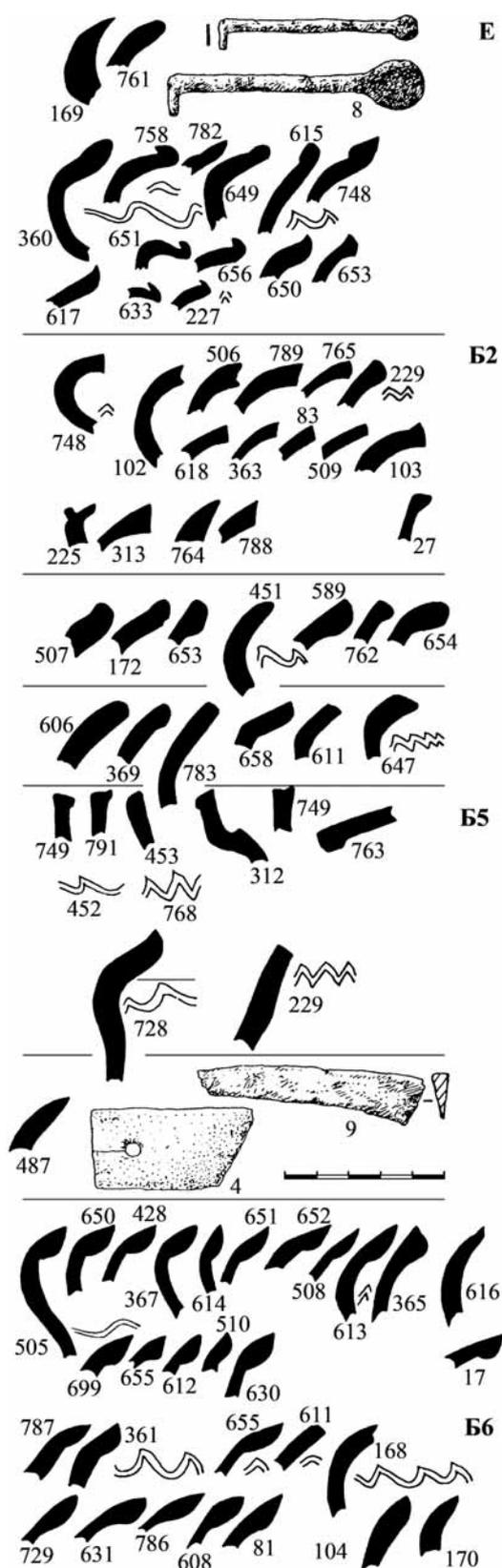

Рис. 126. Лешково-4. Раскоп 1. Находки

быстрое падение мощности слоя, и у южной стенки раскопа она составляла 23–28 см. В первом пласте найден обломок лезвия железного топора (рис. 12а, В, 7, кв. 31, гл. -134) и еще один ружейный кремь XVII–XVIII вв. (рис. 12а, Д, 36, кв. 33, гл. -100), а в пласте 2 – железный костыль (рис. 12а, В, 26, кв. 30, гл. -132), массивный гвоздь длиной 11,5 см (рис. 12а, В, 35, кв. 31, гл. -132) и овальная бронзовая накладка с двумя штифтами для крепления (рис. 11, 10, кв. 29, гл. -118).

Керамика на участке 3 встречено значительно меньше, чем на первом и втором. В западной и центральной части участка ее количество падает до минимальных по раскопу значений (18–113 фрагментов в кв. 28, 29, 31, 32). Зато в восточных квадратах ее количество достигает 174 (в кв. 33) и 359 (в кв. 30) фрагментов. Здесь раскоп 2009 г. вошел в зону концентрации керамики в районе ямы 2, которая была исследована в 1984 г. и к описанию которой мы вскоре обратимся (рис. 10, Б).

Планиграфия печины дает ту же картину: от 53–148 фрагментов на квадрат в западной и центральной частях участка до 304–359 – в двух восточных квадратах (рис. 10, В). Повторяет ту же закономерность и распределение камней: от 0,6–0,3 кг в юго-западном углу раскопа (кв. 31, 32) до 5 кг в северо-восточном углу участка (кв. 30) (рис. 10, Г). Распределение керамики, печины и камней соответствует мощности слоя с тем лишь различием, что их много в кв. 33, где мощность слоя минимальна (рис. 10, А).

В зачистке материка (от -123 до -144 см) исследована яма б, расположенная на стыке с участком 2 (рис. 8, В). Она имела округлую форму и размеры 1,45×1,36 м. Ее заполнение – темный гумусированный суглинок с вкраплениями угля и печины. В северо-западной части – вкрапления материковой глины, а в северо-восточной – темно-серый суглинок, аналогичный основному культурному слою. В кв. 31 прослежены две круглые столбовые ямки – 7 (0,36×0,4 м, глубина 35 см) и 8 (диаметр 0,3 м, глубина 28 см) (рис. 8, Д, Е).

Восточная половина раскопа в основной своей части копалась в 1984 г., поэтому вначале верхний слой будет описан по результатам работ того времени, а затем дополнен данными 2009 г., полученными при раскопках двух линий квадратов, которые охватывали раскоп 1984 г. с севера и юга (рис. 8).

Под мощным слоем дерна (7 см) залегал серый культурный слой. Зачистка первого пласта не выявила материка или каких-либо пятен или объектов в слое. Нижний горизонт слоя (пласт 2) отличался

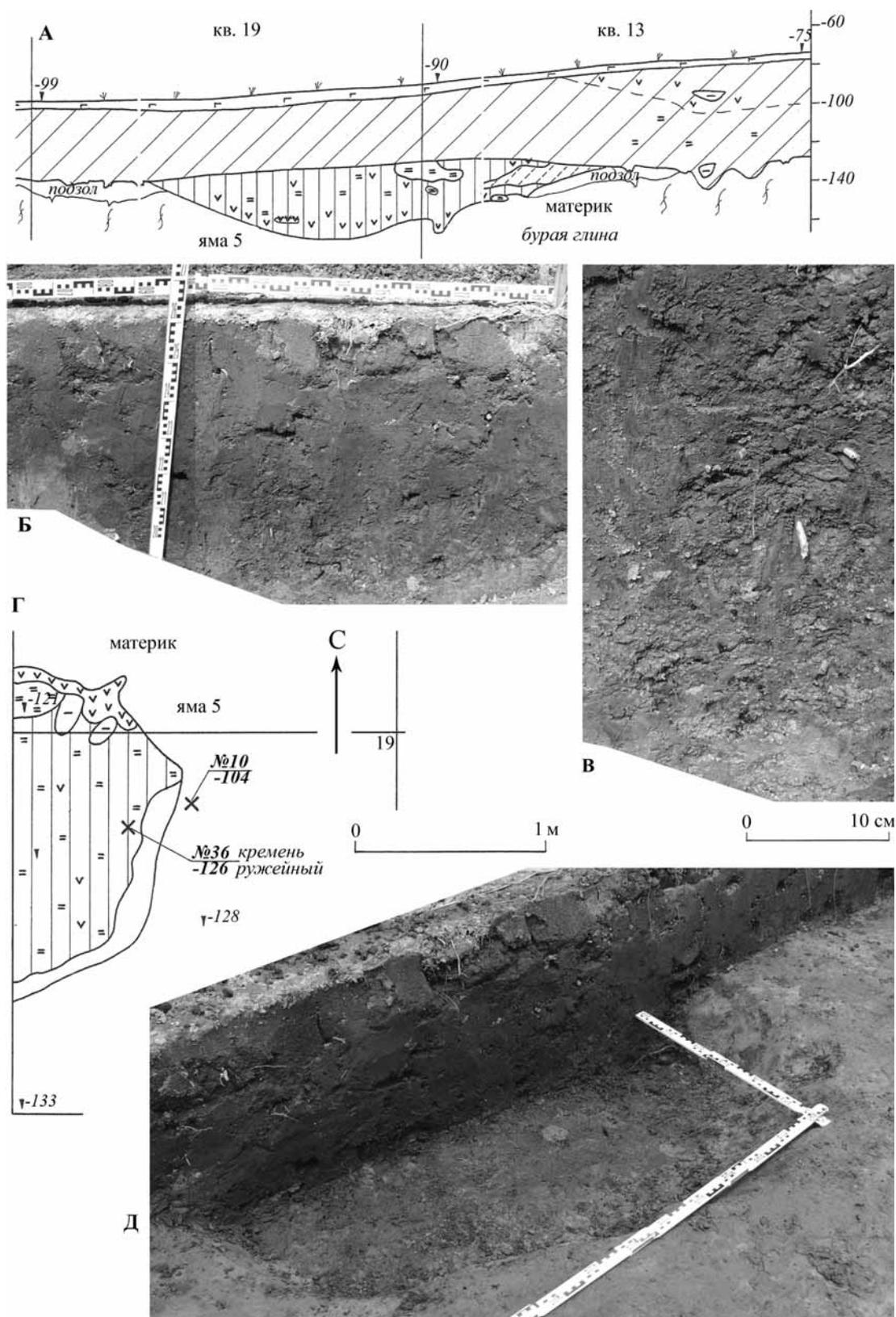

Рис. 13. Селище Лешково-4. Яма 5

А – разрез ямы по линии север – юг (профиль западной стенки раскопа – чертеж); Б – то же, фото; В – то же, фото структуры заполнения (печина, уголь); Г – план ямы в зачистке материка; Д – вид ямы с юго-востока в процессе выборки

от верхнего несколько более темным цветом и был обозначен как серо-черный. Он включал уголь и мелкую крошку пещины и напоминал заполнения построек, залегающие *in situ*. Не будучи нарушен распашкой, слой в верхнем горизонте в какой-то мере утратил свою исходную структуру и был немного обеднен гумусом. Опираясь на данные палинологического исследования, можно утверждать, что это произошло в результате развития луговой растительности, которая на протяжении 400 лет формировала на базе культурного слоя гумусовый горизонт почвы.

Как в первом, так и во втором пластах была встречена курганная, серая (абсолютное большинство) и красноглиняная грубая посуда. Поздняя белоглиняная грубая, белоглиняная гладкая и чернолощенная керамика, обломки пещины и камней имели характер незначительной примеси (3,3%). Поздняя керамика не концентрировалась на каком-либо участке. Поэтому планиграфия керамики отражала интенсивность бытовой хозяйственной деятельности раннего (основного) этапа жизни поселения. Керамики было значительно больше в центральном и западном рядах квадратов и меньше в восточном ряду. Видимо на участках, попавших в центральную и западную части раскопа 1984 г., велась более активная хозяйственная деятельность. Распределение курганной керамики дает ту же картину. Это указывает на то, что курганная керамика входила в набор посуды хозяйственного комплекса, основное место в котором занимала серая посуда.

В первом и втором пластах раскопа 1984 г. было собрано, соответственно, 322 и 359 фрагментов глинобитной печи (в коллекции 44 и 63). Распределение пещины напоминает распределение керамики. Ее больше в западной части раскопа 1984 г., особенно в кв. 2 и 10. Следовательно, разрушенная печь была, скорее всего, связана с тем жилым сооружением, к которому относится серая керамика. Среди 29 фрагментов, сохранивших одну обработанную поверхность (Чернов, 1984. Фото 69, 71–79), 12 покрыты белой обмазкой (Чернов, 1984. Фото 75–79). Три фрагмента сохранили две гладкие поверхности (один покрыт обмазкой) и имеют толщину 9–12 мм (Чернов, 1984. Фото 80–83) – может быть, это части свода печи. На одном из обломков читается отпечаток пальца человека (Чернов, 1984. Фото 68), на двух других – оттиски деревянных конструкций (Чер-

нов, 1984. Фото 86, 87) и следы нагара (фото 79). Особняком стоят четыре фрагмента керамического изделия (или конструкции) из красной хорошо замешанной и не имеющей примесей глины, на которых читается оттиск доски. Фрагмент 216 (5×3 см) сохранил торцовую часть с рядом из четырех вдавлений (Чернов, 1984. Фото 90) (пещина из раскопа 2009 г. показана на рис. 14).

Из находок первого пласта следует отметить каменный оселок с круглым отверстием (рис. 12б, Е, 4), обломки камня со следами обработки (№ 1984–6) и грубоформованного кирпича толщиной 5 см (№ 1984–7). Особый интерес представляет обломок кирпича (№ 1984–5, кв. 4), сформованного из светлой глины с добавкой толченого камня. Кирпич сохранил две свои боковые поверхности, толщина его 6,3 см. Одна поверхность сохранилась хорошо (10,0×9,5 см), другая прослеживается хуже (6×3 см). Кроме того, сохранилась поверхность тычка (5,5×6,0 см). Судя по степени прокаленности, кирпич подвергался воздействию температуры более 1000 °С. На его поверхности сохранились четыре участка с накипью шлака. Видимо, он использовался при сооружении горна⁹. Во втором пласте найдены два ключа от цилиндрических замков типа В, которые датируются концом XII – началом XV в. (рис. 12б, Е, 1, 9), фрагмент бронзовой проволоки длиной 5 см (№ 1984–2) и железная проколка (кв. 2, № 1084–3).

Планиграфия камней повторяет распределение керамики и пещины (рис. 10): большая часть их встречена в западной и центральной полосе квадратов, особенно в кв. 12 и 10 (рис. 10, Г).

Зачистка материка была затруднена в 1984 г. из-за избытка влаги, но пятна культурного слоя в материке читались отчетливо. В восточной половине раскопа была зафиксирована яма 1 – прямая полоса черного культурного слоя шириной 0,25–0,3 м и длиной 6 м (рис. 8, кв. 2–7). Полоса была ориентирована по линии ЮЮЗ–ССВ и уходила в южную стенку шурфа. Ее заполнение напоминало по структуре серо-черный слой, но имело интенсивный черный цвет за счет мелких углей. В северной части, на границе 5-го и 6-го квадратов, полоса смыкалась с пятном, напоминавшим следы столбовой (?) ямы (0,8×0,85 м). К северо-западу от пятна прослежена узкая (10–23 см) полоса культурного слоя длиной 2,1 м, которая уходила в северную стенку раскопа (отчетливо читалась лишь ее северо-восточная кромка).

⁹ Определение проведено доктором геолого-минералогических наук П.В. Флоренским (Институт нефти и газа им. Губкина).

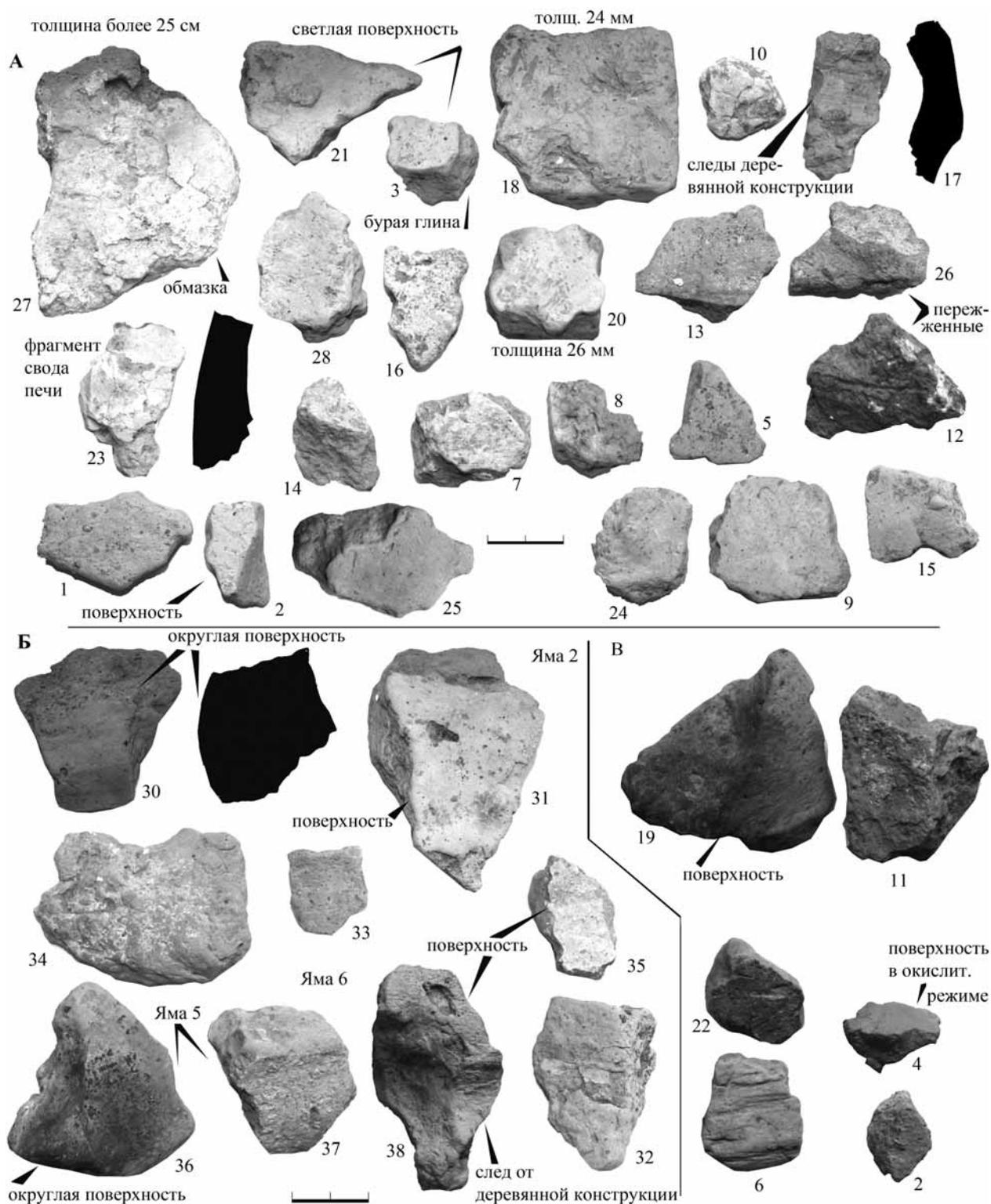
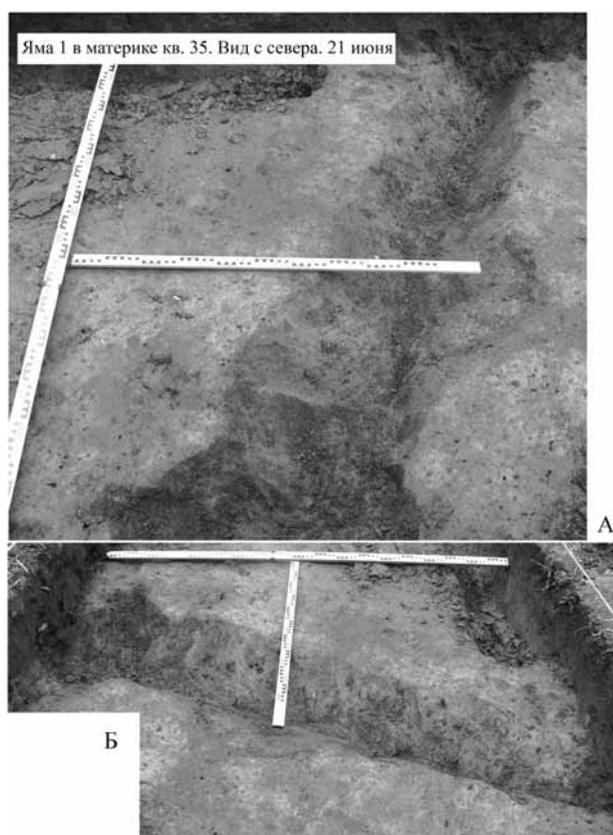

Рис. 14. Лешково-4. Печина из раскопа 2009 г.

А – фрагменты глинобитной печи из первого и второго пластов; Б – печина из заполнения ям 2 (30–35), 5 (36, 37) и 6 (38); В – нестандартные фрагменты печины из первого и второго пластов

Рис. 15. Яма 1 (следы ограды усадьбы) в материке в кв. 25.

А – вид с севера; *Б* – вид с запада

В 2 м к западу от ямы 1 в зачистке зафиксированы небольшое округлое пятно темно-серого слоя (0,8×0,7 м) и рядом два других. Выборка показала, что это заглабления культурного слоя мощностью 5 см. В юго-восточном углу кв. 1 прослежена кольцевая структура палеопочвы (диаметр 45 см, ширина кольца 7 см).

В 1,5 м к 3 от ямы 1 в материке открылись следы наиболее крупного сооружения – *ямы 2*. Она представляла собой пятно черного культурного слоя интенсивного цвета (благодаря наличию угольков) подпрямоугольной формы (южная часть шире, чем северная) размерами 2,3×1,3 м, с закругленными углами. В южной части пятно уходило в южную стенку раскопа.

Исследованная в 2009 г. полоса квадратов к северу от раскопа 1984 г. вскрыла слой мощностью 35–46 см, который так же, как и вышеописанный, состоял из двух горизонтов. Это особенно четко стало видно в зачистке первого пласта, зафиксировавшей два пятна серо-черного суглинка с угольками и мелкой печиной. Одно, округлое (1,3×1,4 м), в кв. 16 на отметке -95, было окружено

темно-серой супесью, второе (3,0×1,8 м), в кв. 17, 18 на отметке -89, уходило на территорию старого раскопа. Ниже залежали прослойки серой супеси и серого суглинка.

Индивидуальная находка была встречена лишь одна, но весьма информативная – железный ключ от цилиндрического замка типа В конца XII – начала XV в. (рис. 12а, *В*, 22, гл. -89). Количество керамики на участке было несколько выше среднего по раскопу (109–154 фр. на квадрат) с наибольшим числом в кв. 17 (рис. 10Б). Соответственно в нем было встречено пиковое количество печины (2324 обломка). Впрочем, и на соседних квадратах печины отмечено немало (481 и 557 фрагментов) (рис. 10, *В*). Примерно так же распределялись и камни (от 2,9 до 4,5 кг в кв. 17, рис. 10, *Г*). Высокие показатели мощности слоя, количества керамики, печины и камней дают основания предполагать, что к северу от раскопа, по всей видимости, располагаются следы еще одной усадьбы.

При зачистке материка, которая была проведена на отметках -80 (в восточной части участка) и -105 (в западной части участка), обозначилось завершение ямы 1, два заглабления слоя и небольшая *яма 9* (1,1×0,4 м), которая уходила в северную стенку раскопа (рис. 8).

Исследованная в 2009 г. полоса квадратов к югу от раскопа 1984 г. дала неоднозначную картину. Мощность слоя здесь падала с севера на юг от 37 до 23 см. Несмотря на падение мощности слоя, на этом участке найдено много керамики (от 181 до 211 фрагментов на квадрат; рис. 10, *Б*), печины (от 181 до 449 фрагментов на квадрат; рис. 10, *В*) и камней (4,5–5,5 кг; рис. 10, *Г*). Индивидуальные находки были также многочисленны. Найдена свернутая в три слоя тонкая серебряная пластина с штампованным орнаментом (рис. 11, 2, гл. -93 см, о ней ниже). Остальные находки – из железа: стержень (рис. 12а, *В*, 1, гл. -93), крюк (рис. 12а, *В*, 4, гл. -98), поясной крючок с ушком для подвешивания (рис. 12а, *В*, 4, гл. -99), фрагмент ножа (рис. 12а, *В*, 14, гл. -121), гвоздь (рис. 12а, *В*, 15, гл. -123) и пластина (рис. 12а, *В*, 25, гл. -105). Встречены также железный шлак (№ 13, гл. -117) и обломок кальцинированной кости (рис. 12а, *Г*, 23, гл. -115). Скорее всего, эти находки тяготеют к яме 2. В зачистке материка был прослежен край ямы 2 (0,9×0,4 м) и выявлено продолжение протяженной полосы культурного слоя (яма 1). Прослежено ее расширение округлой формы (1×0,8 м) и полоса шириной 0,5 см, которая уходит в южную стенку раскопа (рис. 8; рис. 15).

Керамика, печина и камни верхнего слоя

Всего в верхнем слое встречено 5479 фрагментов керамики (1026 в 1984 г. и 4453 в 2009 г.) (Чернов, 1984, С. 52; 2009. табл. 1–7)¹⁰. Керамика подразделяется на две четко разграничиваемые группы, которые относятся к различным периодам¹¹. Керамика раннего (основного) периода разделяется на курганную (2,6%), серую (47,7%), красноглиняную грубую (12,3%) и стенки размерами 1×1 см, которые невозможно связать с одним из этих трех типов (33,5%). Керамика позднего периода (всего 3,9%) включает красноглиняную гладкую (1,5%), белоглиняную грубую (1%), белоглиняную гладкую (1,1%) и мореную и чернолощеную столовую посуду (6,3%). Подобное соотношение характерно для конца XV – второй половины XVI в.

Без учета керамики позднего периода и плохо определенной процентное соотношение типов посуды раннего времени равнялось: курганная/серая/красноглиняная грубая – 4/71,8/18,5%. По венчикам это соотношение составляло 2,2/83,5/14,3%. Соотношение по венчикам в целом подтверждает верность расчетов, произведенных без учета трудно определенной керамики. Тем не менее оно способно несколько исказить картину. Поскольку курганной посуды на памятнике вообще немного, опора на венчики (их всего 6) ненадежна. Подсчет же стенок более представительен, так как курганные сосуды, по большей части сплошь покрытые глубоко прочерченным горизонтальным орнаментом, выделяются по стенкам уверенно. Поэтому опускать процент курганной посуды ниже 4% не представляется обоснованным. Что касается венчиков красноглиняной грубой посуды, то, возможно, полученные по ним результаты (14%) следует принять. В то же время следует учесть, что некоторая часть серой (по технологическим характеристикам и формам) керамики имеет орнамент, типичный для красноглиняной посуды (косая волна). В итоге получаем соотношение: курганная/серая/красноглиняная грубая как 4/82/14%. Подобное соотношение характерно для комплекса Лешково-2 первой половины XIV в. (5/82/13%) (МК, 1991. С. 28). Как и в нем, в Лешково-4 богато представлены основ-

ные варианты серой керамики: одна с валиком изнутри, две с эллипсоидным валиком снаружи, шесть со срезанными венчиками (рис. 12б, Е).

Планиграфия керамики (рис. 10, Б) показывает, что зона ее максимальной концентрации (от 250 до 418 фрагментов) расположена в центре раскопа (кв. 20, 21, 23, 24, 27, 30), к В от ямы 5 и к С от ям 2 и 6. С учетом данных 1984 г. можно говорить также о более широкой зоне концентрации, которая распространяется на В вплоть до кв. 1–3. Эта более широкая зона концентрации, видимо, отражает зону активной хозяйственной деятельности усадьбы, которая на В ограничена следами ограды (яма 1). Кроме того, выделяются три локальные зоны концентрации керамики (от 100 до 200 фрагментов на квадрат): в районе ямы 5 в северо-западном углу раскопа (кв. 13, 19), вдоль северной стенки раскопа (кв. 15–18) и в юго-восточном его углу (кв. 33–36).

Планиграфия печины (рис. 10, В) почти повторяет планиграфию керамики. Зона максимальной концентрации (от 800 до 1300 фрагментов) расположена в центре раскопа (кв. 20, 21, 23, 24), к востоку от ямы 5 и к северу от ямы 6 и распространяется на юг (кв. 27, 30, 33) на пространстве между ямами 2 и 6¹². Вторая зона концентрации фиксируется, как и по керамике, вдоль северного края раскопа, причем здесь в кв. 17 отмечен максимальный для всего раскопа показатель (2324 обломка).

Планиграфия камней дает такую же картину (рис. 10, Г). Ее можно было бы объяснить увеличением количества камней с ростом мощности (то есть объема) культурного слоя. Однако такое объяснение (само по себе справедливое) не полностью описывает планиграфию камней, так как их много в кв. 23, расположенном по большей части за пределами пятна 40–48-сантиметровой мощности (рис. 10, А). В связи с этим возникают основания полагать, что некоторая часть камней связана с отопительными сооружениями наземной постройки.

Определение камней провел доктор геолого-минералогических наук профессор П. В. Флоренский. Осмотру подвергся весь материал из раскопа 1984 г. Учитывая его однородность, дальнейшее определение было проведено лишь для камней из за-

¹⁰ Керамическая коллекция 1984 г. включает материал из проб (1–12), верхнего слоя (13–856), ямы 1 (857–873), ямы 2 (874–978). Коллекция 2009 г. – материал из ямы 1 (979–985), ямы 2 (986–1013), ямы 5 (1014–1038), ямы 6 (1039–1045) и ямы 7 (1046).

¹¹ Процентное соотношение опирается на статистику керамики по раскопу 2009 г. как более точную. Керамика из верхнего слоя будет опубликована в специальной статье.

¹² На плане, отражающем количество фрагментов печины, раскоп 1984 г. «проваливается». Это объясняется тем, что он копался без просеивания на ситах и количество обломков печины здесь оказалось сильно занижено (рис. 10, В).

Таблица 2. Минералы селища Лешково-4.

Местоположение	Заполнение ямы 2	Состав, %	Пласт 1, кв. 2	Состав, %	Пласт 2, кв. 2	Состав, %
Белые мелкокристаллические граниты	61 (3 с явными следами обжига)	34	15	21	8	32
Розовые мелкокристаллические граниты	5	2,8	–	–	2	8
Крупнокристаллические граниты	33 (2 с явными следами обжига)	18,2	11	16	5	20
Кремни	29	16	17	25	5	20
Кварциты шокшинские розовые	23	13	5	8	4	16
Габброиды	25	14	14	20	–	–
Известняк	2	1	2	3	–	–
Сланец	1	0,5	–	–	–	–
Галька кварца	–	–	5	7	1	4

полнения ямы 2 (в 1984 г. было собрано 180 камней) и двух проб, взятых из слоя.

Камни из заполнения ямы 2 охарактеризованы П.А. Флоренским так: «Проба 1 состоит из камней до 5–7 см. Преобладают камни 3×5 см. Весь камень колотый. Обращает внимание полное отсутствие окатанных обломков. Необычно мало крупнозернистых гранитов. Самая большая группа – белые мелкокристаллические (аплитовые) граниты. Это крепкие вязкие разности. В отличие от крупнозернистых гранитов, плохо дробятся. Крупнозернистые граниты очень разрушены (может быть, от обжига). На белых мелкозернистых гранитах хорошо видны следы обжига: красная корочка (при выветривании образуется бурая корочка). Мало шокшинских розовых кварцитов. Все они – осколки. Присутствуют основные габброиды. Их мало. Найдено два маленьких известняка».

Проба № 2 из верхнего слоя (пл. 1. кв. 11) дала несколько иную картину: «В отличие от пробы № 1 есть несколько (5) галек кварца. По сравнению с первой пробой очень много (до 20%) основных пород и почти столько же мелкозернистых гранитов (в первой пробе последние преобладали). Все кремни остроугольные отколотые. Впечатление, что состав пробы другой. В первой пробе было больше отколотых кусков».

Таким образом, минеральный состав камней в слое и в заполнении ямы однороден. Очажные камни уверенно выделяются в заполнении ямы 2, тогда как в слое (раскопа 1984 г.) их меньше. В свя-

зи с этим в 2009 г. камни, имеющие следы термической обработки, фиксировались специально и были обнаружены в кв. 22 и 24 (рис. 16).

Сравнение планиграфии керамики, печины и камней в верхнем слое с его мощностью показывает, что в целом они совпадают и демонстрируют единую зону концентрации в центральной части раскопа к западу от ямы 1, которая, видимо, отражает жилое строение усадьбы (рис. 10). В своей северной части раскоп затронул другую зону концентрации керамики и печины (на камни это не распространяется), которая маркирует еще одну усадьбу, не попавшую в зону исследования.

Не менее информативны и различия в планиграфии концентраций культурного слоя, с одной стороны, и керамики и печины – с другой. Так, зона максимальной концентрации керамики и печины (кв. 20, 23) немного смещена к северо-западу по отношению к зоне повышенной (более 40 см) мощности культурного слоя. Локальная зона концентрации керамики прослеживается и у ямы 5 (кв. 13, 19 в северо-западном углу раскопа), что не обусловлено особой мощностью слоя. Кроме того, в южной части раскопа, где культурный слой имел наименьшую мощность, в кв. 33–36 наблюдается довольно высокое содержание керамики. Все это свидетельствует: повышенное содержание керамики не является автоматическим следствием большей мощности культурного слоя, но несет информацию о том, что в данных местах активно велось домашнее хозяйство.

Исследование ям

Выборка полосы культурного слоя, прослеженной в зачистке на пространстве в 11,5 м (яма 1), показала, что это канавка (ширина в среднем 0,3 м, глубина 8 см; рис. 8, Ж) полукруглая в разрезе, что дает основание рассматривать ее в качестве следа сгнившего бревна. В районе расширения ямы (на границе кв. 5 и 6) глубина ее достигала 22 см. Верхняя часть стенок здесь пологая, на глубине 20 см от края следовал уступ, после которого стенки круто обрывались ко дну (рис. 8, З). Северная оконечность ямы 1, доследованная в 2009 г., имела глубину 10–15 см. Раскрытие, проведенное к югу от раскопа 1984 г., показало, что канавка продолжается далее к югу. Здесь, в 6 м от первого расширения, было прослежено второе расширение (0,6 м) глубиной 23 см. Далее следовал участок обычной ширины глубиной 18 см. Обнаружение двух расширений на расстоянии 6 м друг от друга дает основание предполагать, что конструкция состояла из прясел длиной 6 м, сложенных из бревен средней толщины, которые могли крепиться в пазы, устроенные в столбах. Если данная реконструкция верна, яму 1 нужно интерпретировать как ограду усадьбы. Отсутствие следов каких-либо конструкций к 3 от нее исключает возможность ее интерпретации как след наземного сруба.

В заполнении ямы 1 встречена курганная (2), серая (18) и красноглиняная грубая (2) посуда. Присутствие курганной керамики маркировано фрагментом толщиной 7 мм, который прошел неполный окислительный обжиг. В изломе черепок темно-серый, а на поверхности – бурый, с кварцитами до 3 мм (рис. 17, 979, см; также 980 толщиной 7 мм черного цвета). Серая керамика представлена срезанным венчиком 6-го и 4-го вариантов (рис. 18, Б, 857, 858). Остальная керамика технологически более совершенна. Толщина стенок – 4–6 мм, черепок в изломе и на поверхности бурый, что свидетельствует о более качественном обжиге. В качестве примеси в тесте использован мелко- и среднезернистый песок. К одному из трех найденных в яме обломков печины (№ 871) подклеился обломок (№ 547), найденный в верхнем слое вблизи от ямы (пл. 2, кв. 6). В результате был собран фрагмент конструкции печи (?), имевшей заглаженную округлую поверхность. Таким образом, канавка, маркирующая ограду, синхронна раннему этапу функционирования усадьбы.

Яма 2 (2,3×1,3 м) выбиралась по пластам. Заполнение представляло собой черный суглинок, содержащий уголь и камни. На глубине 33–38 см от уровня зачистки материка прослежена прослойка

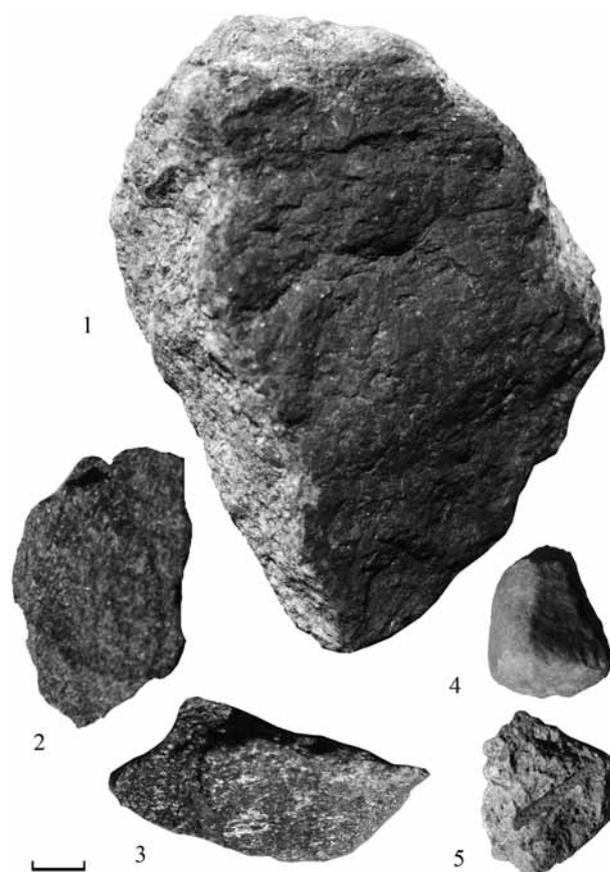

Рис. 16. Лешково-4. Очажные камни из раскопа 2009 г. 1 – со следами термического воздействия. 1, 2 – пласт 2, кв. 22; 3 – пласт 2, кв. 24; 4 – из заполнения ямы 5; 5 – из заполнения ямы 2

углей с обломками камней (от 5×5 до 10×10 см). Под прослойкой углей (2 см), на глубине 35–40 см, залегал материк (светло-бурая глина), образуя ровное дно ямы. В разрезе по линии С–Ю яма 2 имеет длину 202 см. Ее северные стенки крутые, а южные – пологие. Глубина ямы – 40 см. Дно горизонтальное, в длину 162 см. По дну залегают ровная углистая прослойка (5 см), содержащая обломки камней (рис. 8, И). Профиль 3–В режет яму наискосок, поэтому стенки читаются более пологими. Глубина ямы – 42 см. По дну также залегают углистая прослойка (5 см) (рис. 8, Г). Аналогичная прослойка (мощность 3–4 см) фиксировалась в 8 см от поверхности ямы и имела длину 38 см.

В заполнении ямы встречены фрагмент слюды (рис. 8, № 28, гл. -128; рис. 12, Г, 28) и 138 обломков керамики, в том числе: 1 – курганной, 130 – серой (6 – с орнаментом в виде косой волны по шейке) и 7 – красноглиняной грубой. Значительная часть посуды принадлежала четырем сосудам, к венчикам которых подклеиваются фрагменты

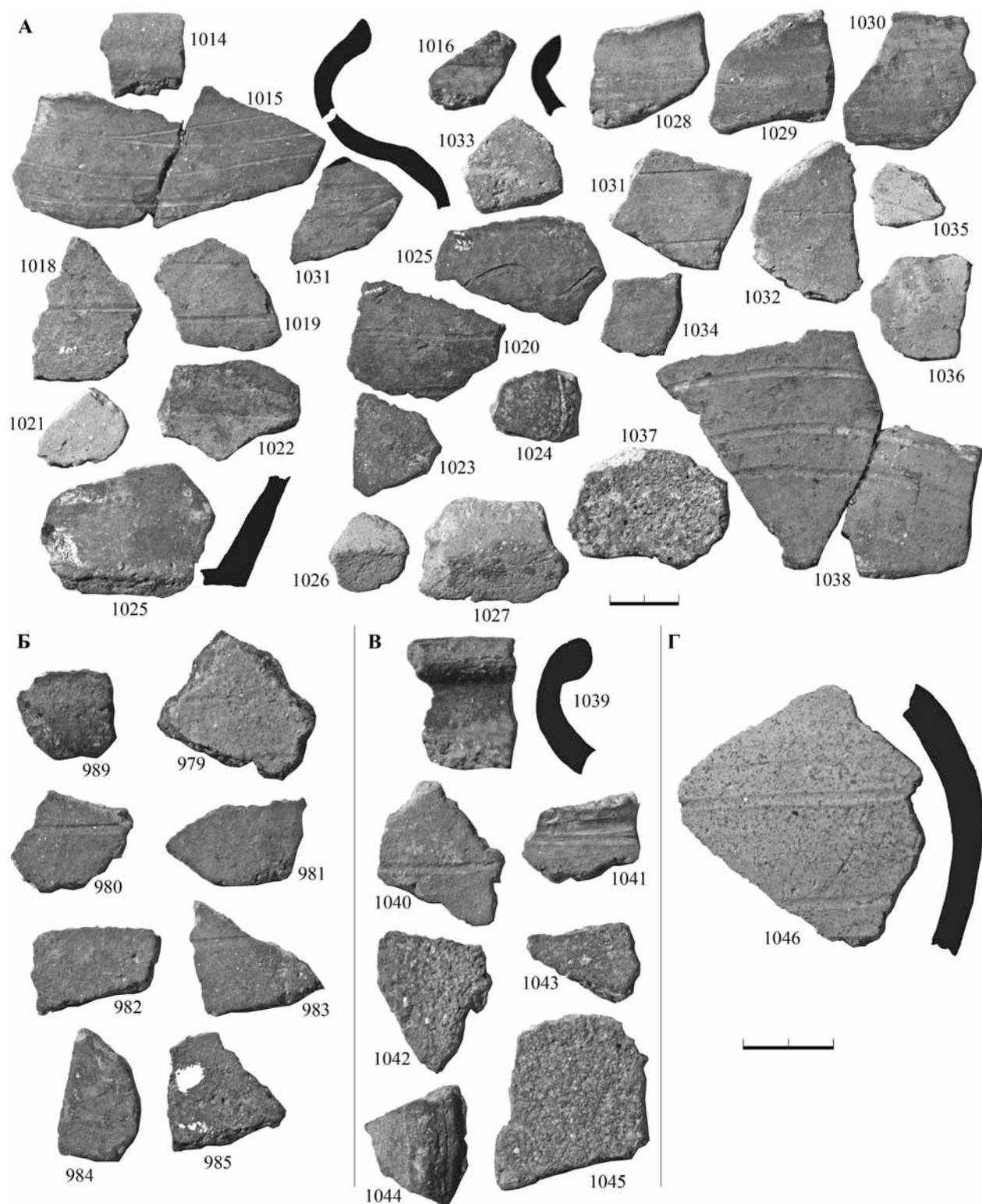

Рис. 17. Лешково-4. Комплексы керамики из заполнения ям (исследования 2009 г.). Керамика курганная (979), серая и красноглиняная грубая (982, 983). (См. цв. вкл.)

А – яма 5; Б – яма 1; В – яма 6; Г – яма 7

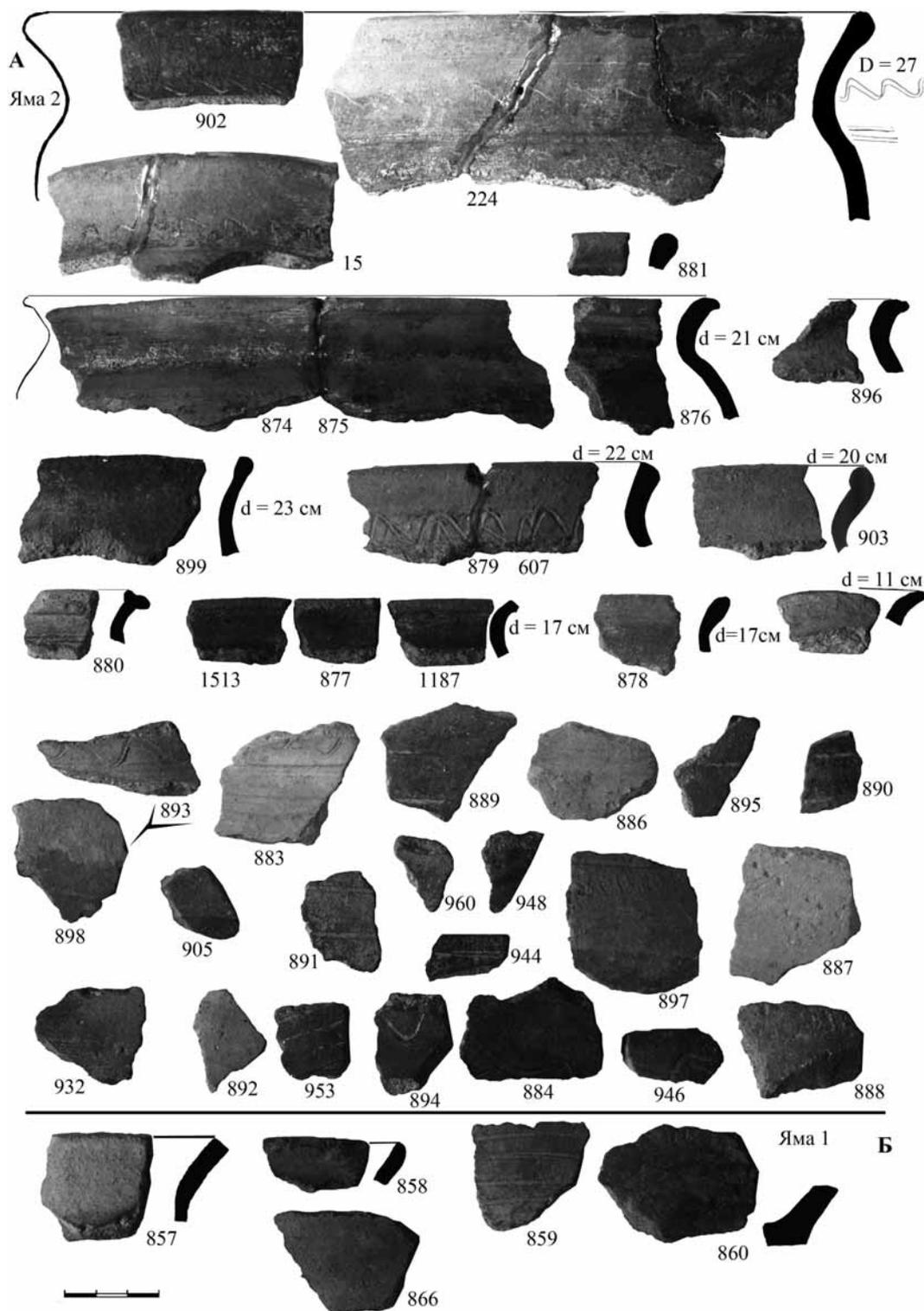

Рис. 18. Лешково-4 (см. цв. вкл.)

А – комплекс керамики из ямы 2 (исследования 1984 г.); Б – комплекс керамики из ямы 1 (следы ограды; исследования 1984 г.). Номера в рамке обозначают фрагменты, найденные в верхнем слое, но подклеивающиеся к сосудам из комплекса

из верхнего слоя. Так, горшок 1 представлен 6 венчиками и 11 стенками. Из них в заполнении найдены венчик (рис. 18, 902) и стенка 910. Остальные зафиксированы в нижнем горизонте верхнего слоя: два венчика (рис. 18, 224) в кв. 2 (рис. 8, № 12), еще два (рис. 18, 15) – в кв. 1 (рис. 8, № 11 и в пробе 8, стенки – там же (14 и 120 – в кв. 1; 244, 259, 267 – в кв. 2) и в кв. 6 (524). Имеются подклейки из 27 и даже 20 квадратов в северо-западной части раскопа. Таким образом, обломки посуды, использовавшейся в этом жилом сооружении, частью попали в подпечную яму, а частью оказалась в 3,8–4,2 м к северу (рис. 8, № 11–13) и в 2–7 м к северо-западу от него (рис. 18, 877 – подклейки из кв. 20 и 22) (рис. 10, Б). Следовательно, можно уверенно утверждать, что главная зона концентрации керамики (рис. 10, Б – кв. 2, 10, 20–22, 24), расположенная к северу и северо-западу от ямы 2, отражает часть того же жилого комплекса, что и эта яма.

Теперь обратимся к датировке этого закрытого комплекса. Курганная керамика представлена венчиком с уступом под крышку, наружным валиком и горизонтальным орнаментом по плечу (рис. 18, 880 – подклеивается к № 364 из пл. 2, кв. 3). Такие формы встречались в комплексе сруба 1 Исторического проезда в Москве с порубочными датами 1248, 1251 гг. (МК, 1991. Табл. 32, 584) и – уже эксклюзивно – в Лешково-2 первой половины XIV в. (МК, 1991. Табл. 66, 82).

Серая посуда абсолютно доминирует. Она выполнена из красножгущейся глины с примесью крупнозернистого песка и имеет, в отличие от курганной керамики, заглаженную поверхность. К варианту 1 (с валиком изнутри) относится лишь один венчик (рис. 18, 903). К варианту 3 со слабо отогнутым венчиком и эллипсоидным валиком снаружи, который представлен серией в верхнем слое памятника (рис. 126, Е – нижний отдел), относятся четыре сосуда. Горшок № 986, который сохранился до уровня максимального расширения тулова, имеет средние размеры (диаметр венчика – 22 см). Плечики его имеют плавные, близкие к окружности очертания. Изготовлен из красножгущейся глины с кварцитами до 1 мм и с отдельные крупными кварцитами до 2 мм. Обжиг полный окислительный: в изломе черепок бурый, на поверхности – темно-бурый. Поверхность заглажена. После подсушки она украшена горизонтальным орнаментом. По шейке линии идут чаще (через 0,5 см), по тулову – реже (через 2 см) (рис. 19, 986). К варианту 3 относятся также горшок бежевого цвета с диаметром венчика 22 см (рис. 19, 987, 988),

изготовлен в той же технике, что и 986, но без крупных кварцитов, и два небольших венчика (рис. 18, 878, 881). Первые два украшены редкими полосами по плечикам и тулову.

Сосуды с эллипсоидным валиком появляются в комплексах второй половины XIII в.: из сруба 1 Исторического проезда (МК, 1991. Табл. 32, 942) и из ямы селища Царево-1 (центр волости Воря) (МК, 1991. Табл. 62а, 1). В комплексе сруба 6 Исторического проезда, который по голубым непрозрачному стеклу перстням датируется концом XIII – первой половиной XIV в. (МК, 1991. Табл. 46, 2234), они встречаются с ранними красноглиняными сосудами близкой формы (но без валиков), украшенными ранней косой волной (МК, 1991. Табл. 486, 2434). В Лешково-2 наблюдаются переходные формы от серой к красноглиняной грубой керамике: венчики с эллипсоидным валиком украшены ранней косой волной (МК, 1991. Табл. 54, 100, 103). Бытуют они и в период, отраженный комплексом Дубинкин лес-1 (Кренке, 2005. С. 309. Рис. 35, 2).

Четвертый вариант представлен горшком 1. Его венчик (диаметр 27 см) отогнут под углом 45 градусов и имеет припухлость по внешнему краю. Шейку украшает орнамент в виде косой волны классической формы (с вертикальной левой стороной волны). Близкую форму имеет венчик горшка 3 диаметром 23 см (рис. 18, 899–901). Венчики такой формы, отнесенные к варианту 4 серой керамики, найдены в ходе раскопок на Историческом проезде в сруб 1 (МК, 1991. Табл. 33, 586, 796) и в сруб 6 первой половины XIV в. (МК, 1991. Табл. 46, 2275).

К срезанным горшкам варианта 6 относится венчик (рис. 19, 992) с сужением края. Эта форма не встречается в XIII в. Срезанных венчиков много в комплексе Лешково-2 первой половины XIV в. (МК, 1991. Табл. 65, 71 и др.), но сужающиеся к краю срезанные формы распространяются лишь на следующей стадии московского керамического производства, которая характеризуется комплексом из селища Дубинкин лес-1 (Кренке, 2005. С. 308. Рис. 34, 15; 38) и ранним материалом селища Семхоз-4 (Чернов, 1996. С. 69. Рис. 9, 94–2; 11, 94–114), предварительно датирующихся третьей четвертью XIV в. Более редкие формы имеют венчик с подпрямоугольным выступом по внешнему краю (рис. 18, 877, подклейки 1187, 1513), горшок со срезанным венчиком, край которого был отогнут наружу (рис. 14, 991 – диаметр 16 см) и горшок 2 (рис. 13, 874–876), венчик которого (диаметром 21 см) также отогнут наружу и имеет заостренный

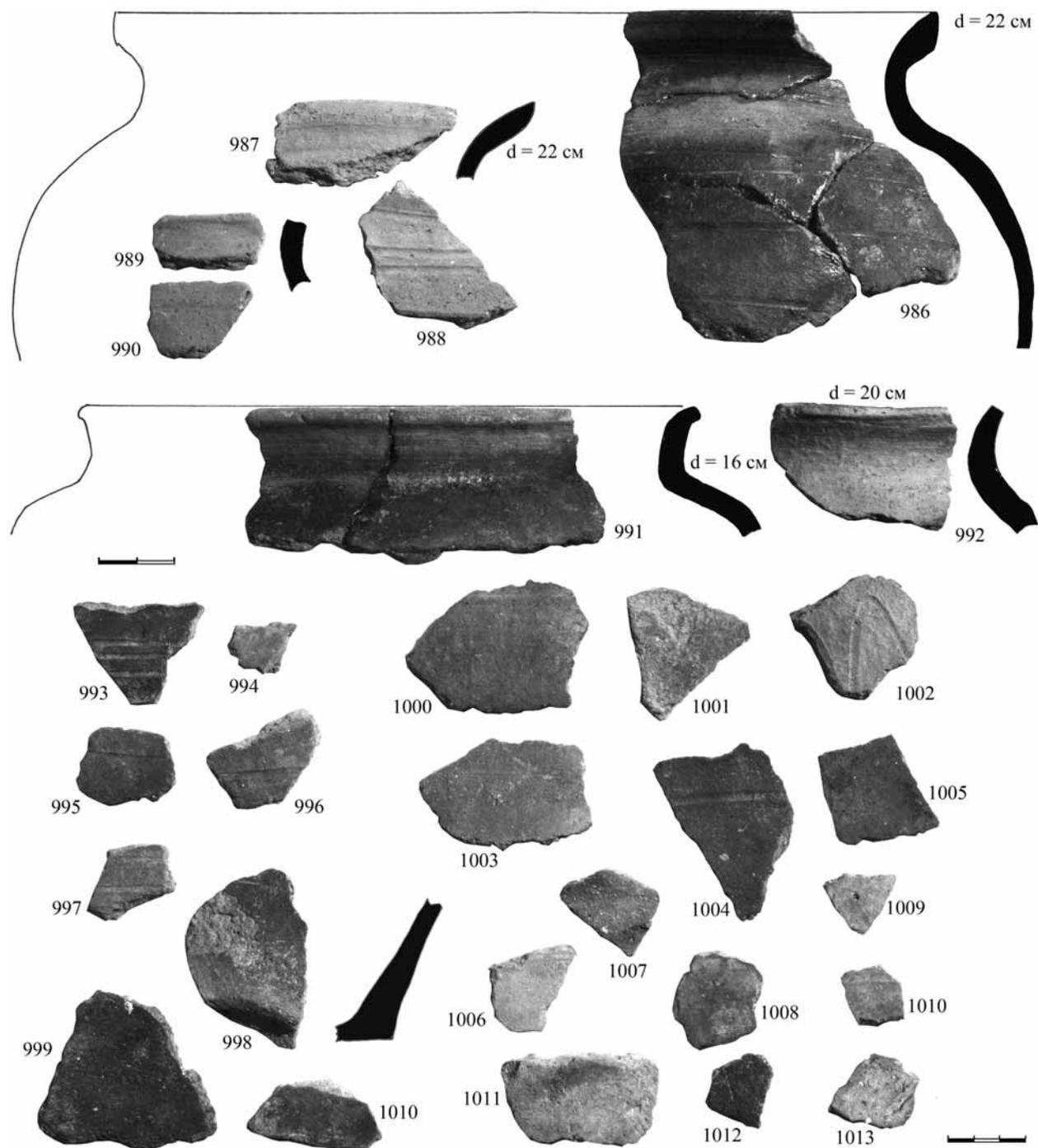

Рис. 19. Лешково-4. Комплекс керамики из ямы 2 (исследования 2009 г.). Венчики серых горшков с эллипсовидным валиком снаружи (986, 987) и срезанные (989, 992). Серая и красноглиняная грубая керамика (1010, 1003, 1005, 1006, 1008, 1012)

выступ. Таких сосудов нет в комплексе Лешково-2, но они присутствуют в комплексе Дубинкин лес-1 (Кренке, 2005. Рис. 36, 12; 37, верхний).

К керамике переходной от серой к красноглиняной могут быть отнесены: горшок 4 светло-бежевого цвета, орнаментированный косой волной

по шейке и горизонтальными полосами по плечикам (рис. 18, 883, 898, 904), а также венчик, имеющий форму, близкую варианту 4 серых сосудов (с припухлостью по внешнему краю) и украшенный косой волной раннего типа (левая сторона волны еще не стала вертикальной). Мастер нанес

орнамент дважды. Он либо еще не имел навыка в прочерчивании косой волны (требовалось мягко «поднимать» и резко «опускать» инструмент), либо экспериментировал с новой орнаментацией (рис. 18, 879, 607 – последний из пл. 1, кв. 8). Более уверенно к красноглиняной грубой керамике можно отнести вертикально стоящий венчик с почти горизонтальной площадкой (рис. 19, 889, 890). Такие формы получают широкое распространение в последней четверти XIV в. (Чернов, 1995. Рис. 8, 3 – нижние изображения). Однако отдельные их образцы обнаруживаются и в комплексах первой половины этого столетия (МК, 1991. Табл. 66, 78).

Таким образом, комплекс из ямы 2, базовый для нашего памятника, имеет наиболее устойчивые связи с керамическими комплексами сруба 6 Исторического проезда и Лешково-2 первой половины XIV в. и с комплексом Дубинкин лес-1 третьей четверти XIV в.

Фрагменты обмазки глинобитной печи (48 шт., в коллекции – 18) имеют тот же вид, что и образцы из верхнего слоя. Светлым цветом глины выделяется лишь четыре однородных по составу обломка, сохранивших две гладкие поверхности (на одной из которых видны следы нагара). Толщина наиболее крупного фрагмента – 16 мм. Бурые обломки печины (977, 962) имеют обработанную гладкую поверхность, покрытую белой обмазкой, пять из них не имели обмазки.

Яма 5, выявленная в северо-западной части раскопа (1,76×0,90 м; отметки в зачистке материка -121 и -128 см), выбиралась по пластам толщиной 10 см (рис. 13). Верхняя часть заполнения (от -130 до -140 см) состояла из черного суглинка с включениями печины и угля. Особой концентрацией угля отличается северный край ямы. Найдена железная поковка (рис. 12а, В, 37, гл. -137). В зачистке, проведенной на отметке -140 см (рис. 13, Д), размеры ямы сократились до 1,4×0,5 м. В нижней части заполнения (от -140 до -150 см) включения угля и печины встречались реже и более равномерно. Стенки ямы достаточно пологие, дно скругленное. Разрез ямы в западной стенке раскопа (рис. 13, А, Б) показал, что она сужается ко дну (от -157 до -167 см), причем наиболее глубокая часть прослеживается у западной стенки раскопа. Печина тяготела к верхней части заполнения, а уголь – к нижней. Выборка ямы в материке показала, что длина ее с севера на юг равняется 2 м, ширина – 0,9 м. Из профиля ямы взяты образцы на химический и палинологический анализы.

Небольшой керамический комплекс из ямы 5 включал 25 фрагментов серой керамики (рис. 17,

А). Венчик 1014 (рис. 17, А, 1014, 1015, 1031) близок по форме к венчику из ямы 2 (рис. 19, 986). Он изготовлен из красножгущейся глины с примесью крупнозернистого песка с отдельными кварцитами 1–1,5 мм, прошел неполный окислительный обжиг (буро-серый цвет однослойного черепка) и был заглажен по поверхности. По своей форме относится к варианту 3 серой керамики – с эллипсоидным валиком по внешнему краю горшка. Особенность данного венчика – еле заметный прогиб изнутри – нефункциональный след некогда типичного для ранней серой керамики ложного уступа под крышку. Орнаментация идентична горшку 986 (см. выше). Это довольно редкие (через 1 см) линии, нанесенные по подсушенной поверхности и наезжающие друг на друга. Другой венчик (рис. 17, А, 1016) относится к тому же варианту серой посуды. Орнамент в виде редких горизонтальных полос (рис. 17, А, 1028–1030) или волны (рис. 17, А, 1025) по плечу типичен для комплекса, иногда полосы украшают сосуд до самого дна (рис. 17, А, 1038).

Яма 6 округлой формы (1,45×1,36 м) была заполнена черным суглинком с включениями печины и угля и небольшими глинистыми пятнами, а в северо-восточной части – темно-серой супесью. Глубина ямы – от 5 до 15 см. Стенки крутые, дно плоское (уровень материка – 137 см, уровень дна ямы – 142–152 см) (рис. 8, В). Керамика из ямы состоит из серой (8) и красноглиняной грубой (3) посуды (рис. 17, В). Типичный серый венчик (рис. 17, В, 1039) изготовлен из красножгущейся глины с крупнозернистым песком и примесью довольно крупных (до 1,5 мм) кварцитов. Обжиг равномерный, но при некотором недостатке кислорода дал черепку в изломе и на поверхности темно-серый цвет. Поверхность заглажена. По форме принадлежит к варианту 3 (слабо отогнут и завершен округлым валиком снаружи), который встречается в срубе 6 Исторического проезда, в ямах 4 и 5 Монетного двора в Москве (МК, 1991. Табл. 48, 2318; 60, 5143 и др.), в Лешково-2 (МК, 1991. Табл. 66, 83, 93) и Дубинкином лесу-1 (Кренке, 2005. С. 309. Рис. 35, 2, 3).

Археологическая интерпретация

Хотя раскопки охватили пока небольшую площадь (144 кв. м), можно утверждать, что изучены следы жилого комплекса усадьбы («двора»). Границей ее на востоке служила ограда, крепившаяся столбами, установленными через 6 м. Подобная, но более мощная ограда, маркируемая канавками и столбовыми ямами, изучена на поселении XIV в.

Ближнее Константиново 1 к югу от Нижнего Новгорода (Грибов, 2008. С. 256, 257. Цв. рис. XLV).

Ямы, сохранившиеся в материке и функционировавшие синхронно в первой половине – третьей четверти XIV в. (судя по найденной в их заполнении керамике), весьма скупо характеризуют этот жилой комплекс. Наиболее крупная из них (яма 2–2,3×1,3 м) своей ориентировкой свидетельствует, что наземное срубное строение стояло параллельно ограде. В яме найдены керамика, фрагменты глинобитной печи и очажные камни, залегавшие в виде прослойки на ее дне (рис. 8).

Значительно полнее этот жилой комплекс характеризует верхний культурный слой, имеющий мощность до 48 см и сохранившийся *in situ*. Его верхний горизонт (серый гумусированный суглинок) за 400-летний период, прошедший после окончательного прекращения селитебной деятельности, подвергся некоторым преобразованиям в результате формирования луговой почвы. Однако содержащиеся в нем находки, керамика, печина и камни не смещались. Нижний горизонт (темно-серый гумусированный суглинок с углем и мелкой печиной) сохранил свою структуру в неизменном виде.

Сравнение планиграфии керамики, печины и камней в верхнем слое с его мощностью показывает, что в целом они совпадают и маркируют зону концентрации площадью примерно 8×6 м, которая примыкает с северо-запада к яме 2. Обнаружение на всем пространстве этой зоны крупных венчиков, подклеивающихся к сосудам, найденным в яме 2, показывает, что яма и скопления отражают единый жилой комплекс (рис. 10, Б). Учитывая, что керамика, печина и камни не смещались, размеры этого комплекса реконструируются как весьма значительные. В связи с этим можно предполагать, что здесь располагалось одно срубное строение размерами примерно 8×8 м или два отапливаемых сруба, образующие одно жилое строение. В косячатые окна была вставлена слюда (рис. 12а, Г, 28, 34), а волоковые были затянуты бычьим пузырем. Помимо фрагментов глинобитной печи (включая обломки свода), найден кирпич, подвергавшийся воздействию температур выше 1000 градусов, что позволяет предполагать наличие на территории двора производственного горна (рис. 8, № 1984–5 в кв. 4).

Основная масса находок представляет собой обычный набор бытового и хозяйственного инвентаря сельского двора: три ключа от цилиндрических замков, ножи (рис. 12а, В, 14; рис. 12б, Е,

9), обломок лезвия топора (рис. 12а, В, 7), игла (рис. 12а, В, 29), поясные крючки для подвешивания (рис. 12а, В, 4, 19), гвозди, оселок (рис. 12б, Е, 4). Все три ключа относятся к замкам типа В с ключевым отверстием в нижней части цилиндра (рис. 12а, В, 22; рис. 12б, Е, 1, 8). Согласно новгородской хронологии замки эти использовались с середины XII по конец XIV в. (Колчин, 1959. Рис. 70). Следует заметить, что в XIII в. возникло два усовершенствования этого типа замков: вариант 2 с контрольным штифтом (соответственно на ключе делался фигурный проем, благодаря которому ключ «надевался» на штифт) и с вертикальным щитком, закрывавшим ключевое отверстие (Колчин, 1959. С. 82. Рис. 68, 2, 5; 70; 1982. С. 160, 162). В частности, замок с этими усовершенствованиями был найден в комплексе первой половины XIV в. на селище Лешково-2 (МК, 1991. С. 27–29. Табл. 64). Усовершенствованные замки типа В продолжали использоваться до первой четверти XV в. Однако ключи из Лешково-4 не несут признаков указанных усовершенствований, поэтому их следует датировать временем не позднее начала XV в.

На этом фоне выделяются предметы личного благочестия, выполненные из серебра. Крестельник (2,4×2 см) имеет в центре изображение креста с расширяющимися концами (наподобие латинского), а по краям украшен шариками (рис. 11, 5). Вторая находка – это свернутая в три слоя тонкая серебряная пластина с штампованным орнаментом (рис. 11, 2, гл. -93). Реставрацию пластины, сопровождавшуюся ее разворачиванием, провел П.Г. Дервиз (Государственный НИИ реставрации), установивший, что серебряная пластина была позолочена. Возможно, это фрагмент серебряного позолоченного оклада иконы. Наличие в доме образов и то, что предметы личного благочестия являлись самыми дорогими вещами на усадьбе, свидетельствует о воцерковленности ее обитателей.

Заслуживает внимания и находка здесь же свинцовой печати (1,7×1,7 см) (рис. 11, Б)¹³. Печать имеет канал для продевания нити, то есть была предназначена для привешивания к пергаменному или берестяному документу, которые были характерны для XIV в. (об актах на бересте и возможности привешивания к ним свинцовых печатей см.: Чернов, 1997). Отсутствие на ней оттиска показывает, что она не была использована. Это означает, что кто-то из обитателей этого поселения,

¹³ Находка была сделана в 2000 г. к СВ от пруда, между ним и дорогой, то есть в непосредственной близости от раскопа, к С от него.

существовавшего в пределах первой – третьей четверти XIV в., имел отношение к подготовке грамот. Акты, сохранившиеся в архиве Троице-Сергиева монастыря и других собраниях, свидетельствуют о широком распространении в XV в. документов (тогда уже бумажных с восковыми печатями), закреплявших права на земельное и иное имущество. Массовые находки прикладных печатей на селищах свидетельствуют о вовлеченности в этот процесс сельского населения (*Макаров, Суворов, 2001*). Возможно, в XIV в. к подготовке грамот могли иметь отношение и волостные крестьяне. Но скорее здесь угадывается присутствие «слуг под дворским» – если не в качестве хозяев усадьбы, то в качестве ее частых гостей.

Исторические данные

Селище идентифицируется с Белухинской пустошью, упоминаемой в меновой грамоте 1455–1456 гг., по которой она была променена Троице-Сергиеву монастырю князем Василием Ярославичем в последний год существования Боровско-Радонежского удела (АСЭИ. № 255, 256). Таким образом, имеется прямое свидетельство источника о том, что здесь располагалось поселение Радонежской волости. Основанием для идентификации селища Лешково-4 и Белухинской пустоши служит расположение селища в пределах Белухинской рощи. И. М. Снегирев в «Путевых записках о Троицкой лавре» 1840 г. и «Путеводителе» 1856 г. сообщает, что по сведениям, собранным им от старожилов, Белухинская роща располагалась «в двух верстах от Воздвиженского» (*Снегирев, 1840. С. 6; 1856. С. 75*). План 1853 г. сохранил изображение рощи. Она находилась в 1,5 км к северо-востоку от с. Радонеж, граничила на севере с Троицкой дорогой, а на востоке – с оврагом Ко-

ломино и шоссе на Ярославль (Геометрический план). Как уже отмечалось, по воспоминаниям М. П. Масленцевой, относящимся к 1922–1925 гг., она с мужем, уроженцем села Городок Василием Константиновичем, шла по Троицкой дороге из с. Городок к часовне Крест. На «половине пути до Креста», в «крупном березняке», у пруда, муж указывал ей урочище Белые Боги (*Чернов, 1989*). Это урочище идентифицируется с поляной, на которой обнаружено селище Лешково-4. Идентификация дополнительно обосновывается тем, что селище Лешково-4 в XV в. пришло в запустение, а также известием Сыскной книги 1622–1623 гг., согласно которому пустошь была «припущена» к селу Кесову (Сыскная книга 1623/1624. Л. 47), располагавшемуся так же, как и селище Лешково-4, к северо-востоку от с. Радонеж.

В грамоте 1455–1456 гг. на Белухинскую пустошь среди «послухов» (после келаря, посельского и старцев Троицкого монастыря) упоминаются *«Тимофей Дюденов, да Логинко сотник, да Малашко радонежец городчанин, да слуга монастырской Тихон, да Олфер доводчик»* (АСЭИ. № 255). Мы видим представителей княжеской администрации. Это радонежский волостель Иван Прокофьев (в монастырском архиве сохранилась его духовная грамота), сотник Логинко (сотники, или сотские, организовывали работы «волостных людей», взимали с непривилегированного населения корма на содержание администрации, контролировали сделки по продаже княжеской земли), доводчик Олфер (доводчики осуществляли функции следствия и дознания в суде, а также участвовали в сборе налогов). Перечень послухов, бывших у грамоты на Белухинскую пустошь, погружает нас в социальную среду Радонежской волости примерно через 70 лет после запустения д. Белухинской.

Литература

АСЭИ. Т. 1. М., 1952.

Александровский А. Л., Кренке Н. А., Чернов С. З., 1990. Средневековые пруды Радонежа как источник по изучению антропогеосистем (археолого-почвоведческое исследование) // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. Теория, методика, практика. Вып. 1. М.

Ершова Е. Г., 2014. Растительность Радонежа XIII–XVI вв. по данным палинологических исследований // Преподобный Сергия, «родом ростовец...». Ростов.

«Геометрический специальный план Московской губернии Дмитровского уезда сельца Лешкова с деревней Иверской с принадлежащими к ним всеми землями, которые состоят во владении капитана Василия Иванова сына Домбровскаго... отмежеваны из дачи села Воздвиженского в 1851 году ноября 30 дне... План сей сочинен... в 1853 октября». 10 // ЦГИАМ. Ф. 184. Оп. 15. Д. 132.

Грибов Н. Н., 2008. Русское владельческое село удельного периода (по материалам раскопок

селища Ближнее Константиново-1) // Сельская Русь в IX–XVI веках. М.

Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65.

Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский археологический сборник. М.

Кренке Н. А., 2005. «Взлет на холмы». Археологические раскопки селища Дубинкин лес-1 и освоение Теплостанской возвышенности в XIV–XV вв. // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 3. М.

Макаров Н. А., 2001. Древнерусское Белоозеро и некоторые общие вопросы изучения средневекового расселения // Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. М.

Макаров Н. А., Суворов А. В., 2001. Новые находки каменных образков и матрицы прикладной печати из Вологды и Белоозера // РА. № 3.

МК. М., 1991.

Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. М.–Л., 1949.

Проект зон охраны древнего г. Радонеж / Авторы Семенова А. И., Бугаева Т. В., Чернов С. З. Т. 1; 2. Ч. 1. Кн. 1 // Архив треста «Мособлстройреставрация». № 06–28–06–33.

Снегирев И. М., 1840. Путевые записки о Троицкой лавре, содержащие в себе обзор достопамятностей Троицкой дороги, Лавры, Вифании. М.

Снегирев И. М., 1956. Путеводитель из Москвы в Троице-Сергиеву Лавру. М.

Сыскная книга 1622/23 гг. вотчин Троице-Сергиева монастыря // РГБ. Отдел рукописей. Ф. 303. Кн. 658.

Чернов С. З., 1980. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский район Московской обл.) в 1980 г. Ч. 4 // Архив ИА РАН. Р-1. № 8063.

Чернов С. З., 1984. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский и Щелковский районы Московской области) на территории проектируемой трестом «Мособл-

реставрация» зоны охраны древнего города Радонежа в 1984 г. Ч. 2 // Архив ИА РАН. Р-1. № 11172.

Чернов С. З., 1989. Исторический ландшафт древнего Радонежа. Происхождение и семантика // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1988. М.

Чернов С. З., 1991. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины // СА. № 1.

Чернов С. З., 1995. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь по археологическим данным // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М.

Чернов С. З., 1996. Заселение водоразделов Радонежа по данным археологических исследований сельца Никольское Поддубское // Тр. МИГМ. Вып. 9. М.

Чернов С. З., 1997. Московская берестяная грамота № 1 – первый акт Московской Руси на бересте // РА. № 2.

Чернов С. З., 2004. Селища на ручье Оржавец у деревни Лешково и особенности материальной культуры Радонежской волости в последней четверти XIII – первой половине XIV в. // АП. М.

Чернов С. З., 2009. Археологические исследования селища Лешково-4 Сергиево-Посадского района Московской области в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Chernov S., Erschova E. 2013. Internal colonization in Russia during the 13th and 14th centuries: three hamlets of the pre-manorial period // Rurality IX. Hierarchies in rural settlements / Ed. Jan Klápště. V. 9. Turnhout: Brepols Publishers.

Чернов С. З., 2014. Переяславская дорога XIV–XV вв. в районе Радонежа: историко-археологическое исследование // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости». Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. Сб. статей. М.

Чернов С. З., Волков И. В., 2015. Археологические маркеры смутного времени: Комплекс керамики с кладом из Лешково-6 и датировка запустения малодворных деревень Радонежского края // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVII–XVIII вв. Тезисы докладов научной конференции. М.: ИА РАН.

S. Z. Chernov

An early settlement in Radonezh, as seen from the evidence of items excavated from the cultural layer preserved in situ at the village of Leshkovo-4 (Belukhinskoye)

Summary

This article publishes the results of excavations carried out at an early settlement near the ancient town of Radonezh, 60 kilometres to the north-east of Moscow. The area considered by the study included villages of Moscow Principality as it was in the C13th and C14th. They comprise a single-layer settlement of the C14th, which has not been touched by any kind of modern activity since the C14th. A great number of

pottery items were located across the entire area, fragments of a clay-built stove, and fire-hearth stones. A soil analysis of the area was undertaken, consisting of moist clay. The settlement was identified as a village which was part of an estate – an archaic kind of social gathering that existed on the prince's land before the appearance of local squires.

Археология Московского государства и Российской империи

**В. В. Богомолов, Е. О. Володин, О. Н. Заидов,
М. В. Цыбин, Г. А. Шебанин, А. В. Шеков**

Предварительные итоги археологических исследований селища Большое Саврасово 2

Селище Большое Саврасово 2 расположено на пологом склоне первой надпойменной террасы левого берега р. Пахры, у восточной окраины д. Большое Саврасово Ленинского р-на Московской обл. (рис. 1¹). Селище было открыто в 2006 г. М. И. Гоняным. Тогда же было найдено поселение 1 у д. Большое Саврасово, на площадке которого раскопками исследованы остатки сельской усадьбы XII в. (Гоняный, 2007; Гоняный и др., 2010). Между селищами 1 и 2 находится курганный могильник XI–XIII вв. (АКР. 1994. С. 102, 103). Напротив памятников, на противоположном берегу Пахры, у д. Малое Саврасово известны и другие курганные могильники (АКР. 1996. С. 92, 93).

Кроме того, у д. Малое Саврасово и соседнего пос. Володарского по обоим берегам Пахры расположены городища дьяковской культуры (АКР. 1994. С. 102; 1996. С. 93). Найденный в раскопе 2013 г. на селище Большое Саврасово 2 железный черешковый нож характерен для этой культуры² (рис. 4, б). К древностям I тысячелетия н.э., вероятно, относится найденная там же железная колпачкообразная бляшка (рис. 4, II) (Седов, 1982. С. 51, 52).

На месте современного кладбища в пос. Володарского находится грунтовый могильник XIV–XVII вв. с выявленными остатками каменных надгробий (АКР. 1994. С. 103). По сведениям, полученным от местных жителей, в окрестностях д. Малое Саврасово вплоть до XX в. существовали каменоломни.

В 2012 г. на территории селища Большое Саврасово 2 проводились разведочные работы по уточнению границ и датировки памятника (Гоняный, 2012). В результате работ было установлено, что площадка селища состоит из трех различных по площади и датировке скоплений, разделенных между собой двумя пологими балками, выходящими в пойму реки (рис. 1).

Скопление подъемного материала 1, расположенное в юго-западной части селища, было датировано XI и XV–XVII вв. Скопление подъемного материала 2 в 20 м севернее скопления 1 – XV–XVII вв. Скопление подъемного материала 3, расположенное в 55 м к СВ от скопления 2, датируется теми же столетиями.

В июне – октябре 2013 г. в результате работ нескольких археологических отрядов площадка селища была полностью изучена. Данная статья посвящена результатам археологических раскопок в юго-западной части селища – скопления 1, где был заложен раскоп 1 площадью 7414 кв. м. Работы проводились по Открытому листу, выданному М. В. Цыбину. На основной площадке раскопа³ исследованы археологические объекты – заглубленные в материк ямы и канавы – трех хронологических периодов: позднего этапа роменской культуры (XI – начало XII в.), древнерусского времени (XII в.), позднего Средневековья (вторая половина XVI – начало XVII в.) (рис. 2).

К объектам позднего этапа роменской культуры относились не менее 16 ям – остатков неглубоких

¹ Рисунки см. в конце статьи, после резюме.

² Авторы статьи благодарят А. М. Воронцова и А. В. Григорьеву за научные консультации и художницу С. И. Вилькину за рисунки находок.

³ В статье не рассматриваются комплексы из девяти наиболее северных секций (900 кв. м), исследовавшихся другим авторским коллективом.

Таблица 1. Керамический материал из объектов 96, 110, 111 раскопа 1 пос. Бол. Саврасово 2.

Объект	Фрагменты лепных сосудов				Фрагменты раннекруговых сосудов					Всего
	стенки		венчики	донца	стенки			венчики	донца	
	без орнамента	с вдавлениями палочкой			без орнамента	с линейным орнаментом	с волнистым орнаментом			
96	7	–	3	–	3	11	1	1	8	34
110	44	1	10	–	–	2	–	–	1	58
111	2	–	2 (1)	1	–	–	–	–	–	5

подполов жилищ и других хозяйственных ям. Наземные жилые постройки, а не полуземлянки были характерны для поселений роменской культуры XI в. (Григорьев, 2005. С. 59; Шполянский, 1999. С. 143). Керамические комплексы XI в. представлены фрагментами лепных и раннекруговых сосудов роменского типа (Григорьев, 2000. С. 146–160).

Лепные сосуды были изготовлены из формовочных масс с примесями песка, в том числе крупного, либо песка и небольшого количества дресвы (рис. 14, 1–4, 7; 15). Шероховато-бугристые поверхности имеют красно-коричневый цвет со следами вторичного обжига в итоге бытового использования. Изломы фрагментов – темно-серые либо с преобладанием темно-серого слоя. Венчики лепных сосудов принадлежали горшкам с округлыми либо приостренными краями. Многие фрагменты по краю орнаментированы пальцевыми вдавлениями-защипами либо вдавлениями палочкой. По плечикам лепные горшки могли быть орнаментированы «веревочным» штампом, вдавлениями палочкой. Донца изготовлены на подсыпках песка, песка и дресвы, редко золы либо на подставках.

Раннекруговые сосуды были изготовлены из формовочных масс с примесями песка либо песка и небольшого количества дресвы. Поверхности, как правило, имеют красно-коричневый либо красно-серый цвет в итоге вторичного обжига в ходе бытового использования. Поверхность отдельных фрагментов серо-белая, так как, вероятно, такие сосуды изготовлены из беложгущихся глин. Фрагменты раннекруговых венчиков принадлежали горшкам и почти все были обработаны простым обтачиванием по краю (рис. 6; 7, 1). Лишь один фрагмент раннекругового венчика (из пахотного слоя) в итоге обтачивания имел «манжет» по внешнему краю. По плечикам и тулову раннекруговых горшков нанесены многорядный прямолинейный

и волнистый орнамент, сочетание этих орнаментов, редко – вдавления палочкой и штампованный орнамент (рис. 7, 2–4). На некоторых раннекруговых донцах присутствовали клейма (рис. 14, б). Сочетание лепной и раннекруговой посуды на славянских памятниках юга Подмоскovie характерно для конца X–XI в. (Григорьев, 2009. С. 220).

Несколько фрагментов венчиков принадлежали круговым красноглиняным горшкам с архаичной морфологией – простым обтачиванием краев (рис. 24, 3), обтачиванием с дополнительным заглаживанием (рис. 24, 5–7); они могут датироваться XI – началом XII в. (Бобринский, 1978. С. 49; Коваль, Хижняков, 2005. С. 165). К XI – началу XII в. следует отнести фрагмент венчика с Т-образным краем, принадлежавший очень качественному круговому красноглиняному горшку (объект 120), вероятно, изготовленному в центральных регионах Руси (рис. 7, 5) (Лапшин, 1992. С. 96. Тип II).

Из индивидуальных находок для роменских древностей позднего периода наиболее показательны фрагменты височных колец (лучевых подвесок) «деснинского» типа (рис. 3, 10–12), характерных для второй – третьей четвертей XI в. (Григорьев, 2005. С. 105–108); фрагмент лопастного височного кольца раннего типа – рубежа XI–XII вв. (рис. 3, 13; Равдина, 1968. С. 138, 139); грушевидные крестопорезные бубенчики, наиболее распространенные в XI в. (рис. 4, 12, 13; Седова, 1981. С. 156; Шполянский, 1999. С. 146, 147; Григорьев, 2005. С. 108); фрагменты узкопластинчатых разомкнутых орнаментированных перстней (рис. 3, 5, 16; Шполянский, 1999. С. 148, 149); лировидная пряжка, орнаментированная насечками (рис. 3, 3; Седова, 1981. С. 144. Рис. 56, 5); железный броневой наконечник стрелы с массивной боевой головкой ромбовидных очертаний (рис. 4, 3; тип 83 по А. Ф. Медведеву), аналогичный найденному в Суваре (Медведев, 1966. С. 81. Табл. 19, № 38).

К «роменскому» периоду существования поселения вполне могли относиться неорнаментированная лировидная пряжка (XI–XII вв.) и перстнеобразное височное кольцо (X–XIII вв.), имеющие более широкую датировку (рис. 3, 1; 4, 1; *Седова*, 1981. С. 13, 144). Второй половиной XI–XII в. датируются найденные в раскопе шиферные пряслица с диаметром внутреннего канала около 8 мм (рис. 4, 16–18; *Розенфельдт*, 1964. С. 223).

Из археологических объектов XI – начала XII в. наиболее показательными были следующие.

Объект 58 (рис. 8) располагался в секторе 6, являлся ямкой подовальной в плане формы размерами 2,14×0,70–0,80 м, углубленной в материк на 0,15–0,30 м. Объект был вытянут по линии СЗ–ЮВ. Дно плоское, стенки пологие. Заполнение представлено темно-серым гумусированным суглинком с включениями щебня, фрагментов древесного угля и ярко-бурого суглинка. По всей видимости, объект является остатками заглубленной части подпола постройки.

В его заполнении было найдено восемь фрагментов лепных керамических сосудов роменского облика, пять фрагментов стенок раннекруговых сосудов XI в. (рис. 9) и фрагмент кости животного. Два фрагмента принадлежали верхней части лепного сосуда с диаметром венчика около 16 см. По плечикам и краю венчика сосуда нанесен орнамент при помощи «веревочного» штампа (рис. 9, 1). Объект следует датировать XI в.

Объект 96 (рис. 10) был расположен в секторе 11, имел вид подовальной в плане ямы размерами 1,87×1,33 м, углубленной в материк до 0,10 м. Сильно пологие стенки переходили в линзообразное дно. Заполнение представлено темно-серым гумусированным суглинком с включениями фрагментов ярко-бурого суглинка, обожженной глины, древесного угля, золы и щебня. По всей видимости, объект является остатками подпола постройки.

В его заполнении найдены железный черешковый нож (рис. 4, 4), а также 34 фрагмента керамических сосудов (табл. 1). Из них 10 фрагментов принадлежали лепным сосудам роменского облика, 24 – раннекруговым сосудам XI в. (рис. 11). Два фрагмента принадлежали венчику лепной миски (диаметр около 14 см) с орнаментом в виде округлых вдавлений по его внешнему валикообразному краю (рис. 11, 1). Семь фрагментов относились к нижней части раннекругового горшка с линейным орнаментом, нанесенным гребенкой по тулову, и донцем с закраиной, выполненным на подсыпке песка (диаметр около 9 см, угол отгиба стенки от линии днища – 114°; рис. 11, 7).

Еще один крупный фрагмент принадлежал нижней части подобного раннекругового горшка с линейным орнаментом по тулову и донцем с остатками клейма (диаметр около 8 см, угол отгиба стенки от линии днища – 114°; рис. 11, 6). Комплекс керамики из объекта следует датировать XI в. (рис. 11). В заполнении ямы также найдены небольшой обожженный камень, возможно, от очага, фрагмент керамического шлака, 16 фрагментов костей животных, рыба чешуя.

Объект 110 (рис. 12; 13) был расположен в секторе 34. Он имел овально-прямоугольную форму, вытянутую по линии СЗ–ЮВ на 2,83 м. Ширина – 0,97–1,23 м. Линзовидное дно, углубленное в материк на 0,08–0,23 м, понижалось к ЮВ. Стенки пологие. Основная часть заполнения сложена темно-серым гумусированным суглинком с включениями фрагментов обожженной глины и мелкого щебня. В северо-западной части этого заполнения присутствовали известняковые камни до 0,11 м в поперечнике. Нижнюю часть заполнения ямы составлял слой (мощностью до 0,09 м) переотложенного ярко-бурого суглинка с включениями фрагментов гумуса. Юго-восточная часть объекта 110 перекрывала часть объекта 111. Скорее всего, объект 110 являлся остатками подпола постройки.

В заполнении объекта 110 найдены 58 фрагментов керамических сосудов: 55 от лепных и 3 раннекруговых (табл. 1; рис. 14), а также 16 фрагментов костей животных и окаменевший моллюск. Шесть фрагментов принадлежали лепному горшку (диаметр венчика – около 28 см), орнаментированному по округлому краю венчика и плечикам рядами вдавленных палочки. Еще три фрагмента принадлежали венчику лепного горшка, орнаментированному вдавлениями по краю. Два фрагмента венчиков лепных сосудов не имели орнамента. На фрагменте донца раннекругового сосуда зафиксировано клеймо в виде четырехугольного креста (рис. 14, 6). Керамический материал из объекта характерен для XI в.

Объект 111 (рис. 12; 13) располагался в секторе 34. Это яма подовальной в плане формы размерами 1,48×1,00 м, вытянутая по линии ЮЗ–СВ и углубленная в материк до 0,14 м. Дно линзовидное. Заполнение было представлено темно-серым гумусированным суглинком с включениями фрагментов древесных углей, обожженной глины и щебня. Северо-западная часть ямы была нарушена объектом 110. По всей видимости, объект 111 являлся остатками ямы подпола жилой постройки.

В заполнении объекта 111 найден фрагмент глиняной обмазки и пять фрагментов от лепных горшков роменского облика (табл. 1; рис. 15). Два

Таблица 2. Керамический материала из объекта 181 раскопа 1 пос. Бол. Саврасово 2.

Фр-ты лепных сосудов		Фр-ты раннекруговых сосудов				Всего
стенки без орнамента	венчики	стенки		венчики	донца	
		без орнамента	с линейным орнаментом			
21	2 (1)	2	2	3	1	31

Таблица 3. Керамический материал из объекта 193 раскопа 1 пос. Бол. Саврасово 2.

Фр-ты лепных сосудов (6 экз.)			Фр-ты раннекруговых сосудов (50 экз.)				Всего	
стенки без орнамента	венчики	донца	стенок			венчики		донца
			без орнамента	с линейным орнаментом	с линейным и волнистым орнаментом			
1	1	4 (1)	15	16	5	10	4	56

фрагмента принадлежали венчику горшка (диаметр около 26 см), орнаментированного вдавлениями по краю. Фрагмент донца имел исходный диаметр около 11 см. Керамику следует датировать XI в.

Объект 181 (рис. 16) был расположен в секторе 50. Объект имел в плане «трехлепестковую» форму (2,35×1,36 м), углубленную в материк до 0,14 м. Основной объем являлся ямой, серповидной в плане формы (2,35×1,02 м), вытянутой по линии СЗ–ЮВ и углубленной в материк на 0,10–0,14 м. Стенки были пологими, почти ровное дно понижалось до 0,06 м в южной части. У северо-западного края ямы имелась округлая в плане столбовая ямка (0,16×0,15 м) с отвесными стенками. Ее дно было заглублено в материк на 0,13 м и совпадало с уровнем дна в основной части объекта.

К северо-восточному краю основного объема объекта 181 примыкало пологое серповидное в плане углубление (0,76×0,44 м). Оно плавно понижалось от уровня материка до дна основной части объекта 181 на 0,12 м. Заполнение объекта 181 было сложено светло-серым суглинком с включениями щебня и золы. Объект, вероятно, являлся остатками подпола постройки.

В заполнении объекта 181 найдены 23 фрагмента лепных сосудов роменского типа и восемь фрагментов раннекруговых сосудов XI в. (всего – 31 фр., табл. 2; рис. 17), а также девять фрагментов костей животных. Два фрагмента венчика лепного сосуда были орнаментированы пальцевыми защипами. Из фрагментов венчиков раннекруговых сосудов один обточен по краю

(диаметр – около 22 см; рис. 17, 6), другой обточен и орнаментирован косыми насечками по краю (рис. 17, 5), третий имел простой округлый край (диаметр – около 20 см; рис. 17, 4). Объект следует датировать XI в.

Объект 193 (рис. 18) располагался в секторах 64, 67, 68. Объект являлся подовальной в плане ямой (2,77×1,38 м), вытянутой по линии ЮЗ–СВ. Пологие стенки опускались к уплощенному дну, заглубленному в северо-восточной части ямы в материк на 0,15–0,20 м, а в юго-западной части – на 0,18–0,29 м. Заполнение ямы было сложено темно-серым гумусированным суглинком с включениями щебня, фрагментов древесного угля и обожженной глины. Яму, скорее всего, нужно интерпретировать как остатки подпола постройки.

В заполнении объекта 193 найдено 56 фрагментов керамических сосудов (шесть лепных роменского типа и 50 раннекруговых XI в.; табл. 3; рис. 19), а также четыре фрагмента костей животных). Край венчика лепного сосуда был простым, несколько приостренным (рис. 19, 5). Фрагменты раннекруговых венчиков принадлежали семи горшкам. Из них у шести венчиков край был просто обточен (рис. 19, 1–3, 6), а у одного – отогнут наружу и приострен (рис. 19, 4). Диаметры венчиков – около 18–22, 25 см. По плечикам горшки украшает многорядный линейный орнамент, многорядный линейный и волнистый орнамент, гребенчатый штамп. Определительный угол отгиба стенки от линии днища на двух фрагментах одного донца раннекругового сосуда составил 112°. Объект следует датировать XI в.

Таблица 4. Керамический материал из объекта 198 раскопа 1 пос. Бол. Саврасово 2.

Фр-ты раннекруговых сосудов			Фр-т кругового белоглиняного гладкого сосуда (МБК-2)		Всего
стенки		венчики	донца	стенки без орнамента	
без орнамента	с линейным орнаментом				
3 (1)	5	3	4 (1)	1	16

Объект 198 (рис. 20; 21) располагался в секторе 12 и являлся ямой, заглубленной в материк на 0,08–0,30 м. Его восточная часть была нарушена ямой объекта 134, а южная – канавой объекта 197. Основной объем сохранившейся части имел подпрямоугольную в плане форму (2,0×1,6 м), несколько вытянутую по линии ЮЗ–СВ. Стенки этой ямы были довольно пологими, а сохранившаяся часть дна имела грушевидную в плане форму (2,00×1,44 м) и была заглублена в материк на 0,23–0,30 м. Уплотненное дно в южной части нарушено дном канавы объекта 197.

К этой основной части ямы объекта 198, к ее северо-западному углу примыкало аппендиксообразное в плане (0,8–0,6 м) углубление, возможно, являвшееся местом спуска в основную яму. Углубление имело пологие стенки и линзовидное дно, опущенное в материк на 0,08–0,10 м. Заполнение объекта составлял темно-серый гумусированный суглинок с включениями фрагментов древесного угля и щебня. Объект, скорее всего, является остатками подпола постройки.

В заполнении объекта 198 найдены 16 фрагментов керамических сосудов: 15 – от раннекруговых сосудов XI в., а один – от кругового белоглиняного гладкого сосуда XVI в. (табл. 4; рис. 22). Венчики раннекруговых сосудов обточены по краю. Один фрагмент сосуда с диаметром венчика около 10 см имел по плечу два хорошо профилированных ребра с орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом из четырех зубьев (рис. 22, 2). Четыре фрагмента принадлежали донцу раннекругового сосуда с диаметром около 11 см, выполненному на подставке (рис. 22, 4). Объект следует датировать XI в., а присутствие в его заполнении фрагмента МБК-2 XVI в. можно объяснить тем, что он попал из вышерасположенного объекта 134, датированного второй половиной XVI в.

Объект 246 (рис. 23) располагался в секторе 64. Он являлся углубленной в материк ямой округлой в плане формы (2,40×2,38 м). Северный и восточный участки стенки ямы почти отвесные, южный – с небольшим подбоем. У юго-западного

участка стенки на глубине 0,47–0,49 м от верха ямы имелся ступенькообразный уступ сегментообразной формы (1,30×0,34 м), выклинивавшийся к северу. Основная часть дна объекта была углублена на 0,76–0,92 м и имела уплощенно-линзовидный профиль.

Верхняя часть заполнения объекта, за исключением его восточного края, была сложена темно-серым гумусированным суглинком, насыщенным включениями древесного угля, обожженной глины, с включениями щебня. Мощность суглинка достигала в центре ямы 0,34 м. К В его слой выклинивался. Ниже залегал слой ярко-бурого суглинка (мощностью 0,06–0,36 м) с включениями гумуса, достигавший верха ямы в ее восточной части. Под ярко-бурый суглинок залегал слой светло-серого суглинка (мощностью до 0,2 м), отдельными прослойками опускавшийся в расположенный еще ниже слой ярко-бурого суглинка (мощностью 0,10–0,44 м) с включениями гумуса. Объект, вероятно, является остатками погребя.

В верхней части заполнения ямы (пл. 1) найдены 172 фрагмента керамической посуды (табл. 5; рис. 24). Из них 165 фрагментов принадлежали раннекруговым сосудам XI в., а семь – трем круговым красноглиняным горшкам XI – первой половины XII в.

Фрагменты раннекруговых венчиков принадлежали девяти сосудам и имели простое оформление (у семи сосудов обточены по краю, у одного – округлый и у еще одного – приостренный) (рис. 24, 1, 2, 4, 8–11). Стенки сосудов орнаментированы многорядными прямыми либо волнистыми линиями (рис. 24, 12–15). Один неорнаментированный фрагмент раннекруговой стенки имеет серый излом и белые поверхности. На фрагменте донца зафиксировано изображение четырехконечного креста (35×40 мм).

Фрагменты круговых венчиков в трех случаях имели округлые края (21/2 А, Б, 23/1 А; рис. 24, 5–7), а в одном (4 фр.) – горизонтально обточенный край (2/3 В, диаметр – около 18 см; рис. 24, 3). Скорее всего, керамический комплекс

Таблица 5. Керамический материал из объектов 246, 248 раскопа 1 пос. Бол. Саврасово 2.

Объект, пласт	Фр-ты раннекруговых сосудов				Фр-ты круговых красноглиняных сосудов древнерусского времени				Всего
	стенки		венчики	донца	стенки		венчики	донца с клеймом	
	без орнамента	с линейным орнаментом			без орнамента	с линейным и волнистым орнаментом			
246, пл. 1	36	81+12 (с линейной и волной)	18	18	–	–	7	–	172
246, пл. 2	13	36	9	6	–	–	3	–	67
Итого	49	129	27	24	–	–	10	–	239
248	9	48	12	7	2 (1)	2 (1)	1	2 (1)	83

датируется XI – началом XII в. (Коваль, Хижняков, 2005. С. 165).

В нижней части заполнения ямы (пл. 2) найдены 67 фрагментов керамической посуды XI в. (табл. 5; рис. 25), а также три фрагмента костей животных. Девять фрагментов венчиков принадлежали пяти раннекруговым горшкам (диаметры венчиков – около 12, 18, 28–29 см). У четырех горшков венчики были оформлены простым обтачиванием по краю, у одного – край венчика округлый (рис. 25, 1–4, 7). Горшки орнаментированы по плечикам и тулову многорядным линейным орнаментом либо сочетанием многорядного прямолинейного и волнистого орнаментов (рис. 25, 8). Три фрагмента принадлежали верхним частям двух круговых красноглиняных сосудов, которые по морфологии (простое обтачивание края венчика) также могут быть датированы XI в. (рис. 25, 5, 6). Аналогичные фрагменты кругового сосуда с горизонтально обточенным краем венчика и утолщением на шейке (диаметр около 18 см) найдены в пласте 1 и в объекте 248 (рис. 24, 3; 25, 5; 27, 1–3). Поэтому, возможно, объект следует датировать XI – началом XII в. (Коваль, Хижняков, 2005. С. 165).

Объект 248 (рис. 26) был расположен в секторах 64, 65, 68, 69. Объект являлся углубленной в материк ямой, имевшей в плане форму (1,57×1,54 м), близкую к округлой. Северо-западный край ямы нарушила траншея времен Великой Отечественной войны. Яма имела пологие края и уплощенное дно, углубленное в материк на 0,20–0,29 м. Основная часть заполнения объекта состояла из темно-серого гумусированного суглинка (мощностью до 0,16 м) с включениями щебня и камней (размерами до 0,10×0,06 м), насыщенным фрагментами древесного угля и обожженной глины. Под основанием этого слоя находилась прослойка (мощ-

ностью до 0,06 м) темно-серого гумусированного суглинка, насыщенного фрагментами ярко-бурого суглинка, с включениями древесного угля. Под ней – прослойка золы (мощностью до 0,04 м), сливающаяся с прослойкой темно-серого гумусированного суглинка (мощностью до 0,05 м), насыщенного золой. Еще ниже – по дну ямы и вдоль ее стен, достигая верха объекта, залегал слой ярко-бурого суглинка (мощностью 0,04–0,10 м) с включениями гумуса. Скорее всего, объект является остатками подпола постройки.

В заполнении объекта 248 найдены костяная рукоять ножа с орнаментом (рис. 4, 1), 83 фрагмента керамической посуды (табл. 5; рис. 27) и девять фрагментов костей животных. Большинство фрагментов (76) принадлежали раннекруговым сосудам XI в., а семь – одному либо двум круговым красноглиняным сосудам XI–XII вв. Фрагменты раннекруговых венчиков относятся к пяти сосудам и оформлены обтачиванием по краю (диаметры – около 24, 26, 29 см). Эти сосуды (четыре формы явно были горшками) имели сплошной либо многорядный линейный орнамент по плечикам и тулову (рис. 27, 4–8). Значительное количество раннекруговых фрагментов принадлежало горшку (диаметр венчика – около 24 см) с отверстием на шейке, сделанным, очевидно, для ремонта сосуда (рис. 27, 7). Фрагменты раннекруговых донцев (определимые диаметры – около 8 и 14 см) имели углы отгиба стенок от линии днища 113, 116°. На одном донце, вероятно, было клеймо с использованием окружности.

Указанный круговой красноглиняный сосуд по тулову украшен многорядным прямолинейным и волнистым орнаментом. Его донце (диаметр – около 10 см) имело клеймо в виде трех концентрических окружностей, соединенных

отрезками-радиусами (рис. 27, 2–4). Вероятно, этому сосуду принадлежал венчик (диаметр – около 18 см) с горизонтально обточенным краем и утолщением на шейке (рис. 27, 1). Подобные фрагменты венчика найдены в объекте 246 (рис. 24, 3; 25, 5). Поэтому, возможно, объект 248 следует датировать XI – началом XII в.

Из объектов древнерусского времени (XII в.) наиболее показательным оказался объект 26. В остальных пяти – небольших ямах и ямках, предположительно отнесенных к этому периоду, было найдено менее 20 фрагментов керамической посуды.

Объект 26 (рис. 28) был расположен в секторе 2 и представлен округлой в плане ямой размерами 1,80×1,26 м, углубленной в материк на 0,22–0,25 м. Дно плоское, стенки покатые. Заполнение составлял слой темно-серого гумусированного суглинка. По всей видимости, объект является остатками ямы хозяйственного назначения.

Из заполнения объекта 26 происходит пластинчатый щитковый перстень из оловянисто-свинцового сплава с ложной зернью, датируемый по материалам Новгорода первой половиной XII в. (рис. 3, 17; *Седова*, 1981. С. 132. Рис. 49, 12, 16). Кроме того, в объекте найдены костяной кочедык (рис. 4, 2); железный наконечник стрелы типа 97 по А. Ф. Медведеву, характерный для XII–XIV вв. (рис. 4, 8; Медведев, 1966. С. 85. Табл. 21, № 37); фрагмент пластинчатого браслета (X–XIV вв.) с узором в виде косых крестов (ромбов) (рис. 3, 6; *Седова*, 1981. С. 103, 110); два фрагмента каменных оселков; железный черешковый нож и фрагмент ножа.

Там же найдено 257 фрагментов керамической посуды (табл. 6; рис. 29), 28 фрагментов костей животных и створка речной ракушки. 21 фрагмент керамики принадлежал раннекруговым сосудам XI в., 232 – круговым сосудам XII в., четыре мелких фрагмента – круговым сосудам XVI в. Фрагменты круговой керамической посуды древнерусского времени принадлежали красноглиняным и белоглиняным сосудам окислительного обжига (55 красноглиняных, 41 белоглиняный, 136 серого цвета после вторичного обжига). В формовочных массах присутствует песок, иногда редкие включения дресвы. Излом фрагментов, как правило, трехслойный. Однако некоторые красноглиняные фрагменты имеют равномерный красный излом.

Почти все фрагменты венчиков древнерусской керамики принадлежали горшкам и по морфологии (сильно изогнутые шейки при загибах черновых краев внутрь) характерны для XII в. (*Коваль, Хиж-*

няков, 2005. С. 164, 166, 167, 174, 176). Несколько фрагментов венчиков принадлежали мискам.

Стенки древнерусских сосудов украшают многорядный прямолинейный и волнистый орнаменты, их сочетание, реже – вдавления палочкой и косые насечки. Донца древнерусских сосудов выполнены на подсыпках песка, подставках, иногда имеют клейма.

В яме объекта 44, датируемого по небольшому керамическому комплексу XII в. (19 фрагментов, из них семь – от круговых сосудов XII в.), найдено перстнеобразное проволочное височное кольцо (серьга – рис. 3, 15) из ряда часто встречающихся на памятниках X–XIII вв. (*Седова*, 1981. С. 13).

Позднесредневековые объекты представляли ямы от хозяйственных сооружений и канавы – остатки межевых сооружений. По итогам раскопок стало понятно, что была исследована линия погребов второй половины XVI – начала XVII в., расположенных вдоль склона террасы левого берега р. Пахры. Из них четыре погребов (объекты 89, 125, 133–140–141, 271) содержали внутри ямы подпрямоугольную в плане белокаменную кладку стен. Остатки одного погребов (объект 126) имели вид ямы без сохранившихся дополнительных сооружений. Четыре погребов (объекты 89, 125, 126, 133–140–141) располагались на четырех участках примерно одинаковой ширины – 22–26 м, разделенных между собой остатками четырех межевых канав (рис. 2). Эти канавы (объекты 205, 222, 114, 40, 24, 128, 130, 197, 194, 195) были ориентированы с СЗ на ЮВ и на многих участках имели следы каких-то межевых сооружений, возможно, типа заплота. Направления трех канав были практически параллельны между собой. Направление четвертой, крайней с СВ (объекты 194, 197), незначительно отклонялось от них. Очевидно, эти канавы фиксировали границы владельческих дворов.

Отличную от описанных ориентировку имели границы двора, очертания которого прослеживаются по остаткам канавы (объекты 196, 283), столбовых ям (объекты 199, 270, 360, 266, 268, 269) и погребов с каменной кладкой стен (объект 271). Жилища, скорее всего, стояли выше по террасе от погребов, к СЗ от них. Остатками подпола жилой постройки, вероятно, являлась яма (объект 139) в северо-западном углу раскопа.

Наиболее характерными индивидуальными находками времени существования позднесредневековых дворов нужно считать два нательных креста (рис. 3, 7, 8), найденных в канавках (объекты 24, 130), фрагмент нательного креста с нижним килевидным окончанием (рис. 5, 7) из заполнения

Таблица 6. Керамический материал из объекта 26 раскопа 1 пос. Бол. Саврасово 2.

Фр-ты раннекруговых сосудов (21 экз.)				Фр-ты круговых красноглиняных сосудов древнерусского времени (55 экз.)				Фр-ты круговых белоглиняных сосудов древнерусского времени (41 экз.)				Фр-ты круговых сосудов древнерусского времени серого цвета после вторичного обжига (136 экз.)				Фр-т кругового красноглиняного гладкого сосуда (1 экз.)	Фр-ты круговых белоглиняных грубых сосудов (МБК-1) (3 экз.)		
стенки		венчики	донца	стенки		венчики	донца	стенки		венчики	донца	стенки				венчики	донца	стенки без орнамента	стенки с орнаментом
без орнамента	с линейным орнаментом			без орнамента	с линейным орнаментом			без орнамента	с линейным орнаментом			без орнамента	с линейным орнаментом	с волнистым орнаментом	с волнистым и линейным орнаментом				
16	3	1	1	16	19	12	8	13	16	5	7	38	86	2	1	7	2	1	3

погребя (объект 133), серьгу в виде вопросительного знака из того же объекта (рис. 5, 8) и перстень пластинчатый с печаткой из пахотного слоя (рис. 5, 2). Эти вещи имеют широкие даты бытования – XIV–XVI вв. (Седова, 1981. С. 16). Более узко позднесредневековые объекты датируются по керамическим комплексам.

При учете и анализе позднесредневековой керамики нами была использована классификация керамики XV–XVII вв. для Москвы и Подмосковья как красноглиняной гладкой, белоглиняной грубой (МБК-1), белоглиняной гладкой (МБК-2), белоглиняной шероховатой, чернолощенной (Чернов, 1991; Коваль, 2001; Глазунова, 2009. С. 130–139; Коваль, 2014. С. 497). Выделенные в рамках этой классификации группы керамической посуды хорошо представлены в материалах раскопа 1.

Абсолютное большинство среди круговой керамики составляют фрагменты белоглиняных грубых сосудов (МБК-1) XVI в. – 68–91% (табл. 7; рис. 69). Они были изготовлены из нежелезистых (сравнительно небольшое число, до 10%, – из слабожелезистых) глин при окислительном обжиге. В формовочных массах присутствовал песок, преимущественно мелкий (до миллиметра), но отдельные включения песка достигали 2 мм в поперечнике. Поверхности таких сосудов шеро-

ховатые. Изломы белые либо двуслойные в итоге вторичного обжига в ходе бытового использования. Белоглиняные грубые сосуды представлены в основном горшками с характерными завернутыми наружу краями венчиков (рис. 59; 65; 66, 3–8; 67, 1–3, 5–7, 9). Значительную часть белоглиняной грубой посуды составляют кувшины с уплощенными ручками (рис. 48, 1, 4–6), небольшое число фрагментов принадлежало мискам и крышкам (рис. 41, 1; 50, 6, 11). Горшки и кувшины были орнаментированы по туловам одиночными, разнесенными между собой прямыми и волнистыми линиями (рис. 35, 5; 64, 6), реже – вдавлениями палочкой, косыми насечками. Многие горшки украшались одиночной волнистой линией по шейке (рис. 58, 2, 3). Вертикальные насечки на уплощенных ручках предохраняли изделие от порчи при горновом обжиге (рис. 42, 1; 45, 4). Один крупный фрагмент кувшина (объект 284) был украшен по шейке и краю венчика полосами оранжевого ангоба (рис. 30, 2). Донца белоглиняных грубых сосудов чаще всего изготавливались на подсыпках песка, реже – на подставках.

Фрагментов белоглиняной гладкой посуды (МБК-2) в материалах раскопа зафиксировано значительно меньше (в объектах – не более 20% от общего числа фрагментов керамики,

Таблица 7. Соотношение групп позднесредневековой керамики из объектов раскопа 1.

Объекты	Фр-ты круговых красноглиняных гладких сосудов (%)	Фр-т кругового красноглиняного поливного сосуда	Фр-ты круговых белоглиняных грубых сосудов (МБК-1) (%)	Фр-ты круговых сосудов из слабожелезистой глины с морфологией МБК-1 (%)	Фр-ты круговых белоглиняных гладких сосудов МБК-2 (%)	Фр-ты круговых белоглиняных шероховатых сосудов (%)	Фр-ты круговых чернолощенных сосудов (%)	Всего (100%)
89	37 (10)	–	293 (79)	4 (1)	35 (10)	–	–	370
109	9 (4)	–	210 (91)	1 (менее 1)	10 (4)	–	–	230
119	17 (2)	–	886 (87)	–	120 (12)	–	–	1023
125	4 (1)	–	248 (89)	–	23 (8)	3 (1)	2 (1)	280
126	58 (5)	–	1101 (87)	66 (5)	43 (3)	–	1 мореный	1269
134	64 (5)	–	1005 (83)	–	140 (12)	–	2	1211
139	23 (5)	1	390 (81)	47 (10)	15 (3)	1	2	479
271	16 (11)	–	96 (68)	–	27 (19)	–	3 (2)	142

но в большинстве позднесредневековых объектов – около 3–12%; табл. 7; рис. 69). Как правило, это фрагменты горшков раннего для МБК-2 облика: с приостренными за счет обтачивания краями (варианты 2/2 В, 3/3 А, Б, Е, Ж по В.Ю. Ковалю) и орнаментом из небольшого числа линий по шейкам, верхним частям плечиков (рис. 45, 1, 2; 47, 2–4; 55, 1, 2; 64, 1–4, 7; 66, 1, 2; Коваль, 2014. С. 519). Такие горшки бытовали во второй половине XVI – начале XVII в. (Коваль, 2005).

Как известно, белоглиняная гладкая посуда характеризуется формовочной массой без визуально заметных примесей. Изломы белые либо двуслойные после вторичного обжига в итоге бытового использования. Линейный орнамент на фрагментах стенок таких сосудов в основном наносился по верхним частям плечиков горшков и основаниям шеек. Донца гладкие.

Небольшое число фрагментов круговых белоглиняных шероховатых сосудов отличало наличие в их формовочных массах очень мелкого песка при морфологии венчиков типа горшков МБК-2 (3/3, 3/4, по В.Ю. Ковалю, с линейным орнаментом по шейке либо без него). По совокупности названных признаков такие сосуды следует датировать концом XVI – первой половиной XVII в. (рис. 41, 4).

Круговая красноглиняная гладкая посуда (в формовочных массах – мелкий песок, изломы красные) представлена небольшим числом (до 11%) верхних частей горшков с морфологией, характерной для XVI в. (рис. 49, 10), фрагментами кувшинов с полосами лощения, столовых миско-

образных сосудов (рис. 35, 6, 7; 58, 4, 5; 64, 8; 66, 12). В объекте 134 найдены фрагменты красноглиняного кувшина-кружки, украшенного пятнами белого ангоба (рис. 67, 4). Такие сосуды известны среди материалов XV–XVI вв. из раскопок в Москве (Коваль, С. 505; «Археология Романова двора», 2009. С. 466, 467. Рис. 220, 6; 221, 9). Два подобных фрагмента найдены и в объекте 126 (рис. 47, 5). В объекте 89 обнаружены фрагменты красноглиняного гладкого горшка с морфологией венчика (3/3, по В.Ю. Ковалю) и орнаментацией линиями по шейке, характерными для МБК-2 (рис. 36, 1).

Весьма небольшое число фрагментов (до 2%) принадлежало круговым чернолощеным (единичные фрагменты – серолощеным) позднесредневековым сосудам. Они изготовлены из красножгущихся и беложгущихся глин путем восстановительного обжига. В формовочных массах присутствовал очень мелкий песок. Лощение сплошное либо полосами, характерное для XVI–XVII вв. Фрагменты принадлежали кувшинам либо другим столовым сосудам.

Судя по количественному соотношению в ряде объектов раскопа 1 описанных групп позднесредневековой керамики (табл. 7–16; рис. 65–67; 69), в целом ее следует датировать второй половиной XVI – началом XVII в. (Чернов, 2013. С. 38).

В пахотном слое найдены единичные фрагменты керамики более позднего времени – конца XVII–XIX в. Например, два фрагмента венчиков (рис. 30, 1, 3 – тип 4/3 по В.Ю. Ковалю) белоглиняных грубых корчаг, бытовавших в Подмоскowie

с конца XVII в. (Чернов, 2005. С. 160. Рис. 33 Б), а также фрагмент венчика белоглиняного гладкого горшка позднего облика – начала XVIII в., фрагменты мореной и поливной посуды.

Рассмотрим более детально наиболее интересные позднесредневековые объекты.

Объект 89 (рис. 31–34) был расположен в секторах 1, 4, 5, 35 и являлся ямой подквадратной в плане формы размером 4,28×3,85 м. Линзообразное дно углублялось в материк на 1,47–1,84 м. Слегка пологие стенки изнутри были обложены насухо известняковыми камнями – бутом и производственным браком, образовавшимся при добыче и обработке камня. В плане кладка имела подпрямоугольную форму размером 3,65×3,00 м. Западный, восточный и южный углы конструкции были сложены со скруглением, препятствующим сдавливанию и деформации кладки, северный угол был прямым. Каменная кладка прослеживалась от нижнего горизонта современной пашни до дна ямы. Высота кладки – 1,54–1,84 м. Вдоль юго-западной и северо-восточной стенок ямы каменная кладка имела основание на 0,16–0,25 м ниже, чем основание вдоль северо-западной и юго-восточной стенок. Более глубокий нижний ряд камней выступал на 0,12–0,30 м от внутренней поверхности кладки во внутренний объем каменной конструкции вдоль ее юго-западной стенки. Возможно, эта выступающая каменная отмостка в основании кладки служила опорой для деревянного настила пола.

Камни кладки были, как правило, уплощенными и имели различные размеры: от самых незначительных до плит длиной 1,06 м, шириной до 0,45 м, толщиной до 0,30 м. Подобные известняковые камни заполняли в хаотичном порядке и внутренний объем каменной кладки, возвышавшейся над уровнем поверхности ямы, вероятно, в итоге разрушения верхней части каменной конструкции. Кроме камней внутренний объем каменной кладки заполнялся в верхней части темно-серым гумусированным суглинком с включениями щебня и мелких фрагментов древесного угля. Нижняя часть внутреннего заполнения каменной кладки была сложена клиновидным в сечении слоем (мощностью до 0,8 м) ярко-бурого суглинка с включениями фрагментов щебня. Под ним залегал слой (мощностью 0,10–0,14 м) темно-серого гумусированного суглинка с включениями фрагментов древесного угля. Еще ниже – слой (мощностью 0,19–0,24 м) переотложенного ярко-бурого суглинка с включениями фрагментов гумуса. Пространство между внешними поверхностями каменной кладки и стенками ямы было заполнено переот-

ложенным ярко-буром суглинком с включениями мелких фрагментов древесного угля. По всей видимости, объект являлся остатками погреба, расположенного отдельно от жилища.

В заполнении объекта 89 были найдены железная иголка, фрагмент железной полосы, 370 фрагментов керамической посуды (табл. 7; 8; рис. 35; 36) и 11 фрагментов костей животных. Во всех слоях преобладали фрагменты круговых белоглиняных сосудов второй половины XVI в. (грубых – 293, гладких – 35). Фрагментов круговых красноглиняных гладких сосудов XVI в. было значительно меньше – 37. В нижних слоях (4, 5) кроме одного фрагмента стенки кругового красноглиняного гладкого сосуда собрано только 40 фрагментов белоглиняных грубых сосудов (МБК-1). Такое соотношение указанных групп керамики характерно для второй половины XVI в. Морфология найденных фрагментов достаточно типична для посуды этих групп. Исключение составляют 38 фрагментов из слоя 2, принадлежавшие круговому красноглиняному гладкому горшку с морфологией и орнаментацией, характерной для белоглиняных гладких горшков (МБК-2) второй половины XVI в. (рис. 36, 1). Формовочная масса этого горшка содержала пылевидный песок, а внешнюю поверхность покрывал нагар. Среди других фрагментов красноглиняных гладких сосудов присутствовали фрагменты кувшинов, стенок с полосами лощения.

Фрагменты белоглиняной грубой керамики (МБК-1) принадлежали горшкам, обычно со следами вторичного обжига в итоге бытового использования, мисковидным сосудам и столовым кувшинам с чистыми поверхностями. Фрагменты белоглиняных гладких сосудов (МБК-2) принадлежали горшкам с характерным орнаментом из прямых линий по шейкам.

Заполнение объекта 89 следует датировать второй половиной XVI в. Каменная кладка из него была разобрана для музеефикации в экспозиции музея-заповедника «Горки Ленинские» (рис. 34).

Объект 125 (рис. 37–40) располагался в секторах 10 и 21 и являлся ямой подпрямоугольной в плане формы размерами 3,77×3,15 м. Линзообразное дно было углублено в материк на 0,98–1,38 м. Стенки слегка пологие, углы скругленные. Вдоль юго-западной стенки ямы фиксировалась канавка – объект 130. Она огибала юго-западный угол объекта 125. Заполнения верхней части объекта 125 и объекта 130 (темно-серый гумусированный суглинок, насыщенный известняковыми камнями) смыкались. Эти факты, вероятно, указывают на синхронное существование объектов 125 и 130,

а также на формирование объекта 130 как канавки-промоины на месте ограды, огибавшей угол отдельно стоявшего погребя – объекта 125. Стенки ямы – объекта 125 – изнутри были обложены насухо известняковыми камнями, представленными как бутом, так и производственным браком, образовавшимся при добыче и обработке камня. Размеры камней – от 0,10×0,06 м до плит длиной 0,82 м, шириной 0,36 м и толщиной 0,20 м. Каменная кладка имела изначально подпрямоугольную форму с внешними размерами 3,10×,50 м и сохранилась на высоту 0,88–1,34 м от дна ямы до ее верхних краев. Вдоль юго-западной стенки объекта каменная облицовка ямы оказалась выдавленной внутрь в верхней части на 0,40 м. Это произошло, вероятно, из-за насыщения влагой из канавки – объекта 130 – ярко-бурого суглинка вдоль указанного края объекта 125. Северо-восточная стенка кладки также имела отклонение внутрь объема ямы до 0,30 м от первоначальной линии поверхности.

Заполнение ямы состояло из нескольких слоев. В верхней части объекта залегал слой темно-серого гумусированного суглинка (мощностью 0,10–0,55 м), насыщенного щебнем и известняковыми камнями из верхней, разрушенной части каменной кладки. Ниже, внутри сохранившейся части кладки, залегал слой светло-серого суглинка (мощностью 0,52–0,62 м) с включениями фрагментов щебня, древесного угля и обожженной глины. В основании этого слоя в восточной части ямы на глубине 4,56 м от уровня условного нуля был найден каменный жернов (0,32 м в диаметре). Под светло-серым суглинком – слой темно-бурого суглинка (мощностью 0,13–0,16 м) с включениями щебня. Еще ниже, на дне каменной кладки, – слой древесных углей (мощностью 0,04–0,07 м) с включениями щебня и фрагментов обожженной глины. В этом слое у северного угла кладки на глубине 4,62 м от условного нуля был найден еще один каменный жернов (0,42 м в диаметре, рис. 40). Пространство ямы между ее стенками и внешними поверхностями стенок каменной кладки было заполнено темно-серым гумусированным суглинком, насыщенным включениями ярко-бурого суглинка. Очевидно, объект являлся остатками погребя, расположенного отдельно от жилища. Каменная конструкция значительно возвышалась над уровнем дневной поверхности. Когда погреб был заброшен, каменную кладку, возвышавшуюся над поверхностью, демонтировали и сбросили внутрь ямы, а площадку выровняли.

В верхней части ямы найдены маленькое свинцовое грузило и бронзовая гирьковидная пуговица. На дне ямы – по одному фрагменту косы-горбуши,

лезвия железного ножа, железного ножа с пластинчатой рукоятью.

Также в заполнении объекта 125 найдены 283 фрагмента керамической посуды (табл. 7; 11; рис. 41; 42). Во всех слоях подавляющее большинство составляли фрагменты круговых белоглиняных грубых сосудов (МБК-1; всего – 248). Значительно меньше найдено фрагментов круговых белоглиняных гладких сосудов (МБК-2; всего – 23). Однако после белоглиняных грубых фрагментов они доминировали во всех слоях. Красноглиняным гладким сосудам, найденным только в слое 2, принадлежали четыре фрагмента, белоглиняным шероховатым – три, круговым чернолощеном – два, раннекруговым – три фрагмента. Такое распределение указанных групп круговой керамики по слоям и в целом в объекте характерно для второй половины XVI в.

Фрагменты белоглиняных грубых сосудов принадлежали прежде всего горшкам с характерными загибами черновых краев венчиков наружу, а также кувшинам с уплощенными ручками и отдельным мисковидным сосудам. Шесть фрагментов белоглиняной миски (диаметр венчика – около 24 см, диаметр донца на подсыпке мелкого песка – около 12 см) обнаружены в слое 2 (рис. 41, 1). В этом же слое найдены восемь фрагментов белоглиняного грубого кувшина (диаметр венчика – около 13 см) с ручкой, имевшей вертикальные прорезы для предотвращения растрескивания изделия при обжиге (рис. 42, 1, 3). Донце этого кувшина выполнено на подсыпке мелкого песка и имело угол отгиба стенки от линии днища 132°. Фрагменты других донцев белоглиняных грубых сосудов имели диаметры около 10, 14 и 17 см и углы отгиба стенок от линии днищ 118, 122, 124, 138°.

Все четыре фрагмента венчиков белоглиняных гладких сосудов принадлежали горшкам с приостренными за счет обтачивания краями венчиков (варианты 3/3 А, Б по В.Ю. Ковалю) и линейным орнаментом по шейкам (рис. 41, 3–5, 9; 42, 2). Одиннадцать фрагментов одного из этих горшков найдены в слоях 3 и 4. Сосуд был черным в результате вторичного обжига в ходе бытового использования, по морфологии и орнаментации характерен для последних десятилетий XVI – первых десятилетий XVII в. (рис. 42, 2).

Два фрагмента из слоев 1 и 2 принадлежали венчику белоглиняного шероховатого горшка (диаметр – около 18 см; вариант 3/4 Ж по В.Ю. Ковалю) с морфологией и орнаментацией МБК-2, но присутствием песка в формовочной массе (рис. 41, 4). Еще один фрагмент стенки подобного горшка был также орнаментирован линиями

Таблица 9. Керамический материал из объекта 109 раскопа 1 пос. Бол. Саврасово 2.

Сумма	Фр-ты раннекруговых сосудов		Фр-т кругового красноглиняного сосуда древнерусского времени (?)	Фр-ты круговых красноглиняных гладких сосудов			Фр-т кругового сосуда из слабообожженной глины	Фр-ты круговых белоглиняных грубых сосудов (МБК-1)						Фр-ты круговых белоглиняных гладких сосудов (МБК-2)	
	стенок			стенок		венчиков		стенок						стенки без орнамента	шейки с линейным орнаментом
	без орнамента	с линейным орнаментом		без орнамента	с лошением			без орнамента	с линейным орнаментом	с волнистым орнаментом	с линейным и волнистым	венчиков	донцев		
	4	2	1	7	1	1	1	153	11	1	2 (1)	21	22	9	1
Итого	6		1	9			1	210						10	
Всего	237														

по основанию шейки. Такая керамика может датироваться концом XVI – первой половиной XVII в.

Фрагменты красноглиняной гладкой посуды следов вторичного обжига не имели, так как, очевидно, относились к столовой посуде. Один фрагмент такой стенки был орнаментирован штампом (на четыре зуба) и горизонтальной линией. Фрагмент чернолощеного сосуда из слоя 1 принадлежал горловине с рельефным горизонтальным орнаментом.

Объект следует датировать второй половиной XVI – первой четвертью XVII в.

Объект 126 (рис. 43; 44) располагался в секторах 33, 41 и являлся ямой, по форме в плане близкой к трапеции (4,20×3,94 м) со скругленными углами. Основной объем объекта – яма подпрямоугольной в плане формы (3,94×3,40 м), углубленной в материк на 1,80–2,20 м. Яма ориентирована по линии ЮЗ – СВ. Стенки ее основного объема имели небольшой уклон ко дну. В западном углу линзовидного дна зафиксирована еще одна яма (объект 126а) округлой в плане формы (1,08×0,80 м). Она имела пологие стенки и почти плоское дно, углубленное в материк на 0,28–0,30 м.

К северо-западному краю основного объема ямы – объекта 126 примыкала значительно менее глубокая яма – ступенька подтреугольной в плане формы 2,90×0,80 м. Она имела пологие

стенки и почти плоское дно, углубленное в материк на 0,20–0,24 м.

Заполнение объекта 126 состояло из нескольких слоев. Сверху, в центральной части объекта, не достигая краев ямы, лежал слой светло-бурого суглинка (мощностью до 0,60 м), насыщенный щебнем. Ниже, заполняя собой дополнительный объем ямы-ступеньки, залегал слой темно-серого гумусированного суглинка (мощностью 0,13–0,33 м) с включениями фрагментов древесного угля и обожженной глины, одиночных известняковых камней (до 0,15 м в поперечнике). Основание описанного слоя плавно переходило в слой темно-серого гумусированного суглинка (мощностью до 0,30 м), насыщенного ярко-буром суглинком. В нем находилось скопление хаотично расположенных известняковых камней (размеры камней – от 0,06×0,06 м до 0,17×0,18 м; размер скопления – 0,75×1,30 м) на глубине 2,06–2,10 м от условного нуля. Нижнюю часть заполнения объекта 126 и заполнения объекта 126а составлял слой ярко-бурого суглинка (мощностью до 1,38 м) с включениями фрагментов гумуса и древесного угля. Расчлененность этого слоя на отдельные объемы прослойками гумуса и угольков, очевидно, являлась следствием искусственной засыпки ямы. У южного края ямы слой ярко-бурого суглинка нарушался клиновидным в сечении слоем ярко-бурой

Таблица 10. Керамический материал из объекта 119 раскопа 1 пос. Бол. Саврасово 2.

Пласт	Фр-ты ранне-круговых сосудов		Фр-ты круговых красноглиняных гладких сосудов			Фр-ты круговых белоглиняных грубых сосудов (МБК-1)							Фр-ты круговых белоглиняных гладких сосудов (МБК-2)				Всего	
	стенки		стенки			стенки							стенки					
	без орнамента	с линейным орнаментом	без орнамента	с линейным орнаментом	донца	без орнамента	с линейным орнаментом	с волнистым орнаментом	с вдавлениями палочкой и волнистым	с вдавлениями палочкой и линейным	венчики	ручки	донца	без орнамента	с линейным орнаментом	венчики		донца
1	1	1	5	2		212	11		1		27		25	19		2		
Итого	2		7			276							21				306	
2	2	1	4 (1)	4	1	397	22	3	3	1	55	9	50	50	7	8	7	
Итого	3		9			540							72				624	
3	1		1			56	1	2	1		9		1	24		2 (1)	1	
Итого	1		1			70							27				99	
Всего	1029																	

супеси (мощностью 0,18–0,90 м). В основании слоя ярко-бурого суглинка в 0,06–0,08 м выше дна ямы располагалась прослойка древесного угля (мощностью до 0,03 м). Ниже этой прослойки, на дне ямы, – щебень и уплощенные известняковые камни (до 0,24 м в поперечнике). По всей видимости, объект являлся ямой погребя.

В заполнении объекта 126 найдены медная монета-чешуйка плохой сохранности, железный черешковый нож с обломанным лезвием, железная обоймица от рукоятки ножа, детали фурнитуры сундука – медный уголок, мелкие железные гвоздики и скобки, фрагмент небольшой железной жиковины. Кроме того, 1277 фрагментов керамической посуды (табл. 7; 12; рис. 45–50) и 37 фрагментов костей животных.

Во всех пластах заполнения ямы подавляющее большинство составляли фрагменты круговых белоглиняных грубых сосудов (МБК-1; всего – 1101). Далее по численности фрагментов группы круговой керамической посуды распределились следующим образом: фрагменты сосудов из слабоожелезненной глины с морфологией МБК-1 – 66, фрагменты красноглиняных гладких сосудов – 58, фрагменты белоглиняных гладких сосудов (МБК-2) – 43, фрагменты раннекруговых сосудов – 7,

по одному фрагменту белоглиняного сосуда древнерусского времени и мореного сосуда. Такое распределение названных групп позднесредневековой керамики по слоям и в целом в объекте характерно для второй половины XVI в.

Фрагменты белоглиняных грубых сосудов принадлежали прежде всего горшкам с характерными загибами черновых краев венчиков наружу, а также кувшинам с ручками, единичным крышкам (пл. 9–10; рис. 50, 11), мискообразному сосуду (диаметр венчика – около 24 см; пл. 9–10, слой углей; рис. 50, 6). Некоторые фрагменты белоглиняных сосудов были орнаментированы одиночными волнистыми линиями по отогнутому краю венчика (в пл. 7; рис. 49, 6), плечикам и шейкам (рис. 50, 9), одиночными разнесенными между собой горизонтальными линиями – по тулову, плечикам, вдавлениями палочкой – по плечикам (рис. 49, 11).

Семнадцать фрагментов белоглиняного грубого кувшина (диаметр венчика – около 13 см) с уплощенной ручкой были найдены в пласте 3 (рис. 48, 5). Фрагменты подобных кувшинов, орнаментированных по плечикам одиночной волнистой линией, найдены и на дне объекта (рис. 48, 1, 4, 6). Донце одного из них было выполнено на подсыпке песка (с углом отгиба стенки от линии днища

Таблица 11. Керамический материал из объекта 125 раскопа 1 пос. Бол. Саврасово 2.

Слой	Фр-ты раннекруговых сосудов		Фр-ты круговых красноглиняных гладких сосудов		Фр-ты круговых белоглиняных грубых сосудов (МБК-1)						Фр-ты круговых белоглиняных гладких сосудов (МБК-2)			Фр-ты круговых белоглиняных шероховатых сосудов		Фр-ты круговых чернolощенных (на основе красноглиняных) сосудов		Всего	
	стенки с линейным орнаментом	донца	стенки без орнамента	стенки со штампом и линейным орнаментом	стенки без орнамента	стенки с линейным орнаментом	стенки с волнистым орнаментом	стенки с линейным и волнистым орнаментом	венчики	ручки	донца	стенки без орнамента	стенки с линейным орнаментом	венчики	стенки с линейным орнаментом	венчики	стенки без орнамента		стенки с линейным рельефным орнаментом
1					23	1		1	6		2	1		2		1		1	
Итого	–				33						3			1		1		38	
2	1	1	3	1	167	3	1		10	1	8	5	3	1	1	1	1		
Итого	2		4		190						9			2		1		208	
3, 4	1				15	3			2		5 (1)	9 (1)	1	1					
Итого	1		–		25						11			–		–		37	
Всего	283																		

121°). Определимые фрагменты донцев белоглиняных грубых сосудов имели диаметры 7–9, 11–13, 15–17 см с углами отгиба стенок от линии днищ 113–140°. Два фрагмента крышек имели диаметры около 24, 28 см.

Фрагменты круговых сосудов из слабожелезистой глины, судя по венчикам, принадлежали горшкам с морфологией, типичной для МБК-1, возможно, миске (два фрагмента донца диаметром около 14 см на подсыпке песка до 2,5 мм в поперечнике со дна объекта). Два фрагмента донца сосуда из слабожелезистой глины из пласта 4 имели диаметр около 12 см и угол отгиба стенки от линии днища 130°.

Все фрагменты венчиков белоглиняных гладких сосудов принадлежали горшкам с приостренными за счет обтачивания краями венчиков (варианты 2/2 А, Б, 3/3 А, Е, Ж по В. Ю. Ковалю) и линейным орнаментом в нижней части шейки и на многих по плечикам (рис. 45, 1, 2; 46, 1; 47, 2–4; 50, 1, 3). Такая морфология венчиков и орнаментация характерны для ранних горшков МБК-2 второй половины XVI в. Один фрагмент венчика белоглиняного

гладкого горшка из пласта 1 с более частыми линиями по шейке принадлежал сосуду, который мог бытовать и в первые десятилетия XVII в. Донца горшков МБК-2 были гладкими, с углами отгиба стенок от линии днищ 126, 128° (диаметр одного из них – около 10 см).

Фрагменты красноглиняных гладких сосудов принадлежали кувшинам (в пл. 2, 3, 4, 6) и горшкам (в пл. 1, 2, 4, 8, 9–10). Фрагмент верхней части такого горшка из пласта 8 с горизонтально обточенным венчиком (диаметр – около 18 см; тип 2/3 по В. Ю. Ковалю) и хорошо выраженным плечиком, орнаментированным многорядными линиями, характерен для XVI в. (рис. 49, 10). Фрагмент верхней части еще одного красноглиняного горшка из слоя углей (пл. 9–10) имел венчик (диаметр – около 23 см), сформированный загибом края наружу, и почти вертикальное плечико с орнаментом из вдавлений палочкой (рис. 50, 10). Только девять фрагментов стенок красноглиняных столовых сосудов имели полосы лощения (рис. 48, 3), а две стенки из пласта 7 принадлежали красноглиняному сосуду с округлыми пятнами белого ангоба

(рис. 47, 5) («Археология Романова двора», 2009. С. 466, 467. Рис. 220, 6; 221, 9). Диаметры донцев красноглиняных гладких сосудов составляли 8, 10, 13 см, а углы отгиба стенок от линии днищ – 115, 120, 126°. Заполнение объекта следует датировать второй половиной XVI в.

В заполнении объекта 126а были найдены три фрагмента круговой белоглиняной грубой посуды (табл. 12), в том числе фрагмент верхней части горшка с валикообразным венчиком (диаметр около 16 см), сформированным загибом черногового края наружу, и одиночной волнистой линией, нанесенной по шейке. Посуда характерна для XVI в.

Объекты 133, 140, 141 (рис. 51–54) являлись единым сложным комплексом, при первых зачистках воспринятым как три различных объекта. Объект 133 находился в секторе 14. Это яма трапециевидной в плане формы (2,87×2,68 м), углубленной в материк на 0,58–1,30 м. Яма ориентирована по линии СЗ–ЮВ. К северо-восточному углу основного объема ямы с С прилегало аппендиксообразное углубление (0,94×0,43 м), имевшее глубину от уровня материка до 0,14 м. Стенки основной ямы были почти отвесными. Основная площадь дна ямы имела подпрямоугольную форму (2,26×2,00 м) и была углублена в материк на 1,18–1,30 м. Вдоль северо-восточной и юго-восточных стенок ямы дно представляло собой менее углубленные площадки трапециевидных форм. Площадка вдоль северо-восточной стенки тянулась по всей ее длине, отступая от стенки на 0,60–0,74 м. Площадка заглублена в материк на 0,54–0,60 м и расположена на 0,60–0,64 м выше дна ямы. В центральной части этой площадки, у ее юго-западного края, имелась выемка сегментообразной в плане формы (0,72×0,34 м), заглубленная в поверхность площадки до 0,26 м.

Площадка вдоль юго-восточной стенки ямы отступала от нее на 0,25–0,57 м, имела уклон к центру ямы и была заглублена в материк на 0,90–0,97 м. Восточная стенка ямы в своей центральной части нарушена объемом другой ямы – условного объекта 140. Поверхность описанной площадки плавно переходила в дно ямы объекта 140.

Внутри ямы объекта 133 была расчищена кладка из известняковых камней, сложенных насухо. Кладка имела в плане подпрямоугольную форму размером 2,6×2,5 м по внешним краям. Высота кладки у северо-западной стенки ямы достигала 1,18 м, у юго-западной – 1,15 м. Хотя верхний уровень кладки вдоль северо-восточной стенки ямы был почти одинаков с верхним уровнем кладки вдоль северо-западной стенки, высота первой

(0,42–0,52 м) была значительно меньше высоты второй, так как первая стояла на описанной выше материковой площадке – уступе. Кроме того, вдоль внутреннего края этой площадки – уступа с уровня основной площади дна ямы был сложен дополнительный участок каменной кладки в виде перемишки внутри основного объема кладки. Высота этой кладки-перемишки составляла 0,20–0,22 м. Она облицовывала материковую площадку-уступ с внутренней стороны.

Высота каменной кладки у восточной стенки ямы, в месте смыкания объемов ям – объектов 133 и 140, была 0,4–0,5 м. Здесь верхний уровень кладки на участке длиной 1,1 м был достаточно ровным и горизонтальным. Скорее всего, в этом месте над кладкой когда-то размещалась деревянная коробка двери, ведшей в каменный погреб, а кладка играла роль порога.

Вся кладка была сложена из камней – от мелко-го бута до плит длиной 0,5 м, шириной 0,4 м, толщиной 0,2–0,3 м, в том числе производственным браком, образовавшимся при добыче и обработке камня.

Заполнение ямы объекта 133 было сложено переотложенным ярко-бурым суглинком. Внутри каменной кладки заполнение было насыщено известняковыми камнями из верхней, разрушенной части кладки, щебнем, фрагментами гумуса, древесного угля, содержало включения обожженной глины. В основании заполнения были встречены фрагментарные полоски древесного тлена, возможно, остатки деревянного пола.

Объект 133 являлся остатками основного объема отдельно стоявшего каменного погреба. С востока к яме объекта 133 примыкала яма объекта 140 – остатки заглубленного входа в погреб, облицованного камнем. Яма объекта 140 имела в плане трапециевидную форму размером 1,43×1,35 м. С севера к ее контуру примыкала столбовая ямка округлой в плане формы (0,22×0,24 м), заглубленная в материк до 0,1 м. Заполнение этой столбовой ямки – темно-серый гумусированный суглинок.

Западная часть ямы объекта 140 смыкалась с объемом ямы объекта 133, южная и северная стенки объекта 140 были почти отвесными, а восточная стенка объекта 140 имела пологое понижение, смыкаясь в своей верхней части с дном еще одной ямы – объектом 141. Почти ровное дно объекта 140 заглублено в материк на 1,00–1,05 м. Вдоль северной и южной стенок ямы расчищены стенки из известняковых камней, уложенных насухо. Эти стенки примыкали к юго-восточной стенке кладки

Таблица 13. Керамический материал из объекта 133 раскопа 1 пос. Бол. Саврасово 2.

Фр-ты круговых красноглиняных гладких сосудов			Фр-ты круговых белоглиняных грубых сосудов (МБК-1)				Фр-ты круговых белоглиняных гладких сосудов (МБК-2)			Всего	
стенки			стенки		венчики	крышки	донцев	стенки без орнамента	венчики		донца
без орнамента	с линейным орнаментом	с лощением	без орнамента	с линейным орнаментом							
3	1	2 (1)	30	1	4	1	1	9	2	2	56

в яме объекта 133. Верхние края стенок достигали верхнего уровня объекта 140. Высота северо-восточной кладки в объекте 140 – 0,90–1,14 м. Основу кладки составляли две каменные плиты размерами 0,93×0,50×0,18 м и 1,00×0,51×0,18 м. В кладке использовался и более мелкий камень. Высота юго-западной кладки в объекте 140 – 0,70–0,83 м. В основании кладки лежал блок размером 0,82×0,24×0,20 м. Над ним уложены более мелкие камни – длиной 0,12–0,30 м, шириной 0,07–0,30 м, толщиной 0,08–0,17 м.

Заполнение верхней части объекта 140 составлял линзовидный слой (мощностью до 0,22 м) темно-серого гумусированного суглинка с включениями фрагментов ярко-бурого суглинка, насыщенного щебнем, фрагментами обожженной глины и древесного угля. Заполнение основного объема объекта составлял переотложенный ярко-бурый суглинок, насыщенный щебнем, с включениями гумуса, фрагментов древесного угля и обожженной глины. Заполнение между стенками ямы и стенками кладки составлял переотложенный ярко-бурый суглинок. Скопление из нескольких крупных камней (до 0,23×0,26 м) в верхней (3,60–3,68 м ниже уровня условного нуля) восточной части заполнения объекта 140 конструктивной функции не имело. Оно происходило из разрушенной части кладки.

К объекту 140 с ЮВ примыкала яма объекта 141. Судя по стратиграфии объектов 140, 141, они были частями единой постройки – элементами заглубленного входа в каменный погреб – объект 133. Граница между верхней частью заполнения объекта 140 и заполнением объекта 141 в профиле отсутствовала.

Объект 141 имел округлую в плане форму (1,25×1,15 м) с примыкавшим к ней с СВ округло-вытянутым аппендиксом (0,70×0,45–0,55 м). Аппендикс был ямкой, полого углублявшейся в материк до 0,15 м. Вероятно, она образовалась

на месте входа в погреб. Основная часть объекта 141 имела пологие стенки и линзовидное дно, заглубленное в материк на 0,2–0,3 м. Заполнение объекта было сложено темно-серым гумусированным суглинком, насыщенным фрагментами ярко-бурого суглинка, обожженной глины, древесного угля, с включениями щебня. Таким образом, объекты 133, 140, 141 были остатками отдельного каменного погреба с углубленным ступенькообразным входом.

В объекте 133 найдены фрагмент бронзового узкопластинчатого перстня XI в. (рис. 3, 16), фрагмент бронзового нательного креста с нижним килевидным окончанием, серьга в виде вопросительного знака из металлической проволоки белого цвета (рис. 5, 7, 8), фрагмент железной косы-горбуши.

Также в заполнении объекта 133 найдены 56 фрагментов позднесредневековых круговых керамических сосудов (табл. 13; рис. 25). Большинство из них составляли фрагменты белоглиняных сосудов (37 грубых, 13 гладких; всего 50), что характерно для керамических комплексов второй половины XVI в. Три фрагмента венчиков принадлежали белоглиняным грубым кувшинам (диаметры – около 11, 12 см; рис. 25, 3, 6, 7), а один фрагмент венчика – белоглиняной грубой миске (диаметр – около 22 см). Два фрагмента венчиков принадлежали белоглиняным гладким горшкам (варианты 3/3 Е, Ж по В.Ю. Ковалю; диаметры – около 16, 29 см) раннего облика с орнаментом из небольшого числа линий по шейкам (рис. 25, 1, 2). Объект следует датировать второй половиной XVI в. В объектах 140, 141 фрагментов керамики найдено не было.

Объект 139 (рис. 56; 57) в секторе 42 – округлая в плане яма, нарушенная вдоль западного края оборонительной траншеей, прокопанной, судя по историческим источникам, в 1941 г. В заполнении траншеи, сложенной светло-серым

суглинком, насыщенным фрагментами ярко-бурого суглинка, с включениями щебня, фрагментов кирпичей, обожженной глины, были найдены многочисленные фрагменты колючей проволоки. Сохранившаяся часть объекта 139 имела размеры в плане 3,60×3 м. Объект вытянут по линии ЮЗ–СВ. К северо-восточному краю его основного объема примыкала яма подпрямоугольной в плане формы (0,6×0,5 м), заглубленная в материк на 0,10–0,19 м, с почти отвесными стенками.

Основной объем объекта 139 имел достаточное пологие стенки и линзовидное дно, заглубленное в материк на 0,57–0,94 м. В северо-восточном склоне стенки было округлое углубление (0,24×0,24 м) на глубине 1,31 м от уровня условного нуля. Вероятно, оно, как и описанная выше дополнительная подпрямоугольная ямка-аппендикс, были связаны с организацией входа в основной объем ямы объекта 139.

Заполнение объекта 139 в верхней части по всей площади, включая дополнительную ямку-аппендикс, было сложено темно-серым гумусированным суглинком (мощностью 0,06–0,19 м) с включениями щебня, фрагментов обожженной глины и древесного угля. Ниже, в центральной части заполнения, не достигая краев ямы, залегал слой обожженной глины (мощностью до 0,03 м), насыщенной фрагментами древесного угля, с включениями гумуса, щебня. В нижней части этого слоя залегала прослойка золы мощностью 0,02–0,03 м. Далее, в нижней части объекта 139, заполнение было сложено также темно-серым гумусированным суглинком (мощностью 0,30–0,55 м) с включениями ярко-бурого суглинка, более темного гумуса, щебня, фрагментов древесного угля и обожженной глины. Скорее всего, объект являлся остатками хозяйственного подпола жилой постройки.

В заполнении объекта 139 найдены небольшой фрагмент железной поковки, 482 фрагмента керамической посуды (табл. 7; 15; рис. 58; 59) и два фрагмента костей животных. Из керамики абсолютное большинство фрагментов во всех пластах (всего – 390) принадлежало круговой белоглиняной грубой посуде (МБК-1). Сосудам из слабоожеженной глины с морфологией МБК-1 всего принадлежали 47 фрагментов, круговым красноглиняным гладким сосудам – 23 фрагмента, круговым белоглиняным гладким сосудам (МБК-2) – 15 фрагментов, раннекруговым сосудам – 3, круговому чернолощеному сосуду – 2, круговому белоглиняному шероховатому сосуду и круговому красноглиняному сосуду с красно-коричневой поливой – по 1 фрагменту. Такое количественное

соотношение названных групп керамики позволяет датировать заполнение объекта второй половиной XVI в. В пластах эти группы керамики в основном сохраняли количественные пропорции между собой.

Абсолютное большинство фрагментов белоглиняных грубых венчиков принадлежало горшкам и было сформировано загибами черновых краев наружу (рис. 58, 3, 6, 7; 59, 1–4, 7). Несколько фрагментов венчиков белоглиняных грубых горшков имели простые округлые края либо были обточенные по внешнему краю (рис. 59, 6). Два фрагмента венчиков белоглиняных грубых горшков имели приостренные края за счет загиба черновых краев внутрь (тип 3/3 по В. Ю. Ковалю). Один из этих венчиков (диаметр – около 19 см) принадлежал горшку с морфологией красноглиняного гладкого горшка XVI в. – с почти горизонтальным плечиком, орнаментированным рядом прямых линий (рис. 58, 8). Два фрагмента венчиков принадлежали белоглиняным грубым мискам диаметрами около 17 и 22 см, один фрагмент – белоглиняному грубому кувшину (рис. 59, 5). Фрагменты девяти белоглиняных грубых горшков были орнаментированы по шейкам одиночными волнистыми линиями. Донца белоглиняных грубых сосудов имели углы отгиба стенок от линии днищ – 115–130°.

Семь фрагментов венчиков принадлежали двум горшкам из слабоожеженной глины с типичными для МБК-1 загибами черновых краев венчиков наружу (диаметры – около 17, 27 см) и орнаментацией одиночной волнистой линией по шейкам (рис. 58, 2). Диаметр одного из донцев такого сосуда был около 13 см, а углы отгиба стенок от линии днищ на двух фрагментах составляли 124 и 130°.

Из белоглиняных гладких фрагментов только два принадлежали венчику – венчику горшка МБК-2 раннего облика (2/2 Д по В. Ю. Ковалю) с орнаментом из небольшого числа линий по нижней части шейки и верхней части плечика (рис. 58, 1). Фрагмент нижней части белоглиняного гладкого сосуда имел гладкое донце (диаметр – около 9 см) с углом отгиба стенки от линии днища 123°.

Фрагмент венчика белоглиняного шероховатого горшка из пласта 1 имел приостренный край (3/4 Г по В. Ю. Ковалю) и линейный орнамент по шейке в подражание МБК-2. Однако в формовочной массе сосуда присутствовал мелкий песок. По облику венчик скорее характерен для XVII в. Фрагменты венчиков красноглиняных гладких сосудов принадлежали двум кувшинам с завернутыми наружу черновыми краями, имевшими сливы (диаметры – около 11, 14 см) (рис. 58, 4, 5). Два фрагмента

Таблица 16. Керамический материал из объекта 271 раскопа 1 пос. Бол. Саврасово 2.

Слой	Фр-ты круговых красноглиняных гладких сосудов				Фр-ты круговых белоглиняных грубых сосудов (МБК-1)					Фр-ты круговых белоглиняных гладких сосудов (МБК-2)			Фр-ты кругового чернолощеного сосуда (на основе красноглиняного)	Всего	
	стенки			ручки с лошением	стенки		венчики	ручки	донца	стенки без орнамента	венчики	донца			
	без орнамента	с линейным орнаментом	с лошением		без орнамента	с линейным орнаментом									
1	3				11								3		17
2	8	1	3 (1)	1	67	3	5	1	9	15	7	2	3 (1)		
Итого в слое 2	13				85					24			3	125	
Всего	142														

принадлежали стенкам чернолощеного (на основе белоглиняного) сосуда. Лощение сплошное. Объект следует датировать второй половиной XVI в.

Объект 271 (рис. 60–63) располагался в секторах 16 и 75. Это заглубленная в материк яма, в плане подпрямоугольная со скругленными углами (3,72×3,49 м). Она ориентирована примерно по направлению СЗ–ЮВ. Стенки почти отвесные, а дно – уплощенно-линзовидное. Яма была заглублена в материк на 1,10–1,58 м с максимальным углублением дна в центре. К северо-западному краю объекта 271 прилегала еще одна яма – объект 262. Внутри ямы объекта 271, вдоль ее стенок, сложена каменная кладка, имевшая в плане подпрямоугольную форму внешними размерами 3,10×2,96 м. Кладка выполнена насухо из известняка, представленного как бутом, так и производственным браком, образовавшимся при добыче и обработке камня. Камни в длину до 0,74 м, ширину – до 0,4 м, толщину – до 0,2 м. Кладка выполнена с уровня дна ямы и сохранилась на высоту 0,95–1,55 м. Северо-западная и северо-восточная стенки кладки в их верхних частях оказались выдавлены во внутренний объем конструкции на 0,25 и 0,23 м соответственно под воздействием эрозии почвы. В небольшой степени выдавлена внутрь и верхняя часть юго-западной стенки. Пространство между внешними поверхностями стенок кладки и стенками ямы было заполнено переотложенным ярко-бурым суглинком с включениями фрагментов гумуса.

Заполнение объекта 271 внутри объема каменной кладки сложено в верхней части темно-серым гумусированным суглинком (мощностью 0,73–1,10 м) с включениями щебня, фрагментов древесного угля и обожженной глины. В свою очередь этот суглинок в верхней южной части и в нижней части по всей площади объема насыщен бутовыми и обработанными известняковыми камнями до 0,5 м в длину, до 0,3 м в ширину и до 0,15 м толщиной. Очевидно, эти камни происходили из разрушенной верхней части каменной кладки, возвышавшейся над ямой погреба (объекта 271). В верхней центральной части темно-серый гумусированный суглинок насыщен фрагментами ярко-бурого суглинка. Эта прослойка имела в сечении клиновидную форму (мощностью до 0,74 м), свидетельствующую об искусственной засыпке, по крайней мере, верхней части ямы.

Ниже темно-серого гумусированного суглинка внутренний объем каменной кладки засыпан слоем светло-бурого суглинка (мощностью 0,09–0,22 м). В нижней части этого слоя лежал известняковый камень (0,5×0,3×0,15 м). Еще ниже, в придонной части заполнения объема каменной кладки, залегал темно-бурый суглинок (мощностью 0,3–0,6 м), насыщенный древесным тленом, фрагментами древесных углей и обожженной глины. Вероятно, нижний слой образовался в итоге обрушения деревянного перекрытия погреба, остатками которого

являлся объект 271. Погреб был отдельной хозяйственной постройкой.

В заполнении объекта 271 найдены фрагменты железных серпа и ножа, каменный жернов, лежавший на дне ямы, и 142 фрагмента круговых керамических сосудов XVI в. (табл. 7; 16; рис. 64). Большинство составляли фрагменты белоглиняной грубой посуды – 96. К белоглиняной гладкой посуде относились 27 фрагментов, к красноглиняной гладкой – 16, к чернолощеной – 3. Подобное количественное соотношение групп керамики, сравнительно большой процент фрагментов МБК-2 (19% от всего числа фрагментов керамики) позволяет датировать заполнение объекта второй половиной XVI – началом XVII в. (Чернов, 2013. С. 38).

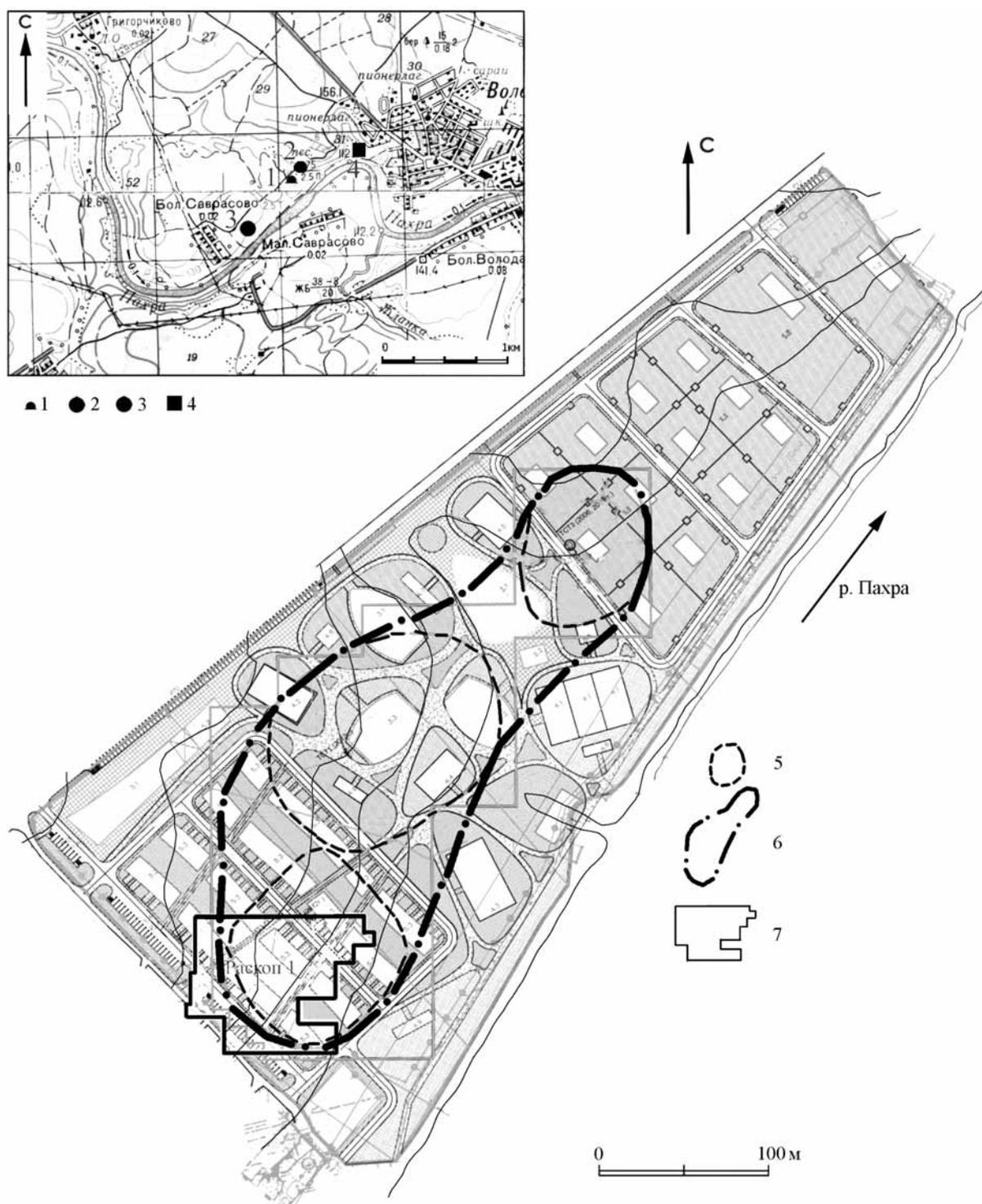
Четыре фрагмента белоглиняных грубых венчиков (диаметры – около 19, 21 см) принадлежали горшкам с морфологией, характерной для МБК-1 (рис. 64, 9–11). Один фрагмент белоглиняного грубого венчика (диаметр – около 8 см) принадлежал кувшину либо кубышке (рис. 64, 13). Фрагменты белоглиняных грубых донцев имели определяемые диаметры около 14, 23 см и углы отгиба стенок от линии днищ 118, 124, 135°.

Все фрагменты белоглиняных гладких венчиков принадлежали пяти горшкам раннего облика – с обточенными внешними краями венчиков

(варианты 3/3 Е, Ж по В. Ю. Ковалю) и линейным орнаментом по шейкам (рис. 64, 1–4, 7). Диаметры венчиков – около 20–23 см. Гладкие донца таких горшков имели в двух случаях диаметры около 9 см и углы отгиба стенок 135, 139°.

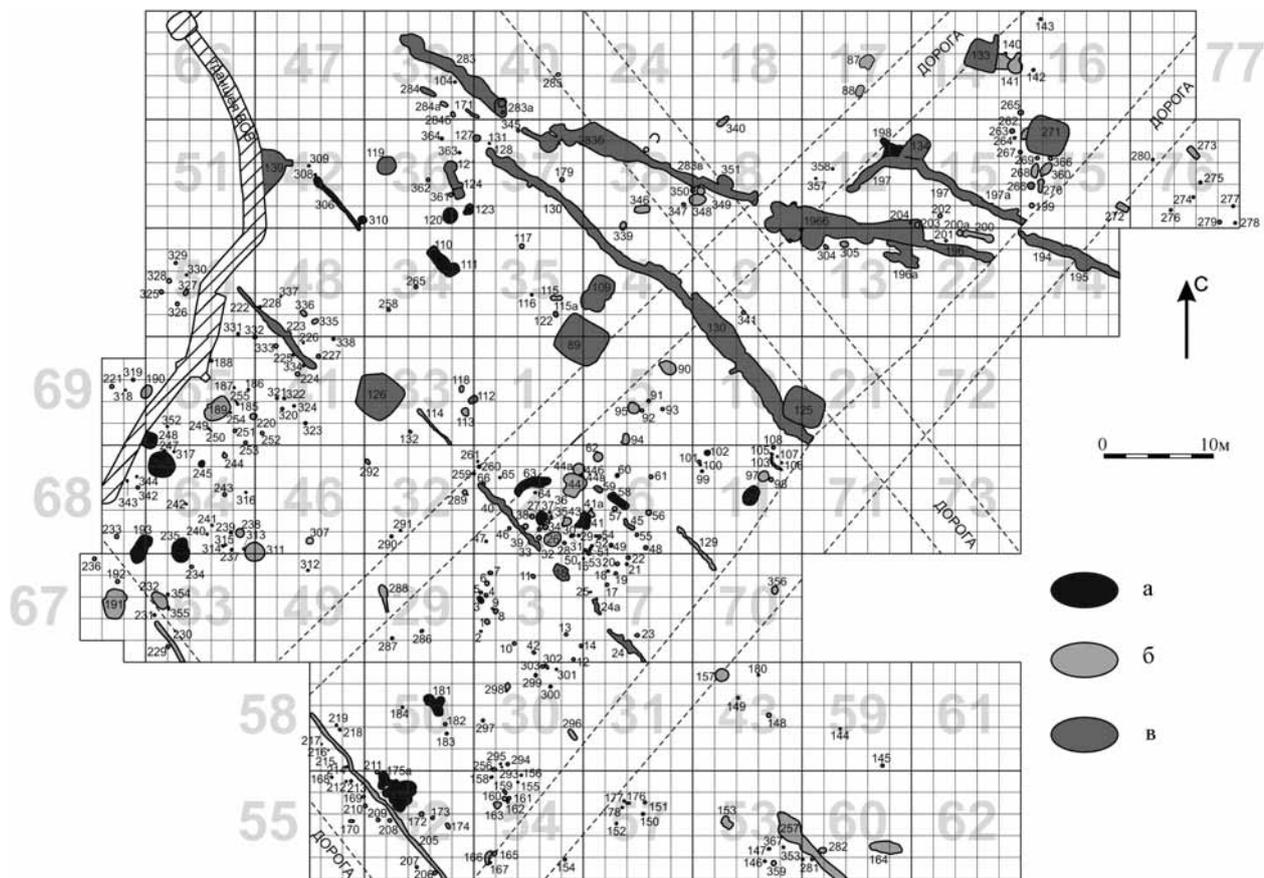
Одиннадцать красноглиняных гладких фрагментов, в том числе три – стенки с полосами лощения, ручки с лощением, принадлежали кувшину (рис. 64, 8). Три фрагмента стенок принадлежали мореному (на основе красноглиняного) сосуду с редкими полосами лощения.

Таким образом, на участке раскопа существовало славянское поселение XI – начала XII в. Несколько ям с древнерусскими материалами XII в., очевидно, были связаны с периферией селища XII в. – поселения 1 у д. Большое Саврасово, расположенного в 500 м к СВ от исследованного участка. Во второй половине XVI – начале XVII в. на месте раскопа находились крестьянские дворы, владельцы которых, вполне возможно, кроме сельского хозяйства занимались обработкой камня. Об этом свидетельствуют найденные в каменных кладках погребов фрагменты блоков со следами обработки, бракованных надгробных плит с орнаментом в виде волчьего зуба и жгута (Панова, 2004. С. 116–118), обломки архитектурных деталей (рис. 68). Камень, очевидно, добывался в местных каменоломнях, существовавших до XX в.

Рис. 1. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Ситуационный план

1 – курганный могильник у д. Большое Саврасово; 2 – поселение 1 у д. Большое Саврасово; 3 – поселение 2 у д. Большое Саврасово; 4 - городище у пос. Володарского; 5 – границы скопления подъемного материала на поселении 2 у д. Большое Саврасово; 6 – границы поселения 2 у д. Большое Саврасово; 7 – раскоп 1

Рис. 2. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. План раскопа 1 (см. цв. вкл.)

а – объекты с материалами XI – нач. XII в.; б – объекты с материалами XII в.;
в – объекты с материалами 2-й пол. XVI – нач. XVII в.

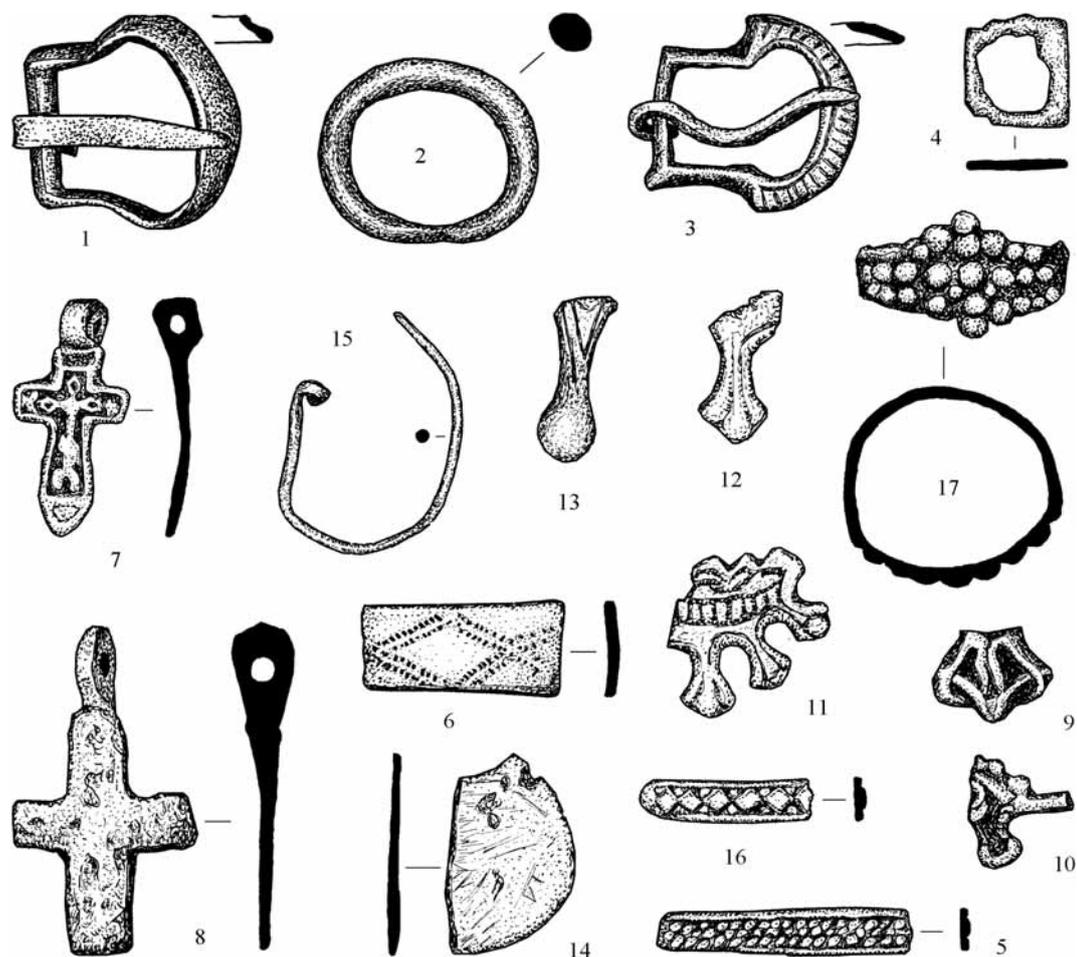

Рис. 3. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Индивидуальные находки

1 – пряжка из объекта 129; 2 – поясное кольцо; 3 – пряжка из пахотного слоя; 4 – пряжка из объекта 134; 5 – фрагмент узкопластинчатого перстня из пахотного слоя; 6 – фрагмент браслета из объекта 26; 7 – крест нательный из объекта 24; 8 – крест нательный из объекта 130; 9 – фрагмент украшения из объекта 63; 10, 12 – фрагменты височных колец из пахотного слоя; 11 – фрагмент височного кольца из объекта 40; 13 – фрагмент височного кольца из объекта 130; 14 – фрагмент монетовидной привески из пахотного слоя; 15 – серьга из объекта 44; 16 – фрагмент узкопластинчатого перстня из объекта 133; 17 – перстень с ложной зернью из объекта 26. 1–3, 5–7, 9, 15, 16 – бронза; 4, 8 – железо; 10–14 – металл белого цвета; 17 – свинцово-оловянистый сплав

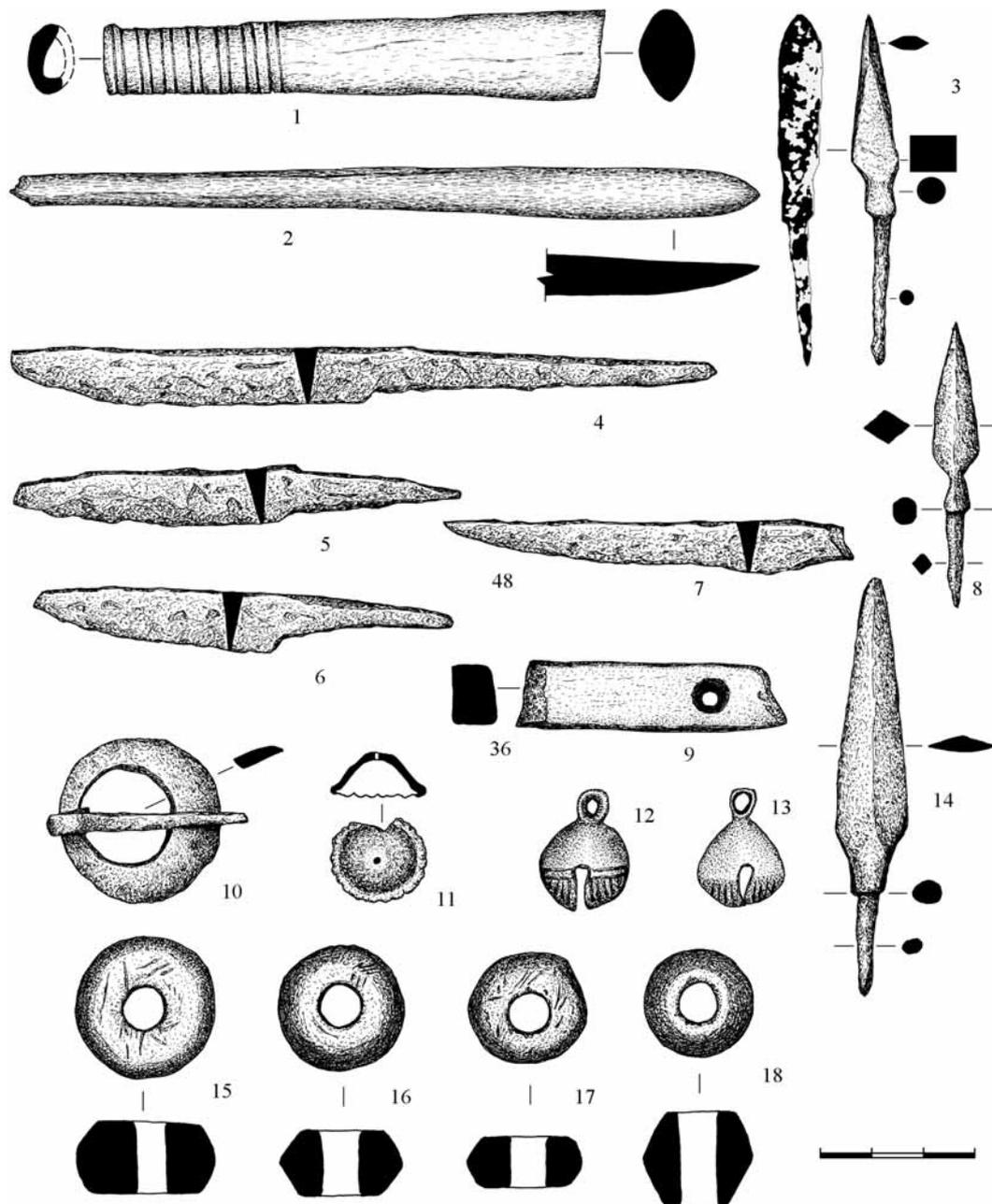
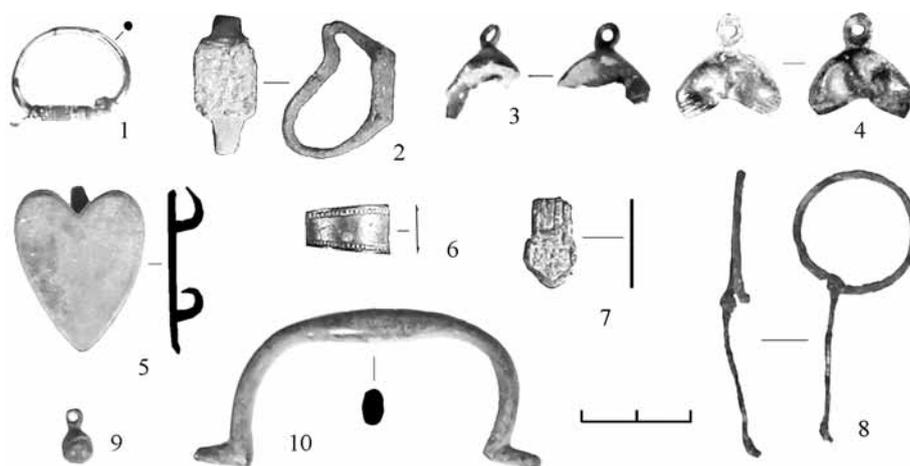

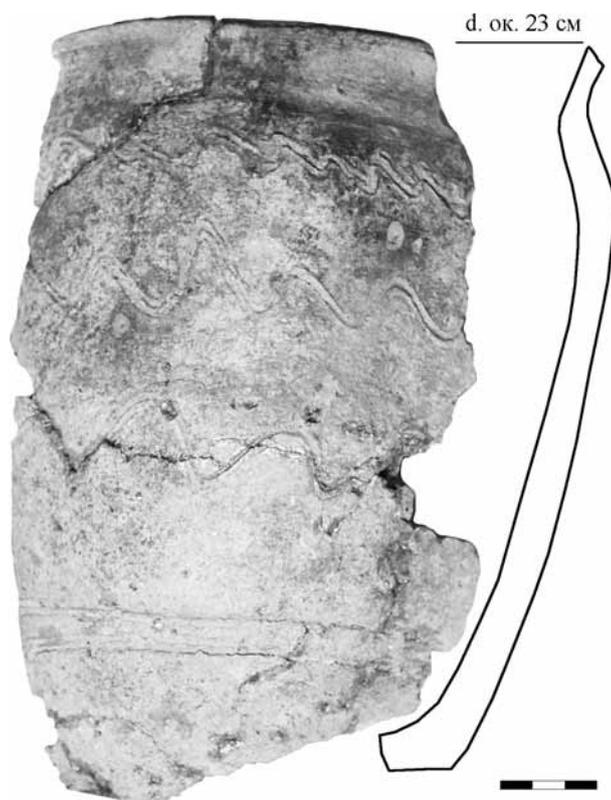
Рис. 4. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Индивидуальные находки

1 – рукоять ножа из объекта 248; 2 – кочедык из объекта 26; 3 – наконечник стрелы из пахотного слоя; 4 – нож из объекта 96; 5, 6 – ножи из пахотного слоя; 7 – фрагмент ножа из объекта 15; 8 – наконечник стрелы из объекта 26; 9 – фрагмент оселка из пахотного слоя; 10 – пряжка из пахотного слоя; 11 – бляшка из объекта 134; 12 – крестопорезной бубенчик из пахотного слоя; 13 – крестопорезной бубенчик из объекта 15; 14 – наконечник стрелы из объекта 130; 15–18 – пряслица (15, 17, 18 – из пахотного слоя, 16 – из объекта 24). 1, 2 – кость; 3–8, 10, 11, 14 – железо; 9 – камень; 12, 13 – бронза; 16–18 – шифер; 15 – глина

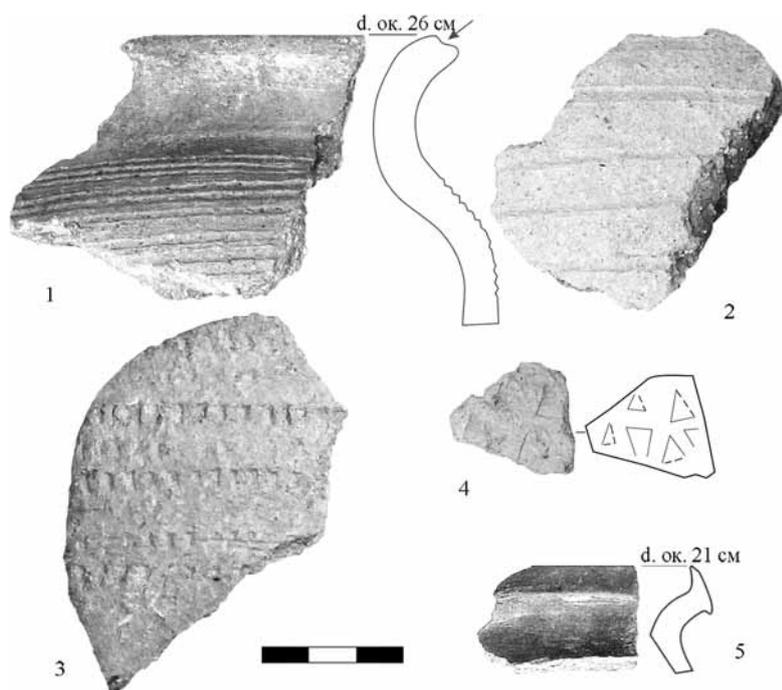

Рис. 5. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Индивидуальные находки

1 – серьга из пахотного слоя; 2 – перстень из пахотного слоя; 3, 4 – фрагменты бубенчиков из пахотного слоя; 5 – накладка из пахотного слоя; 6 – фрагмент пластинчатого перстня из объекта 130; 7 – фрагмент нагельного креста из объекта 133; 8 – фрагмент серьги из объекта 133; 9 – пуговица из объекта 114; 10 – ручка из объекта 205. 1 – медь с покрытием из металла белого цвета; 2–7, 9, 10 – бронза; 8 – металл белого цвета

Рис. 6. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 49. Фрагмент раннекругового горшка

Рис. 7. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Фрагменты посуды
 1, 2 – раннекруговой из пахотного слоя; 3 – раннекруговой из объекта 41;
 4 – раннекруговой из объекта 27; 5 – круговой красноглиняной из объекта 120

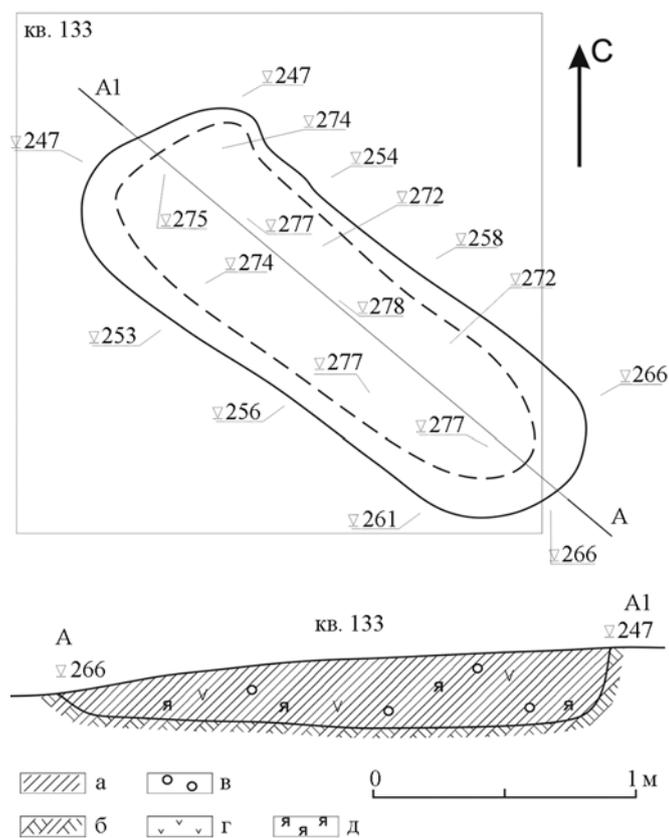

Рис. 8. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 58. План и профиль (вид с СВ)
 а – темно-серый гумусированный суглинок; б – материк; в – щебень; г – уголь; д – включения ярко-бурого суглинка

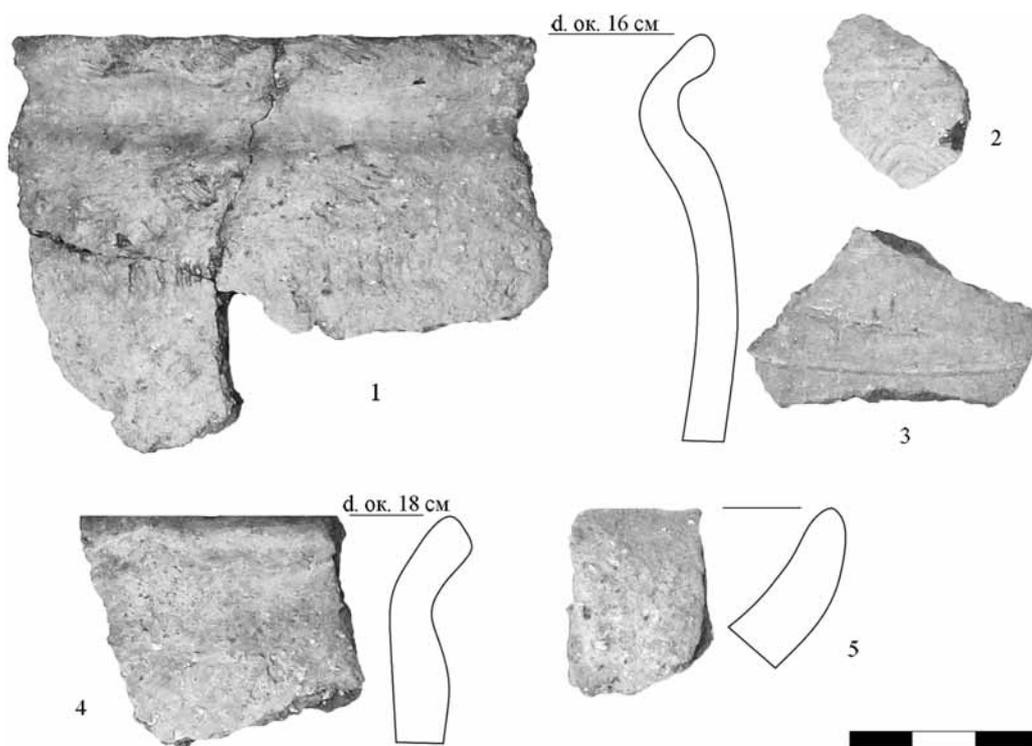
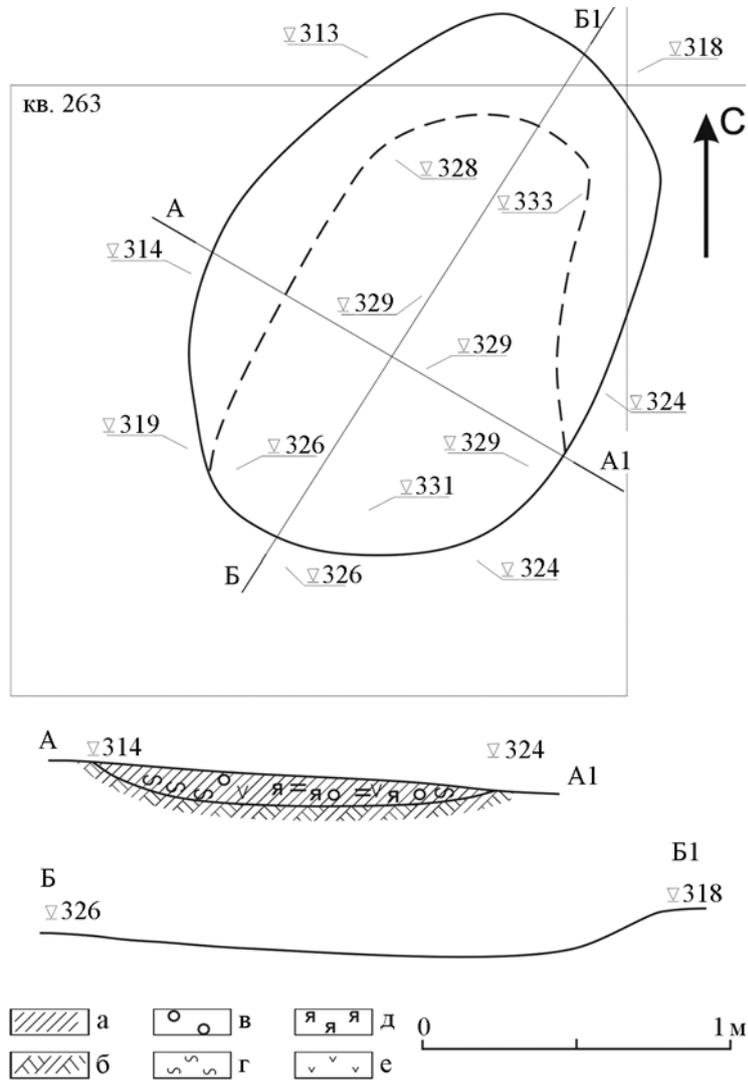

Рис. 9. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 58. Фрагменты керамической посуды
 1, 4, 5 – лепной; 2, 3 – раннекруговой

**Рис. 10. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 96.
План и профили (А-А1 – вид с ЮЗ; Б-В1 – вид с ЮВ)**

а – темно-серый гумусированный суглинок; б – материк; в – щебень; г – зола;
д – включения ярко-бурого суглинка; е – уголь

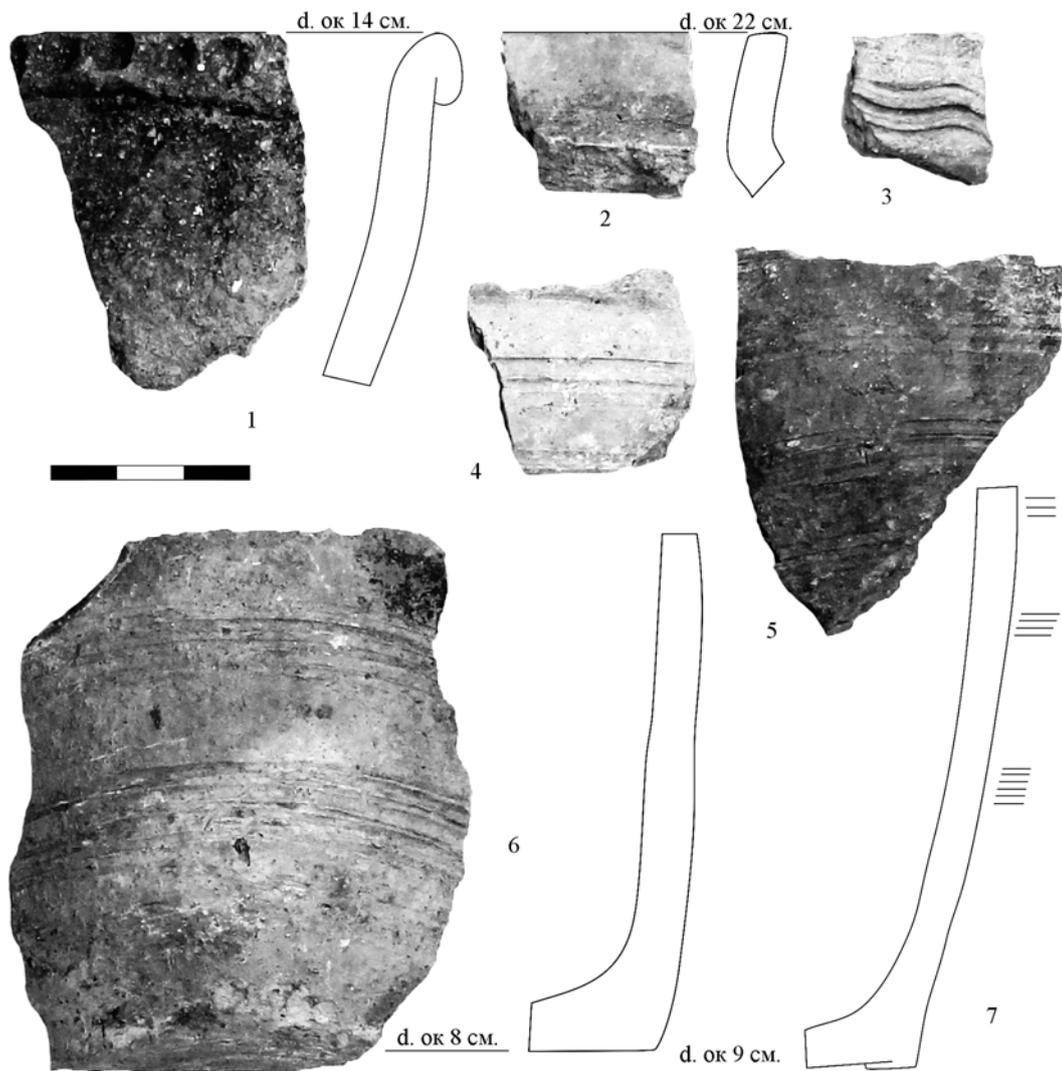

Рис. 11. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 96. Фрагменты керамической посуды
1 – лепная; 2–7 – раннекруговая

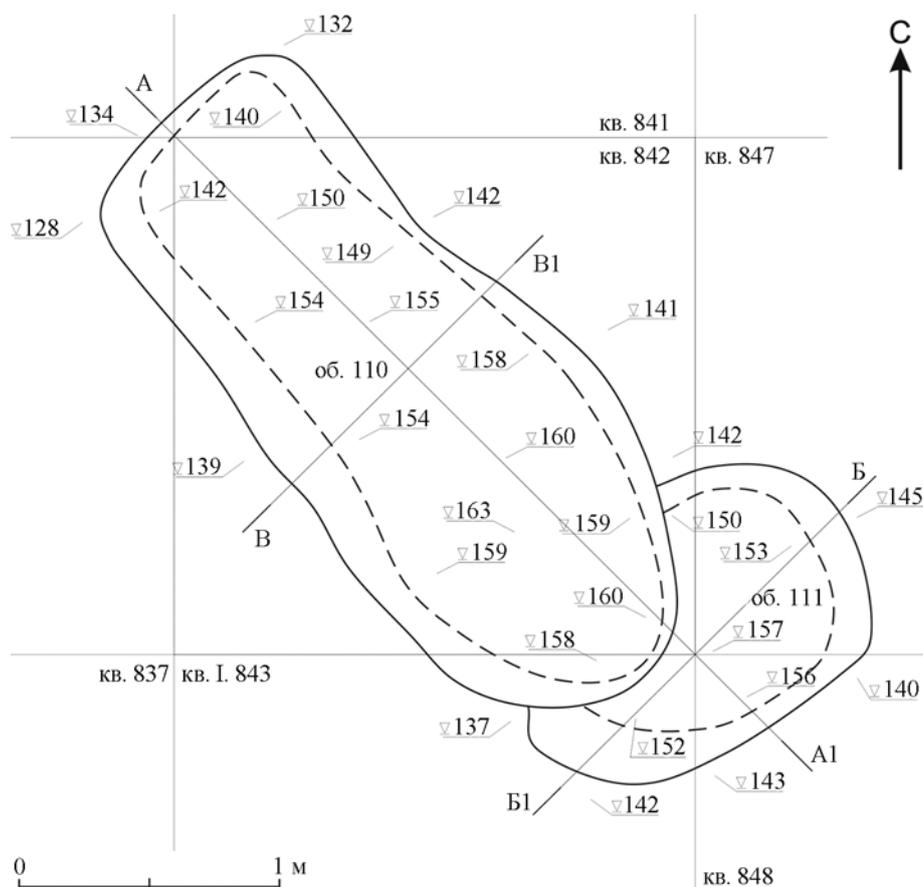

Рис. 12. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объекты 110, 111. Планы

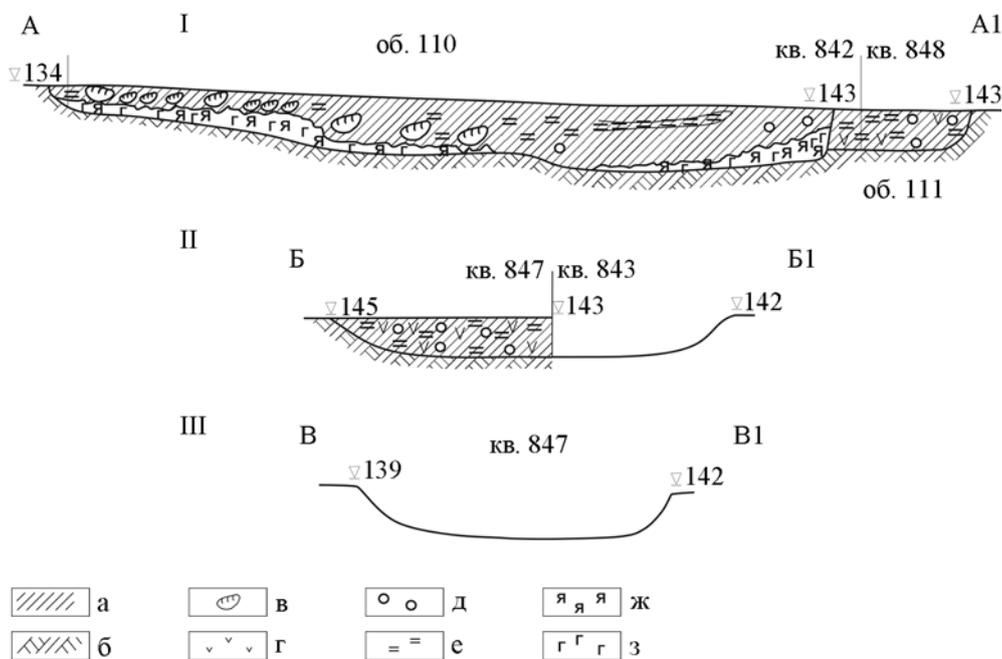

Рис. 13. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объекты 110, 111. Профили

I – объекты 110 и 111, вид с ЮЗ; II – объект 111, вид с СЗ; III – объект 110, вид с ЮВ; а – темно-серый гумусированный суглинок; б – материк; в – камни; г – уголь; д – щебень; е – обожженная глина; ж – включения ярко-бурого суглинка; з – гумус

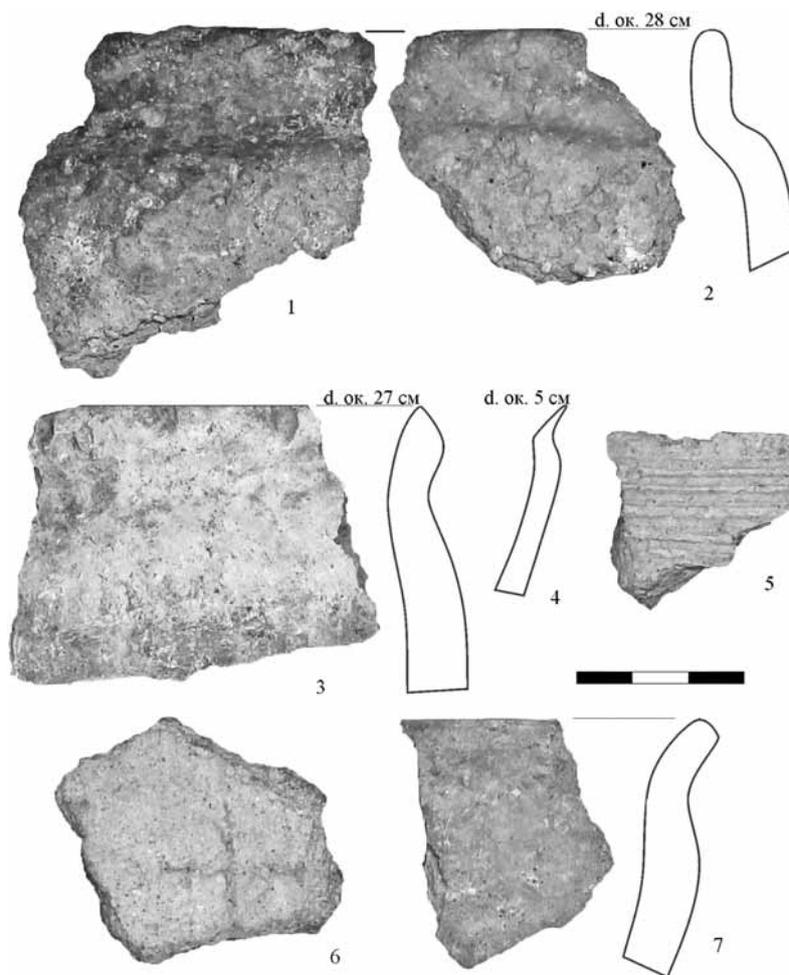

Рис. 14. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 110. Фрагменты керамической посуды
1–4, 7 – лепная (1, 2 – фр-ты одного горшка); 5, 6 – раннекруговая (6 – фр-т днища)

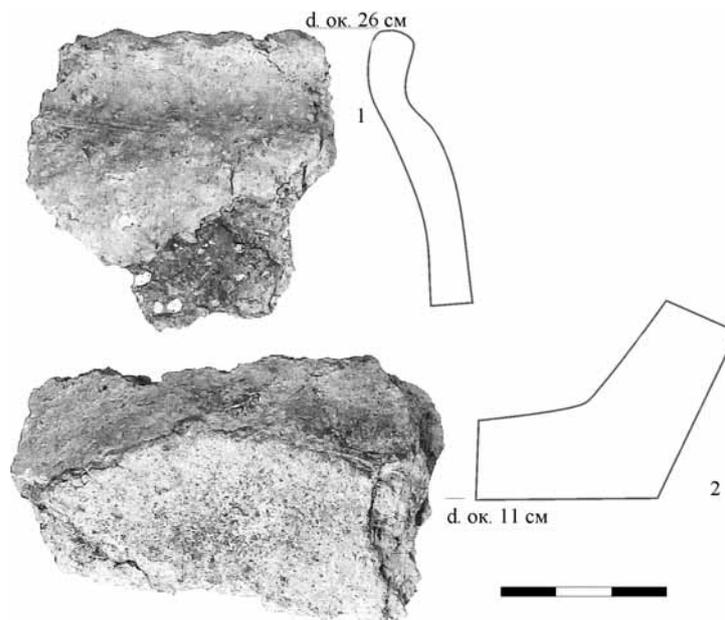

Рис. 15. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 111.
Фрагменты лепной керамической посуды

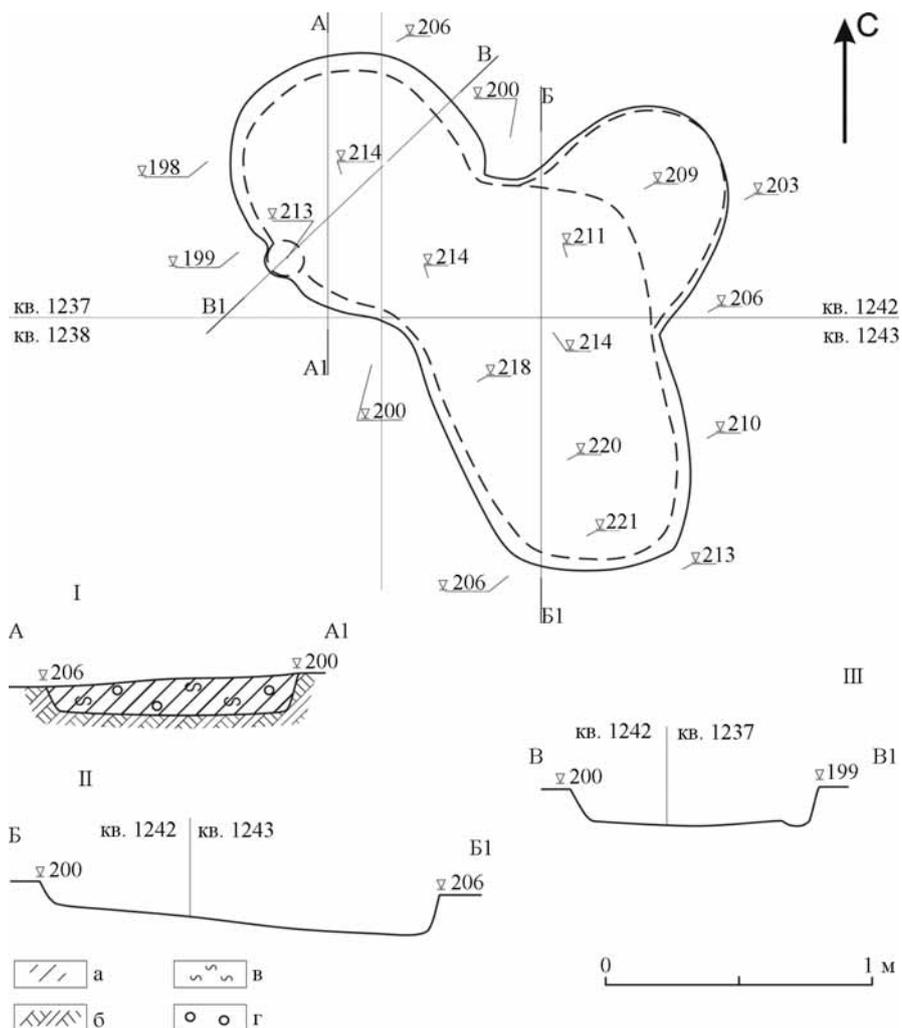

Рис. 16. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 181. План и профили I, II – вид с 3; III – вид с СЗ. а – светло-серый гумусированный суглинок; б – материк; в – зола; г – щебень

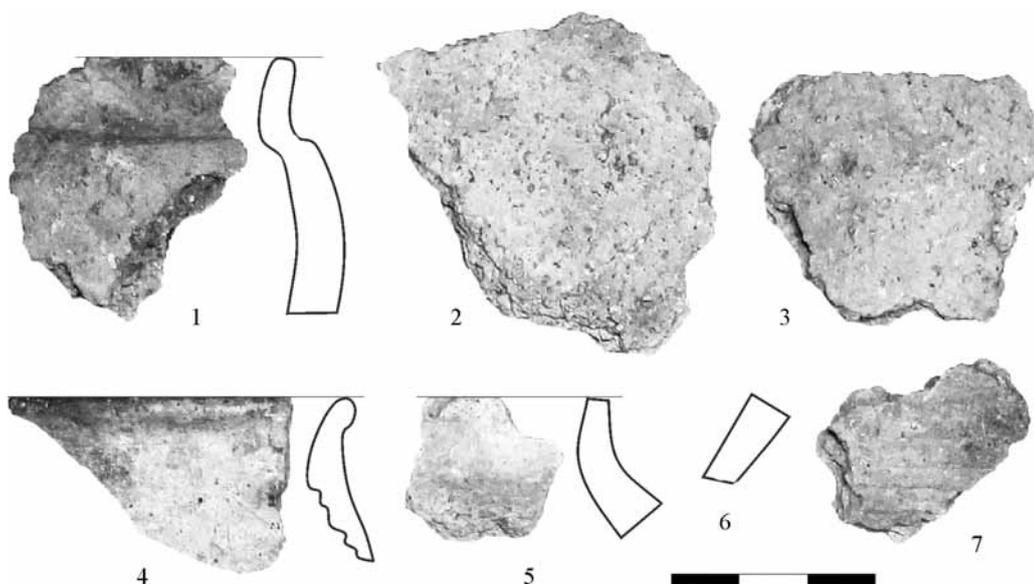

Рис. 17. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 181. Фрагменты керамической посуды 1–3– лепная; 4–7 – раннекруговая

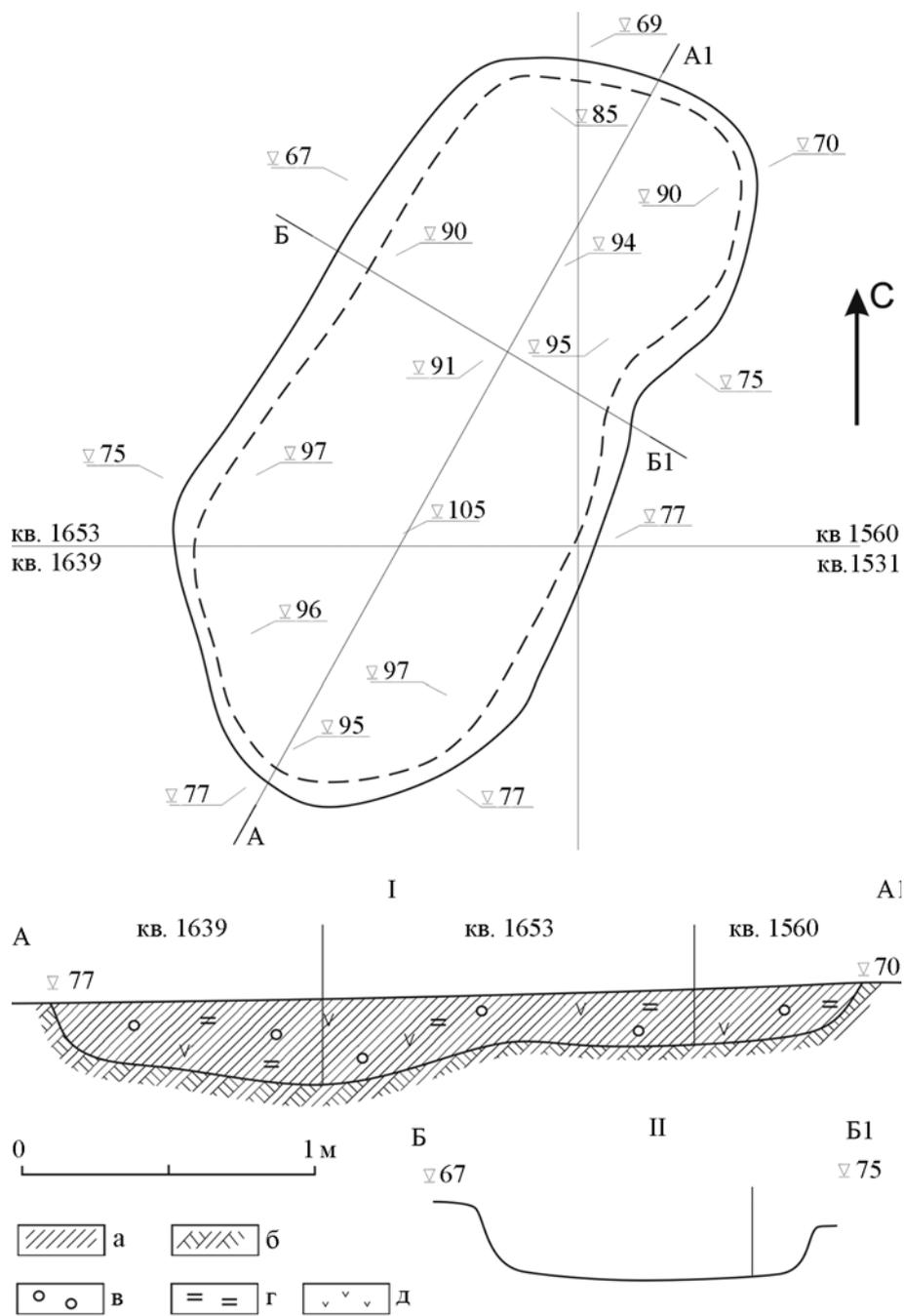

Рис. 18. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 193. План и профили
 I – вид с ЮВ; II – вид с ЮЗ, а – темно-серый гумусированный суглинок; б – материк;
 в – щебень; г – обожженная глина; д – уголь

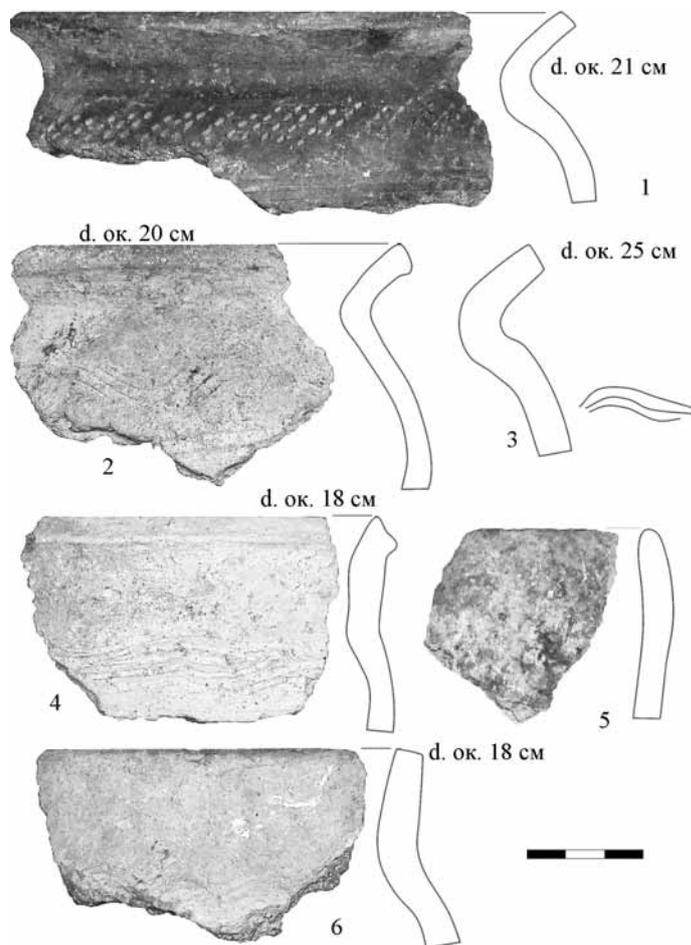

Рис. 19. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 193.
Фрагменты керамической посуды
1–4, 6 – раннекруговая, 5 – лепная

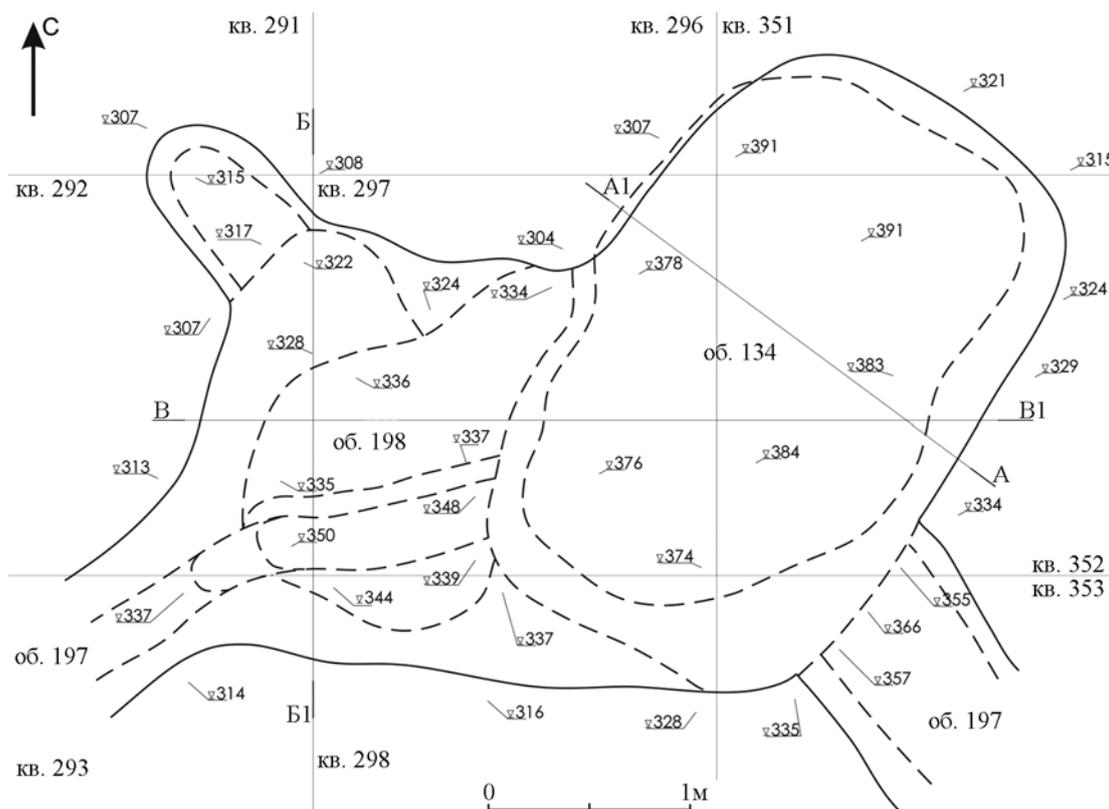

Рис. 20. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объекты 134, 198. План

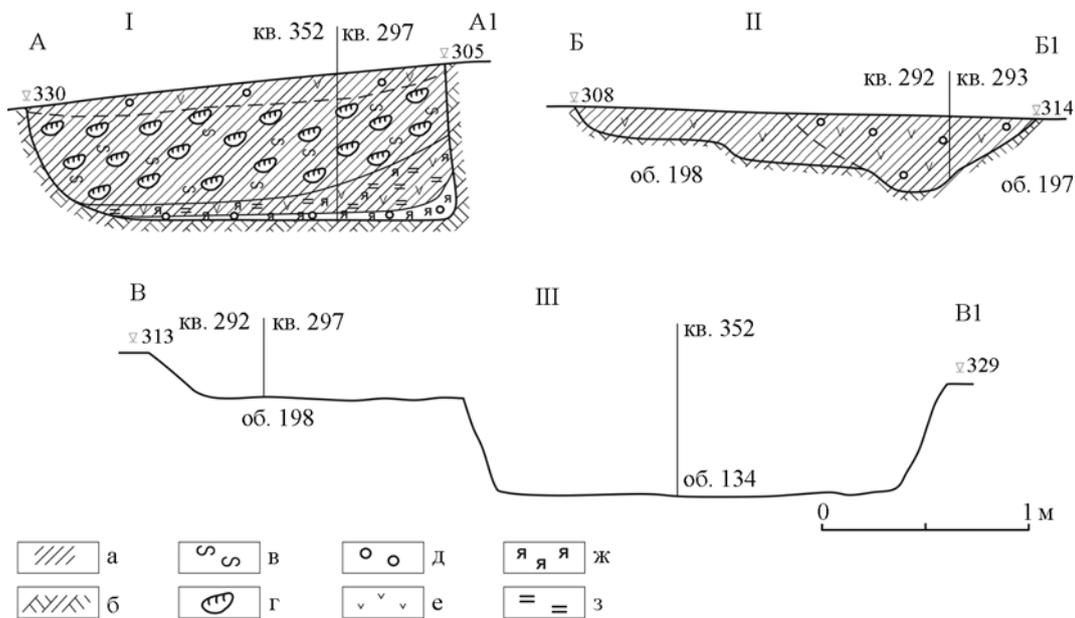

Рис. 21. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объекты 134, 197, 198. Профили

I – объект 134, вид с СВ; II – объекты 197, 198, вид с З; III – объекты 134, 198 – вид с Ю. а – темно-серый гумусированный суглинок; б – материк; в – зола; г – камни; д – щебень; е – уголь; ж – включения ярко-бурого суглинка; з – обожженная глина

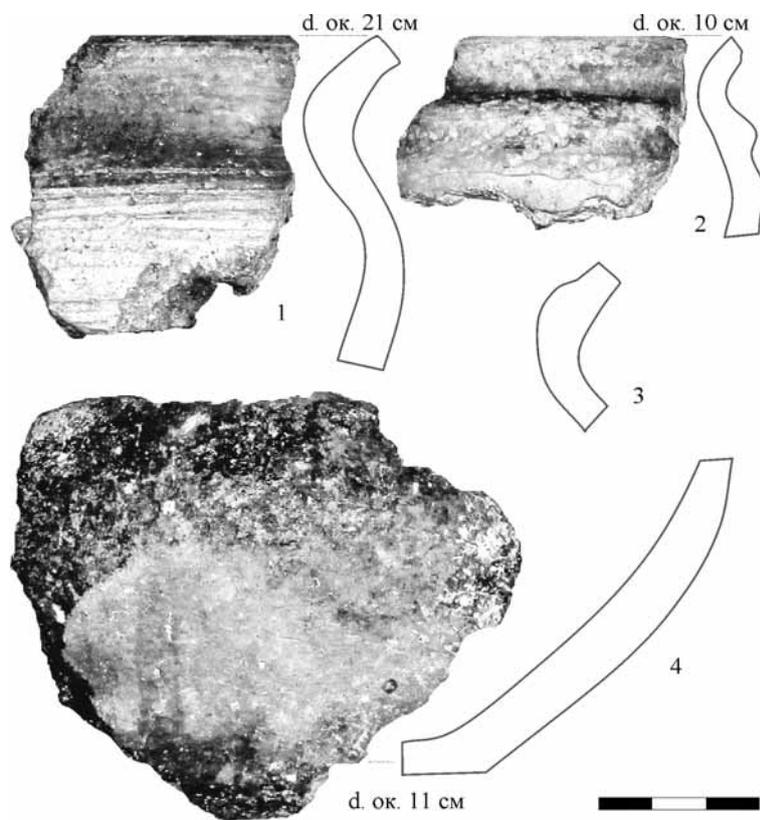
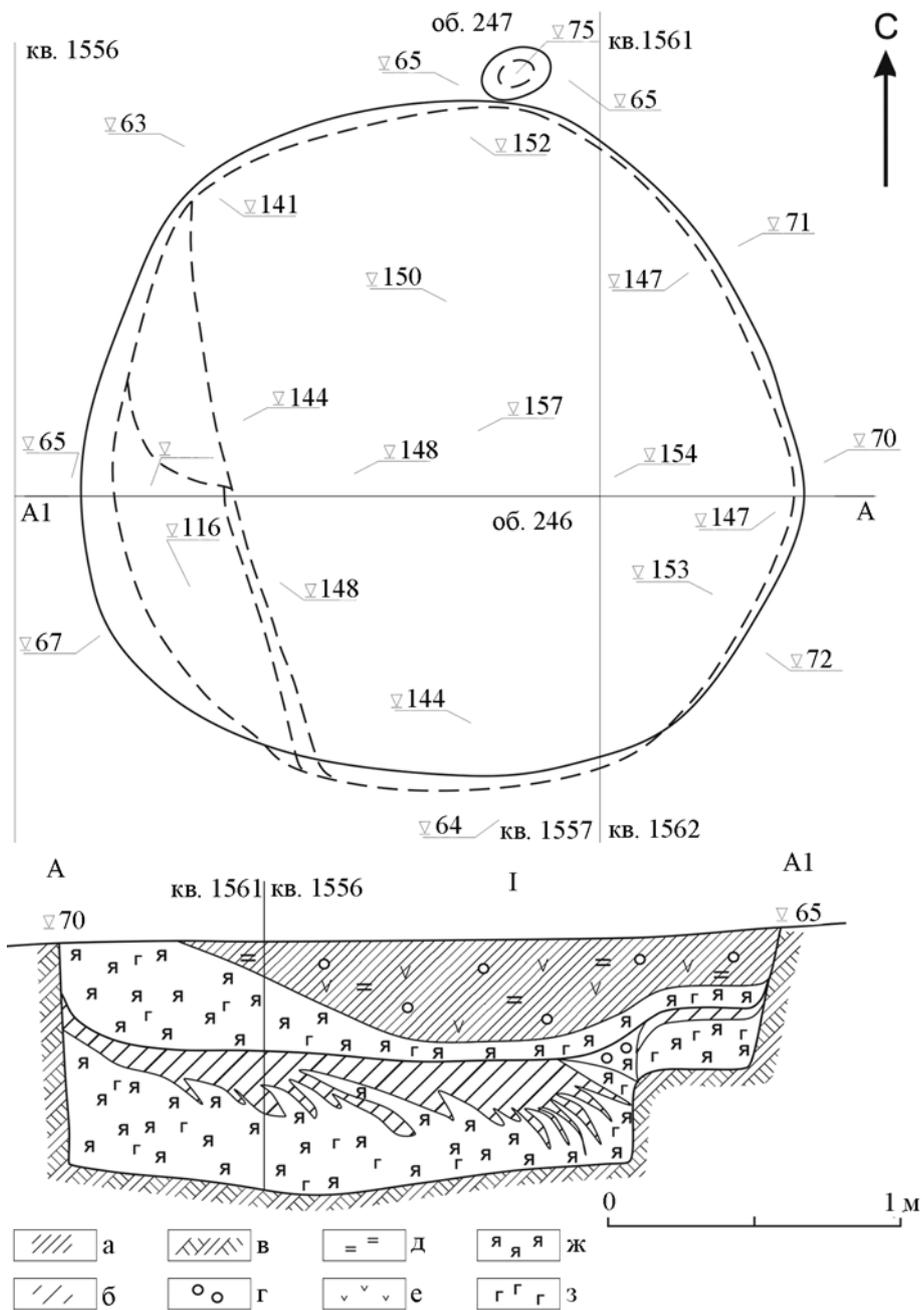

Рис. 22. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1.
Объект 198. Фрагменты раннекруговой керамической посуды

Рис. 23. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 246. План и профиль (вид с С)
 а – темно-серый гумусированный суглинок; б – светло-серый гумусированный суглинок; в – материк; г – щебень;
 д – обожженная глина; е – уголь; ж – включения ярко-бурого суглинка; з – гумус

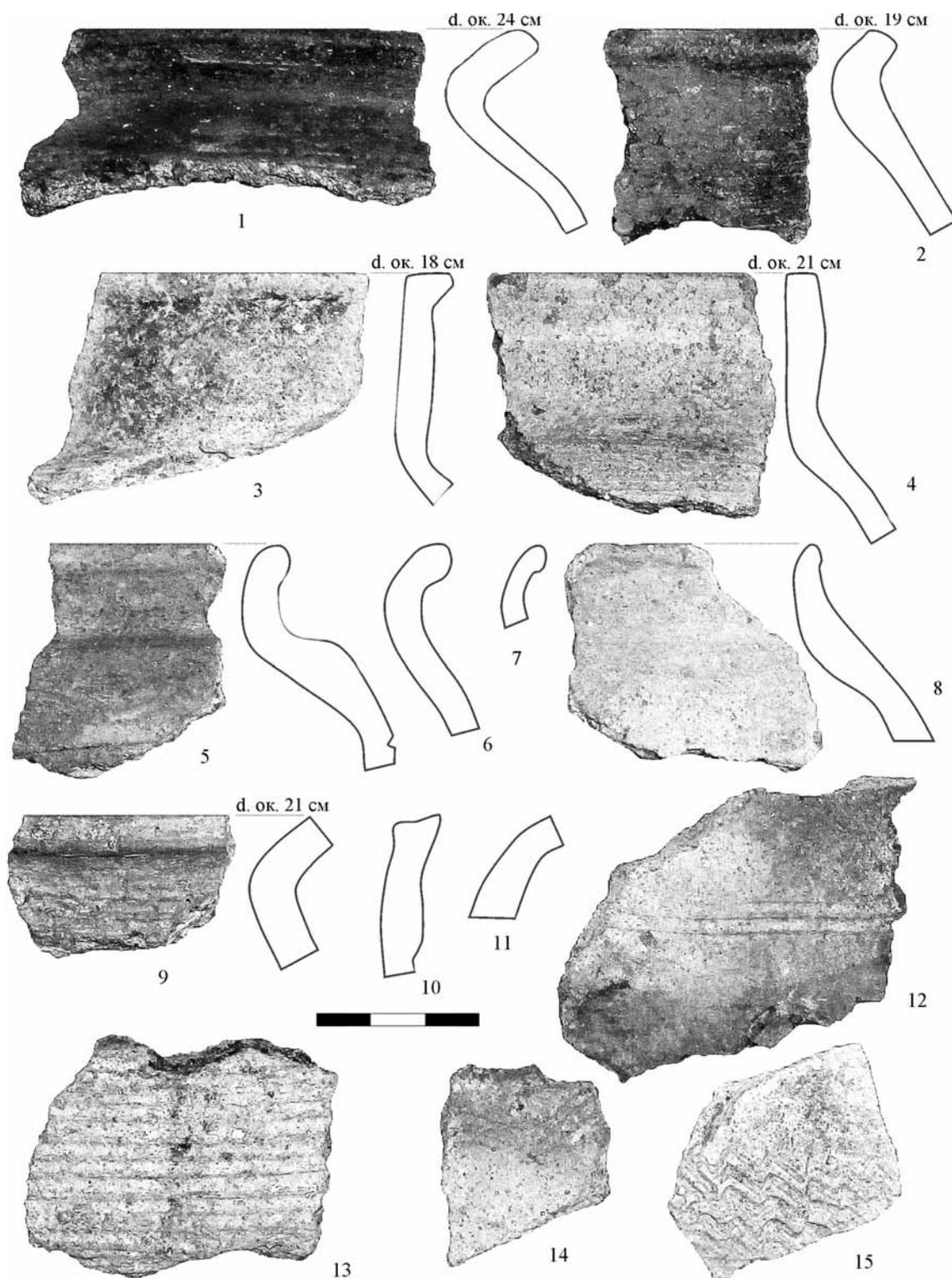

Рис. 24. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 246. Пласт 1. Фрагменты раннекруговой (1, 2, 4, 8–15) и круговой (3, 5–7) красноглиняной посуды

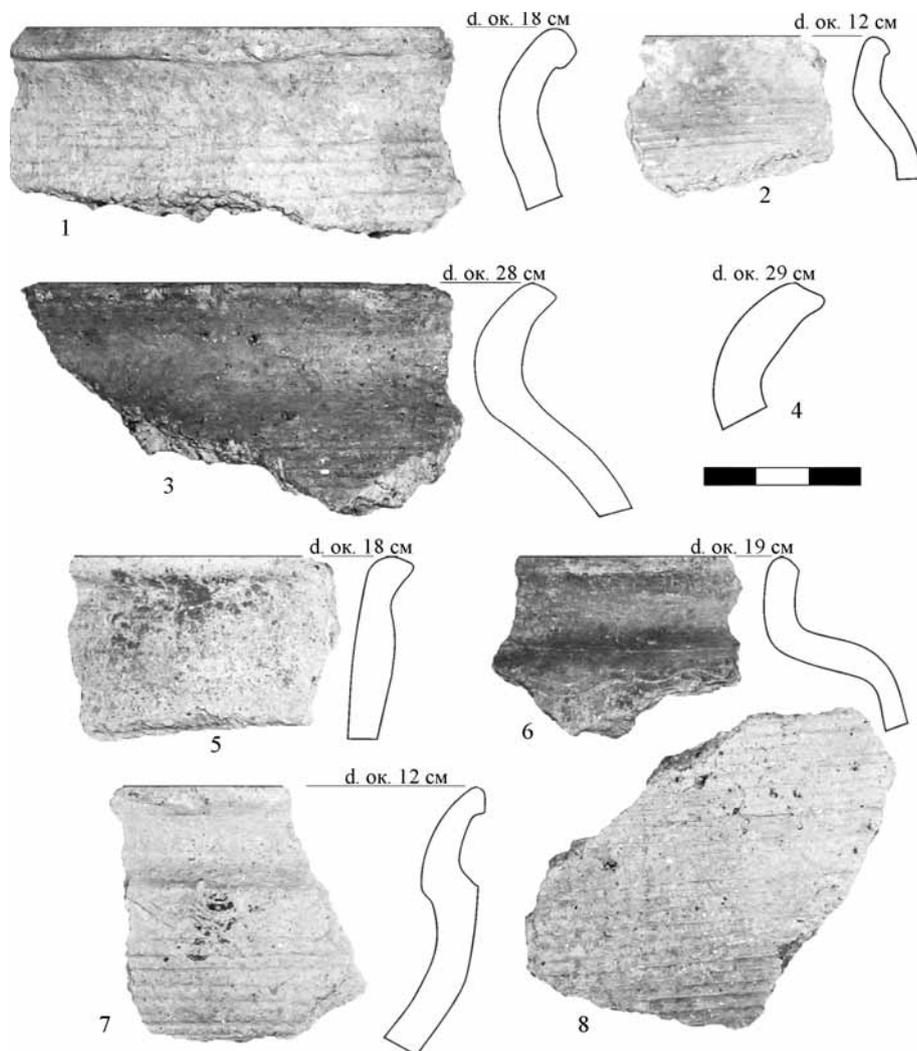
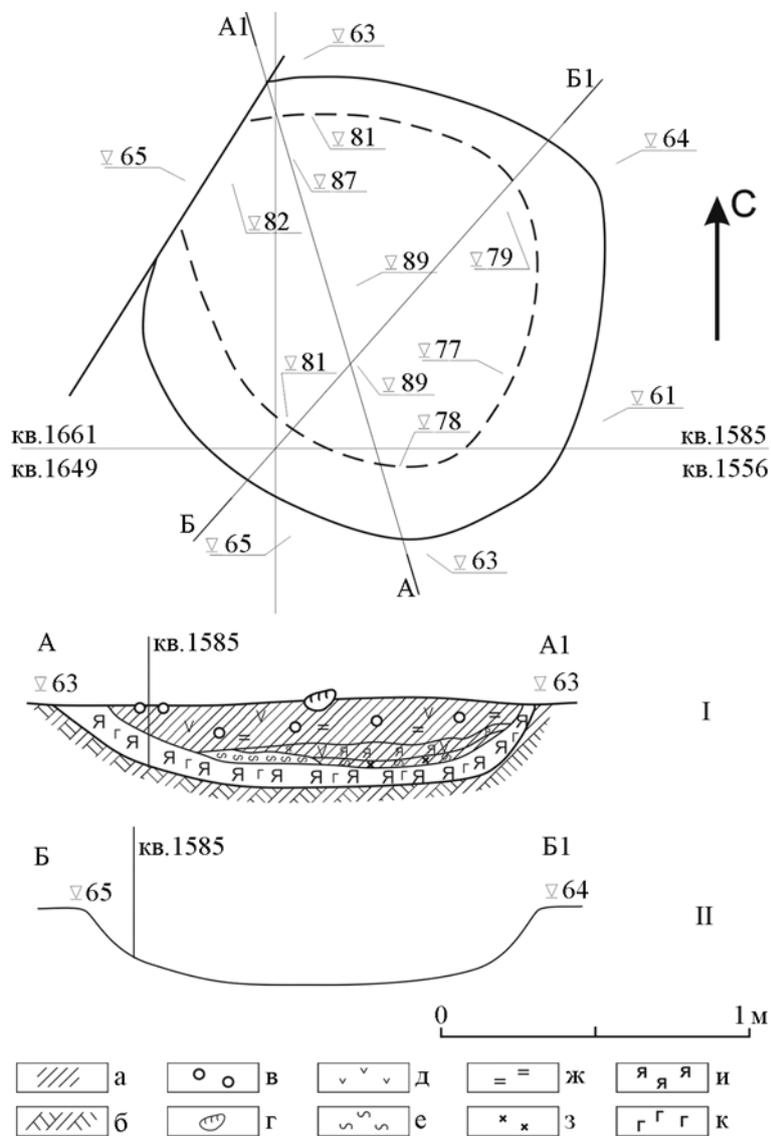
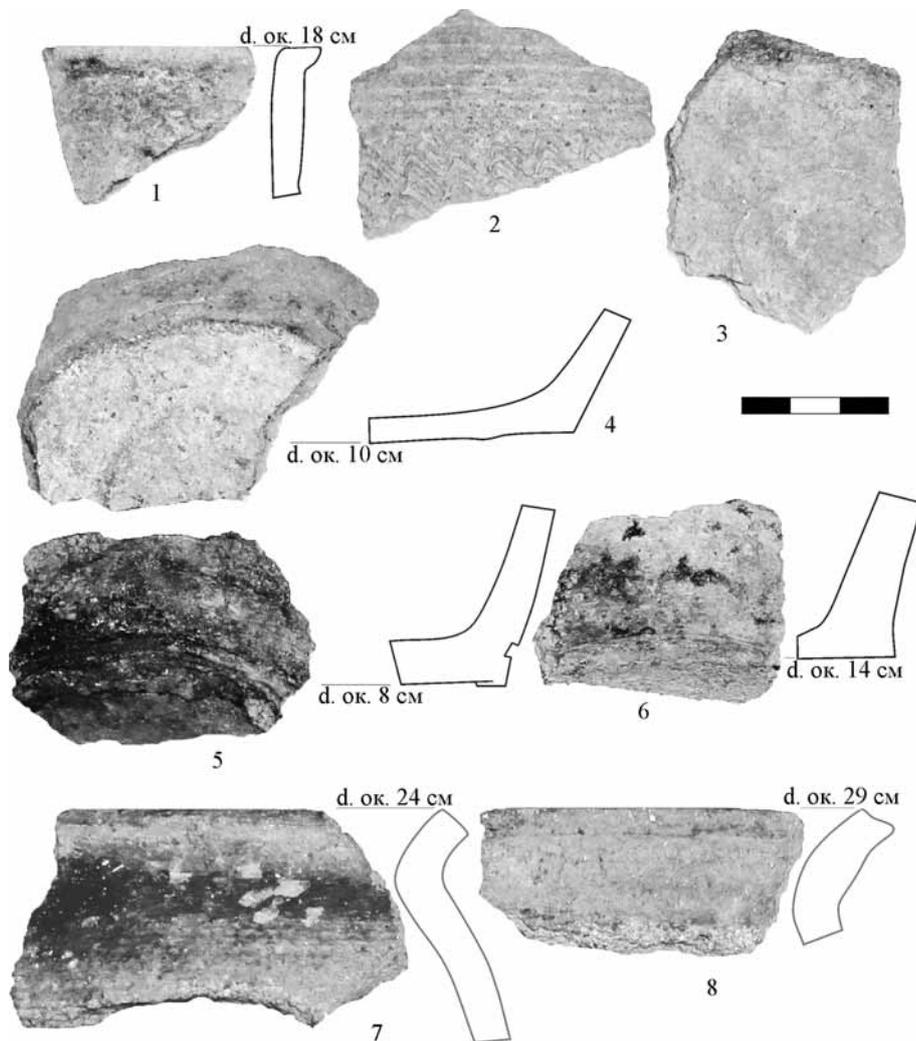

Рис. 25. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 246. Пласт 2.
Фрагменты красноглиняной посуды
1–4, 7, 8 – раннекруговая; 5, 6 – круговая

Рис. 26. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 248. План и профили

I – вид с СВ; II – вид с ЮВ; а – темно-серый гумусированный суглинок; б – материк; в – щебень; г – камни; д – уголь; е – зола; ж – обожженная глина; з – фр-ты керамики; и – включения ярко-бурого суглинка; к – гумус

Рис. 27. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 248

1–3– фр-ты красноглиняного кругового сосуда; 4– фр-т красноглиняного кругового сосуда (излом и поверхности – серые);
5–8 – фр-ты раннекруговых сосудов

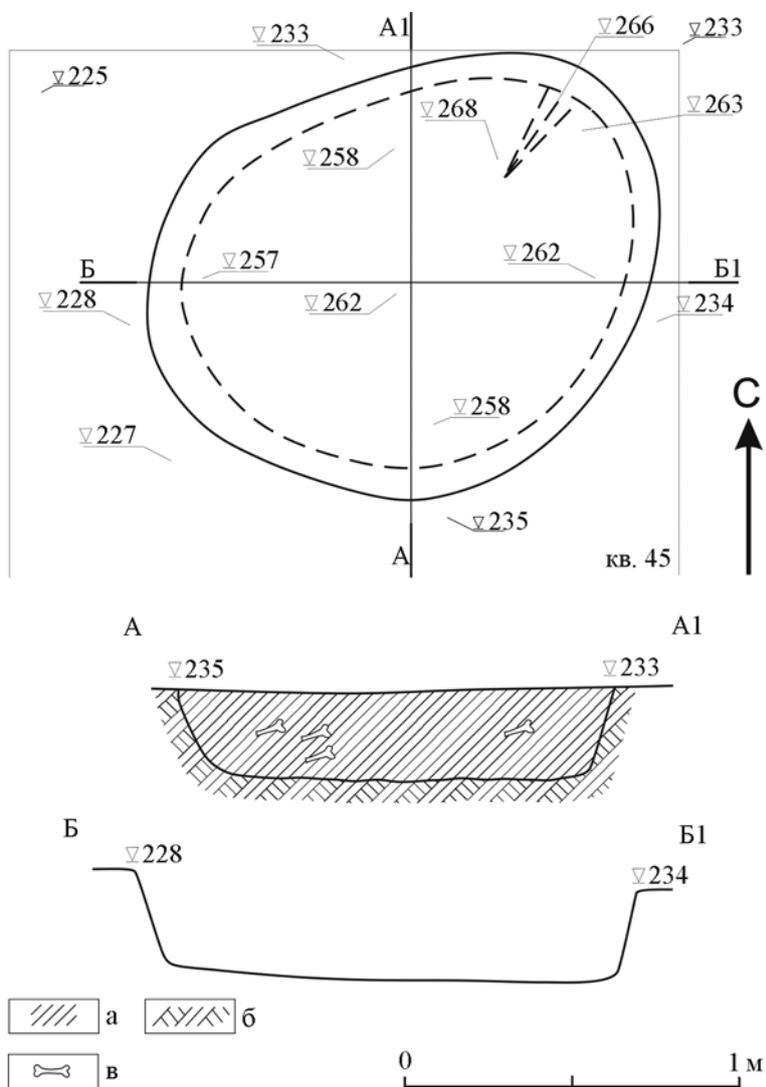

Рис. 28. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 26.
 План и профили (А-А1 – вид с В; Б-Б1 – вид с Ю)
 а – темно-серый гумусированный суглинок; б – материк; в – кость животного

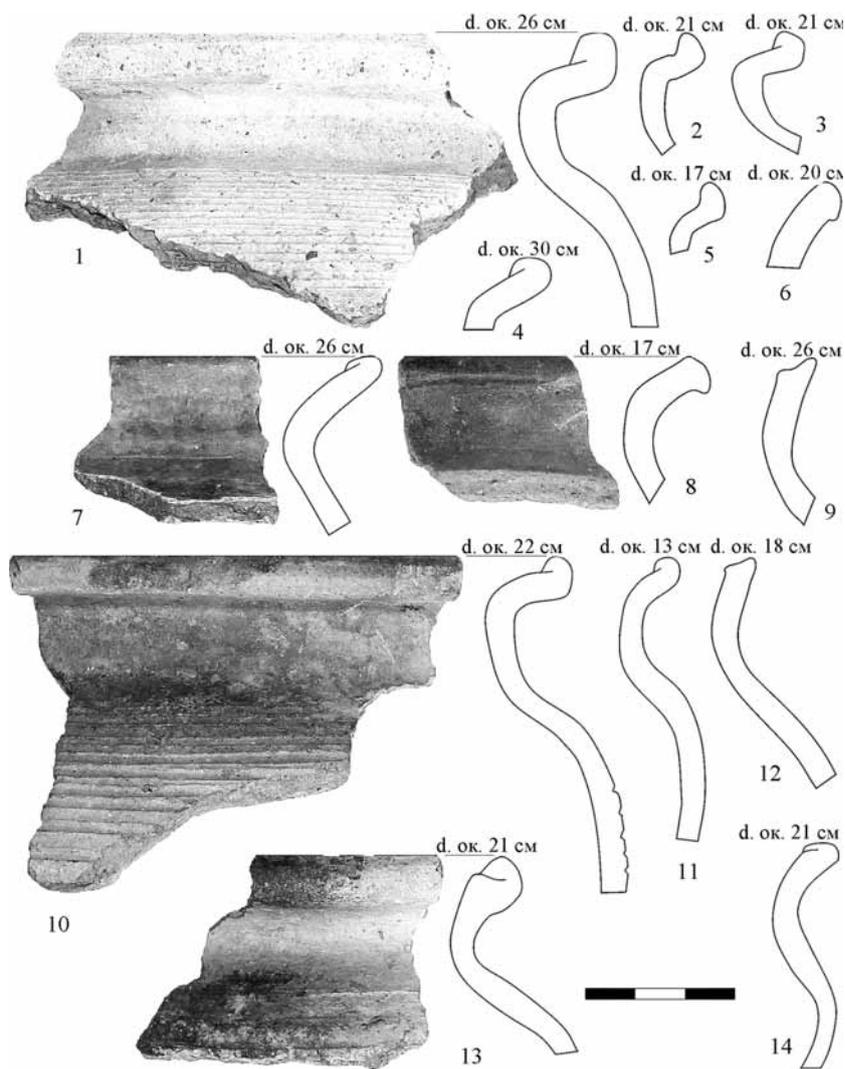

Рис. 29. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 26. Фрагменты круговой керамической посуды
1, 2, 7 – белоглиняная; 3, 5, 6, 12, 13 – серая после вторичного обжига; 4, 8–11, 14 – красноглиняная

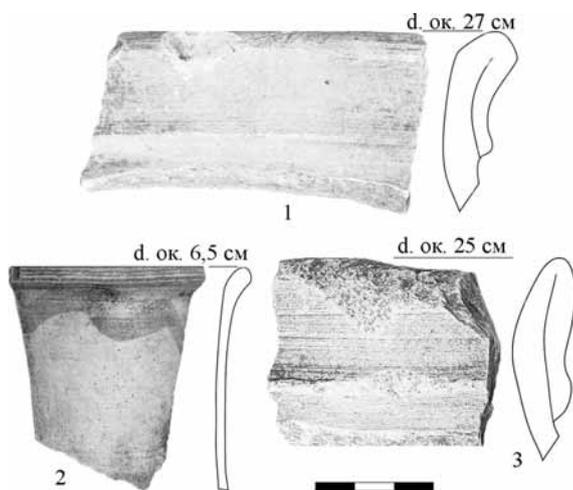

Рис. 30. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Фрагменты круговой белоглиняной грубой посуды
1, 3 – из пахотного слоя; 2 – расписанная ангобом из объекта 284

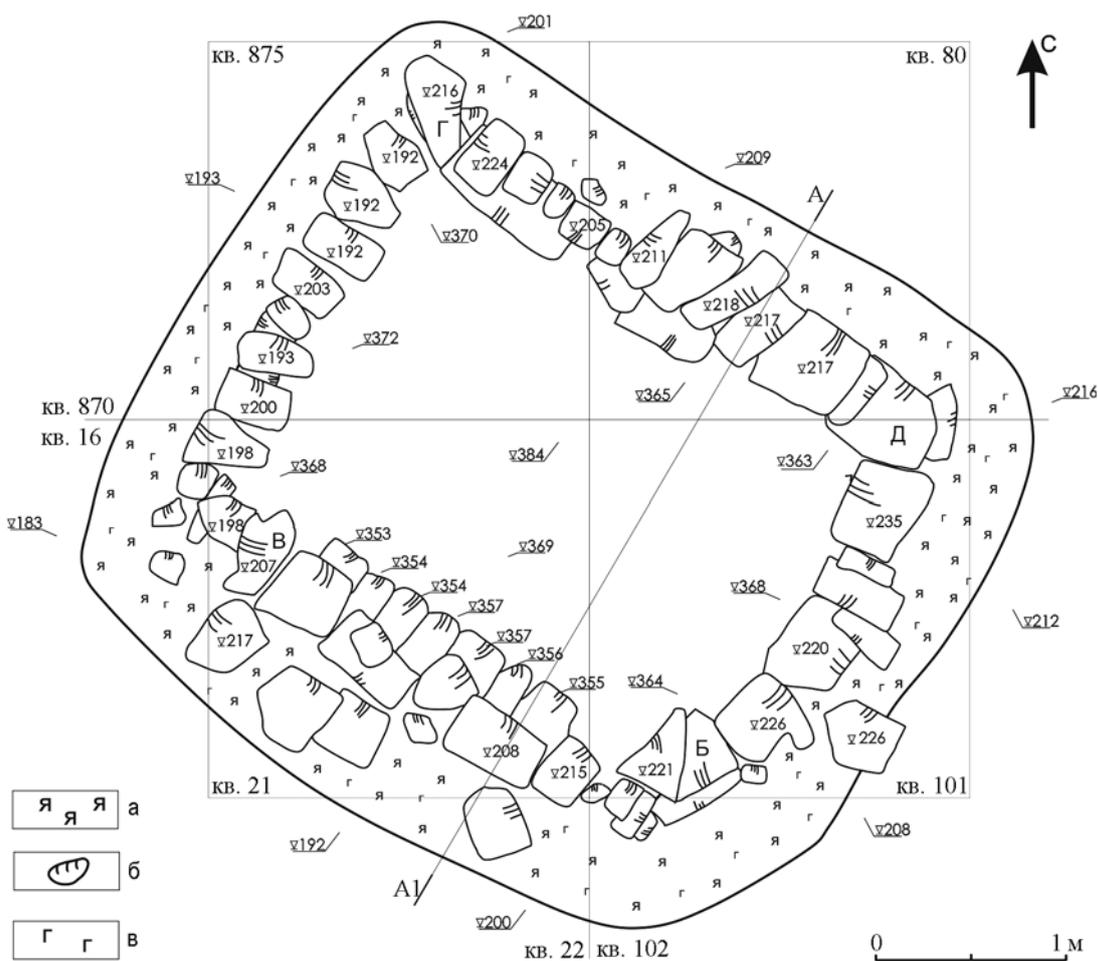

Рис. 31. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 89. План
а – включения ярко-бурого суглинка; б – камни; в – гумус

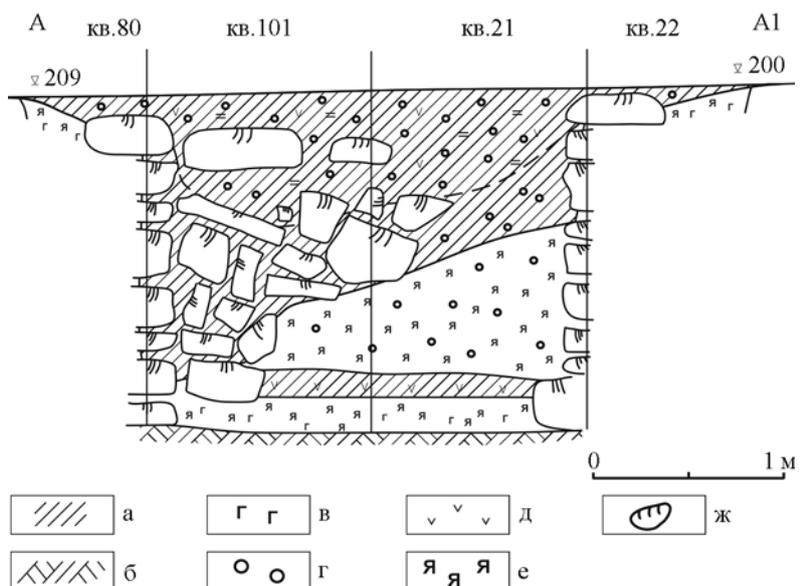

Рис. 32. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 89. Профиль
а – темно-серый гумусированный суглинок; б – материк; в – гумус; г – щебень; в – уголь;
г – включения ярко-бурого суглинка; д – камни

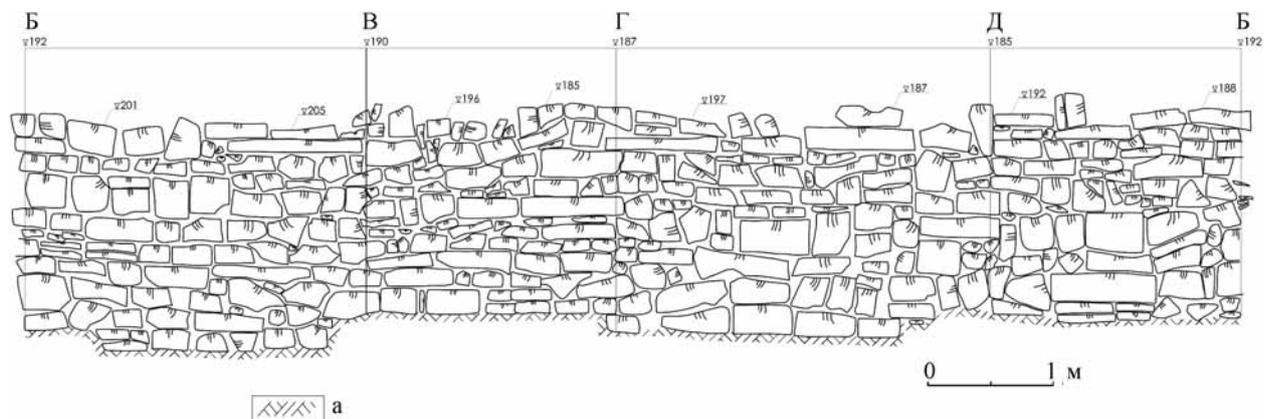

Рис. 33. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 89. Каменная кладка
а – материк

Рис. 34. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Вид объекта 89 с востока

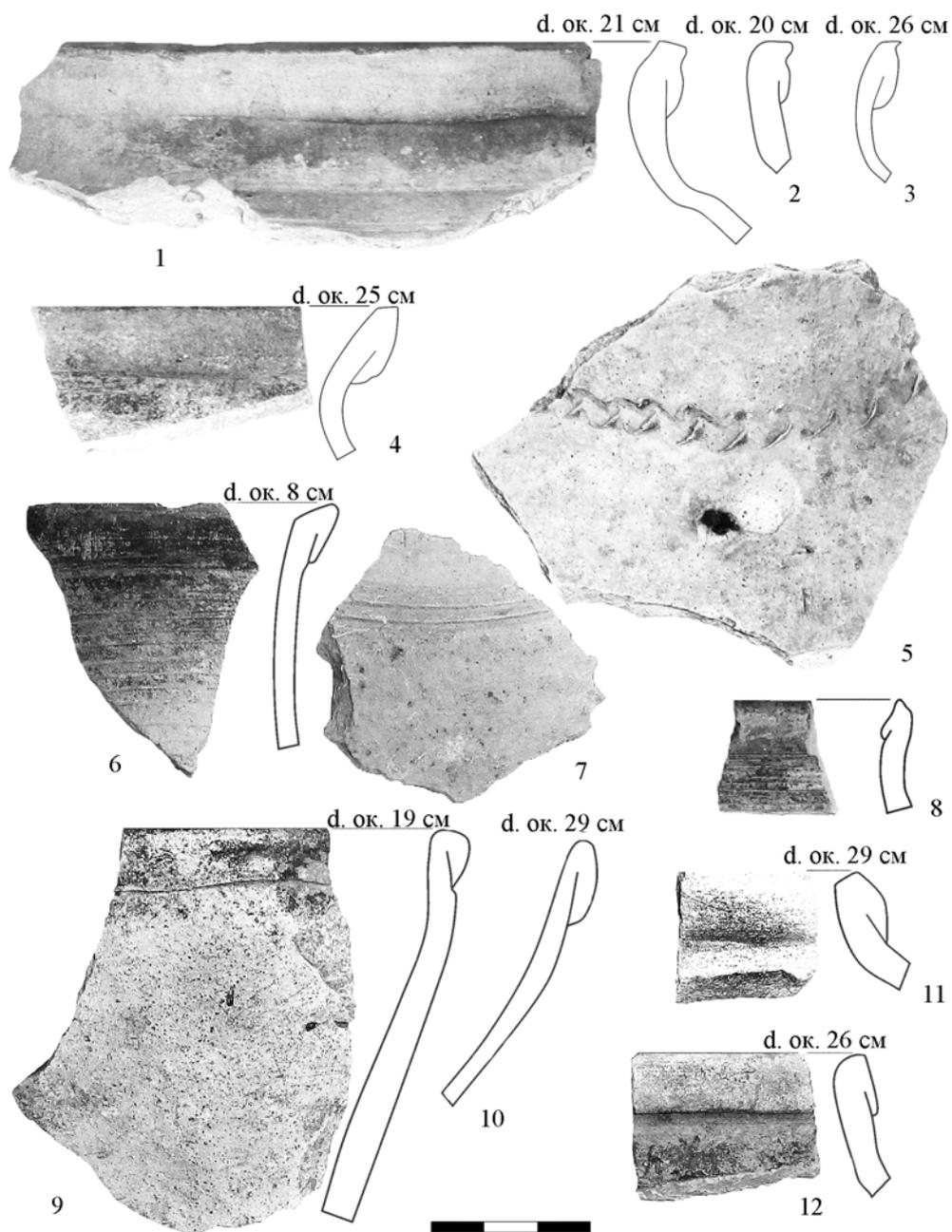

Рис. 35. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 89. Фрагменты круговой посуды
6, 7 – красноглиняная гладкая; 8 – белоглиняная гладкая (МБК-2); 1–5, 9–12 – белоглиняной грубая (МБК-1)

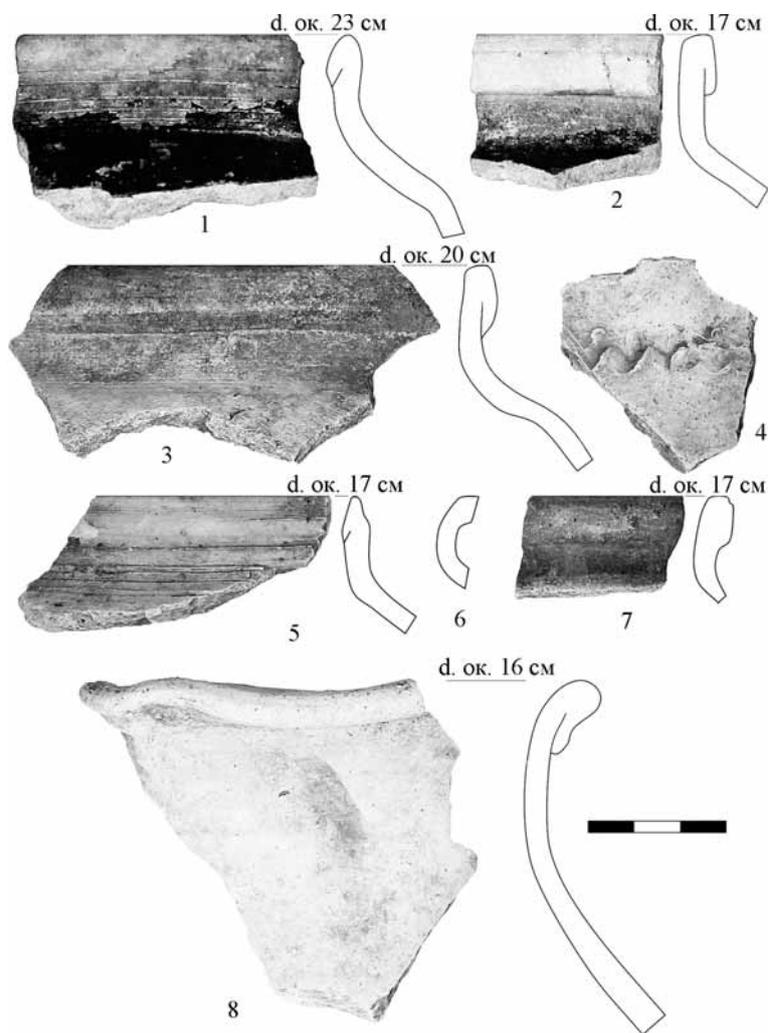

Рис. 36. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 89.
Слой 2. Фрагменты круговой посуды

1 – красноглиняная с морфологией МБК-2; 2–4, 6–8 – белоглиняная грубая (МБК-1);
5 – белоглиняная гладкая (МБК-2)

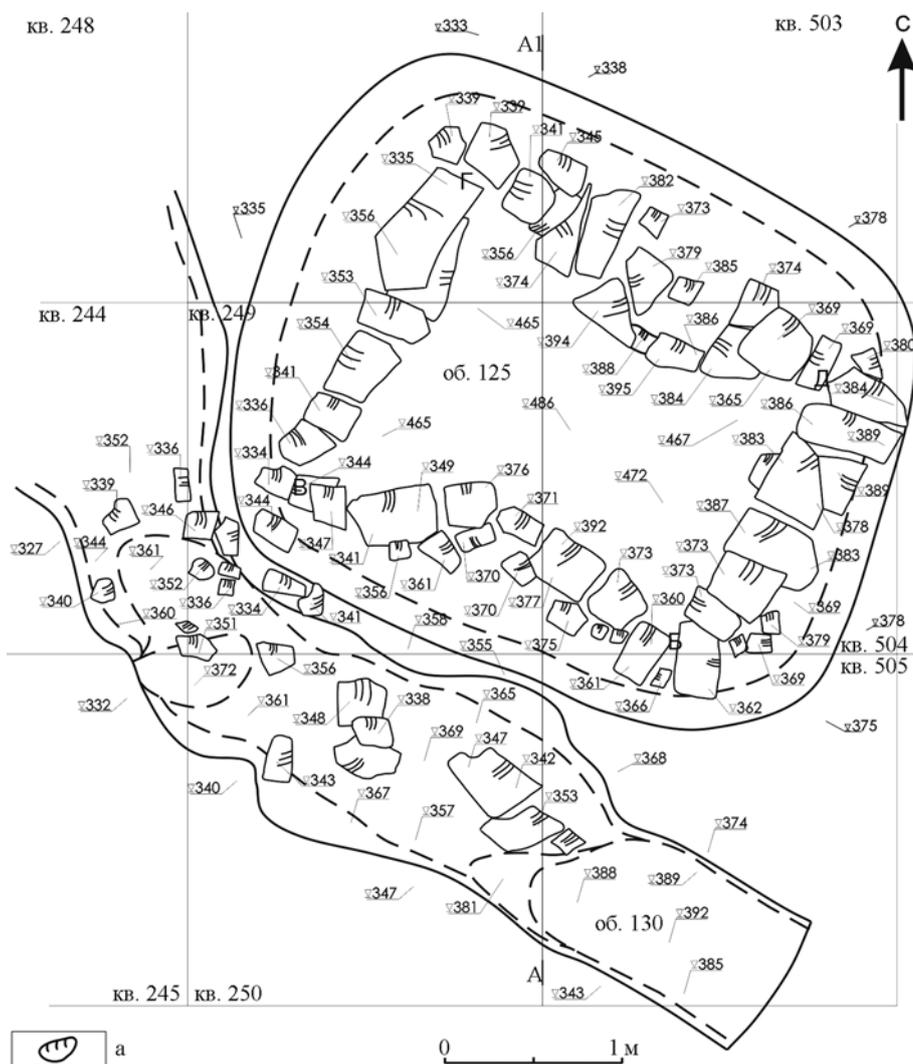

Рис. 37. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 125. План
а – камни

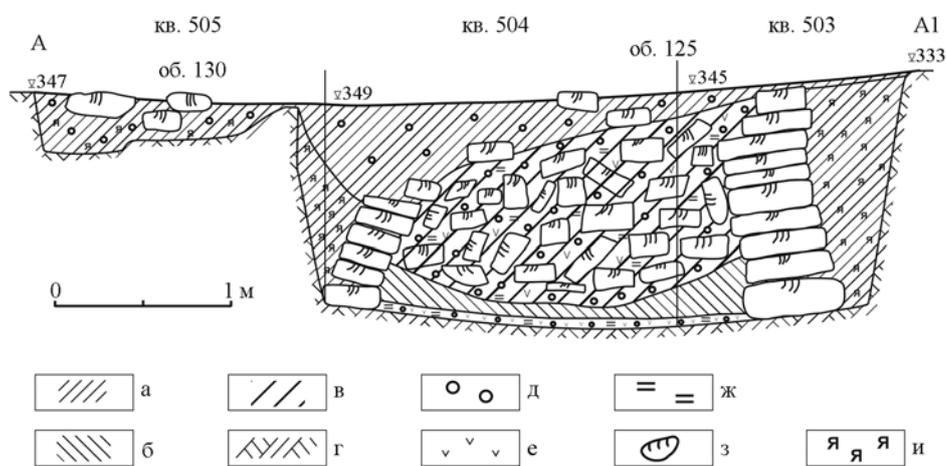
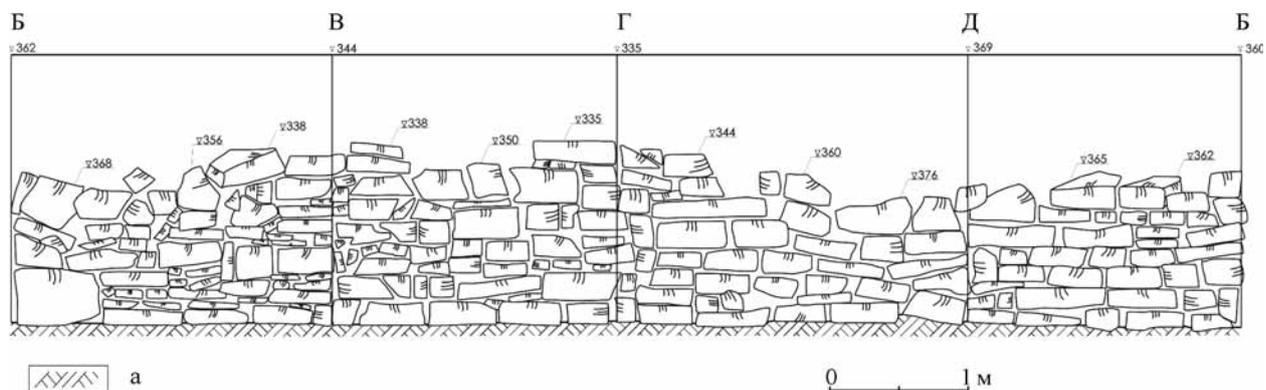

Рис. 38. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 125. Профиль. Вид с востока
а – темно-серый гумусированный суглинок; б – темно-бурый суглинок; в – светло-серый суглинок; г – материк;
д – щебень; е – уголь; ж – обожженная глина; з – камни; и – включения ярко-бурого суглинка

Рис. 39. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 125. Каменная кладка
Б-В – юго-западная стенка; В-Г – северо-западная стенка; Г-Д – северо-восточная стенка; Д-Б – юго-восточная стенка;
а – материк

Рис. 40. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1.
Вид объекта 125 с северо-востока после выборки до уровня дна

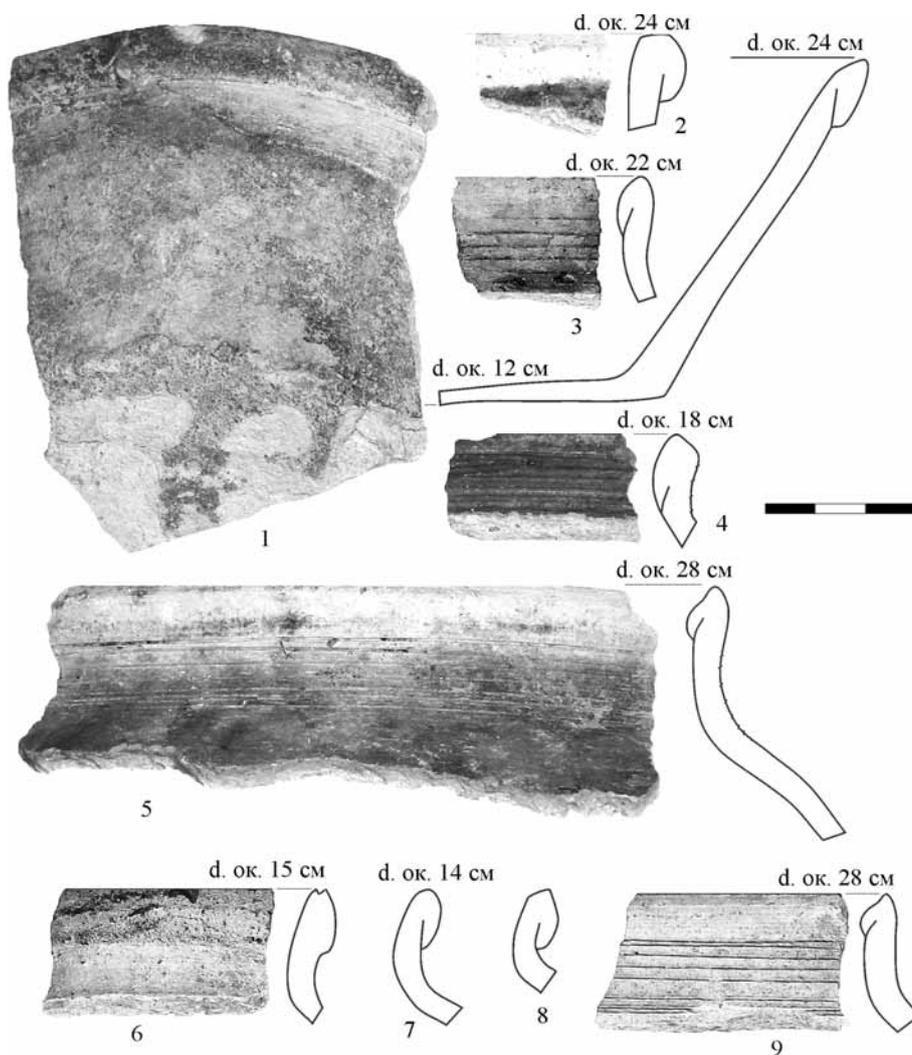

Рис. 41. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 125. Фрагменты посуды
1, 2, 6–8 – белоглиняная грубая (МБК-1); 3, 5, 9 – белоглиняная гладкая (МБК-2); 4 – белоглиняная шероховатая

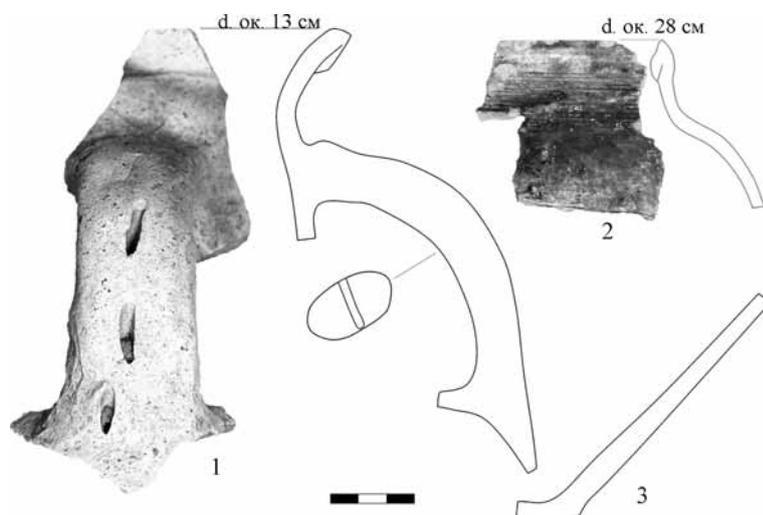

Рис. 42. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 125
1, 3 – фр-ты белоглиняного грубого кувшина (МБК-1); 2 – фр-ты белоглиняного гладкого горшка (МБК-2)

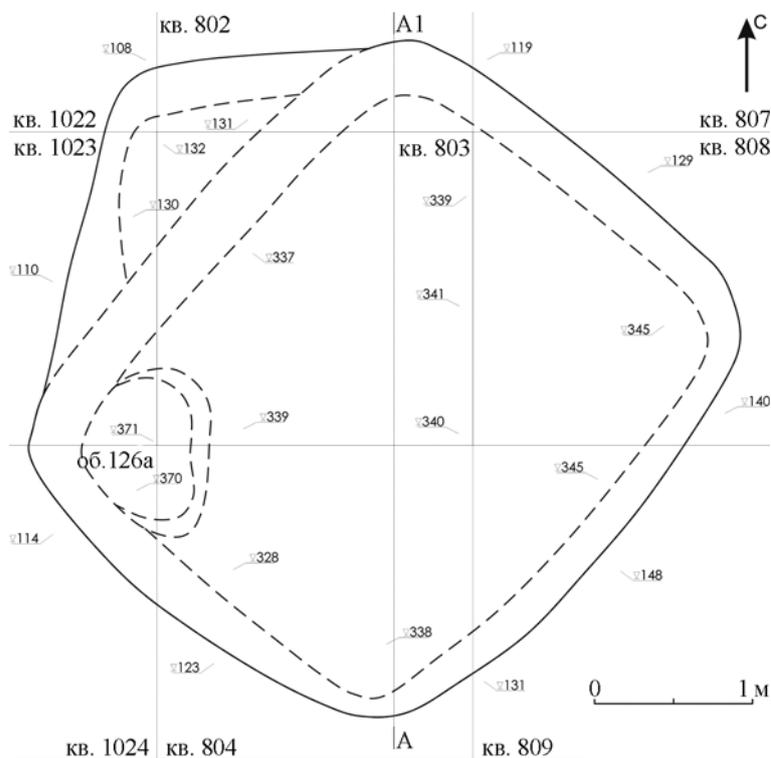

Рис. 43. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объекты 126, 126а. План

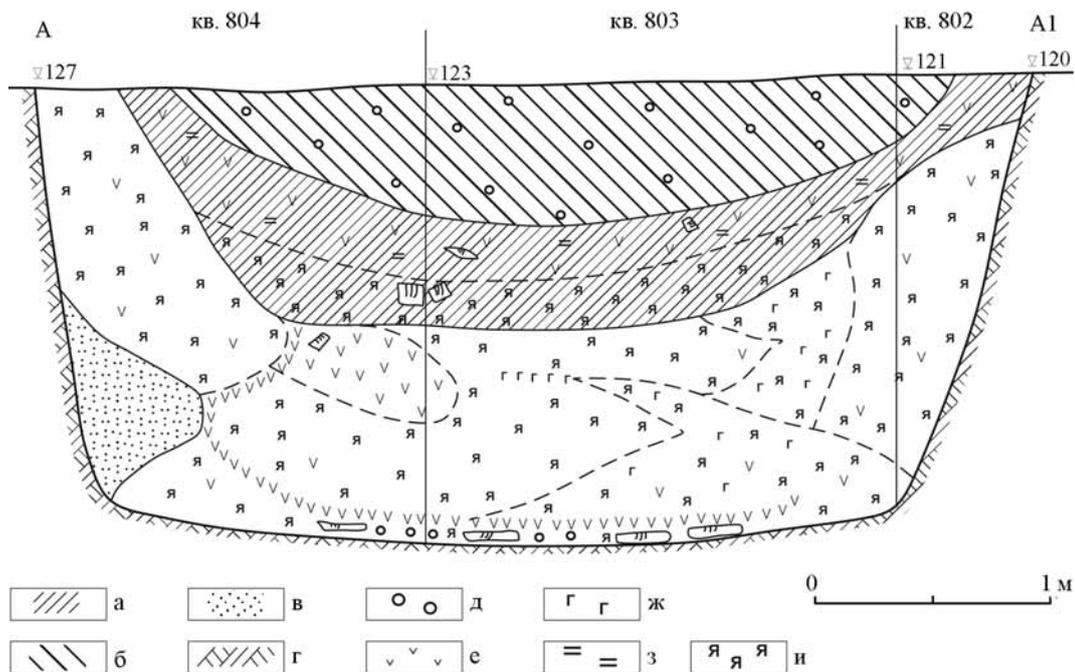
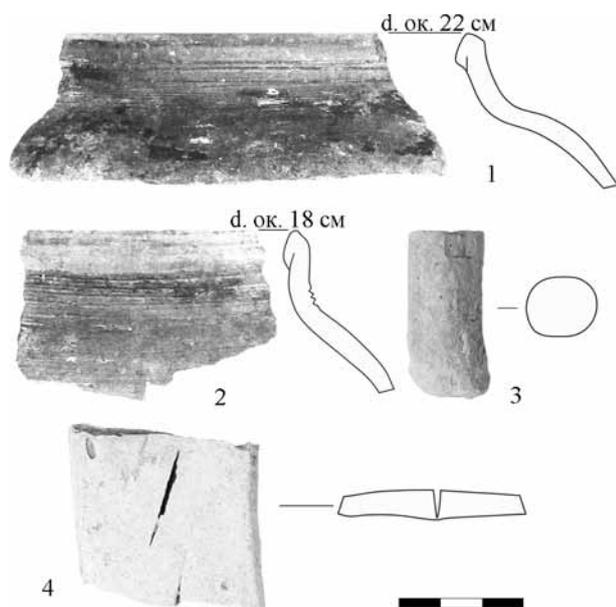
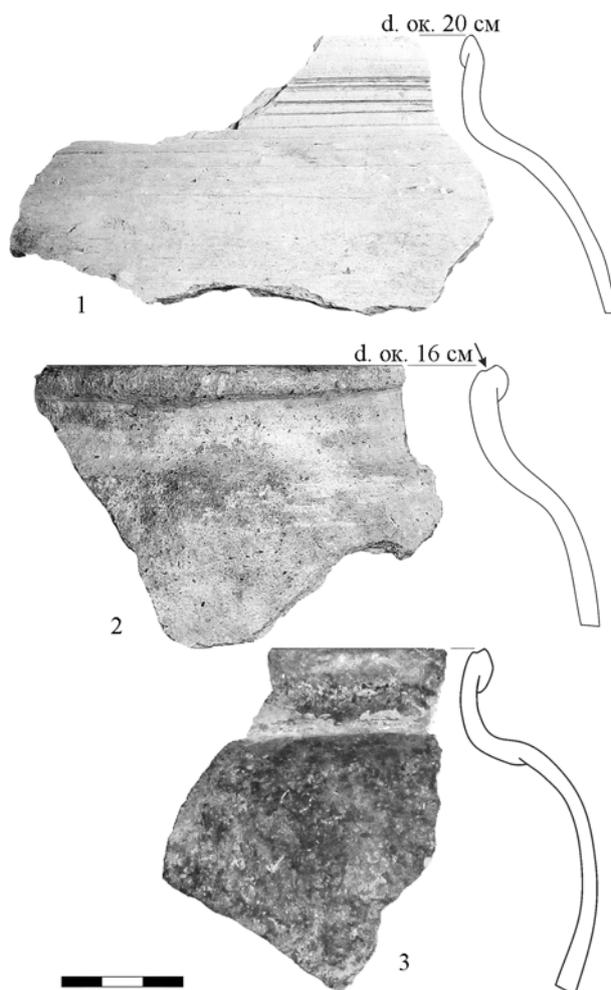

Рис. 44. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 126. Профиль. Вид с востока
 а – темно-серый гумусированный суглинок; б – светло-бурый гумусированный сглинок; в – песок; г – материк;
 д – щебень; е – уголь; ж – гумус; з – обожженная глина; и – включения ярко-бурого суглинка

Рис. 45. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 126. Фрагменты круговой белоглиняной посуды
3, 4 – грубая (МБК-1); 1, 2 – гладкая (МБК-2)

Рис. 46. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 126. Фрагменты круговых белоглиняных горшков
2, 3 – грубый (МБК-1); 1 – гладкий (МБК-2)

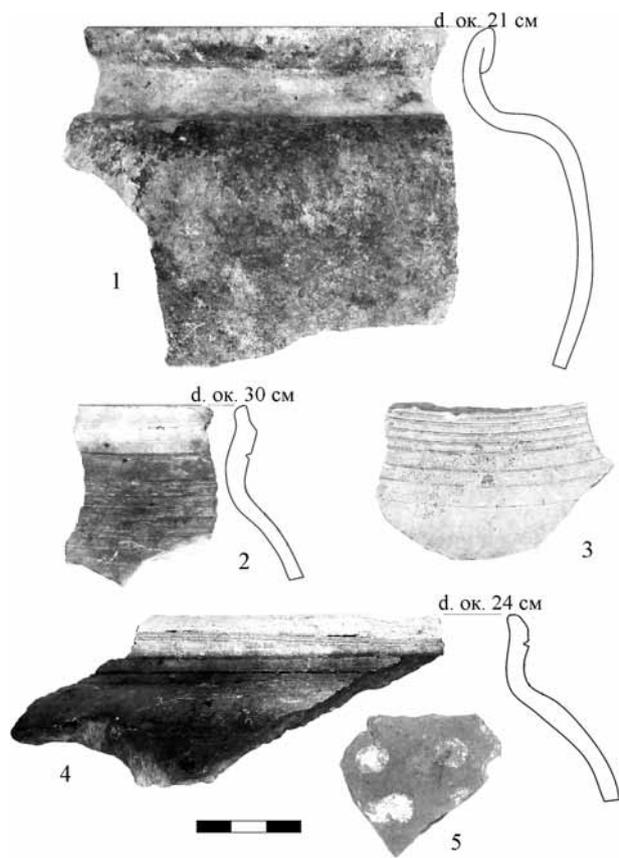

Рис. 47. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 126. Фрагменты круговых горшков
1 – белоглиняный грубый (МБК-1); 2–4 – белоглиняные гладкие (МБК-2); 5 – красноглиняный гладкий с пятнами ангоба

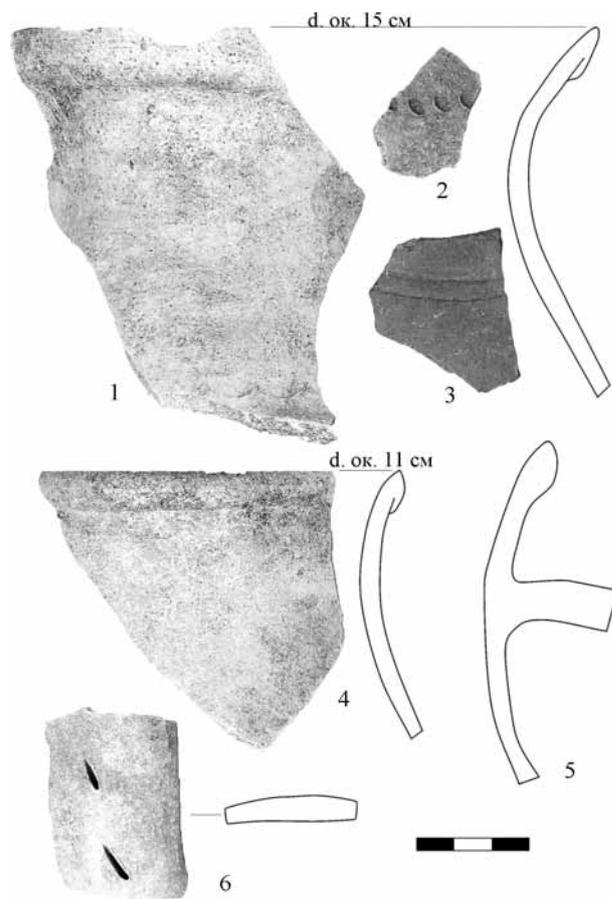

Рис. 48. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 126. Фрагменты круговой посуды
1, 4–6 – белоглиняные грубые кувшины (МБК-1);
2, 3 – красноглиняная (3 – с лошением)

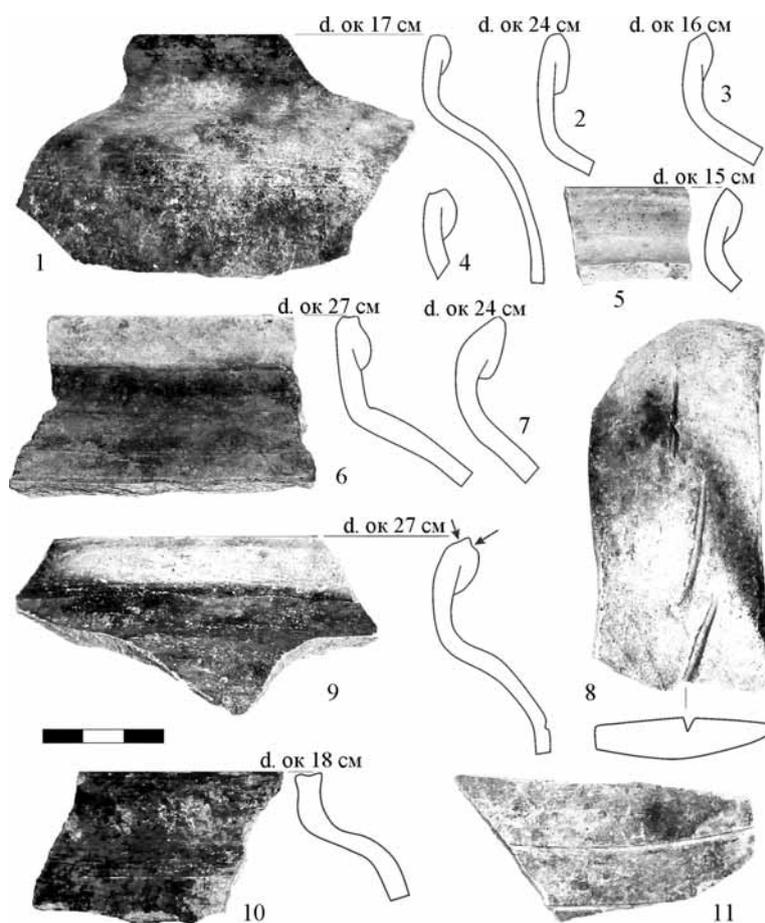

Рис. 49. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 126. Пласт 8. Фрагменты круговой посуды
1–9, 11– белоглиняная грубая (МБК-1); 10 – красноглиняная гладкая

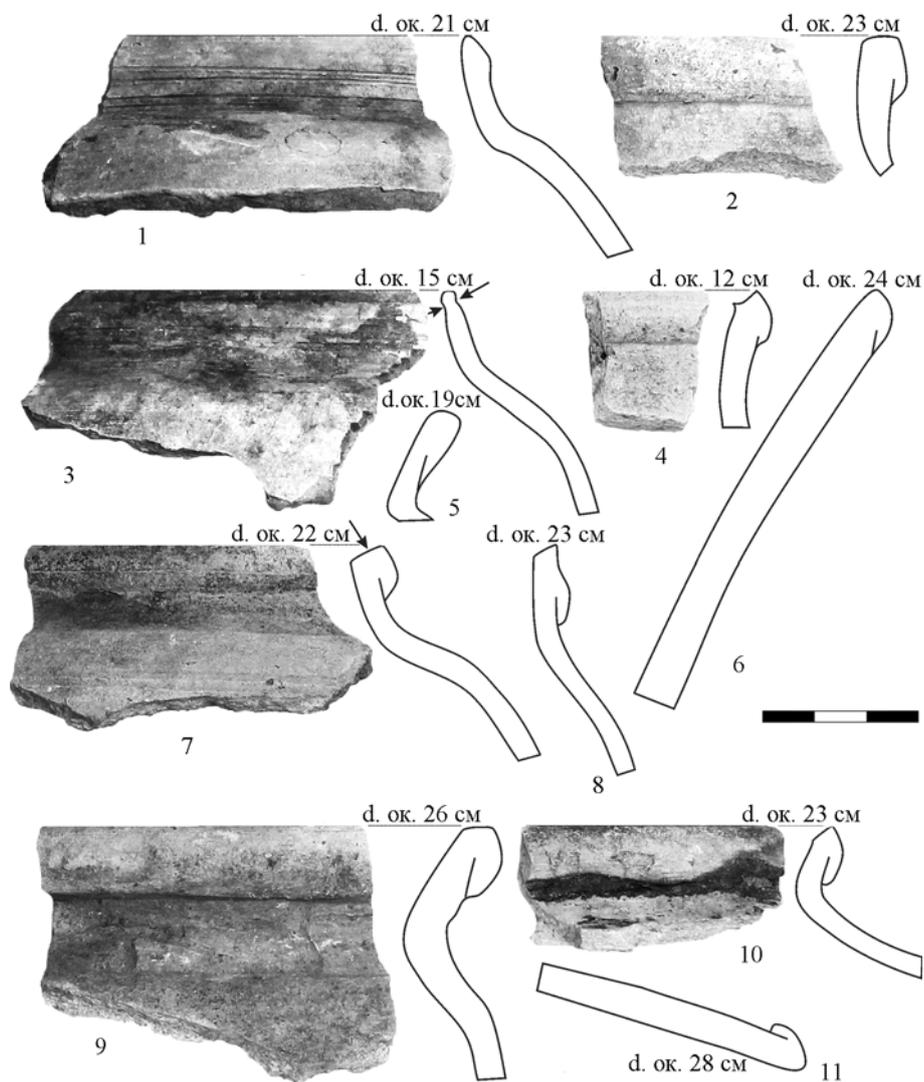

Рис. 50. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 126. Пласт 10, 11.
 Уровень нижней прослойки угля. Фрагменты круговой посуды
 1, 3 – белоглиняная гладкая (МБК-2); 2, 4–9, 11 – белоглиняная грубая (МБК-1; 6 – фрагмент миски;
 11 – фрагмент крышки); 10 – красноглиняная с морфологией МБК-1

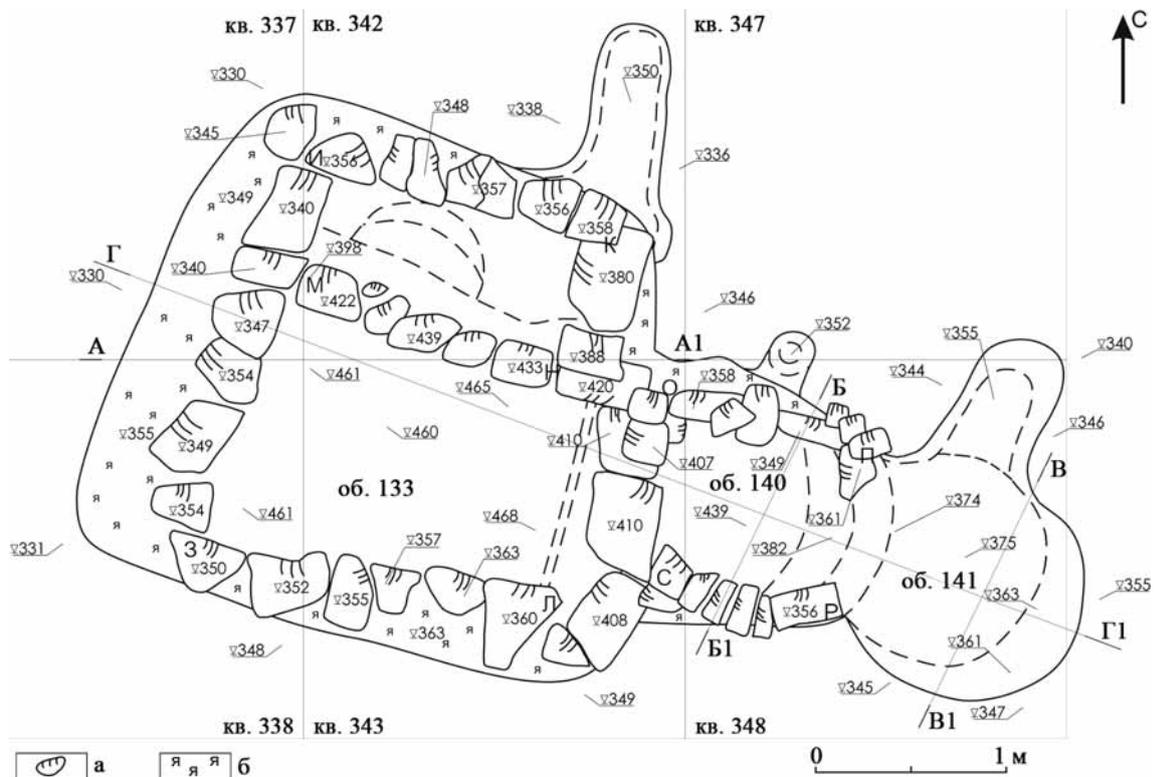

Рис. 51. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объекты 133, 140, 141. План
а – камни; б – включения ярко-бурого суглинка

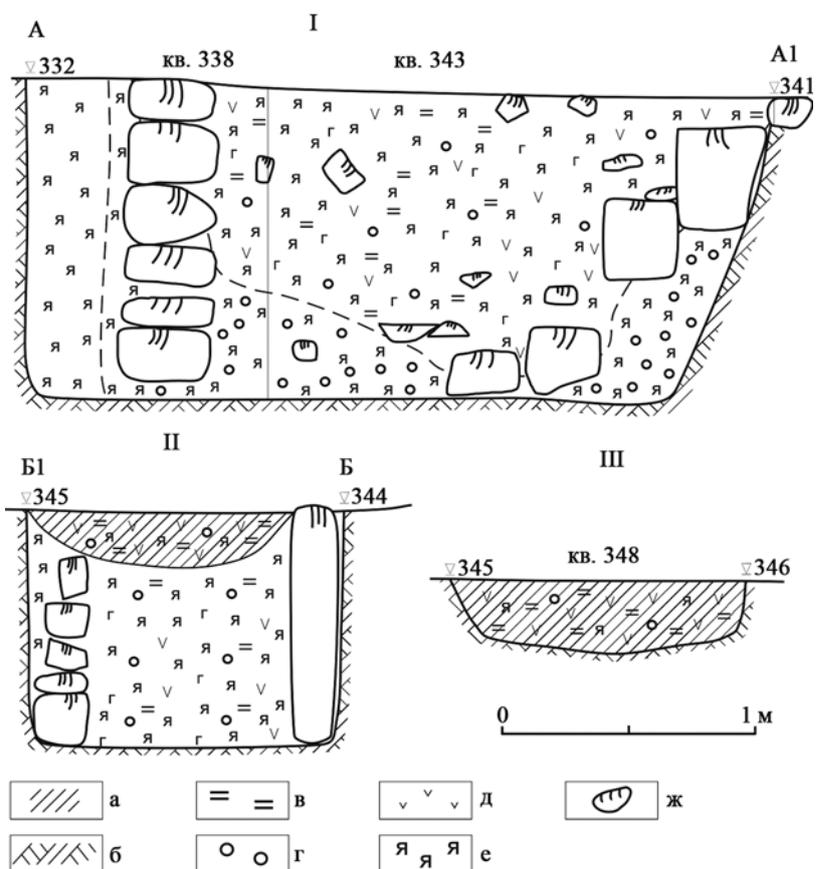

Рис. 52. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Профили

I – объект 133, вид с Ю; II – объект 140, вид с ЮВ; II – объект 141, вид с ЮВ. а – темно-серый гумусированный суглинок; б – материк; в – обожженная глина; г – щебень; д – уголь; е – включения ярко-бурого суглинка; ж – камни

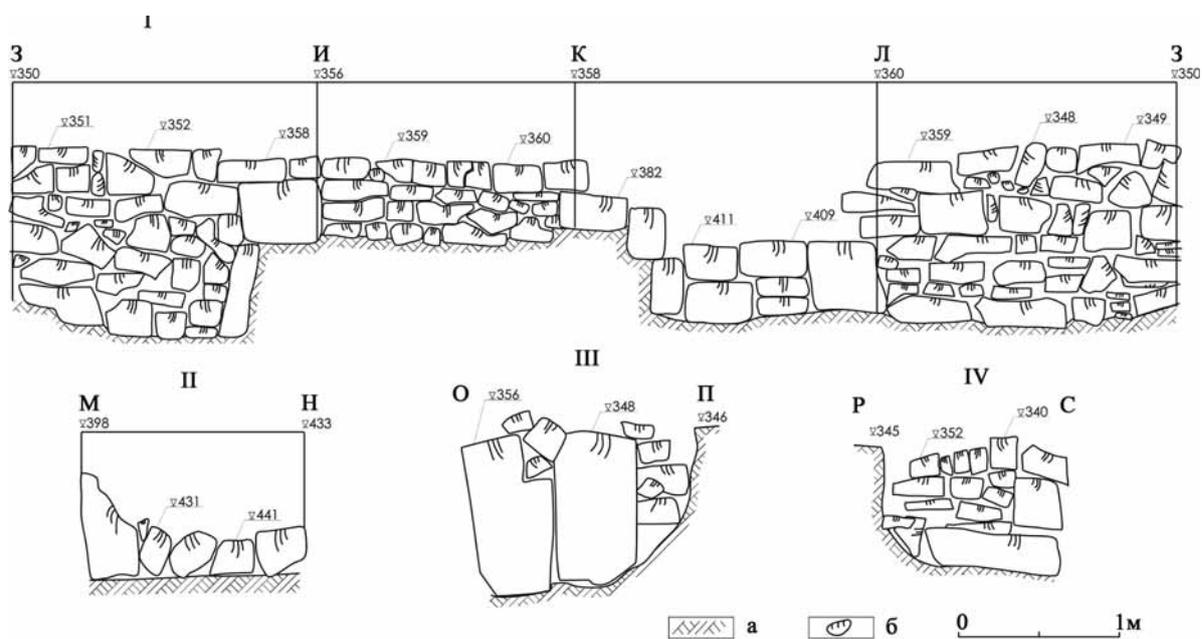

Рис. 53. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объекты 133, 140. Каменные кладки

I – об. 133 (З-И – северо-западная стенка; И-К – северо-восточная стенка; К-Л – юго-восточная стенка; Л-З – юго-западная стенка); II – дополнительная северо-восточная кладка об. 133; III – северо-восточная стенка об. 140; IV – юго-западная стенка об. 140; а – материк; б – камни

Рис. 54. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Вид объектов 133, 140 с северо-запада после выборки до уровня дна

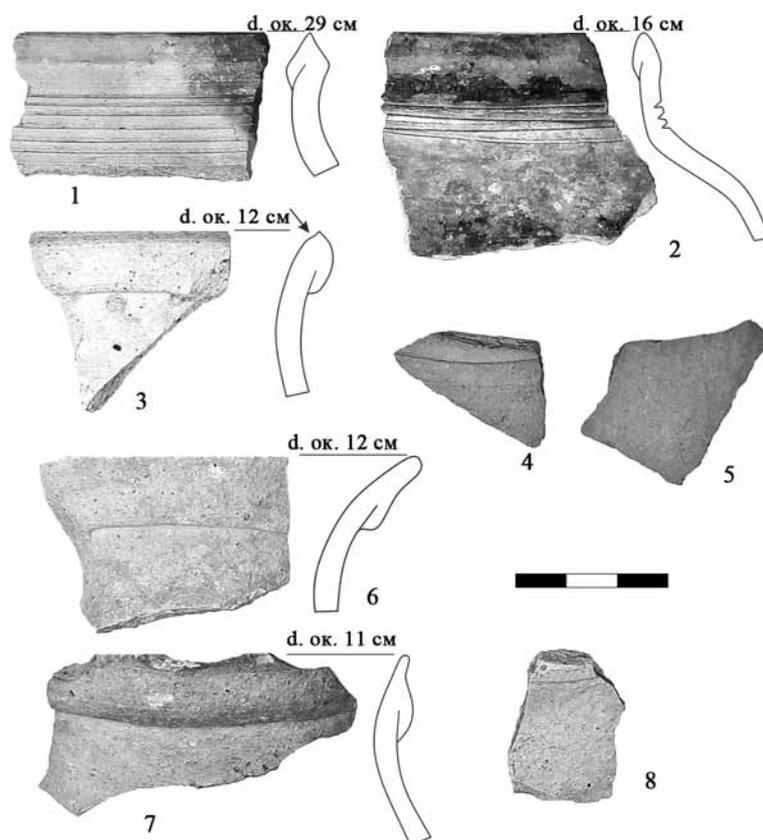

Рис. 55. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 133. Фрагменты круговой посуды
1, 2 – белоглиняная гладкая (МБК-2); 3, 6–8 – белоглиняная грубая (МБК-1); 4, 5 – красноглиняная

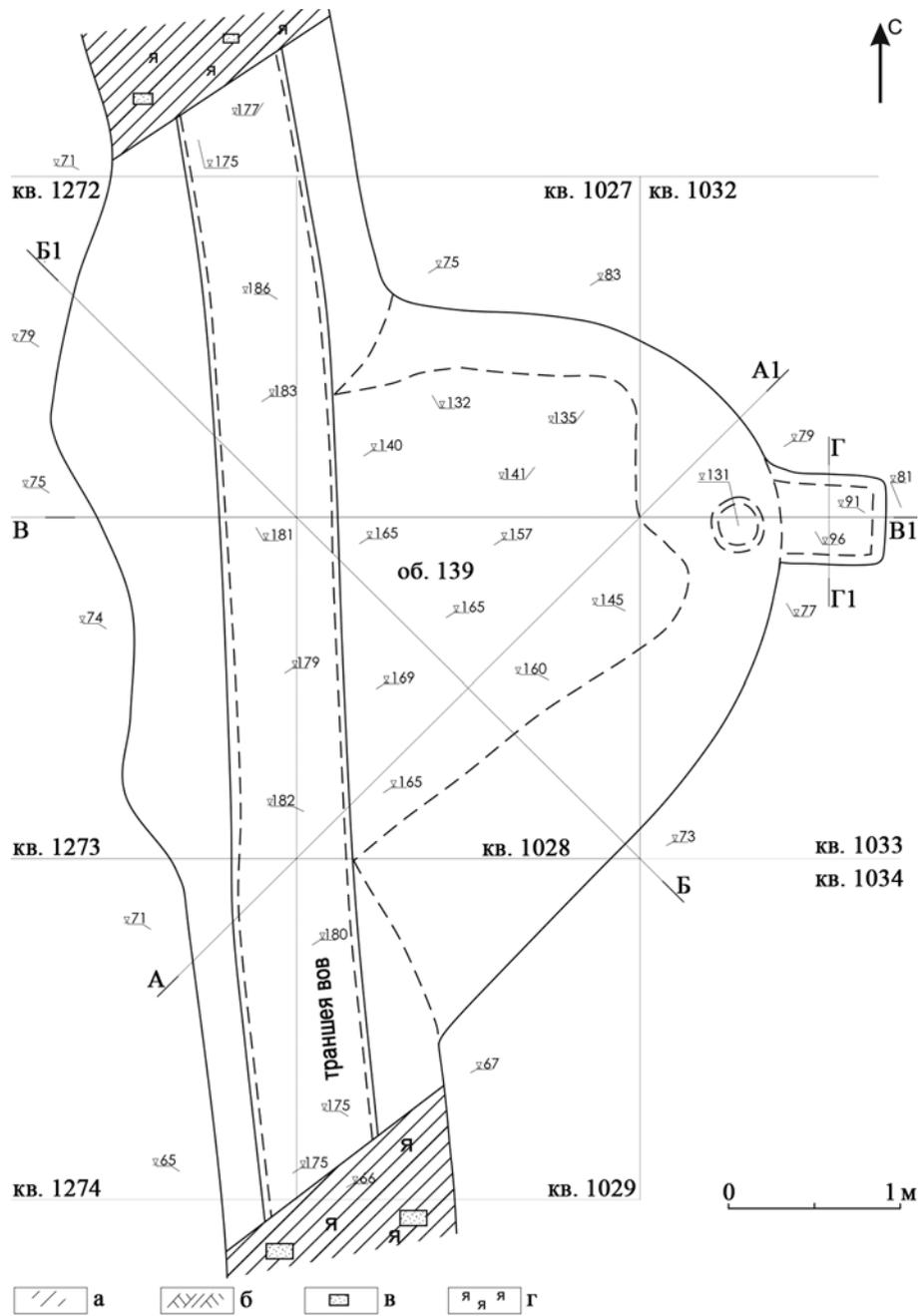

Рис. 56. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 139. План
 а – светло-серый гумусированный суглинок; б – материк; в – фр-ты кирпичей;
 г – включения ярко-бурого суглинка

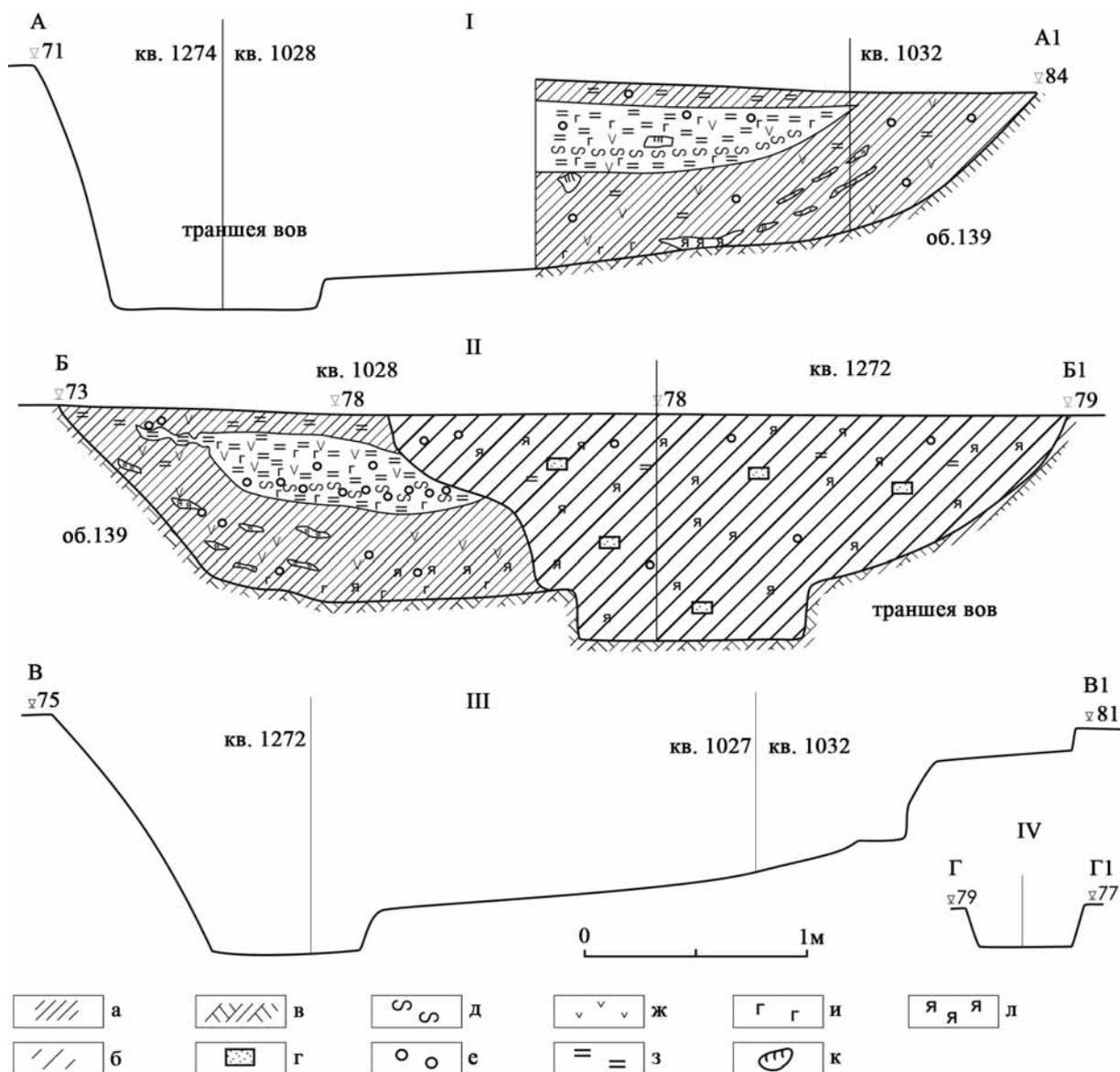

Рис. 57. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1.
Профили объекта 139 и траншеи времен Великой Отечественной войны

I – вид с ЮВ; II – вид с СВ; III – вид с Ю; IV – об. 139, вид с З; а – темно-серый гумусированный суглинок; б – светло-серый гумусированный суглинок; в – материк; г – фр-ты кирпичей; д – зола; е – щебень; ж – уголь; з – обожженная глина; и – гумус; к – камни; л – включения ярко-бурого суглинка

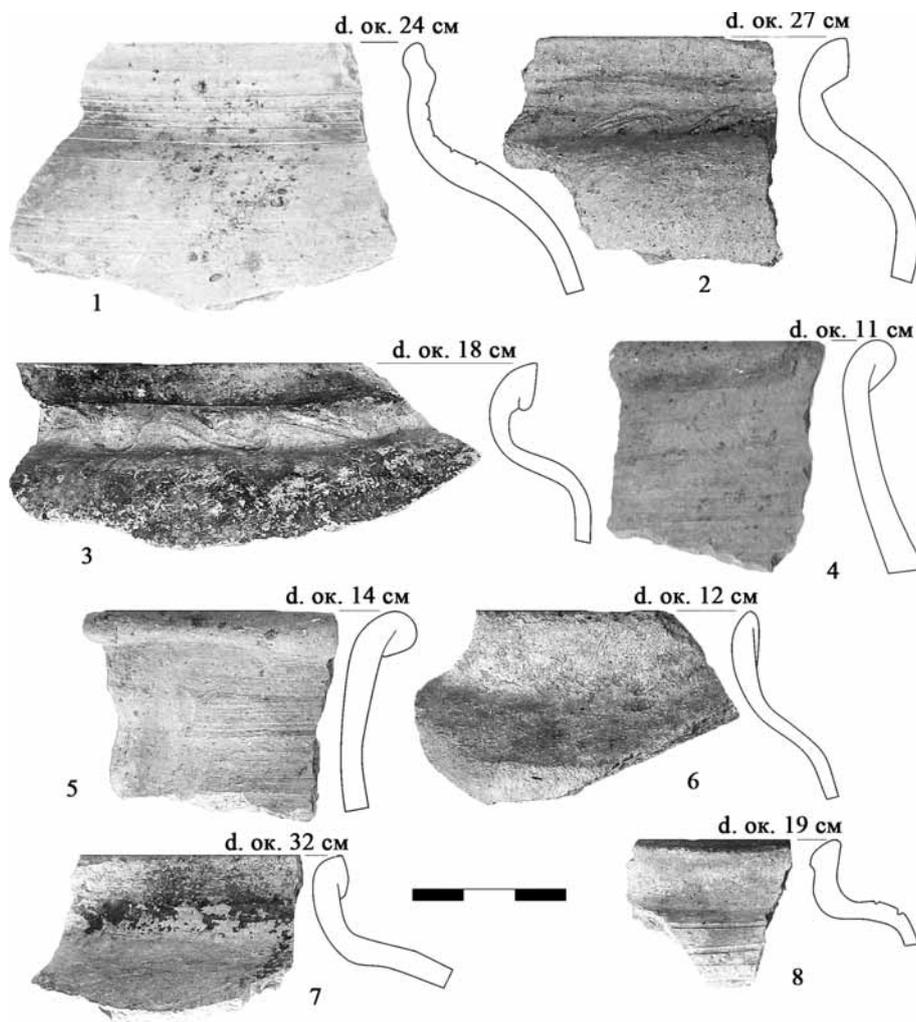

Рис. 58. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 139. Фрагменты круговой посуды
 1 – белоглиняная гладкая (МБК-2); 2 – из слабожелезненной глины, 3, 6, 7 – белоглиняная грубая (МБК-1);
 4, 5 – красноглиняная гладкая; 8 – белоглиняная грубая с морфологией красноглиняной гладкой

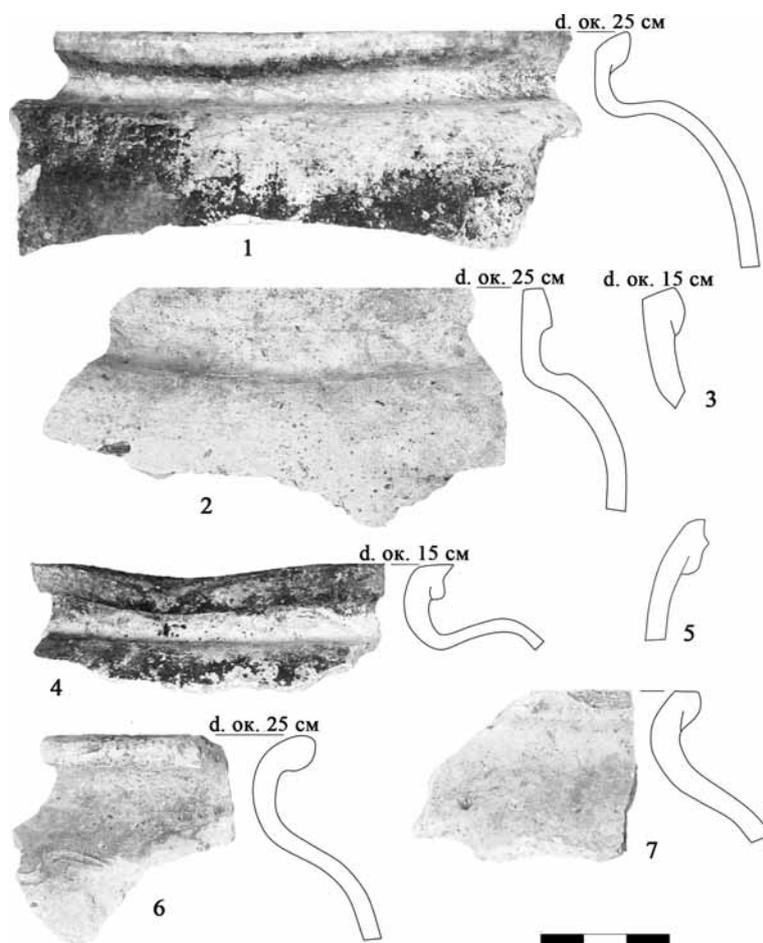

Рис. 59. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 139.
Фрагменты круговой белоглиняной грубой посуды (МБК-1)

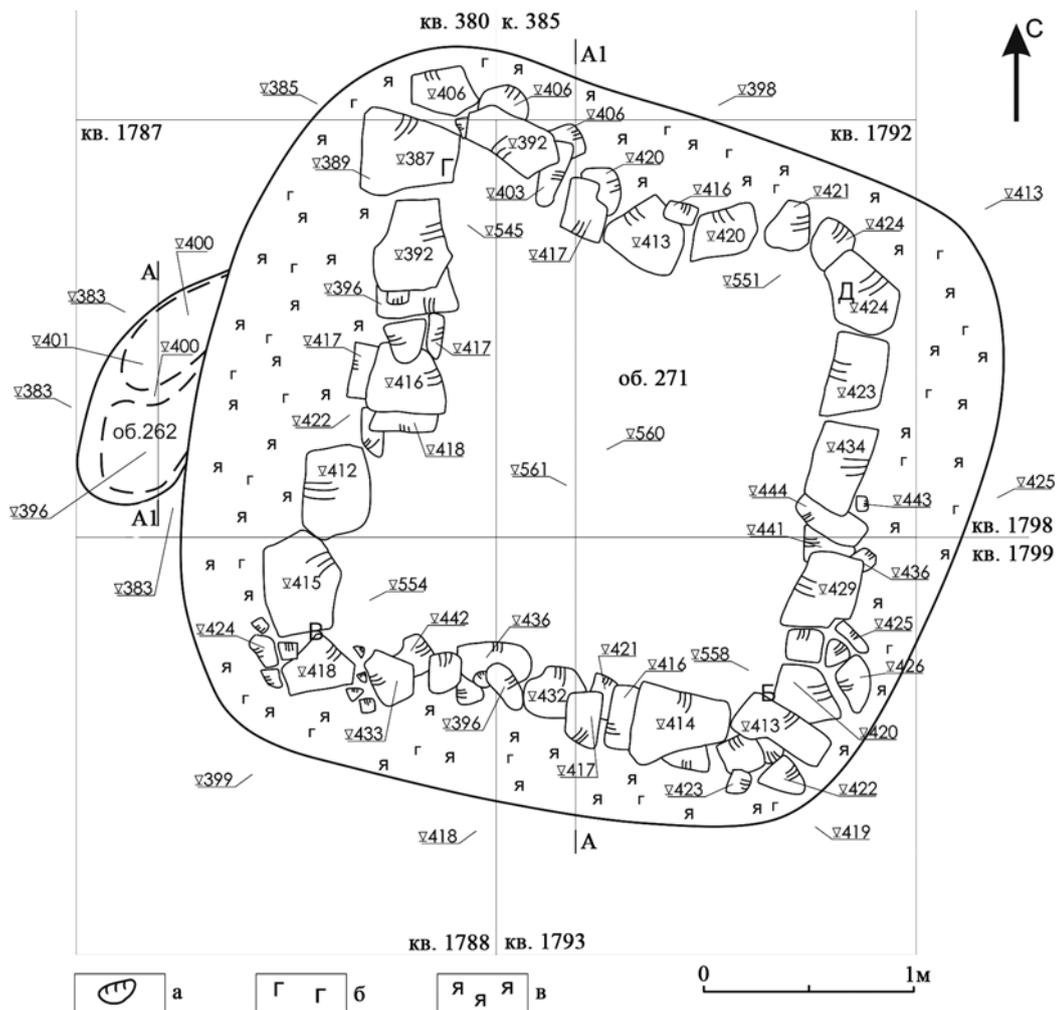

Рис. 60. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 271. План
а – камни; б – гумус; в – включения ярко-бурого суглинка

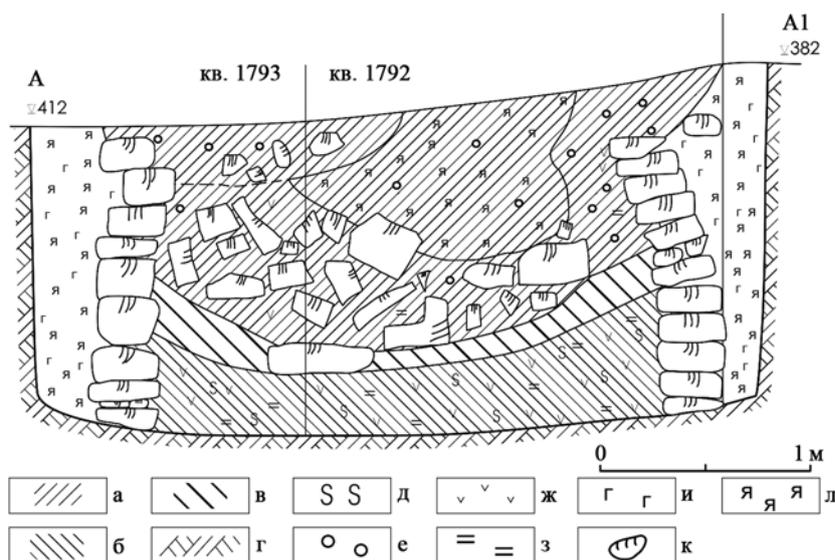
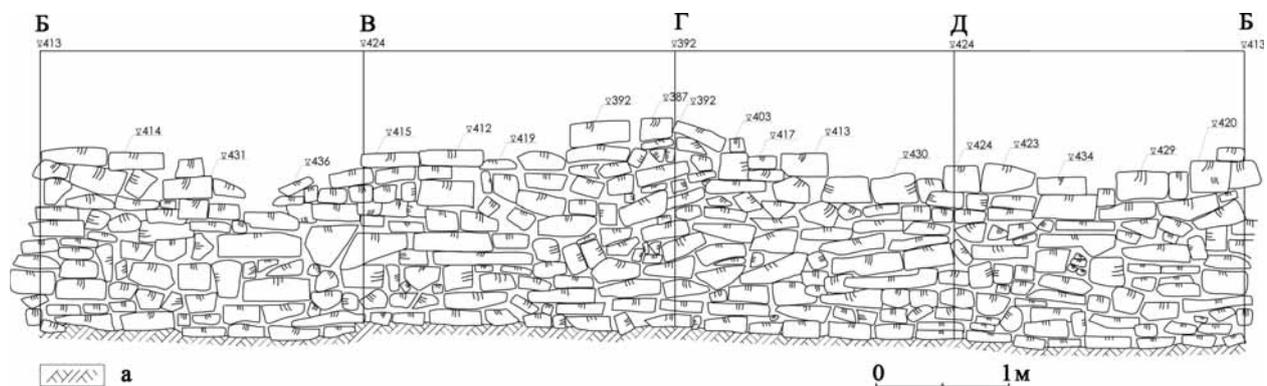

Рис. 61. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 271. Профиль. Вид с востока
а – темно-серый гумусированный суглинок; б – темно-бурый суглинок; в – светло-бурый суглинок; г – материк; д –
древесный тлен; е – щебень; ж – уголь; з – обожженная глина; и – гумус; к – камни; л – включения ярко-бурого суглинка

Рис. 62. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 271. Каменная кладка
 Б-В – юго-западная стенка; В-Г – северо-западная стенка; Г-Д – северо-восточная стенка; Д-Б – юго-восточная стенка.
 а – материк

Рис. 63. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1.
 Вид объекта 271 с востока в процессе выборки

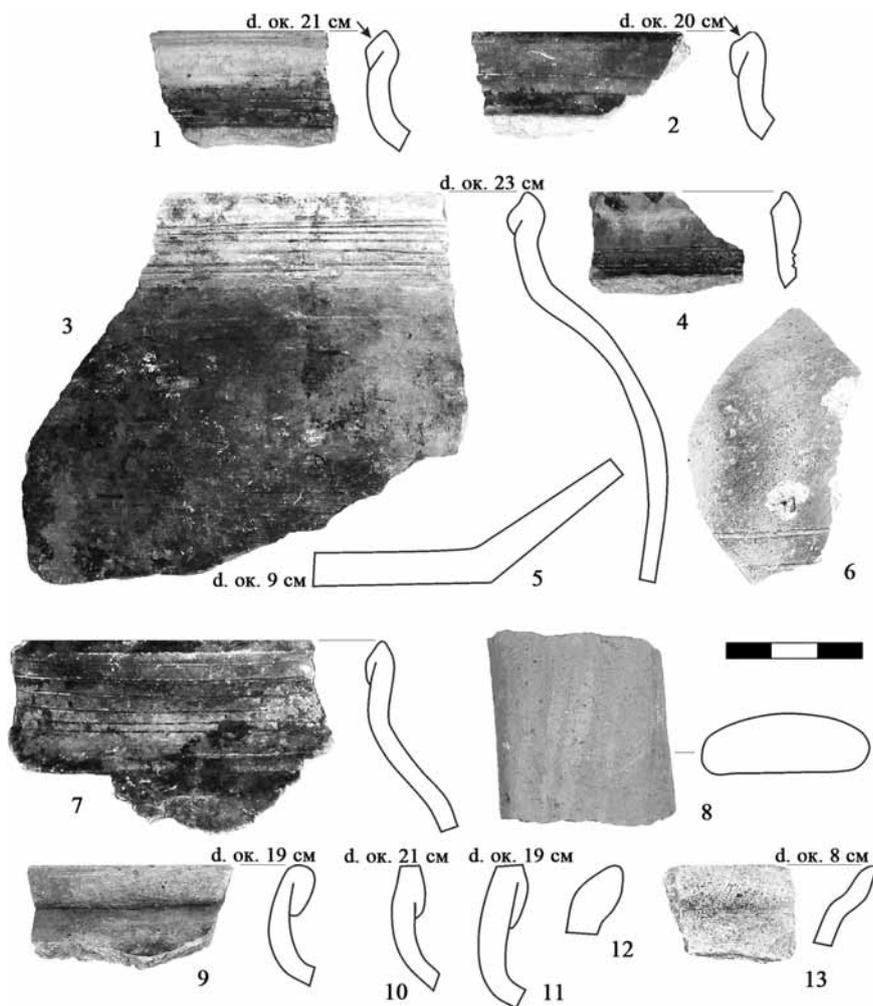

Рис. 64. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 271. Фрагменты круговой посуды
1–5, 7 – белоглиняная гладкая (МБК-2; 2, 7 – фрагменты одного горшка); 6, 9–13 – белоглиняная грубая (МБК-1);
8 – красноглиняная гладкая с лощением

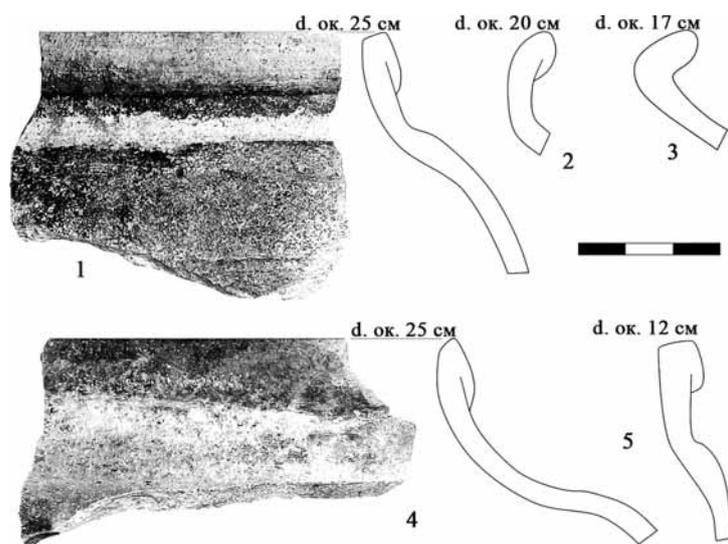

Рис. 65. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 109. Фрагменты круговой белоглиняной грубой посуды (МБК-1)

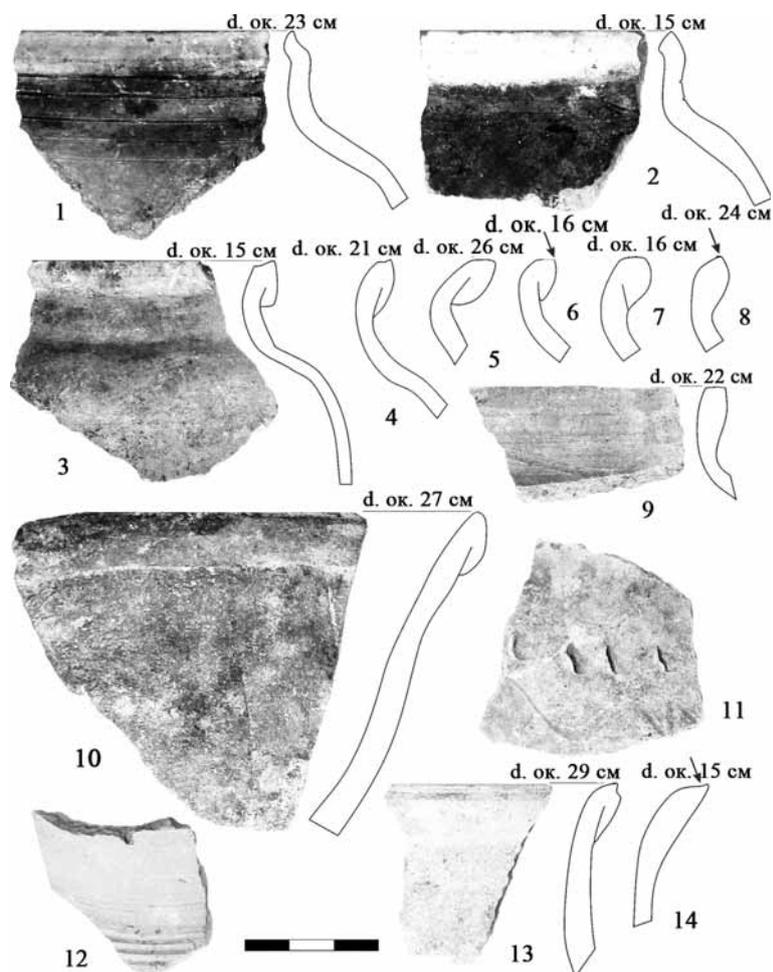

Рис. 66. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 119. Фрагменты круговой посуды
 1, 2 – белоглиняная гладкая (МБК-2); 3–11, 13, 14 – белоглиняная грубая (МБК-1); 12 – красноглиняная гладкая

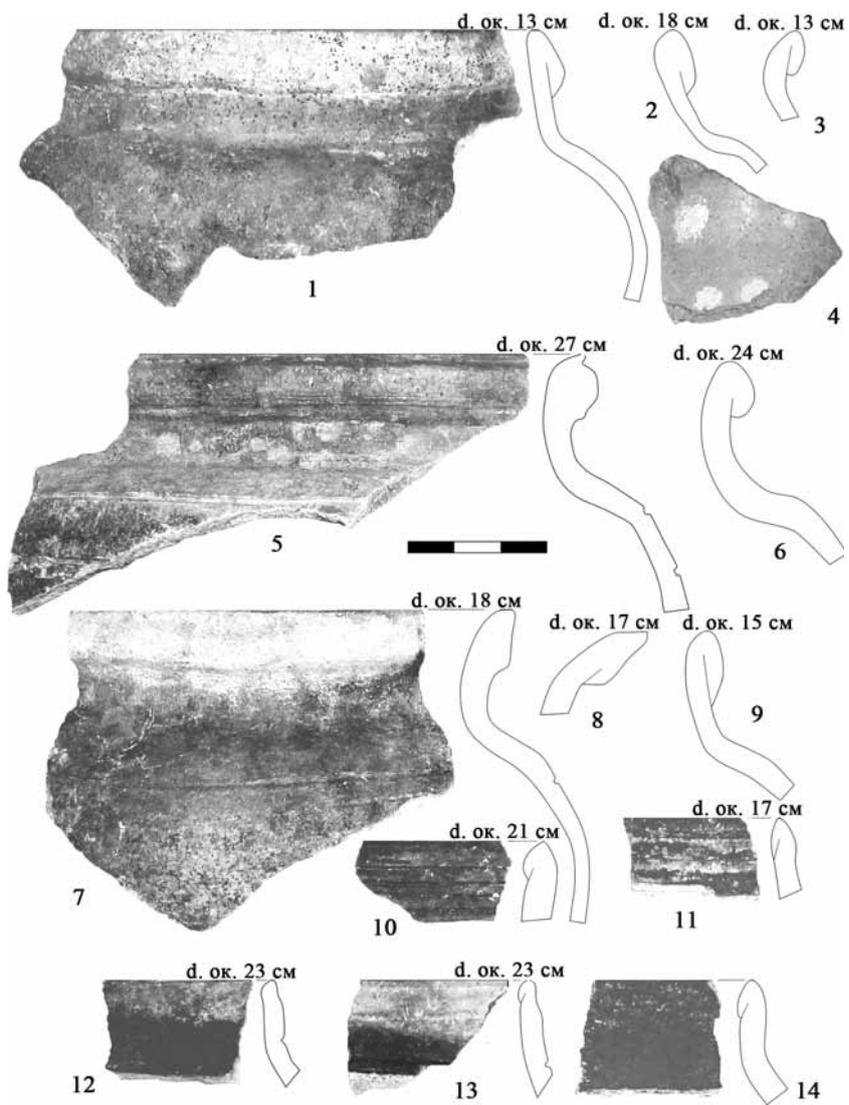

Рис. 67. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Объект 134. Фрагменты круговой посуды
 1–3, 5–9 – белоглиняная грубая (МБК-1); 10–14 – белоглиняная гладкая (МБК-2);
 4 – красноглиняная гладкая с пятнами ангоба

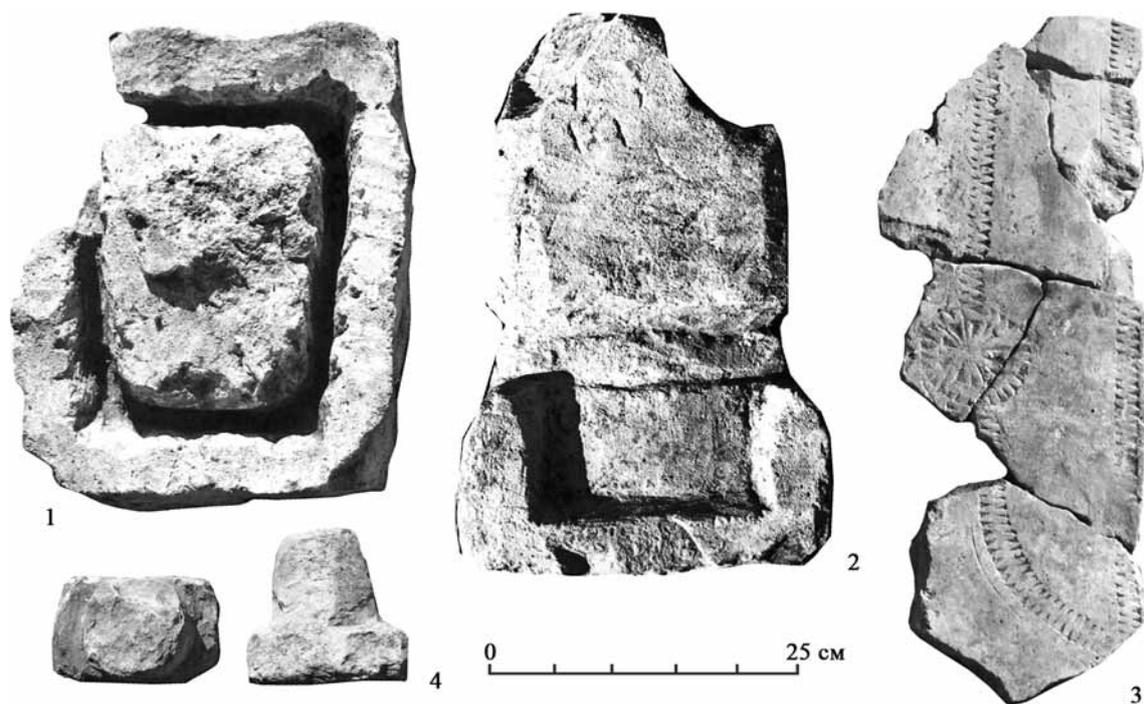

Рис. 68. Поселение 2 у д. Большое Саврасово. Раскоп 1. Фрагменты белокаменных изделий из каменных кладок
1, 2 – из объекта 125; 3, 4 – из объекта 271

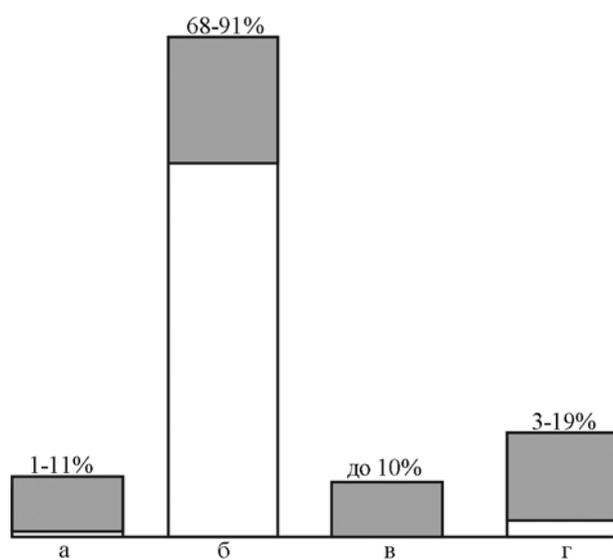

Рис. 69. Соотношение групп позднесредневековой керамики из объектов раскопа 1 (по табл. 7)

Литература

- АКР. Московская область. Ч. 1. М., 1994.
 АКР. Московская область. Ч. 3. М., 1996.
 Археология Романова двора. М., 2009.
 Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.
 Гоняный М. И., 2007. Отчет о разведочных археологических работах в Московской области в 2006 г. Т. 1 // Архив ИА РАН. Р-1.
 Гоняный М. И., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2010. Средневековое поселение у д. Большое Саврасово в Ленинском районе Московской области // АП. Вып. 6. М.
 Гоняный М. И., 2012. Отчет о детальных археологических исследованиях, проведенных в 2012 г. на селище Большое Саврасово 2, расположенном в Ленинском районе Московской области // Архив ИА РАН. Р-1.
 Глазунова О. Н., 2009. Керамика кухонная, тарная и столовая XIV–XVIII веков // Археология Романова двора. М.
 Григорьев А. В., 2000. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула.
 Григорьев А. В., 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула.
 Григорьев А. В., 2009. О славянских землях Хазарского каганата // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света // Тр. ГЭ. Т. 49. СПб.
 Коваль В. Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.
 Коваль В. Ю., 2005. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула.
 Коваль В. Ю., Хижняков О. И., 2005. Средневековые поселения в селе Аносино на Истре (к вопросу о керамике верхнего Москворечья в XII веке) // АП. Вып. 2. М.: ИА РАН.
 Коваль В. Ю., 2014. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала... Метод. Рекоменд. // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН.
 Лапшин В. А., 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М.
 Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие VIII–XIV вв. // Археология СССР. САИ. Е 1–36. М.
 Панова Т. Д., 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.
 Равдина Т. В., 1968. Славяне и Русь. М.
 Розенфельдт Р. Л., 1964. О производстве и датировке овручских пряслиц // СА. № 4.
 Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М. (Археология СССР).
 Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
 Шполянский С. В., 1999. Новые данные по хронологии памятников начального этапа славянской колонизации Москворечья // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. М. (Тр. ГИМ; вып. 103).
 Чернов С. З., 1991. К хронологии московской керамики конца XV–XVI в. // МК. М.
 Чернов С. З., 2005. Домен московских князей в городских станах, 1271–1505 годы // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т. 2. М.
 Чернов С. З., 2013. Археологические маркеры Смутного времени: комплекс керамики с кладом из Лешково-6 и время запустения малодворных деревень радонежского края // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVII–XVIII вв. Тез. докл. науч. конф. М.: ИА РАН.

V.V.Bogomolov, E.O.Volodin, O.N. Zaidov, M.V.Tsybin, G.A.Shebanin & A.V. Shekov

Preliminary findings of the archaeological survey conducted at the village of Bolshoye Savrasovo 2

Summary

Preliminary findings are presented of the archaeological excavations at Bolshoye Savrasovo 1, in the southern area of Moscow Region, where the remains of adjacent settlements from between C11th-C12th and C17th were excavated. A wide range of domestic items and ceramics were found in the sunken

buildings of the settlements, along with the vestiges of fencing which once divided the lands of the estate. One special feature of these mansions from the C16th and early-C17th was the number of wine-cellars, which had walls buttressed with limestone masonry installed without cement.

А. М. Фатьков, А. В. Яганов

Находки заготовок белокаменных изделий из раскопок селища Большое Саврасово 2 в 2013 году

В октябре-ноябре 2013 г. ГИМ, отдел охранных раскопок ИА РАН и ЦАИ «Куликово поле» совместно проводили охранные археологические исследования на вновь выявленном объекте археологического наследия – селище Большое Саврасово 2, расположенном в Ленинском районе Московской области. Селище находится у восточной окраины деревни Большое Саврасово, на левом берегу р. Пахры, в 50–70 м к югу от коттеджного поселка. По результатам предварительной археологической разведки памятник был датирован первой половиной XI – серединой XVII в.

Одно из ранних упоминаний Саврасова содержится в выписи из писцовой книги Московского уезда 1542/43 г. В числе монастырских вотчин, находившихся в Терентьевом стане, названо «Егорьевского монастыря каменные церкви, что на Москве на посаде, село Саврасово з деревнями, пашни две трети сохи» (АФЗХ. № 69. С. 80, 81). Где точно располагалось село в первой половине XVI в., сказать трудно, но, вероятно, его можно связать с ныне существующими деревнями Большое и Малое Саврасово на р. Пахре.

План местности, составленный после 1652 г., показывает «село Богородское боярина князя Никиты Ивановича Одоевского» и расположенное западнее «сельцо Саврасово боярина князя Григорья Сунчулеевича Черкасского» (РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484. Ч. 3. № 127). На левом берегу Пахры (где сейчас располагается Большое Саврасово) показан огражденный двор вотчинника с воротами, выходящими в сторону реки. На правом берегу Пахры – двухрядная деревенская застройка, между которой проходит дорога на Ю, параллельно руслу р. Жданки.

Князь Г. С. Черкасский владел небольшим участком, примыкавшим с запада к Богородской вотчине,

вероятно, выкупленным или арендованным из земель Георгиевского монастыря. Скорее всего, показанное на плане сельцо Саврасово было населено князем в конце 1640-х – начале 1650-х гг.

В первой половине XVIII в. Саврасово входит в состав Богородской вотчины князя Д. М. Голицына. Среди документов, составленных после конфискации его имущества в 1737 г., есть «дело о том, что в приписанном Московского уезда селе Богородском в Дворцовое ведомство от князя Дмитрия Голицына по описным книгам показана деревня Саврасова населенною переведенными из других мест крестьянами, состоящими на пустоше Саврасовой, за которую бывшим помещиком Голицыным платилось московскому Георгиевскому монастырю по сто рублей на год» (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 66. Д. 30837). Следовательно, Саврасово после кн. Черкасского было вновь населено при кн. Голицыне, но уже не как сельцо, а как деревня. При возвращении конфискованного имущества сыну кн. Д. М. Голицына Алексею Саврасово входит в состав Богородской вотчины.

На плане села Богородского 1797 г. мы видим деревни Большую и Меньшую Саврасовы, находившиеся на обоих берегах р. Пахры (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 257. Д. Б-1). Через деревни проходила большая дорога, соединявшая уездные города Никитск и Бронницы. Она пересекала реку выше и ниже Б. Саврасова, где соединялась с селом Богородским проселочной дорогой, идущей параллельно левому берегу р. Пахры. На участке между этой дорогой и береговой линией, где производились раскопки, показана пашня (рис. 1).

При исследовании территории селища выявлены три различные по площади скопления находок

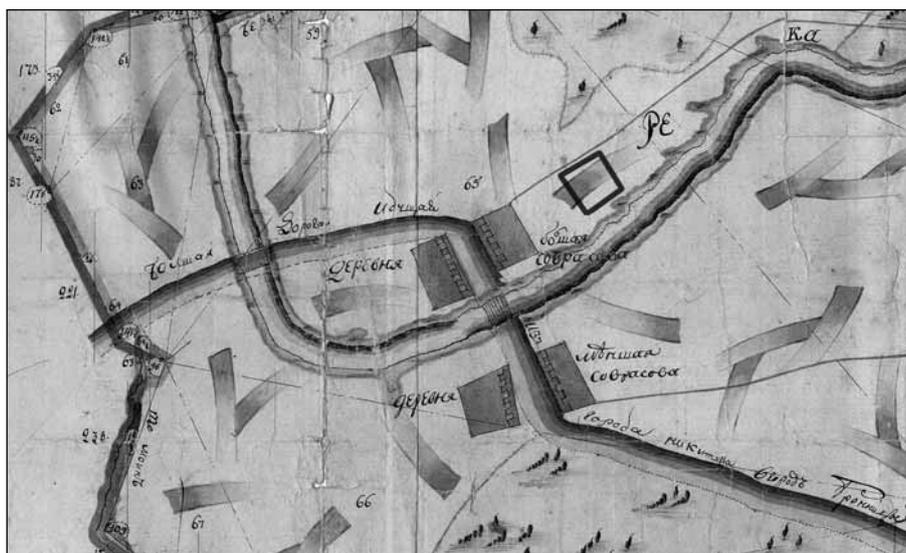

Рис. 1. Местоположение селища Большое Саврасово. Фрагмент плана с. Богородского 1797 г. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 257. Д. Б-1). (Черным прямоугольником обозначены границы археологических работ отдела охранных раскопок ИА РАН 2013 г.)

(соответствующие отдельному участку селища). Отделом охранных раскопок ИА РАН проводились раскопки на участке скопления 2, который отделялся от других пологими балками, выходящими к Пахре. Памятник занимает возвышение первой надпойменной террасы и имеет уклон к реке с перепадом высот до 6 м.

Культурный слой исследованного селища состоял из турбированного в результате многолетней распашки темно-серого гумусированного суглинка с включениями бурого суглинка, углей, пачины, мелкого керамического крошева, на отдельных участках – известняковой крошки. Общая мощность слоя составляет 0,20–0,35 м.

Керамический материал представлен московской красноглиняной гладкой посудой XV–XVI вв. (Чернов, 1991. С. 50, 52, 53; 2005. С. 111, 115; Бойцов, 1991. С. 35–39). Некоторую часть керамических находок из раскопа составляют обломки белоглиняной гладкой посуды (то есть керамики коломенского типа), появление которой в Москве и Подмоскowie относится исследователями к XVI в. (Чернов, 1991. С. 54; Коваль, 2001. С. 103–107; Богомолов, Гоняный и др., 2011. С. 331–337). Нумизматические находки охватывают значительный временной период. Наиболее ранней является деньга 1380–1389 гг. великого князя Дмитрия Ивановича, из поздних монет – деньга Василия III

1515–1533 гг.¹ Таким образом, селище можно датировать концом XIV – началом XVI в.

При исследованиях выявлены остатки пяти каменных погребов, ориентированных осями стен приблизительно по сторонам света (рис. 2). Они имели прямоугольную в плане форму, причем длина меньшей из сторон варьируется от 3,5 до 4,9 м, а большей – от 3,9 до 5,0 м. Верхние части и следы перекрытий утрачены, сохранившаяся кладка выполнена из разноформатных кусков белого камня без раствора с хаотичной перевязкой, без соблюдения горизонтальности рядов (рис. 3). Кладка велась в котлованах, с последующей засыпкой землей пространства между камнем и материковыми стенками. Дно погребов ровное, иногда в нем имеются неглубокие ямы.

При разборке кладки погребов выявлены использованные в ней отбракованные изделия из белого камня и сырье для их изготовления. Эти находки, которые можно разделить на несколько типов, представляют значительный интерес.

Главный и наиболее многочисленный в составе коллекции тип – это жернова и их обломки разных размеров. На поверхностях некоторых заметны следы активного использования, как, например, крайняя изношенность, другие представляют собой брак – заготовки, расколотые в процессе обработки камня. В коллекции представлены

¹ Нумизматический материал определен В. В. Зайцевым (отдел нумизматики ГИМ).

Рис. 2. Общий вид одного из погребов на селище Большое Саврасово. В верхнем правом углу в кладке использована заготовка «коробки»

Рис. 3. Кладка стенки погребя, сложенная из отходов белокаменного производства и бракованных изделий

в основном обломки и незначительное количество целых экземпляров диаметром не более полуметра. Толщина изделий зависит от степени их изношенности (от 4,5 до 16 см). Максимальную толщину дают отбракованные при изготовлении (расколотые) заготовки, по которым нельзя определить, каким является жернов – верхним или нижним. Но большинство использованных жерновов – это верхний камень мельницы, который подвергался наибольшему износу. Диаметры отверстий в центре изделий разнятся от 2,5 до 8,5 см (рис. 4; 5).

Небольшой диаметр этих изделий показывает, что они могли применяться только в ручных мельницах. Жернова изготавливались на продажу или использовались для нужд поселения, поэтому обломки со следами использования отложились вместе с бракованными изделиями.

Материал для жерновов, несомненно, был местным. В одном из актов Симонова монастыря конца XV в. упоминается «луг Кожевников и со рвы з жерновными» на Пахре (АСЭИ. № 411. С. 436). Судя по содержащимся в тексте географическим привязкам, этот луг располагался неподалеку от места проведения раскопок, выше по Пахре. Возможно, здесь велись разработки камня, использовавшегося для жерновов. Найденные при раскопках изделия выполнены из плотного известняка светло-серого и темно-серого цвета с включением фракций крупного желтого песка.

Другая часть коллекции – заготовки и фрагменты изделий, напоминающих прямоугольные и круглые «ящички» (рис. 6; 7). Малая часть имеет сужающуюся кверху конусовидную или пирамидальную форму, но большинство – с прямыми и скошенными книзу наружными стенками. Размеры прямоугольных изделий находятся в пределах 17–38 см (преобладающий 20–25 см), высота – 8,5–27 см (преобладающая 12–14 см), глубина «ящичков» разнообразна, так как большинство из них расколото при теске. Распространенная толщина стенок – 3–6 см.

Имеются и обломки круглых «ящичков», диаметры которых по большей части не устанавливаются; один из наиболее целых экземпляров имеет диаметр 32 см. Другие фрагменты стенок, судя по конфигурации, показывают близкий размер. Толщина стенок – 3,0–5,5 см.

Белокаменные «ящички» близки по размерам найденным при раскопках Казанского собора на Красной площади, московских Высокопетровского и Зачатьевского монастырей и описаны Л. А. Беляевым и О. А. Тиховой (2012. С. 168–172). Авторы отмечают, что «в отчетах они определяются

Рис. 4. Обломок жернова, извлеченный из кладки стены погребца

как основания опор балюстрад или иных небольших вертикальных форм XVI–XVIII вв.» (Беляев, Тихова, 2012. С. 168). Подобные артефакты, найденные при раскопках церковных зданий, зафиксированы под стойками деревянных престолов и запрестольных крестов в алтарях храмов. Авторами исследования они охарактеризованы как каменные «башмаки» (Беляев, Тихова, 2012. С. 170).

В документах XVII в. нам удалось найти некоторые сведения, способные пролить свет на при-

Рис. 5. Обломки жернова

Рис. 6. Фрагмент заготовки прямоугольной «коробки»

надлежность этих изделий. Действительно, в 1667 г. для устройства жертвенника московской церкви Григория Неокесарийского в селе Нижнем Мячкове заказаны «пять сот ступенного белого аршинного мерного камня, шириною в поларшина и в семь вершков, а толщиною в пять вершков; да на престол две лещади; а на жертвенник в полтора аршина вокруг, толщиною шти вершков; да две коробки вокруг в три чети; да десять брусков, по два аршина без чети; да буту сажень. А дать им: за ступенной камень – за сто по десяти рублев, за лещади по рублю, за коробки – по дватцати по пяти алтын...» (РИБ, 1904. Стлб. 969). Кроме того, подобные «коробки», оформленные снаружи несложной горизонтальной профилировкой, использовались как базы столбцов царских врат². Близкие по виду камни представлены в статье Л. А. Беляева и О. А. Тиховой (2012. С. 170. Илл. 3), но в коллекции из наших раскопок таких изделий нет³.

«Коробки» применялись, однако, не только при обустройстве литургических сооружений в церквях. В 1666 г. в Мячковскую волость поступил царский заказ на поставку «450 камней коробейных мерою кругом по 3 чети аршина в село Измайлово к Виноградной и к старой Измаиловской плотинам» (РИБ, 1907. Стлб. 1213). Вероятно, подобные изделия имели универсальное назначение и использовались в строительных и других целях.

Среди рассматриваемых изделий необходимо выделить еще один тип, близкий к рассматриваемым «коробкам». Это «корыта» круглых и прямоу-

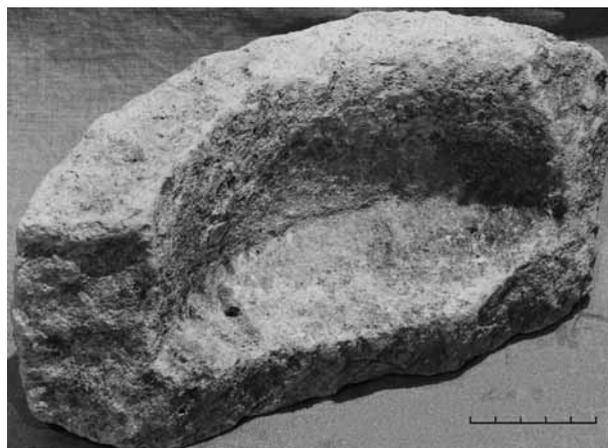

Рис. 7. Фрагмент заготовки круглой «коробки»

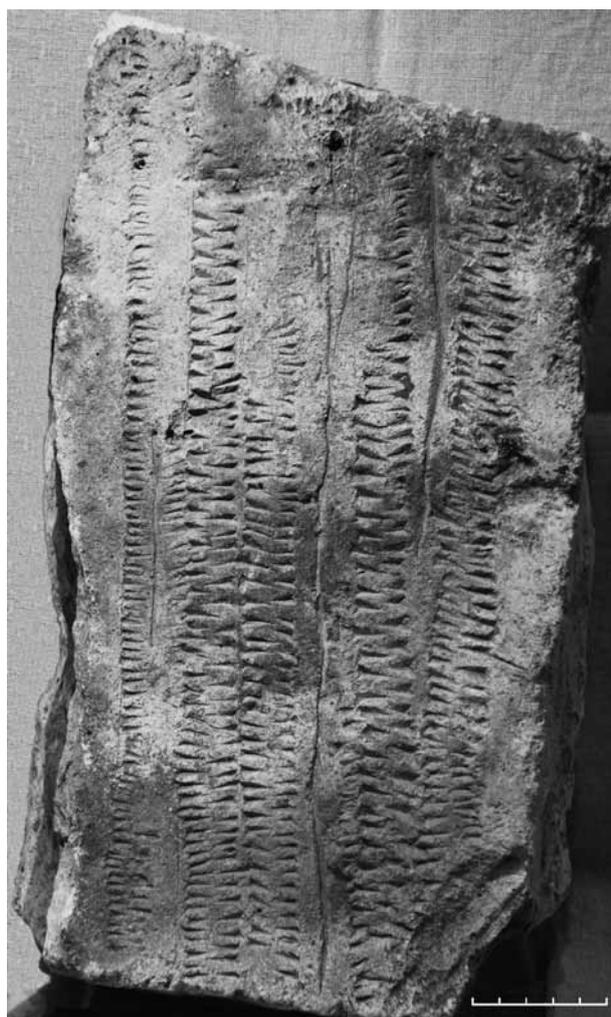
гольных в плане очертаний с прямыми или наклонными книзу стенками, низкими прямоугольными ножками. Найдено четыре обломка, из которых два, видимо, принадлежат одному предмету. Размеры «корыт» установить не удастся; высота колеблется от 10,5 до 18,0 см, толщина стенок – 4–8 см, высота ножек – 2–4 см. Об их назначении что-то сказать трудно, но, по-видимому, оно было бытовым (например, емкости или ступы для растирания каких-то компонентов).

Рис. 8. Дно круглой заготовки со следами обработки в виде концентрических кругов

² Например, царские врата в церкви Троицы Холмогорского уезда Архангельской губернии («Древности...», 1907. Табл. XIV).

³ Отдельный тип белокаменных изделий представляют украшенные резьбой основания для тощих свечей, которые сохраняются в музейных коллекциях. Но это тема отдельного исследования.

Рис. 9. Пробы орнаментальной резьбы, предназначенной для декорирования надмогильных плит, выполненные на куске белокаменного блока

Некоторые чашеобразные изделия изготавливались с применением механических приспособлений (рис. 8). Например, на дне одной из заготовок круглой «коробки» отчетливо видны концентрические круги, которые могли образоваться при ее вращении. Возможно, плоскости доводились с применением примитивного токарного станка.

Но наиболее интересный сюжет – находки обломков со следами декоративной обработки, общая тематика которой известна по надмогильным плитам XVI в. В отличие от готовых надгробий, встреченных в большом количестве при археологических и архитектурных исследованиях в различных местностях России, это образцы черновых, «ученических» изделий. На них будущие мастера-резчики постигали азы нанесения орнаментации на плиты, используя не сами полуфабрикаты, а их брак в виде небольших обломков (рис. 9–11). Эти

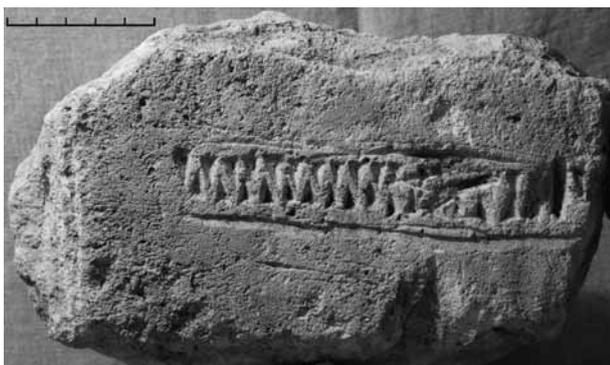
артефакты представлены кусками известняка с одной или двумя гладкотесаными сторонами. Обломки с орнаментом (их восемь штук) имеют размеры от 9×8 до 34×21 см. В большинстве это куски плит толщиной от 7,0 до 9,5 см, но есть и сколы блоков или изделий толщиной от 5 до 17 см. Орнаментация исполнялась не только на плитах и блоках – крупные треугольники нанесены на внешнюю поверхность стенки одного из чашеобразных изделий. Среди находок – обломок небольшой прямоугольной «коробки», где на одной из сторон присутствует подобный орнамент из нескольких крупных треугольников, совмещенных с глубокими горизонтальными бороздами (рис. 12).

На части фрагментов нанесена орнаментация в виде двух рядов противопоставленных друг другу мелких треугольников, причем они расположены по полю довольно хаотично. Это расширяющиеся и сужающиеся ряды, иногда выполненные небрежно, подчеркнутые или не подчеркнутые неровными графьями. В некоторых случаях это наметки разной высоты, где треугольники имеют высоту от 0,8 до 1,5 см. Есть небольшой обломок, где бордюр надгробия выполнен профессионально, но был отбракован из-за разрушения плиты.

Особняком стоит обломок плиты шириной 17,5 и толщиной 8,5 см, где по краю намечен жгутovidный орнамент – плетенка (рис. 13). Он довольно плохо прорисован, но, вероятно, был протяженным, так как мы имеем дело лишь с небольшой частью

Рис. 10. Пробы орнаментальной резьбы, предназначенной для декорирования надмогильных плит, выполненные на куске белокаменного блока

Рис. 11. Пробы орнаментальной резьбы, предназначенной для декорирования надмогильных плит, выполненные на куске белокаменного блока

расколотой плиты. По мнению Л. А. Беляева, подобная орнаментация надгробий появляется в 1570-х годах (Беляев, 1996. С. 164), хотя некоторые надгробия, судя по эпитафиям, относятся к 1560-м годам (Николаева, 1966. Рис. 17; 19).

Не менее интересен обломок плиты (размером 15,5×9,5 и толщиной 4–5 см) с нанесенной на поверхности разметкой, которую нельзя сопоставить с известными схемами декора надмогильных плит. Разметка состоит из двойной рамки по краям со сходящимися в центр линиями. Здесь располагалась намеченная двумя линиями окружность, внутри которой находились разделенные графьями крупные треугольники, расположенные вершинами внутрь, похожие на орнаментацию ранних надгробий. На верхней и нижней плоскостях видны следы горения. Возможно, данный фрагмент является неизвестным вариантом украшения надгробий (рис. 14).

Последний тип находок позволил вновь обратиться к старой проблеме разделения труда рабочих каменоломен, поставивших камень для над-

гробных плит, и мастеров-резчиков, наносивших на них орнаментацию и эпитафии. При неимении фактического материала исследователи средневековых надгробий выдвигали осторожные гипотезы на этот счет. Так, например, были сделаны предположения об изготовлении надгробий посадскими или монастырскими ремесленниками (Шилов, 1979. С. 215) и возможности использования для надгробий каменной-полуфабрикатов, поставляемых в город из каменоломен, где «резьба надписи и украшения на плите делались отдельно» (Золотов, 1961. С. 294). И версии о том, что «около всех значительных монастырей и в наиболее крупных приходах были собственные мастерские подобных «резцов каменных дел» еще в XVI веке» (Гириберг, 1954. С. 128). Рассуждения о «местных мастерах» или «городских резчиках», выполнявших орнаменты на плитах, можно встретить и в недавних работах провинциальных исследователей (Сукина, 1991. С. 141. Левицкая, Сукина, 1989. С. 38).

Впоследствии Л. А. Беляевым высказано мнение, «что раскопки в городах и монастырях до сих пор не обнаружили следов мастерских, производивших надгробия, – вероятно, значительная их часть не только обрабатывалась начерно мастерами вблизи каменоломен, но и украшалась узорами» (Беляев, 1996. С. 20). Доводы Л. А. Беляева кажутся нам вполне резонными. Для разрешения вопроса обратимся к письменным источникам и результатам наблюдений, сделанных нами на основании ранее опубликованных и просмотренных материалов. Изготовление при каменоломнях надгробий с уже нанесенной орнаментацией подтверждается сообщением Павла Алеппского, датированного 1656 г. «В эту пору (зимой) привозили в Коломну надгробные камни с резьбой, необычайно большие, каких не стащили бы и двадцать лошадей,

Рис. 12. Фрагмент «коробки» с орнаментом, нанесенным на боковую сторону

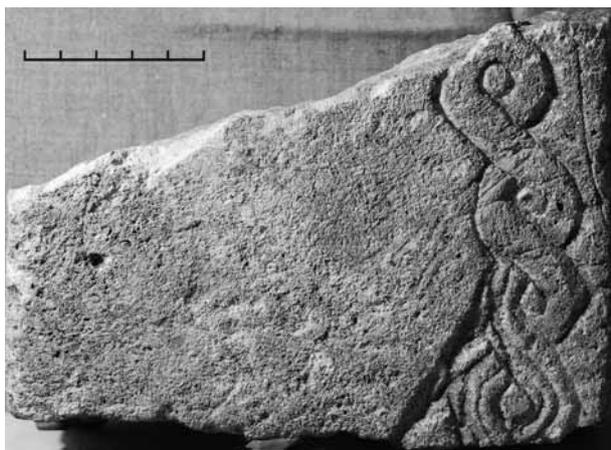

Рис. 13. Белокаменный блок с пробой резьбы-плетенки

привозили по одному или по два на снях, на одной лошади, при чем тут еще сидел хозяин; это ужасно удивительно. Стоимость камней не более трех динаров (рублей)» (Павел Алеппский, 2005. С. 248). Следовательно, на городские рынки поставлялась уже готовая продукция, а не полуфабрикаты в виде

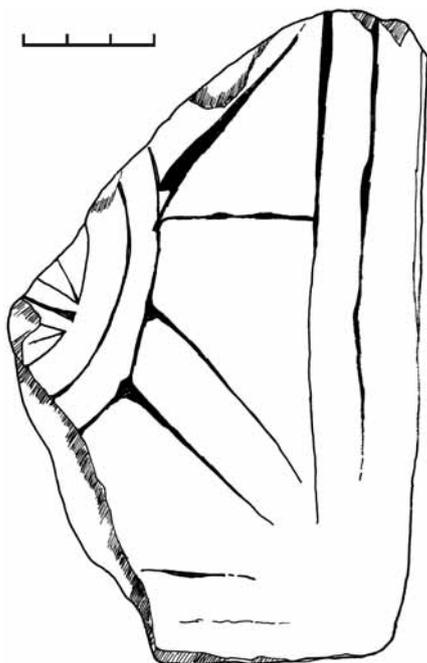

Рис. 14. Прорис с фрагмента орнаментированного белокаменного изделия

вчерне обработанных плит, впоследствии доводившихся в городах и монастырях.

С мастерами, резавшими на плитах эпитафии, дело обстоит проще. Анализ эпитафического материала из монастырей позволяет говорить о наличии в них профессиональных и непрофессиональных исполнителей. Последние зачастую выполняли надписи в виде граффити; иногда текст эпитафии просто процарапан. Но при монастырях были и высококлассные специалисты, которые иногда подписывали свои тексты⁴. Все эпитафии выполнялись на плитах с уже готовой орнаментацией.

В монастырях велась подготовка резчиков эпитафий, и у них были свои «учебные пособия», в качестве которых использовались имевшиеся на кладбище надмогильные плиты. Образец такого пособия существовал в дмитровском Борисоглебском монастыре (рис. 15)⁵.

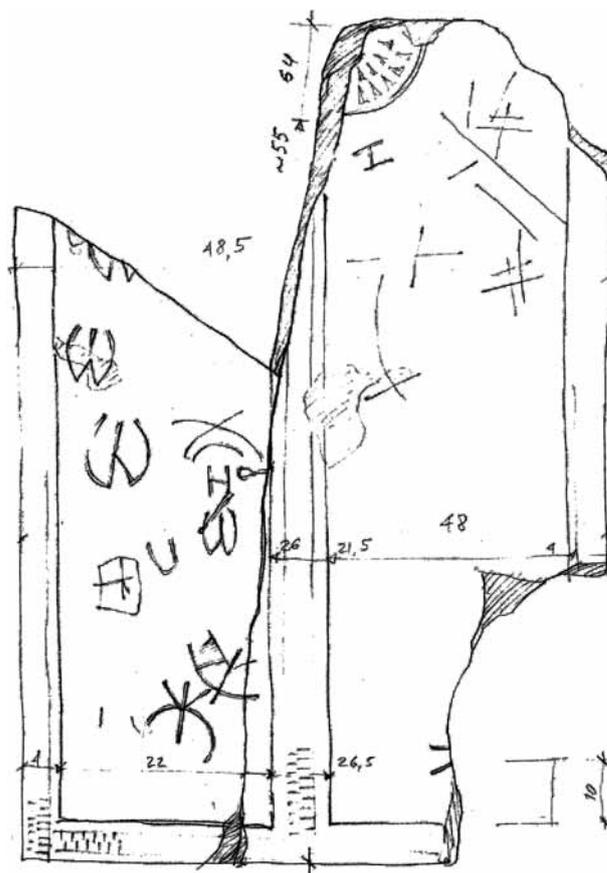

Рис. 15. Надмогильная плита XVI в. с пробой букв эпитафии. Город Дмитров Московской обл. Борисоглебский монастырь. Рисунок Е.И. Рузаевой

⁴ Например, чернец Возмищенского монастыря Никандр, который «подписывал» в 1581 г. плиту Е.В. Бибикина в Левкиевой пустыни (Леонид, 1870. С. 7).

⁵ Кроки выполнены Е. И. Рузаевой в 1994 г. Плита была уничтожена насельниками монастыря.

Подведем итог. В случае с Большим Саврасовым мы сталкиваемся с редким типом поселения – производственным. Здесь жили мастера, которые занимались обработкой белого камня, поступавшего из близлежащих каменоломен, превращая его как в массовый материал (блоки разных размеров, ступени, лещадь для пола), так и в штучные изделия – жернова, «коробки», «корыта», надмогильные плиты. Поселение существовало до тех пор, пока добыча камня в близлежащих каменоломнях была рентабельной, после чего оно исчезает и, видимо, переносится на новое место, около вновь открытых разработок. Вряд ли прекращение жизнедеятельности на этом месте следует связывать с набегами крымцев или другими критическими обстоятельствами. Судя по собранному материалу, поселок обработчиков камня существовал довольно долго, по крайней мере, весь XV в.

Постройка хозяйственных погребов из отходов производства в случае с подобного рода поселениями вполне оправдана. Крайне дорогое для этих мест дерево, которое шло на дрова для обжигания извести, крепеж для каменоломен, побудило жителей возводить хозяйственные постройки из подручного материала, которого было в избытке. К сожалению, мы ничего не узнаем о наземных сооружениях этого поселения, следы которых уничтожены многолетней распашкой.

Вернемся к изготавливавшимся здесь изделиям. Наибольшее количество – это жернова; видимо, поблизости находились разработки материала, годного для их производства. Другой распространенный тип продукции – «коробки» разных размеров и в меньшей степени «корыта». Эти изделия были востребованы на рынке, поэтому мы видим широкое разнообразие форм, габаритов и объемов, что говорит о том, что, как и жернова, «коробки» и «корыта» изготавливались в массовом порядке.

Но из всех находок, сделанных на селище Большое Саврасово, наибольший интерес представляют сюжеты, связанные с орнаментацией надмогильных плит. Отметим небольшой процент бракованных плит; он представлен в основном готовыми изделиями, разбитыми при перемещении в пределах поселения. Нет изделий, испорченных при нанесении орнамента. Вероятно, грубые ошибки резчика стесывались, и орнамент выполнялся заново, что позволял неглубокий рельеф. Начинающим мастерам для первых опытов предоставлялись отходы производства, дабы они не портили дорогостоящие заготовки. Наличие в коллекции таких артефактов определенно доказывает, что резьба орнаментов выполнялась вблизи мест добычи камня и в законченном виде изделия доставлялись на городские рынки.

Литература

- АСЭИ. Т. 2. М., 1958.
АФЗХ. Л., 1983.
Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.
Беляев Л. А., Тихова О. А., 2012. Опорные камни престолов и запрестольных крестов в храмах Москвы XVI–XVIII вв. // РА. № 2.
Богомолов В. В., Гоняный М. И., Дедук А. В., Шибанин Г. А., Шеков А. В., 2011. Археологические исследования усадьбы второй половины XVII – начала XVIII века в деревне Филино // АП. М. Вып. 7.
Бойцов И. А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI в. и возникновение Гончарной слободы в Москве // МК.
Гиршберг В. Б., 1954. Надписи из Георгиевского монастыря. По материалам наблюдений 1949 года // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.
Древности. Т. 1. М., 1907. (Тр. Комиссии по сохранению древних памятников МАО).
Золотов Ю. М., 1961. Надгробия московских ремесленников XVII в. // СА. № 1.
Коваль В. Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.
Левицкая Н. В., Сукина Л. Б., 1989. Надгробные плиты из собрания Переславского музея // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново. Вып. 2.
Леонид, архимандрит, 1870. Волоколамская Левкиева пустынь и ее основатель преподобный Левкий. М.
Николаева Т. В., 1966. Новые надписи на каменных плитах XV–XVII вв. из Троице-Сергиевой Лавры // Нумизматика и эпиграфика. Т. 6. М.
Павел Алеппский, 2005. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. М.
РИБ. Т. 23. Дела Тайного приказа. Кн. 3. СПб., 1904.
РИБ. Т. 21. Дела Тайного приказа. Кн. 1. СПб., 1907.

Сукина Л. Б., 1991. Фрагменты надгробных плит XV–XVI веков из собрания Переславского музея // Археология Верхнего Поволжья. Материалы к Своду памятников истории и культуры РСФСР. Н. Новгород. Вып. 1.

Чернов С. З., 1991. К хронологии московской керамики XV–XVI вв. // МК.

Шилов В. В., 1979. Надгробные плиты с надписями из Серпухова // СА. № 3.

A. M. Fatkov & A. V. Yaganov

**Finds of pieces of treated white stone, from excavations
at the Bolshoe Savrasovo village settlement carried out in 2013**

Summary

Excavations carried out in 2013 at the village settlement of Bolshoe Savrasovo, in Moscow Region, uncovered a settlement once inhabited – from the late C14th to the early C16th - by master stonemasons who hewed whitestone. There is considerable inter-

est in items which were apparently discarded – including a millstone, various stone ‘boxes’ of different sizes and kinds, and tombstones made directly at the stoneworks for erection as finished products at the gravesite.

А. М. Фатьков, Н. А. Баранов

Находка ангобированного кумгана с раскопа 2 на селище Большое Саврасово 2

В полевом сезоне 2013 г. Институт археологии РАН, ГИМ и ЦАИ «Куликово поле» совместно проводили охраняемые археологические исследования на вновь выявленном объекте археологического наследия – селище Большое Саврасово 2, расположенном в Ленинском районе Московской области (рис. 1).

Селище Большое Саврасово 2, выявленное в 2006 г. М. И. Гоняным, располагается на территории, прилегающей к одноименной деревне, напротив деревни Малое Саврасово, на левом пологом берегу р. Пахры (правого притока р. Москвы) в 5–9 м над урезом воды. Селище включало три зоны (определенные по скоплениям материалов XI, XV–XVI и XVIII–XIX вв.), разделенные небольшими суходольными балками (рис. 2).

За полевой сезон отрядом Института археологии РАН под руководством м.н.с. отдела охраняемых раскопок ИА РАН Фатькова А. М. был изучен участок селища, относящийся к скоплению 2 (XV–XVI вв.). Вскрыта значительная территория (8268 кв. м), изучено более 300 заглубленных в материк объектов и собрана весьма разнообразная коллекция вещевых материалов, характеризующего данную зону селища как ремесленное поселение. Из большого количества индивидуальных находок, характеризующих его быт, в данной работе рассматривается только одна. Это почти полная форма красноглиняного расписного ангобирован-

ного кумгана, обнаруженная в заполнении объекта № 54 (рис. 3).

Кумган (в керамическом производстве средневековой Москвы) – это многофункциональный¹ керамический сосуд для жидкостей с ручкой и крышкой, с узким горлом, яйцевидным туловом (Розенфельдт, 1968. С. 23), на поддоне, с длинным носиком, зачастую присоединенным к верхней части венчика дугообразным налепом или вертикальной пластиной с одним – четырьмя отверстиями (Зацаринный, 2003. С. 109. Рис. 3, 31).

Ангобированные кумганы с росписью красной краской (раствором жидкой глины, а возможно, и охры) как вид столовой посуды получили широкое распространение на территории Москвы в конце XV в. и бытовали до конца XVI в. (Глазунова, 2009. С. 133). Этот факт подтверждается многочисленными находками из раскопок на территории Москвы в Заяузье (Рабинович, 1951. С. 9, 100. Рис. 3), Зарядье (Дубынин, 1953; Розенфельдт, 1968. С. 25, 91), в Историческом проезде, Монетном дворе, Николо-Греческом монастыре (Бойцов, 1991. С. 38. Табл. 89, 98, 100), на Романовом дворе (Кренке, 2009. С. 62; Глазунова, 2009. С. 133, 463), ул. Ильинке (Векслер, Гусаков, Патрик, 2013. С. 444. Рис. 11, б)². Находки такого вида посуды также происходят с территории Троице-Сергиева монастыря (Вишневский, 2001. С. 84), Сорокиного городища в округе г. Алексина (Зацаринный, 2003.

¹ До сих пор нет единого мнения по вопросу об использовании данного вида сосудов. Исследователи склоняются к двум версиям: кумганы использовали в качестве посуды для разлива жидкостей или в качестве рукомошников. Так или иначе кумганы (судя по восточным аналогиям и средневековым гравюрам) могли использовать в обоих случаях.

² В подрисуночной подписи статьи допущена ошибка в отнесении данного типа сосуда к кувшинам. Исходя из набора внешних характеристик (форма тулова и характер росписи), а также прямой аналогии с раскопками Романова Двора (Кренке, 2009. С. 62; Глазунова, 2009. С. 133, 463), можно говорить, что в статье представлен именно кумган, а не кувшин.

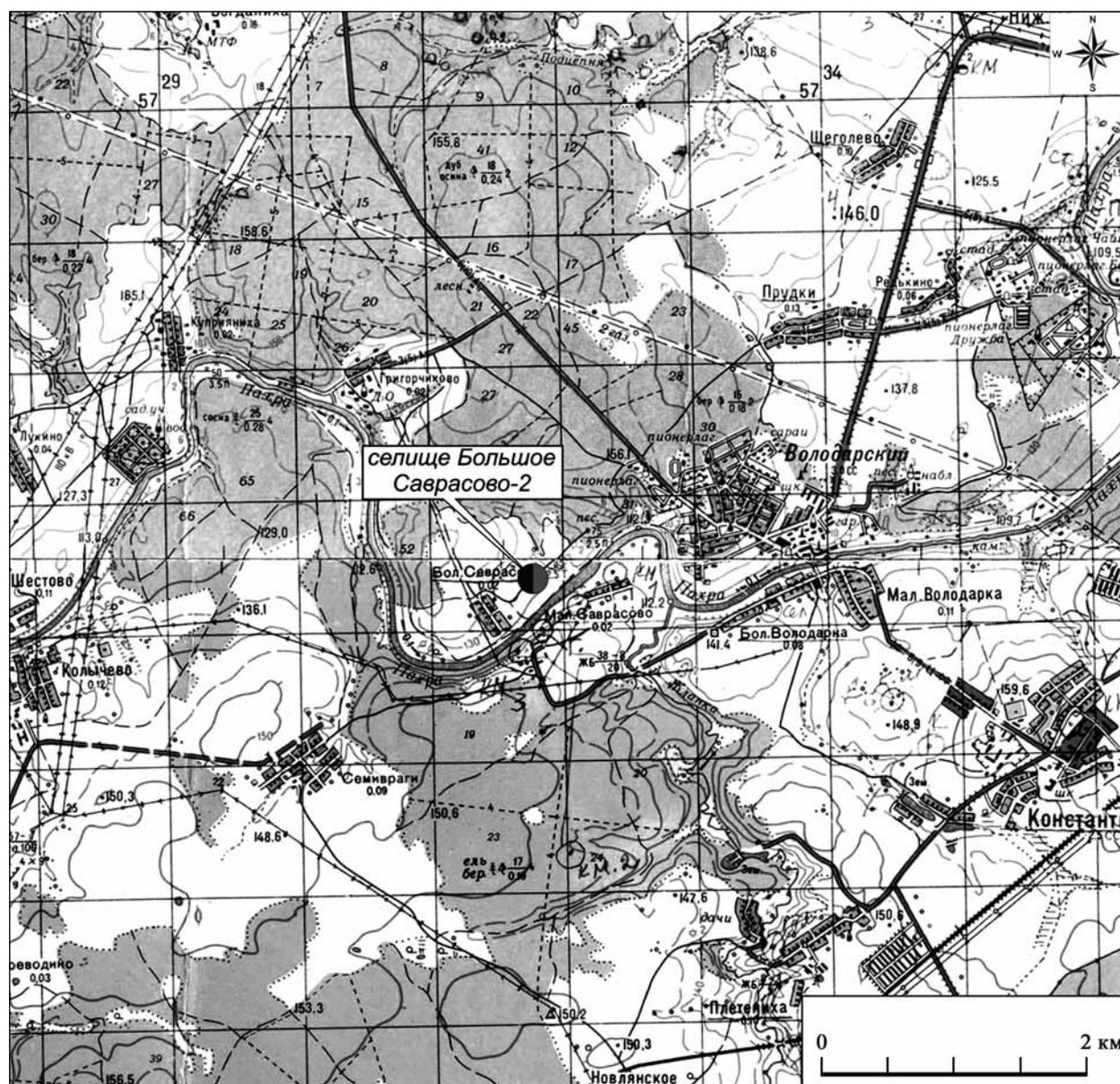

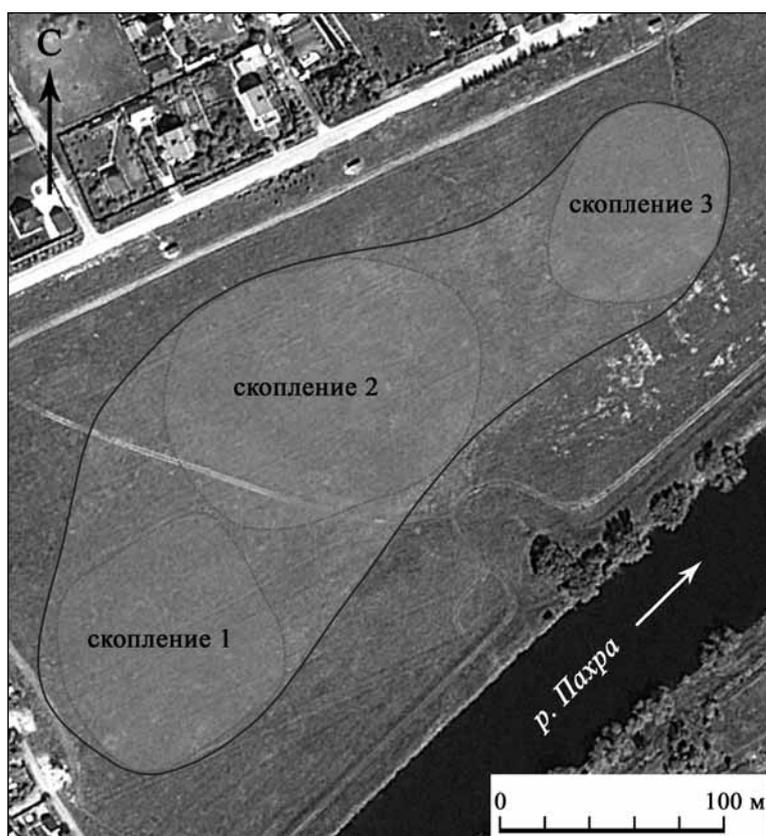
Рис. 1. Московская область, Ленинский район. Селище Большое Саврасово 2. Ситуационный план-схема местоположения селища у деревни Большое Саврасово

С. 96–112). Обломки кумганов были также встречены при раскопках средневекового селища Кулаково 3 в Московской области (Емельянов, 2011. Рис. 418, 443, 477).

На средневековых миниатюрах, иконах (Новоселова, 2013. С. 419), а также на некоторых изразцах (Розенфельдт, 1968. Табл. 21, 15) можно встретить изображения кумганов. Но, скорее всего, изображались сосуды из металла, так как изначально подобная форма сосуда предполагает металлическое исполнение, пришедшее, вероятно, с Востока (Глазунова, 2009. С. 133), хотя и за-

падное происхождение подобной формы исключать нельзя.

Горло кумгана из объекта № 54 вытянутое и расширяется кверху, со следами крепления носика к венчику. Тулово сосуда имеет овально-яйцевидную, близкую к шарообразной, форму, плавно сужается книзу. От плеча сосуда начинается вертикально поставленный носик (обломлен на середине). С противоположной от носика стороны прикреплен овальная в сечении ручка, нижняя часть которой имеет вид прямоугольной пластины, примазанной к тулову (рис. 4). Высота кумгана

Рис. 2. Московская область, Ленинский район. Селище Большое Саврасово 2. План памятника с указанием нумерации и границ скоплений: скопление 1 – XI в., скопление 2 – XV–XVI вв., скопление 3 – XVIII–XIX вв.

составляет 31,5 см, диаметр горла – 8,5 см, диаметр венчика – 10,5 см, диаметр тулова сосуда в самой широкой части равен 20 см, диаметр днища сосуда – 13,2 см (рис. 5).

Исходным сырьем для изготовления этого сосуда послужила красножгущаяся (ожезненная) глина низкой пластичности, в ней довольно велика концентрация естественного песка размерами от микроскопических до 0,5–1 мм (рис. 6). Помимо естественного песка в тесте кумгана присутствуют единичные включения крупного кварца, железистого песка и известняка («дутика») (рис. 7). Интересно, что в формовочной массе помимо всего вышеперечисленного присутствуют также окатанные микроскопические включения высокопластичной ожезненной глины. Но эта естественная примесь может характеризовать только место добычи глины. На внешней поверхности кумгана и в формовочной массе присутствуют мельчайшие следы растительных волокон (рис. 8). Органические соединения, вероятнее всего, попали в формовочную массу сосуда вместе с водой и не являются сознательно добавленной примесью. Исходя из этого,

можно предположить, что место производства сосуда располагалось на незначительном удалении от пресноводного водоема со стоячей водой (пруда или озера) либо емкость, в которой хранили техническую воду для нужд гончара, изнутри была покрыта слоем мелкой растительности («зацвела»).

Характер обжига – окислительный полный (полное каление глин). Цвет черепков на сломе – красно-бурый.

Черновой край горловины завернут наружу и оформлен в форме уплощенного валика. На верхней его части имеются следы подрезки инструментом, от нажима которого сформировался незначительно выступающий наружу бортик (рис. 4, 5).

Формирование полого тела сосуда происходило кольцевым налепом жгутов или лент (рис. 9). На внутренней поверхности кумгана хорошо прослеживаются следы этого приема работы с последующим вытягиванием на круге. Интересен тот факт, что при креплении жгутов или лент гончар придавливал их пальцами, уплотняя соединения с предыдущей лентой. В процессе работы его рука (точнее, палец) была покрыта куском ткани, о чем

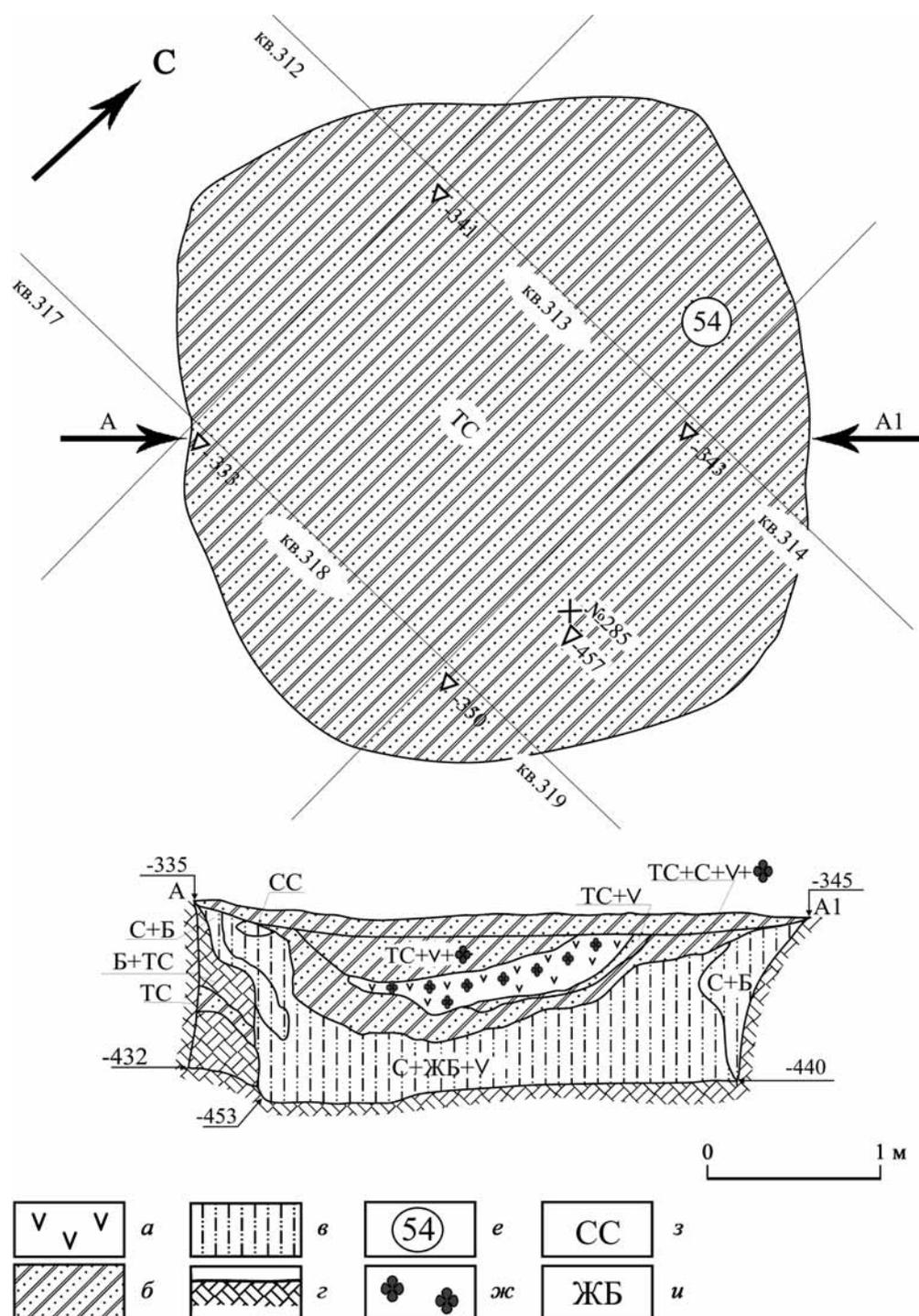

Рис. 3. Селище Большое Саврасово 2. Объект № 54: *a* – древесный уголь; *б* – темно-серый суглинок; *в* – серый суглинок; *г* – бурый суглинок (археологический материк); *д* – номер археологического объекта; *е* – печина (обожженная глина); *ж* – светло-серый суглинок; *з* – желто-бурый суглинок

свидетельствуют оставшиеся отпечатки на местах вдавлений. Такой же материал он использовал для заглаживания внутренней поверхности кумгана.

Нижняя часть носика кумгана крепилась к специально прорезанному в тулове отверстию,

а потом примазывалась как с внешней стороны, так и с внутренней (рис. 10, 11). Это говорит о том, что крепление нижней части носика происходило до формирования горла (оно слишком узкое, и гончар не мог бы просунуть туда руку).

Рис. 4. Общий вид ангобированного кумгана из объекта № 54. Селище Большое Саврасово 2 (см. цв. вкл.)

Днище сосуда формовалось на песчаной подсыпке и не покрывалось ангобом³, что может свидетельствовать о том, что ангоб могли наносить на сосуд, когда он еще стоял на гончарном круге. На днище визуальнo фиксируются следы досок гончарного круга. Также по его краю хорошо видны следы заглаживания. Днище кумгана формировалось в подражание профилировке поддона (рис. 4, 5).

Внутренняя поверхность кумгана шероховатая, несет на себе следы заглаживания тканью. Почти вся внешняя поверхность кумгана покрыта белым ангобом и украшена многоярусным рисунком из раствора красной глины. Ангоб, исходя из микроскопии, представлен на кумгане белой каолиновой глиной низкой пластичности. Грубых

примесей в ней нет, но их и не могло быть, т. к. в результате добавления воды в сухую глину и придания ей жидкого состояния (размешивания) большая часть крупных фракций песка (от 0,5 мм и больше) оседала вниз, и оставались только более мелкие (мелкодисперсный песок). Для изготовления ангоба могли использовать местные белые глины, линзы которых встречаются в московском регионе, но, вероятнее всего, использовалось привозное сырье (возможно, из Гжели) (Розенфельдт, 1968. С. 22). Сравнительный анализ образцов белоглиняной керамики (точнее, ее формовочной массы), синхронной кумгану, обнаруженной в объекте № 54 и в соседних объектах, подтвердил близкое сходство по составу примесей и консистенции

³ Ангоб (фр. *engobe*) – покрытие из жидкой глины, которое наносят на поверхность изделия до его обжига в виде сплошного или частичного покрытия для получения более гладкой поверхности, маскировки нежелательной окраски изделий, создания рельефного рисунка и т. п.

с исходным сырьем, которое использовалось для приготовления раствора ангоба.

Исходя из толщины ангоба, можно сказать, что это была густая однородная масса (консистенции сметаны), которую наносили на поверхность при помощи широкой кисти. Ее следы хорошо читаются на внутренней поверхности (рис. 12) кумгана: исходя из весьма незначительной толщины волосков кисти, отпечатки которых можно проследить на поверхности сосуда, есть предположение, что это был мех мелкого грызуна, вероятно белки. Ангоб наносили по еще не подсохшему сосуду, о чем говорят следы кисти, оставшиеся на незакрашенной внутренней поверхности горловины сосуда (рис. 13). На придонной части кумгана хорошо видны аморфные розовые пятна – места неполной прокраски сосуда. Это происходило из-за того, что сравнительно тонкий слой ангоба не всегда плотно покрывал поверхность сосуда, в результате чего красноглиняное тесто начинало просвечивать (*Розенфельдт*, 1968. С. 22). Покрытие внешней стороны сосуда ангобом, вне всякого сомнения, использовалось для нанесения сложного декора или подготовки поверхности сосуда для дальнейшей росписи красками (*Цетлин*, 2012. С. 305).

Красная краска, при помощи которой нанесен орнамент по белому ангобу, является не чем иным, как той же самой сильно ожелезненной глиной, что использовалась для формовки кумгана. Но в отличие от густого ангоба раствор красной глины был более жидким (количество мельчайших включений в краске весьма невелико). Для нанесения рисунка красной глиной (исходя из толщины линий) использовалась более тонкая кисть.

Декор (рис. 4), нанесенный поверх белого ангоба, представлен многоярусным орнаментом: в верхней части горла вертикальные волнообразные линии, сменяющиеся закрасненными треугольниками, далее вниз от горловины – по плечу и до тулова сосуда также идет роспись вертикальными волнами. Нижний ярус представляет собой ряд равнобедренных треугольников, в которые вписаны меньшие треугольники с незакрашенными трапециевидными участками в основании, внутри которых расположены от 5 до 7 подтреугольных точек. Ручка кумгана украшена четырьмя горизонтальными линиями, от которых вертикально вниз идут короткие линии. Верхняя часть венчика также украшена подтреугольными точками. Носик кумгана орнаментирован чередующимися вертикальными волнистыми и прямыми линиями.

Такие кумганы встречаются при раскопках хотя и не часто, но вполне регулярно. По мнению

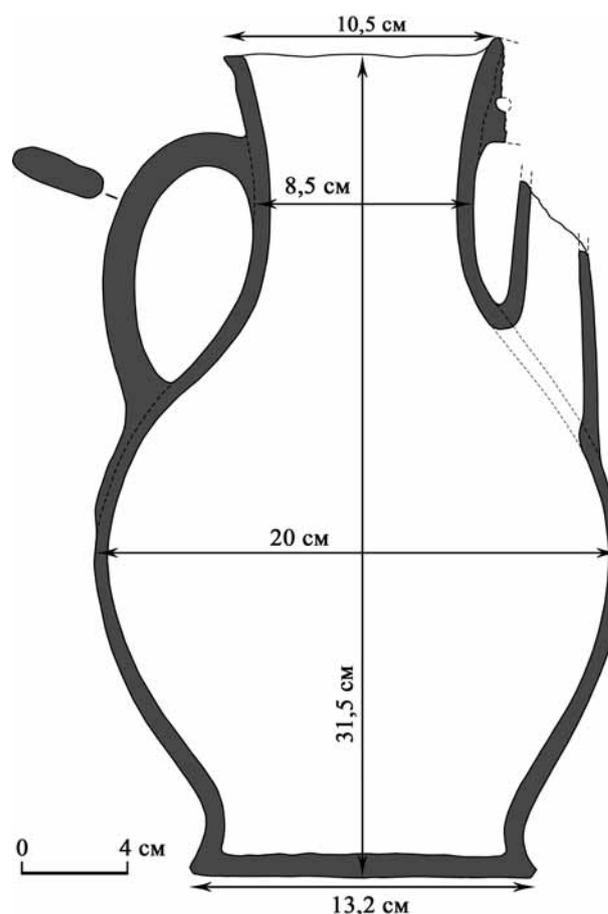

Рис. 5. Селище Большое Саврасово 2. Профиль кумгана

большинства исследователей, они являются продукцией московского керамического производства. На это указывает, в частности, ареал находок обломков красноглиняных ангобированных кумганов, который тяготеет прежде всего к Москве и ее ближайшей округе. Время бытования такой столовой посуды – конец XV – конец XVI в.

Подобная датировка не противоречит датировке, полученной при статистической обработке массового материала, который был собран в заполнении объекта № 54 (первая половина – вторая треть XVI в.).

Если местное (московское) производство таких кумганов сегодня не вызывает сомнений, то вопрос о происхождении подобной формы сосуда на территории Московской Руси пока не может быть решен однозначно. Для поиска доказательного ответа на него представляется необходимым специальное целенаправленное изучение находок этого вида сосудов, их сравнительный анализ и поиск их прототипов.

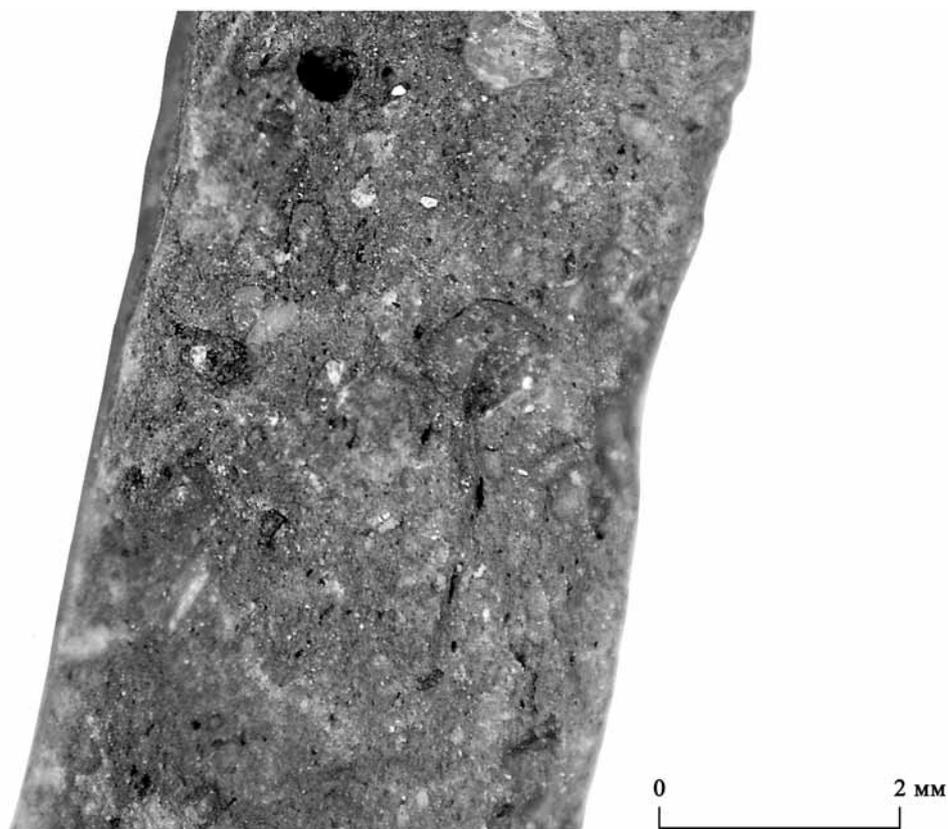

Рис. 6. Селище Большое Саврасово 2. Естественные включения песка в формочной массе сосуда (см. цв. вкл.)

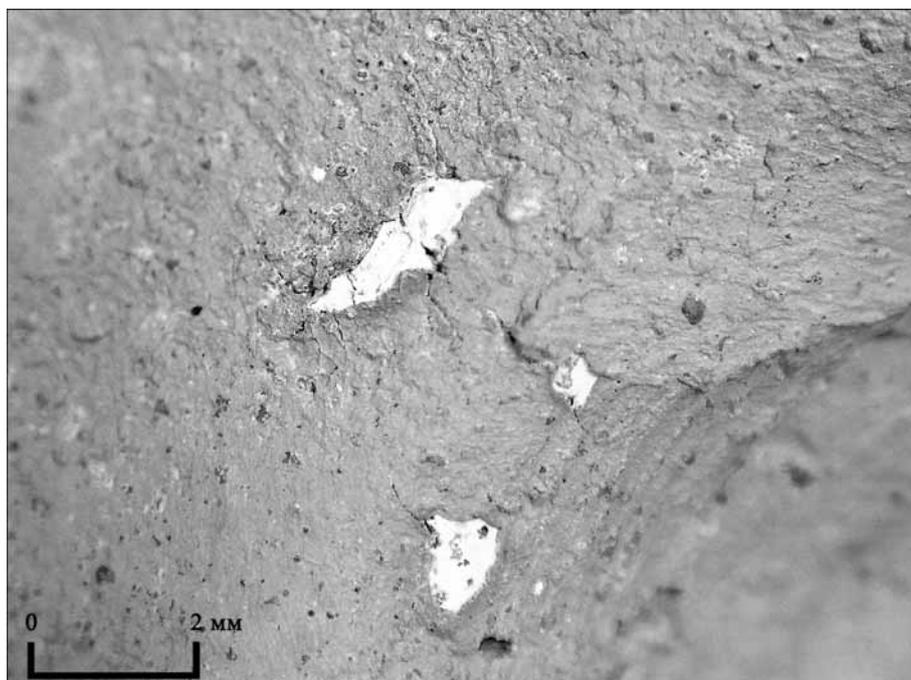

Рис. 7. Селище Большое Саврасово 2. Естественные включения известняка («дутика») в формочной массе кумгана (см. цв. вкл.)

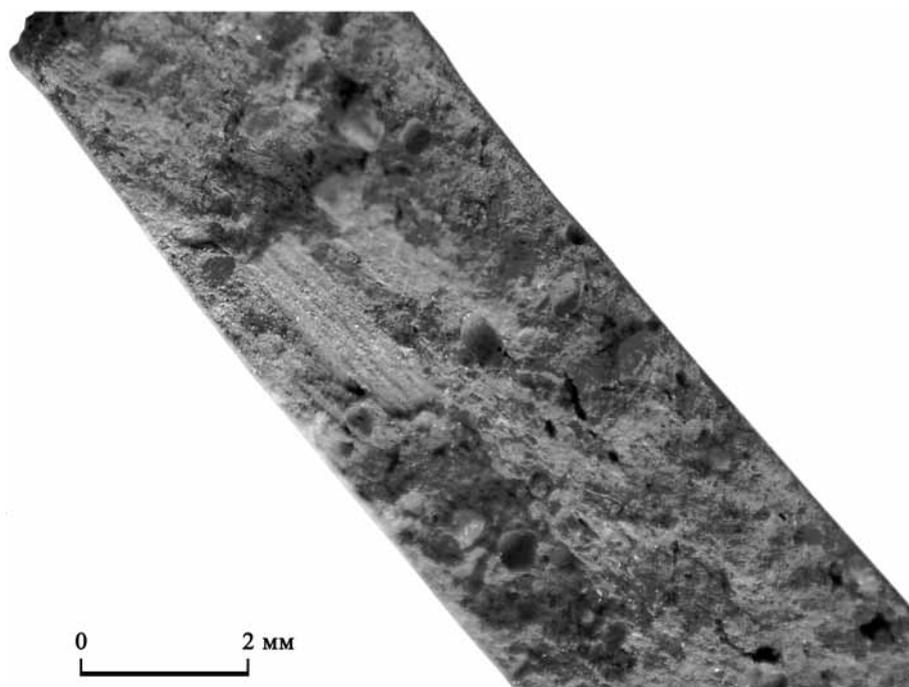

Рис. 8. Селище Большое Саврасово 2. Микроскопические включения органики (см. цв. вкл.)

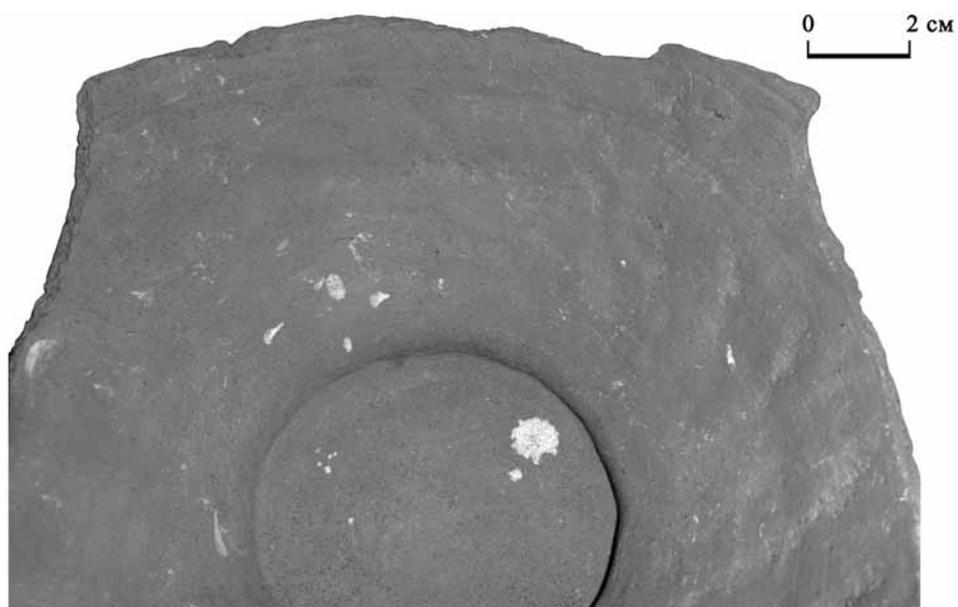

Рис. 9. Селище Большое Саврасово 2. Следы кольцевого налепа на внутренней поверхности кумгана (см. цв. вкл.)

Рис. 10. Селище Большое Саврасово 2. Следы примазывания носика на внешней стороне сосуда (см. цв. вкл.)

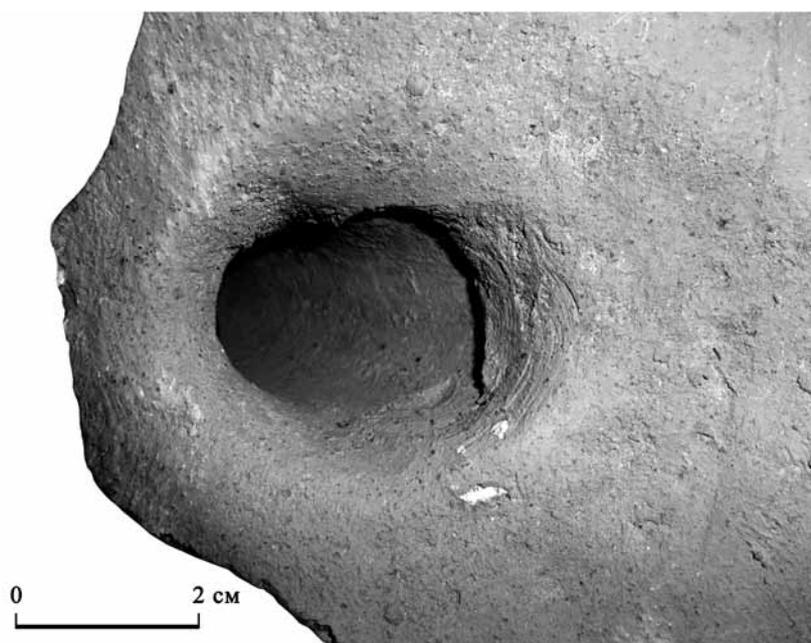

Рис. 11. Селище Большое Саврасово 2. Следы примазывания носика на внутренней стороне сосуда (масштаб 2 см)

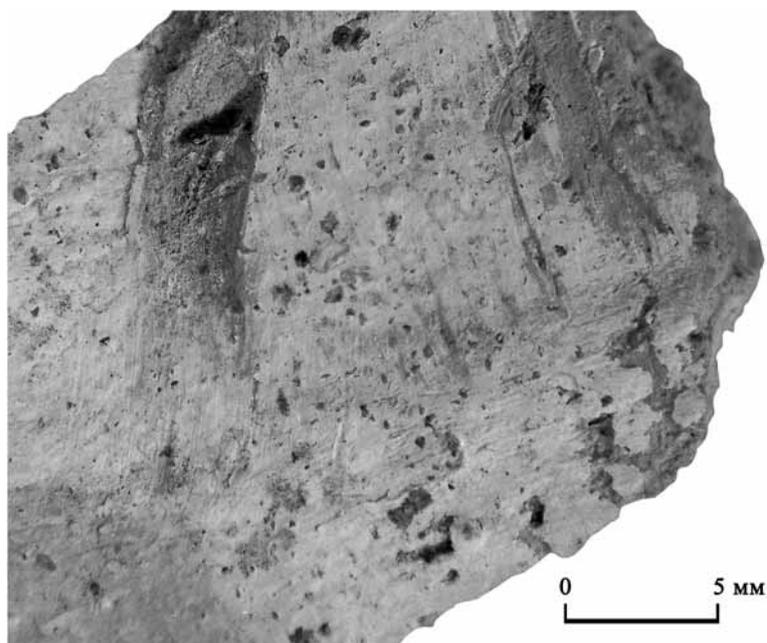

Рис. 12. Селище Большое Саврасово 2. Следы кисти на ручке сосуда (см. цв. вкл.)

Рис. 13. Селище Большое Саврасово 2. Следы кисти на внутренней поверхности горла кумгана

Литература

- Бобринский А. А.*, 1987. Гончарство Восточной Европы. М.
- Бойцов И. А.*, 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве//Московская керамика: новые данные по хронологии. М.
- Векслер А. Г., Гусаков М. Г., Патрик Г. К.*, 2014. Гончарство Москвы по материалам археологических раскопок на Ильинке и Старом Гостином дворе//Археология Подмосковья. Вып. 10. М.: ИА РАН.
- Вишневецкий В. И.*, 2001. Отчет об археологических охранных работах на территории Свято-Троицкой Сергиевой Лавры (г. Сергиев Посад Московской области) в 2000 году//Архив ИА РАН. Р-1. № 24533–24535.
- Глазунова О. Н.*, 2009. Керамика кухонная, тарная и столовая XIV–XVIII веков//Археология Романова двора/Материалы охранных археологических исследований ИА РАН. Т. 12. М.: ИА РАН.
- Дубынин А. Ф.*, 1953. Отчет об археологических исследованиях в Зарядье//Архив ИА РАН. Р-1. № 925.
- Емельянов А. В.*, 2011. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах, проведенных на селище Кулаково 3 в Раменском районе Московской области в 2010 г.//Архив ИА РАН. Р-1.
- Зацаринный С. В.*, 2003. Закрытый комплекс XV в. с Сорокина городища (к вопросу о локализации летописного Алексина)//Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. 2. Тула.
- Кренке Н. А.*, 2009. Комплексы второй половины XVI века: Опричный двор//Археология Романова двора/Материалы охранных археологических исследований ИА РАН. Т. 12. М.: ИА РАН.
- Новоселова Т. Н.*, 2014. Керамические кумганы XVI века из Троице-Сергиева монастыря//Археология Подмосковья. Вып. 10. М.: ИА РАН.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв.//САИ. Вып. Е1–39. М.
- Рабинович М. Г.*, 1951. Отчет о раскопках в Москве на территории Зарядья, на строительстве административного здания в 1950 г.//Архив ИА РАН. Р-1. № 526.
- Чернов С. З.*, 1991. К хронологии московской керамики конца XV–XVI в.//Московская керамика. Новые данные по хронологии. М.
- Цетлин Ю. Б.*, 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН.

A. M. Fatkov & N. A. Baranov

The find of a slip-cast jug from Excavation № 2 at the Bolshoe Savrasova 2 settlement

Summary

This article details the rare find of a vessel from C15th-C16th excavations at this settlement in the Leninsky District of Moscow Region. The site arose when a building of the early half of the C16th was

filled in. There are similar examples of such jugs to be found around the Moscow Region and nearby areas. The article presents a detailed description of how such a vessel would have been made.

А. Л. Высоцкий, В. В. Щербаков

Зооморфные рукомойники Троице-Сергиевой лавры

В работе рассматриваются зооморфные носики-сливы в виде различных животных, найденные в результате раскопок и наблюдений в Троице-Сергиевой лавре в 2013–2014 гг., и из археологических фондов Сергиево-Посадского музея-заповедника. Всего в археологических фондах музея хранятся четыре зооморфных носика-слива, два из них обнаружены в результате раскопок и наблюдений В. И. Вишневого на территории лавры в 2000–2001 гг., одна – случайная находка у стен лавры, и один фрагмент был найден в Радонеже¹.

В 2013 г. в ходе археологических наблюдений в Троице-Сергиевой лавре были найдены два зооморфных носика-слива от рукомойников, в 2014 г. найдены еще один такой носик-слив и часть рукомойника (венчик с туловом).

1. Первый в Троице-Сергиевой лавре зооморфный носик-слив рукомойника (рис. 1, 1) был обнаружен в результате раскопок и наблюдений В. И. Вишневого в 2000 г. в шурфе 46, расположенном в 0,3 м от южной лестницы западного крыльца гульбища Трапезной и примыкающего к западной стене Трапезной, в слое коричневого суглинка на глубине 1,6 м (Вишневский, 2000. Л. 119. Рис. 536, 1). Сосуд принадлежал керамике красно-коричневого цвета с примесью крупного песка в тесте. Размеры – 7,6×6,5×4,8 см (СПГИХМЗ. Инв. № 2476-арх). Носик уплощенно-конической формы, узкий конец оформлен в виде морды животного с двумя короткими закругленными ушами. Открытая пасть является отверстием для слива воды (диаметр – 1 см). Датировка по ар-

хеологическому контексту – XVI–XVII вв. Прямых аналогий не выявлено.

2. Второй зооморфный носик-слив рукомойника (рис. 1, 2) был обнаружен в результате раскопок и наблюдений В. И. Вишневого в 2001 г. в шурфе 9, расположенном вплотную к западной стене Книжной палатки, в 3,8 м к югу от северо-западного угла здания, на глубине 0,6 м, в слое темно-коричневого суглинка (Вишневский, 2001. Л. 19. Рис. 40, 2). Обломок относился к керамике красно-коричневого цвета с примесью песка. Размеры – 8,7×4,7×4,5 см (СПГИХМЗ. Инв. № 2475-арх). Носик для слива воды конической формы, на узком конце закруглен и загнут вниз, напоминая клюв птицы, под которым «рот» – круглое в сечении (диаметр 1 см) отверстие. Сверху «клюва» по обе стороны два неровных углубления (диаметр 0,5 см, глубина 0,3 см) – «глаза» (?). Датировка XVI–XVII вв. вытекает из археологического контекста находки. Прямых аналогий не выявлено.

3. Третий зооморфный носик-слив рукомойника (рис. 1, 3) был обнаружен за северной крепостной стеной монастыря как случайная находка. Он относился к чернолощеной керамике с разреженным лощением. Размеры – 7×7×8 см (СПГИХМЗ. Инв. № 2471-арх). Сохранился край сосуда с отогнутым наружу рифленным венчиком и носиком для слива воды в виде скульптурно оформленной бараньей головы. На конце вытянутой морды круглое отверстие диаметром 0,7 см, у основания два круглых углубления диаметром 0,4 см и глубиной 0,7 см

¹ Выражаю большую признательность зав. археологическим отделом СПГИХМЗ В. И. Вишневному за предоставленные материалы.

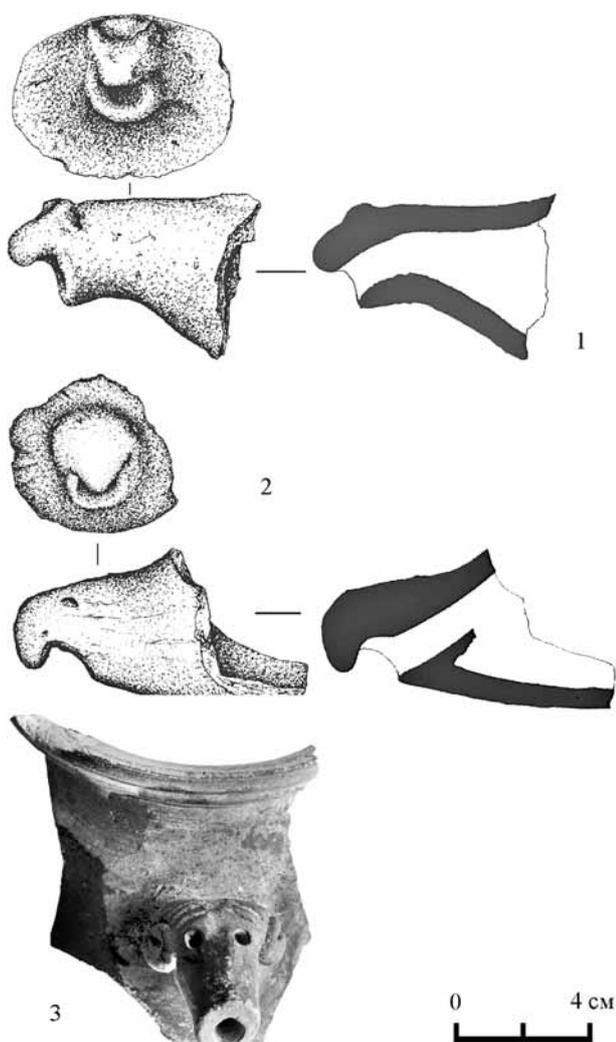

Рис. 1. Зооморфные носики-сливы от рукомойников из красной глины (1, 2) и черлощенного (3)
1, 2 – XVI–XVII вв., 3 – XVIII–XIX вв.

(«глаза»), а также «шерсть», обозначенная восемью прямыми канавками, и два загнутых в спираль «рога». Датировка по археологическому контексту – XVIII–XIX вв. Несколько схожие рукомойники имели широкое распространение в Москве.

4. В 2013 г. при изучении вновь выявленного объекта «бастион», опорной кирпичной кладки для укрепления северо-западного участка крепостной стены в 20 м к западу от Плотничьей башни, в шурфе 6 в слое черного мелкозема, насыщенного кирпичной крошкой, на глубине 0,6 м от дневной поверхности был найден обломок носика-слива в виде головы животного (рис. 2, 1). Размеры – 8,9×7×6,4 см. Носик-слив принадлежал черлощеному рукомойнику с горшковидным туловом и был оформлен в виде головы животного (вероят-

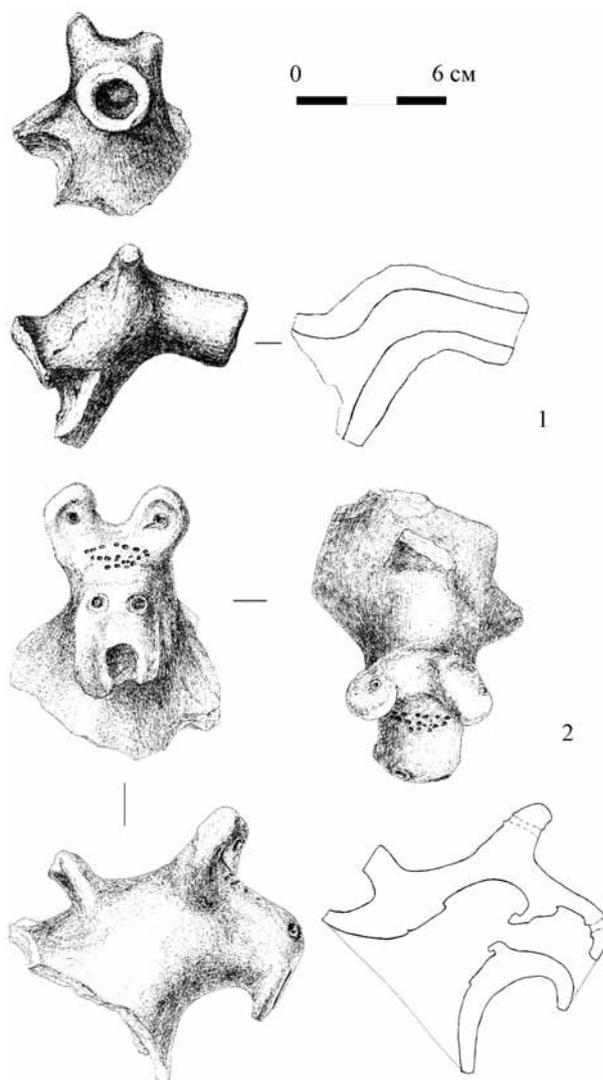

Рис. 2. Зооморфные носики-сливы черлощенных рукомоев в виде головы животного XVIII в. (1) и XVII в. (2)

но, коня) с острыми торчащими ушами. Датировка XVIII в. по аналогиям в Москве (Розенфельдт, 1968. С. 37. Табл. 13, 8, 11, 12), в том числе при раскопках Романова двора (Глазунова, 2009. С. 138. Рис. 243, 2–5). Ближайшей аналогией ему является носик-слив, обнаруженный В. И. Вишневым в Радонеже (Вишневский, 1984. С. 5, 7. Табл. 4, 3).

5. Еще один обломок зооморфного рукомойника (рис. 2, 2) был найден в 2013 г. при расчистке вновь выявленной опорной кирпичной кладки для укрепления южной крепостной стены Троице-Сергиевой лавры, расположенной внутри монастырской ограды, в 5 м от нее, за Трапезной. На глубине 1 м от дневной поверхности в слое темно-коричневого суглинки со строительным мусором был найден фрагмент черлощеного рукомойника со сплошным

лощением. Размеры – 10,6×10,1×8,6 см. Сохранился носик-слив в виде скульптурно оформленной головы лося с вытянутой мордой и широкой выступающей губой, с торчащими в разные стороны ушами, внутри которых два отверстия. Отверстие для слива воды имело диаметр 1,5 см. Датировка по археологическому контексту – XVII в. Аналогичны ручейники, но оформленные в виде головы барана, имели широкое распространение в Москве. Они описаны М. Г. Рабиновичем следующим образом: «Ручейник представлял собой стилизованную фигуру барана на коротких конусообразных ножках, причем в задней части тулова был устроен венчик, в который наливалась вода, а к передней части был приделан носок в виде стилизованной шеи и головы барана» (Рабинович, 1949. С. 76, 77. Рис. 9, 1).

6. При работах 2014 г. в шурфе 7 с внешней стороны западной крепостной стены, в слое темно-серого суглинка с углем, был найден обломок чернолощеного ручейника с разреженным лощением (рис. 3, 1). Размеры – 7,3×6,9×5,4 см. Носик-слив оформлен в виде схематизированной головы барана с загнутыми рогами и круглым отверстием (диаметром 1,5 см) вместо морды. Датирован по археологическому контексту XVII в. Аналогичные ручейники бытовали в Москве (Рабинович, 1947. С. 60–62. Рис. 6, 7; 1949. С. 76, 77. Рис. 9, 1; Розенфельдт, 1968. С. 36. Табл. 13, 7).

7. В шурфе 1 (2014 г.) с внешней стороны западной крепостной стены был найден фрагмент чернолощеного ручейника со сплошным лощением (рис. 3, 2). Размеры: 11,9×11,6×5,9 см. Представляет собой тулово сосуда с венчиком диаметром 7,5 см. Датировка по археологическому контексту – XVIII в. Аналогичные ручейники бытовали в Москве (см. выше).

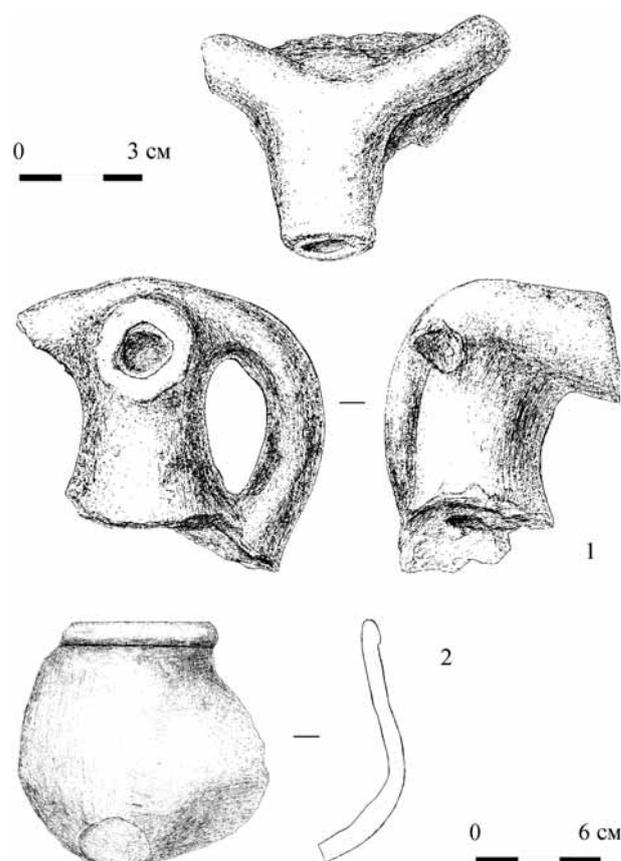

Рис. 3. Зооморфный носик-слив в виде головы барана чернолощеного ручейника XVII в. (1) и фрагмент чернолощеного зооморфного ручейника XVIII в. (2)

Небольшая коллекция зооморфных носиков-сливов из археологических фондов и находок 2013–2014 гг. показывает разнообразие форм керамических изделий, бытовавших в Троице-Сергиевом монастыре в XVI–XVIII вв.

Литература

Вишневецкий В. И., 1984. Отчет об археологических работах исторического отдела ЗГИХМЗ в Загорском и Дмитровском районах Московской области в 1984 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 9432.

Вишневецкий В. И., 2000. Отчет об археологических охранных работах на территории Свято-Троицкой Сергиевой Лавры (г. Сергиев Посад Московской области) в 2000 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 24533, 24535.

Вишневецкий В. И., 2001. Отчет об археологических охранных исследованиях в процессе земляных работ на территории Троице-Сергиевой

Лавры (г. Сергиев Посад Московской области) в 2001 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 26161.

Глазунова О. Н., 2009. Керамика кухонная, тарная и столовая XIV–XVIII вв. // Археология Романова двора: Предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12).

Рабинович М. Г., 1947. Гончарная слобода в Москве XVI–XVIII вв. // МИА, № 7.

Рабинович М. Г., 1949. Московская керамика // МИА. № 12.

Розенфельдт П. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е1–39.

A. L. Vysotsky & V. V. Scherbakov

Drainspouts with animal motifs from the St Sergiev Trinity Lavra Monastery

Summary

This small collection of drainspouts decorated with animal motifs, from the C16th to C18th, was found between 2013 and 2104 during architectural investigations on the grounds of the St Sergiev Trinity Lavra Monastery.

Two of these items have no known equivalent anywhere else. The objects were taken into the collections of the State Museum at the St Sergiev Trinity Monastery, where they are now kept.

А. Г. Векслер, М. Г. Гусаков, Г. К. Патрик

Московская красноглиняная (гладкая) и ангобированная керамика XV–XVI веков по материалам раскопок на Ильинке и Старом Гостином дворе

В данной статье речь пойдет о «странной» глиняной посуде, появившейся в Москве на рубеже XV–XVI вв. Ни до этого времени, ни после ничего подобного или близкого по аналогиям в московском гончарстве не было. В чем же дело?

Напомним, что главная цель многих археологических действий с вещевым материалом сводится к установлению относительной или абсолютной датировки объекта изучения. В частности, в данной статье речь идет о фрагментах красноглиняной и ангобированной керамики из раскопок в Москве (*Розенфельдт, 1968; Рабинович, 1971; Кучера, 1986; МК; Векслер, Гусаков, Беркович, 2012*). Московские раскопки дают огромное количество битой бытовой посуды: во время крупномасштабных раскопок под руководством А. Г. Векслера на Ильинке и Старом Гостином дворе в 1995–1999 гг. за один археологический сезон извлекалось из культурного слоя более 200 000 тысяч фрагментов керамики (*Векслер, 1995–1999*). Несмотря на то, что к настоящему времени предыдущими поколениями археологов сделано достаточно много, тем не менее, до сих пор продолжается поиск новых способов уточнения вариантов датирования по выделяемым типам керамики. Но прежде нам придется обратиться к сути проблемы и к истории ее изучения.

В московском культурном слое с конца XV–XVI вв. в Кремле, Китай-городе и центральных районах Москвы археологи часто фиксируют фрагменты посуды, сделанной из жирной легкоплавкой красножгущейся глины с незначительной примесью мелко просеянного песка (*Рабинович, 1947; 1949а; 1949б; 1971*). Черепки этой посуды резко отличаются от предшествующей XII–XIV вв. и последующего хронологического периода (XVII в.).

Отличие состоит в темно-красном цвете черепка, его плотной фактуре и отсутствию пор от прогоревшей органики в изломе. Эта посуда (в основном горшки) сделана ленточным налепом (крупные формы с диаметром более 15–18 см) или вытягиванием (мелкие «горшковидные» формы диаметром 13–16 см) на ручном круге утяжеленного типа с инерцией, достаточно долгой для вытягивания формы до нужной высоты. Об этом красноречиво свидетельствует «волна» на внутренней поверхности сосудов небольшого объема (рис. 1–4). Есть формы и крупных горшков с диаметром края венчика от 30 см до 34 см (рис. 5). В тесте присутствует незначительная примесь тщательно просеянного песка мелкой фракции. Дно сосуда достаточно массивное (у крупных форм) и имеет толщину около сантиметра и более. Внешняя поверхность тщательно заглажена и иногда снабжена несложным орнаментом в виде горизонтальных линий, идущих по плечу. Она обожжена при температуре около 900 градусов с полным прокалом стенок, отчего поверхность обретает густой терракотовый цвет. Отличительная особенность этой посуды (горшков и горшков-мисок) – невысокий, без наклонов или заворотов (во внешнюю сторону или внутрь) венчик с «валиком» изнутри (рис. 5). Есть еще одна особенность внешнего вида горшков этого типа: они все, пока еще были влажны, немного придавливались сверху, отчего тулово изрядно выгибалось, а бока становились значительно круче. С чем это связано, сказать трудно. Но этот прием существенно отличает их от других горшковидных форм. В московском гончарстве предшествующего времени его нет.

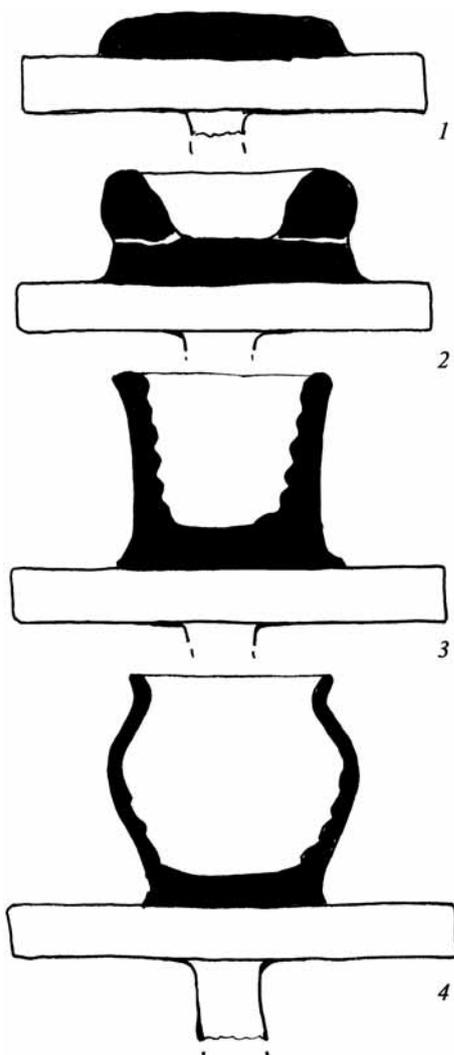

Рис. 1. Фазы изготовления посуды на ручном круге утяжеленного типа

Рис. 2. Мореный горшок-миска со следами вытягивания

Рис. 3. Красный горшок-миска со следами вытягивания

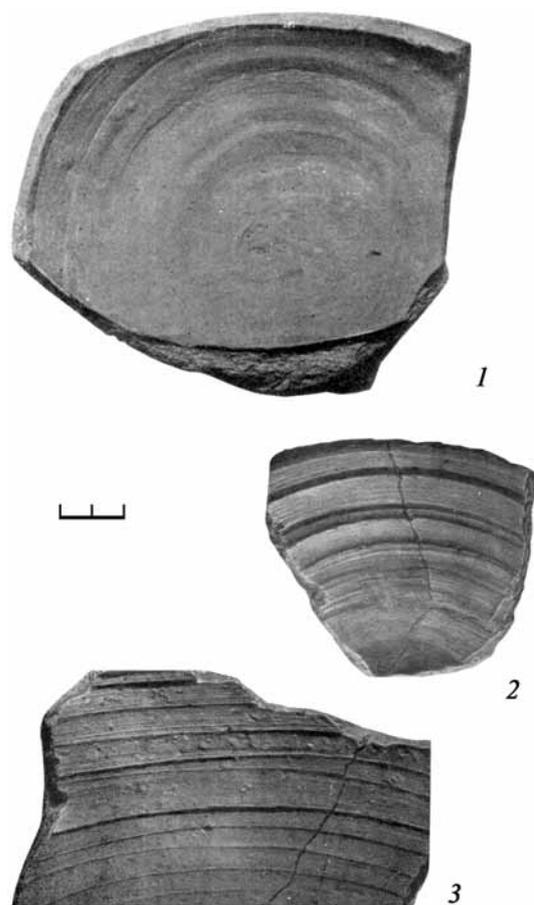

Рис. 4. Следы вытягивания (по: Бобринский, 1978. С. 211)

У нас нет сомнения, что «красная гладкая» керамика¹ явно выбивается из ряда форм посуды из напластований XII–XIV вв., сделанной весьма несо-

вершенно, с неполным обжигом, с вычурно завернутым наружу венчиком, — часто ее называют «серой», «курганной» керамикой или керамикой с «манжето-

¹ За керамикой этого типа, в археологической литературе давно закрепился термин «красная гладкая». Мы продолжаем пользоваться этим термином.

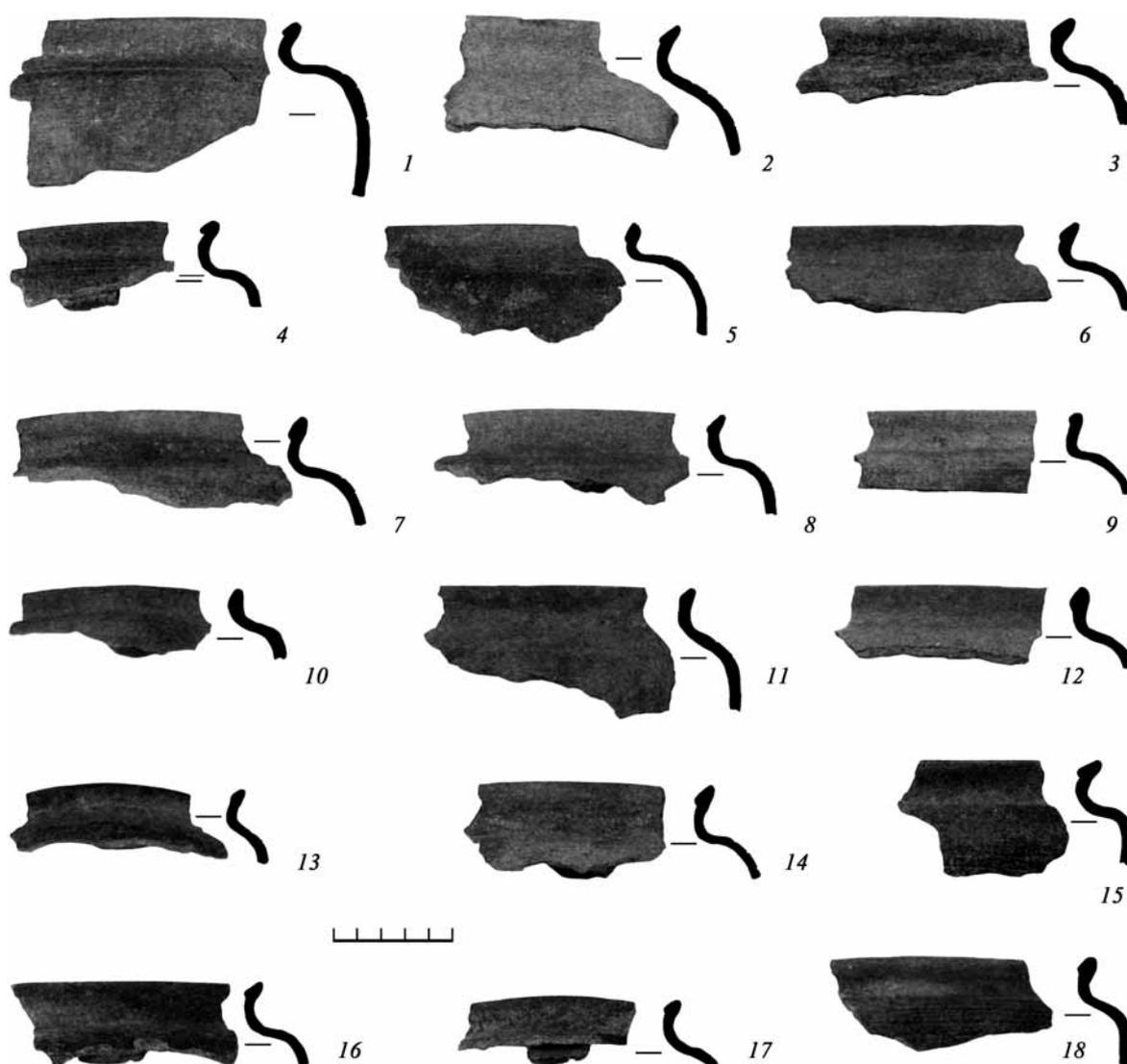

Рис. 5. Типы венчиков красных гладких горшков из раскопок на Старом Гостином Дворе 1996–1998 гг.

1–3 – диаметр венчика 14 см (по оп. № 159, 107, 178); 4–6 – диаметр венчика 18 см (по оп. № 189, 156, 168); 7–9 – диаметр венчика 20 см (по оп. № 158, 133, 169); 10–12 – диаметр венчика 22 см (по оп. № 175, 173, 196); 13–15 – диаметр венчика 24 см (по оп. № 153, 191, 192); 16–18 – диаметр 30, 31, 32 см (по оп. № 174, 179, 167). 1–9 – р. 6, я. 3, 1998 г.; 10–18 – р. 1, я. 3, 1996 г.

видным» венчиком. Складывается впечатление, что эта посуда сделана другими гончарами – не «москвитами». Повторим еще раз замечание, что до этого времени ничего подобного не было. Время появления «красной посуды» – XV в.

Есть еще один вид посуды, совершенно отличной от бытовавшей ранее – это ангобированная посуда XV–XVI вв. (Розенфельдт, 1968. С. 20–27; Рабинович, 1971. С. 15–18). Ее отличительная особенность состоит в наличии выполненных красным ангобом геометрических узоров, нанесенных на сплошь покрытую белым ангобом поверхность сосуда. Это небольшие горшочки, сделанные вы-

тягиванием на круге, миски с короткими венчиками-бортиками и кумганы с яйцевидным туловом, длинными носами (как у современных кофейников), дополнительно прикрепленными глиняной перемычкой к горлу, на толстом и достаточно высоком поддоне. Заметим, что до той поры изготовленная в Москве посуда таких форм (с носиками и высоким поддоном) не знала (рис. 6; 7). Позднее появилась красноглиняная посуда, раскрашенная белыми пятнами ангоба, постепенно вытеснившая сплошь ангобированную посуду (рис. 8).

Первыми археологами, обратившими внимание на данный вид глиняной посуды, были

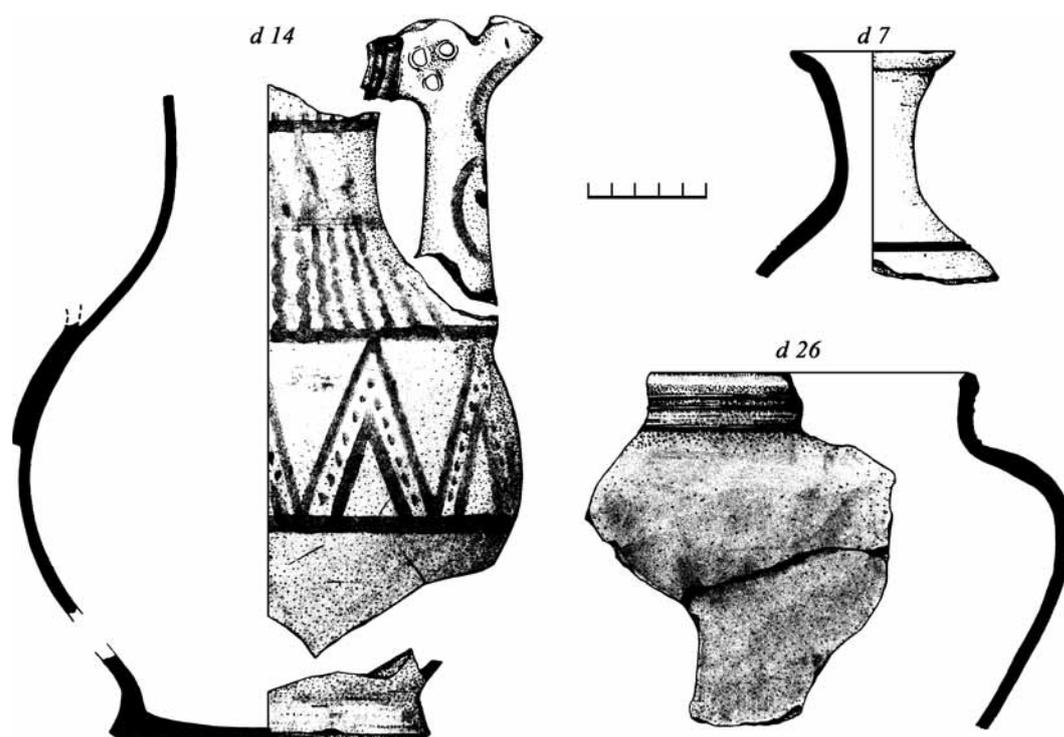

Рис. 6. Гостиный двор, расписная керамика. Кувшины и горшок из слоев XV в.

Рис. 7. Расписной кумган из раскопок 1989 г. на Волхонке (раскопки А.Г. Векслера). (См. цв. вкл.)

Рис. 8. Ангобированный расписной кувшин из раскопок 2014 г. на Рождественском бульваре (раскопки А. Г. Векслера). (См. цв. вкл.)

М. Г. Рабинович и Р. Л. Розенфельдт. Они достаточно подробно описали ее (Рабинович, 1947; 1949б; 1971; Розенфельдт, 1968). И Р. Л. Розенфельдт сделал, на наш взгляд, правильный вывод, что ангобированную посуду и красную, о которой мы говорили выше, изготавливали одни и те же мастера (Розенфельдт, 1968. С. 22).

В статье И. А. Бойцова, специально посвященной красноглиняной керамике, к определяющим был добавлен еще один признак – конфигурация венчика, который, по мнению автора, прямо связан с процессом изготовления и имеет строго ограниченные хронологические интервалы. Это «треугольный» или «подтреугольный» формы профиль края венчика, слабо отогнутого наружу или прямо поставленного по отношению к тулову (рис. 9). Автор утверждает, что такой тип края венчика, совершенно не характерен для керамики «курганного типа» и «серой» предшествующего времени. «С появлением нового способа формовки края венчика начинают происходить все те изменения сосудов, сделанных из красной глины, которые приводят, наконец, к появлению стандартной красной

гладкой керамики конца XV – начала XVI вв.» (МК. С. 34, 35). Но какие это «новые способы формовки», автор ничего не сказал.

Несмотря на слабую насыщенность культурных слоев этого периода датированными находками, все же по сопутствующему археологическому материалу можно предварительно отнести описанную И. А. Бойцовым керамику к середине XV – началу XVI в. (МК. С. 34, 35). Как явствует из статьи, автор пытался не только выделить в отдельную группу красноглиняную гладкую раннюю керамику, но с ее помощью определять хронологические периоды с только им присущими типами посуды. Исследователь привлек материалы из раскопок в Историческом проезде и на Монетном дворе 1987–1989 гг. Однако картина в целом, как представляется сегодня, оказалась много сложнее.

Во-первых, описанная И. А. Бойцовым посуда в культурных слоях центра Москвы, как правило, изрядно перемешана с посудой других эпох. И сами вещевые материалы из так называемых закрытых комплексов (ямы, котлованы подклетов, подпольев и прочее) в городском культурном слое

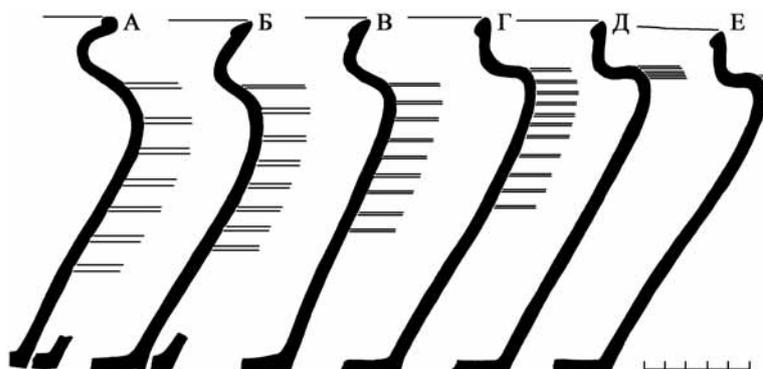

Рис. 9. Схема развития московской красноглиняной посуды по И. А. Бойцову

А – серая керамика XIII–XIV вв.; Б – красноглиняная грубая керамика с сер. XIV в.; В – красноглиняная гладкая ранняя с кон. XIV – нач. XV в.; Г – красноглиняная гладкая керамика с сер. XV в.; Д – красноглиняная гладкая с нач. XVI в.

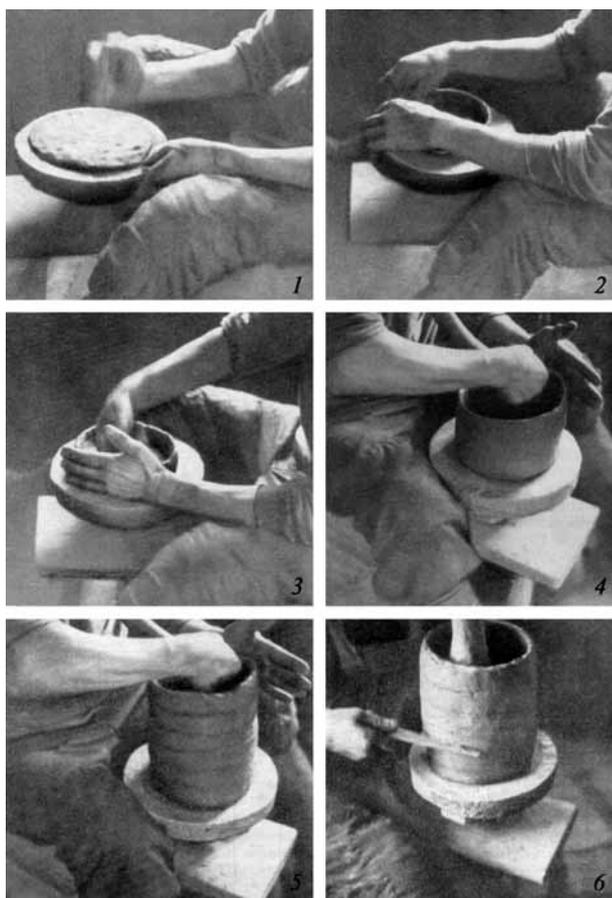

Рис. 10. Фазы начала изготовления на ручном круге (по: Бобринский, 1978. С. 166)

также хронологически неоднородны. «Чистый» комплекс, полностью изолированный (как, например, погребение), чрезвычайная редкость.

Во-вторых, как показал опыт археологических работ на Ильинке и Старом Гостином дворе, подобного типа венчики есть не только у красной керамики, они присутствуют и в ангобированной керамике. При внимательном просмотре керамических массивов, оказалось, что такой же тип венчика присутствует на посуде, сделанной и в другие времена и не только из красножгущейся глины (Векслер, 1995–1999).

Все же попробуем сосредоточить наше внимание на этом типе «красной» керамики, прежде всего на горшках. Именно в составе и приготовлении теста и проявляются ее «новые» качества, отличные от того, что делалось до нее. Во-первых, еще раз обратим внимание на тесто, хорошо «отмученное» и промятое, без комков, очищенное от «камушков» и «корешков» и промешанное с мелко

просеянным песком. Правда, иногда возникает подозрение, что этот мелкофракционный песок (почти пыль) – естественная примесь данной глины. Во-вторых, совершенно очевидно, что эта посуда, особенно больших размеров и объемов, с диаметрами от 18 до 32 см, сделана ленточным налепом, а мелкая – вытягиванием (рис. 2–5). Подобное возможно только на ножных или ручных кругах «утяжеленного» типа, за счет быстрого вращения круга с довольно длительной инерцией. По наблюдениям А. А. Бобринского, подобные круги появились в московском гончарстве только в XV в. (Бобринский, 1978. С. 26–34). Правда, начин у этих форм сделан ручной лепкой (Бобринский, 1978. С. 154–156; Рис. 51, 91) в виде круглой лепешки, жестко примазанной к поверхности круга, с массивным жгутом-бортиком, из которого вытягиванием выводятся стенки сосуда (РФК-5 по Бобринскому). Это типичный образец работы на ручном круге утяжеленного типа, где явным признаком начина является достаточно массивное дно, толщиной около сантиметра (рис. 10). Это очень важное отличие от более ранних форм, сделанных на поворотном столике спирально-жгутовым или кольцевым налепом и имеющих слабый обжиг при 550–600 градусах, не более.

На ручном круге утяжеленного типа из одного комка глины можно сделать, то есть вытянуть только небольшую, не более одного литра в объеме, посуду. Это маленькие горшочки, кувшинчики или кружки. Большой сосуд «строится» в несколько приемов. Подобные приемы изготовления посуды на ручных кругах в 1970-е годы зафиксированы экспедицией под руководством А. А. Бобринского в Тульской, Калужской, Брянской областях, на Русском Севере и других регионах².

Аналогично сделана «ангобированная» керамика: с ручным началом из обычной красной жирной глины, с последующим вытягиванием из большого жгута, прилепленного к начину или ленточным налепом (рис. 8; 11). Поверхность законченной формы покрывалась жидкой глиной (ангобом) белого цвета. Гончары такую посуду обычно называют рисованной, расписной, беленой, или, как говорят украинские гончары, «малюванной». А. А. Бобринский использовал термин «грунтовка» (Бобринский, 1978). По белому покрытию делалась орнаментальная роспись красной жидкой глиной: геометрические узоры, «елочки», «заборчики», «круги» и т. д.

² Один из авторов этой статьи – М. Г. Гусаков участвовал в работе семи экспедиций по изучению народного гончарства в России, Белоруссии, Литве, Молдавии и на Украине в 1966–1976 гг.

Рис. 11. Ленты на внутренней поверхности расписного ангобированного кувшина. Старый Гостинный двор

Есть еще одна особенность этой посуды: среди кувшинов, горшков, кружек и мисок известны формы, которых русские мастера ранее никогда не делали – это «кувшинчики» (рис. 12), сосуды конической формы с ручкой, больше похожие на современные молочники. И, конечно, кувшины с узким горлом и большими ручками. Они также грунтованы белым ангобом и расписаны красными узорами.

В XV–XVI вв. появляются странные, дотоле неизвестные расписные сосуды на высоких поддонах – кумганы. Откуда они? Родина этих форм – Передний Восток, вероятнее всего, они вышли из стран, испытавших сильное арабское влияние, так как кумганы впервые появились в арабском мире. Возможен и другой путь появления кумганов – из Испании, наследницы арабской керамики, и Италии, получившей много форм из той же Испании, в частности майолику и типы арабской посуды.

Для чего же нужно белить посуду? Если рассматривать только практическую сторону, отбросив

Рис. 12. Кувшинчик с ангобированными пятнами. Старый Гостинный двор, раскопки 1996 г.

декоративный эффект, то известно, что при «белении» забиваются поры стенок посуды, что ведет к повышению водонепроницаемости. Как правило, грунтовка делается на посуде, изготовленной из жирных легкоплавких глин, впоследствии ее покрывают глазурями. В археологической литературе о причинах появления этой посуды ясного ответа до сих пор нет. Когда-то было высказано предположение, что москвичи отдавали предпочтение посуде из белой глины, но ее не было, и как замена ей появилась «беленая». Впоследствии ее сменила посуда из белых гжельских глин (Розенфельдт, 1968). Это объяснение не только проблематично, но и недоказуемо. Чтобы найти верный ответ, надо внимательно приглядеться к ряду исторических фактов и попробовать выстроить их логически.

Описываемая керамика сделана спустя два века после татарского нашествия. Заметим тут же, что о керамическом производстве от периода «разорения Москвы» до ее «возвышения» при Василии Темном в середине XV в. нам до сих пор известно мало. В нашем распоряжении есть образцы посуды, так называемой серой керамики, белоглиняной и красноглиняной обварной, но ее мало. Об этом достаточно красноречиво свидетельствуют материалы из раскопок в Старом Гостином дворе (табл. 1). В нижних слоях наряду с серой имеется красноглиняная, белоглиняная и краснолощенная керамика.

Таблица 1. Распределение типов керамики по пластам раскопа б (захватка 2).

Старый Гостиный двор, 1998. (Красножгущаяся: А – ранняя XIV–XV вв.; Б – тонкая гладкая XV – сер. XVI в.; В – стандартная XV–XVII вв. Беложгущаяся: А – бугристая; В – стандарт. горшок. Ангобирован.: К/а – красная ангоб. сплошь; К/р – ангоб. сплошь, роспись красным ангобом, Б/а – белоглиняная ангоб.; Мореная: С – серая ранняя. Лощеная: К/л – краснолощенная; Ч/л – чернолощенная. Глазурь – поливная.)

Пласт, см	Красножгущаяся			Беложгущаяся		Ангобирован.			Мореная	Лощеная		Глазурь	Всего
	А	Б	В	А	В	К/а	К/р	Б/а	С	К/л	Ч/л		
560–580	–	2	1	7	1	–	–	–	–	1	4	–	16
580–600	–	1	3	5	2	–	–	–	–	2	1	–	14
600–620	–	12	2	4	3	–	–	–	–	2	3	–	26
620–640	–	38	1	134	7	–	–	–	2	1	11	–	194
640–660	1	52	1	156	2	4	–	–	–	–	4	–	220
660–680	–	49	2	168	1	1	–	1	2	2	10	–	236
680–700	–	84	2	142	10	5	3	1	1	9	2	–	259
700–720	–	376	9	516	30	12	4	–	5	12	15	2	981
720–740	111	793	33	1029	41	17	9	–	13	92	17	1	2156
740–760	34	159	29	20	–	–	–	–	12	35	–	–	289
760–780	77	123	72	2	–	–	–	–	7	71	–	–	352
780–800	35	–	62	6	–	–	–	–	65	18	–	–	186
800–820	23	4	98	–	–	–	–	–	133	4	–	–	262
820–840	36	2	79	3	–	1	–	–	261	5	–	–	387
Всего	317	1695	394	2192	97	40	16	2	501	254	67	3	5578

Остановимся на времени появления этого типа керамики в Москве. Как показали раскопки на Ильинке и Старом Гостином дворе в 1995–1999 гг., эта посуда встречена с монетами – пулами чеканными в Москве, Твери и других городах в период с 1450 до 1520-х годов. Какие изменения происходили в то время в русском ремесле?

В XV–XVI вв. в Московию несколькими волнами стали приезжать мастера из северных итальянских городов: Болоньи, Флоренции, Венеции и т. д. Итальянцы принимали деятельное участие в грандиозном строительстве «оборонного объекта № 1» – кремлевской крепости, ставили православные храмы и возводили китайгородскую крепость. Почему итальянцы? Да потому, что строительство главной крепости Великого княжества Московского нельзя было доверить потенциальным врагам: немцам-тевтонам, полякам, литовцам. И еще одно соображение: жена великого князя Ивана III Софья Палеолог сама приехала из Флоренции, поэтому она хорошо знала итальянцев и их профессиональные способности. Ясно, что за известными именами итальянцев Аристотеля Фьораванти, Алевиза Фрязина появились и другие специалисты из Италии. Несомненно, у них были помощники, чьи имена не сохранили летописи. Нам представляется, что это были достаточно большие команды или артели. Так, с конца XV до середи-

ны XVI в. итальянцы составили заметную прослойку иностранцев в Москве не столько по численности, сколько по своему значению (Тихомиров, 1973). Все они были профессиональными архитекторами, строителями, чертежниками, художниками, пушкарями, литейщиками, ювелирами и гончарами. Вот эти последние нас и интересуют в первую очередь, как специалисты в работе с глиной, потому что именно они выбирали глину, составляли формовочную массу, складывали печи для обжига кирпича, черепицы, изразцов и бытовой посуды, которых до этого времени никто в Московии не делал.

Мастера-итальянцы показали, как делать формы для кирпичей и изразцов, они же следили за режимом обжига в специально для этого построенных печах. Масштабы работы были огромны: кремлевские стены и башни были возведены из хорошо обожженного кирпича размером 30×14×7 см, весом 8 кг каждый. «Кирпичную печь устроил... в чем ожигать кирпич и как делать, нашего русского кирпича уже да продолговатее и тверже: когда его надо ломать, то в воде размачивают. Известь же густо мотыками повелел мешать, как на утро засохнет, то ножом невозможно разколупить» (Забелин, 1990. С. 124). Для Москвы это было новшеством. Известно, что Фьораванти устроил печи для обжига кирпича за стенами Андроникова монастыря в Калитниках.

Москва обязана итальянцам постройкой многих из своих замечательных зданий, новой, более совершенной, техникой строительства, новой формой производства и отделки изделий из глины. Неверно говорить, что строительные навыки целиком пришли в Россию из Италии, но также неверно недооценивать принесенное в Россию итальянскими мастерами. Всем хорошо известно, что значительное влияние на русское средневековое строительное мастерство, в широком смысле этого слова, оказали итальянские специалисты, приехавшие в Москву во второй половине XV в. Также нам известно, что первые итальянцы в России появились еще в XIV в., если не раньше (*Тихомиров*, 1973).

Как писал первый посол Священной Римской империи Сигизмунд Герберштейн, Москва была деревянным городом. Первым упомянутым в летописи кирпичным сооружением оказалась церковь Воздвижения Честного Креста Господня, возведенная в 1450 г. в Кремле (*Герберштейн*, 2007; *Баранова*, 2009). Псковичи, строившие Успенский собор в Кремле буквально накануне приезда Аристотеля, нарушили технологию, и стена храма рухнула у всех на глазах. В Москве наступила траурная пауза. Безусловно, это была всеобщая морально-психологическая травма. Помогли ее пережить итальянцы, своим искусством не только восстановившие храм за сравнительно короткие сроки, но применившие при этом новые строительные технологии. О пребывании итальянцев в Московии написано достаточно, однако, как нам представляется, тема эта до сих пор не исчерпана (*Сытин*, 1950; *Подъяпольский*, 1991). Сделаем некоторые выводы об их деятельности в Москве.

1. В строительную практику был введен технически выверенный по форме кирпич.

2. Итальянцы научили москвичей делать черепицу, коробчатые изразцы и плиточные изразцы для архитектурного декора (нем. *kachel*).

3. Они провели первые опыты с использованием глазурей для изразцов.

4. Поставили горны для обжига кирпича, черепицы и посуды.

5. Возможно, научили делать красноглиняную, «тонкую» и ангобированную посуду.

6. Возможно, что именно итальянцы научили местных гончаров использовать ручной круг утяжеленного типа в качестве инерционного прибора. То есть, на этом круге можно было делать посуду вытягиванием из одного комка глины.

7. Любопытный факт из области заимствования слов: слово «ангоб» имеет происхождение от итальянского *ingobbata* (во французском – *engobe*), что у французов и у итальянцев означает не только цветную глину, но и покрытие перед глазурованием.

В древней Руси долгое время делали посуду «вналепку», без круга. Гончарный круг, или «поворотный столик»³, – простейшее приспособление для изготовления посуды – появился в X–XI в. в Киеве, Чернигове и других южнорусских городах («Древняя Русь...», 1985; *Бобринский*, 1978; *Кучера*, 1986). Посуда делалась кольцевым, спиральным налепом или комбинацией этих способов на поворотном столике, который служил для лучшей центровки сосуда. Первые гончарные круги (грибовидной формы или два диска, соединенные спицами) вращались на колу и монтировались на лавке, поэтому посуда выходила несимметричной (*Бобринский*, 1962). Ножных кругов в то время еще не было.

Ассортимент посуды был весьма невелик, в основном горшки или горшковидные формы, что хорошо подтверждается археологическим материалом, среди которого 90% всей битой посуды составляют фрагменты горшков. Посуда, сделанная на ручном круге, была тяжела, асимметрична, с толстыми стенками и вывернутым наружу краем венчика, отчего в археологической литературе этот тип получил название «эсовидный». Обжиг был недостаточным, с неполным прокалом стенок, поэтому в изломе он выглядит трехцветным («Древнерусская керамика», 1992). Возможно, конструкция горна не позволяла получать высокие температуры, или же обжиг проходил в домашних печах. Стенки горнов делались из глины или глиняных кирпичей саманного типа. В городах Киевской Руси известны горны такого типа, относящиеся к XII–XIII вв. («Древняя Русь...», 1985). Ранние горны сделаны из глины с деревянными каркасами.

Отметим главную особенность этих горнов, во-первых, они недолговечны: после нескольких обжигов приходили в полную негодность. Обжиг в этих горнах был не более 550–600 градусов, что явно недостаточно для полного прокала стенок. Подъем температуры до 900 градусов был недопустим – горн мог рассыпаться в процессе обжига (*Бобринский*, 1991). Посуда таким образом получалась недожженная, что мы и наблюдаем на черепках XI–XIII вв., в изломе имеющих трехслойную фактуру.

И вот, на фоне достаточно несовершенной посуды во второй половине XV в. появляется хорошо обожженная посуда, с тонкими стенками, изящная,

³ Этот термин ввел в научный оборот А. А. Бобринский, под ним он понимал самую простейшую форму круга.

Рис. 13. Роспись кувшинов в д. Пантекорво. Италия. 1964–1965 гг.

сделанная на круге, симметричная да еще покрытая белым ангобом с красивым охристым расписным орнаментом. Такой посуды, особенно кумганов и кувшинов с узкими горлами, до этого на русском рынке не было. На наш взгляд, эта посуда была сделана вначале итальянскими мастерами для своих нужд, возможно, некоторое время спустя у них появились ученики, дети горожан, овладевшие этим мастерством.

Хорошо известно, что в XII–XIII вв. Италия вела широкую торговлю с соседними и дальними странами, в частности с Испанией, откуда вместе с испано-мавританской керамикой привозились белые изделия с лостровой росписью. Покрытые оловянной глазурью лостровые изделия из валенсийского города Манисеса доставлялись на кораблях в другие порты Испании, Северной Африки и Италии через остров Майорка. Но итальянцы полагали, что эти изделия производились на Майорке, и стали называть собственные изделия «майоликой» (Кубе, 1940).

Флорентинцы считали, что имитация испанских лостровых изделий – слишком трудное дело, и довольствовались усовершенствованием полихромной оловянной глазури. Майолика изготавливалась из тонкой мягкой (жирной) глины; готовые изделия сначала покрывали белой глиной – ангобом, а затем беловатой непрозрачной оловянной глазурью; по ней расписывали красками, успешно выдерживавшими высокотемпературный обжиг. Эта керамика распространилась по всей Италии, ее производили более 100 городов, а наибольших успехов добились мастера из городов Фазнца, Кастель Дуранте и Урбино (Cairola, 1981). В XIV–XVI вв. итальянское гончарство достигло удивительных высот и совершенства в производстве не только обычной бытовой посуды из глины, но и высококачественной глазурованной. Итальянская майолика стала фирменной продукци-

ей, предметом роскоши и достатка в городах самой Италии и далеко за ее пределами.

Разумеется, при изготовлении посуды итальянцы ничего слепо не перенимали и не копировали, а сами внесли много нового в этот процесс. В Италии были все необходимые ингредиенты для создания глазурной массы. Речь идет о полиметаллах как части компонентной массы: свинец, олово, цинк, медь и т. д. Не менее важно для успешного производства наличие мастеров, не только своих, но и зарубежных. Их тоже было достаточно в Италии. Но, все же, в то время майолика и глазурованная посуда от общего объема производимой посуды составляла небольшую долю – это была дорогая посуда, и итальянский рынок заполнялся по большей части обычной простой посудой, сделанной горожанами и деревенскими мастерами (Hampe, Winter, 1962; 1965; “Ceramica popolare del Lazio”, 1982).

Надо сказать, что в обычном народном гончарстве Италии изготовление простой (непарадной) посуды сохранилось до сего дня (Hampe, Winter, 1962; 1965). Именно приемы изготовления обычной посуды дали возможность предположить, что изначальный импульс исходил от итальянских мастеров.

Современная этнография сохранила образцы итальянской бытовой посуды (рис. 13; 14). Главная ее особенность – «побелка» (грунтовка) до обжига и роспись красной глиняной краской. Грунтовка, или «побелка», была обычным делом перед сушкой и обжигом посуды и изразцов. Для того чтобы горшок «не потел», то есть не пропускал воду через поры, итальянцы покрывали его внешнюю поверхность слоем жидкой глины (речной, озерной, то есть белой), уплотняя таким образом. В случае использования глазури, чтобы она не уходила в поры, поверхность также обязательно покрывали ангобом. Итальянцы часто использовали и легкие жирные глины (как и русские мастера). В Московии глазури не использовали в массовом производстве посуды, так как не было необходимых компонентов к ним. На территории тогдашней Московии не было своей меди, свинца, не было сфалерита для получения цинка, марганца и т. д.

Теперь главный вопрос, почему итальянцы не делали привычную для них посуду в Москве? Ответ далеко не прост. Из этнографии гончарства хорошо известно, что сразу, что называется сходу, свою посуду на новом месте сделать далеко не просто: нужно много условий, чтобы работа состоялась. Процесс «привыкания» у всех идет по разному (Бобринский, 1978. С. 76–77, 94).

Использование ангоба в московском гончарстве началось только в XV в. До этого в России с целью

уплотнения поверхности применяли другие средства: обваривание, морение, томление, лощение и задымливание. Белая глина (залежи) наверняка были под стенами Кремля, в Москве-реке, Неглинке или Яузе. Не сомневаемся, что итальянцы быстро нашли белую глину, и им не надо было ездить в далекую по тем временам Гжель.

Такой посуды до XV в. не было не только на Руси, но и у наших соседей: поляков, литовцев, татар. Бесценные профессиональные навыки не раздавались итальянцами «направо и налево», а держались в секрете. Иначе после их отъезда производство посуды было бы продолжено. Итальянцы прожили в Московии с 70-х годов XV в. до начала 30-х XVI в. (около пятидесяти с лишком лет, то есть в период правления Ивана III и Василия III, до 1533 г.), и в середине XVI в. производство такой посуды прекратилось. Судя по археологическим находкам, сохранились только ее отголоски в росписи игрушек.

Напомним еще один факт: первые московские изразцы делались тоже с грунтовкой ангобом. Не исключено, что в использовании глазури принимали участие итальянцы. Необходимые материалы в России стали появляться только в XVII в., с присоединением Урала. Судя по списку, приведенному М. В. Фроловым, среди мастеров, делавших глазурованные изразцы, достаточно много выходцев из Речи Посполитой (Белоруссии и Литвы) (Фролов, 1991). Широкое использование глазури, в промышленных масштабах, началось только с созданием фарфоровых заводов в XVIII в. уже при Петре Первом (Фальковский, 1997).

Интересно еще одно обстоятельство: глазурованную посуду делали также на востоке от Москвы – речь идет о посуде из Золотой Орды. Там ее производство было достаточно развито. Может быть, она все-таки пришла оттуда? Ответа у нас пока нет.

И последнее замечание о московской красной «гладкой» керамике. Собственно «гладкая» керамика из общего числа фрагментов, собранных во время раскопок, составляет всего лишь небольшой процент: в качестве примера приведем статистические данные из полевых отчетов 1996 г. о раскопках на Ильинке и Старом Гостином дворе. Из 149 755 зарегистрированных фрагментов на сегодняшний день красной гладкой (тонкой) и ангобированной керамики известно всего около

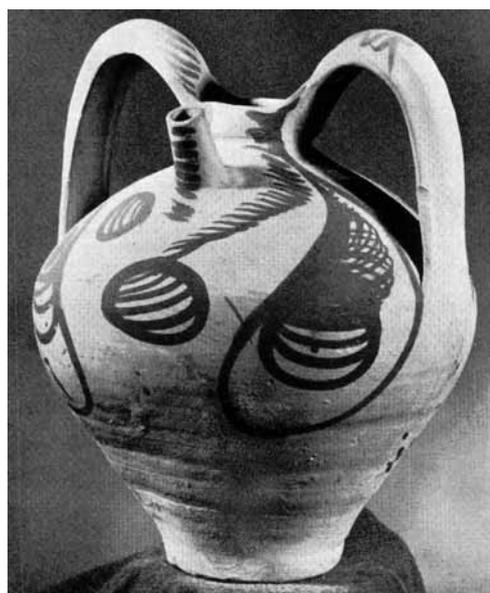

Рис. 14. Расписной кувшин из д. Пантекорво. Италия. 1964–1965 гг.

4463 экземпляров, что составляет около 0,03% от общей массы⁴, что очень мало. Этот показатель, скорее всего, свидетельствует в пользу не регулярного, а исключительно целевого изготовления. Можно предположить, что такая посуда делалась только для потребления самими итальянцами, и ее пополнение происходило по мере убывания. Однако процесс обработки материала продолжается, и изменения не исключены.

Мы предложили в этой статье версию появления на русском гончарном рынке «странной» расписной и «гладкой» посуды, однако наши наблюдения необходимо продолжить, для этого нужны новые археологические и статистические данные, а так же архивные и библиотечные материалы. Не исключена и экспериментальная работа по воссозданию ряда моделей изучаемых керамических форм. Работа эта началась два года назад, и мы будем продолжать работу над этим вопросом в рамках большой темы истории московского гончарства от Средневековья до XVIII в. Но что сегодня очевидно, это четкие хронологические рамки бытования данного типа посуды: последняя треть XV (1470-е) – первая треть XVI в. (1533). Это надежный репер для определения хронологии культурных слоев и других находок.

⁴ Материалы для исследования извлечены из полевых отчетов о раскопках на ул. Ильинке и Старом Гостином дворе. В этой статье в таблице 1 представлены материалы из раскопа 6 (1998 г.) на Старом Гостином дворе – там показатель количества красной гладкой посуды уже иной, много больше, чем на других раскопах Гостиного двора, публиковавшихся ранее (Векслер, Гусakov, Патрик, 2014. С. 426–451).

Литература

- Баранова С. И.*, 2009. Москва изразцовая. М.
- Бобринский А. А.*, 1962. Древнерусский гончарный круг//СА. № 3.
- Бобринский А. А.*, 1978. Гончарство Восточной Европы. М.
- Бобринский А. А.*, 1991. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II–V вв. н. э.). М.
- Бойцов И. А.*, 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI вв. и возникновение гончарной слободы в Москве//МК.
- Векслер А. Г.*, 1995–1999. Отчеты археологических раскопок на Ильинке и на Старом Гостином дворе//Архив ИА РАН. Р-1. № 20410, 20411а, 1260, 20388, 22462.
- Векслер А. Г.*, 2006. Спасательная археология Москвы. Избранные статьи и материалы. М.
- Векслер А. Г., Гусаков М. Г., Беркович В. А.*, 2012. К вопросу о хронологии московской керамики (по материалам раскопок на Садовнической набережной в 1998 году)//АП. Вып. 8. М.
- Векслер А. Г., Гусаков М. Г., Патрик Г. К.*, 2014. Гончарство Москвы, по материалам раскопок на Ильинке и Старом Гостином дворе//АП. Вып. 10. М.
- Герберштейн С.*, 2007. Московия. М.
- Гусаков М. Г.*, 1974. Филимоновская игрушка. Тула.
- Гусаков М. Г.*, 2012. К вопросу о систематике поздней керамики по материалам из раскопок Смоленска 2007–2008 гг.//Материалы по истории России. Т. 2. Рязань.
- Древнерусская керамика. М., 1992.
- Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. (Археология СССР).
- Забелин И. Е.*, 1990. История города Москвы. М.
- Кубе А. Н.*, 1940. Испано-мавританская керамика. М. Л.
- Кучера М. П.*, 1986. Керамика//Археология Украинской ССР. Т. 3. Киев.
- Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991.
- Подъяпольский С. С.*, 1991. Итальянские строительные мастера в России в конце XV – начале XVI по данным письменных источников. Новые материалы и исследования. М.
- Рабинович М. Г.*, 1947. Гончарная слобода в Москве XVI–XVIII вв. М.; Л. (МИА. № 7).
- Рабинович М. Г.*, 1949а. Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы//МИА. № 12. М.; Л.
- Рабинович М. Г.*, 1949б. Московская керамика//МИА. № 12. М.; Л.
- Рабинович М. Г.*, 1971. Культурный слой центральных районов Москвы//Древности Московского Кремля. М.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М. (САИ. Вып. Е1–39).
- Сытин П. В.*, 1950. История планировки и застройки Москвы. Т. 1. М.
- Тихомиров М. Н.*, 1973. Итальянцы в России XIV–XV столетий//Российское государство XV–XVII веков. М.
- Фальковский Н. И.*, 1997. Москва в истории техники. М.
- Фролов М. В.*, 1991. Мастера – изразечники Москвы XVII – начала XVIII в. М.
- Cairola A.*, 1981. Ceramica italiana dale origini da oggi. Roma.
- Ceramica popolare del Lazio. Roma, 1982.
- Hampe R., Winter A.*, 1962. Bei Töpfern und Töpferinnen in Kreta. Messinien und Zypern. Mainz.
- Hampe R., Winter A.*, 1965. Bei Töpfern und Ziegler in Süditalien, Sizilien und Griechenland. Mainz.

A. G. Veksler, M. G. Gusakov, & G. K. Patrik

ceramic-ware made from smooth red Moscow clay, and slip-cast ceramics from the C15th & C16th, found during excavations at Ilyinka street and the Old Gostinny Dvor (Merchant's Hall)

Summary

During excavations carried out at Ilyinka street & the Old Merchant's Hall (Gostinny Dvor) in Moscow between 1995 and 1991, attempts were made to identify the origin of two groups of Moscow ceramics – pure red clay items with no other additives in the moulding

mixture; and red clay items covered with white engobing, some also decorated with red paint. Such techniques reflect the influence of Italian craftsmen (most probably builders and brick-makers) who had become permanent residents in Muscovy between 1473 and 1533.

А. В. Алексеев

Средневековый каменный крест из Звенигорода

Цель данного сообщения – ввести в научный оборот новую, достаточно редкую для средне-русских земель находку – резной белокаменный крест из подмосковного Звенигорода. Монумен-тальный памятник, высеченный из мягкого известняка, был найден в 2013 г. на правом берегу р. Москвы, напротив Звенигородского городища – кремля средневекового города. Происходит он с территории древнего Рождественского погоста, где до начала XVII в. находились деревянный храм Рождества Христова и прилегающее к нему посадское кладбище (Алексеев, 2012. С. 36–39). Здесь при различных земляных работах в разное время неоднократно встречались человеческие останки и фрагменты тонких белокаменных надгробий XIV–XVI вв. Крест дошел до наших дней в разбитом и неполном виде: целиком утрачена его верхняя часть, правая ветвь отколота, но без труда пристыковывается по линии облома (рис. 1). Нижний конец креста трапециевидный, расходящийся к основанию, боковые лопасти прямые. Для установки креста в паз пьедестала или плоской горизонтальной плиты в его нижней части сделан специальный прямоугольный шип. Размеры памятника: высота – 61 см, ширина – 47 см, ширина в основании – 35,5 см, толщина – 15,5 см. Лицевая сторона памятника тщательно обработана и богато декорирована трехгранно-выемчатой и плоскорельефной резьбой. По периметру края размещена орнаментальная рамка, составленная из заполненных крестами чередующихся квадратов, в средокрестии высечено изображение двенадцатиконечного креста (четырехконечный крест с дополнительными малыми переключе-

ми на всех ветвях) со слегка расширяющимися концами (рис. 2). В данном случае ключевой христианский символ основ мироздания акцентирован тем, что сделан в низком рельефе – мастерски вырезан оброном. Посреди чистого поля правой ветви глубоко и несколько небрежно процарапан прямой равноконечный крест. Рядом с ним едва различимые граффити – мелкие рисунки или надписи. По всей видимости, нижнее расширение памятника следует рассматривать как голгофу: рисунок здесь дополняют два крупных косых креста и пятиугольная «горка» с приподнятой острой вершиной.

Иконография рельефно выполненного двенадцатиконечного креста, помещенного в центральной части композиции, была довольно широко распространена на Руси с XIV в. Так, например, аналогичный тип креста часто встречается среди образцов христианской металлопластики – крупных створчатых энколпионов и крестиков-тельников новгородского круга (Гнутова, 1996. С. 402–404). Два подобных изображения мы находим среди резного плетеного орнамента на знаменитом Людогощинском кресте 1359 г. (Вагнер, 1980. С. 122). Симметричное плоскорельефное изображение двенадцатиконечного креста, вписанного в круг, встречается и в декоре памятников архитектуры раннемосковского зодчества. Именно так украшена деталь белокаменной аркады собора Чуда Архангела Михаила (1365 г.) Чудова монастыря Московского Кремля (Гращенков, 2010. С. 57)¹.

Известно, что большинство русских средневековых крестов по функциональному назначению являются надгробными. На наш взгляд, звенигородский

¹ Г. К. Вагнер относил эту деталь к аркатурно-колончатому фризу церкви Спаса на Бору (1329–1330 гг.) (Вагнер, 1980. С. 77–78).

Рис. 1. Средневековый белокаменный крест с резным декором из Звенигорода

крест также использовался в качестве намогильного памятного знака. Не случайно он украшен чисто московской орнаментикой, характерной для другого широко распространенного вида погребальных памятников – плоских белокаменных надгробий. Кстати, для датировки креста чрезвычайно важно наличие хорошо известного по могильным плитам Северо-Восточной Руси крещатого элемента декора. Он составлен из квадратиков, образуемых графьей и разделенных диагоналями. В квадратные ячейки врезаны по четыре треугольника вершинами к центру, образуя равноконечные крестики. Такой прием резьбы бытует от начала XV до начала XVI в., наиболее распространен в последней четверти XV в. (Беляев, 1996. С. 144). Следует отметить, что подобный крещатый рисунок был обнаружен в 2013 г. при реставрации Звенигородского Успенского собора (конец XIV в.), здесь он вырезан непосредственно при возведении памятника на внешней стене средней апсиды, на высоте около 6 м от уровня дневной поверхности.

Наши полевые исследования показали, что звенигородский крест был найден в наиболее сакраль-

но значимом пространстве кладбища, в районе расположения древней деревянной Рождественской церкви (рис. 3). По-видимому, первоначально он выступал и памятником, отмечавшим место конкретного захоронения, и, возможно, маркировал один из старых родовых участков, где группировались погребения членов одной семьи. Но помимо того, что крест являлся намогильным символом, он мыслился еще и поклонным. Дело не только в том, что крест был сакрализован в гораздо большей степени, чем надгробие. Звенигородский монументальный памятник следует считать объектом поклонения на основании наличия одной чрезвычайно интересной и важной его особенности. Дело в том, что при внимательном осмотре креста на торце его правой ветви был обнаружен уникальный образец лапидарной эпиграфики. Надпись граффити нанесена каким-то острым предметом без предварительной разметки, состоит из четырех строк (рис. 4). Буквы примерно равной высоты, процарапаны неглубоко и несколько небрежно, почерк типа полуустава, выносы и лигатуры отсутствуют, используется титло. По палеографическим особенностям надпись датируется XV в. Она сохранилась практически полностью, но из-за

Рис. 2. Изображение двенадцатиконечного креста, высеченное в центральной части памятника

¹ С известной долей вероятности начало надписи можно прочесть и следующим образом: «Крест поставлен на...», далее следует не поддающееся реконструкции имя. Но все же мы придерживаемся первого варианта прочтения, поскольку каноническая формула требовала написания христианского имени погребенного.

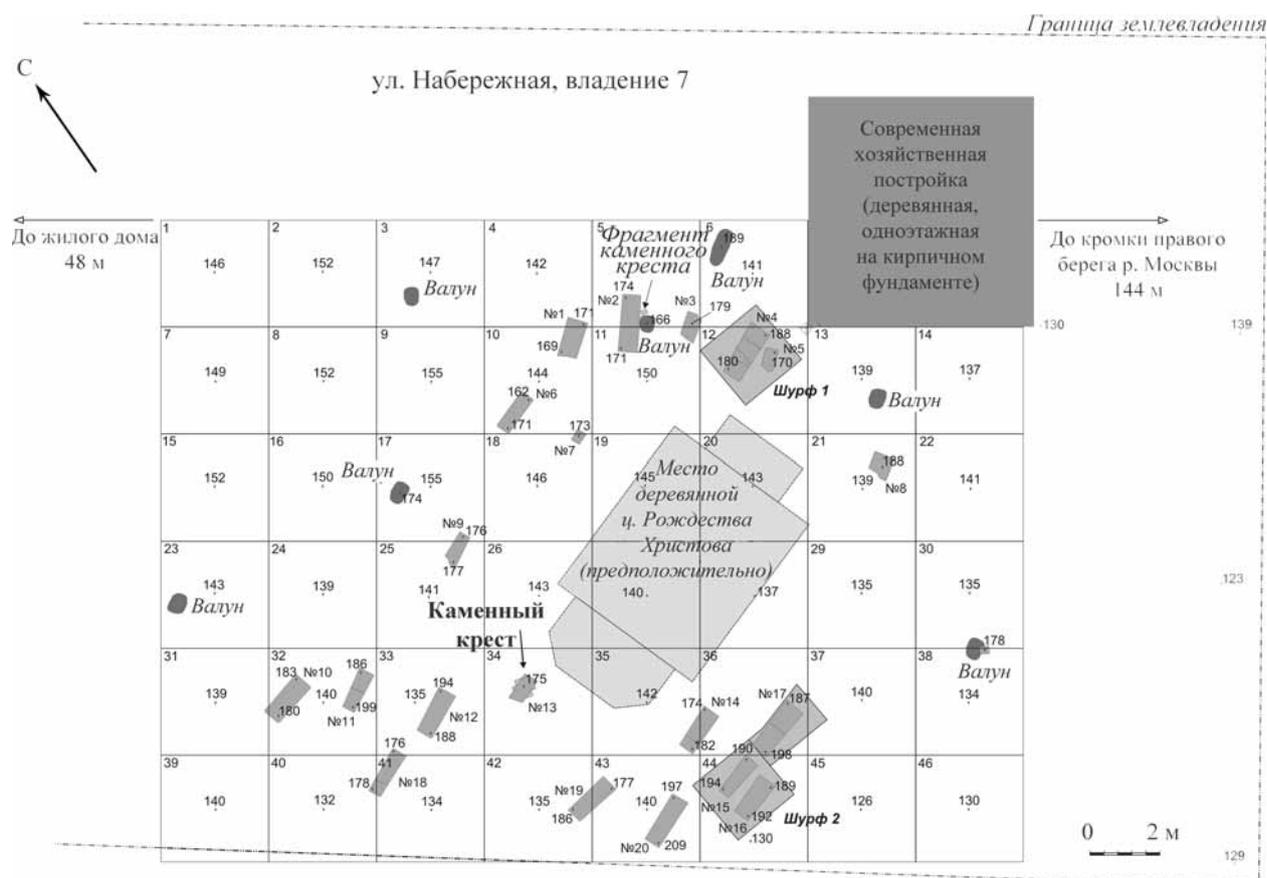

Рис. 3. Место обнаружения белокаменного креста на плане центральной части Рождественского погоста на Верхнем посаде Звенигорода

повреждений читается не совсем уверенно. Предлагаем свой предварительный вариант прочтения:

Крѣт // (пос)тавлень // (е)сть свѣ(т) // ъ – «Поставленный крест есть свет».

Если граффити прочитано правильно, то перед нами не формализованный меморативный текст², характерный для русских надгробий XV–XVI вв. В данном случае это краткая похвала кресту, письменное напоминание человеку, что «сияющий как солнце Крест Господень побеждает царство тьмы, являет олицетворение победы над смертью». Таким образом, присутствие довольно необычной для средневековых русских крестов надписи указывает на то, что звенигородский памятник был не только связан с обрядом погребения (граффити все же имеет отношение к теме смерти и воскресения), но рассматривался еще и как объект поклонения. Поскольку надпись нанесена не на лицевой стороне памятника, а на его боковине, то едва ли она задумывалась и была выполнена самим мастером-каменотесом. Вероятно,

ее следует считать не первоначальной, а нанесенной в какое-то время на уже установленный вертикально и доступный для кругового обзора и свободного доступа крест. Находился ли он к моменту написания граффити на могиле, или стоял в ином месте кладбища, мы не знаем, поскольку в культурном обиходе русского Средневековья функция крестов, наделенных высоким знаковым статусом, со временем могла изменяться. По мнению А. А. Панченко, строгое разделение намогильных и поклонных крестов оправдано далеко не всегда. Так, в начале XX в. о древнерусских намогильных крестах в Тихвинском уезде Новгородской губернии сообщали следующее: «Перед ними зажигаются восковые свечи, перед ними же преклоняют колени местные крестьяне и крестьянки с горящими свечами в руках; матери, потерявшие детей, на эти каменные кресты одевают рубашки умерших, кресты украшаются полотенцами, ковриками из тряпок и т. д.» (Панченко, 1998. С. 183). Нередко их перемещали на новое место, и уже во вторичном

² С известной долей вероятности начало надписи можно прочитать и следующим образом: «Крест поставлен на...», далее следует не поддающееся реконструкции имя. Но все же мы придерживаемся первого варианта прочтения, поскольку каноническая формула требовала написания христианского имени погребенного.

Рис. 4. Надпись-граффити на боковой ветви креста и ее прорисовка

использовании они могли служить святынями, функционально тождественными другим почитаемым в народе объектам – родникам, священным деревьям, камням, часовням. «Кресты, поставленные над средневековыми погребениями, могли быть впоследствии перенесены в какое-либо иное место (в деревенскую часовню, к почитаемому источнику и т. п.). Таким образом, они превращались в поклонные. Вторичное использование старого надгробия с ритуальными целями вообще характерно для восточнославянской «кладбищенской культуры» (Панченко, 1998. С. 182). И хотя звенигородский крест не покидал территории древнего погоста, все же не исключено, что по прошествии какого-то времени после первоначальной установки на могиле его могли переместить в наиболее почитаемую зону пространства кладбища, к стенам Рождественской церкви, используя там уже как

объект общего поклонения. Тогда и могло появиться на теле креста оригинальное эпиграфическое пояснительное дополнение.

Археологическим изучением каменных крестов Москвы и Подмосковья исследователи занимались очень мало. Связано это с тем, что самих объектов исследования здесь выявлено пока довольно ограниченное количество. Корпус средневековых крестов столичного региона на сегодня насчитывает около 15 экземпляров. Наиболее известные из них – крест митрополита Московского Ионы в Успенском соборе Кремля (Шеляпина, 1973. С. 233–234. Рис. 5)³ и дмитровский Борисоглебский крест 1467 г. (Гаврилов, 1985. С. 213–222). Это хрестоматийные памятники, обладающие большими художественными достоинствами и потому заслужившие пристальное внимание искусствоведов. Они имеют сложные формы, богатые фигурные рельефные композиции и посвятельные тексты. Но все же большее распространение здесь получили простые каменные кресты с довольно скромным декором. Так, непосредственно из Москвы происходят три таких памятника – два из церкви Сергия Радонежского в Рогожской слободе и один из некрополя Данилова монастыря (Беляев, 1996. С. 283, 357). Два подписных креста-кенотафа XVII в. с севера области были опубликованы Ю. М. Золотовым (Золотов, 1960. С. 333–335; 1986. С. 266–268). Крест XV в. из окрестностей ст. Удельная упомянут в работе А. А. Формозова. Крест найден еще в 1904 г. и стоял в поле, вероятно, на месте средневекового кладбища (Формозов, 2007. С. 90). Чрезвычайно важна находка фрагмента подписного древнерусского креста с городища Ростиславль, подтверждающая существование традиции изготовления намогильных белокаменных крестов в Подмосковье уже в домонгольский период (Коваль, Медведь, 2000. С. 194–206). Интересен крест со средневекового погоста близ д. Рогачево (окрестности г. Бронницы), который недавно ввел в научный оборот С. Е. Компанец (Компанец, 2012). Помимо перечисленных памятников автору известен крест из Рузы⁴ и два фрагментированных экземпляра из Звенигорода, один из которых нами был опубликован ранее (Алексеев, 2008. С. 276), а второй, найденный недавно, происходит с того же средневекового кладбища Рождественского погоста Верхнего посада (рис. 5). В НИОР РГБ среди старых снимков архитектурных

³ До начала XX в. подобный крест отмечал и место погребения митрополитов Киприана и Фотия, установленный у юго-западного угла Успенского собора. На это указывают описи собора середины XIX в. (Панова, 2004. С. 131).

⁴ До 2005 г. крест находился в старой экспозиции Рузского краеведческого музея в здании Покровского собора. По сообщению Л. С. Соколова, был обнаружен при земляных работах в районе расположения бывшего Георгиевского монастыря.

памятников Москвы и окрестностей имеется фото пяти каменных крестов из Коломенского уезда⁵. Все это указывает на то, что каменный крест – сравнительно редкий, но отнюдь не уникальный для Московского края вид древностей. Ограниченное бытование этих памятников в пределах Московского княжества объясняется тем, что здесь господствовал другой вид каменных надгробий – горизонтально лежащая плоская известняковая плита. Подавляющее большинство намогильных крестов на московских и подмосковных погостах, вероятно, традиционно делалось из дерева, но наши знания о них в силу объективных факторов явно недостаточны (Беляев, 1996. С. 26). Вот почему, с одной стороны, есть все основания надеяться на новые интересные находки каменных крестов как в ходе полевого изучения некрополей региона, так и при введении в научный оборот малодоступных фондовых материалов наших провинциальных музеев. С другой стороны, здесь не следует ожидать существенного увеличения количества памятников этого вида, все они у нас будут наперечет.

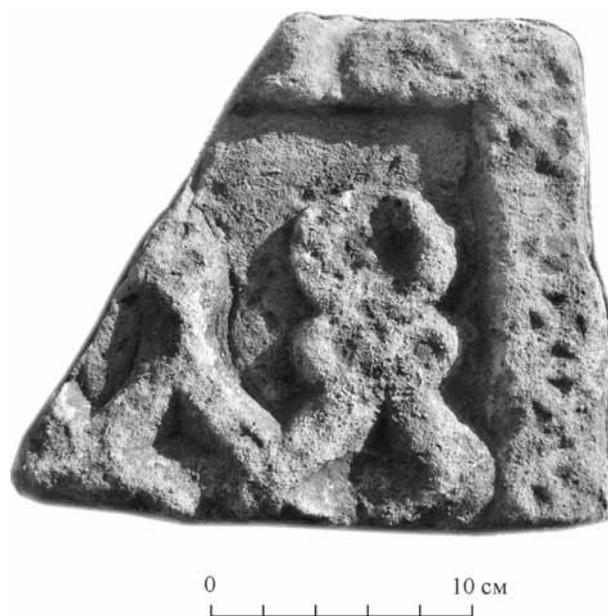

Рис. 5. Фрагмент резного белокаменного креста с Рождественского погоста. Находка 2014 г.

Литература

- Алексеев А. В., 2008. Церковные древности Звенигородской земли. Очерки церковной археологии. М.–Звенигород.
- Алексеев А. В., 2012. Церковные древности Звенигородской земли. Новые исследования и открытия. М.
- Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.
- Вагнер Г. К., 1980. От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV–XV вв. М.
- Гаврилов С. А., 1985. Борисоглебский крест 1467 г. //СА. № 2.
- Гнутова С. В., 1996. Новгородское медное художественное литье (мелкая пластика) XIV–XV вв. Каталог. // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV веков. М.
- Гращенков А. В., 2010. Архитектурные детали и фрагменты сооружений XIV – начала XX века. Каталог собрания историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». М.
- Золотов Ю. М., 1960. Каменный крест XVII в. со станции Жилево //СА, № 3.
- Золотов Ю. М., 1986. Памятный крест по стряпчем Пустошкине //СА. № 1.
- Коваль В. Ю., Медведь А. Н., 2000. Новый памятник средневековой русской письменности Рязанской земли //РА. № 1.
- Компанец С. Е., 2012. О происхождении каменного креста из Рогачево. Доклад на XXIV заседании семинара «Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья» (Тверь, март 2012 г.); <http://russ-middle-age.livejournal.com/2012/04/04/>
- Панова Т. Д., 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.
- Панченко А. А., 1998. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.
- Формозов А. А., 2007. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. М.
- Шелятина Н. С., 1973. Надгробия митрополитов Киприана и Фотия в Успенском соборе Московского кремля //СА. № 4.

⁵ НИОР РГБ. Ф. 177. П. 55. Д. 17.

A. V. Alekseev

A Medieval Stone Cross from Zvenigorod

Summary

This article describes a carved stone cross, found in 2013 in the Moscow-Region town of Zvenigorod. This find is unusual for the area of Central Russia, and be-

longed to a medieval Nativity graveyard. There is a remarkable feature about the cross described in the article – an inscription with brief words of praise for the cross.

В. В. Хухарев

Кресты и иконки с сюжетом из жития «Никитино мучение»

Значительное место в христианском вероучении отводится борьбе с дьяволом, выражающейся как в форме употребления простейших молитв или народных магических средств, так и в напряженном личном противостоянии. Отражение этой духовной войны можно встретить в целом ряде текстов, иконографии и сюжетах крестов и иконок. Особой популярностью среди православного населения пользовался сюжет побивания беса. При этом надо отметить, что для этого периода «дьявол», «демон» и «бес» – слова-синонимы, обозначающие духа зла, представителя падших ангелов. Этот сюжет восходит к апокрифическим текстам, наиболее известно из которых «Никитино мучение, что сын царев Максимианов и беса мучил». Сюжет с изображением святого, удерживающего одной рукой беса за волосы или за ногу, а в другой, занесенной для удара, – оковы, иногда дополненным фигурами предстоящих или элементами сложной архитектуры, хорошо стал известен благодаря иконописи и по публикациям предметов меднолитой пластики (рис. 1). В числе первых можно отметить опубликованные тверским краеведом А. К. Жизневским в описании собрания Тверского музея предметы из коллекций древностей графа А. С. Уварова и киевских собирателей Б. И. и В. Н. Ханенко (*Жизневский*, 1888. С. 76, 77; *Ханенко*, 1900. С. 10–16; Уваров, 1908. С. 84, 107). В течение всего XX в., как и сегодня, интерес у исследователей к предметам с этим сюжетом продолжает сохраняться, выражаясь как в публикациях отдельных вещей, так и целых серий (*Романченко*, 1928. С. 37–42; *Попов, Рындина*, 1979. С. 580–584; *Ткаченко, Хухарев*, 1999. С. 68–80; *Гнутова*, 2000. С. 22, 26–29; *Пуцко*, 2004. С. 334–338; *Хухарев*, 2009. С. 254–257; *Станкович*, 2011. С. 188–207 и др.).

Кресты и иконки с этим сюжетом – частая находка при археологических исследованиях в Тве-

ри и Москве (*Хухарев*, 2003. С. 195–202; *Векслер, Беркович*, 2005. С. 223–230 и др.). Подобного рода единичные находки известны из более чем десятка средневековых городских центров и их окрестностей, среди которых Ржев, Старица, Калуга, Воротынский, Тула, Липецк, Елец, Рязань, Брянск, Вологда, Псков и Коломна (*Даркевич, Пуцко*, 1981. С. 227–230; *Ткаченко, Хухарев*, 1999. С. 68–80; *Мас-салитина, Хухарев*, 2002. С. 88–95; *Суров*, 2002; *Пуцко*, 2004. С. 78–84; *Романов*, 2005. С. 17–19; *Горбачева, Харламова*, 2011. С. 235–236).

Интерес к рассмотрению сюжета с побиванием беса берет начало с сообщений калужского краеведа И. Д. Четыркина и муромского собирателя Н. Г. Добрыкина, выступавших с этими темами на X археологическом съезде в Риге в 1896 г. (*Добрыкин*, 1900. С. 93; *Четыркин*, 1900. С. 93–95.). В материалах кондаковского семинара, проходившего в Праге, можно отметить исследование И. Н. Окуневой, посвященное одной из икон новгородской школы конца XV – начала XVI в. с изображением св. Никиты-бесогона, с привлечением широких аналогий и попыткой понять место сюжета в древнерусском искусстве (*Окунева*, 1935. С. 205–215). Один из самых обстоятельных разборов сюжета с привлечением примеров из иконописи и меднолитой пластики был сделан Н. Б. Тетериатниковой, опубликованные исследователем материалы вызвали неподдельный интерес у специалистов (*Тетериатникова*, 1979. С. 180–195; *Teteriatnikova*, 1982. Р. 3–33). Попытка рассмотрения сюжета с Никитой-бесогоном на фоне тверских находок была сделана и мною в докладах на Песоченских научных чтениях (апрель 1992 г.) и Тверской археологической конференции (март 1993 г.), где было предложено выделение трех типов с изображениями святого мученика (от наиболее близкого

Рис. 1. Эволюция сюжета «Побивание беса»

1 – фрагмент иконы «Деисус. Чудо Георгия о змие. Никита, побивающий беса» (первая половина XV в. (?) из церкви Св. Мины, Виктора и Викентия в Твери (из коллекции Н.П. Лихачева, ГРМ); 2 – икона «Никита, побивающий беса», 1844 г. (ГРМ); 3 – медная с остатками позолоты икона «Архистратиг Михаил» (?), XIX в. (из собрания А.С. Уварова, ГИМ); 4 – деревянный рельеф «Никита, побивающий беса», XVIII в. (?) (по фотографии конца XIX в.)

к тексту «Никитино мучение» до полной потери связи с ним) и проведено соотнесение большего числа известных находок с тверскими древностями (Хухарев, 1993. С. 25–29; 1994. С. 210–215).

За последнее время произошло значительное накопление нового материала как из случайных

находок (Станюкович, 2003. С. 54–93; 2011. С. 188–207 и др.), так и из археологических исследований, в том числе и с датированными комплексами (Векслер, Беркович, 1999. С. 181–225; Хухарев, 2003. С. 195–202; Векслер, Беркович, 2005. С. 223–230; Богомолов, 2013. С. 212–215).

Произошел ряд изменений и в отношении текста литературного памятника, переизданного с комментариями (*Рождественская*, 1999. С. 201–207, 235–236). С новой стороны была сделана и попытка осмысления сюжета с избиением беса и его места в средневековой книжности и иконографии (*Антонов*, 2010. С. 61–75). Все это и предопределило необходимость очередной попытки обращения к сюжету с избиением беса на предметах личного благочестия в сравнении с текстом «Никитино мучение».

Сюжет с побиванием беса восходит к апокрифическим переводным житиям (матририям). Наиболее популярное из них апокрифическое «Житие Никиты» иногда включалось в Прологи и Четыри минеи. Список жития св. мч. Никиты (ум. 372 г., память 15 сентября) был впервые открыт и переведен А. Н. Пыпиным (1862). Упоминание о «Мучении Никиты» встречается в индексе отреченных книг начиная с XIV в. Славянорусские списки индекса комментируют это сочинение: «Никитино мучение, именующе его яко царев сын, еже не бысть тако» (Погодинский Номоканон), «Никитине мучение, что сын царев Максимианов и беса мучил» (ГИМ, Синод. собр., № 491, кон. XVI в.). Славянорусские списки «Мучения Никиты» известны с конца XV в. (НБУ, собр. муз., IV, № 208; Минейя 1489 г., список Афонского Хиландарского монастыря, № 75). По сохранившемуся списку нач. XVI в. из Румянцевского Торжественника (РГБ, № 436) мы имеем рассказ о Никите, сыне императора Максимиана, и истории его уверования в Бога, описание перенесенных им мучений за веру, искушение его бесом, рассказ о его смерти и посмертных чудесах (*Пыпин*, 1862. С. 146–149; *Рождественская*, 1999. С. 201–207).

События в апокрифе развиваются следующим образом: пять раз подвергали пыткам Никиту, требуя от него отречься и послужить богам кумирским. Но за безграничную веру Бог провел его невредимым через все муки. Его заковали и бросили в темницу, где и явился ему дьявол в ангельских одеждах и, выдавая себя за посланника Божьего, начал уговаривать послужить богам кумирским. Весь в сомнениях, мученик обратился с молитвой к Богу, дабы тот помог ему разобраться. И явился ему архангел Михаил, дав совет подвергнуться «Божьего посланника» испытанию. Что Никита и сделал: «... простре руку свою, и наступи на шею его... и снем оковы, яже бяху на ноге его, и бьюше дьявола оковами...» Дьяволу пришлось несладко, и он признался в своих черных замыслах (в поручении сатаны), а Никита избавился от дьявольского соблаз-

Рис. 2. Нижняя часть каменной литейной формы XVI в. Тверь, Загородский посад (исследования К. М. Свирина, 2013 г.) (см. цв. вкл.)

на и укрепил свою веру (*Рождественская*, 1999. С. 201–207). Популярность этого апокрифического жития приводила его к использованию зачастую не только как спасительного (защитного) чтения, но и к ношению как своеобразного оберега, с помощью которого «...за шесть дней бежати от него греси его, а за четыредесяти дний бежати от него демони...», а св. мч. Никита воспринимался как «преславный мученик Христов и врачеватель», «бесам губитель» и «прогонитель» (*Пыпин*, 1862. С. 149; *Рождественская*, 1999. С. 207; *Антонов*, 2010. С. 67).

Такая популярность св. Никиты хорошо отразилась в сюжетах православных предметов личного благочестия, в особенности на крестах и иконках. Надо отметить, что долгое бытование сюжета о св. Никите-бесогоне не могло не сказаться на его иконографии, отразив процесс постепенного слияния образов всех демоноборцев в единый образ победителя, символизирующий победу христианства над силой язычества (дьяволом). Выражалось это не только в постепенном отходе от буквальной

Рис. 3. Наперсные кресты с сюжетом «св. мч. Никита, побивающий беса»

1 – лицевая сторона двустороннего наперсного креста «Распятие Христово с избранными святыми и праздниками, вмч. Никитой, побивающим беса», XV–XVI вв. (ТГОМ); 2 – лицевая сторона наперсного креста с овальными завершениями концов (псевдоэнколпион) «Распятие Христово с избранными святыми и вмч. Никитой, побивающим беса», XVI–XVII вв. (ТГОМ); 3 – лицевая створка наперсного креста-мощевика «Распятие Христово с предстоящими – с Богородицей и апостолом Иоанном Богословом; поясными изображениями св. Василия Великого и Григория Богослова, вмч. Никиты, побивающего беса», XV–XVI вв. (ТГОМ); 4 – створка креста-энколпиона «Великомученик Никита, побивающий беса, с избранными святыми», XIV–XV вв. (Тверь)

иллюстрации текста апокрифа, но и в приобретении демоноборцем обобщающих черт некоего святого воина, с одной стороны, и в попытках официального православия скорректировать сюжет с явным оттенком народного суеверия подменяющуюся идеологию и обрядность – с другой

(Teteriatnikova, 1982. P. 23, 28; Хухарев, 1994. С. 214; 2003. С. 197; 2013. С. 151–153).

К настоящему времени можно говорить о выявлении достаточно представительной группы из более чем 400 различных носителей изображений св. мч. Никиты, число которых постоянно растет.

Среди них свинцовые печати-буллы неизвестного князя, находимые на Новгородском городище с изображением св. Василия с одной из сторон, а с другой – св. Никиты, бьющего беса; многочисленные иконы (XV–XVII, XVIII–XIX вв.); фреска с житиями св. Никиты и Параскевы в храме Арборея (Румыния), построенном при Стефане Великом в 1502 г., а также горельефная икона начала XVII в. – св. вмч. Никита, побивающий беса, со сценами мучений (живопись дополнена в 1771 г.), поступившая в музейное собрание из церкви Св. Никиты-мученика на Новокузнецкой ул. в Москве (Teteriatnikova, 1982. Р. 7, 17–28; Янин, Гайдуков, 1998. С. 144. № 2306; Окунева, 1935. С. 205–206, 214; Есаян, Ямщиков, 1969. С. 52–53; Соколова 2003. С. 137–142; Gnutova, Ruzsa, Zotova, 2005. С. 46–47, 52, 59). Но значительно большее количество выявляемых источников – это иконки и кресты, связанные с многочисленными находками, происходящими из слоев разрушающихся кладбищ или мест средневековой жилой застройки, исследованных при археологических работах. Нельзя не отметить и группу случайных находок, значительно пополнившуюся в последнее время предметами, собранными в ходе металлопоиска. К сожалению, последние большей частью хранятся в частных коллекциях, не всегда имеют надежные географические привязки и доступность для натуральных исследований. Но и их информационные и статистические данные, как и география нахождения, охватывающая практически большинство крупных средневековых городских центров и их ближайшую округу, указывают на повсеместную встречаемость подобных предметов на территории Московского царства. По количеству фиксируемых находок на сегодня выделяются Тверь, Москва и Калуга. Особо представительной продолжает считаться группа находок, связанная с Тверским регионом. В Твери также локализуется и целая серия находок с незаконченным изготовлением (кресты с остатками необработанных литников; черновые отливки по несколько штук и литейный брак), каменные формы для отливки мастер-моделей (рис. 2), что явно говорит о существовании здесь местного производства (Жизневский, 1888. С. 104; Хухарев, 1994. С. 212–214; Ткаченко, Хухарев, 1999. С. 68–80; Векслер, Беркович, 2005. С. 223). Весьма интересным, как и дискуссионным, представляется мнение исследователя христианских древностей А. Е. Мусина, считающего, что Тверские земли стали центром распространения своеобразного культурного импульса личного благочестия, одним из проявлений которого стало

Рис. 4. Лицевая сторона двустороннего наперсного креста с овальными завершениями концов (псевдоэнколпион) «Распятие Христово с избранными святыми и вмч. Никитой, побивающим беса», XVI–XVII вв., медный сплав (Тверь)

широкое бытование крестов и иконок с изображением мч. Никиты (Мусин, 2000. С. 101).

Имеет смысл подробнее рассмотреть две наиболее представительные группы с сюжетом «св. мч. Никита, побивающий беса». Это кресты (около 180 экз.) и иконки (более 200 экз.). Охарактеризуем их подробнее.

1. Кресты.

А. Наперсные кресты – наиболее крупные среди рассматриваемых (81×62 мм; 102×75 мм и др.). Известно около 50 экз. (рис. 3, 1–4; 4). Изготовлены они, как правило, из сплавов меди, в единичных экземплярах известны кресты из серебра (Дмитров) (рис. 5), камня (Тверь) и кости (Торжок). Изображение св. мч. Никиты на энколпионах XIV в. могло находиться в центральной части креста, у более поздних наперсных двусторонних крестов XV–XVII вв. – в нижней части или на обороте, в составе избранных святых. Наиболее часто

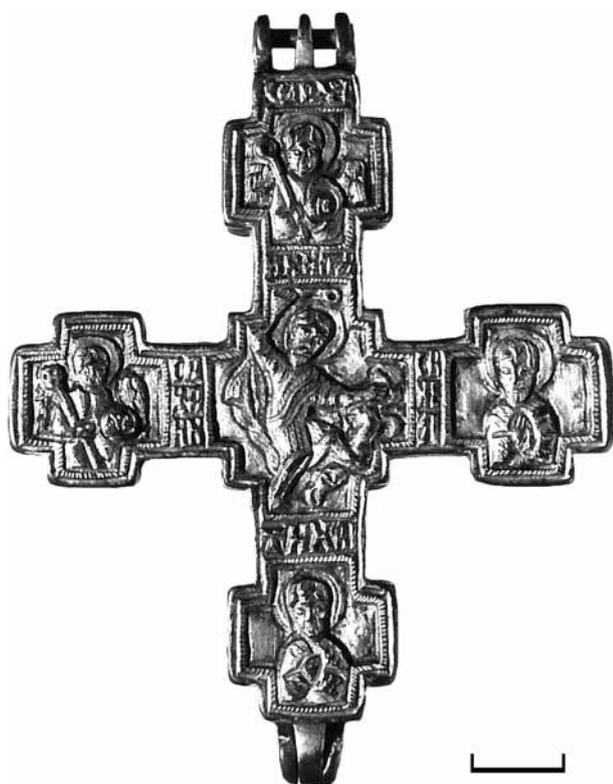

Рис. 5. Обратная сторона креста-энколпиона «Вмч. Никита, побивающий беса, с избранными святыми», XIV–XV вв., серебро. Музей-заповедник «Дмитровский кремль» (КОФ №1643/3)

встречаемым среди наперсных крестов с сюжетом «св. Никита, побивающий беса» можно считать крест «Распятие Христово» с лицевой стороны и «Богоматерь Знамение» – с оборотной, с овальными завершениями концов и дугами в средокрестии (иногда называемые псевдоэнколпионами), где Бесогон помещен в нижнем конце на лицевой стороне. Их находки зафиксированы на огромной территории – от становищ русских мореходов на севере и Мангазеи до таких городов, как Старая Рязань, Москва, Серпухов, Тверь, Калуга, Киев (Ханенко, 1900. С. 13–16. Рис. 278, 292, 299; Teteriatnikova, 1982. Р. 10. Ш. 2; Даркевич, Пуцко, 1981. С. 229–230; Гнупова, 2000. С. 26–29. Рис. 14, 22, 24, 26; Станюкович, 2003. С. 54–55, 70–71, 92–93).

Б. Кресты-тельники (21×14 мм; 27×18 мм и др.). Можно говорить о введенных в научный оборот около 130 экз. (рис. 6, 1–10). Такие кресты могли быть как односторонними, так и двусторонними. Св. Никита, побивающий беса, занимал место в средокрестии. Наиболее ранняя группа, датируемая обычно XV–XVI вв., иногда не совсем корректно называется «крестами

старицкого литья» (по одной из публикаций Н. Ф. Романченко). Они хорошо представлены в позднесредневековых тверских древностях. Более широкое распространение получили кресты-тельники с Бесогоном в Новое время. С лицевой стороны они имели изображение св. мученика, побивающего беса (иногда очень условного из-за малого места размещения), на оборотной стороне чаще всего – охранную молитву к святому или животворящему кресту («Кресту Твоему поклоняемся...»). В это время появляются также кресты, где св. мч. Никита уже занимает оборотную сторону креста, лицевая сторона которого имеет более привычное для подобных предметов личного благочестия изображение Распятия. Их находки обычно связаны с некрополями XVII–XVIII вв. или со случайными утерями. Среди наиболее известных публикаций с подобными находками можно отметить материалы из раскопок средневековых кладбищ в Старице, некрополей Моисеевского и Новодевичьего монастырей в Москве, Мироносицкого кладбища в Твери, а также находки в Калуге и ее окрестностях (Романченко, 1928. С. 40–41; Ткаченко, Хухарев, 1999. С. 68–80; Хухарев, 2003. С. 195–202. Рис. 1; Гнупова, 2000. С. 22. Рис. 2а, 2б; Хухарев, 2009. С. 254–257; Станюкович, 2003. С. 196–204; Векленко, 2010. С. 24 и др.).

2. Иконки-привески.

К этой группе относятся амулеты-змеевики, иконки-реликварии и привески с изображением св. мч. Никиты-бесогона (рис. 7, 1–7). Они имели очень широкое бытование. К настоящему времени известно более 200 подобных предметов. Среди сохранившихся каменных иконок XIV–XV вв. известны шесть сланцевых иконок с этим сюжетом, большей частью на оборотной стороне (Николаева, 1983). Некоторые исследователи связывают ряд иконок с Тверью (Попов, Рындина, 1979. С. 580, 583, 584). В пользу этого, казалось бы, говорит и фиксация в Твери двух наиболее ранних вариантов из известных медных иконок XIV–XV вв. с этим сюжетом (Романов, 2005. С. 17–19). Интересны и довольно редки варианты, где св. Никита, побивающий беса, помещен на оборотной стороне ряда амулетов-змеевиков (Николаева, 1968. № 43; Николаева, Чернецов, 1991. С. 76, 77; Гнупова, 2000. С. 51). Но подавляющее большинство (более 150 экз.) известных на сегодня иконок с Бесогоном приходится на небольшие иконки арочной (рис. 8), прямоугольной, листовидной или овальной формы из медных сплавов (Станюкович, 2011. С. 188–207; Башков., 2011. С. 62, 181. Рис. 44, 3). Датированные археологические комплексы

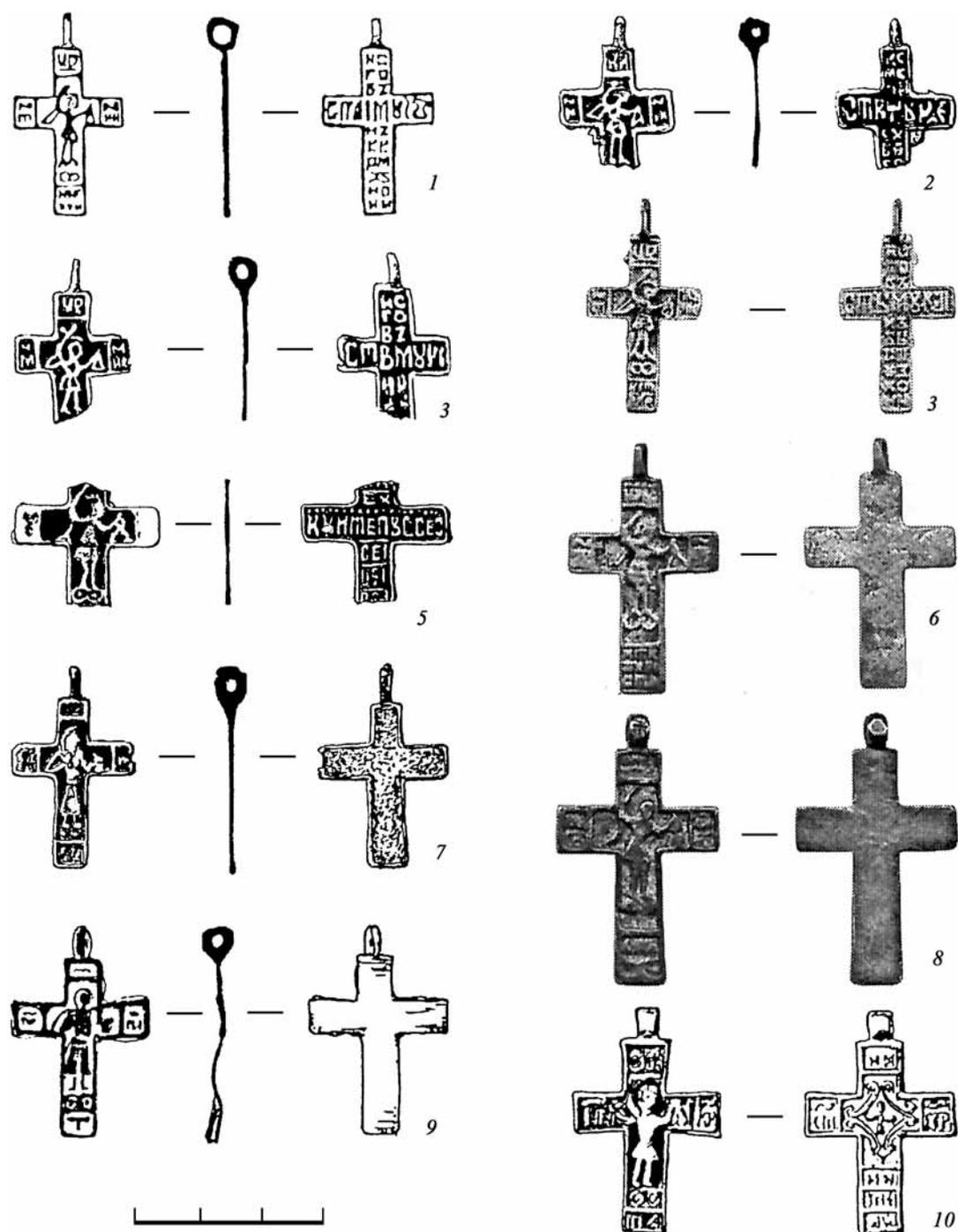

Рис. 6. Кресты-тельники XVI–XVII вв. с сюжетом «св. мч. Никита, побивающий беса»

1 – из материалов археологических исследований некрополя у церкви Жен-Мироносиц в Твери (ТГОМ); 2 – из подъемных материалов близ церкви Св. Екатерины в Твери; 3, 7 – из подъемных материалов близ пос. Белый Городок Тверской обл.; 4, 6, 8 – из подъемных материалов в Калуге и окрестностях; 5 – из материалов археологических исследований близ д. Избрижье Тверской обл. (Археологический музей ТвГУ); 9 – из материалов археологических исследований близ д. Бережки Калужской обл. (КИКМ); 10 – из материалов археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря в Москве

показывают наибольшее их распространение в XVI в. Среди ярких находок этого периода отметим зафиксированную при исследованиях (руководитель Л. А. Беляев) в московском Зачатьевском

(Алексеевском) монастыре на Остоженке единственную на сегодня известную иконку с рассматриваемым сюжетом из кости в серебряной сканной оправе («Зачатьевский...», 2013. С. 17).

Рис. 7. Иконки и змевики с изображением св. мч. Никиты, побивающего беса

1 – каменная иконка «Христос Пантократор. Св. мч. Никита, побивающий беса» в сканой оправе из серебра. XV в. (?) Тверь (?) (СПГИХМЗ); 2 – иконка-привеска арочной формы «Великомученик Никита, побивающий беса» (XVI в., Москва?); 3 – иконка-привеска овальной формы с эмалью «Великомученик Никита, побивающий беса» с благословляющей Божьей десницей (XVII в.? Москва?); 4 – змевик восьмиугольной формы «Великомученик Никита, побивающий беса» (XV в.? Рязань?); 5 – иконка-плакетка «Великомученик Никита, побивающий беса» в арочной композиции и с благословляющей Божьей десницей, XIX в., Калуга (МРАиБ); 6 – иконка-плакетка «Великомученик Никита, побивающий беса» с надписью по периметру (XVII в., Калуга); 7 – иконка «Великомученик Никита, побивающий беса» в арочной композиции и с благословляющей Божьей десницей, XVIII в., Калуга (МРАиБ)

Имеются также многочисленные сведения о старообрядческих иконках-плакетках XVIII–XIX вв. с сюжетом побивания беса св. мч. Никитой (рис. 7, 5–7), но они, как и другие образцы старообрядческого литья, заслуживают отдельного рассмотрения как пример намеренной консервации древнерусских традиций (Горбачева, Харламова, 2011. С. 274–275).

Среди белокаменных рельефов западного фасада Дмитровского собора во Владимире, сооруженного в 1194–1197 гг. в качестве дворцовой церкви великого владимирского князя Всеволода III,

специалистам хорошо известен рельеф, получивший название «Никита Бесоборец» (Окунева, 1935. С. 211–213; Teteriatnikova, 1982. Р. 7–8 и др.). Долгое время этот рельеф служил примером наиболее ранней датировки подобного сюжета, хорошо представленного в русской средневековой меднолитой пластике. Между тем очевидна явная смысловая нестыковка подобной интерпретации, как и смысловое противоречие апокрифического сюжета со св. Никитой прочим библейским сюжетам рельефов собора. Еще более странно соотнесение

Рис. 8. Иконка-привеска арочной формы «Вмч. Никита, побивающий беса», XVI в., медный сплав (Тверская обл.) (см. цв. вкл.)

изображения на рельефа в Дмитровском соборе с достаточно поздним иконографическим типом (XVI–XVII вв.), где св. Никита стоит, удерживая беса за волосы, что значительно расходится со временем возведения храма. Дополняет это несоответствие и присутствие в сюжете рельефа Божьей десницы в правом верхнем углу – элемента, более характерного для старообрядческих иконок. Все это заставляет внимательнее отнестись к версии прочтения этого сюжета как «жертвоприношения Авраама», впервые высказанной еще в 1929 г. немецкой исследовательницей Фаниной Халле и поддержанной целым рядом точных наблюдений в монографическом исследовании С. А. Шаров-Делоне (*Halle*, 1929. С. 43; *Шаров-Делоне*, 2007. С. 791–795). При этом теперь к историографии можно отнести и мнение Г.К. Вагнера о трактовке этого рельефа как

одного из ранних изображений Никиты, побивающего беса, с отражением в нем иконографии «жертвоприношения Авраама» (*Вагнер*, 1969. С. 256). К тому же надо заметить, что современное состояние рельефа (утрачены рука, занесенная для удара, и нижняя часть левой ноги), как и наличие возможности перемещения его в ходе «реставрации» 30-х гг. XIX в., позволяют в порядке предположения говорить и о том, что этот рельеф может оказаться новоделом. Но эта версия требует очень осторожного и тщательного рассмотрения, выходящего за границы данной публикации.

Суммировав наблюдения над изображением св. мч. Никиты по этим двум группам находок, мы получаем следующее:

а) св. Никита изображается молодым (безбородым), средних или преклонных лет (согнутая

спина, борода). Одежда св. мученика то короткополая (типа кафтана), препоясанная, то длиннополая (типа монашеской рясы), он иногда в плаще или без него. Имеется ряд изображений св. мученика в латах и шлеме;

б) бес (дьявол) изображается в виде повергнутого нагого юноши-ангела или человекоподобного существа в профиль, часто пытающегося вырваться из рук святого. Волосы у него часто вздыблены вверх в форме колпака (обычная прическа нечистой силы). Часто святой его и держит за волосы или ноги. У псевдоангела за спиной иногда изображены бессильно повисшие крылья, руки вытянуты вперед, в одной из рук иногда зажат жезл. Встречаются и очень условные изображения беса;

в) сцена избиения беса св. мучеником может помещаться на фоне сложной архитектуры (темницы?). Св. Никита может бить беса как сидя, так и стоя, держа беса на весу или придавив одной ногой в области шеи или поясицы.

Наложив изображения со св. мч. Никитой на хронологическую шкалу (по датированным памятникам из археологических исследований), можно представить сюжет с побиванием беса как схему, с развитием иконографии и деталей изображения от максимально приближенного к тексту апокрифа «Никитино мучение» до почти полной потери связи с ним. Их можно свести в три условных типа.

Первый тип наиболее близок к апокрифу. Святой в длинном одеянии сидит или привстает со скамьи. Бес изображается человекоподобным. Святой избивает его кандалами, наступив одной ногой ему на шею («... и протянул блаженный руку, и схватил дьявола, и повергнул его пред собой и, наступив ему на шею, задал его...»). Носители: энколпионы (XIII–XIV вв.), реликварии и иконки-привески (XIV–XV вв.).

Второй тип – Никита стоит, удерживая беса за волосы. Есть варианты, где он, придавливая беса ногой в области поясицы, одновременно удерживает его и за волосы. Одежда св. мученика может сильно варьироваться. Бес все чаще начинает изображаться с достаточной степенью условности. Избивает его св. мученик цепью или оковами. Связь с текстом апокрифа начинает теряться. Носители: иконки (XVI–XVII вв.), кресты наперсные и кресты-тельники (XVI–XVII вв.). Старообрядческие иконки (XVIII–XIX вв.) сюда можно относить как исключение (намеренная консервация древнерусских традиций).

Третий тип – св. Никита (часто в латах) изображается стоящим или сидящим на престоле. Может поражать дьявола, попираемого ногами, мечом или крестным знаменем. Наблюдается почти полная потеря связи с текстом апокрифа. Св. мч. Никита

начинает осмысляться одним из святых воинов-демоборцев, зачастую уже и без изображения побиваемого им беса. Известны также случаи изображения на крестах-тельниках и на престольных крестах-мошевицах сцен избиения (попирания) беса архистратигом Михаилом. Носители: горельефная икона (начала XVII в.), образцы иконописи, иконки и крестики-тельники (XVII–XIX вв.).

В заключение нужно отметить следующее:

1. Бытование сюжета со св. мч. Никитой имеет следующие временные границы: энколпионы (рубежа XIII–XIV вв.) – старообрядческие иконки (XVIII–XIX вв.). Период наибольшего распространения – середина XIV – вторая половина XVI в. Наиболее часто встречаемые носители – образцы маскового медного литья: кресты и иконки, во многом отражающие народные религиозные представления.

2. Находки в Твери форм для отливки мастер-моделей, большого количества крестов и иконок, как и брак с изображениями св. мч. Никиты-бесогона, позволяют связывать значительную группу подобных памятников с тверскими древностями. Находки крестов и иконок с этим сюжетом в других регионах Средневековой Руси можно отчасти рассматривать в русле развития торговых связей и культурных контактов. Правда, существование серий находок с особой стилистикой и иконографией из документированных находок в Москве и Калуге и их округах позволяет предполагать и в них центры их производства. Вполне очевидно, что с накоплением материалов таких центров станет больше.

3. Почитание св. Никиты, «прогонителя бесов», начиная с позднего Средневековья постепенно приобрело общерусские масштабы. Образ св. мученика как защитника от «бесовских козней» находит выражение в активном использовании его изображений на предметах личного благочестия, ярко отражая вовлеченность широких масс рядового населения в состояние некоей «духовной брани». Правда, нельзя не отметить усиление процесса постепенного уменьшения «материальной телесности» в трактовке демоноборческого сюжета и перехода к все большей иллюзорности «бесовского тела» (Антонов, 2010. С. 75), что отразилось не только в уменьшении детализации и размера изображения беса, перемещении его изображений из центральной части иконы на житийные клейма, но и даже в полном отказе от показа последнего в иконописи. Упомянем и то, что множество выявляемых памятников с XVI–XVII вв. зачастую имеют уже общерусское значение как в плане художественной культуры, так и в отражении в массовом сознании представлений формирующейся русской народности.

Литература

- Антонов Д. И.*, 2010. «Беса поймав, мучаше...» Избиение беса святыми: демонологический сюжет в книжности и иконографии средневековой Руси // Вопросы медиевистики Древней Руси. № 10 (39). М.
- Башков А. А.*, 2011. Христианские древности Беларуси конца X – XIV в. (предметы христианского культа индивидуального использования). Минск.
- Богомолов В. В., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В.*, 2013. Позднесредневековый комплекс из раскопок на поселении Кулаково 3 Раменского района Московской области // АП. Вып. 9.
- Вагнер Г. К.*, 1969. Скульптура Древней Руси. XII век. Владимир. Боголюбово. М.
- Векленко В. А.*, 2010. Нательные кресты Самарии – Богородицкой крепости. Днепропетровск.
- Векслер А. Г., Беркович В. А.*, 1999. Материалы археологических исследований некрополя Моисеева монастыря в Москве // Культура средневековой Москвы: XVII век. М.
- Векслер А. Г., Беркович В. А.*, 2005. Находки нательных крестов с изображением святого Никиты-бесогона из раскопок на улице Большая Дмитровка в Москве // Ставрографический сборник. Кн. III: Крест как личная святыня. М.
- Гнутова С. В.*, 1996. Новгородское медное художественное литье (мелкая пластика) XIV–XV вв. // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV вв. М.
- Гнутова С. В., Зотова Е. Я.*, 2000. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX вв. М.
- Горбачева Н. И., Харламова И. Г.*, 2011. Произведения древнерусской мелкой пластики XI–XVII веков в собрании Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Каталог. М.
- Даркевич В. П., Пуцко В. Г.*, 1981. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978) // СА. № 3.
- Добрыкин Н. Г.*, 1900. Об иконографических формах влкм. Никиты // Тр. X археологического съезда. Т. III. М.
- Есаян С., Ямщиков С.*, 1964. Редкий памятник древнерусского искусства (из собрания Н. Воробьева) // Декоративное искусство СССР. № 5 (138). М.
- Жизневский А. К.*, 1888. Описание Тверского музея. М.
- Зачатьевский Алексеевский на Остоженке монастырь в Москве. 2013. М.
- Массалитина Г. А., Хухарев В. В.*, 2002. Об одном кресте из фондов Кировского музея // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 4. Ч. 1. Киров.
- Мусин А. Е.*, 2000. Христианские древности XI–XIV вв. (проблема развития и региональные особенности) // Русь в XIII веке: Континуитет или разрыв традиций. М.
- Николаева Т. В.*, 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. М.
- Николаева Т. В., Чернецов А. В.*, 1991. Древнерусские амулеты-змеевики. М.
- Окунева И. Н.*, 1935. Икона св. Никиты, избивающего беса // Seminarium Kondakovianum. VII. Praha.
- Попов Г. А., Рындина А. В.*, 1979. Живопись и прикладное искусство Твери XIV–XVI вв. М.
- Пуцко В. Г., Шинаков Е. А.*, 2004. Металлические литые нательные кресты из Брянщины // Деснинские древности. Вып. III. Брянск.
- Пуцко В. Г.*, 2004. Раритетная меднолитая иконка великомученика Никиты // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Т. 2. Тула.
- Пыпины А. Н.*, 1862. Житие святого мученика Никиты // Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным. Памятники старой русской литературы, изданные графом Кушелёвым-Безбородко. Вып. III. СПб.
- Рождественская М.*, 1999. Житие святого мученика Никиты // Апокрифы Древней Руси. СПб.
- Романов В. В., Романова Е. А., Олейников О. М.*, 2005. Две бронзовые иконки из раскопок в Твери // Тверской край – душа России. Торжок.
- Романченко Н. Ф.*, 1928. Образцы Старицкого медного литья // Материалы по русскому искусству. Т. I. Л.
- Соколова И. М.*, 2003. Русская деревянная скульптура XV–XVIII веков: Каталог. М.
- Станюкович А. К., Осипов И. Н., Соловьев Н. М.*, 2003. Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X–XX вв. из частных собраний. М.
- Станюкович А. К.*, 2011. Неизвестные памятники русской металлопластики. Миниатюрные иконки-привески XI–XVI веков. М.
- Суров М. В.*, 2002. Вологодчина: неизведанная давность. Вологда.
- Тетерятникова Н.*, 1979. Изображения св. Никиты, бьющего беса // Вестник русского христианского движения. № 129. Париж – Нью-Йорк – Москва.
- Ткаченко В. А., Хухарев В. В.*, 1999. Святой мученик Никита-бесогон на крестах и иконках из Калуги // Сквозь века... Калуга.

Уваров А. С., 1908. Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова. Отд. VIII–IX. М.

Ханенко Б. И., Ханенко В. Н., 1900. Древности русские. Кресты и образки. Из собрания Б. И. и В. Н. Ханенко. Вып. 2. Киев.

Хухарев В. В., 1993. К вопросу об изображениях святого великомученика Никиты-бесогона//Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 1. Киров.

Хухарев В. В., 1994. К вопросу об изображениях святого мученика Никиты, изгоняющего беса, на крестах и иконках из Твери//ТАС. Вып. 1. Тверь.

Хухарев В. В., 2003. Об одном типе нательных крестов с сюжетом «побивания беса»//ТТЗ. Вып. 5. Тверь.

Хухарев В. В., 2009. Нательный крест с сюжетом «побивания беса» и предстоящими из Калуги//Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 6. Калуга.

Хухарев В. В., 2012. Нательный крест с сюжетом «побивания беса» из Калуги//Археология Москвы – линия жизни. М.

Хухарев В. В., 2013. Сюжет из жития «Никитино мучение» на предметах личного благочестия//

In Ulbra. Демонология как семиотическая система. Вып. 2. М.

Четыркин И., 1898. Иконографические формы св. влкм. Никиты Готского и объяснения значения этих изображений//Известия КУАК. Т. 1. Вып. 7–8. Калуга.

Четыркин И. Д., 1900. К вопросу об изображениях великомученика Никиты//Тр. X археологического съезда. Т. III. М.

Шаров-Делоне С. А., 2007. Люди и камни Северо-Восточной Руси. XII век. М.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г., 1998. Актовые печати Древней Руси X–XV веков. Т. III. М.

Gnutova S., Ruzsa Gy., Zotova E., 2005. Prayers Locked in Bronze. Russian Metal Icons. Museum of Applied Arts. Budapest.

Halle F., 1929. Die Bauplastik von Wladimir – Susdal russische romantik. Berlin.

Teteriatnikova N., 1982. Rerepresentations of St. Nikita flogging the Devil//Zapiski Russkoi Akademicheskoi Gruppy v S. Sh. A/Transactions of the Association of Russian American Scholars in USA. Vol. 15. N.Y.

V. V. Khukharev

Crosses and icons with scenes from the “Nikita’s Crucifixion” hagiography

Summary

The theme of “demon beating” originates from an apocryphal manuscript “Nikita’s Crucifixion – the Emperor Maximian’s son, that tortured a demon” and was widely employed in Russian medieval literature. Thematic crosses and icons are common finds during archaeological studies in Tver, Moscow, Staritsa, Kaluga, Yaroslavl, Vorotynsk, Tula, Lipetsk, Yelets, Ryazan, Bryansk, Vologda, Pskov and Kolomna.

The image of the Martyr St Nikita used to be engraved at the center of cross medallions (encolpion) and often, at the bottom or on the back side, among other saints. The same pattern is common for pectoral crosses.

Holy Martyr Nikita the Expeller icons were revered in many settlements across Russia. According to dated archaeological sources, the most extensive prevalence comes on the XVI century.

Patterns of Martyr St Nikita were generally used in following time periods: encolpions (XIII–XIV centuries) – Old Believer’s icons (XVIII–XIX centuries). The widest expansion comes to the middle of the XIV – 2nd part of the XVI centuries. The most frequent pattern carriers are samples of mass copper casting - crosses and icons, which reflected people’s religious beliefs.

А. Н. Медведь

Ростиславль в XVI веке: окраина Московского государства

Присоединение Рязанского великого княжества к Московскому в первые годы не привело к снижению значения Ростиславля как пограничного пункта и места, откуда могла исходить опасность для Московского великого княжества в случае нападений крымских татар. В Разрядных книгах XVI в. Ростиславль упоминается довольно часто, однако лишь как ориентир для русских войск, собиравшихся на Оке в летнее время для предотвращения возможных нападений татар. В писцовых книгах по-прежнему фигурирует Ростиславский стан – административная единица теперь уже Московского государства (Коваль, 2004).

Был ли Ростиславль XVI в. крепостью? Представляется, что с подчинением Рязанского княжества Москве военное значение города было полностью утрачено: московские власти не считали нужным поддерживать довольно слабые укрепления города, тем более что относительно недалеко появилась гораздо более серьезная крепость – заложенный в 1528 г. каменный Зарайский кремль. Ни гарнизонов (пусть даже временных), ни вооружения Ростиславль в это время не имел: основная линия обороны московских войск проходила, как и раньше, по левому берегу Оки (где действительно располагались внушительные силы), а Ростиславский стан рассматривался как одна из многочисленных буферных зон Московского государства...

Эта ситуация очень хорошо прослеживается по остаткам фортификации города. Исследования показали, что в середине XV в. был засыпан ров перед валом мысового узла фортификации (Коваль, 2003а. С. 256–270). Чуть позже (возможно, в первой половине XVI в.) разрушается главная оборонительная стена детинца. В результате фортификация Ростиславля к середине XVI в. представляла собой лишь руины прежде существовав-

ших мощных укреплений (земляные валы). Ров перед валом, оставшимся от стены детинца, также частично заплыл. Итак, в XVI в. Ростиславль практически утратил систему укреплений, существовавшую там в XIII–XV вв.

Возможно, эти локальные процессы связаны с общей ситуацией, в которой Рязанское княжество оказалось в начале XVI в. Окончательное присоединение к Московскому Великому княжеству привело к снижению роли Ростиславля: из важного пункта отдельного княжества он постепенно превратился в один из десятков мелких московских городов. Конечно, из этого не следует, что город мгновенно опустел, а жители его, подобно племени Израилеву, разбрелись по лицу земли. Внешне он продолжал жить как прежде; планировка Ростиславля, его улиц, общие места размещения усадеб остаются прежними: дворы располагаются вдоль центральной улицы, ведущей к церкви, которая также продолжала существовать.

Из таких дворов наибольший интерес вызывает крупная постройка, находившаяся на площадке городища в середине XVI в., остатками которой была яма 350, исследованная при раскопках 2003 г. (Коваль, 2003б. С. 24–38; 2005). Надо заметить, что рядом с этим сооружением были вскрыты остатки более ранней постройки (также больших размеров), которая была разобрана жителями города в конце XV – начале XVI в. Постройка середины XVI в., скорее всего, являлась прямой наследницей более ранней постройки и принадлежала, вероятно, одной семье. Как и все постройки в Ростиславле, это сооружение фиксировалось лишь по яме погребка глубиной более 2 м. Площадь погребка составила 4,5×4,5 м, так что площадь сооружения над ним была не меньше, а скорее всего, значительно больше. Но гораздо интереснее

оказались даже не такие большие размеры сооружения (редкие для Ростиславля), но то, что находилось внутри него, прежде всего, свидетельства ряда перестроек.

Сначала строители выкопали обширную яму под погреб, но чуть позже решили уменьшить ее площадь. Они засыпали дно старого погреба (при этом глубина погреба уменьшилась), а в центр поставили деревянную конструкцию из бревен размером 3,8×3,6 м. Так как эта конструкция была меньше старого погреба, то обширное пространство между стенками погреба и конструкции было забутовано мешаным материковым грунтом с включениями культурного слоя. Почему площадь погреба уменьшилась? Конечно, точного ответа на этот вопрос мы не получим; можно лишь предполагать, что либо возникло опасение обрушения стенок старого погреба, либо ремонт погреба связан с перестройкой дома, размеры которого уменьшились.

Но этим дело не ограничилось. Через какое-то время деревянная конструкция была разобрана, а внутренний ее объем засыпан тем же мешаным материковым грунтом. Вероятно, дом в это время уже перестал существовать. Но история подпола на этом не заканчивается. Через некоторое время на этом же месте в еще рыхлом заполнении было вырыто новое углубление размерами 3,0×2,6 м и глубиной не более 1,2 м от уровня материковой поверхности на раскопе. На этот раз стенки этого углубления не выкладывались бревнами, они были обшиты досками. Как мы видим, на протяжении всей строительной истории этого сооружения погреб мельчал как по площади, так и в глубину. Возможно, это связано с перестройками (а может быть, и периодическим сносом) дома, под которым он находился; трудно себе представить такие довольно трудоемкие работы (перенос грунта, бревен, досок, их монтаж) внутри дома.

Конец этой постройки был быстрым. Многократно перестроенный погреб сгорел (при этом, очевидно, сгорел и дом, который находился над подполом), после чего сооружение было почти сразу засыпано культурным слоем, взятым с площадки городища.

В засыпку попали вещи довольно ранние – стеклянные браслеты, серебряная монета – подражание дирхему с рязанской надчеканкой XV в., обломок цилиндрического замка (тип В по Б. А. Колчину), семь наконечников стрел (*Коваль*, 2005. Рис. 1, 1–7), которые датируются XV–XVII вв. (*Двуреченский*, 2006. Рис. 37. Типы 3, 6, 9). В этой же засыпке встречены и странные находки человеческих останков. Это череп без нижней челюсти и обломки второго,

частично обугленного, черепа (также без нижней челюсти), несколько обломков локтевой кости и пальцев рук. Такое состояние черепов и наличие лишь разрозненных частей скелета заставляет предполагать, что они попали в заполнение ямы с площадки городища уже в виде отдельных костей, а не захоронения. Вероятно, к моменту засыпки ямы мягкие ткани уже успели сгнить, а кости рассматривались при засыпке как мусор. Естественно предположить, что источником этих зловещих находок стало кладбище, откуда бралась земля для засыпки сгоревшего подпола. Итак, черепа и кости, видимо, не связаны с хозяевами сгоревшего дома. Какова же причина гибели постройки? Конечно, возможна исключительно бытовая версия происшедшего: случайные пожары, от которых сгорали целые города, в Древней Руси были не редкость. Однако есть как минимум два момента, которые заставляют усомниться в бытовой версии происшедшего.

Первый вопрос: почему на месте сгоревшего сооружения не возводится новое? В Ростиславле мы могли наблюдать несколько случаев, когда рядом, а то и на месте снесенных сооружений возникали новые. Например, рядом с рассмотренной постройкой в XV – начале XVI в. существовало другое сооружение, разобранное в начале XVI в. Ничего подобного в середине XVI в. не происходит, постройка сгорает и более уже на этом месте не возобновляется. Значит, хозяева сгоревшего дома либо погибли, либо совсем ушли из Ростиславля.

Второй вопрос вытекает из первого: существуют ли надежные сведения о том, что Ростиславль в XVI в. подвергался нападениям врагов? Ответить на этот вопрос однозначно довольно трудно. С одной стороны, не выявлено следов массовых пожаров и мест массовой гибели людей. Нет следов пожаров и на валах, нет следов боевых столкновений во рву городища. Не обнаружено ни одного братского кладбища (наподобие кладбищ в Старой Рязани и Ярославле), связанного с нашествиями. Нет и документальных упоминаний о разорении города.

Другое дело, что узлы сопротивления на городище могли быть локальными. Например, отпор нападающим могли оказать лишь в доме какого-либо должностного лица, тогда как остальные жители города могли просто уйти, оставив свои жилища. Не говоря непосредственно о событиях в Ростиславле, русские летописи XVI в. фиксируют довольно бурные события вокруг него. Напомним, что в 1511 г. возобновляются регулярные татарские набеги на русские земли. В этом году перестает существовать кратковременный союз между Крымским ханством и Великим княжеством Московским. Как

правило, путь этих набегов (с небольшими вариантами) был уже проторен и известен как нападавшим, так и обороняющимся. Он проходил через Оку и включал в себя почти дежурное разорение Коломны, Серпухова и ряда других приокских городов. В их число мог попадать и Ростиславль. По крайней мере, ростиславское направление считалось у московского командования одним из важных.

С 1521 г. московские войска ежегодно выдвигаются на окский рубеж, одним из пунктов которого является и место напротив Ростиславля. В 1523 г. отряды крымского хана Ислам-Гирея пытаются перейти Оку непосредственно «под Ростиславлем», это уточняет Новгородская II летопись (ПСРЛ, 1841. С. 199). После перестрелки через реку татары сочли за благо вернуться обратно в степь. Потом последовал набег 1528 г., когда Ислам-Гирей вновь решил посетить окские просторы и перейти Оку опять под Ростиславлем: «И пришла весть прямая, что Ислам идет к Ростиславлю и Оку реку хочет лести под Ростиславлем» (РК, 1966. С. 71). Как и в прошлый раз, на московском берегу Ислама уже ждали русские воеводы, которые не дали крымскому хану форсировать Оку, а, дождавшись подкрепления из Каширы, сами перешли в наступление и в районе Зарайска нагнали убежавших татар, уничтожив часть отряда хана Ислама.

В свое время В. Ю. Коваль высказывал предположение о том, что татары, возможно, разорили Ростиславль, не желая оставлять у себя в тылу русскую крепость (Коваль, 2004. С. 18). Однако теперь в свете новых археологических данных следует отметить, что как крепость Ростиславль был совершенно безопасен для нападающих. Слабые укрепления города, отсутствие в нем постоянного гарнизона позволяют допустить, что татары и не штурмовали город, так как никакой опасности для их многотысячных орд он не представлял, да и главной их целью было как можно быстрее перебраться на «московский» берег Оки, там выйти на оперативный простор и двинуться к Москве. Возможно, татары могли использовать Ростиславль лишь как место пополнения запасов провианта. Добавим к этому и то, что в 1520–1530-е годы в Ростиславле, видимо, вообще отсутствовала городская администрация, которая могла бы организовать хоть какое-то сопротивление: последний ростиславский наместник Кобяков потерял эту должность с присоединением рязанских земель к Московскому Великому княжеству в начале 1520-х годов. Говорить же о московском наместнике в Ростиславле мы не можем, так как никаких данных об этих чиновниках в доступных

Рис. 1. Выход татар на берег Оки (слева – русское войско, справа – татарское) (ЛС, 2011. С. 148). (См. цв. вкл.)

нам письменных источников не имеется. Учитывая очевидное снижение значения города, можно предположить, что в XVI в. речь могла идти не о должностном лице, назначаемом из Москвы, а о местном выборном старосте.

В 1530-е годы набеги татар продолжают довольно регулярно, причем, например, в 1533 и 1535 гг. татары доходят до Оки. Правда, в этих летописных сведениях Ростиславль не упоминается как город, пострадавший от набегов.

Исключение в этом бесцветном для историка ряду набегов составляет лишь татарский поход 1541 г., когда на берегах Оки разыгралось сражение с применением артиллерии. Этот поход возглавлял крымский хан Сагиб-Гирей, отряд которого сопровождала турецкая артиллерия. Его орды несколько дней безуспешно осаждали Зарайск, а после выдвинулись к Оке, в район Ростиславля, где 30 июля и произошла первая в истории артиллерийская дуэль русских войск и татар. Некоторые летописи отмечают, что сам хан наблюдал за перестрелкой, стоя на «горе на высоком месте». Привлекательно выглядит идея о том, что и орудия, и сам хан находились на территории Ростиславля, так как именно это место обеспечивает максимальный обзор московского берега Оки (рис. 1).

Рис. 2. Попытка татар переправиться через Оку на тарах (ЛС, 2011. С. 149). (См. цв. вкл.)

Однако ситуация с этой перестрелкой требует некоторого пояснения. Действительно, летопись говорит о том, что пушки татар стояли на возвышенности (откуда за ходом боя наблюдал и хан Сагиб-Гирей). В это же время татарская конница готовилась переправиться через Оку и сразиться с русскими войсками. Могло ли это происходить на территории Ростиславля? Мы можем допустить, что пушки располагались рядом с городом. Вряд ли они стояли в самом городе: это неудобно для артиллеристов, да и в этом случае были бы обнаружены хоть какие-то следы этой перестрелки (например, ямы для размещения орудий). Кроме того, скорее всего, артиллерийский огонь татар должен был прикрывать переправу конницы через реку. Однако такая масса коней и переправочных средств просто не могла собраться непосредственно под Ростиславлем, на узкой полоске берега: здесь было слишком тесно, а также в этом случае татары оказывались практически под прицелом русских орудий. Маневрировать же, уклоняясь от артиллерийского огня русских, на таком узком пространстве было невозможно. Логичнее предположить, что штурмовая группа конницы формировалась на более широкой части берега, чуть дальше от Ростиславля, ниже по течению реки. В этом

месте есть и возвышенность (правда, не такая внушительная, как в Ростиславле), где можно было расположить пушки, и берег реки несколько шире, что позволило бы организовать переправу.

Для того чтобы лучше разобраться в этом вопросе, напомним, в чем заключалась тактика татарского войска при форсировании рек. Согласно Дж. Флетчеру, татары «ставят вместе трех или четырех лошадей и к хвостам их привязывают длинные бревна, на которые садятся и, таким образом, перегоняют лошадей через реку» (Флетчер, 2002. С. 103). Иную схему излагает Г. Боплан (правда, его свидетельства относятся к 1650-м годам): «Татары переправляются... следующим образом: они имеют очень плоские лодки, поперек которых прикрепляют жерди, к последним привязывают лошадей в ряд, одну за другой, в одинаковом количестве с обеих сторон лодки, чтобы сохранить равновесие; затем кладут в лодку свой багаж и начинают переправу: привязанные лошади следуют таким образом и тихо переплывают лиман; лошади положительно выбиваются из сил, но, привязанные довольно коротко к поддерживающим их жердям, при медленном движении судна, они переплывают реку легко; разумеется, все это возможно только в хорошую, тихую погоду» («Гийом Левассер-де-Боплан...», 1901. С. 15–16). Следует заметить, что Боплан здесь говорил об устье Днепра в районе Очакова, где течение довольно медленное. О том, что татары планировали не просто пройти по ростиславскому броду, а осуществить планомерную переправу, свидетельствуют данные Лицевого летописного свода, где упоминаются татарские «тары», а рисунки четко фиксируют эти тары, к которым привязаны лошади (рис. 2).

В случае с Ростиславлем действия татарской конницы дополнялись действием артиллерии, что также влияло на особенности форсирования: артиллерия должна была располагаться на некотором отдалении, чтобы не пугать непривычных к звукам выстрелов татарских лошадей. Итак, в любом случае для форсирования Оки татарам требовался гораздо более широкий плацдарм, нежели береговая линия непосредственно под Ростиславлем. Кроме того, течение в месте переправы должно было быть не очень сильным.

Дальнобойность турецкой артиллерии во второй половине XV в. могла достигать 800 и более метров, поэтому вполне возможно, что татарские батареи, размещенные на возвышенном месте, на правом берегу Оки, могли вести обстрел русских войск, располагавшихся на пологом левом берегу (рис. 3). Конечно, при этом точность стрельбы

Рис. 3. Начало артиллерийского обстрела русских войск татарами (ЛС, 2011. С. 150). (См. цв. вкл.)

Рис. 4. Подход к Оке русской артиллерии крупного калибра (ЛС, 2011. С. 175). (См. цв. вкл.)

могла быть невысокой: слишком уже большое расстояние приходилось преодолевать ядрам татарских пушек¹, однако этот недостаток отчасти компенсировался небольшим углом прицела, так как пушки находились на возвышенности.

Конечно, неизбежен вопрос: возможно ли найти следы русских и татарских батарей и следы этой перестрелки вообще? К сожалению, это почти нереально. Несмотря на то что бой, согласно источникам, продолжался весь световой день, количество ядер, выпущенных противниками не могло быть большим, так как интенсивность артиллерийского огня в XV, да и в первой половине XVI в. оценивалась в среднем не более 10 выстрелов в день на одно крупнокалиберное орудие (Беленицкий, 1949. С. 28). Орудия мелкого калибра, конечно, вели более интенсивную стрельбу, однако все-таки темп этой стрельбы был все еще довольно низок. Поэтому в любом случае количество ядер, которое может находиться на месте сражения, относительно невысоко. К тому же ситуация усложняется и большой площадью места сражения (фактически

это несколько квадратных километров левого берега). Тем не менее случайные находки русских и татарских каменных ядер вполне возможны как на поле на левом берегу Оки, так и на правом берегу, если, конечно, противники не использовали картечь – каменный щебень.

Завершая это отступление, отметим, что артиллерийская перестрелка у Ростиславля не привела к победе татар. Некоторое количество турецких пушек было разбито ответным русским огнем, но гораздо хуже для нападающих оказалось то, что к вечеру 30 июля русские стали подвозить орудия большого калибра, возможно, базировавшиеся в Коломне (рис. 4). Все это привело к отходу татар обратно в степь.

Набег 1541 г. стал одним из последних – в это десятилетие начинает действовать укрепленная линия обороны Московского государства, проходившая по городам Пронск, Михайлов, Зарайск, Тула, Одоев, Белев. Это несколько снижает напряженность вокруг Ростиславля. Впрочем, новая линия обороны не спасла многие русские города

¹ Напомним, что, согласно исследованиям, дальность действенного огня орудий во второй половине XV – XVI в. не превышала 200 м (Яковлев, 1931. С. 52). Конечно, ядра могли лететь и дальше, но их убойная сила, равно как и точность попадания, при этом значительно снижались.

от опустошительного нашествия Девлет-Гирея в 1552 г. Пострадал ли в результате этого набега Ростиславль, мы не знаем. В летописных источниках он более не упоминался.

Итак, вернемся к вопросу, заданному выше: можно ли считать описанную постройку следом одного из этих нашествий? Возможно, постройка действительно была разрушена в один из таких набегов. Учитывая массовый материал, обнаруженный в ее заполнении, это мог быть набег и 1541 г., и 1552 г. Причем предположение о набеге 1541 г. выглядит более предпочтительным, так как рядом со сгоревшей постройкой обнаружен фрагмент редкой на Руси подковы-пластины, встречающейся в Османской Турции и на территории Центральной Европы в XVI–XVII вв. (*Двуреченский*, 2004. С. 239. Рис. 1, 9–14). Эта находка может быть связана с пребыванием в Ростиславле или около него турок в составе группы, обслуживавшей артиллерийские орудия.

Другие места городища не несут на себе следов этих трагических событий, но очень показательны в плане изменения города, его жизни. Прежде всего, в XVI в. расширяется кладбище, захватывая места, на которых прежде находились усадьбы. Крупные усадьбы на площадке городища, таким образом, оказываются в непосредственной близости от кладбища.

Следует заметить также, что в XVI в. на мысовой площадке Ростиславля откладывался культурный слой, зафиксированный на внутренней стороне вала мысового узла фортификации (этот вал был полностью насыпан в эпоху раннего железного века, но мог использоваться в XII–XIV вв.). Об этом свидетельствуют находки керами-

ки XVI в. из верхних слоев вала. Следов каких-либо боевых действий, происходивших вокруг вала в XVI в., не выявлено. Тем не менее само наличие слоев XVI в. на мысовом валу в очередной раз подтверждает тезис о продолжении жизни города на протяжении всего XVI в. Там же, в мысовой части, в XVI в. находилась небольшая постройка, которая, скорее всего, была жилой. При этом говорить о каком-то фортификационном использовании вала дославянского городища мы не можем, никаких дополнительных оборонительных элементов здесь не возводится.

Анализируя характер и плотность исследованной застройки Ростиславля, можно сделать вывод о том, что город в XVI в. по-прежнему был заселен, хотя и не так плотно, как в предыдущее время. Эти данные противоречат фразе из книги известного знатока рязанских древностей А. И. Цепкова: «Опустошительные набеги татар в третьей четверти XVI в. привели к упадку старинных рязанских городов: Переяславля-Рязанского, Пронска, Перевитска, Ростиславля и др. Перевитск и Ростиславль восстановить не смогли» (*Цепков*, 2005. С. 458). Как видим, и письменные документы, и данные археологии показывают, что это не совсем так. Процесс увядания города начался еще в XV в., события века XVI лишь ускорили его, но при этом не завершили.

В целом очевидно, что количество жителей города уменьшалось; процесс исхода, начавшийся в XV в., продолжался и в XVI в. Сокращалась не только застройка городской площадки, снижалась площадь посадок и численность населения – возможно, речь может идти о нескольких десятках жителей либо чуть более сотни.

Литература

Беленицкий А. М., 1949. О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV–XV вв. // Изв. Таджикского филиала АН СССР. Сер. История и этнография. Сталинабад, 1949. № 15.

Гийом Левассер-де-Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России. Киев, 1901.

Двуреченский О. В., 2004. Средства и приемыковки лошадей в Москве и Московской земле (в XIII–XIX веках) // АП. М.

Двуреченский О. В., 2006. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // АП. Вып. 3. М.

Коваль В. Ю., 2003а. Детинец Ростиславля Рязанского: проблемы интерпретации и системы фортификации // Кремли России/Московский Кремль. Материалы и исследования. Т. XV. М.: ФГУ ГИКМЗ «Московский Кремль».

Коваль В. Ю., 2003б. Отчет об археологических исследованиях на городище Ростиславль, селище Сосновка IV и разведках в Озерском районе Московской области в 2003 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 27270.

Коваль В. Ю., 2004. История Ростиславля Рязанского (по данным письменных источников) // АП. М.

Коваль В. Ю., 2005. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV веках. Тула.

ЛС. Кн. 20. 1541 I–1551 гг. М., 2011.

ПСРЛ, 1841. Т. III. Новгородские летописи. СПб.

РК. 1475–1605 гг. М., 1966. Т. 1.

Флетчер Дж., 2002. О государстве русском. М.

Цепков А. И., 2005. Свод письменных источников по истории Рязанского края. Т. 4. Рязань.

Яковлев В. В., 1931. Эволюция долговременной фортификации. М.: Воениз.

A. N. Medved

Rostislav in the C16th – an outpost of the Principality of Muscovy

Summary

This article describes a period in the life of the town of Rostislav by Ryazan, in the C16th. Numerous archaeological complexes are described, and a theory is outlined which connects these complexes to the mid-C16th – notably to the period of Tatar raids on

Muscovy in 1541. Manuscript accounts of these raids are taken into account, and a hypothesis is advanced for the presumed location of these raids. On overall view is taken of life in Rostislav in the latter part of the C16th.

И. И. Елкина, В. А. Зейфер

Волосник из Переславля-Залесского

Раскопки 2012 г. в Переславле-Залесском, проводившиеся экспедицией ИА РАН под руководством Б.Е. Янишевского перед строительством храма на участке по ул. Кардовского, 7а (рис. 1), продолжили серию работ по изучению древнейшего прошлого средневекового города.

В раскопе общей площадью 260 кв. м исследовано средневековое кладбище и остатки валунного фундамента церкви Андрея Смоленского (Никольской), многократно перестраивавшейся (в последний раз в XVIII в.), известной по письменным источникам с XIV столетия. На месте проведенных археологических исследований предполагалось восстановить храм во имя св. князя Андрея Смоленского, разрушенный в 1930-е годы.

Существует две версии истории князя Андрея Смоленского, обе изложены в краеведческом очерке М. И. Смирнова (1911). Согласно ранней, утвердившейся в историографии XIX в., Андрей являлся сыном князя Федора Константиновича Фоминского. Около 1360 г. он бежал от междоусобиц из Смоленска в Переславль, где стал служить пономарем в Никольской церкви у городских ворот. После его смерти (около 1390 г.) при нем были найдены княжеские знаки – золотые цепь и перстень, а также грамота с записью самого князя. Версия начала XX в. повторяет жизнеописание князя, но относит его смерть к 1292 г. (*Смирнов*, 1911. С. 46–47). Мощи князя были открыты в первой трети XVI в. по настоянию преподобного Даниила Переславского и по освидетельствовании вновь погребены. Княжеские знаки (цепь и перстень) были взяты позже царем Иваном Грозным (*Добронравов, Березин*, 1895. С. 45).

О существовании Никольской церкви в XVII в. свидетельствуют патриаршие окладные книги, в которых под 1628 г. отмечено: «...церковь Вели-

кого Чудотворца Николы на посаде...». На рубеже XVII и XVIII вв. при Никольской церкви существовал женский монастырь. В 1729 г. игуменьей монастыря была старица Есфирь, а сестер было 34. В 1764 г. монастырь упразднили, церковь была обращена в приходскую (*Добронравов, Березин*, 1895. С. 44–47). Никольская церковь перестраивалась не менее четырех раз. В промежутке между 1737 и 1799 гг. был возведен первый каменный храм, перестроенный еще раз в 1812 г. В церкви кроме престолов св. Николая Чудотворца и св. князя Андрея имелся престол св. Дмитрия Солунского. В начале 1930-х гг. церковь была взорвана, на ее месте была устроена электроподстанция, позже разобранный. Долгое время на месте церкви был пустырь. С целью обретения мощей св. князя Андрея в 2000 г. здесь проводились поисковые работы, научным консультантом которых выступал А. К. Станюкович. В ходе этих работ, проводившихся по заказу Русской православной церкви без открытого листа, были откопаны четыре шурфа (от 1×2 до 1,5×2 м) по углам храма и апсиды.

При раскопках 2012 г. выяснилось, что кроме указанных в отчете шурфов были и другие нарушения культурного слоя, возможно, произведенные при копке фундамента подстанции. В результате раскопок выяснилось, что фундамент церкви выполнен из валунов, сложенных на извести, размеры валунов от 0,1×0,1 см до 0,6×0,8 м. Валунный фундамент сохранился не полностью. Церковь была ориентирована по оси СВ–ЮЗ. Материк (желтый песок) нарушен погребениями и фундаментом церкви, так что ненарушенными оказались только семь более ранних материковых ям. Мощность культурного слоя (темно-серой супеси) составляла 1,0–1,3 м без учета ям.

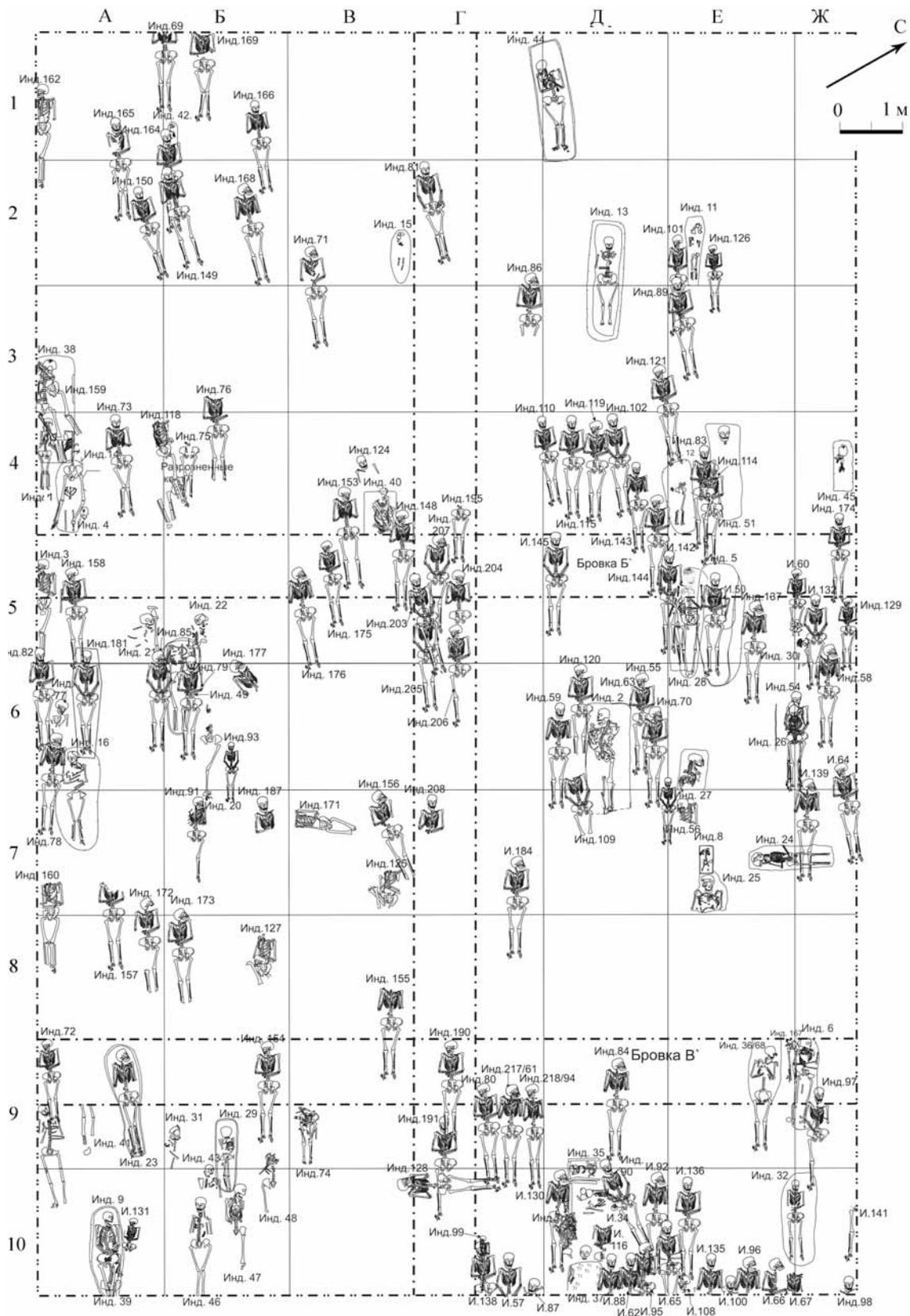

Рис. 2. Раскоп на ул. Кардовского, 7а.
Планиграфия погребений некрополя церкви Св. князя Андрея Смоленского

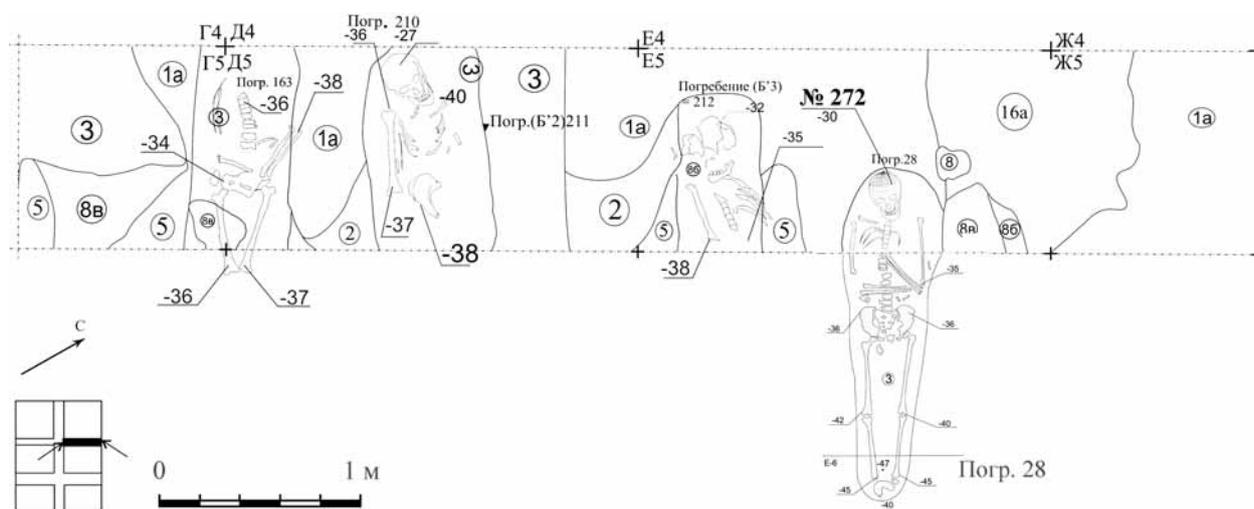

Рис. 3. Раскоп на ул. Кардовского, 7а. Погребение 28. Инд. находка № 272 *in situ*

под названием волосник (рис. 4; 5). Волосник входил в состав традиционного русского средневекового многоэлементного головного убора замужней женщины. Он надевался на прическу, полностью закрывая ее волосы. Поверх волосника надевались убрus (полоса ткани с украшенными концами), а затем кика или кокошник. В литературе описывается и другой вариант ношения волосника, когда он надевался на убрus.

Находка из Переславля-Залесского пополнила коллекцию волосников, известных на сегодняшний день, которых насчитывается уже более 30 экземпляров. Все эти предметы археологические и известны по материалам раскопок некрополей Москвы, Суздаля, Троице-Сергиевой лавры (Панова, Синицына, 1987. С. 338–341; Ефимова, Алешина, Самонин, 2000. С. 21, 228; Ёлкина, 2005. С. 85–114; 2008. С. 142–149; Спирина, 1981. С. 461). За последнее время благодаря проводимым раскопкам на территориях других городов география находок расширилась. Недавно в ходе археологических работ были выявлены головные уборы в Бежецке (Тверская обл.) и Нижнем Новгороде (Орфинская, Голиков, Ёлкина, 2012. С. 79–85). Несмотря на общие признаки изготовления и принципы композиции, каждый волосник неповторим и тем самым привлекает интерес исследователей.

Рассматриваемый волосник из Переславля-Залесского выполнен в типичной для Средневековья манере. Очелье шириной 4,2 см изготовлено из полосы шелковой однотонной ткани красного цвета. Ткань полотняного переплетения, ее плотность по основе составляет 50 н/см, по утку – 45 н/см. Нити некрученые.

Очелье орнаментировано золотой вышивкой в прикреп. Настил золотых пряженных нитей вертикальный. Шелковые закрепы на золотых нитях выполнены через каждые 2 мм и создают частые диагональные полосы, имитирующие ткачество. С оборотной стороны к очелью была подшита подкладка, представляющая собой ткань, аналогичную основной ткани очелья. Подкладочная ткань была пришита к очелью красной шелковой нитью. Подобная нить использована для соединения очелья с ажурным верхом.

На очелье волосника вышиты стилизованные деревья, чередующиеся с бегущими животными. Всего изображено пять деревьев и четверо животных. Их движение направлено к центру композиции, к главному центральному дереву. Все элементы даются отдельно, они самостоятельны и не связаны действием. Такая композиция на средневековых волосниках является довольно типичной. Типичен и стиль изображения композиционных элементов (дерев и животных). Аналогичные композиции встречены на многих волосниках. Так, на волоснике неизвестной из Нижнего Новгорода (Орфинская, Голиков, Ёлкина, 2012. С. 79–85) и Марии Мутьянской (†1603 г.) изображены деревья с чередующимися единорогами (Шокарев, 2000. С. 203). Изображение чередующихся деревьев и оленей вышито на очелье Анны Романовны Юрьевой (Сицкой) (†1561 г.) (рис. 6; Ёлкина, 2005. С. 103) и неизвестной из некрополя храма Покрова на рву (работы Беляева и Чернова в 2005 г., не опубликованы). Изображение бегущего животного на очелье из Переславля-Залесского аналогично животному на очелье

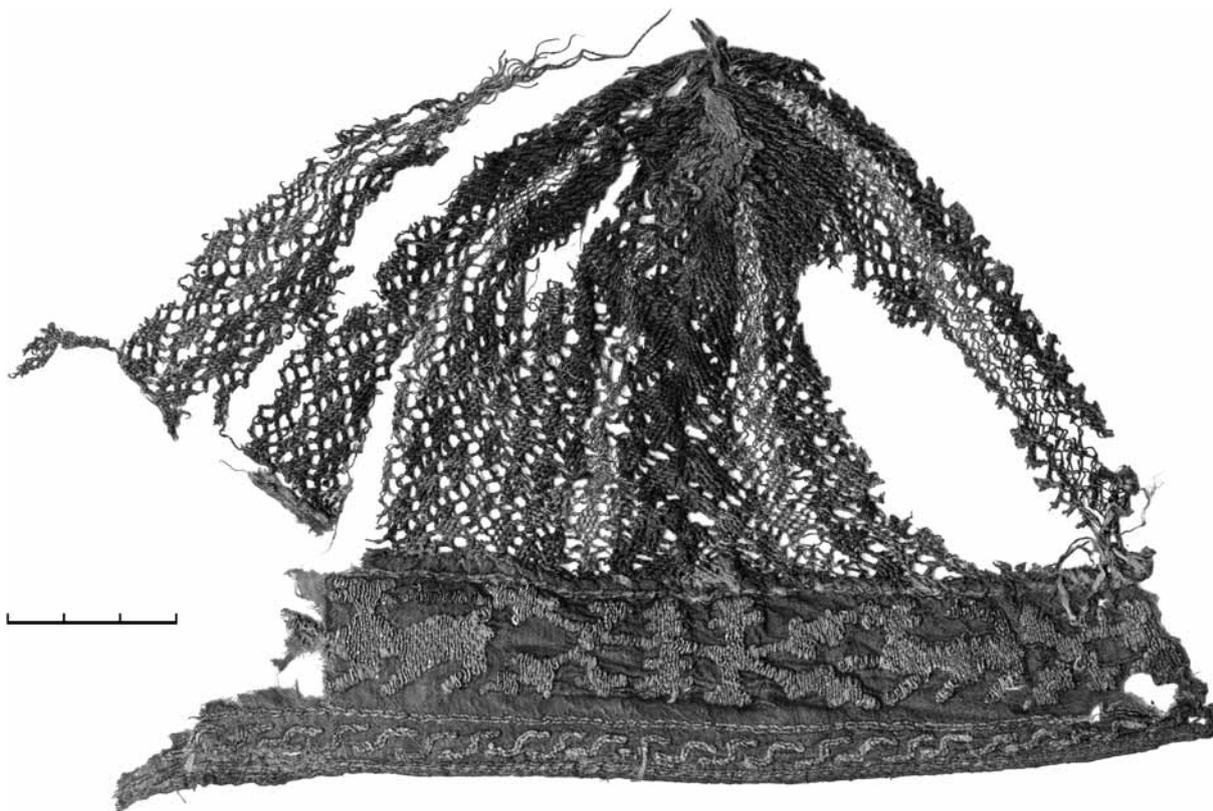

Рис. 4. Волосника фрагмент. Ажурный верх и очелье.
Золотная вышивка, плетение на деревянной рамке (*sprang*) (см. цв. вкл.)

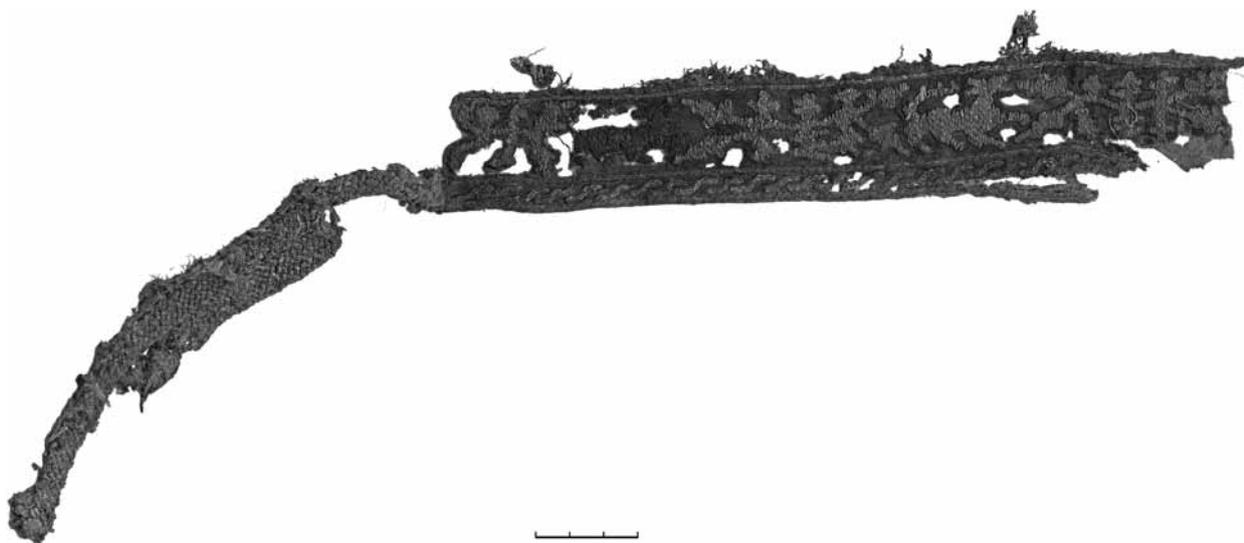

Рис. 5. Волосника фрагмент. Очелье. Золотная вышивка, плетение

Анны, первой жены Д. Р. Юрьева (†1554 г.) (Ёлкина, 2005. С. 101).

По нижнему краю очелья проходит вышитая полоса побегка (бегунка). Изображение полосы побегка прослеживается практически на каждом известном сегодня очелье волосника.

Ажурный верх волосника высотой 11 см был изготовлен в технике плетения на деревянной рамке (sprang). Для выполнения плетения использовались нити двух видов – золотные и цветные шелковые, которые чередовались по цвету группами, образуя орнаментальные вертикальные полосы. Техника плетения на раме была довольно популярна во времена позднего Средневековья (XVI–XVII вв.) и часто применялась для изготовления волосников. Ажурный верх, выполненный в такой технике, отмечен более чем у половины известных на сегодняшний день волосников. В XVII в. из Западной Европы распространяется кружево на коклюшках и вытесняет плетение на раме. Ныне плетение на раме стало одним из забытых древних ремесел.

Сзади любой волосник туго стягивался шнурком или плетеной тесьмой. Для стягивания волосника из Переславля-Залесского использованы плоские плетеные тесьмы шириной 7,5 мм, выполненные из сдвоенных золотных нитей в семь концов. Тесьмы были пришиты к боковым концам очелья.

Каждый элемент одежды традиционного русского костюма глубоко символичен и несет в себе защитно-охранительную функцию. Волосник также не исключение. Его задача заключается в том, чтобы полностью закрыть волосы женщины, тем самым защищая ее от темных сил. Большое внимание на Руси уделялось выбору цветов и элементам композиции орнамента. Традиционным для очелья волосника является красный цвет, символизирующий радость и веселье (Богатырев, 1971. С. 316). Обязательное изображение дерева на волоснике также глубоко символично. Под этим древнейшим символом понимается мировое древо, или древо жизни. Это прославление жизненной силы и плодородия (Манушина, 1983. С. 36), символ семьи и продолжения рода.

Волосник являлся неотъемлемой частью русского традиционного костюма замужней женщины, полностью сформировавшегося к XV – началу XVI в. Прекращение бытования волосников

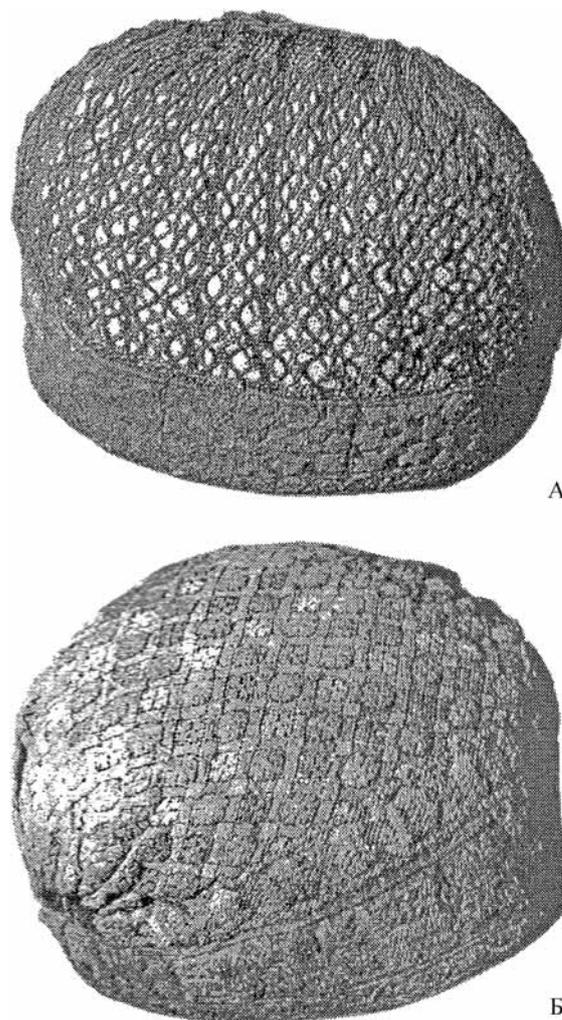

Рис. 6. Волосник Анны Никитичны Романовой (княгини Троекуровой) и волосник Анны Романовны Юрьевой (княгини Сицкой)

связано с резкой сменой русского традиционного костюма на европейский манер, произошедшей в связи с указами Петра I.

По всей вероятности, владелица волосника из Переславля-Залесского имела высокий социальный статус. Практически все ранее находимые волосники принадлежали женщинам царского дома, княжеских или знатных боярских семей. В изготовлении волосников использовались дорогие импортные шелковые ткани и золотные нити. Кроме того, выполнение вышивки и плетения волосника довольно трудоемко и требует высокого мастерства и умения.

Литература

Богатырев П. Г., 1971. Вопросы теории народного искусства. М.

Белова О. В., 2000. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М.

Добронравов В. Г., Березин В. Д., 1895. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Ч. 2. Владимир.

Ефимова Л. В., Алешина Т. С., Самонин С. Ю., 2000. Костюм в России. XV – начало XX века. М.

Елкина И. И., 2008. Волосники XVI–XVII вв. из погребений Зачатьевского монастыря в Москве // РА. № 2. М.

Елкина И. И., 2005. Одежда, головные уборы и погребальные облачения из усыпальницы рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре // Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома.

Латышева В. П., Рабинович М. Г., 1966. Москва в далеком прошлом. М.

Манушина Т. Н., 1983. Шитье Древней Руси в собрании Загорского музея. М.

Орфинская О. В., Голиков В. П., Елкина И. И., 2012. Женский головной убор – волосник из Нижнего Новгорода // Нижегородская старина. Вып. 33, 34. Нижний Новгород.

Панова Т. Д., Синицына Н. П., 1987. Волосники из погребений бывшего Вознесенского монастыря в Московском Кремле // Памятники культуры. Новые открытия. М.

Рабинович М. Г., 1986. Одежда русских XIII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. Материалы к историко-этнографическому атласу. М.

Соснина Н. Шангина И., 1998. Русский традиционный костюм. СПб.

Спирина Л. М., 1980. Неизвестные произведения искусства и исторические документы, связанные с погребальным комплексом Годуновых // Памятники культуры. Новые открытия. Л.

Станюкович А. К., 2000. Отчет о результатах раскопок на месте бывшей церкви Князь-Андреевской (ул. Кардовского, 7) с целью обречения мощей святого благоверного князя Андрея Смоленского // Научный архив департамента культуры и туризма Ярославской обл. № 569.

Смирнов М. И., 1911. Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее. М.

Шокарев С. Ю., 2000. Фрагмент надгробия и волосник из погребения Марии Мутьянской (1603 г.) // Тр. МИГМ. Вып. 10. М.

I. I. Elkina, V. A. Zeifer

Knitted caps of Pereslavl-Zalessky

Summary

In 2012 in Pereslavl-Zalessky, an expedition from the Institute of Archaeology of the RAS studied a 260 sq.m area in front of the construction of the church at the site at 7a Kardovsky St. We excavated a medieval cemetery and the remains of the stone foundations of the Church of St. Andrey of Smolensk.

At the site the expedition found 378 individual items, including 58 crucifixes, about 70 coins of the late 15th – 16th century, iron household products,

fragments of leather shoes, glass bangles, beads and other artifacts.

The most interesting artifact was a knitted cap consisting of an ampyx and a fishnet top found in tomb 28. The knitted cap was part of a traditional Russian medieval complex head-dress of a married woman. The owner of this knit cap from Pereslavl Zalessky, had high social status. Almost all previously found knitted caps belonged to women of Royal or noble Boyar families.

С. В. Малых

**Усадьба Лопухиных в Москве:
археологические исследования 2011 года**

Осенью 2011 г. в Москве по адресу: М. Знаменский пер., д. 3/5 и д. 3, стр. 4 силами ООО «Столичное археологическое бюро»¹ были проведены охранные раскопки на площади 100 кв.м. Раскоп располагался в непосредственной близости от участка, где велись археологические изыскания в 1992 г. (Векслер, 1992) (рис. 1).

Согласно сведениям писцовых книг, в XVI–XVII вв. в исследуемом районе располагались небольшие владения, принадлежавшие горожанам. На Сигизмундове плане 1610 г. на исследуемом участке можно видеть застройку усадебного типа. В это время деревянные постройки часто подвергались пожарам, которые в данном районе зафиксированы в 1547, 1571, 1591, 1611, 1629 и 1685 гг. Усадьба Лопухиных появилась в этой части города в конце XVII в. Основой главного здания усадьбы явились палаты, возведенные около 1689 г. Федором Авраамовичем Лопухиным (отцом первой жены Петра I Евдокии Федоровны) на подаренных царем землях. После 1718 г. усадьба неоднократно меняла хозяев. В 1774–1775 гг. палаты Лопухиных вошли в состав Пречистенского дворца. Он был построен в сентябре – декабре 1774 г. на Волхонке для размещения Екатерины II на время празднования победного для России Кучук-Кайнарджийского мира, заключенного с Турцией в ходе первой Русско-турецкой войны. В это время главный дом усадьбы Лопухиных был сильно перестроен. Изменениям в планировке подверглась и придомовая территория. После 1917 г. усадьба Лопухиных ис-

пользовалась под жилые и административные нужды. В 1926 г. расширение основного здания музея Маркса и Энгельса, расположенного в соседней бывшей усадьбе Долгоруковых, повлекло за собой разбор части флигеля усадьбы Лопухиных (бывшей конюшни и каретного сарая), находившейся на границе этих домовладений. Сейчас на территории бывшей усадьбы Лопухиных располагается Международный центр Рерихов.

В ходе проведенных раскопок в 2011 г. были выявлены археологические объекты, относящиеся к застройке данного участка. В северо-западном углу раскопа был расчищен фрагмент бульжной вымостки (сооружение 1), окаймленной белокаменными бордюрами (рис. 2). Общие размеры обнаруженной части сооружения составили 3,30×1,20 м. Уровень данного сооружения (134,50...134,54 м по Балтийской системе высот) практически совпадал с верхними отметками белокаменного фундамента каретного сарая, обнаруженного при раскопках 1992 г. (134,49...134,72 м). На белокаменном фундаменте лежала кирпичная кладка, которую, исходя из обнаруженной вымостки, можно определить как часть стен каретного сарая, не до конца разобранный в середине 20-х гг. XX в. В слое, с юга примыкавшем к сооружению 1, обнаружено более десятка конских подков, фрагменты конской упряжи, монеты XIX – начала XX в. (рис. 3). Вероятно, в момент разбора каретного сарая была засыпана колодезная яма, фрагмент которой зафиксирован в юго-западном углу

---

¹ Приношу благодарность руководителю раскопок К. В. Воронину за возможность использовать неопубликованные материалы. Вместе с автором статьи активное участие в раскопках принимали М. А. Гиршевич, А. В. Иванова. Фотографии сделаны Л. А. Рукавишниковой, рисунки керамики – К. Булатниковой, рисунки вещей – С. Е. Малых. Также выражаю признательность старшему научному сотруднику отдела нумизматики ГИМ И. В. Волкову за атрибуцию нумизматического материала.

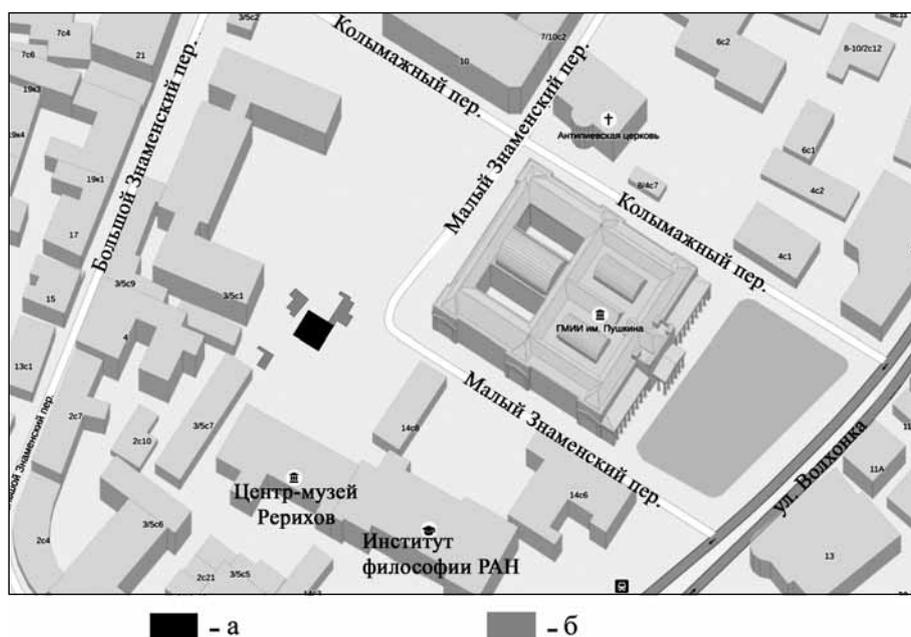

Рис. 1. План раскопов в М. Знаменском переулке, 3/5, 2011 (а) и 1992 (б) гг.

раскопа (яма 2; рис. 4). Устье ямы прослеживалось с того же уровня, что и вымостка в северо-западной части раскопа. В заполнении ямы обнаружен вещевой материал XVIII – начала XX в. (рис. 5). Засыпка колодца и разборка каретного сарая связаны с расширением основного здания музея Маркса и Энгельса в 1926 г.

К северу от ямы 2 располагалась еще одна колодезная яма (сооружение 13). В ее заполнении найдены предметы XVI–XVIII вв. (рис. 6). На глу-

бине 4 м от дневной поверхности зафиксирован тлен от сруба колодца. По стратиграфической ситуации можно определить, что колодец был сооружен после пожара 1680-х гг. Появление этого сооружения можно связать с возникновением здесь новой крупной усадьбы в конце XVII в. Засыпка колодца могла потребоваться в связи со строительством Пречистенского дворца в 1774–1779 гг.

В 1718 г. сын основателя усадьбы в Малом Знаменском переулке А. Ф. Лопухин был казнен как

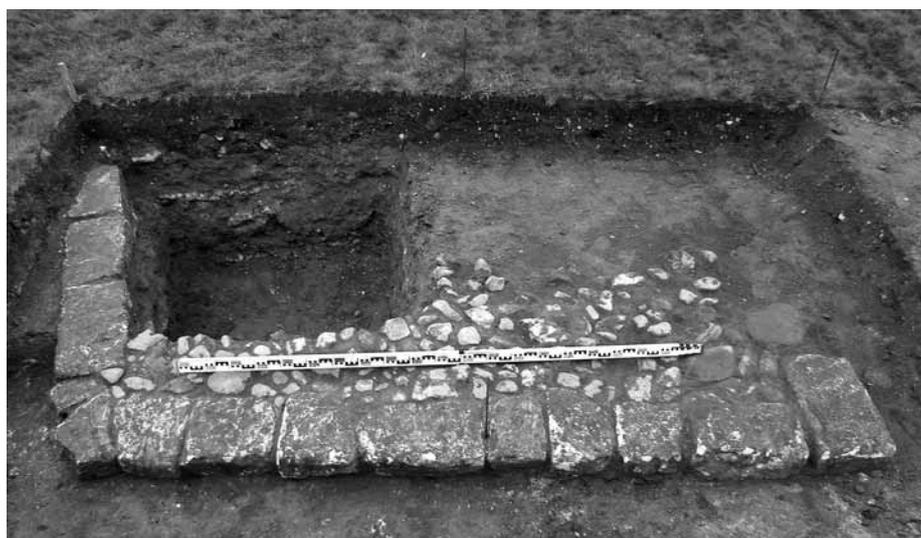
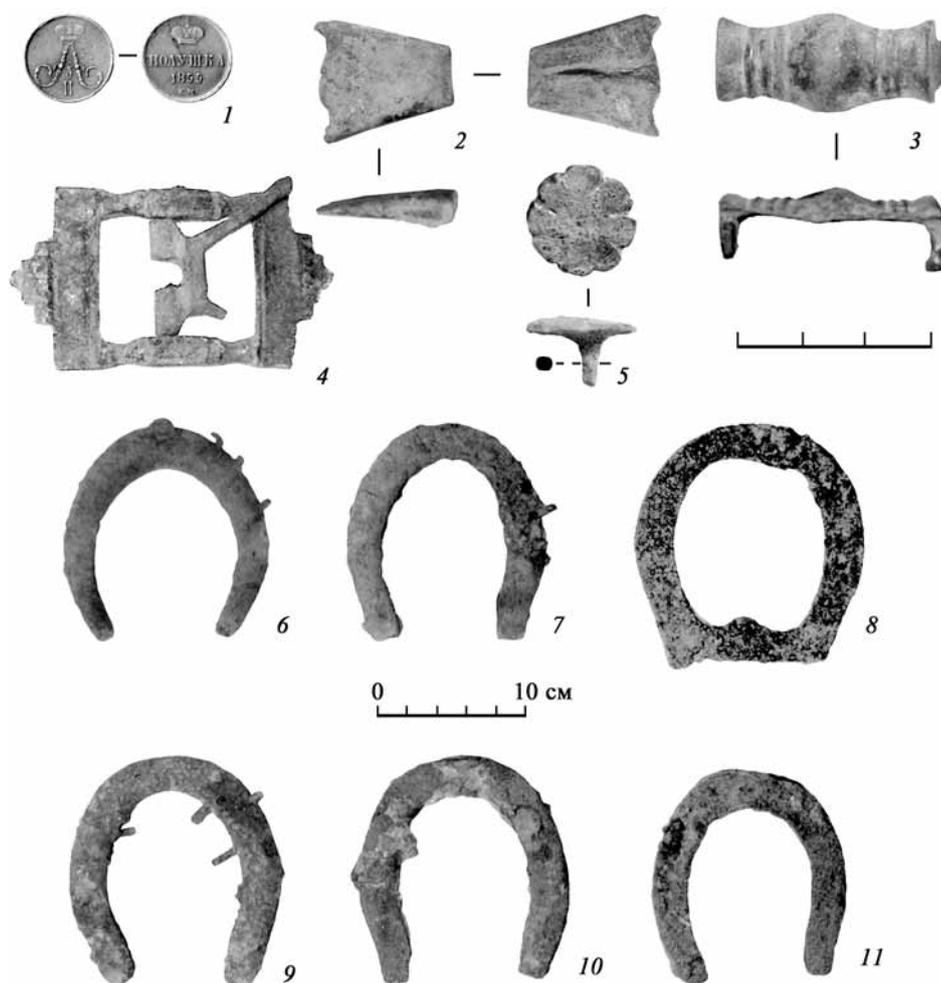

Рис. 2. Бульжная вымостка в северной части раскопа (сооружение 1)

Рис. 3. Вещи, обнаруженные рядом с булыжной вымосткой

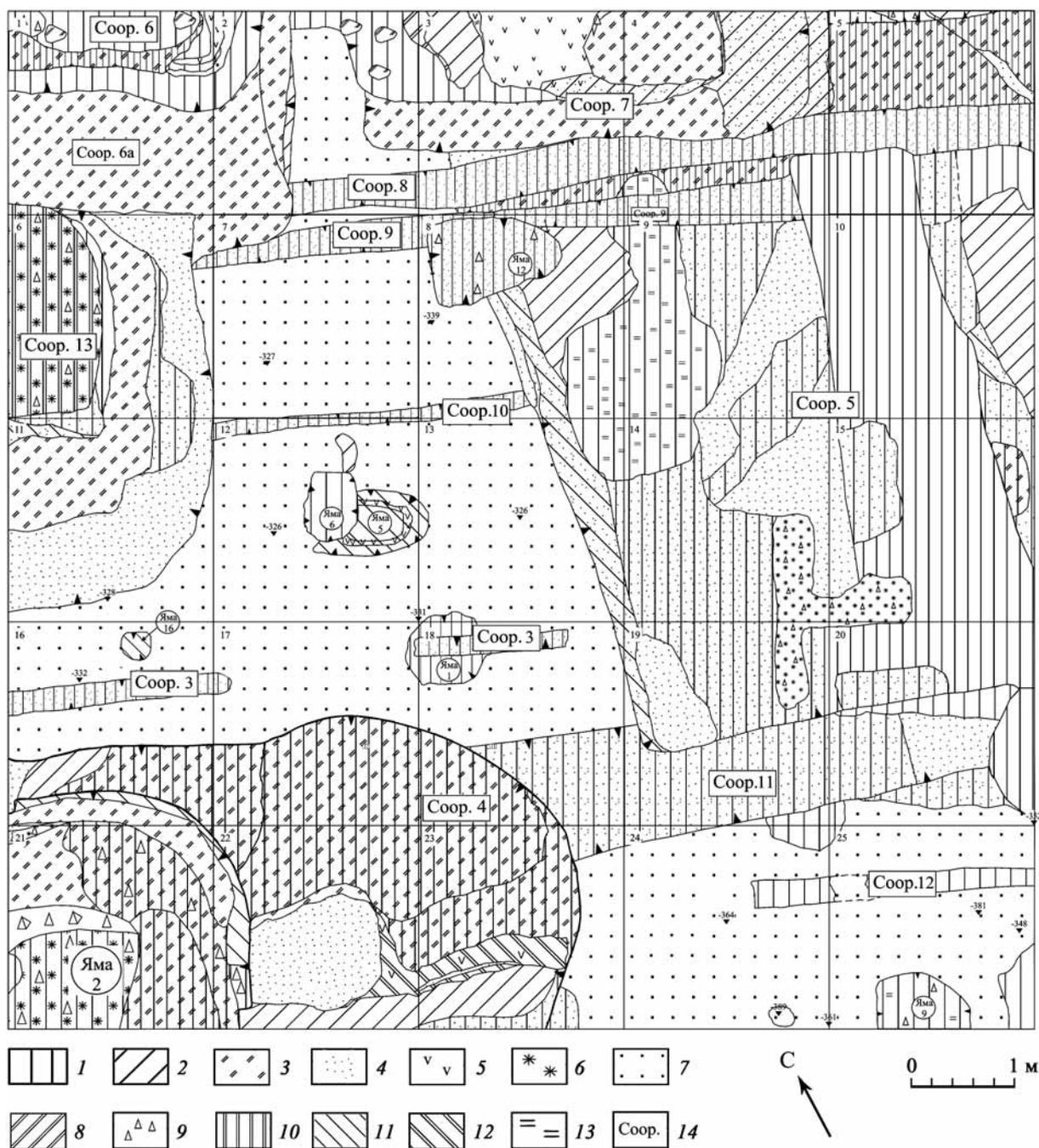
1 – полушка 1855 г.; 2, 3 – накладки; 4 – пряжка; 5 – декоративный гвоздь;
6–11 – конские подковы (1–5 – цветной металл; 6–11 – железо)

участник дела царевича Алексея, его усадьба конфискована и перешла к новым хозяевам. Возможно, одним из следствий вышеупомянутых событий стали изменения интерьера главного дома, в том числе замена изразцовых печей. Старые изразцы вместе с обломками кирпичей были выброшены. В археологическом контексте данное событие зафиксировано в виде выявленной в восточной части раскопа квадратной ямы размерами 2,2×2,2 м. В заполнении, состоявшем из кирпичного боя, глины и серой супеси, найдено большое количество фрагментов муравленых изразцов (рис. 7). Также здесь обнаружены медные полушки 1718–1722 гг., позволившие определить время засыпки ямы 1720-ми годами.

Среди находок в слое конца XVII – первой половины XVIII в. выделяются фрагмент гладкого расписного изразца и медвежий клык (рис. 8). У мед-

вежьего клыка было сточено острие, а отверстие для подвешивания отсутствовало. Возможно, зуб принадлежал животному, которого содержали для развлечений на усадьбе Лопухиных. От печного изразца сохранился фрагмент лицевой пластины, на которой синей краской по белому фону нанесен рисунок (море), и внизу шла подпись «(чу)деса после бури». Изразцы с синей сюжетной росписью изготавливались в 1710–1740-х, а в 1750-е годы они вышли из моды (Маслх, 1983. С. 23).

В северо-западном углу раскопа выявлено сооружение 6 – южная часть сгоревшего погребца (удалось проследить лишь частично сохранившийся нижний ярус горизонтальных досок или брусков, а также фрагменты обрушившихся обугленных досок). В засыпке погребца обнаружена монета царя Федора Алексеевича 1681–1682 гг. Как в слое бытования погребца, так и в его засыпке найдены

Рис. 4. План ям и сооружений на уровне материка

1 – серая супесь; 2 – светло-серая супесь; 3 – светло-серый суглинок; 4 – песок; 5 – уголь; 6 – известь; 7 – материк; 8 – светло-коричневая супесь; 9 – кирпичная крошка; 10 – коричневая супесь; 11 – темно-серая супесь; 12 – темно-коричневая супесь; 13 – глина; 14 – сооружение

различные предметы и фрагменты керамических сосудов, преимущественно белоглиняных и чернолощенных XVII в. (рис. 9; 10; табл. 1). Возможно, погреб погиб либо в большом московском пожаре 1685 г., либо в одном из локальных пожаров 1680-х годов.

Сгоревшее сооружение 6 располагалось на месте раннего погребя (сооружение 6а), время строительства и существования которого можно отнести к XVI – началу XVII в. Такой вывод проистекает из данных стратиграфии и присутствия в комплексе керамики XVI в. (табл. 1). Вертикальные

Таблица 1. Керамика из основных сооружений и нижних пластов.

Керамика	Соор. 3	Соор. 4	Соор. 5	Соор. 5, нижний горизонт	Соор. 6	Соор. 6 а	Соор. 7	Соор. 8	Соор. 9	Соор. 13	Пл. 15-16	Всего
Серая (XIV в.)	-	1	-	-	-	-	4	-	-	-	24	29
Красноглиняная грубая (кон. XIV – 1-я пол. XV в.)	1	2	-	-	-	-	3	-	-	-	60	66
Красноглиняная гладкая ранняя (1-я пол. XV в.)	-	-	1	-	-	-	-	-	2	-	42	45
Краснолощенная (XV–XVII вв.)	-	-	-	-	7	-	-	1	-	-	52	60
Красноглиняная гладкая (2-я пол. XV – XVI в.)	1	32	120	23	10	13	68	2	-	4	1234	1507
Красноглиняная ангобированная (XVI–XVII вв.)	-	1	1	2	-	1	-	-	-	3	17	25
Чернолощенная (XVI–XVIII вв.)	-	8	-	-	51	14	-	-	-	26	231	330
Белоглиняная грубая (кон. XV – нач. XVII в.)	-	47	-	11	10	66	-	-	1	15	562	712
Белоглиняная гладкая (XVI–XVII вв.)	-	9	10	-	211	21	-	2	-	9	344	606
Всего	2	100	132	36	289	115	75	5	3	57	2566	3380

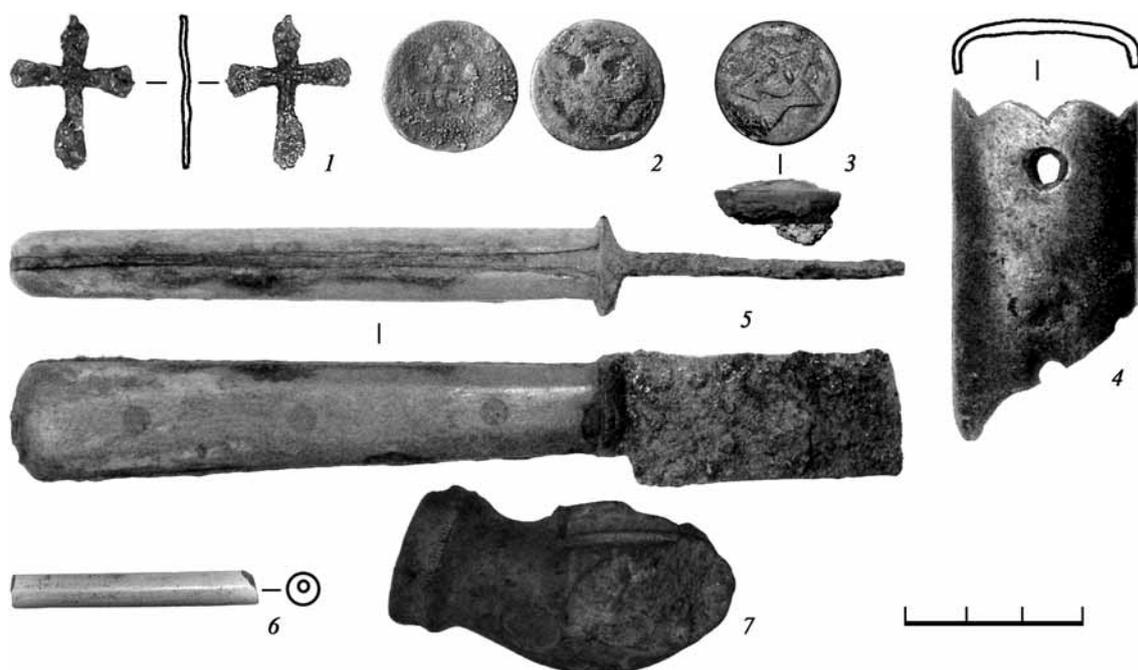

Рис. 5. Находки из поздней колодезной ямы (2)

1 – крест; 2 – деньги XVIII в.; 3 – пуговица; 4 – фрагмент детали от ножен; 5 – фрагмент ножа; 6, 7 – фрагменты курительных трубок (1, 4 – сплав из цветных металлов; 2 – медь; 3 – медный сплав, железо; 5 – железо, кость; 6, 7 – керамика)

стены этого сооружения крепили деревянный каркас, истлевшие остатки которого почти вплотную примыкали к материковым стенкам котлована. В расчищенной части погребов были выявлены две столбовые ямы: первая располагалась в углу, вторая – на удалении 1 м от первой, рядом со стеной. Конструкция крепежа стенок представляла собой горизонтальные, лежавшие одна на другой плахи (или доски), крепившиеся столбами. После того как погреб перестал использоваться, его нижняя часть была заполнена песком, вероятно, в результате естественных процессов. На уровне верхней отметки сохранившихся деревянных плах в заполнении ямы прослежен слой серой супеси (рис. 9), который и прорезала более поздняя яма вышеописанного сгоревшего сооружения 6.

К ЮВ от сооружений 6 и 6а был зафиксирован частично попавший в раскоп еще один погреб – сооружение 7, в заполнении которого фиксировалась та же прослойка серой супеси, что и в погребке 6а. Возможно, оба сооружения прекратили существование почти одновременно, и участок, на котором они находились, не был выровнен сразу. На дне погребка 7 был найден железный наконечник деревянной лопаты, обломки красноглиняных гладких горшков, медное пуло XVI в., а в прослойке серой супеси, перекрывающей ниж-

ний слой заполнения, – почти целая поливная чернильница, относящаяся к типу, датируемому преимущественно XVII в. (Розенфельдт, 1968. С. 52, 53. Табл. 19, 1–3) (рис. 11). Вероятно, сооружение 7 функционировало во второй половине XVI – начале XVII в. Следов пожара в нижней части его заполнения не зафиксировано. Время прекращения использования двух погребов (сооружений 6а и 7), предшествующих постройке 6, определяется концом XVI – началом XVII в. Этот этап запустения может быть связан с общим упадком в Смутное время.

Слой, отложившийся в XVI в., также сохранили интересные предметы (рис. 12). Здесь были найдены фрагмент креста-энколпиона, левый верхний наугольник оклада Евангелия и заготовка крестика из медного сплава.

Несмотря на то что левая ветвь креста-энколпиона утрачена, сохранность металла оставшейся части высокая. Изменения качества рельефа со времени попадания в слой до момента обнаружения его при раскопках минимальны. На лицевой стороне створки в центре был изображен архангел Сихаил, по бокам и сверху, в круглых медальонах – неизвестные святые. Медальоны по окружности выделены невысоким бортиком. Средокрестие по краям также оконтурено рельеф-

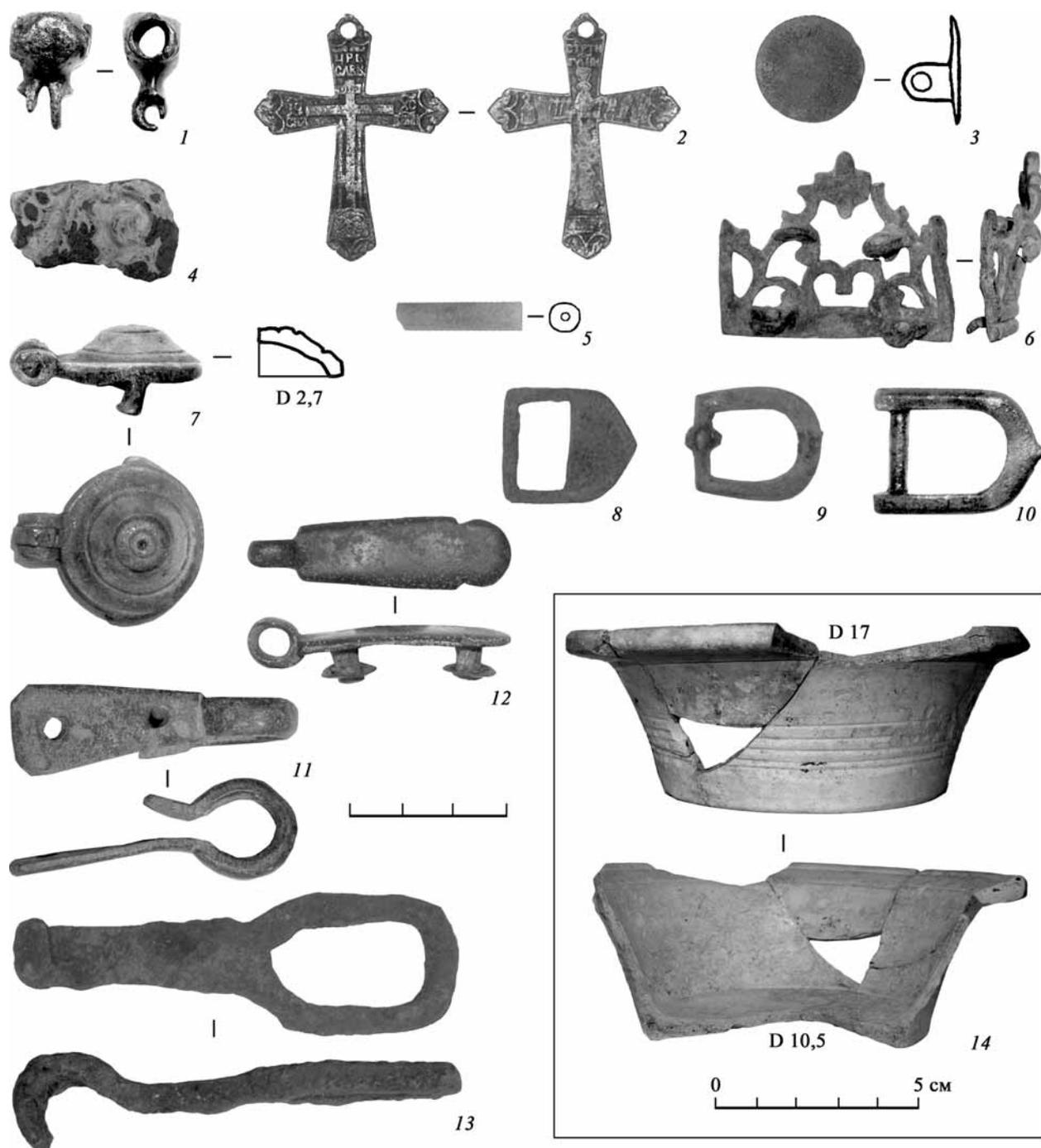

Рис. 6. Находки из засыпки колодезной ямы (сооружение 13)

1 – оглавие креста; 2 – крест нагельный; 3 – пуговица; 4 – фр-т печного изразца; 5 – фр-т курительной трубки; 6 – накладка; 7, 11–13 – детали конской упряжи; 8–10 – пряжки; 14 – миска (1–3; 6–12 – сплав из цветных металлов; 4, 5, 14 – керамика; 13 – железо)

ными дуговидными кантиками. География находок энколпионов этого типа довольно широка. Они известны даже в Польше, где такой предмет датирован XIII–XV вв. (Корзухина, Пескова, 2003. С. 220). В конце XIX в. такой же энколпион, найденный в Житомире, хранился у известных коллекционе-

ров Б. И. и В. Н. Ханенко, которыми он был датирован XII–XIII вв. Изображения в медальонах определены следующим образом: «...вверху – Сергия, внизу Агапита, справа Артемия, слева Сисиния» (Ханенко, 1899. С. 9. Табл. II, 38). Еще одна близкая по форме и идентичная по изображению

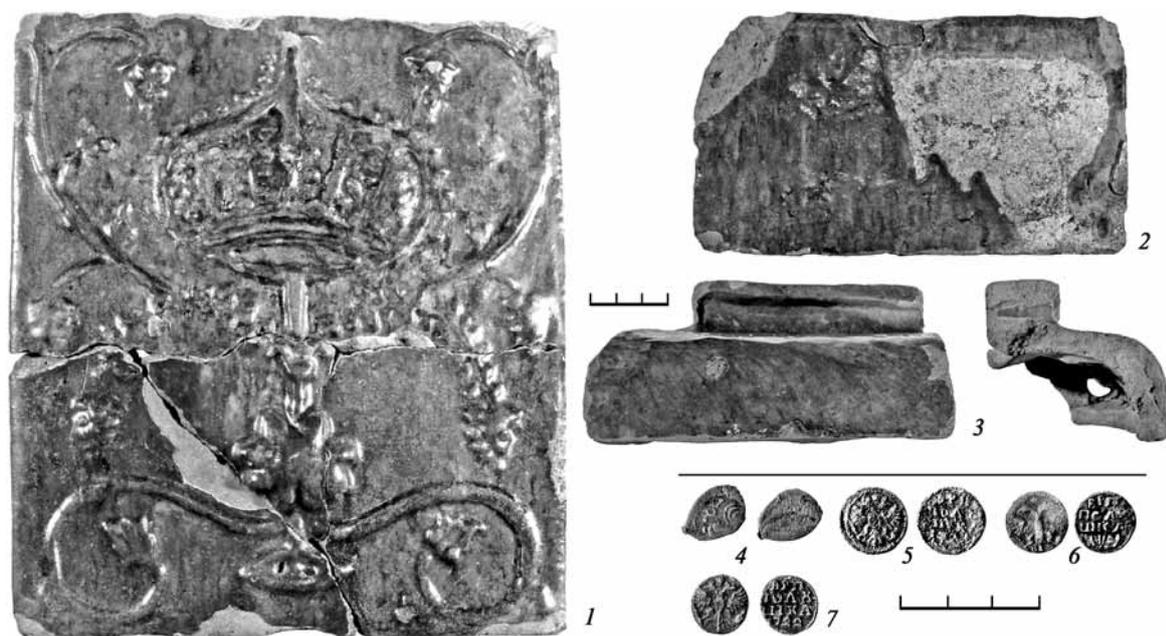

Рис. 7. Находки из ямы (10) начала 20-х гг. XVIII в.

1–3 – рельефный и гладкие муравленые печные изразцы; 4 – пуло кон. XV в.;
5–7 – полушки 1718–1722 гг. (1–3 – керамика; 4–7 – медь)

створка найдена при раскопках в урочище Погост на Афанасьевском поле в Радонеже. Время попадания в слой группы крестов (как целых, так и обломков) определяется промежутком между 1570 и 1610 гг. (Чернов, 2000. С. 78. Рис. 4, 26). Период жизни поселения, существовавшего до появления на этом месте кладбища, определяется концом XIV в. – 1560–1570 гг. (Чернов, 2000. С. 77, 78). Створка аналогичного энколпиона с Распятием, найденная на Ковровском городище в Кировской области, датирована XIV в., время попадания в слой определяется как XIV – середина XV в. (Макаров, 2001. Рис. 60, 2; 2010).

Рис. 8. Находки из слоя кон. XVII – 1-й пол. XVIII в.

1 – медвежий клык; 2 – фрагмент печного изразца (керамика)

По археологическому контексту (красноглиняной гладкой керамике и медному пулу, найденным поблизости), створка энколпиона, обнаруженная в Малом Знаменском переулке, может быть датирована не позднее XVI в. Общая датировка большей части просмотренных аналогичных предметов определяется в рамках XII–XVI вв. У ранних энколпионов этого типа рельеф невысокий, но хорошо детализированный, часто читается имя архангела, кантики шнуровидные или «зубчатые» (Карзухина, Пескова, 2003. С. 219. Табл. 146, 147; Чудновец, 2006. С. 104. № 33). Рельеф у нашего предмета в значительной степени смазан, что можно объяснить длинной вереницей предшествующих копий с оригинальной формы. Обратная сторона описываемого образца имела бортик, высота которого менее 1 мм, то есть место для хранения мошей в таком энколпионе практически отсутствовало. Это, возможно, являлось промежуточным шагом к ситуации, когда по оттиску с энколпионов изготавливались цельнолитые наперсные кресты.

При проведении раскопок в 1992 г. в слое, содержащем керамику XVI–XVII вв., была найдена створка энколпиона с таким же изображением. После того как были сопоставлены планы раскопок, выяснилось, что расстояние между двумя находками равнялось примерно 10 м, фрагмент энколпиона 2011 г. лежал ниже на 79 см. У створки

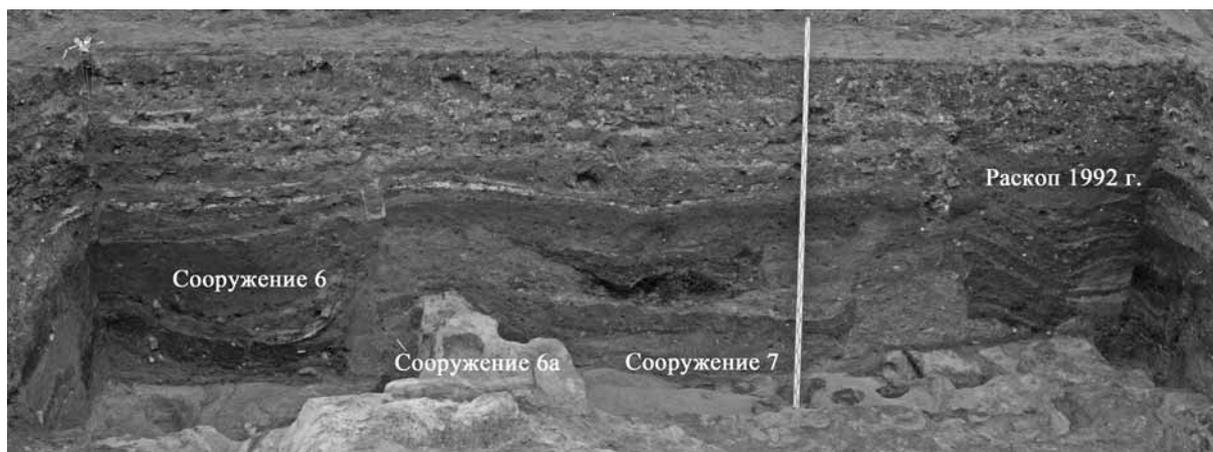

Рис. 9. Северо-восточный борт раскопа

1992 г. отсутствовал верхний медальон, у створки 2011 г. – левый. Диаметр нижнего и правого медальонов у обеих створок равнялся 13,5 мм, расстояние от края правого медальона до левого края фигуры архангела также совпадало, оно равнялось 32 мм, толщина обеих створок – 2–2,2 мм. И наконец, в нижней части правого медальона у обеих створок присутствовал одинаковый дефект треугольной формы. Наличие двух створок, отлитых по одной и той же модели, позволяет с большой долей уверенности предполагать, что они являлись производственным браком мастерской.

Моделью для московских створок послужил предмет, непосредственно связанный с обнаруженным в Житомире энколпионом, имевшим аналогичный дефект (Ханенко, 1899. С. 9. Табл. II, 38). Аналогичный дефект присутствует и на створке энколпиона, найденной в Рязском р-не Рязанской обл. (Станюкович и др., 2003. С. 46, 47), однако качество рельефа на этом экземпляре хуже, чем у находок из Москвы. Скорее всего, рязанский предмет являлся еще более поздней репликой.

Попадание в слой двух одинаковых вещей простой утерей объяснить сложно. Трудно также предполагать раннюю датировку обеих находок с усадьбы Лопухиных, поскольку самый ранний керамический материал на раскопе, датированный XIV в., составлял менее 1% (табл. 1). Более вероятным нам представляется связь этих предметов с литейной мастерской, располагавшейся где-то неподалеку от места наших исследований. О наличии литейной мастерской говорят найденные на раскопе небольшие выплески сплавов цветных металлов, фрагменты тиглей и кусочки шлака. Наибольшая концентрация отходов такого производства (относительно остальной

части раскопа) зафиксирована в сооружении 5 (см. ниже).

К гораздо менее распространенным предметам относился наугольник оклада Евангелия, представляющий собой отлитую из медного сплава в односторонней форме накладку размером 3×4 см. На лицевой части помещена сцена божественного откровения Иоанну Богослову на эгейском острове Патмос. Она представляет собой рельефное изображение двух фигур – Иоанна Богослова и его ученика Прохора. Из верхнего левого угла на Иоанна направлены три луча, символизирующие изливание благодати. Иоанн немного согбен, правая рука согнута в локте, ладонь приподнята в жесте благоговения внимательного слушателя, при этом апостол изображен идущим, а не в статичной позе. Левая рука Иоанна протянута к свитку, на котором Прохор записывает Евангелие. Прохор изображен сидящим справа, Иоанн подходит к ученику слева. Кроме листа с записями рядом с Прохором изображен небольшой сосуд для чернил на высоком поддоне. Фигуры апостола и ученика подписаны сверху греческими буквами. Правую верхнюю часть композиции занимают зигзагообразные линии, обозначающие скалы. На оборотной стороне предмета по трем углам расположены три шипа для крепления накладки к основе – обложке книги.

В непосредственной близости от наугольника найдены медные монеты – пула XVI в., что с некоторой вероятностью позволяет определить время попадания в слой этого предмета XVI в. Ближайшая известная нам аналогия наугольнику происходит из Новгорода и датируется концом XV – началом XVI в. (Гнутова, Зотова, 2000. С. 56).

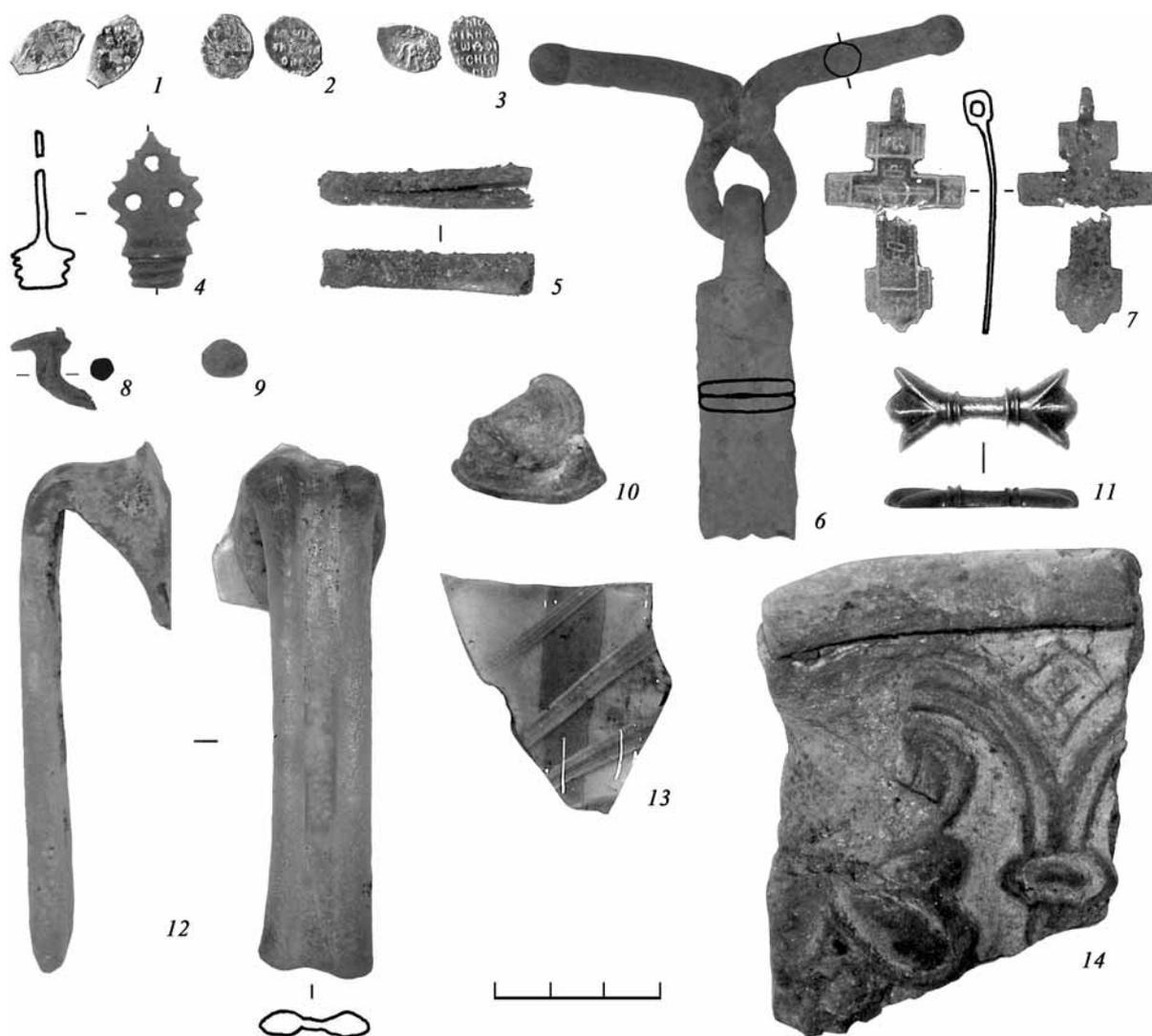

Рис. 10. Находки из сооружения 6

1–3 – монеты ручной чеканки; 4 – крышка от чернильницы; 5 – пинцет; 6 – деталь; 7 – крест нательный; 8 – заклепка; 9 – пуля; 10 – крышка от штофа; 11 – пуговица; 12 – фрагмент ручки сосуда; 13 – фрагмент стенки штофа; 14 – фрагмент печного изразца (1–3 – серебро; 4, 5, 7, 8, 11 – сплав цветных металлов; 6 – железо; 9, 10 – свинец; 12, 13 – стекло, 14 – керамика)

В 2 м к В от наугольника найдена заготовка крестика с литником. Размеры крестика с ушком – $2 \times 1,3$ см, высота ушка – 0,4 см. Край одной из боковых ветвей слегка деформирован. Видимо, данный предмет являлся браком. Углы, образуемые лопастями у средокрестия, скруглены. По контуру креста с обеих сторон идет валик, образуя «ковчезец», который в готовых изделиях мог заполняться эмалью. Кресты подобного типа (Станюкович и др., 2003. С. 34; Кользин и др., 2009. Рис. 2, 21) датируются XIII–XV вв. (Беленькая, 1993. С. 17). Низкое качество отливки (ее толщина, за исключением ушка, не превышала 0,3 см, деформирована ветвь) позволяет утверждать, что она была сделана в глиняной форме по оттиску готового изделия.

В западной части раскопа найден перстень-печатка с примитивным изображением воина. Несмотря на то что предмет хорошо сохранился, догадаться о том, что обозначала группа полосок на его щитке, удалось, лишь сравнив его с обнаруженным при раскопках в Вязёмах аналогичным перстнем, сохранившим похожее, но более отчетливое изображение (Смирнов, 2009. Рис. XXXIV, 3).

В восточной части раскопа выявлен фрагмент большой прямоугольной ямы (сооружение 5) – возможно, подвала большого наземного дома. Яма заглублена в материк на 0,6–1,0 м. В ее заполнении (засыпке) найдены различные предметы: монеты, среди которых выделяется серебряная денга удельного княжества Можайского (Андрей

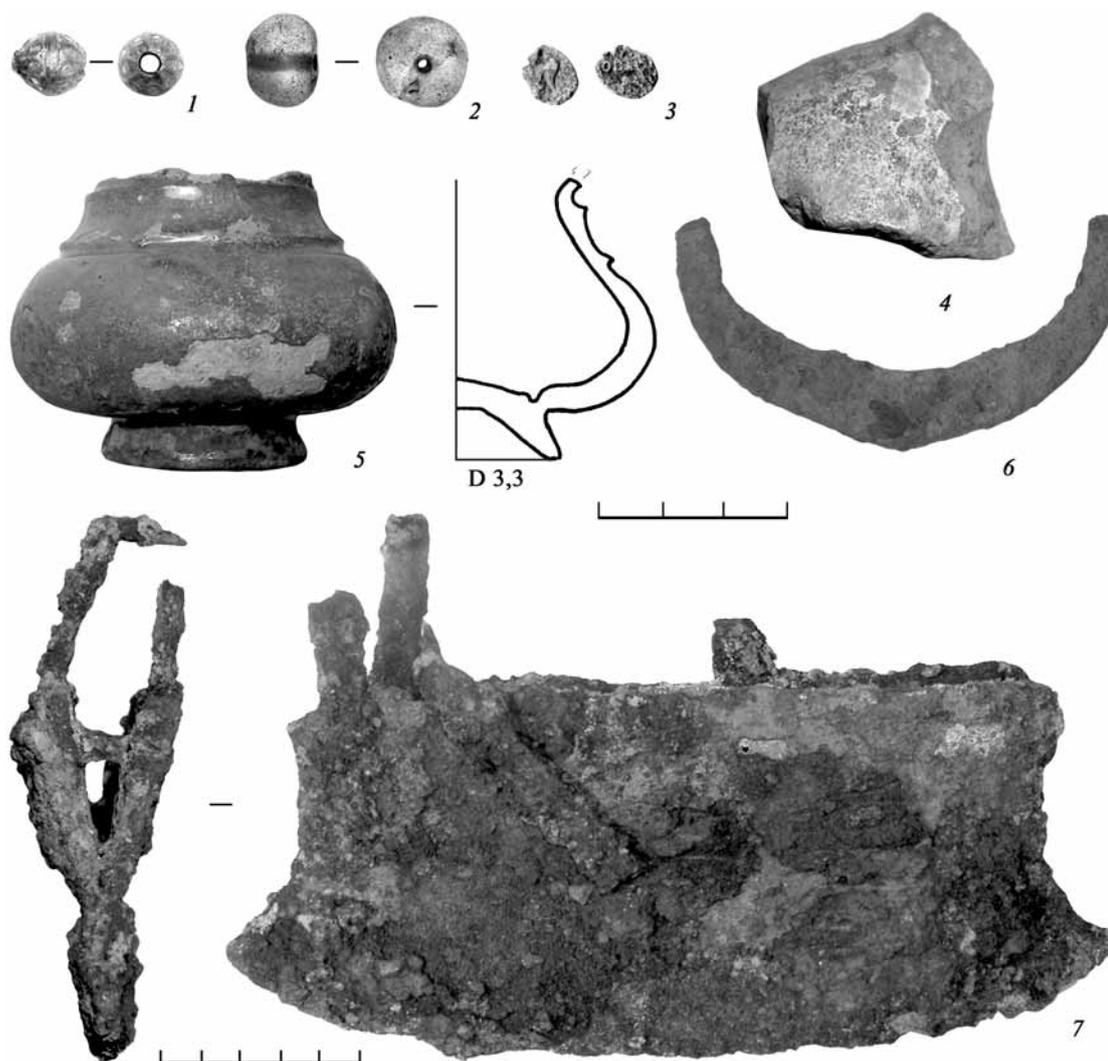

Рис. 11. Находки из сооружения 7

1–2 – бусины; 3 – пуло XVI в.; 4 – игрушки-коника фрагмент; 5 – фрагмент чернильницы; 6 – обувная подкова; 7 – наконечник лопаты (1 – сплав из цветных металлов; 2 – стекло; 3 – медь; 4, 5 – керамика; 6, 7 – железо)

Дмитриевич, 1410-е), наконечник стрелы, фрагменты керамических игрушек, нательный крестик, заклепки, изготовленные из листовой меди (28 шт.), кусочки проволоки и листовой меди (более 100 шт., размером от 1×12 мм до 12×50 мм). Листовая медь использовалась для изготовления заклепок, часть из которых была сделана весьма небрежно. Также здесь найдены обломок тигля, медные оплавки (более 100 экз., размерами в поперечнике от 2 до 32 мм), необработанная отливка нательного креста и т. д. (рис. 13).

Нательный крест, обнаруженный в нижней части засыпки сооружения, представлял собой хорошо известный тип крестов с прямыми лопастями и продольным каналом для подвешивания в верхней лопасти, его размеры – $2,9 \times 2,0$ см. На лицевой

стороне креста изображен св. Никита, побивающий беса, по бокам и снизу от центральной фигуры – погрудные изображения святых мужей с окладистыми бородами, а сверху – двухстрочная надпись «**нкк – тна**». По контуру лицевой стороны идет узкая рамка, верхняя надпись и нижняя фигура также отделены от центрального изображения рамкой. На другой стороне в крестовидном углублении находится рельефное ростовое изображение архангела Михаила, над ним в верхней лопасти в прямоугольном клейме читается надпись «**хав**». Рельефное изображение архангела Михаила слабо выступает из общего фона, очевидно, что отливка была сделана по отisku готового изделия. Кресты этого типа датируются обычно концом XIV – XVI в. (Беленькая, 1993.

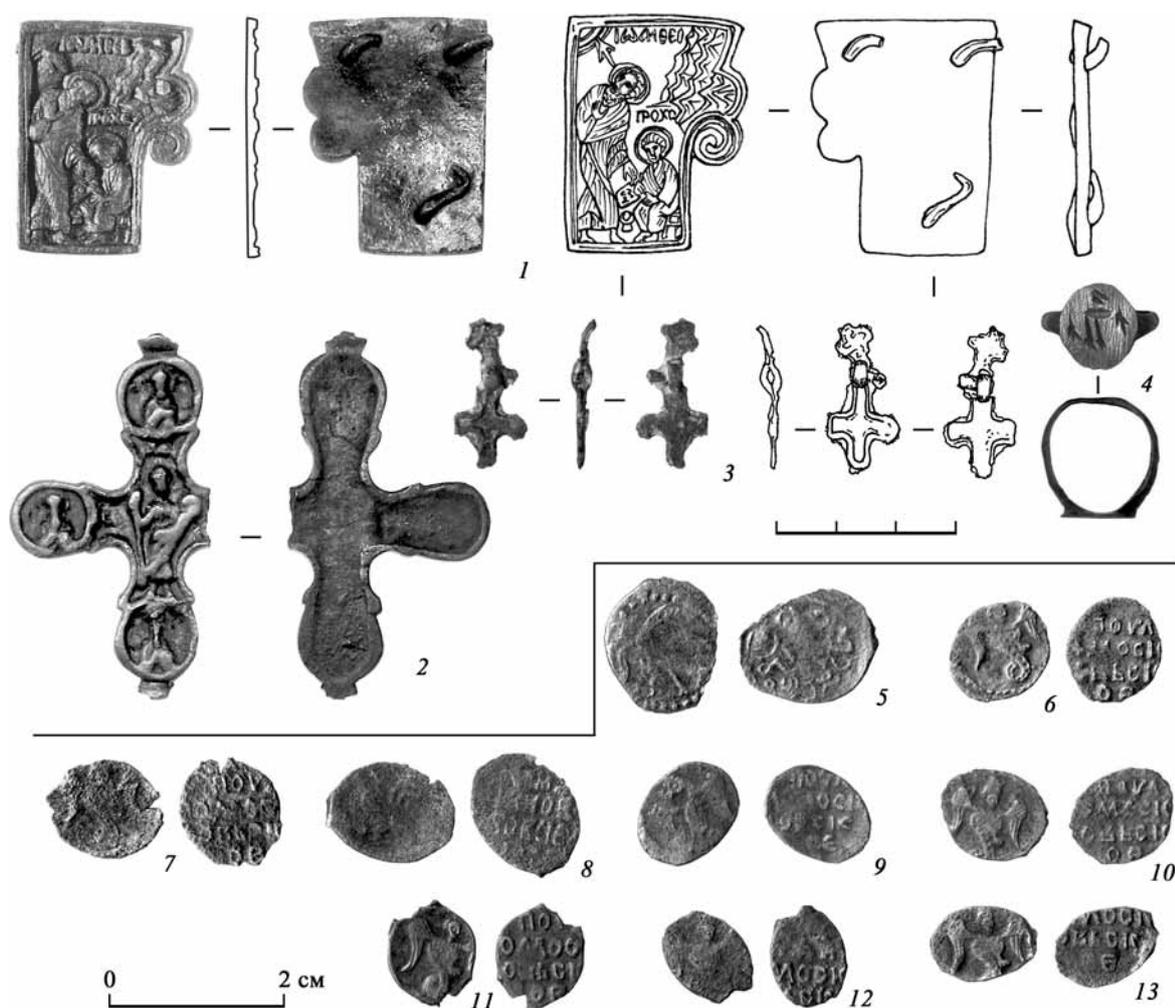

Рис. 12. Находки из слоя XVI в.

1 – наугольник оклада Евангелия; 2 – фрагмент створки креста-складня; 3 – отливка нательного креста; 4 – перстень-печатка; 5–13 – пулы (1–4 – сплав из цветных металлов; 5–13 – медь)

С. 16). В Москве кресты с Никитой-бесогоном были неоднократно находили как в слоях усадебной застройки, так и в некрополях (Векслер, Беркович, 2005. С. 225). Аналогичный крест обнаружен в слое XVI в. на Большой Дмитровке (Векслер, Беркович, 2005. С. 226. Рис. 1, б).

В нижней части засыпки подвала найдена заготовка нательного крестика. Отверстие для подвешивания в ушке отсутствовало, края на месте соприкосновения створок литейной формы не обработаны. Размеры крестика с ушком – 2,5×2,3 см, высота ушка – 0,4 см. Средокрестие по углам было украшено четырьмя шариками псевдозерни, на окончании каждой из ветвей – по три шарика псевдозерни. Близкие по форме кресты с псевдозернью датируются XII–XIII вв. (Седова, 1983. С. 51; Древняя Русь, 1997. Табл. 103, 37). Аналогичный крест найден в Подмоскowie, в слое второй – третьей

четверти XIII в. (Шполянский, 2003. С. 262. Рис. 4, 20). В Великом Новгороде в 2011 г. в прирезке Троицкого XIII раскопа идентичный крест найден в слое 1260–1270-х годов (Янин и др., 2012. С. 13. Рис. 5.2).

В керамическом материале подавляющее большинство составляла керамика второй половины XV – XVI в., в нижнем горизонте заполнения постройки преобладала керамика второй половины XV – первой половины XVI в. (табл. 1). Комплекс находок и керамики из заполнения сооружения 5 позволяет определить время его бытования второй половиной XV – XVI в. Из-за того, что в заполнении сооружения зафиксирована наибольшая концентрация отходов ремесла, связанного с изготовлением предметов из меди и ее сплавов, этим же периодом может быть датирована литейная мастерская, располагавшаяся где-то поблизости.

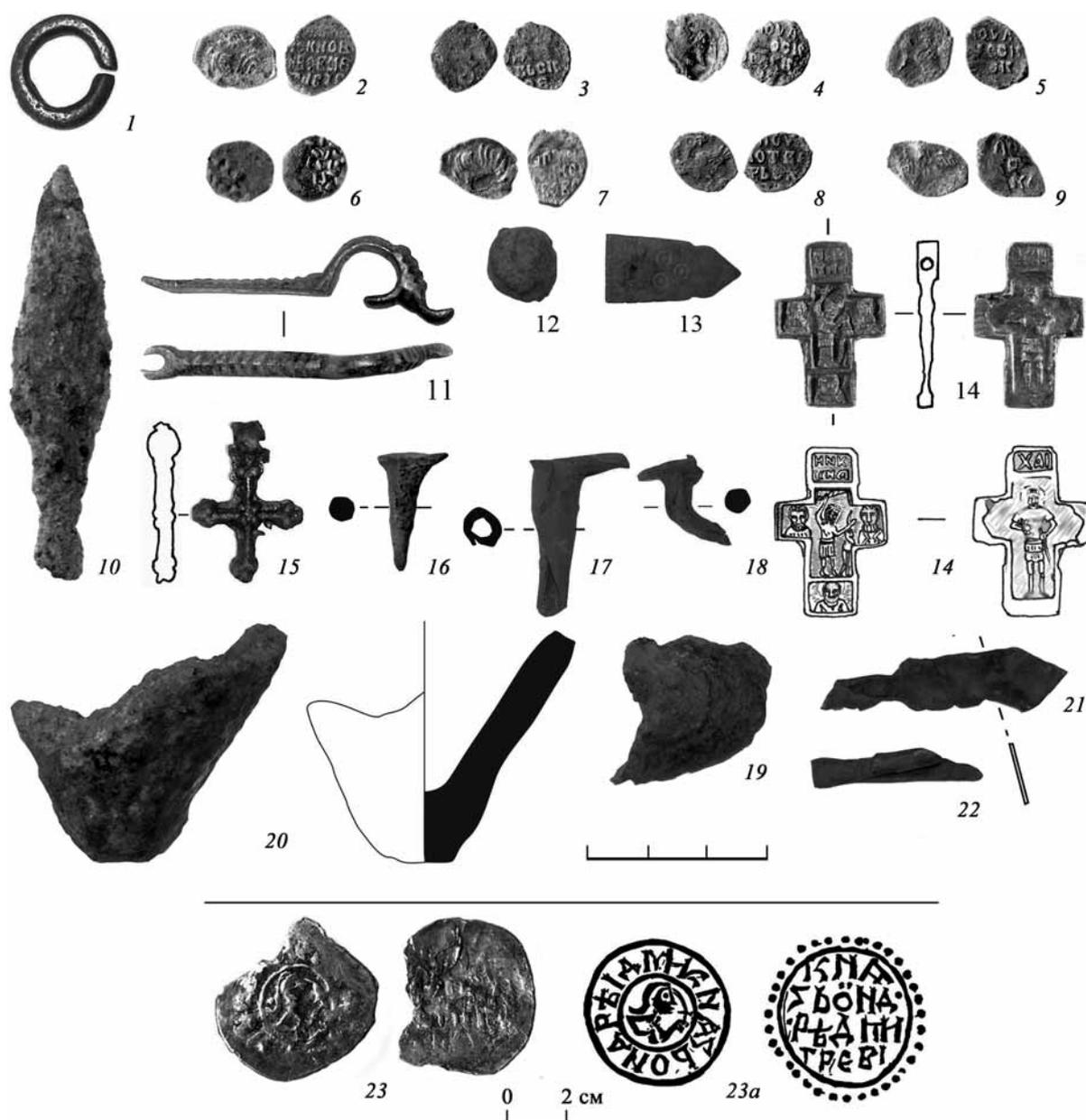

Рис. 13. Находки из заполнения сооружения 5

1 – кольцо; 2–9 – пулы XV–XVI вв.; 10 – наконечник стрелы; 11 – застежка; 12 – пуля; 13 – ременный наконечник; 14 – нательный крест; 15 – заготовка нательного креста; 16–18 – заклепки; 19 – слиток; 20 – фр-т тигля; 21, 22 – обрезки пластин; 23 – денга удельного княжества Можайского времени правления князя Андрея Дмитриевича с прорисовкой – реконструкцией изображения. 20-е годы XV в. (1, 11, 13–22 – сплав из цветных металлов; 2–9 – медь; 10 – железо; 12 – свинец; 23 – серебро)

Еще одна крупная прямоугольная яма (сооружение 4) зафиксирована в южной части раскопа, которая, как и сооружение 5, могла являться остатками подвала наземной постройки. Из керамики, обнаруженной в засыпке этого сооружения, 97% относилось к изделиям XVI в. (табл. 1).

На расстоянии 6,5 м к С от сооружения 4 обнаружены частокольные канавки (сооружения 8 и 9) шириной 0,3–0,4 м, в которых зафиксировано незначи-

тельное число керамики XVI в. (табл. 1). Обе канавки прорезаны погребями (сооружения 6а и 7), что позволило датировать их не позднее конца XVI в. Сами они прорезали подвал (сооружение 5) и были параллельны северной стороне более позднего подвала (сооружение 4), из чего можно сделать вывод о вероятной синхронности канавок (то есть оград) с сооружением 4, а также о перепланировке, произошедшей на данном участке во второй поло-

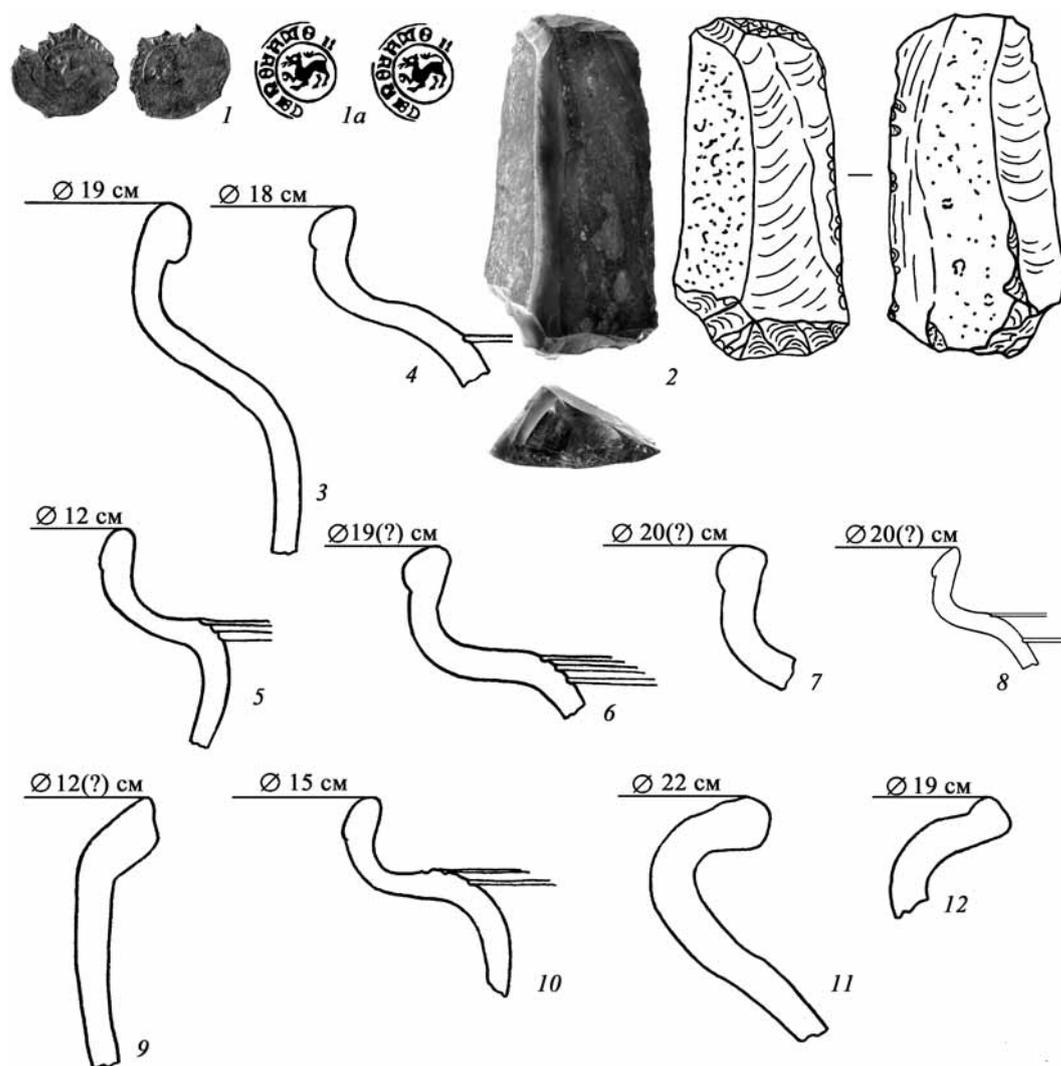

Рис. 14. Находки из непотревоженного ямами слоя, лежащего на материке

1 – пуло большое Великого княжества Московского 1-й четв. XV в. с прорисовкой – реконструкцией изображения; 2 – скребок; 3–13 – фрагменты сосудов (1 – медь; 2 – кремнь; 3–12 – керамика: 3 – белоглиняная, 4–10 – красноглиняная, 11–12 – серая)

вине XVI в., в связи с которой сооружение 5 было засыпано.

К югу от частокольной канавки (сооружения 9) зафиксированы еще три параллельные ей канавки (сооружения 3, 10 и 12), служившие для удерживания стенок плетней (рис. 4). Сооружение 3 было прорезано подвалом (сооружением 5) и, соответственно, предшествовало ему.

Каких-либо объектов (ям, остатков сооружений), которые могли бы быть датированы ранее XV в., не зафиксировано. Лишь четвертая часть поверхности материка не была нарушена ямами. Скорее всего, в древности здесь также происходили перекопы, именно поэтому в слое, лежавшем на материке, были найдены предме-

ты с достаточно большой разницей в датировке (от XIV до XVI в.). Наряду с керамикой, относящейся к XV–XVI вв. (рис. 14, 3–10), было найдено несколько фрагментов серой керамики XIV в. (рис. 14, 11, 12). Доля керамики, датированной XIV в., относительно общего количества керамики, найденной в ранних слоях и сооружениях, составляла менее 1%.

Среди находок из этого слоя выделялось медное пуло, обе стороны которого содержали одинаковое изображение животного (рис. 14, 1). Пула, имевшие на двух сторонах разные изображения, одно из которых было аналогично изображению на нашей монете, датированы 1420-ми годами. Эти монеты были отчеканены в Великом княжестве

Московском во время правления Василия Дмитриевича (Зайцев, 2012. С. 185–186).

Кроме того, в этом же слое в южной части раскопа был найден двусторонний кремневый скребок, очевидно переотложенный (рис. 14, 2).

Время хозяйственного освоения участка определяется не позднее XIV в., к этому периоду относится незначительная часть керамики, происходящая из слоя серой супеси, лежавшего на материке. В XV в. исследуемый участок, вероятно, уже являлся частью небольшой усадьбы или пограничной частью двух усадеб: здесь были выявлены канавки от частоколов, древнейшая из которых (сооружение 3) может быть датирована XV – началом XVI в. Одним из занятий проживавших здесь людей являлось мелкое кустарное производство, в т.ч. изготовление небольших медных предметов (нательных крестиков, возможно, реплик энколпионов). Говорить о том, что мы нашли место производства, нельзя, однако значительное количество отходов производства, в том числе литейного брака, позволяет утверждать, что расстояние до места, где производились отливки предметов, невелико. Несмотря на то что типы, к которым относились обнаруженные заготовки и/или браки крестов, в литературе преимущественно датируются XII–XIV вв., время существования мастерской, в которой их изготавливали, может быть

определено XV–XVI вв. Произошедшие в XV в. изменения роли данной территории хорошо иллюстрирует нумизматическая коллекция из раскопа, которая более чем на 10% представлена монетами XV в. (9 из 88), причем две монеты датированы первой третью XV в. Также в пользу того, что мастерская существовала в указанное время, а не ранее, говорит отсутствие древнейшей керамики в заполнении сооружения 5, в котором зафиксирована максимальная концентрация отходов производства.

Не позднее XVI в. на участке появились хозяйственные постройки (подвалы и погреба – сооружения 4, 5, 6 а, 7), самые поздние из которых, вероятно, прекратили существование в Смутное время. В северной части раскопа выявлены следы пожара последней четверти XVII в. Возможно, именно после него в Малом Знаменском переулке появляется большая усадьба Лопухиных. К объектам, относящимся к позднему периоду истории усадьбы, принадлежит колодец, появившийся в последней четверти XVIII в. и, вероятно, использовавшийся до начала XX в. С южной стороны каретного сарая, остатки которого расчищены при раскопках 1992 г., выявлен фрагмент дорожки, представлявший собой булыжную мостовую, обрамленную белокаменными бордюрами. Дорожка датирована XIX – началом XX в.

Литература

Беленькая Д. А., 1993. Медная пластика городов Московской Руси (XIII–XV вв.). // КСИА. Вып. 208.

Векслер А. Г., 1992. Отчет об археологических раскопках в г. Москве в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16999. Т. 1.

Векслер А. Г., Беркович В. А., 2005. Находки нательных крестов с изображением святого Никиты-бесогона из раскопок на улице Большая Дмитровка в Москве // Ставрографический сборник. Книга III: Крест как личная святыня. М.

Воронин К. В., 2012. Отчет о проведении археологических полевых работ на участке строительства по адресу: г. Москва, М. Знаменский пер., д. 3/5 и д. 3, стр. 4, в границах территории объекта культурного наследия федерального значения «Культурный слой «Белого города» XIV–XVII вв. н. э.» в 2011 г. // Архив ИА РАН.

Гнутова С. В., Зотова У. Я., 2000. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века. М.

Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.

Зайцев В. В., 2012. Молдавский след в русском монетном деле XV в. // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 4. М.

Кользин А. М., Селезнев А. Б., Литвинов С. В., 2009. Комплекс находок XIV – первой половины XV в. из Коломенского района Московской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 3. М.

Корзухина Г. Ф., Пескова А. А., 2003. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. СПб.

Макаров Л. Д., 2001. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск.

Макаров Л. Д., 2010. Древнерусские памятники земли Котельничской. Интернет-ресурс: <http://www.kotelnich.info/history/arheo/index.shtml>.

Маслих С. А., 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.

Седова М. В., 1983. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М.

Смирнов А. Н., 2009. Дворцовый комплекс Б. Ф. Годунова в селе Вяземы // АП. Вып. 5.

Станюкович А. К., Осипов Н. М., Соловьев Н. М., 2003. Тысячелетие креста. М.

Ханенко Б. И. и В. Н., 1899. Древности русские. Кресты и образки. Киев.

Чернов С. З., 2000. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже (по данным археологических исследований в 1997–1998 гг.) // РА. № 1.

Чудновец А. А., 2006. Каталог средневековой мелкой пластики. М.

Шполянский С. В., 2003. Изучение малодворных сельских поселений на примере раскопок селища XIII века у села Ознобишино в Подмоскowie // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.

Янин В. Л., Рыбина Е. А., Степанов А. М., Покровская Л. В., Сингх В. К., 2012. Работы в Людином конце Новгорода в 2011 году (Троицкий XIII-Г и XIV раскопы) // ННЗ. Вып. 26. Великий Новгород.

S. V. Malikh

The Lopukhinov Mansion in Moscow – an archaeological survey of 2011

Summary

The site surveyed in this study of revealed the remains of sunken buildings from the C16th to C18th, along with preserved items (cast-iron necklace crosses and engolpion* cross-medalions), along with ceramics

from the C13th to C15th. These finds enabled the author to suggest that there might have been a craftsmen's workshop producing religious items in the near vicinity of the excavation.

---

* Such crosses were typically worn only by high-ranking clergy of the Orthodox church (translator)

А. Г. Векслер, М. Ю. Меньшиков

Амулеты-топорики из раскопок на территории Москвы

Целью данной работы является введение в научный оборот небольшой, но очень яркой группы предметов, полученных в результате археологических работ в Москве. К моменту написания статьи в историческом ядре города в процессе археологических исследований за пределами Кремля найдено два целых амулета-топорики и один обломок подобного предмета.

В работе Н. А. Макарова собрана информация о 62 амулетах-топориках (Макаров, 1992. С. 43). Большинство из них происходят из культурного слоя или погребений не позднее XII в. В. П. Даркевич также не выводит верхнюю дату бытования амулетов-топорики за рубеж XII–XIII вв. (Даркевич, 1961. С. 91–102). Большинство авторов, касавшихся данной темы, говорят о схожести древнерусских амулетов-топорики с их синхронными прототипами. На основании морфологического сходства с боевыми топорами среди амулетов выделяются две основные группы, в которые, за немногими исключениями, укладывается большинство находок XI–XII вв., происходящих с территории Руси (Макаров, 1992. С. 43–46).

Амулеты-топорики, найденные при работах в Москве, ни по морфологическим признакам, ни по хронологии не вписываются в традиционную схему, предложенную исследователями ранее для данной группы сакральных предметов.

Первый из трех топорики происходит из слоев, которые содержат материалы XII–XIII вв., но из-за активной хозяйственной деятельности в последующие эпохи культурный слой на данном участке сильно переотложен, и точно датировать данную находку не представляется возможным. Два других, безусловно, относятся к более позднему времени, чем датировки, в рамки которых попада-

ет большинство амулетов-топорики, найденных на территории Древней Руси и прилегающей территории.

Амулет-топорик из раскопок 2001 г. в Богоявленском переулке (Великий посад Москвы) (Векслер, 2002). Предмет железный кованый (рис. 1, 1). Общая длина – 41 мм, длина лезвия – 25 мм. Лезвие имеет форму слегка асимметричной трапеции, которая, вероятно, равномерно расширялась от втулки, незначительно опускаясь вниз. Высота лезвия у втулки составляет около 3 мм, в «рабочей» части – около 15 мм. Отверстие втулки предназначено для круглой в сечении рукояти. Ширина втулки – около 10 мм, внутренний диаметр – 6 мм, высота втулки – 4 мм.

Данный предмет найден в переотложенных культурных напластованиях. В пределах горизонта, из которого происходит топорик, содержались находки как XII–XIV вв., включая серую керамику, стеклянные браслеты, так и предметы XV в. Связать находку с каким-либо сооружением не представляется возможным. Наиболее ранние нетронутые слои на данном участке были датированы XIV–XV вв. В целом слой на раскопе был сильно нарушен перекопами XVIII в.

Амулет-топорик из раскопок 2003 г. в Большом Трехсвятительском переулке (Белый город) (Векслер, 2004) отлит из белого металла, возможно, из бронзы с высоким содержанием олова (рис. 1, 2). Сохранилось только лезвие, втулка и обух отломаны. Длина сохранившейся части лезвия – 30 мм. Высота лезвия в районе рабочей части – 50 мм. По обеим сторонам лезвия расположены рельефные сюжеты, причем так, что нижней их границей являлась рубящая кромка лезвия. С одной из сторон изображена хорошо различимая сцена, на которой

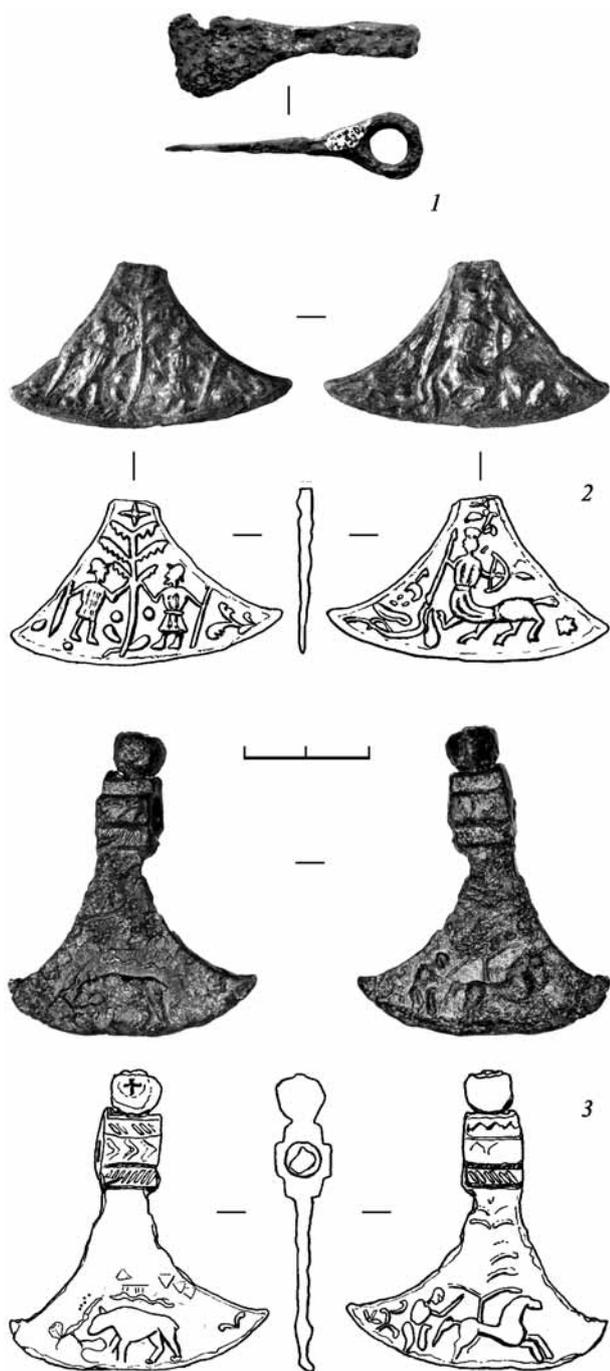

Рис. 1. Топорики

1 – Богоявленский переулоч; 2 – Большой Трехсвятительский переулоч; 3 – Болотная площадь
(1 – железо, 2 – белый металл, 3 – свинец)

две человеческие фигуры, одна из них с бородой, в головных уборах стоят по обе стороны от расположенного в центре дерева. На фигурах изображено подобие европейского доспеха или кирасы. В руках, отнесенных назад, в противоположную от дерева сторону, находятся мечи (?). На другой

стороне лезвия помещено изображение кентавра (китовраса, полкана), идущего влево. В руке, расположенной справа от изображенного туловища, находится натянутый лук, а рука, расположенная в левой части изображения, протыкает копьем змея.

Находка происходит из заполнения подклета постройки, обнаружена в 30 см выше дна подклета. Основной массив находок, найденных в заполнении подклета на уровне, близком к уровню фиксации топорика, датируется началом XVII в. Среди них чернолощенный кувшин (подобные кувшины бытуют с конца XV и весь XVI в.), изразцы лицевые красные конца XVI – первой половины XVII в. Всего из постройки происходит 2179 фрагментов керамики, среди которой более половины составляет белоглиняная гладкая и мореная керамика XVII в.

Амулет-топорик из раскопок 2006 г. на Болотной площади (Замоскворечье) (Векслер, 2007) был сделан из свинца, при этом прекрасно сохранился (рис. 1, 3). Длина топорика – около 45 мм, высота рабочей части лезвия – 40 мм, длина лезвия – около 35 мм. Лезвие слегка опущено книзу, втулка имеет крестовидную в плане форму (10×10 мм) и выполнена под округлое в сечении древко. Внутренний диаметр втулки – около 7 мм. Со стороны обуха на втулке расположено «яблоко» в форме слегка деформированного шара диаметром около 8 мм.

На боковых гранях лезвия топора с обеих сторон расположены рельефные изображения. На одной стороне видна сцена пахоты на лошади. Лошадь идет вправо, сзади пахарь за плугом, в одной из рук пахаря палка, которой он погоняет лошадь. Над лошадью – ветвистое дерево. На другой стороне хищное животное с коротким хвостом (медведь?) нападает на лежащего человека, который поднимает одну руку вверх, в направлении центра композиции и чуть выше головы напавшего животного. Возможно, в руке есть какой-то вытянутый предмет (нож, пистолет?). Над изображением животного проведена зигзагообразная линия. Над линией расположено еще одно рельефное изображение, но разобрать его не удастся. Орнаментированы не только лезвие, но и втулка. На рельефной поверхности проведены частые косые насечки. На «яблоке», возможно, было вдавленное изображение креста.

Находка обнаружена на участке с переотложенным слоем, который содержал преимущественно предметы XVI–XVII вв., то есть того периода, когда на Болотной площади был расположен Государев сад. Грунт на этой территории был перемещен в результате активных строительных работ в XVIII–XIX вв.

Из трех рассматриваемых в данной статье амулетов-топорики только один гипотетически может быть отнесен к домонгольскому периоду. Но, в отличие от большинства амулетов-топорики XI–XII вв., форма топорика из раскопа в Богоявленском переулке не укладывается четко в типологию А. Н. Кирпичникова (1966). С одной стороны, это может быть обусловлено индивидуальностью формы, но вероятнее всего, по нашему мнению, это результат технологической сложности изготовления столь миниатюрной вещи. Поскольку данный топорик изготовлен из железа, то процесс формирования щековиц на втулке и других мелких элементов, присущих реальному боевому топору, с помощью кузнечных операций представляется достаточно непростой задачей. Н. А. Макаров в своей работе отмечает, что некоторые из более ранних скандинавских топорики, изготовленных из железа, также имеют мало сходства с реальными топорами, в отличие от основного массива амулетов XI–XII вв., отлитых из бронзы или свинца (Макаров, 1992. С. 51).

Форма топорика с Болотной площади и фрагмент топорика из Большого Трехсвятительского переулка наиболее близки по форме к топорам XV–XVII вв. Интересной морфологической особенностью является наличие «яблока» у топорика из раскопок на Болотной площади. В «Описи Большого Наряда» 1642 г. упоминаются четыре топора, существовавших при Михаиле Федоровиче. «Четыре топора, что бывают у Рынд при послех; по топорам с обе стороны в кругах набито золотом по орлу пластаному; по топором же около орлов и по обухом набиваны травки золотом же; у топоров топорича оправлены серебром чеканным золоченым; у топорич с оба конца по яблоку, в них камня бирюзы попорчены, а иные и выпадали.

У топоров влагилица деревянные оболочены кожей, а внутри сукном зеленым» («Древности...», 2006. С. 69)

Вероятнее всего, те же топоры упоминаются в описи 1687 г. «Четыре топоры Московское дело, стальные, наведены золотом травы розметные на обе стороны, в травах по два льва, на стороне в середине по кругу, в кругах по орлу с кошунами; с правой стороны в орле по человеку

на коне колют змию; а с левой стороны в орле по индрокку (единорогу); наведены золотом, обухи наведены золотом же, на обухах по два яблока, одни прорезные, другие грани косые, наведены золотом; топорича оправа серебряная, чеканная золочена; на конце в емах хозы белые серебряные, в наконешниках по десяти бирюз, а у другаго топора две бирюзы попорчены.

А по нынешней переписи ... и по осмотру, те топоры против прежних переписных книг сошлись; в двух топорах четырех бирюз нет, одна бирюза пополам переломлена, и половины нет. Цена тем топорам по семидесяти рублей за топор» («Древности...», 2006. С. 69).

Условия нахождения амулетов-топорики из Большого Трехсвятительского переулка и с Болотной площади позволяют датировать их концом XVI – серединой XVII в. Этой датировке не противоречит и морфология, близкая к формам как боевых, так и парадных топоров указанного периода.

Как отмечено практически всеми исследователями, так или иначе упоминающими в своих работах амулеты-топорики, данный предмет в X–XII вв. является в первую очередь признаком воинского сословия. Есть все основания предположить, что эта традиция относится и к XVI–XVII вв. Схожесть форм миниатюрных топорики с топорами рынд также косвенно работает в пользу данного предположения. Известно, что в списке людей, бывавших рындами при государях XVI–XVII вв. значатся многие знатные фамилии Руси, такие как Одоевские, Лыковы, Бельские. В связи с этим также интересен сюжет на одной из граней лезвия топорика из раскопа в Большом Трехсвятительском переулке. Изображение вооруженного мужчины, стоящего у дерева, часто встречается на перстнях-печатках, а также на печатях, стоящих на административных документах XV–XVI вв. По мнению М. В. Седовой и Н. М. Кургановой, данный сюжет может быть связан с княжеской администрацией (Седова, Курганова, 1998. С. 233–234).

Таким образом, данная группа находок поднимает интересный вопрос о возрождении на рубеже XVI–XVII вв. воинских традиций, которые обычно принято считать прекратившими свое бытование в домонгольское время.

Литература

Даркевич В. П., 1961 г. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве. //СА. № 4.

Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2. //САИ. Вып. Е1–36.

Макаров Н. А., 1992. Древнерусские амулеты-топорики //РА. № 2.

Седова М. В., Курганова Н. М., 1998. Перстни-печати XV–XVII вв. из Суздаля //Историческая археология: Традиции и перспективы. М.

Древности Российского государства. Репринт. СПб., 2006.

Векслер А. Г., 2002. Отчет о натуральных археологических исследованиях, связанных со строительством многофункционального комплекса по адресу: Бого-

явленский пер., вл. 3, стр. 2, ул. Никольская, вл. 8/1, стр. 5, в 2001 г. //Архив ИА РАН. Р-1. № 23572.

Векслер А. Г., 2004. Отчет о натуральных охраняемых археологических исследованиях, связанных с реконструкцией и капитальным ремонтом здания с устройством подземной стоянки по адресу: Б. Трехсвятительский пер., д. 1–3, стр. 1 в 2003 г. //Архив ИА РАН. Р-1. № 23583.

Векслер А. Г., 2007. Отчет о спасательных археологических исследованиях, связанных со строительством многофункционального делового и жилого комплекса по адресу: Болотная набережная, вл. 14, Софийская набережная, вл. 4–12 в 2006 г. //Архив ИА РАН. Р-1. № 28993.

A. G. Veksler, M. Y. Menshikov

Amulet axes from the excavations in Moscow

Summary

This article is devoted to finds of miniature axes in the center of Moscow. At the time of publication three such miniature axes had been discovered. Two axes dated to the first half of 17th century and have images on both sides of the blade. The images

include a fighting centaur, two armed men near a tree, an animal attack on human and a plowing scene. This type of artifact has only recently been discovered in Moscow, and details of them are published for the first time.

Ю. А. Лихтер

Новые находки стеклянных изделий в Москве (Замоскворечье)

В 2013 г. ООО «Археологические изыскания в строительстве» проводило археологические исследования по адресу: Садовническая набережная, 57. В ходе работ найдено множество обломков разнообразных стеклянных изделий. Некоторые из них включены в общую опись индивидуальных находок (табл. 1), для других составлена специальная опись (табл. 2), невыразительные фрагменты были лишь подсчитаны. Общее распределение стекла по категориям дано в табл. 3.

Большая часть находок происходит из комплексов – ям и сооружений, которые преимущественно датируются XVIII в., но есть комплексы и XVII в.

Изделия из стекла представлены фрагментами посуды и оконного стекла. Отметим, что оконные стекла в подавляющем большинстве происходят из комплексов XVIII в. В свою очередь посуду можно разделить на столовую и тарную. К столовой относятся сосуды для питья, для сервировки стола. К тарной можно отнести большинство закрытых сосудов из простого, так называемого бутылочного стекла – штофы, бутылки, флаконы. В большинстве случаев цвет стекла – разнообразных бутылочных оттенков, стекло покрыто патиной, иногда с иризацией.

Посуда

Столовая посуда

Бокалы (рис. 1). Конические узкие сосуды с толстым дном. Сохранились фрагменты – толстые донца. Стекло полупрозрачное, бутылочных оттенков. Найденные в других местах фрагменты аналогичных бокалов позволили предположить технику изготовления дна – дополнительную заливку стеклом.

№ 1 (рис. 1, 2), пл. 18 (XVIII в.). Размеры: диаметр донца – 3,86¹; толщина донца – 2,54. Цвет стекла – оливковый средний светлый. Стекло полупрозрачное.

№ 5 (рис. 1, 3), пл. 17 (XVIII в.). Размеры: диаметр донца – 4,64; толщина донца – 2,38. Цвет стекла – желто-зеленый сильный темный. Стекло полупрозрачное.

№ 49 (рис. 1, 4), яма 55 (вторая половина XVII в.). Размеры: диаметр донца – 4,26; толщина донца – 2,68. Цвет стекла – оливковый сильный светлый. Стекло полупрозрачное.

№ 57 (рис. 1, 5), яма 37 (вторая половина XVII в.). Размеры: диаметр донца – 4,03; толщина донца – 2,56. Цвет стекла – желто-зеленый средний темный. Стекло полупрозрачное.

№ 60 (рис. 1, 6), яма 37 (вторая половина XVII в.). Размеры: диаметр донца – 4,59; толщина донца – 1,86. Цвет стекла – желто-зеленый сильный светлый. Стекло полупрозрачное.

Эти донца можно сопоставить с хорошо известными в культурном слое Москвы бокалами с коническим, слегка вогнутым туловом и толстым дном (рис. 1, 1). Они датируются концом XVII – первой половиной XVIII в. (Беляев, 1994. Табл. 102:1). В нашем случае рассматриваемые фрагменты происходят преимущественно из комплексов второй половины XVII в.

Бокалы или стаканы плохо различимые (рис. 2). Несколько отличаются от предыдущих сосудов остатки, по-видимому, стаканов – высоких сосудов с туловом цилиндрической или слабо конической формы большего диаметра и не столь толстыми донцами. Диаметры венчиков – от 5 до 8 см;

¹ Все размеры даны в сантиметрах.

Таблица 1. Индивидуальные находки

№	Кв.	Яма	Глубина	Категория	Часть
372	8	50 (XVIII в.)	420	Флакон	Фр-т
523	27	67 (10?)	416	Штоф	Полн. проф.
524	16	50 (XVIII в.)	419	Кружка	Полная форма
525	38	1 (XVIII в.)	402	Чарка	Полн. проф.

диаметры дна – 5,74–5,75. Среди них встречаются фрагменты как нижней (с дном), так и верхней (с краем) части сосудов.

Верхние части

№ 7 (рис. 2, 2), пл. 17 (XVIII в.). Размеры: диаметр края – 6; толщина края – 0,34. Цвет стекла – желто-зеленый средний. Стекло полупрозрачное.

№ 8 (рис. 2, 3); пл. 17 (XVIII в.). Размеры: диаметр края – 5; толщина края – 0,36. Цвет стекла – желто-зеленый средний. Стекло полупрозрачное.

№ 12 (рис. 2, 4); пл. 17 (XVIII в.). Размеры: диаметр края – 6; толщина края – 0,33. Цвет стекла – оливковый средний. Стекло полупрозрачное.

№ 38 (рис. 2, 5); яма 67 (дата не определена). Размеры: диаметр края – 8; толщина края – 0,41.

Цвет стекла – желто-зеленый сильный светлый. Стекло полупрозрачное.

№ 46 (рис. 2, 6); яма 60 (первая половина XVIII в.). Размеры: диаметр края – 7; толщина края – 0,22. Цвет стекла – серо-голубой средний. Стекло полупрозрачное.

№ 64 (рис. 2, 7); яма 43 (вторая половина XVII – начало XVIII в.). Размеры: диаметр края – 7; толщина края – 0,41. Цвет стекла – оливковый средний светлый. Стекло полупрозрачное.

Нижние части

№ 19 (рис. 2, 8); яма 50 (XVIII в.). Размеры: диаметр дна – 5,75; толщина дна – 0,67. Цвет стекла – серо-голубой сильный. Стекло полупрозрачное.

№ 37 (рис. 2, 9), яма 67 (дата не определена). Размеры: диаметр дна – 5,35; толщина тулова

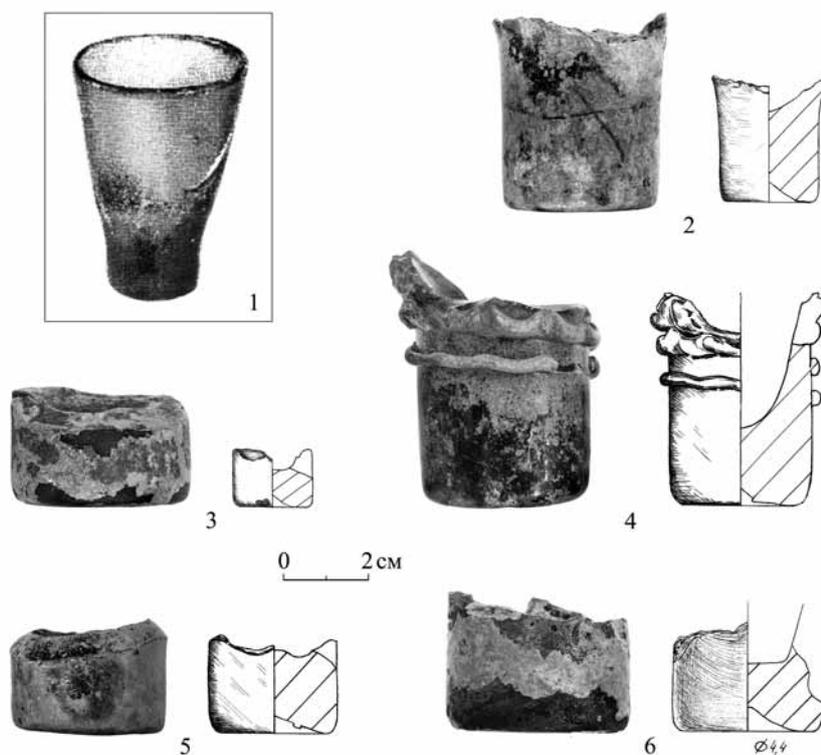

Рис. 1. Бокалы

1 – бокалы, кон. XVII – 1-я пол. XVIII в. (Беляев, 1994. Табл. 102:1); 2 – № 1; 3 – № 5; 4 – № 49; 5 – № 57; 6 – № 60

Таблица 2. Стекольная опись

№	Пласт, объект	Категория	Часть
1и	18	Бокал	Низ
2и	Балласт	Обработанный обломок	Обломок
3и	18	Кружка	Ручка
4и	17	Сосуд с выпуклым декором	Обломок
5и	17	Бокал	Низ
6и	17	Ваза (?) с выпуклым декором	Фр-г
7и	17	Стакан (?)	Венчик
8и	17	Стакан (?) со шлифованным декором	Венчик
9и	17	Стакан (?)	Венчик
10и	17	Флакон	Верх
11и	17	Сосуд с росписью	Обломок
12и	17	Стакан (?)	Венчик
13и	18	Сосуд (?)	Обломок
14и	Яма 1	Кувшин (?)	Обломок
15и	Яма 1	Бутыль с ручкой	Верх
16и	17	Штоф с цветными полосами	Обломок
17и	Яма 1	Кувшин (?)	Горло
18и	Яма 1	Штоф (?)	Стенка
19и	Яма 50	Бокал	Дно
20и	Яма 50	Стакан с оптическим декором	Фр-г
21и	Яма 50	Кувшин (?)	Ручка
22и	Соор. 4	Рюмка	Подножка
23и	Яма 50	Бутылочка аптечная	Горло
24и	Яма 50	Оконное стекло	Фр-г
25и	Яма 50	Оконное стекло	Фр-г
26и	Яма 50	Оконное стекло	Фр-г
27и	Яма 50	Оконное стекло	Фр-г
28и	Яма 50	Оконное стекло	Фр-г
29и	Яма 50	Бутыль	Горло
30и	Яма 50	Штоф	Верх
31и	Яма 50	Штоф	Верх
32и	Яма 50	Штоф	Низ
33и	Яма 50	Штоф	Низ
34и	Яма 50	Фляга (?)	Дно
35и	Яма 50	Штоф ребристый	Низ
36и	17	Оконное стекло	Полный профиль
37и	Яма 67	Бокал	Низ
38и	Яма 67	Бокал	Верх
39и	Яма 67	Штоф	Низ
40и	Яма 60	Флакон	Дно
41и	Яма 60	Флакон	Дно
42и	Яма 60	Флакон	Дно
43и	Яма 60	Штоф	Дно
44и	Яма 60	Штоф цветными полосами	Обломок

Таблица 2. Стекольная опись. (Продолжение.)

№	Пласт, объект	Категория	Часть
45и	Яма 60	Кружка (?)	Ручка
46и	Яма 60	Бокал	Верх
47и	Яма 36	Сосуд с накладным декором	Стенка
48и	Яма 55	Флакон	Верх
49и	Яма 55	Бокал	Низ
50и	Яма 55	Штоф цветными полосами	Верх
51и	Яма 55	Ваза цветными полосами	Низ
52и	Яма 36	Кувшин	Ручка
53и	Яма 36	Стакан	Низ
54и	Яма 36	Оконное стекло	Фр-т
55и	Яма 37	Оконное стекло	Фр-т
56и	Яма 37	Сосуд с росписью	Обломок
57и	Яма 37	Бокал	Низ
58и	Яма 37	Кувшин	Ручка
59и	Яма 37	Сосуд с накл. декором	Обломок
60и	Яма 37	Бокал	Низ
61и	Яма 37а	Сосуд с накл. декором	Обломок
62и	Соор. 1	Штоф цветными полосами	Верх
63и	Яма 43	Штоф цветными полосами	Верх
64и	Яма 43	Бокал	Верх
65и	Яма 47	Кувшин	Верх
66и	Яма 47	Стопа	Низ
67	18	Штоф	Дно
68	18	Штоф	Дно
69	18	Штоф	Дно
70	18	Штоф	Верх
71	18	Бутыль	Горло
72	18	Бутыль	Горло
73	18	Бутыль	Дно
74	18	Штоф	Дно
75	18	Штоф (?)	Обломок
76	Балласт	Сосуд (?)	Обломок
77	Балласт	Бутыль(?)	Обломок
78	17	Бутыль	Дно
79	17	Бутыль	Дно
80	17	Бутыль	Горло
81	Яма 55	Флакон (?)	Дно
82	Яма 55	Штоф	Дно
83	Соор. 2	Штоф	Верх
84	Соор. 2	Чаша	Низ
85	Яма 1	Бутыль	Дно
86	Яма 1	Бутыль	Обломок
87	Яма 1	Штоф	Стенка
88	Яма 1	Сосуд (?)	Обломок

Таблица 2. Стекольная опись. (Окончание.)

№	Пласт, объект	Категория	Часть
89	Яма 50	Штоф	Верх
90	Яма 50	Штоф	Верх
91	Яма 50	Бутыль	Дно
92	Яма 50	Бутыль	Дно
93	Яма 50	Бутыль	Дно
94	Яма 50	Штоф	Дно
95	Яма 50	Штоф	Верх
96	Яма 50	Бутыль	Дно
97	Яма 50	Бутыль	Дно
98	Яма 50	Бутыль	Дно
99	Яма 50	Стакан	Дно обколотое
100	Яма 67	Штоф	Верх
101	Яма 67	Штоф	Низ
102	Яма 67	Бутыль	Дно
103	Яма 67	Штоф	Дно
104	Яма 67	Штоф	Дно
105	Яма 36	Бутыль	Дно
106	Яма 36	Бутыль	Дно
107	Яма 36	Бутыль	Дно
108	Яма 36	Бутыль	Дно
109	Яма 36	Бутыль	Верх
110	Яма 36	Оконное стекло	Фр-г
111	Яма 36	Бутыль	Дно
112	Яма 36	Штоф	Верх
113	Яма 36	Штоф аптечный	Бок
114	Яма 37	Штоф	Верх
115	Яма 64	Оконное стекло	Фр-г
116	Яма 45	Штоф	Верх
117	Яма 50	Бутыль	Дно
118	Яма 36	Оконное стекло	Фрагм
119	Яма 36	Флакон (?)	Низ
120	Яма 60	Оконное стекло	Фр-г
121	Яма 60	Оконное стекло	Фр-г
122	Яма 60	Штоф (?)	Обломок обработ.
123	Соор. 4	Бутыль	Верх
124	Соор. 4	Бутыль	Верх
125	Соор. 4	Оконное стекло	Обломок
126	Пл. 18	Стакан	Низ
127	Пл. 17	Крышка (?)	Ручка
128	Пл. 18	Стакан	Венчик
129	Пл. 17	Штоф цветными полосами	Дно
130	Пл. 17	Штоф аптечный (?)	Верх
131	Пл. 18	Штоф аптечный	Верх
132	Пл. 18	Штоф аптечный	Дно

Таблица 3. Распределение фрагментов стекла по категориям

Категория	Тип	Без декора	С декором
Оконное стекло	Фр-ты	22	–
Посуда	Штофы	76	5
	Бутыли	49	–
	Фляга	1	–
	Флакон	9	–
	Бокал	5	–
	Ваза	2	–
	Кувшин	4	2
	Кувшин (кружка)	4	–
	Чарка	1	–
	Чаша	1	1
	Стакан	12	2
	Рюмка	1	–
	Стопа	1	–
	Стопа-кружка	1	–
	Неопред. сосуды	5	4
Крышка	1	–	

внизу – 0,50. В центре тулова наклеена вертикальная толстая полоса. Поскольку стакан фрагментирован, нельзя определить, это ручка или декор. Цвет стекла – желто-зеленый сильный светлый. Стекло полупрозрачное.

№ 53 (рис. 2, 10), яма 36 (XVIII в.). Размеры: диаметр дна – 5,66; толщина дна – 0,84. Цвет стек-

ла – желто-зеленый сильный светлый. Стекло полупрозрачное.

№ 99 (рис. 2, 11), яма 50 (XVIII в.). Размеры: диаметр дна – толщина дна – 0,36. Цвет стекла – желто-зеленый средний светлый. Стекло полупрозрачное.

Стаканы аналогичной формы (рис. 2, 1) встречаются в Варшаве в слоях конца XVIII в. (*Ciepiela,*

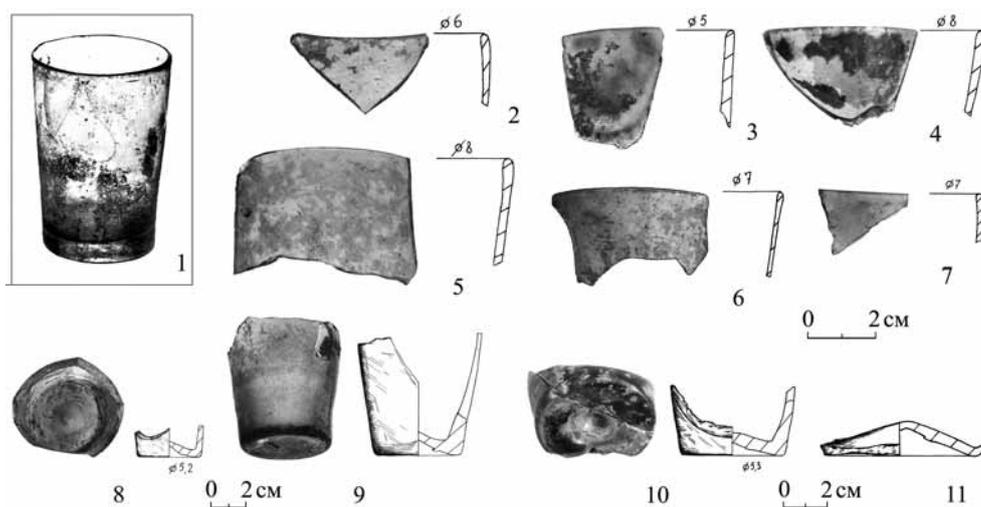

Рис. 2. Стаканы

1 – стакан, Варшава, кон. XVIII в. (*Ciepiela, 1977. Rys. 36*); 2 – № 7; 3 – № 8; 4 – № 12; 5 – № 38; 6 – № 46; 7 – № 64; 8 – № 19; 9 – № 37, яма 67; 10 – № 53; 11 – № 99

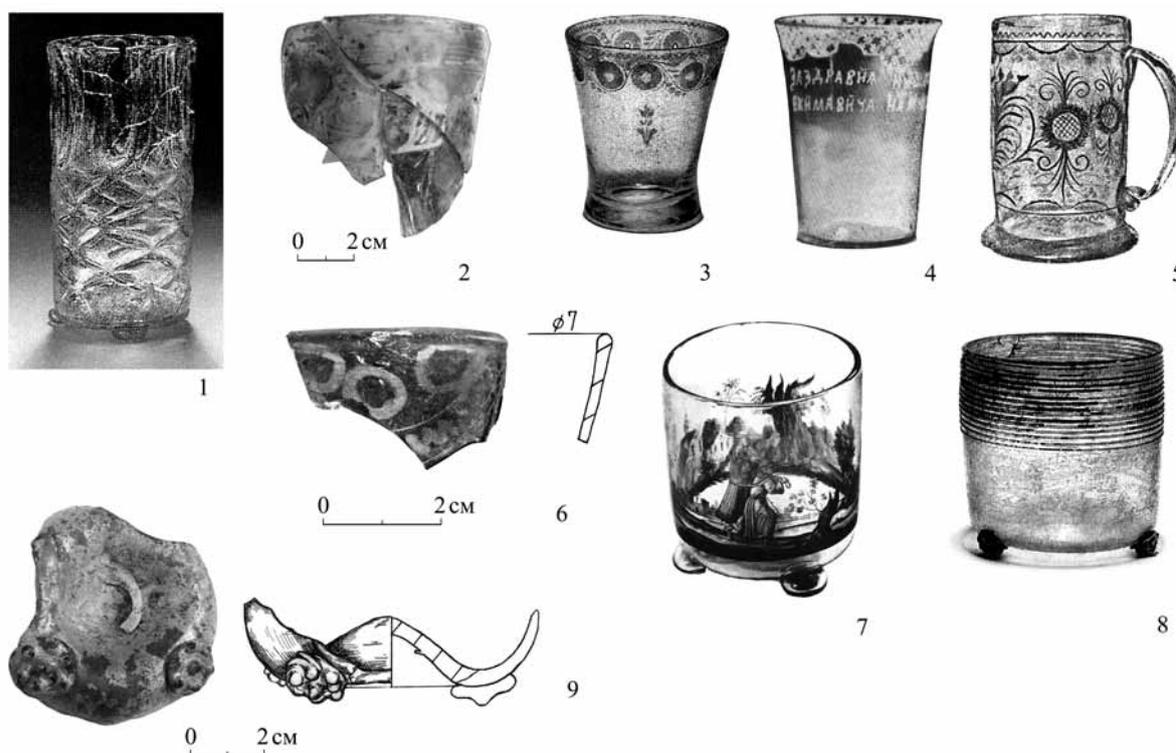

Рис. 3. Декорированные фрагменты стаканов

1 – сосуд, Западная Европа, 2-я четв. XVII – нач. XVIII в. (Ruempel, 1991. Рис. 192, 5); 2 – № 20; 3 – сосуды со шлифованным декором, Западная Европа, XVIII – нач. XIX в. (Ruempel, 1991. № 240, 5); 4 – подобные сосуды из России (Ашарина, 1998. Рис. 6, 43б) и 5 – с Украины (Рожанковский, 1959. Рис. 15д); 6 – № 9; 7 – сосуды со шлифованным декором, Западная Европа, ок. 1670 г. («Glas aus...», 1977. Fig. 10), и 8 – 1600–1650 гг. (Ruempel, 1991. № 191, 5); 9 – № 126

1977. *Rys.* 36. *S.* 53). Рассмотренные нами фрагменты также происходят из комплексов XVIII в.

Стаканы с декором (рис. 3). На единичных фрагментах прослеживается декор.

№ 20 (рис. 3, 2); яма 50 (XVIII в.). Верхняя часть открытого сосуда конической формы. Диаметр края – 8; толщина края – 0,39. Цвет стекла – оливковый средний. Стекло полупрозрачное. На наружной поверхности выпуклый декор в виде неправильных геометрических фигур, расположенных в шахматном порядке. Основа сосуда выдута в форму, для декорирования использована техника кракелаж: неостывший сосуд опускают в воду, отчего стекло растрескивается. После этого на основу еще раз набирают жидкое стекло и дополнительно выдувают.

Сосуды с подобным декором хорошо известны в странах Западной Европы (Ruempel, 1991. Рис. 192, 5), где датируются второй четвертью XVII – началом XVIII в. (рис. 3, 1).

№ 9 (рис. 3, 6); пл. 17 (XVIII в.). Небольшой фрагмент верхней части стакана конической формы. Размеры: диаметр края – 7; толщина

края – 0,38 см. Цвет стекла – серый слабый. Стекло полупрозрачное. На наружной поверхности – плоский декор. От края идет полукруг из двух кривых линий, между которыми зигзаг, повторяющий контур полукруга. Между внутренней границей полукруга и краем сосуда – три контурных овала, расположенных горизонтально в шахматном порядке. Декор белый, непрозрачный, нанесен шлифованием.

Открытые сосуды со шлифованным декором датируются XVIII – началом XIX в. и известны в Западной Европе (Ruempel, 1991. Рис. 240, 5) (рис. 3, 3), России (Ашарина, 1998. Рис. 6, 43б) (рис. 3, 4) и на Украине (Рожанківський, 1959. Рис. 15д) (рис. 3, 5).

№ 126 (рис. 3, 9); пл. 18 (XVIII в.). Нижняя часть, по-видимому, стаканчика. Тулово – цилиндр или расходящийся конус, дно вогнутое, четыре ножки (сохранились две) – бугристые пластины. Размеры: толщина тулова внизу – 0,38; диаметр дна – 4; толщина дна – 0,54. Размеры ножек: 1) высота – 0,91; диаметр – 1,54; 2) высота – 0,97; диаметр – 1,82. Цвет – серо-голубой сильный светлый; стекло прозрачное.

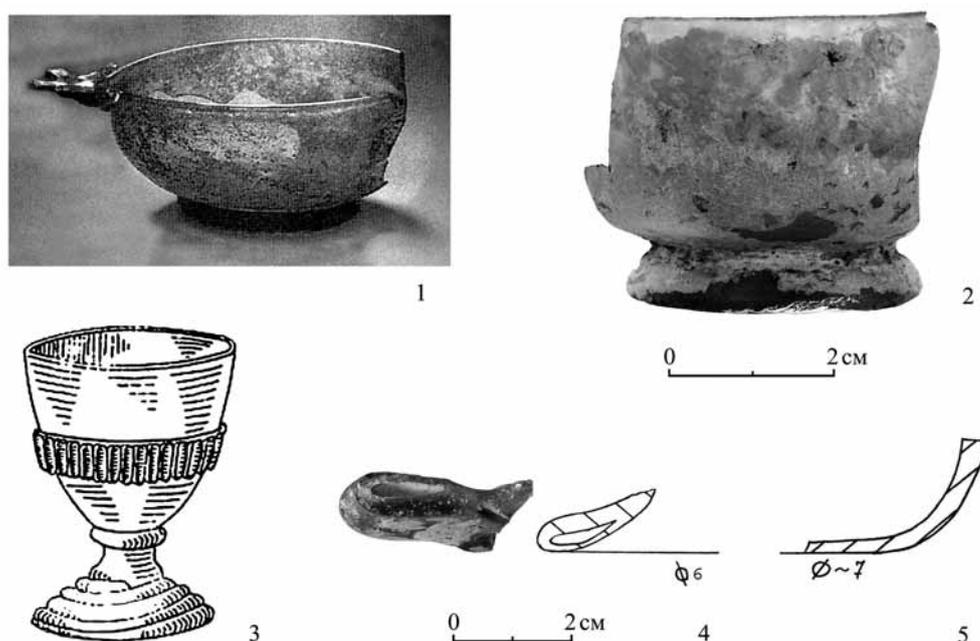

Рис. 4. Единичные сосуды для питья

1 – чарка, Западная Европа, 2-я пол. XVII – 1-я пол. XVIII в. (Ruempel, 1991. Рис. 194, 5); 2 – № 525; 3 – рюмка черкасского (украинского) стекла, XVI в. (Рожанківський, 1959. Рис. 8г); 4 – № 22; 5 – № 84

Подобные сосуды встречаются в Западной Европе, где датируются XVII в. («*Glas aus...*», 1977. Fig. 10. Около 1670 г.) (рис. 3, 7); Ruempel, 1991. Fig. 191, 5 (1600–1650) (рис. 3, 8).

Единичные сосуды для питья (рис. 4). Единичными экземплярами представлены открытые сосуды для питья других форм.

№ 525² (рис. 4, 2). Чарка, полный профиль; яма I (XVIII в.). Округлый невысокий сосуд эллипсоидной формы на коническом широком сплошном поддоне. Размеры: высота – 3,87; диаметр по краю – 6; диаметр дна – 3,34, диаметр поддона сверху – 3,34, внизу – 4,05, высота – 0,89. Цвет стекла – серо-голубой сильный светлый. Стекло полупрозрачное. Основа выдута в форму, поддон навит.

Аналогичные сосуды известны в России; в частности, встречались при раскопках в Москве, а также в Западной Европе, где они датируются второй половиной XVII – первой половиной XVIII в. (Ruempel, 1991. Рис. 194:5) (рис. 4, 1).

№ 22 (рис. 4, 4), рюмка; соор. 4 (первая четверть XVIII в.). От рюмки сохранилась подножка полусферической формы, полая внутри. По строению продолжает тулово. Диаметр внизу – 6, высота – 1,1. Цвет стекла – серо-голубой сильный.

Стекло полупрозрачное. Рюмка выдута в форму, затем для дополнительной формовки использовали различные шаблоны.

Как аналог можно указать рюмку черкасского (украинского) стекла, датированную XVI в. (Рожанківський, 1959. Рис. 8г) (рис. 4, 3), однако наш фрагмент происходит из сооружения, датированного первой четвертью XVIII в.

№ 84 (рис. 4, 5). Чаша, соор. 2 (первая четверть XVIII в.). Сохранилась нижняя часть, вероятно, чаши. Тулово сферическое или эллипсоидное, дно вогнутое. Размеры: диаметр дна – 7; толщина тулова в сохранившейся части – 0,49; толщина дна – 0,26. Цвет стекла – серо-голубой слабый. Стекло полупрозрачное.

Незначительные размеры сохранившегося фрагмента не позволяют сопоставить его с известными формами.

Кружки (рис. 5). Следующая группа фрагментов может быть сопоставлена с известными формами только предположительно.

Две ручки округлые, вертикальные, с защипом сверху.

№ 3 (рис. 5, 2); пл. 18 (XVIII в.). Размеры: высоту нельзя установить, ширина сверху – 1,62,

² Нумерация по описи индивидуальных находок.

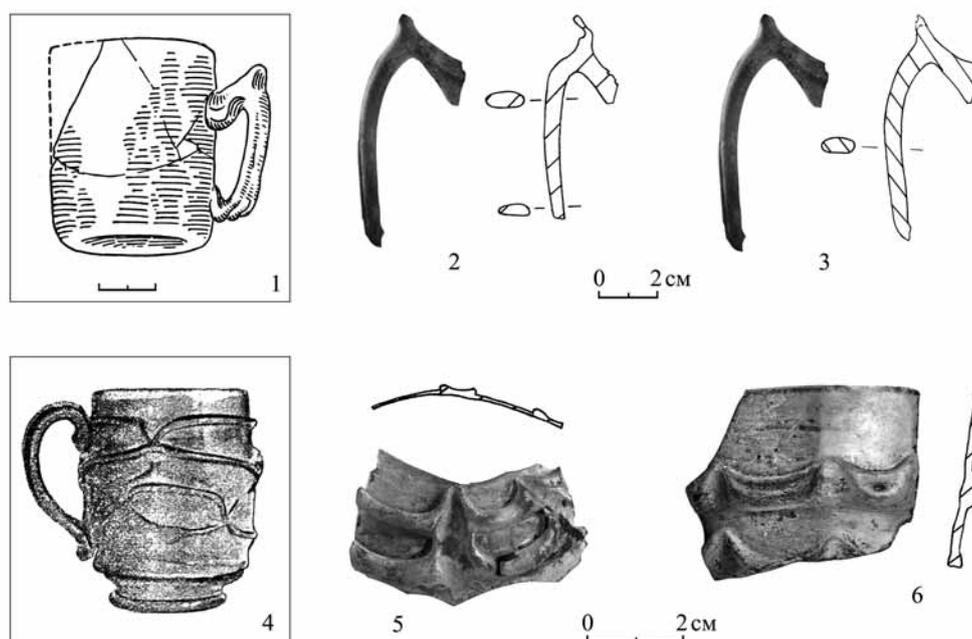

Рис. 5. Предполагается, что эта группа фрагментов относится к кружкам

1 – кружка черкасского стекла, XVII–XVIII вв. (Шовкопляс, 1974. Рис. 2, 9); 2 – № 3; 3 – № 45; 4 – кружка черкасского стекла, XVIII в. (Рожанківський, 1959. Рис. 15в); 5 – № 59; 6 – № 128

толщина сверху – 0,54. Цвет стекла – серо-голубой сильный. Стекло полупрозрачное.

№ 45 (рис. 5, 3); яма 60 (первая половина XVIII в.). Размеры: высоту нельзя установить, ширина сверху – 1,70; толщина сверху – 0,7; ширина в середине – 1,20, толщина в середине – 0,50. Цвет стекла – серо-голубой сильный. Стекло полупрозрачное.

Обе ручки вытянуты из одинарного жгута, затем прилеплены к основе.

Подобные ручки встречены при раскопках в Киеве (Шовкопляс, 1974. Рис. 2, 9) характерны для кружек черкасского стекла XVII–XVIII вв. (Рожанківський, 1959. Рис. 7г) (рис. 5, 1).

№ 59 (рис. 5, 5); яма 37 (вторая половина XVII в.). Обломок стенки с выпуклым декором. Размеры: толщина стенки – 0,16. Цвет стекла – серо-голубой средний светлый. Стекло полупрозрачное. Декор представляет собой два ряда повторяющихся горизонтальных кривых линий, соединяющихся верхними концами. При изготовлении сосуда на него нанесены горизонтальные полосы, затем в определенных местах подтянутые вверх.

№ 128 (рис. 5, 6); пл. 18 (XVIII в.). Фрагмент венчика с выпуклым декором. Размеры: диаметр края – 7; толщина края – 0,20. Цвет стекла – серо-голубой средний светлый. Стекло полупрозрачное. Декор представляет собой два ряда повторяющихся

горизонтальных кривых линий, соединяющихся верхними концами. При изготовлении сосуда на него нанесены горизонтальные полосы, затем в определенных местах подтянутые вверх.

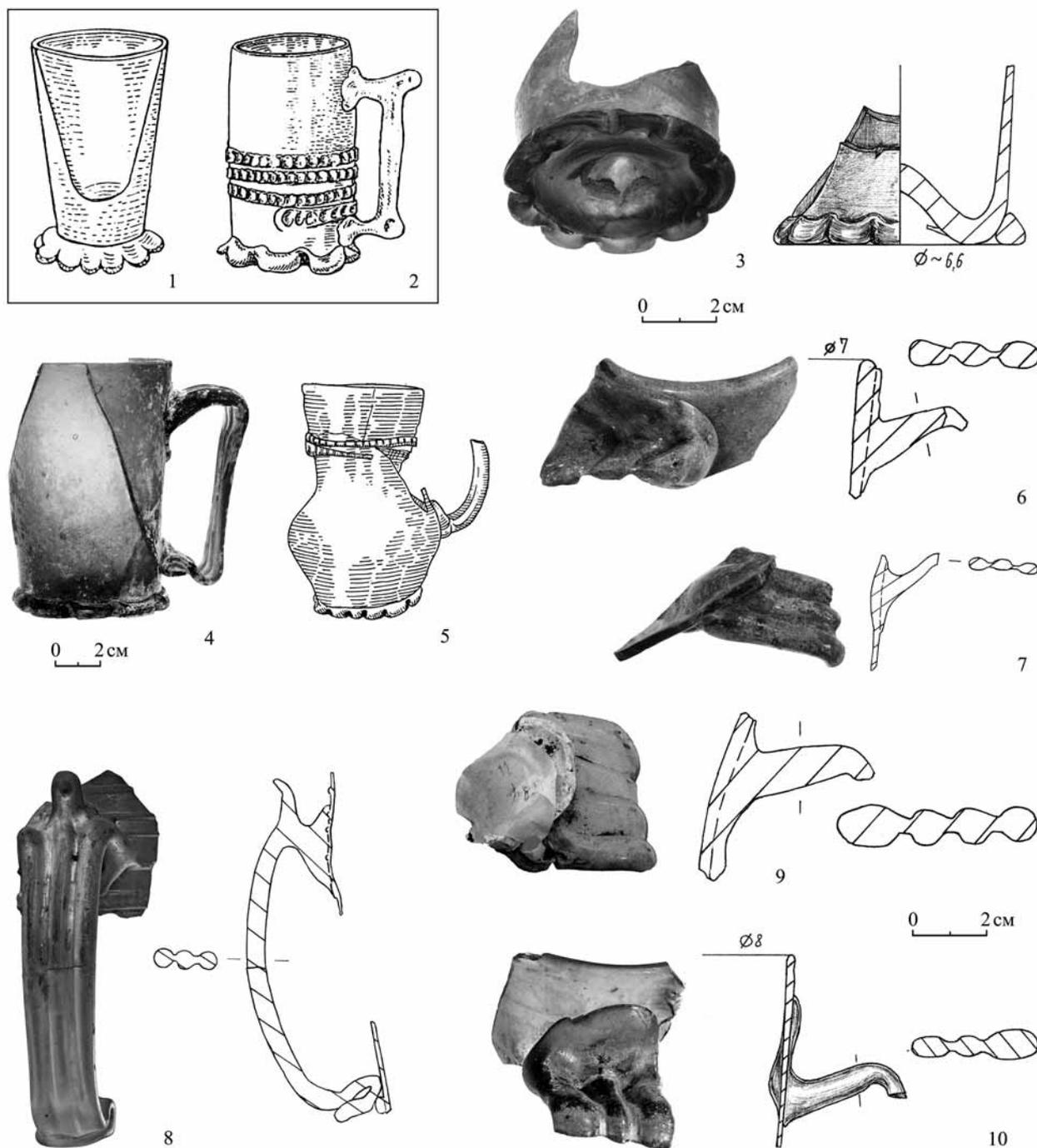
Аналогичный тип декора обнаружен нами на кружке черкасского стекла, датирующейся XVIII в. (Рожанківський, 1959. Рис. 15в) (рис. 5, 4).

Кувшины/кружки (рис. 6). Также предположительно можно установить полную форму для фрагментов сосудов, отличающихся по конструкции, но дополненных близкими деталями. Это могут быть кувшины или кружки.

А. Стопы

№ 66 (рис. 6, 3); стопа; яма 47 (дата точно не установлена). Нижняя часть слабоконического сосуда на волнистом поддоне. Дно вогнутое. Диаметр дна – 5,97, диаметр поддона – 6,76, высота – 0,76, ширина зигзагообразного кольца поддона – 1,19. Цвет стекла – желто-зеленый сильный темный. Стекло полупрозрачное. Сосуд выдут в форму, затем на нижнюю часть поддона наложена широкая полоса, которую дополнительно отформовали вручную, видимо, ножом.

Как аналогию можно указать стопу черкасского (украинского) стекла (Рожанківський, 1959. Рис. 7в), датирующуюся XVI–XVII вв. (рис. 6, 1). Наш фрагмент найден в яме, которая не получила точной датировки.

Рис. 6. Кружки / кувшины

1 – стопа черкаского стекла, XVI–XVII вв. (Рожанківський, 1959. Рис. 7в);
 2 – стопа-кружка (Рожанківський, 1959. Рис. 7в); 3 – № 66; 4 – № 524;
 5 – фр-т кружки (Шовкоплас, 1974. Рис. 2, 17); 6 – № 17; 7 – № 21; 8 – № 52; 9 – № 58; 10 – № 65

№ 524³ (рис. 6, 4); стопа-кружка (сохранилась полностью); яма 50 (XVIII в.). Близка по форме к предыдущему сосуду, однако здесь к основе и поддону добавлена вертикальная ручка, составленная из трех жгутов. Тулово слабоконическое, дно вогнутое. Размеры: общая высота – 11,7; диаметр края – 7,9; диаметр дна – 6,89; диаметр поддона – 7,99; высота – 0,95; ширина зигзагообразного кольца поддона – 0,86. Высота ручки – 9,48; длина – 18,5; ширина сверху – 4,02; ширина внизу – 3,39; толщина сверху – 1,48; толщина внизу – 0,29. Цвет стекла – оливковый сильный светлый. Стекло прозрачное.

Как у предыдущего сосуда, на нижнюю часть поддона наложена широкая полоса, которую дополнительно отформовали вручную, по-видимому, ножом. При изготовлении ручки три вытянутых жгута, соединив, еще раз окунули в жидкое стекло и придали необходимую форму. После этого сформированную ручку прилепили к тулову.

Как аналогию можно указать стопу черкасского (украинского) стекла (*Рожанківський*, 1959. Рис. 7в), датирующуюся XVI–XVII вв. (рис. 6, 2).

Б. Фрагменты с ручками

№ 17 (рис. 6, 6); яма 1 (XVIII в.). Сохранилась часть горла или тулова, к которой прикреплен верхний конец ручки. Размеры: диаметр края – 7; толщина края – 0,59; ширина ручки сверху – 4,66; толщина ручки сверху – 0,59. Цвет стекла – бежевый средний. Стекло полупрозрачное. При изготовлении ручки три вытянутых жгута, соединив, еще раз окунули в жидкое стекло и придали необходимую форму. После этого сформированную ручку прилепили к тулову.

№ 21 (рис. 6, 7); яма 50 (XVIII в.). Сохранилась часть горла или тулова, к которой прикреплен верхний конец ручки. Размеры: толщина края – 0,34; ширина ручки сверху – 4,07; толщина ручки сверху – 1,09. Цвет стекла: оливковый сильный светлый. Стекло полупрозрачное. При изготовлении ручки три вытянутых жгута, соединив, еще раз окунули в жидкое стекло и придали необходимую форму. После этого сформированную ручку прилепили к тулову.

№ 52 (рис. 6, 8); яма 36 (XVIII в.). Сохранилась часть горла или тулова, к которой прикреплен верхний конец ручки. Размеры: диаметр края – 5; толщина края – 0,20; высота ручки – 3,4; длина – 16; ширина ручки сверху – 3,3; ширина ручки

внизу – 2,26; толщина ручки сверху – 1,04; толщина ручки внизу – 0,61. Цвет стекла – серо-голубой средний. Стекло полупрозрачное. При изготовлении ручки три вытянутых жгута, соединив, еще раз окунули в жидкое стекло и придали необходимую форму. После этого сформированную ручку прилепили к тулову.

№ 58 (рис. 6, 9); яма 37 (вторая половина XVII в.). Сохранилась только часть ручки. Размеры: ширина ручки сверху – 1,83; толщина ручки сверху – 0,69; толщина горла (тулова) сверху – 0,36. Стекло двухслойное. Цвет наружной части – бирюзовый; цвет внутренней – бирюзовый слабый. Стекло непрозрачное. При изготовлении ручки три вытянутых жгута, соединив, еще раз окунули в жидкое стекло и придали необходимую форму. После этого сформированную ручку прилепили к тулову.

№ 65 (рис. 6, 10); яма 47 (дата не установлена). Сохранилась часть горла или тулова, к которой прикреплен верхний конец ручки. Размеры: диаметр края – 9; толщина края – 0,38; ширина ручки сверху – 4,07; толщина ручки сверху – 0,86. Цвет стекла – серо-голубой сильный темный. Стекло полупрозрачное. При изготовлении ручки три вытянутых жгута, соединив, еще раз окунули в жидкое стекло и придали необходимую форму. После этого сформированную ручку прилепили к тулову.

Аналогии кружкам с подобными ручками, как уже было сказано, на Украине датируются XVI–XVII вв., а кувшины, известные из раскопок как на Украине, так и в Чехии, – XVII–XVIII вв. (*Шовкопляс*, 1974. Рис. 2, 17; *Huml*, 1995. Рис. 1–6), (рис. 6, 5). Наши фрагменты найдены в комплексах конца XVII – начала XVIII в.

Кувшины (?) с декором (рис. 7). С очень большой долей условности, преимущественно по декору с кувшинами могут быть сближены следующие фрагменты.

А. Декорированные в технике наклада (два фрагмента верхней части)

№ 14 (рис. 7, 2); яма 1 (XVIII в.). По-видимому, верхняя часть тулова кувшина (скорее всего, эллипсоидного) с выпуклым декором. Наложена широкая полоса с горизонтальными полосками. Под этой полосой наложен небольшой выпуклый овал. Толщина стенки – 0,21. Основа сосуда выдута, декоративная полоса вытянута, затем на нее ножом нанесли рифление. Цвет стекла – серо-голубой средний. Стекло полупрозрачное.

³ Нумерация по описи индивидуальных находок.

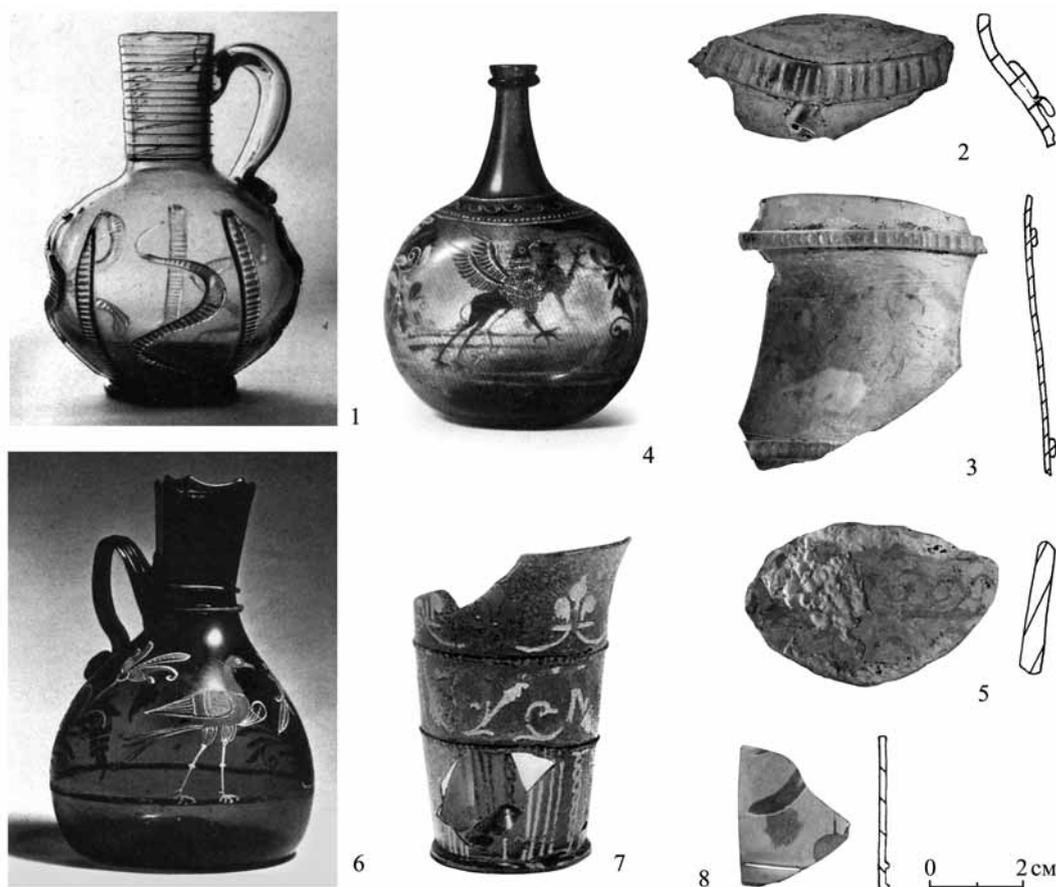

Рис. 7. Кувшины (?) с декором. (См. цв. вкл.)

1 – кувшин, XVII в. (Ашарина, 1998. Рис. 3, 4); 2 – № 14; 3 – № 61; 4 – кувшин, 1-я пол. XVII в. (Ашарина, 1998. Рис. 3, 13); 5 – № 56; 6 – кувшин (Ашарина, 1998. Рис. 3, 14); 7 – стаканчик (Ruempel, 1991. № 193:2); 8 – № 11

№ 61 (рис. 7, 3); яма 37 (вторая половина XVII в.). Фрагмент, по-видимому, горла кувшина, с наложенными двумя узкими рифлеными полосами. Толщина стенки – 0,16. Основа выдута, полоса вытянута, затем на нее ножом нанесли рифление. Цвет стекла – серо-голубой средний светлый. Стекло полупрозрачное.

В качестве условной аналогии этим фрагментам можно предложить кувшин черкасского (украинского производства), датированный XVIII в. (Ашарина, 1998. Рис. 3, 4) (рис. 7, 1).

Б. Декорированные в технике росписи

№ 56 (рис. 7, 5); яма 37 (вторая половина XVII в.). Обломок, по-видимому, верхней части тулова. Материал сильно расстеклован, поэтому выглядит непрозрачным, цвет – серо-голубой средний. На наружной поверхности – плоский декор: между горизонтальными полосами горизонтальные завитки, образующие бордюр. Верхняя полоса – красно-коричневого цвета, нижняя и завитки – желтого.

Аналогией может служить кувшин первой половины XVIII в. с похожей росписью в верхней части тулова (Ашарина, 1998. Рис. 3, 13) (рис. 7, 4).

В. Декорирование в технике росписи

№ 11 (рис. 7, 8); пл. 17 (XVIII в.). Обломок, возможно, горла кувшина. Толщина стенки – 0,15. Цвет стекла – сине-фиолетовый средний светлый. Стекло непрозрачное. В нижней части обломка – две горизонтальные линии. Вверху, по-видимому, изображение цветка, сохранившиеся элементы – разных цветов: желтый средний (круг), оливковый сильный светлый (лист). Цвет стекла – серо-голубой средний светлый. Стекло полупрозрачное.

Аналогиями могут служить кувшин, датируемый второй половиной XVIII в. (Ашарина, 1998. Рис. 13, 14) (рис. 7, 6), и стаканчик первой половины XVII в. (Ruempel, 1991. Рис. 193, 2) (рис. 7, 7).

Вазы (рис. 8). Небольшие фрагменты, которые также очень условно могут быть сопоставлены с целыми формами.

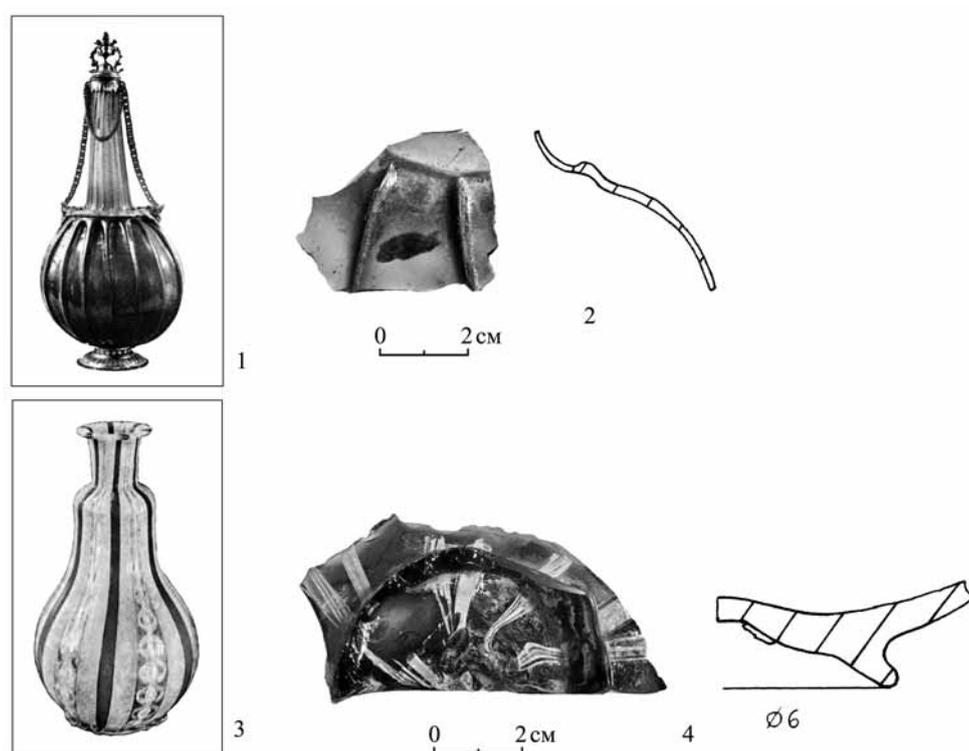

Рис. 8. Вазы. (См. цв. вкл.)

1 – ваза (“Glas aus...”, 1977. № 11); 2 – № 6; 3 – ваза (Hettesh., 1960. № 59); 4 – № 51

№ 6 (рис. 8, 2); пл. 17 (XVIII в.). Стенка, стекло пурпурное, прозрачное. Толщина – 0,14. На наружной поверхности – выпуклый декор: прямая горизонтальная линия, к которой примыкают на небольшом расстоянии друг от друга вертикальные линии.

Как возможная аналогия может быть указана ваза XVII в. (“Glas aus...”, 1977. № 11) (рис. 8, 1).

№ 51 (рис. 8, 4); яма 55 (вторая половина XVII в.). Дно сосуда на кольцевом поддоне. Дно вогнутое. Размеры: диаметр дна – 5,64; толщина дна – 0,42. Диаметр поддона – 6; диаметр нити – 0,72. Цвет стекла – пурпурный средний, полупрозрачное, нити филигрании – белые, ахроматические. Основа сосуда выдута в форму, затем на нее наложены филигранные полосы, после чего основу покрыли дополнительным слоем стекла. После этого на дно сосуда наложили полосу, образовавшую кольцо поддона.

Поскольку верхняя часть не сохранилась, реконструировать ее можно лишь условно. Наиболее логично было бы предполагать форму открытой полусферической чаши, однако нам не удалось найти подобных чаш с венецианской филигранью, открытые сосуды с такого рода декором все цилиндрические или слабоконические. Поэтому как возможную аналогию можно привести вазу XVII в. из Венеции (Hettesh, 1960. № 59) (рис. 8, 3).

Штофы с цветными полосами (рис. 9). Фрагменты граненых сосудов, вероятно, штофов, украшенных вертикальными полосами венецианской филигрании. Основа выдута в форму, палочки декора вытянуты.

№ 16 (рис. 9, 2); пл. 17 (XVIII в.). Фрагмент стенки с наклонным внутрь венчиком. Размеры: толщина тулова – 0,26; толщина венчика внизу – 0,29. Декор – три соединенные палочки, расположенные вертикально. Цвет основы – сине-фиолетовый слабый, стекло прозрачное. Палочки декора снаружи белые, непрозрачные, внутри из бесцветного стекла.

№ 44 (рис. 9, 3); яма 60 (первая половина XVIII в.). Фрагмент наклонного внутрь венчика; толщина венчика внизу – 0,29. Декор – две параллельные палочки, расположенные вертикально и сближенные вверху. Цвет основы – сине-фиолетовый средний светлый, стекло прозрачное. Палочки декора снаружи белые, непрозрачные, внутри из бесцветного стекла. При раздувании тулова с наложенными палочками они растянулись, и верхний белый слой разорвался вдоль.

№ 50 (рис. 9, 4); яма 55 (вторая половина XVII в.). Фрагмент стенки с наклонным внутрь венчиком. Размеры: толщина тулова – 0,36; толщина венчика

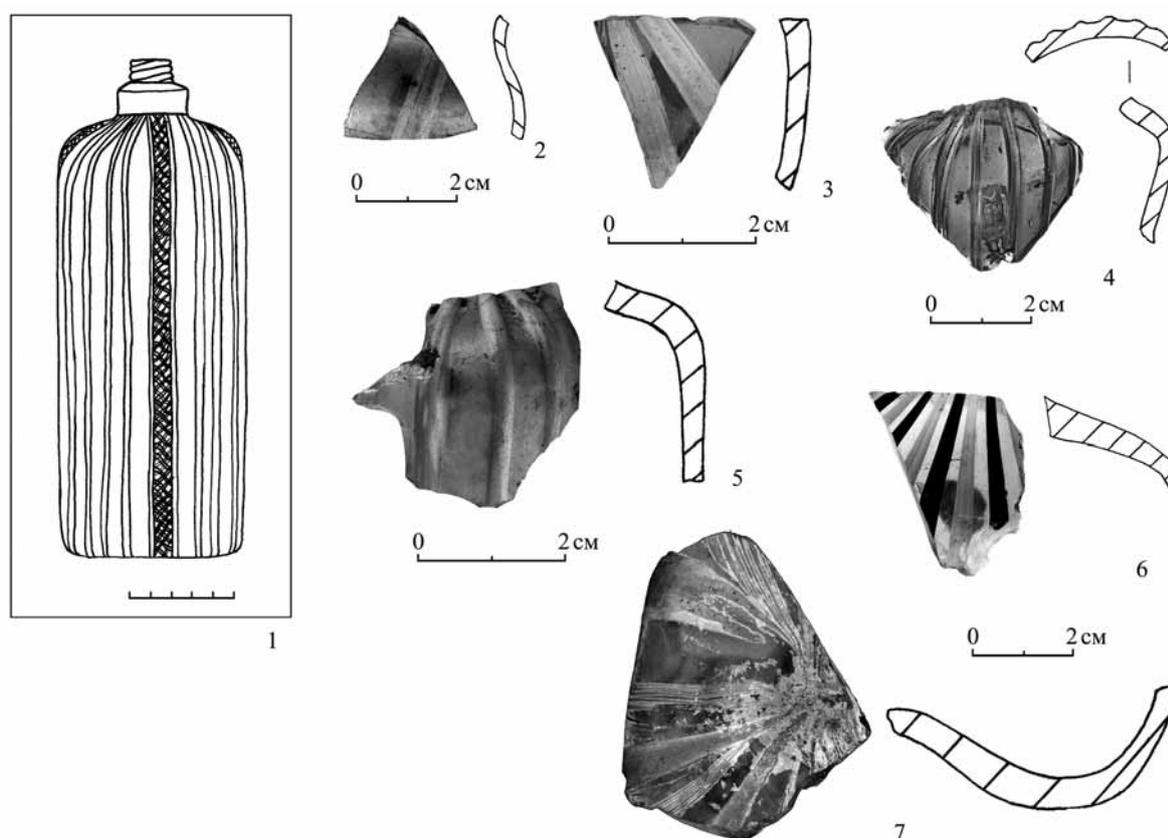

Рис. 9. Штофы с цветными полосами (см. цв. вкл.)

1 – реконструкция; 2 – № 16; 3 – № 44; 4 – № 50; 5 – № 62; 6 – № 63; 7 – № 129

внизу – 0,54. Декор – выступающие палочки, расположенные вертикально. Цвет основы – красно-коричневый средний светлый, стекло прозрачное. Палочки декора вытянуты из бесцветного прозрачного стекла, в которое вставлены непрозрачные белые нити, переплетенные между собой.

№ 62 (рис. 9, 5); соор. 1 (первая половина XVII в.). Фрагмент стенки с наклонным внутрь венчиком. Размеры: толщина тулова – 0,23; толщина венчика внизу – 0,40. Декор – выступающие палочки, расположенные вертикально. Цвет основы – красно-коричневый слабый, стекло прозрачное. Палочки декора вытянуты из бесцветного прозрачного стекла, в которое вставлены непрозрачные белые нити, переплетающиеся между собой.

№ 63 (рис. 9, 6); яма 43 (вторая половина XVII – начало XVIII в.). Фрагмент наклонного внутрь венчика; толщина венчика внизу – 0,29. Декор – выпуклые параллельные палочки, расположенные вертикально и сближенные вверху. Цвет основы – оливковый слабый, стекло прозрачное. Палочки декора – чередование белых, двуслойных (см. № 16) и красных сплошных из непрозрачного стекла.

№ 129 (рис. 9, 7); пл. 17 (XVIII в.). Фрагмент дна с остатками тулова. Тулово граненое, дно вогнутое. Размеры: толщина тулова внизу – 0,27; толщина дна – 0,54. На основу наложены полосы с филигранью. Чередуются полосы, составленные из тонких белых непрозрачных нитей, и сплошные полосы из двуслойного стекла – внутри бесцветного, снаружи покрытого слоем белого непрозрачного стекла. Цвет основы – серый слабый.

Подобные штофы, которые, как показывают исследования последних лет, встречаются в слое XVII в. во многих русских городах. Происхождение их, вне всякого сомнения, западноевропейское (*Векслер, Лухтер, 2001. С. 365–375*) (рис. 9, 1).

Редкие формы (рис. 10). Отметим также несколько фрагментов закрытых сосудов редких форм.

№ 34 (рис. 10, 3). Фляга; яма 50 (XVIII в.). Фрагмент донца сосуда, представляющего собой в поперечном разрезе эллипс. Тулово, возможно, эллипсоидное, дно плоское. Размеры: ширину дна нельзя установить; толщина дна – 0,25. Цвет стекла – серо-голубой слабый, стекло полупрозрачное.

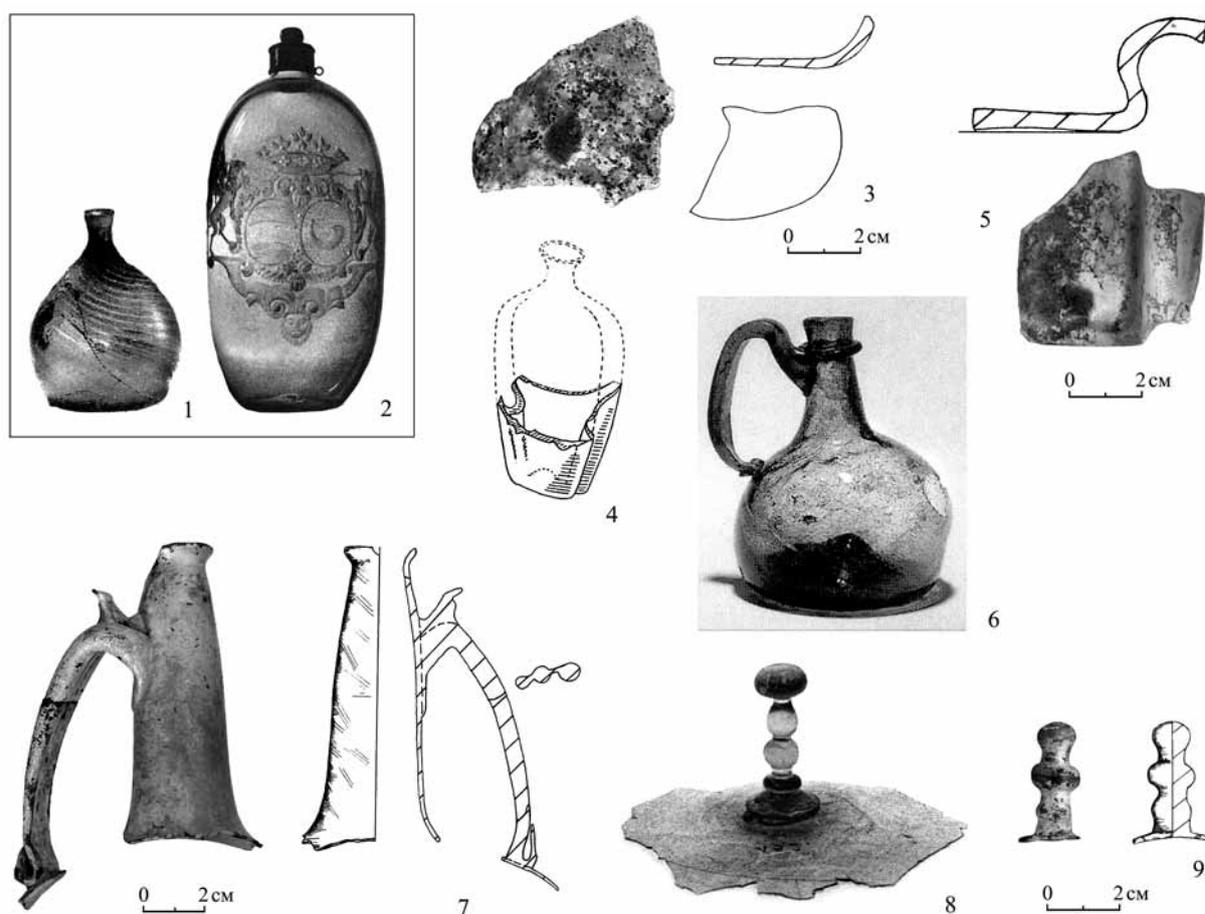

Рис. 10. Редкие формы закрытых сосудов и крышка

1 – фляга (Ruempel, 1991. № 138, 1); 2 – фляга (Vavra, 1954. № 230); 3 – № 34; 4 – сосуд (Рожанківський, 1959. Рис. 76); 5 – № 35; 6 – сосуд (Ruempel, 1991. № 189, 4); 7 – № 15; 8 – крышка (Lazar, Willmott, 2006. Fig. 49); 9 – № 127

Обычно такую форму имеют фляги. Подобные сосуды известны в Западной Европе, где датируются XVI–XVIII вв. (Ruempel и др., 1991. Рис. 138, 1, Дельфт, XVI в. (рис. 10, 1); Vavra, 1954. № 230; Швеция, 1705 г. (рис. 10, 2).

№ 35 (рис. 10, 5). Штоф (?); яма 50 (XVIII в.). Нижняя часть сосуда, видимо, штофа с дополнительными углублениями на гранях, отчего тулово становится ребристым. Форму дна нельзя установить. Размеры: ширину дна нельзя установить, толщина дна – 0,47. Цвет стекла – серо-голубой средний, стекло полупрозрачное. На противоположенных боковых гранях над дном – вмятины.

Как аналогию можно указать сосуд черкасского стекла, датированный XVI–XVIII вв. (Рожанківський, 1959. Рис. 76) (рис. 10, 4).

№ 15 (рис. 10, 7). Бутыль с ручкой; яма 1 (XVIII в.). Верхняя часть сосуда с узким горлом и ручкой. Край выпуклый расходящийся; венчик наклонный наружу ровный; горло округлое, кони-

ческое; тулово округлое (точнее установить нельзя), ручка составлена из трех жгутов, вверху зашип, внизу петля. Размеры: диаметр края – 2,18; толщина края – 0,27; длина венчика – 0,66; высота горла – 10,3, диаметр горла внизу – 3,67; длина ручки – 16; ширина ручки вверху – 3,18; ширина ручки внизу – 3,12; толщина ручки вверху – 1,13; толщина ручки внизу – 0,29. Цвет стекла – оливковый сильный светлый, стекло полупрозрачное. Техника: горло вытянутое, верхняя часть отогнута наружу, образуя венчик. Ручка сделана из трех жгутов, подобно рассмотренным выше ручкам кувшинов, и прилеплена к верхней части горла и верхней части тулова.

Как аналогию можно указать сосуд из Германии или Нидерландов, датированный первой половиной XVII в. (Ruempel, 1991. Рис. 189, 4) (рис. 10, 6).

Крышка

№ 127 (рис. 10, 9); пл. 17 (XVIII в.). Фрагмент ручки от крышки. Невысокий стержень в форме балясины. Размеры: высота – 3,17; диаметр – 0,43.

Цвет – серо-голубой средний светлый; стекло прозрачное. В качестве аналогии можно указать крышки, обнаруженные среди груза корабля, погибшего при кораблекрушении возле берегов Хорватии (Lazar, Willmott, 2006. Fig. 49) (рис. 10, 8). Предполагается, что этот корабль шел из Венеции в Турцию и погиб в конце XVI в.

Тарная посуда

Более многочисленна тарная посуда: штофы, бутылки, аптечные или парфюмерные флаконы.

Штофы (рис. 11). Закрытые сосуды с граненым туловом. Основу вдували в форму, затем специальными инструментами заготовку сверху сжимали, благодаря чему образовывали наклон внутрь, а край слегка разводили.

№ 523⁴ (рис. 11, 4); полный профиль; яма 67 (дата не определена). В конструкции присутствуют край, венчик, тулово, дно. Край неровный, венчик наклонный внутрь, отогнутый, тулово граненое, дно вогнутое. Размеры: высота штофа – 13,3; диаметр края нельзя установить; толщина края – 0,20; высота венчика – 1,8; диаметр внутри – 1,58; ширина венчика внизу – 6,16; высота тулова – 11,5; ширина тулова вверх – 6,16; ширина дна – 6,16×6,05; толщина дна – 0,52. Цвет стекла – серо-голубой сильный; стекло прозрачное. Край венчика сколот, вероятно, под свинцовое горло.

Верхние части

№ 30 (рис. 11, 5); яма 50 (вторая половина XVII в.). Край острый, асимметричный снаружи, венчик наклонный внутрь, отогнутый, тулово граненое. Размеры: диаметр края – 3,11; толщина края – 0,34; высота венчика – 3,20; диаметр внутри – 1,72; ширину венчика внизу нельзя установить; толщина венчика внизу – 0,46. Цвет стекла – оливковый средний темный; стекло полупрозрачное.

№ 31 (рис. 11, 6); яма 50 (вторая половина XVII в.). Край выпуклый, асимметричный снаружи, венчик наклонный внутрь, отогнутый, тулово граненое. Размеры: диаметр края – 3,34; толщина края – 0,44; высота венчика – 3,42; диаметр внутри – 1,64; ширина венчика внизу – 7,13×6,8; толщина венчика внизу – 0,55; ширина тулова вверх – 7,13×6,8; толщина тулова вверх – 0,48. Цвет стекла – оливковый средний; стекло полупрозрачное.

№ 70 (рис. 11, 7); пл. 18 (XVIII в.). Край острый асимметричный снаружи, венчик наклонный внутрь, отогнутый, тулово граненое. Размеры: диа-

метр края – 2,77; толщина края – 0,31; высоту венчика нельзя установить; диаметр внутри – 1,33; ширину венчика внизу нельзя установить; толщина венчика внизу – 0,38. Цвет стекла – оливковый средний светлый; стекло полупрозрачное.

№ 83 (рис. 11, 8); соор. 2 (первая четверть XVIII в.). Край острый, асимметричный снаружи, венчик наклонный внутрь, отогнутый, тулово граненое. Размеры: диаметр края – 3,60; толщина края – 0,53; высота венчика – 3,56; диаметр внутри – 1,44; ширину венчика внизу нельзя установить; толщина венчика внизу – 0,48; ширину тулова вверх нельзя установить; толщина тулова вверх – 0,46. Цвет стекла – оливковый средний темный; стекло полупрозрачное.

№ 89 (рис. 11, 9); яма 50 (вторая половина XVII в.). Край острый, асимметричный снаружи, венчик наклонный внутрь, отогнутый, тулово граненое. Размеры: диаметр края – 3,14; толщина края – 0,32; высота венчика – 3,64; диаметр внутри – 1,47; ширину венчика внизу нельзя установить; толщина венчика внизу – 0,45; ширину тулова вверх нельзя установить; толщина тулова вверх – 0,44. Цвет стекла – желто-зеленый средний; стекло полупрозрачное.

№ 90 (рис. 11, 10); яма 50 (вторая половина XVII в.). Край плоский асимметричный снаружи, венчик наклонный внутрь, отогнутый, тулово граненое. Размеры: диаметр края – 2,5; толщина края – 0,58; высота венчика – 2,5; диаметр внутри – 1,18; ширину венчика внизу нельзя установить; толщина венчика внизу – 0,31. Цвет стекла – бежевый средний светлый; стекло прозрачное.

№ 95 (рис. 11, 11); яма 50 (вторая половина XVII в.). Край не сохранился, венчик наклонный внутрь, отогнутый, тулово граненое. Размеры: высота венчика – 2,23; диаметр внутри – 1,49; толщина венчика внизу – 0,75. Цвет стекла – бежевый средний светлый; стекло прозрачное.

№ 100 (рис. 11, 12); яма 67 (дата не установлена). Край выпуклый, венчик наклонный внутрь, отогнутый, тулово граненое. Размеры: диаметр края – 3,46; толщина края – 0,37; высота венчика – 2,01; диаметр внутри – 1,18; ширину венчика внизу нельзя установить; толщина венчика внизу – 0,44; ширину тулова вверх нельзя установить; толщина тулова вверх – 0,29. Цвет стекла – оливковый сильный светлый; стекло полупрозрачное.

№ 112 (рис. 11, 13); яма 36 (XVIII в.). Край нельзя установить, венчик наклонный внутрь, отогнутый,

⁴ № по описи индивидуальных находок.

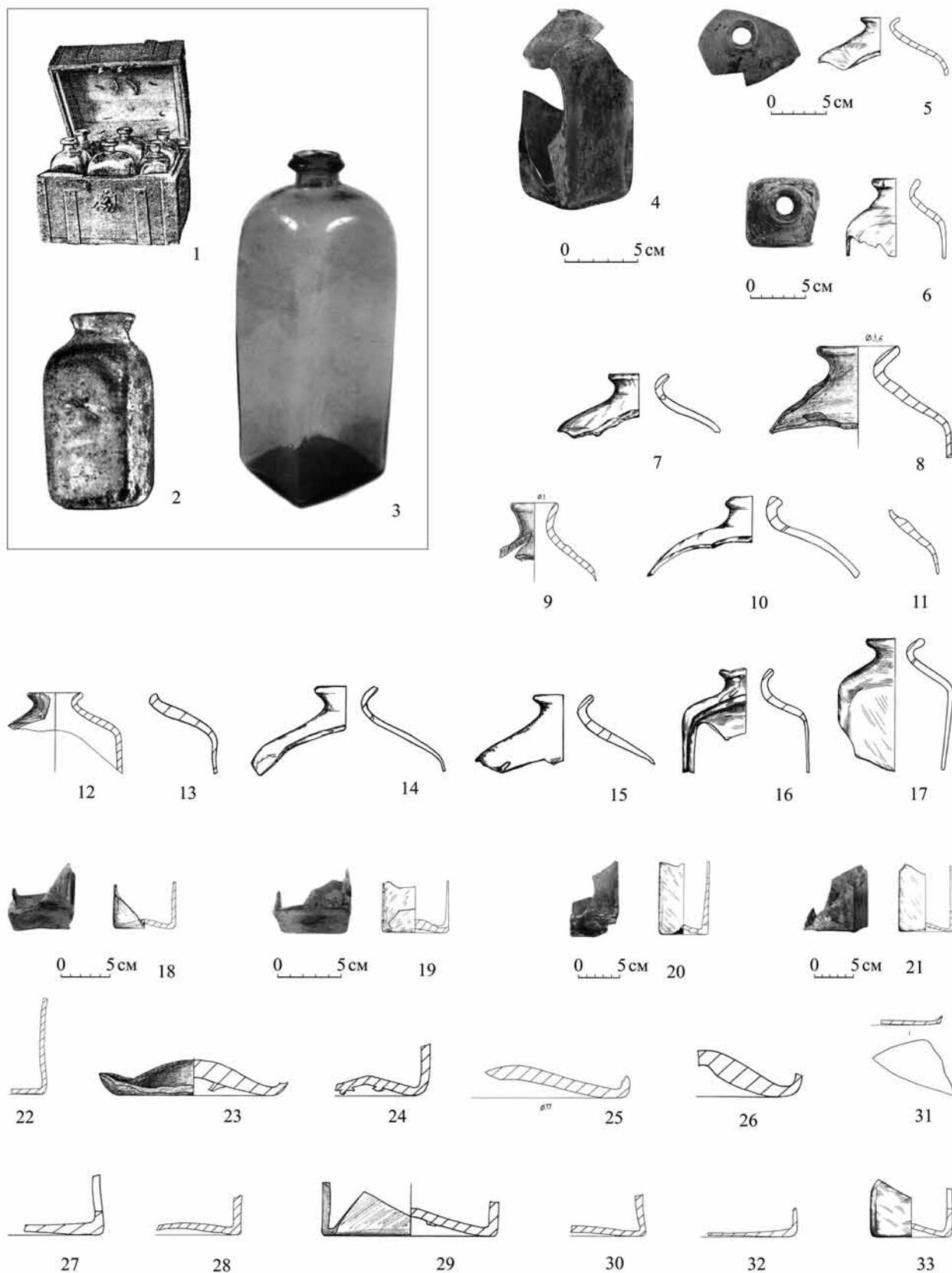

Рис. 11. Штофы. Верхние и нижние части

1 – граненый сосуд (Рожанківський, 1959. Рис. 36); 2 – штоф аптечный (Ciepiela, 1977. Rys. 84); 3 – сосуд (Miller's guide, 2004. P. 50 б/№); 4 – № 523; 5 – № 30; 6 – № 31; 7 – № 70; 8 – № 83; 9 – № 89; 10 – № 90; 11 – № 95; 12 – № 100; 13 – № 112; 14 – № 114; 15 – № 116; 16 – № 130; 17 – № 131; 18 – № 32; 19 – № 33; 20 – № 39; 21 – № 43; 22 – № 67; 23 – № 68; 24 – № 69; 25 – № 74; 26 – № 82; 27 – № 94; 28 – № 101; 29 – № 103; 30 – № 104; 31 – № 122; 32 – № 113; 33 – № 132

тулово граненое. Размеры: высоту венчика нельзя установить; диаметр внутри нельзя установить; толщина венчика внизу – 0,51; ширину тулова вверху нельзя установить; толщина тулова вверху – 0,21. Цвет стекла – серо-голубой средний светлый; стекло полупрозрачное.

№ 114 (рис. 11, 14); яма 37 (вторая половина XVII в.). Край острый, асимметричный снаружи, венчик наклонный внутрь, отогнутый, тулово граненое. Размеры: диаметр края – 2,78; толщина края – 0,32; высота венчика – 2,70; диаметр внутри – 1,36; ширину венчика внизу нельзя установить; толщина венчика внизу – 0,21; ширину тулова вверху нельзя установить; толщина тулова вверху – 0,20. Цвет стекла – серо-голубой средний светлый; стекло полупрозрачное.

№ 116 (рис. 11, 15); яма 45 (XVII–XVIII вв.). Край выпуклый, венчик наклонный внутрь, отогнутый, тулово граненое. Размеры: диаметр края – 2,61; толщина края – 0,31; высота венчика – 2,74; диаметр внутри – 1,21; ширину венчика внизу нельзя установить; толщина венчика внизу – 0,45. Цвет стекла – серо-голубой средний; стекло полупрозрачное.

№ 130 (рис. 11, 16) пл. 17 (XVIII в.). Край острый асимметричный снаружи, венчик наклонный внутрь, отогнутый, тулово граненое. Размеры: диаметр края – 2,39; толщина края – 0,31; высота венчика – 2,06; диаметр внутри – 1,28; ширина венчика внизу – 5,50; толщина венчика внизу – 0,48; ширина тулова вверху – 5,50; толщина тулова вверху – 0,21. Цвет стекла – серо-голубой средний; стекло полупрозрачное.

№ 131 (рис. 11, 17); пл. 18 (XVIII в.). Край неровный, венчик наклонный внутрь, отогнутый, тулово граненое. Размеры: диаметр края – 3,03; толщина края – 0,48; высота венчика – 2,85; диаметр внутри – 1,49; ширина венчика внизу – 5,50; толщина тулова вверху – 0,27. Цвет стекла – оливковый сильный светлый; стекло полупрозрачное.

Нижние части штофов

№ 32 (рис. 11, 18); яма 50 (вторая половина XVII в.). Тулово граненое, дно вогнутое. Размеры: ширина тулова внизу – 7,37×7,12; толщина тулова внизу – 0,46; ширина дна – 7,37×7,12; толщина дна – 0,71. Цвет стекла – оливковый средний; стекло полупрозрачное.

№ 33 (рис. 11, 19); яма 50 (вторая половина XVII в.). Тулово граненое, дно вогнутое. Размеры: ширина тулова внизу – 7,80×6,60; толщина тулова внизу – 0,53; ширина дна – 7,80×6,60; толщина дна – 1,15. Цвет стекла – оливковый средний светлый; стекло полупрозрачное.

№ 39 (рис. 11, 20); яма 67 (дата не определена). Тулово граненое, дно вогнутое. Размеры: ширина тулова внизу – 5,86×5,84; толщина тулова внизу – 0,55; ширина дна – 5,86×5,84; толщина дна – 0,53. Цвет стекла – оливковый сильный светлый; стекло полупрозрачное.

№ 43 (рис. 11, 21); яма 60 (первая половина XVIII в.). Тулово граненое, дно вогнутое. Размеры: ширина тулова внизу – 8,06×8,02; толщина тулова внизу – 0,54; ширина дна – 0,35. Цвет стекла – оливковый сильный светлый; стекло полупрозрачное.

№ 67 (рис. 11, 22); пл. 18 (XVIII в.). Тулово граненое, дно вогнутое. Размеры: ширина тулова внизу – 8,04; толщина тулова внизу – 0,75; ширина дна – 8,04; толщина дна – 0,54. Цвет стекла – серо-голубой сильный; стекло полупрозрачное.

№ 68 (рис. 11, 23); пл. 18 (XVIII в.). Тулово граненое, дно вогнутое. Размеры: ширина тулова внизу – 7,88; толщина тулова внизу – 0,38; ширина дна – 7,88; толщина дна – 0,43. Цвет стекла – серо-голубой средний; стекло полупрозрачное.

№ 69 (рис. 11, 24); пл. 18 (XVIII в.). Тулово граненое, дно вогнутое. Размеры: ширину тулова внизу нельзя установить; толщина тулова внизу – 0,46; ширину дна нельзя установить; толщина дна – 0,49. Цвет стекла – серо-голубой сильный светлый; стекло полупрозрачное.

№ 74 (рис. 11, 25); пл. 18 (XVIII в.). Тулово граненое, дно вогнутое. Размеры: ширину тулова внизу нельзя установить; толщина тулова внизу – 0,76; ширину дна нельзя установить; толщина дна – 1,1. Цвет стекла – оливковый средний; стекло полупрозрачное.

№ 82 (рис. 11, 26); яма 55 (вторая половина XVII в.). Тулово граненое, дно вогнутое. Размеры: ширину тулова внизу нельзя установить; толщина тулова внизу – 0,35; ширину дна нельзя установить; толщина дна – 1,04. Цвет стекла – бежевый средний; стекло полупрозрачное.

№ 94 (рис. 11, 27); яма 50 (вторая половина XVII в.). Тулово граненое, дно вогнутое. Размеры: ширину тулова внизу нельзя установить; толщина тулова внизу – 0,59; ширину дна нельзя установить; толщина дна – 0,54. Цвет стекла – желто-зеленый средний; стекло полупрозрачное.

№ 101 (рис. 11, 28); яма 67 (дата не установлена). Тулово граненое, форму дна нельзя установить. Размеры: ширину тулова внизу нельзя установить; толщина тулова внизу – 0,38; ширину дна нельзя установить; толщина дна – 0,57. Цвет стекла – оливковый сильный светлый; стекло полупрозрачное.

№ 103 (рис. 11, 29); яма 67 (дата не установлена). Тулово граненое, дно вогнутое. Размеры: ширина тулова внизу – 7,58; толщина тулова внизу – 0,54; ширина дна – 7,58; толщина дна – 0,60. Цвет стекла – оливковый сильный светлый; стекло полупрозрачное.

№ 104 (рис. 11, 30); яма 67 (дата не установлена). Тулово граненое, форму дна нельзя установить. Размеры: ширину тулова внизу нельзя установить; толщина тулова внизу – 0,50; ширину дна нельзя установить; толщина дна – 0,45. Цвет стекла – оливковый сильный светлый; стекло полупрозрачное.

№ 113 (рис. 11, 32); яма 36 (XVIII в.). Тулово граненое, дно вогнутое. Размеры: ширина тулова внизу – 5,61; толщина тулова внизу – 0,42; ширина дна – 5,61; толщина дна – 0,44. Цвет стекла – серо-голубой сильный светлый; стекло полупрозрачное.

№ 132 (рис. 11, 33); пл. 18 (XVIII в.). Тулово граненое, дно плоское. Размеры: ширина тулова сверху – 6,07×6,06; толщина тулова внизу – 0,45; ширина дна – 6,07×6,06; толщина дна – 0,37. Цвет стекла – оливковый сильный светлый; стекло полупрозрачное.

Стенки

№ 18; яма 1 (XVIII в.). Тулово граненое. Толщина тулова – 0,30. Цвет стекла – оливковый средний; стекло полупрозрачное.

№ 75; пл. 18 (XVIII в.). Тулово граненое. Толщина тулова внизу – 0,38. Цвет стекла – оливковый средний; стекло полупрозрачное.

№ 87; яма 1 (XVIII в.). Тулово граненое, форму дна нельзя установить. Толщина тулова внизу – 0,39. Цвет стекла – оливковый средний светлый; стекло полупрозрачное.

№ 122 (рис. 11, 31); яма 60 (первая половина XVIII в.). Тулово граненое, форму дна нельзя установить. Толщина тулова внизу – 0,39. Цвет стекла – оливковый сильный светлый; стекло полупрозрачное. Обломок штофа подвергнут вторичной обработке: по краю идут зубчатые следы щипцов.

Граненые сосуды с узким горлом из грубого стекла различных бутылочных форм широко известны в культурных слоях конца XVII – начала XIX в. Использовались для расфасовки как водки, так и некоторых аптечных снадобий (небольшие штофы, высотой до 15 см). Аналогии можно определить по многим публикациям (*Рожанківський*, 1959. Рис. 36 – XVIII в. (рис. 11, 1); *Ciepiela*, 1977. Рис. 84 – XVIII в. (рис. 11, 2); *Miller's guide*, 2004. P. 50 б/№ – 1750 г. (рис. 11, 3).

Простые бутылки (рис. 12). Округлые сосуды с узким горлом. Выдуты в форму, горло вытянуто, вогнутое внутрь дно сформовано на поддоне.

Верхние части

№ 23 (рис. 12, 2); яма 50 (вторая половина XVII в.). Горло аптечной бутылки. Край выпуклый, расходящийся; венчик наклонный наружу; горло цилиндрическое, местами выпуклое. Размеры: диаметр края – 3,44; толщина края – 0,62; высота венчика – 0,68; диаметр горла внизу нельзя установить; толщина горла внизу – 0,24. В центре на горло навита широкая плоская полоса с горизонтальным рифлением. Цвет – желто-зеленый сильный; стекло прозрачное.

№ 29 (рис. 12, 3); яма 50 (вторая половина XVII в.). Край плоский, расходящийся; горло коническое, вогнутое. Размеры: диаметр края – 3,44; толщина края – 0,62; высота горла – 8,32; толщина горла – 0,30. Чуть ниже края на горло навита нить диаметром 3,59; толщиной 0,65. Цвет – серо-голубой сильный светлый; стекло полупрозрачное.

№ 71 (рис. 12, 4); пл. 18 (XVIII в.). Край выпуклый, расходящийся; горло коническое, вогнутое. Размеры: диаметр края – 3,90; толщина края – 0,63; высота горла – 11; толщина горла внизу – 0,38. Чуть ниже края на горло навита нить диаметром 4,71; толщиной 0,84. Цвет – оливковый сильный темный; стекло непрозрачное.

№ 72 (рис. 12, 9); пл. 18 (XVIII в.). Край не сохранился; горло коническое; толщина горла – 0,33. Цвет – серо-голубой сильный средний; стекло непрозрачное.

№ 80 (рис. 12, 5); пл. 17 (XVIII в.). Край плоский, расходящийся; горло коническое, вогнутое. Размеры: диаметр края – 3,05; толщина края – 0,60. Чуть ниже края на горло навита нить диаметром 3,41; толщиной 0,71. Цвет – желто-зеленый сильный светлый; стекло прозрачное.

№ 109 (рис. 12, 6); яма 36 (XVIII в.). На край горла навита широкая нить, образующая венчик, под которой еще одна подобная нить. Истинный край закрыт, видимый – острый, асимметричный наружу; венчик наклонный наружу; горло коническое, выпуклое. Размеры: диаметр края – 2,42; высота первой нити – 0,54; диаметр сверху – 2,42; диаметр внизу – 3,39; толщина – 0,70; высота второй нити – 0,78; диаметр сверху – 3,39; диаметр внизу – 4,03; толщина – 0,66; высота горла – 9,85; диаметр горла внизу – 3,79; толщина горла – 0,41. Цвет – серо-голубой сильный светлый; стекло непрозрачное.

№ 123 (рис. 12, 7); соор. 4 (первая четверть XVIII в.). Край острый, асимметричный наружу; горло коническое, вогнутое. Размеры: диаметр края – 2,89; толщина края – 0,35. Значительно ниже края на горло навита нить диаметром 1,02; толщиной 2,98. Нить дополнительно отформована,

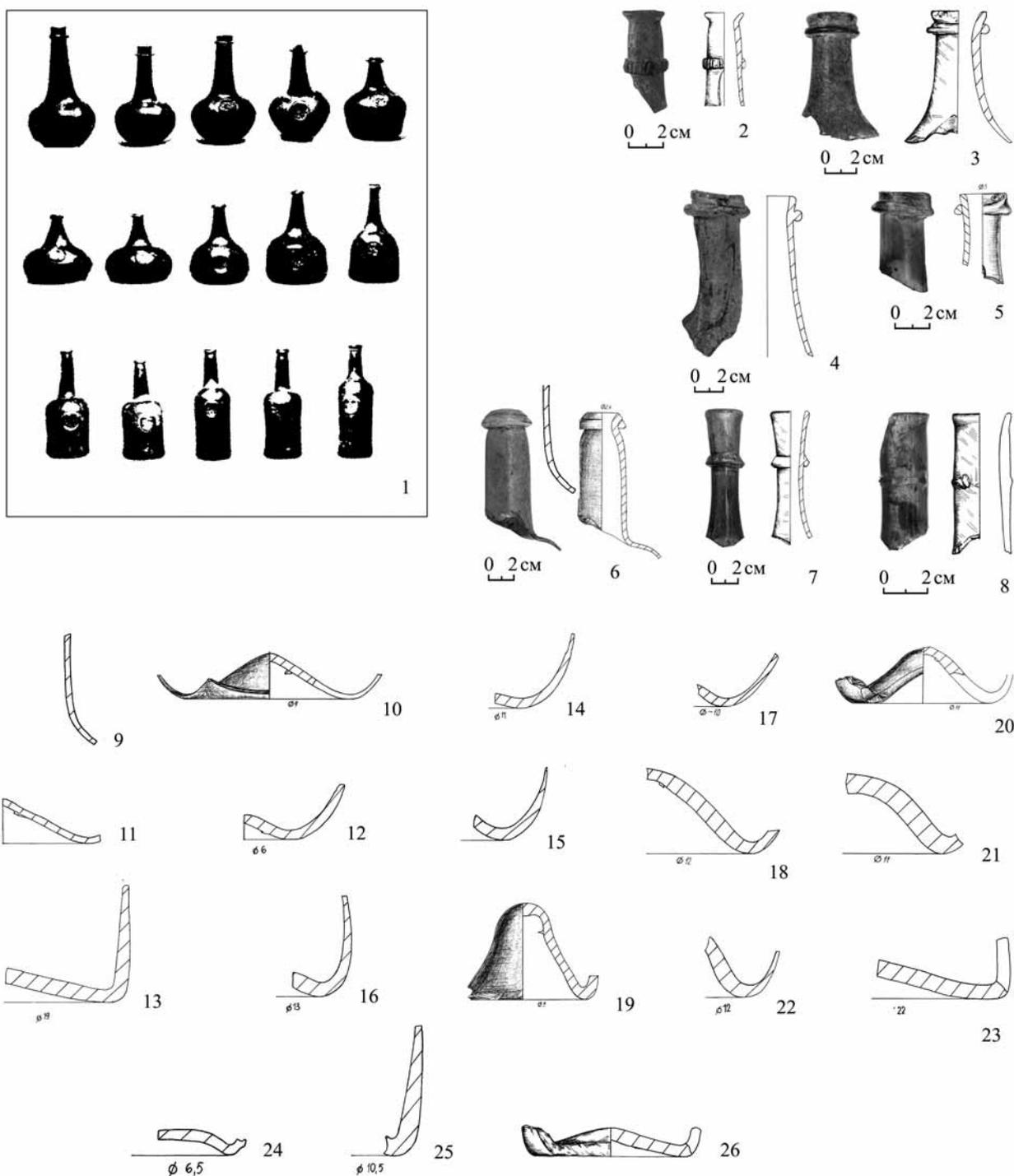

Рис. 12. Бутылки. Верхние и нижние части

1 – бутылки (McNulty, 1995. Fig. 1); 2 – № 23; 3 – № 29; 4 – № 71; 5 – № 80; 6 – № 109; 7 – № 123; 8 – № 124; 9 – № 72; 10 – № 85; 11 – № 91; 12 – № 92; 13 – № 93; 14 – № 96; 15 – № 97; 16 – № 98; 17 – № 102; 18 – № 105; 19 – № 106; 20 – № 107; 21 – № 108; 22 – № 111; 23 – № 117; 24 – № 73; 25 – № 78; 26 – № 79

благодаря чему ее край заострен. Цвет – желто-зеленый сильный светлый; стекло прозрачное.

№ 124 (рис. 12, 8); соор. 4 (первая четверть XVIII в.). Край выпуклый, расходящийся;

венчик наклонный наружу; горло цилиндрическое, местами выпуклое. Размеры: диаметр края – 2,41; толщина края – 0,28; высота венчика – 0,59; диаметр горла вверху – 2,25; толщина горла ввер-

ху – 0,46. Значительно ниже края на горло навита широкая плоская нить, диаметр которой нельзя установить; толщиной – 0,55. Цвет – серо-голубой средний темный; стекло прозрачное.

Нижние части

№ 73 (рис. 12, 24); пл. 18 (XVIII в.). Тулово – цилиндр или конус, дно вогнутое. Размеры: диаметр дна – 7; толщина тулова внизу – 0,36; толщина дна – 0,36. Цвет – желто-зеленый сильный; стекло полупрозрачное.

№ 78 (рис. 12, 25); пл. 17 (XVIII в.). Тулово коническое расходящееся, дно вогнутое. Размеры: диаметр дна – 10; толщина тулова внизу – 0,90; толщина дна – 0,90. Цвет – оливковый сильный; стекло полупрозрачное.

№ 79 (рис. 12, 26); пл. 17 (XVIII в.). Тулово коническое расходящееся, дно вогнутое. Размеры: диаметр дна – 9,5; толщина тулова внизу – 0,63; толщина дна – 0,71. Цвет – желто-зеленый сильный светлый; стекло полупрозрачное.

№ 85 (рис. 12, 10); яма 1 (XVIII в.). Тулово – цилиндр или конус, дно вогнутое. Размеры: диаметр дна – 10; толщина тулова внизу – 0,16; толщина дна – 0,44. Цвет – оливковый средний; стекло непрозрачное.

№ 91 (рис. 12, 11); яма 50 (вторая половина XVII в.). Тулово цилиндрическое, дно вогнутое. Размеры: диаметр дна нельзя установить; толщина тулова внизу – 0,31; толщина дна – 0,39. Цвет – желто-зеленый средний; стекло полупрозрачное.

№ 92 (рис. 12, 12); яма 50 (вторая половина XVII в.). Тулово сферическое усеченное снизу, дно вогнутое. Размеры: диаметр дна – 15; толщина тулова внизу – 0,55; толщина дна – 0,61. Цвет – оливковый средний светлый; стекло полупрозрачное.

№ 93 (рис. 12, 13); яма 50 (вторая половина XVII в.). Тулово цилиндрическое, дно вогнутое. Размеры: диаметр дна – 18; толщина тулова внизу – 0,81; толщина дна – 1,05. Цвет – оливковый средний; стекло полупрозрачное.

№ 96 (рис. 12, 14); яма 50 (вторая половина XVII в.). Тулово сферическое усеченное снизу, дно вогнутое. Размеры: диаметр дна – 8; толщина тулова внизу – 0,42; толщина дна – 0,67. Цвет – оливковый средний светлый; стекло прозрачное.

№ 97 (рис. 12, 15); яма 50 (вторая половина XVII в.). Тулово сферическое усеченное снизу, дно вогнутое. Размеры: диаметр дна – 11; толщина тулова внизу – 0,64; толщина дна – 0,51. Цвет – желто-зеленый сильный светлый; стекло прозрачное.

№ 98 (рис. 12, 16); яма 50 (вторая половина XVII в.). Тулово сферическое усеченное снизу, дно

вогнутое. Размеры: диаметр дна – 13; толщина тулова внизу – 0,58; толщина дна – 0,94. Цвет – оливковый средний светлый; стекло полупрозрачное.

№ 102 (рис. 12, 17); яма 67 (дата не установлена). Тулово цилиндр или конус, дно вогнутое. Размеры: диаметр дна – 11; толщина тулова внизу – 0,42; толщина дна – 0,38. Цвет – оливковый сильный светлый; стекло полупрозрачное.

№ 105 (рис. 12, 18); яма 36 (XVIII в.). Тулово округлое (точнее установить нельзя), дно вогнутое. Размеры: диаметр дна – 12; толщина тулова внизу – 0,56; толщина дна – 0,98. Цвет – оливковый сильный темный; стекло прозрачное.

№ 106 (рис. 12, 19); яма 36 (XVIII в.). Тулово округлое (точнее установить нельзя), дно вогнутое коническое. Размеры: диаметр дна – 9; толщина тулова внизу – 0,71; толщина дна – 0,49. Цвет – желто-зеленый сильный светлый; стекло прозрачное.

№ 107 (рис. 12, 20); яма 36 (XVIII в.). Тулово округлое (точнее установить нельзя), дно вогнутое коническое. Размеры: диаметр дна – 12; толщина тулова внизу – 0,53; толщина дна – 0,94. Цвет – оливковый сильный темный; стекло полупрозрачное.

№ 108 (рис. 12, 21); яма 36 (XVIII в.). Тулово округлое (точнее установить нельзя), дно вогнутое сферическое. Размеры: диаметр дна – 12; толщина тулова внизу – 0,63; толщина дна – 1,05. Цвет – оливковый средний; стекло полупрозрачное.

№ 111 (рис. 12, 22); яма 36 (XVIII в.). Тулово сферическое или эллипсоидное усеченное снизу, дно вогнутое. Размеры: диаметр дна – 12; толщина тулова внизу – 0,35; толщина дна – 0,99. Цвет – оливковый сильный; стекло полупрозрачное.

№ 117 (рис. 12, 23); яма 50 (вторая половина XVII в.). Тулово – цилиндр или конус, дно вогнутое. Размеры: диаметр дна – 21; толщина тулова внизу – 0,83; толщина дна – 1,18. Цвет – оливковый средний светлый; стекло полупрозрачное.

Обломки

№ 77; балласт. Тулово округлое (точнее установить нельзя); толщина тулова внизу – 0,31. Цвет – желто-зеленый средний светлый; стекло полупрозрачное.

№ 86; яма 1 (XVIII в.). Тулово округлое (точнее установить нельзя), толщина тулова внизу – 0,35. Цвет – оливковый средний; стекло непрозрачное.

Темные бутылки для транспортировки хорошего виноградного вина начали производиться в Англии в конце XVII в. Развитие их форм шло от бутылей с коротким горлом и луковичным туловом к высоким бутылкам с длинным горлом и цилиндрическим туловом (McNulty, 1995. Fig. 1.

Рис. 13. Флаконы

1 – флакон, Польша (Polskie szkło, 1974. Rys. 146); 2 – № 372; 3 – № 10; 4 – № 48;
5 – № 40; 6 – № 41; 7 – № 42; 8 – № 119; 9 – № 81

Конец XVII – начало XVIII в.) (рис. 12, 1). Часто встречающиеся под краем навитые горизонтальные нити не давали стекать сургучу, которым заливали пробки бутылей.

Флаконы (рис. 13). Невысокие флаконы из тонкого стекла, с туловом полусферической формы, сильно вогнутым внутрь коническим дном. Основа выдута, горло вытянуто, на край горла навита толстая стеклянная нить, образующая венчик. Чаще всего она закрывает обрез края, а иногда сужает просвет горла.

№ 372⁵ (рис. 13, 2); яма 50 (XVIII в.). Сохранились два фрагмента – верхняя и нижняя части, которые не соединяются между собой. Край плоский, расходящийся, неровный; венчик горизонтальный, выступающий снаружи и сужающий диаметр края внутри; горло коническое усеченное сверху; тулово – сфера (эллипс?), усеченная снизу; дно вогнутое коническое. Размеры: диаметр края – 1,60; толщина края – 0,41; диаметр венчика снаружи – 2,67; диаметр венчика внутри – 1,06; длина венчика – 0,81; толщина венчика – 0,88; высота горла – 4,48; диаметр горла сверху – 1,60; диаметр горла внизу – 2,08; диаметр дна – 5; толщина дна – 0,23. Цвет – серо-голубой сильный светлый; стекло полупрозрачное.

№ 10 (рис. 13, 3); пл. 17. Сохранилась верхняя часть. Край – плоский расходящийся неровный; венчик горизонтальный, выступающий снаружи и сужающий диаметр края внутри; горло коническое усеченное сверху. Размеры: диаметр края – 1,41; толщина края – 0,49; диаметр венчи-

ка снаружи – 2,72; диаметр венчика внутри – 0,89; длина венчика – 0,90; толщина венчика – 0,64; диаметр горла сверху – 1,86; толщина горла сверху – 0,39. Цвет – серо-голубой сильный светлый; стекло полупрозрачное.

№ 40 (рис. 13, 5); яма 60 (первая половина XVIII в.). Сохранилась нижняя часть. Тулово – сфера (эллипс?), усеченная снизу; дно вогнутое коническое. Размеры: толщина тулова внизу – 0,17; диаметр дна – 4,28. Цвет – оливковый средний; стекло полупрозрачное.

№ 41 (рис. 13, 6); яма 60 (первая половина XVIII в.). Сохранилась нижняя часть. Тулово – сфера (эллипс?), усеченная снизу; дно вогнутое коническое. Размеры: толщина тулова внизу – 0,34; диаметр дна – 4,5; толщина дна – 0,54. Цвет – серо-голубой сильный темный; стекло полупрозрачное.

№ 42 (рис. 13, 7); яма 60 (первая половина XVIII в.). Сохранилась нижняя часть. Тулово – сфера (эллипс?), усеченная снизу; дно вогнутое коническое. Размеры: толщина тулова внизу – 0,13; диаметр дна – 3,96; толщина дна – 0,30. Цвет – желто-зеленый сильный светлый; стекло полупрозрачное.

№ 48 (рис. 13, 4); яма 55 (вторая половина XVII в.). Сохранилась верхняя часть. Край полностью закрыт венчиком; венчик горизонтальный, выступающий снаружи и сужающий диаметр края внутри; кроме того, венчик слегка приплюснут в поперечном разрезе; горло коническое, усеченное сверху. Размеры: диаметр венчика снаружи – 2,75; диаметр венчика внутри – 1,24×0,72; длина венчика – 1,13; толщина венчика – 0,67;

⁵ № по описи индивидуальных находок.

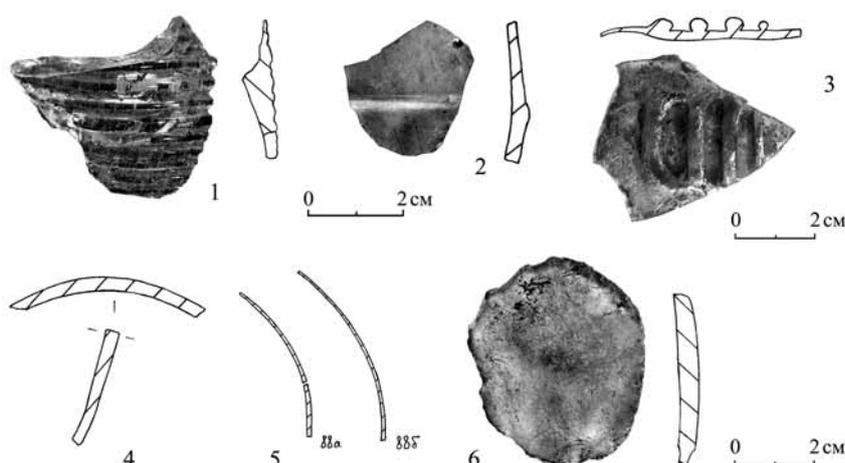

Рис. 14. Сосуды неопределимой формы

1 – № 4; 2 – № 13; 3 – № 47; 4 – № 76; 5 – № 88; 6 – № 2

высота горла – 3,75; диаметр горла вверху – 1,99; диаметр горла внизу – 2,67; толщина горла внизу – 0,21. Цвет – серо-голубой сильный светлый; стекло полупрозрачное.

№ 81 (рис. 13, 9); яма 55 (вторая половина XVII в.). Сохранилась нижняя часть. Тулово – сфера (эллипс?), усеченная снизу; дно вогнутое коническое. Размеры: толщина тулова внизу – 0,28; диаметр дна – 6; толщина дна – 0,54. Цвет – серо-голубой сильный светлый; стекло полупрозрачное.

№ 119 (рис. 13, 8); яма 36 (XVIII в.). Сохранилась нижняя часть. Тулово – сфера (эллипс?), усеченная снизу; дно вогнутое коническое. Размеры: толщина тулова внизу – 0,16; диаметр дна – 6; толщина дна – 0,50. Цвет – серо-голубой сильный; стекло непрозрачное.

В Польше флаконы аналогичной формы датируются XVI–XVIII вв. (Polskie szkło, 1974. Rys. 14) (рис. 13, 1).

Сосуды неопределимой формы (рис. 14)

Стенки, по которым нельзя установить форму

№ 2 (рис. 14, 6); балласт. Форма плоская, эллиптическая, чуть вогнутая. Края зубчатые. Размеры: 5,11×4,15; толщина – 0,67. Представляет собой, по видимому, фрагмент стенки штофа, которому с помощью специальных щипцов придали форму эллипса.

№ 4 (рис. 14, 1); пл. 17. Обломок с выпуклым декором. Толщина стенки – 0,41. Цвет стекла – серый слабый, стекло прозрачное. Декор – повторяющиеся горизонтальные линии. Сосуд выдут в рельефную форму, благодаря чему получился декор.

№ 13 (рис. 14, 2); пл. 18. Обломок с выпуклым декором. Толщина стенки – 0,32. Цвет стекла – се-

ро-голубой слабый, стекло прозрачное. Декор – повторяющиеся вертикальные линии, каждая из которых составлена из тонких стеклянных нитей. Сосуд выдут в форму, декор наложен сверху.

№ 47 (рис. 14, 3); яма 36 (XVIII в.). Обломок с выпуклым декором. Толщина стенки – 0,37. Цвет стекла – серо-голубой средний, стекло прозрачное. Декор – эллиптический контур, внутри разделенный вертикальными линиями. Сосуд выдут в форму; на наружную стенку наложена полоса, изогнутая соответствующим образом.

№ 76 (рис. 14, 4); балласт. Обломок стенки. Толщина стенки – 0,41. Цвет стекла – оливковый средний, стекло полупрозрачное.

№ 88 (рис. 14, 5); яма 1 (XVIII в.). Обломок дна. Размеры: диаметр дна – 10, толщина – 0,44.

Оконные стекла (рис. 15)

Помимо посуды среди изделий из стекла представлены оконные стекла. Все они полупрозрачные, легких бутылочных оттенков. Почти все выполнены в технике цилиндр-процесса.

№ 24 (рис. 15, 2); яма 50 (XVIII в.). Пластина плоская, край не сохранился, поэтому форму установить нельзя. Толщина пластины – 0,23. Цвет – оливковый слабый; стекло полупрозрачное.

№ 25 (рис. 15, 3); яма 50 (XVIII в.). Пластина плоская, край не сохранился, поэтому форму установить нельзя. Толщина пластины – 0,15. Цвет – оливковый слабый; стекло полупрозрачное.

№ 26 (рис. 15, 4); яма 50 (XVIII в.). Пластина плоская, край не сохранился, поэтому форму установить нельзя. Толщина пластины – 0,18. Цвет – оливковый средний светлый; стекло полупрозрачное.

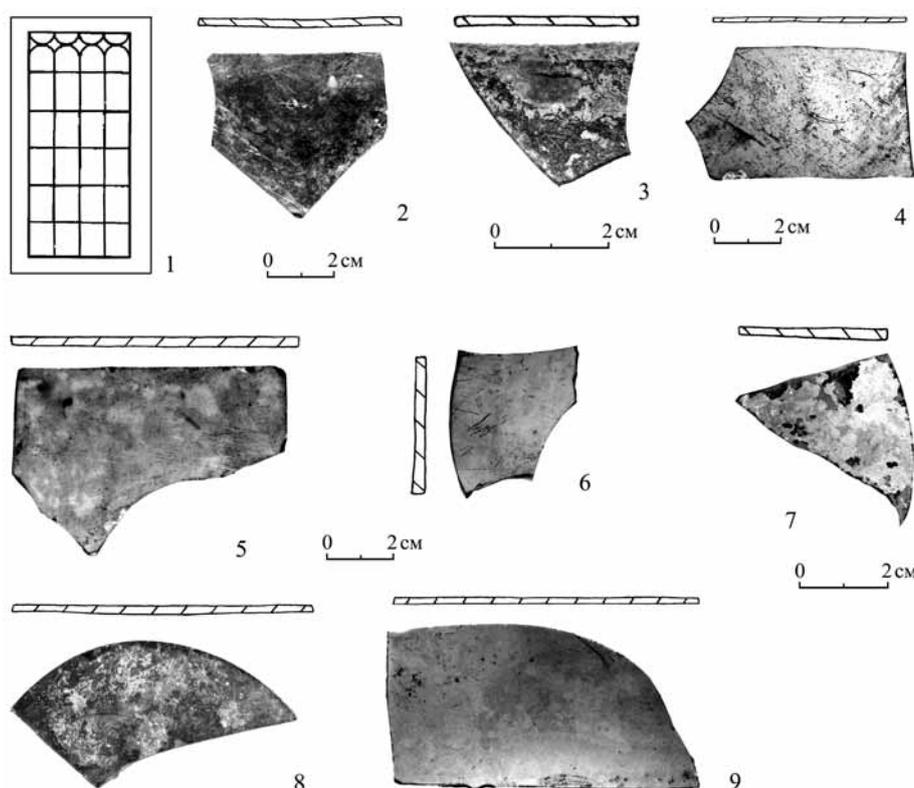

Рис. 15. Оконные стекла

1 – оконница на нидерландской картине XVII в. (Markiewicz, 1995. Rys. 3a); 2 – № 24; 3 – № 25; 4 – № 26; 5 – № 27; 6 – № 28; 7 – № 36; 8 – № 54; 9 – № 55

№ 27 (рис. 15, 5); яма 50 (XVIII в.). Пластина плоская прямоугольная, край плоский расходящийся. Размеры: толщина края – 0,30; ширина пластины – 8,02; толщина пластины – 0,30. Цвет – серо-голубой средний светлый; стекло полупрозрачное. Вдоль края сохранился след от решетки, в которую было вставлено стекло.

№ 28 (рис. 15, 6); яма 50 (XVIII в.). Пластина плоская округлая, край плоский расходящийся. Размеры: толщина края – 0,35; толщина пластины – 0,28. Цвет – серо-голубой средний; стекло полупрозрачное.

№ 36 (рис. 15, 7); пл. 17 (XVIII в.). Пластина плоская округлая, край плоский расходящийся. Размеры: толщина края – 0,32; толщина пластины – 0,22. Цвет – оливковый средний; стекло полупрозрачное.

№ 54 (рис. 15, 8); яма 36 (XVIII в.). Пластина плоская округлая, край плоский расходящийся. Размеры: толщина края – 0,27; диаметр пластины – 10; толщина пластины – 0,24. Цвет – серо-голубой средний; стекло полупрозрачное. Техника изготовления – литье на плоскость (?).

№ 55 (рис. 15, 9); яма 37 (вторая половина XVII в.). Пластина плоская, край плоский неров-

ный. Размеры: толщина края – 0,27; толщина пластины – 0,19. Цвет – оливковый средний; стекло полупрозрачное. Вдоль края сохранился след от решетки, в которую было вставлено стекло.

№ 110; яма 36 (XVIII в.). Пластина плоская, край не сохранился, поэтому форму установить нельзя. Толщина пластины – 0,23. Цвет – оливковый слабый; стекло полупрозрачное.

№ 115; яма 64 (датировка не установлена). Пластина плоская, край не сохранился, поэтому форму установить нельзя. Толщина пластины – 0,33. Цвет – желто-зеленый средний светлый; стекло полупрозрачное. Пластина слегка изогнута.

№ 118; яма 36 (XVIII в.). Пластина плоская, край не сохранился, поэтому форму установить нельзя. Толщина пластины – 0,14. Цвет – серо-голубой слабый; стекло полупрозрачное.

№ 120; яма 60 (первая половина XVIII в.). Пластина плоская округлая, край плоский расходящийся. Размеры: толщина края – 0,32; толщина пластины – 0,22. Цвет – серо-голубой средний; стекло полупрозрачное.

№ 121; яма 60 (первая половина XVIII в.). Пластина – плоская трапеция со скругленным

основанием, край плоский неровный. Размеры: толщина края – 0,34; толщина пластины – 0,20. Цвет – оливковый средний; стекло полупрозрачное. При создании формы оконницы край обкушен специальными щипцами.

№ 125; соор. 4 (первая четверть XVIII в.). Пластина плоская, край не сохранился, поэтому форму установить нельзя. Толщина пластины – 0,25. Цвет – серо-голубой средний; стекло полупрозрачное.

М. Маркевич (*Markiewicz*, 1995. Rus. 3а) приводит изображение оконницы на нидерландской картине XVII в. (рис. 15, 1).

Подводя итог, можно отметить, что изделия из стекла в XVII–XVIII вв. являются импортом. Рассматриваемый комплекс характеризуется большим разнообразием форм сосудов, а также мест производства. Наблюдающееся в некоторых случаях несоответствие датировок по комплексам и аналогиям может объясняться тем, что большинство найденных нами аналогий происходят из музейных собраний. Вероятно, в быту подобные сосуды бытовали долго. Фрагменты, отложившиеся в культурном слое, могут свидетельствовать о завершении бытования рассмотренных форм.

Литература

Ашарина Н. А., 1998. Русское стекло XVII – начала XX вв. М.: ГИМ. 255 с.

Беляев Л. А., 1994. Древние монастыри Москвы по данным археологии М.: ИА РАН. 458 с.

Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., 2001. Об одном типе стеклянных находок из культурного слоя Москвы XVII в. Тр. конф. «Древние ремесленники Приуралья». Ижевск: УдМИИЯЛ УрО РАН. С. 365–375.

Рожанківський В. Ф., 1959. Українське художнє скло. Київ: Изд-во АН УССР, 1959. 152 с.

Шовкопляс А. М., 1974. Некоторые гутные стеклянные изделия из Киева // Культура средневековой Руси. Л.: Наука. С. 81–85.

Ciepiela S., 1977. Szkło osiemnastowieczne starej Warszawy. Warszawa: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.

Glas aus zwei Jahrtausenden. Bestaende der Galerie von 700 v. d. Zt bis 1975. Staatliche Galerie Moritzburg Halle: Staatliche Galerie Moritzburg, 1977.

Huml V., 1995. Rudolfinska lekarna Matiasse Borbonia na Konskem trhu. Praha.

Lazar I., Willmott H., 2006. The glass from the Gnalic Wreck. Koper: Založba Annales. 144 p.

Markiewicz M., 1995. Oszklenia okienne w iknografii flamandzkiej i niderlandzkiej od XV do XVII wieku // Acta universitatis Nicolai Copernici. Archeologia XXII. Zeszit 275. S. 77–85.

McNulty R. H., 1972. European green glass bottles of the seventeenth and eighteenth centuries: a neglected area of study // Annales du 5 congres international d'Etude Historique du verre. Prague, 6–11 juillet 1970. Liege. P. 145–152.

Miller's glass buyer's guide. London Octopus Publishing group Ltd., 1972. 320 p.

Wroclaw – Warszawa: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1974. 177 s.

Ruempel Ruempel A. P. E., van Dongen A. G. A., 1991. Museum Boymans – van Beuningen Rotterdam. Pre-industrial Utensils 1150–1800. “De Bataafsche Leew”.

Yu. A. Likhter

New glassware finds in the South Bank area of Moscow

Summary

In 2013 the organisation “Archaeology Finds During Construction” carried out an archaeological survey at №57, Sadovnicheskaya embankment, in Moscow. In levels from the C17th and C18th fragments of

pottery-ware were found, along with shards of window glass – primarily imports from numerous European countries. Most other examples of such finds are today located in museum collections.

А. Н. Смирнов

**Печные изразцы из раскопок дворцового комплекса
Б.Ф. Годунова в селе Вязёмы**

Вопрос о бытовании терракотовых, так называемых красных печных изразцов принадлежит к числу интересных и дискуссионных тем, безусловно важных и даже знаковых для истории материальной культуры Московской Руси. Предметом обсуждения является прежде всего хронологический аспект, связанный с началом производства этой первой на Руси «массовой» разновидности бытового керамического декора. Исследователи по-разному определяют появление терракотовых изразцов, относя его к последней четверти XVI в. (*Маслих*, 1976. С. 12), рубежу XVI–XVII вв., периоду Смуты или послесмутному времени, вплоть до конца первой четверти XVII в. (*Розенфельдт*, 1968. С. 58). В столь же широком временном диапазоне дискутируется проблема иконографии изразцового декора, включающая возникновение и развитие отдельных типов изображений, расширение сюжетного ряда, употребление надписей и т. д.

Датировка красных изразцов серьезно осложняется редкостью надежно датированных археологических комплексов, куда данные предметы попадали сразу или вскоре после окончания своего использования. Тем более редки, если не уникальны, исследованные остатки сооружений, синхронных функционированию конкретных печей, содержащие археологизированные элементы их изразцового убранства. При этом следует принимать во внимание достаточно продолжительное время жизни изразцовой печи и возможность его продления путем переноса изразцов на новые отопительные сооружения.

Существенный вклад в решение означенных проблем могут внести материалы, полученные при исследовании дворцового комплекса Б. Ф. Годунова в с. Вязёмы. Эта загородная боярская, а затем цар-

ская усадьба возникла в конце XVI в. и прекратила существование в годы Смуты, погибнув в огне. Перед этим дворец, вместе с каменной церковью составлявший ядро царской резиденции, очевидно, был разграблен. Имеющиеся письменные источники содержат довольно скудные сведения о дворце и описывают его как комплекс деревянных построек, то есть хоромное строение. Точное время строительства (как и гибели) хором неизвестно, но есть основания полагать, что это строительство предшествовало возведению храма, происходившему в последние годы XVI в. Хотя описание интерьера дворца отсутствует, не приходится сомневаться, что имевшиеся в нем печи были как-то декорированы. Представления об «элитном» характере отопительных сооружений еще до начала целенаправленных исследований заставляли предполагать наличие изразцового декора.

Обнаружение первых фрагментов в ходе наблюдений за земляными работами в 2005 г. положило начало вязёмской коллекции терракотовых изразцов, которая постоянно пополняется (*Смирнов*, 2009). На данный момент в ее составе более 40 фрагментов декорированных поверхностей, принадлежащих изделиям различных типов. Некоторые изразцы вместе с частями румп собраны из нескольких (до 16) обломков. Целые рамочные изразцы пока не обнаружены. Тем не менее сделанные находки позволяют в общем судить об ассортименте изделий, употреблявшихся для оформления печей. В коллекции представлены все детали печного набора. Помимо обломков лицевых пластин, принадлежащих квадратным рамочным (стенным) изразцам, имеются части орнаментальных поясков и венчающих печь городков, а также фрагментированные и целые (реставрированные) перемышки

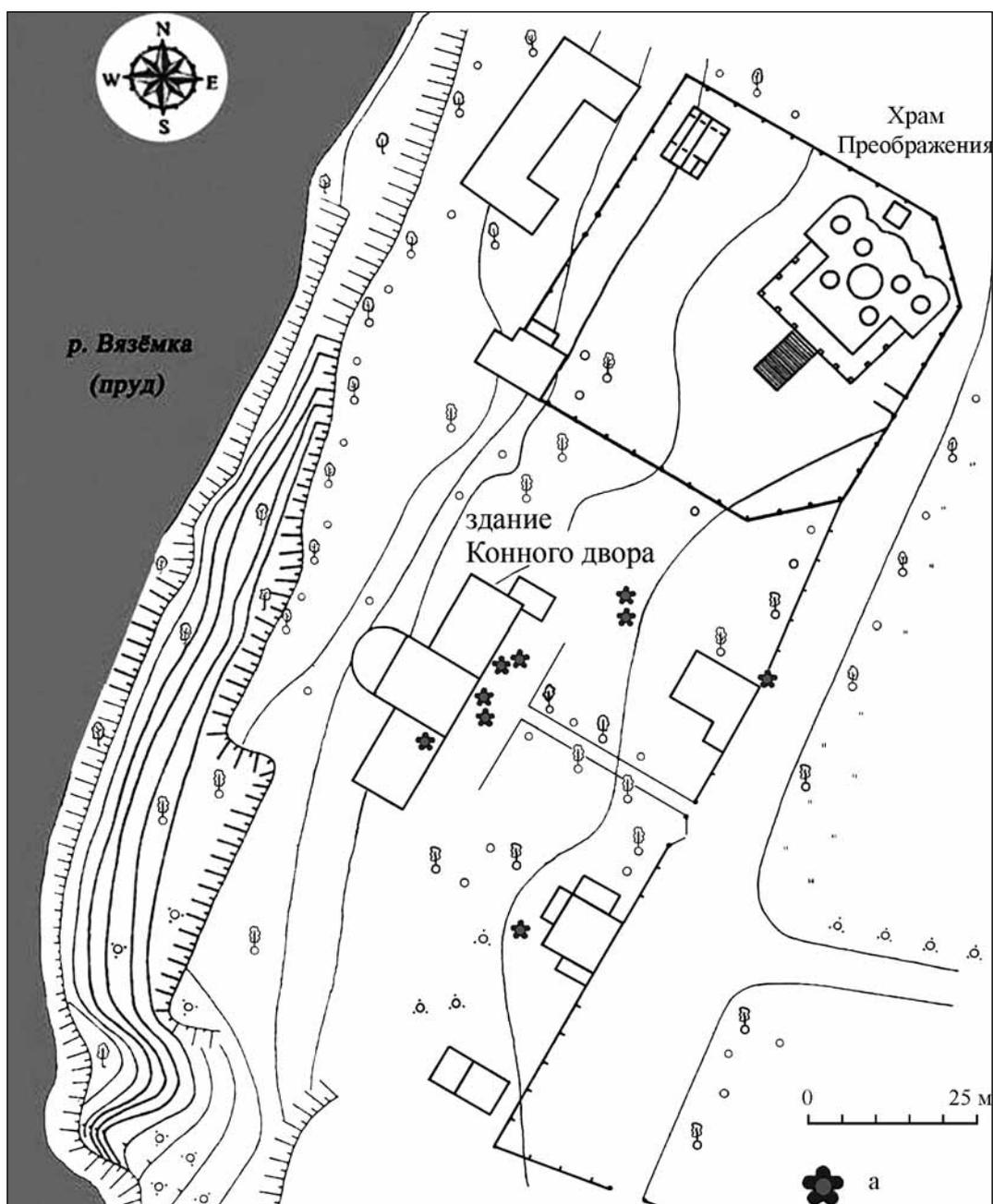

Рис. 1. Селище Большие Вязёмы 1 (усадьба Вязёмы).
Район исследований с местами обнаружения терракотовых изразцов

(тяги). Поверхности большинства предметов несут следы побелки известью. В побелке заметна примесь толченой слюды. Сам факт обнаружения терракотовых изразцов на руинах царского дворца конца XVI в., погибшего и больше не возрождавшегося, трудно переоценить. Судя по всему, перед нами наиболее ранние образцы подобной продукции московских керамических мастерских.

Находки терракотовых изразцов концентрируются в районе комплекса зданий Конного дво-

ра, возведенных в XVIII–XIX вв., когда территория бывшей годуновской резиденции была занята усадьбой князей Голицыных. Данная местность располагается к юго-западу от храма Преображения, в прошлом дворцовой церкви Годунова, и традиционно связывается с царским дворцом. Концентрация находок возрастает по мере приближения к главному зданию комплекса, что позволяет локализовать наиболее вероятное место, где располагались хоромы (рис. 1).

Рис. 2. Селище Большие Вязёмы 1 (усадьба Вязёмы). Участок профиля засыпки котлована заглубленной части годуновских хором

1 – фрагмент изразцовой перемычки; 2 – засыпка котлована; 3 – основание срубной постройки в заглубленной части годуновских хором

Характер залегания обнаруженных обломков весьма различен. Во всех случаях это переотложенные слои, но время перемещения грунта в них варьируется с XVII по XX в. Отдельные находки были сделаны как в турбированном средневековом слое, так и в скоплениях позднего строительного мусора, однако наиболее крупные обломки обнаружены в средней части заполнения крупной материковой ямы, уходящей под стену ныне существующего здания, а также в засыпке огромного котлована, находящегося под тем же зданием (рис. 2). Как показали проведенные исследования, упомянутые яма и котлован, судя по всему, являются заглубленными частями построек дворцового комплекса. Их засыпка произошла, вероятно, вскоре после гибели дворца. Во всех перечисленных случаях достаточно крупные фрагменты собираются из нескольких разрозненных частей, найденных поблизости. Само по себе это может свидетельствовать в пользу однократного перемещения грунта, содержащего фрагменты, непосредственно из того места, где было их первоначальное скопление. В процессе

перемещения происходило дробление крупных обломков, но их части залегали довольно компактно. Однако и тут ранние комплексы показывают наибольшую «комплектность». Из находок в яме был собран крупный фрагмент квадратного рамочного изразца с сохранившейся частью румпы (рис. 3, 3), а в котловане найдены части нескольких перемычек.

Отметим, что функциональный состав изделий, обнаруженных в засыпке котлована, довольно специфичен и наводит на некоторые мысли об обстоятельствах их археологизации. Происходящие отсюда изразцы представлены почти исключительно обломками перемычек (рис. 4). Возможно, рамочные изразцы аккуратно извлекали из печного зеркала для вторичного использования, а перемычки, наименее ценные и наиболее хрупкие детали набора, вынимали по частям и выбрасывали.

Часть обломков, происходящих из других мест, имеет характерные следы обгорания в открытом огне (закопченная поверхность, деформация, трещины, частичная ошлакованность) (рис. 5, 7; рис. 6, 2, 3, 4). Особенности повреждений, фиксируемых на тыльной стороне и поверхностях сколов, свидетельствуют, что изразцы подверглись интенсивному термическому воздействию уже после демонтажа печной облицовки и фрагментации самих изделий (рис. 6, 4). В ходе охранных работ на месте годуновского дворца зафиксировано обширное и мощное пятно пожара (Смирнов, 2009). И хотя непосредственно в пожарном слое пока не найдено ни одного изразца, его связь с поврежденными обломками изразцов представляется достаточно вероятной.

Таким образом, наблюдение за характером залегания, ассортиментом и состоянием изразцовых обломков заставляет предполагать, что изразцовый декор на печах был частично или полностью разрушен еще до пожара, уничтожившего дворец.

Теперь обратимся к анализу иконографии и художественно-стилистических особенностей изразцового декора. Как показывают рельефные изображения на поверхности вязёмских изразцов, некоторые из них имеют близкие по времени аналоги, происходящие с других памятников. Так, обломок лицевого рамочного изразца с композицией из стилизованных пальм в точности соответствует терракотовому изразцу, найденному на месте Тушинского лагеря Лжедмитрия II (рис. 3, 7; Маслих, 1983. Табл. 26). Тушинские находки чрезвычайно важны, поскольку на протяжении длительного времени они считались примерами наиболее ранних датированных изразцов (Розенфельдт, 1968. С. 58).

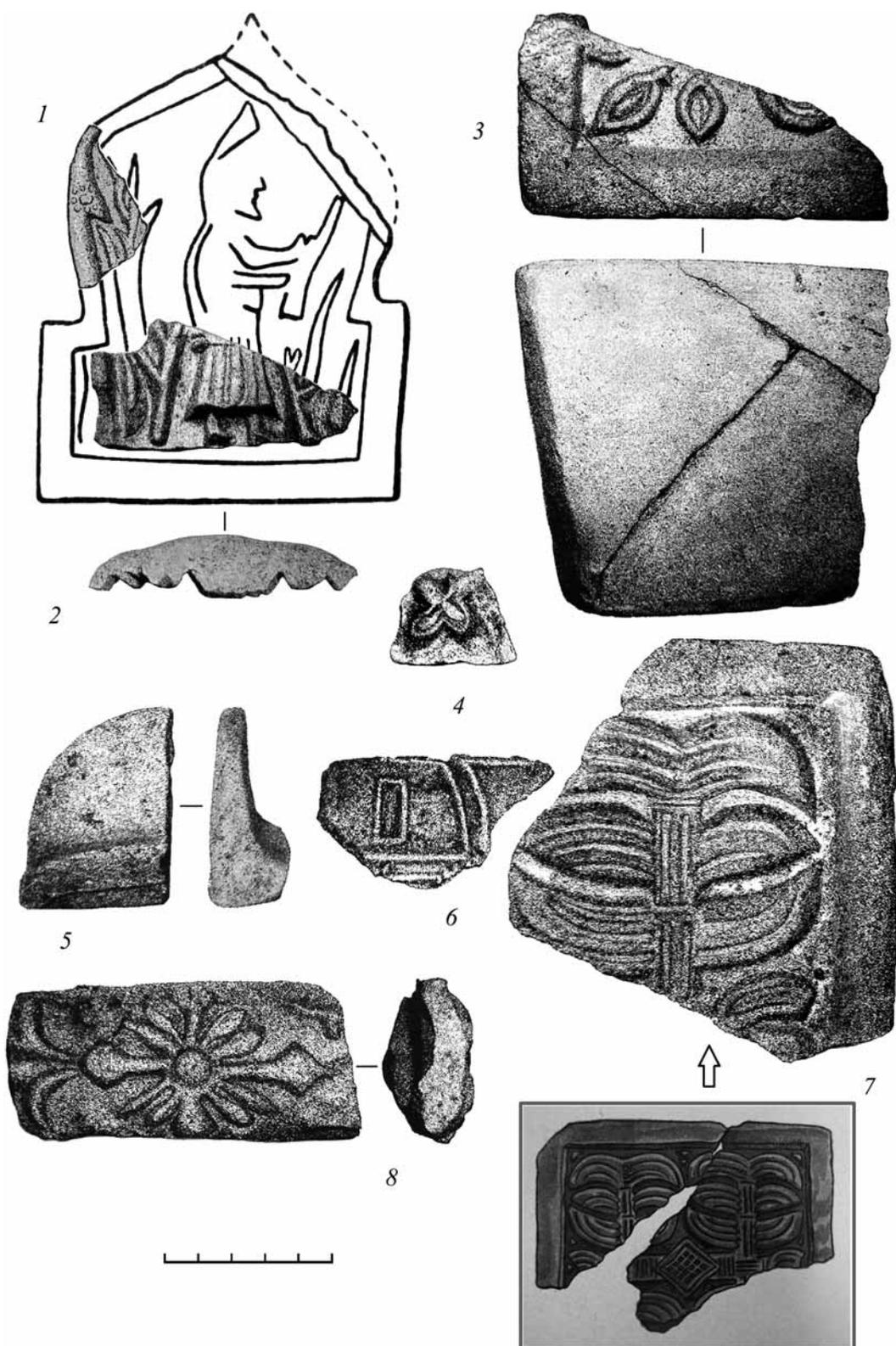

Рис. 3. Фрагменты терракотовых изразцов из Вязём

1, 2 – фрагменты изразцового городка, обнаруженные на месте годуновского дворца и городок из свода Р.Л. Розенфельда (1968. Табл. 22, 18); 7 – фрагмент рамочного изразца, обнаруженный в Вязёмах, и фрагмент изразца, обнаруженный на месте Тушинского лагеря (Маслих, 1976. Табл. 26)

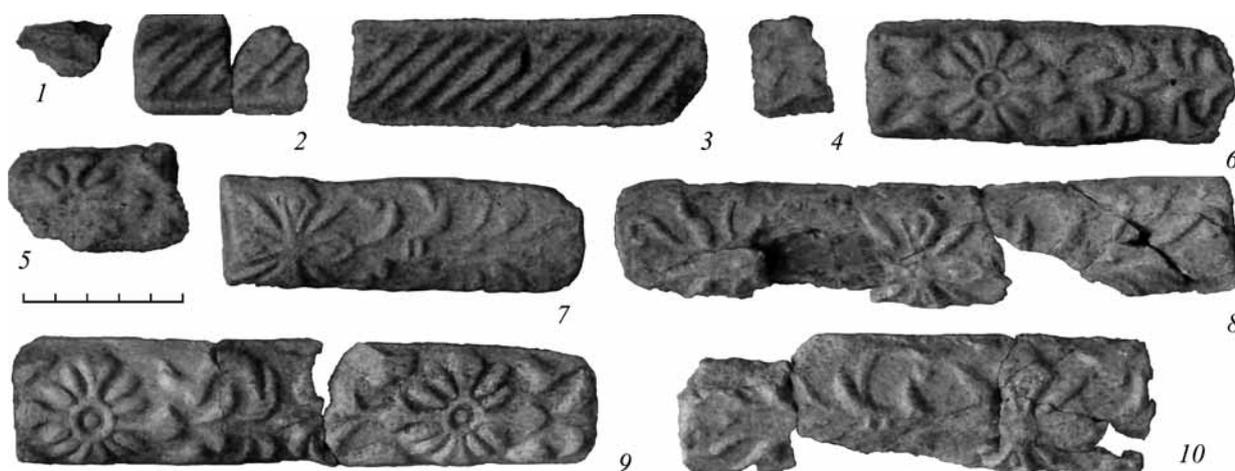

Рис. 4. Изразцовые перемычки из засыпки котлована заглубленной части годуновских хором

Заслуживает внимания *особенность* оформления бортиков по краям изразцовых поясков, обнаруженных в Вязёмах. Разделение бортика продольной канавкой, отмеченное на двух обломках, встречается и на пояске, происходящем с территории Борисова городка, где также располагалась годуновская резиденция (рис. 7, 1, 2; *Раннопорт*, 1955. С. 74. Рис. 8). Один из упомянутых обломков сохранился на всю ширину пояска (12,5 см; рис. 7, 2). Сторона, противоположная разделенному бортику, декорирована витым жгутом шириной 1,6–1,8 см, имеющим форму валика и отступающим от края на 2 см. Орнаментальная композиция, украшающая части изразцового фриза, представляет собой переплетение растительных побегов с характерными шипами и заштрихованными листьями. Всего в вязёмской коллекции имеется четыре обломка таких поясков (рис. 5, 3; рис. 6, 3; рис. 7, 1, 2). От одного, сильно обгорелого, сохранился лишь участок канта в виде витого жгута (рис. 6, 3). Точные аналоги подобных изразцов обнаружены в ходе раскопок 2010–2011 гг. в Грановитой палате Московского Кремля¹.

Кроме того, имеется два обломка поясков, украшенных с продольной стороны витым жгутом меньшей толщины (сантиметр) и несколько иной формы. Это не валики, а плоские рельефные бордюры, покрытые косыми насечками. Они не только тоньше, но и отступают от края всего на 1,3–1,4 см (рис. 5, 1, 2).

Вопрос о датировке фриз с «разделенными» бордюрами представляет несомненный интерес,

поскольку напрямую связан с общей хронологией бытования терракотовых изразцов. В разные годы на территории Москвы обнаружены по меньшей мере три различных орнаментальных типа подобных изделий. Первый, полностью аналогичный вязёмскому, уже упомянут выше. Второй представлен в альбоме С. А. Маслиха, он несет изображение рельефного орнамента из чередующихся растительных элементов, исполненных в отчетливо различной ренессансной художественной манере (*Маслих*, 1976. Табл. 36). Верхний край пояска имеет жгутовидный кант, покрытый косыми насечками. По нижнему бордюру идет продольная бороздка. Верхний край бордюра оформлен частыми зубчиками. Точное место обнаружения данного изразца неизвестно, но два обломка почти аналогичного фриза имеются среди материалов исследования Романова двора в Москве («Археология Романова двора», 2009. Рис. 171, 1). Оба происходят из слоев конца XVI в. По мнению авторов раскопок, данные «нехарактерные» московские изразцы относятся к ранним типам, еще сохраняющим стилиевые черты, унаследованные от итальянской архитектурной терракоты («Археология Романова двора», 2009. С. 127, 128). Действительно, есть основания связывать подобные изразцовые формы с декоративной керамикой предшествующего периода, хоть и несколько иной разновидности. В фондах Московского государственного объединенного музея-заповедника хранится изразцовый поясок, исполненный в той же художественной манере (отличия – в деталях орнамента), имеющий похожее оформление

¹ Данный материал был представлен в докладе А. А. Липатова «Грановитая палата Московского Кремля по данным археологических исследований 2010–2011 гг.» на V Тверской археологической конференции (26–30 марта 2013 г.).

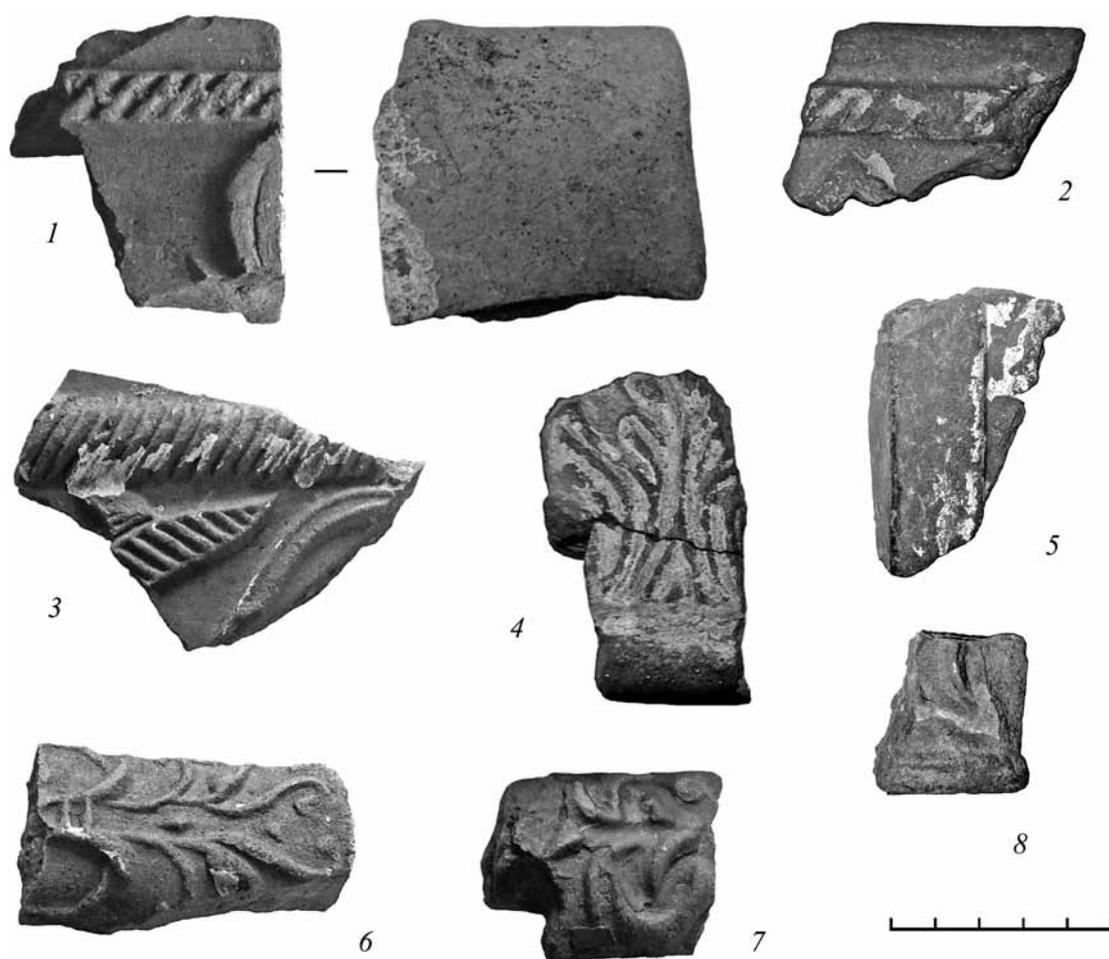

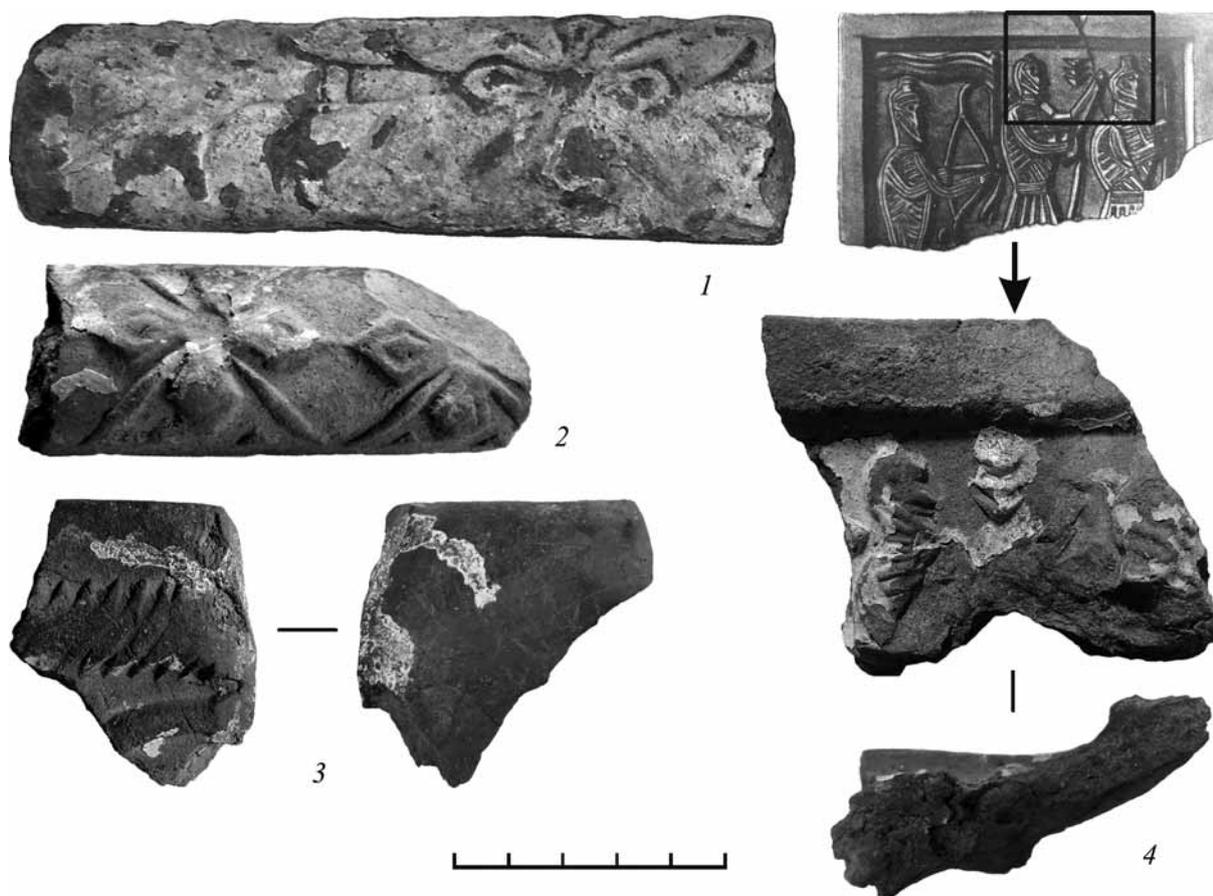
Рис. 5. Фрагменты терракотовых изразцов из Вязём

сложнопрофилированных краев, но изготовленный из беложгущейся глины и покрытый желтой поливой (Баранова, 2011. С. 79). Есть основания полагать, что он относится к «элитарным» печным наборам второй половины XVI в.

К третьему орнаментальному типу принадлежит пояска, обнаруженный в Московском Кремле на территории Чудова монастыря. Внутри коробчатой румпы находился клад монет, датированный периодом Смуты. Орнаментальная композиция состоит из волнистой линии и помещенных в ее изгибах булавовидных элементов (капель-гут) (Маслих, 1983. Табл. 34). Это также ренессансный мотив. Бороздки здесь разделяют как нижний, так и верхний бордюры. Подобные изразцы также найдены на Романовом дворе («Археология Романова двора», 2009. Рис. 172, 5). Всего обнаружено три фрагмента, один из них имеет надежную привязку к слою конца XVI в. («Археология Романова двора», 2009. С. 128).

Итак, судя по имеющимся данным, пояски со сложными бордюрами относятся к раннему периоду бытования терракотовых изразцов. Помимо характерного оформления краев пояски из Вязём имеют неглубокие румпы (не более 4 см от внутренней поверхности лицевой пластины). Это существенно меньше, чем у «стандартных» терракотовых изразцов московского производства (6–7 см). В работе, посвященной московскому керамическому производству, Р.Л. Розенфельдт упоминает пояски с румпами глубиной 4 см. По мнению исследователя, они встречаются реже остальных (Розенфельдт, 1968. С. 59). Возможно, редкость обусловлена хронологическими причинами, то есть неглубокие румпы присущи лишь ранним типам изразцовых фризов.

В числе вязёмских изразцов есть еще один обломок пояски, украшенный оригинальным орнаментом из листьев аканта. Он имеет снизу простой бордюр, идентичный рамке обычного лицевого

Рис. 6. Фрагменты терракотовых изразцов из Вязём

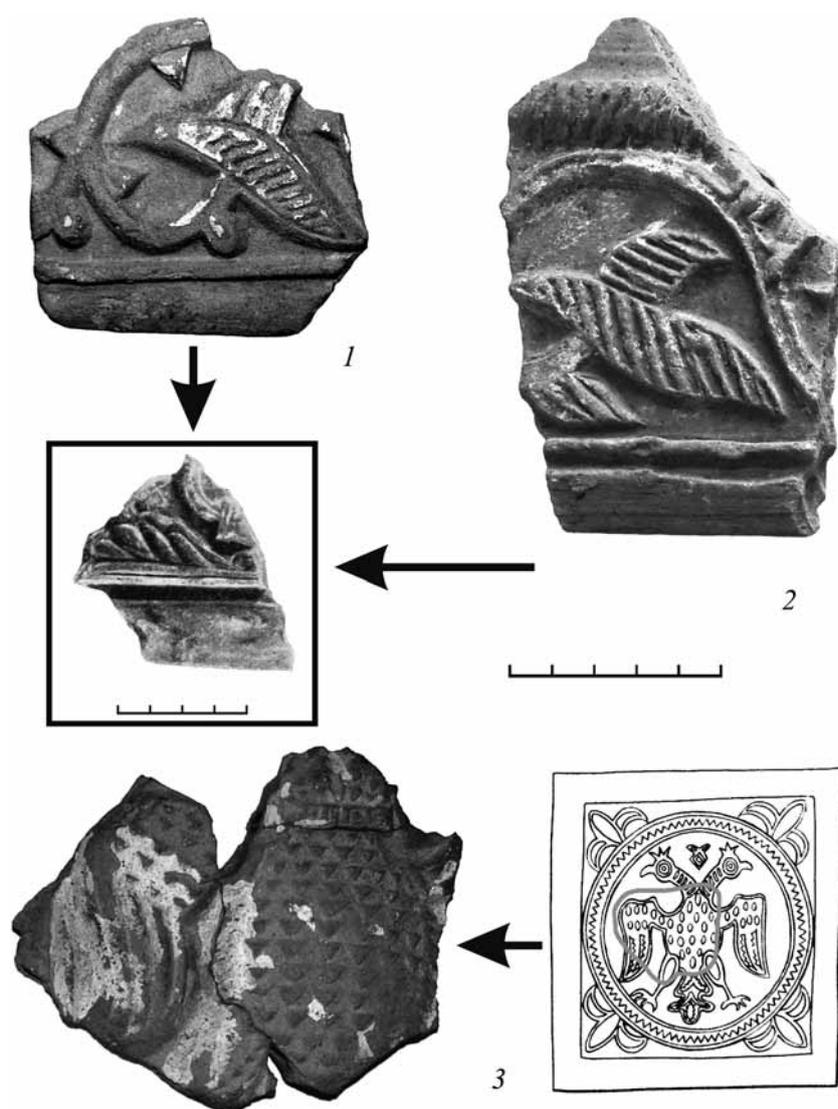
4 – фрагмент изразца с батальной сценой из Вязём и часть изразца, обнаруженная в Московском Кремле (Филиппов, 1938. Рис. 53)

изразца. Верхний бордюру на сохранившейся части отсутствует (рис. 5, 4).

Орнаментально-художественные мотивы, использованные мастерами-изготовителями, позволяют говорить о достаточно богатом и разнообразном изразцовом декоре. Это, в частности, демонстрируют изразцовые перемычки. Они принадлежат к четырем типам. Первый, наиболее простой и распространенный, – в виде витого жгута (рис. 4, 2, 3). Перемычки подобной формы появляются еще в составе «элитарных» печных наборов, известных по находкам в Александровской слободе². Они изготовлены из беложгущейся глины и покрыты поливами различных оттенков. На Романовом дворе терракотовые тяги в виде витых жгутов собраны в основном из горизонта конца XVI в. («Археология Романова двора», 2009. С. 129).

Два других типа представляют собой разновидности растительного орнамента, восходящие к единому декоративному мотиву. В основе лежит сочетание «крестоцветов» и стилизованных растительных побегов. Орнаментальная композиция второго типа включает пару крестоцветных элементов, симметрично расположенных по концам перемычки. Между ними два криновидных побега (рис. 4, 5, 6, 9). Тяги с композицией указанного типа известны по находкам в Москве и Подмосковье. Перемычки с близким орнаментом были найдены в 1995 г. во время охранных археологических работ на Арбате (Векслер, 1995. Табл. 5. Илл. 69, 1, 2). Обломки схожих по виду перемычек были обнаружены в ходе исследования остатков Шавыкиной пустыни на р. Дубне. Судя по общему историко-археологическому контексту, время

² Сообщение об этих находках было сделано в докладе М. В. Фролова «Архитектурная керамика XVI–XVII вв. в Александровской слободе» на Зубовских чтениях в Государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике «Александровская слобода» (16–17 ноября 2010 г.).

Рис. 7. Фрагменты терракотовых изразцов из Вязём

1, 2 – фрагменты изразцовых поясков, обнаруженные на месте годуновского дворца, и фрагмент изразца с территории резиденции Б. Ф. Годунова в Борисовом городке из сборов П. А. Раппопорта (1955. С. 74, рис. 8); 3 – фрагмент изразца с изображением двуглавого орла из Вязём и изразец из свода Р.Л. Розенфельдта (1968. Табл. 20, 15)

появления терракотовых изразцов на данном памятнике тяготеет к рубежу XVI–XVII вв. (Чернов, 1995. С. 143. Рис. 10, 37, 29, 60ж). Практически идентичная перемычка, не имеющая хронологической привязки, происходит с Романова двора («Археология Романова двора», 2009. Рис. 175, б).

Орнамент третьего типа состоит из одного крестоцветного элемента, находящегося в середине перемычки, и отходящих от него усложненных пальметт. Помимо композиционных отличий самого орнамента есть отличия и в форме крестоцветного элемента. У «крестоцветов» этого типа отсутствует выделенная сердцевина с выпуклой точкой, между ветвями («лепестками») по одному

лучу вместо двух, а поверхность ветвей декорирована рельефными просветами (рис. 4, 7, 8, 10; рис. 6, б; рис. 7, 1). Аналогия подобным перемычкам приводится в своде Р.Л. Розенфельдта (1968. Табл. 22, 13).

В вязёмской коллекции есть еще два обломка перемычек, не имеющих прямых аналогов. Их можно выделить в четвертый орнаментальный тип. Один из обломков, с сохранившейся концевой частью, декорирован изображениями «крестоцветов», расположенными вплотную друг к другу. Налицо два декоративных элемента без дополнительных растительных побегов, причем на обломанном крае угадывается изображение третьего «крестоцвета».

Крестоцветные элементы в целом те же, что на орнаменте третьего типа. Они отличаются только удлиненными лучами между «лепестками». Вдоль продольных краев тяги с обеих сторон помещены мелкие рельефные треугольники или зубцы (рис. 6, 2). Их также нет на ранее рассмотренных перемычках. Второй образец данного типа опознается по характерному рисунку декоративного элемента. Судя по длине сохранившейся части, целые перемычки с орнаментом четвертого типа должны нести изображение четырех «крестоцветов».

Вообще, длина изразцовых перемычек из Вязём довольно примечательна. У единственной целой перемычки в виде витого жгута она составляет всего 13 см (рис. 4, 3). Тяги с орнаментами второго и третьего типов имеют длину 20–21 см (рис. 4, 9, 8). Возможно, дальнейшие находки позволят прояснить вопрос о положении перемычек различной длины в печной облицовке.

Изображения на немногочисленных обломках лицевых пластин, принадлежащих квадратным рамочным изразцам, позволяют утверждать, что в наборах вязёмских печей находились экземпляры, представляющие несколько декоративных и сюжетных «серий». Эти «серии» являются традиционными для терракотовых изразцов, однако время их формирования все еще вызывает дискуссии. Легко узнаваем обломок лицевой пластины с частью фигуры двуглавого орла (рис. 7, 3). Изразцы с двуглавыми орлами хорошо известны. Они бытовали на протяжении длительного периода и принадлежали к нескольким художественным типам. Несколько разновидностей таких изразцов включены в свод Р. Л. Розенфельдта (1968. Табл. 20, 15–18). Среди известных типов пока не удалось найти точной аналогии орлу из Вязём. Тем не менее некоторые художественно-стилевые особенности (например, трактовка оперения в виде мелких рельефных треугольников на туловище, шеях, лапах и верхней части крыльев) позволяют говорить о ранней датировке изделия. В качестве примера можно привести известный изразец с территории Тушинского лагеря. Изображенные на нем миниатюрные фигурки сирен покрыты очень похожими треугольничками, имитирующими оперение (Баранова, 2011. С. 81).

Имеется также сильно обгорелый обломок, на котором без особого труда распознаются остатки изображения из «батальной серии» (рис. 6, 4). Этому фрагменту в точности соответствует изразец, обнаруженный еще в начале XX в. в Московском Кремле «под полом главной кремлевской гауптвахты при Грановитой палате» (Баранова, 2011. С. 72–73). На кремлевском изразце мы видим один

из классических сюжетов «батальной серии» – войско в походе.

Наконец, еще один небольшой обломок, очевидно, часть изразца с изображением крепости или отдельной башни. Видно узкое окно-бойница в тонкой рамке с отчетливо выраженным «рассветом» (расширением наружу) (рис. 3, 6). Среди материалов раскопок Романова двора есть похожий по стилю фрагмент, который датируется началом XVII в. («Археология Романова двора», 2009. Рис. 165, 7).

Перечисленные находки лицевых пластин опровергают достаточно распространенное мнение о сравнительно позднем появлении изображений двуглавого орла и сложных сюжетных композиций на терракотовых изразцах. Следует признать, что изразцы из Вязём дают более надежные основания для датировки, нежели хорошо стратифицированные материалы Романова двора. Там первые изразцы с сюжетными композициями фиксируются в слоях первой четверти XVII в. Они представлены единичными экземплярами «военной серии». Экземпляры из серии с фантастическими животными и двуглавыми орлами относятся лишь к горизонтам второй четверти XVII в. («Археология Романова двора», 2009. С. 129). Разумеется, это не может служить неоспоримым свидетельством, что подобные изразцы не бытовали ранее. Скорее наоборот, они должны были производиться, использоваться и приходить в негодность за некоторое, возможно, достаточно продолжительное время до выпадения в слой, поскольку фиксация изразца в слое дает лишь «верхний» хронологический предел разрушения печного набора.

Еще два обломка, найденные на месте годуновских хором, опознаются как части изразцового городка (рис. 3, 1, 2). Именно такой городок фигурирует в своде Р. Л. Розенфельдта. На нем помещено рельефное изображение воина с пищалью среди деревьев (Розенфельдт, 1968. Табл. 22, 18).

Таким образом, вся сумма полученных данных заставляет видеть в вязёмских находках наиболее ранние образцы печного терракотового декора. Об этом, в частности, свидетельствуют художественно-стилевые и морфологические особенности обнаруженных предметов. Время производства этих изразцов, очевидно совпадающее со временем строительства дворцового комплекса, можно отнести к 90-м годам XVI в. Время их первичной археологизации должно совпадать с моментом гибели дворца или несколько предшествовать ему. Судя по косвенным свидетельствам письменных источников, это должно было случиться в период с 1606 по 1618 г. Видимо, дальнейшие исследования и новые находки позволят подробнее осветить данную тему.

Литература

Археология Романова двора. Предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М., 2009. (Материалы охранных археологических исследований ИА РАН. Т. 12).

Баранова С. И., 2011. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М.

Векслер А. Г. Отчет об охранных археологических работах в 1995 году. Т. 2. Кн. 3. Охранные археологические работы по адресу: Арбат, 1/7 // Архив ИА РАН. Р-1. № 19619.

Маслих С. А., 1976. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.

Маслих С. А., 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.

Раннопорт П. А., 1955. Борисов городок. Материалы к истории строительства Бориса Годунова // МИА. № 44.

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е1–39. М.

Смирнов А. Н., 2009. Дворцовый комплекс Б. Ф. Годунова в селе Вязёмы // АП. Вып. 5.

Филиппов А. В., 1938. Древнерусские изразцы. М.

Чернов С. З., 1995. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь в свете археологических данных // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М.

A. N. Smirnov

Stove tiles from excavations carried out at Boris Godunov's palace complex at the settlement of Vyazëmy

Summary

This article is devoted to the scientific revelation of the 'red tiles' (decorative tiles which faced domestic heating stoves) from excavations of the palace complex and estate of Tsar Boris Godunov, located at the village of Vyazëmy. The tiles are all dated within a narrow range of dates, within the final decade of the

C16th and early years of the C17th. This information permits us to date the palace complex as one of the very earliest of Boris's reign. The tiles here at Vyazëmy were definitely made in Moscow, and can be compared to other examples from the historic centre of Moscow).

Б. Е. Янишевский, О. Б. Янишевский

Костяные пуговицы из раскопок в селе Бородино

Костяные пуговицы найдены при раскопках экспедиции ИА РАН под руководством Янишевского Б. Е. в с. Бородино Можайского р-на Московской обл. в 2010 г.

Село Бородино расположено в 15 км к западу от г. Можайска в Можайском р-не Московской обл. На территории села проходил бой в начале Бородинского сражения 26 августа (по старому стилю) 1812 г., и здесь найдены форменные пуговицы обеих противоборствующих армий. Раскопки проводились при воссоздании дворцово-паркового ансамбля в с. Бородино к 200-летию юбилею сражения. Кроме построек ансамбля строился также инженерный городок на месте первоначальной усадьбы Бородино, существовавшей на этом месте как минимум с XVII в.

Костяные дискообразные пуговицы найдены на двух участках раскопок – «Усадьба» и «Фондохранилище». Участок «Усадьба» занимал мыс рек Воинки и Колочи (левый приток р. Москвы) и являлся первоначальным местом усадьбы Александры Давыдовой (по мужу Бегичевой), родной сестры легендарного Дениса Давыдова. На этом раскопе открыто и исследовано санитарное захоронение, устроенное после Бородинского сражения. Оно представляло собой яму, в которую были помещены трупы солдат французской и русской армий, а также лошадей; всего 11 человек и 38 лошадей. Захоронение, по-видимому, было сделано весной 1813 г. Об этом свидетельствуют найденные в яме предметы военной амуниции времени сражения. Люди были в одежде (мундирах) и белье, остатки одежды сохранились за счет окислов, прежде всего медных пуговиц. Сохранился и один башмак, подбитый гвоздями с крупными шляпками. Судя по медным пуговицам, часть из которых имеет номера полков, а часть – гладкие, то в яме

находились останки воинов как французской стороны (мундиры с номерными пуговицами), так и русских (мундиры с гладкими пуговицами). Башмак – французского образца. Однако пуговиц примерно в 10 раз меньше, чем положено на 11 мундиров. Что говорит о том, что медные пуговицы были изъяты с мундиров перед похоронами.

Яма, использованная для захоронения, была от усадебного амбара, разрушившегося за несколько лет до Бородинского сражения. Яма имела размеры 6,0×6,5 м и глубину не менее 2 м. Это захоронение получило название «яма 44». В яме 44 найдено 17 костяных дисковидных пуговиц с отверстиями. Однако в связи с процессами, происшедшими в яме после захоронения, сейчас трудно соотнести конкретные пуговицы и скелеты, то есть мы не знаем, принадлежат эти пуговицы русским воинам или воинам противоположной стороны. Всего на раскопе «Усадьба» найдено 20 костяных пуговиц.

Раскоп «Фондохранилища» располагался на противоположном, восточном краю села, он протянулся на 60 м вдоль дороги Бородино – Логиново. В этом раскопе исследовались остатки столовой залы – сооружения, где происходил банкет по поводу 25-летия победы над Наполеоном. В этом раскопе найдена одна костяная пуговица.

Пуговицы незначительно различаются по размеру, количеству отверстий в них или наличию ободка. Большинство пуговиц (14) имеют четыре отверстия, расположенные так, что три из них располагаются по углам воображаемого треугольника и одно – посредине этого треугольника (тип 1; рис 1). К этому типу относится и пуговица из раскопа «Фондохранилище». Размеры пуговиц типа 1 различаются незначительно: от 1,2 до 1,3 см в диаметре. У всех пуговиц этого типа есть ободок.

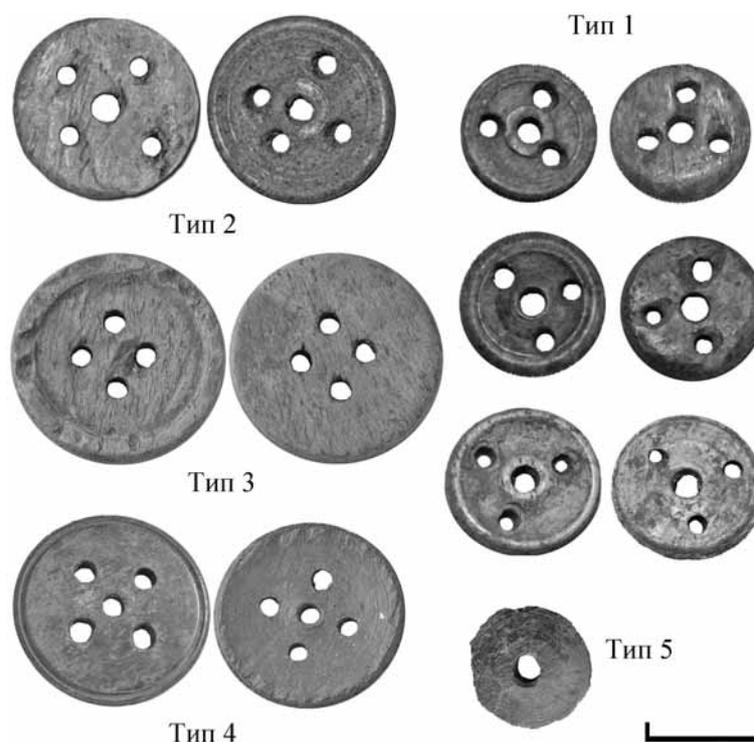

Рис. 1. Костяные пуговицы из раскопок с. Бородино

К типу 2 отнесены две костяные пуговицы бóльших размеров (1,73 и 1,55 см в диаметре) с пятью дырочками. У этих пуговиц расположение четырех отверстий похоже на описанное выше в типе 1, а пятое отверстие расположено несколько ближе к краю пуговицы, то есть дальше, чем три других от среднего отверстия. Еще в коллекции есть три костяные пуговицы с четырьмя отверстиями, расположенными как бы по углам квадрата их диаметр – от 1,20 до 1,66 см (тип 3). Пуговицы типа 3 найдены вне ямы 44, но тоже на раскопе «Усадьба». Датировать эти пуговицы временем Бородинской битвы, пожалуй, нельзя. К типу 4 отнесена одна пуговица диаметром 1,71 см, имеющая пять отверстий и ободок-утолщение, в отличие от типа 2 расположение отверстий строгое: четыре отверстия расположены как бы по углам квадрата, как в типе 3, но имеется и пятое отверстие, расположенное посередине, на равном расстоянии от четырех других. Ободок этой пуговицы более тонкий и четкий, в отличие от пуговиц типа 1 и 2. Имеется еще 5-й тип, к нему отнесена одна пуговица с единственным отверстием посередине, ее диаметр – 1 см (рис. 1).

В яме 44 семь костяных пуговиц типа 1 группируются около индивидов 1, 2 и 3 (у последнего – три пуговицы) в одном и том же кв. 17, две пуговицы – вне связи с погребениями у борта ямы вместе с железной пряжкой в кв. 25.

Пуговицы типа 1 найдены в Литве в могильнике у церкви города Kgiukai (северная Литва, в 120 км к югу от Рижского залива). Здесь в погребении 54 найдены 15 костяных пуговиц. Они располагались вдоль позвоночника в ряд от шеи до крестца. Правда, диаметр этих пуговиц несколько больше, 1,57 см (равен диаметру пуговиц типа 2 из Бородино). Датировано это погребение XVII–XVIII вв. (Šapaitė, 2012).

Выводы

Маленькие костяные пуговицы не использовались на мундире (этих пуговиц нет ни на одном изображении и в описании мундиров). Тем не менее они найдены в массовом захоронении, а также в погребении в Литве на белье. Вероятнее всего, пуговицы этих типов были на нижнем белье солдат или офицеров, и скорее всего, русской армии. В Литве мог быть похоронен человек из России.

Литература

Šapaitė A., 2012. Kriukai church and churchyard//Arhaeological investigations in independent Lithuania. Vilnius.

B. E. Janishevski, O. B. Janiszewski

Bone buttons from the Borodino village

Summary

The article is devoted to finds that usually do not generate interest among researchers – bone buttons. Meanwhile, they can be an interesting evidence oc-

curred when some events. In the village of Borodino excavations carried out because of the 200th anniversary of the great battle.

Л. И. Федорова, В. А. Ткаченко, В. В. Федоров

Местные особенности бытования глиняных курительных трубок в Калуге и окрестностях

Бытование глиняных курительных трубок – одна из самых неизученных страниц материальной истории Калуги. К сожалению, при проведении археологического надзора в процессе ремонтно-строительных работ на территории бывшей крепости в 2010 г. и при археологических работах на территории Гостиного Двора в 2012 г. не было выявлено наличия в данных местах глиняных курительных трубок (Прошкин, 2012. С. 215–227). Но при сносе деревянных домов частного сектора в старой части города, который активно начали осуществлять в 90-х годах XX в., были найдены многочисленные глиняные изделия. Они-то и составили основу частных коллекций глиняных курительных трубок. Среди находок большинство составляют красноглиняные трубки, но встречаются также серо- и белоглиняные, чернолощенные, мореные. Гораздо реже – поливные и фарфоровые. Эти коллекции представляют интерес как памятник бытовой культуры калужан разного достатка.

В течение 20 лет сотрудники Музея ремесла, архитектуры и быта по возможности старались выявить местные коллекции глиняных трубок и исследовать их. В 1992–1993 гг. калужский коллекционер продал одному из музеев 24 глиняные курительные трубки с клеймами. Подробно изучить и сфотографировать их не удалось. Но более 300 целых экземпляров и фрагментов трубок из других собраний удалось описать и сфотографировать. Из них около трети отмечены разнообразными клеймами. Клейма на курительных трубках в основном аналогичны известным московским клеймам (рис. 1). Это солярные знаки (розетка) или клейма, стилизованные под турецкое клеймо «нишан», птичка или виньетка. На более ранних трубках, сделанных по турецким образцам, мастера на клеймах под-

ражают арабской вязи, позже усиливается стилизация, появляются различные закорючки, виньетки, розетки и т.п. Это связано с тем, что сначала «фальшивые» клейма опирались на подлинные турецкие клейма, а затем началось подражание подражаниям. Возможно, клеймение трубок в Калуге объясняется тем, что до провинциальных городов мода доходила позже и держалась там дольше и более стабильно. Когда мода в столице на клеймение трубок прошла, в Калуге продолжали использовать трубки с различными клеймами.

В 1992–1993 гг. при сносе домов на Красной Горе в исторической части города найдены припрятанные в земле остатки медного сосуда объемом около ведра, заполненного белоглиняными голландскими курительными трубками с высокой тонкостенной чашечкой и длинным тонким мундштуком. Для таких трубок заранее вручную формовалась заготовка. У нее намечались чашечка и мундштук, затем заготовку помещали в двухсоставную форму, прессовали, выдавливали полость чашечки и особым инструментом протыкали канал в мундштуке, соединяя с ним полость чашечки.

Калуга долгое время была пограничным городом на западных окраинах России, где только с 1697 г. официально было разрешено продавать и курить табак русским людям. Со слов немецкого путешественника Адама Олеария, в 1634 г. за продажу табака и водки в Москве наказывали кнутом. Он был свидетелем того, как таким преступникам дали 25 ударов кнутом из воловьей жилы с тремя хвостами из невыделанной лосиной кожи. После наказания виновным повесили на шею по рожку с табаком, а продававшим водку – по склянке с этим напитком. В таком виде их вели по городу, продолжая бить кнутом, и лишь потом отпускали.

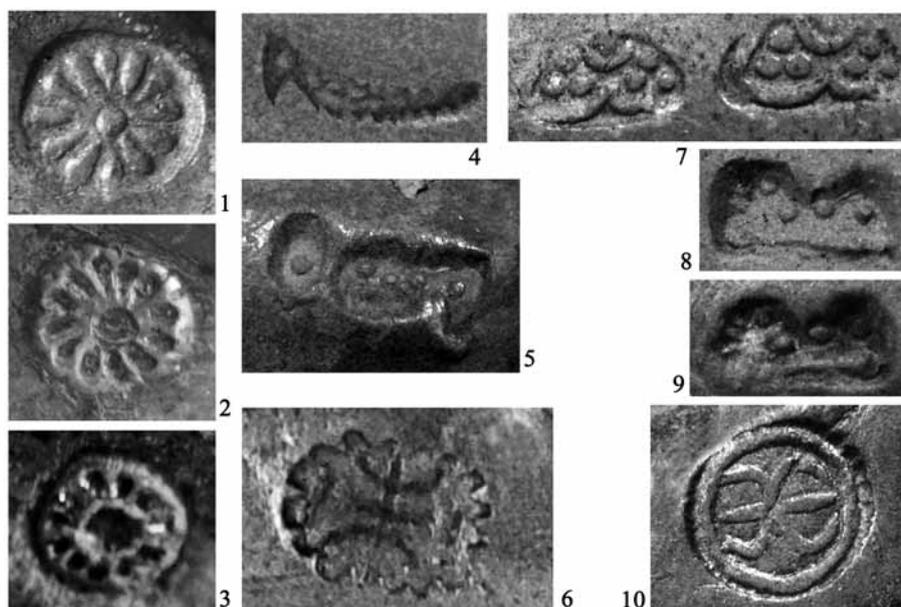

Рис. 1. Клейма на калужских глиняных трубках

1, 2, 3 – клейма «розетка»; 4, 5 – подражание клейму «птичка»;
6, 10 – подражание надписям; 7, 8, 9 – подражание клейму «ниشان»

За употребление табака людям в Москве во времена Олеария рвали ноздри (Ключевский, 1991. С. 105, 106). При Петре I, в 1699 г., монопольное право торговать в Москве и всех городах России табаком, табачными трубками, коробочками и другими табачными принадлежностями было передано на шесть лет английской табачной компании. Это позволило ее представителю Карлу Гутфелю в 1701–1702 гг. развернуть деятельность в трех регионах Российского государства: Смоленском, Брянском и Калужском, включая Мещовский и Козельский уезды. Карл Гутфель способствовал распространению сбыта американского табака в этих уездах, а также занимался скупкой пеньки. В 1701–1702 гг. он вывез половину всей пеньки, закупленной здесь иноземцами. Русская пенька была ходовым сырьем на биржах Лондона и Амстердама, поэтому операции с нею приносили английской компании большие прибыли (Кондратенко, 1998. С. 48, 49).

Интересна челобитная Жданова, написанная в 1700 году: «...Бьет челом великобританской и высокопочтенной господина Перегринна Лорд Маркиза Фон Кармартена, учрежденного его Ивана Ивановича Фальдорта прикащикъ его Матюшка Ждановъ. Милосердный великий государь, пожалуй меня сироту своего, вели мне Матюшке на Чердыне, на посаде, и въ чердынскихъ уездах, в разных станах давать для табачной продажи

стойлые двory...» (Прыжов, 1868. С. 125). Подобный «стойлый двор» мог находиться на месте калужской находки голландских трубок. Изучить эти трубки, к сожалению, не представилось возможности. Остается надеяться на новые находки. К примеру, в Стокгольме в 1980 г. найдено 700 тыс. штук керамических трубок XVII в. в бочках, при помощи которых они перевозились на морских судах (Уханова, 2009. С. 43, 44). Калуга, расположенная в среднем течении р. Оки, как речной порт, играла большую роль в товарообороте XVIII в. В наказе в Комиссию 1767 г. купцы заявляли, что «калужское купечество торгует не только во все области Ея Императорского Величества Российские порты, но и в другие государства, как то: Англию, Голландию, Пруссию, также в Польшу и многие немецкие коммерческие города» (Малинин, 2004. С. 50). Можно предположить, что приказчики Карла Гутфеля могли привозить свои товары речным путем в такой же таре, то есть в бочках. Не исключено, что упомянутый выше клад трубок из Калуги сформировался из товара, который купец в XVIII в. не смог (или не успел) своевременно сбыть.

Местное старообрядческое население в XVIII–XIX вв. отрицало табакокурение, что тормозило распространение этого обычая на территории города. Еще в те времена, когда курение и хранение табака в России считалось уголовным преступлением,

Рис. 2. Красноглиняные трубки фасона «тахта-чубук»

1 – большая; 2 – средняя; 3 – малая

бытовало мнение, что «литовские люди» были основным источником «чертова ладана».

Тем не менее на территории Калуги и ее окрестностей сохранились глиняные принадлежности для табакокурения, которые можно датировать XVIII–XIX вв. В изученном калужском материале преобладают поздние формы красноглиняных курительных трубок второй половины XVIII–XIX в. фасона «тахта-чубук» разных размеров, изготовленных в двусоставных формах, а затем орнаментированных (рис. 2). Термин «тахта-чубук» упоминается в трактате Шарля Пейсонеля о торговле на Черном море (Волков, Новикова, 1996. С. 135). Этот фасон трубок имел восьмигранную втулку с килем и валиком, десятигранную чашечку с венчиком, выделенным рельефным валиком. Ребра между гранями чашечки и венчика подчеркнуты двойными разделительными линиями, ограничивающими орнаментальные поля. Большинство бытовавших в Калуге глиняных трубок имеют орнамент, нанесенный разнообразными торцевыми штампами: в виде полупальметок, треугольных пирамидок, солнечных розеток, отгисков кольцевого штампа «каури», прокаткой зубчатым колесиком или рейкой.

В 1840-х годах трубки отделялись менее тщательно, по углам граней вертикальные линии прорезались наискось, на некоторых трубках имеется неполная орнаментация, высота чашечки уменьшается. Трубки фасона «тахта-чубук» относятся к дешевому массовому производству, что связано с расширением слоев населения, употреблявшего табак. На территории Москвы существовало трубочное производство, отходы которого обнаружены в окрестностях Новоспасского монастыря, неподалеку от Гончарной слободы. Но после 1870 г., по мнению коллекционеров, трубки

фасона «тахта-чубук» не встречаются вовсе (Кель, 2008. С. 12–13).

При земляных работах в исторической части Калуги выявлены места, в которых концентрировалось большое количество фрагментов курительных трубок фасона «тахта-чубук». Это позволяет предположить, что в таких местах стояли питейные дворы, которые централизованно закупали глиняные трубки. О том же свидетельствуют письменные источники: трубки фабрики Гребенщикова в Москве приобретал Каменноостровский питейный дом, поскольку у Гребенщикова была привилегия поставлять трубки на питейные государевы дворы (Логинов, 2001. С. 60). По воспоминаниям современников, при питейных заведениях имелись специальные комнаты, в которых разрешалось курить. В них же продавался табак, имелись трубки и деревянные чубуки к ним, горел светильник, от которого можно было разжечь табак в трубке. По разным письменным источникам, мундштук к чубукам, как правило, был индивидуальным. Поскольку трубкой мог воспользоваться любой посетитель, возможны нарушения правил чистки трубок от остатков табака, смолы и пепла. Трубки постепенно разрушались, становились непригодными к использованию. Таким образом битые трубки скапливались в культурном слое.

Последовательное изучение гончарного производства Калужской губернии привело нас к предположению, что в керамических мастерских Гончарной слободы Калуги могли изготавливать и глиняные курительные трубки. Большое количество однотипных трубок, найденных в Калуге, и обнаруженная в 2007 г. около старой калужской переправы, напротив храма Казанской Божьей Матери, керамическая половинка формы для изготовления

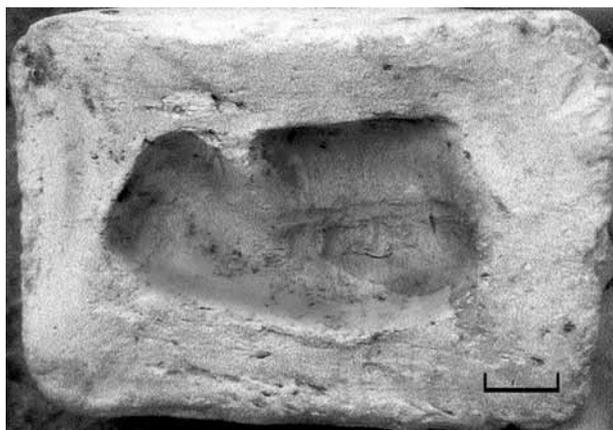

Рис. 3. Форма из глины для изготовления глиняных курительных трубок

глиняных трубок позволяет предполагать, что в Калуге было налажено их изготовление. В такой форме могла прессоваться трубка с гладкими стенками, с последующим нанесением орнамента различными штампами (рис. 3). Найденная форма была браком, поэтому и сохранилась. Она обнаружена всего в 100 м от остатков гончарных горнов, которые так и остались неизученными.

На II (XVIII) Всероссийском археологическом съезде в Суздале, еще в 2008 г., нами было высказано предположение, что часть глиняных курительных трубок изготавливалась в мастерских, где формовались круглые глиняные игрушки-погремушки (Федорова, Ткаченко, 2008. С. 525). Погремушки XVIII–XIX вв. оттискивались в разъемных цилиндрических формах с дном в виде полусферы. Круговые орнаменты на поверхности изделий выполнены вручную как зубчатыми рейками, так и зубчатыми колесиками. На некоторых изделиях орнамент нанесен штампом в виде солнечной розетки. Подобные штампы и розетки встречаются и на глиняных трубках. На одном из фрагментов шарообразной погремушки встречен оттиск торцевого штампа «каури» с бугорком 7×3 мм в центре. Такой элемент орнамента распространен на курительных трубках фасона «тахта-чубук» из Калуги (рис. 4).

Косвенным подтверждением того, что курительные трубки могли изготавливаться небольшими партиями и, скорее всего, по заказу, служит коллекция черномореных трубок, экспонируемых в Музее ремесла, архитектуры и быта. Среди них можно выделить оригинальную антропоморфную

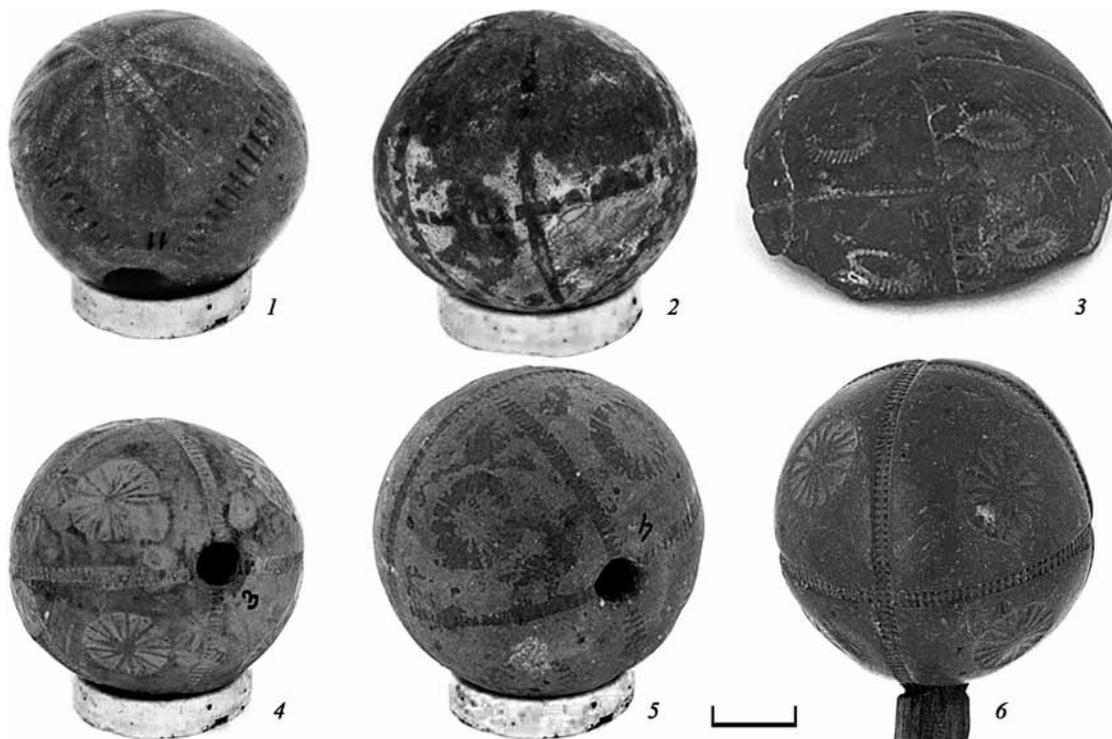
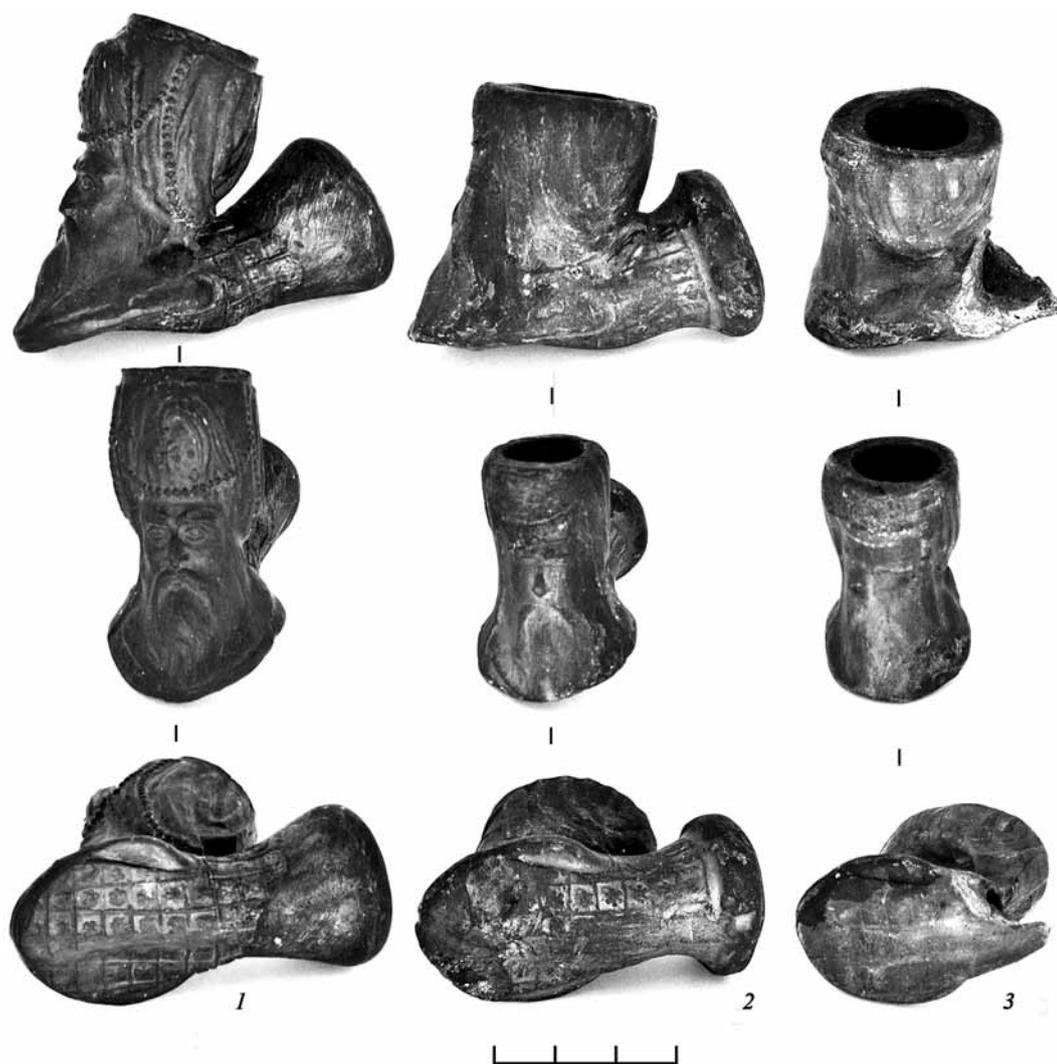

Рис. 4. Круглые глиняные погремушки. Калуга, XVIII–XIX вв.

1, 2 – линейно-зубчатый орнамент; 3 – орнамент, нанесенный оттиском торцевого штампа «каури»; 4, 5, 6 – орнамент «розетка», нанесенный торцевым штампом

Рис. 5. Антропоморфные черноглиняные трубки

- 1 – антропоморфная черноглиняная трубка, изготовленная в рельефной форме;
 2 – антропоморфная черноглиняная трубка, изготовленная в форме, снятой с трубки № 1;
 3 – антропоморфная черноглиняная трубка, изготовленная в форме, снятой с трубки № 2

черномореную курительную трубку, которая послужила моделью для местного производства, а также копии с нее, изготовленные, по всей видимости, в местных гончарных мастерских (рис. 5, 1–3). Технологические особенности производства и использования формы для копирования изделий из глины приводят к усадке копий и визуально заметному уменьшению их линейных размеров по сравнению с оригиналом, что мы и видим, сравнивая привозной оригинал (рис. 5, 1) и первую копию курительной трубки местного производства (рис. 5, 2). Утрата первичной модели, как мы полагаем, потребовала изготовления новой трубочной формы, матрицей для которой послужила уже одна из копий, снятых с оригинала.

В калужских коллекциях глиняных курительных трубок довольно часто встречается иной фасон трубок, условно называемый «полунарцисс». Три подобные трубки заслуживают особого внимания, т. к. одна из них имеет клеймо с датой. Эта красноглиняная трубка, которая не была в употреблении. Основными ее составляющими являются втулка с килем и валиком, чашечка и венчик. Втулка восьмигранная, валик не имеет выраженного выделения с внешней стороны втулки, но разделен орнаментированным треугольниками желобком со стороны втулки. В нижней части втулки имеется киль, проходящий по нижней уплощенной части чашечки, выделенный прокатом широкого колесика. Справа идет узкая полоса колесика,

Рис. 6. Красноглиняные трубки, фасон «полунарцисс», XIX в.

переходящая в широкую, слева – равномерно широкая. Чашечка отделена от венчика семигранным валиком и прокаткой широкого колесика по окружности. Сохранился фрагмент гладкого венчика, орнаментированного двумя узкими полосками, прорисованными по сырой глине, и широким колесиком. На втулке справа имеется клеймо в виде овала с цифрами 1845 и точкой.

Вторая трубка была в употреблении. У нее отсутствует орнамент выше двух полосок, нанесенных по сырой глине колесиком. На втулке справа – фигурное клеймо с непонятной надписью буквообразными знаками.

Анализ внешних признаков третьей трубки позволяет предполагать ее изготовление в той же форме, что и две предыдущие. Она не была в употреблении. У нее полностью отсутствует венчик, но видна широкая полоса, нанесенная колесиком, отделяющая чашечку от венчика. Фигурное клеймо, похожее на клеймо второй трубки, находится на втулке не справа, а слева. По словам владельца

коллекции, найдены все три трубки при сносе одного строения в центральной части Калуги (Федорова, Ткаченко, 2009. С. 231–232).

В 2010 г. была выявлена глиняная курительная трубка, бывшая в употреблении, имеющая клеймо в виде овала с цифрами 1845 и точкой. По размерам она схожа с тремя вышеописанными трубками. Втулка у нее восьмигранная, валик, как и у других трубок, не имеет выраженного выделения с внешней стороны втулки. Но желобок орнаментирован более мелкими треугольниками, чем у первой. В нижней части втулки имеется овальный в сечении киль. Он проходит по нижней уплощенной части круглой чашечки, отделен от втулки уступом и прокатом широкого колесика вдоль него. В данном случае втулка трубки идентична втулкам трубок «полунарцисс», а примыкающая чашечка повторяет в увеличенном виде форму трубки «малого фасона». Оба годовых клейма «1845» на изученных трубках проставлены одним штампом, изготовленным с особой тщательностью. Клеймо с цифрами не позволяет отнести

его к разряду счетных (такие клейма обычно представляют собой отдельные цифры, которые ставят при надобности на изделие в нужных сочетаниях). При исследовании с помощью микроскопа (увеличение в 32 раза) изломов черепка трубок выявлена идентичность структуры глиняного теста, из которого они изготовлены. Таким образом, вероятнее всего, все описанные нами глиняные курительные трубки можно датировать 1845 г. (рис. 6).

Исходя из географических и экономических аспектов, свойственных Калужской губернии XVIII–XIX вв., нами был выявлен ряд факторов, с одной стороны, способствующих распространению табакокурения на описываемой территории, с другой же – препятствующих этому процессу. Так, факторы, способствующие распространению табакокурения, можно объединить в четыре категории.

1. Благоприятное географическое положение Калуги, влияние культурных традиций не только восточных районов России, но и западных.

2. Расположение на одной из главных водных артерий России, статус города – речного порта, торговавшего со многими странами и принимавшего у себя торговых гостей.

3. Наличие в городе гончарной слободы, запасов разнообразных сортов глины для всевозможных глиняных изделий и квалифицированных специалистов для изготовления курительных трубок.

4. В городе было создано достаточное количество специализированных заведений, где люди могли поесть и выпить.

Основным фактором, тормозившим распространения табакокурения в Калуге и окрестностях среди прежде всего местного населения, было старообрядчество. Доказательством экономической значимости религиозно-этических традиций коренного населения, противодействующих распространению табакокурения на калужских землях, могут послужить сведения о том, что представитель английской табачной компании по Калужскому краю Карл Гутфель, намеревавшийся менять в Калужской губернии табак на пеньку, уже в 1702 г. прекратил поставку табака в Калугу и ее окрестности и занялся лишь скупкой пеньки (*Кондратенко*, 1998. С. 48, 49).

Этими же факторами определяется высокий процент среди изученного материала дешевых красноглиняных трубок «тахта-чубук», вероятно, используемых в питейных заведениях. Большое разнообразие в ассортименте глиняных трубок, бытовавших в Калуге, можно объяснить предприимчивостью гончаров, которые смогли наладить производство, способное заинтересовать индивидуальных пользователей. Культура трубочного табакокурения в Калуге приходит в упадок в связи с появлением моды на курение папирос и сигарет.

Литература

Волков И. В., Новикова Г. Л., 1996. Красноглиняные «турецкие» курительные трубки в собрании Музея истории города Москвы // Тр. МИГМ. М.

Кель К., 2008. Московские курительные трубки // Родная старина. № 3. М.

Ключевский В. О., 1991. Сказания иностранцев о московском государстве. М.

Кондратенко А. И., 1998. Золотой век конопли. Орел.

Логинов В., Скальский Ю., 2001. И ваши дни благословенны... М.

Малинин Д. И., 2004. Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга.

Прошкин О. Л., 2012. Исследования на территории бывшей Калужской крепости // АП. Вып. 8.

Прыжов И. Т., 1868. История кабаков в России в связи с историей русского народа. М.

Уханова И. Н., 2009. Курительные трубки XVIII – начала XIX века. СПб.

Федорова Л. И., Ткаченко В. А., 2008. Комплексный подход к изучению производства глиняных курительных трубок XVIII–XIX вв. // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.

Федорова Л. И., Ткаченко В. А., 2009. Датированная глиняная курительная табачная трубка из Калуги // Вопросы истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга.

L.I. Fedorova, V.A. Tkachenko, & V.V. Fedorov

Regional specifics concerning clay tobacco-pipes in Kaluga and its surroundings

Summary

This paper presents detailed descriptions of clay tobacco-pipes from the C19th, as found during the reconstruction of buildings in the historic city centre

of Kaluga. The pipes are presented in the context of written information concerning tobacco smoking in Kaluga in the C18th and C19th.

Список сокращений

АВСЗ	– Археология Владимиро-Суздальской земли
АКР	– Археологическая карта России
АН БССР	– Академия наук Белорусской ССР
АО	– Археологические открытия
АП	– Археология Подмосковья: материалы научного семинара
АСЭИ	– Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.
АФЗХ	– Акты феодального землевладения и хозяйства.
БМК	– Большое московское кольцо, автодорога
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГРМ	– Государственный Русский музей
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ДДГ	– Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей
ЗГИХМЗ	– Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник.
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИГ РАН	– Институт географии Российской академии наук
ИПЭЭ	– Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН
КИКМ	– Кировский историко-краеведческий музей (Киров Калужская область).
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии РАН.
КУАК	– Калужская Ученая Архивная Комиссия.
ЛС	– Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история.
МАО	– Московское археологическое общество
МарАЭ	– Марийская археологическая экспедиция
МГРИ	– Московский геолого-разведочный институт
МГУ	– Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МИГМ	– Музей истории города Москвы
МИРМ	– Музей истории и реконструкции города Москвы
МК	– Московская керамика: новые данные по хронологии
МК МО	– Министерство культуры Московской области
МРАиБ	– Музей ремесла, архитектуры и быта г. Калуги
НИОР РГБ	– Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки им. В. И. Ленина
ННЗ	– Новгород и Новгородская земля. История и археология
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
ПЭ	– Подмосковная экспедиция ИА РАН
РА	– Российская археология
РАН	– Российская академия наук
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГБ	– Российская государственная библиотека им. В. И. Ленина
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд
РИБ	– Русская историческая библиотека
РК	– Разрядные книги
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СПГИХМЗ	– Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник

ТАС	– Тверской археологический сборник
ТвГУ	– Тверской государственный университет
ТГОМ	– Тверской государственный объединенный музей
Тр. ГИМ	– Труды Государственного исторического музея
ТТЗ	– Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья
УдмИИЯЛ УрО РАН	– Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН
ЦАИ	– Центр археологических исследований
ЦГИАМ	– Центральный государственный исторический архив г. Москвы
ЦМИАР	– Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублёва (Москва)
JAS	– Journal of Archaeological Science
JGS	– Journal of Glass Studies

Сведения об авторах

- Азаров Евгений Сергеевич* – Государственный исторический музей, г. Москва
- Алексеев Алексей Викторович* – Институт археологии РАН, Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, г. Звенигород (Московская обл.)
- Бабкина Елена Викторовна* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Баранов Николай Анатольевич* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Беркович Владимир Адольфович* – ООО «Археологические изыскания в строительстве», г. Москва
- Богомолов Виталий Владимирович* – Центр по охране и использованию памятников истории и культуры, г. Тула
- Векслер Александр Григорьевич* – Межрегиональная общественная организация «Наследие», г. Москва
- Вишневецкий Владимир Игоревич* – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, г. Сергиев Посад Московской обл.
- Войцик Андрей Альфредович* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Володин Евгений Олегович* – Центр по охране и использованию памятников истории и культуры, г. Тула
- Высоцкий Александр Леонидович* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Гольева Александра Амуриевна* – Институт географии РАН, г. Москва
- Гусаков Михаил Георгиевич* – ООО «Археологические изыскания в строительстве», г. Москва
- Добровольская Мария Всеволодовна* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Елкина Ирина Игоревна* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Жилина Наталья Викторовна* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Завьялов Владимир Игоревич* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Заидов Олег Ниязбегович* – Центр по охране и использованию памятников истории и культуры тульской области, г. Тула
- Зейфер Владимир Александрович* – Переславль-Залесский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, г. Переславль-Залесский (Ярославская обл.)
- Клещенко Екатерина Андреевна* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Коваль Владимир Юрьевич* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Костылёва Елена Леонидовна* – Ивановский государственный университет, г. Иваново
- Кравцов Андрей Евгеньевич* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Кренке Николай Александрович* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Лавриков Михаил Владимирович* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Лазукин Александр Викторович* – Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, г. Звенигород (Московская обл.)
- Лихтер Юлия Абрамовна* – ООО «Археологические изыскания в строительстве», г. Москва
- Малых Сергей Витальевич* – ООО «Столичное археологическое бюро», г. Москва
- Мазурок Оксана Ивановна* – Переславль-Залесский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, г. Переславль-Залесский (Ярославская обл.)
- Марьенкина Татьяна Анатольевна* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Медведь Александр Николаевич* – Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва
- Меньшиков Максим Юрьевич* – ООО «Столичное археологическое бюро», г. Москва
- Модин Игорь Николаевич* – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва
- Модин Роман Николаевич* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Новоселова Татьяна Николаевна* – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, г. Сергиев Посад (Московская обл.)
- Патрик Галина Константиновна* – ООО «Археологические изыскания в строительстве», г. Москва
- Прошкин Олег Леонидович* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Раева Вера Александровна* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Свиркина Наталья Геннадьевна* – Муниципальное учреждение «Коломенский археологический центр», г. Коломна (Московская обл.)

Сидоров Владимир Владимирович – Институт археологии РАН, Москва
Смирнов Алексей Николаевич – Государственный историко-литературный музей-заповедник
А. С. Пушкина в с. Большие Вяземы, Одинцовский р-н Московской обл.
Столяров Евгений Васильевич – Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник
«Куликово поле», с. Монастырщина (Кимовский р-н Московской обл.)
Столярова Екатерина Карленовна – Институт археологии РАН, г. Москва
Сыроватко Александр Сергеевич – Муниципальное учреждение «Коломенский археологический центр»,
г. Коломна (Московская обл.)
Тавлицева Екатерина Юрьевна – Музей Москвы, г. Москва
Ткаченко Владимир Алексеевич – Музей ремесла, архитектуры и быта, г. Калуга
Трошина Алла Андреевна – Институт археологии РАН, г. Москва
Турова Ирина Валерьевна – Институт географии РАН, г. Москва
Фатков Алексей Михайлович – Институт археологии РАН, г. Москва
Федоров Владимир Владимирович – Музей ремесла, архитектуры и быта, г. Калуга
Федорова Людмила Ивановна – Музей ремесла, архитектуры и быта, г. Калуга
Фролов Андрей Сергеевич – Фонд содействия охране памятников археологии «Археологическое
наследие», г. Москва
Хухарев Владимир Владимирович – ТНИИР-центр, г. Тверь
Цыбин Михаил Владимирович – Воронежский государственный университет, г. Воронеж
Чернов Сергей Заремович – Институт археологии РАН, г. Москва
Шебанин Геннадий Алексеевич – Центр по охране и использованию памятников истории и культуры
Тульской области, г. Тула
Шеков Александр Владимирович – Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого, г. Тула
Шполянский Сергей Владимирович – Государственный исторический музей, г. Москва
Щербаков Виталий Владимирович – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный
музей-заповедник, г. Сергиев Посад (Московская обл.)
Энговатова Ася Викторовна – Институт археологии РАН, г. Москва
Яганов Андрей Викторович – Институт археологии РАН, г. Москва
Янишевский Борис Евгеньевич – Институт археологии РАН, г. Москва
Янишевский Олег Борисович – Институт археологии РАН, г. Москва

Научное издание

Археология Подмосковья. Выпуск 11
Материалы научного семинара

Корректор: Е. В. Буйда
Верстка: В. Б. Степанов
Художники: А. В. Голикова, Н. С. Сафронова

Подписано в печать 11.02.2015
Формат 60х84/8. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 65,0. Уч.-изд. л. 72,9.
Тираж 200 экз. Заказ № 14.

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Аквариус»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел.: (4872) 47-08-71, тел./факс: (4872) 49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru, <http://www.grif-tula.ru>

ISBN 978-5-94375-176-9

9 785943 751769

